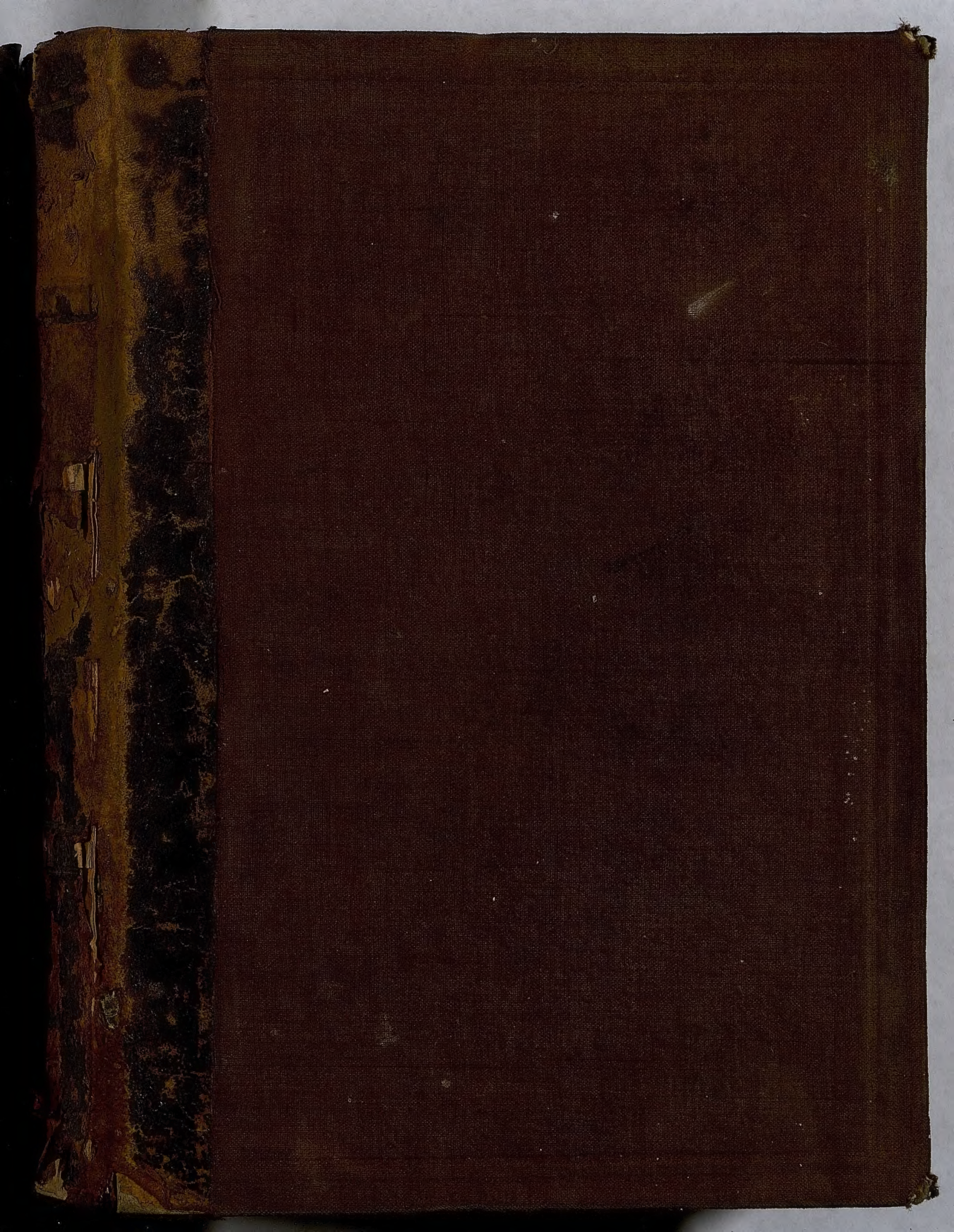

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1880.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

АРТ. МАТВѢЕВЪ · БОР. ГОЛИЦЫНЪ · ГОЛОВИНЫ

ПОСОШКОВЪ · ШАФИРОВЪ · МАКАРОВЪ

ЯК. ДОЛГОРУКОВ · МЕНШИКОВ · ШЕРЕМЕТЕВ · ѲЕОФАН · ПРОКОПОВ

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ

КАНТЕМИР · ВОЛЫНСКІЙ

ЛОМОНОСОВ · ЯК. ШАХОВСК · БЕСТУЖЕВ · РЮМ · ИВ. ШУВАЛОВ

ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ

Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ

ДАШКОВА · ОРЛОВЫ · ПОТЕМКИН · РУМЯНЦОВ · СУВОРОВ · БЕЗБОРОДКО · БЕЦКОЙ · НОВИКОВ

ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД. МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ

ПАСКЕВИЧ · ВОРОНЦОВ · ЛЕРМОНТОВ · ГОГОЛЬ · М. ГЛИНКА · ЖУКОВСК · БЛУДОВ

СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

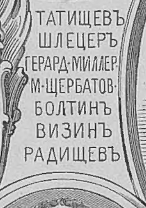
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XXIX.

1880.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. А. Шарлемань. рис. К. Брожъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ

1814 —1879.

Приложеніе къ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г.
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 іюля 1880 г.

Гравировано въ Лондонѣ.
Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

с ъ 1803-го г о д а.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Можетъ показаться страннымъ и, пожалуй, самонадѣяннымъ издавать свои Воспоминанія или, все тоже, свою жизнь, ничего незначущему человѣку.

Но если этотъ человѣкъ родился въ первыхъ годахъ этого столѣтія и еще живетъ въ послѣдней его четверти, то это показываетъ, что онъ довольно жилъ, а если къ этому онъ много испыталъ и много видѣлъ и размышлялъ о проходившихъ передъ его глазами необыденныхъ явленіяхъ, уже ставшихъ исторіей, то думаю, что Воспоминанія такого, хотя ничтожнаго, человѣка могутъ показаться не безъинтересными для людей мыслящихъ и любознательныхъ.

Онѣ не безъинтересны уже потому, что перенесутъ читателя во времена Александра I-го, теперь уже довольно отдаленныя, напомнятъ нѣсколько о людяхъ той эпохи, познакомятъ нѣсколько съ духомъ того времени, съ тогдашнимъ воспитаніемъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ несчастнымъ происшествіемъ 14-го декабря 1825-го года, въ которомъ пишущій, къ несчастію, былъ самымъ фанатическимъ участникомъ. Затѣмъ перенесутъ его въ мрачное уединеніе каземата Петропавловской крѣпости и въ отдаленныя страны Сибири и Кавказа, въ среду людей всѣхъ слоевъ общества. Въ воспоминаніяхъ этихъ читатель также увидитъ, какъ люди съ прекрасными чувствами и стремленіями, мгновенно выступившіе на политическое поприще и также мгновенно, хотя и небезслѣдно исчезнувшіе, могли сознательно усвоить и принять коварное іезуитское правило «цѣль освящаетъ средства».

Не безъинтересно будетъ также увидѣть, какъ много можетъ природа человѣка перенести, какъ можетъ со всякою жизнью примириться, ко всему привыкнуть и ужиться съ людьми всѣхъ положеній; и какъ люди, лишен-

ные всѣхъ гражданскихъ правъ, при полномъ изверженіи изъ своей прежней высокой среды, при всѣхъ лишеніяхъ въ странахъ пустынныхъ и дикихъ, могли сохранить все спокойствіе духа и достоинство человѣка, развивать благотворную дѣятельность въ тѣхъ тѣсныхъ кружкахъ, гдѣ были поставлены Провидѣніемъ, и бо́льшая часть лицъ, извѣстныхъ составителю этихъ «Воспоминаній», вполнѣ сознали уже всю пагубу и всю ложь своихъ революціонныхъ идей. Сверхъ того, на пишущемъ эти воспоминанія лежитъ священный долгъ искренней исповѣди предъ Отечествомъ и Исторіей въ тѣхъ дѣйствіяхъ и заблужденіяхъ, которыя причинили столько несчастій, осиротили столько семействъ и, можетъ быть, примѣромъ своимъ увлекли и погубили столько молодыхъ людей, заразившихся жалкой игрою въ революцію. Кто знаетъ, быть можетъ эти „Воспоминанія декабриста" отрезвятъ нѣкоторыхъ и изъ нынѣшнихъ непрошенныхъ радѣтелей народа, который они стараются привести сперва въ ското-образное, а потомъ въ звѣрино-образное состояніе, лишивъ его Бога, алтарей, семьи, всего святаго и благороднаго; а потомъ, возбудивъ къ самоистребленію посредствомъ грабежей, убійствъ, разврата — тѣмъ сдѣлать свое отечество легкой добычей западныхъ ненавистниковъ нашихъ, ихъ вождей, учителей и повелителей.

Но слава и хвала всемогущему защитнику Россіи Господу нашему. Проникнутый православною вѣрою, православный народъ нашъ не допуститъ усилиться этому адскому ученію, а задушитъ его въ самомъ зародышѣ. Можетъ быть, поразмысливши, эти жалкія орудія тьмы увидятъ, что набирать для него въ Россіи пособниковъ, все тоже, что набирать шайки невѣжественныхъ разбойниковъ, сподвижниковъ Стеньки Разина, и другихъ.

Оговорившись такимъ образомъ, смѣло передаю мои „Воспоминанія" печати, если не красно, то, по крайней мѣрѣ, правдиво написанныя. Да послужатъ онѣ развлеченіемъ для однихъ и назиданіемъ для другихъ. Можетъ быть въ нихъ найдутся какія нибудь невѣрности хронологическія или историческія, такъ какъ онѣ занимаютъ большой періодъ времени и многое могло забыться, то прошу любителей старины исправить ихъ; все видѣнное и испытанное описано вѣрно, но можетъ быть не столько вѣрно слышанное.

Москва, 21-го февраля 1879 г.

А. П. Бѣляевъ.

Примѣчаніе отъ Редакціи. Печатаемыя нынѣ „Воспоминанія" Александра Петровича Бѣляева, имѣвшаго несчастіе быть сосланнымъ въ 1826-мъ году, въ числѣ главныхъ лицъ, въ Сибирь за участіе въ такъ называемой „декабрьской" смутѣ 1825-го года,—указаны намъ знаменитымъ нашимъ писателемъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Онъ читалъ эти „Воспоминанія" и, какъ свидѣтельствуетъ ихъ авторъ: „сдѣлалъ на поляхъ рукописи много отмѣтокъ; согласно съ указаніями гр. Л. Н. Толстаго, пишетъ

г. Бѣляевъ, я сдѣлалъ необходимыя прибавленія того, что мною было упущено. Онъ-же и поощрилъ меня къ изданію этихъ воспоминаній, начатыхъ много лѣтъ тому назадъ съ единственною цѣлью помянуть сердечнымъ, благодарнымъ словомъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми сводила судьба въ различныхъ обстоятельствахъ жизни и которыхъ прекрасныя, возвышенныя чувства и добродѣтели восторгали меня и плѣняли мое сердце. Эти-то, какъ я думалъ, благородные образы, будучи выведены изъ забвенія давно минувшихъ временъ, должны имѣть благотворное вліяніе на людей способныхъ понимать и усвоять прекрасное". Ред.

Глава I.

Посвящается памяти родителей.

Мой отецъ.—Лабзинъ.—Довѣріе императрицы Маріи Ѳеодоровны къ моему отцу.—Управленіе селомъ Ершова графа А. К. Разумовскаго.—Характеръ и привычки отца.—Смерть отца.—Доброта графа А. К. Разумовскаго.—Моя мать.—

1803—1810.

Начну какъ начинаютъ романисты: Я родился «отъ бѣдныхъ и благородныхъ родителей». Отецъ мой, прослуживъ тридцать пять лѣтъ въ военной службѣ при Екатеринѣ II и Павлѣ, вышелъ въ отставку уже при Александрѣ I. Онъ служилъ въ рязанскомъ пѣхотномъ полку, дѣлалъ турецкія и шведскую кампаніи и былъ георгіевскимъ кавалеромъ. По преданію, дошедшему до насъ, дѣтей его (мнѣ было семь лѣтъ, когда онъ скончался), это былъ человѣкъ чрезвычайно твердый, мужественный и прямой, нетерпѣлъ лжи, хитрости, любилъ правду до фанатизма и слово его было свято.

По смерти его отца, а моего дѣда, екатерининскаго секундъ-маіора, по разсказамъ матушки, онъ былъ дядею по матери взятъ на воспитаніе, потомъ опредѣленъ имъ на службу солдатомъ въ полкъ, которымъ онъ командовалъ и отецъ мой съ пятнадцати лѣтъ уже сталъ дѣлать походы. Дядя его былъ суровый, строгій, непреклоннаго характера начальникъ, и хотѣлъ съ раннихъ лѣтъ пріучить его ко всѣмъ трудамъ и тягостямъ нашей русской богатырской военной службы. Отецъ разсказывалъ, что часто до крови растиралъ себѣ во время похода ноги и не смѣлъ заикнуться объ этомъ. Для своего времени, отецъ мой былъ очень образованнымъ человѣкомъ, превосходно зналъ нѣмецкій языкъ, нѣмецкую литературу, а также, какъ видно, усвоилъ отчасти и нѣмецкую философію того времени. Послѣ

него осталась порядочная библіотека нѣмецкихъ сочиненій, англійскія же и французскія были въ переводѣ нѣмецкомъ или русскомъ; книги эти указывали на его любознательность и на серьезное направленіе ума. Вѣроятно, вслѣдствіе тогдашняго мистическаго настроенія, онъ былъ масономъ, и одно время секретаремъ въ ложѣ Лабзина и его другомъ. Между близкими ему масонами были: Поздѣевъ, графъ Разумовскій, князь Гагаринъ, Звѣревъ, Грабе, другихъ не припомню. Помню, что когда я былъ въ отпуску въ 1820 и 1821 годахъ, матушка получала письма отъ Лабзина изъ Пензы, куда онъ потомъ былъ переведенъ, высланный изъ Петербурга, кажется, въ Пермь, за то, что, бывъ вице-президентомъ академіи художествъ, подалъ голосъ противъ принятія «почетнымъ членомъ» графа Аракчеева, котораго пріемъ мотивировали близостью къ государю, на что будто бы онъ возразилъ, что Ильюшка кучеръ то же близокъ къ государю. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда всѣ говорили о немъ. Мнѣ извѣстны только нѣкоторыя черты его характера, слышанныя отъ матушки мною. Такъ, онъ самъ вполнѣ сознавалъ рѣзкость и строптивость своего характера и какъ онъ былъ человѣкъ весьма религіозный, то говаривалъ: «если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ». Отецъ, какъ мнѣ передавали, имѣлъ на него сильное и умѣряющее вліяніе; по общему голосу того времени, это былъ мужественный поборникъ правды и добра.

Не смотря, однакожъ, на преданность отца моего нѣмецкой и вообще европейской культурѣ, онъ былъ вполнѣ русскимъ православнымъ человѣкомъ и добрымъ христіаниномъ, съ твердою и пламенною любовью къ Богу. Когда я, бывъ въ отпуску 17-ти лѣтнимъ офицеромъ, выпущеннымъ изъ морскаго корпуса, посѣтилъ многихъ изъ его близкихъ знакомыхъ и друзей, то всѣ помнившіе его мужчины и дамы съ увлеченіемъ говорили мнѣ о его высокихъ качествахъ и о его увлекательномъ краснорѣчіи, когда онъ говорилъ о Богѣ. Слыша такіе восторженные отзывы о немъ, я не могъ не гордиться такимъ отцемъ и не принять его за свой идеалъ, хотя для меня и недоступный! Онъ былъ горячимъ патріотомъ, и какъ-то однажды вечеромъ, читая въ газетахъ о созывѣ ополченія въ 1805 году, сказалъ матери нашей: «ну, мой другъ, если одна непріятельская нога переступитъ нашу границу, я снова вступаю въ военную службу».

По выходѣ изъ военной службы, онъ поступилъ въ гражданскую, въ учрежденіе императрицы Маріи Θеодоровны, которая очень цѣнила его за его правдивость и честность, и даже удостоивала его своею особенною довѣренностью. Такъ, однажды, когда дошли

до нея слухи о какихъ-то злоупотребленіяхъ какого-то значительтельнаго лица, она призвала отца и просила его сказать ей всю истину, будучи увѣрена, какъ сама выразила ему, что услышитъ отъ него одну правду. Отецъ, не обвиняя и не защищая это лице, отвѣчалъ императрицѣ, что не имѣя фактическихъ доказательствъ, которыя обязывали бы его прямо открыть злоупотребленія, онъ ничего не можетъ сказать въ такомъ важномъ обвиненіи, особенно предъ Ея Величествомъ. Императрица поняла это благородное молчаніе и сказала, что еще болѣе уважаетъ его за такія прекрасныя правила.

Съ своими строгими правилами онъ не хотѣлъ долго оставаться на службѣ и вышелъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Императрица очень сожалѣла о его выходѣ, а какъ она цѣнила его, представляю слѣдующій фактъ. Когда мать моя, оставшись вдовою съ многочисленнымъ семействомъ, просила о пенсіи за 35-ти лѣтнюю военную службу отца и долго не могла получить ее, императрица, стороной узнавши объ этомъ ходатайствѣ, отъ себя, безъ всякаго прошенія, положила ей 1,000 руб. асс. пенсіи и послѣдняя сестра моя, дѣвица, получала ее до самой смерти. Я не говорю уже о томъ, что она крестила одну изъ моихъ сестеръ и меня.

По выходѣ моего отца изъ службы, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, хорошо его знавшій, предложилъ ему управленіе своими обширными имѣніями въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ. Тутъ выказались и экономическія способности отца моего, такъ что въ теченіи пятилѣтняго управленія, онъ значительно увеличилъ доходы въ имѣніи, несмотря на то, что, по своимъ христіанскимъ правиламъ, обращалъ особенное вниманіе на хозяйство крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ благосостояніе. Онъ, какъ разсказывали крестьяне, скорѣе прощалъ, если встрѣчалъ небрежность на барщинской работѣ, нежели на собственно крестьянской. Онъ былъ очень строгъ, но въ то же время справедливъ, добръ, сострадателенъ, такъ что память о немъ долго сохранялась въ народѣ. Обычныхъ праздничныхъ приношеній управителямъ онъ не терпѣлъ и совершенно вывелъ этотъ обычай крѣпостнаго быта. Изъ Петербурга онъ съ семействомъ переѣхалъ въ Пензенскую губернію, въ село Ершово, чембарскаго уѣзда, близь границы кирсановскаго, гдѣ находилось вотчинное управленіе.

Мы поселились въ большомъ управительскомъ домѣ, который стоялъ въ центрѣ села Ершова. Расположеніе дома было обыкновенное; изъ прихожей со двора входили въ большой довольно залъ, изъ зала на лѣво былъ кабинетъ отца, а влѣво изъ кабинета была спальня, у дверей которой по ночамъ всегда спалъ Валерка, бѣлая лягавая

собака отца, жившая замѣчательно долго, до 26-ти лѣтъ. На право залы была гостиная, а на лѣво семейныя комнаты и дѣтскія.

Первые годы моего дѣтства отъ 2-хъ до 7-ми лѣтъ прошли въ этомъ домѣ. Отецъ мой много читалъ и занимался, по утрамъ въ конторѣ, а по вечерамъ дома. Онъ часто ѣзжалъ по полямъ и другимъ работамъ, такъ какъ въ имѣніи были большіе посѣвы, иногда верхомъ, а иногда въ дрожкахъ, и, въ этомъ случаѣ, бралъ меня съ собой. Въ этихъ поѣздкахъ за нимъ всегда слѣдовалъ козакъ; козаки эти назначались къ управляющимъ въ родѣ вѣстовыхъ изъ Малороссіи, гдѣ у графа Разумовскаго были большія имѣнія. Отецъ очень заботился объ устройствѣ имѣнія; на рѣкѣ Воронѣ построилъ большую каменную мельницу; построенныя имъ оранжереи, кажется, сохранились до нынѣ. Въ 12-ти верстахъ былъ заводъ винокуренный подъ управленіемъ г-на Мирошевскаго, а также и конный заводъ. Ершовское имѣніе было барское, въ полномъ смыслѣ слова, тутъ было все, и рѣдкія фруктовыя деревья въ оранжереяхъ и на берегу рѣки садъ съ испанскими вишнями, теплицы, парники, всевозможныя мастерскія: слесарня, столярная, каретныя и ткацкія. Для пріѣзда графа былъ большой, хотя одноэтажный домъ изъ двадцати комнатъ, съ богатою мебелью и всѣми принадлежностями: флигелями для пріѣзжихъ, превосходной баней, со всѣми приспособленіями при ней, комнатами для отдохновенія съ диванами, кушетками и дорогими коврами, и все это только на случай пріѣзда графа, который при отцѣ не былъ ни разу. Помню, что однажды пріѣзжалъ одинъ изъ сыновей графа, и помню, что онъ, разсердившись за что-то на человѣка, велѣлъ для экзекуціи привязать его къ столбу, къ которому привязывали лошадей, но отецъ, увидѣвъ эти приготовленія изъ окна, тотчасъ пошелъ къ нему и экзекуціи не было.

Отецъ устроилъ также въ Чернышовѣ, верстъ 8 отъ Ершова, восковой заводъ, который очень занималъ его. Онъ самъ дѣлалъ пробу восковымъ свѣчамъ, разставляя ихъ въ кабинетѣ на столахъ; и помню, что въ это время мы уже не смѣли войти въ эту комнату, чтобы малѣйшее колебаніе воздуха не мѣшало правильному горѣнію. Мы, дѣти, очень боялись его, такъ какъ онъ былъ строгъ, но вмѣстѣ съ этимъ чтили и любили его безмѣрно. Когда, послѣ обѣда, онъ отдыхалъ, мы всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ, за то малѣйшая ласка его дѣлала насъ счастливыми. Но не мы одни, а всѣ служащіе въ домѣ и имѣніи очень боялись его и въ то же время любили. Всѣ знали, что его приказанія и распоряженія не могли быть неисполнены въ точности, и это не вслѣдствіе какихъ-либо тяжкихъ наказаній, или побоевъ, которыхъ онъ избѣгалъ, а единственно вслѣдствіе той прав-

ственной силы, какою онъ обладалъ и въ увѣренности, что каждое распоряженіе его было обдуманно и дѣлалось съ полнымъ знаніемъ дѣла. Онъ любилъ порядокъ и точность во всемъ строѣ жизни, какъ въ дѣлахъ обыкновенныхъ, такъ и важныхъ. Былъ очень гостепріименъ, любилъ хорошій столъ, но самъ былъ очень воздержанъ и умѣренъ; курилъ свою пеньковую трубку только три раза въ сутки и, вообще во всемъ, его жизнь можетъ служить образцемъ благотворнодѣятельной и обдуманно-правильной жизни. Онъ не любилъ посредственности; всѣ вещи и вещицы, которыя онъ употреблялъ, были лучшаго качества и изящны, во всемъ была видна печать его своеобразнаго характера. Когда я дорогой, ѣхавши въ отпускъ, потерялъ свой табакъ и матушка отыскала въ кладовой оставшійся послѣ него табакъ, то оказалось, что это былъ лучшій американскій табакъ, извѣстный тогда подъ названіемъ Р. Я.

Помню его бѣлку, которая обращалась съ нимъ очень безцеремонно, такъ что когда ее выпускали изъ клѣтки, она взбиралась на него и пряталась въ его рукавѣ. Помню также, что я этой бѣлки, когда она бѣгала по комнатѣ, сильно побаивался, не смѣя однакожъ высказать своей боязни. Помню также его большаго чернаго ворона, который очень чисто говорилъ: «воронъ слава Богу», «ворону кушать», «Петръ Гавриловичъ» и еще нѣсколько словъ, которыхъ не помню; у него также былъ сурокъ, всегда прибѣгавшій на его свистъ; какъ-то онъ умѣлъ пріучить и крота. По разсказамъ, онъ бралъ рукою змѣю и, стряхнувъ ее, клалъ за пазуху. Онъ любилъ грозу и всегда въ это время выходилъ на крыльце. Онъ отлично стрѣлялъ, фехтовалъ, ѣздилъ верхомъ, словомъ, это былъ человѣкъ замѣчательный и достойный быть принятымъ за идеалъ [1]). Ко всему этому отецъ мой былъ очень красивъ, средняго роста, строенъ, съ правильными чертами лица и очень симпатичнымъ выраженіемъ; у него были большіе выразительные голубые глаза, каштановые волосы, очень густые и, до самой смерти, никто не замѣчалъ, что онъ носилъ маленькую накладку на темени, гдѣ была небольшая лысина. Ни бакенбардъ, ни усовъ онъ не носилъ. Зубы у него были по бѣлизнѣ, правильности, образцемъ совершенства и до самой смерти не было ни одного испорченнаго. Онъ былъ веселаго, ровнаго характера, но очень вспыльчивъ, хотя эта вспыльчивость мгновенно проходила. Въ обществѣ это былъ самый пріятный человѣкъ, какъ отзывались о немъ всѣ его знавшіе. Онъ очень красно говорилъ, что было особеннымъ его даромъ и раз-

---

[1]) Я представилъ его такимъ не потому, что это былъ мой отецъ, но потому, что всѣ его знавшіе знали такимъ, какъ онъ здѣсь описанъ. А. Б.

говоръ его всегда былъ оживленный и увлекательный; любилъ также музыку, инструментами его были гусли, бандура и, какъ говорили слышавшіе его игру, игралъ съ большимъ чувствомъ. По преданію, онъ въ молодости былъ влюбленъ въ свою двоюродную сестру, просилъ у митрополита разрѣшенія жениться, но, получивъ отказъ, покорился уставамъ церкви. Затѣмъ уже, черезъ нѣсколько лѣтъ, находясь съ полкомъ въ Финляндіи, онъ женился въ Выборгѣ, по любви, на одной шведской дворянкѣ Вереніусъ, моей незабвенной матери. Она раздѣляла съ нимъ труды походной жизни и въ это время у нихъ родились двѣ дочери Екатерина и Елизавета, потомъ, уже въ Петербургѣ, родились еще двѣ дочери и послѣднимъ въ Петербургѣ родился я. Меня назвали Александромъ, именемъ государя, которому отецъ мой былъ преданъ до энтузіазма.

Супружество ихъ было счастливо такъ, какъ только оно можетъ быть счастливо. Да и выше супружескаго счастія, при добродѣтельной жизни, нѣтъ въ мірѣ ничего! Самая безграничная любовь, невозмутимый домашній миръ и согласіе, семеро дѣтей, цвѣтущее здоровье, искренніе и любящіе друзья, общее уваженіе, довольство чистой совѣсти, сознаніе исполненнаго долга предъ отечествомъ — все, повидимому, родителямъ моимъ сулило долгую и счастливую жизнь, но Господь въ своихъ неисповѣдимыхъ судьбахъ судилъ иначе и отецъ нашъ умеръ преждевременною смертью.

Однажды, когда онъ былъ въ банѣ, а онъ любилъ русскую баню, и крѣпко парился, прибѣжали сказать, что въ селѣ пожаръ и близко дома управленія. Онъ тотчасъ на-скоро одѣлся, и прямо изъ бани въ сильный морозъ поскакалъ на пожаръ и, распоряжаясь тушеніемъ, простудился и занемогъ; это была его смертельная болѣзнь. Онъ не долго лежалъ больной, а когда почувствовалъ приближеніе смерти, пріобщился св. тайнъ и соборовался; конецъ его приближался. Бѣдная матушка собрала всѣхъ дѣтей предъ образомъ Благовѣщенія и сама въ рыданіи бросилась на землю; но вскорѣ онъ позвалъ ее съ дѣтьми и благословилъ насъ. Увидѣвъ же плачущую мать, сказалъ ей: «не плачь, мой другъ, Богъ ихъ не оставитъ». Эти слова твердой вѣры были какъ бы пророческими. Молодая, 30-ти лѣтняя вдова, съ семью дѣтьми, безъ всякихъ средствъ, — всѣхъ возрастила и всѣмъ дала воспитаніе. Въ послѣднихъ словахъ нашего отца мы научились и помнили всю жизнь, что надо такъ жить, какъ жилъ онъ, чтобы пріобрѣсти ту вѣру и то упованіе, которыя его отличали.

Какъ только графъ Разумовскій узналъ о смерти отца, тотчасъ же предписано было конторѣ выдать его вдовѣ 10,000 руб., что составляло тогда значительную сумму. Дано также предписаніе кон-

торѣ до конца ея дней давать помѣщеніе въ одномъ изъ графскихъ домовъ, прислугу мужскую и женскую, все продовольствіе, экипажъ и лошадей для поѣздокъ. То же положеніе, по смерти графа Алексѣя Кириловича, было утверждено сыномъ и наслѣдникомъ его графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Разумовскимъ, такъ что матушка дѣйствительно тутъ прожила до конца своихъ дней, тутъ кончила свою праведную жизнь и тутъ похоронена въ одной могилѣ съ мужемъ, которому пребыла вѣрна до конца, отвергая дѣланныя ей предложенія. Надъ простымъ кирпичнымъ памятникомъ надъ ихъ могилой, теперь возвышаются огромныя густыя деревья и осѣняютъ ихъ прахъ своею тѣнью.

Когда я, выпущенный изъ корпуса, пріѣхалъ въ Ершово, и какъ это было ночью, остановился въ избѣ, не желая безпокоить матушку, то какъ только узнали, что я былъ сынъ Петра Гавриловича и Шарлоты Андреевны, всѣ сосѣди изъ крестьянъ сошлись въ избу, и тутъ я увидѣлъ, какъ народъ помнилъ, и какъ высоко цѣнилъ моего отца. Сколько разсказовъ тутъ было о немъ и сколько похвалы и благодарности! Эту любовь раздѣляла съ ними и наслѣдовала матушка.

Наружностью мать моя была прекраснымъ типомъ тѣхъ скандинавскихъ женщинъ, красотой которыхъ такъ восхищаются всѣ бывшіе въ Швеціи и Финляндіи. Она была олицетвореніемъ доброты и кротости, что выражалось въ ея прекрасныхъ голубыхъ глазахъ и во всѣхъ чертахъ ея лица и придавало удивительную пріятность и прелесть ея наружности; эта наружная красота была вѣрнымъ отраженіемъ ея душевной красоты. Она съ любовью помогала и снабжала всѣмъ нужнымъ просившихъ ея помощи, сердце ея было исполнено любовью къ Богу и ближнимъ. Домашнее хозяйство ея было образцовымъ. Не смотря на небольшія средства, въ домѣ у нея всегда и всего было въ изобиліи, и она изъ всего умѣла извлекать полезное. Дѣти всегда были одѣты прилично, и съ величайшею опрятностью. Она никогда никого не осудила, и, когда слышала осужденіе, то молчала. Но не смотря на кротость, она была строга, гдѣ было нужно и никогда никто изъ дѣтей не смѣлъ ее ослушаться. Мы любили ее со всею нѣжностью дѣтскихъ сердецъ, и чтили какъ святую. Какъ теперь смотрю на нее, сидящею на диванѣ, всегда занятую какою нибудь работой, на ея прекрасное кроткое лицо, или предъ сномъ читающую, облокотясь на комодъ, свои нѣмецкіе псалмы, при чемъ, когда обращалась благословить насъ, отходившихъ ко сну, помню, что глаза ея всегда были наполнены слезами. Хотя она была лютеранскаго исповѣданія, но дѣтей воспитывала въ строгомъ православіи. По воскресеньямъ, всегда ходила съ нами къ обѣднѣ, и всегда заходила на

могилу отца, который похороненъ былъ у алтаря прекраснаго каменнаго храма, имъ же сооруженнаго. Въ Петровъ же день (память отца) всегда служилась панихида, и, не смотря на многіе годы по смерти отца, она очень плакала. Плачь ея былъ тихъ и только слезы, катившіяся по ея прекрасному, кроткому лицу, свидѣтельствовали о ея скорби. Пройдя часть жизненнаго пути съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ нашъ отецъ и бывъ проникнута любовью къ Богу, она насъ всѣхъ воспитала въ этихъ чувствахъ, которыя, если и не оградили меня отъ различныхъ увлеченій и заблужденій молодости, то, по крайней мѣрѣ, скоро пробудили отъ упоенія и возвратили на истинный путь, который указываетъ намъ христіанская вѣра. Она глубоко чтила нашу православную церковь и, желая не отдѣляться и въ вѣчности отъ всего, что было такъ драгоцѣнно для ея супружескаго и материнскаго сердца, она скончалась въ лонѣ нашей церкви, принявъ мѵропомазаніе и пріобщившись святыхъ таинъ изъ чаши Господней.

Глава II.

Дѣтство и воспитаніе.

Дѣтство.—Няня Палагея и ея разсказы.—Домъ.—Игры.—Дѣтскія приключенія.—Нашествіе французовъ.—Докторъ Марціусъ.—Несчастный случай съ братомъ.—Ученье.—Пріѣздъ Перовскихъ въ Ершово.—Настроеніе умовъ въ Ершовѣ.—Пѣсенникъ.—Отношеніе народа къ побѣжденному врагу.—

1811—1812.

Отдавъ священный долгъ памяти добрыхъ и добродѣтельныхъ родителей, перехожу къ своему дѣтству—дѣтству всегда беззаботному и счастливому.

Какая чудная пора въ жизни человѣка вообще, не разбирая бѣднаго и богатаго, развитаго и простаго, цивилизованнаго и дикаго! Въ смыслѣ физическаго развитія организма, это только ростокъ или почка цвѣтка, но въ этомъ періодѣ цвѣтокъ не имѣетъ еще ни красоты, ни благоуханія, а потому сравненіе и пригодно только для физическаго развитія организма; всматриваясь же въ ребенка въ дѣтскомъ, но уже сознательномъ его возрастѣ, когда онъ уже бѣгаетъ, когда богатыя кудри, расчесанныя нѣжной рукой матери и блестящія, падаютъ на его плечи; всматриваясь въ эти глаза черные или голубые, свѣтящіеся умомъ, какая полная и совершенная красота! Какое полное развитіе! Кто можетъ сказать, въ какой мо-

ментъ, передъ выходомъ изъ лона матери, вставленъ этотъ глазъ въ полномъ его совершенствѣ? Далѣе, всматриваясь въ дѣтскія движенія милыя, граціозныя, вслушиваясь въ эти дѣтскіе голоса нѣжные и гармоничные, въ этотъ милый смѣхъ веселости; наконецъ, вдумываясь въ самый смыслъ дѣтскаго разговора, въ ихъ сужденія, воззрѣнія на всѣ предметы, ихъ окружающіе, мы тутъ увидимъ цѣлый особенный міръ и міръ разумный, полный жизни, хотя и фантастическій! Міръ желаній, надеждъ, всегдашнихъ радостей, изрѣдка, правда, и печалей, но печалей скоро проходящихъ, забываемыхъ, едва задѣвающихъ маленькое сердце, подобно легкой струѣ, пробѣжавшей по гладкой поверхности водъ и мгновенно исчезнувшей.

Сколько уже лѣтъ, пріятныхъ и тяжелыхъ, прошло съ этой счастливой поры, а я и теперь какъ будто вижу нашу маленькую дѣтскую въ Ершовѣ съ низенькимъ круглымъ столомъ, маленькими стульчиками, кроватками и игрушками; какъ теперь вижу солнечный лучъ, освѣщающій эту комнатку какимъ-то тихимъ, радостнымъ свѣтомъ! Живо помню я нашу безподобную няню Палагею, очень красивой наружности, молодую женщину, ея головную повязку, которая, въ дѣтскихъ шалостяхъ нашихъ, бывало слетала съ головы ея и, при этомъ, разсыпáлись ея длинныя русыя косы; помню, какъ она разсказывала намъ чудесныя сказки, иногда до того страшныя, что мы къ ней же прижимались все ближе и ближе, а иногда веселыя, какъ Иванушка дурачекъ куралесилъ и возбуждалъ общій нашъ смѣхъ; какъ Добрыня съ корнемъ вырывалъ деревья, какъ Иванъ-медвѣжье ушко побѣждалъ Кощея; какъ жили старикъ со старухой и Дранички выдралъ мальчикъ Лутонюшка. Все это какъ будто было очень недавно, а между тѣмъ прошло уже болѣе 70 лѣтъ съ тѣхъ поръ! Такова вся наша жизнь. Быстро пролетаютъ дни, мѣсяцы и годы; чередуются однѣ за другими желанія, надежды и стремленія; человѣкъ все ищетъ чего то, избираетъ, изобрѣтаетъ, пріобрѣтаетъ и снова покидаетъ, смѣняя одно другимъ и никогда не достигаетъ чего либо окончательно. Оглянулся, и вотъ за нимъ уже цѣлый строй годовъ, ошибокъ, заблужденій, горестей, радостей, быстро промчавшихся, и жизнь уже на своемъ рубежѣ! Что далѣе? что за рубежомъ этой жизни, полной тревогъ? Счастливъ тотъ, кто вѣруетъ въ Искупителя и на чей жизни нѣтъ темныхъ пятенъ, нѣтъ удручающихъ грѣховъ, не очищенныхъ раскаяніемъ!

Домикъ, куда наше семейство переселилось послѣ смерти отца, состоялъ изъ прихожей съ буфетнымъ шкафомъ, столовой, она же была и заломъ, гостиной съ стариннымъ, корельской березы, диваномъ, передъ которымъ былъ большой овальный столъ, тоже изъ ко-

рельской березы; между окнами, напротивъ, большое зеркало, нѣсколько креселъ и стульевъ, обитыхъ кожей; по стѣнамъ висѣли хорошія гравюры въ простенькихъ рамкахъ. Далѣе была спальня матушки, тутъ же была кроватка младшей сестры, два комода, кресло и по стѣнамъ тоже картины; изъ спальни была дверь въ дѣвичью, гдѣ работали дѣвушки и откуда былъ ходъ въ дѣтскую, и другой въ сѣни и кухню. Вотъ то скромное жилище, гдѣ прошло наше дѣтство, но я увѣренъ, что ни одинъ изъ дѣтей самаго богатаго дома не былъ счастливѣе насъ бѣдняковъ. Противъ дома, на пригоркѣ, возвышалась каменная церковь, въ оградѣ которой мы игрывали на мягкой травѣ, приложившись прежде, по указанію няни, къ мѣдной доскѣ на могильномъ памятникѣ отца. За церковью была большая роща, соединявшаяся съ главнымъ большимъ садомъ, куда мы часто ходили за грибами. Такъ какъ отецъ нашъ былъ воинъ, то и мы еще съ юности получили воинственныя наклонности и всѣ игры наши были воинственны. Множество солдатиковъ, сдѣланныхъ изъ картона, пѣшихъ и конныхъ, выстраивались на большомъ обѣденномъ столѣ и тростниковыми стрѣлами изъ лука мы сражались. Товарищами въ нашихъ играхъ были—сынъ одной г-жи Пальменъ, сосѣдки нашей, мужъ которой служилъ гдѣ-то управляющимъ у графа, и еще дворовые мальчики, дѣти двухъ семействъ, подаренныхъ графомъ нашему покойному отцу. Подаренныхъ! Какъ отдаленно кажется теперь то близкое еще время, когда на Руси дарили, продавали людей, какъ вещи, и какъ великъ Тотъ, Кто имѣлъ мужество положить конецъ этому вѣковому, чудовищному праву! Зимой мы выстраивали изъ снѣга крѣпости и брали ихъ, бросая снѣжками въ осажденныхъ. Лѣтомъ же снѣжки замѣнялись еловыми шишками.

За домомъ управляющаго былъ большой садъ, гдѣ мы гуляли, играли и качались на качеляхъ. Этотъ садъ мнѣ памятенъ и теперь однимъ забавнымъ происшествіемъ. Лѣтомъ я носилъ красный сафьяновый картузъ, а какъ красный цвѣтъ не любятъ павлины, которыхъ много было въ этомъ саду, то, однажды, когда матушка послала меня зачѣмъ-то въ оранжерею, они, завидѣвъ мой красный картузъ, погнались за мною. Я пустился бѣжать, какъ-то упалъ, и павлины налетѣли на мой картузъ, который съ меня свалился; я вскочилъ на ноги и оставивъ въ ихъ власти картузъ, перепуганный и изцарапанный прибѣжалъ домой. Помню также, какъ однажды меня преслѣдовалъ козелъ, котораго я имѣлъ обыкновеніе дразнить; отъ него я успѣлъ едва добѣжать до дома и заперѣть за собою дверь. Онъ въ злости нѣсколько разъ сильно ударилъ лбомъ въ эту дверь, но не отворивъ ее, раздраженный, но всегда серьезный и важный, въ

раздумьи опять отправился къ стаду. Съ тѣхъ поръ я уже побаивался его и не задиралъ. Иногда мои шалости не проходили мнѣ даромъ. Такъ, однажды, по обыкновенію своему, я вскакивалъ съ боку на одного изъ воловъ, которые привозили намъ воду и которые потомъ возвращались съ водовозомъ со двора, я прыгнулъ на него, но на этотъ разъ волъ не захотѣлъ дозволить мнѣ потѣшаться надъ собою, и сбилъ меня, ударивъ задней ногой по моимъ ногамъ, что причинило мнѣ сильную боль. Я отлетѣлъ и упалъ, но не смотря на боль тотчасъ же вскочилъ, когда увидѣлъ рогатую голову, злобно обратившуюся на меня и полагалъ, что въ этомъ взглядѣ таилось намѣреніе пырнуть меня рогами; въ это время воловщикъ погналъ его, хлестнувъ бичемъ.

Какъ не вспомнить наши лѣтнія купанья, въ живописной Воронѣ; зимнія катанья съ горы при лунномъ сіяніи, которыя мы готовы были продолжать безконечно, и которыя всегда оканчивались по голосу матушки, выходившей на крыльце и звавшей насъ къ чаю. Послѣ чаю матушка и сестры, когда были дома, садились за работу; иногда кто нибудь читалъ вслухъ, а я, въ это время, забирался на диванъ и засыпалъ; но по большей части вечерами собирались у управляющаго или у нашей сосѣдки Н. И. Пальменъ или у насъ. Не забуду также нашего доктора Андрея Андреевича Марціусъ, который часто бралъ меня съ собою въ поле для собиранія травъ и объяснялъ мнѣ ихъ названія и пользу. Мы всѣ очень любили доктора, который былъ очень друженъ съ нашимъ семействомъ, очень часто бывалъ у насъ, и помню пѣлъ, очень пріятно, нѣмецкія аріи, съ акомпаниментомъ фортепіано. Въ Ершовѣ была большая больница, которою онъ занимался вполнѣ добросовѣстно и всѣ больные любили его за попеченіе о нихъ. По русски и по французски меня учила вторая старшая сестра, по нѣмецки сама матушка и сестры, которыя всѣ знали нѣмецкій языкъ. Старый дьяконъ о. Егоръ, подергивавшій ногою, даже при служеніи (это была его болѣзнь), преподавалъ катехизисъ. Когда наступило время взять изъ института мою старшую сестру, матушка сама поѣхала за нею въ Петербургъ и увезла сестру Софью, двумя годами старше меня и бывшую товарищемъ во всѣхъ играхъ и удовольствіяхъ нашихъ. Очень грустно было разставаться; мы, какъ водится, поплакали, крѣпко разцѣловались, и проводивъ ихъ остались одни подъ начальствомъ, по старшинству, второй сестры Елизаветы.

Во время этого отсутствія матушки, въ одинъ ясный зимній день мы отправились кататься съ горы, взяли меньшаго брата и, какъ-то неловко усадивъ его въ санки, пустили съ горы; нога у него под-

вернулась подъ санки и была вывихнута. Сдѣлалась страшная тревога, бѣднаго мальчика перенесли въ кроватку, послали за костоправомъ и, при его крикѣ, во время выправленія ноги, мы были въ большомъ страхѣ и горѣ, особенно боялись за матушку, которую это несчастье должно было сильно огорчить. Мы наперерывъ старались занимать его то картинками, то разными игрушками. Костоправъ былъ очень искусенъ, и нога его скоро стала заживать, но когда возвратилась матушка, онъ едва только началъ ходить.

По возвращеніи матушки уже приближалась знаменитая эпоха нашествія французовъ. Въ Ершово наѣхало много знатныхъ господъ, въ томъ числѣ были побочныя дѣти гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго—Перовскіе и другіе изъ родственниковъ графскихъ, оставившіе Москву. Особенно помню Перовскихъ и Дашковыхъ. Семейство Перовскихъ, дѣтей гр. Разумовскаго, жило тогда въ Москвѣ, на Гороховомъ полѣ, въ его огромномъ домѣ, самъ же графъ былъ въ Петербургѣ; но когда рѣшено было сдать Москву французамъ, онъ по эстафетѣ прислалъ въ московскую контору приказаніе: немедля ни минуты отправить все семейство Перовскихъ въ Ершово; это было за нѣсколько только дней до вступленія непріятеля. Ихъ посадили въ кареты такъ поспѣшно, что онѣ въ страхѣ ничего не успѣли взять съ собою и поѣхали въ чемъ были. Пріѣхали онѣ въ сентябрѣ; ихъ помѣстили въ большомъ графскомъ домѣ, гдѣ было съ избыткомъ все, что нужно даже для роскошной жизни. Сопровождали ихъ тетка Палагея Михайловна Соболевская, родной ихъ дядя Соболевскій, тогда извѣстный живописецъ и художникъ, два двоюродные брата Подчаскіе (вѣрно помню) и цѣлая свита разныхъ гувернантокъ и огромное число прислуги. Дѣвицъ Перовскихъ было три: старшая Елизавета Алексѣевна была уже помолвлена за Петра Александровича Курбатова, вторая Анна Алексѣевна, впослѣдствіи графиня Толстая и Ольга Алексѣевна, бывшая за Жемчужниковымъ. Братья ихъ Александръ, Левъ, Василій Алексѣевичи были въ арміи.

Во все время ихъ пребыванія было очень весело. Всѣ онѣ посѣщали нашъ домъ и домъ Натальи Ивановны Пальменъ, съ которой ѣздили въ Тамбовъ для устройства туалета, такъ какъ весь ихъ гардеробъ остался въ добычу французамъ. Въ это же время въ Ершовѣ была также, по приглашенію управляющаго Фролова, генеральша Дашкова съ прелестною дочерью своею, помнится Анною Аполлоновною, которая, по возвращеніи своемъ въ Москву, вышла за-мужъ за гр. Шереметева, и съ сыномъ, десяти-лѣтнимъ мальчикомъ, Африканомъ. У управляющаго Фролова жила также тогда моло-

денькая княжна Мещерская, которой онъ былъ опекуномъ и съ которою воспитывалась моя вторая сестра Елизавета Петровна. Впослѣдствіи княжна была замужемъ за Андреемъ Петровичемъ Корсаковымъ. Въ это бѣдственное время, для многихъ Ершово было самымъ пріятнымъ пріютомъ. Тутъ собралось многолюдное, избранное общество, оживившее наше сельское уединеніе. Всѣ вечера, комнаты управителя Ивана Михайловича Фролова были полны. И послѣ ихъ отъѣзда было долго какъ-то пусто. Теперь уже, конечно, изъ этого общества не много осталось въ живыхъ.

Извѣстія, приходившія съ театра войны, были самыя неутѣшительныя. Наконецъ, Москву заняли французы, и когда показывалось гдѣ нибудь зарево, то народъ выбѣгалъ на улицу и, въ мрачномъ настроеніи, толковалъ о томъ, что это французы жгутъ наши города и села, и что вѣрно и здѣсь придется встрѣчать незванныхъ. Крестьяне приготовляли рогатины. Выкованы были острія копій, которыя крестьяне насаживали на древки, а мы, прокатываясь на палочкахъ верхомъ, были исполнены самаго воинственнаго жара и чаще заглядывали на лезвія сабли и шпаги покойнаго нашего отца.

Во мнѣ больше всего производилъ воинственное настроеніе пѣсенникъ, большая толстая книга, единственное литературное произведеніе тогда мнѣ доступное по возрасту. Насъ тогда еще не баловали безчисленными новѣйшими изобрѣтеніями, какъ занимаютъ нынѣ дѣтскія головы разными научными исторійками, а иногда и бреднями. Въ пѣсенникѣ я изъ разныхъ солдатскихъ суворовскихъ пѣсенъ научился гордиться тѣмъ, что я русскій, членъ великаго народа, войска котораго прошли Альпы, Дунай и Кавказъ, какъ сказано было въ пѣсенникѣ:

«Славься симъ Екатерина,
Славься нѣжная къ намъ мать;
Воды быстраго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ,
Храбрость Россовъ прославляя,
Тавръ за нами и Кавказъ».

Музыку по слуху переняли мы у старшей сестры, которая училась пѣть въ Екатерининскомъ институтѣ, и которая пѣла все появлявшееся тогда въ музыкѣ патріотическаго характера:

«Какъ то Удино,
На время, правда,
Помѣшалъ бить Магдональда;
Но не все-ли намъ равно,
Мы побили Удино.

Также защитника Петрова-Града—

«Велитъ намъ славить правды гласъ».

съ припѣвомъ:

«Хвала, хвала тебѣ герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой».

Словомъ, старый пѣсенникъ довелъ насъ до того, что мы въ самомъ дѣлѣ думали при появленіи французовъ сражаться до послѣдней капли крови, не думали о томъ, что бѣгство безсильно.

Когда французовъ погнали изъ Россіи, тогда ходили всѣ смотрѣть на партіи плѣнныхъ, какъ прежде на проходившія войска, стягивавшіяся къ театру военныхъ дѣйствій. Плѣнныхъ пригоняли во множествѣ. И что за жалкіе, изможденные, оборванные бѣдняки были эти грозные побѣдители! Къ чести нашего добраго народа надо сказать, что онъ принималъ ихъ съ состраданіемъ, кормилъ ихъ и прикрывалъ чѣмъ могъ наготу ихъ. Я уже не говорю о благородныхъ семействахъ, которыя теперь оказывали имъ помощь во всемъ, но и простой народъ, съ яростью ожидавшій врага, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на побѣжденныхъ, конечно, когда этотъ врагъ уже бѣжалъ безъ оглядки.

Глава III.

Отъѣздъ изъ дому.

Пріѣздъ княгини Долгоруковой, рожденной княжны Гагариной.—Отъѣздъ изъ Ершова.—Дорога.—Первыя впечатлѣнія въ Москвѣ.—Отъѣздъ въ село Полуектово.— Жизнь въ немъ.—Шутъ Иванъ Савельичъ.—Мои продѣлки.—Препровожденіе времени.—Поѣздка князя въ Рузу.—Прибытіе въ Петербургъ.—Назначеніе кн. Долгорукова шталмейстеромъ.—Общество, собиравшееся у князя.—Пріѣздъ моего брата.—Наши занятія.

1813—1814.

Миновалъ и 1812 годъ съ своею страшною кометою, на которую всѣ тогда смотрѣли съ какимъ-то ужасомъ, съ своими бѣдствіями и своею славою. Наступилъ 1813 годъ, одинъ изъ знаменательныхъ въ моей жизни.

Старшая сестра моя въ Екатерининскомъ институтѣ была очень дружна съ одною знатною и богатою дѣвицею, княжною Варварою Сергѣевною Гагариной. При разставаніи онѣ дали другъ другу слово, одна въ томъ, что когда выйдетъ замужъ по своему, конечно, выбору, то пріѣдетъ сама за подругою, а другая—не разлучаться съ

нею, если это будетъ возможно. Съ этими, такъ сказать, обѣтами связана и моя участь. Еще прежде, главноуправляющій гр. Разумовскаго, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія, получилъ предписаніе узнать возрастъ старшаго сына матушки нашей, котораго графъ располагалъ помѣстить въ Царскосельскій лицей. Въ 1813 году мнѣ было уже десять лѣтъ.

Божественный Промыселъ судилъ иначе.

Въ одинъ изъ іюльскихъ дней, вскорѣ послѣ нашего обѣда (мы обѣдали въ 2 часа) видимъ ѣдущую по дорогѣ карету; за нею коляску и большую бричку съ кухней. Карета поворотила къ намъ на дворъ, за нею и всѣ другіе экипажи. Объ этомъ пріѣздѣ сестра уже была увѣдомлена письмомъ отъ княгини Долгоруковой, присланнымъ изъ ея Пензенскаго имѣнія съ нарочнымъ. Изъ кареты вышла и бросилась въ объятія сестры моей молодая женщина чудной красоты, а за нею молодой мущина около 30 лѣтъ, высокій, стройный, чрезвычайно красивый, это были княгиня и князь Долгоруковы.

Князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ родился въ 1787 году, былъ внукъ князя Долгорукова-Крымскаго и тесть нынѣшняго (1879) московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

Одно слово было сдержано; надо было, чтобы сдержалось и другое. Но не одну сестру похищали они изъ нашего славнаго пріюта, а упросили матушку и меня, какъ старшаго сына, отпустить съ ними. Они брали меня на свое попеченіе и обѣщали замѣнить собою родителей. Матушка не желала еще отпустить меня, но по ихъ просьбѣ и для сестры, наконецъ рѣшилась. Мы собрались въ дорогу, сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ. Наступилъ часъ разлуки. Долго, долго матушка держала меня въ своихъ объятіяхъ, потомъ крестила, цѣловала, опять прижимала и наконецъ отпустила. Меня съ сестрой посадили въ коляску. Князь и княгиня сѣли въ карету, и лошади тронулись. Скоро исчезъ милый пріютъ, гдѣ осталось за нами столько радостей и такъ мало даже дѣтскихъ огорченій. Все это въ одно мгновеніе прошло и прошло безвозвратно.

Первое впечатлѣніе на дорогѣ было нетерпѣніе и горячность князя на станціяхъ; когда онъ, разсердившись, грозилъ какому нибудь ямщику, если тотъ копался съ запряжкою, а княгиня останавливала и уговаривала его. Затѣмъ припоминаю остановки на станціяхъ для обѣдовъ, роскошно подававшихся на серебрѣ и весьма обильныхъ, такъ какъ кухня всегда отправлялась впередъ и поваръ все закупалъ и приготовлялъ на мѣстѣ; на ночлегахъ вносилась складная

двухъ-спальная кровать для княгини съ княземъ, а намъ съ сестрой очищалось другое помѣщеніе.

Въ Тамбовѣ мы остановились въ какомъ-то большомъ домѣ. Мнѣ очень нравился невиданный еще мною городъ; но что въ томъ городѣ особенно привлекло мое любопытство, смѣшно сказать, это какой-то проѣхавшій мимо насъ, при въѣздѣ въ городъ, военный всадникъ, у котораго по вѣтру развѣвались полы военнаго сюртука, подбитыя краснымъ. Въ этомъ случаѣ и я нѣсколько походилъ на павлиновъ. Помню, что за обѣдомъ намъ подали огромной величины астраханскій арбузъ, какого мнѣ не случалось видѣть. На другой день мы выѣхали изъ Тамбова, проѣхали Рязань и переправились на паромѣ черезъ Оку. Эта переправа, большіе города, множество новыхъ для меня предметовъ и вообще все это путешествіе для меня, дикаря, не выѣзжавшаго за околицу деревни, было чѣмъ-то необычайнымъ. Въ Москву мы въѣхали поздно вечеромъ, и тутъ глаза мои готовы были выскочить: такъ эта громадность, шумъ и движеніе экипажей и множество пѣшеходовъ поражали меня. Остановились мы въ большомъ домѣ Обухова на Тверской. Меня помѣстили въ верхнемъ этажѣ съ камердинеромъ князя, итальянцемъ Жозефомъ. Конечно, я спалъ какъ убитый, но рано утромъ меня разбудилъ необыкновенный для меня гулъ колоколовъ; это было воскресенье, такъ что я вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ окну, откуда изумленнымъ моимъ глазамъ представилась громадная Москва.

Какъ сильно забилось мое дѣтское сердце! Теперь-то я видѣлъ на яву то, что при слушаніи сказокъ о «Мерикрисѣ Кирьбитьевнѣ и жаръ птицѣ» представляло мнѣ тогда мое возбужденное воображеніе.

Выдающеюся чертой моего характера была страшная впечатлительность и пылкость. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ, я былъ живой, но въ тоже время довольно робкій мальчикъ, такъ что съ высоты 3-го этажа мнѣ было страшно смотрѣть въ окно. Когда меня звали въ гостинную при гостяхъ, я страшно конфузился, хотя при вопросахъ всегда отвѣчалъ твердо. Княгиня не упускала случая, чтобъ не представить меня своимъ гостямъ, желая сдѣлать меня болѣе развязнымъ до поступленія въ корпусъ. Одѣвали меня всегда съ особеннымъ тщаніемъ и князь всегда требовалъ, чтобы я при немъ примѣрялъ платье. Тогдашній костюмъ мой былъ какой-то полуфрачекъ съ жилетомъ и большимъ отложнымъ воротничкомъ рубашки.

Общество въ Москвѣ, посѣщавшее княгиню, разряженныя дамы и мущины только вскользь были замѣчены мною, такъ какъ я былъ крайне застѣнчивъ и дикъ. Меня каждый день отправляли гулять

съ кѣмъ нибудь изъ лакеевъ; я безпрестанно распрашивалъ спутника моего, особенно при видѣ разрушенныхъ зданій и торчащихъ трубъ, причемъ выслушивалъ съ жадностію и блестящими глазами разныя народныя повѣсти, какъ Наполеонъ, прохаживаясь по Поклонной горѣ, ожидалъ городскихъ властей съ ключами города и не дождавшись, въѣхалъ въ пустынную Москву, страшно раздраженный варварами, не пожелавшими встрѣтить его съ покорностью и торжествомъ. Помнится, что тогда еще держался чудесно образъ Спасителя или Николая Чудотворца на воротахъ Кремля, надъ вышибленными отъ взрыва кирпичами. Жадно слушалъ я, какъ раздраженные крестьяне управлялись съ французами, попадавшими въ ихъ руки, а также о нѣкоторыхъ великодушныхъ поступкахъ тѣхъже крестьянъ, подававшихъ помощь умиравшимъ отъ ранъ, изнеможенія и голода. Какъ въ Бородинскую битву видѣли Георгія Побѣдоносца на бѣломъ конѣ, ободрявшаго православныхъ воиновъ, и поистинѣ чудное мужество и самоотверженіе этихъ воиновъ, оспаривавшихъ другъ у друга смерть за вѣру и родину, могли вызвать чудесное явленіе! Всѣ эти разсказы сильно возбуждали мой патріотизмъ, и я ужъ съ дѣтства вѣрилъ, что могущественнѣе Россіи и мужественнѣе ея сыновъ не было въ мірѣ народа, въ чемъ убѣжденъ и теперь; исключаю изъ народа офранцузившихся и онѣмечившихся русскихъ.

Пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ, мы поѣхали въ имѣніе князя, въ село Полуектово, разоренное войною. Здѣсь князь занялся облегченіемъ своихъ пострадавшихъ крестьянъ и исправленіемъ ихъ жилищъ. При нашествіи Французовъ семьи удалились въ лѣса, откуда возвратились на свои пепелища. Князь приказалъ выдать имъ лѣсъ безплатно, провіантъ и сѣмена на посѣвъ. Мы поселились въ домѣ, занимаемомъ управляющимъ, потому что большой господскій домъ былъ разоренъ. Въ немъ стоялъ какой-то маршалъ, а можетъ быть самъ Наполеонъ, какъ разсказывали тогда. Все тогда бѣжало, и не кому было разузнавать, кто занималъ домъ, а знали, что тутъ стоялъ одинъ изъ высшихъ начальниковъ. Тутъ мы пробыли всю осень до зимы.

А чтобы доставить какое нибудь развлеченіе молодой княгинѣ, князь пригласилъ въ Полуектово извѣстнаго историческаго шута Ивана Савельевича, который, передъ занятіемъ Москвы, развозилъ по домамъ патріотическія афишки, по порученію графа Ростопчина. Въ Москвѣ его всѣ знали. Онъ разъѣзжалъ въ маленькой коляскѣ съ шутовскою сбруей, въ шутовскомъ французскомъ кафтанѣ, провожаемый толпою мальчишекъ. Онъ былъ маленькаго роста, плотный.

совершенно лысый; походка его была очень странная, какъ будто онъ подкрадывался къ чему нибудь, вся фигура его была вполнѣ шутовская. Онъ и въ Полуектово явился въ своемъ шитомъ французскомъ кафтанѣ, съ вышитою ермолкою на лысой головѣ. Съ какимъ страхомъ я посматривалъ па него, когда онъ крадущимся шагомъ вошелъ въ гостиную, гдѣ я учился у стола и писалъ урокъ, заданный мнѣ сестрою, которая сидѣла возлѣ меня; и когда онъ вздумалъ подойти къ столу, и положилъ мнѣ на голову руку, я такъ испугался, что забился въ самую глубь дивана. Онъ зналъ много французскихъ словъ и въ искаженномъ видѣ перемѣшивалъ ихъ съ русскими всегда шутовски и остро; тершись въ большомъ свѣтѣ, онъ понималъ французскій разговоръ, былъ уменъ и остеръ въ своихъ шуткахъ. Онъ очень не любилъ, если кто нибудь относился съ презрѣніемъ къ шутовству. Такъ что, когда онъ однажды услышалъ, что кто то сказалъ: «только въ Москвѣ еще водятся шуты, а уже въ Петербургѣ ихъ нѣтъ», то онъ замѣтилъ, довольно дерзко, въ защиту Москвы и шутовъ: «почему въ Петербургѣ нѣтъ шутовъ? потому что, какъ только появится шутъ, то его сейчасъ же посадятъ....» Страхъ мой, впрочемъ, продолжался недолго, а такъ какъ я былъ страшнымъ шалуномъ, то скоро самъ сталъ подшучивать надъ нимъ такъ, что иногда шутъ сердился и безъ всякаго шутовства грозилъ пожаловаться на меня князю.

Возлѣ дома была вѣковая, тѣнистая роща, гдѣ мы съ княгиней и сестрой гуляли каждый день. Огромныя деревья этой рощи служили постояннымъ жилищемъ безчисленному множеству грачей, оглашавшихъ воздухъ своимъ неумолкаемымъ карканьемъ. Роща эта тянулась вдоль оврага, служившаго русломъ небольшому ручью, впадавшему въ рѣку Рузу. До рѣки былъ довольно крутой спускъ на дно оврага со стороны рощи.

Когда наступили морозы, спускъ этотъ поливали для нашего катанья въ санкахъ, что мы дѣлали каждый день, гуляя съ княгиней и сестрой въ рощѣ. Въ катаньѣ участвовали я, сестра, горничныя дѣвушки и мальчики. Иванъ Савельичъ, въ своей волчей шубѣ, всегда первый садился въ санки, и, конечно, со всевозможными шуточными движеніями, но только что онъ готовился спускаться, какъ я переворачивалъ санки задомъ напередъ, и онъ, вывалившись изъ нихъ, скатывался въ одной своей шубѣ, что, конечно, не входило въ планъ его шутовства. Раздраженный, онъ поднимался съ санками на гору, грозя мнѣ мщеніемъ. Однажды, однакожъ, я своими шалостями чуть было не погубилъ его. Онъ всегда сопровождалъ насъ на гуляньяхъ съ княгиней и сестрой, и я всегда надоѣдалъ ему своими шалостями,

а когда, въ этотъ разъ, онъ погнался за мною, я, спасаясь, вбѣжалъ на замершій прудъ. Тогда ледъ еще не былъ довольно крѣпокъ; меня онъ сдержалъ, но когда шутъ, погнавшись за мною, добѣжалъ до середины, вдругъ ледъ подъ нимъ обрушился, и онъ провалился. Къ счастію, глубина пруда была ему по поясъ, и онъ, проламывая руками ледъ, могъ выйти на берегъ съ помощью лакея. Эта холодная ванна, конечно, сдѣлала шута самымъ серьезнымъ человѣкомъ. Онъ бросился бѣжать домой, чтобы скорѣе осушиться. Княгиня такъ испугалась, что вскрикнула, а испугъ для нея былъ очень вреденъ, такъ какъ она въ то время была беременна. Она очень разсердилась на меня—и было за что, сестра также, и я получилъ хорошую головомойку. Болѣе всего печалило меня то, что княгиня этотъ вечеръ не говорила со мною ни слова; но такъ какъ все кончилось благополучно, то князь принялъ эту шалость снисходительно и только посмѣялся.

По вечерамъ мы часто играли въ жмурки. Въ игрѣ обыкновенно участвовали князь, сестра моя, Иванъ Савельичъ, я и двѣ горничныя дѣвушки; княгиня же сидѣла въ сторонѣ, и, глядя на насъ, отъ души смѣялась. Когда случалось съ завязанными глазами подходить къ ней, то она всегда подавала свою руку и жмурка удалялась. Игры были превеселыя и шутъ выдѣлывалъ при этомъ всевозможные фарсы, а когда принужденъ былъ сильно нагибаться подъ руками ловящихъ, то это крайнее напряженіе выражалось иногда не совсѣмъ скромно, можетъ быть невольно, а можетъ быть и по праву шутовства.

Часто также князь садился играть съ Иваномъ Савельичемъ въ дурачки и по окончаніи игры клалъ ему подъ ермолку нѣсколько бѣленькихъ бумажекъ въ 25 рублей ассигн., такъ что шутовство было ему довольно выгодно.

Князь часто уѣзжалъ въ Рузу и всегда бралъ меня съ собою, а для шутки однажды взялъ Савельича. У князя была тройка лихихъ донцевъ и онъ всегда по рѣкѣ всѣ 12 верстъ скакалъ во весь духъ. Тутъ выразилась уже не шуточная трусость шута и въ самыхъ комическихъ движеніяхъ, что очень забавляло меня и князя.

Бывалъ у насъ рузскій исправникъ по фамиліи Бѣловъ, славный, веселый человѣкъ, который часто бывалъ у насъ, изрѣдка пріѣзжали и другіе гости изъ сосѣдей или городскихъ чиновниковъ. Въ Рузѣ мы всегда останавливались въ домѣ исправника. Городъ Руза, также какъ и другіе города на пути слѣдованія непріятельской арміи, представлялъ печальный видъ разрушенныхъ обгорѣлыхъ зданій.

Уже наступила полная зима и очень холодная, говорили, что птицы замерзали на лету! Въ Петербургъ мы пріѣхали въ январѣ. Остановились, гдѣ потомъ и жили, въ собственномъ домѣ князя на Ан-

глійской набережной и Крюкова канала на углу. Помню, какъ меня, деревенщину, все поражало въ этомъ домѣ: богатые ковры, зеркальныя окна, огромныя комнаты, дорогія и изящныя вещи, между которыми помню большую малахитовую вазу, стоявшую по среди комнаты, похожую на купель, только много выше купели, художественной отдѣлки. Помню, какъ начали пріѣзжать къ намъ различныя знатныя лица, мущины и дамы, александровскіе генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты, изъ которыхъ нѣкоторые были товарищами князя по военной службѣ. Княгиня обладала такою красотою, такою прелестью обращенія и такимъ умомъ, что нельзя было не восхищаться ею всѣмъ, посѣщавшимъ ее блистательнымъ военнымъ той рыцарской эпохи и не сдѣлаться ея поклонниками.

Князь началъ службу въ семеновскомъ полку; дѣлалъ молдавскую кампанію адъютантомъ Милорадовича. Въ этой кампаніи онъ едва не погибъ, хотя и не въ сраженіи. Проходя вечеромъ куда-то по порученію начальства, онъ попалъ въ колодезь и пробылъ въ немъ нѣсколько часовъ, упершись спиной въ одну стѣну, а ногами въ другую. Онъ долго кричалъ, но сначала никто не слышалъ и онъ уже терялъ послѣднія силы, какъ наконецъ, по счастью, шедшіе мимо солдаты услыхали крикъ и вытащили его.

Передъ этимъ походомъ князь влюбился въ княжну Варвару Сергѣевну Гагарину, воспитывавшуюся въ Екатерининскомъ институтѣ, которую увидѣлъ въ первый разъ при выпускѣ. Какъ знатная сирота, она была подъ особеннымъ попеченіемъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. По выходѣ изъ института она жила у своей тетки, графинѣ Гурьевой. Отправляясь въ походъ, князь сдѣлалъ повѣреннымъ своихъ чувствъ родственника и друга своего, князя Александра Николаевича Хованскаго, потомъ бывшаго управляющимъ государственнымъ банкомъ, столь извѣстнаго всей Россіи по его подписи на государственныхъ ассигнаціяхъ, который и поддерживалъ съ нимъ переписку и увѣдомлялъ о предметѣ его любви. Онъ имѣлъ квартиру у князя въ домѣ, внизу, и былъ членомъ семейства. Этотъ человѣкъ былъ замѣчателенъ своею глубокою религіозностью, своею благочестивою, вполнѣ христіанскою жизнію и это—среди міра, среди его суеты и обольщеній, которыя не касались ни его сердца, ни ума. Онъ нѣсколько разъ въ году говѣлъ и пріобщался св. тайнъ и, можно сказать, былъ живымъ свидѣтельствомъ, что и среди міра можно быть человѣкомъ Божіимъ.

Когда князь, по возвращеніи изъ похода, сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Гагариной, то она, не отказывая ему, однакожъ объявила, что за военнаго рѣшилась не выходить. Что было дѣлать? Князю не хо-

тѣлось оставлять военной службы, которую онъ любилъ, тѣмъ болѣе, что въ это время уже начиналась размолвка между Наполеономъ и нашимъ государемъ, хотя еще войны не ожидали; но любовь превозмогла, онъ вышелъ въ отставку и женился.

Онъ былъ сдѣланъ при дворѣ камергеромъ, исключительно занялся своими и жениными имѣніями, (княгиня имѣла около 30,000 душъ) и, въ нѣсколько лѣтъ, прекрасно устроилъ свои дѣла, поправилъ свои, разоренныя войной, имѣнія, чѣмъ и показалъ свои экономическія способности. Вскорѣ онъ былъ назначенъ шталмейстеромъ. Ему одному была поручена вся хозяйственная часть, весьма запущенная, придворной конюшни; хотя оберъ шталмейстеромъ былъ Мухановъ, но это только номинально. Онъ дѣйствительно преобразовалъ эту часть. Съ него началась фабрикація превосходныхъ придворыхъ экипажей, преобразованы казенные конскіе заводы, все приведено въ большой порядокъ, что и было оцѣнено государемъ, который все время очень благоволилъ къ нему.

Изъ всѣхъ генераловъ, часто посѣщавшихъ княгиню, мнѣ, какъ дикарю, особенно нравился генералъ Левашевъ, командиръ лейбъ гусарскаго полка, который былъ очень красивъ, имѣлъ щегольскіе черные усы, и всегда воинственно гремѣлъ по каменной лѣстницѣ своею саблею, что заставило меня составить о его геройствѣ самое высокое понятіе, хотя и не знаю вѣрно ли. Помню также датскаго посланника, графа Блома, въ его красномъ мундирѣ, весьма частаго и короткаго гостя въ домѣ князя. Здѣсь часто бывалъ баронъ Шепингъ, кажется дежурный штабъ офицеръ гвардейскато штаба, который пѣвалъ тріо съ княгиней и сестрой. Тутъ я видѣлъ Васильчикова, командира гвардейскаго корпуса, начальника гвардейскаго штаба Бенкендорфа, Чернышева (надъ которымъ въ обществѣ подшучивали за его любимую фразу: «je pris Cassel»), Милорадовича и многихъ тогда блестящихъ героевъ 1812 года. Часто бывалъ также Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, тогда полковникъ и флигель-адъютантъ, потомъ онъ командовалъ конно-гвардейскимъ полкомъ.

Князь хотя жилъ открыто, но праздники и балы давалъ рѣдко, такъ какъ княгиня не любила большихъ пышныхъ собраній и сама очень рѣдко, только по необходимости, ѣздила ко двору. При этомъ, когда она бывало оканчивала свой туалетъ, всегда звала меня посмотрѣть на ея костюмъ и отъ души смѣялась, видя мое восхищеніе.

За обѣдомъ у нихъ всегда бывалъ кто нибудь изъ высшаго общества. Помню Каподистрію, Поцо-ди-Борго, Несельрода, графа и графиню Гурьевыхъ и многихъ другихъ, занимавшихъ тогда самые высокіе государственные посты. Но самымъ частымъ посѣтите-

лемъ дома былъ Дмитрій Михайловичъ Кологривовъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей дома. Этотъ человѣкъ былъ, въ полномъ смыслѣ, душою общества. Пріятный въ высшей степени, всегда веселый, остроумно-шутливый, онъ часто до слезъ заставлялъ смѣяться самаго серьезнаго человѣка. Въ то же время, онъ былъ очень добраго сердца, и, какъ говорили, дѣлалъ много добра, скрывая его отъ глазъ свѣта. Онъ, помнится, былъ братомъ князя Александра Николаевича Голицына, такъ называемаго синодскаго, отъ одной матери и разныхъ отцовъ. Гдѣ только былъ Дмитрій Михайловичъ, тамъ уже непремѣнно общество было въ самомъ пріятномъ настроеніи. Онъ очень любилъ тормошить моего меньшаго брата. Дочь графа Гурьева, Елена Дмитріевна, двоюродная сестра княгини, очень часто бывала у княгини; она хорошо пѣла и часто съ сестрой и княгиней онѣ пѣли дуэты и тріо. Помню даже, что она принесла однажды и пѣла тогда еще новый романсъ «Привычка видѣть ежедневно тебя, о другъ души моей», бывшій потомъ въ большомъ ходу. Эта дочь графа Гурьева потомъ была замужемъ за Сверчковымъ, незначительнымъ чиновникомъ въ министерствѣ финансовъ, въ котораго влюбилась, конечно, по привычкѣ видѣть ежедневно. Впослѣдствіи этотъ, нѣкогда незначительный чиновникъ былъ уже человѣкомъ важнымъ. Въ 1840 году на Кавказѣ я встрѣтился и познакомился съ сыномъ Елены Дитріевны, тогда юнкеромъ Сверчковымъ, состоявшимъ при нашемъ командирѣ кобардинскаго полка, генералѣ Лабынцовѣ.

Въ Свѣтлое Воскресенье, мы всегда у заутрени бывали въ домовой церкви графа Гурьева, у котораго и разговлялись. Меня, при выѣздахъ къ роднымъ, вездѣ брали съ собой и къ княгинѣ Салтыковой, Екатеринѣ Васильевнѣ, сестрѣ князя и къ брату его, Николаю Васильевичу, который былъ женатъ на княжнѣ Голицыной. Братъ же княгини, Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Валеско.

Мать князя, Екатерина Өедоровна Долгорукова жила сперва отдѣльно, а потомъ у князя, когда князь купилъ домъ на гагаринской пристани. Домъ былъ квадратный, одинъ фасадъ выходилъ на набережную у гагаринской пристани, двѣ стороны расположены были вдоль двора, а четвертая сторона выходила на улицу. Въ этомъ домѣ жила княгиня мать. Въ этомъ незабвенномъ домѣ князя и княгини Варвары Сергѣевны прошло наше отрочество; здѣсь же провели мы счастливые годы юности, когда уже были офицерами. Но это время еще впереди, а теперь возвращусь къ тому времени, когда началось и продолжалось мое корпусное воспитаніе, а за тѣмъ и брата моего, за которымъ нарочно ѣздилъ князь, черезъ два года посѣщая свои имѣнія.

До определенія моего въ корпусъ, меня занимали громкимъ и правильнымъ чтеніемъ по французски, по нѣмецки и по русски. Обыкновенно занималась со мной сестра Екатерина Петровна, старшая въ семействѣ нашемъ; занятія мои состояли въ переводахъ съ французскаго на русскій и съ нѣмецкаго. Часто и сама княгиня слушала и задавала вопросы.

Въ домъ брали также родственника князя, Васиньку Хованскаго, учившагося въ горномъ корпусѣ. Помню, что насъ часто заставляли бороться въ гостиной; поощряемые княземъ и самымъ искреннимъ смѣхомъ княгини и сестеръ, мы страшно горячились. Васинька Хованскій былъ плотный мальчикъ, а братъ очень жиденькій, но очень задорный, я же первенствовалъ между ними, такъ какъ былъ уже опытнымъ кадетомъ, а въ 1817 году гардемариномъ. Помню, какъ однажды, при такихъ эволюціяхъ случилось, что Хованскій, въ борьбѣ какъ-то схватилъ брата за фалды его полуфрачка и сталъ вертѣть до того, что уронилъ его; тотъ вспыхнулъ и ударилъ прямо въ лице такъ, что подбилъ ему глазъ. Конечно, его крѣпко побранили и заставили просить прощенія, и они сейчасъ же помирились. Такъ какъ Васинькѣ надо было ѣхать куда то вечеромъ съ родными, то я посовѣтывалъ взять сухой травы бодяги, которая сводитъ синяки, что было мнѣ извѣстно по корпусу изъ многихъ опытовъ.

Я помѣщался съ сестрами въ одной изъ комнатъ, имъ отведенныхъ, такъ какъ тогда же княгиня вызвала къ ней и другую сестру Е. П. Вставали мы обыкновенно поздно. Сестрамъ приносили по утрамъ кофе, а мнѣ чай. Конечно, главнымъ потребителемъ печенія былъ я. Послѣ кофе, мы занимались до 12 часовъ, когда сходились къ завтраку, къ которому выходила княгиня. Князь обыкновенно отправлялся въ свою конюшенную контору. Послѣ завтрака, княгиня и сестра садились за чтеніе или за музыку; въ хорошее время гуляли по набережной, это относится къ зимамъ, такъ какъ лѣто проводили время на дачахъ.

Глава IV.

Морской корпусъ.

Мое вступленіе волонтеромъ въ морской корпусъ.—Жизнь у Авенаріуса.—Зачисленіе въ 3-ю роту.—Корпусная жизнь.—Преподаватели.—Игры и шалости.—Практическія плаванья.—Обѣдъ у князя Долгорукаго въ честь Милорадовича.—Жизнь на дачѣ.—Приготовленіе къ выпуску.—Законоучитель іеромонахъ Іовъ.—Его вліяніе на насъ и удаленіе его изъ корпуса.

1815—1817.

Спустя нѣкоторое время по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, князь выбралъ для моего воспитанія морской корпусъ, кажется по совѣту адмирала Александра Семеновича Шишкова, довольно частаго посѣтителя дома. И такъ, въ одно счастливое или несчастное утро, князь посадилъ меня съ собою въ карету, и мы отправились въ морской корпусъ, къ директору корпуса, адмиралу Петру Кондратьевичу Карцеву. Такъ какъ комплектъ въ корпусѣ былъ полный, то положили отдать меня въ корпусъ волонтеромъ т. е. жить пока въ пансіонѣ и посѣщать классы. Не знаю, по чьей рекомендаціи былъ выбранъ для этой цѣли корпусный учитель рисованія, Карлъ Карловичъ Авенаріусъ, который имѣлъ казенную квартиру во флигелѣ на лазаретномъ дворѣ, раздѣленную деревянною перегородкою съ учителемъ русскаго языка, Ѳедоромъ Васильевичемъ Груздевымъ. Память о Карлѣ Карловичѣ и его матери такъ дорога для меня, что я не могу не остановиться на нихъ.

Когда меня привезли къ нимъ, это было вечеромъ, они оба очень обласкали меня, но ихъ квартира и вся бѣдная обстановка произвели на меня тягостное впечатлѣніе. Квартира эта состояла изъ крошечной темной прихожей, со старинными стѣнными часами, маленькой гостиной, гдѣ спалъ Карлъ Карловичъ на кожаномъ маленькомъ диванѣ, а у другой стѣны была поставлена моя кровать и еще маленькой комнаты, спальни матери его, Анны Ѳедоровны. Возлѣ прихожей была маленькая кухня, изъ которой дверь вела въ спальню хозяйки. Вотъ и вся квартира. Повторяю, что послѣ княжескихъ комнатъ, къ которымъ я уже успѣлъ привыкнуть, эта квартира произвела тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что я здѣсь долженъ былъ жить, разлучившись съ сестрой и княгиней, къ которой былъ привязанъ всею силою моего дѣтскаго сердца. Когда меня оставили и карета уѣхала, сердце мое крѣпко стѣснилось и грусть страшная овладѣла мной. Анна Ѳедоровна подала мнѣ чашку чаю, онъ былъ такъ не

сладокъ, что я насилу могъ кончить чашку, а когда она хотѣла мнѣ налить другую, то я едва не заплакалъ. Какъ бы то ни было, но я тутъ остался и не только скоро примирился со всѣмъ окружавшимъ меня, но и былъ счастливъ, испытывая безпрестанно ихъ попечительную и даже нѣжную любовь.

Кухня ихъ имѣла одну русскую печь, гдѣ и готовилось кушанье, жаренье-же производилось на шесткѣ, на желѣзномъ таганьчикѣ. Въ печуркѣ хранилась изломанная жестяная коробка съ трутомъ изъ сожженой тряпки, огнивомъ, кремнемъ и насѣренными лучинками и вечеромъ добываніе огня было истиннымъ подвигомъ. Обитый кремень давалъ очень мало искръ, и трутъ зажигался послѣ сотни ударовъ, изъ коихъ нѣсколько доставалось на долю пальцевъ бѣдной старушки, которая покидала операцію отъ боли, затѣмъ я принимался колотить по кремню и также неудачно, но, наконецъ, все же трутъ загорался, сѣрная лучина прикладывалась къ огню и, послѣ нестерпимаго сѣрнаго смрада, освѣщалась кухня, зажигались сальныя свѣчи, съ которыхъ нагаръ снимался чѣмъ попало, или изломанными щипцами, или ножницами, или пальцами. Хозяйствомъ у Карла Карловича завѣдывала его мать старушка, женщина чудной доброты, которая любила меня и послѣ меня брата моего, поступившаго къ нимъ черезъ два года, какъ родныхъ дѣтей. Сынъ ея былъ также человѣкъ очень добрый, кроткій и простодушный. Онъ казался скупымъ, но эта скупость весьма понятна, при тогдашнемъ скудномъ жалованьи въ 200 р. ассигнаціями и еще менѣе. Мы объ его скупости заключали изъ того, что когда ему нужно было выдавать деньги на хозяйство, то онъ всегда ворчалъ на мать за большіе расходы, тогда какъ экономнѣе вести хозяйство, я увѣренъ, не могла бы ни одна хозяйка въ цѣломъ мірѣ. Конечно, это огорчало ее, но она къ этому уже привыкла. Онъ любилъ мать свою, но не былъ ласковъ съ нею. Оригинальнѣе этого человѣка трудно что нибудь встрѣтить. Когда онъ бывалъ дома, то или читалъ, писалъ, рисовалъ, или ходилъ изъ угла въ уголъ по своей маленькой комнатѣ и всегда говорилъ самъ съ собою иногда тихо, а иногда громко. Разговоръ этотъ сопровождался замѣчательной мимикой, какъ будто онъ спорилъ съ кѣмъ нибудь и доказывалъ что нибудь кому нибудь, а иногда разражался такимъ громкимъ смѣхомъ, что не знавшій его могъ принять за сумасшедшаго. Но, при всѣхъ этихъ странностяхъ, это былъ человѣкъ весьма умный, даже ученый и философъ, хотя нѣсколько въ родѣ Діогена. Онъ до того берегъ свое платье, что никогда не дотрогивался до него щеткой, говоря что она стираетъ ворсъ и скоро уничтожаетъ сукно. Головы онъ почти никогда не чесалъ, умывался

такъ, чтобы промыть только глаза, немного доставалось на долю носа, бороды и щекъ, а шея и уши никогда не удостоивались этой чести. Когда онъ шелъ по улицамъ, то всегда шепталъ и никого не замѣчалъ и на толкавшихъ его не обращалъ вниманія. Галстухъ у него приходился задомъ напередъ. Воротникъ шинели всегда на одномъ плечѣ, а другой конецъ висѣлъ свободно. Онъ любилъ поѣсть и хвалилъ маменьку свою за то, что она изъ всего умѣетъ приготовить вкусныя кушанья, но терпѣть не могъ на ѣду давать денегъ.

Совершенную противоположность съ сыномъ составляла его мать. Въ ней не было и тѣни скупости. При ихъ скудныхъ средствахъ, она, конечно, должна была во всемъ наблюдать экономію; чай и кофе пила въ прикуску. Но особенно любила кофе и какъ утромъ, такъ и послѣ обѣда пила по нѣсколько чашекъ. Употребленіе кофе въ такихъ размѣрахъ вѣроятно отразилось на ея лицѣ и носѣ, кончикъ котораго былъ красенъ. Я всею душою привязался къ этой старушкѣ и любилъ Карла Карловича.

Когда я возвращался изъ классовъ, она всегда приготовляла мнѣ какое нибудь лакомство или давала сдобную съ изюмомъ булку, корую мы называли свинухой. Это до обѣда. Обѣдъ былъ всегда превкусный и сытный, такъ какъ она готовила сама и кухарка, когда была, что не всегда случалось, только помогала. Она старалась доставлять мнѣ всевозможныя удовольствія. Иногда гуляла со мной по Васильевскому острову, или мы отправлялись на Крестовскій, или брала меня въ Андреевскій рынокъ, гдѣ закупала провизію. Брата послѣ меня, она кажется любила еще больше.

Когда уже мы были офицерами, Карлъ Карловичъ часто навѣщалъ насъ, находя удовольствіе бывать въ средѣ веселой и шаловливой молодежи, которая часто продѣлывала надъ нимъ разныя штуки. Дружба эта и любовь этихъ чудныхъ людей продолжалась до конца. Когда уже мы были осуждены послѣ сентенціи, въ казематъ приноситъ мнѣ плацъ-маіоръ картузъ табаку, на заверткѣ котораго вдругъ я узналъ подпись Карла Карловича, который съ матерью своею приходилъ въ крѣпость и просилъ плацъ-маіора передать намъ съ братомъ этотъ табакъ. Эта ихъ память и пріязнь тронули меня до слезъ.

Поселившись у Авенаріуса, я былъ принятъ въ корпусъ волонтеромъ и долженъ былъ ходить въ классы. Такъ началось мое ученье; когда же я поступилъ въ кадеты, то былъ опредѣленъ въ 3-ю роту, командиромъ которой былъ капитанъ-лейтенантъ М. М. Г. человѣкъ желчный, капризный и всегда сердитый, у котораго первое и единственное наказаніе были розги. Въ его дежурство, дежурная комната въ 11 часовъ, когда кончались классы, оглашалась воплями

кадетовъ, которыхъ онъ сѣкъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ одинъ занимался сѣченьемъ; многіе другіе офицеры тоже не отказывали себѣ въ этомъ удовольствіи; исключеніемъ были только набожные князья Шихматовы, изъ которыхъ Сергѣй Александровичъ впослѣдствіи былъ монахомъ. Вслѣдствіе безпрестанныхъ сѣченій въ корпусѣ образовались спартанскіе нравы и розогъ уже не стыдились, а гордились ими; кого чаще сѣкли за шалости и молодечество, и кто подъ розгами не кричалъ, тотъ назывался молодцемъ, чугуномъ и старикомъ; это послѣднее названіе было особенно почетнымъ. Такъ однажды и меня наказалъ Г.; но за это наказаніе я ему и теперь благодаренъ, такъ какъ оно было вполнѣ заслужено. Я прибилъ фухтилемъ тесака одного товарища другаго выпуска, во время междоусобицы двухъ гардемаринскихъ выпусковъ, въ которой я принималъ участіе. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ по ротѣ, а дежурные надѣваютъ тесакъ. Нужно сказать, что эти междоусобныя брани были почти ежегодны между трехъ-кампанцами, то есть сдѣлавшими три кампаніи въ Финскомъ заливѣ и приготовлявшимся къ выпуску, и двухъ-кампанцами, занимавшими ихъ мѣсто, послѣ ихъ выпуска. Сраженія эти происходили обыкновенно на дворѣ, послѣ форменнаго вызова. Когда было уже темно, сражавшіеся становились другъ противъ друга, какъ это бываетъ на всѣхъ кулачныхъ бояхъ; храбрѣйшіе выдавались впередъ, увлекая другихъ и бой кипѣлъ съ ожесточеніемъ, хотя несчастныхъ случаевъ, какъ помню, никогда не происходило. Эти битвы воспѣвались своими поэтами и о нихъ были писаны цѣлыя поэмы въ родѣ Россіады Хераскова. Если бы и теперь можно было прочесть одну изъ такихъ поэмъ, помнится, гардемарина Ширинкина, то я увѣренъ, что въ ней было бы признано много таланта.

Корпусная жизнь наша протекала въ ученіи и играхъ самыхъ разнообразныхъ. Часто также составлялись хоры подъ регентствомъ гардемарина Иванова, который былъ большой любитель пѣнія и имѣлъ прекрасный теноръ. Онъ не упускалъ ни одного церковнаго торжества съ пѣвчими и посѣщалъ всѣ архіерейскія и митрополитскія служенія. Кромѣ церковной музыки мы пѣли и разные романсы, которые можно пѣть хоромъ, помню:

«Гдѣ прежъ сего цвѣла Троянская столица,
Тамъ въ наши времена посѣяна пшеница;
Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,
Тамъ въ наши времена живутъ пономари».

Также:

«Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно».

И множество другихъ.

Нравственнаго воспитанія въ корпусѣ не было; кто былъ хорошо воспитанъ дома до 11-ти-лѣтняго возраста, тотъ могъ пройти всѣ искушенія корпусной жизни невредимымъ; а искушенія эти были дѣйствительно очень велики. Въ корпусѣ было свободное поле всевозможнымъ страстямъ и порокамъ, гдѣ во всемъ блескѣ могла проявиться сила добраго домашняго воспитанія въ религіи и нравственности. Учились мы много: четыре часа до обѣда и четыре часа послѣ обѣда; четыре предмета ежедневно. Учителя у насъ были очень оригинальные, хотя и хорошо знавшіе свое дѣло.

Помню учителя математики, Исакова, Петра Ивановича, который имѣлъ обыкновеніе давать кокосы по головѣ ученика, незнавшаго заданнаго урока, но за то былъ прекрасный человѣкъ и преподавалъ превосходно. Такую кокосу получилъ однажды очень забавно товарищъ, сидѣвшій возлѣ меня. Классу была задана какая-то задача изъ алгебры; я, зная что мой сосѣдъ очень плохъ въ алгебрѣ и станетъ списывать задачу у меня, нарочно написалъ на доскѣ безсмысленное рѣшеніе. Быстро списавъ, онъ поспѣшилъ показать учителю раньше другихъ. Когда же П. И. Исаковъ взглянулъ на доску, то, конечно, при словѣ «болванъ» далъ ему славную кокосу, послѣ чего онъ возвратился на свое мѣсто, грозя мнѣ мщеніемъ. Кокосой назывался ударъ по головѣ сложенными крѣпко тремя пальцами, изъ коихъ первенствовалъ средній.

Воронинъ, Ананій Екимовичъ, толстый, красный, страшно харкавшій человѣкъ, но очень хорошій учитель, увлекательно преподавалъ исторію, такъ что въ его классъ многіе приходили слушать изъ другихъ классовъ, гдѣ случалось не бывать учителю. Ѳедоръ Васильевичъ Груздевъ, добрѣйшій человѣкъ, преподавалъ русскій языкъ и смѣшилъ насъ интонаціями голоса, когда говорилъ стихи, особенно басни Крылова и Хемницера. Передъ диктантомъ обыкновенно говорилъ «дружи, дружки! почините ваши перушки». Однажды съ нимъ сдѣлали очень гадкую и даже низкую шутку, утвердили булавку въ его табуретѣ, на который онъ сѣлъ и, разумѣется, быстро вскочилъ. Негодованіе было общее, надо сказать къ чести кадетъ, и если бы не было сдѣлано такъ секретно, что до моего выпуска осталось неизвѣстнымъ, то негодяй, конечно, страшно бы за это поплатился. По слово-охотливости и краснорѣчію, Груздева прозвали краснобаемъ. Бругенкатъ, учитель англійскаго языка, съ пѣтушинымъ хохолкомъ на головѣ, очень милый, добрый англичанинъ, единственный примѣръ учителямъ языковъ, у котораго мы дѣлали успѣхи и могли даже говорить нѣсколько по англійски, что очень пригодилось мнѣ,

когда я съ фрегатомъ былъ въ Англіи. Французскій языкъ преподавалъ Триполи, предметъ общихъ насмѣшекъ учениковъ по своимъ страннымъ шутовскимъ пріемамъ, по своей фигурѣ и возгласамъ. Артиллеріи училъ офицеръ, онъ же, сколько помню, и фортификаціи. Учили насъ и корабельной архитектурѣ. Геодезію преподавалъ очень оригинальный учитель, котораго поговорки были до того шутливо-грубы, что ихъ нельзя даже повторить здѣсь. Географіи училъ Зарубинъ. Все это были оригиналы своего времени, какихъ уже теперь, думаю, рѣдко можно встрѣтить, хотя между педагогами, думаю, что еще найдется и стараго закала.

Къ чести нашихъ оригиналовъ надо сказать, что они добросовѣстно выполняли свои обязанности преподавателей. Не лѣнясь слѣдили за успѣхами учениковъ, безпристрастно относились къ нимъ, на экзаменахъ не различали маменькиныхъ сынковъ и нетерпѣніемъ своимъ не сбивали знающаго, если онъ нѣсколько замѣшался или запнулся, а давали ему время высказать вполнѣ или знаніе или незнаніе. Теперь же по моимъ наблюденіямъ, не считаютъ нужнымъ слѣдить за истинными успѣхами; если ученикъ по робости своего характера или неспособности невдругъ отвѣтитъ, запнется, то учитель никакъ не потрудится удостовѣриться, отъ незнанія-ли произошла запинка или отъ другихъ причинъ, и повелѣвъ грубо садиться на свое мѣсто, ставитъ ему дурной баллъ, тогда какъ ученикъ по знанію спрошеннаго предмета, достоинъ бы былъ хорошаго балла и въ чемъ бы учитель убѣдился, еслибы имѣлъ довольно терпѣнія и любви къ своимъ ученикамъ.

Если же принять въ соображеніе нынѣшнее содержаніе учителей и прежнее, то перевѣсъ окажется въ пользу прежнихъ нашихъ стариковъ.

Безъ сомнѣнія, результаты тогдашняго ученія будутъ много слабѣе нынѣшнихъ, но это оттого, что тогда и средства научныя были не тѣ. Но все же надо вспомнить, что изъ этой школы вышли Нахимовы, Дали, Корниловы, Новосильскіе, Глазенапы, Путятины, Будаковы, все это питомцы того времени, и все это герои, краса и гордость Россіи.

За ученіемъ слѣдовали игры. Лѣтомъ обыкновенно играли въ городки. Для этой игры сами кадеты выкраивали, шили и туго набивали небольшіе изъ крѣпкой кожи мячики. Игравшіе раздѣлялись на два стана; одни въ городѣ, обведенномъ чертою, а другіе въ полѣ, тоже обведенномъ чертою. Одинъ подавалъ мячикъ, подкидывая его вверхъ, а другой концемъ палки сильно ударялъ по немъ,

держа палку обѣими руками; мячикъ отлеталъ далеко, а въ это время весь городъ добѣгалъ до полевой черты и возвращался назадъ.

Противники должны были, проворно поднявъ отлетѣвшій мячикъ, стараться запятнать бѣгущихъ къ городу и если это удавалось, то городъ выгонялся въ поле, а противники занимали городъ.

Поэтому въ этой игрѣ нужны были сила и ловкость, что бы мячикъ отлеталъ какъ можно дальше. Другая игра очень скромная, называлась въ житки, гдѣ играли трое: одинъ билъ по очереди, одинъ подавалъ мячикъ, третій стоялъ въ полѣ и долженъ былъ поймать на лету мячикъ; тогда онъ билъ, подававшій отправлялся въ поле, а бившій подавалъ. Въ первой игрѣ, въ городки тоже, когда кто изъ полевыхъ поймалъ мячикъ на лету, то игра считалась выигранною и играющіе смѣнялись. Третья игра называлась «съ носка». Для этого шили огромный и некрѣпко набитый мячъ; играющіе становились въ кругъ и кому доставался мячикъ, тотъ билъ его носкомъ прямо вверхъ, чтобъ закинуть на крышу огромнаго четырехъэтажнаго корпуса, что считалось торжествомъ. Четвертая, въ которой участвовало очень много лицъ, называлась «вырываться»; это, думаю, изобрѣтеніе морскаго корпуса. Одна партія подвигалась впередъ и проводила большой мячъ, который долженъ былъ удариться въ стѣну, защищаемую другой партіей, которая отражала мячъ и, въ свою очередь, старалась провести его въ противоположную сторону. Все это дѣлалось ногами, руки тутъ не участвовали. Лѣтомъ играли также въ солдатики, изукрашивая себя раскрашенными бумажками, звѣздами и другими орденами, а также изъ бумаги шились мундиры и треугольныя шляпы съ перьями.

Одно только лѣто, когда Долгоруковы и съ ними наши сестры уѣзжали за границу, я оставался въ корпусѣ. Изъ замѣчательныхъ каникулярныхъ шалостей была одна очень непріятная для того, надъ кѣмъ она производилась. Она называлась «закусить и выпить».

Это дѣлалось такъ: кому нибудь изъ спящихъ днемъ во время жары, подкрадываясь, давали оплеуху или пощечину, конечно не очень крѣпкую и когда онъ, проснувшись, раскрывалъ глаза, ему въ лице выливали ковшъ воды и спасались бѣгствомъ. Другая шутка называлась «спустить корабликомъ». Для этого подходятъ тихонько къ спящему, одинъ беретъ за два конца одѣяло съ ногъ, другой съ головы и спавшій на кровати внезапно просыпался на полу. Эти кораблики повторялись и во время плаванія на корпусныхъ судахъ, гдѣ спавшій въ койкѣ, подвѣшенной у потолка, слеталъ на палубу. Изъ каникулярныхъ фантазій въ свѣтлыя петербург-

скія ночи, самая веселая была ночная окрошка. Для этаго изъ залы отъ ужина выносили подъ полами куртки хлѣбъ, въ который вкладывалась говядина; заранѣе приготовлены были лукъ, квасъ, печеныя яйца, взятыя изъ мелочной лавочки и все это пряталось подъ кровать съ миской и ложками. Когда въ 10 часовъ проходилъ дозоръ, дежурный офицеръ съ солдатомъ, несшимъ за нимъ фонарь, всѣ лежали подъ одѣяломъ какъ спящіе; но только что шаги дозора замолкли на галереяхъ, тотчасъ всѣ вскакивали и принимались за работу; крошилась говядина, печеныя яйца, лукъ; работа, конечно, сопровождалась веселымъ говоромъ и смѣхомъ, а затѣмъ начинался восхитительный ужинъ, послѣ котораго уже всѣ серьезно укладывались спать. Главная прелесть этого ужина, конечно, заключалась въ томъ, что это дѣлалось не въ обычное время, внѣ начальническаго надзора, съ разставленными часовыми на случай внезапнаго появленія дежурнаго. Сторожа, которые находились при каждой камерѣ, въ невинномъ удовольствіи не мѣшали, а еще помогали.

Гардемарины въ каникулярное время отправлялись въ практическое плаваніе, продолжавшееся два мѣсяца. Плаваніе ограничивалось только взморьемъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ, которое называлось маркизовой лужей, по имени морскаго министра маркиза де-Траверсе. Въ плаваніи гардемарины исполняли всѣ матросскія работы. Двухъ и трехъ-кампанцы распредѣлялись по разнымъ марсамъ и назывались марсовыми, въ числѣ которыхъ находился и я во вторую кампанію. Одно-кампанцы назывались ратниками и на марсы не назначались.

Въ марсовые выбирались гардемарины, которые по росту, проворству и силамъ, могли исполнять работы довольно трудныя, какъ-то: отдавать и крѣпить паруса, стоя на смоленныхъ веревкахъ, подвязанныхъ къ реямъ и называемыхъ пертами; брать рифы, то есть уменьшать площадь паруса.

Самые главные паруса-марсели находятся на серединѣ мачты, и довольно высоко, но брамсели находятся выше марселей, а бомъ-брамсели еще выше брамселей, такъ что работа на такой огромной высотѣ требовала смѣлости и крѣпкой головы. Нѣкоторые же смѣльчаки поднимались до самаго конца мачты, но такихъ было, конечно, очень не много. Только одинъ Фонтонъ прославился тѣмъ, что входилъ на самый клотикъ: это деревянная, дощатая, круглая плоскость, центромъ утвержденная на самомъ концѣ мачты. Онъ всходилъ на клотикъ и становился на колѣна. Другой гардемаринъ, потомъ извѣстный капитанъ-лейтенантъ Торсонъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ часто взбирался на клотикъ, но разъ случилось, что уронили

что-то на палубѣ и сотрясеніе, передавшееся на конецъ мачты, такъ испугало его, что съ тѣхъ поръ онъ уже не возобновлялъ этой попытки.

Однажды мы всѣ марсовые лежали на реяхъ, убирая паруса, а на нокѣ марсореи, т. е. на самомъ концѣ ея, былъ Петръ Александровичъ Бестужевъ. Спущенная рея вѣроятно не дошла до конца и вдругъ она осѣла внизъ почти на четверть. Всѣ, конечно, нѣсколько испугались, а Бестужевъ, котораго мѣсто было самое опасное, вдругъ поблѣднѣлъ такъ, что мы его должны были перетащить и спустить на марсъ. Гардемаринъ одно-кампанцевъ пріучали лазить на мачты; нѣкоторые слабонервные очень боялись и такъ какъ добровольно не хотѣли идти, то таковыхъ поднимали на веревкѣ. И сколько хохоту бывало всегда при этомъ! Трусы особенно боялись путенъ-вантъ, которые отъ мачты шли къ марсу первой площадки, такъ что надо было лѣзть спиной внизъ и держаться на вѣсу.

Въ походѣ давали намъ чай, но кто вообразитъ, что это былъ обычный чай въ чашкахъ, тотъ очень ошибется; его намъ подавали въ оловянной мискѣ съ сухарями и мы его черпали ложками, какъ супъ.

Кромѣ одного года, проведеннаго княземъ, княгинею и сестрами за границей, насъ съ братомъ на каникулы, обыкновенно, брали Долгоруковы и это время, проведенное у нихъ на дачахъ, было самымъ очаровательнымъ временемъ моихъ воспоминаній.

По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, первое лѣто мы жили на дачѣ князя, на Каменномъ островѣ, на малой Невкѣ, прямо противъ большаго подводнаго камня, отъ котораго я думаю и островъ получилъ свое названіе. Въ домѣ князя по временамъ жилъ студентъ, князь Барятинскій, родственникъ князя. Мы съ сестрой помѣщались въ мезонинѣ съ большимъ балкономъ, надъ самой рѣкой. По вечерамъ, обыкновенно, гуляли по чуднымъ алеямъ Каменнаго Острова или въ саду па берегу рѣки.

На разныхъ дачахъ по почамъ зажигали великолѣпные фейерверки и играла музыка. Въ свѣтлыя петербургскія ночи, очень часто проплывали по Невѣ большіе катера съ пѣсенниками и музыкантами. Особенно хороша была роговая музыка Дмитрія Львовича Нарышкина, которая часто спускалась по теченію рѣки Невы, оглашая окрестности чудной гармоніей.

На слѣдующее лѣто, мы жили уже пе на Каменномъ, а на Елагиномъ островѣ, кажется на дачѣ графа Орлова. Эта дача мнѣ памятна тѣмъ, что здѣсь княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукова задумала увѣнчать лавровымъ вѣнкомъ одного изъ героевъ великой

войны, графа Милорадовича, у котораго мужъ ея, князь Василій Васильевичъ, въ молдавскую кампанію былъ адъютантомъ. Для этого онъ былъ приглашенъ къ обѣду. Столъ былъ роскошно убранъ, въ огромной круглой залѣ съ стекляннымъ куполомъ. За обѣдомъ играла полковая семеновская музыка. Разговоръ былъ самый оживленный. Вспоминали войну, наши побѣды, наше великодушіе; разумѣется, государь былъ однимъ изъ главныхъ и самыхъ интересныхъ предметовъ разговора. Пили здоровье императора, за славу, за героевъ живыхъ и въ память павшихъ. Было шумно, весело, оживленно, несмотря на продолжительность роскошнаго обѣда. Чтобъ исполнить мысль княгини, заблаговременно розыскано было лавровое дерево и изъ его листьевъ устроенъ вѣнокъ, вмѣсто кольца, употребляемаго въ игрѣ серсо.

Когда шумно встали изъ за стола и вышли на терасу, княгиня предложила герою сыграть съ нею въ серсо, тотъ немедленно сталъ на другой конецъ и вмѣсто палки, не видя ея, торопливо вынулъ въ ножнахъ свою шпагу и приготовился ловить. Вѣнокъ полетѣлъ; но герой, незнакомый съ игрою, едва успѣлъ его поймать, но все же поймалъ. Тутъ вдругъ раздалось громкое ура, поднялись бокалы, музыка заиграла маршъ и герой, пораженный неожиданнымъ оборотомъ игры, держа лавровый вѣнокъ, тронутый до глубины души, склонилъ колѣно передъ княгиней и съ жаромъ поцѣловалъ ея руку. Такъ какъ вѣнокъ едва только былъ имъ пойманъ и уже падалъ, то онъ сказалъ:

— «Какъ бы я обманулъ ваше великодушное намѣреніе княгиня, еслибъ уронилъ вѣнокъ, которымъ вамъ угодно было меня увѣнчать!»

Княгиня отвѣчала: «еслибъ онъ не попалъ на вашу шпагу, то, конечно, упалъ бы вамъ прямо на голову»—новое ура, шампанское, новое преклоненіе колѣна и цѣлованіе руки.

Да, это было истинннымъ торжествомъ героя. Я увѣренъ, что при древнихъ турнирахъ и рыцарскихъ поединкахъ не было красавицы выше княгини, красотою, умомъ, любезностью и тѣмъ очарованіемъ, какимъ она обладала. Это было чудное существо, за одинъ ласковый взглядъ котораго, не было подвига, на который бы не рѣшился истинный рыцарь.

Что же долженъ былъ чувствовать герой, увѣнчанный рукою такой женщины!

Одинъ годъ, 1817-й, мы жили на Аптекарскомъ островѣ;—это былъ годъ, когда я былъ произведенъ въ гардемарины и мечталъ уже о кругосвѣтномъ плаваніи. Въ это лѣто князь давалъ великолѣпный

балъ, на которомъ былъ наслѣдный принцъ прусскій, потомъ король, которому наслѣдовалъ нынѣшній германскій императоръ; были также наши великіе князья Николай и Михаилъ. Государь съ императрицею въ эту ночь, катаясь по Невѣ на голландскомъ буерѣ, подъѣзжалъ къ дачѣ, куда выходили къ нему князь, княгиня и всѣ гости. Затѣмъ былъ великолѣпный фейерверкъ. Жизнь на дачахъ была вообще не только пріятна, но для насъ, дѣтей, очаровательна. Сколько наслажденія въ свободѣ бѣгать по саду, играть, купаться, слушать музыку, пѣніе. Къ этому надо прибавить постоянно прекрасный, роскошный столъ, чай съ сахарными сухарями и кренделями, что для нашего дѣтскаго апетита очень нравилось, вечера на терасѣ, гдѣ, подъ говоръ и шумъ воды, сидя на креслѣ, мы бывало такъ сладко дремали. Сверхъ всего этого, видѣть княгиню, которую я любилъ всею силою юнаго сердца, почти до обожанія, исполнять какія нибудь ея порученія, нести шаль ея во время гулянія или зонтикъ, все это просто дѣлало счастливымъ меня и всѣхъ насъ, и мы съ завистью смотрѣли на того изъ насъ, кому выпадало это счастіе. Помню, какъ однажды, уже довольно далеко отойдя отъ дома, княгиня вспомнила, что позабыла перчатки; съ какою неистовою быстротой мы всѣ пустились бѣгомъ, чтобъ принести ихъ и, кажется, я былъ тотъ счастливецъ, который, обогнавъ другихъ, принесъ драгоцѣнную ношу. А когда зимою, бывало, всѣ собирались на вечеръ къ княгинѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ и она попроситъ меня надѣть ея теплыя ботинки, съ какимъ восторгомъ и счастьемъ я исполнялъ это. Видя, какимъ счастьемъ мы считали послужить чѣмъ нибудь ей, видя съ какимъ восторгомъ мы на нее смотрѣли, она часто отъ души смѣялась, своимъ милымъ, гармоничнымъ смѣхомъ, надъ нашею восторженною къ ней привязанностью. Могу сказать, что въ этомъ восторгѣ и привязанности къ ней болѣе всѣхъ выдавался я, какъ энтузіастъ, такъ какъ братъ былъ моложе меня на 3 года, а Васенька Хованскій не былъ такъ часто и нежилъ у князя постоянно какъ мы.

Князь на дачахъ очень любилъ играть со мною въ воланъ, что было очень удобно въ большомъ залѣ дачи на Елагиномъ съ стекляннымъ куполомъ. Мы въ эту игру играли каждый день, и до того усовершенствовались, что дѣлали по нѣскольку тысячъ, не уронивъ ни разу. Иногда играли также княгиня и сестра. Такъ же часто играли въ серсо и кромѣ удовольствія игры я и тутъ находилъ наслажденіе поднимать серсо, когда княгиня его роняла.

Это была истинно идеальная женщина. Сколько она дѣлала добра, содержа столь многихъ бѣдныхъ своими пенсіями. Это мнѣ потому

хорошо извѣстно, что она, не желая быть извѣстною, мнѣ поручала писать и переписывать списки тѣхъ, кому она постоянно помогала.

Я съ братомъ только что были выпущены изъ Петровскаго завода въ Сибири на поселеніе, когда княгиня Долгорукова скончалась. Сестра писала мнѣ объ ея христіанской чудной кончинѣ. Она не желала пышныхъ похоронъ и завѣщала похоронить себя въ простомъ гробѣ. Масса нищихъ провожала ее. Эта прекрасная душа въ прекрасной оболочкѣ вѣрно не была отъ міра сего, потому что была рано взята отъ ея земнаго высокаго положенія къ безконечно высочайшему! Меня и офицерство не радовало, когда она, увидѣвъ меня въ первый разъ въ мундирѣ съ золотыми эполетами, и улыбнувшись сказала:

— «Ну, я теперь ужъ не буду звать тебя Сашенькой, а Александромъ Петровичемъ».

Я же умолялъ ее, чтобъ она не переставала звать меня какъ прежде. Ея отъѣздъ за границу передъ самой эпохой 14-го декабря 1825-го года, можетъ быть, болѣе всего способствовалъ тому, что мы такъ горячо предались дѣлу возстанія. Сестры наши уже были у матушки; безъ княгини мы ходили въ домъ князя рѣдко, такъ какъ онъ съ утра былъ постоянно въ придворной конюшенной конторѣ или по своимъ многочисленнымъ заведеніямъ и мастерскимъ; вечеръ же гдѣ нибудь. Еслибъ была княгиня въ Петербургѣ, то большей части бесѣдъ, которыя такъ воспламеняли насъ на нашей квартирѣ, въ нашемъ кругу, можетъ быть не было бы, и не было бы потому, что при ней мы бо́льшую часть свободнаго отъ службы времени проводили у нихъ. Безъ нея же мы ходили изрѣдка въ домъ къ Аннѣ Михайловнѣ Паризо, воспитательницѣ двухъ дочерей княгини Марьи и Варвары Васильевны, которая можно сказать была ихъ идеальной воспитательницей. Свѣтлый умъ, высокое образованіе, кротость, снисходительность и въ тоже время твердость правилъ, изящные пріемы въ обращеніи, словомъ ея высокія достоинства дѣлали ее скорѣе другомъ, нежели гувернанткой; она не могла подходить подъ это названіе, такъ какъ въ отсутствіи княгини вполнѣ замѣняла мать для маленькихъ княженъ и была другомъ ихъ бабушки, княгини Екатерины Ѳедоровны.

Сколько отрадныхъ вечеровъ провелъ я, бывая въ Москвѣ по возвращеніи съ Кавказа, въ ея миломъ, пріятномъ обществѣ. Она жила въ Нѣмецкой улицѣ, въ своемъ уютномъ маленькомъ домѣ, съ внучкой своей, дочерью друга и товарища юности нашей Павла Петровича Паризо, тогда бывшаго инженеромъ путей сообщенія и

уже умершаго. Онъ жилъ въ домѣ князя и ѣздилъ на лекціи въ институтъ.

Уже много лѣтъ спустя послѣ нашей ссылки, эти вечера, эта дорогая пріязнь, даже могу сказать дружба, которую она мнѣ оказывала, никогда не изгладится изъ моей памяти и моего сердца. Въ Москвѣ эта чудная женщина была патріархомъ французской московской колоніи, съ многими членами которой я у нея познакомился и помню, что между другими часто у нея бывала дѣвица Деласаль [1]), которая была такъ очаровательна по уму, красотѣ, серьезному образованію и выдающемуся высокому образу мыслей, что я былъ очарованъ ею.

По окончаніи каникулъ къ 1-му августа возвращались въ корпусъ, гдѣ снова начинались классы, игры и шалости. Зимнія игры бывали: бирюльки изъ тонкихъ соломенокъ, булавочки, катаніе карандашей, выточенныхъ въ продолговатые, круглые валики или цилиндры изъ оселка, разныхъ размѣровъ, которые носили названіе разныхъ кораблей. Ихъ катали по столу съ грифельныхъ досокъ, какъ катаютъ яйца. Играли также въ чехарду, въ рыбку, прыгали черезъ человѣка, въ кошку и мышку, катались на конькахъ, для чего поливались два большіе двора, словомъ игры были такъ многочисленны и разнообразны, что скучать было невозможно и некогда.

Передъ выпускомъ занимались прилежнѣе; вставали по ночамъ, учились по вечерамъ, конечно, съ своими свѣчами, потому что въ камерѣ другаго освѣщенія не было, кромѣ масленныхъ ночниковъ, прибитыхъ къ стѣнамъ. Мы для занятій по вечерамъ всегда приносили запасъ восковыхъ огарковъ изъ дома князя Долгорукова. Но это освѣщеніе нужно было бдительно охранять отъ различныхъ покушеній со стороны хищниковъ. Форма наша состояла изъ двубортной куртки съ галуномъ на воротникѣ и рукавахъ. Кто пускался на открытое хищничество, тотъ прикрывалъ лице одной полой разстегнутой куртки (и назывался фуркой); подкрадывался къ столу, гдѣ горѣлъ восковой огарокъ, схватывалъ его и убѣгалъ. Конечно, за нимъ слѣдовала погоня, летѣла въ фурку подушка, чтобы сбить его съ ногъ и когда это удавалось, то затѣмъ, конечно, слѣдовали тумаки; иногда же фурка успѣвала скрыться.

Такъ протекали дни нашей корпусной жизни съ ученіемъ, играми и шалостями, горемъ, радостью, дружбою и враждою. Дружба

---

[1]) Въ настоящее время она содержитъ пансіонъ въ Москвѣ, который славится воспитаніемъ.

наша была идеальная, а вражда безмѣрная. Кто повѣритъ, что враждующіе не говорили между собою и избѣгали другъ друга года по два и болѣе. Но когда приближался великій постъ и прощенные дни, тутъ часто происходили трогательныя примиренія. Какъ ни тяжело вѣтхому человѣку, даже въ отрочествѣ, побороть свою гордость и приблизиться съ протянутой рукою къ врагу, но высшая сила, присущая намъ отъ купели крещенія, неодолимо влекла къ тому, отъ котораго отталкивало сердце, такъ по крайней мѣрѣ было со мною. За то, какою сладостью оно наполнялось, когда примиреніе совершалось и дружба занимала мѣсто вражды. Бывали между враждующими и такіе, которые отвергали приближавшагося съ миромъ, но все же вражда уже была побѣждена и вскорѣ затѣмъ враги сближались. Между воспитанниками много было такихъ, которые домашнимъ воспитаніемъ были настроены религіозно и часто между нами, единомысленниками, бывали религіозныя бесѣды, весьма сладостно волновавшія сердце и которыя питались и укрѣплялись чтеніемъ религіозныхъ книгъ. Помню, что тогда библейскимъ обществомъ были распространены небольшаго формата библіи и тогда же появились евангелія русско-славянскія, издавались бесѣды митрополита Михаила и краткія житія нѣкоторыхъ святыхъ.

На верху корпуснаго зданія была домовая церковь и очень хорошіе пѣвчіе. Вообще служба совершалась весьма благоговѣйно и благолѣпно.

Каждую субботу была всенощная и всѣ роты фронтомъ приводились въ храмъ, гдѣ и стояли по ротно, при старшихъ и младшихъ офицерахъ; въ такомъ же порядкѣ слушалась литургія по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ. Въ праздники, обыкновенно, за обѣдомъ играла своя корпусная музыка и, въ эти дни, за обѣдомъ давали сладкіе слоеные пироги. Торты, жареные гуси были только въ рождество и пасху.

Корпусный нашъ залъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что при своей огромности онъ не имѣлъ колоннъ, а между тѣмъ онъ вмѣщалъ въ одной своей половинѣ за обѣдами до 700 человѣкъ, а могъ помѣстить и болѣе, принимая въ разсчетъ большое мѣсто въ концѣ зала, гдѣ помѣщалась огромная модель корабля.

Законъ Божій преподавалъ намъ свой корпусной священникъ, но это преподаваніе не имѣло особеннаго вліянія, какъ сухое и холодное; но когда къ намъ поступилъ іеромонахъ Іовъ, то эта сторона воспитанія приняла совершенно другой видъ. Религіозная жизнь быстро возродилась. Прекрасный собой, кроткій, любящій, увлекательно-краснорѣчивый и ревностный пастырь юныхъ овецъ, онъ вдругъ

овладѣлъ сердцами всѣхъ, особенно же тѣхъ, которые были подготовлены дома религіозно. Во время служенія, когда онъ своимъ симпатичнымъ голосомъ читалъ Евангеліе за всенощной или за обѣдней, то это божественное слово по истинѣ проникало въ сердце, такъ что у нѣкоторыхъ слезы навертывались на глазахъ, какъ это было со мною.

Въ преподаваніи закона Божія, онъ разсказывалъ намъ дивное величіе и благость Божію и Его безконечное милосердіе къ обращающимся на путь добродѣтели, и такимъ образомъ возжигалъ въ юныхъ сердцахъ ту любовь къ Богу, съ которой является ненависть къ пороку и рѣшимость творить только угодное Богу. Да, это было самое сладостное время для нашихъ душъ; и какое вліяніе оно имѣло на всѣхъ. Какъ улучшались нравы въ бо̀льшой массѣ воспитанниковъ, какое бодрствованіе и наблюденіе за собою, какая кротость и скромность заступили мѣсто безстыдныхъ выраженій и привычекъ, какой миръ, словомъ, это время было эпохой истиннаго возрожденія, котораго плоды не погибли ни для одного изъ тѣхъ, которые пробуждены были отъ грѣховнаго усыпленія, хотя и отроческаго, и еслибъ продолжалось постоянно такое религіозное воздѣлываніе, то думаю, что корпусное воспитаніе было бы истиннымъ, плодотворнымъ воспитаніемъ. Когда онъ приходилъ въ роты въ праздничные дни, то по галлереямъ за нимъ обыкновенно слѣдовала масса кадетъ и всѣ просили его зайти къ нимъ, хоть на минуту, чтобъ слышать его сладкую бесѣду или какое нибудь назидательное слово; и что онъ говорилъ съ любовію и чему поучалъ, то каждый старался помнить и исполнить.

Къ несчастію, этотъ чудный отецъ Іовъ не долго могъ продолжать свое благодѣтельное служеніе; его постигла какая-то необыкновенная болѣзнь, что то въ родѣ умопомѣшательства, въ припадкѣ котораго онъ однажды вечеромъ пришелъ въ церковь и ножемъ разрѣзалъ на крестъ мѣстные образа Спасителя, Божьей Матери и еще нѣкоторые другіе. Въ это время въ Петербургѣ сильно бродили западныя реформатскія идеи. Говорили даже, что императоръ Александръ, вслѣдствіе вліянія на него г-жи Крюднеръ, также поддерживалъ ихъ. Въ ея запискахъ (Memoires de m-me Crudner) она пишетъ, что во все время ея публичныхъ проповѣдей во многихъ городахъ и мѣстахъ Германіи, ее постоянно преслѣдовала мысль идти къ императору Александру, который въ дни величайшей своей славы и торжества, послѣ такихъ событій, какъ пораженіе Наполеона и освобожденіе отечества, чего нельзя было приписать случаю, все же страдалъ скептицизмомъ, при всемъ своемъ желаніи вѣровать. Въ

тотъ самый вечеръ или, лучше сказать, въ ту самую ночь, когда она дошла до мѣста, гдѣ была расположена императорская квартира, государь ходилъ по своей комнатѣ и, уже слышавъ о проповѣдническихъ подвигахъ г-жи Крюднеръ, размышлялъ о силѣ той вѣры, которая двигала ею, какъ вдругъ входитъ князь Волконскій и докладываетъ, что г-жа Крюднеръ желаетъ его видѣть. Понятно, какъ онъ былъ пораженъ этою случайностью, но приказалъ ее впустить. Она успѣла до того поколебать его скептицизмъ, что онъ вмѣстѣ съ нею и ея спутницей преклонилъ колѣна и долго молился. Ставши христіаниномъ по образцу Крюднеръ, конечно, онъ болѣе уже склонялся къ религіи реформатской, нежели къ своей православной и единой истинной, о которой, конечно, не имѣлъ настоящаго понятія, какъ къ несчастію и великому несчастію и теперь не имѣетъ большинство образованныхъ классовъ...... Говорили также, что за одну книгу, переведенную на русскій языкъ, въ которой приводились иконоборческія понятія и которая понравилась государю, былъ удаленъ поставленный епископомъ пензенскимъ архимандритъ Иннокентій, противившійся ея напечатанію, какъ цензоръ. Можетъ быть, нашъ іеромонахъ Іовъ принадлежалъ къ числу увлекавшихся этими идеями, но когда онъ совершилъ этотъ актъ иконоборства, его видѣли въ комнатѣ горячо молившимся всю ночь и слышали, что онъ молилъ Господа не только простить ему этотъ поступокъ, этотъ грѣхъ, но и исцѣлить какъ его душу, такъ и разрѣзанные имъ образа. Его тотчасъ же удалили изъ корпуса, а съ его удаленіемъ наша религіозность ослабѣла снова, хотя впрочемъ многіе возрастили посѣянныя сѣмена вѣры и, въ томъ числѣ мы съ братомъ и другіе изъ нашимъ друзей. Онъ былъ человѣкомъ лѣтъ 35, высокій, съ прекрасными русыми волосами, раскинутыми по плечамъ, съ голубыми глазами, правильными чертами лица, съ такою пріятною наружностью, которая всѣхъ привлекала къ нему. Походка его была тихая и мѣрная, въ глазахъ сіяла кротость и доброта, голосъ звучный и чрезвычайно симпатичный и когда онъ служилъ и читалъ евангеліе, то многіе не могли удержаться отъ слезъ. Это по истинѣ было чудное явленіе въ корпусѣ. Его любовь, его ревность, заботливость въ обращеніи сердецъ къ Богу любви, объясняютъ успѣхи первыхъ проповѣдниковъ слова Божія.

Этотъ случай благотворнаго вліянія одного человѣка на нравы воспитанниковъ, однимъ только Божественнымъ словомъ, съ любовію внѣдряемымъ въ юныя сердца, ясно показываетъ, что для исправленія нравовъ какъ въ дѣтяхъ, такъ и въ обществѣ, нѣтъ другой силы столь всемогущей, какъ христіанская религія, не сухо и хо-

лодно преподаваемая, а съ любовію и примѣромъ внѣдряемая въ сердца людей. Законъ гражданскій можетъ заставить повиноваться себѣ посредствомъ страха, но посредствомъ этого же страха его можно обойти, тайно нарушить, можно истолковать для своихъ цѣлей съ полнымъ внутреннимъ сознаніемъ, что онъ стѣснителенъ и непрактиченъ, даже глупъ, и обойти его есть дѣло ума и ловкости. Законъ не имѣетъ силы надъ совѣстью, онъ имѣетъ только силу кары. Нравственное ученіе, внѣ религіи преподаваемое, во имя чего можетъ быть обязательно для внутренняго убѣжденія? Во имя самаго добра, говорятъ другіе. Но понятія и о добрѣ часто бываютъ весьма различны и относительны: одинъ называетъ добромъ то, что другой не называетъ и не признаетъ, а проводитъ свою идею добра и зла каждый по своимъ наклонностямъ и страстямъ. И вотъ причина, почему однѣ и тѣже неправды, одинъ и тотъ же развратъ, однѣ и тѣже злоупотребленія, корыстолюбіе и себялюбіе являются во всѣхъ странахъ и во всѣхъ формахъ правленія, начиная съ самаго неограниченнаго, до самаго свободнаго.

И такъ, гдѣ же побужденія дѣйствительно и могущественно измѣняющія плутовство и обманъ въ строгую честность и правоту, корыстолюбіе въ безкорыстіе, развратъ въ цѣломудріе, пьянство въ трезвость, раболѣпство въ истинную христіанскую свободу, какъ не тамъ, гдѣ власть всевидяща, всевѣдуща, отъ которой ничто не сокрыто и которая, хотя не проявляетъ себя прямо и непосредственно мечемъ своего правосудія и страшной кары (хотя и это бываетъ часто), но которая таинственно накладываетъ свою огненную печать на каждаго нарушителя ея законовъ, свидѣтельствуя о Его вѣчномъ бытіи и Его правдѣ. Поэтому только тѣ суть истинные и безкорыстные исполнители закона государственнаго (гдѣ онъ не противенъ закону Евангельскому), которые въ душѣ носятъ Бога и Его святыя заповѣди.

А. П. Бѣляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТУРЕЦКІЙ ПОХОДЪ 1828 ГОДА

И СОБЫТІЯ, ЗА НИМЪ СЛѢДОВАВШІЯ.

Записки Принца Виртембергскаго.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

V [1]).

Въ февралѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ императора слѣдующій рескриптъ:

«Командуя, въ продолженіи бо́льшей части прошлаго похода, 7-мъ корпусомъ, ваше королевское высочество оказали на полѣ чести огромныя услуги во многихъ бояхъ примѣрною твердостію и храбростію и выказали себя передъ непріятельскими войсками опытнымъ и проницательнымъ полководцемъ. Поэтому почитаю лестнымъ для себя долгомъ выразить вашему высочеству за всѣ эти похвальныя начинанія и почетныя дѣйствія мою признательность, въ знакъ чего препровождаю вамъ при семъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и пребываю со всегдашнимъ почтеніемъ къ вамъ благосклонный Николай».

Я долженъ вдаться здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Въ Россіи существуютъ два вида орденскихъ рескриптовъ. Первый, образецъ котораго читатель имѣетъ передъ глазами, считается особеннымъ отличіемъ, придающимъ еще болѣе цѣны пожалованной наградѣ. Обыкновенно же орденъ присылается сперва, а патентъ на

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 79—94; 527—544; 781—800, томъ XXVIII, стр. 429—448.

него выдается позднѣе, иногда даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ [1]). Эти рескрипты, выдаваемые капитуломъ орденовъ, бываютъ по большей части совершенно коротенькіе и подписываются государемъ лишь въ томъ случаѣ, когда жалуютъ одинъ изъ высшихъ орденовъ и онъ былъ присланъ безъ особаго рескрипта.

Оставивъ въ сторонѣ всякій личный интересъ, какой я могъ имѣть въ обнародованіи столь лестнаго рескрипта, въ особенности въ настоящее время, я зналъ, что существуетъ обыкновеніе сообщать подобные императорскіе рескрипты редакціямъ петербургскихъ газетъ [2]), и поэтому тотчасъ послалъ свой рескриптъ въ «Journal de S.-Pétersbourg».

Контора отвѣтила, что она не уполномочена принять его. Нѣсколько дней спустя, въ русскихъ газетахъ появился коротенькій рескриптъ изъ капитула орденовъ; онъ же былъ присланъ и мнѣ также за подписью императора. Такимъ образомъ у меня оказалось два императорскихъ рескрипта, но передъ публикою я былъ обманутъ, по обыкновенію, въ оффиціальномъ свидѣтельствѣ. Если бы документы не подтверждали этого факта, то потомство, вѣроятно, не повѣрило бы моимъ словамъ.

Это было сдѣлано, вѣроятно, въ томъ разсчетѣ, что со времени пожалованія мнѣ перваго рескрипта прошло уже нѣсколько недѣль и я не буду требовать публикаціи его, а самовластное обнародованіе его въ иностранныхъ газетахъ противно дисциплинѣ.

Было бы ошибочно подозрѣвать сколько нибудь въ этомъ дѣлѣ графа Дибича. Напротивъ того, онъ достигнулъ того, чего желалъ. Пробывъ короткое время въ Петербургѣ, онъ выѣхалъ оттуда 5-го февраля (стараго стиля), чтобы принять начальство надъ арміей на Дунаѣ. Отъ того же числа былъ мой первый рескриптъ, о второмъ онъ не могъ ничего знать. Я думаю скорѣе, что онъ отъ души пожелалъ бы мнѣ теперь цѣлые милліоны, пожалуй, даже цѣлое королевство, такъ какъ онъ не былъ завистливъ, но только честолюбивъ и жаждалъ славы!

Я подозрѣваю, какъ все это случилось. Первыя слова вылились у императора Николая отъ души; но при концѣ, когда онъ подписывалъ свое имя, были пущены въ ходъ съ вѣдома его или нѣтъ, не знаю, чужія продѣлки. Представили ли ему дубликатъ къ подписи-такъ что онъ и не подозрѣвалъ всей.... продѣлки?—Мнѣ всего пріят-

---

[1]) Такъ, напр., я получилъ патентъ на Георгіевскій крестъ, данный мнѣ при Бородинѣ и на Владимірскій, полученный при Кульмѣ, лѣтъ 15 спустя.

[2]) Удостовѣриться въ этомъ можно, заглянувъ въ «Journal de S.-Pétersbourg».

нѣе это думать. Но что ожидало виновныхъ, если бы я пожаловался? И развѣ въ царствованіе Александра со мною не случилось нѣчто подобное «во имя требованій политики». Развѣ не могли сказать императору Николаю: «Оправдывая публично своего двоюроднаго брата, Вы обвиняете самого себя».

Отрекаясь теперь деликатнымъ образомъ отъ того, что онъ призналъ въ минуту справедливости, императоръ служилъ не своему интересу, такъ какъ онъ могъ только выиграть при каждомъ благородномъ поступкѣ, но, дѣйствуя такъ, онъ повиновался голосу самой простой мести (!?).

Я знаю побудительную причину этого поступка, но лучше умолчу о ней; скажу только, что во всякой странѣ люди интригуютъ, клевещутъ и злословятъ и честные люди при дворѣ бываютъ заклеймены навѣтами.

Не думайте вы, гордые иностранцы, читающіе и слышащіе о нѣмецкомъ добродушіи, что мы всѣ ангелы и глупцы; не думайте, что между нами змѣя раздора не властвуетъ также свирѣпо, а, быть можетъ, и еще свирѣпѣе нежели у васъ, что у насъ нѣтъ такой же злобы и мщенія! Я не нуждаюсь во власти священной римской имперіи (какъ говоритъ Шиллеръ), чтобы доказать это фактами изъ исторіи. Взгляните, какъ дѣлаются выборы старостъ въ деревняхъ, выборы бургомистровъ въ городахъ; поѣзжайте въ засѣданія совѣта высшихъ и нисшихъ коллегій, на обѣды богачей, въ будуары красавицъ, въ собранія ханжей, въ военныя канцеляріи, въ министерства, въ театральный міръ,—вездѣ вы встрѣтите интригу въ ея отвратительнѣйшихъ видахъ!—Но русская интрига имѣетъ свою личную, отечественную особенность; ея элементъ—грязь, она копошится въ навозѣ; человѣкъ высокопоставленный, находящійся подъ покровительствомъ монарха, можетъ даже о ней не заботиться, но зато, лишившись милости, онъ дѣйствительно теряетъ всякую опору и ему нельзя дать лучшаго совѣта, какъ искать въ иномъ мѣстѣ болѣе надежной почвы.

Причину того, почему русская почва съ самаго начала колебалась подо мною, слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ [1]), настоящая *русская* интрига играла тутъ весьма небольшую роль и я сознаюсь откровенно, что въ Россіи мнѣ приходилось, по большей части, жаловаться только на моихъ собственныхъ родственниковъ.

Дибичъ, весьма ловкій нѣмецкій интриганъ, держался, не смотря

---

[1]) Въ первой и второй части записокъ принца Виртембергскаго.

на своихъ многочисленныхъ враговъ, потому, что императоръ самъ покровительствовалъ ему.

Мы видѣли уже, какъ скоро онъ покончилъ свое дѣло, какъ трудно было ему испортить до основанія походъ 1828 года и какъ легко удалась побѣда въ 1829 году.

Когда императоръ оставилъ армію, дѣла находились приблизительно въ слѣдующемъ положеніи: Въ Валахіи, гдѣ главное начальство было ввѣрено графу Ланжерону, генералъ Гейсмаръ двинулся съ войсками шестаго корпуса на встрѣчу 25,000-му турецкому войску, сдѣлавшему вылазку изъ Виддина; тутъ произошло упорное сраженіе, кончившееся однако ничѣмъ и генералъ рѣшился еще ночью напасть на турокъ, причемъ они были разсѣяны безъ всякой потери съ обѣихъ сторонъ и оставили въ лагерѣ нѣсколько трофей. Храбрость и рѣшимость, выказанныя Гейсмаромъ въ этомъ дѣлѣ, заслужили высочайшее одобреніе и составили его репутацію. Онъ умѣлъ держать себя и хорошо зналъ турокъ.—Съ этой минуты Валахія была очищена отъ непріятеля.

Силистрію блокировалъ до сихъ поръ генералъ Ротъ; къ концу похода къ нему присоединился второй корпусъ. Его призвали послѣ пораженія при Браиловѣ, совершенно не во время, какъ было сдѣлано и многое другое. Онъ пришолъ слишкомъ поздно, чтобы помочь чему нибудь, но дальній осенній переходъ ослабилъ его баталіоны; и затѣмъ, въ самой Валахіи, зимою выбыло много людей по болѣзни. Туда двинулся теперь осадный корпусъ.

Графъ Витгенштейнъ съ третьимъ корпусомъ двинулся изъ подъ Шумлы сперва къ Енибазару, откуда войска его пошли частью въ Валахію, частью въ сѣверную Булгарію.

Генералъ Ротъ принялъ командованіе шестымъ и седмымъ корпусомъ (этотъ послѣдній находился теперь подъ командой генерала Ридигера) и остался на зимовку въ окрестностяхъ Варны.

Весною генералъ Вахтенъ предпринялъ морскую экспедицію къ Сиссеболису (Sissebolis) близъ Бургаса, завладѣлъ этимъ постомъ, укрѣпился въ немъ и отбилъ напавшій на него довольно сильный отрядъ турокъ. И такъ первый шагъ, сдѣланный въ эту кампанію Дибичемъ, былъ заимствованъ изъ моихъ начертаній, составленныхъ въ 1826 году и совершенъ моимъ бывшимъ адъютантомъ.

Лишь только дозволила погода, онъ былъ снова подъ Силистріей со вторымъ и третьимъ корпусомъ, первый подъ начальствомъ Петра Палена, а второй—Комаровскаго, такъ какъ Рудзевичъ умеръ въ теченіи зимы. Между тѣмъ, турки предприняли изъ Шумлы вылазку противъ Рота и въ окрестностяхъ Кослуджи произошло не-

большое сраженіе, окончившееся для русскихъ неудачею, причемъ, вслѣдствіе безполезнаго забѣганія впередъ отдѣльныхъ отрядовъ, весьма важной ошибки со стороны нашихъ войскъ въ эту войну, погибли, сколько мнѣ извѣстно, два генерала и два баталіона. Затѣмъ турки осадили Праводы.

Дибичъ дѣйствовалъ теперь въ стратегическомъ отношеніи весьма рѣшительно. Поспѣшно оставивъ со вторымъ корпусомъ окрестности Силистріи, онъ соединился по пути съ шестымъ и седмымъ корпусомъ при Енибазарѣ и очутился. такимъ образомъ, неожиданно съ довольно сильнымъ войскомъ между верховнымъ визиремъ и крѣпостью Шумлою. Турки, оставивъ осаду Праводъ, старались теперь окольными путями попасть оттуда въ Шумлу. Но покуда они шли съ этою цѣлью чрезъ горы въ Кулевчи, лежащій на склонѣ крутой высоты, Дибичъ встрѣтилъ ихъ въ равнинѣ при Мадардѣ, отдѣляя ихъ, такимъ образомъ, постоянно отъ Шумлы.

Покуда все шло хорошо. Дибичу, обыкновенно, все удавалось до тѣхъ поръ, покуда его планы намѣчались на картѣ, но, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, у него всегда оказывался недостатокъ въ опытѣ и проницательности.

Теперь онъ впалъ добровольно въ туже самую ошибку, которую онъ мнѣ навязалъ при Куртепэ, но изъ которой я съумѣлъ по крайней мѣрѣ выпутаться; если бы онъ сдержалъ слово, данное Молоствову, то ему пришлось бы разстрѣлять себя.

Стоя съ 40,000 человѣкъ (такъ какъ нѣкоторые отряды были посланы противъ Шумлы) противъ верховнаго визиря, едва ли располагавшаго такимъ же количествомъ войска, онъ все таки послалъ генерала Острошенко на лѣсистую высоту, всего съ пятью баталіонами и одной батареей. Результатомъ этого распоряженія было то, что турки окружили этотъ отрядъ въ виду всей русской арміи и разбили его на этой лѣсистой почвѣ. Двѣ тысячи триста человѣкъ русскихъ было при этомъ изрублено и турки ринулись затѣмъ съ горы со своею конницею, но были отброшены русской артиллеріей и вынуждены снова присоединиться на горѣ къ войскамъ визиря. Этотъ послѣдній, не смотря на свою побѣду, находился въ весьма незавидномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что генералъ Купріановъ подступалъ къ нимъ съ тыла изъ Праводъ.

Дибичъ потерялъ теперь голову и хотѣлъ удрать. Можно подумать, что я клевещу на него по злорадству и соперничеству. Повидимому, такъ и слѣдовало бы думать. Разсмотримъ же, каково было положеніе Дибича. Вообще онъ располагалъ теперь въ окрестностяхъ Шумлы не менѣе какъ 53 баталіонами, 64 эскадронами и

200 орудіями и имѣлъ передъ собою не болѣе турокъ, нежели я, когда у меня было 10 баталіоновъ, 14 эскадроновъ и 38 пушекъ. Сравнимъ же его задачу съ моею и посмотримъ, насколько несправедливое общественное мнѣніе не согласовалось съ отзывами арміи!—Равнодушіе съ моей стороны при подобныхъ обстоятельствахъ было бы совершенно немыслимо, но тѣмъ не менѣе, искаженіе историческихъ фактовъ было бы отнюдь непростительно. Сюда не относится одинъ фактъ, извѣстный всему русскому войску. Я самъ могу сослаться только на свидѣтельство очевидцевъ, отъ которыхъ я о немъ слышалъ, именно, на начальника главнаго штаба графа Толя, на генерала Вахтена, заступившаго впослѣдствіи его мѣсто, графа Палена и генерала Рота.

— NB. Трое изъ нихъ были самые заслуженные генералы въ арміи (я могъ бы назвать еще двѣнадцать другихъ свидѣтелей) и при томъ всѣ нѣмцы, такъ что въ ихъ свидѣтельствѣ невозможно заподозрѣть вліяніе ненависти, присущей русскимъ къ иностранцамъ.

Эти господа почти принудили главнокомандующаго къ серьезной демонстраціи противъ непріятеля, какъ они называли наступательное движеніе нашихъ войскъ. (Я полагаю, что въ этомъ принималъ также весьма дѣятельное участіе генералъ Бергъ).

Войско двинулось, наконецъ, подъ командою Толя, но въ дѣйствіи была лишь одна конная батарея генерала Арнольди. При первыхъ выстрѣлахъ съ ея стороны, вся непріятельская армія разбѣжалась, бросивъ свое орудіе. Русскіе не потеряли ни одного человѣка, но пороховой снарядъ, попавшій въ средину турецкаго отряда, причинилъ непріятелю значительный уронъ и разстроилъ его ряды. Положеніе непріятельской арміи дѣлало необходимымъ отступленіе и Турки совершили его своимъ обычнымъ порядкомъ, предпочитая остаться въ живыхъ, нежели быть убитыми. Тотъ, кто знакомъ съ особенностями этой войны, нисколько не удивится подобному исходу ея; также не покажется нисколько страннымъ, что, вслѣдъ за тѣмъ, мы уже не видѣли болѣе турецкаго войска, а лишь отдѣльныхъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ каждый въ свою сторону; часть ихъ пробралась окольными путями обратно въ Шумлу, а большинство вернулось домой.

На совѣтѣ русскихъ полководцевъ, гдѣ Дибичу присудили лавровый вѣнокъ, называя его побѣдителемъ по милости Божьей,—было рѣшено подвинуть дѣла какъ можно скорѣе впередъ и штурмовать Шумлу. Предпріятіе это, по моему мнѣнію, все еще представлялось отважнымъ и могло (при неудачѣ его) омрачить славу, доставленную походомъ. Поэтому Дибичъ оставилъ этотъ планъ, удовольство-

вавшись штурмомъ нѣсколькихъ укрѣпленій двумя эскадронами гусаръ [1]).

Вскорѣ послѣ этого онъ рѣшился перейти Балканы, т. е. рѣшился на такой геройскій подвигъ, который былъ предложенъ еще ранѣе мною въ 1826 и Жомини въ 1821 году, съ тою только разницею, что тогда можно было ожидать сопротивленія, теперь же Турки почти совсѣмъ не могли сопротивляться ему.

Однако поспѣшимъ къ цѣли этихъ чисто историческихъ замѣтокъ.

Силистрія сдалась. Красовскому было поручено прикрывать Шумлу, а Дибичъ съ двумя колоннами перешелъ Балканы и, надобно замѣтить, именно въ томъ пунктѣ, который былъ назначенъ мною въ моемъ операціонномъ планѣ, составленномъ въ 1826 году. Генералъ Ротъ, выдержалъ небольшое сраженіе при Дервишъ - Яншарѣ на берегу Камчика, самъ же Дибичъ прошелъ безъ всякаго сопротивленія черезъ Праводы въ Айдосъ. Правда, визирь двинулся въ это время съ нѣсколькими тысячами изъ Шумлы въ Сливно, и Дибичъ направился туда, но и тутъ, послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, Турки отступили къ сѣверу, оставивъ Румелію во власть русской арміи, состоявшей изъ 54 баталіоновъ, 24 эскадроновъ и 6 казацкихъ полковъ. Съ этими войсками Дибичъ совершенно свободно прошелъ до Адріанополя, гдѣ прусскій посланникъ, отъ имени европейскихъ державъ, сказалъ ему рѣчь, стараясь расположить его въ пользу Порты и гдѣ онъ остановился и заключилъ миръ.

Вотъ исторія похода 1829 года! Къ этому остается только добавить, что Дибичъ вернулся въ Россію графомъ Забалканскимъ, фельдмаршаломъ, кавалеромъ Георгіевскаго креста первой степени, и увѣнчанный славою, что Фридрихъ II считалъ главною заслугою полководца. Неудивительно поэтому, что его возвращеніе въ Россію въ 1830 году походило на тріумфальное шествіе, что король прусскій и берлинскіе жители признали въ немъ втораго Ганибала и предостерегали его предшественниковъ не поддаваться болѣе обману. (Seine Vorgänger bewarnten, sich nicht mehr beschummeln zu lassen [2]).

---

[1]) Александровскаго полка. Они спѣшились и овладѣли, потерпѣвъ значительный уронъ, редутами № 19 и 20, построенными въ прошломъ году седьмымъ корпусомъ и которыми теперь овладѣли турки. Не знаю, кто командовалъ въ этомъ дѣлѣ войсками, Ностицъ или Мадатовъ? Одинъ стоилъ другаго!

[2]) Острота актера Шмелька. Е. В.

Въ это время, подобно громовому удару, разнеслась въ Европѣ вѣсть объ іюльской революціи, и Дибичъ видѣлъ себя снова героемъ на Монмартрѣ, мечталъ быть ангеломъ спасителемъ въ бѣдствіи.

Съ береговъ Невы прогремѣла между тѣмъ вѣсть: «я иду съ 200,000 русскихъ»! и полякамъ было сказано: «вы составите мой авангардъ!» Но французы воскликнули: «авангардъ, обрати свое оружіе противъ центра арміи». И авангардъ парировалъ.

Все это можетъ понять лишь человѣкъ, знакомый съ этими событіями; но такъ какъ я не пишу исторію того времени, то и не могу вдаваться въ излишнія подробности.

Въ 1827 году я былъ въ Парижѣ. И тогда уже въ Café hardy рядомъ со мною два политика обсуждали французское правительство. Une révolution?!—Que dites-vous là?—Point de révolution, vous dis-je! Il ne faut que trois têtes, et le Duc d'Orléans est roi»! (Революція?—что вы говорите?—Никакой революціи не будетъ, говорю вамъ! Достаточно смерти трехъ человѣкъ и герцогъ Орлеанскій будетъ королемъ!) Этими словами одинъ изъ нихъ опровергалъ замѣчанія другаго; я же схватилъ свою шляпу и трость и прямо побѣжалъ домой къ своему хозяину.

— «Представьте, сказалъ я ему, я сейчасъ чуть не попался въ сѣти двухъ полицейскихъ шпіоновъ, такъ какъ разумѣется никто другой не посмѣлъ бы такъ выражаться въ публичномъ мѣстѣ?» «Напротивъ, возразилъ хозяинъ отеля, это мнѣніе всего Парижа».

«Et c'est aussi mon avis» возразилъ на слѣдующее утро остроумный русскій посланникъ Поццо ди Борго, добавивъ: «le gouvernement de France est un cone placé sur la pointe!»

Не только это, но и всѣ донесенія нашего парижскаго посольства и сообщенія герцога де Мортемаръ должны были давно уже подготовить императора къ мысли о ниспроверженіи правительства во Франціи.

Было ясно, какъ день, что въ такой возбужденной странѣ, гдѣ человѣкъ столь умный, какъ Людовикъ Филиппъ, съ трудомъ могъ управлять, слабоумный Карлъ X со всею толпою такихъ же слабоумныхъ приверженцевъ, конечно не могъ удержать правленія въ своихъ рукахъ.

Я не затрогиваю здѣсь вопроса о законности, правѣ и т. п., не буду разсматривать также этотъ вопросъ съ нравственной точки зрѣнія, скажу только, что въ политическомъ отношеніи со стороны русскихъ была сдѣлана масса несообразностей.

Если можно высказать предположеніе, то мнѣ кажется, что императору Николаю особенно нравилась мысль совершить, по примѣру Александра, легитимистскій крестовый походъ.

Обсудивъ хорошенько это дѣло, онъ понялъ бы, что оба эти похода не могли достигнуть цѣли, уже по одному тому, что и послѣ нихъ являлась возможность повторенія тѣхъ же событій.

Если же онъ дѣйствительно хотѣлъ подготовить этотъ походъ, то не слѣдовало объявлять о немъ.

Обратимся теперь къ Польшѣ! Такъ называемая русская часть Польши, по духу и обычаямъ, слилась уже въ массѣ, за немногими исключеніями, съ имперіей. Высшее дворянство занимаетъ придворныя должности, и, состоя вмѣстѣ съ нисшимъ дворянствомъ на государственной службѣ, оно служитъ интересамъ Россіи. Народъ же, принадлежа по большей части къ греческой церкви, ничего не знаетъ болѣе о польской національности.

Совершенно иное дѣло въ царствѣ Польскомъ, Галиціи и великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Въ особенности въ той части, которая образовала прежде великое герцогство Варшавское, господствуетъ гордая, честолюбивая аристократія, которую впрочемъ нельзя осуждать за то, что она еще не позабыла о прежнемъ величіи своего отечества, находясь всего пятнадцать лѣтъ подъ покровительствомъ русскаго императора.

Однако, всегда есть средство снискать людскую привязанность. Этого можно достигнуть любовью и страхомъ. Такъ думалъ Александръ. Онъ далъ своимъ полякамъ конституцію, а ихъ старымъ ветеранамъ—Константина Павловича. Масса народа не поняла первую, но всетаки изъ нея могло что нибудь выйти; солдаты же осмѣяли втораго, считая себя униженными подобнымъ назначеніемъ. Дѣйствительно, это было хуже всего! Я надѣюсь, что мои слова не сочтутъ за нескромность, но когда сердце переполнено, то является необходимость высказаться. Еслибы Николай послалъ варшавскія войска въ Турцію и отдалъ бы ихъ подъ мое начальство, то въ 1830 г. въ Польшѣ не было бы революціи. На полѣ битвы быстро заключается братскій союзъ, къ тому же поляки храбрые солдаты, а безъ нихъ возстаніе было не мыслимо.

Польская армія доказала это; она смѣялась надъ Константиномъ Павловичемъ, но не питала къ нему ненависти и, послѣ того, какъ онъ былъ отозванъ, она лишь мало по малу увлеклась общимъ потокомъ. Да моглали она дѣйствовать иначе? Чѣмъ менѣе я причастенъ къ этому

дѣлу, тѣмъ болѣе обязанъ подтвердить, что еще въ настоящее время, на глазахъ императора, русскіе высказываютъ свое презрѣніе ко всѣмъ полякамъ, которые отвернулись тогда отъ своего несчастнаго отечества.

Польское возстаніе было безуміемъ, съ этимъ я согласенъ, и, пожалуй, преступленіемъ съ точки зрѣнія русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ интересовъ, между тѣмъ, какъ эти же государства называли геройскими подвигами возстанія въ Тиролѣ и Гессенѣ въ 1809 и въ Нидерландахъ въ 1813 г., которыя Наполеонъ считалъ измѣною. И нѣмецкіе мятежники поклялись корсиканцу въ вѣрности по принужденію.

Къ чему же софизмы и лицемѣріе тамъ, гдѣ совѣсть не чиста отъ собственной вины!

При дворѣ въ Петербургѣ слѣдовало бы знать то, что знали вездѣ; именно, что съ 1815 г. поляки не могли сдѣлаться хорошими подданными, и что на вѣрность ихъ войскъ нельзя было расчитывать. Не смотря на это, ихъ арсеналы наполнялись сотнями тысячъ ружей и ихъ обнадеживали, что они пойдутъ противъ французовъ, тогда какъ они отъ всей души симпатизировали іюльской революціи. И затѣмъ, когда они неожиданно возмутились и намъ пришлось съ барабаннымъ боемъ созывать на 200 миль вокругъ русскихъ на помощь, то въ Петербургѣ стали кричать о неблагодарности тѣхъ, которыхъ, 15 лѣтъ тому назадъ, осчастливили и облагодѣтельствовали, и которые отплатили такою черною неблагодарностью за великодушное довѣріе благодѣтеля.

Надобно сознаться, что всякій разъ, подъѣзжая къ Варшавѣ, я содрогался при мысли объ этихъ благодѣяніяхъ, подобно тому, какъ содрогается, вѣроятно, преступникъ, при мысли о предстоящемъ ему наказаніи въ смирительномъ домѣ.

Австрійцы и пруссаки понимали лучше, къ чему можетъ привести великодушіе. Они думали, что, овладѣвъ какой нибудь землею по праву Наполеона, слѣдуетъ удерживать ее тѣмъ же способомъ; и они оказались правы, такъ какъ у нихъ все оставалось спокойно.

Если бы въ Петербургѣ придерживались того же мнѣнія, то возлюбленный императоръ Николай Павловичъ считался бы до сихъ поръ владѣтелемъ Польши.

Таково мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Скажу теперь, какъ я поступилъ въ этомъ случаѣ.

Получивъ въ Карлсруэ извѣстіе о варшавскихъ событіяхъ 1830 г.

и не подозрѣвая еще всего ихъ значенія, я обратился тотчасъ къ адъютанту короля прусскаго, генералъ-лейтенанту Ф. Вицлебенъ, прося его сообщить мнѣ подробности.

Я могъ бы тотчасъ, не испрашивая позволенія, отправиться въ Берлинъ, но весьма естественно, мнѣ хотѣлось сначала узнать въ точности о событіяхъ, извѣстія о которыхъ въ началѣ считались не болѣе, какъ ложными слухами.

Отвѣтъ нѣсколько замедлился и, поэтому, услыхавъ, въ какомъ положеніи находились дѣла въ Варшавѣ, я рѣшился написать прямо императору Николаю Павловичу, испрашивая его повелѣній.

Между тѣмъ я узналъ изъ газетъ, что великій князь Константинъ Павловичъ изгнанъ изъ Польши, и что войска, по собственному его приказанію, были отосланы къ временному правительству, находившемуся въ Варшавѣ и объявившему отечество въ опасности.

Недѣли черезъ двѣ послѣ отправленія мною письма, я получилъ изъ Берлина отвѣтъ, въ которомъ говорилось, что «я могу совершенно успокоиться, такъ какъ въ этихъ событіяхъ нѣтъ ничего серьезнаго, и графъ Дибичъ позаботится навѣрно о быстромъ водвореніи порядка».

Я понялъ намекъ и могъ заключить изъ него, какъ энергично дѣйствовалъ Дибичъ противъ меня въ Берлинѣ.

Отвѣтъ, полученный мною изъ Петербурга, согласовался съ этимъ письмомъ. Въ немъ говорилось вѣжливо, что «меня извѣстятъ, лишь только императоръ отправится въ армію».

Такимъ образомъ я снова былъ осужденъ оставаться, на границахъ Польши, празднымъ свидѣтелемъ тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлались со стороны русскихъ.

Вскорѣ оказалось, насколько ошибся Вицлебенъ, восторженный поклонникъ Дибича. Поляки немедленно собрали войско, немногимъ уступавшее по численности войску, которымъ командовалъ Дибичъ.

Пруссаки поспѣшили выставить три корпуса въ Силезіи, Познани и Восточной Пруссіи. Имъ стоило только вступить въ Польшу, покуда войско не приняло тамъ окончательно сторону мятежниковъ и новая организація не получила окончательнаго устройства, и возстаніе было бы усмирено однимъ ударомъ.

Когда домъ сосѣда горитъ, то слѣдуетъ подавать помощь безъ его просьбы. Не знаю, кто виноватъ, что этого не было сдѣлано.

Въ Россіи было иное дѣло. Война съ Турціею, болѣзни и недостаточное содержаніе ослабили русское войско, холерные кор-

доны отодвинули войска въ болѣе дальнія мѣстности и ближайшему (литовскому) корпусу не довѣряли. Приходилось призвать съ сѣвера гренадеръ и гвардейцевъ и нельзя было начать военныхъ дѣйствій ранѣе февраля. Зато ни одна стратегическая комбинація не представляла предпріимчивому и умному полководцу болѣе благопріятныхъ шансовъ, нежели тогдашнее положеніе поляковъ. У нихъ не было недостатка въ храбрости и энтузіазмѣ, зато не хватало разсудительности и единства.

Нельзя судить о силѣ государства по его временному упадку, но, точно также, внезапное возстаніе воодушевленнаго народа, не всегда соотвѣтствуетъ его матеріальнымъ средствамъ.

Вспомнивъ семилѣтнюю войну, въ Берлинѣ должны были знать это болѣе, чѣмъ гдѣ либо, и повѣрить мнѣ, когда я говорилъ, что «считаю польское возстаніе дѣломъ не шуточнымъ».

При этомъ у меня была еще arrière pensée.

Поляковъ воодушевляла не столько ненависть къ русскимъ, сколько озлобленіе противъ системы русскаго правительства. Напротивъ того, я постоянно видѣлъ въ Варшавѣ, что поляки и русскіе братались и высказывали общее неудовольствіе вмѣстѣ....

Подобное настроеніе казалось мнѣ весьма подозрительнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ, чѣмъ болѣе усиливалось вліяніе Дибича; особенно, когда императоръ такъ рѣшительно сталъ склоняться къ теоріямъ обсолютизма (повредившимъ), его отцу и лишившимъ его брата общественнаго уваженія!

Я ошибся, однако, нѣсколько въ этихъ предположеніяхъ, такъ какъ ноябрскія событія 1830-го года затронули также и національную гордость русскихъ. Гренадеры выступили въ походъ противъ Польши, говоря: «мы спѣшимъ отблагодарить за варшавскіе смотры», такъ какъ войска давно уже были измучены этимъ образцемъ всѣхъ военныхъ ухищреній Константина Павловича.

Извѣстно все, что сдѣлалъ съ своей стороны Дибичъ, чтобы навсегда погубить за границею славу русскаго оружія. Я не смѣю распространяться здѣсь объ этомъ, замѣчу только, что онъ погрѣшилъ въ этомъ случаѣ умышленно! Извѣстно, что онъ внезапно умеръ отъ холеры въ своей главной квартирѣ Клещево (Clesczewo), недалеко отъ Пултуска. Молоствовъ, участвовавшій въ этомъ походѣ, приписывалъ душевное безпокойство, овладѣвшее Дибичемъ въ послѣднія недѣли его жизни, вліянію нечистой совѣсти и пьянству, которому онъ былъ преданъ подъ конецъ своей жизни. Вслѣдъ

за тѣмъ эта трудная и непріятная война была окончена блистательнымъ образомъ, у воротъ Варшавы, главнокомандующимъ арміей Паскевичемъ, и подчиненными ему Толемъ, начальникомъ главнаго штаба, Паленомъ, Крейцомъ, Ридигеромъ, Шаховскимъ и великимъ княземъ Михаиломъ, бывшимъ корпуснымъ командиромъ. Но ни слезы человѣчества, ни проклятія многочисленныхъ жертвъ, ни тѣнь, наброшенная на русскую націю поступками (того времени), ни духъ ненависти, возбужденный имъ противъ русскихъ въ цивилизованномъ мірѣ, ничто не можетъ изгладить воспоминанія о новомъ геройскомъ подвигѣ храбрыхъ воиновъ русскихъ!

Въ 1832 году одна знатная дама сказала мнѣ: «и такъ, нашъ честный Дибичъ также палъ жертвою интриги русскихъ?»

— «Я полагаю, возразилъ я, что именно въ этомъ искуствѣ Дибичъ не имѣлъ соперника въ Россіи».

«Неужели онъ былъ настолько уменъ?»

— «Безъ сомнѣнія, если даже вы считаете его за честнаго человѣка».

Вотъ какъ судили о русскихъ въ Германіи.

Зато императоръ, съ этихъ поръ подозрѣвалъ, вѣроятно, что я думалъ о тогдашнихъ событіяхъ; сама судьба стала судьею между мною и Дибичемъ и доставила мнѣ рѣшительное торжество, раскрывъ его нравственные недостатки, а это могло весьма неблагопріятно подѣйствовать на расположеніе императора ко мнѣ, точно также какъ и то особенное вниманіе, которое съ этихъ поръ стали мнѣ оказывать высшіе чины арміи.

Ни одной жалобы не вышло изъ моихъ устъ, но меня самого считали за безмолвный упрекъ.

Недостойное сочиненіе генерала Данилевскаго о 1813 г. было написано съ тѣмъ, чтобы обмануть меня на счетъ всего случившагося. Во всемъ обращеніи императора Николая со мною я видѣлъ, съ тѣхъ поръ, непріязнь, скрытую подъ наружною вѣжливостью. Однако я не терялъ надежды, что онъ еще вернется къ лучшему или хоть пойметъ заблужденіе, въ которое онъ впалъ. Какъ охотно извинилъ бы ему тогда другъ то, въ чемъ онъ провинился передъ человѣкомъ и слугою. «Пользуясь тѣмъ правомъ, которое ты далъ мнѣ 14-го (26-го) декабря 1825 г., я выскажу тебѣ мое мнѣніе, сказалъ бы я государю Николаю Павловичу: испытай свое сердце и ты увидишь, что оно благородно, склонно къ добру и ко всему великому; не обманывай самого себя, протяни всей Европѣ по брат-

ски руку, не исключая никого. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ. Ты самъ такъ великодушенъ, человѣколюбивъ и къ тому же такъ твердъ и рѣшителенъ, поэтому тебѣ предстоитъ прекрасная роль во главѣ твоего сильнаго государства. Покровительствуй всякому доброму начинанію и презирай крикуновъ, и если ты не тиранъ, то не старайся казаться имъ!»

Принцъ **Евгеній Виртембергскій.**

[Переводъ съ нѣмецкаго В. В. Т.].

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ

ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО, ЗИМОЮ 1877 ГОДА.

(Военно-историческій очеркъ).

II [1]).

Мы не станемъ описывать трудовъ, понесенныхъ войсками при подъемѣ въ горы; скажемъ лишь, что они были также тяжелы, какъ и въ правой колоннѣ. Еще 16-го, около 3-хъ часовъ по полудни, двумъ орудіямъ 16-й конной батареи подполковника Ореуса удалось занять позицію на площадкѣ, верстахъ въ $2^1/_2$—3-хъ отъ Гюльдизъ-табія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога поворачиваетъ вправо къ Шандарнику.

Орудія завязали артиллерійскій бой съ противникомъ, причемъ, по разсказу „очевидца“, сразу хорошо пристрѣлялись; тѣмъ дѣло и кончилось въ этотъ день. Съ разсвѣтомъ 17-го, колонна, имѣя въ головѣ 2 баталіона Псковскаго полка, вышла на опушку лѣса, противъ Гюльдизъ-табія.

Замѣтимъ, что командиръ полка и вмѣстѣ начальникъ колонны полковникъ Зубатовъ, подымаясь въ гору, упалъ съ лошадью въ оврагъ и вывихнулъ себѣ плечо, вслѣдствіе чего начальствованіе перешло къ командиру 3-го баталіона подполковнику фонъ-Штемпелю. 1-я стрѣлковая рота первая вышла изъ лѣсу и замѣтила впереди, на высотѣ, непріятельскую батарею, а далѣе—знаменитый Гюльдизъ - табія. Тогда она была усилена 2-ю ротою; а во второй линіи стали 1-я и 12-я линейныя роты [2]).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 619—638.

[2]) а) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 22-го ноября 1877 г. б) «Ловчесельеянскій отрядъ въ войну 1877—1878 гг.» Н. К. «Военный Сборникъ» 1879 г. № 9-й.

Въ разсказѣ „очевидца" наши силы значительно преувеличены. Такъ, онъ гдѣ-то замѣтилъ „казачьи разъѣзды", „сильные кавалерійскіе отряды", между тѣмъ какъ при отрядѣ былъ всего эскадронъ драгунъ. Затѣмъ онъ говоритъ, что изъ „лѣсу вышли густыя цѣпи непріятельскихъ стрѣлковъ и двинулись по направленію на Гюльдизъ-табія; въ разстояніи 400—500 метровъ за ними слѣдовали резервы, которыхъ насчитывалось до пяти баталіоновъ". Все это невѣрно,—въ послѣдовавшей атакѣ приняли участіе только 3 или 4 роты Псковскаго полка. А именно, какъ только псковцы перестроились по-ротно, то замѣтили, что противникъ очищаетъ батарею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстно почему прошелъ слухъ, будто турки снимаютъ свой лагерь и отправляютъ назадъ обозы. Тогда роты 1-й линіи, а за ними и бывшія во 2-й, безъ особаго приказанія, быстро бросились на оставленную турками батарею, къ которой они прекрасно пристрѣлялись изъ редута, заняли ее, а оттуда, не выждавъ резерва, двинулись противъ Гюльдизъ-табія. Турки открыли съ близкаго разстоянія убійственный огонь; тѣмъ не менѣе, псковцы стремительно врываются въ редутъ, сбрасываютъ въ ровъ одно орудіе и завязываютъ рукопашную свалку съ турками, прижавшимися къ противоположному фасу. Турки, имѣя въ этомъ пунктѣ около 10-ти баталіоновъ (по разсказу „очевидца") высылаютъ въ редутъ подкрѣпленія и опрокидываютъ псковцевъ со значительнымъ урономъ. Три баталіона турокъ были высланы для ихъ преслѣдованія, но вскорѣ вынуждены были нашими войсками остановиться и преслѣдовали отступавшихъ лишь ружейнымъ огнемъ. Генералъ Дандевиль, находясь на правой горѣ, замѣтилъ эту атаку, въ исходѣ которой невозможно было сомнѣваться. Съ Греаты видно было, какъ наши слабенькія роты бросились на Шандарникъ [1]); ружейная стрѣльба постепенно оживлялась, затѣмъ густое облако скрыло сражавшихся, трескотня усиливалась, обрисовываясь огоньками, сверкавшими въ темной мглѣ тучи. Въ скоромъ времени снова появились изъ облаковъ разстроенные псковцы; они шли густою неправильною цѣпью, спокойно, шагомъ,—ни

---

[1]) Авторъ очерка описываетъ это дѣло отчасти по личнымъ наблюденіямъ. А. П.

одинъ солдатъ не бѣжалъ. По простому расчету времени генералъ Дандевиль видѣлъ невозможность помочь атакѣ увлекшихся псковцевъ; но для поддержанія ихъ и задержки турокъ выслалъ два баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка; изъ нихъ 2-й выдвинулся противъ Шандарника, перестроился по-ротно въ двѣ линіи, привлекъ на себя огонь турокъ и подошолъ такъ близко къ редуту Гюльдизъ-табія, что сталъ терпѣть отъ ружейной пальбы турокъ [1]).

Первый же баталіонъ высланъ былъ по направленію къ Арабаконаку для демонстраціи и отвлеченія вниманія турокъ отъ Гюльдизъ-табія. Все это дало возможность псковцамъ не только отступить спокойно, но и подобрать своихъ раненыхъ и частью даже убитыхъ. Послѣ того измайловскіе баталіоны отошли на свою позицію. Демонстрація эта непонята „очевидцемъ" и онъ въ ней видитъ „вторую атаку", причемъ опредѣляетъ наши силы въ 5 баталіоновъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что въ нашемъ разсказѣ дѣло воспроизведено съ совершенною точностью, такъ какъ мы были свидѣтелемъ его отъ начала до конца. Псковцы потеряли ранеными двухъ офицеровъ и 139 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Измайловцы: одного офицера контуженнымъ, нижнихъ чиновъ: убитыми четырехъ, ранеными 28 и безъ вѣсти пропавшимъ одного [2]). Всего слѣдовательно у насъ выбыло изъ строя: 3 офицера и 172 нижняго чина (а не 250—300, какъ говоритъ „очевидецъ").

Дѣла 16-го и 17-го ноября явно показали, что турки твердо рѣшились оборонять свою крѣпкую позицію, усиленную множествомъ укрѣпленій; вслѣдствіе этого наши передовыя части стали постепенно усиливаться вновь подходившими войсками и авангардъ раздѣлился на двѣ болѣе или менѣе самостоятельныя части, а именно: войска, расположенныя на Греатѣ (Вратешка), состояли подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля, а войска, сосредоточившіяся на лѣвой горѣ, противъ Гюльдизъ-табіи на Шандарникѣ, поступили подъ начальство генералъ-маіора Рауха.

При этомъ подъемѣ на горы, войскамъ пришлось исполнить

---

[1]) «Форсированный маршъ на Шандарникъ» Д. Р. «Сборникъ военныхъ разсказовъ», т. 4.

[2]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 22-го ноября 1877 г.

огромный трудъ втаскиванія на позицію орудій. На правую гору постепенно были подняты 4-я и 5-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, а на лѣвую 4 орудія 16-й конной батареи и 2-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады. Снѣгъ только изрѣдка выпадалъ въ горахъ, настало преимущественно дождливое время и потому подъемъ орудій былъ сопряженъ съ великими трудами. Почва на значительномъ протяженіи подъемовъ состояла или изъ скалъ (преимущественно на правой дорогѣ) или изъ хрупкаго, легко распадающагося камня и глины, какъ продукта разложенія горныхъ породъ. Вслѣдствіе почти постоянной сырости, господствующей на этихъ высотахъ, безпрерывно посѣщаемыхъ облаками, грунтъ дороги былъ рыхлый и при малѣйшемъ дождѣ превращался въ море грязи. Послѣ же прохода турецкихъ и нашихъ войскъ по дорогѣ, на ней появились, въ буквальномъ смыслѣ слова, цѣлыя рѣки, состоявшія изъ желтой глинистой грязи и мелкихъ каменьевъ. Часто потокъ этой, своего рода, лавы, сворачивалъ съ пути, прорывъ для себя выходъ, и медленно спускался въ боковые овраги и глубокія лощины. Лошади и волы трусливо взбирались на высоты: ступая въ лужу, они могли попасть или на скользкій камень или на круглую гальку, которая выворачивалась подъ копытомъ и тогда животное или падало или требовались большія усилія, чтобы удержать его. Наши саперы пытались было исправить дорогу, для чего кое-гдѣ забросали ее хворостомъ; но подъ его поверхностью грязный потокъ дѣлалъ свое дѣло, почва размывалась и образовались глубокія ямы и промоины, сдѣлавшіяся наиболѣе опасными пунктами дороги. Само собою разумѣется, что при этомъ подъемъ артиллеріи въ горы на лошадяхъ оказался рѣшительно невозможнымъ, и она была втащена, преимущественно, геройскими усиліями людей, которые волокли орудія за дышла, лямки, отвозы и т. п. На каждое орудіе необходимо было около одной роты пѣхоты. Нѣсколько дней подъ-рядъ можно было созерцать медленное движеніе изогнувшихся въ поясъ людей, загрязненныхъ съ головы до ногъ и обливавшихся обильнымъ потомъ. До глубокой ночи раздавались въ горахъ, повторяясь многократнымъ эхомъ, ободряющіе крики. Измученные люди не всегда могли думать о варкѣ пищи, а преимущественно довольствовались лишь сухарями. Отдохнуть тоже не всегда можно было: невылазная грязь, при отсутствіи подстилки,

и крутые скаты не позволяли прилечь. Кто могъ—пристроивался къ лафету или прислонялся къ дереву, остальные просто маялись и топтались на мѣстѣ, проводя безсонныя ночи подъ шумный ливень дождя или въ сырой мглѣ облаковъ. Съ разсвѣтомъ работа снова возобновлялась и, наконецъ, по прошествіи сутокъ или болѣе, орудіе доставлялось по назначенію [1]).

Прослѣдивши ходъ дѣйствій при занятіи балканскихъ позицій на лѣвомъ нашемъ флангѣ, обратимся къ операціямъ у Орханіэ и посмотримъ, какимъ образомъ утвердился въ горахъ нашъ правый флангъ.

Читатель помнитъ, что противъ Орханіэ, на Правецкой позиціи былъ оставленъ отрядъ подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса I.

Назначеніе этого отряда заключалось какъ въ обезпеченіи операцій войскъ, направленныхъ къ Этрополю, такъ и для прикрытія нашихъ комуникацій; вмѣстѣ съ тѣмъ на него возлагалось производство боевыхъ рекогносцировокъ по направленію къ Орханіэ, чтобы двинуться въ томъ направленіи, какъ только противникъ станетъ очищать свои позиціи. Вслѣдствіе этого генералъ Эллисъ почти ежедневно производилъ усиленныя рекогносцировки, но всякій разъ находилъ турокъ на прежнихъ мѣстахъ. Когда-же отрядъ генерала Дандевиля утвердился противъ Гюльдизъ-табіи, то, какъ упомянуто выше, Мехмедъ-Али послалъ приказаніе Шакиру отойти на присоединеніе къ главнымъ силамъ у Бабаконака и предварительно сжечь всѣ собранные въ д. Врачешѣ хлѣбные запасы, оставивъ въ цѣлости боевые склады, назначенные для Плевны [2]). Все это было исполнено, кромѣ уничтоженія хлѣбныхъ запасовъ: Шакиръ опасался, что, произведя пожары, онъ откроетъ намъ свое отступленіе; но, конечно, никто не мѣшалъ ему при отступленіи оставить небольшой отрядъ, который могъ бы истребить запасы, когда отступленіе турокъ будетъ уже обнаружено русскими. Къ счастью нашему, этого не было сдѣлано [3]). Шакиръ безъ всякихъ препятствій съ нашей стороны

---

[1]) «Воспоминанія офицера генеральнаго штаба».

[2]) «Разсказъ очевидца».

[3]) «Война въ Болгаріи» соч. Беккера-паши (по извлеченію, помѣщенному въ Военномъ Сборникѣ).

прибылъ на указанное мѣсто. Для наблюденія за русскими оставлена была у Врачеша партія черкесовъ, а три баталіона выставлены были въ видѣ форпостовъ впереди Бабаконака. Въ это время въ распоряженіи Мехмеда-Али находилось (съ войсками у Златицы): 44 баталіона (изъ нихъ 38 совершенно свѣжихъ), 46 орудій и одна тысяча всадниковъ. Изъ числа этихъ войскъ 39 баталіоновъ были сосредоточены на пространствѣ не болѣе 9-ти верстъ [1]).

Между тѣмъ во время рекогносцировки, произведенной 17 ноября командиромъ л. гв. уланскаго полка, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Эттеромъ, генералъ Эллисъ услышалъ отдаленную стрѣльбу, по видимому въ отрядѣ генерала Дандевиля, вслѣдствіе чего онъ приказалъ усилить свою кавалерійскую цѣпь, сбить противника и двигаться впередъ. За кавалеріей направлены были два баталіона л. гв. Московскаго полка съ батареей. Черкесы отошли назадъ, причемъ обнаружилось, что непріятельская укрѣпленная позиція у Врачеша была ими оставлена. Убѣдясь въ этомъ, генералъ Эллисъ приказалъ уланамъ преслѣдовать противника до Арабаконака, а двумъ баталіонамъ л. гв. Московскаго полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гриппенберга, идти на Врачешъ, занять турецкую укрѣпленную позицію и принять всѣ мѣры для охраненія складовъ, какіе окажутся въ Орханіэ и Врачешѣ. Что же касается прочихъ частей отряда, то остальнымъ двумъ баталіонамъ Московскаго полка приказано было присоединиться къ своей части, гвард. Финскій баталіонъ оставленъ былъ на прежней позиціи для спуска орудій, а прочіе три баталіона гвардейской стрѣлковой бригады собрались на шоссе, не доходя д. Лежана. Уланы прошли впередъ около 12 верстъ не встрѣтивъ противника [2]).

На другой день отрядъ двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ полковника Гриппенберга; въ головѣ его находился эскадронъ гвардейскихъ уланъ съ 2-мя казачьими гвардейскими орудіями; затѣмъ три баталіона Московскаго полка съ 4-й, 5-й и 2-й батареями л.-гв. 2-й артиллерійской бригады. Далѣе слѣдовали прочія силы (3 эскадрона уланъ съ 4-мя орудіями гвар-

---

[1]) «Разсказъ очевидца».

[2]) Реляція генерала Эллиса отъ 27-го ноября 1877 года.

дейской Донской батареи и 3 баталіона гвардейскихъ стрѣлковъ съ 9-ти фунтов. орудіями). 4-й баталіонъ Московскаго полка былъ оставленъ для охраненія складовъ въ д. Врачешѣ. Баталіоны авангарда, по приказанію полковника Гриппенберга, слѣдовали не сплошною колонною, а на разстояніи часа другъ отъ друга для того, чтобы, въ случаѣ встрѣчи съ противникомъ, они не несли напрасныхъ потерь при перестроеніи въ узкомъ шоссе, окруженномъ высокими и малодоступными горами [1]); по прибытіи отряда къ Арабаконаку, въ 4 часа пополудни, войска расположились бивакомъ вдоль шоссе, выставивъ охранительные посты по гребню высотъ и дежурную часть.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать о захваченныхъ нами запасахъ въ д. Врачешѣ, столь много пособившихъ нашему продовольствію.

Обширная д. Врачешъ лежитъ у входа въ Арабаконакское ущелье и ютится у самаго подножья круто подымающихся высотъ. Софійское шоссе пролегаетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ деревни. Пунктъ этотъ былъ избранъ для одного изъ главнѣйшихъ складовъ на комуникаціонной линіи Османа. Запасы, собранные тамъ турками, были самаго разнообразнаго характера: боевые, продовольственные, обмундировальные и т. п.

Все здѣсь было: патроны, ячмень, консервы разныхъ сортовъ, цѣлые телята, затопленные въ маслѣ, сухари, рисъ, мука, масло, мундиры, башлыки, подковы, гвозди и т. п.

Менѣе всего оказалось мундирной одежды. Не смотря на расхищеніе, произведенное болгарами, и на несовсѣмъ раціональное, въ началѣ, пользованіе нами добычей, склады эти, въ концѣ концовъ правильно эксплуатируемые, доставили намъ огромную пользу.

Четвертый баталіонъ л.-гв. Московскаго полка, занявъ Врачешъ, выставилъ часовыхъ ко всѣмъ зданіямъ, гдѣ имѣлись запасы, причемъ пришлось назначить около 60-ти постовъ; впослѣдствіи ихъ было, кажется, болѣе 80-ти. Смѣнявшіяся части принимали, одна у другой, подъ охрану, доставшееся имущество, которому была составлена опись, назначенъ былъ комендантъ, установлены правила отпуска вещей и запасовъ и т. д.

---

[1]) «Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера» А. Паскина. «Сборникъ военныхъ разсказовъ» т. 6.

Между тѣмъ въ отрядѣ генерала Эллиса у Арабаконака дни 19-е и 20-е ноября были посвящены на занятіе позиціи по обѣ стороны шоссе, на устройство батарей, поднятіе орудій и т. п.

Ночью съ 20-го на 21-е ноября была получена диспозиція относительно обстрѣливанія артиллеріею въ послѣдующіе два дня турецкой Бабаконакской позиціи. Еще 20-го полковникъ Гриппенбергъ замѣтилъ, что турки стали укрѣпляться на правомъ нашемъ флангѣ и въ тылу, о чемъ и донесъ, для соотвѣтствующихъ распоряженій, генералу Эллису. Въ оба дня производились рекогносцировки непріятельской позиціи и, между прочимъ, разрушена была мельница, на которой производилась болгарами работа для турокъ, и караулка на шоссе. Этими пунктами пришлось два раза овладѣвать: сперва уланамъ, а потомъ вторично охотникамъ—стрѣлкамъ Императорскаго баталіона.

Поднятіе орудій и устройство укрѣпленій сопровождалось такими же трудностями, какія вообще приходилось испытывать нашимъ войскамъ въ это время въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Между прочимъ, густота лѣса была такъ велика, что роты, расположенныя въ близкомъ разстояніи, не могли видѣть одна другую и потому московцамъ пришлось исполнить тяжелый трудъ вырубки просѣкъ [1]).

Къ 8-ми часамъ утра 21-го ноября отрядъ генералъ-маіора Эллиса расположился слѣдующимъ образомъ: 1-й баталіонъ л.-гв. Московскаго полка съ батарею на 4 орудія—лѣвѣе шоссе; 2-й и 3-й баталіоны полка и л.-гв. 2-й стрѣлковый баталіонъ съ батареею—правѣе шоссе, на позиціи, избранной флигель-адъютантомъ полковникомъ Гриппенбергомъ, которая представляла возможность дѣйствовать не только противъ турецкихъ батарей, но и открыть огонь по большому турецкому лагерю. Для охраненія праваго фланга было назначено двѣ роты л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона, а $1^1/_2$ роты баталіона Императорской Фамиліи были направлены вправо по ущелью, съ приказаніемъ выдвинуться, какъ можно далѣе впередъ, для наблюденія за противникомъ [2]). Артиллерійскій огонь былъ открытъ со всѣхъ батарей, расположенныхъ противъ Арабаконака, въ 8 часовъ утра

---

[1]) «Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера» А. Паскина.

[2]) Рапортъ генерала Эллиса отъ 27-го ноября 1877 г.

21-го ноября. Вдругъ, въ 11 часовъ дня, командующій л.-гв. Московскимъ полкомъ получаетъ донесеніе отъ полковника Ляпунова, что турки большими массами обходятъ нашъ правый флангъ и что другія ихъ части спускаются къ нашимъ ложементамъ противъ 2-го баталіона. Такъ началось блистательное дѣло 21-го ноября. Для полнаго его уразумѣнія обратимся предварительно къ распоряженіямъ турокъ.

Во время подъема нашихъ войскъ въ горы, въ штабѣ Мехмеда-Али требовали наступательныхъ дѣйствій. Совѣтники главнокомандующаго настойчиво предлагали ему воспользоваться неизбѣжной разбросанностью нашихъ войскъ и трудностью ихъ положенія при подъемѣ на Балканы.

Они указывали, что и цѣль сформированія Софійской арміи заключалась въ освобожденіи Плевны и что, оставаясь пассивно на позиціяхъ, невозможно исполнить такого назначенія. Штабъ опасался, что русскіе сосредоточатъ всѣ силы, какія только возможно противъ Гюльдизъ-табіи и рѣшительно штурмуютъ его, ибо съ занятіемъ этого пункта вся позиція переходила въ руки атакующаго. По мнѣнію штаба, если бы 18-го ноября сосредоточить противъ Гюльдизъ-табіи 15 баталіоновъ, а Шакиръ съ 20-ю баталіонами двинулся бы въ долину Сухой-рѣки, то можно было надѣяться на успѣхъ такой концентрической атаки. Замѣтимъ, что у Гюльдизъ-табіи въ этотъ день турки встрѣтили бы непосредственно 7 нашихъ баталіоновъ, да еще могъ подойти Преображенскій полкъ, итого 11 баталіоновъ, а съ саперами около 12-ти. Не смотря на невыгоды нашей позиціи, можно быть увѣреннымъ, что въ оборонительномъ бою наши войска нанесли бы рѣшительное пораженіе туркамъ, особенно если принять въ соображеніе содѣйствіе всего или хотя части отряда генерала Дандевиля, т. е. войскъ, находившихся на правой горѣ (Греата). Что же касается Шакира, то онъ имѣлъ бы дѣло, вѣроятно, со всѣми тѣми войсками, которыя находились у насъ по Софійскому шоссе и о которыхъ упомянуто выше.

Мехмедъ-Али выслушивалъ всѣ совѣты, отчасти соглашался съ нимъ, но ни на что не рѣшался въ виду того, во первыхъ, что о силѣ русскихъ войскъ онъ не имѣлъ свѣдѣній, во вторыхъ, что въ офицерахъ ощущался недостатокъ и въ третьихъ, что баталіоны его не были организованы въ болѣе крупныя тактиче-

скія единицы (полки, бригады). Надо еще замѣтить, что, при всей нерѣшительности своей, Мехмедъ-Али находился въ зависимости, какъ отъ своего личнаго врага, Сулеймана-паши, назначеннаго сердарь-экремомъ (генералиссимусомъ), такъ и отъ Константинопольскаго военнаго совѣта „дарихура". Послѣдній сбивалъ его своими совѣтами, а первый не удовлетворялъ различныхъ просьбъ, какъ, напримѣръ, относительно присылки нѣкоторыхъ офицеровъ, совѣтами и дѣятельностію которыхъ Мехмедъ-Али очень дорожилъ. Вмѣсто того въ главную квартиру стали прибывать разные авантюристы и проходимцы, большею частью не находившіе пріюта въ своемъ отечествѣ.

Къ этой категоріи слѣдуетъ причислить, напримѣръ, Беккера-пашу, принужденнаго, за разные подвиги, оставить англійскую армію. Этотъ господинъ, между прочимъ, по приходѣ нашемъ къ Константинополю, самымъ наглымъ образомъ льстилъ нашей арміи и ругалъ турецкую, въ присутствіи турецкихъ же офицеровъ; упрекалъ насъ за то, что мы раньше не прогнали ихъ съ Балкановъ, гдѣ такъ непріютно было стоять зимою и т. п. А послѣ всего этого издалъ книгу, въ которой описываетъ множество подвиговъ, якобы имъ совершенныхъ, извращаетъ дѣла, въ которыхъ самъ онъ распоряжался, и произноситъ приговоры надъ тѣми войсками, которымъ недавно льстилъ.

Тутъ же въ штабѣ турецкаго полководца, очутился и извѣстный „гражданинъ", французскій генералъ Клюзере. Запасшись паспортомъ американскаго гражданина и съ рекомендательнымъ письмомъ въ рукахъ отъ Клапки, онъ явился къ Мехмеду-Али, съ намѣреніемъ пристроиться къ его штабу въ качествѣ хроникера [1]).

Упустивши время атаковать сосредоточенными силами нашъ лѣвый флангъ, Мехмедъ-Али обратилъ вниманіе на собственно Арабаконакскій участокъ позиціи, когда тамъ появился отрядъ генерала Эллиса. 2-го ноября, посовѣтовавшись съ Шакиромъ, турецкій главнокомандующій поручилъ ему тщательно ознакомиться съ мѣстностью на своемъ лѣвомъ флангѣ и подготовить на слѣдующій день атаку, для чего отдалъ въ его распоряженіе 18 баталіоновъ.

[1]) «Разсказъ очевидца».

Бой 21-го ноября начался артиллерійской канонадой, причемъ около 7-ми турецкихъ баталіоновъ наступали съ фронта, отъ редута № 7-й прямо къ сѣверу. Баталіоны турецкіе сильно терпѣли отъ нашего огня, а около 10-ти часовъ утра въ вышеупомянутомъ редутѣ взорвано было нашей артиллеріей 2 орудійныхъ передка. Турки, пользуясь лѣсистою мѣстностью, незамѣтно подошли къ нашему расположенію, открыли сильный огонь, стремительно атаковали наши ложементы и, не смотря на огонь изъ послѣднихъ, неустрашимо двигались впередъ. Тогда роты 2-го баталіона л.-гв. Московскаго полка, поддержанныя 3-мъ баталіономъ, выскочили изъ своихъ закрытій, бросились въ штыки, опрокинули турокъ и потомъ снова возвратились въ свои ложементы [1]). Въ тоже время двѣ роты л.-гв. стрѣлковаго баталіона, поддержанныя частью 3-го баталіона л.-гв. Московскаго полка, бросились во флангъ обходившимъ туркамъ, оттѣснили ихъ на наши ложементы, откуда ихъ взяли подъ перекрестный огонь, послѣ чего они съ большимъ урономъ отошли назадъ.

Оправившись послѣ первой неудачи, турки снова стали сосредоточиваться противъ нашего праваго фланга и повели вторую атаку большимъ числомъ войскъ, чѣмъ первую. „Звуки ружейныхъ выстрѣловъ слились въ потрясающій гулъ, среди котораго слышались яростные крики наступавшихъ, а клубы порохового дыма и густые кусты съ нашей стороны оврага не позволяли видѣть всю массу ихъ, напиравшую на нашу цѣпь“ [2]). Огонь сильно загорѣлся по всей линіи и затѣмъ турки снова съ геройской неустрашимостью бросились въ атаку. Правый нашъ флангъ подался назадъ. Замѣтивъ это, полковникъ Гриппенбергъ выслалъ противъ лѣваго фланга турокъ остальныя двѣ роты л. гв. 2-го Стрѣлковаго баталіона; вслѣдствіе этого турки были снова отброшены назадъ и преслѣдуемы до ложементовъ, послѣ чего наши отошли на свою позицію [3]).

Затѣмъ наступилъ періодъ ружейной пальбы и отдѣльныхъ свалокъ; такъ продолжалось до третьяго часа по полудни.

---

[1]) Рапортъ флигель-адъютанта полковника Гриппенберга.
[2]) «Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера» А. Паскина.
[3]) Рапортъ флигель-адъютанта полковника Гриппенберга.

Патроны истощались и, въ ожиданіи подвоза, ихъ пришлось отбирать у раненыхъ и убитыхъ. Турки, наконецъ, поднялись; огонь нашъ оказался недѣйствительнымъ, чтобы остановить ихъ густыя, храбрыя массы. Наступала критическая минута. Полковникъ Гриппенбергъ, внимательно управляя боемъ, подпустилъ турокъ на близкое разстояніе и затѣмъ подалъ сигналъ общей атаки. Храбрые Московцы и стрѣлки снова бросаются въ штыки, снова опрокидываютъ турокъ, гонятъ ихъ назадъ, захватываютъ непріятельскіе ложементы и успѣваютъ нѣкоторые оставить за собой [1]). Видя троекратную неудачу обхода нашего праваго фланга, турки начинаютъ сосредоточиваться противъ лѣваго и ведутъ новую атаку въ этомъ уже направленіи. Полковникъ Гриппенбергъ обратился къ генералу Эллису съ просьбой о подкрѣпленіи. Послѣдній могъ ему отправить только двѣ роты л. г. 1-го Стрѣлковаго баталіона и одну л. гв. 4-го Стрѣлковаго баталіона [2]). Между тѣмъ турки, постепенно наступая, бросились въ атаку и почти нахлынули на нашу батарею. Тогда полковникъ Гриппенбергъ, собравъ что было подъ рукою, въ томъ числѣ барабанщиковъ и горнистовъ, приказалъ бить атаку и съ обнаженной саблей, бросившись впередъ, опрокинулъ турокъ [3]), а подоспѣвшіе стрѣлки, высланные генераломъ Эллисомъ на подкрѣпленіе и направленные на лѣвый флангъ, удержали дальнѣйшее наступленіе непріятеля. Вмѣстѣ съ отправкою стрѣлковыхъ ротъ на подкрѣпленіе, генералъ Эллисъ просилъ гр. Шувалова о присылкѣ ему въ помощь л. гв. Павловскаго полка. Около двухъ часовъ по полудни онъ получилъ записку отъ генерала Дандевиля съ извѣщеніемъ, что, замѣтивъ движеніе противника и услышавъ сильную стрѣльбу, онъ посылаетъ на помощь два баталіона лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Послѣдніе прибыли на позицію около 5-ти часовъ по полудни, т. е. когда всѣ атаки противника были отбиты [4]). Финляндцы смѣнили Московцевъ на передовой позиціи, которые отошли за батареи. Такъ кончилось это дѣло, гдѣ менѣе 5-ти нашихъ баталіоновъ отбили 18 непріятельскихъ, дравшихся съ замѣчательнымъ мужествомъ

---

[1]) «Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера» А. Паскина.
[2]) Рапортъ генерала Эллиса отъ 27-го ноября 1877 года.
[3]) «Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера» А. Паскина.
[4]) Рапортъ генерала Эллиса отъ 27-го ноября 1877 года.

и упорствомъ. Храбрость противника поддерживалась присутствіемъ на полѣ сраженія ихъ главнокомандующаго, который лично руководилъ ходомъ боя, а сигналисты, сидя на деревьяхъ, высматривали расположеніе нашихъ войскъ и трубили атаку. Потери наши заключались въ 6-ти офицерахъ (въ томъ числѣ 1 портупей юнкеръ) и 175-ти нижнихъ чинахъ убитыми и ранеными.

Послѣ этого турки не отваживались уже ни разу на подобное наступательное предпріятіе, не смотря на то, что черезъ нѣсколько дней турецкая армія усилилась подкрѣпленіями, подошедшими изъ Босніи и состояла уже изъ 52-хъ баталіоновъ, 10-ти батарей, 10-ти эскадроновъ и 500 черкесовъ, т. е. 25,000 ч. пѣхоты, 1300 ч. кавалеріи и 60 орудій. 22-го ноября Мехмедъ-Али былъ отрѣшенъ отъ командованія арміей и призванъ для руководительства при укрѣпленіи столицы. Мѣсто его занялъ Шакиръ-паша [1]).

Такимъ образомъ русскія войска утвердились на хребтѣ Великихъ Балкановъ и, занявъ обширную позицію отъ Шандарника до Арабаконака, стали лицомъ къ лицу съ турецкой арміей, защищавшей цѣлую цѣпь заблаговременно возведенныхъ укрѣпленій. Для полноты очерка занятія Балкановъ, намъ остается еще разсказать объ операціяхъ небольшой части нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ совершенно отдѣльно, а именно о Златицкомъ отрядѣ.

Для обезпеченія лѣваго фланга общаго нашего расположенія, генералъ-адъютантъ Гурко назначилъ особый отрядъ, бывшій сперва подъ начальствомъ генерала Курнакова, а потомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Брока. Въ составъ этого отряда вошли: лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, къ которому присоединилась одна рота Великолуцкаго полка, высланная ранѣе для наблюденія Клисикіойскаго ущелья, 5 сотенъ казаковъ и, впослѣдствіи, 2 орудія [2]).

17-го ноября въ $4^1/_2$ часа утра выступили изъ Этрополя, въ видѣ авангарда, 6 ротъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и двинулись къ Златицкому перевалу. Первыя три версты дорога была

---

[1]) «Разсказъ очевидца».

[2]) При описаніи дѣйствій отряда мы пользовались офиціальнымъ донесеніемъ командовавшаго лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ и «Дневникомъ Лейбъ-Гренадера», помѣщеннымъ въ 4-мъ томѣ «Сборника военныхъ разсказовъ».

порядочная, но потомъ пошли крутые подъемы, спуски; дорога съуживалась до одного аршина ширины и состояла подчасъ изъ скалистыхъ весьма высокихъ ступеней.

По прибытіи къ блокгаузу и послѣ отдыха отряда, для атаки перевала войска были раздѣлены на три колонны, по двѣ роты въ каждой, а одна рота оставлена въ резервѣ (съ Великолуцкой ротой всѣхъ было семь). Одна колонна наступала по ущелью, а другія двѣ направлены для обхода противника вправо и влѣво. При наступленіи, войска старались пользоваться всѣми закрытіями, а противникъ, занимавшій перевалъ, пытался охватить нашихъ съ фланговъ, но, встрѣчая всюду контръ-охватъ, вынужденъ былъ отходить назадъ, причемъ къ 4-мъ часамъ по полудни перевалъ былъ уже въ нашихъ рукахъ.

Турки были преслѣдуемы до самаго южнаго склона хребта и частью даже далѣе. Въ тотъ-же день весь лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ сосредоточился и расположился такимъ образомъ, что 4-й баталіонъ сталъ въ 1-й линіи въ ложементахъ, 3-й—во второй, остальныя части почти цѣликомъ—въ общемъ резервѣ на перевалѣ. Мы не станемъ описывать военныхъ дѣйствій, разыгравшихся въ этомъ маленькомъ отрядѣ, весьма интересныхъ съ спеціально-военной точки зрѣнія. Замѣтимъ лишь, что борьба приняла тутъ, вслѣдствіе особыхъ условій назначенія отряда, оригинальный характеръ, такъ сказать, фортификаціонно—полевыхъ дѣйствій. То та, то другая сторона пыталась охватить противника своими укрѣпленіями, или должна была парализовать подобныя попытки своего врага и такимъ образомъ вскорѣ обѣ стороны очутились въ небольшихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Но 23-го ноября турки очистили свой укрѣпленный лагерь и деревни Челопечень и Клисикіой. Передъ послѣдними они выставили небольшія части пѣхоты со стрѣлковыми цѣпями, а въ интервалѣ между деревнями расположили нѣсколько сотенъ кавалеріи. Всѣми этими маневрами они желали выманить нашъ отрядъ въ долину и навести его на сильный укрѣпленный лагерь и окрайну г. Златицы, сильно занятой стрѣлками. Видя, однако, что отрядъ нашъ не переходитъ въ наступленіе, турки сами стали подходить къ высотамъ, но, встрѣчаемые каждый разъ огнемъ, ретировались обратно. Наконецъ, около 3-хъ часовъ дня, они начали стягиваться къ Златицѣ, затѣмъ часть черкесовъ отдѣлилась отъ кавалеріи и,

съ гикомъ бросившись на деревню, начала неистовства и рѣзню болгаръ на глазахъ нашего отряда. Для прекращенія этихъ неистовствъ были высланы казаки, а затѣмъ часть пѣхоты, которые и заняли, какъ деревню Челопечень, такъ и Клисикіой.

23-го ноября были, наконецъ, доставлены на позицію 2 орудія, которыя, первоначально, избѣгали притягивать, въ виду трудности доставки ихъ по отвратительной дорогѣ. Въ послѣдующіе дни турки нѣсколько разъ пытались отнять у насъ упомянутыя двѣ деревни, но постоянно были отбиваемы съ урономъ.

Впрочемъ 30-го ноября одна изъ деревень, а именно Челопечень была, по рѣшенію военнаго совѣта, оставлена нами въ виду того, что самая цѣль занятія ея, а именно—защита болгаръ, тогда уже исчезла, а между тѣмъ значительное удаленіе ея отъ праваго фланга отряда и невозможность сильнаго занятія, какъ самой деревни, такъ и прилежащихъ высотъ, дѣлали оборону ея въ высшей степени затруднительною.

Въ такомъ положеніи обѣ стороны оставались до самаго перехода всего отряда черезъ Балканы. Наступившія вскорѣ вьюги и мятели ослабили энергію боевыхъ предпріятій турокъ.

Теперь читатель прослѣдилъ сущность всѣхъ дѣйствій при занятіи нами Балканъ отъ Златицкаго до Арабаконакскаго переваловъ включительно. Остается лишь замѣтить, что при отступленіи Шакира отъ д. Врачеша небольшая часть непріятельскихъ войскъ была оставлена турками на высотахъ непосредственно къ западу отъ этой деревни (всего 6 таборовъ при нѣсколькихъ орудіяхъ), на такъ называемой Лютиковской позиціи. Наши войска противостали и этому отряду, расположившись частью на высотахъ, а частью въ долинѣ у двухъ редутовъ, возведенныхъ впослѣдствіи на отдѣльныхъ возвышенностяхъ, лежащихъ по направленію отъ д. Врачеша на д. Скривены.

Съ занятіемъ передовыми нашими войсками Балкановъ, позиціи ихъ стали постепенно усиливаться подходившими частями, такъ что никакія наступательныя предпріятія турокъ не могли быть для насъ опасными. Мы даже иначе поставимъ вопросъ: не могли-ли наши войска продолжать свои наступательныя дѣйствія и попытаться въ это же время перейти Балканы? Раньше было сказано, что первоначально въ нашемъ штабѣ никто не думалъ о продолжительности стоянки на Балканахъ и всѣ распоряженія дѣла-

лись въ виду непосредственнаго перехода черезъ горы. Начальникъ лѣваго отряда на Шандарникѣ, генералъ-маіоръ Раухъ, сдѣлалъ было даже всѣ распоряженія для атаки, 20-го ноября, редута Гюльдизъ-табія; отдана была диспозиція, указаны точно пути движенія войскамъ и пр. Но въ это время получена была записка изъ штаба, въ которой говорилось: „генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ—до особаго приказанія, движенія на Мирково не предпринимать". Вскорѣ затѣмъ начальникъ отряда долженъ былъ совершенно отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ наступательныхъ движеній. Причиной этого, по всей вѣроятности, были дѣйствія турокъ на прочихъ пунктахъ театра войны, вызвавшихъ нѣкоторую осторожность въ распоряженіяхъ нашего полеваго штаба дѣйствующей арміи. Именно около этого времени обнаружились разрозненныя и нерѣшительныя попытки Сулеймана къ освобожденію Османа-паши и онъ произвелъ извѣстныя наступательныя движенія со стороны Шипкинской и восточно-дунайской армій (Елена Мечка [1]). Тѣмъ не менѣе вопросъ о возможности перехода нашихъ войскъ въ то время черезъ Балканы, причемъ они избавились-бы отъ зимней стоянки на горахъ, испытывая всѣ неудобства стужи и отвратительныхъ сообщеній, не лишенъ интереса и мы нѣсколько коснемся его. Разсмотримъ числительныя силы обѣихъ сторонъ. Количествомъ баталіоновъ пѣхоты турки насъ превосходили (43 и 52), но число штыковъ, вѣроятно, было не только одинаково, но съ избыткомъ въ нашу пользу; орудій мы имѣли 174 противъ 60-ти турецкихъ, а кавалеріи около 5000 сабель противъ 1300 непріятельскихъ. Что касается организаціи войскъ, то въ этомъ отношеніи всѣ преимущества были на нашей сторонѣ, ибо турки не имѣли даже полковъ и бригадъ и ощущали сильный недостатокъ въ офицерахъ. Съ нравственной точки зрѣнія турки въ предшествующихъ столкновеніяхъ показали себя доблестными воинами; но такое замѣчаніе относится лишь къ баталіонамъ редифа и войскамъ, прибывшимъ изъ Босніи; что же касается мустахфыза, то въ дѣлахъ подъ Правцемъ и Этрополемъ эти войска далеко не проявили надлежащей дисциплины и мужества; въ дѣлѣ на высотахъ Греаты, какъ читатель помнитъ, Мехмедъ-Али долженъ былъ „фухтелями" выго-

[1]) Все это подробно изложено въ «Процессѣ Сулеймана-паши».

нять изъ-за закрытій арабскій мустахфызъ. Что касается нашихъ войскъ, то они преимущественно состояли изъ отборнѣйшей части русскихъ силъ и воодушевлены были постоянно одерживаемыми успѣхами надъ турками; армейскія же части, входившія въ составъ отряда генералъ-адъютанта Гурко, смѣло могли выдержать состязаніе съ гвардіей, какъ по мужеству, такъ и по выносливости и способности къ перенесенію трудовъ военнаго времени. Что касается состава офицеровъ армейскихъ частей, то достаточно будетъ лишь назвать нѣкоторыя имена, какъ, напримѣръ, генераловъ Дандевиля и Краснова, подполковниковъ Кобордо, Феуса и маіора Беатера—всѣ они пользовались почетной боевой репутаціей.

Такимъ образомъ моральное и матеріальное превосходство было на нашей сторонѣ и потому представлялась возможность для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Не трудно рѣшить, въ какомъ направленіи онѣ должны были быть поведены. Фронтальная атака, разумѣется, не могла обѣщать успѣха и рѣшительныхъ результатовъ. Дальній обходъ позиціи тоже былъ сопряженъ съ большими опасностями, ибо пришлось-бы неизбѣжно раздробить свои силы, а превосходство ихъ, особенно въ пѣхотѣ, что и главное въ этомъ случаѣ, было далеко не настолько рѣшительное, чтобы мы могли совершить безнаказанно смѣлый и рискованный маневръ.

Такимъ образомъ оставалось одно средство—ударъ сосредоточенными силами на одинъ изъ фланговъ противника. Лѣвый флангъ турокъ у Арабаконака былъ прикрытъ сильными редутами, дававшими много-ярусную оборону впереди лежащей мѣстности; здѣсь же пролегало шоссе, облегчавшее всѣ сообщенія и движенія войскъ. Кромѣ того, съ занятіемъ Бабаконакскихъ укрѣпленій войска наши оставались бы все-таки подъ сильнымъ огнемъ противника, занимавшаго командующія высоты, гдѣ онъ прочно укрѣпился. Другое дѣло на лѣвомъ флангѣ. Крайнимъ и важнѣйшимъ укрѣпленіемъ тамъ былъ редутъ Гюльдизъ-табія; онъ рѣшительно командовалъ всею позиціею. Съ занятіемъ его открывалась внутренность всѣхъ турецкихъ укрѣпленій, гдѣ, такимъ образомъ, трудно было бы удержаться противнику и укрыться отъ нашего огня. Надо замѣтить, что Гюльдизъ-табія собственно не былъ даже редутомъ, ибо горжа его не была сомкнута, и со-

стоялъ онъ изъ прямолинейнаго окопа съ примкнутыми флангами. Орудія были огорожены траверзами со всѣхъ сторонъ.

Сообщеніе съ редутомъ было неудобно и происходило вдоль позиціи, по краю обрыва; такимъ образомъ энергическое содѣйствіе резервовъ было затруднительно. Густыя облака почти постоянно окутывали всю вершину Шандарника и мѣшали наблюденію за нами, что давало возможность внезапно подойти къ укрѣпленію. Кромѣ того, крутые скаты высоты, хотя и затрудняли подъемъ атакующаго, но зато умаляли и силу огня обороняющагося.

Ходъ атаки нѣсколькихъ ротъ Псковскаго полка 17-го ноября достаточно показалъ всѣ неудобства расположенія Гюльдизъ-табія. Къ 20-му ноября турки, судя по даннымъ „очевидца", могли назначить для обороны укрѣпленія только до 10-ти баталіоновъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы полагаемъ, что соединеннымъ силамъ отрядовъ генераловъ Рауха и Дандевиля удалось бы овладѣть штурмомъ турецкимъ укрѣпленіемъ, а затѣмъ, уже несомнѣнно, и всею позиціею турокъ.

Если бы послѣ того намъ и неудалось развить своихъ операцій, согласно первоначально предположенному плану, то все-таки и достигнутый успѣхъ имѣлъ бы важныя послѣдствія: нашимъ войскамъ не пришлось бы испытать всѣхъ тягостей зимней стоянки на Балканахъ, мы не понесли бы такихъ потерь больными и обмороженными, силы отряда лучше бы сохранились и войска пріобрѣтали обширный раіонъ для довольствія, квартирнаго расположенія и т. п. Но, какъ уже сказано выше, вслѣдствіе принятыхъ общихъ рѣшеній, нашъ отрядъ долженъ былъ дѣйствовать осторожнѣе въ ожиданіи паденія Плевны. Такимъ образомъ пришлось принять мѣры для продолжительной стоянки на горахъ. Къ очерку этихъ мѣръ мы теперь и перейдемъ.

Прежде всего познакомимся съ распредѣленіемъ войскъ. Позиція Шандарникъ-Арабаконакъ была раздѣлена на 2 участка: правый, къ западу отъ шоссе и лѣвый — къ востоку отъ него. Начальникомъ перваго назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эттеръ, а втораго генералъ-маіоръ Дандевиль; общее командованіе возложено на генералъ-адъютанта гр. Шувалова; но, кажется, по личному желанію графа, онъ ограничился начальствованіемъ только надъ правымъ флангомъ. Войска расположены

были такимъ образомъ, что 2-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ двумя своими батареями заняла правый участокъ, а 2-я бригада 3-й пѣхотной (армейской) дивизіи съ лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ, 4-мя пѣшими батареями и 4-мя орудіями 16-й конной батареи—лѣвый участокъ. Въ резервъ назначены были почти всѣ остальныя войска (за исключеніемъ незначительныхъ откомандировокъ), а именно: 20 баталіоновъ, 98 орудій и 20 эскадроновъ.

Резервомъ, расположеннымъ въ окресностяхъ Орханіэ и Врачеша, командовалъ генералъ-маіоръ Раухъ. Главная квартира въ Орханіэ. Необходимо замѣтить, что составъ войскъ на позиціяхъ и въ резервѣ не былъ постояннымъ, и нѣсколько разъ измѣнялся, но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ особеннаго значенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было немедленно приступить къ укрѣпленію занятыхъ позицій такимъ образомъ, чтобы онѣ сдѣлались неприступными. Общія основанія, которыя слѣдовало соблюдать при возведеніи фортификаціонныхъ сооруженій, заключались въ томъ, во-первыхъ, чтобы на каждомъ участкѣ позиціи имѣть, въ видѣ главныхъ опорныхъ пунктовъ, нѣсколько редутовъ, въ особенности на флангахъ; во-вторыхъ, чтобы далеко впереди этихъ пунктовъ были возведены ложементы для стрѣлковъ, на взводъ каждый; въ третьихъ, въ лѣсистыхъ мѣстахъ проложить просѣки, и, въ четвертыхъ, между участками позиціи устроить удобные, внѣ взоровъ противника, пути сообщенія, а также въѣзды на позицію, по которымъ должны были доставляться снаряды, продовольствіе и подкрѣпленія [1]). Кромѣ этихъ боевыхъ распоряженій были приняты разныя хозяйственныя, изъ которыхъ мы упомянемъ лишь о главнѣйшихъ.

Въ д. Врачешѣ, при отступленіи оттуда Шакира, найдено было въ турецкихъ складахъ около 20,000 пудовъ пшеничной муки. Этотъ запасъ оказался чрезвычайно полезнымъ для обезпеченія продовольствія отряда, скудно снабжавшагося интендантствомъ. Прежде всего генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ войскамъ графа Шувалова и генералъ-маіора Рауха приступить не-

---

[1]) Приказъ по отряду отъ 23-го ноября 1877 года. Помѣщенъ въ «Воспоминаніяхъ офицера генеральнаго штаба».

медленно къ устройству хлѣбопекарныхъ печей въ Орханіэ, для чего назначены были особыя команды, при штабѣ и оберъ-офицерахъ, отъ частей войскъ. Отряды генерала Дандевиля и Златицкій, а также Кавказская казачья бригада должны были получать сухари отъ отряднаго интенданта въ д. Осиково; кавалерія—изъ Врацы. Что касается мяса, то, для обезпеченія войскъ этимъ довольствіемъ, приказано было, частью, гвардейской кавалеріи пригнать изъ Врацы и окрестностей 300 головъ для раздачи войскамъ, за установленную цѣну, а частью предписывалось коменданту г. Этрополя войти съ требованіемъ къ мѣстнымъ властямъ о безпрерывной доставкѣ скота за извѣстное, заранѣе опредѣленное, вознагражденіе.

Для сбереженія здоровья войскъ приказано было располагать ихъ преимущественно по квартирамъ, а тѣмъ изъ нихъ, которыя стояли на позиціи, велѣно рыть землянки.

Для больныхъ и раненыхъ устроены пріемные покои: въ Этрополѣ на 200 человѣкъ и въ Орханіэ на 300 человѣкъ. Во избѣжаніе накопленія тѣхъ и другихъ учреждена эвакуація при помощи отходившихъ назадъ повозокъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, въ Орханіэ, Этрополѣ, Врачешѣ, устроены были постояныя комендантскія управленія, которыя исполняли соотвѣтственыя обязанности и имѣли въ своемъ распоряженіи необходимое число людей, небольшіе транспорты подводъ и т. п.

Завѣдующимъ всѣмъ тыломъ назначенъ былъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка полковникъ Доманіевскій. Обязанности его заключались: въ исправленіи всѣхъ транспортовъ и полковыхъ обозовъ, отправкѣ раненыхъ и больныхъ, наблюденіи за всѣми лазаретами и т. п. Онъ также долженъ былъ устроить въ тылу этапные пункты и завѣдывать всѣми комендантскими управленіями [1]).

Описавъ дѣйствія нашихъ войскъ при занятіи Балкановъ и указавъ общія руководящія основанія для дальнѣйшей ихъ дѣятельности, установленныя генераломъ Гурко, перейдемъ къ очерку службы и жизни войскъ на горахъ во время зимней стоянки.

1) Приказъ по отряду отъ 28-го ноября 1877 года. Помѣщенъ въ «Воспоминаніяхъ офицера генеральнаго штаба».

III

Служба и жизнь войскъ на горахъ.

Въ видахъ извѣстной послѣдовательности изложенія, мы сдѣлаемъ предварительно очеркъ работъ, исполненныхъ нашими войсками на своей позиціи и условій ихъ боевой службы, затѣмъ постараемся представить читателямъ бытовую обстановку во время зимней мѣсячной стоянки отряда на Балканахъ.

Изъ предъидущей главы уже извѣстны общія основанія, которыми войска должны были руководствоваться при усиленіи своихъ позицій; а именно: необходимо было возвести на главныхъ мѣстахъ рядъ опорныхъ пунктовъ, въ видѣ батарей, редутовъ и т. п. Затѣмъ слѣдовало выкопать впереди этой линіи рядъ траншей и ложементовъ для помѣщенія стрѣлковъ; въ лѣсу устроивались засѣки, преграждавшія путь противнику и усиливавшія нашу оборону и т. п.

Наконецъ, необходимо упомянуть о множествѣ дорогъ, разработанныхъ для улучшенія сообщеній, какъ съ тыломъ, такъ и между различными частями позицій. Если къ этому прибавить работу по устройству землянокъ, разгребанію постоянныхъ снѣжныхъ заносовъ и т. д., то можно себѣ составить приблизительное понятіе о той массѣ труда, которая была положена на исполненіе всего этого дѣла. Такимъ образомъ представленіе о „стоянкѣ на Балканахъ", какъ о спокойномъ пребываніи, въ ожиданіи возможности спуска съ горъ, было бы совершенно ошибочно. Стоянка эта была пассивна въ стратегическомъ лишь смыслѣ; что же касается собственно дѣятельности войскъ, то она въ это время подчасъ развивалась до крайнихъ предѣловъ напряженія.

Общее наблюденіе за укрѣпленіемъ позиціи возложено было на командира лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона флигель-адъютанта полковника Скалона, а непосредственное руководство работами поручено офицерамъ и нижнимъ чинамъ этого баталіона. Нѣкоторыя работы, впрочемъ, произведены были самими саперами.

Большая-же часть землекопныхъ работъ легла на пѣхоту, которая въ этомъ дѣлѣ являлась рабочей силой. Главнѣйшія работы должны были окончиться 25-го ноября; но и послѣ того, числа до 3—4 декабря, постоянно производились то подправки сдѣланнаго, то возведеніе новыхъ укрѣпленій, то проложеніе новыхъ путей. Затѣмъ вскорѣ войска начали готовиться къ переходу черезъ Балканы, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось приступить къ новымъ работамъ. Необходимо замѣтить, что для оцѣнки искусства и изящества послѣднихъ, наши войска имѣли весьма строгій масштабъ—турецкія укрѣпленія и пути. Турки работали на своей позиціи въ теченіи продолжительнаго времени, большею частью еще за долго до нашего прихода, работали въ хорошее время года, неторопясь, спокойно, а потому всѣ ихъ сооруженія отличались какъ правильностью разбивки, такъ и необыкновенной тщательностью отдѣлки. Нѣкоторыя изъ ихъ укрѣпленій, какъ, напримѣръ, у Орханіэ, Врачеша, походили скорѣе на учебныя модели, нежели на полевые верки. Любовь турокъ къ укрѣпленіямъ, вѣра въ ихъ несокрушимую силу заставляли тоже нашихъ противниковъ не жалѣть никакихъ трудовъ и стараній для доведенія своихъ сооруженій до возможно наилучшаго вида. Далеко не въ такихъ условіяхъ находились наши войска; имъ пришлось возводить свои укрѣпленія и строить дороги спѣшно, въ самое неблагопріятное время года, сражаться и работать въ перемежку разбивать укрѣпленія или въ туманъ или ночью, чтобы не привлечь вниманіе противника, притомъ не имѣя не только достаточнаго, но крайне необходимаго числа шанцеваго инструмента. Отсюда понятно, почему наши укрѣпленія далеко не имѣли отдѣлки турецкихъ, не всегда отличались правильностью разбивки, а иной разъ скорѣе походили на безобразныя груды земли, чѣмъ на модельки турокъ. Тѣмъ не менѣе, укрѣпленія эти сослужили свою службу нашимъ войскамъ и были надежнымъ нашимъ оплотомъ, давши намъ возможность твердою ногою цѣлый мѣсяцъ выстоять противъ турецкой позиціи. Къ этому еще надо прибавить, что энергія и неутомимость нашихъ саперныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ были поистинѣ замѣчательны. Цѣлые дни, а нерѣдко и ночи они проводили на работахъ, руководя общимъ ихъ веденіемъ; но наиболѣе достойно вниманія, это—незнаніе нашими саперами никакихъ преградъ для исполненія дѣла. Никакая круча, никакіе

утесы ихъ не останавливали и дороги прокладывались въ такихъ мѣстахъ, которыя представляли величайшія опасности даже для одиночныхъ путниковъ.

Мы не станемъ перечислять тѣхъ укрѣпленій и вообще работъ, которыя были исполнены нашими войсками на позиціи: приложенный планъ даетъ читателямъ о нихъ достаточное общее понятіе.

Батареи, возведенныя нами, назывались или по мѣсту своего расположенія, какъ напримѣръ „Лѣсная" на лѣвомъ нашемъ флангѣ, или же по фамиліямъ батарейныхъ командировъ: Ореуса, Геринга, Мартюшева, Оноприѣнко и т. д.

Редуты и люнеты именовались по полкамъ или особыми нумерами. Точно также и турецкія укрѣпленія получили у нашихъ войскъ особыя названія, въ зависимости отъ ихъ наружнаго очертанія, или сообразно характеру ихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, наиболѣе замѣчательными турецкими укрѣпленіями были, считая отъ Гюльдизъ-табіи: а) „Сахарная голова"—сильный ложементъ, приспособленный исключительно къ ружейной оборонѣ; б) „Двухъярусный редутъ", вооруженный 2-мя дальнобойными орудіями и имѣвшій впереди себя траншею для пѣхоты; в) „Веселый редутъ", сильная постройка бастіоннаго начертанія съ 2-мя дальнобойными орудіями и г) „Арабаконакъ", вооруженный нѣсколькими орудіями и расположенный у Бабаконакскаго перевала [1]).

Что касается самого производства нашихъ работъ, то кромѣ вышеуказанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ затруднялись часто качествомъ грунта: подъ тонкимъ слоемъ земли обыкновенно оказывалась скала или хрящеватый грунтъ, такъ что часто приходилось складывать брустверa изъ одного дерна, приносимаго за нѣсколько сотъ шаговъ.

Кромѣ того, постоянно ощущался недостатокъ въ шанцевомъ инструментѣ, особенно при устройствѣ въ лѣсу заваловъ и засѣкъ. Топоровъ было совершенно для этого недостаточно, а потому пришлось обращаться къ тесакамъ; но послѣдніе оказывались весьма плохимъ инструментомъ для рубки толстыхъ и замѣ-

---

[1]) «Стоянка на Этропольскомъ Балканѣ» Баронъ Н. Каульбарсъ «Военный Сборникъ» 1879 г. № 12.

чательно крѣпкихъ буковыхъ деревьевъ. Иногда болѣе толстые стволы опрокидывались помощью динамита. Для этого на опредѣленной высотѣ они обвѣшивались динамитными патронами, въ одинъ изъ которыхъ вставлялся фитиль и производилось воспламененіе. Вѣковой, въ 1½ аршина въ діаметрѣ, букъ не всегда поддавался дѣйствію динамита и можно было только расщепить могучій стволъ зарядомъ, доходившимъ до 15-ти и болѣе фунтовъ. Приходилось иногда работать и подъ непріятельскимъ огнемъ, такъ, напримѣръ, 23-го ноября 1877 г., при прокладкѣ дороги съ позиціи генерала Дандевиля къ позиціи графа Шувалова, семеновцы и саперы почти цѣлый день работали подъ гранатами. 28-го ноября, утромъ, во время тумана, заложенъ былъ редутъ на правомъ флангѣ позиціи генерала Рауха. Когда къ обѣду туманъ разсѣялся, то по рабочимъ былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь [1]).

Устройство сообщеній тоже сопряжено было съ большими трудностями: приходилось дѣлать просѣки, работать въ скалѣ, выворачивать громадные камни, дѣлать ступеньки въ гололедицу и т. п. Дороги должны были имѣть достаточную ширину для передвиженія, какъ пѣхоты, такъ и орудій, необходимую пологость и, наконецъ, должны были быть, по возможности, скрыты отъ взоровъ противника. Разумѣется, каждое изъ приведенныхъ условій удовлетворялось лишь постольку, поскольку это было возможно въ данной обстановкѣ. Примѣромъ быстраго, чисто боеваго, устройства пути можетъ служить прокладка дороги, 20-го ноября, отъ „Лѣсной батареи“ на высоту противъ Шандарника, считавшуюся почти недоступною.

Полковникъ Скалонъ и капитанъ князь Аргутинскій Долгоруковъ, осмотрѣвъ эту высоту, немедленно приступили къ разстановкѣ саперъ, изъ которыхъ образовалась какъ бы живая лента, опредѣлившая направленіе дороги. Затѣмъ между саперами были поставлены 2 роты Великолуцкаго полка, и началась работа; черезъ 3 часа дорога была готова. Вмѣстѣ съ тѣмъ штабсъ-капитанъ Ренгартенъ былъ посланъ съ своей ротой на верхъ. Тамъ засвѣтло была протрасирована батарея, а къ утру она была уже готова.

[1]) «Краткій обзоръ участія л.-гв. сапернаго баталіона въ русско-турецкой войнѣ 1877 и 1878 гг.». Составилъ фл.-ад. полковникъ Случевскій.

Что касается боевыхъ дѣйствій во время стоянки на Балканахъ, то послѣ дѣлъ, бывшихъ при самомъ занятіи нами горъ, 16-го, 17-го и 21-го ноября, турки переходятъ къ исключительно пассивной оборонѣ.

О себѣ заявляли они лишь артиллерійской канонадой, которую производили или въ отвѣтъ на нашъ огонь, или же тогда, когда замѣчали наши работы. Тѣмъ не менѣе, не только всѣ позиціи, но и биваки, будучи въ сферѣ непріятельскаго артиллерійскаго огня, обстрѣливались турками, и у насъ бывали случаи раненія людей на самыхъ бивакахъ. Палатки офицеровъ и нижнихъ чиновъ часто пробивались осколками гранатъ и пулями картечныхъ гранатъ. Артиллерія наша открывала огонь тотчасъ по установкѣ орудій на батареяхъ. Сначала производилась пристрѣлка гранатами, а затѣмъ, если дистанція позволяла, то стрѣляли шрапнелью—однимъ изъ страшнѣйшихъ современныхъ снарядовъ. Въ гвардейскомъ корпусѣ состояли только тяжелыя 9 фун. орудія, а 4 фунт. оставлены были въ Петербургѣ, вслѣдствіе малой ихъ дѣйствительности и неспособности бороться съ турецкой дальнобойной артиллеріей. Такимъ образомъ, хотя подъемъ тяжелыхъ орудій на горы былъ сопряженъ съ большими трудностями, но это вознаграждалось сильнымъ ихъ дѣйствіемъ. Снаряда, равнаго нашимъ 9 фунт., турки не могли противопоставить.

Что касается непріятельской артиллеріи, то она состояла преимущественно изъ стальныхъ орудій, 4-хъ и 6-ти фун. калибра, отличалась замѣчательной дальностью боя и мѣткостью. Но турки злоупотребляли первымъ качествомъ и открывали огонь часто на весьма значительныя дистанціи; при этомъ условіи снаряды падали подъ очень большимъ угломъ, глубоко зарывались въ землю, весьма нерѣдко не разрывались, а если это и случалось, то сила пораженія была ничтожна, чему еще способствовала и незначительность разрывнаго заряда. Такимъ образомъ часто, не смотря на замѣчательную мѣткость стрѣльбы, результаты ея были совершенно незначительны. Въ 5—6 шагахъ отъ мѣста разрыва снаряда было уже совершенно почти безопасно. Намъ однажды пришлось быть на батареѣ, открыто расположенной, на которую упало до 50 гранатъ и при этомъ никто изъ людей не былъ выведенъ изъ строя. Слабости дѣйствія турецкой артиллеріи также

не мало содѣйствовала извѣстная рутинность пріемовъ въ веденіи стрѣльбы.

Обыкновенно турки довольно скоро пристрѣливались, но затѣмъ рѣдко мѣняли прицѣлъ и направленіе огня, а потому самаго незначительнаго передвиженія было достаточно, чтобы уклониться отъ главнаго направленія ихъ выстрѣловъ. Сюда же еще слѣдуетъ прибавить безплодное расточеніе снарядовъ для дѣйствія по одиночнымъ людямъ, а также, такъ сказать, щегольство дальнобойностью своихъ орудій, причемъ турецкіе артиллеристы, ни съ того ни съ сего, давали вдругъ нѣсколько огромныхъ перелетовъ. Единственное, якобы разумное основаніе подобной стрѣльбы можно искать развѣ въ желаніи поражать предполагаемыя мѣста расположенія нашихъ резервовъ, но все таки это не болѣе какъ стрѣльба на удачу. Наши артиллеристы не всегда съ такой быстротой и искуствомъ пристрѣливались какъ турки, но за то выборъ цѣлей и снарядовъ, сбереженіе огня—были разумнѣе и вообще стрѣльба регулировалась гораздо толковѣе. Всѣ эти замѣчанія сдѣланы нами по наблюденіямъ за дѣйствіями артиллеріи какъ въ горахъ, такъ и въ полевыхъ сраженіяхъ.

Въ первые дни по занятіи нами Балкановъ, огонь съ нашихъ батарей производился довольно разрозненно. Впослѣдствіи было прислано изъ штаба росписаніе относительно порядка производства канонады, причемъ пальба должна была вестись залпами, съ точно опредѣленными выдержками во времени.

Такой порядокъ стрѣльбы оказался неудобнымъ въ томъ отношеніи, что турки легко къ нему приноровились и, укрываясь отъ залповъ, свободно пользовались промежутками между ними. Генералъ-адъютантъ Гурко, посѣтивъ позиціи, лично приказалъ измѣнить порядокъ стрѣльбы, видя малую ея пользу.

Вслѣдствіе этого, съ 22-го ноября 1877 г., пальба уже производилась по-орудійно, выстрѣлъ за выстрѣломъ, такъ что мы не оставляли турокъ ни минуты спокойными.

Необходимо замѣтить, что на лѣвомъ флангѣ (позиція Рауха), гдѣ мы были въ самомъ близкомъ разстояніи отъ турокъ, всѣ наши батареи были командуемы непріятельскими и, такимъ образомъ, приходилось производить пальбу снизу вверхъ, что составляетъ условіе неблагопріятное; наоборотъ—правый нашъ флангъ, командовавшій непріятельской позиціей, былъ болѣе удаленъ отъ

главныхъ турецкихъ укрѣпленій и командовалъ ими. Съ наступленіемъ зимы энергія огнестрѣльнаго боя съ обѣихъ сторонъ ослабѣвала и подъ конецъ пальба велась почти только лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда окрестности освобождались отъ облаковъ и можно было видѣть цѣль. Впрочемъ положеніе орудій намѣчалось на случай пальбы ночью и въ туманъ.

Что касается ружейнаго огня, то онъ былъ чрезвычайно рѣдокъ.

Изъ сказаннаго видно, что боевыя дѣйствія постепенно утрачивали свой интересъ и подъ конецъ стоянки почти совершенно прекратились.

Перейдемъ къ очерку войсковаго быта на Балканахъ.

Во время подъема и въ первые дни пребыванія нашего на горахъ, снѣгъ и морозы появлялись очень рѣдко, господствовало почти исключительно дождливое время. Вѣчная мгла окутывала биваки войскъ. Платье, вещи, палатки и пр. все это пропитывалось сыростью и никогда не высыхало; почва сочилась подъ ногами и, за отсутствіемъ подстилки, людямъ приходилось ложиться прямо въ грязь, состоявшую изъ размокшей глины и слоя прогнившихъ буковыхъ листьевъ.

Нѣсколько разъ въ день люди испытывали своеобразное ощущеніе, находясь въ самомъ средоточіи образованія дождя: съ каждаго листа, съ каждой вѣтки падали громадныя водяныя капли; приходилось дышать постояннымъ паромъ, который осаждался на всемъ: на платьѣ, на усахъ, бородѣ, и держалъ ихъ постоянно въ состояніи обильной влажности. Изрѣдка, къ утру, палатка покрывалась толстымъ слоемъ снѣга, который, подъ вліяніемъ дневной теплоты и дождя, быстро таялъ, окончательно превращая весь бивакъ въ непроходимую грязную лужу. Трудно себѣ представить, до какой степени доходитъ всепроницающая сырость на вершинахъ высокаго хребта [1]). Солнце въ южныхъ странахъ, въ описываемое время, еще сильно дѣйствуетъ на равнинахъ, въ низкихъ мѣстахъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе нагрѣванія почвы, тамъ поднимается значительное количество паровъ. Ночью и утромъ небо ясно, но уже къ 10—11 часамъ дня тучи его за-

---

[1]) «Стоянка на Этропольскомъ Балканѣ» Баронъ Н. Каульбарсъ. «Военный Сборникъ» 1879 г. № 10.

крываютъ. Вершины горъ, сильно охлаждаясь въ ясныя ночи отъ лучеиспусканія, приходятъ въ соприкосновеніе съ теплыми, относительно, парами, поднимающимися изъ сосѣднихъ долинъ; отъ этого происходитъ чрезвычайно сильное охлажденіе паровъ, образующихъ такимъ образомъ обильную росу, покрывающую горы и лѣсъ крупными каплями. Замѣчательно, что турки гораздо въ меньшей степени подвергались вліяніямъ непогоды, чѣмъ мы. Дѣло въ томъ, что сѣверные склоны Балкановъ нагрѣвались слабѣе южныхъ; вслѣдствіе этого пары, нагоняемые сѣвернымъ вѣтромъ, сгущались на сѣверномъ склонѣ, т. е. тамъ, гдѣ была расположена бо̀льшая часть нашихъ биваковъ. Часто недостаточно было весьма сильнаго вѣтра, чтобы перегнать тучи на южный склонъ, а если-же онѣ туда и попадали, то почти немедленно исчезали отъ соприкосновенія съ теплымъ потокомъ воздуха, обращавшимъ ихъ въ неуловимый для глаза паръ. Впрочемъ ненастье не долго продолжалось; вскорѣ пришлось войскамъ испытать всѣ невзгоды зимняго времени. Уже въ послѣднихъ числахъ ноября 1877 г. начались въ горахъ морозы и снѣжныя мятели.

Всѣ позиціи были занесены снѣгомъ и войскамъ приходилось постоянно производить работы для расчистки путей, укрѣпленій и т. п. Деревья были покрыты густыми массами инея, такъ что мѣстами бросали рѣзкую тѣнь. Независимо отъ общихъ условій температуры, войска въ это время года испытывали рѣзкія перемѣны въ состояніи воздуха отъ исключительныхъ свойствъ горной мѣстности; въ туманные дни приходилось бороться со страшной стужей, а въ свѣтлые испытывать духоту на склонахъ, обращенныхъ къ солнцу. При этомъ снѣгъ сыпется совершенно сухимъ; онъ только отражаетъ теплые лучи и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно быстро исчезаетъ, прямо испаряясь, а не тая. Это-то быстрое испареніе до того понижаетъ температуру самаго снѣга, что послѣдній, не смотря на слой теплаго воздуха, образующагося надъ нимъ, остается сухимъ и рыхлымъ и постепенно исчезаетъ безъ всякаго образованія воды и даже сырости. При этомъ присутствіе значительнаго количества водяного пара въ воздухѣ дѣлаетъ его замѣчательно прозрачнымъ [1]). Нерѣдко спокой-

---

[1]) «Стоянка на Этропольскомъ Балканѣ»., Н. Каульбарсъ.

ствіе атмосферы нарушалось, являлись мятели и даже снѣжные бураны, какъ напр. 17-го декабря. Явленіе это принимало на горахъ обыкновенно грандіозно-ужасный характеръ и сопровождалось страшными послѣдствіями (катастрофа въ отрядѣ генерала Дандевиля на Бабѣ-горѣ). Въ это время видѣть что нибудь, хотя въ нѣсколькихъ шагахъ, невозможно; а лицо горитъ огнемъ отъ ударовъ мелкихъ ледяныхъ иглъ, несущихся по воздуху. Цѣлое снѣжное море волнуется кругомъ; въ нѣсколько секундъ поднимаются высокіе сугробы, которые постоянно мѣняютъ свои мѣста и наружныя формы подъ напоромъ вѣтра. Ужаснѣе всего безпрерывные вихри, появляющіеся то тутъ, то тамъ, отъ которыхъ невозможно укрыться; при этомъ поднимаются огромныя массы снѣга, образующія настоящіе снѣжные смерчи, въ которыхъ находили смерть застигнутые въ расплохъ люди.

Даже и тогда, когда природа успокоивалась, она еще оставляла опасные результаты своего возмущенія: снѣгъ, состоявшій исключительно изъ ледяныхъ иглъ, былъ чрезвычайно рыхлъ и въ немъ легко можно было провалиться и задохнуться. Ко всему этому нужно прибавить, что солдатъ нашъ, даже и офицеръ, лишенъ былъ необходимѣйшихъ средствъ для борьбы и противодѣйствія рѣзкимъ и суровымъ вліяніямъ природы.

Служба войскъ была къ тому же тяжела. Раньше уже упомянуто было о тѣхъ громадныхъ саперныхъ работахъ, которыя исполнены были во время стоянки на горахъ. Кромѣ того, пришлось поднять на верхъ всю артиллерію, назначенную на вооруженіе батарей; а затѣмъ, по доставкѣ орудій, нужно было озаботиться доставкой снарядовъ, которая производилась почти исключительно людьми пѣхоты.

Каждый человѣкъ наряженной команды получалъ внизу, на опредѣленномъ пунктѣ, тяжелый снарядъ для орудія, вѣсившій около 30 фунт., и съ этой ношей долженъ былъ бережно подыматься къ указанному мѣсту, на высоту около 5000 ф. Цѣлые дни, длинныя вереницы людей подымались въ горы или спускались внизъ. Всѣмъ этимъ далеко еще не кончалась работа: пѣхота должна была еще нести утомительнѣйшую аванпостную службу. Большею частью приходилось такъ, что люди одни сутки стояли на аванпостахъ, а другіе „отдыхали“. На самомъ же

дѣлѣ время „отдыха“ выходило менѣе, примѣрно, часовъ на восемь [1]).

Смѣнялись обыкновенно въ часъ, чтобы люди успѣли отобѣдать до выступленія на аванпосты. Прежде отправки на службу нужно было снять палатки, убрать все на бивакѣ, отогрѣть затворъ ружья, который промерзнувши не дѣйствовалъ (вслѣдствіе обильнаго смазыванія дурнымъ масломъ, заключавшимъ частички воды), затѣмъ построиться для расчета и т. п.; все это требовало около 2—3 часовъ. На самую смѣну нужно было еще болѣе времени: движеніе по ледянымъ или снѣжнымъ кручамъ могло производиться лишь крайне медленно и съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей; далѣе, смѣнившіеся люди должны были собраться къ главному караулу, а затѣмъ уже вернуться къ биваку — на это уходило около 5 час., а въ общемъ итогѣ 8 часовъ.

Во время „отдыха“ люди строили укрѣпленія, прокладывали дороги, разгребали снѣгъ, посылались командами за сухарями, снарядами и т. п., рубили для костровъ крѣпкій букъ, разводили и поддерживали костры, ходили оцѣплять приведенный на убой скотъ, чтобы онъ не убѣжалъ и т. д., остальное же время посвящали отдыху, но не беззаботному, а съ извѣстными предосторожностями, чтобы не замерзнуть.

Въ аванпостной цѣпи обыкновенно раскладывались, вопреки уставнымъ правиламъ, костры, безъ чего люди, стоя по колѣно въ снѣгу, замерзли бы. Впрочемъ это не представляло особой опасности, такъ какъ при постоянномъ почти господствѣ тумана, костры въ нѣсколькихъ шагахъ уже не были видны; такимъ образомъ, только одинъ часовой стоялъ шагахъ въ 5—10 передъ огнемъ, а прочіе люди грѣлись у тлѣвшихъ головешекъ. При выступленіи на аванпосты, нѣкоторые изъ людей насаживали, для растопки костровъ, дымящіяся головни на штыки ружей и такъ отправлялись на службу. Тутъ они принимали отъ смѣняемыхъ потухающій костеръ, подкладывали дрова, разставляли манерки, наполненныя снѣгомъ вмѣсто воды, и начинали варку пищи, пооче-

---

[1]) Многіе послѣдующіе факты относительно бытовой обстановки войскъ заимствованы нами изъ рукописи л.-гв. Павловскаго полка штабсъ-капитана Юрьева, обязательно предоставившаго свой трудъ въ наше распоряженіе.
А. П.

редно исполняя службу часовыхъ [1]). Даже секреты, долженствовавшіе посылаться, какъ и самое названіе показываетъ, скрытно, замѣнены были наблюдательными постами, которые выдвигались приблизительно на версту впередъ, стояли тамъ цѣлыя сутки и имѣли разведенные костры. Само собою разумѣется, что офицеры, въ качествѣ начальниковъ и руководителей, несли такую же службу какъ и нижніе чины.

Собственно жилищемъ солдата, во время отдыха, была палатка. Послѣднія, уже порядочно подгнившія, рвались отъ частаго складыванія и разстановки ихъ на морозѣ. Палатки погнили еще осенью, когда на походѣ, люди, подымаясь съ зарею, должны были складывать ихъ сырыми и въ такомъ видѣ нести на себѣ въ теченіи дня подъ солнечными лучами. Прорванная палатка еще не составляла наибольшаго неудобства; гораздо хуже было то, что людямъ приходилось спать на голой землѣ, безъ всякой подстилки. На ночь, обыкновенно, обитатели палатки ложились вплотную другъ къ другу и мѣнялись мѣстами, чтобы дать возможность согрѣться крайнимъ.

Но при этомъ ноги сильно, все таки, промерзали; чтобы согрѣть ихъ, люди или цѣлой палатки, или по одиночкѣ вскакивали, шли къ костру и потомъ снова ложились, но уже въ новомъ порядкѣ. Часто на бивакѣ раздавался крикъ, предупреждавшій, что въ такой-то, положимъ, ротѣ солдатъ замерзаетъ; это происходило оттого, что онъ проспалъ и не вышелъ погрѣться, или же незамѣтно уснулъ у костра, который постепенно погасъ. Такихъ людей, обыкновенно, заставляли бѣгать, пока согрѣются. Для улучшенія солдатскаго жилища, предписывалось строить или углубленныя палатки или же землянки. Первыя устроивались такимъ образомъ, что подъ навѣсомъ вырывалась земля не менѣе, какъ на 1 ф. глубиною. Въ такой палаткѣ вѣтеръ не обхватывалъ лежащихъ по краямъ, да и рвалась она менѣе отъ толчковъ. Что касается землянокъ, то онѣ состояли изъ ямъ съ деревянной (бревенчатой) крышей, покрытой дерномъ; внутри вырывалась еще яма, сообщавшаяся особо съ внѣшнимъ воздухомъ и служившая очагомъ. Но многіе начальники избѣгали такихъ жилищъ и не

---

[1]) «Изъ воспоминаній офицера л.-гв. Егерскаго полка» Б. Сборникъ военныхъ разсказовъ т. 4.

приказывали ихъ строить по слѣдующимъ причинамъ. Зимою необходимо было имѣть очень солидныя крыши и для этого рубить толстыя бревна, что вообще, при недостаткѣ шанцеваго инструмента, сопряжено было съ весьма значительными трудностями. Кромѣ того, землянка хороша, когда она выстроена лѣтомъ или осенью и успѣла къ зимѣ высохнуть; въ противномъ случаѣ, будучи сооруженной изъ мерзлой земли, она отъ огня и даже отъ дыханія, осаживается, даетъ течь и осыпается. Иной разъ, для высушки такой землянки, пытались ее сильно и непрерывно топить, послѣ чего большею частью она обрушивалась.

Для борьбы съ холодомъ придумывались различныя средства; такъ, напримѣръ, нѣкоторые начальники приказывали имѣть въ ротахъ опредѣленное число костровъ, причемъ дневальные должны были слѣдить, чтобы люди постоянно поддерживали огонь, заставляли бѣгать солдатъ, которыхъ замѣчали сжавшимися и страдающими отъ холода; офицеры вызывали изъ палатокъ наиболѣе безпечныхъ или лѣнивыхъ нижнихъ чиновъ и заставляли ихъ работать, бѣгать или, собравши нѣсколько такихъ, устроивали имъ маршировку въ теченіи минутъ двадцати — получаса и т. п..

Офицеры тоже помѣщались или въ землянкахъ, или въ палаткахъ. Послѣднія, солдатскаго образца, двускатныя, были легки, но, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, уступали высокимъ, конусообразнымъ турецкимъ.

Важнѣйшее удобство турецкихъ палатокъ—то, что онѣ позволяли стоять во весь ростъ. Оцѣнить эту выгоду можно лишь тогда, когда жизнь въ палаткѣ становится обязательной въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Постоянно согнутое положеніе въ нашей палаткѣ, гдѣ можно было только лежать или стоять на колѣняхъ—до крайности утомительно. Затѣмъ, слѣдующей неизбѣжной принадлежностью обстановки офицера была кровать или деревянная, или въ видѣ гуттаперчеваго мѣшка; преимущество первой заключалось въ томъ, что она могла служить сидѣньемъ, письменнымъ столомъ и т. п., и при ней избѣгалось соприкосновеніе съ холодной или грязной почвой; за то вторая легче и укладистѣе. Желѣзныя кровати, вслѣдствіе

своей тяжести, были доступны только для старшихъ чиновъ, менѣе стѣснявшихся перевозочными средствами.

Что касается одежды войскъ, то она находилась въ самомъ жалкомъ видѣ. Впослѣдствіи, при движеніи къ Адріанополю, войска, выстоявшія на Балканахъ, совершали свое побѣдоносное шествіе буквально въ лохмотьяхъ: шапки безъ козырьковъ, турецкія фески, прожженыя и оборванныя шинели, продырявленные брюки, масса разной навороченной на ноги дряни вмѣсто сапогъ, отросшіе волосы на головѣ—все это придавало имъ непривычный, хотя и почтенный видъ. Но еще и раньше, а именно на Балканахъ, люди страшно нуждались въ одеждѣ. Запасныя вещи остались назади вмѣстѣ съ ранцами; своевременнаго подвоза устроить не было возможности. Между тѣмъ условія боевой службы вовсе не способствовали сохраненію одежды. Нижнимъ чинамъ постоянно приходилось, то пробираться по колючимъ кустамъ, то по густому лѣсу, то ползти и скатываться по горамъ, спать не раздѣвась нѣсколько недѣль подъ рядъ, тащить орудія съ лямками черезъ плечо, мокнуть подъ дождемъ, мерзнуть въ стужу и пр. и пр. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что одежда и обувь постоянно прожигались у костровъ, или безсознательно во время сна, или же нечаянно при отогрѣваніи. Иной разъ, можно было бы исправить небольшой изъянъ въ обмундированіи, но, за недостаткомъ времени, приходилось оставлять его въ такомъ видѣ, и небольшая проруха служила началомъ разрушенія одежды. Запасъ бѣлья тоже былъ назади; а потому люди оставались въ одномъ и томъ же, совершенно оборвавшемся отъ безсмѣнной носки и спанья одѣтыми. Стирать бѣлья тоже не возможно было: на морозѣ руки коченѣли и потому легко было изорвать остатки лохмотьевъ, при непроизвольныхъ движеніяхъ; кромѣ того сушка бѣлья сопряжена была съ трудностями: костры, сложенные изъ сыраго дерева, едва тлѣли и потому, пока просушивается одна сторона, другая успѣетъ отсырѣть и т. п. Болѣе всего люди страдали отъ недостатка обуви. Сапоги пришли постепенно въ совершенную негодность, какъ отъ постояннаго употребленія, такъ и отъ недостатка смазки; вслѣдствіе этого, намокнувшая обувь при морозѣ или высушкѣ лопалась и быстро разрушалась. Вскорѣ въ отрядѣ сапогъ, сколько

нибудь сохранившихся, почти совсѣмъ не имѣлось. Приходилось обращаться къ различнымъ средствамъ для ихъ замѣны; съ этою цѣлью пользовались шкурами убитаго скота и устроивали нѣчто въ родѣ опанокъ, или наворачивали на ноги тряпье, полотнища палатокъ, куски раздобытыхъ одѣялъ и т. п. Само собою разумѣется, что эта импровизированная обувь быстро промокала, а будучи неловко пригнанной, сползала съ ногъ и обнаруживала голое тѣло, почему люди начали обмороживаться въ огромномъ числѣ ежедневно. Въ этомъ отношеніи турецкіе склады, захваченные въ д. Врачешѣ, не много могли помочь, такъ какъ предметовъ обмундированія тамъ было мало. Такимъ образомъ, напримѣръ, л.-гв. Павловскій полкъ въ разное время могъ получить изъ этихъ складовъ лишь 60 мундировъ, брюкъ и жилетовъ, 200 локтей сѣраго сукна и нѣсколько кусковъ турецкихъ палатокъ на портянки.

Вслѣдствіе невозможности мѣнять бѣлье и необходимости спать не раздѣваясь, на людяхъ развелись въ огромномъ количествѣ насѣкомыя, появленію которыхъ предшествовалъ сильнѣйшій зудъ на тѣлѣ. Этихъ паразитовъ не могли избѣгнуть даже многіе изъ самыхъ старшихъ начальниковъ.

Одежда у офицеровъ тоже сильно износилась, особенно брюки и сапоги отъ постоянной ходьбы.

Весьма полезными оказались, между прочимъ, два продукта новѣйшей промышленности, а именно: кожанныя пальто и шведскія куртки. Первыя, хотя тяжелы, но прочны и отлично предохраняли отъ холода, а вторыя не пропускали вѣтра.

Нѣкоторую помощь офицеры получили изъ отряда Цесаревны „Краснаго Креста". Уполномоченные „Общества" охотно предоставили въ распоряженіе офицеровъ всѣ свои запасы и снабжали ихъ шапками башлычнаго сукна, набрюшниками и т. п. До какой степени офицеры были тоже оборваны можетъ служить доказательствомъ, напримѣръ, такой фактъ, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ обвязывать свои ноги полотенцемъ, чтобы прикрыть дырья брюкъ и т. п.

Не смотря на невѣроятныя усилія отряднаго штаба, пищею войска были обезпечены далеко не въ достаточной степени. Замѣтимъ прежде всего, что пища варилась каждымъ солдатомъ въ

отдѣльности, въ своемъ котелкѣ, который хотя и обладаетъ превосходными походными свойствами, но неудобенъ, какъ и понятно, тѣмъ что пища въ немъ не можетъ имѣть хорошаго навару, по недостаточности продуктовъ, вмѣщающихся лишь на одного человѣка. Затѣмъ, очень часто соли или вовсе не имѣлось или отпускалось ея недостаточно, а потому во вкусовомъ отношеніи пища была неудовлетворительна и мясо пріѣдалось до такой степени, что нѣкоторые люди не могли его въ ротъ взять. Въ количественномъ отношеніи продуктовъ тоже было недостаточно. Такимъ образомъ главнѣйшаго изъ предметовъ довольствія солдата—сухарей, которые часто замѣнялись непривычными турецкими галетами, выдавалось по 1½ фунта, а съ 8-го декабря 1877 г. лишь по 1 фунту на человѣка въ сутки. Не говоря о томъ, что при усиленной работѣ этого количества было совершенно недостаточно, надо еще замѣтить, что люди, вслѣдствіе отчасти безпечности, отчасти голода, томительной службы на аванпостахъ, съѣдали свои сухари нерасчетливо, забывая о будущемъ времени, на которое они были выданы—и это не всегда удавалось предупредить, не смотря на частый контроль начальниковъ; тогда обыкновенно наступало состояніе настоящаго голода, при которомъ солдатъ жертвовалъ послѣдней копѣйкой или самымъ дорогимъ своимъ достояніемъ, чтобы пріобрѣсти галету у артиллериста (который легче могъ хранить и перевозить запасы) или лепешку у болгарина. Меньшій недостатокъ ощущался въ мясѣ; по крайней мѣрѣ его отпускали вдоволь, хотя доставлялся скотъ не всегда аккуратно. При недостаткѣ соли, неудовлетворительной, часто спѣшной, варкѣ и маломъ количествѣ хлѣба, говядина не могла удовлетворить потребностей солдата и, какъ сказано выше, нерѣдко претила людямъ.

Водка (жидкій спиртъ) выдавалась не часто, по полчарки на человѣка, при чемъ была разбавлена на половину водой; солдаты предпочитали пить въ чистомъ видѣ ¼ чарки. Вскорѣ офицеры замѣтили, что крѣпкая водка была часто причиной обмораживаній, такъ какъ люди, съ ослабленнымъ сильно организмомъ, скоро засыпали подъ вліяніемъ выпитаго спирту, а потому, по совѣту врачей, стали разбавлять послѣдній двойнымъ и тройнымъ количествомъ воды и выдавали его сами ротные командиры, послѣ

обѣда. Если было возможно, то спиртъ охотно замѣняли чаемъ.

Что касается офицеровъ, то составъ ихъ пищи былъ, главнымъ образомъ, такой же какъ и солдатской: сухари, говядина, баранина и т. п., но, разумѣется, въ бо́льшемъ количествѣ. Сюда еще слѣдуетъ прибавить кое-какіе припасы, которые въ первое время возможно было добывать у единственнаго маркитанта гвардейскаго корпуса Львова, по огромнымъ цѣнамъ. У немногихъ сохранились также нѣкоторые консервы, запасенные еще въ Россіи. Наилучшими изъ нихъ оказались, между прочимъ, слѣдующіе: такъ называемыя „офицерскія галеты" – онѣ хотя не особенно вкусны и уступаютъ другимъ видамъ такихъ-же консервовъ, но, приготовленныя безъ масла и сливокъ, отлично сохранялись; затѣмъ—галеты, приготовленныя изъ муки съ отрубями; далѣе сливки-консервы, которые сохранялись превосходно и придавали пріятный вкусъ чаю, приготовленному на плохой водѣ. Но особенно любимымъ консервомъ былъ кофе; на стаканъ горячей воды достаточно было небольшой чайной ложки состава и два куска сахару, при чемъ немедленно получался отличный питательный кофе. Всѣ виды мясныхъ консервовъ оказались болѣе или менѣе неудовлетворительными и были нерѣдкіе случаи заболѣванія отъ ихъ употребленія. Впрочемъ надо замѣтить, что во все время войны войска не встрѣчали особаго затрудненія въ добываніи свѣжей говядины, да и надо полагать, что при всякой европейской войнѣ, менѣе всего будетъ чувствоваться недостатокъ въ этомъ припасѣ.

Вода на позиціи добывалась изъ снѣгу, для чего его растапливали въ манеркахъ на кострахъ.

Что касается фуража, то въ немъ ощущался большой недостатокъ: купить негдѣ и не у кого, а за добычей приходилось посылать за цѣлые десятки верстъ, при чемъ всякая посылка сопровождалась огромной работой спуска съ горъ и подъема лошадей на верхъ съ тяжелой ношей. Найденный во Врачешѣ ячмень нѣсколько пособилъ довольствію лошадей [1]).

Заканчивая вопросъ о продовольствіи войскъ, скажемъ нѣ-

---

[1]) «Воспоминанія офицера генеральнаго штаба».

сколько словъ о тѣхъ причинахъ, которыя обусловливали вообще не совсѣмъ удовлетворительное его состояніе. Нѣкоторые полагаютъ, что главнѣйшая изъ нихъ заключается въ недобросовѣстности интендантскихъ чиновниковъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что, напримѣръ, въ гвардейскомъ корпусѣ интендантомъ былъ, нынѣ уже покойный, человѣкъ замѣчательной честности и неутомимаго усердія—полковникъ Василенко. Дѣятельность и хлопотливость его были изумительны, а нравственная чистота выше всякаго подозрѣнія; тѣмъ не менѣе дѣлу довольствія отряда все это принесло не много пользы. Да и быть иначе не могло, въ виду недостатка общей организаціи интендантской части.

Интендантское вѣдомство комплектовалось у насъ чиновниками болѣе или менѣе случайно, лицами самыхъ разнообразныхъ профессій и познаній. Вслѣдствіе этого, единства духа и принциповъ служебной дѣятельности не могло существовать среди нихъ. Въ мирное время часть чиновниковъ этихъ, находясь преимущественно въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, была совершенно чужда войскамъ, не знала ни быта, ни потребностей ихъ, ни даже самаго порядка довольствія; другіе поступали на службу только во время мобилизаціи, не имѣя ничего общаго съ интендантскимъ дѣломъ. Обязанности военнаго времени для огромнѣйшаго большинства были совершенно неизвѣстны, и знанія этого рода приходилось имъ пріобрѣтать уже путемъ практики, урывками, въ горячее время. Научныхъ знаній, знакомства съ производительными и промышленными средствами другихъ странъ, умѣнья эксплоатировать ихъ наилучшимъ образомъ для потребностей войскъ—тоже не существовало. Если къ этому прибавить еще недостатки въ устройствѣ и организаціи перевозочной части, то станетъ понятнымъ, что самая добросовѣстная и усердная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не могла имѣть сколько нибудь вліятельнаго значенія въ смыслѣ общаго хода дѣла.

Въ заключеніе намъ остается сказать о леченіи больныхъ. Болѣзненность, вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ и бытовыхъ условій, значительно развивалась въ отрядѣ: обмораживаніе, простудныя болѣзни, катарры, дисентерія и пр.—все это сильно ослабляло наши войска.

Согласно приказу по отряду отъ 28-го ноября, въ Орханіэ и

Этрополѣ были устроены пріемные покои для больныхъ и раненыхъ: въ первомъ пунктѣ на 300 человѣкъ, а во второмъ на 200 человѣкъ. Такъ какъ больныхъ въ скоромъ времени накопилось много, то старались пользоваться всякимъ случаемъ для ихъ эвакуаціи. Надо замѣтить, что, вслѣдствіе отсутствія сколько нибудь порядочныхъ сообщеній, невозможно было устроить перевозку больныхъ съ позицій въ пріемные покои, и потому приходилось собирать ихъ въ команды и такимъ образомъ отправлять въ Орханіэ и Этрополь. Такъ какъ при этомъ заболѣвавшіе люди не могли прибывать въ одинъ день въ Орханіэ, то, по приказанію генералъ-адъютанта Гурко, на бивуакѣ Астраханскаго драгунскаго полка (около половины разстоянія на шоссе) устроенъ былъ этапный лазаретъ отъ Краснаго Креста, гдѣ люди могли переночевать, получить пищу и медицинское пособіе. Не смотря на это, постоянно можно было видѣть цѣлые ряды едва двигавшихся обмороженныхъ и заболѣвшихъ людей.

Въ видахъ облегченія леченія больныхъ, нѣкоторыя части принимали сами соотвѣтственныя мѣры. Такъ, напримѣръ, съ разрѣшенія графа Шувалова, для л.-гв. Павловскаго полка былъ устроенъ въ Орханіэ полковой околодокъ. Завѣдываніе имъ возложено было на врача, а въ помощь назначено нѣсколько фельдшеровъ и лазаретныхъ служителей. Околодокъ помѣщался въ двухъ избахъ, гдѣ были устроены для больныхъ нары.

Каждый больной получалъ ежедневно супъ, фунтъ мяса и $1^1/_2$ фунта сухарей, которые впослѣдствіи были замѣнены хлѣбомъ.

Болѣе тяжело больные, а также страдавшіе поносомъ получали пшеничный хлѣбъ, приготовлявшійся изъ муки Врачебныхъ складовъ. Кромѣ того всѣмъ выдавался чай, а кому слѣдовало водка. Лазаретные служителя приготовляли больнымъ обувь изъ бараньихъ шкуръ, а ротные сапожники такой же обдѣланной шкурой починяли имъ сапоги. Изъ этого же матеріала изготовлялись одѣяла для больныхъ, находившихся въ околодкѣ, а также для эвакуированныхъ. Для починки платья, чего въ горахъ, при холодѣ, невозможно было исполнить, выдавались сукно и нитки. Мѣры эти имѣли для полка благодѣтельныя послѣдствія.

Въ вышеочерченныхъ условіяхъ проходила изо дня въ день жизнь нашихъ войскъ на Балканахъ. Постройка укрѣпленій,

аванпостная служба, проложеніе дорогъ, борьба съ снѣжными мятелями и заносами наполняли дни томительнаго ожиданія спуститься, наконецъ, съ непривѣтливыхъ горъ. Изрѣдка, лишь въ ясные дни, обычное теченіе жизни нарушалось перестрѣлкой съ турецкими укрѣпленіями, при чемъ всѣ оживленно и внимательно слѣдили, какъ за общимъ ходомъ канонады, такъ и за дѣйствіемъ отдѣльныхъ снарядовъ. По временамъ начальники позицій, а также генералъ-адъютантъ Гурко, объѣзжали войска и это служило предметомъ многочисленныхъ разговоровъ. При такой обстановкѣ стало въ довольно замѣтной степени развиваться мучительное чувство тоски по родинѣ. Удрученный духъ обращался къ воспоминаніямъ прошлаго и раздражалъ воображеніе картинами спокойнаго и тихаго существованія среди условій привычной обстановки. Съ необычайной жаждой прислушивались ко всему тому, что шло изъ родины. Частныя письма и извѣстія становились общественнымъ достояніемъ; всѣ чувствовали себя одной общей семьей среди чуждой и суровой обстановки, сплочивались дружнѣе; чувство тѣснаго боеваго товарищества развивалось въ такой степени, достиженіе которой возможно только въ общихъ условіяхъ военнаго времени. Письма, газеты, случайно найденные листы старыхъ книгъ жадно перечитывались и переходили изъ рукъ въ руки. Офицеры дѣлились съ нижними чинами своими свѣдѣніями, а нижніе чины охотно повѣряли свои предположенія, думы и надежды офицерамъ.

Громаднымъ событіемъ во время стоянки на Балканахъ было извѣстіе о паденіи Плевны и плѣненіи арміи Османа-паши.

Въ этомъ случаѣ радовались, какъ общимъ счастьемъ, такъ и сознаніемъ, что на долю нашего отряда выпала почтенная роль окончательно замкнуть нашего храбраго врага въ его лагерѣ.

Извѣстіе о паденіи Плевны было объявлено войскамъ, по приказанію генералъ-адъютанта Гурко, особыми сообщеніями и вызвало потрясающій восторгъ: офицеры и нижніе чины бросались цѣловаться между собою и долго праздновали славную побѣду. Съ этого времени мы стали поджидать прибытія значительныхъ подкрѣпленій, и, дѣйствительно, вскорѣ узнали, что на усиленіе отряда генералъ-адъютанта Гурко назначены 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и весь 9-й армейскій корпусъ генералъ-лейтенанта барона Криднера. Войска эти, входившія въ составъ арміи,

облагавшей Плевну, стали прибывать къ намъ въ первыхъ числахъ декабря, двигаясь форсированнымъ маршемъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ погоды.

Съ паденіемъ Плевны, разумѣется, должны были начаться у насъ рѣшительныя наступательныя движенія и генералъ-адъютантъ Гурко нетерпѣливо поджидалъ прибытія плевненскихъ войскъ, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ черезъ Балканы.

А. К. Пузыревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ

въ 1859 и 1863 гг.

Въ дополненіе къ нашимъ статьямъ о князѣ Александрѣ Ивановичѣ **Барятинскомъ**, («Русская Старина» изд. 1879 г. томъ XXV, 307—332, 415—436: изд. 1880 г. томъ XXVII, 289—318, 781—812) представляемъ рядъ документовъ, преимущественно 1859 года, указывающихъ на высокое значеніе и тотъ ореолъ величія и славы, которые, вполнѣ по заслугамъ, увѣнчали доблестнаго покорителя Восточнаго Кавказа и поработителя Шамиля.

М. Я. Ольшевскій.

I.

Письмо патріарха Іерусалимскаго Кирилла.

Константинополь, 17-го января 1859 г. [1]).

Ваше сіятельство! Письмо, которое ваше сіятельство соблаговолили написать намъ и которое было передано намъ архимандритомъ Цезаріемъ (Cesarie), застало насъ въ Іерусалимѣ и преисполнило насъ невыразимой радости.

Намъ было въ высшей степени отрадно увидѣть изъ него благочестивое усердіе и христіанскія добродѣтели, воодушевляющія свѣтлѣйшую личность вашего сіятельства; поэтому слова ваши проникли до глубины нашего сердца и мы съ благодарностью приняли табакерку, осыпанную бриллiантами, которую ваше сіятельство соблаговолили предложить намъ въ знакъ своей сыновней любви.

Наше пребываніе въ святыхъ мѣстахъ, при полученіи письма вашего сіятельства, доставило намъ случай неоднократно повергнуться передъ святымъ гробомъ Господа нашего Іисуса Христа и у подошвы Голгоѳы, въ этихъ мѣстахъ, освященныхъ страданіями Спасителя, вознести горячія молитвы о сохраненіи драгоцѣнной жизни вашего сіятельства и о постоянномъ благополучіи вашемъ. Да упрочитъ

[1]) Переводъ съ франц. перевода съ греческ. подлинника.

Господь славу вашей свѣтлѣйшей особы въ ряду великихъ дѣятелей православной России, къ утѣшенію и благосостоянію нашей Іерусалимской церкви.

Возобновляя молитвы, вознесенныя нами въ святыхъ мѣстахъ, посылаемъ вашему сіятельству отеческое наше благословеніе и высказываемъ глубочайшую нашу признательность за вашу сыновнюю любовь къ намъ и за высказанныя вами заботы о благосостояніи св. гроба, что возлагаетъ на насъ обязанность непрестанно молиться за ваше сіятельство, какъ за одного изъ самыхъ почетныхъ благодѣтелей святой нашей церкви.

Оканчиваемъ просьбой къ вашему сіятельству принять изъявленіе нашей признательности и поручая вашей благосклонности интересы св. гроба и архимандритовъ, находящихся при немъ, имѣемъ честь быть вашего сіятельства преданный отецъ Кириллъ, патріархъ Іерусалимскій.

Его сіятельству князю Александру Барятинскому, генералъ-адъютанту Е. И. В. Императора всея Россіи, генералу отъ инфантеріи, намѣстнику Кавказскому въ Тифлисъ.

II.

Мы, Кириллъ, милостью Божіей патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины. Сыну нашему во Христѣ, преблагочестивому и преславному князю Александру Ивановичу Барятинскому, генералъ-адъютанту Е. И. В. Императора всея Россіи, генералу отъ инфантеріи и т. д.

Въ благодарность за его набожное усердіе и заботы о святыхъ Іерусалимскихъ мѣстахъ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершилъ искупленіе рода человѣческаго, жалуемъ ему и предлагаемъ, какъ неизмѣнный знакъ отеческой нашей благодарности и признательности, святой крестъ, украшенный кусками животворящаго креста Господа нашего Іисуса Христа, и желаемъ, чтобы это орудіе вѣры сдѣлалось для него, по милости Божьей, охраною на землѣ отъ всякаго видимаго и невидимаго врага и залогомъ славы и вѣчнаго блаженства, уготованнаго тѣмъ, кто любитъ Господа и слѣдуетъ его божественнымъ заповѣдямъ.

Въ удостовѣреніе чего мы выдали настоящую грамату съ собственноручною нашею подписью и приложеніемъ патріаршей печати.

Данъ въ Константинополѣ 17-го января 1859 г.

III.

Объявленіе Шамилю.

Отъ его сіятельства намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго кавказскою арміею, генералъ-адъютанта князя Барятинскаго.

Кегеры. 22-го августа 1859 года.

Вся Чечна и Дагестанъ нынѣ покорились Державѣ Россійскаго Императора, и только одинъ Шамиль лично упорствуетъ въ сопротивленіи Великому Государю.

Чтобы избѣжать новаго пролитія крови, для окончательнаго водворенія въ цѣломъ краѣ спокойствія, я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положилъ оружіе.

Если онъ исполнитъ мое требованіе, то я, именемъ Августѣйшаго Государя, торжественно объявляю ему со всѣми находящимися при немъ теперь на Гунибѣ, полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы онъ и сыновья его дали письменныя обязательства жить тамъ безвыѣздно, равно какъ и тѣ изъ приближенныхъ лицъ, которыхъ онъ пожелаетъ взять съ собою. Путевыя издержки и доставленіе его на мѣсто будутъ вполнѣ обезпечены русскимъ правительствомъ. По сдачѣ Шамиля Государь Императоръ самъ изволитъ опредѣлить размѣръ денежнаго содержанія ему съ семействомъ.

Если же Шамиль до вечера завтрашняго дня не воспользуется великодушнымъ рѣшеніемъ Императора Всероссійскаго, то бѣдственныя послѣдствія его личнаго упорства падутъ на его голову и лишатъ его на всегда объявляемыхъ ему мною милостей.

IV.

Адресы отъ кахетинцевъ.

Урочище Царскіе колодцы. 2-го сентября 1859 года

Свѣтлѣйшій князь! Великими доблестями вашего сіятельства, изумительными храбростью и трудами войскъ, врагъ, полвѣка вносившій въ край печаль и разореніе, приведенъ, нынѣ, въ покорность.

Великое событіе это, обѣщающее намъ, кахетинцамъ, спокойный трудъ и его послѣдствіе — благосостояніе, наполняетъ сердца наши живѣйшею признательностью. Мы передадимъ изъ рода въ родъ эти чувства, вмѣстѣ съ вѣрноподданическою любовью къ Великому Госу-

дарю нашему, вмѣстѣ съ удивленіемъ и преданностью къ вамъ, князь, достойнѣйшему его намѣстнику! [Слѣдуютъ 17 подписей].

Послѣ царствованія царицы Тамары, опустошительныя вторженія персіянъ и турокъ въ Грузію бывали, но по временамъ, а вторженія горцевъ постоянно и, хотя со вступленія въ подданство Россіи, нѣкоторыя части Грузіи успокоены, но на Кахетію не выпала эта доля и она въ продолженіи 59-ти лѣтъ подвергалась хищническимъ набѣгамъ дикихъ сыновъ Кавказа, покореніе котораго, составляя безсмертную эпоху въ исторіи Россіи, наградило насъ спокойствіемъ и открываетъ намъ блестящую будущность.

Позвольте вашему сіятельству, какъ виновнику счастія Кахетіи, изъявить то чувство искренней благодарности, которое сохранится свято и непоколебимо въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на многія лѣта.

Радостью восхищенные, торжественно, возносимъ теплыя молитвы Всемогущему Промыслу: да споспѣшествуетъ онъ и на будущее время геройству вашему и сохранитъ драгоцѣнную для насъ жизнь вашу на многія лѣта.

V.

Отъ гражданъ и армянъ средняго сословія города Тифлиса.

4-го сентября 1859 года.

Ваше сіятельство! Три года тому назадъ народъ ликовалъ и радовался пріѣзду вашему послѣ назначенія васъ намѣстникомъ царя. Онъ какъ будто тогда же угадалъ высокое призваніе ваше и будущее свое счастіе, начертавъ подъ гербомъ вашимъ слова: «надежда края и отечества».

Богъ услышалъ молитвы его и ожиданія наши увѣнчались блистательнымъ дѣломъ. 30-го августа (1859 г.) пушечные выстрѣлы съ Метехскаго замка, съ заутренею вмѣстѣ, возвѣстили о взятіи Шамиля и покореніи Восточнаго Кавказа и мы отъ малаго до великаго были въ упоительномъ восторгѣ отъ успѣха русскаго оружія.

Вы разрѣшили задачу, надъ которою трудилось столько стратегиковъ. Отнынѣ вы осушили слезы нѣжныхъ родителей русскихъ воиновъ. Вы возвратили спокойствіе краю и съ тѣмъ вмѣстѣ открыли новое поприще для умственной дѣятельности народа. Вы, наконецъ, мощною своею рукою возвеличили Россію въ глазахъ Европы.

Здѣсь не мѣсто, ваше сіятельство, оцѣнить заслугу, оказанную вами Отечеству. Ее оцѣнитъ исторія, въ которой дѣла и подвиги

ваши въ краѣ будутъ лучшею страницею среди всѣхъ дѣяній, когда либо бывшихъ у насъ. Восточный же Кавказъ останется величественнымъ памятникомъ безсмертной славы вашей.

Прежде здѣсь мы встрѣтили васъ только съ хлѣбомъ и солью и съ упованіемъ на Бога надѣялись на молодую свою надежду, а теперь стоимъ у тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ тѣмъ же обществомъ гражданъ для вашего торжества. Кругомъ все радуется и все улыбается вамъ. Съ нами Богъ! Да здравствуетъ покоритель Восточнаго Кавказа! Ура!

Отъ общества тифлисскихъ гражданъ и всѣхъ армянъ средняго сословія г. Тифлиса. Исправляющій должность градскаго главы.

VI.

Отъ кабардинскаго дворянства.

Сіятельнѣйшій князь! На долю нашу выпало счастіе принести вамъ отъ всего кабардинскаго дворянства и народа поздравленіе съ покореніемъ Восточнаго Кавказа. Мы съ нетерпѣніемъ ждали этого торжественнаго часа, чтобы среди окружающаго васъ всеобщаго восторга и удивленія передать вамъ чувства наши.

Вы совершили безпримѣрный военный подвигъ: вы покорили Восточный Кавказъ безъ омраченія несчастіями и кровопролитіемъ. Вы исполнили это подъ непосредственнымъ руководствомъ вашей мудрости и добродѣтели. Если какія нибудь войны велись въ видахъ цивилизаціи, то, конечно, ни одна изъ нихъ не клонилась такъ ясно къ этой цѣли, какъ покореніе Кавказа. Покореніе это озаритъ нашъ востокъ свѣтомъ ума и мира; оно разсѣетъ мракъ невѣдѣнія и вѣчнаго безпокойства. Вы создали для Кавказа великую эпоху. Слава вамъ, доблестнѣйшій князь!

Теперь мы видимъ наше прошлое и смотря на него ужасаемся и удивляемся. Теперь предъ нами великія надежды, упоаемыя на васъ. Продолжайте, сіятельнѣйшій князь, великія дѣянія ваши на славу русскаго имени, на пользу гражданственности народовъ, вамъ ввѣренныхъ, слава ваша да будетъ безсмертна въ памяти ихъ отдаленнѣйшаго потомства.

[Подписали]: Народный эфендій Хаджи Жамурза. Полковникъ Батыръ-Бекъ Тамбіевъ. Подполковникъ князь Докшуко-Касаевъ. Подполковникъ князь Атажукъ-Атажуксонъ. Ротмистръ Темиръханъ Шитлевъ. Штабсъ-Ротмистръ князь Жамботъ Докшуковъ. Поручикъ князь Бекъ-Мурза-Казіевъ. Поручикъ Атажукъ Анзо-

ровъ. Поручикъ Камботъ Кудекетовъ. Корнетъ Муса Кожоковъ. Узденъ Тахушинъ Кетежевъ.

Его сіятельству главнокомандующему Кавказскою арміею, господину генералъ-адъютанту и кавалеру князю Александръ Ивановичу Барятинскому.

VII.

Отъ жителей Бакинской губерніи.

Сіятельнѣйшій князь! Жители Бакинской губерніи всѣхъ сословій осчастливили насъ лестнымъ порученіемъ представить вашему сіятельству поздравленіе съ высокою монаршею милостью и вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ выразить предъ вами, сіятельнѣйшій князь, чувства глубокой признательности за тѣ безчисленныя благодѣянія, которыя принесло намъ покореніе Восточнаго Кавказа. Ваши безсмертные подвиги, сіятельнѣйшій князь, уже оцѣнены по достоинству нашимъ августѣйшимъ Монархомъ; ихъ прославляетъ вся Россія, имъ удивляется Европа и намъ оставалось бы только повторить вслѣдъ за милліонами: слава, вѣчная слава побѣдителю Кавказа! Но мы, ближайшіе сосѣди Дагестана, обитатели котораго столько вѣковъ мечомъ и огнемъ опустошали нашу родину, мы, взирая съ увѣренностью на счастливую будущность, указанную намъ и нашимъ потомкамъ вашими побѣдами и вашимъ мудрымъ управленіемъ, считаемъ священною обязанностью съ восторгомъ воскликнутъ: да будетъ благословенно изъ рода въ родъ имя благодѣтеля Кавказа, фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго! (Слѣдуютъ подписи).

VIII.

Стихи, поднесенные его сіятельству князю намѣстнику, во время проѣзда его черезъ Дербентъ на персидскомъ языкѣ, неизвѣстнымъ лицомъ.

(Переводъ). Благодареніе единому Богу, даровавшему намъ такого милостиваго и правосуднаго намѣстника отъ великаго Государя Императора Царя Царей; онъ называется князь Барятинскій, мать природа никогда не родила такого сына.

Благосклонностью Великаго Государя, имѣющаго корону солнцу подобную, онъ доведенъ до настоящаго сана. Съ облаченіемъ его въ санъ намѣстничества обновленъ Кавказскій край, который окончательно покоренъ вслѣдствіе его грозности.

Хвала тебѣ единственному витязю, славившему себя между сверст-

никами. Правительство Россійское 50 лѣтъ владѣло Кавказомъ при сильныхъ средствахъ, но спокойствіе въ немъ не царствовало: постоянно горцы вели войну противъ русскихъ и всякій съ малаго до большаго ждалъ развязки этой драмы. Вдругъ Великому Государю благоугодно было избрать тебя своимъ намѣстникомъ на Кавказѣ; уже проходитъ три года съ того времени и въ концѣ этого трехлѣтія, ты осчастливилъ Дербентъ своими стопами; этотъ день можетъ назваться для насъ новрузомъ (новымъ годомъ).

Съ небесъ произносятъ тебѣ ангелы слова поздравленія за твои подвиги, которыми ты навсегда утвердилъ спокойствіе края.

Всякій отнынѣ будетъ пользоваться истиннымъ благоденствіемъ; исчезли уже враги навсегда, ибо Кавказъ совершенно покоренъ.

Глаза наши просвѣтились отъ доброй вѣсти о покореніи Дагестана. Тридцатилѣтняя война, благодаря мудрой твоей распорядительности, уже кончилась совершенно.

Боже храни этого нашего намѣстника подъ своимъ покровомъ и даруй ему неизмѣняемое счастіе съ долгоденствіемъ; да будемъ мы пользоваться всегда его правосудіемъ и щедростію, да осѣнитъ его постоянно благосклонностію Великій Монархъ, да будетъ сіять постоянно звѣзда его счастія на небѣ, да будетъ сопровождать постоянно его управленіе подобные же подвиги.

IX.

Стихи и рѣчь, поднесенные его сіятельству князю намѣстнику Барятинскому во время проѣзда его чрезъ Кубу, на татарскомъ языкѣ, жителемъ деревни Биланджи Ильясъ Эфандіемъ.

Стихи.

(Переведъ). О ты, котораго лице сіяетъ какъ солнце, ты освятилъ Кубу своимъ пріѣздомъ.

Ты море щедрости, ты уважаемый народами, ты Султанъ земной.

Молва о твоей славѣ распространилась уже повсюду, отъ тебя могутъ исцѣляться всѣ недуги.

Поздравляю, поздравляю подвиги могучей твоей руки; кому въ жизни благопріятствовало такое счастіе? Кому удавалось покореніе Дагестана?

Рѣчь.

(Переводъ). Мы твои невольники, пользующіеся твоимъ покровительствомъ, о знаменитый и славнѣйшій Сардаръ, ждали съ нетерпѣніемъ твоего пріѣзда, прахъ твоихъ стопъ будетъ служить теперь цѣлебнымъ порошкомъ для нашихъ глазъ.

Молимся Всевышнему Богу да возвеличитъ онъ твою славу, да возвыситъ онъ тебя до верховной ступени счастія для нашего благоденствія подъ твоимъ милостивымъ покровомъ.

X.

Стихи и рѣчь, поднесенные его сіятельству князю намѣстнику (Барятинскому) во время проѣзда его чрезъ Нухинскій уѣздъ, на татарскомъ языкѣ, Нухинскимъ жителемъ Абдулла Эфандіемъ Шихъ Дадашъ Оглы, завѣдывающимъ мечетью Тути-Аги.

Стихи.

(Переводъ). Хвала тебѣ, сто разъ хвала тебѣ, поздравляю тебя съ пріѣздомъ въ нашу родину, о нашъ господинъ.

Да будутъ всегда споспѣшествовать тебѣ побѣды, да будетъ твое счастіе не нарушимое.

Глаза наши просвѣтились прахомъ стопъ твоихъ и мы, преданные тебѣ, съ свѣтлыми очами будемъ зрѣть твою особу.

Рѣчь.

(Переводъ). Благодаримъ творца Всевышняго, причислившаго насъ къ разряду вѣрноподданныхъ великаго Государя Императора и пользующихся милостивымъ покровительствомъ Его Величества.

Благодаримъ Создателя милосерднаго, даровавшаго намъ такого славнѣйшаго и мудраго намѣстника какъ ты, который благоразумными мѣрами покорилъ дикихъ лезгиновъ и искоренилъ на всегда мятежи и смуты. Ты совершилъ такой важный подвигъ, котораго не могли совершить твои предмѣстники, проливавшіе много крови и потерявшіе много войска. Мы теперь совершенно обезопасены со стороны горцевъ и можемъ ненарушимо наслаждаться спокойствіемъ. Теперь намъ остается возсылать теплыя молитвы къ Всевышнему Богу о твоемъ счастіи и долгоденствіи: Боже, даруй намѣстнику Кавказскому постоянный успѣхъ противъ враговъ, храни его подчиненныхъ въ здравіи и счастіи, храни его особу подъ покровительствомъ твоей десницы въ славѣ и могуществѣ, возлюби его для блага и счастія народовъ, да сіяетъ онъ вездѣ какъ солнце, да исполнятся всевозможныя его желенія.

Замѣчанія переводчика. Стихи № VIII написаны хорошимъ слогомъ.

Стихи и рѣчь № IX также порядочны и въ нихъ замѣтна искренность и простодушіе автора.

Стихи и рѣчь № X обыкновенны и въ нихъ замѣтно болѣе искуство и изысканность, чѣмъ поэзія и натуральность. Что касается до того, что заслуживаютъ ли эти авторы вниманія намѣстника, то при настоящей общей радости, я полагаю, не мѣшало бы и радовать каждаго изъ нихъ какимъ нибудь вниманіемъ. Капитанъ Ахундовъ.

XI.

Генералъ-фельдмаршалу князю Александру Ивановичу Барятинскому.

Врага упорство обезсиля
Въ самомъ гнѣздѣ враждебныхъ силъ,
Хоть Вы и взяли въ плѣнъ Шамиля,
Успѣхъ Васъ не ошеломилъ.

***

Ни блескъ фельдмаршалскаго сана,
Ни громъ побѣдъ, ни гулъ молвы,
Какъ обаяньями дурмана,
Вамъ не вскружили головы.

***

Простосердечно и спокойно,
Вы свыклись съ Вашимъ торжествомъ,
Въ сознаньи, что оно достойно
Далось Вамъ съ боя и трудомъ.

***

Васъ благодарствуетъ Россія
За вашу службу передъ ней,
За ваши доблести младыя,
Залогъ созрѣвшихъ нынѣ дней;

***

За то, что баловень фортуны,
Отвергнувъ нѣгу и покой,
Вы закалили возрастъ юный,
Въ горнилѣ жизни боевой;

***

Что путь избравъ—къ далекой цѣли,
Вы шагъ за шагомъ бодро шли,
Что духомъ Вы не оскудѣли,
А все мужали и росли.

***

На старшихъ Вамъ смотрѣть не стыдно,
И зависть Васъ не уязвитъ;
Имъ счастье Ваше не обидно,
Вашъ лавръ и имъ принадлежитъ.

***

Въ затишьи, гдѣ отъ бурь далече,
Вкушаетъ старческій покой,
Когда-то левъ нашъ въ грозной сѣчѣ,
Кавказу памятный герой

***

Встряхнувъ сѣдою головою,
Дней славныхъ память пробудя,
Помолодѣетъ онъ душою
Предъ лавромъ юнаго вождя.

***

Сей лавръ, блестящій юной славой,
Намъ всѣмъ на радость и въ почетъ:
Изъ почвы нѣкогда кровавой,
Онъ мирной тѣнью разцвѣтетъ.

***

Еще грядущее предъ Вами!
Еще широкъ предъ Вами путь:
Не охлажденная годами,
Пылаетъ благомъ Ваша грудь.

***

На край, облитый русской кровью,
Почіетъ мудрая рука,
И довершите Вы любовью,
Побѣду русскаго штыка.

***

Кавказъ вспахали наши рати,
Костьми засѣяли бразды,
Чтобъ послѣ жатва благодати
Созрѣла въ добрые плоды,

***

Чтобъ назидая, умиряя,
Чтобъ разливая жизнь и свѣтъ,
Перешагнула Русь святая
Горъ непріязненныхъ хребетъ,

***

Чтобы вкусивъ изъ полной чаши
Струю святыхъ и мирныхъ благъ,
Благословилъ побѣды наши
Перерожденный нами врагъ.

***

Васъ избралъ Царь—и глазъ державный
Вождя по сердцу угадалъ:
Ему въ отвѣтъ, Вашъ подвигъ славный
Его довѣрье оправдалъ.

***

Ура! Царю, Ура! три раза.
Ура! младый фельдмаршалъ Вамъ!
Ура! Вамъ ратникамъ Кавказа,
Вамъ древнихъ дней богатырямъ.

Кн. Вяземскій.

Примѣчаніе. Напечатано золотыми буквами на почтовомъ листкѣ въ С.-Петербургѣ, цензорское дозволеніе 15-го января 1860 года.

XII.

Письмо Шамиля

(21 апрѣля 1863 г.).

(Переводъ съ арабскаго). Маяку величія, солнцу на горизонтѣ славы, его сіятельству, генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому.

Благоденствіе ваше да не престанетъ увеличиваться, а слава ваша рости и возвышаться.

По отправленіи къ вашему сіятельству письма моего, въ которомъ я просилъ васъ увѣдомить меня о состояніи вашего здоровья и докладывалъ вашему сіятельству, что долгое время не получалъ отъ васъ никакого письма, получено мною нѣсколько вашихъ писемъ. Благодарю васъ за нихъ; они доставили большую радость моему сердцу и дѣлаютъ мнѣ честь, которою я буду гордиться во всю мою жизнь, гдѣ бы не находился близко или далеко; потому что письма эти пишутся вами вслѣдствіе постояннаго вашего ко мнѣ расположенія подъ диктовку вашего сердца; я такъ говорю потому, что мнѣ говоритъ то мое собственное сердце, а какъ извѣстно, сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Извѣстіе о безпорядкахъ, происходящихъ въ Царствѣ Польскомъ, сильно огорчило меня, потому я постоянно молю Всевышняго о благоденствіи Государя Императора и дарованіи ему побѣды во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Узнавъ изъ послѣдняго вашего письма, что вы почувствовали нѣкоторое облегченіе и что вамъ стало несравненно лучше, я воздалъ хвалу всещедрому благодѣтелю Богу и счелъ для себя долгомъ отправить къ вашему сіятельству это письмо, чтобы увѣдомить васъ, что всѣ ваши письма мною получены, и вмѣстѣ съ тѣмъ попросить васъ, не оставить меня своимъ увѣдомленіемъ о состояніи вашего здоровья; потому что извѣстія о состояніи вашего здоровья въ высшей степени интересуютъ меня.

Бѣдный предъ Богомъ старецъ Шамуиль.

Писано въ Калугѣ 21-го апрѣля 1863 года.

Перевелъ съ арабскаго языка на русскій коллежскій секретарь Турминскій.

XIII.

Адресъ отъ жителей города Скерневицы.

Ваше сіятельство! Жители города Скерневицы, питая вѣрноподданныя чувства и благодарность Его Величеству Государю Императору за высочайшую милость, дарованную вашему сіятельству высочайшимъ манифестомъ отъ 11-го сентября сего года за оказанныя знаменитыя заслуги государству на Кавказѣ и радуясь постояннымъ жительствомъ вашего сіятельства въ здѣшнемъ городѣ, осмѣливаются черезъ своихъ депутатовъ принести вашему сіятельству искреннія чувства глубокаго почтенія и признательности, съ поздравленіемъ высочайше дарованными Его Величествомъ всемилостивѣйшими наградами и съ просьбою: выраженныя чувства отъ жителей, принять со врожденнымъ вашему сіятельству благородствомъ.

Бургомистръ города Скерневицы Петрусинскій. Ignacy Obramowich. Konrad Antoni Kudowa. Осипъ Моратъ. Aron Herszkorn.

Портретъ кн. А. И. Барятинскаго.

Приложенный къ настоящей книгѣ „Русской Старины“ портретъ князя Александра Ивановича Барятинскаго, исполненъ съ фотографіи, сообщенной намъ братомъ покойнаго, княземъ Викторомъ Ивановичемъ Барятинскимъ и относящейся именно къ эпохѣ самыхъ славныхъ годовъ въ жизни этого государственнаго дѣятеля и полководца, именно къ 1859—1860 гг.

За болѣзнью постояннаго гравера портретовъ, прилагаемыхъ къ нашему изданію, академика Л. А. Сѣрякова, мы обратились въ Лондонъ къ граверу Боллинголю (Bollingholl), одному изъ лучшихъ англійскихъ ксилографовъ, которымъ и награвированъ этотъ портретъ, первоначально фотографически переведенный на доску.

Ред.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ

1792—1861 гг.

Князь М. Д. Горчаковъ, вслѣдствіе разныхъ сложныхъ обстоятельствъ, разыгралъ въ военной и административной исторіи нашего отечества хотя (зачастую) и плачевную, но все таки видную ролю, вслѣдствіе чего лѣтописецъ не можетъ никоимъ образомъ пройти его молчаніемъ. Обвинять князя М. Д. Горчакова во всемъ, случившемся подъ его управленіемъ и командой, было-бы странно и несправедливо. Онъ былъ, правда, человѣкъ невысокихъ способностей и съ крупными недостатками, но имѣлъ и хорошія стороны характера, прежде всего—полнѣйшее отсутствіе всякой жадности къ пріобрѣтеніямъ, столь свойственной нашему времени; былъ истинный «безсребренникъ», считавшій святымъ и неприкосновеннымъ каждый грошъ, въ особенности, государственный, до такой степени, что изъ этого выходили у него не разъ даже забавныя, донкихотскія сцены. Князю Михаилу Дмитріевичу могло быть найдено соотвѣтствующее мѣсто, гдѣ онъ сдѣлалъ-бы свое дѣло, принесъ бы посильную пользу. Но та бѣда, что, по прихоти судебъ, по игрѣ и по сплетенію тѣхъ случайностей, которыхъ въ жизни частныхъ лицъ, какъ и въ жизни государствъ и народовъ, не въ состояніи отвратить никакая на свѣтѣ сила,—этого слабаго человѣка, свихнутаго къ тому-же аристократическимъ воспитаніемъ, посадили на козлы не такого экипажа, какимъ онъ могъ править и погнали по грудѣ и болотамъ, вмѣсто ровной дороги, а на небѣ гремѣла гроза, пугавшая не крѣпкіе нервы. Что за мудрость, если экипажу, конямъ и сѣдокамъ досталось, что называется, на орѣхи: полопались рессоры, разбиты бока, поломаны ноги... а немудрый возница думалъ до конца, что онъ правитъ какъ слѣдуетъ и ѣдетъ куда нужно и все бодрился, покамѣстъ и самъ не слетѣлъ со своихъ непомѣрно-высокихъ козелъ—въ вѣчность...

Наше дѣло, дѣло современниковъ,—сказать, съ полною откровенностію и смѣлостію, о каждомъ человѣкѣ, такъ или иначе выдвинутомъ исторіею, все, что̀ мы знаемъ; приподнять завѣсы, какія намъ подъ-силу. Каждое слово современника на что-нибудь да годится будущему. Историческая истина начинаетъ вырабатываться непосредственно затѣмъ, что̀ о комъ-либо сказано, хотя-бы пристрастно. Молчать хуже. Молчаніе, боязнь огласки тѣхъ, или другихъ фактовъ, показываетъ только недостаточную зрѣлость общества, низкую степень образованности края, и ничего болѣе. Гдѣ замкнуты уста? Не пишутъ никакія перья? На Востокѣ, въ разныхъ турціяхъ и персіяхъ. На Западѣ можно говорить открыто весьма многое даже о живыхъ премьеръ-министрахъ, не только объ умершихъ. Покрайней мѣрѣ такъ дѣлается въ самой образованной странѣ свѣта, въ Англіи...

Такъ и мы рѣшаемся разсказать все, что́ знаемъ о князѣ М. Д. Горчаковѣ: пусть откликается на это кто какъ знаетъ и какъ хочетъ. Чѣмъ больше мы вызовемъ всякихъ дополненій и возраженій, тѣмъ лучше.

Большинство Горчаковыхъ люди небогатые, нуждающіеся въ службѣ. Къ такимъ Горчаковымъ принадлежалъ и князь Михаилъ Дмитріевичъ, родившійся въ 1792 году.

Отецъ его, князь Дмитрій Петровичъ, былъ человѣкъ образованный, членъ Россійской академіи наукъ и литераторъ [1]). Онъ далъ своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, при чемъ, главнѣйшимъ образомъ, обращалось вниманіе на французскій языкъ и литературу, что̀ было въ аристократическихъ нравахъ того времени. Князь Михаилъ Дмитріевичъ выучился, однакоже, довольно порядочно по русски и по нѣмецки и, какъ его отецъ, писалъ русскіе стихи, которые, будучи командующимъ войсками, печаталъ иногда, по крайней своей безтактности, въ приказахъ по арміи.

Въ 1807 году князь Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій батальонъ (нынѣ лейбъ-гвардіи артиллерійская бригада) и въ томъ-же году произведенъ въ подпоручики, имѣя отъ роду всего 15 лѣтъ. Средства его къ жизни объ эту пору были такъ не велики, что онъ, съ братомъ своимъ Петромъ (впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Западной Сибири), начавшимъ

---

[1]) Писалъ сатиры, комедіи, повѣсти, оперы и посланія. См. Историческую Христоматію новаго періода Русской словесности, А. Д. Галахова, С.-Петербургъ, 1864, стр. 170—176.

службу въ томъ-же самомъ артиллерійскомъ батальонѣ, имѣлъ одни парадные сапоги.

Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ очутился въ дѣйствующей арміи и былъ храбрымъ офицеромъ.

Въ 1815 году, онъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба 1-й арміи, генералъ-лейтенанту барону Дибичу, а въ 1817 получилъ чинъ полковника и переведенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральный штабъ. Черезъ три года (1820) назначенъ начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Красовскій. Въ этомъ званіи, уже имѣя чинъ генералъ-майора (съ 1824 года) Горчаковъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ.

Онъ былъ тогда вялый и неуклюжій молодой человѣкъ, сухощаваго тѣлосложенія, съ самымъ невыразительнымъ плоскимъ лицомъ монгольскаго типа и даже узкими монгольскими глазами, на которые постоянно падали верхнія вѣки (какъ это бываетъ у всѣхъ народовъ монгольскаго племени), что заставляло князя некрасиво задирать вверхъ голову, чтобы лучше видѣть, но видѣлъ онъ всетаки плохо и скоро сталъ носить очки. Вообще физіономія его была не изъ военныхъ. Сколько онъ ни бодрился, сколько ни выпячивалъ грудь впередъ—ничего не выходило.

Иностранное воспитаніе, вѣчный французскій языкъ и вообще какая-то болѣзненная привязанность ко всему французскому, дѣлали для Горчакова невозможнымъ сближеніе съ простыми русскими служаками арміи, не говорившими иначе, какъ по русски. Къ тому-же онъ (вслѣдствіе своего воспитанія и привычекъ) усматривалъ въ такихъ людяхъ, сверхъ невѣжества, нисшее, плебейское происхожденіе. Всякій такой плебей, чтобы вызвать къ себѣ вниманіе Горчакова, долженъ былъ, при первомъ свиданіи съ нимъ, выговорить хотя какънибудь, съ натугой и натяжкой, два-три французскихъ слова. Если это, при посредствѣ знавшихъ слабость князя къ французскому языку, приближенныхъ къ нему лицъ, устраивалось: уши Горчакова настороживались мгновенно иначе и онъ находилъ возможнымъ пробормотать плебею нѣсколько мягкихъ и ласковыхъ словъ, тоже, разумѣется, французскихъ. Въ противномъ случаѣ, онъ бывалъ съ плебеями грубъ, даже невыносимо грубъ [1]). Отсюда понятно, что войско и значительная

---

[1]) Свѣдѣнія отъ бывшаго директора канцеляріи князя Горчакова, какъ намѣстника Царства Польскаго, тайн. совѣтн. Казачковскаго и другихъ служившихъ при немъ лицъ. Казачковскій самъ, направляя къ князю какого-либо

масса офицеровъ не могли любить недоступнаго для нихъ француза и аристократа. Горчаковъ былъ самымъ непопулярнымъ лицомъ въ арміи. Тѣ, которые въ немъ нуждались, разумѣется, сносили все; но люди, сколько-нибудь независимые, считали его, просто-за-просто, штабнымъ трутнемъ, подъ протекціей, офицеромъ, которому (хотя-бы у него и были природныя военныя способности) никогда не дойти до пониманія всѣхъ существенныхъ тонкостей и особенностей военной службы, и не знать нуждъ солдата и офицеровъ, такъ какъ онъ никогда ничѣмъ не командовалъ: ни ротой, ни батальономъ, ни полкомъ [1]).

Подача Горчаковымъ, на военныхъ совѣтахъ своихъ, постоянно непрактическихъ мнѣній вызывала со стороны людей независимыхъ смѣхъ и рѣзкія возраженія. Между тѣмъ, самъ Горчаковъ думалъ о своемъ умѣ, военномъ образованіи и талантахъ Богъ знаетъ что̀, считалъ военную карьеру самою для себя естественною и при всякомъ удобномъ случаѣ напрашивался на трудныя и опасныя порученія, сочинялъ планы битвъ и передвиженія отрядовъ и всегда не въ попадъ и не ловко.

Въ половинѣ 1829 года, 3-й корпусъ занялъ Силистрію и потомъ двинулся подъ Шумлу, дабы держать ее въ блокадѣ и тѣмъ дать возможность 2-му и 7-му корпусамъ итти (послѣ Кулевчинскаго дѣла) за Балканы. Немного позже, въ іюлѣ мѣсяцѣ, предположено было взять штурмомъ главное передовое укрѣпленіе Шумлы, съ цѣлію образовать тамъ пунктъ, способный поддерживать наше правое крыло. Горчаковъ предложилъ корпусному командиру составить для этого планъ; писалъ и переписывалъ его, по свойственной ему нерѣшительности, безъ конца. Казалось, все было принято къ соображенію, все предусмотрѣно, но когда войска стали исполнять этотъ планъ, въ немъ явилось множество самыхъ непрактическихъ условій. Турки насъ отразили и даже едва не взяли нѣкоторой части нашихъ укрѣпленій. Командиръ дѣйствовавшихъ при этомъ въ самыхъ главныхъ

новаго чиновника, говорилъ нерѣдко: «произнесите, если можно, что нибудь по французски: увидите, что все пойдетъ иначе!» Такъ и бывало.

[1]) Горчаковъ, при всей слабости къ себѣ, сознавалъ иногда самъ, что всѣ его теоретическія свѣдѣнія разбиваются о недостатокъ практики. Графъ П. Е. Коцебу сказывалъ автору, что однажды они ѣхали вмѣстѣ изъ Бухареста въ каретѣ, зимою 1853. Горчаковъ, по свойственной ему привычкѣ, бормоталъ что-то самъ съ собою и вдругъ произнесъ: Savez vous, mon cher (Коцебу насторожилъ уши): je puis dire que je suis assez intelligent, j'ai tout étudié: l'artillerie, la stratégie, le genie, mais j'avoue que j'ai fait des fautes... parceque je n'ai jamais commandé».

пунктахъ полковъ: полковникъ Желтухинъ и маіоръ Римскій-Корсаковъ, были убиты.

Эта неудача возбудила въ цѣломъ корпусѣ ропотъ. Всѣ осуждали неспособнаго начальника штаба и его планъ. Ему же приписывали безпорядки и безпечность въ укрѣпленіяхъ, едва не доставшихся непріятелю. Несмотря на это, тому же самому кн. М. Д. Горчакову поручено было вести, немного позже, одинъ нашъ отрядъ, прямой дорогой черезъ горы, для открытія сообщеній съ Забалканскою арміей. И тутъ онъ успѣлъ напроситься въ составители плана и въ главные распорядители дѣйствій—и снова былъ жестоко разбитъ и прогнанъ [1]).

Пошли опять толки о неспособности Горчакова чѣмъ-либо командовать и всѣ опять его бранили.

Такъ кончилась кампанія, во время которой счастіе даже случайно не улыбнулось этому человѣку, бившемуся изо всѣхъ своихъ маленькихъ силъ. Масса сослуживцевъ постоянно была имъ недовольна и находила его непригоднымъ къ военной службѣ. Болѣе снисходительные утверждали, что «князь несчастливъ». Всѣ эти неудачи и неловкія распоряженія были однакоже прикрыты разными звонкими фразами въ длинномъ-предлинномъ послужномъ спискѣ князя Горчакова и онъ получилъ, по заключеніи мира, «за примѣрное мужество, оказанное имъ при переправѣ черезъ Дунай, за отличную храбрость и благоразумныя распоряженія во все продолженіе осадныхъ работъ подъ крѣпостью Силистріей и таковое же мужество и распоряженія въ сраженіяхъ при крѣпости Шумлѣ»—орденъ Георгія 3-й степени, золотую шпагу, алмазами украшенную, съ надписью за храбрость; орденъ Владиміра 2-й степени и Анны 1-й степени. Кромѣ того назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству и, спустя годъ, (въ декабрѣ 1830 г.) сдѣланъ начальникомъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса.

Въ этомъ званіи Горчаковъ совершилъ всю польскую кампанію 1830—1831 годовъ и получилъ за новые подвиги, «отличную храбрость и благоразумныя распоряженія въ разныхъ бояхъ»,—аренду на 12 лѣтъ, по 2,000 рублей въ годъ, и орденъ св. Александра Невскаго.

Паскевичъ, начавъ править успокоенною Польшей, какъ военный диктаторъ, долго не могъ подобрать себѣ по вкусу начальника штаба. Пригодные для этого мѣста люди, съ характеромъ и чувствомъ

---

[1]) Разсказы тогдашнихъ сослуживцевъ князя Горчакова, генераловъ Затлера, Кондратьева и другихъ.

человѣческаго достоинства, умѣли уклониться отъ такой чести и искали себѣ карьеры въ Россіи. Взоръ свѣтлѣйшаго остановился на князѣ Горчаковѣ. Свѣтлѣйшій зналъ конечно, что кн М Д. Горчаковъ не имѣетъ соотвѣтственныхъ способностей для этого поста; что онъ через-чуръ суетливъ, нерѣшителенъ, разсѣянъ, что онъ замотаетъ дежурнаго ганерала и другихъ подчиненныхъ ему по службѣ офицеровъ, безконечнымъ передѣлываніемъ и переписываніемъ бумагъ, которыя должны проходить черезъ его руки [1]), но зналъ также, что

[1]) Тайный совѣтникъ Честилинъ, прослужившій съ Горчаковымъ лѣтъ 20 и бывшій подъ-конецъ директоромъ его канцеляріи, сказывалъ автору, что однажды Горчаковъ велѣлъ передѣлать какую-то бумагу девять разъ и въ заключеніе спросилъ: «а что́, цѣла у васъ первая бумага?»—Цѣла, ваше сіятельство!—«Такъ оставьте какъ было тамъ!»

Въ такомъ духѣ можно разсказать много исторій. Изъ всѣхъ изъ нихъ возьмемъ еще одну.

Въ 1842 году извѣстный генералъ Жомини былъ посланъ государемъ Николаемъ Павловичемъ осмотрѣть подробно мѣстности, предназначавшіяся къ укрѣпленію на границѣ Сѣверо-Западныхъ губерній съ Царствомъ Польскимъ и въ самомъ Царствѣ. (Было, между прочимъ, предположено укрѣпить Гродно и Сѣроцкъ). Жомини пріѣхалъ прежде всего въ Варшаву, для объясненій по этому предмету съ Паскевичемъ. Паскевичъ устроилъ для него въ Замкѣ военную игру: подобіе одного сраженія между французами и австрійцами въ 1809 году. Наступательною стороною командовалъ самъ фельдмаршалъ, оборонительною—князь Горчаковъ. Обоимъ было придано по нѣскольку офицеровъ генеральнаго штаба (отъ 4-хъ до 5-ти), въ разныхъ чинахъ, для соображенія и провѣрки мелкихъ подробностей. Генералы Бергъ и Жомини были посредниками между воюющими сторонами и вмѣстѣ зрителями боя, который продолжался мѣсяца два. Собирались играть разъ въ недѣлю, въ кабинетѣ фельдмаршала. Разумѣется, въ первые дни боя, когда предполагается, что непріятель еще невидѣнъ, одна сторона должна уходить за двери, межъ тѣмъ, какъ другая распоряжается своими шашками, изображающими разныя части арміи: взводъ, роту, эскадронъ, батальонъ, полкъ, батарею и т. п. При входѣ противника шашки другой стороны покрываются бумагой.

Однажды капитанъ Гроссманъ замѣтилъ Горчакову, разставлявшему шашки, что «вотъ здѣсь бы не дурно поставить батальонъ». Горчаковъ сейчасъ же поставилъ, но потомъ, осматривая всю мѣстность, сказалъ: «Какой вздоръ! На что тутъ батальонъ!»—и принялъ шашку прочь. Паскевичъ приглашенъ былъ войти, но Горчаковъ постоянно косившійся на мѣсто, гдѣ поставленъ былъ и потомъ принятъ батальонъ, удержалъ противника въ дверяхъ: «погодите, ваша свѣтлость, минуточку, я сдѣлаю еще одно распоряженіе»! Паскевичъ, улыбаясь, скрылся за дверями и Горчаковъ опять поставилъ батальонъ, снова пригласилъ Паскевича войти, и самъ медленно пошелъ къ дверямъ, видимо озабоченный какою то мыслію и что-то бормоча про себя — и вдругъ опять попросилъ фельдмаршала удалиться, воротился къ столу и принялъ батальонъ, сказавъ: «какой вздоръ! Не нужно ему тутъ вовсе стоять! Кто сюда заглянетъ со стороны непріятельской!»

кн. М. Д. Горчаковъ насколько нерѣшителенъ и разсѣянъ, на столько же, или еще болѣе, терпѣливъ, безгласенъ и бездыханенъ передъ всякимъ старшимъ его лицомъ, что онъ, такъ-сказать, само терпѣніе, безгласность и бездыханность, и какъ никто на свѣтѣ съумѣетъ, въ иную минуту, замерѣть будто въ гробѣ, оцѣпенѣть, превратиться въ совершеннѣйшее ничто. Такія свойства въ близкомъ человѣкѣ, котораго видишь поминутно, были для военнаго диктатора Польши (какого она до тѣхъ поръ не видала и вѣроятно никогда болѣе не увидитъ) самыми драгоцѣнными и необходимыми. Къ тому же надо знать, что Паскевичъ собственно считалъ своимъ начальникомъ штаба никого другаго, какъ самаго себя: этотъ настоящій начальникъ штаба дѣйствующей арміи могъ во всякое время, въ случаѣ какихъ либо затрудненій и нерѣшительности ненастоящаго, все мгновенно исправить, перерѣшить, подвинуть энергическимъ толчкомъ впередъ. Вѣдь былъ же князь Горчаковъ начальникомъ штаба 3-го корпуса и теперь—начальникъ штаба 1-го корпуса: дѣла шли и идутъ, какъ вездѣ; никто не жаловался и не жалуется; напротивъ, корпусные командиры то и дѣло представляли его къ наградамъ!

Такимъ образомъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ сталъ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи при свѣтлѣйшемъ.

Это тяжелое время: исправленіе должности начальника штаба при фельдмаршалѣ Паскевичѣ въ теченіи двадцати одного года сряду, наложило на князя Михаила Дмитріевича Горчакова печать еще бо́льшей . . . . запуганности, суетливости. Паскевичъ сломалъ, скомкалъ въ немъ все, что оставалось до тѣхъ поръ въ его душѣ сколько-нибудь живаго, своего; потушилъ послѣднія искры. Другіе, не кн. М. Д. Горчаковъ, не допустили бы этого, другіе—бѣжали. Горчаковъ

Паскевичъ, воротясь окончательно на мѣсто боя, весь красный отъ внутренняго волненія, хотѣлъ было выпустить изъ устъ одно изъ непечатныхъ словъ, но присутствіе чужаго человѣка, француза Жомини, его удержало.

Изъ этого разсказа о боѣ въ военной игрѣ, гдѣ солдатъ замѣняли шашечки, можно судить, каковъ же былъ князь Горчаковъ въ дѣйствительномъ сраженіи, когда на плечахъ его лежала вся отвѣтственность за каждый невѣрный шагъ и когда нельзя было никого выслать за двери и десять разъ двинуть впередъ или отозвать назадъ какую либо часть войска!

Бергъ при этой игрѣ сильно плутовалъ: сокращалъ разстоянія, бралъ шашки, чтобы дать возможность фельдмаршалу выиграть бой; даже подтрунивалъ надъ Горчаковымъ до такой степени безцеремонно, что они подъ конецъ игры поссорились. Примиреніе наступило только тогда, когда оба врага были произведены въ полные генералы. (1843 г.).

Все разсказанное выше авторъ слышалъ отъ участниковъ игры.

допустилъ и даже не слыхалъ, какъ его передѣлывали, выворачивали на изнанку. Онъ и не замѣтилъ, какъ сталъ мало-по-малу совсѣмъ другимъ человѣкомъ, почти лишеннымъ всего человѣческаго; не замѣтилъ, что до роковаго сближенія съ Паскевичемъ,—съ этимъ Торквемадой новѣйшихъ временъ, производившимъ на глазахъ своего смиреннаго начальника штаба ежедневныя нравственныя пытки надъ разными лицами и пріучившимъ его къ картинамъ невѣроятнаго человѣческаго униженія, какъ къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ жизни,—что до этого страшнаго времени онъ былъ нѣсколько другой человѣкъ, представлялъ изъ себя хотя какую нибудь цифру, которая имѣла, сама по себѣ, свое опредѣленное значеніе; но потомъ, послѣ двадцатилѣтней ломки, сталъ чистымъ нулемъ, который безъ приставки къ нему посторонней единицы уже былъ непонятенъ, ровно ничего не значилъ и никуда не годился [1]). Даже почеркъ его руки, и тотъ сломался и сталъ до такой степени неразборчивъ, что его читали въ Варшавѣ, какъ слѣдуетъ, только четыре человѣка: полковникъ генеральнаго штаба Ненарокомовъ; полковникъ Филипповъ; старшій адъютантъ, полковникъ Корри и чиновникъ канцеляріи намѣстника Ивановъ. Подошедшая старость закрѣпила все это своими костлявыми узлами на вѣки.

Казалось, такого человѣка оставалось только сдать въ архивъ, однако нѣтъ: судьба судила этой человѣческой тѣни еще долго бродить по нашимъ арміямъ и путать наши дѣла. Въ Россіи (въ прежніе, конечно годы) стоило лишь только забраться на высокое мѣсто, имѣть кое-какую протекцію и вести себя смирно, а тамъ уже, что ты ни дѣлай и какъ ни будь плохъ, пойдутъ (бывало) тебя двигать и двигать, давать тебѣ награды, аренды, майораты и похоронятъ тебя при трубныхъ звукахъ и громкомъ плачѣ газетъ; даже, чего

---

[1]) Графъ П. Е. Коцебу говорилъ автору, что кн. М. Д. Горчаковъ до ломки Паскевича и послѣ ломки были два разныя лица. Паскевичъ будто бы самъ хвалился, что «сломалъ» Горчакова. Узнавъ однажды, въ ноябрѣ 1845 г., что Государь Николай Павловичъ, во время пребыванія своего вмѣстѣ съ Горчаковымъ въ Палермо (гдѣ жила тогда Государыня), сказалъ послѣднему, что «назначитъ его помощникомъ намѣстнику»,—Паскевичъ быстро заходилъ по кабинету, говоря: «какой онъ мнѣ помощникъ! Онъ пѣшка! Нуль! Вотъ что!» (при этомъ сдѣлалъ шишъ). «Какъ всѣ офицеры генеральнаго штаба, онъ вздумалъ было хардыбачить, но я его сломалъ! Я всякаго сломаю, и васъ сломаю!» Закончилъ онъ, обращаясь къ бывшему тогда въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ другими, Коцебу (генералъ-квартирмейстеру дѣйствующей арміи). Назначеніе Горчакова помощникомъ фельдмаршалу, какъ намѣстнику Царства Польскаго, не состоялось.

добраго, можешь попасть, если не совсѣмъ въ герои, то хоть въ храбрые генералы своей эпохи и украсить портретные галлереи своимъ изображеніемъ, кисти новаго Доу. Летятъ (бывало) у насъ вверхъ тормашками только люди талантливые и характерные . . . . .

. . . .

Паскевичъ умѣлъ награждать всѣхъ, служившихъ ему вѣрой и правдой. Побитый имъ или прижатый къ стѣнѣ колѣномъ генералъ-маіоръ зналъ очень хорошо, что послѣ всякой бури неизбѣжно наступаетъ въ воздухѣ пущая тишина и солнце показывается какъ-бы еще яснѣе и свѣтлѣе, чѣмъ было до тѣхъ поръ. Генералъ-маіорскіе эполеты могли вдругъ блеснуть лишней звѣздочкой. Зналъ онъ еще и то, что представленія Паскевича совсѣмъ не то, что̀ представленія прочихъ начальниковъ: по всѣмъ по нимъ проходится въ Петербургѣ чей-то безцеремонный карандашъ и много значительно измѣняетъ. Но нѣтъ такого карандаша, который бы рѣшился измѣнить представленіе Паскевича, и если услыхалъ генералъ-маіоръ, что онъ представленъ фельдмаршаломъ въ генералъ-лейтенанты, поѣзжай смѣло въ магазинъ съ офицерскими вещами и покупай себѣ генералъ-лейтенантскіе эполеты!

Уваженіе къ исторической истинѣ заставляетъ пишущаго эти строки замѣтить, однако, что награды, получавшіяся Горчаковымъ при Паскевичѣ, никогда не были слѣдствіемъ сейчасъ упомянутыхъ бурь, проносившихся надъ головами иныхъ генераловъ: Паскевичъ никогда не дѣлалъ того съ Горчаковымъ, что̀ дѣлалъ съ Викинскимъ, Стороженкой, Абрамовичемъ, Тихановскимъ [1]). Паскевичу совершенно довольно было и того постояннаго смиренія и покорности, которыми отличался Горчаковъ. Притомъ страшный, необузданный деспотъ

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ Иванъ Михайловичъ Викинскій былъ въ эпоху, нами изображаемую, дежурнымъ генераломъ дѣйствующей арміи. Генералъ-лейтенантъ Андрей Яковлевичъ Стороженко—оберъ-полицеймейстеромъ Варшавы, потомъ главнымъ директоромъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и сенаторомъ. Одно время былъ предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи. Въ 1849 году онъ попалъ въ немилость и его смѣнилъ, по должности главнаго директора коммисіи внутреннихъ дѣлъ, Викинскій. Игнатій Ефимовичъ Абрамовичъ былъ сначала адъютантомъ Паскевича, потомъ—командиромъ варшавскаго жандармскаго дивизіона, оберъ-полицеймейстеромъ и, наконецъ, директоромъ театровъ, съ наблюденіемъ за дворцами. Въ этой должности онъ перешелъ и подъ начальство князя М. Д. Горчакова, какъ намѣстника Царства Польскаго.

отдѣлялъ, во всѣ минуты, тѣхъ, кого можно и слѣдуетъ... припирать, время отъ времени, колѣномъ къ стѣнѣ, отъ тѣхъ, кого не слѣдуетъ и нельзя. Кн. М. Д. Горчаковъ во всю свою службу при свѣтлѣйшемъ считался въ числѣ послѣднихъ. Только разъ, подъ Дебречиномъ, въ Венгерскую кампанію 1849 года, когда въ палаткѣ фельдмаршала заговорили объ успѣхахъ Радецкаго въ Итальянскую кампанію 1847—1848 гг. и неловкій кн. М. Д. Горчаковъ позволилъ себѣ замѣтить, что «у Радецкаго былъ хорошій начальникъ штаба»—и кому же? Человѣку, считавшему всю жизнь своимъ начальникомъ штаба—самаго себя! Паскевичъ подбѣжалъ къ нему, какъ раненый тигръ, и ударяя его по носу пальцемъ, проговорилъ нѣсколько разъ: «начальникъ штаба ноль, начальникъ штаба ноль, начальникъ штаба ноль»![1]).

Больше ничего въ этомъ духѣ съ кн. М. Д. Горчаковымъ не было.- Впрочемъ... довольно.

Паскевичъ, разумѣется, сознавалъ въ своей душѣ, что Горчаковъ и безъ прижиманія колѣномъ къ стѣнѣ достаточно много выноситъ и потому постоянно думалъ о серьезномъ вознагражденіи его услугъ и терпѣнія. Тѣ или другіе ордена, перемѣна эполетъ и прочія вещи, удовлетворявшія господъ Викинскихъ и Абрамовичей, не могли ни коимъ образомъ вознаградить Горчакова за все то, чего онъ насмотрѣлся и наслушался при особѣ фельдмаршала, въ теченіи двухъ безконечныхъ десятковъ лѣтъ сряду, въ званіи его начальника штаба и потомъ—варшавскаго военнаго генералъ-губернатора. Онъ получилъ, что̀ слѣдовало въ очередь[2]), но ему готовилось въ мысляхъ Паскевича нѣчто высшее, исключительное, достающееся далеко не всякому заслуженному генералу.

Когда объявлена была, въ іюнѣ 1853 года, турецкая война,—командующимъ арміей, долженствовавшей занять на первыхъ порахъ придунайскія княжества, назначенъ былъ, по рекомендаціи Паскевича, князь М. Д. Горчаковъ.

Государь былъ весьма недоволенъ его дѣйствіями въ Турціи и собирался, въ февралѣ мѣсяцѣ 1854 года, отозвать его отъ арміи вовсе, съ тѣмъ, чтобы новый командующій (конечно съ титуломъ

---

[1]) Свѣдѣніе отъ находившихся тогда въ палаткѣ фельдмаршала, между прочимъ, отъ генералъ-лейтенанта Василія Петровича Кондратьева, бывшаго подъ конецъ жизни начальникомъ артиллеріи кіевскаго военнаго округа.

[2]) Произведенъ въ генералъ-отъ-артиллеріи (1843), назначенъ шефомъ Брянскаго егерскаго полка; получилъ австрійскіе ордена: св. Стефана и Леопольда Большаго Креста; сицилійскій св. Януарія; прусскіе: Чернаго Орла и Краснаго Орла I-й степени и пурлемеритъ и баварскій, короны I-й степени.

главнокомандующаго), Паскевичъ, не могъ, по прибытіи къ арміи, сдѣлать его своимъ начальникомъ штаба [1]).

Паскевичъ удержалъ Государя отъ этого шага [2]). Горчаковъ остался на мѣстѣ и по отъѣздѣ Паскевича, по разстроенному здоровью [3]), обратно въ Варшаву, снова сдѣлался командующимъ нашею арміею за Дунаемъ.

Неудачныя дѣйствія князя Меншикова подъ Севастополемъ, въ концѣ 1854 и въ началѣ 1855 гг., потребовали замѣны его кѣмъ-либо другимъ . . . .
. . . .
. . . .
. . . . И это было устроено Паскевичемъ, у котораго опять спрашивали совѣта. Горчакова сдѣлали сначала главнокомандующимъ южною арміею, которой штабъ находился тогда въ Кишиневѣ [4]), а потомъ въ февралѣ 1855 г., послѣ подачи князя Меншикова въ отставку, было предписано ему ѣхать немедля въ Севастополь и занять постъ главнокомандующаго военносухопутными и морскими силами въ Крыму. Это случилось незадолго до кончины императора Николая Павловича. Горчаковъ перенесся въ Крымъ, со всѣмъ своимъ громаднымъ штабомъ и адъютантами. Еслибъ знали, что это была тогда за скачка между Кишиневымъ и Севастополемъ и сколько загнано лошадей!

---

[1]) Видно изъ письма Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову, диктованнаго на смертномъ одрѣ адъютанту Степану Ѳедоровичу Панютину, 16 сентября ст. ст. 1855 года («Русская Старина», 1872, томъ VI, стр. 427—435, 604—605). Подлинность этого документа не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ найденъ былъ сыномъ покойнаго фельдмаршала въ его бумагахъ. Кромѣ того сохранился въ копіи и у Степана Ѳедоровича Панютина.

[2]) «Изъ приведеннаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ ваше сіятельство можете судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, чтобъ рѣшить вашу судьбу» (то же письмо).

[3]) Паскевичъ считалъ себя контуженнымъ прокатившемся мимо него ядромъ, при одной рекогносцировкѣ подъ Силистріей, 28 мая ст. ст. 1854 года. Есть свѣдѣніе, будто-бы ему было это внушено... и онъ сказалъ: «да, я точно контуженъ!» Объ этой мнимой контузіи Паскевича см. разсказъ доктора—очевидца г. Павлуцкаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. томъ XII, стр. 634—637.

[4]) Кн. М. Д. Горчаковъ былъ необыкновенно доволенъ этимъ назначеніемъ, прыгалъ отъ радости, какъ ребенокъ, и далъ фельдъегерю, привезшему волшебный пакетъ, сто червонцевъ (Свѣдѣнія отъ приближенныхъ князя Горчакова, въ тотъ-же самый день, въ Кишиневѣ). См. также Воспоминанія А. А. Панаева въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г. томъ XIX, стр. 491—493.

Такъ щедро вознаградилъ за все долготерпѣніе и смиреніе своего начальника штаба всемогущій фельдмаршалъ! [1]).

Въ Севастополѣ, однако, очень скоро стали говорить: «а все-таки у насъ нѣтъ главнокомандующаго!»

Дѣйствительно, ветхій, разсѣянный, путающійся въ словахъ и въ мысляхъ старецъ, носившій это громкое названіе, былъ всего менѣе похожъ на главнокомандующаго. Зрѣніе его было тогда до такой степени слабо, что онъ не узнавалъ третьяго отъ себя лица за обѣдомъ. Слухъ, или точнѣе сказать: весь организмъ, еще за полгода до изображаемыхъ событій, въ Бухарестѣ, былъ такъ сильно временами разстроенъ, что разъ (по возвращеніи войскъ изъ подъ Силистріи, когда принято было посылать музыку всякій вечеръ въ публичный садъ, Чешмеджи, находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому командующаго войсками) Горчаковъ вышелъ на крыльцо и спросилъ: «а что-жъ музыку не посылаютъ?» Между тѣмъ она уже давно гудѣла и гремѣла на весь городъ и мѣдныя трубы рѣзали всѣ уши!

Тоже самое случалось потомъ и въ Севастополѣ.

Что̀ касается до всевозможныхъ прогулокъ по мѣсту расположенія штаба, Горчаковъ не ходилъ тогда, какъ всѣ ходятъ: его поднимало и носило особымъ старческимъ вѣтромъ въ разные углы лагеря, какъ малаго ребенка, большею частію безъ всякой опредѣленной мысли и цѣли.

Чаще всего онъ являлся въ палаткѣ своего начальника штаба, Коцебу, куда попадалъ самъ, безъ всякаго проводника, такъ какъ это было очень близко: шаговъ 10—15 [2]) (Коцебу, замѣтимъ въ скобкахъ, былъ въ то время тою единицей, присоединяясь къ которой кн. М. Д. Горчаковъ представлялъ кое-какую цифру). Но во всѣ дальнѣйшія путешествія (къ дежурному генералу, къ начальнику артиллеріи, къ начальнику инженеровъ, къ походному атаману) князь пускался не иначе, какъ въ сопровожденіи казака. Далеко

---

[1]) Но послѣ, на смертномъ одрѣ, горько раскаивался въ этомъ: «признаюсь, я виноватъ передъ отечествомъ, что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы нынѣ находитесь».

(Вышеприведенное письмо, «Русская Старина», 1872, томъ VI, стр. 432).

[2]) Коцебу сказывалъ автору, что кн. М. Д. Горчаковъ являлся иногда къ нему ночью: сядетъ на постель и давай говорить безъ конца, нисколько не думая о томъ, что онъ не даетъ спать человѣку, цѣлый день занятому и утомленному. Бо̀льшею частью рисовалъ мрачныя картины. Коцебу съ трудомъ успокоивалъ его передъ утромъ. Горчаковъ уходилъ въ свой домикъ (Севастоп. альбомъ № 12) и засыпалъ на нѣсколько минутъ.

было видно оригинальную, тонкую и длинную фигуру, въ наброшенномъ на плечи сѣромъ короткомъ пальто, будто крылья, въ фуражкѣ съ козырькомъ на пол-аршина, въ видѣ клюва, шагавшую широкими шагами аиста.

Случалось, что казакъ, не разслышавъ хорошо, что̀ пробормоталъ ему своимъ невыразительнымъ языкомъ главнокомандующій и не смѣя переспрашивать, приводилъ его вовсе не туда, куда было приказано, а къ кому-нибудь другому—и тутъ происходили презабавныя сцены: кн. М. Д. Горчаковъ, приготовивъ рѣчь дежурному генералу, произносилъ ее передъ начальникомъ артиллеріи (котораго, разумѣется, не узнавалъ), или обратно: что̀ хотѣлъ сказать начальнику артиллеріи, говорилъ дежурному генералу, не то походному атаману.

Точно также носило его иногда по Севастопольскимъ батареямъ, Богъ вѣдаетъ зачѣмъ: кого онъ тамъ одушевлялъ, этотъ непопулярный, никому изъ солдатъ и матросовъ неизвѣстный генералъ? Что̀ видѣлъ и чего не видѣлъ?... а уѣзжая, онъ мурлыкалъ обыкновенно про себя какую-нибудь французскую пѣсню; чаще всего слыхали: «je suis soldat français!» [1]).

Но въ особенности страненъ былъ и даже просто невыносимъ князь М. Д. Горчаковъ на всякихъ церковныхъ парадахъ и въ самой церкви: онъ велъ себя тамъ какъ ребенокъ, котораго насильно притащили къ обѣднѣ и которому нестерпимо скучно: поминутно оборачиваясь назадъ, иногда становясь совсѣмъ задомъ къ алтарю, подбоченясь обѣими руками, онъ смотрѣлъ на толпу солдатъ и офицеровъ, разумѣется, никого путемъ не видя. Въ такомъ положеніи оставался онъ иногда довольно долго, какъ будто забывая, гдѣ онъ. Если же приходилось ему стать на колѣни, онъ видимо этимъ тяготился и ползалъ по церкви отъ генерала къ генералу, чтобы бесѣдами съ ними сократить по возможности скуку этихъ минутъ [2]). Въ этомъ случаѣ, видѣлся въ немъ не только человѣкъ безтактный и неслыханно разсѣянный, но и небрежно воспитанный со стороны религіи, которая не преподана ему была въ свое время, какъ слѣдуетъ, даже привычекъ къ которой, самыхъ простыхъ и дѣтскихъ, онъ себѣ не усвоилъ,—былъ и тутъ французъ, а не русскій.

Легко понять, что разсказы обо всемъ этомъ летали по штабу и переходили потомъ въ армію. Могла ли армія относиться надлежащимъ образомъ къ начальнику, надъ которымъ всѣ поминутно смѣялись?

---

[1]) Разсказы батарейныхъ командировъ и адъютантовъ кн. М. Д. Горчакова.
[2]) Все это авторъ видѣлъ много разъ собственными глазами.

Давно извѣстно правило вождей стараго времени: «хотите повелѣвать—не будьте никогда смѣшны для подчиненныхъ»! это говаривалъ, между прочимъ, Наполеонъ I.

Объ управленіи Горчакова дѣлами арміи (со стороны всякаго рода проектовъ, денежныхъ затратъ, донесеній въ Петербургъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ и т. п.) распространяться много нечего: онѣ шли, какъ ихъ направляли начальники частей, главнѣйшимъ образомъ начальникъ штаба.... Въ тѣхъ-же случаяхъ, гдѣ была большая отвѣтственность, кн. Д. М. Горчаковъ, оставшись одинъ, безпомощнымъ, жалкимъ, все перепутывалъ, припоминалъ, забывалъ, опять припоминалъ и опять забывалъ.... въ концѣ концовъ, если можно, сваливали всѣ ошибки на мертвыхъ, какъ напр. въ битвѣ на Черной рѣчкѣ, 4-го августа с. с. 1855 г. [1]).

Жестокая французская каррикатура, явившаяся на свѣтъ послѣ этого роковаго дня, въ слѣдующемъ видѣ изобразила тогдашняго главнокомандующаго крымской арміи: кн. М. Д. Горчаковъ представленъ былъ держащимъ въ одной рукѣ ordre, въ другой contre-ordre, а на лбу было написано desordre.

. . . .

Какъ управлялъ затѣмъ (послѣ смерти Паскевича) кн. М. Д. Горчаковъ Польшей (съ начала 1856-го до половины 1861 г.) и какъ сдѣлалъ, вмѣстѣ съ поляками, возстаніе—это извѣстно читателямъ «Русской Старины» изъ множества устныхъ и печатныхъ разсказовъ. Прибавить ко всему этому покамѣсть мы ничего не имѣемъ. Еслибъ кто нибудь спросилъ: почему же всего этого не предупредили, пославъ, просто-за-просто, отставку старому, неспособному ни къ чему генералу и посадивъ на его мѣсто другаго, помоложе и поэнергичнѣе? Такихъ почему очень много во всѣхъ исторіяхъ: отвѣчать на нихъ никто не въ силахъ. Жизнь государствъ течетъ не такъ, какъ хочется ихъ правителямъ и населеніямъ, а.... какъ ей вздумается. Тутъ есть всегда нѣчто неотвратимое, непредвидѣнное, роковое.........

. . . .

. . . . Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ *самъ* долженъ былъ увидѣть свои недостатки и подать въ отставку. Но для этого нужно было имѣть другую натуру, характеръ рѣшительнѣе и мужественнѣе. Отъ слабыхъ ждать мужественнаго шага странно. Занося очень честно и храбро руку на

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ Паскевичъ, въ цитированномъ выше письмѣ, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., выражается такъ: «дѣло подъ Черной будетъ вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи».

свои, даже весьма правильные, закономъ опредѣленные доходы, отказавшись однажды (какъ увѣрялъ автора личный адъютантъ князя, имѣющій будто-бы на это письменныя, неотразимыя доказательства) отъ милліона рублей, который предложено будто бы было кн. М. Д. Горчакову при назначеніи на постъ намѣстника Царства Польскаго по смерти Паскевича; возвратя другой разъ 5.000 р. подъемныхъ денегъ, при одной поѣздкѣ въ Вильну (что было несомнѣнно: авторъ видѣлъ подлинную бумагу), сокращая произвольно всякіе свои раціоны и порціоны [1]) до того, что разъ, въ Кишиневѣ, въ октябрѣ 1854 г., заплатилъ изъ собственнаго кармана 54 рубля за дрова, которыя были доставлены ему, по его же приказанію, уже въ черезъ-чуръ урѣзанныхъ противъ положенія размѣрахъ (чему авторъ также былъ личнымъ свидѣтелемъ), Горчаковъ никогда не умѣлъ занести руку на самаго себя и находилъ свою особу постоянно вполнѣ отвѣчающую мѣстамъ, которыя занималъ по службѣ. Графъ Коцебу разсказывалъ, между прочимъ, автору, что въ «демонстраціонные годы 1860—1861 г., они ждали военныхъ дѣйствій и къ нимъ сильно готовились. Однажды возникъ между нимъ и Горчаковымъ по этому поводу слѣдующій разговоръ: «кто-жъ будетъ, по вашему мнѣнію, командовать войсками въ такое мудреное время, князь»? спросилъ у Горчакова начальникъ штаба.—Кто? разумѣется я!— отвѣчалъ Горчаковъ, изобразивъ на лицѣ своемъ удивленіе странному вопросу.

— «Вы? Да какой же вы главнокомандующій? Вы—прежде всего— слѣпы, ничего не видите въ трехъ шагахъ, развѣ можно командовать арміей, не видя, какъ она дефилируетъ, производитъ всякаго рода эволюціи, какъ наступаютъ колонны непріятеля? Главнокомандующій долженъ имѣть взоръ орла!... а потомъ и вообще... вы не молодой человѣкъ. Главнокомандующему нужно много ѣздить верхомъ: можете вы теперь много ѣздить верхомъ»?

Горчаковъ задумался и потомъ сказалъ: «Да, въ самомъ дѣлѣ нужно быть помоложе... но я воображаю командованіе войсками вмѣстѣ съ вами: nous sommes mariés! Вы моложе меня, вы можете дѣлать все то, чего не могу я, давать мнѣ совѣты, какъ это бывало у насъ съ вами и прежде».

---

[1]) Изъ всѣхъ такихъ сокращеній авторъ помнитъ только то, что вмѣсто опредѣленнаго закономъ для главнокомандующаго фуража на 60 лошадей, кн. М. Д. Горчаковъ бралъ въ Кишиневѣ, Севастополѣ и Бахчисараѣ, въ 1854—1856 гг., фуражъ только на 8 лошадей и его было ему довольно. Говорили, то мѣсячные фуражные на 60 лошадей составляли, по тогдашнимъ мѣстнымъ цѣнамъ сумму болѣе всякаго генеральскаго годичнаго содержанія.

— Нѣтъ, князь, возразилъ Коцебу, какъ только будетъ объявлена война, я сейчасъ же подамъ въ отставку. Еще для мирнаго времени я куда-нибудь гожусь, а для войны я уже давно непригоденъ. Я не могу теперь ѣздить верхомъ столько, сколько требуется въ военное время. Намъ обоимъ слѣдуетъ подать тогда въ отставку».

Горчаковъ умолкъ, чувствуя себя побѣжденнымъ. Это было вечеромъ, который всегда значилъ у Горчакова болѣе, чѣмъ утро, онъ нерѣдко давалъ себя уговаривать вечеромъ на что-либо путное, на какой-нибудь рѣшительный, необходимый шагъ—утро все опрокидывало, выворачивало на изнанку. Утромъ на другой день послѣ приведеннаго сейчасъ разговора князь сказалъ тому же Коцебу: «чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше прихожу къ убѣжденію, что во всей Россіи нѣтъ человѣка, который былъ бы пригоднѣе меня на мѣсто главнокомандующаго, если бы открылись военныя дѣйствія»!

Генералъ Коцебу больше не возражалъ.

Н. Б.

Примѣчаніе. Помѣщенный выше очеркъ принадлежитъ лицу, многіе годы изучавшему событія Крымской войны и послѣдней Польской смуты, очевидцу тѣхъ и другихъ и хорошо знавшему многихъ изъ приближенныхъ къ покойному князю М. Д. Горчакову лицъ. Тѣмъ не менѣе мы отнюдь не считаемъ настоящій очеркъ— окончательно безспорно-вѣрнымъ, по его выводамъ, относительно характеристики покойнаго главнокомандующаго и намѣстника въ Царствѣ Польскомъ.

На страницахъ нашего же изданія «Русской Старины» были уже помѣщены совершенно противоположные отзывы о кн. М. Д. Горчаковѣ; въ нихъ онъ является «человѣкомъ души и сердца», «вождемъ, исполненнымъ безпредѣльнаго мужества», «его обожаютъ солдаты» и проч. (см., между прочимъ, «Русскую Старину» 1874 г., томъ XI, стр. 123 и друг.).

Редакція «Русской Старины», руководимая постоянно полнѣйшимъ безпристрастіемъ, долгомъ считала и считаетъ, для болѣе вѣрной оцѣнки, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей прошлаго времени, представлять самый разносторонній, нерѣдко, какъ и въ данномъ случаѣ, совершенно противорѣчивый матеріалъ,—состоящій изъ отзывовъ и свидѣтельствъ современниковъ и очевидцевъ и изъ подлинныхъ документовъ.

Относительно служебной дѣятельности покойнаго князя Михаила Дмитріевича Горчакова мы напечатали уже въ «Русской Старинѣ» обширное собраніе документовъ, см., между прочими, въ изд. 1876 г., въ томахъ XV, XVI и XVII, въ изд. 1877 г., въ томахъ XVIII, XIX и XX; кромѣ того, мы представимъ въ близкомъ будущемъ еще неизвѣстные до селѣ о томъ же лицѣ подлинные документы, которые читатели и сопоставятъ съ противорѣчивыми характеристиками его личности, начертанными его современниками.

Едвали надо добавлять, что независимо отъ этого, страницы «Русской Старины», какъ это всегда было съ самаго начала ея изданія, открыты для всякаго объясненія, опроверженія и исправленія тѣхъ или другихъ ошибокъ, неточностей и невѣрностей.

Въ данномъ случаѣ мы съ особымъ удовольствіемъ дадимъ мѣсто всему, что поведетъ къ возможно полной характеристикѣ и опредѣленію значенія государственной дѣятельности кн. М. Д. Горчакова.

Ред.

ЛЕОНТІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДУБЕЛЬТЪ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVIII (іюнь) стр. 300—316, въ статьѣ «Записки дворянина помѣщика» Н. В. Селиванова, изложенъ, между прочимъ, разсказъ, какъ авторъ записокъ, по доносу Пензенскаго губернатора Панчулидзева и по личнымъ видамъ Л. В. Дубельта, въ 1850 году былъ арестованъ въ Москвѣ, отвезенъ въ Спб. въ III Отдѣленіе и сосланъ на житье въ Вятку. Въ заключеніе этого разсказа прибавлено: «Пусть вспомнятъ ходившіе тогда слухи, что Дубельтъ выдумываетъ заговоры, чтобы пугать постоянно правительство и этимъ доказывать свою необходимость. Изъ всего сказаннаго ясно, что Дубельту надо было найти кого нибудь виноватымъ, чтобы не сознаться въ своей неосмотрительности, затѣявши дѣло, въ которомъ ничего не оказалось, а между тѣмъ стоившее государству нѣсколько тысячъ, на разъѣзды генерала и капитана жандармскихъ и провозъ всѣхъ въ Спб. и обратно» («Рус. Ст.» т. XXVIII, стр. 315).

Кто изъ живыхъ современниковъ 1830—40-хъ годовъ не вспомнитъ означенныхъ выше и многихъ другихъ, имъ подобныхъ слуховъ, и кому изъ нихъ не будетъ ясно то, что выведено изъ разсказа И. В. Селиванова? Но были и не одни слухи, а и факты, всѣмъ тогда извѣстные, а выводами своими ясные, какъ день, и не подлежавшіе сомнѣнію. Безчисленное множество ихъ можно было бы разсказать; но здѣсь пока приведу одинъ, доказывающій, что Дубельтъ изобрѣталъ заговоры и въ такихъ случаяхъ, когда ему самому приходилось плохо и необходимо было, во чтобы ни стало, выйти сухимъ изъ воды.

Въ концѣ зимы 1848—1849 гг. въ Петербургѣ былъ открытъ «заговоръ» Петрашевскаго—III Отдѣленіемъ? отнюдь нѣтъ, а городскою сыскною полиціей министерства внутреннихъ дѣлъ. Эту полицію тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій довелъ до такого совершенства, что она, въ своемъ городскомъ кругу дѣйствій, далеко превосходила государственную тайную полицію III Отдѣленія, не смотря на то, что и кругъ дѣйствія ея и средства на ея содержаніе были не въ примѣръ ограниченнѣе. Начальникомъ ея былъ д. ст. сов. Синицынъ, мастеръ своего дѣла, но главное въ этомъ принадлежало Л. А. Перовскому, руководившему дѣйствіями этой полиціи, не для стѣсненія жителей города, но для предохраненія ихъ отъ злоумышленниковъ и всякаго рода злоупотребленій, особенно промышленниковъ и торговыхъ людей. [1])

[1]) Приведу одинъ замѣчательный случай. До Л. А. Перовскаго давно уже доходили слухи и жалобы на фальсификаціи винъ, продававшихся въ винныхъ погребахъ Спб. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, онъ приказалъ внезапно и одно-

Открывъ «заговоръ», Перовскій немедленно доложилъ о томъ Государю, а Государь вслѣдъ затѣмъ, выразилъ графу Орлову свое удивленіе, что онъ впервые узналъ объ этомъ не отъ него, а отъ Перовскаго. Орлову это было непріятно и онъ возвергнулъ свою печаль на Дубельта, а Дубельтъ, которому это было вдвое непріятнѣе, возвергнулъ ее на кого?—увидимъ...

Вскорѣ послѣ того одинъ, очень плохенькій умомъ и скудный средствами Пол...овскій, воспитанникъ старшихъ классовъ Училища Правовѣдѣнія получилъ приказаніе явиться въ III Отдѣленіе. Такого рода приказанія исполнялись, конечно, безъ разговоровъ и замедленія, а что̀ было причиной вызова—для всѣхъ было глубокою тайной. Но вслѣдъ затѣмъ, въ одно утро, къ начальнику заведенія (находящагося, какъ извѣстно, вблизи отъ III Отдѣленія) являются: адъютантъ графа Орлова и жандармскіе: штабъ и оберъ офицеры, съ секретнымъ предписаніемъ графа Орлова немедленно передать этимъ лицамъ двухъ воспитанниковъ того же класса, что и вызванный въ III Отдѣленіе Пол...скій, со всѣми ихъ тетрадями, книгами и пр., и двухъ дядекъ ихъ (изъ отставныхъ солдатъ), служившихъ имъ, что̀ и было исполнено. Начальство Училища было въ недоумѣніи, что все это значило? и долго ломало себѣ голову, какая могла бы быть тому причина? Освѣдомиться о томъ въ III Отдѣленіи было немыслимо, но начальникъ заведенія ежедневно ждалъ, что его пригласятъ туда для объясненій. Ничуть не бывало! оттуда не было ни слуху, ни духу! Но эта была лишь тишина передъ бурей и она не замедлила разразиться съ грозою, молніей и громомъ, въ видѣ приговора надъ двумя арестованными воспитанниками.

Одинъ изъ нихъ Бѣ—скій, юноша 16 лѣтъ, очень способный, отлично учившійся, прекрасныхъ качествъ души и сердца, но уроженецъ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній, католикъ, очень восторженный политически польской идеей и не осторожно, какъ оказалось, ведшій на польскомъ языкѣ дневникъ свой, въ которомъ выражалъ сочувствіе Мирославскому, собиравшему тогда на Рейнѣ польскіе легіоны для освобожденія Польши, былъ приговоренъ къ разжалованію въ солдаты, съ ссылкой въ отдаленный Оренбургскій линейный баталіонъ, гдѣ, кажется, и погибъ

временно освидѣтельствовать всѣ винные погреба по 3-й пушкѣ въ самую полночь Пасхи! и взявъ въ каждомъ погребѣ по 1 бутылкѣ каждаго сорта вина, прямо оттуда немедленно доставить въ аптеку медицинскаго департамента мин. внутр. дѣлъ, подвергнуть вино химическому анализу и о результатахъ донести ему. И что же? въ Спб. тогда говорили, что изъ всѣхъ винныхъ погребовъ въ немъ, только три: погреба англійскаго магазина, Гордона и Рауля вышли изъ этого испытанія съ честью! Какія были послѣдствія—не знаю.

Н. Г.

безвѣстною смертію! Другой воспитанникъ такихъ же лѣтъ, князь Гагаринъ, русскій и православный, обвиненный будто бы въ дерзкихъ выраженіяхъ о Государѣ, во время общаго стола воспитанниковъ, (что было болѣе чѣмъ сомнительно, ибо кто, въ шумѣ во время стола, могъ бы разслушать эти слова, кромѣ развѣ одного изъ товарищей, сидѣвшихъ рядомъ или напротивъ, но и въ этомъ случаѣ могъ ли бы товарищъ донести на товарища?) былъ приговоренъ къ опредѣленію юнкеромъ въ одинъ армейскій пѣхотный полкъ. Но этотъ, по крайней мѣрѣ, не погибъ, а съ честью продолжалъ и продолжаетъ военную службу.

Когда такимъ образомъ разразившаяся изъ III Отдѣленія гроза пронеслась, унеся съ собою двухъ юношей, почти мальчиковъ, и когда послѣ перваго ошеломленія, въ Училищѣ стали соображать все происшедшее, то пришли къ полному и несомнѣнному убѣжденію, что Дубельтъ для того, чтобы самому выйти изъ бѣды, т. е. чтобы показать, что онъ бдитъ надъ охраною отечества и власти, подкупилъ воспитанника Пол.....скаго—доносчика, и цѣною гибели двухъ недорослей, будто бы составившихъ заговоръ (!), спасъ самаго себя! По пословицѣ: «измѣну любятъ, но измѣнниковъ презираютъ», (on aime la trahison, mais on méprise les traîtres) доносчикъ — въ чемъ никто въ Училищѣ не сомнѣвался—былъ въ полномъ презрѣніи у товарищей и у начальства, скоро вышелъ изъ заведенія и скрылся для исторіи. А какія чувства возбудилъ къ себѣ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ — излишне говорить. Но какое было ему до этого дѣло! Онъ продолжалъ благоденствовать еще болѣе шести лѣтъ, и все въ томъ же родѣ.

Кстати приведу здѣсь еще двѣ черты къ характеристикѣ этого человѣка (le général Double, какъ его тогда называли), удостовѣряя, что онѣ были извѣстны всѣмъ въ Спб. и современники той поры несомнѣнно вспомнятъ ихъ.

До Государя Николая Павловича дошла общая въ Спб. молва, что у Дубельта, сверхъ казеннаго содержанія, было свое большое состояніе. Государь спросилъ объ этомъ Орлова, а Орловъ Дубельта. Этотъ послѣдній, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, отвѣчалъ, что на другой же день представитъ документальныя доказательства того, что у него нѣтъ никакого состоянія, и представилъ ихъ въ томъ, что состояніе не его, а жены его, т. е. какъ тогда называлось—записано за женой, значеніе чего въ тѣ времена всѣмъ было извѣстно и понятно.

Не входя въ разсмотрѣніе, такъ ли это было или не такъ, сопоставимъ другой фактъ, который, пожалуй, можетъ послужить намекомъ на одинъ изъ источниковъ состоянія, записаннаго за женою Дубельта. Кто же изъ современниковъ той поры не знаетъ и не помнитъ долговременной и широкой жизни тогдашняго Лукулла Политков-

скаго, сорившаго деньгами на Валтасаровскіе пиры и такъ печально кончившаго дѣятельность и жизнь свою въ январѣ 1853 г.? Кромѣ того, что онъ черпалъ средства для широкой жизни изъ одного огромнаго благотворительнаго фонда, всѣмъ извѣстно было, что онъ состоялъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей одного тайнаго, но не политическаго, а совсѣмъ инаго общества, не противъ государства, а противъ чужихъ кармановъ! Онъ нанималъ великолѣпную квартиру, и давалъ въ ней свои вечерніе и ночные пиры, на которые съѣзжался весь городъ и его иногородные посѣтители, пріѣзжавшіе съ деньгами, либо по дѣламъ, либо для удовольствія. Этихъ то, въ особенности, ловко заманивали нисшіе агенты общества, знакомясь съ ними въ театрахъ и на другихъ публичныхъ собраніяхъ, и знакомя ихъ съ Политковскимъ, который и приглашалъ ихъ на свои пиры. На этихъ балахъ, въ покояхъ на улицу (Литейную) танцовали, а въ заднихъ на дворъ были разставлены столы для обыкновенной игры въ маленькую. Во время бала гостямъ разносили обыкновенныя прохладительныя, а послѣ полуночи имъ предлагали тонкій и обильный ужинъ, съ винами. Когда же бальное и танцовальное общество удалялось—сцена перемѣнялась и въ заднихъ комнатахъ открывался жестокій бой за карточными столами, уже далеко не въ маленькую, а просто въ азартную. Тутъ-то дѣятели «общества» безъ милосердія стригли зазванныхъ барановъ съ золотымъ руномъ, угощая ихъ прохладительными яствами и питіями на ромѣ, коньякѣ и тому подобныхъ крѣпкихъ напиткахъ, а на зарѣ выпускали ихъ на легкѣ, обстриженныхъ и голыхъ, какъ соколъ.

Такъ какъ нѣтъ ничего тайнаго, что̀ не стало бы явнымъ, и ничего скрытаго, что̀ не открылось бы, то изложенное выше открылось самымъ простымъ и незамысловатымъ образомъ. У одного моего пріятеля былъ хорошій поваръ, которымъ онъ былъ очень доволенъ, но, по своимъ средствамъ, принужденъ былъ уволить его отъ себя. Поваръ однако продолжалъ навѣщать его и, разъ, на вопросъ его, гдѣ онъ тогда былъ при мѣстѣ, сказалъ, что у Политковскаго, и безъ всякихъ разспросовъ разсказалъ, что работы и помощниковъ у него много, особенно въ дни баловъ, потому что нужно было готовить на множество гостей два рода ужиновъ и прохладительныхъ: одни обыкновенные, бальные, а другіе всѣ на ромѣ, коньякѣ и др. крѣпкихъ напиткахъ для угощенія послѣ бала и до утра, когда оставшіеся гости-мущины играли въ карты, въ большую игру, и пр. и пр.—Этотъ разсказъ повара моему пріятелю я слышалъ отъ этого послѣдняго.—Интересъ этого факта тотъ, что въ числѣ сообщниковъ Политковскаго и главныхъ дѣятелей «тайнаго» общества былъ, между прочими, и Леонтій Васильевичъ Дубельтъ...

Н. Г.

ОПИСАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ПОДВИГОВЪ

И ВСѢХЪ СЛУЧАЕВЪ ЖИЗНИ СВЯЩЕННИКА ЛЕВИЦКАГО

1791—1845.

Автобіографія священника Левицкаго составляетъ драгоцѣнный вкладъ для характеристики того замѣчательнаго религіознаго движенія, которымъ отмѣчена вторая половина царствованія Императора Александра Павловича; при своемъ возвышенномъ и глубоко назидательномъ содержаніи предлагаемая автобіографія мѣстами поражаетъ однакоже нѣкоторыми странностями, бросающими какъ бы тѣнь на свѣтлую, болѣе,—святую личность автора, и могущими вызвать, въ иномъ читателѣ, ироническую улыбку. Чтобы стать на правильную точку зрѣнія относительно этихъ особенностей автобіографіи, необходимо вспомнить, въ какое знаменательное время жилъ авторъ и познакомиться съ его личнымъ воззрѣніемъ на свое призваніе.

Грозныя явленія, которыми сопровождалась великая французская революція, въ связи съ кореннымъ ея принципомъ—отрицаніемъ христіанства, породили въ умахъ религіозныхъ мысль о близости конца міра и страшнаго суда. Стали усердно изучать апокалипсисъ, примѣняя его пророческія видѣнія къ современнымъ событіямъ: въ губительныхъ войнахъ Наполеона, и его необычайныхъ успѣхахъ, въ повсемѣстномъ почти распространеніи духа невѣрія, исходившаго изъ Франціи, и прикрывавшагося соблазнительною оболочкою „просвѣщенія", „гуманизма", во всякомъ, наконецъ, естественномъ бѣдствіи современномъ, каковы наводненіе, землетрясеніе, голодъ,—видѣли приближеніе послѣдняго времени и предсказываемыя апокалипсисомъ казни, какъ предшественники страшнаго суда, а въ Наполеонѣ,—если не самаго антихриста, то предтечу его, находя въ имени „Наполеонъ" сходство съ именемъ апокалипсическаго ангела бездны Аполліона, что значитъ „губитель", (апокал. IX, 11). Извѣстный тогдашній нѣмецкій богословъ Бенгель опредѣлялъ даже годъ втораго пришествія Іисуса Христа—1836-й; онъ находилъ возможнымъ указать даже день его пришествія. Подъ вліяніемъ духа времени, эти указанія принимаемы были благочестивыми людьми съ безусловнымъ довѣріемъ,—и не только простыми людьми, но и лицами высокообразованными. Покаяніе, святость жизни, пламенная вѣра представлялись естественнымъ приготовленіемъ къ великому событію. Убѣжденіе въ несомнѣнности вычисленій Бенгеля такъ было велико, что многіе, въ предсказанный имъ день, взошли на вершины горъ, чтобы тамъ ожидать пришествія Господа; другіе, съ тою же цѣлью, отправились въ Іерусалимъ.

Эти идеи распространились и въ нашемъ отечествѣ, преимущественно путемъ современной мистической литературы, часть коей (какъ напр. сочиненія Юнга-Шпиллинга) переведена была и на русскій языкъ. Идеи эти популярны были въ религіозной части нашего тогдашняго общества, находя себѣ убѣжденныхъ послѣдователей и между лицами высокопоставленными. Этими идеями глубоко проникнулась и пламенно-религіозная душа священника Ѳеодосія Левицкаго. Весьма жаль, что не сохранилась первая часть его автобіографіи,—она объяснила бы намъ, какъ сложились въ его душѣ тѣ религіозныя убѣжденія, которыя побудили его, „ради великаго дѣла царствія Божія", отказаться отъ своего прихода въ пользу другаго лица, чтобы исключительно посвятить себя этому „великому дѣлу". Онъ почелъ себя призваннымъ свыше свидѣтельствовать людямъ о наступающемъ страшномъ судѣ и послѣдующемъ царствѣ Христовомъ, проповѣдуя покаяніе. Вотъ то великое,—„величайшее" дѣло, которому онъ посвятилъ себя безраздѣльно, съ радостнымъ самоотверженіемъ. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на одного изъ двухъ апокалипсическихъ „свидѣтелей" (апокал. XI, 3 — 12), какъ на избранное орудіе Божіе въ послѣднее и, слѣдовательно, важнѣйшее время на землѣ. Въ послѣдствіи, когда онъ пріобрѣлъ себѣ сотрудника въ лицѣ одного заштатнаго священника, своего близкаго пріятеля, то онъ „формально" призналъ его и себя тѣми двумя „свидѣтелями", о коихъ говорится въ XI главѣ Откровенія. Этимъ объясняется все: и рѣшимость о. Левицкаго оставить приходъ, чтобы заняться „великимъ дѣломъ" и священная смѣлость, съ какою онъ писалъ посланія,—свои „свидѣтельства", какъ онъ называлъ ихъ,—къ министру духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицыну и къ самому Государю Александру Павловичу, или та смѣлость, съ которою онъ въ публичной проповѣди, наводненіе 7-го ноября 1824 г. назвалъ дѣйствіемъ гнѣва Божія, „поелику не видно было со стороны правительства ни духовнаго, ни свѣтскаго ни малаго движенія къ покаянію", и затѣмъ сталъ спокойно ожидать, въ своей кельи, или „перелома торжествовавшей злобы или себѣ отъ оной нѣкоего непощаднаго осужденія", которое и не замедлило явиться въ ту же ночь въ лицѣ фельдъегеря, имѣвшаго порученіе отвезти о. Левицкаго въ Коневскій монастырь въ заточеніе, что и было исполнено. Непоколебимымъ сознаніемъ великости своего призванія объясняется и высказываемое имъ иногда высокое мнѣніе о своемъ лицѣ и дѣлѣ,—при всемъ искреннемъ и глубокомъ смиреніи о. Левицкаго, и его изумительная твердость духа и безпредѣльная преданность въ волю Божію,—вѣра, что малѣйшими обстоятельствами его жизни управляетъ Провидѣніе ко благу его и къ славѣ Божіей,—что побуждало его съ благодареніемъ (видимо искреннимъ) принимать все какъ изъ рукъ Божіихъ, и отрадное и скорбное.

Мерекюль.
1879 г.

Н. А. Астафьевъ.

Рукопись, предлагаемая просвѣщенному вниманію читателей и почитателей «Русской Старины», получена мною отъ законоучителя Каменецъ-Подольской гимназіи, протоіерея Евгенія Степановича Струмѣнскаго. Получивъ издаваемую рукопись и согласіе на изданіе оной, я съ особеннымъ интересомъ просмотрѣлъ страницы, написанныя собственною рукою человѣка, о смиренномудріи, милосердіи и вообще христіанской жизни коего неоднократно слышалъ разсказы моей матери, въ лѣта моего ранняго дѣтства, когда стало уже опредѣляться мое *я*. Весьма интересно было бы сопоставить характерныя личности Александровской эпохи, архимандрита Фотія и священника Ѳеодосія Левицкаго, дабы яснѣе выступили черты сѣверно-русскаго монаха и южнорусскаго священника: архим. Фотій и свящ. Ѳеодосій—оба дѣйствовали въ одинъ и тотъ же «мистическій» періодъ царствованія Александра I, оба страдали болѣзнью своего времени, оба выступили на одну и туже арену, но совершенно съ противоположныхъ ея сторонъ и оба рано оставили поприще борьбы, пораженные и побѣжденные «духомъ трезвой жизни»: но одинъ удалился со сцены съ скрежетомъ зубовъ, другой оставилъ арену съ молитвою на устахъ и съ вѣрою въ неисповѣдимые пути промысла Божія. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, по прочтеніи такой мыслимой исторической параллели, всѣ симпатіи читателя были бы на сторонѣ священника, а не монаха...

Считаю необходимымъ представить краткія біографическія свѣдѣнія объ о. Ѳеодосіи Левицкомъ.

Человѣкъ отличается въ своей жизни отъ животнаго, между прочимъ, тѣмъ, что онъ живетъ идеалами. Одинъ, признавая себя носителемъ безсмертнаго духа, образа Божія, обращаетъ свои взоры къ небу и тамъ, въ невидимой и недосягаемой высотѣ, помѣщаетъ свой идеалъ; другой, считая себя сыномъ земли, находитъ свой идеалъ на землѣ, подъ ногами. Есть собственно два направленія мысли и жизни человѣческой: идеалистическое и реалистическое,—и во взаимной смѣнѣ, въ чередованіи означенныхъ направленій—весь процессъ философской и исторической жизни человѣчества. Если мы представимъ себѣ мячъ, безпрерывно движущійся по одной и той же приблизительно линіи между поломъ и потолкомъ комнаты, то мы будемъ имѣть (конечно грубое, слишкомъ образное) понятіе о движеніи философской мысли въ ея крайнихъ выводахъ, о безпрерывной смѣнѣ идеалистическаго и реалистическаго направленій въ исторіи философіи. Конечно, эклектизмъ представляетъ нѣчто среднее между означенными направленіями, но вѣдь это «ни рыба, ни мясо», а у насъ рѣчь объ идеалахъ, насколько они выражаются въ типахъ...

Не тоже ли мы видимъ и въ исторіи жизни народовъ? Долговременный миръ, послѣ дѣйствительныхъ побѣдъ и завоеванныхъ богатствъ, процвѣтаніе торговли, успѣшное земледѣліе, сытое и довольное житье—все это обезпечиваетъ въ жизни господство реалистическаго направленія. Страшныя войны, повальныя болѣзни, физическія бѣдствія («прусъ, потопъ, пожаръ»)—будятъ отъ сна душу человѣческую, заставляютъ ее встрепенуться, встать и установиться при новыхъ обстоятельствахъ: тогда въ жизни получаетъ господство идеалистическое направленіе.

Французская революція разрѣшилась отъ бремени Наполеономъ I. Геніальный корсиканецъ, заставивъ западно-европейскихъ королей, герцоговъ и курфирстовъ низко себѣ поклониться, двинулъ полчища на Россію, чтобы и здѣсь добиться такого же блистательнаго результата; исторія русская представляетъ высокій подъемъ народнаго духа, на Бородинскомъ полѣ происходитъ битва исполиновъ. Москва—это сердце Россіи—объята пламенемъ, какъ очистительная жертва: гигантъ становится карликомъ и, спасая свою лишь шкуру, безъ оглядки бѣжитъ изъ предѣловъ Россіи... Еще разъ пытается показаться гигантомъ, но попадаетъ на островъ св. Елены и до смерти находится тамъ подъ опекою неуклюжихъ боксёровъ англичанъ... Александръ I въѣзжаетъ въ Парижъ и даруетъ французамъ свободу, даетъ этому народу покой, необходимый для мирнаго труда и нарушаемый пустымъ, хотя и громкимъ звономъ побѣдъ. Конгрессы. Священный союзъ (1815). Хитрость и эгоизмъ западноевропейской политики и дипломатіи («ожили мухи»). Наплывъ въ Россію свободныхъ западно-европейскихъ идей; мистическое настроеніе императора; господство графа Аракчеева; мистицизмъ, какъ квинтъ-эссенція идеализма, пропитываетъ воздухъ, которымъ дышатъ люди,—появляются на сцену: массоны, Криднеръ, Фотій и др. Выступаетъ на сцену и священникъ изъ города Балты, Ѳеодосій Левицкій съ своимъ «свидѣтельствомъ приблизившагося суда и царствія Христова на землѣ»...

Откуда и что за свидѣтель?

Свѣдѣнія о жизни о. Ѳеодосія Левицкаго далеко еще не всѣ собраны и напечатаны: не собраны устныя преданія, благоговѣйно сохраняемыя во многихъ семействахъ Подоліи и внѣ ея, не изданы письма почитателей къ о. Ѳеодосію, про существованіе коихъ, при Николаевской церкви города Балты, я не разъ слышалъ отъ бывшихъ въ этомъ городѣ лицъ, не изданы письма Ѳеодосія къ разнымъ лицамъ Россіи, не розысканы записки, кои были представлены о. Ѳеодосіемъ императору Александру Павловичу, не изданы собственно-

ручныя автобіографическія записки Ѳеодосія. Двѣ статьи въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и одна статья въ «Странникѣ»— вотъ все, что можно найти въ печати объ этомъ «свидѣтелѣ суда и царствія Христова» [1]).

Я буду кратокъ, ибо не пишу біографію, а просто желаю въ бѣглыхъ чертахъ познакомить читателя съ авторомъ рукописи и ввести читателя въ кругъ бесѣды «свидѣтеля» до того момента, съ коего начинается настоящая часть бесѣды; равно также, на основаніи имѣющихся у меня данныхъ, познакомить читателя кратко съ содержаніемъ предыдущей и двухъ послѣдующихъ частей бесѣды, такъ какъ рукопись была въ 4-хъ частяхъ, а я обладаю только второю частью; гдѣ находятся остальныя три части рукописи и существуютъ ли онѣ еще—не знаю.

От. Ѳеодосій Левицкій родился 11-го января 1791 года, въ селѣ Корытной, близъ г. Балты, когда этотъ городъ и весь этотъ край находился подъ вѣдѣніемъ Польши. Отецъ его былъ священникъ и благочинный, о. Несторъ, а имя матери—Іустина. Первоначальное образованіе дано способному мальчику дома, подъ строгимъ руководствомъ родителя. «На десятомъ году своего возраста, Ѳеодосій уже занимался перепискою бумагъ, а на 13-мъ поступилъ въ подольскую духовную семинарію, находившуюся тогда въ Шаргородѣ» [2]). Курсъ семинарскаго ученія окончилъ Ѳеодосій въ 1815 году. Подъ вліяніемъ убѣжденій ректора семинаріи, архим-та Георгія, Ѳеодосій уже склонялся къ избранію иноческой жизни, но прибыла въ Каменецъ-Подольскъ жена бывшаго священника при Балтской Николаевской церкви, Харитона Малиновскаго, Марія Иванова, съ своею сиротою двѣнадцатилѣтнею дочерью, и просила ей жениха, который бы вмѣстѣ съ тѣмъ достоинъ былъ занять мѣсто умершаго священника. Благословеніемъ преосвященнаго подольскаго архіепископа Іоаникія, родственника сиротствующей невѣсты, жребій палъ на способнаго Ѳеодосія, еще не рѣшившаго окончательно вопросъ о родѣ жизни: 5-го сентября 1815 г. Ѳеодосій вступилъ въ бракъ, а 4-го октября того же года рукоположенъ во священники. Являя примѣръ добраго пастыря, Ѳеодосій началъ сильную борьбу съ раскольниками, которые слободой поселились въ его приходѣ и увлекали неопытныхъ въ свое «двуперстіе». Борьба окончилась тѣмъ, что раскольники оставили пропаганду и просили Ѳеодосія оставить ихъ самихъ въ покоѣ.

1818 года 14-го февраля Богъ даровалъ о. Ѳеодосію сына Николая; въ день разрѣшенія отъ бремени, супруга Ѳеодосія впала въ

---

[1]) «Под. Епарх. Вѣдом.» за 1863 и 1865 гг. «Странникъ», 1863 г., январь.

[2]) Странникъ, 1863 г., январь, стр. 42.

жестокую горячку и 21-го числа почила вмѣстѣ съ новорожденнымъ младенцемъ... Въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, Ѳеодосій лишился своей доброй матери, а отецъ его скончался еще въ 1816 году... Земныя и родственныя связи порваны. От. Ѳеодосій даетъ обѣтъ: всѣми силами служить страждущему человѣчеству и, «вземши крестъ жизни, идти кротко за подвигоположникомъ Іисусомъ». Строгое исполненіе священническаго служенія, неусыпная бдительность на стражѣ ввѣренныхъ душъ и постоянная проповѣдь слова Божія, заканчиваемая, обыкновенно, мыслью о близости страшнаго суда,—вотъ стороны дѣятельности овдовѣвшаго о. Ѳеодосія. Чтобы вполнѣ развить свою мысль о близости Царствія Божія и Страшнаго Суда, и передать ее всѣмъ и каждому, о. Ѳеодосій подтверждалъ ее и многими указаніями священнаго писанія и убѣжденіями своего собственнаго чувства, и полное сочиненіе свое объ этомъ важномъ предметѣ, въ 1822 году, чрезъ бывшаго тогда министра духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, представилъ императору Александру І-му. Сочиненіе о близости царства и суда Божія было выслушано императоромъ съ удовольствіемъ, даже, какъ говорилъ впослѣдствіи о. Ѳеодосію князь Голицынъ, съ восторгомъ, и государь пожелалъ лично видѣть самаго автора: Ѳеодосій былъ вызванъ изъ Балты въ Петербургъ въ маѣ 1823 года [1]). Вызовъ, пребываніе въ Петербургѣ и вообще на сѣверѣ Россіи и возвращеніе снова въ Балту—вотъ событія, о коихъ повѣствуетъ о. Ѳеодосій въ издаваемой нынѣ на страницахъ «Русской Старины» рукописи... По возвращеніи своемъ изъ Петербурга, въ 1828 году 2-го февраля, въ г. Балту, Ѳеодосій нашелъ здѣсь сѣмена ереси нѣкоего капитана Ѳедора Варѳоломѣева Савицкаго, который впалъ въ самообольщеніе, вообразилъ себя утѣшителемъ, обѣщаннымъ отъ Господа ученикамъ, и проповѣдовалъ, что на немъ и чрезъ него исполнятся всѣ апокалипсическія обѣтованія [2]). О. Ѳеодосій, по пріѣздѣ въ Балту, сталъ говорить и писать, что ученіе Савицкаго—лжеученіе, бѣсовская прелесть и безсмысленное заблужденіе. Савицкій и его послѣдователи, послѣ формальнаго дознанія со стороны начальства, наказаны согласно своей винѣ... О. Ѳеодосій, наконецъ, отдохнулъ въ нѣдрѣ своей паствы, въ обширномъ кругу искренно любившихъ его прихожанъ и друзей о Господѣ. Мысль устроить въ Балтѣ мужской монастырь и хлопоты для ея осуществленія остались безъ исполненія. Оставивъ мысль объ

[1]) Странникъ, 1863 г., январь, стр. 48.

[2]) Дѣло въ архивѣ Под. дух. консисторіи, 1828 г., сентября 7-го, секретное, о капитанѣ Ѳ. В. Савицкомъ и послѣдователяхъ его, № 17,604. Сличи: Под. Епарх. Вѣдом. 1865 г., №№ 16 и 17 статья П. Троицкаго.

иночествѣ и всецѣло посвятивъ себя страждущему человѣчеству, о. Ѳеодосій, частію собственными скудными доходами, частію пожертвованіями, устроилъ въ Балтѣ скромную страннопріимницу, въ которую и стали стекаться всякаго званія и возраста убогіе, сирые и странные: надзоръ за страннопріимницею о. Ѳеодосій ввѣрилъ своей сестрѣ, избравъ, въ помощь ей, одного изъ числа призрѣнныхъ имъ старцевъ, въ должности надзирателя; нерѣдко самъ являлся туда для благословенія трапезы, утѣшенія страждущихъ и для вечерняго правила. Въ 1834 и 1835 годахъ, памятныхъ неурожаемъ и повальными болѣзнями, пріютъ о. Ѳеодосія оказался въ высшей степени благодѣтельнымъ... Жизнь о. Ѳеодосія была такова, что ею назидались не только христіане, но и евреи, которые часто обращались къ нему въ спорныхъ дѣлахъ и просили у него совѣта, въ полной увѣренности, что совѣтъ его будетъ продиктованъ истиною. Въ 1832 году на подольскую каѳедру прибылъ преосвященный Кириллъ, вызвалъ о. Ѳеодосія въ Каменецъ-Подольскъ, возложилъ на него набедренникъ и опредѣлилъ его членомъ духовнаго Балтскаго правленія и сотрудникомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія... Строго-подвижническая жизнь, безпрерывная молитва и трудъ изнурили о. Ѳеодосія, разрушили его неособенно крѣпкое здоровье и свели его въ могилу. Ѳеодосій умеръ 9-го марта 1845 года; покойный погребенъ на городскомъ кладбищѣ, въ фамильномъ склепѣ. Жизнь о. Ѳеодосія продолжалась 54 года и 2 мѣсяца; ростъ имѣлъ онъ средній, волосы русые, видомъ былъ пріятенъ. Портретъ его изданъ въ 1850 году, въ Одессѣ, другомъ его Лукою Замальяровымъ [1]).

Издаваемая нынѣ рукопись написана на шероховатой, бѣлой, пожелтѣвшей отъ времени, бумагѣ, сложенной въ 8-ю долю листа, отдѣльными тетрадками, сшитыми; чернила рыжеватыя, поправки и зачерки сдѣланы тѣмъ же твердымъ, мелкимъ и четкимъ почеркомъ, но чернилами уже черными; видно, поправки сдѣланы по окончаніи писанія, при чтеніи уже всего написаннаго. Всѣхъ листовъ въ рукописи, восьмушекъ, 88.

На первой страницѣ заглавіе такое:

«Памятникъ провидѣнія Божія или свидѣтельство приближившагося Суда и Царствія Христова на земли. Книги первыя часть 2-я».

На второмъ листѣ слѣдуетъ снова заглавіе:

«Во славу пресвятыя, единосущныя, животворящія и нераздѣльныя Тройцы.—Описаніе духовныхъ трудовъ и всѣхъ случаевъ жизни

---

[1]) Странникъ, 1863 г., январь, 66 стр.

священника Ѳеодосія Левицкаго, бывшаго благодатію Божіею, подъ именемъ Ѳеодора, свидѣтеля приближившагося Суда и Царствія Божія, самимъ имъ писанное, 1835 года, въ богохранимомъ градѣ Балтѣ, при храмѣ святаго Чудотворца Николая, иже есть провидѣнія Божія часть II-я».

На оборотѣ того же 2-го листка написаны слова священнаго писанія: «Господи! се устнамъ моимъ не возбраню: истину Твою и спасеніе Твое рѣхъ; не скрыхъ правду Твою отъ сонма многа. Псал. 39. ст. 10 и 11.

И глаголахъ о свидѣніихъ Твоихъ предъ Цари и не стыдяхся. 117, 46.

«Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ. 3 кн царствъ, XIX, 10.

«О Бозѣ похвалю глаголъ, о Бозѣ похвалю слово: на Господа уповахъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. Псал. 55, ст. 11 и 12».

Наконецъ на лицевой сторонѣ третьяго листка вверху стоитъ то заглавіе, которымъ и начата издаваемая мною рукопись.

Рукопись дѣлится на главы, обозначенныя римскими цифрами,— всѣхъ главъ въ издаваемой рукописи XXXI. Счетъ главъ особый съ первой главы.

Сообщ. Е. П. Бахталовскій.

Сельцо Марьяновка, на Днѣстрѣ.
1879 года, іюля 15 дня.

ВО СЛАВУ ПРЕСВЯТЫЯ, ЕДИНОСУЩНЫЯ, ЖИВОТВОРЯЩІЯ И НЕРАЗДѢЛЬНЫЯ ТРОЙЦЫ

ОПИСАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ТРУДОВЪ И ВСѢХЪ СЛУЧАЕВЪ ЖИЗНИ

СВЯЩЕННИКА

ѲЕОДОСІЯ ЛЕВИЦКАГО,

БЫВШАГО БЛАГОДАТІЮ БОЖІЕЮ, ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ѲЕОДОРА, СВИДѢТЕЛЯ ПРИБЛИЖИВШАГОСЯ СУДА И ЦАРСТВІЯ БОЖІЯ, САМИМЪ ИМЪ ПИСАННОЕ

въ 1835 г.

въ богохранимомъ градѣ Балтѣ при храмѣ св. чудотворца Николая, иже есть провидѣнія Божія.

1835.

«Господи! се устнамъ моимъ не возбраню: истину Твою и спасеніе Твое рѣхъ. Не скрывъ правду Твою отъ сонма многа.» (Псал. 39, ст. 10 и 11).

«И глаголалахъ о свидѣніяхъ Твоихъ предъ Цари и не стыдяхся.» (117, 46).

«Ревнуя порѣвновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ». (3, кн. Царет. XIX, 10).

«О Бозѣ похвалю глаголъ, о Бозѣ похвалю Слово: на Господа уповахъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ.» (Псал. 55, ст. 11 и 12).

Описаніе духовныхъ подвиговъ и всѣхъ случаевъ жизни священника Өеодосія Левицкаго

Глава I.

Промыслъ Божій надъ всѣми есть и всѣми премудро управляетъ; а наипаче стези избранныхъ своихъ дивно устроиваетъ. Неиспытаны судьбы Его и неизслѣдованы всѣ пути Его. По манію Его все течетъ; духомъ и силою Его все живетъ и движется: надъ человѣкомъ же дивная и неизреченная милость и страшный судъ и правда Его Божія совершаются. Въ руцѣ Его сердце царево, и аможе хощетъ, направитъ оное. Безъ Него же ничто суть цари; ничто ихъ сила и крѣпость и премудрость. И самые избранные и вѣрные Его рабы искушаются правдою Его, въ семъ вѣкѣ яко злато въ горнилѣ; и крайнимъ токмо смиреніемъ могутъ сохраниться отъ паденія, и побѣдить лукаваго, и внити въ царствіе Его. Спаси, Господи, люди Твоя! сохрани избранныя Твоя! не посрами уповающія на Тя! да славится всѣми имя Твое во вѣки!

Глава II.

И такъ маніемъ судебъ Божіихъ мнѣ предстоитъ путь въ Санкт-Петербургъ. Послѣ полученія мною письма отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, какъ выше упомянуто, 3-го числа мая, 1823 года, я весьма спокойно ожидалъ паспорта изъ Подольской духовной консисторіи; не думалъ, чтобъ оный слишкомъ скоро ко мнѣ поспѣлъ, а особливо разсуждая, что письмо ко мнѣ пришло по экстра-почтѣ, а туда, полагалъ я быть по простой. По полученіи же паспорта предполагалъ потихо собираться; да еще былъ въ размышленіи: какъ самому одному въ такъ дальній путь ѣхать? Или кого бы то взять съ собою?... И такъ по моимъ мыслямъ, не скорѣе, какъ черезъ мѣсяцъ времени отъѣздъ мой имѣлъ послѣдовать. Но не такъ написано было въ опредѣленіи Вышняго! Онъ предъопредѣлилъ день моему отбытію, и день сей весьма близко! Онъ и обо всѣхъ моихъ нуждахъ прилежно попекся: надобно только терпѣніе въ искушеніи; ибо дѣла Божіи и самыя особенныя милости Его безъ искушенія не бываютъ.

Такимъ образомъ на канунѣ дня святителя Николая 8-го числа мая, (1823 г.), еще я въ храмѣ Божіемъ, едва кончивъ всесвятую литургію, какъ даютъ мнѣ знать, что прибылъ нарочный изъ Каменца Подольскаго, дабы меня взять и вести въ С.-Петербургъ. Прихожу на квартиру, уже застаю и тройку лошадей съ колокольчикомъ!... Развязка сего слѣдующая. Въ указѣ изъ св. Синода къ преосвященному Ксенофонту, архіепископу нашему, не упомянуто ни-

чего о тѣхъ деньгахъ, кои мнѣ на путь присланы были; и потому онъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ я долженъ былъ путешествовать? При томъ же, какъ онъ невыгодно меня отрекомендовалъ, такъ не выгодно и по всему думалъ обо мнѣ. Онъ полагалъ, что устрашусь явки къ Государю; или какъ ему казался быть упрямымъ и непокорнымъ и нѣкіимъ весьма страннымъ и своенравнымъ: такъ и присемъ случаѣ,—какъ могъ я нѣкую странность и своенравіе оказать, а чрезъ то и на него навлечь опасное негодованіе царское. Посему онъ распорядился слѣдующимъ образомъ: велѣлъ нарядить одного изъ повытчиковъ духовной консисторіи, а именно, Г. Русакова, нарочнаго, дабы провожалъ меня, и далъ ему на путь, собственно для провожанія меня, довольное количество денегъ, а именно, 600 руб. асс. и снабдилъ его инструкціею, какъ онъ долженъ тотчасъ, по прибытіи въ г. Балту, меня взять, и въ пути хранить, и во всякомъ случаѣ со мною поступать, дабы безъ замедленія къ Государю меня представить.

Съ таковою инструкціею прибывши Г. Русаковъ въ г. Балту и заѣхавъ въ духовное правленіе, еще не давши даже мнѣ знать о своемъ прибытіи, тотчасъ потребовалъ по подорожной лошадей съ почты, дабы тую жъ минуту и въ путь со мною отправиться. Но какъ я нимало еще къ сему пути не приготовлялся и съ нужными бумагами и дѣлами своими не собрался, а притомъ слѣдующій день былъ день святителя Николая чудотворца, самаго храма бывшей приходской моей церкви, то и не могъ я никакъ тотчасъ въ путь шествовать, а желалъ на другой день, во славу Божію подобающимъ образомъ отслужить, и такъ уже въ предлежащій путь во имя Господне отправиться. И Господь въ семъ совершенно мнѣ помогъ. Благопріятели мои старались Г. Русакова успокоить; я къ вечеру собирался; наступилъ праздникъ. Народа было стеченіе необыкновенное: который еще на канунѣ ко мнѣ бѣжалъ толпою, будучи пораженъ молвою, что меня вдругъ увезти хотѣли. Помощію Божіею въ свое время совершено было мною всенощное бдѣніе и Божественная Литургія. Господь даровалъ мнѣ сказать изъ устъ къ народу и приличнѣйшее слово изъ онаго Евангельскаго глагола Христова: «Да не ужасается сердце ваше, ни устрашается: вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте!»—собственно о томъ, что имѣющимъ твердую вѣру въ живаго Бога, ни въ какихъ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ ничего бояться не должно; поелику промыслъ Божій хранитъ уповающихъ во имя Его, и соблюдаетъ отъ всякаго зла, а еслибы что злое или нѣкій вредъ таковымъ и случились, то десница Господня вскорѣ всякое сокрушеніе ихъ исцѣлитъ, отъ всякія напасти и вреда избавитъ, и умерщвленныхъ оживитъ, отъ вратъ адовыхъ воздвигнетъ, возставитъ

и славно вознесетъ. Въ заключеніе прибавилъ я, что предстоящій мнѣ путь немалозначущее странствіе есть по званію небесному, собственно ради спасенія человѣческаго рода, по высотѣ вѣры Христовой, по належащей нуждѣ грядущаго суда Божія—и прочее. Слезы мои, а по моихъ и вообще народа, прекратили рѣчь мою, и начался молебенъ въ путешествіе, по окончаніи коего и по совершенномъ распрощаніи съ народомъ, еще взятъ я былъ на обѣдъ бывшимъ тогда благочестивымъ почмейстеромъ, Ипатіемъ Количковскимъ; а по обѣдѣ, пришедъ на свою квартиру, довершалъ мое приготовленіе, окруженъ непрестанно народомъ, для полученія отъ меня послѣдняго благословенія толпящимся, изъ коего многіе и чувствительныя слезы предъ Богомъ проливали, такъ что все сіе заставило благочиннаго изъ мѣстечка Томашполя, отца Ѳому Татомира, (который нарочно наряженъ и присланъ былъ отъ архіепископа, дабы быть при моемъ отъѣздѣ, и видѣть оный и обо всемъ его высокопреосвященству подробно донесть), заставило, говорю, его, вославу Божію, сказать: «Это провожаютъ, какъ Златоустаго!» И такъ предъ самымъ уже закатомъ солнца въ совершенномъ мирѣ душевномъ и умиленіи сердечномъ предъ Богомъ, о таковомъ дивномъ промысла Его надо мною, не достойнымъ, строеніи, и обо всемъ таковымъ нынѣ явленномъ небесномъ Его ко мнѣ непотребному благоволеніи, наконецъ отправились мы съ Г. Русаковымъ на почтовыхъ и, предавъ оставляемый городъ Балту въ руцѣ Вышняго, ночевали уже за 30 верстъ отселѣ, въ городѣ Ольгополѣ.

Глава III.

Все путешествіе сіе мое десница Вышняго устроила весьма благопріятнымъ и благоутѣшительнымъ—такъ что, послѣ бывшихъ предъ симъ дождей, майская погода была самая благорастворенная, впрочемъ небо по большей части еще и облаками покрывалось, отчего небыло и пыли; и такъ ни зной, ни пыль, ни хладъ, и ничто другое отвнѣ насъ не безпокоило. Духъ же у меня въ благой надеждѣ Божіей весьма радовался; мысль вся занята была чуднымъ строеніемъ живыя десницы Божія въ промыслѣ Его о мнѣ грѣшномъ и о всей твари, равно какъ и о грядущемъ вѣчномъ царствіи Его; въ устахъ непрекращалось пѣніе: «Господня есть земля и исполненіе ея», и прочее. Лошади хорошія почтовыя, казалось, быстро, какъ птицы паче на крылахъ, нежели какъ на простой почтовой повозкѣ, несли насъ. Г. Русаковъ за всѣмъ смотрѣлъ, и ни малѣйшее безпокойствіе ни о чемъ меня не касалось. Деньги, данные ему отъ преосвященнаго Ксенофонта онъ употреблялъ на всѣ расходы, а полученные мною особо, остались мнѣ, дарованіемъ промысла Божія, на другія, какія

Господь повелѣлъ, предъ Нимъ дѣла и нужды, особливо часть на предпринятое мною въ моемъ приходѣ строеніе новаго каменнаго храма. Отъ Волынской губерніи до самаго С. Петербурга, только весьма рѣдко являлись по пути уѣздные и губернскіе города, а то открылась для меня великая, чудная и безконечная пустыня, прекраснымъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ преисполненная; и мнѣ настоящее путешествіе мое воображалось непрестанно не другимъ чѣмъ предъ Богомъ, какъ только, по откровеніи св. Іоанна Богослова, пареніемъ жены, невѣсты царствія Божія, на двухъ крылахъ орла великаго, въ пустыню, идѣже уготовано ей мѣсто, дабы тамо препитатися ей время, временъ и полъ времени отъ лица зміина, гонящаго ее.

Двѣнадцать дней путешествія моего казались мнѣ какъ бы 12 часовъ: такъ ни малѣйшей скуки я не чувствовалъ! Какъ невѣста, ѣдущая на бракъ, такъ точно я грѣшный, въ пути семъ исполненъ былъ предъ Богомъ всѣхъ чувствъ, во всей силѣ ихъ, и радости, и трепета, и восторга и страха, и благихъ надеждъ и необходимой нужды полагать жизнь свою за слово Божіе и готовымъ быть все претерпѣть, чего бы только требовало отъ меня, въ лукавомъ мірѣ семъ, великое дѣло царствія Божія. Въ такихъ сильныхъ чувствахъ моихъ весьма дальнее сіе путешествіе мое показалось мнѣ очень близкимъ. Когда отъѣзжалъ я изъ города Балты, то любящіе меня, судя по слабости силъ моихъ, говорили: на простой и открытой почтовой повозкѣ едва ли мнѣ можно живу такъ дальній путь перенесть! Напротивъ-же того, какъ выше сказано, Господь даровалъ мнѣ ни мало тяжести пути сего не чувствовать. Дважды только отъ Г. Русакова, попущеніемъ Божіемъ, имѣлъ я неудовольствіе и скорбь; во первыхъ, что мнѣ весьма желательно было ѣхать на Кіевъ, дабы отъ святыхъ отецъ нашихъ Печерскихъ испросить себѣ на толикій путь сей благословеніе, а притомъ увидѣться тамъ и распрощаться съ чувствительнѣйшою сестрою моею, дѣвицею Анною, въ тамошнемъ дѣвичьемъ монастырѣ бывшею, на что онъ согласиться не восхотѣлъ; а во вторыхъ, несравненно большее и насильственное покушеніе отъ него для меня было, по пріѣздѣ уже въ самый С. Петербургъ, гдѣ онъ, якобы по силѣ инструкціи своей, хотѣлъ везти меня въ тамошнюю градскую полицію, тогда какъ по письму его сіятельства князя Голицына, мнѣ прямо заѣхать слѣдовало въ архіерейскій домъ, къ Тверскому преосвященному Іонѣ; и съ великимъ трудомъ могъ я его, Г. Русакова, преодолѣть, дабы по наставленію сего письма поступить и въ точности оное выполнить. Въ прочемъ во всемъ пути семъ ничего особеннаго и достопримѣчательнаго къ славѣ Божіей мнѣ не встрѣчалось, кромѣ только въ уѣздномъ городѣ Мозырѣ, Минской губерніи, когда заѣхали мы въ тамошнее духовное правленіе, къ коего письмоводителю Китновскому было у Г. Русакова письмо

изъ Каменца-Подольскаго, то здѣсь, нѣсколько узнавши мою службу и дѣло предъ Богомъ, разсказывали мнѣ, что того уѣзда предводитель дворянства и сотрудникъ библейскаго общества, коего и поимени и фамиліи объясняли, подобнымъ образомъ подвигнутъ былъ духомъ Господнимъ, нѣчто подобное моему труду о Господѣ, къ пользѣ и спасенію человѣчества по Христѣ писать; и въ томъ священномъ трудѣ своемъ претерпѣлъ величайшее искушеніе и бѣду отъ собственной жены своей, которая, за оный духовный его предъ Богомъ подвигъ весьма его возненавидѣвши, старалась всякимъ образомъ въ томъ ему препятствовать и дѣлать помѣшательство и не допускать его къ тому, похищая у него даже и бумагу, такъ что онъ нерѣдко долженъ былъ на какихъ нибудь лоскуткахъ писать; преодолѣвши же и побѣдивши Божіею помощію все и составивши немалую книгу, представлялъ онъ ее на разсмотрѣніе въ С.-Петербургское библейское общество; но отъ онаго, къ сожалѣнію, получилъ неблагопріятную ему резолюцію, что сіе общество ничѣмъ болѣе не занимается, ниже предметомъ своимъ имѣетъ, кромѣ только переводами, печатаніемъ и разсылкою книгъ священнаго писанія, просто, безъ всякихъ разсужденій, и потому обратно ему книгу возвратило; и по недолгомъ времени послѣ того оный рабъ Христовъ блаженною кончиною преставился отъ неблагодарнаго сего міра, а книга оная труда его отдана для храненія, въ память его и хвалу Христову, въ оное Мозырское духовное правленіе, гдѣ и мнѣ оную показывали.

Глава IV.

Въѣздъ мой во градъ святаго Петра, строеніемъ небеснымъ, послѣдовалъ къ 21-му числу мая, то есть, къ празднику святыхъ равноапостольныхъ царей Константина и Елены, что было для меня благопріятнымъ знаменіемъ. Это было предъ заходомъ солнца 20-го числа въ недѣлю; и тутъ по всемъ пути моемъ, первый зной и первую пыль, изъ града тихимъ вѣтромъ несущуюся, я имѣлъ непріятность испытать.

Поелику же ночь въ сіе время на Сѣверѣ весьма малая, почти только 2 часа составляющая, то пока мы прибыли на Васильевскій островъ въ Тверское подворье, гдѣ живетъ преосвященный Іона, уже и самая полночь наступила, почему и ворота застали мы запертыми; но когда постучались довольно, то намъ отворили и здѣсь уже, благодареніе Богу, остатокъ ночи мы провели. На другой день рано, когда возсталъ реченный архіепископъ и ему обо мнѣ доложили, то онъ немедленно потребовалъ меня къ себѣ, и встрѣтивъ меня по средѣ своей залы, по краткомъ моемъ привѣтствіи ввелъ меня въ особый покой, гдѣ, посадивши подлѣ себя, началась между нами во

имя Христово бесѣда; а между тѣмъ тотчасъ послалъ къ его сіятельству князю Александру Николаевичу Голицыну дать знать о моемъ прибытіи, который въ самое короткое время и пріѣхалъ самъ къ его высокопреосвященству, и коль скоро меня увидѣлъ, не допустивъ сказать ему почти ни единаго привѣтствія, потребовалъ отъ меня твердаго и ощутительнаго рукоблагословенія, и по семъ, взявъ меня за руку, посадилъ подлѣ себя, и началъ мнѣ тотчасъ разсказывать всю свою жизнь отъ самаго дѣтства своего даже до настоящаго часа; особливо какимъ образомъ Христосъ Господь особеннымъ промысломъ своимъ привелъ его въ твердое познаніе небесныя истины своея, и посредствомъ знаменитаго старца Иродіона Александровича Кошелева, бывшаго иностраннымъ посланникомъ, мужа духовной жизни, и удостоился онъ отъ Господа внутренняго просвѣщенія и вступилъ на тотъ же блаженный и спасительный путь Христовъ. Имѣлъ же князь поводомъ и причиною для себя таковому повѣствованію во славу Божію, мой откровеннѣйшій и подробнѣйшій отвѣтъ на запросы отъ него мнѣ бывшіе, обо всѣхъ моихъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ: чего ради и онъ такъ откровенно и подробно все житіе свое мнѣ, къ удивленію, разсказывалъ, какъ никогда на исповѣди предъ Богомъ откровеннѣе и чистосердечнѣе христіанину объясняться не можно. Такъ дивенъ и хваленъ Господь въ рабѣхъ своихъ.

И это было первое наслажденіе мое по Христѣ чудною добротою души его сіятельства, которою я имѣлъ счастіе послѣ наслаждаться почти непрестанно. При чемъ напослѣдокъ сказалъ мнѣ князь, что теперь Государь Императоръ пребываніе свое имѣетъ во дворцѣ своемъ въ Царскомъ Селѣ, и онъ немедленно ему дастъ знать о моемъ пріѣздѣ; въ слѣдующее воскресенье его величество непремѣнно будетъ въ С.-Петербургѣ, и тогда я къ его величеству представленъ буду. И такъ засимъ мы съ княземъ распрощались, и онъ въ свой домъ отъѣхалъ.

Глава V.

По семъ первомъ моемъ свиданіи съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, на другой или третій день онъ прислалъ за мною лошадей, чтобъ мнѣ быть у него въ домѣ: куда прибывши, сперва введенъ я былъ въ маленькій уединенный кабинетъ, а оттуда пришедшимъ уже самимъ княземъ въ домовую его изрядную церковь, въ которой совершалась тогда божественная литургія; по выслушаніи коей повелъ онъ меня въ большую изряднѣйшую и священную его залу, которая вся убрана прекрасными списками съ чудотворныхъ иконъ Спасителя Христа, сколько только таковыхъ есть знаменитѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ, по всѣмъ царствамъ Христіанскимъ и пле-

менамъ: коими неможно довольно насладиться. Хотя много есть у него и другихъ залъ, общая для приходящихъ, особая великолѣпная царская, также пребольшая, содержащая безчисленныхъ лучшихъ книгъ собраніе, или библіотеку, однако онъ обыкновенное свое занятіе государственными дѣлами имѣетъ не въ какой другой, только въ оной священной, гдѣ со всѣхъ сторонъ и со всякой точки стотритъ на него Спаситель, и онъ его сколько только подниметъ глаза и куда ни обратится, вездѣ встрѣтитъ. Въ сей залѣ, какъ теперь, такъ и послѣ сего, сколько только присылалъ за мною князь, всегда угощалъ меня чаемъ, также чтеніемъ или житія святаго того дня, либо другой какой священной книги, а особливо получаемыхъ имъ любопытныхъ свѣдѣній не только изъ всей Россіи, но даже изъ другихъ иностранныхъ націй, о разныхъ дивныхъ, являющихся повсюду, духовныхъ мужахъ и знаменіяхъ, и пророчествахъ, и подобныхъ моему по Христѣ труду, о приближившемся судѣ и царствіи Божіемъ и подвигахъ. И обыкновенно послѣ сего каждую седмицу, однажды или дважды, особливо въ бывающіе большіе или меньшіе святые праздники, его сіятельство не оставлялъ безъ того, чтобъ не присылать за мною, и подобное же мнѣ дѣлать по Богѣ духовное утѣшеніе и насыщеніе. Столько былъ онъ ко мнѣ по Христѣ благорасположенъ и столько Господь въ немъ предуготовилъ для меня небесной своей милости! Не рѣдко же при таковыхъ случаяхъ бывалъ единодушный у него другъ его, знаменитый старецъ, вышеупомянутый Иродіонъ Александровичъ Кошелевъ, отъ глубокой старости уже три года на глаза не видящій, коего онъ почитаетъ по Христѣ, какъ отца и наставника, и въ свободные часы всегда его посѣщая, чтеніемъ книгъ служитъ ему, какъ отцу, неоцѣненною отрадою и утѣшеніемъ. И примѣчательно то, что они оба безженны, и посредѣ самой наружной царской пышности, роскоши богатства и великолѣпія, внутренно, чудною благодатію Христовою, ведутъ жизнь чистую духовную, въ дивной кротости душевной и всегдашнемъ благоговѣніи находясь предъ Богомъ. При первой же моей встрѣчѣ съ княземъ въ его домѣ, поднесена ему отъ меня священная просфора во имя Іисусъ Христово, съ поясненіемъ, что какъ Господь Іисусъ Христосъ Самъ Себѣ избралъ образомъ святый хлѣбъ, и въ ономъ Самъ Себя намъ преподаетъ, такъ и я, немощный и убогій рабъ Его, за необходимое нахожу въ семъ священномъ образѣ предлагать и подносить его сіятельству Самаго Его Христа Господа, желая, чтобы Самъ Господь живъ былъ съ нами, въ великомъ дѣлѣ царствія своего совершая въ насъ волю свою святую, и наставляя и укрѣпляя насъ творити благоугодное предъ Нимъ; а особливо мнѣ убогому, въ Немъ единомъ

имѣющему все утвержденіе свое и силу и упованіе, чтобы Онъ былъ ходатаемъ предъ лицемъ его и Государя всякой милости, любви и снисхожденія во славу Его Божію. Къ сему присовокупилъ я, что какъ въ начинающемся святомъ дѣлѣ царстія Христова, мы, желающіе блаженства послужить оному, должны быть готовы на всякій часъ, когда бы только нужда и общая польза того потребовала, жертвовать за оное, во славу Божію, и самою жизнію нашею: то, чтобъ мы непоколебимы, тверды и постоянны были предъ Богомъ въ таковой священной готовности, я за весьма нужное почитаю сей святый хлѣбъ имѣть всегда предъ очами своими и частицу онаго на всякій день принимать во имя Господне. Князь, благодареніе Богу, принялъ изъ рукъ моихъ сей священный хлѣбъ съ таковою вѣрою и любовію ко Христу Господу Іисусу, что даже потребовалъ отъ меня поясненія, какимъ точно образомъ пріятіе онаго по приличію совершаться можетъ? Сіе заставило меня разсказать ему исторію, какъ благодатію Своею Господь наставилъ меня самаго сему спасительному пріятію.

. . . .

. . . .

Глава VI.

Но уже много я, по связи слова въ повѣствованіи моемъ, впередъ поступилъ, написавши то, что впослѣдствіи совершилось. Теперь же еще предстоитъ мнѣ собственно явка къ Государю Императору, который на слѣдующее воскресеніе, которое было послѣднее предъ Вознесеніемъ, мая 27-го числа, точно прибылъ въ С.-Петербургъ, и, по повелѣнію Его Величества, по предварительномъ меня двукратномъ чрезъ князя извѣщеніи, прислана была за мною, парою лошадьми заложенная коляска, на которой долженъ былъ я отъѣхать къ Зимнему дворцу, гдѣ тогда Государь находился, и явиться Его Величеству. Предая Господу Богу, коему служу, входы и исходы мои, и всѣ чувства души и сердца моего, и мысли и имѣющую быть рѣчь мою: поелику безъ Него никогда ничего мы бренные не можемъ, а кольми паче предъ лицемъ Царскаго Величества, предъ коимъ трепещетъ всякій подвластный ему человѣкъ и теряется даже нѣкоторое время во всѣхъ своихъ чувствахъ: какъ и я самъ на себѣ сію немощь испыталъ: въ преблагой надеждѣ на чуднаго Господа моего Іисуса Христа, который заповѣдалъ ученикамъ своимъ не пектися, что имѣютъ глаголати, когда будутъ ведены къ царемъ и владыкамъ, и имени его ради; такимъ образомъ во имя Господне шествовалъ я къ Его Императорскому Величеству, Александру Благословенному, и по прибытіи въ поясненный дворецъ, гдѣ нѣкоторымъ изъ царскихъ лю-

дей обо мнѣ отъ Государя уже было объявлено и они прибытія моего ожидали, введенъ былъ я ими сперва въ уединенный, тайный кабинетъ, а потомъ въ непродолжительномъ времени оттуда и въ самую залу, гдѣ Государь находился. Здѣсь не имѣлъ я досуга разсматривать великолѣпіе оной залы и всего украшенія ея; ибо засталъ посредѣ оной стоящаго, какъ Ангела Божія, сего великаго и чуднаго Государя, самаго единаго, входа моего ожидающаго. Поступивъ отъ прага нѣсколько шаговъ и поклонясь, какъ подобало, лицу Государеву, началъ я краткую во имя Господне, привѣтственную рѣчь къ Его Величеству, призывая на него благословеніе Вышняго и вся благая отъ вседержительной руки Его, и вскорѣ онъ приступилъ ко мнѣ и потребовалъ отъ меня моего о имени Господнемъ рукоблагословенія, коего и повторенія до трехъ кратъ требовалъ, и то весьма осязательно-совершеннымъ крестнымъ знаменіемъ на главу и перси и рамена свои; и отъ сего самаго дѣйствія прежде всего началъ ко мнѣ рѣчь, что онъ совершенно вѣритъ дѣйствію благодати Божія, осязаніемъ рукъ истинныхъ и вѣрныхъ рабовъ его бывающему, подобно, какъ въ дѣяніяхъ апостольскихъ пишется, что возложеніемъ рукъ апостольскихъ видимо снисходилъ Духъ святый на вѣрующихъ, что также и нынѣ чрезъ священныя руки служителей Божіихъ, благодать того же всесвятаго Духа невидимо снисходитъ.

Потомъ началъ онъ говорить о моемъ дѣлѣ и трудѣ предъ Богомъ, что онъ совершенно онымъ доволенъ и оному радъ и какъ будто откуда-то онаго по Богѣ ожидалъ; ибо и самъ де имѣлъ многія мысли, въ моемъ словѣ къ Его Величеству помѣщенныя, (особливо о воззваніи раздѣленныя христіанскія исповѣдыванія ко святому единству, и о принятіи подобающихъ средствъ къ просвѣщенію невѣрныхъ), и потому, благодаря Бога о благодати Его, мнѣ даровавшейся, онъ меня въ трудѣ моемъ предъ Богомъ утверждаетъ, и даетъ мнѣ полное право и дозволеніе, свободно и безъ всякаго опасенія, что только Господь подастъ мнѣ благое на мысль и впредь ему Государю, устнымъ ли словомъ, или начертавъ оное на бумагѣ, всегда къ славѣ Божіей предлагать; объявляя искреннее свое желаніе, совершенно оному съ Божіею помощію содѣйствовать и споспѣшествовать; только присовокупилъ, что онъ не видитъ и не знаетъ таковыхъ духовныхъ и облагодатствованныхъ свыше людей, посредствомъ коихъ такъ великія дѣла Христовы въ семъ мірѣ благонадежно совершаться бы могли: а только извѣстны ему и подъ одеждою духовною, почти всѣ служители Христовы, плотскіе и земные, къ онымъ весьма неспособные. Напослѣдокъ сказавъ, что онъ будетъ Господу Богу молиться, чтобъ благодать Его наставила и подала ему силу,

сотворить благоугодное предъ Нимъ; и наконецъ завѣривъ меня о добродушіи преосвященнаго архіепископа Іоны, въ коего домѣ пребываніе мнѣ назначено, что таковое совершенно спокойно и мирно для меня быть имѣетъ, отпустилъ меня отъ себя, и я съ чувствами несказанной сердечной радости и удовольствія возвратился обратно изъ дворца на Тверское подворье, гдѣ, какъ уже сказано, пребываніе мнѣ опредѣлено.

Глава VII.

По явкѣ моей къ Государю Императору, я долженъ былъ явиться и къ членамъ синода, высокопреосвященнѣйшимъ митрополитамъ с.-петербургскому и московскому, и какъ сей послѣдній имѣлъ тогда пребываніе по близости Тверскаго подворья, а именно, на томъ же Васильевскомъ островѣ, на подворьѣ Ярославскомъ, и притомъ чрезъ письма уже мнѣ и знакомъ былъ, того ради прежде къ нему я сходилъ. Благодареніе Богу, принятъ я былъ отъ его высокопреосвященства благосклонно и кротко. При довольномъ разговорѣ, разсужденіе его состояло наипаче о томъ: какъ я самозванъ на великое дѣло Христово рѣшился?

Отвѣтъ же мой состоялъ по Господѣ, что сильное внутреннее побужденіе Духа Господня, на основаніи вѣчнаго закона святѣйшія любви Его, по явственному, твердому и непреложному слову Святаго Евангелія и всего божественнаго писанія Его, въ предпріятіи моемъ, и во всѣхъ стезяхъ моихъ имѣлъ я закономъ предъ Богомъ, и оное мною управляло. Чему онъ нимало не противорѣча, подтвердилъ меня быть невѣстою царствія Христова. Когда же я просилъ его высокопреосвященство, чтобъ онъ былъ мнѣ по Христѣ наставникомъ и руководителемъ въ томъ важномъ и великомъ дѣлѣ Божіемъ, на которое я одною любовію подвигнулся, не имѣя довольныхъ опытовъ, каковыми они, находясь во великомъ свѣтѣ, безъ сомнѣнія обильны и богаты, то онъ отвѣтствовалъ, что, напротивъ того, въ великомъ свѣтѣ они весьма разсѣяны, и онъ не можетъ касаться таковаго святаго дѣла, которое требуетъ великаго во Христѣ уединенія и потому какъ до нынѣ въ трудѣ моемъ предъ Богомъ не имѣлъ я ни единаго наставника, а только однимъ Духомъ Господнимъ управлялся, такъ и впредь продолжать мнѣ службу мою Христу Богу, при одномъ Его тайномъ небесномъ управленіи и руководствѣ, онъ совѣтуетъ; а они, члены синода, далѣе онъ говорилъ, ожидать будутъ повелѣнія Государева, какъ его Господь наставитъ по сему дѣлу Божію поступить и что предпринять. И такъ я отпущенъ былъ отъ его высокопреосвященства. Потомъ 23-го числа уже

іюня мѣсяца, прислано было за мною отъ с.-петербургскаго митрополита Серафима, изъ Александро-Невскія лавры, гдѣ онъ пребываетъ, къ которому когда я явился, то рѣчь его наиболѣе склонялась только къ обращенію къ православной церквѣ велико-россійскихъ раскольниковъ; и къ сему, видно, одному онъ намѣренъ былъ даже меня употребить. Но какъ мое дѣло по Богѣ несравненно бо̀льшее и неограниченно пространнѣйшее было по дарованію и особенному строенію Божію, то и старался я съ Божіею помощію убѣдить его высокопреосвященство, дабы воспользоваться во славу Божію, по долгу нашему предъ Нимъ, великоважнѣйшимъ настоящимъ временемъ, въ которое десница Господня изліяла преизобильную благодать свою къ просвѣщенію всего остатка народовъ, еще въ невѣріи погибающихъ, и сблизила, чрезъ священныя дѣйствія Библейскихъ Обществъ, всѣ разномыслящіе христіанскіе народы къ возвращенію въ первое Святое Христово единомысліе и совершенное единство; особливо при счастливомъ и богопрославленномъ царствованіи благочестивѣйшаго Императора нашего, Александра I-го, коего десница Господня превозвысила нынѣ надъ всѣми царствами и народами, и который по особеннѣйшему Христолюбію своему, желаетъ споспѣшествовать великимъ онымъ дѣламъ просвѣщенія и царствія Христова въ мірѣ, къ коимъ православная церковь его всячески и всеконечно обязана. Сею рѣчью моею его высокопреосвященство, будучи убѣжденъ, воставъ, благословилъ и утвердилъ меня именемъ Господнимъ, чтобы помощію и содѣйствіемъ небесныя благодати Его ко славѣ Божіей Его, въ трудѣ моемъ предъ Нимъ мнѣ преуспѣвать. И съ симъ драгимъ для меня благословеніемъ его я отошелъ отъ него.

Глава VIII.

По семъ разсуждая на единѣ, что съ великимъ симъ дѣломъ Божіимъ я остаюсь единъ предъ Богомъ и не нахожу здѣсь никого кто бы мнѣ единодушно и съ совершенною рѣшительностію по Христѣ въ ономъ содѣйствовать и споспѣшествовать желалъ; я же съ моей стороны самъ на себя никогда не полагался, и не думалъ одинъ дѣйствовать, того ради, дабы въ чемъ либо по слабости человѣческой не преткнуться и не потерпѣть какого либо искушенія отъ лукаваго и тайнаго и извѣстнаго нашего супостата, рѣшился я предложить министру князю Голицыну, чтобы онъ доложилъ Государю Императору о томъ, что у меня есть по Духу Христову другъ въ Подольской губерніи, Ямпольскаго уѣзда, мѣстечка Томашполя, Свято-Троицкой

церкви заштатный священникъ Ѳеодоръ Лисѣвичъ, который, ведя истинно духовную жизнь и всегда утверждая меня въ моихъ трудахъ и подвигахъ предъ Богомъ, учинилъ обѣщаніе по Христѣ, когда бы надобность и польза дѣла моего потребовала, на содѣйствіе и споспѣшествованіе оному по Богѣ себя посвятить, и того ради не будетъ ли благоволеніе Государя, чтобы реченнаго священника въ помощь мнѣ сюда вызвать. И когда отъ князя о семъ доложено было, то, благодареніе Богу, Государь на сіе охотно соизволилъ, и за повелѣніемъ Его Величества, немедленно отъ его сіятельства послано было требованіе къ Подольскому архіепископу, объ отправкѣ помянутаго священника въ С.-Петербургъ, съ выдачею ему паспорта и на путь 600 рублей денегъ.

Глава IX.

Въ скоромъ времени по семъ Его Величество Государь Императоръ, по обычаю своему, выѣхалъ посѣщать имперію, а его высокопреосвященство Іона, архіепископъ Тверской и Кашинскій, также отправился посѣтить свою епархію, оставивъ меня единаго въ своихъ пространныхъ келіяхъ на все лѣто, и давъ мнѣ дозволеніе, сколько только пожелаю, служить въ домовой его архіерейской церквѣ. Въ сіе время посредѣ столицы, благодареніе Богу, я нашелъ себя въ совершенномъ уединеніи, весьма подобно, какъ на прежнемъ моемъ мѣстопребываніи, въ уѣздномъ городѣ Балтѣ; посредѣ міра Господь такъ ограждалъ меня своею десницею, что такъ свободно и невозбранно могъ я недостойный служить великому слову царствія Его, какъ бы посредѣ нѣкоей великой и безпредѣльной пустыни: отъ чего всѣ духовныя посланія и труды мои тамо о Господѣ и подписывалъ всегда: «изъ пустыни провидѣнія Божія», подобно же во славу началъ я творить и здѣсь. Сверхъ того я нашелъ себя въ дивной и неограниченной свободѣ, во первыхъ, писать Государю Императору, по его соизволенію, все то, что только прежде когда либо Господь подавалъ мнѣ на мысль и сердце, въ пользу страждущаго человѣчества и исправленія церкви нашей православной предъ Богомъ; а во вторыхъ, свидѣтельствовать тамо при Богослуженіи въ церквѣ Божіей собирающемуся народу о приближившемся судѣ и царствіи Божіемъ. Ибо, разсуждалъ я, что когда возвратятся Государь въ столицу, а архіепископъ въ домъ свой и къ церквѣ своей, тогда не буду я имѣть таковой неограниченной по Христѣ свободы. И такъ, пользуясь прежде всего таковымъ дивнымъ строеніемъ промысла Божія, три или че-

тыре краты, во время святой литургіи, воскрестные или праздничные случившіеся дни, устнымъ словомъ моимъ, о имени Іисусъ Христовѣ, дерзнулъ убогій рабъ Его, возвѣщать вѣрнымъ въ церквѣ, что время суда Божія весьма приближилось, что знаменія пророческія и апокалипсическія исполнились и нынѣ явственно исполняются, что самая моя служба есть не мое дѣло, но особенное строеніе провидѣнія Господня, спасенія человѣческаго ищущаго, и потому обращались бы всѣ къ покаянію и къ принесенію Христу Богу плодовъ, достойныхъ святаго царствія Его, и, вспомнивъ великія и страшныя казни Божія въ недавнее время весь міръ поражавшія, старались бы отвращать отъ себя нынѣ на насъ правосудіемъ Божіимъ за многіе грѣхи и злобы и беззаконія наши пріити уготовавшіяся, исправляя бывшія доселѣ злобы свои противодойстойными предъ Богомъ святыми добродѣтелями. По семъ, призвавъ сильную руку Вышняго въ помощь моему ничтожеству, началъ я писать на имя благочестивѣйшаго Государя Александра Благословеннаго и высочайшаго совѣта его, свидѣтельство Іисусъ Христово, въ которомъ статьями помѣщалъ все то, что только зналъ въ нашемъ отечествѣ и православной нашей церквѣ – требующее предъ судомъ Божіимъ подобающаго своего исправленія или совершенія, всякіе пороки, всякое извѣстное извращеніе въ судахъ и въ народѣ, или вообще противъ Евангельскаго духа и строгости общіе наши недостатки, неправоты и великія несовершенства; особливо же страшное и нестерпимое притѣсненіе, угнетеніе и насиліе помѣщиками и посессорами, въ польскихъ губерніяхъ, неповинному русскому народу причиняемое, утверждая, что оно одно сильно навести на наше царство скоро живый судъ Божій, и что не могутъ прекратиться праведныя на насъ посѣщенія Его, пока сіе одно, весьма тяжкое противоестественное и на небо вопіющее зло въ нашемъ отечествѣ подобающими средствами не прекратится. Къ чему присовокупилъ я подобную же статью и о новоустрояемыхъ, въ извѣстныхъ губерніяхъ, военныхъ поселеніяхъ: что отъ оныхъ не пользы, но вреда и раззоренія царству необходимо ожидать должно. И наконецъ, воспоминая о тѣхъ великихъ дѣлахъ просвѣщенія Христова во вселенной, коихъ благопріятнѣйшее настоящее время отъ церкви Христовой для прочихъ народовъ требуетъ, и которое въ прежнихъ книгахъ моихъ во имя Христово помѣщены и представлены, весьма крѣпко утверждалъ я именемъ Господнимъ, что судъ Божій належитъ намъ, и не знаемъ дня и часа, когда посѣтитъ насъ; и того ради, что имѣемъ доброе предъ Богомъ сотворить, да тщимся помощію Его исполнить нынѣ, не отлагая на утріе: ибо не вѣдаемъ, что утренній день намъ породитъ или при-

несетъ. Свидѣтельство сіе Іисусъ Христово приготовлено и чисто переписано было мною, дарованіемъ Божіимъ, къ празднику Преображенія Господня, и въ самый оный праздникъ Государю Императору лично мною подано.

Глава X.

Въ послѣдствіе сего, когда оное свидѣтельство, на свободныхъ часахъ, Государю прочтено было, то чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицына, извѣстился я, что благочестивый Государь все, въ ономъ изложенное, за благо принимая, негодовалъ только, что я коснулся военныхъ поселеній, и изъявляя усердіе свое споспѣшествовать всему оному, извинялся по прежнему, что онъ не видитъ такихъ духовныхъ людей, ниже благонадежныхъ средствъ, коими можно бы было великоважныя оныя дѣла Божіи въ развращенномъ семъ мірѣ предпринять, исправить и совершить. Таковой отвѣтъ Государевъ заставилъ меня, съ помощію всемогущаго Бога, предпринять написать новую книгу, тѣмъ же званіемъ свидѣтельства Іисуса Христова, собственно о средствахъ и таковыхъ лицахъ, кои по вѣрѣ Божіей въ отечествѣ нашемъ удобно и съ совершеннымъ достаткомъ обрѣсти можно, не привязывая себя токмо къ однимъ наружнымъ формамъ, ниже подчиняя себя однимъ токмо внѣшнимъ законамъ и обычаямъ, ниже дѣлая излишнее снисхожденіе извѣстной злобѣ человѣческой, противодѣйствующей дѣламъ Божіимъ, но все побѣждая вѣрою и премудростію и добродѣтелью Христовою; а особливо не у однихъ ученыхъ и сильныхъ ища служителей дѣла Христова, но паче и между простыми и убогими, исполненными особаго просвѣщенія и божественной благодати Его. Поелику вѣра имѣетъ свою небесную свободу и небесное просвѣщеніе и силу, и въ нищихъ и немощныхъ паче благоволитъ, нежели въ сильныхъ и богатыхъ и премудрыхъ вѣка сего. О нынѣшнемъ же просвѣщеніи и обученіи юношества написана была мною о Господѣ особая довольно пространная глава, что хотя оное почитается по наружности якобы совершеннымъ, но, напротивъ того, сообразуясь собственно съ ученіемъ Евангелія Христова, оное весьма недостаточно и несовершенно, не только въ обыкновенныхъ мірскихъ училищахъ, но и въ самыхъ духовныхъ семинаріяхъ; въ настоящее же время, въ которое вообще всѣмъ вѣрнымъ должно весьма нудить себя въ царствіе Божіе, что и въ общихъ людскихъ училищахъ должно весьма усилить чистое Евангельское ученіе; а что касается духовныхъ

семинарій, то въ оныхъ таковое должно быть совершенно и отъ свѣтскаго ученія весьма очищено; все же сіе, равно какъ и въ прежней книгѣ, запечатлѣлъ я тѣмъ, что судъ Божій поистинѣ весьма належитъ намъ, что очень блаженны мы будемъ, сколько потщимся во славу Божію, въ пользу вѣрныхъ и всего человѣчества рѣшительно и неотложно, сколько десница Вышняго намъ поможетъ и подастъ воздѣйствовать и сотворить. Инакоже противъ оплошности, медленности и нерѣшимости нашей, извѣстный тайный вселукавый врагъ не преминетъ воздвигнуть бури своихъ злобныхъ искушеній, и благія предпріятія наши о Христѣ разрушить и совершенно насъ предъ Богомъ посрамить.

Сія книга окончена и подана мною къ Государю чрезъ руки князя А. Н. Голицына уже въ наступившемъ 1824 году.

Глава XI.

Особенный нѣкій Божій промыселъ былъ, что по вытребованіи меня въ сѣверную сію столицу, какъ будто нарочно, чтобъ потомъ на югѣ, вблизи прежняго моего пребыванія и службы, показать достовѣрныхъ свидѣтелей настоящаго моего предъ Богомъ здѣсь подвига и труда — вызванъ былъ, по особенному повелѣнію императорскому, для засѣданія тамо членомъ въ синодѣ, преосвященнѣйшій Димитрій, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій. Онъ прибылъ въ градъ святаго Петра, въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1823 года, и помѣщенъ былъ на Ярославскомъ подворьѣ (откуда выбылъ въ Москву преосвященнѣйшій Филаретъ, тамошній архіепископъ, а потомъ митрополитъ). По близости сего подворья къ Тверскому, преосвященный Димитрій нерѣдко бывалъ у преосвященнаго Іоны Тверскаго; при чемъ и меня, слава Богу, въ келіи моей удостоивалъ своего посѣщенія и благословенія, и ему все дѣло мое было извѣстно. Съ нимъ были прибывшіе въ свитѣ его, два іеромонаха и одинъ іеродіаконъ, по имени Паисій, мужъ ангельскаго, младенческаго, незлобиваго нрава и къ службѣ Христовой весьма ревностный, произведенный потомъ во іеромонаха, который также, да будетъ хвала Господеви, удостоилъ меня особенной своей по Христѣ любви, и по обратномъ обоихъ насъ на югъ возвращеніи изъ Кишинева ко мнѣ въ г. Балту писывалъ. Таковымъ же особеннымъ промысломъ Вышняго, для особенной хвалы великаго дѣла царствія своего во всѣхъ концахъ пространной Россіи, въ слѣдъ за преосвященнымъ Димитріемъ, прибыли туда въ С.-Петербургъ, вытребованные на чреду во

епископовъ, знакомые мнѣ архимандриты, сперва изъ Каменца Подольскаго, Георгій, бывшій мнѣ и учителемъ, а потомъ изъ Кишинева отецъ Ириней, мужъ достохвальный и весьма благоподвижный предъ Богомъ; изъ коихъ первый, слѣдующаго года, произведенъ былъ въ епископа Полтавскаго, а другой за нимъ, по нѣкоемъ времени, также во епископа Пензенскаго и Саратовскаго: которые оба подобно же удостоивали меня своего посѣщенія и любви и по Христѣ благословенія. Наконецъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, 14-го числа, въ день преподобныя матери нашея Параскевы, самаго священнаго ангела моей таинственной во Христѣ невѣсты, повелѣніемъ судебъ Вышняго прибылъ ко мнѣ сотрудникъ мой, изъ Подольской губерніи, мѣстечка Томашполя, священникъ Ѳеодоръ Лисѣвичъ, который, по отношенію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія къ тамошнему архіепископу Ксенофонту, получивши себѣ тамо на путь паспортъ и деньги, но не бывъ предваренъ, на какой именно конецъ и дѣло въ С.-Петербургъ требуется, долго колебался съ мыслями, и по старости лѣтъ своихъ хотѣлъ было просить себѣ отъ весьма дальняго пути сего увольненія, особливо смущаемъ плачемъ дѣтей, о разлученіи съ нимъ скорбящихъ; чего ради приготовилъ было о семъ и прошеніе, которое хотѣлъ подать лично Государю Императору, осматривавшему тогда въ сей губерніи подлѣ города Тульчина собранные полки; но тутъ уже въ лагеряхъ, отъ нѣкіихъ благоразумныхъ офицеровъ былъ разсовѣтованъ, и благодатію Божіею отложивъ плотскую скорбь и плохость, принялъ дерзновеніе и охоту исполнить, во гласѣ Государя, званіе Вышняго, и отправиться на неизвѣстную ему еще службу Христову въ столицу Россіи, въ которую когда помощію Божіею прибылъ благополучно, но не зная куда здѣсь обратиться, не имѣвъ о томъ никакого наставленія, обратился въ Александро-Невскую лавру, гдѣ пребываніе С.-Петербургскаго и Новгородскаго митрополита, и здѣсь разспросивъ обо мнѣ и узнавъ благополучное нахожденіе мое на Васильевскомъ островѣ на подворьѣ Тверскаго архіепископа, немедленно прибылъ ко мнѣ, и засталъ меня на молитвѣ предъ принятіемъ святаго хлѣба Христова. Весьма обрадовавшись о взаимномъ нашемъ свиданіи, и по краткомъ объясненіи съ его стороны своего путешествія, а съ моей—того, что собственно по моему желанію, повелѣніемъ Государя вытребованъ онъ, для содѣйствія мнѣ немощному и единому въ великомъ дѣлѣ Царствія Христова, какъ онъ предъ Богомъ и обѣщаніе свое прежде мнѣ учинилъ; и наконецъ сказавъ ему, на какой молитвѣ онъ меня засталъ, и объяснивъ таинственное въ простотѣ принятіе небеснаго хлѣба Господня, въ служеніи дѣлу царствія Его для насъ необходимое, обра-

тились мы вмѣстѣ на сію святѣйшую молитву, и помолясь довольно, заключили между собою священнѣйшій во Христѣ союзъ, дабы совокупно Господеви въ великомъ дѣлѣ Его здѣсь намъ работать, и сей союзъ пріятіемъ Божественнаго хлѣба Его совершенно и единодушно запечатлѣли. По семъ донесъ я о прибытіи его архіепископу Іонѣ, отъ посѣщенія епархіи своей уже возвратившемуся; а сей немедленно извѣстилъ о семъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицына, который по своей кротости и добродушію и благоговѣнію къ Христу Богу и священнымъ служителямъ Его, самъ изволилъ прибыть на другой день къ его высокопреосвященству, дабы увидѣть новоприбывшаго моего по Христѣ сотрудника, и объявилъ, что въ удобное время онъ донесетъ о прибытіи его Государю Императору и когда назначенъ будетъ отъ его величества срокъ и часъ, онъ къ лицу его явиться долженъ будетъ. Сей срокъ и часъ, строеніемъ судебъ Божіихъ, не скорѣе поспѣлъ какъ 18-го числа къ 19-му мѣсяца декабря, въ вечеръ, въ который вдругъ прислано было за нимъ; и когда онъ явился къ Его Величеству, то, по довольной весьма кроткой и Христолюбивой бесѣдѣ, разспросивъ о всей его жизни и трудахъ о Христѣ, равно какъ и о союзѣ со мною въ великомъ словѣ царствія Іисуса Христова, и пожалѣвъ, что онъ не мало времени пропустилъ доселѣ, несодѣйствуя еще мнѣ совершенно, повелѣлъ и утвердилъ его, чтобъ отнынѣ онъ мнѣ въ славу Божію въ священныхъ трудахъ моихъ во всемъ по Христѣ помоществовалъ, а наипаче бы молитвою о всеобщемъ спасеніи міра споспѣшествовалъ. По отпущеніи его отъ Государя и прибытіи паки ко мнѣ, благодаря Бога о таковомъ небесномъ строеніи Его, въ ознаменованіе, что сія служба и дѣло наше не есть дѣло насъ убогихъ и немощныхъ рабовъ Его, но собственно Божественныя десницы Его, положили мы предъ Богомъ, чтобъ отселѣ, вмѣсто Ѳеодора принялъ онъ имя Григорія: на память того 19-го числа, въ который день святителя Григорія Омиритскаго чудотворца, и чтобы симъ именемъ на бумагахъ трудовъ моихъ по Христѣ онъ сотрудникомъ моимъ подписывался: такъ какъ и я въ великомъ семъ дѣлѣ Божіемъ, отложивъ, во славу Божію, обыкновенное мое имя и званіе, свидѣтелемъ вѣчнаго Евангелія Божія—Ѳеодоромъ писался, какъ сіе и выше упомянуто. Такимъ образомъ, дивнымъ строеніемъ провидѣнія Вышняго, совершились мы оба, грѣшные и недостойные рабы Его, формальными свидѣтелями приближившагося суда и царствія Его, знаменія даже пророческаго откровенія святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова (Апокал. гл. II), на себѣ во всемъ имѣющими, въ виду всего обширнѣйшаго и пространнѣйшаго и славнѣй-

шаго православнаго царства всея Россіи, при торжественномъ благословеніи и благоговѣйнѣйшихъ молитвахъ всей церкви вѣрныхъ и избранныхъ Іисуса Христа, вѣчнаго Царя и Господа нашего, къ совершенію предвѣчнаго опредѣленія неиспытанныхъ судебъ дивнаго, праведнаго и пресвятаго царствія Его на земли!

Глава XII.

Живя въ одной келіи съ сотрудникомъ моимъ, по строжайшимъ правиламъ Евангельскимъ, дабы не посрамить великаго и всепоклоняемаго имени Божія, коему служить возжелали, имѣли мы одну пищу и одно дѣло; и отрекшись, Господа ради, отъ предложенныхъ намъ архіерейскаго стола и отъ Государя одежды, питались мы почти однимъ хлѣбомъ и елеемъ, не отрекались только отъ приносимаго намъ питія чаю, и довольствуясь собственными своими простыми и старыми одеждами. Занятіе наше было, по большей части, чтеніе приличныхъ намъ священныхъ книгъ, особливо великоважному труду нашему предъ Богомъ соотвѣтствующихъ, каковыя были: Сіонскій вѣстникъ, Толкованіе Апокалипсиса свидѣтеля Христова Германскаго, Генриха Штиллинга, и его же Тоска по отчизнѣ и Угрозъ свѣто-востока; также особеннымъ моимъ занятіемъ на французскомъ языкѣ была одна весьма таинственная и глубокомысленная книга, подъ названіемъ: l'homme d'Esprit, то есть человѣкъ духовный; и другія также другаго нѣкоего изъ избранныхъ Христова свидѣтеля о приближившемся судѣ и царствіи Христовомъ, ясное, твердое и изобильное изложеніе всѣхъ древнихъ пророчествъ въ себѣ содержащія; каковыя всѣ книги доставляемы были намъ отъ архіепископа Іоны и князя Александра Николаевича Голицына, и въ коихъ, особенно же въ Тоскѣ по отчизнѣ и О человѣкѣ духовномъ (l'homme d'Esprit) дивныя находилъ я грѣшный пророчества, собственно настоящую службу нашу предъ Богомъ въ совершенной точности описывающія и предсказывающія, и настоящія даже въ семъ дѣлѣ Христовомъ имена наши прямо полагающія. Первѣйшее же и главнѣйшее совокупное занятіе наше и трудъ предъ Богомъ, въ тайнѣ предъ лицемъ Его, въ уединенной келіи нашей, была постоянная и предовольная ежедневная молитва къ Господу Богу, при чтеніи Священныхъ Псалмовъ и другихъ церковныхъ нашихъ молитвословій, также повседневное чтеніе со слезами священнѣйшихъ пѣсней невѣсты царствія Христова, обѣихъ тетрадей, благодатію Его, мнѣ недостойному даровавшихся; а во всѣ воскресные и праздничные дни всегда читана

была нами, попеременно по статьямъ, и великая оная и пространнѣйшая молитва, неограниченно о просвѣщеніи и спасеніи всего рода человѣческаго и исполненіи царствія Христова ходатайствующая. Сверхъ того, когда помощію Божіею написана и подана была, за общимъ уже нашимъ подписомъ, въ наступившемъ 1824 году, другая книга свидѣтельства Іисуса Христова на имя благочестивѣйшаго Государя и высочайшаго совѣта избранныхъ Христовыхъ, о коей выше упомянуто, тогда я началъ во славу Божію исправлять и сокращать весьма пространное разсмотрѣніе Божественнаго Писанія, еще на мѣстѣ прежняго моего пребыванія въ городѣ Балтѣ, дарованіемъ Божіимъ, написанное, о необходимости и неотрицаемомъ долгѣ Церкви вѣрныхъ предъ Богомъ, въ такъ благопріятное время, каково настоящее, о просвѣщеніи всѣхъ остальныхъ языковъ и возваніи всѣхъ Христіанскихъ племенъ ко Святому единомыслію, прилагать всевозможное свое попеченіе и тщаніе. Таковое сокращеніе мое онаго Слова Божія, мнѣ недостойному даровавшагося, сотрудникъ мой отецъ Ѳеодоръ, благодареніе Богу, очень охотно своею рукой переписывалъ; и въ двухъ книгахъ, слѣдующаго лѣта, за общимъ нашимъ подписомъ оное, чрезъ руки князя Голицына, Государю Императору мною подано.

Глава XIII.

При такомъ благополучнѣйшемъ теченіи сего дѣла Божія, Богу не было угодно, чтобы оное осталось безъ искушенія врага сопротивнаго, противъ святыхъ дѣлъ Царствія Христова всегда въ мірѣ семъ противовоюющаго, но какъ Самъ Господь—Богъ Слово, родившись древле во плоти и явившись міру, наконецъ изволилъ, якоже подобало по Писаніямъ, пріяти крестное страданіе и смерть и погребеніе, а по семъ уже явити вѣрнымъ славное божественное воскресеніе свое, и вознесеніе, и Духа Святаго сошествіе, и чрезъ апостоловъ всего міра просвѣщеніе: такъ и нынѣ великое и живое сіе Слово Царствія Іисусъ Христова, въ крѣпости вѣры Божія и любви ко всему роду человѣческому, отъ Святыя Невѣсты Царствія Его, (по Апокал., гл. 12, жены, облеченныя въ солнце), неизреченными и неописанными болѣзнями тайно на землѣ рождаемое, и торжественно міру, силою Божіею и небеснымъ промышленіемъ Его являемое: какъ сіе все выше въ кратцѣ прописано и показано, наконецъ, когда приходило уже оно къ своему совершенію, Богу угодно было попустить врагу сопротивному, древнему оному змію, (по Апокал., гл. 12, предъ женою стоящему, и поглотити рожденіе ея хотящему, воздвиг-

нуть на нее сильное гоненіе, и какъ бы рѣку воды на потопленіе ея изъ устъ своихъ испустить. . . . .

. . . .

Тако когда свидѣтельство сіе Іисусъ Христово, какъ выше прописано, приходило къ своему концу и совершенію, еще съ Марта мѣсяца 1824 года, извѣстный вселукавый врагъ началъ уже Божіимъ попущеніемъ, противъ онаго воздвигать жестокую своея злобы бурю. Не дано же сему змію учинить ни малѣйшаго насилія ниже вреда оному Слову Божію, которое, какъ во откровеніи Іоанновѣ сказано, восхищено къ Богу и Престолу Его, и которое отъ начала своего даже до нынѣ въ чудномъ покровѣ небесномъ совершенно неприкосновенно и неприступно для злобы зміиной пребываетъ; но попущено ему токмо гоненіе на жену, родившее оное, то есть на священныхъ служителей Его. И съ начала вселукавый врагъ успѣлъ было даже всѣять вражду между мною и сотрудникомъ моимъ и около двухъ недѣль стоило мнѣ это жестокаго душевнаго страданія и болѣзни, пока Господь низложилъ врага и сокрушилъ сатану подъ ноги вѣрныхъ рабовъ своихъ, даровавъ намъ первый святѣйшій свой миръ. Не успѣвъ же въ семъ, врагъ безпокоилъ насъ по семъ разными тѣлесными недугами. Но и симъ какъ очень малымъ, весьма недовольствуясь, воздвигнулъ онъ сильнѣйшую брань противъ крѣпчайшихъ святѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ Святыя Церкви столповъ, которые великому нашему Слову Царствія Божія послужить хотѣли и совершенно готовы были. Это явилась партія изъ ненавистнаго для всей Россіи, но при дворѣ весьма сильнаго человѣка, давняго врага князю Голицыну, начальника военныхъ поселеній графа Аракчеева и архимандрита Фотія, чрезъ безмѣрную преданность къ нему первой штатсъ-дамы, графини Орловой и ея несмѣтныя богатства, безмѣрно тогда при дворѣ возвысившагося и паче мѣры, на соблазнъ всѣмъ во всякихъ дѣлахъ распространившагося и весьма странно дѣйствовавшаго; къ коимъ, къ несчастію, присоединился, по слабости человѣческой, и С. Петербургскій митрополитъ Серафимъ. Они въ существѣ сего дѣла Божія не зная, не читавъ онаго и не видѣвъ, а только нѣчто слухомъ объ ономъ увѣдавъ, по давней злобѣ къ князю Голицыну и зависти къ архіепископамъ Московскому Филарету и Тверскому Іонѣ, сложили въ мысляхъ своихъ, по наущенію самаго исконнаго клеветника діавола, противъ нихъ ужасную клевету, якобы они сообщники и даже начальники зловредныхъ массоновъ, и хотятъ испровергнуть въ Россіи православную вѣру и царствующій престолъ, покровительствуя иностранныхъ и всѣхъ иновѣрцевъ, и дая имъ сверхмѣрное въ Россіи

распространеніе и силу. Наипаче же сія клевета относилась къ князю Голицыну, яко министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и предсѣдателю библейскаго въ Россіи общества, якобы его попущеніемъ и покровительствомъ множество иностранныхъ, для отечества нашего очень вредныхъ, книгъ переведено и напечатано; а даже и всѣ дѣйствія и ревность библейскаго общества и разсылка повсюду на всѣхъ нарѣчіяхъ священныхъ библій, якобы также со злымъ умысломъ, не для пользы, но для развращенія народа производится. Съ таковою ужасною сатанинскою клеветою, въ слѣпой ревности якобы ко благу церкви и царскаго престола, они предстали предъ лице кротчайшаго Государя, Александра Благословеннаго, и изливъ всезлобный ядъ свой въ его сердце, возмутили и отравили его душу такъ, что онъ для совершеннаго успокоенія ихъ и потушенія пламени адскія злобы, въ нихъ возгорѣвшей, повелѣлъ князю Голицыну сложить съ себя министерство, а дѣла онаго передать въ руки графу Аракчееву, также предсѣдательство Библейскаго Общества уступить С. Петербургскому митрополиту Серафиму. Тутъ вдругъ, увы! неописанная перемѣна во всѣхъ дѣлахъ послѣдовала! Какъ среди полудня затмѣвается солнце и все обращается во тьму, или какъ жесточайшею бурею все превращается, такъ всѣ, наилучшія благополезнѣйшія и богоугоднѣйшія дѣла князя Голицына отъ враговъ были опорочены и помрачены. Прекраснѣйшіе и самые душеполезнѣйшіе переводы иностранныхъ книгъ почти всѣ по всей имперіи велѣно опечатать: самое даже печатаніе библій остановилось, и болѣе уже невозстановлялось!.. Сіе тяжкое зло, истинное распятіе и умерщвленіе Христа Бога-Слова во святомъ Словѣ Его и въ неповинныхъ членахъ Его составляющее, не могло оставаться долго безъ особеннаго мщенія небеснаго и праведной казни недремлющаго суда Божія. Сіе въ душѣ моей весьма сильно чувствуя, и не видя уже ничего того, чтобъ священный трудъ мой и дѣло Христово, по обѣщанію Государеву впредь могли имѣть здѣсь во славу Божію нѣкое свое дѣйствіе—я просилъ отпущенія отсюда на прежнее мое мѣсто въ Подольскую губернію. Государь Императоръ, по обыкновенію своему, какъ всякое лѣто, такъ и въ настоящее выѣзжая посѣщать имперію, объявилъ, что по возвращеніи своемъ онъ обо мнѣ учинитъ разсмотрѣніе и дастъ резолюцію. Но гнѣвъ Божій уже готовился и ярость праведнаго суда Его скоро приближалась!.. Едва возвратился Государь въ столицу, что было Ноября 4-го, вдругъ на третій день, 7-го числа, въ пятницу, страшный ударъ Божій поражаетъ великій сей градъ и всѣхъ живущихъ въ ономъ. Ужасное и необыкновенное наводненіе потопляетъ его. Тутъ многія тысячи народа смертію по-

страдали, а убытки и разореніе града были неисчислимы и неописанны. Не одна же только сія столица въ сіе время такъ пострадала: ибо тогда истинно силы небесныя подвиглися и въ ярости суда Божія подвигнули весь западный океанъ, коимъ подтоплены были всѣ приморскіе западныхъ царствъ столицы и города; описаніями разоренія коихъ наполнены были всѣ вѣдомости публичныя сего и наступающаго года; сверхъ чего и восточныя страны сокрушены были еще великимъ землетрясеніемъ... Поелику же люди и народы и толикаго гнѣва Божія не почувствовали, и грѣховъ и беззаконій своихъ непознали и къ покаянію вовсе необратились, то оный годъ, увы! содѣлался началомъ, отъ коего на всѣ наступающіе годы новыя и разнородныя и страшнѣйшія казни, седмъ чашъ гнѣва Божія составляющія, правосудіемъ Божіимъ для нечестиваго сего міра излиться уготовились.

Глава XIV.

При дѣйствіи толико явнаго и страшнаго гнѣва Божія, многія тысячи народа погубившаго, поелику не видно было со стороны правительства, ни духовнаго, ни свѣтскаго, ни малаго движенія къ покаянію и къ познанію золъ своихъ и исправленію предъ Богомъ, и потому весьма пасмурный образъ неба на другой день свидѣтельствовалъ и возвѣщалъ видимо и напередъ продолженіе того же смертоноснаго надъ міромъ гнѣва небеснаго: того ради я грѣшный и недостойный рабъ Его, неограниченно служить божественной правдѣ царствія Его, благодатію Его, себя посвятившій, непремѣннымъ долгомъ и обязанностію себѣ предъ Богомъ поставилъ, въ наступившій воскресный день засвидѣтельствовать въ церквѣ народу устнымъ моимъ словомъ, что страшное оное наводненіе, не простое и слѣпое натуры дѣйствіе было, но собственно ударъ праведнаго суда Божія, воздающаго намъ по дѣламъ нашимъ: какъ сіе прошедшаго года, благодатію Божіею, нехотящею смерти грѣшныхъ, но обращенія и покаянія ихъ ищущаго, даже неоднократно мною же убогимъ рабомъ Его весьма чувствительно въ семъ храмѣ предвозвѣщено, и самому правительству о имени Господни необинуясь представленно было; но къ несчастію, вмѣсто святыхъ плодовъ покаянія и благаго исправленія, какіе и торжественно Богу обѣщаны были, напослѣдокъ явились въ семъ градѣ плоды совсѣмъ противные, смертоностною и убійственною злобою противъ первѣйшихъ извѣстныхъ свѣтильниковъ церкви Божія, а въ лицѣ ихъ и противъ самаго Христа Господа исполненные, и великую злобу самаго діавола противъ невѣсты царствія Божія, откровеніемъ святаго апостола Іоанна Богослова предсказанную, по

коей змій оный, аки рѣку, воду въ слѣдъ жены облеченныя въ солнце изъ устъ своихъ пустилъ, дабы въ оной ее потопить, явившіе, чего ради праведный судъ Божій и потопнымъ симъ наводненіемъ несчастный и беззаконный сей міръ наказалъ. И заключилъ я слово сіе тѣмъ свидѣтельствомъ о имени Господни, чтобы христіане восчувствовали таковый праведный гнѣвъ Божій, и потщились принести Всевышнему искреннее покаяніе и исправленіе свое, каковаго требуетъ отъ всѣхъ вѣчная правда и приблизившееся царствіе Его; и чтобы другъ другу, человѣкъ человѣку, христіанинъ христіанину, градъ граду, и страна странѣ по любви къ ближнему сіе свидѣтельствовали и возвѣщали, необинуясь и не умолкая: поелику не будетъ конца на семъ единомъ посѣщеніи Божіимъ, по ясному свидѣтельству Святаго Духа и божественнаго слова Его, но не прекратятся божественныя наказанія Его сему растлѣнному міру, доколѣ не упразднится царство злобы вѣка сего, а въ немъ владычество и самаго вселукаваго и всезлобнаго діавола, а воцарится, яко же подобаетъ, единъ Іисусъ Христосъ, вѣчный царь и владыка міра, и съ нимъ божественная правда и истина Его на всей земли, по предвѣчному опредѣленію судебъ Превѣчнаго Отца.... Когда же рѣшился я на сіе слово и на сію проповѣдь Господню, тогда уготовился по вѣрѣ Божіей претерпѣть и понести за оное все то отъ лукаваго міра сего и растлѣннаго, чтобы угодно было Вышнему, царствія ради Его святаго, хотя и льстилъ себя еще надеждою особеннаго благочестія и добродушія Государева. Но врагъ въ сіе время еще торжествовалъ; гнѣвъ Божій не былъ укрощенъ; міръ не хотѣлъ онаго познать и восчувствовать; и еще подобало по писанію (Апокал. гл. 12) продолжиться крестному страданію и странствію невѣсты царствія Христова собственно въ пустынѣ, особеннымъ промысломъ Его предопредѣленной, таинственное время времена и полъ времени, пока свирѣпствованіе змія—губителя на земли, по суду Божію продолжиться имѣло. Такимъ образомъ, когда послѣ означенной проповѣди моей, ожидалъ я необходимо нѣкоего важнѣйшаго послѣдствія, то есть, или перелома торжествовавшей злобы, или себѣ отъ оной нѣкоего непощаднаго осужденія, и въ таковыхъ мысляхъ и чувствахъ приготовлялъ многія письма къ своимъ роднымъ и друзьямъ, рѣшительно свидѣтельствуя дѣйствующій судъ Божій надъ землею, и мою готовность за сіе слово Божіе положить и самую жизнь мою къ славѣ Его: тогда въ самую полночь, съ понедѣльника на вторникъ, то есть съ 10-го на 11-е число ноября мѣсяца, 1824 года, являются въ архіерейскій домъ, къ архіепископу Іонѣ, два, по формѣ одѣтые фельдъегеря, пробуждаютъ его отъ сна, и онъ самъ приходитъ ко мнѣ съ зажженною

свѣчею въ келію, полагая и меня застать спящимъ, но заставъ, какъ выше упомянуто, сидящимъ надъ письмами, объявляетъ, что меня требуютъ, и сказываетъ, чтобы мнѣ одѣться по теплѣе: поелику морозъ былъ на дворѣ. Не зная куда и кто требуетъ, и потому не взявъ съ собою изъ келіи ни одной и малой какой либо вещи, кромѣ только самой обыкновенной одежды и сверху старой рясы, и попростившись съ сотрудникомъ моимъ, отцемъ Ѳеодоромъ, и преосвященнымъ Іоною, съ порученіемъ себя ихъ чувствительнымъ предъ Богомъ молитвамъ, оставивъ даже на столѣ приготовляемыя вышеупомянутыя мои письма; и наконецъ, положивъ три земные поклона предъ распятіемъ Господнимъ въ архіерейской залѣ, и поручивъ себя всею душею моею десницѣ живаго Бога, коему служу и за царствіе Его страдать имѣю,—послѣдовалъ я за реченными фельдъегерями, которые, проведя меня въ молчаніи нѣкоторое пространство по набережной рѣки Невы, отъ потопа раззоренной, и повстрѣчавъ большую лодку, ихъ на рѣкѣ ожидавшую (поелику всѣ мосты были тогда разорваны и сокрушены) на оной лодкѣ перевезли меня на другой берегъ, и паки нѣкоторое пространство по берегу меня проведши, повстрѣчали почтовую повозку, въ готовности ожидавшую нашего прихода, на которой, по причинѣ мороза, и теплая, новая, простая овчая шуба, также и теплые сапоги для меня были приготовлены, въ которые они сказали мнѣ одѣться и сѣсть на повозку. Со мною сѣлъ одинъ изъ фельдъегеровъ, и почтовые лошади тотчасъ понесли насъ,—но куда? Неизвѣстно! Въ близкую ли или далекую страну пространной Россіи? Это сказать фельдъегеру непозволено! Ночь была весьма свѣтлая и тихая, и ручалась мнѣ въ совершенномъ ко мнѣ покровѣ и благоволеніи небесномъ. Я долженъ былъ, по вѣрѣ Божіей, несомнѣнно ожидать надъ собою новыхъ и особенныхъ чудесъ истиннаго провидѣнія Господня: и о семъ духомъ радовался и торжествовалъ предъ Богомъ. Таково было отбытіе мое, по волѣ Божіей, изъ спящей духовно и тѣлесно столицы сѣвера, и пока возсіяло солнце и день насъ озарилъ, мы уже внѣ оной довольное пространство на почтовыхъ проѣхали.

Глава XV.

Здѣсь, благодареніе Богу, начинается мой тѣлесный крестъ и страданіе, за имя Его Святое. Послѣ ночи, проведенной совсѣмъ безъ сна—это первое обнемощаніе. Дорога твердая, замерзшая и труская на почтовыхъ колесахъ—это другая мнѣ болѣзнь. Но сего очень мало. На другой день путь нашъ нашелся уже помежду чухонскихъ селеній—народа безмѣрно нерадиваго, грубаго и неискус-

наго, у коихъ претемныя хижины безъ печей, вмѣсто трубы окномъ дымъ выпущающія; которые питаются однимъ почти только молокомъ и сыромъ: а хлѣба у нихъ не только пшеничнаго, но ниже ржанаго достать нельзя, а имѣютъ только ячменный, весьма грубый и черный, каковаго непривыкшему человѣку вовсе ѣсть нельзя—это третія мнѣ скорбь и нужда. Наконецъ, повозокъ у нихъ нѣтъ, а только тележки—о двухъ колесахъ, три доски просто поставленныя, на коихъ только одному человѣку сѣсть можно и то очень худо и невыгодно: отъ чего мы съ фельдъегеромъ даже должны были разлучиться и онъ на одной, а я на другой таковой одноконной тележкѣ ѣхать:—это четвертое сокрушеніе немощнымъ костямъ моимъ и плоти моей. Напослѣдокъ, хотя съ многою таковою нуждою, тѣснотою, гладомъ и болѣзненнымъ страданіемъ, слава Богу, прибыли мы къ Невскому, или Ладожскому большому озеру, сердитымъ моремъ именуемому, около ста верстъ пространства своего и отъ С.-Петербурга 120 верстъ разстоянія имѣющему, и тутъ уже должно было намъ сѣсть на лодку, коею управляла одна проворная женщина, и переѣхать водою около пяти верстъ, до острова Коневца, въ тамошній монастырь, С.-Петербургской губерніи, Кексгольмскаго уѣзда, гдѣ пребываніе мнѣ было назначено. Но при семъ нашемъ плаваніи вѣтръ намъ былъ противный и довольно сильный, отъ чего и волна была весьма великая, только ровная. Лодка непрестанно, какъ съ горы на гору скакала, и паки внизъ глубоко погружалась: и казалось, великое и весьма глубокое сіе озеро хотѣло совсѣмъ поглотить насъ. Не привыкши къ таковой волнѣ, первый разъ таковую видя, едва половину пространства сего плаванія могъ я проѣхать сидя, а то вскружилась у меня голова; тошнота стѣснила грудь мою, и положила меня почти безъ чувствъ на лодкѣ, даже съ огорченіемъ рвотою. Это—пятое мое было тѣлесное злостраданіе въ пути семъ, ради Господа моего Іисуса Христа, пять тѣлесныхъ величайшихъ и страшнѣйшихъ ранъ на крестѣ, мене ради претерпѣвшаго.... Тако напослѣдокъ, слава Богу, пристали мы къ берегу, и вышедъ на оной, достигли самаго монастыря, въ которомъ фельдъегеръ бывшему тогда смотрителю, отцу Іоанникію, подалъ за меня бумагу. Но какъ удивились тутъ всѣ оной бумагѣ, видя ее написанную собственною рукою митрополита С.-Петербургскаго, а печать сверху оной графа Аракчеева: чего никогда не бываетъ и они никогда не видывали! Впрочемъ въ сей бумагѣ ничего не было для меня слишкомъ тяжелаго и несноснаго: ибо написано было, что я посылаюсь въ оный монастырь, по высочайшему повелѣнію, въ число братства, и чтобъ за мною имѣть наблюденіе, всякіе три мѣсяца обо мнѣ доносить, и безъ высочайшаго повелѣнія меня никуда не отпускать.

Глава XVI.

Теперь, слава Богу, я уже въ монастырѣ, который прекрасенъ, послѣ бывшей давней деревянной постройки, новою каменною стѣной весь обновленъ. Въ немъ подъ спудомъ почиваютъ мощи преподобнаго Арсенія, основателя сей обители. Главная церковь холодная или лѣтняя, въ верхнемъ этажѣ, во имя Рождества Богоматери; а другая подъ оною теплая или зимняя внизу, во имя Срѣтенія Господня, въ коей рака Преподобнаго съ балдахиномъ, и чудотворная икона Коневскія Богоматери, изъ Аѳонскія горы преподобнымъ Арсеніемъ принесенная. Въ углѣ ограды есть уединенная церковь во имя святителя Николая, и еще особая въ скиту, на называемой Святой Горѣ, другая во имя Казанскія Богоматери. Островъ сей Коневецъ пространства вокругъ имѣетъ около 15 верстъ. Положеніе его лѣсисто, плодоносно и очень прелестно. Монастырь всѣмъ изобиленъ и достаточенъ. Прибытіе мое въ оный было 12-го числа ноября, къ вечеру на 13-е, которое есть день преставленія во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго: это для меня было чувствительнымъ знаменіемъ. Пока приспѣло время вечерни, сперва казначей монастыря, а потомъ и находящійся тамъ на покоѣ архимандритъ Гедеонъ, запросивъ меня въ свои кельи, и любопытствуя о причинѣ моей ссылки и о всемъ моемъ дѣлѣ—дай Богъ имъ здравіе и спасеніе, — предовольно напоили меня чаемъ, коимъ по бывшемъ моемъ немаломъ въ пути изнуреніи, совершенно меня оживили. И такъ, съ ободреннымъ уже духомъ и укрѣпленнымъ тѣломъ пошелъ я, Слава Богу, къ приспѣвшему вечернему богослуженію. Благолѣпіе храма Божія, и неспѣшное, какъ въ столицѣ, но протяжное, усердное, и весьма порядочное священнослуженіе монаховъ, увеселяли мою душу и сердце. Въ особенности же пѣніе псалма: Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и прочее; и чтеніе парамій на память св. Златоустаго, совершенно обличающее заблужденіе и погибель враговъ и гонителей истины Божія и праведныхъ служителей ея, и являющее судъ Божій, въ отмщеніе имъ вооружающій всѣ стихіи міра и рѣками нагло потопляющій ихъ и превращающій престолы сильныхъ,—для меня были живымъ пророчествомъ и прямымъ гласомъ Божіимъ, мое блаженство въ самомъ настоящемъ моемъ заточеніи, а ихъ несчастіе и гибель при ихъ торжествѣ и господствѣ, явственно и весьма чувствительно мнѣ свидѣтельствующими.

Наконецъ, послѣ вечерни и повечерія, всѣ монахи и послушники идутъ въ трапезу на приготовленный ужинъ, и меня берутъ съ собою. Тутъ для меня новое преизрядное и весьма чувствительное зрѣлище! Единогласная всѣхъ съ пѣніемъ къ ужину молитва, потомъ во время

самаго ужина чтеніе житій святыхъ, всѣхъ же тихое съ благоговѣніемъ оному вниманіе, и заключеніе ужина также общимъ, всѣхъ согласнымъ благодарственнымъ Господу Богу пѣніемъ, при изряднѣйшей и самодовольнѣйшей пищи,—насытили мою душу и тѣло; и, какъ теперь съ начала, такъ и потомъ всякій день, при таковомъ драгомъ и неоцѣненномъ для меня обѣдѣ и ужинѣ, показывали мнѣ въ моемъ заточеніи самое точное чудное оное мѣсто, всеблагимъ Провидѣніемъ, по откровенію Іоанна Богослова, невѣстѣ царствія Христова, въ пустынѣ, дабы препитатися ей въ оной и сохранитися отъ гоненія зміина — уготованное. Ибо лучшаго, довольнѣйшаго и самоотраднѣйшаго препитанія для себя никогда въ умѣ моемъ вообразить и представить себѣ не могъ. Столько то утѣшенія всеблагій Господь мнѣ недостойнѣйшему рабу Его, для самаго перваго раза по прибытіи моемъ въ сію обитель, промысломъ своимъ предуготовалъ и благодатію Своею мнѣ даровалъ! О чемъ и да будетъ хвала имени Его святому во вѣки!

Глава XVII.

Сверхъ вышеописаннаго, безотложно тутъ отведена была для меня особая келья, каковая на первый случай порожнею сыскалась, хотя оная была темная, непространная и безъ всякихъ выгодъ: но вспомня, что я за слово Божіе странствую и терплю заточеніе, и что Самъ Господь, предъ распятіемъ Своимъ, затворенъ былъ въ темницѣ и множайшіе рабы Вышняго также темничное затвореніе терпѣли, я весьма радовался духомъ, что нѣкоторое участіе въ ихъ святомъ страданіи благодатію Божіею пріемлю. Впрочемъ не весьма долго пребываніе мое въ сей кельи было; а чрезъ нѣсколько недѣль дали мнѣ лучшую и отчасти выгоднѣйшую; да и нерѣдко перемѣняли кельи для меня, какъ и для другихъ; при всякихъ случаяхъ здѣсь перемѣняютъ, напоминая намъ, что не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Слѣдующими же днями начали, по милости Божіей, посѣщать меня лучшіе два здѣшніе іеромонаха, Іоасафъ и Іоанникій, истинные рабы Христовы, весьма добродѣтельную жизнь ведущіе, и всѣмъ по всякимъ нуждамъ изъ одной любви всеусердно служащіе. Они начали узнавать и мои нужды и немедленно оныя исполнять, какъ и потомъ всегда Христа ради исполняли. Господь да помянетъ всѣ труды и всю таковую службу ихъ, и да воздастъ имъ вѣчнымъ воздаяніемъ своимъ въ царствіи Своемъ! Особливо же послѣдній изъ нихъ рабъ Божій Іоанникій, это былъ истинный ангелъ Господень, коего недремлющій промыслъ Его предуготовалъ здѣсь для меня недостойнѣйшаго, для исполненія всякаго моего желанія и всякаго недостатка, о чемъ бы только подумать

можно. Онъ былъ для меня по Богѣ истиннымъ отцемъ и другомъ и утѣшителемъ и покровителемъ и всякимъ сокровищемъ, отверстымъ къ всякому, по нуждѣ моей, употребленію. Такъ дивна милость Господня, въ немъ для меня явилась! Особливо же о чемъ и подумать, и чего никакъ надѣяться нельзя было, то есть, чтобы мнѣ здѣсь имѣть свободную письменную переписку—что для меня самое большое составляетъ предъ Богомъ утѣшеніе и отраду: къ тому чудная и всемогущая десница Господня чрезъ него отверзла мнѣ свободную дверь, и чрезъ него собственно и единственно мнѣ оную совершенно даровала такъ, какъ бы я и не находился въ заточеніи. Ибо, не имѣя и не получая ни откуда денегъ, не имѣлъ я у себя ни лоскутка бумаги, ниже чернилъ, коими чрезъ все время нахожденія моего въ монастырѣ онъ единъ мнѣ, какъ себѣ, служилъ. А какъ послѣ извѣстился я, то было даже секретное начальнику монастыря на словахъ повелѣніе, чтобы мнѣ въ кельи не имѣть ни книгъ, ни пера, ни чернильницы, но при мудромъ покровительствѣ сего отца отъ таковой строгости я былъ совершенно свободенъ, и оная ни малѣйше ко мнѣ не коснулась. При томъ же и денегъ для пересылкѣ писемъ у меня не было, но онъ сыскалъ для меня благодѣтеля въ С.-Петербургѣ, который сей недостатокъ мой чрезъ все оное время—благодареніе Богу!—постоянно и совершенно исполнялъ. И тотчасъ на четвертый день или пятый, по прибытіи моемъ сюда, узнавъ, что вся моя одежда и прочія вещи остались въ С.-Петербургѣ, поелику изъ монастыря посылали туда, по своимъ нуждамъ, нарочную подводу, онъ далъ мнѣ бумагу и чернилы, написать туда чрезъ сію подводу къ архіепископу Іонѣ о выдачѣ мнѣ моихъ вещей, что и было началомъ письменной моей оттуда переписки; и удивляясь таковому надо мною грѣшнымъ промыслу Господню и хваля великолѣпное имя Его, благодатію Его начало сотворилъ я оному первому письму моему, во славу Его Божію, таковое: «кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса. Кто далъ бы мнѣ крылѣ, яко голубинѣ, дабы полетѣти и водворитися и почити мнѣ въ пустыни сей отъ лица водопотопляющаго змія», и прочее. Тогда писалъ я и другое письмо къ сотруднику моему, отцу Ѳеодору, нареченному Григорію, по которымъ письмамъ всѣ вещи мои изъ Тверскаго подворья были мнѣ выданы и въ монастырь ко мнѣ въ цѣлости доставлены, хотя письменнаго отвѣта оттуда я не имѣлъ: поелику такой страхъ отъ враговъ гонителей тогда тамо друзей и благодѣтелей моихъ преслѣдовалъ, что, какъ послѣ уже весьма нескоро узналъ я, архіепископъ Іона, получивши оное письмо мое, сжегъ оное, и отцу Ѳеодору отвѣтствовать мнѣ не дозволилъ, который только на книгѣ моей, святой Библіи, оттуда присланной, написалъ сіи достопримѣчательныя слова:

«Тайна Божія! Молчать и отъ благъ!» Такимъ образомъ, благодареніе Богу, удостоился я исполненія и на себѣ онаго пророческаго предвѣщанія, о крестной страсти Спасителя Христа написаннаго: «Чуждъ быхъ братіи моей и страненъ сыновомъ Матере Моея: яко ревность дому твоего снѣде мя и поношенія поносящихъ ти нападоша на мя. Друзи мои и искреннніи мои прямо мнѣ приближишася и сташа, и ближніи мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущіи душу мою», и прочее. Изъ города же Балты и другихъ мѣстъ, отъ друзей и сродниковъ моихъ, когда узнали они, что я живъ и гдѣ нахожусь, благодареніе Богу, письма въ цѣлости къ утѣшенію моему я получалъ, и къ нимъ, чрезъ руки отца Іоанникія, всегда, во славу Божію, отвѣтствовалъ.

Θеодосій Левицкій.

На стр. 11 опущенъ слѣдующій эпизодъ изъ разсказа Θеодосія Левицкаго: „Сіе заставило меня разсказать ему (кн. А. Н. Голицыну) исторію, какъ благодатіею своею Господь наставилъ меня самаго сему спасительному пріятію. Сіе же,—да не скрою уже сего и отъ цѣлаго міра,—по строенію Промысла Божія, совершилось у меня такимъ образомъ. Еще въ 1818 году удостоился я посѣщенія Іерусалимскихъ путешественниковъ, которые, между прочими благословенными вещами отъ всесвятаго Гроба Христова, подарили меня и частицами благословеннаго оттуда хлѣба. Ублажая трудъ всѣхъ тѣхъ, кои проходятъ толикія опасности для достиженія Святыя Земли и поклоненія мѣстамъ, освященнымъ пречистыми стопами Христовыми и самою дражайшею кровію Его, и желая раздѣлять съ ними по крайней мѣрѣ духомъ и любовію и труды ихъ и блаженство, я поставилъ себѣ правиломъ, во всякое время когда не совершалъ Божественной литургіи и не находился при совершеніи оной, прежде пріятія пищи всегда съ приличными молитвами, предложивъ предъ собою частицы онаго Іерусалимскаго хлѣба, умственно покланяться великому, страшному и всеспасительному таинству божественнаго воплощенія и богоявленія Господа нашего Іисуса Христа, равно какъ и дражайшему Его насъ ради на крестѣ распятію, смерти, погребенію, воскресенію и прочее. И послѣ таковаго поклоненія принявъ крошку онаго самаго благословеннаго хлѣба, принимать обыкновенную потомъ уже пищу. Съ теченіемъ времени, съ часа на часъ, чувство таковаго умственнаго священнаго поклоненія, благодатіею Божіею у меня умножалось и расширялось, а по оному и подобающая ко Господу молитва. Наконецъ, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ, мнѣ отверзлись мысленные очи, и я познал ъ вельми ясно, что сіе благодарственное поклоненіе воплощенію и крестной смерти Господней, при всей своей простотѣ, имѣетъ въ себѣ всю силу и достоинство Божественной литургіи: поелику въ томъ состоитъ все существо ея; а потому и пріятіе при ономъ благословеннаго хлѣба, во имя Господне, заключаетъ въ себѣ силу и достоинство божественнаго и спасительнаго причащенія. Хоть и должно было мнѣ ужаснуться таковаго моего предъ Богомъ дерзновенія, по возвратиться вспять и оставить такое священнодѣйствіе, хотя внѣшней обрядовой формы не имѣющее, но къ которому закономъ любви Христовой и благодарности къ нему мы всячески обязываемся, и къ которому сама любовь Христова тайно и кромѣ намѣренія моего меня привела, почиталъ я уже за непристойное и неподобающее

дѣло предъ Богомъ, а особливо въ такое время, въ которое великое дѣло Царствія Божія заставляло уже меня быть готовымъ всегда на всякія скорби, и всякое странствіе, и на самую смерть, имени Его ради Святаго.

Такимъ образомъ—сказывалъ я князю (Голицыну)—что всякій христіанинъ чисто и непорочно живущій и не зазорную совѣсть имѣющій, можетъ, если только горящую любовь ко Христу имѣетъ, таинственно пріобщиться Тѣла и Крови Христовой; чего таковые всѣ и чрезъ усердное слушаніе всякой литургіи и пріятіе антидора, всегда, безъ сомнѣнія, сподобляться могутъ, и дѣйствительно сподобляются: поелику благодать Божія во истинѣ желающимъ и ищущимъ ея невозбранно и весьма охотно себя преподаетъ, какъ явственно о семъ глаголетъ Господь и вопіетъ: „Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и да піетъ, и паки: се стою при дверехъ и толку: аще кто отверзетъ двери вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною", и прочее.

Князь (Голицынъ), выслушавъ все сіе, просилъ меня, чтобы написать ему молитву къ достойному пріятію таковаго священнаго хлѣба, что съ Божіею помощію и было мною въ свободное время исполнено. Въ послѣдствіи же самъ единъ симъ недовольствуясь, за приличное и полезное судилъ онъ, вѣдая особенное благочестіе Государя, съ моего вѣдома и по Христѣ благословенія, извѣстнымъ учинить о семъ и Его Величество, увѣряясь, что и онъ таковое принятіе божественнаго хлѣба весьма охотно пріиметъ, что и на самомъ дѣлѣ, благодареніе Богу! совершенно оправдалось, особливо по той причинѣ, что Государь, весьма часто бывая въ далекихъ и долговременныхъ отлучкахъ, не имѣлъ удобности, по особенному усердію своему къ Спасителю Христу, часто причащаться божественныхъ и спасительныхъ Его Таинъ, но весьма долгое время долженъ былъ, противъ желанія любви своей, небесныхъ сихъ даровъ лишаться.

Князь (Голицынъ), весьма радуясь таковому благопріятію Государеву, изъ особеннѣйшей любви ко Христу и къ Государю, тотчасъ приложилъ стараніе сдѣлать даже для него и приличный златый сосудецъ, вложивъ въ оный и имѣющуюся у него частицу животворящаго древа, въ которомъ бы во время путешествій Государевыхъ, съ подобающею честію и уваженіемъ благословенный хлѣбъ при себѣ всегда имѣть онъ могъ, который и поднесъ въ даръ Его Величеству.

Равнымъ же образомъ благодать Божія призвала къ принятію таковаго небеснаго хлѣба и раба своего, вышеупомянутаго старца Иродіона Александровича Кошелева; призвала же чрезъ слѣдующее видѣніе: казалось ему, что онъ ходитъ по нѣкоему прекрасному саду, гдѣ вдругъ узрѣлъ онъ на одномъ древѣ чудной бѣлизны триугольный хлѣбъ, который снявъ руками своими, удивлялся оному и прилежно о немъ прилагалъ разсужденіе. Каковое видѣніе, когда разсказалъ онъ князю Голицыну, то сей, принявъ отъ сюду несомнѣнно, что воля Божія есть не сокрыть отъ него священнѣйшей сей тайны, о повсядневномъ таковомъ . . . . . (не разобрано слово) благодарственномъ и благоговѣйномъ принятіи во славу Божію, и во спасеніе души своей, хлѣба Христова, объявилъ ему оную; и онъ съ радостію и благодарствіемъ оную принялъ.

Тамъ велика и преизобильна благодать Вышняго въ трехъ сихъ особахъ дѣйствовала! И такъ многое несказанное утѣшеніе и утвержденіе свое Господь Іисусъ Христосъ мнѣ недостойному рабу своему въ нихъ подавалъ, при настоящемъ моемъ тамо (въ С.-Петербургѣ) странствіи, имени Его ради Святаго!—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Встрѣча въ Москвѣ персидскаго слона въ царствованіе Петра I.

Разсказъ очевидца.

Предлагаемый небольшой разсказъ принадлежитъ перу извѣстнаго раскольничьяго писателя Андрея Денисова и составляетъ одно изъ многочисленныхъ посланій, какія писалъ онъ къ своей Выговской паствѣ во время частыхъ своихъ отлучекъ въ Москву и Петербургъ по дѣламъ Выговскаго монастыря. Денисовъ, безспорно, принадлежитъ къ числу наиболіе замѣчательныхъ русскихъ литературныхъ дѣятелей эпохи Петра. Чрезвычайно даровитый отъ природы, знатокъ древнерусской письменности, ученикъ Ѳеофана Прокоповича, усвоившій подъ его и его помощниковъ руководствомъ Кіевскую школьную ученость, онъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ является выразителемъ міровозрѣнія громадной массы русскаго народа, представлявшей оппозицію русской православной церкви въ царствованіе Петра Великаго. Большинство его сочиненій, равно какъ и сочиненій его брата Семена, имѣетъ въ настоящее время даже въ глазахъ самихъ раскольниковъ, значеніе не болѣе, какъ историческое; но, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ трудахъ двухъ братьевъ Денисовыхъ содержится вся догматика раскола, вся полемика его противъ православія, все раскольничье ученіе. [1]) Настоящее посланіе—одно изъ мелкихъ сочиненій, принадлежащихъ перу Андрея Дени-

[1]) О жизни и сочиненіяхъ Денисовыхъ см. нашу монографію; «братья Андрей и Семенъ Денисовы. Эпизодъ изъ исторіи раскола»;—въ «Журналѣ Православное Обозрѣніе» за 1866 годъ. Н. Барсовъ.

сова, имѣетъ значеніе какъ обращикъ тогдашней риторики и какъ литературная картинка, рисующая одно изъ случайныхъ явленій тогдашней обыденной жизни.

Н. Б.

Повѣсть риторическая о срѣтѣ въ Москвѣ слона персидскаго.

Посланіе Андреево съ Москвы въ общебратство.

Понеже любопотщательни есте, яко пчелы, по различнымъ цвѣтникомъ повѣстей облетаете, отъ многодѣйственныхъ цвѣтовъ пресладкій мудролюбія плодъ обсыпаете: откуду желательно и намъ лѣнивымъ повѣствовати вамъ, что новонародное и удивляемо услышимъ надѣющи и отсюда возмощи вамъ татьствовати душепитательный медъ, аще-ли же что и младенчески речемъ, уповаемъ, яко отцелюбно не грубость осудите, но усердіе и любовь воспріимите.

Бысть убо нынѣшняго (года) въ третій день октября, персидскаго посла со звѣрьми и птицами пріѣздъ въ Москву, ему же и честно славная стрѣча и многонародное зрѣніе, еже какъ бысть, въ кратцѣ ниже услышите.

Къ выше помянутому же дню обнощева посолъ близъ Воробьевыхъ горъ, на загородномъ Долгорукова дворѣ (тамо преведенъ съ Володимерскаго пути;) заутра же въ день той внезапу, яко вода воскипѣша московітіи народи: улицы востопташася, слободы проліяшася, переулки протекоша. Мужи и старцы съ юнотами текуще, жены спѣшащеся, мнози дѣтей на руку носяще, конники, колесничники ретящеся, вкупѣ наліяся людьми путь той, во градѣ и по каменному мосту, огустѣ народами калужскій путь, все поле до самога дворца на шесть верстъ многочеловѣчно возблеснѣ, лавки и дворы утѣснишася и кровы ихъ отъ многолюдства востужиша, на тынѣхъ, на стѣнахъ, на углахъ (и аще бы мощно внѣсти на воздухѣ) всюду вездѣ по оному пути безчисленнымъ кипящимъ народомъ, и ниже дождь бывый того дня, ниже продолжившееся до вечера время возможе домамъ людъ отелати, но всѣмъ, яко нѣкое диво ожидающимъ зрѣти слона; поставлены же во градѣ по пути тому полцы пѣшихъ солдатъ. Бывшу же полдню, выѣхаша съ Москвы конныхъ въ строю полка съ два, храбро же и мужески, шпаги на голѣ имѣюще. Таже потомъ сановники златоодѣянніи московстіи на украшенныхъ конехъ, ихъ же колестницы златосіяющія, каяждо спряжены имѣя по шести аргамаковъ златообкованныхъ и среброуздныхъ. Предъ колесницами же и по нихъ и окрестъ нихъ колесница красноучрежденная отъ великоможныхъ домовъ, по нихъ же одеждахъ кипяше злато и сребро, оружіе ихъ сіяшеи кони ихъ во украшеніи гордо топчашеся, диво зрящимъ показующе. Съ таковымъ высокоявленіемъ проидаша, пріемше посла съ товарищи его на златосіяющія колесницы прежде же отпущены быша запасы

посольскіе къ Москвѣ на ямскихъ подводахъ. По семъ съ вышеявленною славою двигнушася съ посломъ,предшествующимъ и послѣдующимъ конники съ военоначальники, воинамъ окружающимъ златоупестреннымъ юношамъ, по осыпану полю безчисленными народы, идущимъ съ ними прекраснымъ съ краснѣйшими провожатаи колесницамъ, между колесницами же левъ и львица на особыхъ койждо телегахъ и жаръ нѣкая небывалая птица, и бобръ, многопестрый звѣрь и попугай различными цвѣты. Таже по сихъ что народодное шатаніе? Что другъ друга поревнованіе? что безчисленное и многоутѣсненное людей пролитіе? Понеже узрѣся иже николиже въ Москвѣ видѣся, и увидѣся чудо не во океанскомъ, но въ Московскомъ народномъ мори, не бывалое зрителище—превелій слонъ звѣрь, всадникаправяща его на шеи имѣя, при немъ на немъ узрѣти его, аки врабія; высоту бо звѣря сего глаголютъ и видится быти аршина съ полпята, имѣя нози длиною съ человѣка толсты яко бревно, толстотѣлесенъ, недологъ по высотѣ, безперстенъ, великоглавъ, черновиденъ, горбоспиненъ, задопокляпъ, ступаніемъ медвѣдоподобенъ, отъ верхнія губы имѣя (нарещи) носъ или губа или хоботъ, яко рукавъ платна висящъ до земли, имъ же яко рукою брашно и питье пріиметъ, и согнувъ въ уста своя отдаетъ. Отъ верхнихъ зубовъ два зуба велики внѣ торчатъ сюду и сюду, уши имѣя велики, яко заслоны печныя, рожки малы, подобны агнчимъ, хвостъ подобенъ воловьему; сѣдчи арапъ имѣетъ въ руцѣ не узду, но желѣзное орудіе согбенное, его же остротою за главу емля, удерживаетъ и управляетъ, не отъ ременія же и побивало, но желѣзо острое, аки чопалъ. Сицеву чуду со всадникомъ бредущу, народамъ же отъ . . . . страну яко быстринамъ морскимъ окружающимъ, насмотрѣтися множайше усердствуютъ, и едва отъ многотиснѣнія путь дающимъ заднимъ приближнѣйшимъ быти ретящимся, предъ нимъ же отъ нихъ близь звѣря прибросаемымъ, отгоняющихъ имъ приставникомъ. Овогда же арапъ оный сѣдяй, аки глумяся, обратяше звѣря на народы, и звѣрь, аки глумяся, скоро поступаяй на десно или на шуее, или назадъ или на людей, бѣгство у людей учиняшеся. Диво же бѣ зрѣти: ниже бо народи далече убѣшати могуще, ниже звѣря потопта или досади кого, но абіе не вредя людей, обратяся водимъ всадникомъ, въ путь свой идяше. Тако сіе чудо, народы окружаемо, съ покрововъ и съ высотъ зрѣмо и удивляемо, въ Москву вниде. Сице съ славою и честію посолъ во уготованный ему домъ въ вечеръ глубокъ пріиде; народы же расходящеся носяху каждо во устѣхъ видѣніе звѣря, и бѣ слышати у всѣхъ количество и качество слона на языцѣ обносимо.

Но аще кто о звѣри чудится, мы долженствуемъ и сія въ потща-

ніе добродѣтелей и пользу свою повѣсть воспріяти. Аще бо толико усердіе показаша народи видѣти безсловеснаго звѣря: не пачели возъусердствуемъ мы, въ торжества и праздники, и присно, ни видѣдѣніе Бога и святыхъ его въ молитвахъ и слышаніи свящ. писанія дни препровождающе, тѣми, очистившеся, невидимаго зрители будемъ: блаженни рече, чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. И аще толь честно подобно и чинно украшено, на славу царствія иноцарственнаго посла пріемлюще чиноначальницы съ воинствующими: не паче ли въ духовныхъ дѣлѣхъ, въ молитвахъ и торжествахъ духовніи начальницы, и причетники, долженствуемъ благоукрашати и благоговѣйствовати на умоленіе и пріятіе самого царствующихъ царя, и пречистыя его Богоматере, и святыхъ угодниковъ его. И аще толь велій звѣрь малому при немъ всаднику повинуется, и водится отъ малосильнаго многомощное безсловесное диво; сице покорившему всяческая подъ нозѣ человѣка создателю повинуется: кольми паче мы, словесная Божія тварь, Создателя своего повелѣнія долженствуемъ незабывати, и озвѣршіяся страсти наша обуздывати.

Аще бо безсловесный удерживаетъ ярость воздержати устремленіе, стяжеваетъ покореніе, и ласкаетъ питающему: не паче-ли намъ достоитъ питающаго насъ Бога возлюбити, тако, якоже рече: любяй ми, заповѣди моя соблюдаетъ, и стяжати доброе послушаніе, и удержати ярость, и воздержати безчинное вожделѣніе, да не како похулится нами, беззаконій ради нашихъ, но паче да прославится во исправленіи добрыхъ дѣлъ великолѣпное Божье имя. (Андрей Денисовъ).

Сообщ. **Н. И. Барсовъ.**

Челобитная о наградѣ за арестъ въ Тайной Канцеляріи

1742 г.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня императрица Елисавета Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку четвертой роты солдатъ Василій Бурой, а о чемъ мое челобитье тому слѣдуютъ пункты:

1) Въ прошломъ 1741 г. августа 23-го числа, былъ я, нижайшій, по командированіи, на караулѣ въ адмиралтейской крѣпости. И будучи на караулѣ, былъ, 24-го числа, стоящимъ тогда на караулѣ жъ первой роты съ фурьеромъ Герасимомъ Всеволодскимъ, по полудни въ одиннадцатомъ часу, въ дозорномъ хожденіи.—Къ сей

2) И во время того нашего дозорнаго хожденія, усмотрѣно какъ мною, такъ и прочими, бывшими тогда въ обходѣ дозорными, на небѣ явленіе. И

усмотря то явленіе, я, нижайшій, оному фурьеру Всеволодскому сказалъ тако: „каково является на небеси, тако творится и на земли“. И напротиву того, мнѣ помянутый Всеволодскій объявилъ, что-де „нынѣ уже Шведъ на Россію воинство подымаетъ“. На которые ево, Всеволодскаго, мнѣ объявленныя слова, я, вопреки ему, объявилъ, что, „можетъ быть, оной Шведъ возстаетъ войной за едину правду, того для, что В. И. Величество тогда были отставлены отъ вседражайшего по наслѣдству вашему всероссійской имперіи престола самодержавству“, что нынѣ вовсенародную радость превратилось. На что оной Всеволодской мнѣ злобою объявилъ: „врешь-де ты, дуракъ“!—челобитной

3) И того же августа 25-го числа, помянутый фурьеръ Всеволодской стоящему тогда въ адмиралтейской крѣпости на караулѣ поручику князь Алексѣю Козловскому донесъ, якобы тѣ мои, раба вашего, неправильныя слова. И оной поручикъ, видя тѣ ево доносительныя сумнительныя слова, отослалъ меня подъ крѣпкимъ карауломъ во обрѣтающійся въ домѣ В. И. В. главнѣйшій караулъ, откуда и отпущенъ былъ на прежній мой постъ. А потомъ, съ того-жъ посту, взятъ того-жъ полку къ маіору господину Полонскому; а отъ него, Полонскаго, отосланъ въ Тайную канцелярію, гдѣ и содержался минувшаго 1741 году ноября по 28-е число безвинно, и освобожденъ.—солдатъ

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было: для В. И. В. и всей высочайшей вашей фамиліи многолѣтняго и дражайшаго здравія, за то мое, бѣднаго раба вашего, напрасное претерпѣніе, но за праведное слово, чему нынѣ вся Россійская Имперія радуется, всемилостивѣйше В. И. В. матернею милостію меня, нижайшаго, награжденіемъ неоставить, чѣмъ указомъ В. И. В. соизволено будетъ.—Василій Бурой

Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ челобитьи рѣшеніе учинить. Февраля дня 1742 г.— руку приложилъ.

Помѣта: „Подано февраля 10-го дня“. Помѣта на оборотѣ: „написат в лейбъ-гвардию Преображенскоі полкъ, что оной Бурои, по одному делу с сержантом Всеволоцкимъ, которої пожалованъ, на ево, Всеволоцкого, место, в фургеры“.

Сообщ. въ 1870 г. **М. Д. Хмыровъ.**

Вѣчная память вмѣсто многолѣтія

1743 г.

Донесеніе графа Александра Бутурлина изъ Москвы отъ 6-го февраля 1743 года императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

I.

Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ всероссійской, государынѣ всемилостивѣйшей. Сего 3-го февраля (1743 г.) поминовеніе имѣло быть въ Архангельскомъ соборѣ покойной императрицы государыни Анны Іоанновны; въ тоже время по блаженной памяти въ бозѣ почивающей вселюбезной сестрѣ вашего императорскаго величества государыни цесаревны Анны Петровны, и какъ

обычайно возглашеніе на эктеніяхъ чинится по очереди отъ архіереевъ. Между прочими при той панихидѣ былъ Левъ епископъ. И какъ до онаго дошло, упомянулъ, вмѣсто государыни цесаревны Анны Петровны, имя вашего императорскаго величества, и тогожъ моменту опомнясь, поправился въ настоящемъ имени государыни цесаревны Анны Петровны; о чемъ я какъ не какъ увѣдалъ, то видѣлся съ преосвященнымъ архіепископомъ Тверскимъ и о семъ спрашивалъ; которой засвидѣтельствовалъ, какъ всеподданически отъ меня выше донесено, что отъ незапности, по старости, и отъ неосторожности именованнаго епископа ошибка означенная учинилась. О чемъ уже изъ конторы синодской въ Синодъ писано. Но и я по всерабской подданнической должности не могъ оставить, чтобъ В. И. В. во всемилостивѣйшее извѣстіе не поднесть.

Ваше же И. В. Всемогущій Господь да сохраняетъ и оберегаетъ и да соблюдаетъ во всякомъ долголѣтномъ радостномъ цѣломъ здравіи невредимо. Вашего Императорскаго В. всенижайшій подданнѣйшій рабъ А. Бутурлинъ.

Москва.
6-го февраля 1743 года.

II.

Графу Александру Бутурлину на вышеозначенное его вѣрноподданническое доношеніе данъ былъ отвѣтъ, что Левъ епископъ обмолвился въ имяни и сего императрица не вмѣняетъ ему въ вину, потому что имъ сдѣлано сіе не съ умыслу.

Левъ епископъ (Юрловъ) былъ сначала архимандритомъ Переславскаго Горицкаго монастыря, съ 1727 года 1-го марта хиротонисанъ во епископы Воронежскаго; 1730 года взятъ въ Москву подъ судъ, лишенъ сана и сосланъ въ монастырь Архангельскій Крестный; въ 1742 году признанъ невиннымъ, возвращенъ ему былъ санъ, по епархіи онъ не принялъ и проживалъ въ Московскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Въ это время и случилось съ нимъ разсказанная выше „обмолвка“.

Сообщилъ И. М.

Императрица Елисавета и генералъ Ферморъ въ 1757—1759 гг.

Извлечено изъ архива Schlosz Nitau, Лифляндской губерніи, который съ значительными вотчинами подаренъ былъ императрицею Елисаветой генералъ-аншефу Вильгельму Фермору. Нынѣ принадлежитъ графу Фридриху, сыну Магнуса Іоанна Стембокъ-Фермору. Мать Магнуса была женою Понтуса Якова Стенбока и дочерью генералъ-аншефа Вильгельма. Магнусъ первый соединилъ оба имени. Извлеченная оттуда переписка относится до втораго періода русско-прусской войны—когда Степана Апраксина смѣнилъ Ферморъ;—печатаемъ ее здѣсь съ буквальною точностью, разставя лишь знаки препинанія [1].

Гр. Э. Ч.

---

[1]) Эти и другіе документы, относящіеся до эпохи 1740—1750-хъ годовъ, напоминаютъ намъ Императрицу Елисавету Петровну и ея царствованіе; луч-

I.

Господинъ генералъ. Вы сами извѣстны сколько намъ худое состояніе нашеи Армеи, скорое інеожиданное после одержанной над неприятелемъ побѣды отступленіе; должно быть чувствительно, і предосудительно славе нашего Гдрства нашеи чести, і нашему оружию, ибо сему сожалетелное обстоятельствъ притчины мы изреляцеи фелтмаршала Апраксина невидимъ: кроме недостатка провианта и фуража; правда ето бы заглавное почесть должно, когда бы онъ былъ втакомъ обстоятельстве, что оное достать нельза, но какіе онъ употреблялъ меры и что деиствию (дѣйствію) оныхъ препятствовало, и дла чего непредставлялъ, дабы ему втомъ беда (отъ сюда) учинить вспоможеніе, совсемъ намъ неизвѣстно. Однимъ словомъ, сие происшествие котораго ниожидать, нивообразить никому было невозможно. Того ради симъ іспрашиваемъ васъ—какъ всегда вернаго намъ и Гдрству—получа сие весьмии (весьма) откровѣнности отпишите, вкакомъ состояніи наша Армея, что притчина ея ретираде, какіе перепятства были, что еѣ снабдить немогли? і какіе есть способы еѣ удовольствовать, ирасположить на зимния квартиры внеприятельской земли, однимъ словомъ все обстоятельства нужныи нашему вѣдению, все оное написа таино, пришлите кнамъ ссимъ посланнымъ. Вы ивсеи нашеи квамъ повѣренности можете видеть сколь мы всегда надежны на вашу кнамъ верность и усердие. „Елисавета".

г. Фермору.

Примѣчаніе. Скоропись, почеркъ дурной, рука Ивана Шувалова.

II.

Господинъ генералъ. Вы довольно увѣрены о тои повѣренности, которую я квамъ имѣю, і такъ нетъ нужды вамъ повторять обсполненіи нашихъ указовъ; я надѣюсь, что вы все возможные труды употребите вславу і пользу нашего Гдрства. Теперь предприемлемая Кенигсбергская Экспедиция повашему мнению апробована; вначале положа всю нашу надежду на Бога, препоручаемъ вашему іскуству, вѣрности, і храбрости успѣхъ сего дѣла, присовокупя только, чтобы людей збѣрегать, і неотваживать ихъ вопасность, где опую миновать можно: лутче лишней убытокъ въ иныхъ случаяхъ понести, нежели ихъ терять. Боже дай дабы Кенигсберское и пилавское взятье небыло штурмом, естли же вы какое повѣление изнашихъ рескриптовъ и усмотрите которое бы более вредомъ нежели намъ пользою было, какъ вы оное будучи тамъ сами лутче увидѣть можете, то на оное, описавъ сущіе справедливые резоны, немедленно кнамъ присылать; естли же что возможно, то мы надеемся, что отвасъ ничего упущено небудетъ. Мы ожидаемъ еще порядочнаго описание произшедшеи баталіи, імяна генералитета штапъ і оберъ афицеровъ, которые при ономъ себя отлично, оказали, і кто испоследнихъ и за что перемененъ. Наше желание давно есть, чтобы наградить техъ, которые заслужили, но мы неимѣли порядочнаго о томъ отфелтмаршала (Степана Апраксина) описанйе, принуждены сие намѣрение по сие время неисполнить. Я слышала, что увасъ и генералъ Браунов произошла некоторая холодность которой прит-

шій портретъ—въ снимкѣ съ превосходной современной ей гравюры Чемезова—помѣщенъ при первой книгѣ „Русской Старины" изданія сего, 1880-го года. Ред.

чина те, которые какъ покою такъ пользу общую ненавидятъ; я надѣюсь что вы оное прекратить неоставите, примите и сіе знакомъ тойже нашей квамъ повѣренности. Впротчемъ препоручая васъ вмилость и сохраненіе Божие и все наше порученное вамъ воиско, полагаяся і надеяся на Бога, отъ котораго все зависитъ, і после навѣрность и храбрость вашу, і всехъ подчиненныхъ вамъ, пребываемъ снепременнымъ нашимъ благоволениемъ „Елисавета".

Генералу Фермору

Декабря 16-го дня 1757 г. Санктпетербургъ.

Примѣчаніе. Скоропись; тотъ-же почеркъ что и № 1, но лучше.

III.

Господинъ генералъ. Божескимъ Благословѣниемъ, и его Милостию къ Отечеству і кнамъ, счастливые успѣхи нашего оружия, сколь намъ радостны, столь мы справѣдливо признаваемъ все оное квашеи кнамъ вѣрности, усердию и іскуству. Вы можете быть увѣрены, что ваши заслуги без должнаго воздаяния неостанутся; впротчемъ полагая всю надежду на Бога, ожидаемъ всякое добро от вѣрности и искуства вашего, и от храбростей нашихъ войскъ, которымъ вамъ, по усмотреніи вами ихъ отличностей, наше удовольствие окажите; желаемъ, чтобы Господь Богъ сохранилъ васъ своею милостию. „Елисавета".

NB. Ежели Богъ впред благословитъ, нашимъ благополучнымъ произшествиемъ, то прямо на мое імя, прислать, і что надлежитъ до конференціи то втотже пакетъ включать, очем і прежде вамъ дано знать было.

Генералу Фермору, 1758 г. Августа 18-го дня. Петергофъ.

Примѣчаніе. Скоропись таже что и № 1, рука Ивана Шувалова.

IV.

Господинъ генералъ! Получили мы вчера извѣстие о произшедшей между нашею армиею и неприятелемъ силной и кровопролитной Баталіи; хотя оная и не была великою побѣдою, но какъ все оное состоитъ во власти Божией отъ котораго все ожидаемъ, и на его милость надѣемся, то втомъ же крѣпкомъ упованіи пребываемъ і полагаемся на васъ и на храбрость нашихъ людей, что вы ничего не оставите здѣлать, что сползою отечества и славою нашего оружия быть можетъ. Мы неможемъ довольно вамъ изъяснить нашего удоволствия о вашихъ великихъ понесенныхъ трудахъ і храбрости, такъ же и мужестве всего Генералитета, штапъ и Оберъ офицеровъ и салдатъ, которымъ окажите наше удоволствие, и что мы совершенно чувствуемъ ихъ усердие, и істинной оказанной долгъ къ отечеству и намъ. [Сожалѣем, что вы такъже и они прснебрегая жизнь свою імѣя одно вмысляхъ, вѣрность истиннаго патриота идостоинаго командира претерпѣли и ранены. Желаемъ сердечно, чтобъ Господь ихъ жизнь вползу отечества сохранилъ, и знаемъ сколь вы и они достоины воздаяния затакия повѣденіи „и впротчемъ просимъ Бога, чтобъ васъ сохранилъ всвоей милости. „Елисавета".

в Петергофе, августа 27-го дня 1758 г.

Примѣчаніе. Писано рукою секретаря, кромѣ словъ въ вносныхъ знакахъ, писанныхъ рукою императрицы Елисаветы Петровны: „и впротчемъ просимъ Бога чтобъ васъ сохранилъ".

V.

Господинъ генералъ. Мы отправили отсюда генерала Салтыкова къ нашей армѣи, которой по своему старшинству, главную команду принять имѣетъ, несомнѣваясь, что вы то себѣ обидою непочтете, і вашего усердія кнашей службе неумѣншите, которое отъ насъ всегда соудовольствиемъ признана будетъ. Генералъ Салтыковъ приехав туда вполное кампаніи время, более імѣетъ нужды скореи быть извѣстнымъ о состоянеи Армѣи и о всехъ обстоятельствахъ, что до онои принадлежитъ. Мы надѣемся, что вы, по вашей кнамъ вѣрности і усердию, и іскуству, все что къ его ізвѣстию откровенно сообщите; нуважая единственно пользу и успѣхъ нашего оружия, ему полезные совѣты подадите, которое все за такуюже услугу отвасъ принято будетъ, какъ бы все сами главнымъ были, вчемъ мы песомненно пребываемъ; і желаемъ, чтобы Господь Богъ сохранилъ васъ своею милостию. „Елисавета".

Іюня 4-го дня 1759 г. Петергофъ.

г. графу Фермору.

Примѣчаніе. Скоропись таже что № 1, рука Ивана Шувалова.

VI.

Милостивои гдрь мой Вилимъ Вилимовичь. Ея Імператорское Величество всемилостивеишая гдрня получа извѣстіи, которые делаютъ весма подозрительнымъ принятаго вслужбу нашу французскаго афицера называемаго Molino, котороп ныне под командою вашего превосходительства состоитъ, изволила вамъ повѣлеть, чтобы за нимъ надлежащимъ образомъ присматривать: о немъ писано что онъ подосланной от прускаго короля; і естли что по оному ваше превосходительство открыть ізволите, то о томъ Ея Імператорскому Величеству донести прямо.

Всенижайше благодарствую за милостивое вашего превосходительства писмо, что подтвержденимъ вашей милости себѣ почитая, імѣю честь быть смоим непременнымъ почтеніем, в. п. милостиваго гдря моего, покорнишіи і вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

Хотя сия вѣдомость можетъ быть і неистинна, однако она заслуживаетъ примѣчаніе, которое прозорливостию вашего превосходительства уповательно скоро открыто будетъ.

Іюня 27-го дня 1759 года. С.-Петербургъ.

Сообщ. 11-го апрѣля 1871 г. графъ Э. К. Чапскій.

Письмо крестьянина къ своему помѣщику

въ 1776 г.

Милостивому государю нашему Николаю Ильичу (Сунбулову). Вологодской вашей, государь, вотчины, Задносельской волости нижайшій крестьянинъ вашъ деревни Сафоновской, Павелъ Левонтьевъ, падъ предъ честныя стопы ногъ твоихъ, всеуниженно кланяюсь и милости у тебя, государя моего, прошу слезно:

Въ присланномъ отъ тебя, государя, приказѣ къ старостѣ Мирону, написано: взыскать съ меня, нижайшаго сироты, пятьдесятъ рублевъ денегъ за

то, что племянницу отдалъ на волю. А я нижайшій, Павелъ, хотя и отдалъ на волю, по прежнему вашему приказу, и выводу взялъ только десять рублевъ и намѣренъ былъ на оныя деньги взять за племянника своего со стороны, какъ ты, государь, приказалъ, точію загородной вашей вотчины староста Миронъ Тимофѣевъ нынѣшней зимы въ мясоѣдъ, пріѣхавши къ намъ, объявилъ, якобы вы приказали ему сестру свою за племянника моего отдать, а выводныя деньги, которыя взяты за племянницу мою отъ меня ему взять, и я, нижайшій, отъ него отговаривался, опасаяся отъ васъ гнѣву, точію того сдѣлать чтобъ у него невзять, а денегъ ему не отдать не посмѣлъ: понеже онъ мнѣ сказалъ, что ему вовсемъ приказано. А и деньги, которыя онъ у меня взялъ 10 рублевъ, вамъ, моему государю, отдалъ или нѣтъ про то я неизвѣстенъ. Того ради я, нижайшій сирота, нарочно своимъ коштомъ вознамѣрился къ вамъ придти и просить слезно: помилуй, батюшка Николаи Ильичь! отъ онаго взысканія денегъ меня свободи, не приведи, государь, меня въ крайнее раззореніе! истинно, государь, ежелибъ староста у меня денегъ не взялъ, тобъ я приказу вашего не презрилъ. Умилостився, государь, до меня, нижайшаго крестьянина своего, моги насъ за собою въ милости содержать, а мы за тобой ради жить и вѣчно за тебя Бога молить. Государь нашъ смилуйся! 1776 г. мая 26-го.

Примѣчаніе. Письмо это писано Вологодскому помѣщику Николаю Ильичу Сунбулову, найдено мною въ старыхъ бумагахъ и въ подлинникѣ препровождено въ редакцію „Русской Старины“. Напечатано здѣсь до словно, но по исправленіи грамматическихъ ошибокъ.

Сообщ. въ 1879 г. **А. Е. Мерцаловъ.**

Черта къ характеристикѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка, въ разныхъ волостяхъ Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи состояла вотчина въ 1500 душъ за оберъ-бергмейстеромъ Григоріемъ Никифоровичемъ Клеопинымъ—тѣмъ самымъ Клеопинымъ, переписка котораго съ Аракчеевымъ была напечатана въ „Вѣстн. Европы“, кажется, за 1873 годъ. Клеопинъ не жилъ самъ въ своей вологодской вотчинѣ; она вѣдалась вотчинной конторой, общей для всѣхъ имѣній его, разсѣянныхъ по разнымъ губерніямъ. Отъ этой-то конторы ежегодно, въ зимнее время, наѣзжалъ въ имѣніе прикащикъ Петръ Ѳедоровичъ Шемякинъ, объѣзжалъ всѣ деревни и, собравъ бабъ и мужиковъ въ одну избу, поучалъ ихъ молитвамъ по особымъ, выданнымъ отъ помѣщика, толкованіямъ оныхъ. У меня въ рукахъ листокъ съ толкованіемъ „Отче нашъ“, которое при семъ и помѣщаю.

Вопросъ. Отче нашъ, иже еси на небеси.

Отвѣтъ. Отецъ небесный позволилъ намъ, бѣднымъ тварямъ, называть себя своимъ отцемъ.

Вопросъ. Да святится имя твое.

Отвѣтъ. Святится имя Божіе, исполненіемъ христовыхъ повелѣній.

Вопросъ. Да пріидетъ Царствіе твое.

Отвѣтъ. Царствіе Божіе обитаетъ тутъ, гдѣ свято и благочестиво живутъ.

Вопросъ. Да будетъ воля твоя, яко на небеси и на земли.

Отвѣтъ. Просимъ мы, чтобъ воля Божія исполняема была здѣсь на землѣ, какъ исполняютъ ангели на небѣ.

Вопросъ. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Отвѣтъ. Подъ хлѣбомъ просимъ мы всего нужнаго и благопристойнаго, безъ чего здѣсь на землѣ пробыть невозможно.

Вопросъ. И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Отвѣтъ. Просимъ мы, чтобъ Отецъ небесный простилъ грѣхи наши, сами обѣщаясь нанесенныя намъ отъ другихъ обиды прощать охотно.

Вопросъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

Отвѣтъ. Просимъ мы, чтобъ Господь избавилъ насъ отъ лукаваго сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его злыхъ.

Сообщ. въ 1879 г. **А. Е. Мерцаловъ.**

Отправка молодыхъ педагоговъ за границу

въ 1816 г.

При отправленіи, по повелѣнію Александра I, въ Англію въ 1816 г. четырехъ студентовъ Педагогическаго Института Обадовскаго, Свенске, Буссе и Тимаева, для пріобрѣтенія всѣхъ нужныхъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній для народнаго образованія въ своемъ отечествѣ, дана была имъ (кажется, отъ имени Министра Народнаго Просвѣщенія) слѣдующая инструкція:

„При отправленіи вашемъ въ Англію, я поставляю обязанностію начертать вамъ общія правила, коими вы должны руководствоваться для достиженія высокой цѣли вашего отправленія и для точнаго исполненія благодѣтельныхъ намѣреній монарха.

Главная цѣль вашего отправленія извѣстна вамъ, частію, изъ моихъ словъ, частію, изъ сообщенныхъ вамъ статей инструкціи, данной (графомъ Нессельроде), находящемуся при Лондонской миссіи г. кол. асс. Страндману. Сія цѣль не что иное, доколѣ вы будете въ Англіи, какъ пріобрѣтеніе всѣхъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній по части новой системы, изобрѣтенной гг. Ланкастеромъ и Беллемъ для народныхъ училищъ.

Сіе пріобрѣтеніе должно быть теоретическое, дабы вы, вникнувъ въ духъ сей системы и недовольствуясь однѣми наружными формами, могли, по возвращеніи вашемъ въ Россію, примѣнить сіи познанія къ надобностямъ народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ и показать на самомъ дѣлѣ, что вы странствовали съ пользою и съ осмотрительностію.

Но сіе пріобрѣтеніе должно быть также практическое, дабы вы могли увѣриться въ логической связи всѣхъ частей сей системы.

Для сего вы должны, съ одной стороны, читать со тщаніемъ всѣ лучшія сочиненія по части нормальныхъ училищъ; а съ другой, со всевозможнымъ стараніемъ примѣчать порядокъ въ училищахъ, учрежденныхъ по методѣ Ланкастера и Белля.

Напечатанный въ Лондонѣ отчетъ графа Лаборда, въ 1815-мъ году, содержитъ вѣрную и подробную картину сихъ училищъ. Вамъ необходимо каждому имѣть сію книгу.

По пріѣздѣ вашемъ въ Лондонъ, вы имѣете, немедля, явиться къ Россійскому послу графу Ливену и вручить ему приготовленный пакетъ на его имя.

Вамъ извѣстно, что, по Высочайшей волѣ, г. кол. асс. Страндманъ назначенъ быть вашимъ путеводителемъ. Зная вашу нравственность и ваше отличное поведеніе, я не имѣю нужды подтверждать вамъ, что вы обязаны имѣть къ г. Страндману совершенное повиновеніе и довѣренность, во всѣхъ случаяхъ слѣдовать его внушеніямъ и прибѣгать къ его совѣтамъ.

Сверхъ того предписывается вамъ быть въ безпрерывномъ сношеніи съ профессоромъ Мидлендорфомъ. Письма на его имя можете вы приносить въ посольскую канцелярію, изъ которой онѣ будутъ сюда отправляться. Пріобрѣтая всѣ нужныя свѣдѣнія по части педагогики, вы не должны терять изъ виду тѣхъ наукъ, къ которымъ каждый изъ васъ чувствовалъ доселѣ особенную склонность. Всякій трудъ и опытъ сего рода будутъ полезны и пріятны. Занимающіеся изъ васъ, предпочтительно, древними языками найдутъ въ Англіи большіе способы къ своему усовершенствованію; естественныя науки также процвѣтаютъ тамъ. Однимъ словомъ, отъ васъ и отъ вашего прилежанія зависѣтъ будетъ дальнѣйшее ваше образованіе.

Вышеозначенными правилами для пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній и для достиженія единственной цѣли вашего отправленія, вы должны руководствоваться во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы будете находиться. Всегда вы должны имѣть въ сердцѣ мысль о томъ, что можетъ быть (отечеству) полезно, и чѣмъ вы можете современемъ оправдать довѣренность вашего начальства.

Примѣчаніе. Вышеозначенные студенты были отправлены за границу въ Англію въ 1816-мъ году. Каждому изъ нихъ высочайше повелѣно было производить по пяти сотъ рублей изъ общихъ государственныхъ доходовъ; на путевые же издержки выдано имъ въ С.-Петербургѣ по семи сотъ рублей ассигнаціями каждому. Всѣ они своими успѣхами вполнѣ оправдали попеченіе о нихъ высшаго начальства, они послѣ въ Россіи были довольно извѣстными педагогами каждый по своей спеціальности.

Сообщ. **И. М.**

Записка о пенсіяхъ членамъ Грузинской царской фамиліи

1802 г.

Во исполненіе повелѣнія вашего сіятельства (вице-канцлера) не оставилъ я изготовить два особые списка свѣтлѣйшимъ фамиліямъ царя Ираклія Теймуратовича и сына его царя Георгія Иракліевича, кои оба по кончинѣ сихъ двухъ послѣднихъ царей Грузіи, и по присоединеніи ея къ высокой Его Императорскаго Величества державѣ, ожидаютъ высокомонаршаго воззрѣнія. Въ оныхъ спискахъ означилъ я первыми вдовствующихъ царицъ супругъ ихъ; подъ ними царевенъ дочерей ихъ по старшинству лѣтъ, съ означеніемъ состоящихъ въ замужествѣ и сколько имѣютъ дѣтей и тѣхъ, кои въ бракъ еще не вступили, а потомъ царевичей, равномѣрно по старшинству лѣтъ, съ показаніемъ кто женатъ и сколько имѣетъ дѣтей, и кто не женатъ и оба оные списка при семъ на разсмотрѣніе представить честь имѣю.

А какъ въ тоже время угодно вашему сіятельству знать о моемъ мнѣніи, сколько-бъ каждому изъ нихъ отъ щедротъ Государя Императора положить

пенсіону на содержаніе, въ случаѣ буде угодно кого либо изъ помянутыхъ двухъ фамилій пригласить на всегдашнее жительство въ Россію, то и осмѣливаюсь слабымъ моимъ мнѣніемъ покорнѣйше представить, что поелику царевичамъ Іоанну, Баграту, Михаилу и Миріану, на пребываніе ихъ здѣсь всемилостивѣйше было уже опредѣлено 10,000 рублей въ годъ каждому, изъ коихъ двое, и именно царевичи Іоаннъ и Багратъ женаты и имѣютъ дѣтей, а прочіе двое оба холосты, и изъ числа коихъ первымъ тремъ, по случаю всемилостивѣйшаго увольненія ихъ во свояси, нынѣ производится въ разсужденіи тамошней дешевизны только по 3,000 въ годъ, а послѣднему, то есть, царевичу Миріану, остающемуся навсегда въ Россіи, производится и понынѣ 10,000 въ годъ, то я полагаю: супругѣ царя Ираклія, вдовствующей царицѣ Дарьѣ 12,000 на годъ, да двумъ вдовствующимъ дочерямъ ея, царевнамъ Маріѣ и Катеванѣ и двумъ вдовствующимъ же ея невѣсткамъ, женамъ старшихъ сыновей ея покойныхъ царевичей Вахтанта и Леона, Катеванѣ Константиновнѣ и Нинѣ Хайкодевстѣ [1]), а вдовствующей царицѣ Маріѣ Георгіевнѣ тоже 12,000 руб. на годъ, да малолѣтнимъ дѣтямъ ея мужеска и женска пола, пока они при ней и коихъ всѣхъ числомъ шестеро, и именно: царевичи Джибранкъ, Илія, Окропирій и Ираклій, да царевны Тамара и Анна 24,0000, что и составитъ всего сей царицѣ съ дѣтьми ея 36,000 на годъ. О прочихъ же царевнахъ, находящихся въ замужествѣ за тамошними князьями, я ничего не полагаю, думая, что онѣ тамо съ мужьями своими и должны оставаться; а царевичамъ женатымъ и холостымъ, буде кого угодно будетъ пригласить въ Россію на жительство, опредѣлить такіе же каждому пенсіоны, какіе всемилостивѣйше были опредѣлены царевичамъ Іоанну, Баграту и Михаилу и какой понынѣ производится дядѣ ихъ царевичу Миріану Иракліевичу и сверхъ того всѣмъ имъ пожаловать, не въ зачетъ сихъ окладовъ, единовременно такую же милость, какая всемилостивѣйше была симъ же царевичамъ обѣщана въ указѣ отъ 9-го декабря прошлаго 1801 года, и именно домъ и на первое онаго обзаведеніе нужнымъ. О чемъ покорнѣйше представляя все оное, предаю вашему сіят-ву на благоразсмотрѣніе и соизволеніе.

Сергѣй Лошкаревъ.

Августа 17-го дня
1802 года.

Сообщ. **И. М.**

Ротный командиръ

ода соч. Муромцева

1808 г.

О ты! пространствомъ необширный,
Живый въ движеньи деплоядъ,
Источникъ страха роты смирной,
Безъ крылей—дланями крылатъ!
Извѣстный службою единой,
Стоящій фронта предъ срединой,

---

[1]) Ежели всѣ онѣ при ней будутъ находиться 16,000, что и составляетъ всего оной царицѣ съ двумя ея дочерьми и двумя невѣстками 28,000 въ годъ.

Велѣньемъ чьимъ колѣнъ не гнутъ;
Чей крикъ дворъ ротный наполняетъ,
Десница зубы сокрушаетъ,
Кого Мартыновымъ зовутъ!

***

Вскричать, чтобъ всякъ дрожалъ какъ стебель,
Сочесть ряды, повѣрить взводъ,
Хотя бы могъ лихой фельдфебель,
Но кто—„въ бокъ—прямо“ изречетъ!
Не можетъ рекрутъ на ученьи
Въ твои проникнуть наставленья
Безъ побудительныхъ причинъ.
Лишь къ службѣ мысль вознесть дерзаетъ,
Въ ходьбѣ и стойкѣ исчезаетъ
Какъ бывшій въ настоящемъ чинъ.

***

Порядокъ службы современной
Во всѣхъ уставахъ ты сыскалъ
И въ ротѣ прежде распущенной
Ты все устройство основалъ.
Въ себѣ всю службу заключая,
Изъ службы службу составляя,
Ты самъ въ уставъ—уставу данъ.
Ты движешь роту грознымъ словомъ,
Ты содержишь ее подъ кровомъ,
Былъ, есть и будешь капитанъ.

***

Ты въ ротѣ всѣмъ распоряжаешь,
Учить и не учить велишь,
Ее покоемъ раздвигаешь
И по желанію вертишь;
Какъ молньи небо раздираютъ,
Такъ темпы по рядамъ сгораютъ;
Какъ маятника вѣренъ бой
Съ движеньемъ стрѣлки репетичной
Въ часахъ механики отличной,
Такъ вѣренъ шагъ ихъ предъ тобой.

***

Имъ словъ командныхъ милліоны
Изъ громкихъ устъ твоихъ текутъ,
Твои по нимъ творятъ законы
И взводы какъ стѣна идутъ.
Во всякихъ ломкахъ и движеньяхъ,
Въ рядахъ, шеренгахъ, отдѣленьяхъ,
Или поставленные въ строй
Большой, середней, малой мѣры
Передъ тобою гренадеры
Стоятъ какъ лѣсъ передъ травой.

***

Какъ лѣсъ! Ничтожество въ сравненьи
Съ тобою рота вся твоя;
Но что же третье отдѣленье
И что передъ тобою я?
Во всемъ пространствѣ дивизіонномъ,
Умножа роту баталіономъ,
Стократъ другихъ полковъ и то,
Когда сравню съ тобой чинами,
Подметки будутъ подъ ногами,
А унтеръ предъ тобой ничто!

***

Ничто! но ты во мнѣ сіяешь,
Ходьбою ставъ со мною въ рядъ;
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ въ свѣтлой пуговкѣ парадъ.
Ничто! но я иду въ знаменахъ
И нѣтъ волненья въ баталіонахъ
И нѣтъ во фронтѣ пестроты,
Моя нога вѣрна быть чаетъ,
Въ строю никто не разсуждаетъ:
Я здѣсь, конечно здѣсь и ты.

***

Ты здѣсь! Мнѣ тишина вѣщаетъ,
Внутрь сердца страхъ гласитъ мнѣ то,
Солдатъ дыханье прерываетъ;
Ты здѣсь! и я ужъ не ничто:
Частица роты я знаменной
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ списковъ ротныхъ строй,
Гдѣ кончилъ писарь рапортичку,
Фельдфебель началъ перекличку,
Связуя офицерство мной.

***

Я связь для всѣхъ тому причастныхъ,
Средина я и пустота,
Между всѣхъ гласныхъ и безгласныхъ
Я офицерская черта.
Подъ ранцемъ плотью издыхаю,
Умомъ полкомъ повелѣваю,
Я вождь, я дрянь, ничто и все!
Я въ ротѣ существо чудесно!
Что я такое—неизвѣстно,
Конечно я ни то, ни сё!

***

Я твой подпрапоръ нечестивый,
Твоей премудрости болванъ,
Источникъ взысковъ справедливый,
Начальникъ мой и капитанъ!
Тебѣ по службѣ нужно было,

Чтобъ чаще подъ арестъ ходило
Дворянство для солдатъ въ примѣръ;
Чтобъ я по формѣ одѣвался,
Отнюдь въ театрахъ не казался,
Доколь не буду офицеръ.

***

О капитанъ, мой благодѣтель,
Виновникъ благъ моихъ и зла,
Арестовъ и похвалъ содѣтель,
Я слабъ воспѣть твои дѣла.
Но если славословить должно,
Подпрапорщику невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ тѣмъ, чтобы служить стараться
Съ ноги во фронтѣ не сбиваться
И вѣкъ во фракѣ не ходить.

Примѣчаніе. Авторъ этого стихотворенія Г. Муромцевъ служилъ въ 1808 г. подпрапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку въ ротѣ, которою командовалъ тогда Мартыновъ, бывшій въ послѣдствіи комендантомъ въ С.-Петербургѣ. Муромцевъ лишился руки подъ Бородинымъ въ 1812 году, † 1813 г.

Сообщ. **Дм. А. Сѣверцовъ.**

Тайное общество въ Варшавѣ съ цѣлью возстановленія Польши

1843 г.

I.

Рапортъ начальника главнаго штаба дѣйствующей арміи Г. А. Кн. Горчакова, военному министру гр. А. И. Чернышеву,

отъ 31-го іюля 1843 г., изъ Варшавы. № 137.

(Рукой князя Чернышева): «6-го Августа».

Въ дополненіе рапорта моего отъ 27-го сего іюля за № 115, честь имѣю донести вашему сіятельству слѣдующее:

Въ концѣ прошлаго мѣсяца, Нижегородскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Крашевскій (уроженецъ Царства Польскаго, бывшій въ дворянскомъ полку, откуда выпущенъ въ 1834 г.), явясь ко мнѣ, объявилъ, что нѣкоторые молодые люди говорили ему: что нужно взять новыя мѣры для возстановленія Польши; что послѣднее возмущеніе было безуспѣшно потому, что нисшіе классы не предвидѣли отъ онаго пользы для себя; что надобно имъ внушать, что новое возстаніе будетъ сдѣлано собственно для ихъ выгодъ; что необходимо привлекать офицеровъ къ участію въ этомъ дѣлѣ; что подлежитъ внушать солдатамъ, сколь тягостно положеніе ихъ въ службѣ, и обходиться съ ними строго, дабы они болѣе чувствовали эту тягость. Руководителемъ же сихъ молодыхъ людей онъ назвалъ адвоката Венховскаго. При этомъ Крашевскій изъяснилъ, что, усмотрѣвъ съ начала знакомства съ помянутыми людьми, вредныя ихъ намѣренія, онъ не давалъ виду, что противенъ ихъ мыслямъ, дабы имѣть возможность подробнѣе узнать о ихъ замыслахъ.

Для вящшаго разузнанія намѣреній и дѣйствій лицъ, о коихъ объявилъ Крашевскій, и буде можно пріобрѣтенія противъ нихъ уликъ, я приказалъ ему не прекращать съ ними сношеній и доводить до моего свѣдѣнія все, что узнаетъ новаго отъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ высшей полиціи имѣть бдительное наблюденіе, какъ за лицами, Крашевскимъ обвиняемыми, такъ и за нимъ самимъ.

Съ того времени до 24-го текущаго мѣсяца не было доставлено свѣдѣній, заслуживающихъ особаго вниманія. Но 24-го числа одинъ токарь извѣстилъ тайную полицію, что нѣкто Денкертъ имѣлъ съ нимъ возмутительные разговоры и сдѣлалъ предложеніе войти въ тайное общество.

Денкертъ, бывъ взятъ подъ арестъ, какъ я имѣлъ уже честь донести в. с-ву рапортомъ № 115, показалъ, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу, въ числѣ членовъ коего назвалъ того самого Венховскаго, котораго штабсъ-капитанъ Крашевскій считаетъ руководителемъ извѣстныхъ ему зловредныхъ людей. Показаніе Денкерта, совмѣстно со свѣдѣніями предъ тѣмъ отъ Крашевскаго полученными, были поводомъ начатія формальнаго изслѣдованія, о коемъ донесено мною тѣмъ же рапортомъ вашему сіятельству.

Денкертъ наименовалъ до 34-хъ человѣкъ, яко бы принадлежащихъ къ тайному обществу, или знающихъ объ ономъ, изъ числа коихъ семь принадлежатъ Литовскимъ губерніямъ.

Доселѣ арестовано 6 человѣкъ (въ томъ числѣ и вышесказаный Венховскій). Кромѣ Денкерта, арестованныя лица не сдѣлали еще сознаній, могущихъ хотя бы съ нѣкоторою точностію пояснить дѣло. Одинъ часовой мастеръ Барицкій признался, что разныя лица предлагали ему дѣйствовать на ремесленниковъ, внушая имъ вредныя мысли.

Въ показаніи своемъ, Денкертъ объяснилъ:

1) что между членами общества принято правиломъ: избѣгать письменныхъ сношеній, могущихъ возродить подозрѣніе правительства, а сноситься посредствомъ личныхъ свиданій въ условныхъ мѣстахъ; о времени же таковыхъ свиданій между двумя лицами, въ разныхъ мѣстахъ находящимися, предварять другъ друга письмами обыкновеннаго содержанія, выставляя на оныхъ, вмѣсто числа отправленія письма, число позднѣйшее, къ которому лице, получившее письмо, обязано явиться на опредѣленное для свиданія мѣсто [1]). Если же число въ письмѣ будетъ подчеркнуто, то это долженствовало означать, что того числа имѣетъ послѣдовать возмущеніе. Мѣстомъ сбора для сношеній съ литовцами было Ковно.

и 2) что 26-го іюля, по порученію членовъ общества, онъ готовъ былъ выѣхать въ Ковно, съ письмомъ къ помѣщикамъ м. Кейданъ (Ковенской губерніи) Чапскимъ, съ тѣмъ, чтобы посредствомъ ихъ распространить дѣйствія общества въ тамошнемъ краѣ. Онъ говоритъ, что сіи Чапскіе въ числѣ главныхъ членовъ общества.

На счетъ сношеній съ воинскими чинами, Денкертъ показалъ только, что засталъ однажды у Венховскаго двухъ пѣхотныхъ офицеровъ, которымъ и былъ рекомендованъ какъ нашъ, и что офицеры подали ему руку; но именъ сихъ офицеровъ онъ не зналъ.

---

[1]) Такъ напримѣръ: при отправленіи письма 10-го числа, выставить на немъ 20-е. Лице, получившее письмо 15-го числа, поняло бы, что 20-го числа надлежитъ быть на условномъ мѣстѣ для свиданія.

Касательно другаго тайнаго общества, существующаго якобы между ремесленниками, Денкертъ показалъ, что члены того общества, къ которому онъ принадлежитъ, будучи встревожены слухами, будто подобное общество, изъ ремесленниковъ составленное, намѣрено предпринять дѣйствіе во время пребыванія Государя Императора въ Варшавѣ, и опасаясь, чтобы это преждевременное покушеніе не повредило успѣху дѣла, согласились открыть сіе общество ремесленниковъ и поручили это ему, Денкерту, имѣя въ виду склонить оное дѣйствовать съ ними за одно.

Впрочемъ, на счетъ существованія такого общества ремесленниковъ не видно еще ничего яснаго, и нельзя нынѣ дать себѣ отчета, дѣйствительно ли оно уже существуетъ, или же члены общества, къ которымъ принадлежитъ Денкертъ, старались только распространить вредныя мысли между ремесленниками.

Судя по пріобрѣтеннымъ доселѣ свѣдѣніямъ, общество, въ коемъ участвуетъ Денкертъ, составлено изъ молодыхъ людей, большею частію, средней и нисшей шляхты, а намѣреніе онаго состоитъ въ томъ, чтобы приготовить умы къ возстанію, особенно въ нисшихъ сословіяхъ; когда же умы будутъ такимъ образомъ подготовлены, тогда приступить къ самому дѣлу. Изъ высшаго дворянства, принадлежащими къ сему обществу Денкертъ показалъ только двухъ братьевъ Чапскихъ, владѣльцевъ Кейданъ.

Донося объ этомъ вашему сіятельству, имѣю честь почтительнѣйше присовокупить, что я вмѣстѣ съ симъ сообщаю Виленскому военному губернатору, генералъ-лейтенанту Мирковичу, объ открывающемся здѣсь тайномъ обществѣ, для принятія зависящихъ отъ него мѣръ на счетъ Чапскихъ и прочихъ лицъ ввѣренныхъ ему губерній, кои, по словамъ Денкерта, извѣстны о существованіи тайнаго общества; а также извѣщаю его и объ условленномъ между заговорщиками способѣ для сношеній посредствомъ свиданій, коихъ время опредѣляется выставленіемъ невѣрныхъ чиселъ на письмахъ обыкновеннаго содержанія.

Въ заключеніе, долгомъ поставляю доложить вашему с-ву, что слѣдственной коммисіи вмѣнено въ обязанность обращать особенное вниманіе на точное открытіе степени сношеній воинскихъ чиновъ съ лицами, подозрѣваемыми въ принадлежности къ тайному обществу. Ген.-Ад. Кн. Михаилъ Горчаковъ.

II.

Всеподданнѣйшее письмо князя Варшавскаго.

Варшава 6-го (18-го) Августа 1843 г.

Всемилостивѣйшій Государь. Письмо В. И. В. отъ 8-го (20-го) іюля имѣлъ счастіе почучить въ Карлсбадѣ. [1]) Припадая къ стопамъ вашимъ и государыни императрицы, имѣю счастіе поздравить съ новорожденнымъ внукомъ. Не тотчасъ отвѣчалъ на письмо вашего величества, потому что спѣшилъ въ Варшаву. По пріѣздѣ нашелъ дурное происшествіе: открыто секретное обще-

[1]) Образецъ орѳографіи свѣтлѣйшаго: «въ Карсбате». Письмо передать со всѣми ошибками противу грамотности довольно трудно, до того безграмотно писалъ князь И. Ѳ. Паскевичъ Варшавскій. Ошибки его здѣсь исправлены.

ство, по важнѣе другихъ, потому что начали подговаривать офицера. Онъ донесъ начальнику штаба, отчего оно и вышло наружу. Послѣ послѣдняго донесенія князя Горчакова, еще новыя лица открыты, о чемъ подробно въ запискѣ имѣю счастіе представить. Сіе дѣло еще неизвѣстно, какъ кончится, можетъ быть, не будетъ болѣе виновныхъ: но нельзя ручаться, чтобы и большой заговоръ не былъ открытъ. Я всего дурнаго ожидаю. День отъ дня труднѣе становится: ибо либеральство увеличивается и распространяется въ Пруссіи ненаказанно, такъ что нѣту теперь не только города, но даже мѣстечка, гдѣ бы масонскія ложи не были заведены, въ которыхъ разсуждаютъ о всѣхъ политическихъ дѣлахъ и въ самомъ дурномъ смыслѣ. И такъ мы окружены нитью секретныхъ обществъ по всему пространству нашей границы.

Князь Горчаковъ ген.-лейт. Мирковичу о семъ происшествіи писалъ и получилъ отвѣтъ: онъ принялъ въ Ковнѣ очень хорошія мѣры. Войска, по пріѣздѣ моемъ сюда, я еще не видѣлъ. Но князь Горчаковъ говорилъ, что они впередъ подались.

Я имѣлъ счастіе представляться въ Франценсбрунѣ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ; воды сіи ей помогаютъ и я нашелъ ея высочество въ хорошемъ здоровьи.

Въ Карльсбадѣ изволилъ быть герцогъ, супругъ ея высочества. Воды ему также помогаютъ. О Карльсбадѣ скажу, что тамъ было спокойно; Австрійское правительство очень хорошо: полиція строга и все знаетъ.

Окончивъ сіе письмо, я осмѣливаюсь напомнить о послѣднемъ разговорѣ, Всемилостивѣйшій Государь. Не откажите брать конвоя—болѣе я не смѣю прибавить.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою же преданностію имѣю счастіе быть В. И. В. всемилостивѣйшаго Государя вѣрноподданный, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій.

III.

Всеподданнѣйшее донесеніе князя Варшавскаго.

Отъ 6-го (18-го) августа 1843 г.—г. Варшава.

По прибытіи въ Варшаву, я немедленно занялся разсмотрѣніемъ всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до дѣла, о коемъ начальникъ главнаго штаба арміи донесъ военному министру двумя рапортами №№ 115 и 137.

Изъ собранныхъ донынѣ свѣдѣній, до онаго касающихся, всеподданнѣйше доношу В. И. В. слѣдующее:

Доселѣ арестовано 23 человѣка, обвиняемыхъ въ принадлежности къ открывающемуся зловредному тайному обществу, или въ большемъ или меньшемъ участіи въ дѣлахъ онаго. Главными руководителями онаго, какъ кажется, адвокаты: Владиславъ Венховскій, Адамъ Гроссъ и Карпинскій; прочія арестованныя лица суть большею частію судебные апликанты. Венховскій и Гроссъ арестованы; Карпинскаго же по сіе время нельзя было отыскать; между бумагами его найденъ мышьякъ. Гроссъ въ минуту арестованія имѣлъ при себѣ кинжалъ и когда былъ съ нимъ схваченъ, то объявилъ, что имѣлъ его въ намѣреніи лишить себя жизни. Сознаній никто еще не сдѣлалъ, кромѣ Денкерта и часоваго мастера Барицкаго; но на счетъ Венховскаго

имѣется, кромѣ показаній Денкерта и штабсъ-капитана Крашевскаго, еще и другая улика, передъ самымъ арестованіемъ, по его приказанію, нѣкіимъ аппликантомъ Левицкимъ составленная, для доставленія оной Денкерту въ его тюрьмѣ, и которая изобличаетъ тайные замыслы.

Переписка всѣхъ арестованныхъ лицъ нынѣ разсматриваемая, еще не открыла ничего замѣчательнаго; найдено, что одинъ изъ помѣщиковъ Чапскихъ (Эдуардъ), о коихъ генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ упоминалъ въ своемъ послѣднемъ рапортѣ, былъ въ перепискѣ съ Гроссомъ, съ коимъ учился въ Берлинѣ, и что эту переписку скрывалъ отъ матери.

На счетъ существованія, якобы особаго тайнаго общества ремесленниковъ, новаго ничего не открыто. Относительно двухъ офицеровъ, о коихъ Денкертъ объявилъ, что видѣлъ ихъ у Венховскаго, ничего, кромѣ прежняго показанія о томъ Денкерта, равномѣрно не открыто.

Трудно еще сдѣлать какое либо положительное заключеніе объ открывающихся нынѣ зловредныхъ дѣйствіяхъ по всему этому дѣлу. Я надѣюсь однако же, что дѣятельныя разслѣдованія коммисіи приведутъ ихъ скоро въ нѣкоторую ясность. Для бо́льшаго успѣха, я поручилъ сенатору Стороженкѣ, вчера въ Варшаву возратившемуся, участвовать въ оной. Кажется, что открываемое нынѣ общество началось съ 1841 года; имѣетъ связи не только съ Литвою, но и съ Княжествомъ Познанскимъ, и что прекращеніе картели съ Пруссіею увеличило смѣлость его членовъ надеждою скрыться, въ случаѣ надобности, безнаказанно за границу. Особенное вниманіе нужно, по моему мнѣнію, обратить на Ковенскій пунктъ, къ границѣ прилегающій, въ коемъ, по словамъ Денкерта, имѣли производиться сношенія злоумышленниковъ Царства Польскаго съ злоумышленниками Литовскихъ губерній, а также на городъ Шавли, гдѣ Денкертъ имѣлъ прежде свое пребываніе.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій.

Марія Сверчкова.

Поэтъ П. А. Вяземскій устраиваетъ женитьбу графа Фридриха Нессельроде въ Варшавѣ.—Нессельроде расходится съ женою.—Рожденіе дочери.—Переѣздъ ея въ Петербургъ.—Воспитаніе.—Выходъ замужъ и отъѣздъ за границу.—Разлука съ мужемъ.—Пріѣздъ въ Варшаву.—Помощь, оказанная ею начальнику повстанскихъ дружинъ на правомъ берегу Вислы, въ февралѣ 1846 г. — Высылка ея за границу. — Возвращеніе въ Варшаву послѣ 1856 года. — Кончина. — 1823—1874 гг.

Между 1818—1822 годами извѣстный писатель, князь П. А. Вяземскій, служилъ въ Варшавѣ, въ канцеляріи тоже не мало извѣстнаго Н. Н. Новосильцова. Въ то время русскіе въ царствѣ польскомъ болѣе сближались съ поляками, чѣмъ теперь; причина тому понятна: у поляковъ было болѣе своего: законъ, войско, сеймъ, представительныя учрежденія. Они смотрѣли на русскихъ, какъ-бы на равныхъ имъ политически европейцевъ; даже—какъ бы на низшихъ. Вяземскій лично сошелся со многими аристократическими семействами; между прочимъ, бывалъ очень часто и запросто въ семействѣ Ледуховскаго, гдѣ его занимала старшая сестра хозяйки, урожденная Гурская,—

красивая, живая, разбитная полька, имѣвшая въ себѣ всѣ очаровательныя свойства польскихъ женщинъ и всѣ ихъ недостатки, прежде всего чрезвычайную легкость и вѣтряность. Это было съ руки молодому поэту, располагавшему своимъ временемъ (по отъѣздѣ жены его въ Москву) какъ вздумается, особенно вечерами. Русскій остроумный и образованный аристократъ и живая-преживая Полька того-же самаго круга, къ которому онъ принадлежалъ, стали, очень естественно, друзьями. Вдругъ разразилась буря: великій князь Константинъ Павловичъ нашелъ пребываніе поэта въ тогдашней Варшавѣ (когда поляки начали довольно рѣзко высказывать неудовольствіе противъ правительства; поэта, который то-и-дѣло сыпалъ политическими остротами на трехъ языкахъ: русскомъ, польскомъ и французскомъ, писалъ задорные стихи, а въ письмахъ своихъ въ Россію дѣлалъ кое-какія невыгодныя для правителей Польши ревеляціи)—неудобнымъ, нажаловался на него государю, въ пріѣздъ послѣдняго на второй Варшавскій сеймъ—и Вяземскому приказано было отправиться въ Россію. Наканунѣ своего отъѣзда онъ пришелъ къ Ледуховскимъ и въ интимномъ разговорѣ съ „другомъ" спросилъ: „что она будетъ безъ него дѣлать? Кого изберетъ своимъ cavalière servênte?.. можетъ быть англичанина N? Можетъ быть даже выйдетъ замужъ?"—А почему нѣтъ? отвѣчалъ „другъ"; выйду замужъ! — „Это для васъ труднѣе, чѣмъ для многихъ иныхъ." — Нисколько не труднѣе. Я пошла-бы, напр., съ охотой за графа Фридриха Нессельроде, [1]) если-бы онъ присватался.—„Да, это человѣкъ достойнѣйшій, благороднѣйшій, твердый какъ скала, обломокъ средневѣковаго рыцарства, но.... впрочемъ мѣшаться въ такія дѣла никому не слѣдуетъ, и я умолкаю"! сказалъ Вяземскій и они разстались.

На другой день онъ завтракалъ у Нессельроде и передалъ ему весь свой разговоръ съ панной Гурской. „Странное дѣло, сказалъ обломокъ рыцарства, краснѣя: вѣдь и она мнѣ нравится"!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, въ концѣ 1822 года, живая полька стала женою не очень живаго и даже не очень молодаго нѣмецкаго графа [1]), но скоро супруги поняли, что жить имъ вмѣстѣ не приходится. Обломокъ рыцарства первый предложилъ вѣчную разлуку. Графиня уѣхала въ Вильну и повела тамъ жизнь — какая казалась ей тогда наиболѣе по сердцу и по нраву. Первое родившееся у ней дитя (въ августѣ 1823), прелестную, бѣлокурую дѣвочку, графъ призналъ своею дочерью. Это дитя, нѣсколько позже, въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія, нашло, вмѣстѣ съ младшею своею сестрою, такою-же блондинкою, но не столь миловидною, пріютъ въ домѣ близкаго своего родственника и однофамильца, въ Петербургѣ. Обѣ дѣвочки носили фамилію Сверчковыхъ. Графъ и графиня чрезвычайно любили ихъ и воспитывали какъ своихъ дочерей. Старшая вышла чудомъ обворожительности. Она имѣла во всей своей физіономіи, въ поступи, во взглядѣ, во всѣхъ малѣйшихъ движеніяхъ столько граціи и вмѣстѣ чего-то царственнаго, породистаго, что увидѣвъ ее разъ, трудно было забыть. Вотъ какъ описываетъ видавшій ее объ эту пору кн. П. А. Вяземскій: „польская и нѣмецкая стихіи слива-

---

[1]) Графъ Фридрихъ-Карлъ Нессельроде перешелъ на службу въ Россію около 1813 года и, насколько могъ, обрусѣлъ и ополячился. Во время, которое мы описываемъ, онъ былъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича, имѣя отъ роду 36 лѣтъ.

лись въ ней, но другъ друга не изглаживали и не поглощали. Каждая изъ нихъ выдавалась въ стройной яркости своей. Въ ней была и вкрадчивая прелесть Сарматской женственности и тихое поэтическое сіяніе Германской Туснельды. Придайте къ этому блескъ французской образованности, живую игривость ума и разговорчивости, и можно легко понять, что она должна была занять исключительное и почетное мѣсто вездѣ, гдѣ бы она ни показывалась". „Однако", говоритъ онъ далѣе: „при всемъ обольщеніи и, можно сказать, упоеніи исключительнаго положенія своего и разнородныхъ успѣховъ, которые вездѣ она пожинала, умѣла она сохранить свѣжесть и простосердечіе чувства, оставшагося не растравленнымъ и не задѣтымъ чарами, которыя окружали ее"[1]).

Когда для этого удивительнаго созданія пришелъ тотъ возрастъ,

„о которомъ
Такъ полны наши книги всякимъ вздоромъ"...

графъ поручилъ одному близкому къ нему человѣку, Е., пріискать „соотвѣтственнаго жениха". Е. сталъ пріискивать. Взоръ его остановился очень скоро на Калерджи, богатомъ петербургскомъ жителѣ греческаго происхожденія, котораго родной братъ игралъ въ возстаніе грековъ 1821 года довольно видную ролю, а онъ самъ, Богъ вѣдаетъ по какимъ причинамъ, предпочелъ сѣверныя туманныя небеса яснымъ и роскошнымъ небесамъ, если не своего отечества, такъ, по крайней мѣрѣ, отечества своихъ предковъ: устроилъ разными способами свои милліоны въ Петербургѣ и сталъ, по своимъ привычкамъ, почти русскимъ человѣкомъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ и дѣлая, когда ему вздумается, набѣги туриста на Европу.

Какъ туристъ со средствами, онъ имѣлъ у себя огромное количество всякихъ дорогихъ бездѣлушекъ, напоминавшихъ разныя замѣчательныя мѣстности видѣнныхъ имъ странъ, между прочимъ, собраніе альбомовъ съ акварелями знаменитыхъ художниковъ. Все это было разставлено и разложено въ его салонахъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ.

Е., разсматривая какъ-то одинъ изъ альбомовъ, сказалъ хозяину, что онъ сдѣлалъ-бы ему большое одолженіе, если бы позволилъ показать кое-что изъ этихъ рисунковъ графинѣ Нессельроде, которая любитъ безъ памяти хорошія акварели. Хозяинъ отвѣчалъ пріятелю, что „онъ можетъ показать графинѣ всѣ его альбомы и предложить ей оставить у себя навсегда тѣ рисунки, которые ей въ особенности понравятся, что этимъ она сдѣлаетъ владѣльцу альбомовъ высокую честь и болѣе ничего".

Е. взялъ пару альбомовъ и показалъ графинѣ. Она удержала у себя одинъ небольшой рисунокъ и просила Е. представить ей Калерджи, дабы поблагодарить его за такую любезность. Калерджи явился. Когда графиня съ нимъ бесѣдовала, вошелъ графъ, выразилъ благодарность гостю и съ своей стороны, и просилъ его у нихъ отобѣдать. Тутъ Калерджи въ первый разъ увидѣлъ лучезарную красоту старшей Сверчковой... Потомъ онъ былъ приглашенъ на балъ, потомъ на вечеръ, потомъ—опять на балъ...

Спустя нѣкоторое время тотъ же самый Е. былъ уполномоченъ пріятелемъ освѣдомиться у графа и графини на счетъ ихъ взглядовъ на бракъ его съ ихъ воспитанницею: можетъ-ли онъ осмѣлиться просить у нихъ ея руки?

Е. привезъ отвѣтъ такого рода, что „графъ и графиня ничего противъ

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1879 г., томъ II, стр. XV—XVI.

этого не имѣютъ, но... въ смерти и животѣ, что называется, Богъ воленъ: воспитанница ихъ дѣвушка бѣдная, въ случаѣ чего, она будетъ поставлена въ критическое положеніе".

— Что-же нужно? Чтобъ я ее обезпечилъ? Спросилъ Калерджи.—Хоть сейчасъ!—

И онъ записалъ ей, форменнымъ порядкомъ, еще до совершенія брака, два милліона рублей. (Такъ разсказывали.) Потомъ сдѣлался ея мужемъ и, какъ бываетъ почти всегда съ богатыми „молодыми", они уѣхали изъ Россіи за тридевять земель...

Довольно скоро случилось однако, что поэтическая женщина, сотворенная откликаться своею впечатлительною душою всему прекрасному и великому, жившая постоянно своимъ воображеніемъ въ мірѣ Байроновъ, Моцартовъ, Россини; имѣвшая понятіе обо всемъ, что создано геніями разныхъ странъ, нашла, что мужъ ея чрезвычайно прозаиченъ, даже плохо образованъ — и... полюбила одного музыканта, котораго имя гремѣло тогда во всей Европѣ. Словомъ, повторилась исторія ея отца. Мужъ ея, какъ и Варшавскій графъ Нессельроде, нисколько не сердился, не дѣлалъ никакихъ сценъ, а молча уѣхалъ въ Италію, догорать на берегу какого-то озера, въ прелестнѣйшей виллѣ. Говорили даже, что, умирая, онъ отказалъ своей женѣ все свое состояніе, т. е. еще нѣсколько милліоновъ...

Постранствовавъ по Европѣ въ-сласть, госпожа Калерджи очутилась, въ началѣ 1840-хъ годовъ, въ Варшавѣ, гдѣ ея посѣдѣвшій, какъ лунь, отецъ усѣлся въ это время на довольно видное, хотя и не аристократическое мѣсто: начальника 3-го округа жандармовъ. Имя ея по мужу было скоро забыто. Всѣ ее называли обыкновенно: „Графиня Нессельроде"—и это ей шло какъ нельзя болѣе! Она стала желанною гостьей всѣхъ аристократическихъ салоновъ; всѣ восхищались ея красотою, ея умомъ, ея изящными манерами, ея умѣніемъ говорить обо всемъ мило, остроумно, съ пониманіемъ дѣла; наконецъ—ея истинно-артистическою игрою на фортепьяно; инымъ нравилось даже истинно-артистическое бросаніе ею денегъ на платья, на брилліанты, на мебель, на всю неслыханно-роскошную обстановку жизни, хотя она и отпускала временами ближайшимъ своимъ пріятельницамъ странныя фразы, нѣсколько вздыхая: „Я не могу тратить много... мнѣ часто недостаетъ на предметы очень необходимые... je suis mendiante!"

Поляковъ и полекъ въ „графинѣ Нессельроде" привлекала въ особенности необычайная смѣлость ея сужденій и неудовольствіе, рѣзко высказываемое противъ правительства. Многіе скомпрометированные, даже осужденные поляки, находили въ ней опору и защиту. Говорили даже, будто бы она ходитъ, переодѣтая мужчиной, въ цитадель, чтобы облегчить участь иныхъ узниковъ. Что касается до бѣдныхъ, она помогала имъ всю жизнь въ широкихъ размѣрахъ.

Въ числѣ лицъ, наиболѣе искавшихъ въ дочери начальника 3-го округа жандармовъ, была одна новопріѣзжая аристократка, госпожа Домбровская, рожденная княгиня Лонцкая, которой мужъ (единственный сынъ генерала Наполеоновскихъ временъ, Генриха Домбровскаго, воспѣтаго Мицкевичемъ въ Панѣ Тадеушѣ) пошелъ по слѣдамъ многихъ своихъ друзей: вступилъ въ ряды повстанцевъ 1845—1846 гг. и получилъ отъ главы тогдашняго революціоннаго движенія Польши всѣхъ захватовъ, Людвига Мирославскаго, номинацію „начальника праваго берега Вислы" съ приказаніемъ выѣхать въ Царство Поль-

ское [1]), гдѣ было у него огромное имѣніе Куфлевъ, верстахъ въ 35 отъ Варшавы, если ѣхать на Сѣдльце. Всѣ знаютъ, чѣмъ кончилось возстаніе 1846 года. Домбровскому нуженъ былъ паспортъ за границу въ тотъ-же самый день, когда онъ узналъ изъ письма жены, что „ихъ тайна открыта". Такой паспортъ могъ быть выправленъ только самымъ исключительнымъ способомъ, при участіи какихъ-либо чрезвычайныхъ силъ. Это устроила для своей пріятельницы графиня Нессельроде, взявъ паспортный бланкъ въ кабинетѣ своего отца и велѣвъ одному чиновнику жандармскаго управленія вписать туда имя, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формальностей—и госпожа Домбровская полетѣла стрѣлою съ этой драгоцѣнной бумагой въ Куфлевъ, выручила мужа изъ рукъ повстанцевъ, которые грозились его убить, если онъ имъ измѣнитъ, и поскакала вмѣстѣ съ нимъ обратно въ Варшаву, вечеромъ 21-го февраля н. ст. 1846 г. Около двухъ часовъ пополуночи они прибыли на мѣсто и остановились въ гостинницѣ Герлаха, на Краковскомъ предмѣстьѣ [2]). Съ этихъ поръ дадимъ говорить самому дѣйствующему лицу, Домбровскому.

„Прибывъ въ Варшаву, я только и думалъ, какъ-бы поскорѣе уѣхать, чтобъ не имѣть надобности показываться утромъ (22-го февраля н. ст.) среди бѣла дня. Я сталъ у окна, въ гостинницѣ Герлаха, и смотрѣлъ на улицу, которая была еще значительно оживлена: сани и дрожки мелькали взадъ и впередъ. Я крикнулъ въ окно однимъ санямъ, простился съ женою, сказавъ ей, чтобы пріѣзжала скорѣе въ Винную Гору [3]) и вышелъ, одѣтый довольно тепло, но безъ всякой, сколько-нибудь бросающейся въ глаза, дорожной клади. Небольшой узелокъ съ бѣльемъ, сапогами и разною мелочью я спряталъ подъ шинель, сѣлъ въ сани и велѣлъ себя везти за Вольскую заставу; при этомъ спросилъ у извощика: „отчего такая ѣзда позднею ночью?" Онъ отвѣчалъ: „у Ома балъ, такъ и ѣдутъ туда и оттуда" [4]).

„Когда мы добрались до заставы и мнѣ слѣдовало предъявить паспортъ, я, съ виду нисколько не похожій на дорожнаго, сказалъ, что „ѣду къ Ому на балъ;" этому повѣрили—и сани очутились за заставой. Тутъ я велѣлъ извощику ѣхать до тѣхъ поръ, пока не прикажу остановиться. Отъѣхавъ довольно

---

[1]) Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Москва, 1873, стр. 67—69.

[2]) Гостинница Герлаха, небольшой двухъ-этажный домъ съ нѣсколькими каштанами передъ окнами, стояла на Краковскомъ предмѣстьѣ до половины апрѣля 1876 года, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь фронтовая часть Европейской гостинницы.

[3]) Наслѣдственное имѣніе Домбровскаго въ Княжествѣ Познанскомъ.

[4]) Омъ (Uom) прибылъ въ Варшаву изъ Берлина еще до 1830 года и отдѣлалъ одинъ изъ загородныхъ домовъ, съ большимъ садомъ, за Вольской заставой, въ полуверстѣ отъ нея, по лѣвой сторонѣ дороги, и сталъ давать тамъ вечера и балы. Ему повезло. Этотъ пунктъ и Деревенскій Садъ (Wejski Ogródek) были въ 1840-хъ годахъ самыми модными. Тамъ кучивалъ, между прочимъ, нашъ знаменитый композиторъ Глинка. Ему нравилась у Ома одна маленькая дѣвочка, разносившая кушанья и вино. Когда онъ переступалъ мѣру въ требованіи шампанскихъ бутылокъ, дѣвочка говорила: «не дамъ больше пану вина: панъ будетъ пьянъ, а это не хорошо!»—и онъ слушался. Теперь въ зданіи, которое занимала ресторація Ома до демонстраціонныхъ годовъ 1860—1861, фабрика бумажныхъ обоевъ Франашка (Fabryka obić papierowych Franaszka).

далеко отъ города, я предложилъ извощику значительную сумму денегъ, съ тѣмъ, чтобы онъ провезъ меня еще милю, не то хотя до первой станціи. Извощикъ согласился, но проѣхавъ съ небольшимъ милю, долженъ былъ спустить меня въ одной колоніи, такъ какъ лошади его отъ быстрой ѣзды истомились и начали приставать".

„Въ колоніи я нанялъ другихъ лошадей, которыя доставили меня въ корчму за Блонемъ, оттуда я переѣхалъ въ Сохачевъ, нанялъ тамъ у жида новую фурманку и добрался въ ней, передъ вечеромъ 22-го февраля н. ст., черезъ Ловичъ, до Плецка-Домбровы. Тутъ я увидѣлъ, какъ пронесся мимо меня, въ полуоткрытой повозкѣ, Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ, генералъ Абрамовичъ, взглянулъ на меня, но не узналъ".

„Въ Плецка-Домбровѣ я сталъ разъискивать новую фурманку, какъ вдругъ замѣтилъ у корчмы хорошій помѣщичій экипажъ, который, какъ оказалось изъ распросовъ у кучера, долженъ былъ возвратиться въ Кутно. Жидъ, привезшій меня въ Плецка-Домброву, подговорилъ кучера, за извѣстную сумму, доставить меня въ Кутно, куда мы прибыли послѣ полуночи, съ 22-го на 23-е февраля н. ст. Я вылѣзъ неподалеку отъ почтовой станціи, боясь, не оставилъ-ли тамъ Абрамовичъ какихъ распоряженій насчетъ меня, но страхи мои были напрасны. Войдя потомъ, съ нѣкоторыми предосторожностями, на почтовой дворъ, я нашелъ тамъ знакомаго мнѣ помѣщика Козьминскаго, который тоже хотѣлъ получить лошадей, но смотритель увѣрялъ, что всѣ лошади недавно пришли съ гону и дать онъ намъ ихъ, обоимъ одновременно, никакъ не можетъ".

„Такъ-какъ мнѣ случилось разъ съ Козьминскимъ, въ іюлѣ 1845 г., совершить поѣздку отъ Варшавы до Калиша (я ѣхалъ тогда изъ Куфлева въ Лондекъ, гдѣ жена моя брала ванны), то я рѣшился, предложить ему и на этотъ разъ путешествіе въ одномъ экипажѣ, на общій счетъ, до мѣстечка Коло. Козьминскій согласился и мы отправились. Онъ ѣхалъ, какъ говорилъ, въ Бреславль, повидаться съ дочерьми, которыя находились тамъ въ пансіонѣ. Я же сказалъ, что ѣду домой, въ Винную Гору. Пріѣхавъ въ Коло, мы спросили на станціи кофе. Тѣмъ временемъ я потребовалъ себѣ особыхъ почтовыхъ лошадей до Конина и выѣхалъ, когда Козьминскій пилъ еще подъ окошкомъ кофе".

„Когда мы были довольно далеко отъ мѣстечка, я уговорилъ почтаря, вмѣсто того чтобъ ѣхать наونинъ, отвезть меня въ Вышинъ, къ графу Николаю Гуровскому, [1]) котораго я зналъ давно. Онъ бывалъ не разъ у моей дочери и потому я, прибывъ къ нему въ Вышинъ, могъ просто-за-просто сказать, что дѣлаю ему визитъ".

„Когда я пробылъ у него съ полдня, онъ предложилъ мнѣ съѣздить въ Папротню, имѣніе Курчевскаго, лежащее отъ Конина въ полуторѣ миляхъ. Этого Курчевскаго я вовсе не зналъ, хотя семейство его, жившее въ Познанскомъ Княжествѣ, было мнѣ довольно знакомо. Гуровскій представилъ ему меня, какъ стараго пріятеля. Мы съѣли dejeuner-dinatoir и пробыли потомъ въ Папротнѣ около двухъ часовъ, въ теченіи которыхъ я все думалъ о томъ, какъ-бы достать фурманку и ѣхать далѣе. Гуровскій сказалъ, что ему нужно съѣздить по хозяйственнымъ дѣламъ въ Конинъ. Я сказалъ, что и мнѣ нужно въ Конинъ. Гуровскій посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, однако не возра-

[1]) Братъ Адама, члена демократическаго общества.

зилъ ничего, равно и не предложилъ свезти меня въ Конинъ. Предложилъ это вдругъ добродушный Курчевскій, велѣлъ запречь лошадей и мы отправились. Не доѣзжая до города, я замѣтилъ у одной карчмы нѣсколько крестьянскихъ подводъ, прибывшихъ повидимому на ярмарку, выскочилъ изъ экипажа и простился съ Курчевскимъ, который былъ, какъ кажется, сильно этимъ озадаченъ".

„Я сталъ распрашивать у мужиковъ, не можетъ-ли кто-нибудь изъ нихъ провезть меня нѣсколько миль въ направленіи къ Калишу, до деревни Опатовки. Они спросили: „сколько я дамъ за это?" Я отвѣчалъ, что торговаться не стану, лишь-бы везли. Одинъ мужикъ взялся провезть меня шесть миль, до деревни, которой имени не помню, между Вартой и Калишскимъ шоссе. Всѣ эти шесть миль мы сдѣлали проселкомъ. Тутъ я вылезъ изъ фурманки и нанялъ другаго мужика, который хорошо зналъ тѣ мѣста и имѣлъ кое-какія знакомства на границѣ. Онъ привезъ меня къ контрабандисту, которому я сказалъ, что „я купецъ, живущій отъ нихъ недалеко, хочу перевезть кое-что въ Пруссію, а оттуда привезть сигаръ и сахару".

„Контрабандистъ перевелъ меня пѣшкомъ черезъ Просну, уже начавшую таять, между Калишемъ и Хоржау (Chorzau), въ деревню, которой имени не припомню, въ полумилѣ отъ Прусской границы, по направленію къ Острову. Это было 24-го февраля н. ст. 1846 г. Тутъ я изорвалъ свой русскій паспортъ и нанявъ фурманку, доѣхалъ до гостинницы, лежащей передъ Островомъ. Въ самый Островъ въѣхать я не рѣшился, дабы избѣжать распросовъ полиціи—нанялъ фурманку и доѣхалъ до какой-то деревни, передъ Мендзыборомъ, гдѣ переночевалъ. Послѣ проѣхалъ черезъ Мендзыборъ, Миличъ и Сулау, гдѣ узналъ, что вслѣдствіе Краковскихъ безпорядковъ и нападенія какихъ-то злоумышленниковъ на почту, усилены наблюденія за всѣми проѣзжими, а потому проѣхалъ на Трахтенбергъ, Гернштадтъ, Полквицъ, Сорау, Котбусъ и оттуда, черезъ различныя мѣстечки и деревни, добрался до Герцберга, неподалеку отъ котораго, въ Гроховцахъ, жилъ мой зять, фельдмаршалъ-лейтенантъ Поломбини".

„Во всю эту дорогу мнѣ не случилось встрѣтить никого изъ моихъ знакомыхъ. Дабы не записываться въ полицейскихъ управленіяхъ, я нигдѣ не останавливался болѣе, какъ на нѣсколько часовъ ночью, чтобы только выспаться. При вопросахъ: „кто я?" говорилъ разныя фантастическія фамиліи, употребляя чаще всего Миллера и Шмита. Все это мнѣ сильно надоѣло. Я постоянно боялся попасть подъ арестъ, вслѣдствіе чего, прибывъ въ Гроховицы, открылъ моему зятю все. Онъ присовѣтовалъ мнѣ явиться немедля властямъ, обѣщая потомъ посильную помощь. Я представился высшей власти въ Герцбергѣ, 4-го марта н. ст. и былъ тотчасъ-же отправленъ во Франкфуртъ-на-Одерѣ, а оттуда въ крѣпость Зонненбургъ и наконецъ въ познанскую цитадель [1])".

Само собою разумѣется, что исчезновеніе начальника праваго берега Вислы, (когда всѣ другіе вожди возстанія въ Царствѣ были захвачены) обратило на

---

[1]) Протокулярныя показанія Домбровскаго въ Зонненбургѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, 17-го апрѣля н. ст. 1846, дополненныя въ Познанской цитадели 16-го сентября н. ст. того-же года. Домбровскій умеръ недавно, въ апрѣлѣ 1880, отъ апоплексическаго удара, въ имѣніи своемъ, Винной Горѣ.

себя вниманіе кн. Паскевича, военнаго диктатора нашей Польши. Онъ узналъ очень скоро, откуда у Домбровскаго явился паспортъ. Виновница была арестована въ домѣ своего отца, и потомъ выслана за границу. Объ ея заграничной жизни ходило множество престранныхъ сказаній. Кто отдѣлитъ тутъ правду отъ фантазій?... Говорили, между прочимъ, будто-бы Евгеній Сю, (знавшій госпожу Калерджи еще прежде) съ нея написалъ портретъ героини своего романа Juif Errant [1]). Нѣкоторыя пріятельницы не шутя звали ее одно время Адріанной. Гейне написалъ стихотвореніе, обозначенное настоящимъ именемъ госпожи Калерджи, но она упросила его не выпускать въ свѣтъ этого стихотворенія въ такомъ видѣ, а какъ-нибудь иначе. Стихотвореніе названо: Der weise Elephant, а имя К. замѣнено Біанкой [2]) Говорили еще, будто-бы Евгеній Кавеньякъ, герой февральскихъ дней Парижа, въ 1848 году, былъ безъ памяти влюбленъ въ „Адріанну", а позже у ея ногъ явился будто-бы его соперникъ, принцъ Людовикъ Наполеонъ... Въ заключеніе ходили слухи, что салоны госпожи Калерджи не простые салоны, а политическіе; что на поддержку ихъ царскаго блеска отпускаются откуда-то особыя, весьма значительныя суммы. Мы не подтверждаемъ этого, но... и не отрицаемъ.

Въ началѣ новаго царствованія госпожѣ Калерджи разрѣшено было воротиться въ Россію. Она поселилась опять въ Варшавѣ, въ квартирѣ своего отца, тогда уже находившагося въ отставкѣ, вела довольно скромную жизнь, окружая себя по-преимуществу поляками и иностранцами. До самыхъ послѣднихъ дней она сохранила въ себѣ тѣ исключительныя свойства ума и прелести душевной, которыя всегда ее отличали, была постоянно grande dame, постоянно—необыкновенное созданіе, исполненное поэзіи и самой чистой, искренней любви ко всѣмъ страждущимъ. И въ это время трудно было ею не увлекаться и не сознавать ея преимуществъ передъ многими. Прусскій король, теперешній германскій императоръ, бывая въ Варшавѣ, дѣлалъ ей одинъ изъ самыхъ первыхъ визитовъ.

Въ 1868 году скончался ея отецъ, на 82-мъ году своей жизни, и похороненъ на повонзковскомъ кладбищѣ, при катакомбахъ, № 6, а черезъ шесть лѣтъ, 10-го (22-го) мая 1874, отошла въ вѣчность и его—такъ-ли, не такъ-ли—знаменитая, очень многимъ въ Европѣ извѣстная дочь, оставя, какъ говорили, завѣщаніе, чтобы „ее похоронили въ третьемъ классѣ могилъ, въ самой простой одеждѣ, въ дешевомъ деревянномъ гробу, который везть на простыхъ дро-

---

[1]) Романъ Juif Errant явился въ свѣтъ двумя годами раньше ссылки графини Нессельроде, именно въ 1844. Роскошный будуаръ «Адріанны Кардовиль», и вся обстановка жизни: красивыя, изящныя служанки, отсутствіе всего непріятнаго, раздражающаго, торжественные выходы изъ ванны, какъ-бы какой-то Клеопатры Египетской, продолжительное чесаніе золотистыхъ волосъ—все это могло быть подсмотрѣно въ заграничныхъ покояхъ госпожи Калерджи, но въ лицѣ «Адріанны», какъ его изобразилъ авторъ, нѣтъ ничего общаго съ чертами лица графини Нессельроде: Адріанна—съ черными бровями и рѣсницами; у графини Нессельроде брови были едва видны, рѣсницы—почти бѣлыя.

[2]) См. Изданіе стихотвореній Гейне Штротмана, Гамбургъ, 1863, томъ VII, стр. 18, Romancero.

О свиданіи госпожи Калерджи съ Гейне было разсказано, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Варшавской Газетѣ: Kurjer Codzienny.

гахъ, въ одну лошадь, въ 6 часовъ утра, когда въ улицахъ не бываетъ толпы. На могилѣ положить простую плиту безъ всякой надписи". Это было исполнено лишь до нѣкоторой степени: похороны совершены утромъ, въ 9-мъ часу. Обычнаго у католичекъ шлейфа, который выставляется изъ-подъ гроба и по которому узнаешь, что хоронятъ женщину — не было вовсе. Могилу, рядомъ съ памятникомъ графа Нессельроде, покрыла сѣрая плита безъ надписи. Въ такомъ видѣ обѣ могилы, отца и дочери, находились: первая—десять лѣтъ, а вторая четыре года. Только осенью (кажется, вслѣдствіе толковъ, невыгодныхъ для памяти покойной, которые стали ходить по Варшавѣ) кто-то велѣлъ вырѣзать на памятникѣ графа надпись: Graf Friedrich Karl Nesselrode, 1786 † 1868. Seine Tochter Marie ruht bei ihm". Z.

Николай Васильевичъ Гоголь

1847 г.

„Объ отправленіи литератора Николая Гоголя къ святымъ мѣстамъ".

В. Ѳ. Адлербергъ, отъ 9-го января 1847 года, писалъ графу К. В. Нессельроду, что извѣстный литераторъ нашъ Николай Гоголь, уволенный отъ службы съ чиномъ 8-го класса, обратился къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ письмомъ о выдачѣ ему паспорта для путешествія къ святымъ мѣстамъ.

„Его Величество, по прочтеніи сего письма, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: сообщить вашему сіятельству, дабы вы, милостивый государь, приказали снабдить г. Гоголя безпошлиннымъ паспортомъ, для свободнаго проѣзда къ святымъ мѣстамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили бы посольству нашему въ Константинополѣ, а равно всѣмъ консуламъ нашимъ въ Турецкихъ владѣніяхъ, въ Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи, что Государю Императору благоугодно, дабы г-ну Гоголю было оказываемо съ ихъ стороны всевозможное покровительство и попеченіе. Сверхъ того Его Величество желаетъ, чтобы независимо отъ таковыхъ сообщеній выше означеннымъ лицамъ, г-нъ Гоголь былъ бы снабженъ еще и рекомендательными къ нимъ письмами отъ вашего сіятельства. О Высочайшей волѣ сей, увѣдомляя ваше сіятельство, для зависящаго исполненія, считаю долгомъ присовокупить, что я нынѣ же извѣстилъ объ оной г. Гоголя, который находится теперь въ Неаполѣ. В. Адлербергъ.

14-го января 1847 г.

(Бланкъ Е. И. В. Военно-походной канцеляріи).

Послана о томъ же бумага министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, съ просьбою доставить пашпортъ Гоголю чрезъ посредство нашей миссіи въ Неаполѣ.

Эта поѣздка Гоголя на Востокъ, была отложена имъ потому, что онъ поздно получилъ пашпортъ (во 2-й половинѣ февраля 1847 г.), и потому не могъ поспѣть въ Іерусалимъ къ празднику Свѣтлаго Христова воскресенія (если бы и могъ ѣхать) и во 2-хъ, по причинѣ разстроеннаго здоровья онъ долженъ былъ отправиться тою весною на минеральныя воды на берегахъ Рейна (смотри томъ 6-й сочиненія и письма Гоголя, изданіе П. А. Кулиша, стр. 340, письмо къ П. А. Плетневу изъ Неаполя).

Сообщ. И. М.

Евгеній Болховитиновъ,

митрополитъ Кіевскій.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1880 г., томъ XXVIII, въ статьѣ „Герасимъ Петровичъ Павскій", на стран. 226 внизу и 227 вверху сказано, что въ письмѣ къ Павскому отъ 25-го ноября 1830 г. ректора Кіевской духовной академіи, архимандрита Иннокентія (умершаго архіепископомъ Херсонскимъ), означено: „Въ Кіевъ прибыли мы къ 15 числу (т. е. ноября 1830 г.)... На другой день были у владыки (т. е. у Кіевскаго митрополита Филарета), который принялъ насъ довольно хорошо" и т. д.

До 1836 г., включительно, Кіевскимъ митрополитомъ былъ извѣстный своею ученостію Евгеній (Болховитиновъ), по смерти котораго Кіевскимъ митрополитомъ былъ назначенъ Казанскій архіепископъ Филаретъ (Амфитеатровъ), прибывшій въ Кіевъ только въ іюнѣ или іюлѣ 1837 г. (умеръ въ декабрѣ 1857 г.). Слѣдовательно Иннокентій былъ 16-го ноября 1830 г. у митрополита Кіевскаго Евгенія, а не Филарета, чего, конечно, не могъ сказать Иннокентій, но вставка въ скобкахъ (т. е. у Кіевскаго митрополита Филарета) принадлежитъ, вѣроятно, составителю біографіи Павскаго.

Князь **Н. С. Голицынъ**.

Домбровскій и Врублевскій

въ 1871 г.

Въ своихъ весьма интересныхъ и талантливыхъ „Запискахъ о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг.", помѣщавшихся въ теченіе 1879-го года на страницахъ „Русской Старины", Н. В. Бергъ, между прочимъ, замѣчаетъ („Русская Старина", изд. 1879, декабрь, томъ XXVI, стр. 689): „при торжествѣ коммуны, Домбровскій и Врублевскій были сдѣланы начальниками національной гвардіи Парижа. Что сталось съ Врублевскимъ неизвѣстно, а Домбровскій палъ въ столкновеніи съ версальцами, въ нѣсколькихъ льё отъ Парижа къ Севру, въ Шато-Медонъ".

Послѣднее свѣдѣніе не вѣрно. Домбровскій былъ смертельно раненъ 11-го (23) мая 1871 г. въ улицѣ Мирра (Myrrha) и перенесенный въ госпиталь Ларибоазьеръ (Lariboisière) скончался тамъ черезъ два часа. Послѣ этого, трупъ его, по распоряженію коммуны, былъ выставленъ въ зданіи парижской ратуши (Hôtel-de-Ville). На слѣдующій день, 22-го мая н. с., онъ былъ похороненъ на кладбищѣ Отца-Лашэза съ нѣкоторою помпою: съ барабаннымъ боемъ, завернутый въ красное знамя и въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ коммуны, своего брата Теофила, (спасшагося черезъ нѣсколько дней бѣгствомъ въ Англію), офицеровъ своего штаба и двухсотъ національныхъ гвардейцевъ. Членъ коммуны, извѣстный публицистъ Верморель произнесъ надгробное слово. Эти подробности я привожу здѣсь со словъ самаго точнаго и безпристрастнаго историка Парижской коммуны 1871 г., Лиссагарэ (M. Lissagaray, „Histoire de Commune de 1871", 1876, pag. 368—9, 380—1).

Въ стычкѣ-же близъ Мёдона (Meudon), не далеко отъ Севра и по дорогѣ къ Версалю, на югъ отъ Парижа былъ убитъ не Домбровскій, а другой „генералъ“ коммуны, Дюваль, 4-го апрѣля н. с. 1871 г., т. е. за полтора мѣсяца ранѣе, и г. Бергъ, повидимому, смѣшалъ его съ Домбровскимъ. Въ послѣдніе дни передъ смертью Домбровскій командовалъ всѣми военными силами коммуны, а Врублевскій—войсками, расположенными по лѣвую сторону Сены и фортами Исси, Ванъ и Монружъ. Врублевскому удалось, переодѣвшись, бѣжать въ Англію, гдѣ онъ въ послѣдніе годы былъ президентомъ польскаго общества эмигрантовъ „Lud“.

Краткія біографическія данныя о Домбровскомъ напечатаны мною въ „Дополненіи къ Настольному Энциклопедич. Словарю Ф. Толля“ (Спб. 1875, изд. В. П. Печаткина, выпускъ I, стр. 345). Кромѣ того см. также Э. Ватсона: „Эпилогъ прусско-французской войны. Очеркъ исторіи Парижской Коммуны 1871 года“. (Спб. 1876, стр. 164).

Сообщ. **Д. П. Сильчевскій.**

Повѣнецъ, Олонецкой губ. 13-го іюля 1880.

Переписка о шести съ половиною копѣйкахъ.

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВЪ.

ГЛАВНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО, ПРАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе V.
Столъ 1.
Апрѣля 21 дня 1843 года.
№ 3098.
О взысканіи неявившихся 6½ коп. серебр.

„23 Апрѣля 1843“.

Въ С.-Петербургскій Почтамтъ.

При перечетѣ въ Главномъ Казначействѣ Апрѣля 17 числа, отправленныхъ чрезъ почту Оренбургской Губерніи изъ Бугурусланскаго Уѣзднаго Казначейства, при рапортѣ отъ 16 Марта за № 172, 4000 р. золотомъ, неявилось шести съ половиною копѣекъ серебромъ, отъ вложенія вмѣсто полуимперіала одной Гановерской золотой монеты въ 5 талеровъ, стоющей на серебро 5 р. 8½ к., что и засвидѣтельствовано чиновникомъ Почтамта Губернскимъ Секретаремъ Артамоновымъ; о чемъ оное увѣдомляя С.-Петербургскій Почтамтъ, покорнѣйше проситъ, по взысканіи съ кого слѣдуетъ помянутыхъ неявившихся 6½ коп. серебр. доставить въ сіе Казначейство.

Членъ Правленія С. Гли . . . . . ъ.
Контролеръ Н. Иб . . . . . . [1]).
Столоначальникъ А. Бумерзъ.

---

[1]) Обѣ подписи написаны не разборчиво.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ,

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ.

[род. 1788, ум. 1864 г.] [1]).

Не помню кѣмъ, кажется, Лампiемъ, написанъ портретъ императрицы Екатерины II, въ которомъ она представлена сжигающей благовонный фимiамъ передъ бюстомъ Петра I на пылающемъ жертвенникѣ, съ надписью: «Начатое совершаю». И точно, многое ею было окончено. Она носила въ перстнѣ портретъ Петра Великаго и однажды принцъ де-Линь (Prince de Ligne), который находился при ней посланникомъ отъ Австрiйскаго двора, спросилъ ее:

«Pourquoi votre Majesté porte t'Elle ce portrait»?

— Je le consulte à toute heure, répondit l'Impératrice.

Императрица Екатерина II, учредивъ академiю художествъ, приказала такъ ее построить, чтобы въ серединѣ ея былъ круглый дворъ, обнесенный всѣмъ строенiемъ академiи; удивленный такимъ приказанiемъ гр. Безбородко, который долженъ былъ измѣнить планъ, поданный имъ императрицѣ, спросилъ ее, почему она именно желаетъ имѣть круглый дворъ въ академiи?

— «Для того, отвѣчала Екатерина, чтобы всѣ дѣти, которые тутъ учиться будутъ, имѣли бы ежеминутно величину купола с. Петра подъ глазами и соображались съ нимъ въ своихъ архитектурныхъ проектахъ.

---

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1880 г., томъ XXVII (мартъ), стр. 635—650; томъ XXVIII (iюнь), стр. 337—356; (августъ), стр. 794—801.

Иногда императрица Екатерина, хотя не большой была знатокъ въ музыкѣ, но любила ее слушать и приказывала князю Платону Александровичу Зубову устраивать у нея квартеты и комнатные концерты. Выслушавъ, однажды, квартетъ Гайдена, она подозвала Зубова къ себѣ и сказала ему на ухо:

—«Когда кто играетъ solo, я и знаю, что какъ кончится, его аплодировать должно, но въ квартетѣ я теряюсь и боюсь похвалить не кстати; пожалуйста, взгляни на меня, когда игра или сочиненіе требуетъ похвалы».

Послѣ славнаго мира Кайнарджинскаго, Румянцовъ, сидя за обѣдомъ со всѣмъ своимъ штабомъ, принялъ курьера изъ Петербурга; графъ приказалъ курьеру принести депеши, что онъ привезъ; распечатавъ первый пакетъ отъ Императрицы, узнаетъ что его государыня назначаетъ фельдмаршаломъ. Прочитавъ вслухъ рескриптъ, улыбнувшись, онъ сказалъ: «Государыня жалуетъ меня фельдмаршаломъ; она ошибается, я рожденъ фельдмаршаломъ».

Во время итальянской кампаніи (1799 г.) назначенъ былъ въ Вѣнѣ военный совѣтъ и всѣ генералы были къ нему приглашены съ тѣмъ, что всякій изъ нихъ долженъ былъ привести свой планъ, какъ продолжать войну. Явился и нашъ Суворовъ; всѣ сѣли вокругъ стола и по очереди каждый читалъ свой планъ кампаніи; какъ очередь дошла до Суворова, онъ, держа свитокъ бумаги, положилъ его на столъ; раскрыли его, и что-же нашли?—Бѣлую бумагу. Всѣ удивились, а Суворовъ, смѣючись, сказалъ:

—«Если бы шляпа моя знала планы мои, то я бы и ее сжегъ».

Чувствуя себя уже очень слабымъ, князь Суворовъ пожелалъ видѣть передъ смертью Гавріила Романовича Державина; пріѣхалъ Державинъ къ нему, онъ посадилъ его къ себѣ на кровать и сталъ говорить про самыя серьезныя дѣла съ такимъ умомъ, что у Державина не разъ навертывались слезы.

—«Зачѣмъ ты не всегда такъ говоришь, князь, спросилъ Державинъ, и при другихъ только пѣтухомъ поешь и дурачишься?

И въ эту минуту кто-то вошелъ въ комнату. Князь взялъ Державина за руку и смѣючись: «ну, какую же ты мнѣ напишешь эпитафію»? сказалъ Суворовъ.

—«По моему, отвѣчалъ Державинъ, словъ много не нужно: тутъ лежитъ «Суворовъ»!

—«Помилуй Богъ, какъ хорошо», въ восторгѣ, но слабымъ голосомъ закричалъ Суворовъ и крѣпко пожалъ руку Державину.

У насъ была дача на Петергофской дорогѣ, въ которой мы всякое лѣто жили въ продолженіи почти 25-ти лѣтъ. Ѳ. П. Львовъ любилъ ею заниматься и какъ много было земли подъ этой дачей, то онъ и развелъ оранжереи, сады и луга; занимаясь всѣмъ этимъ, онъ узналъ, что въ Англіи сѣютъ Timothee grass на луга и что отличная эта трава и здѣсь продается втрое дороже обыкновеннаго сѣна, ею и приказалъ засѣять нѣсколько земли на дачѣ, гдѣ и постройки разныя производились нанятыми людьми изъ разныхъ губерній. Однажды, гуляя по дачѣ и толкуя съ работниками, Ѳ. П. Львовъ имъ показалъ Timothée grass и сказалъ:

«Вы, вѣрно, не знаете эту траву?»

— Какъ не знать, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, Тимошкину-то траву? Нѣтъ, батюшка, на нашихъ лугахъ она и по сію пору водится; когда батюшка Петръ I вывелъ клеперовъ изъ Лифляндіи въ Вятку, то тогда же приказалъ засѣять всѣ луга Тимошкой травой и мы по сію пору его за это благодаримъ.

По этому видно какой хорошій былъ хозяинъ Петръ Великій; исчислить всего нельзя, что онъ сдѣлалъ для Россіи и не мудрено, что Екатерина Великая безпрестанно совѣтывалась съ его портретомъ. Желая имѣть лучшій скотъ въ Россіи, онъ выписалъ его изъ разныхъ странъ и помѣстилъ въ Холмогорахъ, гдѣ солончаки, т. е. озера соленыя, которыя весною разливаются, оставляя по лугамъ соль на землѣ и отъ этого скотъ имѣетъ лучшій кормъ. На берегахъ Волхова вездѣ приказалъ засѣять дубовыми желудями, увидѣвъ, что почва земли удобна для этого; и по сію пору прелестные дубы волховскіе красуются по берегамъ и весной прямо сюда въ адмиралтейство доставляются.

Послѣ 1812 года, когда графъ Ростопчинъ пожертвовалъ Москвою, чтобы сохранить славу Россіи, государь Александръ, по сродной его добротѣ, многое простилъ, за чтобы должно было наказать; узнавъ это, гр. Растопчинъ сказалъ государю:

— «Вы такъ милостивы и добры, Ваше Величество ко всѣмъ, слушая влеченіе души вашей, а не худо бы было вамъ взять на время изъ Кунсткамеры дубинку Петра I».

Александръ Николаевичъ Львовъ.

Братъ мой Александръ Николаевичъ Львовъ служилъ въ статской службѣ, когда загорѣлась жестокая война 1812-го года; не посмотрѣлъ онъ на то, что былъ ужасно близорукъ, поступилъ въ военную службу и тотчасъ отправился въ армію, гдѣ въ скоромъ времени былъ уже въ трехъ сраженіяхъ и удостоился за свою храбрость быть представленнымъ къ тремъ наградамъ, между прочимъ къ золотой саблѣ съ надписью «за храбрость».

Въ это самое время, женихъ Вѣры Николаевны Львовой, Алексѣй Васильевичъ Воейковъ былъ въ арміи при Петрѣ Петровичѣ Коновницынѣ, который поручилъ Воейкову «приказать немедленно отыскать Львова и отправить его въ Петербургъ».

Стали искать Львова, а между тѣмъ Воейковъ написалъ В. Н. Львовой, «что очень можетъ быть, братъ Александръ скоро пріѣдетъ въ Петербургъ», не прибавляя къ этому ни слова. Чрезмѣрно мы всѣ этой новости обрадовались, но Ѳ. П. Львовъ безпрестанно меня уговаривалъ не предаваться радости, говоря, что «въ пріѣздѣ брата во время самаго пыла войны онъ ничего хорошаго не предвидитъ. Получили другое письмо отъ Воейкова, въ которомъ онъ написалъ «братъ Александръ въ Петербургъ не поѣдетъ». Вдругъ, недѣли черезъ три, присылаютъ отъ г-жи Державиной, у которой жили мои сестры, сказать мнѣ, что братъ изъ арміи пріѣхалъ. Я тотчасъ вообразила, что онъ присланъ курьеромъ съ какой нибудь побѣдой, а Ѳ. П. Львовъ все меня удерживалъ отъ радости, имѣя грустное предчувствіе. Вошла я къ сестрамъ; встрѣчаетъ меня старушка наша няня; я въ радости цѣлую ее и говорю: «Саша пріѣхалъ!»

— Да, матушка, отвѣчаетъ она мнѣ съ грустью, но только такъ странно пріѣхалъ—на извощикѣ и мѣдныя деньги въ сапогѣ. Услышавъ это, я не въ силахъ была идти далѣе. Я сѣла у сестеръ въ комнатѣ, послала за братомъ, который былъ съ ними у Державина въ кабинетѣ. Саша прибѣжалъ ко мнѣ и, увидя его нечесаннаго, заросшаго бородой, я ни слова не могла ему сказать. Онъ кинулся меня и Ѳ. П. Львова цѣловать, крича:

— «Милые друзья мои, васъ ли я вижу? Боже милостивый, я не помню себя отъ радости!»

Изступленный его видъ, его рѣчи болѣе и болѣе приводили меня въ смущеніе; не понимая ничего, я зарыдала и тогда онъ, овладѣвъ собою, сталъ меня успокоивать, сѣлъ рядомъ съ нами и разсказалъ слѣдующее.

— «Вы, зная меня, можете себѣ представить, съ какимъ восторгомъ, простившись съ вами, я скакалъ въ армію, не теряя ни минуты; пріѣхавъ въ Рязань, увидѣлъ меня Дмитрій Марковичъ Полторацкій усталаго, изнуреннаго; упросилъ меня идти обѣдать къ Елизаветѣ Ѳедоровнѣ Бухариной, которой мужъ былъ тогда губернаторомъ въ Рязани. Сѣли мы обѣдать и Полторацкій сталъ меня разспрашивать, что дѣлается въ Петербургѣ и какъ смотрятъ на приближеніе Наполеона скоро уже къ Смоленску. Я, увидя двухъ молодыхъ людей во фракахъ мнѣ незнакомыхъ, ничего не отвѣчалъ; тогда Полторацкій сталъ уговаривать меня говорить откровенно, что молодые эти люди ему родня и что онъ за нихъ отвѣчаетъ и пр. Тогда я просто разсказалъ, какое дурное впечатлѣніе дѣлаетъ въ народѣ, что всѣ богатства изъ кабинета укладываютъ въ лодки и отправляютъ въ Вытегру; какъ недовольны отступленіемъ Барклая-де-Толи, отъѣздомъ государя Александра Павловича изъ арміи. Тутъ пошли разсужденія, а я, простясь съ губернаторомъ, его женою, Полторацкимъ и поклонясь двумъ незнакомцамъ, тотчасъ сѣлъ въ сани и полетѣлъ въ армію; въ теченіи нѣсколькихъ дней успѣлъ быть въ трехъ сраженіяхъ очень счастливо, за которыя меня представили къ награжденіямъ, какъ вдругъ приходитъ повелѣніе Львову явиться къ главнокомандующему. Я поѣхалъ и какое было мое удивленіе, когда гр. Коновницынъ мнѣ объявилъ, что я тотчасъ буду отправленъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. Сталъ я просить графа, чтобы онъ мнѣ сказалъ мою вину чтобъ я могъ оправдаться, что я былъ уже въ трехъ сраженіяхъ и начальникомъ представленъ къ награжденію. Графъ выслушалъ меня и сказалъ:

— «Напишу два письма, молись Богу, молодой человѣкъ, чтобы главнокомандующій подписалъ то, которое тебя спасти можетъ».

«Не зналъ я даже, чѣмъ это рѣшилось, какъ принужденъ былъ тотъ же часъ ѣхать съ фельдъегеремъ, который во всю дорогу не давалъ мнѣ ѣсть съ ножемъ и вилкой и не позволялъ бриться; такимъ образомъ пріѣхалъ я въ Петербургъ; вы легко можете себѣ представить, каково мнѣ было ѣхать по обуховскому мосту, знать, что вы, можетъ быть, всѣ у Державина вмѣстѣ и страшился кого либо изъ знакомыхъ встрѣтить. Такъ промчались мы прямо въ домъ графа Аракчеева; заперли меня почти въ подвалъ и на другой день графъ приказалъ меня рано по утру привезти къ нему и заставилъ меня ему разсказать, какъ я вступилъ въ военную службу и что со мной съ тѣхъ поръ было.

— «Я ѣду сейчасъ къ Государю, сказалъ мнѣ графъ, ничего не обѣщаю, но молись Богу, молодой человѣкъ;» съ этими словами сѣлъ

въ карету и поѣхалъ во дворецъ. Не стану описывать всего то, что чувствовала моя душа въ ожиданіи графа; наконецъ, въ три часа онъ возвратился, послалъ за мной. «Государь простилъ тебя», сказалъ онъ мнѣ, «но, молодой человѣкъ, впередъ тебѣ урокъ—на привязи держать языкъ; посмотри, что про тебя написано». Вынулъ графъ бумагу изъ портфеля и раскрывъ ее, далъ мнѣ прочесть; написано было: «за нелѣпые и вредные слухи, что Львовъ, проѣзжая черезъ Рязань, распускалъ, по моему мнѣнію, въ примѣръ другимъ долженъ быть разстрѣлянъ».

«Графъ перевернулъ листъ, внизу подписано было «Барклай-де-Толи».

«Меня тотчасъ графъ Аракчеевъ отпустилъ и я, на извощикѣ, небритый, какъ вы видите, влетѣлъ въ столовую къ дядинькѣ, не видалъ, что у него пропасть было гостей, и кричалъ какъ безумный; всѣхъ цѣловалъ, не вѣрилъ глазамъ своимъ, что я опять здѣсь съ вами и меня уже дядинька утащилъ въ свой кабинетъ, гдѣ я все ему разсказалъ, что теперь я вамъ, мои друзья, повторилъ».

Вы можете себѣ вообразить, какое впечатлѣніе сдѣлало на насъ все то, что мы слышали и какъ съ горячими слезами мы поблагодарили Бога, что дорогаго нашего брата Онъ намъ сохранилъ. Впослѣдствіи мы узнали, что это были, именно, эти два молодые человѣка, во фракахъ, за столомъ у Елисаветы Ѳедоровны Бухариной, по фамиліи П—скіе, которые, ѣхавъ въ армію тоже служить, разсказали Барклаю и вѣрно съ преувеличеніемъ то, что говорилъ А. Н. Львовъ за столомъ и надобно же было, чтобы бумага, которую подписалъ Барклай, была получена гр. Аракчеевымъ, который былъ врагъ Барклая и тутъ, конечно, не желаніе спасти Львова заставило графа, можетъ быть, убѣдительно просить государя простить Львова, но желаніе доказать Барклаю, что онъ, Аракчеевъ, сильнѣе его у двора.

Когда въ 1814-мъ году Государь Александръ Павловичъ воротился въ Петербургъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ представился ему, желая поздравить его лично со всѣми его успѣхами.

— «Да, Гавріилъ Романовичъ, сказалъ Государь, мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ».

«Они есть, Ваше Величество, отвѣчалъ Державинъ, но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ!»

Въ Парижѣ Брегетъ, извѣстный часовыхъ дѣлъ мастеръ, однажды въ своемъ кабинетѣ дѣлалъ вычисленіе вновь изобрѣтенныхъ имъ часовъ и такъ былъ этимъ занятъ, что не поднялъ даже головы, чтобы посмотрѣть кто вошелъ къ нему и стукнулъ дверью. Вошелъ Бетанкуръ; онъ подошелъ къ креслу Брегета, черезъ его плечо видитъ исчисленіе, тотчасъ его сообразилъ и сказалъ:

«C'est mauvais ce que vous faites là».

— Faites mieux, répondit Breguet en lui passant sa plume tout de suite.

Бетанкуръ сѣлъ, сдѣлалъ исчисленіе; Брегетъ обнялъ его въ восторгѣ и съ тѣхъ поръ часы его извѣстны стали подъ именемъ Breguet et Bétancourt.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ жилъ долго въ домѣ у Николая Александровича Львова, гдѣ онъ былъ принятъ 12-ти лѣтнемъ мальчикомъ по бѣдности; отецъ его былъ бѣдный тверской дворянинъ и, не имѣя возможности воспитывать сына своего Ванюшу дома, отдалъ его Петру Петровичу Львову, который умнымъ мальчикомъ занимался, училъ чему могъ, а между тѣмъ, какъ Ванюша выросъ и сдѣлался расторопнымъ молодымъ человѣкомъ, всегда былъ чисто и пристойно одѣтъ и какъ въ домѣ Петра Петровича людей было мало, то часто, какъ гости бывало пріѣдутъ, то кто нибудь изъ хозяевъ и скажетъ: «Ванюша, подай въ гостиную подносъ съ чаемъ», и Крыловъ ловко исполнялъ желаніе хозяевъ и получалъ благодарность отъ добраго и умнаго Петра Петровича. Потомъ Крыловъ отправленъ былъ въ Петербургъ и уже тамъ извѣстенъ сталъ всей Россіи своими прелестными баснями. Часто посѣщалъ онъ и нашъ домъ, хотя рѣшительно никогда не упоминалъ о домѣ Петра Петровича; можетъ быть очень, самолюбіе его страдало, вспоминая, что онъ служилъ тамъ иногда какъ лакей и не мудрено, что онъ никогда объ этомъ и не говорилъ, но всегда былъ въ домѣ Ѳ. П. Львова самый близкій человѣкъ; почти всегда у насъ читалъ онъ свои новыя басни и любилъ часто у насъ обѣдать, потому что простой нашъ столъ и не церемонный пріемъ всегда ему нравились.

Вскорѣ послѣ моей свадьбы, какъ то разъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ пришелъ къ намъ обѣдать; покушалъ всего съ обыкновеннымъ своимъ апетитомъ, потому что любилъ покушать; подали мнѣ дѣлать салатъ; я взяла плетеную бутылочку, въ которыхъ, бывало,

всегда привозили изъ Италіи масло, понюхала ее и говорю буфетчику: «масло не хорошо». Но какъ другаго достать было долго, я принуждена была съ этимъ же масломъ сдѣлать салатъ и Крыловъ мнѣ сказалъ:

— «Вы еще молодая хозяйка, примите мой совѣтъ; вашего салата я уже не возьму, потому что вы сказали масло не хорошо, а я бы, очень можетъ быть, самъ бы и не замѣтилъ; хорошая хозяйка прежде обѣда пересмотритъ все или прикажетъ довѣренному человѣку это сдѣлать; уже поздны замѣчанія, когда уже гости за столомъ! Точно также хорошая хозяйка и не совсѣмъ удачное блюдо порочить не должна, гости если и замѣтятъ, какъ гости деликатные, промолчатъ, а другіе бы и не примѣтили, если бы хозяйка сама не заставила бы ихъ примѣтить».

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, извѣстный нашъ адмиралъ, который скончался въ Николаевѣ въ 1851-мъ году, былъ давній знакомый нашъ и былъ какъ родной, прежде даже чѣмъ его сестра Вѣра Петровна вышла замужъ за Петра Петровича Львова. Просиживая цѣлые вечера у насъ, бывало Михаилъ Петровичъ занималъ насъ чрезмѣрно разсказами о своихъ путешествіяхъ кругомъ свѣта; привезъ онъ мнѣ даже двѣ параклитки сѣмянъ цвѣточныхъ, луковицъ и кукурузы изъ Новой Гвинеи и я очень помню, что, боясь неудачно выростить сѣмена и луковицы, я пригласила къ себѣ извѣстнаго во всей Европѣ ботаниста Фишера, которому было препоручено устройство ботаническаго императорскаго сада и оранжерей, и отдала ему всѣ мои сѣмена и луковицы, между которыми была одна въ величину человѣческой головы, породы Pancrassium, и онъ мнѣ сознался, что читалъ объ этой луковицѣ, но никогда въ цвѣту ее не видалъ и видно, что, пройдя черезъ экваторы, она потеряла свои соки, у Фишера не цвѣла; потомъ, показавъ ему мои параклитки, которыя были самыхъ отличныхъ цвѣтовъ, и кукурузу высыпавъ изъ мѣшка, чтобъ онъ увидѣлъ, какъ она была крупка, онъ вдругъ закричалъ:

— «Quel bonheur! Un scarabé de la Nouvelle Guinée!»

И что же? Нашелъ онъ въ кукурузѣ роившихся множество простыхъ сѣренькихъ букашекъ, которыя съ поспѣшностью онъ изъ кукурузы выбросилъ и положилъ въ особенную тарелочку.

Но говоря про милаго и умнаго М. П. Лазарева, котораго мы лиши-

лись въ 1853-мъ году и котораго замѣнить трудно, я забыла еще разсказать анекдотъ, который случился съ Лазаревымъ и который онъ самъ мнѣ разсказывалъ.

— «Живя въ Кронштадтѣ, говорилъ онъ, съ тремя молодыми товарищами, имѣя еще гостей, одинъ вечеръ, мы долго всѣ играли въ карты и гости насъ такъ обыграли, что ни копѣйки у насъ не осталось въ домѣ, не на что было и чаю купить, такъ что мы всѣ четверо, спавши всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, полегли спать безъ ужина, не имѣя надежды что либо поѣсть и на другой день по утру; товарищи заснули, а я долго вертѣлся и спать не могъ; наконецъ, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ уснуть, слышу, что кто-то потихоньку отворяетъ наше окошко, а мы жили въ нижнемъ этажѣ; я тоже притворился спящимъ и вижу, что влѣзаетъ къ намъ воръ; онъ подошелъ тихо къ первой кровати, обобралъ платье моего товарища, положилъ все въ платокъ, потомъ и къ другой, и къ третьей подошелъ, обирая все; но лишь только онъ взялся за мое платье, я вдругъ вскочилъ, схватилъ его за горло, шопотомъ уговаривая его не кричать и вдругъ сказалъ ему: всѣ деньги, что у тебя есть, сейчасъ отдай мнѣ! Воръ такъ испугался, что вынулъ изъ кармана пять рублей, все что у него было; я ихъ взялъ, отнялъ платье моихъ товарищей, проводилъ въ затылокъ хорошо вора, заперъ окошко и, какъ уже начинало разсвѣтать, я разбудилъ человѣка моего, отдалъ ему пять рублей и послалъ его купить всякой всячины для завтрака. Лишь только онъ все принесъ, я осторожно велѣлъ накрыть столъ и когда все было готово, я сталъ будить товарищей, говоря, что завтракъ ихъ ждетъ. Они, не открывая глазъ, просили меня оставить ихъ спящихъ, примолвя: «Ты шутишь надъ нами, мы знаемъ, что копѣйки въ домѣ нѣтъ». Но какъ я не переставалъ ихъ будить, одинъ открылъ глаза и вѣрить имъ не хотѣлъ, что пышный завтракъ ихъ ожидаетъ, въ одинъ мигъ всѣ поднялись, всѣ бросились ко мнѣ, чтобъ узнать, откуда я досталъ ночью денегъ и я имъ разсказалъ, какъ я самаго вора обокралъ».

Говорятъ, что графы С—вы такъ кичатся своимъ именемъ, что, однажды, при свидѣтелѣ дѣти графини спрашивали у нея:

—«Maman, Jésus Christ a été S . . . . ff»?

— Mes enfants, leur répondit la comtesse, Jésus Christ n'a point eu de famille, mais s'il en avait eu une, pour sûr elle serait S . . . . ff».

Прусскій король, видя нѣсколько разъ, какъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій былъ «безъ вины» виноватъ въ глазахъ государя Александра Павловича и какъ кротко онъ сносилъ выговоры и даже гнѣвъ государя, будучи преданъ ему и всему семейству всею душою, однажды, видя неудовольствіе государя Александра Павловича при разводѣ, подошелъ къ нему и очень серьезно сказалъ:

— «Il faut laver la tête à Wolkonsky».

Конечно, тутъ подумалъ государь, что онъ часто понапрасно гнѣвался на князя.

Custine.

En 1840 nous avons passé tout l'été à Ems pour M-me Lvoff, qui avait été souffrante; nous y fîmes connaissance de M-r Custine et nous avions tout à fait ignoré qu'après avoir été en Russie en 1839 il avait publié ses mémoires dans les quels il avait non seulement indignement parlé de la Russie, mais même publié des entretiens confidentiels qu'il avait eu avec l'Empereur Nicolas. Comme M-r de Custine était un homme très aimable, nous avions beaucoup de plaisir à passer plusieurs soirées dans sa societé. On parlait justement alors du désir qu'avait les français de posséder à Paris les restes de Napoléon et je disais à M-r de Custine que cela fait honneur à la nation.

A cela il me répondit:

— Oh, Madame, pourquoi jouer avec le feu? Ces mêmes restes ne pourront elles pas fomenter encore une révolution et n'en avons nous pas eu assez de révolutions? Dieu a élevé à la mémoire de Napoléon le plus beau monument, le rocher de S-te Hé-lène, pas un bâtimeut ne passe devant sans baisser pavillon».

M-r Custine s'est trompé; on apporta plus tard à Paris les restes de Napoléon et comme il avait fait dix dégrés de froid il y eut très peu de personnes qui vinrent à leur rencontre et tout fut tranquil.

M-r de Custine avait écrit quelque chose de bien joli dans l'album de vorte tante Marie; à notre retour à Pétersbourg on nous appris comme Custine avait mal parlé de la Russie et peu apprecié tout ce que l'on avait fait pour le bien recevoir; votre tante indignée de plusieurs passages de ses mémoires coupa la feuille de son album où Custine avait écrit, la mit sous une enveloppe et l'adressa à M-r de Custine à Paris. Je crois qu'il fut un peu blessé de cette marque de mépris d'une jeune fille qui était patriote dans l'âme. Je me rappelle, on m'a dit qu'à une soirée de l'Impératrice Alexanxdra Feodorovna l'Empe-

reur Nicolas entra dans son salon et dit devant toute la societé (qui était peu nombreuse):

— «Je viens de lire un article dans Custine qui m'a fait bien rire; il prétend que je porte corset, il se trompe, je n'en porte point et je n'en ai jamais porté, mais j'ai ri de bon coeur à sa reflexion, il dit que l'Empereur a tort de porter un corset, car on peut déplacer le ventre, mais non le détruire».

Balsac arriva chez nous quelque temps après que Custine avait écrit ses mémoires; on se garda bien de le recevoir comme on avait reçu Custine quoiqu'on l'ait traité avec beaucoup de politesse et Balsac en arrivant à Paris dit «qu' il avait reçu le soufflet à Pétersbourg que l'on avait dû plutôt donner à Custine».

Когда А. Ѳ. Львовъ совсѣмъ кончилъ свою оперу Bianca et Gualtiero, которой только первое дѣйствіе государь Николай Павловичъ слышалъ спѣтымъ извѣстнымъ пѣвцомъ Рубини вмѣстѣ съ M-me Viardo et Tambourini и которое Государю чрезмѣрно понравилось и меня онъ даже, взявъ за обѣ руки, при всѣхъ поздравилъ «за такое прелестное сочиненіе моего сына» и тутъ же сказалъ, какъ онъ «желаетъ услышать и второе дѣйствіе»; тогда великая княжна Александра Николаевна была помолвлена за принца Гессенскаго, за котораго она и вышла потомъ замужъ. А. Ѳ. Львовъ, зная, что всегда при царскихъ свадьбахъ стараются представить на театрѣ какую нибудь новую пьесу, поднесъ совсѣмъ готовую свою оперу Bianca великой княжнѣ и какъ Государь первое уже дѣйствіе слышалъ, то всѣ и увѣрены были, что непремѣнно оперу эту дадутъ на сценѣ. Но умѣли увѣрить недоброжелатели А. Ѳ. Львова, «будто итальянцы пѣть этой оперы не хотятъ» (хотя у Львова и теперь хранится письмо, подписанное Рубини, Віардо и Тамбурини, въ которомъ они изъявляютъ ему восхищеніе и «желаніе пѣть эту оперу»). Кончилось тѣмъ, что однажды А. Ѳ. Львовъ пріѣхалъ къ великой княжнѣ и она ему вдругъ говоритъ:

«Savez vous, M-r Lvoff, j'ai été furieuse ce matin».

— J'aurais été curieux, répondit Lvoff, de voir Votre Altesse dans cet état, si peu fait pour Vous.

«Non, dit la grande Duchesse, sans badiner, j'ai été furieuse; après avoir montré si peu de désir de monter Bianca, on a osé venir me demander mon opéra pour que je l'entende avec l'accompagnement des fourchettes et ces couteaux, aussi je l'ai décidement refusé».

On devait chanter quelques morceaux à la table de noces de la Grande Duchesse, qui a eu lieu le 16 janvier 1844 et dont votre tante

Марія Θеодоровна m'avait apporté le bouquet d'immortelles qui se trouve encadré chez moi dans un cadre noir en fer de fonte; lorsqu'elle me l'apporta avec un sentiment très pénible je l'ai éloigné de moi en disant: le prince Wolkonsky n'a pas trouvé de fleurs fraîches pour orner la table de noces de notre angélique Grande Duchesse! Et il ne se passa pas guère de temps que nous apprimes la mort de cet ange étant à l'étranger et qu'à notre arrivée on m'apporta les mêmes immortelles de dessus sa tombe. Elles se trouvent dans le même cadre!

Однажды Государь Николай Павловичъ дѣлалъ смотръ полку, былъ чрезвычайно всѣмъ недоволенъ и даже командующему полкомъ генералу сказалъ при фронтѣ:

— «Вы не заслуживаете вашихъ эполетъ!»

И въ гнѣвѣ, не докончивъ смотра, уѣхалъ во дворецъ. Спустя нѣсколько часовъ, Государь посылаетъ за однимъ изъ ближайшихъ къ нему лицъ.

— «Не правъ ли я былъ, говоритъ ему Государь, сегодня по утру при смотрѣ?»

Тотъ ни слова не отвѣчалъ.

— «Я тебя спрашиваю, говоритъ Государь, не такъ какъ Государь, а какъ другу скажи правду».

— Если приказываете, Ваше Величество, отвѣчалъ N. N., то не скрою передъ Вами, что Вы дурно поступили.

Лишь только онъ успѣлъ выговорить эти послѣднія слова, Государь, покраснѣвъ отъ досады, взялъ N. N. за плечи, повернулъ его, и вывелъ въ дверь, а фуражку N. N., что осталась въ комнатѣ, Государю кинулъ ему вслѣдъ.

Но все это мучило Государя во весь день; настало время чая, Государь сошелъ къ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ; никого у нея не было.

— «Dites au valet de chambre, lui dit-il, d'aller de votre part engager N. N. à venir prendre le thé chez vous».

Государыня послала камердинера, который черезъ нѣсколько минутъ пришелъ сказать ей, что графъ извиняется, что онъ нездоровъ.

— «Envoyez lui dire, dit l'Empereur, que vous l'attendez et qu'il vienne en surtout».

Le valet de chambre remplit les ordres de l'Impératrice et au bout de quelques minutes elle vit venir N. N. Dès que l'Empereur le vit entrer:

— «Il faut, lui dit-il, que nous representions la scène de ce matin, seulement, au rebour, moi je serai N. N. et vous l'Empereur».

Le comte refusa nettement de remplir ses ordres, l'Emperatrice qui ne se doutait de rien, joint ses instances á celles de l'Empereur en disant:

«Mais cela doit être très plaisant, ne me privez pas de ce spectacle».

Le comte resistait toujours, alors l'Empereur haussant sa voix lui dit:

— «Voulez-vous donc que je vous l'ordonne comme votre souverain?»

Le comte devait se resigner et alors commença la scènée du matin; quand la conversation fut fini N. N. eut un peu de peine à prendre l'Empereur par les épaules et le faire sortir par la porte, lorsqu'il lui cria de l'autre chambre: «фуражку-то не забудь».

L'Impératrice se pâmait de rire, mais l'Empereur ne se repentait-il pas d'en avoir agi ainsi avec le comte. Aussi dès que tout fut fini l'Empereur avec beaucoup d'émotion se jetta daus les bras de N. N. et le serra fortement contre son coeur en lui demandant pardon.

Великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ было уже 16 лѣтъ, какъ она еще ни на какомъ балѣ не была; императрица Александра Өеодоровна изъявила желаніе свое видѣть ее у себя на балѣ на Елагиномъ островѣ. Анна Алексѣевна Окулова, приготовивъ великой княжнѣ прелестное, но съ этимъ вмѣстѣ и простое бѣлое платье, повезла ее на Елагинъ островъ и сама мнѣ Анна Алексѣевна разсказывала, что какъ она ввела ее въ залъ, который былъ весь украшенъ померанцевыми и другими деревьями и цвѣтами въ самомъ изящномъ вкусѣ, великая княжна была въ такомъ восхищеніи, любовалась всѣмъ и «мнѣ казалось, примолвила Анна Алексѣевна, что не могла быть прелестнѣе и невиннѣе ее прародительница наша Ева, когда она себя увидѣла въ первый разъ въ раю». Всѣхъ плѣнила великая княжна своею красотою и еще болѣе своею скромностью. Анна Алексѣевна была внѣ себя отъ радости, видя какъ дорогая питомица ея всѣмъ нравилась и тутъ же мнѣ разсказала много, много хорошаго о великой княжнѣ.........

Будучи въ Нижнемъ-Новгородѣ, я увидѣла листъ бумаги, па которомъ былъ вырѣзанъ рисунокъ: цвѣты и листья; поднявъ листъ къ свѣту, нельзя было не любоваться съ какимъ искусствомъ вырѣзанные листья и цвѣты были подняты и скруглены; я была въ восхищеніи

и, пріѣхавъ въ Петербургъ, приспособила такого рода вырѣзки къ абажурамъ и къ рамочкамъ для окошекъ. Видя, какъ всѣмъ это нравилось, я сдѣлала для великой княжны Александры Александровны четыре рамки на окошки (послѣ ея кончины ихъ перенесли на окошки къ великому князю Николаю Александровичу); всѣ любовались ими и однажды Государь Николай Павловичъ, войдя къ внучкѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, остановилъ его у двери и спросилъ, указывая на рамочки.

«Michel, qu'est ce que c'est?»

— C'est du marbre doublé de rouge, répondit le grand Duc.

«Non, tu te trompes!»

— Eh bien, c'est une espèce de lithofanie.

«Non, dit encore l'Empereur, c'est simplement du papier, du goût et du savoir faire!»

Государь Николай Павловичъ, будучи на экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ, былъ всѣмъ очень доволенъ и при прощаньи, обернувшись ко второму классу, сказалъ:

— «Обѣщайтесь, дѣти, молиться за меня».

Не странное ли это дѣло? Выпускныя барышни всѣ разлетѣлись, а одинъ второй классъ находился на всѣхъ панихидахъ, которыя служили по немъ.

Будучи въ обществѣ съ княгиней Долгоруковой (1854 г.), стали мы говорить о политическихъ дѣлахъ, о разныхъ пиратскихъ поступкахъ англичанъ въ Балтійскомъ морѣ и какъ всякій изъ насъ не находитъ достойнаго имъ наказанія.

Истинно, сказала я, сама себя не узнаешь; столько сердце ожесточено противъ нихъ, даже христіанскаго чувства въ себѣ не находишь.

— C'est absolument ce que m'a dit l'Empereur Nicolas, me dit la princesse; n'est ce pas que nous ne nous reconnaissons pas? Il n'y a pas de mal que nous ne leur désirions. Nous n'éprouvons pas même l'ombre d'un sentiment chrétien pour eux.

На дняхъ пріѣхалъ сюда фельдъегерь изъ Севастополя. Государь не могъ, будучи занятъ, принять его тотчасъ; фельдъегерь, изнуренный длиннымъ и скорымъ путешествіемъ, заснулъ дожидая государя; наконецъ Его Величество приказалъ къ Себѣ позвать фельдъегеря; стали его будить и никакъ разбудить никто не можетъ, пришли это сказать Государю, который, засмѣясь, сказалъ: «Я знаю средство»,

пошелъ къ спящему и громко закричалъ: «ваше благородіе, лошади готовы»!

Въ ту же минуту фельдъегерь былъ ужъ на ногахъ.

[Записано въ 1855 году].

Жерве.

Любимъ Карловичъ Жерве служилъ въ 1807-мъ году и былъ при Аустерлицѣ раненъ въ ногу, которую у него и отняли благополучно, такъ что онъ имѣлъ счастье воспитать и приготовить отлично на службу младшаго сына своего Петра Любимовича, которому поручена была постройка батареи въ Севастополѣ возлѣ Корнилова бастіона, названной его именемъ батарея Жерве. Построивъ ее, онъ защищалъ безотлучно батарею во все время осады Севастополя и за мѣсяцъ до отступленія нашихъ войскъ отъ южной стороны, Петръ Любимовичъ былъ раненъ въ лѣвую руку, у которой былъ оторванъ палецъ и оконтуженъ въ другую и его унесли на перевязочный пунктъ. На его батареѣ былъ раненъ Тотлебенъ пулею въ икру; рана была незначительна, пришелъ докторъ и желая узнать глубину раны, не имѣя зонда, опустилъ въ нее свой палецъ; въ эту самую минуту разорвало возлѣ нихъ бомбу, которая, оконтузивъ доктора, судоргой свела ему всю руку и пальцы такъ, что онъ не могъ вынуть пальца, который былъ въ ранѣ у Тотлебена, боясь скрючившимъ пальцемъ увеличить ее. Страданіе Тотлебена было ужасное и прекратилось только тогда, какъ принесли горячей воды и ею уничтожили судорогу въ рукѣ у доктора; но этотъ случай былъ причиною, что у Тотлебена нога разболѣлась, потому что сдѣлалось сильное воспаленіе, но теперь, съ помощью Божьею, онъ уже ходитъ и оставилъ свои костыли.

Когда молодой Жерве вернулся сюда, то почтенный его отецъ съ чувствомъ сказалъ ему:

—«Благодарю Бога, что ты 10 мѣсяцевъ такъ храбро защищалъ твою батарею и что не ты ее сдалъ непріятелю!»

Въ одно утро бомба упала возлѣ временнаго пороховаго погреба на Малаховомъ курганѣ и произвела пожаръ; контръ-адміралъ Истоминъ, при которомъ находился лейтенантъ Батьяновъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— «Ну, Батьяновъ, вотъ случай получить Георгіевскій крестъ», и указалъ на пороховой складъ.

Батьяновъ первый бросился туда, платье на немъ все истлѣло, самъ получилъ контузію, обжегъ голову и совсѣмъ было оглохъ на одно ухо, но бо̀льшая часть пороховаго запаса была спасена.

Во время осады Севастополя, въ самую тяжелую минуту Корниловъ закричалъ войску: «Отступленія не будетъ и тотъ подлецъ, кто не заколетъ меня, если я прикажу бить отбой!»

Когда князь Горчаковъ рѣшился оставить южную сторону Севастополя, то онъ предложилъ нѣкоторымъ инженерамъ сдѣлать проектъ на построеніе моста черезъ Севастопольскую бухту; инженерный генералъ Александръ Ефимовичъ Бухмейеръ былъ одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ былъ возложенъ великій этотъ трудъ. Сообразивъ планъ и написавъ его, Бухмейеръ принесъ его къ князю Горчакову, который выслушавъ его, сказалъ ему:

«Это несбыточная вещь! Неужели этотъ мостъ выдержитъ армію и артиллерію? Подумайте генералъ, ну если вы ихъ утопите»?

— Съ помощью Божьею, отвѣчалъ Александръ Ефимовичъ, надѣюсь благополучно ихъ доставить на ту сторону; позвольте только мнѣ самому закупить и привезти сюда весь нужный матеріалъ.

Князь согласился; Бухмейеръ отправился въ Херсонь, сдѣлалъ всѣ нужныя закупки, самъ сопровождалъ ихъ; въ три недѣли мостъ длиною 435 сажень былъ готовъ и 27 августа 1855 года вся армія при сильномъ морскомъ вѣтрѣ перешла его; пушки въ два ряда ѣхали, а самъ Александръ Ефимовичъ стоялъ на срединѣ моста по колѣно въ водѣ; понтоны были ею покрыты, такъ сильно было движеніе войскъ и сила вѣтра. Бухмейеръ послѣдній вышелъ на берегъ и видѣвъ чудо въ благополучной этой переправѣ, кинулся на колѣни и весь въ слезахъ закричалъ:

—«Благодарю Тебя, Господи, Ты внушилъ мнѣ проектъ моста, Ты благополучно и войско черезъ него провелъ!

И точно, непріятель даже изумился, видя, что весь гарнизонъ севастопольскій перешелъ черезъ бухту счастливо у него въ виду!

У достойнаго Александра Ефимовича оставалась въ Петербургѣ жена съ единственнымъ сыномъ, который до четырехъ лѣтъ росъ какъ здоровый ребенокъ и вдругъ, послѣ жестокой болѣзни, сталъ нѣмъ и глухъ; теперь ему 20 лѣтъ и тяжелые эти недуги не перестаютъ огорчать его отца и мать, но они несутъ это горе съ христіанскою покорностью и Бухмейеръ, сообразивъ въ Севастополѣ планъ построенія моста, писалъ къ женѣ:

—«Вотъ, что мнѣ предстоитъ сдѣлать! Молись, другъ мой, и сына заставляй молиться, чтобы Господь благословилъ трудъ мой!

Говорили при императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ о тяжеломъ положенiи, въ которомъ находился Севастополь и она, услышавъ этотъ разговоръ, сказала:

—«J'avais cru que mon coeur était mort à toute douleur et il palpite encore en entendant parler de Sebastopol».

На третiй день кончины государя Николая Павловича, камердинеръ императрицы, въ 9 часовъ утра, принесъ обыкновенный ея завтракъ кофе и не успѣлъ еще поставить его на столъ, какъ съ императрицей сдѣлалось дурно; она упала на руки M-me Koerberg, ея камеръюнгферы, и, жестоко рыдая, сказала:

—«L'Empereur ne déjeunera plus jamais avec moi».

Тутъ не было ни у кого словъ утѣшать нашу царицу!....

А. Ө. Львовъ получилъ отъ епископа Херсонскаго Иннокентiя десять молитвъ, называемыя «Постная Трiодiя», на которыя онъ просилъ его сочинить музыку, что тотъ и исполнилъ, и Иннокентiй былъ ими очень доволенъ. Какъ это время всѣмъ было не до музыки, Львовъ и устроилъ такъ, что человѣкъ 14 придворныхъ лучшихъ пѣвчихъ приходили вечеромъ къ нему, садились всѣ около стола, онъ дирижировалъ и пѣвчiе пропѣвали нѣсколько изъ этихъ молитвъ съ такимъ совершенствомъ, что истинно слушать невозможно было ихъ равнодушно!

Дошелъ слухъ объ этомъ пѣнiи до великой княгини Ольги Николаевны, которая сюда прiѣхала съ мужемъ къ похоронамъ государя Николая Павловича. Она прислала сказать Львову, что желаетъ слышать эти молитвы и назначила одну изъ своихъ залъ. Г-жу Львову тоже пригласила на вечеръ и она съ мужемъ поѣхала во дворецъ, но ранѣе назначеннаго часа, чтобы устроить музыку, какъ устроивалось у насъ на этихъ музыкальныхъ вечерахъ; но лишь только А. Ө. Львовъ хотѣлъ приказать поставить столъ и стулья, приходитъ великая княгиня Ольга Николаевна и, утѣшивъ Львова и жену его ласковымъ и милостивымъ своимъ прiемомъ, сказала:

— «Mon cher Алексѣй Өедоровичъ, il faut déménager, Maman voudrait entendre ces prières».

Все было перенесено въ комнаты императрицы, Александры Өеодоровны, куда вскорѣ и царствующая государыня и великiе князья и нѣкоторыя фрейлины пришли. Начали пѣть и вдовствующая Императрица пришла, сѣла и залилась слезами. Какъ кончили молитву она подошла къ А. Ө. Львову и сказала:

—«Lvoff, Lvoff, quel monde de souvenirs en vous voyant», дала ему

ручку поцѣловать, и вы можете себѣ представить, какъ онъ былъ самъ разстроенъ, увидя, какое его музыка сдѣлала впечатлѣніе на нашу царицу; вспомнила она, какъ въ самой этой комнатѣ сколько было пріятныхъ веселыхъ вечеровъ у нея, а теперь кромѣ горя и слезъ и самое пѣніе ничего не производило. Какъ кончили, всѣ премного благодарили А. Ѳ. Львова и пѣвчихъ, которые, точно, привели всѣхъ въ восхищеніе. На другой день, боясь, что пѣніе это не слишкомъ бы разстроило Императрицу, я поѣхала узнать отъ Бартеневой, какъ почивала Государыня.

«Слава Богу, очень хорошо, сказала она мнѣ, хотя и много плакала».

Въ нынѣшнемъ 1857-мъ году Государь Наслѣдникъ Николай Александровичъ разговаривалъ съ духовникомъ Божановымъ «о трудности царствовать».

— Точно, Ваше Высочество, отвѣчалъ духовникъ, это не легкую ношу возлагаетъ Господь на плечи царей.

«Особенно, сказалъ Наслѣдникъ, труденъ выборъ людей; научите, что долженъ дѣлать царь, чтобы умѣть людей выбирать!»

— Во первыхъ, отвѣчалъ духовникъ, молиться Богу и просить Его помощи; во вторыхъ, не окружать себя ширмами, изъ-за которыхъ рѣшительно царь никого не узнаетъ и едва ли кого услышитъ.

У Прасковьи Николаевны Бороздиной была дочь Дашенька, которая скончалась 9-ти лѣтъ; она удивляла насъ своимъ умомъ всегда, но однажды особенно изумила она насъ. Между молодыми людьми, по большей части нашими родными, былъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, (который впослѣдствіи, въ 1848 году, первый въ Дрезденѣ зажегъ прелестный дворецъ Цвингеръ), и онъ, будучи пріятной очень наружности, угождалъ нашимъ барышнямъ, которыя и отличали его отъ другихъ молодыхъ людей. Дашенька это примѣтила и однажды имъ сказала:

—«Не вѣрьте, барышни, всему тому, что говоритъ вамъ Михаилъ Александровичъ; въ глаза онъ вамъ говоритъ одно, а я сама слышала, какъ за глаза говоритъ совсѣмъ другое, онъ точно какъ повапленные гробы въ Евангеліи: бѣлы и красивы сверху, а внутри кости и всякая нечистота»!

Точно, какъ будто ребенокъ этотъ предвидѣлъ, что будетъ со временемъ; Бакунинъ велъ себя такъ дурно въ чужихъ краяхъ, что Саксонскій король, продержавъ его нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, не хотѣлъ болѣе его имѣть въ Дрезденѣ и возвратилъ его сюда и онъ, говорятъ, по сію пору находится въ крѣпости.

[Записано въ 1854 году].

Д. М. Деларю и А. С. Пушкинъ.

Отецъ мой, Михаилъ Даніиловичъ Деларю, воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ и принадлежалъ къ 5-му выпуску. Во время окончанія отцемъ моимъ курса ученія (1829 г.), имя Пушкина уже гремѣло по всей Россіи, а потому понятно, что всякій воспитанникъ лицея считалъ себя причастнымъ славѣ Александра Сергѣевича и благоговѣлъ передъ поэтомъ, вышедшимъ изъ стѣнъ того же заведенія. Отецъ мой, еще въ лицеѣ знавшій Пушкина и имѣвшій также склонность къ поэзіи, относился всегда къ Пушкину, какъ къ генію и смотрѣлъ на него, какъ на своего учителя, но въ тоже время ближе стоялъ по своимъ личнымъ симпатіямъ и склонностямъ къ другому нашему поэту, другу и сотоварищу Пушкина, барону Дельвигу. Отношенія отца моего къ Дельвигу были самыя нѣжно-дружескія и отцу моему пришлось закрыть глаза нашему русскому Гесснеру, что отчасти послужило поводомъ и къ болѣе тѣсному сближенію между моимъ отцомъ и Александромъ Сергѣевичемъ.

По выходѣ изъ лицея, отецъ мой поступилъ на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и пробылъ до 1830 или 31 года, когда надъ нимъ разразилась гроза по поводу помѣщеннаго имъ въ «Литературной Газетѣ», издаваемой Дельвигомъ, стихотворенія «Красавицѣ».

Стихотвореніе это было переведено отцемъ моимъ изъ Гюго:

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Клянусь, красавица, повергъ бы предъ тобой
Корону, скипетръ, тронъ, державу и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой!..
И еслибъ Богомъ былъ, селеньями святыми
Клянусь, я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй.

За это стихотвореніе отецъ былъ временно отлученъ отъ церкви и лишенъ занимаемой имъ должности.

Къ этому-то времени, или нѣсколько позже, потому что точно года я не помню, и относится слѣдующее событіе: жена Пушкина уѣхала изъ Петербурга въ Москву, или къ роднымъ своимъ въ деревню. Самъ Александръ Сергѣевичъ остался въ Петербургѣ, трудился надъ своимъ «Пугачевскимъ бунтомъ» и работалъ въ архивахъ. Государь Николай Павловичъ пожаловалъ его въ камеръ-юнкеры. Около этого времени въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества сталъ ходить слухъ, что камеръ-юнкерство было дано Пушкину не за его заслуги, а только ради того, чтобы дать его женѣ право посѣщать придворные балы. Понятно, что такіе слухи не могли не возмутить крайне самолюби-

ваго и къ тому же ревниваго поэта и вотъ, подъ вліяніемъ раздраженія, онъ написалъ къ женѣ письмо, въ которомъ, говоря о своихъ дѣтяхъ, останавливается на вопросѣ о томъ, что ожидаетъ въ будущемъ его сына «Сашку», и при этомъ высказываетъ желаніе, чтобы онъ лучше сдѣлался ремесленникомъ, чѣмъ русскимъ поэтомъ. За тѣмъ Пушкинъ рѣзко выражается объ оказанной ему царской милости.

Письмо это было перехвачено въ Москвѣ почтъ-директоромъ Булгаковымъ и отправлено въ III-е отдѣленіе къ графу Бенкендорфу. Секретаремъ Бенкендорфа былъ тогда Миллеръ, товарищъ отца моего по лицейскому пансіону. Графъ передалъ ему письмо Пушкина, приказывая положить въ портфель, съ которымъ онъ отправлялся къ докладу къ Государю. Миллеръ, благоговѣя самъ передъ талантомъ Пушкина и зная отношенія къ нему отца моего, тотчасъ же бросился къ послѣднему и привезъ съ собою письмо Александра Сергѣевича, спрашивая, что ему теперь дѣлать?

Отецъ мой, ни минуты не колебавшійся въ своемъ рѣшеніи—во чтобы то ни было избавить Пушкина отъ угрожающей ему крупной непріятности и знавшій разсѣянность графа Бенкендорфа, взялъ у Миллера письмо, прочиталъ его и спряталъ въ карманъ. Миллеръ пришелъ въ ужасъ и сталъ умолять отца возвратить ему письмо, но отецъ мой отвѣчалъ, что отдастъ его только въ такомъ случаѣ, если Бенкендорфъ о немъ напомнитъ Миллеру. При этомъ отецъ мой спросилъ Миллера, развѣ не случалось ему получать отъ графа цѣлые ворохи бумагъ съ просьбою положить ихъ въ особый ящикъ стола и недѣли черезъ двѣ, при напоминаніи объ этихъ бумагахъ со стороны секретаря, просить послѣдняго бросить ихъ въ огонь?

Миллеръ отвѣчалъ, что это даже часто случается. Слѣдовательно, возразилъ мой отецъ, тебѣ нечего бояться. Если бы, паче чаянія, Бенкендорфъ и вспомнилъ о письмѣ, то ты скажешь ему, что уничтожилъ его вмѣстѣ съ другими бумагами, согласно распоряженію его сіятельства. Миллеръ согласился на это, а отецъ мой немедленно отправился къ Пушкину, чтобы сообщить ему о случившемся. Александръ Сергѣевичъ измѣнился при этомъ извѣстіи въ лицѣ, но потомъ разсыпался передъ отцемъ моимъ въ благодарностяхъ и обѣщалъ принять свои мѣры, въ случаѣ если Бенкендорфъ вспомнитъ о письмѣ и настоятельно станетъ его требовать отъ Миллера.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, когда предположенія о разсѣянности и забывчивости графа Бенкендорфа вполнѣ оправдались, утромъ зашелъ Пушкинъ къ отцу моему, горячо обнялъ его, поблагодарилъ его за оказанную ему услугу и далъ прочитать копію съ письма, которое онъ написалъ къ женѣ своей. Содержаніе этого

письма, приблизительно, состояло въ томъ, что Александръ Сергѣевичъ проситъ свою жену быть осторожною въ своихъ письмахъ, такъ какъ въ Москвѣ состоитъ почтъ-директоромъ н.....й Булгаковъ, который не считаетъ грѣхомъ, ни распечатывать чужія письма, ни торговать собственными .... Когда отецъ мой прочиталъ это письмо, то Пушкинъ залился хохотомъ и потомъ сказалъ:

— «Ну, пусть же это письмо прочитаетъ и перешлетъ Бенкендорфу!»

Письмо это, какъ оказалось по справкамъ, дѣйствительно не дошло по назначенію, но и въ III-е отдѣленіе переслано не было.

Другой фактъ, также сообщенный мнѣ покойнымъ отцемъ моимъ, состоитъ въ слѣдующемъ: когда по Петербургу стала ходить извѣстная эпиграмма Крюкова

«Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ........»

то министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, не любившій Пушкина и предполагавшій, что эта эпиграмма написана имъ, пригласилъ Александра Сергѣевича къ себѣ и сталъ укорять его за то, что онъ не хочетъ остепениться и продолжаетъ затрогивать сильныхъ міра сего. Когда Пушкинъ выразилъ свое недоумѣніе по поводу словъ Уварова, то послѣдній прямо сказалъ ему, что считаетъ эпиграмму на князя Дондукова дѣломъ его рукъ. Пушкинъ отвѣчалъ на это, что эпиграмму эту онъ дѣйствительно читалъ и признаетъ даже весьма остроумною, но, къ сожалѣнію, писалъ ее не онъ; что онъ имѣетъ обыкновеніе всегда подписывать свое имя подъ своими произведеніями, особенно такими, въ которыхъ онъ кого либо затрогиваетъ, и что онъ постарается это фактически доказать и въ самомъ скоромъ времени г. Уварову.

Это, однако, не убѣдило министра и онъ, напомнивши Пушкину о его ссылкѣ, угрожалъ ему повтореніемъ того-же, если онъ не исправится.

Подобное отношеніе къ нему взбѣсило Александра Сергѣевича и онъ, возвратившись домой, написалъ извѣстную оду «На выздоровленіе Лукулла», которую посвятилъ князю Юсупову, знаменитому богачу и родственнику Уварова и напечаталъ ее въ сентябрской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» за 1835 г. Эта ода была цѣликомъ направлена на Уварова, надѣявшагося, въ случаѣ смерти кн. Юсупова, сдѣлаться наслѣдникомъ его огромныхъ богатствъ. Извѣстная нынѣ изъ обнародованныхъ «Русскою Стариною» документовъ выходка Жобара еще болѣе озлобила Уварова. Онъ пришелъ въ ярость: французъ былъ высланъ за границу, а къ Пушкину придраться не было никакой возможности и Уваровъ затаилъ къ нему съ этого времени еще большую ненависть.

Ѳ. М. Деларю.

Примѣчаніе. Эпиграмма на кн. Дундукова-Корсакова принадлежитъ Пушкину, а не Крюкову. Это видно изъ слѣдующаго. Взявъ на себя съ 1837-го года редакцію «Литературныхъ Прибавленій», А. А. Краевскій, за ранѣе еще, въ концѣ 1836 года, сталъ просить А. С. Пушкина сообщить что нибудь изъ его произведеній въ это изданіе. Пушкинъ далъ прелестное стихотвореніе «Аквилонъ». Въ одно изъ своихъ посѣщеній г. Краевскій засталъ Пушкина, именно 28-го декабря 1836 г., только что получившимъ пригласительный билетъ на годичный актъ Академіи Наукъ.

— Зачѣмъ они меня зовутъ туда? Что я тамъ буду дѣлать?—говорилъ Пушкинъ. Ну, да поѣдемте вмѣстѣ, завтра.

— У меня нѣтъ билета.

— Что-за билетъ! Поѣдемте. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра и отправимся.

29-го декабря г. Краевскій пришелъ. Подали двумѣстную, четвернею на выносъ, съ форейторомъ, запряженную карету и А. С. Пушкинъ съ А. А. Краевскимъ отправились въ Академію Наукъ.

Предъ этимъ только что вышелъ четвертый томъ «Современника», съ «Капитанскою дочкою». Въ передней комнатѣ Академіи, предъ заломъ, Пушкина встрѣтилъ Гречъ—съ поклономъ чуть ни въ ноги:

— «Батюшка, Александръ Сергѣевичъ, исполать вамъ! Что за прелесть вы подарили намъ! говорилъ съ обычными ужимками Гречъ. Ваша «Капитанская дочь» чудо какъ хороша! Только зачѣмъ это вы, батюшка, дворовую дѣвку свели въ этой повѣсти съ гувернеромъ... Вѣдь книгу-то наши дочери будутъ читать!...

— «Давайте, давайте имъ читать!»—говорилъ въ отвѣтъ, улыбаясь, Пушкинъ.

Вошли. За столомъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, вмѣсто заболѣвшаго Уварова, сидѣлъ князь М. А. Дундуковъ-Корсаковъ, лучезарный, въ лентѣ, звѣздахъ, румяный и весело, привѣтливо поглядывалъ на своихъ сосѣдей академиковъ и на публику. Непремѣнный секретарь Академіи Фуксъ читалъ отчетъ....

— «Вѣдь вотъ сидитъ довольный и веселый,—шепнулъ Пушкинъ г. Краевскому, мотнувъ головой по направленію къ Дундукову,—а вѣдь, сидитъ-то на моей эпиграммѣ! ничего, не больно, не вертится!»

Эпиграмма Пушкина:

Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.... и проч.

давно была извѣстна, но Пушкинъ постоянно увѣрялъ, что она принадлежитъ Соболевскому. На этотъ разъ—онъ проговорился г. Краевскому потому, что не задолго предъ тѣмъ самъ же нечаянно показалъ ему автографъ свой съ этою именно эпиграммою. Ред.

Замѣтка А. С. Пушкина въ альбомъ чревовѣщателя А. Ваттемара.

5-го декабря 1864 г. въ Hôtel Drouot въ Парижѣ разпродавалась съ публичнаго торга знаменитая коллекція чревовѣщателя Александра Ваттемара (Alexandre Vattemare), состоявшая изъ 1200 оригинальныхъ рисунковъ и 10,000 автографовъ различныхъ знаменитостей. Въ числѣ другихъ рѣдкостей были рисунки Императора Николая Павловича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора (рисунокъ тушью), герцога Рейхштадтскаго и др. Въ числѣ автографовъ было значительное число русскихъ знаменитостей—между которыми особенно интересны двѣ строчки, на французскомъ языкѣ, съ подписью А. С. Пушкина—начертанныя имъ въ альбомѣ Александра Ваттемара и выражающія удивленіе великаго поэта къ рѣдкому подражательному таланту знаменитаго чревовѣщателя. Считаю сообщеніе этой замѣтки умѣстнымъ для „Русской Старины", такъ какъ въ этомъ интересномъ и почтенномъ историческомъ изданіи уже было напечатано обстоятельное изложеніе о сношеніяхъ Пушкина съ Ваттемаромъ, къ которому настоящая замѣтка можетъ служить если не дополненіемъ, то, по крайней мѣрѣ, поясненіемъ:

Votre nom est legion
Car vous êtes plusieurs.

16 juin v. st. 1834.
St. Pétersbourg,
A. Pouchkine.

Сообщ. Н. К. Богушевскій.

Р. М. Медоксъ.

† 1859 г.

Романъ Михайловичъ Медоксъ, [1]) родился въ Москвѣ, 18 Іюля 1789 года. Родители его были Великобританскій подданный Михаилъ [2]) Георгіевичъ Медоксъ, (Michael, Maeddox.) и Екатери-

[1]) Фамилія «Медоксъ,» вѣроятно, происходитъ отъ древне-финикійскихъ племенъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Закавказьи, такъ какъ древне-финикійскія фамиліи слагались, преимущественно, изъ присоединенія къ слову «человѣкъ» названія мѣста жительства. На древне-же финикійскомъ языкѣ, слово «Maed» означало «человѣкъ,» а «ox» было названіе нынѣшней пограничной между Россіей и Персіей рѣки Аракса. На Кавказѣ и въ настоящее время есть племя, носящее названіе «Медоковъ».

[2]) Михаилъ Георгіевичъ Медоксъ, родился въ Англіи, 14 Мая 1747 года. Будучи профессоромъ математики Оксфордскаго университета, въ 1768 году прибылъ въ Россію и, черезъ посредство Англійскаго посланника милорда Макартнея, былъ представленъ графу Никитѣ Ивановичу Панину и опредѣленъ преподавателемъ физики и математики къ наслѣднику, великому князю Павлу Петровичу, по окончаніи образованія котораго, около 1775 года, сдѣлался учредителемъ и владѣльцемъ Московскихъ театровъ, содержавшимъ ихъ до взятія въ казну въ началѣ нынѣшняго столѣтія (около 1800 года). Онъ

на[1]) Яковлевна, рожденная Штольцъ (Anna, Catharine Stoltz.) Про Романа Михайловича, какъ очевидецъ, я могу сказать, что онъ былъ человѣкъ чрезвычайно энергическій, острый, очень умный, сильно развитой, прекрасно образованный и чрезвычайно даровитый: онъ основательно зналъ нѣсколько языковъ: латинскій, греческій, нѣмецкій, французскій, англійскій, русскій, славянскій, а также былъ знакомъ съ языками нѣкоторыхъ кавказскихъ и сибирскихъ народностей. Научныя познанія его были чрезвычайно обширны. Исторію, математику, естественныя и другія науки онъ зналъ въ широкихъ размѣрахъ; чрезвычайно талантливо рисовалъ, [2]) и имѣлъ чрезвычайно красивый почеркъ руки. Онъ былъ средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго тѣлосложенія, съ чрезвычайно умнымъ выраженіемъ лица англійскаго типа.

Вслѣдствіе составленія кавказско-горскаго ополченія, съ 1812 года, почти до конца царствованія императора Александра 1-го, около 12 лѣтъ, онъ просидѣлъ въ петропавловской крѣпости, затѣмъ былъ посланъ на жительство въ Вятку, бѣжалъ отъ туда на Кавказъ, а затѣмъ былъ снова сосланъ рядовымъ въ Сибирскіе баталіоны, гдѣ былъ учителемъ Омскаго кадетскаго корпуса и занимался геологическими изслѣдованіями, [3]) а затѣмъ въ 1830-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, былъ посаженъ въ шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и просидѣлъ до воцаренія императора Александра II-го. Въ 1855 году, послѣ почти 40 лѣтняго заключенія (въ общей сложности), онъ былъ возвращенъ въ семью моего отца (а его родного брата Павла [4]).

Романъ Медоксъ умеръ 5 декабря 1859 г. и похороненъ въ Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда въ с. Поповкѣ.

К. П. Медоксъ.

умеръ 27 сентября 1822 года и похороненъ Тульской губерніи, въ селѣ Поповкѣ, Каширскаго уѣзда.

[1]) Екатерина Яковлева (рожденная Штольцъ) родилась 13 Октября 1763 года, вѣнчалась въ Москвѣ 28 ноября 1785 года и умерла 30 сентября 1827 г.

[2]) Одна изъ написанныхъ имъ по выходѣ изъ крѣпости картинъ, изображавшая морской видъ, была видана мною и продана за дорогую цѣну.

[3]) Результаты его геологическихъ изслѣдованій печатались въ разныхъ журналахъ нынѣшняго столѣтія.

[4]) Павелъ Медоксъ былъ младшій сынъ Михаила Георгіевича Медоксъ; онъ родился въ Москвѣ 17 мая 1795 г. Въ кампанію 1812 года, на канунѣ дня вступленія Наполеона 1-го въ Москву, вступилъ въ ряды формировавшагося на счетъ графа Салтыкова гусарскаго полка. Въ послѣдній разъ онъ оставилъ службу въ чинѣ штабъ-ротмистра и открылъ собою русскую дворянскую фамилію Медоксъ, (записанную въ Тульской губ.), единственными представителями которой остались его сыновья. Онъ умеръ 1871 года въ ночь на 25 октября.

ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

1787—1863.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1880 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 10 СЕНТЯБРЯ 1880 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ

ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО, ЗИМОЮ 1877 ГОДА.

(Военно-историческій очеркъ).

III [1]).

Прибытіе подкрѣпленій изъ подъ Плевны давало возможность намъ совершить, наконецъ, переходъ черезъ Балканы. Прежде всего являлся вопросъ, какимъ образомъ исполнить этотъ переходъ, какіе пути выбрать для того и въ какомъ направленіи нанести главный ударъ противнику.

О движеніи въ прямомъ направленіи, т. е. о фронтальномъ прорывѣ противника, конечно, не могло быть и рѣчи, вслѣдствіе силы непріятельской укрѣпленной позиціи и ничтожности, сравнительно, достигаемыхъ результатовъ. Такимъ образомъ, должно было обратиться къ обходамъ. Сила нашей собственной позиціи, превосходство, численное и нравственное, нашихъ войскъ и, наконецъ, возможность развить успѣхъ до наивысшей степени позволили прибѣгнуть къ двойному обходу, съ обоихъ фланговъ противника. При этомъ, такъ какъ огромное большинство нашихъ силъ было сосредоточено къ сторонѣ Орханіэ и Врачеша, близъ шоссе, и притомъ движеніемъ черезъ горы вправо мы отрѣзывали турецкія балканскія войска отъ Софіи, гдѣ находился значительный гарнизонъ, и отъ софійско-ихтиманскаго шоссе, то и рѣшено было вести главную обходную колонну вправо, т. е. въ направленіи лѣваго фланга турокъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., томъ XXVIII, (августъ) стр. 619—638; томъ XXIX, (сентябрь) стр. 57—96).

Во все время стоянки на горахъ, генералъ-адъютантъ Гурко и начальникъ штаба отряда, генералъ-маіоръ Нагловскій, при посредствѣ состоявшаго при штабѣ хорунжаго князя Церетелева, тщательно собирали свѣдѣнія о всѣхъ путяхъ черезъ Балканы. Согласно полученнымъ такимъ способомъ, а частію и отъ войскъ, свѣдѣніямъ, было намѣчено три пути для движенія колоннъ: одинъ на Бабу-гору, другой на д. Чурьякъ и третій на Умургачъ. Главныя силы предполагалось двинуть на Умургачъ, лежащій отъ турецкой позиціи далѣе нежели чурьякскій перевалъ, что болѣе способствовало скрытію движенія, но впослѣдствіи, какъ будетъ сказано ниже, это было измѣнено. Рекогносцировка намѣченныхъ путей была поручена тремъ офицерамъ генеральнаго штаба, причемъ дорогу на Бабу-гору изслѣдовалъ штабсъ-капитанъ Протопоповъ, на Чурьякъ—подполковникъ Ставровскій и на Умургачъ—составитель настоящаго очерка. Первый путь оказался сравнительно удобнымъ и нетребующимъ предварительной разработки; но опасный недостатокъ его заключался въ томъ, что Баба-гора, къ которой онъ выводилъ, совершенно обнажена отъ древесной растительности, а это условіе крайне невыгодно, въ виду мятелей и бурановъ, господствующихъ въ горахъ въ это время года. Второй путь былъ неболѣе какъ тропинкой, извивавшейся по кручамъ и скатамъ лѣсистыхъ Балкановъ; начинался онъ у шоссе, между д. Врачешемъ и Арабаконакомъ и выводилъ въ д. Чурьякъ. Не смотря на всѣ свои неудобства, путь этотъ имѣлъ тѣ выгоды, что, по свойству грунта, допускалъ разработку и шелъ все время лѣсомъ—это скрывало въ извѣстной степени движеніе и служило защитой въ бурное время. Наконецъ, третій путь, на Умургачъ, былъ самый ужасный; онъ начинался въ ущельи, верстахъ въ 2—3-хъ южнѣе д. Врачеши, обходилъ въ тылу Лютиковскую позицію турокъ и выводилъ какъ въ д. Чурьякъ, такъ и въ д. Жиляву. При началѣ подъема тропа вилась по карнизу, размытому ручейкомъ и наполненному гальками, далѣе, въ одномъ мѣстѣ охватывала остроконечную вершину и, наконецъ, версты за 2—3 до перевала, входила въ лѣсъ, который оканчивался у самаго почти перевала, совершенно обнаженнаго отъ древесной растительности. Каменистая почва и необычайно крутые подъемы дѣлали сколько нибудь сносную разработку этого пути, въ непродолжительное время,

совершенно невозможной. Въ виду этихъ свѣдѣній, полученныхъ путемъ двукратной рекогносцировки, генералъ-адъютантъ Гурко рѣшился направить главныя силы на Чурьякъ, а на Умургачъ двинуть лишь небольшую колонну, получившую, какъ будетъ сказано ниже, особое назначеніе. Такимъ образомъ, для перехода, войска пришлось раздѣлить на 3 колонны; кромѣ того, у насъ былъ отрядъ въ Златицѣ, да необходимо было оставить часть силъ съ фронта для демонстраціи и прикрытія тыла, противъ турецкихъ позицій у Лютикова и Шандарникъ-Арабаконака. Въ виду всего этого, войска раздѣлены были на нѣсколько отрядовъ.

Замѣтимъ кстати, что вслѣдствіе трудности движенія въ горахъ, во всѣхъ батареяхъ, назначенныхъ для перехода, приказано было взять съ собою лишь по 4 орудія и по одному зарядному ящику на каждое изъ нихъ, выбравъ для запряжки самыхъ лучшихъ лошадей. Вся же остальная часть артиллеріи должна была собраться позади у д. Лежана, выстроиться тамъ въ строгомъ порядкѣ, такъ, чтобы по первому требованію всякая батарея могла выѣхать немедленно, безъ помѣхи, какъ для себя, такъ и для другихъ батарей. Далѣе назади, у Правца, располагались въ такомъ же строгомъ порядкѣ парки артиллерійскіе и интендантскіе.

Хозяйственныя распоряженія, сдѣланныя передъ выступленіемъ въ горы заключались въ слѣдующемъ. Людямъ всѣхъ отрядовъ, за исключеніемъ остававшихся противъ Шандарникъ-Арабаконака, приказано было выдать, изъ имѣвшихся запасовъ, сухарей по 18-е декабря включительно [1]), полагая по 1-му фунту на человѣка. Сухари эти предписывалось расходовать подъ личною отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны были лично, на вечернихъ перекличкахъ, дѣлать осмотръ сухарныхъ мѣшковъ, а также разъяснить людямъ всю важность сбереженія сухарей, такъ какъ неизвѣстно было, когда подойдутъ транспорты на пополненіе запаса. Затѣмъ людямъ, находившимся въ строю, приказано было выдать чаю и сахару по 18-е декабря включительно, а передъ выступленіемъ—трехдневную порцію мяса. По утрамъ велѣно было выдавать по

---

[1]) Приказъ по отряду отъ 10-го декабря 1877 г. Помѣщенъ въ „Воспоминаніяхъ офицера генеральнаго штаба“.

чаркѣ водки; кавалеріи же и артиллеріи имѣть трехдневную дачу ячменя [1]). Относительно порядка движенія колоннъ предоставлена была полная свобода ихъ начальникамъ, съ соблюденіемъ однако слѣдующихъ условій: а) орудія и ящики прикомандировать къ ротамъ, такъ чтобы на одну роту приходилось по одному орудію или одному ящику; б) кавалеріи, кромѣ небольшой части, слѣдовать въ хвостѣ эшелоновъ; в) имѣвшіеся при частяхъ вьюки вести непосредственно за своими частями, т. е. ротные—за ротами, баталіонные за баталіонами и т. д. Изъ повозокъ разрѣшалось брать только аптечные одноколки. Наконецъ упоминалось о соблюденіи во время слѣдованія строгаго порядка, о томъ, чтобы безъ толку не подымать тревоги и особенно не затѣвать при этомъ пальбы и т. д.

Еще ранѣе, а именно съ 5-го декабря 1877 г., началась разработка дороги на Чурьякъ гвардейскими саперами и л.-гв. Преображенскимъ полкомъ. Не доходя еще до подъема, пришлось устроить два фашинные моста, а затѣмъ ушириять тропу и дѣлать зигзаги, для избѣжанія слишкомъ крутыхъ подъемовъ. Погода во время работъ была очень холодная и доходила ночью до 18° по Реомюру. 10-го декабря разработка пути до перевала была уже окончена, какъ вдругъ наступила оттепель, а 12-го морозъ; вслѣдствіе этого сдѣлалась такая гололедица, что даже одиночнымъ людямъ невозможно было подыматься по разработанному пути. Тогда приказано было сдѣлать саперамъ ступеньки на всѣхъ подъемахъ, чтобы дать хотя какой либо упоръ ногѣ. Разработка спуска была отложена до самаго конца, чтобы не привлечь заблаговременно вниманіе турокъ. Работа эта, представлявшая огромныя трудности, была исполнена, на сколько возможно, ночью 12-го декабря. Къ разсвѣту саперы и преображенцы спустились внизъ, въ д. Чурьякъ, гдѣ строжайше приказывалось имъ не выходить изъ домовъ, чтобы не обнаружить себя туркамъ, занимавшимъ гребень высоты не вдалекѣ отъ деревни.

По окончаніи всѣхъ подготовительныхъ работъ и распоряженій, генералъ-адъютантъ Гурко отдалъ 11-го декабря диспозицію для исполненія самаго перехода черезъ Балканы. Въ виду важности этого документа и для уразумѣнія всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій, мы приведемъ его дословно.

[1]) Приказъ по отряду отъ 11-го декабря 1877 г.

Диспозиція [1]).

Въ г. Орханіэ, 11-го декабря 1877 года.

„13-го декабря войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда начать движеніе, съ цѣлью перехода черезъ Балканскія горы. Для сего:

1) Авангарду, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, собравшись во Врачешѣ къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить сего 13-го декабря въ $5^1/_2$ часовъ утра изъ Врачеши и, сдѣлавши привалъ до 11-ти часовъ дня, возлѣ бивака 8-го драгунскаго Астраханскаго полка, на софійскомъ шоссѣ, у начала вновь разработанной старой Софійской дороги, ведущей на перевалъ, ровно въ 11 часовъ дня начать подъемъ на гору и слѣдовать съ небольшими остановками къ деревнѣ Чурьякъ, гдѣ и остановиться на привалъ. (Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 баталіона, 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны, гвардейской стрѣлковой бригады—2 баталіона, одинъ полкъ (Козловскій) 31-й пѣходной дивизіи—3 баталіона, 1-я, 3-я и 6-я батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады, по 4 орудія отъ каждой—12 орудій, 4 орудія одной изъ 4-хъ фунтовой батарей, 3-й артиллерійской бригады—4 орудія, Кавказская казачья бригада—11 сотенъ, 4 конныхъ орудія. Всего 13 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, 11 сотенъ, 4 конныхъ орудія).

14-го декабря, авангарду выступить въ 4 часа утра и слѣдовать черезъ Потопъ, Елешницу и Стольникъ на Софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ на лѣво, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и построить боевой порядокъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елешница заняты турецкою пѣхотою. Сила всей пѣхотной части, собранной въ двухъ этихъ пунктахъ, отъ 1-го до 2-хъ таборовъ (т. е. отъ 500 до 800 человѣкъ); по свѣдѣніямъ, турки стоятъ по ночамъ очень небрежно. Необходимо постараться захватить ихъ въ расплохъ и вытѣснить изъ обѣихъ деревень.

Между деревнями Чурьякъ и Потопъ отходитъ влѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ Софійскую долину. На дорогу эту выставить, въ видѣ боковаго заслона, полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ фунтовыми орудіями и съ одною сотнею казаковъ.

2) Первому эшелону, подъ начальствомъ генералъ-маіора Курлова, собравшись 13-го декабря, въ $5^1/_2$ часовъ утра во Врачеши, за исключеніемъ Астраханскаго драгунскаго полка, который присоединится къ эшелону на своемъ бивакѣ, выступить изъ Врачеши въ 7 часовъ утра 13-го декабря и слѣдовать по Софійскому шоссе къ мѣсту бивака Астраханскаго драгунскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ эшелону сдѣлать привалъ и начать дальнѣйшее движеніе черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе. Эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до тѣхъ поръ, пока голова эшелона не догонитъ, въ окрестностяхъ Чурьяка, хвостъ авангарда.

(Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 баталіона, Прусскій полкъ—4 баталіона, 4 дивизіона отъ 4-й батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона,

---

[1]) Помѣщена въ «Воспоминаніяхъ офицера генеральнаго штаба».

одна сотня Кавказской казачьей бригады. Всего 8 баталiоновъ, 16 орудiй, 5 эскадроновъ и сотенъ).

14-го декабря эшелону выступить въ 6 часовъ утра и слѣдовать черезъ Потопъ и Елешницу въ Рожданiэ. Если же, по донесенiямъ, прямая дорога изъ Чурьяка въ Рожданiэ по ущелью, отдѣляющемуся влѣво, не доходя до Потопа, окажется возможною для движенiя артиллерiи, то идти прямо на Рожданiэ, гдѣ и расположиться на ночлегъ.

3) Второму эшелону, подъ начальствомъ генералъ-маiора Философова, собравшись 13-го декабря, къ 8-ми часамъ утра, во Врачеши, выступить изъ этой деревни тогда, когда получатся свѣдѣнiя, что хвостъ авангарда свернулъ съ софiйскаго шоссе. Прiйдя на бивакъ драгунскаго Астраханскаго полка, эшелону остановиться на привалѣ для подъема въ гору черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе на право. Затѣмъ эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до Чурьяка, гдѣ остановиться на привалъ.

(Лейбъ-гвардiи Литовскiй полкъ—4 баталiона, Австрiйскiй полкъ—4 баталiона, 2-й и 3-й баталiоны гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталiона, 2 дивизiона отъ 2-хъ остальныхъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерiйской бригады—8 орудiй. Всего 10 баталiоновъ и 8 орудiй).

14-го декабря выступить черезъ часъ послѣ выступленiя хвоста 1-го эшелона и слѣдовать черезъ Потопъ и Елешницу въ Стольникъ, гдѣ и расположиться на ночлегъ.

4) Общее командованiе надъ первымъ и вторымъ эшелонами возлагается на начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизiи, генералъ-лейтенанта Каталея.

5) Правой колоннѣ, подъ начальствомъ начальника 31-й пѣхотной дивизiи, генералъ-лейтенанта Вельяминова, собравшись 13-го декабря, къ 5-ти часамъ утра, во Врачеши, выступить: пѣхотѣ со всею артиллерiею въ 5½ часовъ утра, а кавалерiи въ 5 часовъ утра и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ дер. Жиляву.

(1-я бригада 37-й пѣхотной дивизiи—6 баталiоновъ, батарея 31-й артиллерiйской бригады — 8 орудiй, 1-я и 2-я бригады гв. кавалерiйской дивизiи — 16 эскадроновъ. Всего 6 баталiоновъ, 8 пѣшихъ орудiй, 16 эскадроновъ, 8 конныхъ орудiй).

Колоннѣ идти непрерывно, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь расположиться тамъ, гдѣ застанетъ темнота. На другой день колоннѣ выступить въ 4 часа утра и слѣдовать на Жиляву. По приходѣ въ Жиляву главное назначенiе колонны—составлять заслонъ для главной колонны со стороны Софiи и Кремиковицы; для этого, оставивъ въ Жилявѣ 4 баталiона, 4 орудiя и 1 эскадронъ кавалерiи, выслать къ Чайнику и Яну по одному баталiону при двухъ орудiяхъ, а всю кавалерiю и всю конную артиллерiю выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденiе за Софiей, софiйско-филипопольскимъ шоссе и выходами изъ горъ у Кремиковицы и Сельева (Сеславцы); если же бы оказалось, что турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у дер. Елешницы и тѣмъ заслоняютъ дебушированiе главной колонны, то слѣдуетъ отдѣлить часть пѣхоты съ артиллерiею и кавалерiею для дѣйствiя въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елешницу.

6) По выходѣ въ софiйскую долину Астраханскому драгунскому полку слѣдовать немедленно черезъ Iенни-ханъ въ Тырново и наблюдать шоссе въ

Ихтиманъ, на софійско-филиппопольскомъ шоссе; на кавказскую казачью бригаду возлагается обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе и расположиться на ночлегѣ въ деревнѣ Коджа.

7) Отдѣльной этропольской колоннѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра 13-го декабря и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Бабу.

(2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи 6 баталіоновъ, Воронежскій пѣхотный полкъ—3 баталіона, 1-ой батареи 31-й артиллерійской бригады 8 орудій, Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, 2 сотни сводной донской казачьей бригады, 4 конныхъ орудія донской казачьей № 1-й батареи, 2 орудія конной № 16-й батареи. Всего: 9 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 6 эскадроновъ и сотенъ и 6 конныхъ орудій).

Взойдя на перевалъ, состоящей при этой колоннѣ кавалеріи спуститься въ Буново и выслать немедленно сильные разъѣзды въ Дольніе Комарцы и по дорогѣ въ Златицу и разрушить телеграфъ, находящійся какъ на этой дорогѣ, такъ и на дорогѣ изъ Дольнихъ-Комарцовъ въ Петричево. Пѣхотѣ-же съ пѣшей и конной артиллеріей дѣйствовать съ утра 14-го декабря во флангъ и тылъ турецкой позиціи у Шандарника. Главное назначеніе колонны—демонстраціями противъ праваго фланга турокъ привлечь ихъ вниманіе въ ту сторону и тѣмъ облегчить дѣйствія главной колонны. Въ случаѣ же отступленія турецкихъ войскъ на Петричево энергичнымъ преслѣдованіемъ, по возможности, разстроить отступающія войска.

8) Отрядамъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, Его Высочества принца Ольденбургскаго и Свиты Его Величества генералъ-маіора Брока [1]) оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ и зорко слѣдить за непріятелемъ, при чемъ, въ случаѣ отступленія непріятеля, немедленно перейти въ наступленіе, занять очищаемыя позиціи и тѣснить непріятеля по пятамъ.

9) Отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера [2]) оставаться на позиціяхъ у Врачеши и Скривена и наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ лютиковскую позицію и составлять заслонъ противъ этой позиціи.

(Три полка 5-й пѣхотной дивизіи—9 баталіоновъ, 4 батареи 5-й артиллерійской бригады—32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейск. кавалерійской дивизіи—7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій. Всего: 9 баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 7 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

10) Общее командованіе надъ отрядами Его Высочества принца Ольден-

---

[1]) Составъ этихъ отрядовъ былъ слѣдующій: а) Гр. Шувалова: л.-гв. Московскій, Павловскій и Финляндскій полки и 3 баталіона л.-гв. 2-й артиллерійской бригады (12 баталіоновъ и 24 орудія); б) Принца Ольденбургскаго л.-гв. Семеновскій и Егерскій полки, 3 батареи л.-гв. 1 артиллерійской бригады и 4 орудія 16-й конной батареи (8 баталіоновъ, 28 орудій); в) Генерала Брока: л.-гв. Гренадерскій полкъ, Новоингерманландскій полкъ ($1^1/_2$ баталіона), 2 орудія Донской казачьей № 19 бат. и 2 сотни свод. донской казачьей бригады ($5^1/_2$ батал., 2 орудія и 2 сотни). См. приказъ по отряду отъ 10-го декабря 1877 года.

[2]) За его болѣзнію начальство надъ отрядомъ принялъ генералъ-маіоръ Пахитоновъ.

бургскаго, генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера возлагается на командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта барона Кридинера.

Въ случаѣ, если бы движеніе нашихъ войскъ побудило бы турокъ очистить лютиковскую позицію, то, отдѣливъ для занятія очищенной лютиковской позиціи одинъ полкъ и одну батарею, остальные 2 полка со всею кавалеріею и артиллеріею двинуть по шоссе къ позиціи, занимаемой отрядомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова.

11) Санитарные средства отряда распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

а) Всему наличному персоналу дивизіоннаго лазарета 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ авангарда главныхъ силъ на Чурьякъ и Елешницу; б) половинѣ персонала дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ правой колонны генерала Вельяминова; в) другой половинѣ дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставаться при отрядѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова; г) санитарному персоналу 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ перваго и втораго эшелоновъ главной колонны на Чурьякъ и Елешницу; д) летучимъ отрядамъ краснаго креста слѣдовать въ хвостѣ колоннъ генераловъ Вельяминова и Дандевиля. По выходѣ въ долину Софіи устроить перевязочные пункты въ Жилявѣ и Елешницѣ.

12) Я буду находиться въ началѣ движенія въ головѣ 1-го эшелона главной колонны, по выходѣ-же въ долину Софіи въ деревнѣ Стольникъ".

Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко.

Резюмируя все сказанное относительно распредѣленія войскъ, мы видимъ, что часть ихъ была назначена оставаться на позиціяхъ заслономъ противъ турокъ, другая же—для обхода непріятельской позиціи.

Къ первой категоріи принадлежали отряды: генерала Брока, принца Ольденбургскаго, графа Шувалова и генерала Похитонова, расположенные противъ Златицы, Шандарникъ-Арабаконака и Лютикова; ко второй—колонна генерала Дандевиля (двигавшаяся черезъ Бабу-гору на Буново), главныя силы (состоявшія изъ авангарда и двухъ эшелоновъ и двигавшіяся на Чурьякъ) и колонна генерала Вельяминова (направленная черезъ Умургачъ на Жиляву).

Оцѣнивая распредѣленіе войскъ, мы замѣтимъ, что оставленіе заслоновъ обусловливалось присутствіемъ на всѣхъ указанныхъ пунктахъ турецкихъ войскъ, а потому оно было необходимо и вытекало изъ самой сущности дѣла. Что же касается войскъ, назначенныхъ для обхода, то колонна Вельяминова должна была прикрыть операцію перехода со стороны Софіи, главныя силы—нанести главный ударъ противнику и отрѣзать его со стороны лѣваго фланга, а колонна Дандевиля—обхватить съ праваго фланга. По видимому, лучше было бы направить эту колонну

не на Бабу-гору, а на Златицкій перевалъ, гдѣ соединить ее, для дальнѣйшихъ операцій, съ отрядомъ генерала Брока. Этимъ достигнуто было бы большее сосредоточеніе силъ и колонна не испытала бы катастрофы, постигшей ее при переходѣ, во время бурана, обнаженной вершины Бабы-горы.

Дальнѣйшія замѣчанія, которыя, намъ кажется, можно было-бы сдѣлать по поводу диспозиціи, заключаются въ слѣдующемъ.

Во первыхъ, слишкомъ много было назначено артиллеріи въ авангардѣ, это крайне затруднило его движенія: такъ какъ при обходахъ внезапность, неожиданность играютъ главную роль, въ смыслѣ успѣха операціи, то нѣкоторый недостатокъ при войскахъ артиллеріи—разъ, что онъ вызывается необходимостью быстроты движенія—не можетъ имѣть важнаго значенія. Кромѣ того, при подобныхъ операціяхъ обыкновенно обходится сильная часть непріятельскаго расположенія, съ цѣлью поразить его въ слабомъ пунктѣ, такимъ образомъ и надобность въ артиллеріи тутъ будетъ ощущаться въ меньшей степени.

Во вторыхъ, лучше было бы пѣхоту, назначенную для втаскиванія орудій, распредѣлить на нѣсколько эшелоновъ и поставить ихъ въ извѣстныхъ пунктахъ по пути. Тогда людямъ пришлось бы тащить свой грузъ на гораздо меньшемъ разстояніи и, конечно, работу эту они исполнили бы съ бо̀льшей энергіей и быстротой, нежели непрерывный подъемъ орудій отъ подошвы Балка̀новъ до ихъ заоблачныхъ высотъ; при такомъ распредѣленіи частей можно было бы не назначать особыхъ людей для носки ружей своихъ товарищей, тащившихъ орудія, и такимъ образомъ число людей при каждомъ орудіи уменьшилось бы сравнительно немного. Разумѣется, все это выяснилось вполнѣ лишь впослѣдствіи изъ самаго хода дѣла. Указанныя обстоятельства, конечно, имѣли вліяніе на общій результатъ операціи, но затѣмъ въ этомъ отношеніи огромное значеніе принадлежало тѣмъ случайностямъ, которыя невозможно предвидѣть и предотвратить, а именно: буранъ на Бабѣ-горѣ совершенно измѣнилъ предположенный ходъ дѣйствій колонны генерала Дандевиля; а оттепель и гололедица, почти уничтожившія всѣ результаты многотрудной разработки пути, въ высшей степени затруднили движеніе главныхъ силъ и задержали ихъ въ горахъ нѣсколько дней.

Что же касается основной идеи маневра и всѣхъ его подроб-

ностей, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ, то намъ кажется, что они вытекали изъ совершенно правильнаго пониманія обстановки и въ высокой степени замѣчательны въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніи.

Нѣкоторые указываютъ въ числѣ недостатковъ диспозиціи то, что въ ней все движеніе росписано на 2 дня впередъ. Мы полагаемъ, что это необходимо было сдѣлать въ виду обширности пространства, на которое расходились части отряда, а также необыкновенной трудности сообщеній въ горахъ, причемъ крайне трудно было расчитывать дать войскамъ для слѣдующаго дня подробныя приказанія, основанныя при томъ на данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ. Поэтому въ диспозиціи въ сущности указывалась только общая идея маневра и общій характеръ дѣйствій для каждой колонны. Что эти указанія, не смотря на то, что диспозиція далеко не могла быть исполнена какъ первоначально предполагалось, нисколько не стѣснили начальниковъ и не помѣшали самостоятельности ихъ распоряженій—это будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа.

Прежде чѣмъ говорить о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ, насколько позволяютъ имѣющіеся документы, о распоряженіяхъ и положеніи дѣлъ у нашего противника. Съ отозваніемъ въ Константинополь Мехмеда-Али характеръ дѣйствій турокъ не измѣнился. Шакиръ оставался въ пассивномъ пребываніи на своей укрѣпленной позиціи, да и не могъ болѣе ничего сдѣлать при извѣстныхъ уже отношеніяхъ обѣихъ сторонъ.

Ограничившись такой скромной ролью, онъ обыкновенно лишь старался противудѣйствовать нашимъ предпріятіямъ, причемъ пытался мѣшать своимъ артиллерійскимъ огнемъ нашимъ землянымъ работамъ, или же отвѣчалъ на канонаду нашихъ орудій. На лѣвомъ флангѣ турокъ, гдѣ наши батареи занимали командующія высоты, они несли весьма значительныя потери отъ нашего огня; такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Бекера, внутренность турецкаго редута около шоссе „представляла видъ настоящей бойни“, а орудія были демонтированы [1].

---

[1]) „Война въ Болгаріи“ соч. Бекера-паши.

На крайнемъ правомъ флангѣ положеніе турецкихъ укрѣпленій было болѣе выгодно. Съ наступленіемъ холода, артиллерійская борьба почти прекратилась и обѣ стороны прибѣгали къ ней лишь въ рѣдкіе свѣтлые промежутки. За то отъ холода турки тоже страдали и, по замѣчанію того же Бекера, ежедневно обмораживалось до 40 человѣкъ, не смотря на то, что часовые смѣнялись черезъ каждые четверть (?) часа. Особенно много терпѣли баталіоны южныхъ провинцій Турціи и арабы изъ Триполи. Еще Мехмедъ-Али старался, насколько было возможно, прочно организовать свои войска и, между прочимъ, раздѣлилъ ихъ на три дивизіи: Реджиба, Шакира и Бекера. Въ первыхъ было по 17-ти баталіоновъ, образовавшихъ, каждая, 2 бригады по 7-ми баталіоновъ и 1 резервный полкъ [1]). Что же касается войскъ Бекера, то составъ ихъ неизвѣстенъ.

Паденіе Плевны нисколько не отразилось на расположеніи и дѣйствіи турецкой софійской арміи. Между тѣмъ, относительное положеніе обѣихъ сторонъ рѣзко измѣнилось. При значительномъ численномъ нашемъ превосходствѣ, пассивная оборона громадной линіи Балкановъ становилась для турокъ задачей положительно неисполнимой. Со дня на день они должны были ожидать прорыва этой линіи. Единственное спасеніе турецкихъ армій заключалось въ отступленіи и быстромъ сосредоточеніи ихъ назади у Адріанополя, который не трудно было сдѣлать неприступнымъ и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, задержать успѣхи русскаго оружія. Судя по показаніямъ Бекера, такъ думалъ о положеніи вещей Шакиръ-паша, для котораго, въ добавокъ, не оставалось въ неизвѣстности и то обстоятельство, что Сербы также открыли свои военныя дѣйствія. По видимому, мысль объ отступленіи назадъ, сосредоточеніи разбросанныхъ войскъ и о боѣ въ открытомъ полѣ въ окрестностяхъ Филипополя высказывалась и Сулейманомъ-пашей, надѣявшимся притянуть туда значительныя подкрѣпленія также и съ восточнаго фронта театра войны; но иначе думалъ обо всемъ Константинопольскій военный совѣтъ.

Великій визирь и сераскиріатъ надѣялись, что, при посредствѣ Англіи, Турціи удастся заключить перемиріе, а потому желали, чтобы линія Балкановъ за это время находилась въ ихъ

---

[1]) „Война въ Болгаріи“.

рукахъ [1]). Съ этою цѣлью прежде всего приходилось обратить вниманіе на усиленіе софійской арміи, положеніе которой было наиболѣе критическимъ. Такимъ образомъ, тотчасъ послѣ паденія Плевны, секретарь Султана, Саидъ и Реуфъ-паша телеграфировали, 30-го ноября, Сулейману о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало принять для удержанія Балкановъ. По мнѣнію ихъ, восточный фронтъ дѣйствій, со времени капитуляціи Османа, утрачивалъ бòльшую часть значенія; напротивъ того, участокъ Златица-Софія становился наиболѣе важнымъ. Вслѣдствіе этого въ Константинополѣ рѣшено было отдѣлить изъ числа 160-ти баталіоновъ восточно-дунайской арміи 60 баталіоновъ и перебросить ихъ по южную сторону Балкановъ къ Златицѣ и Софіи. Непосредственное начальствованіе всѣми собранными тамъ войсками ввѣрялось Сулейману. Послѣдній выдѣлилъ 21 баталіонъ изъ Рущука и Разграда, 28 баталіоновъ изъ Елены и еще нѣсколько баталіоновъ изъ другихъ пунктовъ, что составило въ общей сложности 59 баталіоновъ. Если бы эти войска своевременно прибыли по назначенію и были бы сгруппированы вмѣстѣ съ арміей Шакира и частями, разбросанными въ разныхъ пунктахъ окрестностей софійскаго театра, то турки могли бы образовать армію въ 130 баталіоновъ, съ которой намъ пришлось бы имѣть дѣло при переходѣ черезъ Балканы. Но такое сосредоточеніе туркамъ удалось исполнить лишь позже, въ окрестностяхъ Филипполя. Въ то же время, о которомъ мы говоримъ, Сулейманъ, отправляясь къ мѣсту своего новаго назначенія, разбросалъ выдѣленые имъ изъ восточно-дунайской арміи баталіоны небольшими частями въ разныхъ пунктахъ по южную сторону Балкановъ; такъ, напримѣръ, онъ расположилъ въ Казанскомъ дефиле 11 баталіоновъ, въ Петричевѣ, Мирковѣ и Буновѣ 6 баталіоновъ, въ Софіи 5 баталіоновъ, между Ихтиманомъ и Софіей 3 баталіона и т. д [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сулейманъ телеграфировалъ Шакиру, что главная его квартира будетъ въ Софіи, куда онъ и отправился изъ Константинополя. Въ Софію Сулейманъ прибылъ въ то время, когда авангардъ нашихъ главныхъ силъ уже дебушировалъ изъ горъ и занялъ софійское шоссе. Въ Софіи

---

[1]) „Процессъ Сулеймана-паши".
[2]) Тамъ же.

находилось всего 5 баталіоновъ, да 5 прибыло изъ восточно-дунайской арміи. По распоряженію Сулеймана, для обороны укрѣпленій города притянуты были войска, занимавшія Лютиковскую позицію, части, расположенныя въ окрестностяхъ Софіи и т. п., такъ что, въ концѣ концовъ, сосредоточилось тамъ около 30-ти баталіоновъ подъ начальствомъ Мехмеда-паши.

Дѣйствія нашихъ войскъ заключались въ слѣдующемъ:

Сборнымъ пунктомъ войскъ, входившихъ въ составъ колонны генерала Дандевиля, назначенъ былъ г. Этрополь. Прибывъ туда 11-го декабря, начальникъ колонны дѣятельно сталъ готовить свои войска къ предстоявшему движенію. Приказано было исправить обувь и одежду нижнихъ чиновъ, а также шанцевый инструментъ, запастись топорами для рубки дровъ, сухарями по 20-е число, мясомъ и спиртомъ—въ возможно бо̀льшемъ количествѣ; артиллерія должна была заготовить сани и канаты для подъема орудій [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Дандевиль поручилъ состоящему при немъ переводчику, болгарину Цареградскому, собрать мѣстныхъ жителей для разработки пути и подъема орудій на перевалъ. Въ прокламаціи, обращенной къ нимъ, было сказано, между прочимъ:

— „Заплочено будетъ всѣмъ, но главная ваша награда будетъ избавленіе отъ турокъ на всегда. Вамъ теперь трудно, но русскимъ труднѣе; они терпятъ для вашей пользы, а вы—для своей“. Скоро раздался по Этрополю колокольный звонъ, болгары наполнили церковь и Цареградскій своею пылкою, патріотическою рѣчью воспламенилъ этихъ бѣдныхъ, измученныхъ и угнетенныхъ людей. Затѣмъ онъ отправился по окрестнымъ деревнямъ и вскорѣ собралъ болѣе 700 человѣкъ съ лопатами и кирками, до 12-ти паръ воловъ съ санками и 40 съ вьючными сѣдлами. Генералъ-адъютантъ Гурко разрѣшилъ выдавать на каждую пару воловъ по золотому, за каждый конецъ подъема тяжестей. Рабочимъ куплено было хлѣба на 2 дня и обѣщано смѣнять ихъ другими по 300 человѣкъ въ день [2]).

Получивъ, ночью 12-го числа, диспозицію для движенія на 13-е, генералъ Дандевиль отдалъ немедленно приказанія для

---

[1]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 21-го января 1878 г.

[2]). „Воспоминанія о Бабѣ-горѣ“. Сборникъ военныхъ разсказовъ.

выступленія отряда на перевалъ; но такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, дорога была совершенно занесена снѣгомъ, то начальникъ колонны рѣшился двинуть 13-го числа только авангардъ съ рабочими болгарами для расчистки пути. Выступленіе сразу всѣхъ войскъ было бы безполезно, такъ какъ онѣ все равно не дошли бы до мѣста назначенія. Въ составъ авангарда вошли слѣдующія части: 3 эскадрона Екатеринославскихъ драгунъ, 2 сотни казаковъ, Великолуцкій пѣхотный полкъ и 4 орудія 19-й донской батареи. Начальство надъ этой передовой частью ввѣрено было генералъ-маіору Краснову [1])—одному изъ доблестнѣйшихъ донцовъ стараго закала. Не смотря на преклонные годы, онъ сохранилъ юношескую бодрость и энергію. Вѣчно дѣятельный, генералъ Красновъ отличался замѣчательной личной храбростью, пониманіемъ военнаго дѣла и необыкновенною пылкостью въ бою, которая подъ часъ увлекала его до того, что онъ становился въ головѣ небольшой части своихъ казаковъ, чтобы лично броситься въ рукопашную. Доблестный воинъ обладалъ вполнѣ боевою опытностью и еще во время венгерской кампаніи заслужилъ орденъ св. Георгія 4-й ст.

Генералъ Дандевиль не считалъ возможнымъ выдвинуть авангардъ 13-го числа на самый перевалъ, такъ какъ, вслѣдствіе поздняго полученія диспозиціи, войска выступили только въ часъ пополудни и могли дойти до перевала только въ 6 часовъ вечера, когда уже наступала полная темнота. Части авангарда двинулись въ такомъ порядкѣ, что впереди шла кавалерія, затѣмъ болгары и пѣхота съ орудіями, при которыхъ тоже шла часть болгаръ. Хотя подъемъ орудій по снѣгу былъ легче, чѣмъ прежде при подъемѣ на Вратешку, тѣмъ не менѣе и тутъ встрѣчались весьма значительныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудности и пришлось исполнить весьма тягостную работу по расчисткѣ пути отъ снѣга. Впрочемъ, высылка впередъ кавалеріи принесла большую пользу, такъ какъ лошади протоптали дорогу, затѣмъ пѣхота нѣсколько ее утрамбовала и этимъ былъ облегченъ трудъ болгаръ.

Путь на Бабу-гору, перейдя мостъ въ верстѣ отъ Этрополя, идетъ далѣе, до самаго подъема, по лѣвому берегу Искера; вер-

[1]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 21-го января 1878 г.

стахъ въ 7-ми отъ города, онъ сворачиваетъ вправо и ведетъ на первый уступъ сѣвернаго отрога Бабы-горы. Дорога въ этомъ мѣстѣ, на протяженіи около полуверсты, глубоко врѣзана въ отлогость крутаго ската. Это мѣсто представляло наибольшія трудности, такъ какъ снѣгъ былъ наваленъ на цѣлую сажень глубины; лошади до такой степени тонули въ рыхломъ наносѣ, что приходилось спѣшивать людей и вытаскивать коней изъ сугробовъ. Для артиллеріи нужно было расчищать дорогу. Для подъема, орудія снимали съ лафетовъ и прямо клали на снѣгъ; потомъ привязывали длинный канатъ съ поперечными толстыми палками, за каждую изъ которыхъ бралось по 2 человѣка и такимъ образомъ человѣкъ 50 тащили орудіе. Движеніе передковъ и зарядныхъ ящиковъ сопряжено было съ гораздо бо̀льшими трудностями: необходимо было въ узкихъ мѣстахъ и на поворотахъ вынимать изъ нихъ заряды и нести на рукахъ, а иногда катить ихъ на одномъ колесѣ, потому что другое, вслѣдствіе узкости пути, надобно было держать на вѣсу. Учителями болгаръ и воронежцевъ, въ этомъ дѣлѣ, явились великолутцы, которымъ ранѣе того уже приходилось подымать орудія на Балканы [1]).

Въ такихъ трудахъ войска провозились до глубокой темноты и, наконецъ, были остановлены. Артиллерія съ баталіономъ пѣхоты ночевала на первомъ уступѣ, остальныя войска авангарда къ 6-ти часамъ достигли самаго перевала. На дальнѣйшемъ пути, главнымъ препятствіемъ движенію были громадные снѣжные сугробы.

Для охраненія отряда, оказалось возможнымъ ограничиться лишь однимъ постомъ изъ 10 казаковъ, такъ какъ справа глубокій оврагъ, съ крутымъ лѣсистымъ скатомъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, былъ непроходимъ какъ для конныхъ, такъ и для пѣшихъ людей, а слѣва отрядъ достаточно обезпечивался обледенѣлыми кручами Бабы-горы. Это обстоятельство было весьма благопріятно для отряда, такъ какъ содержаніе аванпостовъ при 8°, морозѣ могло повлечь за собою потерю въ людяхъ. Генералъ-маіоръ Красновъ, прибывъ къ перевалу, тотчасъ его осмотрѣлъ, причемъ оказалось, что онъ не только не былъ занятъ, но даже

---

[1]) „Воспоминаніе о Бабѣ-горѣ“. Д.

и не наблюдаемъ вовсе. Вправо, къ сторонѣ Шандарника, виднѣлись большіе огни въ турецкомъ лагерѣ.

На другой день, 14 декабря, въ 7 часовъ утра, выступили изъ Этрополя остальныя части колонны генерала Дандевиля и къ вечеру, безъ особыхъ помѣхъ, достигли перевала. Орудія, разобранныя по частямъ, тоже доставлены были волокомъ болгарами. Генералъ Красновъ, вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба Протопоповымъ, розыскали дорогу на Буново, причемъ на высотахъ близь Миркова и Буново и на хребтѣ Стриглѣ замѣчены были непріятельскіе наблюдательные посты. Для раскрытія непріятельскихъ силъ высланы были два эскадрона драгунъ и двѣ сотни казаковъ по направленію на Буново. Затѣмъ выдвинулись болгары для раскопки самаго гребня перевала, особенно сильно занесеннаго снѣгомъ [1]).

Надобно было углубить дорогу до земли, такъ какъ снѣгъ былъ рыхлый и глубиною отъ $1^1/_2$ до 4 фут. Для работъ болгары были построены длинною колонною, причемъ впереди стали люди съ лопатами и кирками, за ними съ дубинами, для разбивки комьевъ, далѣе съ метлами изъ сучьевъ для сметанія и, наконецъ, безъ всякихъ инструментовъ для утрамбованія полотна дороги [2]).

Появленіе нашихъ войскъ на Бабѣ-горѣ было совершенною неожиданностью для турокъ; на Шандарникѣ поднялась суматоха, заиграли рожки, послышались крики, команда и потянулись солдаты съ бивака въ укрѣпленія. Между тѣмъ наша кавалерія, выдвинутая для развѣдки впередъ и тянувшаяся гуськомъ по тропинкѣ, была встрѣчена огнемъ турецкихъ наблюдательныхъ постовъ; а когда она подошла къ мельницѣ въ Буновскомъ ущельи, то послѣдняя оказалась занятой непріятельскимъ пѣхотнымъ пикетомъ, который открылъ пальбу по нашей кавалеріи. Продолжать дальнѣйшее движеніе было затруднительно и драгуны съ казаками повернули назадъ, произведя фуражировку подъ непріятельскими выстрѣлами. Добыча сѣна была чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для отряда, который сильно въ немъ нуждался. Всѣ окрестности Этрополя давно уже были истощены въ

1) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 21-го января 1878 г.

2) „Воспоминанія о Бабѣ-горѣ". Д.

этомъ отношеніи и приходилось посылать за десятки верстъ кругомъ для пріобрѣтенія фуража.

Къ 6 часамъ вечера холодъ на перевалѣ сталъ сильно увеличиваться, а потому генералъ Дандевиль отвелъ оттуда войска и болгаръ. Къ утру слѣдующаго дня (15-го декабря) разработанная дорога оказалась совершенно занесенной и потому болгарамъ снова пришлось ее расчищать; причемъ приказано было вести путь до самой горы Сухое-корыто, гдѣ предполагалось помѣстить орудія для дѣйствія въ тылъ туркамъ, находившимся на Шандарникѣ. Между тѣмъ Шандарникъ, повидимому, пустѣлъ (это былъ день выхода авангарда нашихъ главныхъ силъ изъ Чурьяка на софійское шоссе), но за то у Миркова и Бунова турки появились въ значительныхъ силахъ и поспѣшно стали возводить укрѣпленія. Для раскрытія непріятельскихъ силъ, генералъ Дандевиль выдвинулъ впередъ, къ Миркову, свою кавалерію, а для поддержанія ея расположилъ на отрогѣ Бабы-горы два орудія, которыя открыли огонь по укрѣпленіямъ турокъ на высотѣ близъ Бунова [1]). Кавалерія наша, встрѣченная непріятельскимъ ружейнымъ огнемъ, не подвинулась дальше, и безъ всякихъ результатовъ возвратилась обратно. Къ вечеру, когда стемнѣло и стужа снова начала усиливаться, генералъ Дандевиль отвелъ войска за перевалъ на бивакъ. Вечеромъ одному казаку, бывшему на фуражировкѣ у Бунова, какая-то болгарка передала записку, въ которой жители с. Бунова просили не стрѣлять по укрѣпленіямъ, гдѣ турки насильно заставляли ихъ работать. Тамъ же сообщалось, что въ Буново прибыло около 1000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи изъ Златицы. Ночью генералъ Дандевиль получилъ записку отъ начальника штаба 9-го армейскаго корпуса, съ извѣщеніемъ о занятіи нашими войсками Чурьяка и о предполагавшемся выходѣ ихъ 17-го декабря на софійское шоссе, вслѣдствіе чего съ Бабы-горы должна была быть открыта сильная канонада къ сторонѣ Шандарника. Согласно этому, а также и по своимъ личнымъ соображеніямъ, генералъ Дандевиль выдвинулъ для дѣйствія въ тылъ Шандарника 2 орудія съ Псковскимъ полкомъ, а 2 другія орудія съ Воронежскимъ полкомъ—для дѣйствія по буновскимъ ту-

---

[1]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 21-го января 1878 г.

рецкимъ укрѣпленіямъ. Войска сами расчистили занесенныя ночью дороги и развернулись, сообразно полученнымъ приказаніямъ, фронтомъ къ Шандарнику и Бунову. Въ 3 часа пополудни артиллерія открыла, наконецъ, огонь, причемъ турки на Шандарникѣ засуетились и стали возводить батарею, съ которой вскорѣ былъ открытъ противъ насъ артиллерійскій огонь, не причинившій никакого вреда. Между тѣмъ, грозная туча собиралась надъ отрядомъ. Близилась катастрофа, истребившая всѣ достигнутые трудами результаты и едва не погубившая войско всего отряда. Около 6 часовъ пополудни вдругъ поднялся буранъ. Страшный вихрь неболѣе какъ въ полчаса занесъ всѣ сообщенія; кругомъ свирѣпствовала только одна крутящаяся стихія — ни одного очертанія; въ 20 шагахъ нельзя было ничего видѣть. Всѣ усилія человѣческія оказались тщетными для борьбы съ возмутившеюся природой. Безъ костровъ, безъ всякаго закрытія, батальоны, бывшіе на перевалѣ, стыли, но не покидали своихъ мѣстъ и покорно гибли. Полузамерзшіе люди старались откапывать своихъ занесенныхъ товарищей, но усилія ихъ оставались тщетными среди ужасовъ неумолимой природы. Части, стоявшія на бивакѣ, также страшно страдали. Буря увеличивалась все болѣе и болѣе; столѣтніе балканскіе лѣса стонали отъ страшнаго вихря, сгибаясь какъ тростникъ; огромныя вѣтви деревьевъ, еще недавно одѣтыя снѣгомъ, теперь были обнажены и хлестались порывисто во всѣ стороны. Ущелье у бивака представляло видъ совершеннаго хаоса; все это море лѣса волновалось, какъ трава подъ напоромъ носившейся бури; мѣстами вихрь поднималъ съ лѣсныхъ полянъ тучи крутящагося снѣгу, унося ихъ вверхъ вмѣстѣ съ сучьями и обломками вѣтвей. Костры потухли и всякая попытка возобновить ихъ была напрасна. Войска постепенно заносило снѣгомъ среди мрака ночнаго урагана, при 12° — 14° мороза. Сообщеніе между бивакомъ и войсками на перевалѣ было прервано и всѣ дороги совершенно занесены. Донесенія, посланныя съ перевала, достигли генерала Дандевиля, бывшаго на бивакѣ, только черезъ 6 часовъ; а приказанія его, посланныя войскамъ объ отходѣ на бивакъ, не достигли по назначенію: нѣсколько казаковъ и конныхъ ординарцевъ-офицеровъ частью должны были вернуться, потопивъ лошадей въ снѣжныхъ сугробахъ, частью же совершенно погибли. Только на другой день, 17-го декабря, удалось одному казаку

доставить на перевалъ приказаніе генерала Дандевиля объ отходѣ войскъ на бивакъ. Между тѣмъ, къ утру вьюга хотя немного уменьшилась, но все-таки свирѣпствовала еще съ страшной силой. Костры совершенно исчезли подъ толстымъ слоемъ снѣга. Около 11 часовъ утра стали, наконецъ, показываться полузамерзшіе люди, тащившіеся съ перевала; казаки везли нѣкоторыхъ на крупахъ лошадей, иныхъ вели за руки, другіе держались за хвосты и гривы лошадей. По колѣно въ снѣгу, не имѣя силъ нести ружья, больные ставили ихъ по дорогѣ въ снѣгъ, что послужило для указанія пути, который былъ кое-какъ протоптанъ сновавшими казаками. Больные и обмороженные попадали къ врачамъ „Краснаго Креста" — Головачову и Веймарну, которые хлопотали около нихъ изо всѣхъ силъ. Менѣе пострадавшіе солдаты не обращались къ помощи врачей, видя ихъ огромную работу, и оттирались, перевязывались сами на бивакѣ среди товарищей. Офицеры помогали нижнимъ чинамъ чѣмъ могли. Болгары честно служили свою службу и не отставали отъ нашихъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, работалъ „давно ознобивши руки, не обращая вниманія, пока, наконецъ, долженъ былъ придти къ доктору. Онъ „молча показывалъ свои ободранные по локоть безъ кожи, окровавленныя атлетическія руки,—показывалъ, какъ будто легкую занозу, въ то время, какъ лихорадка трясла его, и онъ трепеталъ какъ листъ..." [1]).

Не находя хорошихъ костровъ, солдаты, облепленные снѣгомъ, нагибались надъ тлѣвшими длинными бревнами и кое-какъ отогрѣвались, причемъ вода обильными струями сочилась по нимъ; но надо было уступать мѣсто товарищу, вся одежда снова застывала и холодѣла, и измученный бѣднякъ долженъ былъ топтаться и прыгать, чтобы не окоченѣть.

Въ виду катастрофы, постигшей отрядъ, генералъ Дендевиль вынужденъ былъ рѣшиться отвести свои войска назадъ въ г. Этрополь. Съ этою цѣлью, прежде всего, были приняты мѣры къ спасенію всего того, что еще можно было спасти. На встрѣчу отходившимъ людямъ высланы были свѣжія войска и болгары, для расчистки пути, обозначеннаго ружьями. Тѣ и другіе само-

---

[1]) „Воспоминанія о Бабѣ-горѣ". Д.

отверженно, не щадя себя, работали. Затѣмъ, люди, сохранившіе силы, были направляемы прямо внизъ, ибо тѣ, которые останавливались, быстро стыли и теряли сознаніе; обмороженные-же предварительно оттирались и относились внизъ. Когда, такимъ образомъ, войска, бывшія на перевалѣ, отошли внизъ, то приказано было спускаться и остальнымъ; два же баталіона Воронежскаго полка были оставлены въ арріергардѣ для подобранія отсталыхъ и слабыхъ. Двумъ сотнямъ казаковъ, подъ командою войсковаго старшины Гречановскаго, приказано было оставаться на перевалѣ и спасти тѣхъ, кого еще было можно; съ ними-же остались и врачи „Краснаго Креста“.

Казаки нѣсколько разъ проникали ночью, съ 17-го на 18-е, на перевалъ и подбирали, а также и выкапывали людей.—Надо замѣтить, что орудія и прислуга артиллерійская до того были также занесены снѣгомъ, что 17-го числа не могли ихъ найти и только впослѣдствіи орудія были откопаны. 19-го декабря отрядъ собрался въ Этрополѣ, потерявъ отъ бурана и морозовъ: 13 офицеровъ и 813 нижнихъ чиновъ выбывшими изъ строя, въ томъ числѣ 53 нижнихъ чина совершенно замерзшими [1]).

Между тѣмъ генералъ-маіоръ Брокъ, начальникъ Златицкаго отряда, получивъ 18-го декабря записку отъ генерала Дандевиля съ извѣстіемъ о постигшей его катастрофѣ и объ отводѣ отряда обратно въ Этрополь, отправилъ туда флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, съ предложеніемъ генералу Дандевилю прибыть съ отрядомъ на Златицкій перевалъ и затѣмъ дѣйствовать совокупными силами противъ турокъ. Предложеніе это было охотно принято генераломъ Дандевилемъ, и генералъ Брокъ немедленно приказалъ строить шалаши и землянки, чтобы доставить хотя какое-либо убѣжище отъ непогоды ожидавшимся на перевалѣ войскамъ. 19-го декабря, въ день боя главныхъ силъ у Ташкисена, генералъ Дандевиль выступилъ изъ Этрополя. Пѣхота прибыла того-же числа по назначенію, но артиллерія отстала. Вслѣдствіе этого рѣшено было атаковать турокъ 22-го декабря. Между тѣмъ 21-го числа казачьи разъѣзды, высланные изъ д. Клиссикіойя, замѣтили, что противникъ началъ очищать Златицу и лагерь и отступать на востокъ; тоже самое было замѣчено и передовыми постами.

---

[1]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 21-го января 1878 г.

Вслѣдствіе этого казаки и часть пѣхоты перешли въ наступленіе и направились въ Златицу, изъ которой были встрѣчены огнемъ отступавшей пѣхоты. Войска наши прошли Златицу насквозь и нанесли нѣкоторый вредъ отступавшимъ, частью захвативши ихъ въ плѣнъ. Казаки преслѣдовали противника до д. Козницы, причемъ отбили часть обоза съ имуществомъ, патронами, галетами и т. п. Около 10 часовъ утра начали спускаться съ горъ и прочія части Этропольско-Златицкаго отряда и заняли д. Челопечень [1]).

Такимъ образомъ колонна генерала Дандевиля, вслѣдствіе постигшаго ея несчастія, могла принести только ту пользу, что своимъ появленіемъ на Бабѣ-горѣ привлекла на себя вниманіе и небольшую часть силъ турокъ. На дальнѣйшій же ходъ операцій, по охвату главной турецкой позиціи и отрѣзанію пути отступленія противнику, она вліянія не имѣла. Если-бы не катастрофа 16-го—17-го декабря или если-бы войска эти были направлены сразу на Златицкій перевалъ, то, вѣроятно, имъ представилась-бы возможность сыграть болѣе дѣятельную роль.

Перейдемъ къ описанію дѣйствій главной колонны, двинутой на Чурьякъ.

Согласно приказаній изложенныхъ въ диспозиціи, сдѣланы были частныя распоряженія начальниками авангарда и обоихъ эшелоновъ главной колонны. Чтобы судить о характерѣ ихъ, а также о способѣ движенія въ горахъ, мы приведемъ здѣсь сущность приказаній, отданныхъ по авангарду. Войскамъ, входившимъ въ составъ послѣдняго, велѣно было вытянуться къ $5^1/_2$ часамъ утра 13-го декабря по софійскому шоссе у д. Врачеша и двигаться въ слѣдующемъ порядкѣ: 2 сотни кавказской казачьей бригады, Козловскій пѣхотный полкъ съ 4-мя орудіями 3-й артиллерійской бригады и 4-мя конными орудіями; при этомъ Козловскому полку приказано было выдѣлить въ голову колонны, за сотнями, въ видѣ авангарда, одну стрѣлковую роту, а остальныя 14 ротъ—употребить для содѣйствія движенію артиллеріи, для чего ко всѣмъ зарядным ящикамъ и пѣшимъ орудіямъ предписывалось назначить по одной ротѣ, а къ коннымъ орудіямъ пополуротѣ. Отъ каждой роты выдѣлялись команды для непосред-

[1]) Рапортъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Брока отъ 26-го декабря 1877 года.

ственнаго содѣйствія артиллеріи, причемъ половина людей работала, а половина несла ружья товарищей. За Козловскимъ полкомъ двигались 1-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые баталіоны съ одной батареей, а затѣмъ л.-гв. Измайловскій полкъ съ двумя батареями. Организація командъ при орудіяхъ—такая же, какъ выше указано. Во время движенія непосредственные начальники должны были строго наблюдать, чтобы части ихъ не растягивались, для чего, между прочимъ, въ хвостѣ каждой роты оставлены были фельдфебеля. При спускѣ съ горъ, слѣдовало принять всѣ мѣры для скрытія движенія и т. п [1]).

13-го декабря, въ морозное, туманное утро, стали собираться войска на шоссе. Темнота еще была такъ велика, что части съ трудомъ могли отыскать назначенныя имъ по диспозиціи и приказу мѣста; наконецъ, когда все было устроено, авангардъ двинулся впередъ по шоссе къ „драгунскому биваку", гдѣ начинался поворотъ вправо, прямо къ подъему, и гдѣ назначенъ былъ привалъ. До бивака движеніе было совершено безпрепятственно и войска достигли его въ указанное время. Но едва началось движеніе по пути, ведшему на Чурьякскій перевалъ, какъ тотчасъ же пошли задержки и остановки. Слѣдовавшія сзади за авангардомъ войска вскорѣ нагнали его и тоже должны были пріостановить свое движеніе. Дорога на Чурьякскій перевалъ, какъ выше упомянуто, была разработана саперами и л.-гв. Преображенскимъ полкомъ. Работы производились весьма тщательно, въ теченіи нѣсколькихъ дней, а потому можно было надѣяться, что движеніе войскъ не встрѣтитъ особыхъ препятствій; сообразно этому и сдѣланы были расчеты въ диспозиціи, по которой предполагалось, что къ вечеру авангардъ сосредоточится на перевалѣ, а на слѣдующій день, 1-го декабря, двинется далѣе на Чурьякъ и Потопъ. На самомъ же дѣлѣ, авангардъ собрался на перевалѣ только 15-го, а вся операція перехода горъ потребовала около 5-ти сутокъ. Необходимо замѣтить, что войска, разработывавшія дорогу, сдѣлали все, что возможно: путь былъ уширенъ и выровненъ; слишкомъ крутые подъемы, гдѣ можно, обходились; затѣмъ на извѣстныхъ пунктахъ разставлены были саперы, чтобы производить своевременныя починки и поправки, тѣмъ не менѣе движеніе оказалось

[1]) Приказъ по авангарду 11-го декабря 1877 г. Помѣщенъ въ „Воспоминаніяхъ офицера генеральнаго штаба".

чрезвычайно утомительнымъ, во первыхъ, вслѣдствіе вообще громадности самаго подъема, протяженіемъ верстъ въ 7 — 8; во вторыхъ, вслѣдствіе крутизны скатовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ даже одиночные люди должны были цѣпляться за кусты и сучья, чтобы подняться вверхъ, а между тѣмъ тутъ должны были пройти тяжелыя 9-ти фунтовыя орудія со своими зарядными ящиками; въ третьихъ, вслѣдствіе оттепели, а затѣмъ морозовъ образовалась гололедица и люди падали на каждомъ шагу. Саперы вырубили въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ ступеньки во льду, чтобы дать хотя какую нибудь опору ногѣ, но ступеньки эти мало помогали дѣлу, да притомъ скоро были сглажены людьми и орудіями. При такихъ условіяхъ двигать артиллерію на лошадяхъ оказывалось рѣшительно невозможнымъ, ихъ пришлось выпречь при самомъ началѣ движенія и сдать вмѣстѣ съ ящиками исключительно одной пѣхотѣ. Тогда люди впряглись въ лямки, ухватились за колеса, оси, хоботъ и началась утомительная, изнуряющая работа подъема на уходившій, казалось, въ безконечность перевалъ. Медленно, шагъ за шагомъ, тянулась вереница орудій и ящиковъ, раздавались безпрерывные ободряющіе крики и съ величайшими усиліями грузъ протаскивался на нѣсколько футовъ вверхъ; затѣмъ, остановка—и опять тоже самое; люди напирали сколько было мочи, но усталые, изнеможенные, они скользили и падали, а орудіе, поднятое на нѣсколько шаговъ, часто катилось назадъ, быстро уничтожая плоды неимовѣрныхъ усилій. Съ наступленіемъ темноты, само собою разумѣется, затрудненія при движеніи еще болѣе возросли, особенно на крутыхъ поворотахъ и въ узкихъ мѣстахъ дороги; произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ: такъ, напримѣръ, въ л.-гв. стрѣлковомъ Его Величества баталіонѣ, въ одномъ опасномъ мѣстѣ, оборвалась лямка у заряднаго ящика, который сорвался назадъ, причемъ одинъ рядовой былъ убитъ наповалъ, а трое получили увѣчья. Ночью холодъ сталъ усиливаться; костры были строго воспрещены, но, по невѣдѣнію или по недоразумѣнію, блеснулъ огонекъ въ одномъ, другомъ мѣстѣ и скоро вся дорога освѣтилась яркими кострами, непрерывно обозначавшими путь движенія колонны. Усталые люди, протащивъ орудіе нѣсколько шаговъ, останавливались для отдыха, ложились тутъ же на дорогѣ и мгновенно засыпали; но команда быстро подымала ихъ—и опять начиналась нескончаемая работа. Гене-

ралъ-адъютантъ Гурко, въ сопровожденіи начальника штаба генералъ-маіора Нагловскаго, ординарцевъ и пр. обогналъ войска ночью, на походѣ, и расположился ночевать прямо на снѣгу у костровъ, шаговъ сто по ту сторону перевала. Часу во второмъ ночи, два передовыя орудія достигли, наконецъ, перевала. Начальникъ авангарда, генералъ-моіоръ Раухъ, оставаясь на половинѣ подъема, распоряжался движеніемъ своихъ частей, которыя, какъ сказано, не смотря на неестественныя усилія, поднимались весьма медленно. О снѣ, объ отдыхѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи: необходимо было торопиться, чтобы не открыть движенія туркамъ. Кто въ чемъ былъ, гдѣ стоялъ, тамъ, посреди сугробовъ снѣга, пользуясь невольными остановками, и могъ вздремнуть. На перевалѣ генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ начальнику штаба авангарда, составителю настоящаго очерка, выбрать бивакъ для подходившихъ войскъ, причемъ размѣстить ихъ скрытно. Исполнить это было не трудно, такъ какъ за самымъ переваломъ войска маскировались хорошо, но приэтомъ, конечно, пришлось оставаться въ снѣгу, по колѣно. Подходившія части протаптывали себѣ дорогу къ указаннымъ мѣстамъ и начинали варку пищи, что представляло не малыя хлопоты и затрудненія, такъ какъ развести костеръ изъ толстаго, промерзлаго бука, который, притомъ, едва поддавался ударамъ тесаковъ, было далеко не легко, а потому многіе предпочитали догрызать свою порцію сухарей. Поднявшіяся части не могли быть спущены немедленно внизъ, изъ опасенія несвоевременно открыть свое движеніе противнику и попасть еще подъ удары его превосходныхъ силъ, а потому пришлось ожидать сосредоточенія хотя части авангарда. Такимъ образомъ передовымъ войскамъ пришлось провести весь слѣдующій день и ночь на перевалѣ. Эта послѣдняя ночь, съ 14-го на 15-е декабря, была особенно тяжелою. Поднялась сильнѣйшая мятель, костры погасли, мелкій снѣгъ пролѣзалъ всюду, таялъ, пускалъ ручьи по лицу, шеѣ...

Уже двое сутокъ никто не раздѣвался, находясь въ работѣ и неся на себѣ тяжелую намокшую одежду и все вооруженіе; плечи ломило отъ тяжести, ноги горѣли отъ наминокъ, пояса казались желѣзными обручами, образовавшими круговыя раны, холодъ пронизывалъ на сквозь, а голодъ неотвязчиво преслѣдовалъ...

Между тѣмъ 1-й эшелонъ, слѣдовавшій за авангардомъ, только

15-го числа сталъ подыматься въ горы, когда ему очистилъ путь, продвинувшійся впередъ, хвостъ авангарда. Въ тотъ же день около часу ночи Волынцы достигли перевала [1]).

Ночью на 15-е декабря получено было приказаніе генерала Гурко, который уже уѣхалъ въ Чурьякъ, спускаться внизъ съ тѣмъ, что было подъ рукою и выслать впередъ Кавказскую казачью бригаду, такъ какъ полученныя донесенія говорили, что турки усиливаются передъ Чурьякомъ и въ Потопѣ. Вслѣдствіе этого генералъ Раухъ выдвинулъ впередъ казаковъ, а за ними Козловскій пѣхотный полкъ съ Донской № 8-й батареей; армейская же батарея была оставлена на перевалѣ. Спускать орудія пришлось тоже на лямкахъ безъ лошадей.

Эта работа оказалась если не болѣе трудной, то болѣе опасной чѣмъ подъемъ, во-первыхъ, вслѣдствіе меньшей тщательности разработки пути по южному склону Балкановъ, такъ какъ необходимо было скрыть отъ противника работы, а слѣдовательно вести ихъ съ возможною поспѣшностью, въ теченіи одной ночи; во-вторыхъ, при спускѣ орудій слѣдовало соблюдать осторожность и строгій расчетъ движенія, во избѣжаніе столкновенія частей артиллеріи, слѣдовавшихъ одна за другою; въ-третьихъ, при чрезвычайной крутизнѣ спуска (бо̀льшей нежели подъема) и скольскости пути, люди не находили никакой опоры для ногъ и потому не могли ни сдерживать орудій, ни регулировать ихъ движеній. По всему этому пришлось спускать часть артиллеріи на канатахъ и лямкахъ, причемъ веревки обматывались вокругъ придорожныхъ пней, камней и кустовъ и вытравлялись, подобно якорямъ, послѣдовательно одна за другою; такимъ образомъ орудія и ящики постепенно переходили отъ одного пня къ другому, отъ камня до куста, съ самыхъ вершинъ Балкановъ до дна Чурьякскаго ущелья. Для ускоренія движенія, генералъ Гурко приказалъ саперамъ проложить еще другую дорогу вблизи первой, которая хотя и пролегала по глубокому снѣгу, но въ этомъ именно, отчасти, заключались ея удобства, такъ какъ люди легче находили упоръ для ноги [2]).

Между тѣмъ генералъ Гурко присылалъ гонца за гонцомъ въ

[1]) „Балканскій и забалканскій походъ л.-гв. Волынскаго полка". Луганина. „Сборникъ военныхъ разсказовъ". Томъ IV.

[2]) Рапортъ генералъ-адъютанта Гурко отъ 28-го декабря 1877 г.

авангардъ, торопя его движеніе: турки занимали позицію, обстрѣливавшую Чурьякское ущелье и могли, наконецъ, разгадать все то, что происходило передъ ними. Генералъ Раухъ лично наблюдалъ за спускомъ войскъ и, наконецъ, опередивъ ихъ, поскакалъ со штабомъ въ Чурьякъ къ генералу Гурко, который въ это время производилъ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Ставровскимъ рекогносцировку подъ ружейными выстрѣлами турокъ. Вернувшись въ Чурьякъ, начальникъ отряда лично объяснилъ генералу Рауху планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. А именно: Преображенцы должны были двинуться впередъ, за ними приказано слѣдовать Кавказской казачьей бригадѣ съ батареей и Козловскому пѣхотному полку. Преображенцы должны были сбить турокъ, находившихся прямо передъ ущельемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣднее изгибается и дѣлаетъ поворотъ направо. По сбитіи турокъ, Козловцы должны были повернуть на право по ущелью и занять деревни Елешницу и Потопъ, а казаки—выскакать на шоссе. Преображенцы, отдохнувшіе нѣсколько послѣ разработки дороги, бодро двинулись впередъ. Подполковникъ Ставровскій, отлично изучившій мѣстность во время своихъ здѣсь рекогносцировокъ, велъ колонну.

Турецкій пикетъ внимательно слѣдилъ, когда Преображенцы, свернувъ изъ ущелья влѣво, вереницей стали подыматься на гору по направленію къ д. Негашеву. Отъ постояннаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, въ холодное время года, почти всѣ люди страдали катаромъ дыхательныхъ путей, потому во время подъема общій кашель въ полку былъ неумолкаемъ, казалось весь полкъ непрерывно кашляетъ. Турецкій пикетъ постоянно усиливался; видно было, какъ люди поскакали по всѣмъ направленіямъ и скоро вся высота покрылась кавалеріей; но Преображенцы быстро построились въ боевой порядокъ и смѣло, безъ выстрѣла, двинулись на турецкую цѣпь, открывшую безпорядочную трескотню съ значительнаго разстоянія. Противникъ скоро началъ отступать и ушелъ подъ огнемъ нашей пѣхоты. Преображенцы потеряли всего двухъ человѣкъ ранеными. Какъ только турки были сбиты, генералъ Раухъ послалъ приказаніе Козловцамъ двинуться на Потопъ, а казакамъ на шоссе—кстати и добыча тамъ уже для нихъ была приготовлена: тянулся значительный обозъ со слабымъ прикрытіемъ. Генералъ Черевинъ двинулъ свои сотни справа, по одному, по горной тропѣ, пролегавшей въ тылу нашей пози-

ціи, и вышелъ на лѣвый ея флангъ въ долину. Здѣсь казаки собрались у своихъ огромныхъ знаменъ и выстроились въ двѣ линіи. Четыре сотни двинулись впередъ, постепенно усиливая аллюръ; глубокій снѣгъ покрывалъ равнину, и лошади увязали по колѣно; строй постепенно терялъ правильность, шеренги перемѣшивались, и казаки длинной общей лавой поскакали на обозъ. Тамъ началась суматоха и общая тревога. Прикрытіе разбѣжалось, подводы пріостановились, а болгары спокойно ожидали скакавшихъ казаковъ. Послѣдніе пронеслись по обозу, порубили отставшихъ изъ прикрытія, повернули обозъ къ позиціи и выдвинулись передъ его голову, за что едва не поплатились. Со стороны Софіи показалось нѣсколько эскадроновъ черкесовъ, которые, будучи не замѣчены казаками, наскочили на обозъ и успѣли было отхватить около половины его; но въ это самое время казаки повернули назадъ и опрокинули черкесовъ, которые унеслись за д. Ташкисенъ. Въ обозѣ, слѣдовавшемъ къ Арабаконаку, найдены были разные матеріалы, галеты и т. п. Въ тотъ же день Козловскій пѣхотный полкъ занялъ, безъ выстрѣла, д. Потопъ и Елешницу; турецкій баталіонъ бѣжалъ оттуда, не оказавъ никакого сопротивленія [1]). Благодаря этимъ дѣйствіямъ, были заняты нами два выхода въ софійскую долину, чѣмъ обезпечивалось дебушированіе всѣхъ частей колонны, медленно переваливавшей черезъ Балканы.

Для объясненія того, что дѣлалось въ это время у турокъ, существуетъ единственный почти источникъ, появившійся въ печати, а именно сочиненіе Бекера-паши „Война въ Болгаріи“. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что этимъ „сочиненіемъ“ необходимо пользоваться съ величайшей разборчивостью, ибо авторъ не стѣсняется прибѣгать къ самымъ безсовѣстнымъ вымысламъ, особенно при описаніи событій, въ которыхъ онъ игралъ болѣе или менѣе видную роль.

Такимъ образомъ, напримѣръ, ташкисенскій бой, 19-го декабря, совершенно имъ извращенъ: будучи разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, Бекеръ, рядомъ беззастѣнчивыхъ вымысловъ, превращаетъ пораженіе въ побѣду для себя. Какъ личный участникъ описываемыхъ событій, составитель настоящаго очерка имѣетъ возможность извлечь изъ показаній Бекера то, что заслуживаетъ довѣрія.

[1]) „Воспоминанія офицера генеральнаго штаба“.

Въ самое послѣднее время передъ нашимъ переходомъ черезъ Балканы, туркамъ показалось, что мы стараемся распространить свой правый флангъ по направленію къ Чурьяку. Навести ихъ на эту мысль могло то обстоятельство, что въ д. Чурьякъ выставленъ былъ нами особый наблюдательный кавалерійскій отрядъ отъ одного до $1^1/_2$ эскадроновъ кавалеріи. Турецкій эскадронъ, расположенный въ д. Елешницѣ, доносилъ даже, что будто бы въ Чурьякѣ у насъ находилась не только кавалерія, но даже пѣхота — чего на самомъ дѣлѣ не было. Вслѣдствіе этого, Бекеръ предложилъ Шакиру-пашѣ произвести рекогносцировку къ сторонѣ Чурьяка, которая, наконецъ, и была ему разрѣшена. Въ то же время одинъ батальонъ мустахфиза былъ отправленъ въ д. Потопъ для прегражденія тропинки, ведшей оттуда на софійское шоссе. Утромъ, 12-го декабря, Бекеръ съ эскадрономъ отправился къ д. Елешницѣ, гдѣ находилось 4 арабскихъ эскадрона, взялъ ихъ съ собою и двинулся къ д. Потопъ. Командиръ стоявшаго тутъ батальона не могъ ему дать никакихъ точныхъ свѣдѣній, а потому Бекеръ, взявши съ собой 2 роты пѣхоты, и всѣ 5 эскадроновъ кавалеріи, рѣшился произвести лично рекогносцировку. Пѣхоту онъ расположилъ на гребнѣ, замыкавшемъ чурьякское ущелье, тамъ именно, гдѣ впослѣдствіи, 15-го декабря, турки встрѣтили преображенцевъ, двигавшихся къ Негашевскому перевалу, а кавалерію двинулъ вправо и внизъ — въ Чурьякское ущелье. Находившіеся въ то время въ деревнѣ эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка и полуэскадронъ л.-гв. уланскаго полка встрѣтили арабовъ, развернувшихся въ ущельи и завязавшихъ дальній огнестрѣльный бой, частью въ пѣшемъ, частью въ конномъ строю, и прогнали ихъ назадъ. Бекеръ-паша, наблюдавшій за ходомъ дѣла въ бинокль съ весьма приличнаго разстоянія, принялъ нашу спѣшенную кавалерію за пѣхоту, а уланы показались ему казаками. Эта рекогносцировка привела англо-турецкаго генерала къ заключенію, что д. Чурьякъ занята батальономъ пѣхоты и казачьимъ полкомъ. Не смотря на столь опасный для себя, хотя и невѣрный выводъ, распоряженія Бекера заключались лишь въ томъ, что батальону, расположенному въ Потопѣ, приказано было укрѣпиться, а арабской кавалеріи — посылать ежедневно разъѣзды къ сторонѣ Чурьяка, для наблюденія, не будутъ ли туда подходить подкрѣпленія.

14-го декабря 1877 г. была получена въ турецкомъ лагерѣ депеша изъ Лютикова о томъ, что три русскія дивизіи подошли изъ Плевны къ Орханіэ — это были: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 9-й армейскій корпусъ, которые, какъ читатель знаетъ, еще раньше стали прибывать туда. Вслѣдствіе этого, Бекеръ направилъ къ Негашеву 6 эскадроновъ кавалеріи, для наблюденія всей мѣстности между Ташкисеномъ и Чурьякомъ. Такимъ образомъ, хотя войска наши подымались уже два дня, а Преображенцы и саперы спустились въ Чурьякъ, окончивъ разработку дороги — турки ничего этого не подозрѣвали и выслали лишь кавалерію для наблюденія, которая, конечно, ни малѣйшимъ образомъ не могла задержать дебушированія нашихъ войскъ.

Только 15-го декабря Шакиръ получилъ громовое извѣстіе о переходѣ значительныхъ русскихъ силъ черезъ Чурьякскій перевалъ и о томъ, что телеграфное сообщеніе съ Софіей порвано. Вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ гулъ отдаленной пальбы. Выйдя на высоту вблизи главной квартиры, онъ увидѣлъ массы русскихъ войскъ, спускавшіяся по всѣмъ скатамъ Балкановъ. Пальба, которую слышалъ Шакиръ, происходила у д. Негашева, гдѣ, какъ выше описано, Преображенскій полкъ прогналъ турецкую кавалерію, наблюдавшую Чурьякское ущелье. Опасаясь, что съ занятіемъ Ташкисенскаго прохода ему будетъ отрѣзанъ путь отступленія и не зная того, что наши войска не могли предпринять пока серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій къ югу отъ Балкановъ, такъ какъ переваливали черезъ хребетъ крайне медленно и небольшими частями, Шакиръ упросилъ Бекера отправиться въ Ташкисенъ и сдѣлать тамъ, что можно. Для исполненія этого порученія, Бекеру даны были 3 боснійскихъ и 1 албанскій батальоны, 2 горныхъ и 2 полевыхъ орудія. Только вечеромъ могъ выступить Бекеръ со своимъ отрядомъ по назначенію. Встрѣчавшіеся по пути офицеры и нижніе чины распространяли самыя тревожныя извѣстія и увѣряли, что Ташкисенъ уже занятъ русскими. Однако вскорѣ Бекеръ узналъ, что послѣднее извѣстіе было ложно; придя въ Ташкисенъ, онъ нашелъ тамъ 60 человѣкъ мустахфиза, высланныхъ имъ въ эту деревню нѣсколько дней тому назадъ. Съ перевала у Ташкисена Бекеръ насчиталъ у насъ на Негашевской позиціи не менѣе 20 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ тамъ былъ въ то время лишь Преображенскій полкъ,

и внизу, на лѣвомъ флангѣ въ ущельи, 11 сотенъ кавказской казачьей бригады, т. е. около двухъ тысячъ съ небольшимъ. Надо замѣтить, что, для скрытія слабости нашихъ силъ, генералъРаухъ приказалъ развести возможно больше костровъ — мѣра, какъ оказывается, достигшая цѣли даже сверхъ ожиданій. Полагая свое положеніе въ высшей степени опаснымъ и находя единственное спасеніе арміи въ быстромъ отступленіи, Бекеръ отправился, ночью же, для переговоровъ къ Шакиру. Послѣдній заявилъ, что на всѣ его просьбы объ отступленіи арміи на Адріанополь — Сулейманъ приказывалъ оставаться на мѣстѣ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что Сулейманъ посылалъ къ Шакиру нѣсколько разъ приказанія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, но приказанія эти до него не доходили; кромѣ того, Сулейману приходилось дѣйствовать подъ вліяніемъ указаній военнаго совѣта и султана, забрасывавшихъ его депешами; а по мнѣнію константинопольскихъ властей, Шакиръ долженъ былъ держаться „до послѣдней крайности“ [1]).

Объяснившись съ Шакиромъ, Бекеръ, между прочимъ, просилъ его подкрѣпить, чѣмъ можно. Къ утру 16-го онъ получилъ еще 1 батальонъ Эдирне (адріанопольскій). Осмотрѣвъ свою позицію, Бекеръ расположилъ на ней войска въ слѣдующемъ порядкѣ: батальоны тузлинскій, ускюбскій и призрендскій стали къ сѣверу отъ шоссе на хребтѣ, у подошвы котораго лежитъ д. Ташкисенъ, а эдирнскій — въ резервѣ; горныя орудія приданы были тузлинскому батальону, а полевыя — призрендскому. Къ западу отъ позиціи, на холмахъ, т. е. впереди, поставлено было 3 эскадрона арабской кавалеріи. Немедленно турки стали усиливать свою позицію укрѣпленіями, причемъ на правомъ флангѣ, вслѣдствіе скалистаго грунта, возведено было 3 редута изъ камней [2]), сваленныхъ одинъ на другой. Одно полевое орудіе было переведено на правый флангъ, для того, чтобы обстрѣливать мѣстность впереди д. Даушискіой (Осойце). Такъ какъ русской кавалеріи къ югу отъ шоссе не было замѣтно, то тропинка на Кокантію, Чеканцова и Ихтиманъ осталась открытою и Бекеръ рѣшился воспользоваться ею для отправки изъ Ташкисена больныхъ и раненыхъ, которыхъ было множество. Часть ихъ потомъ все-таки попала къ намъ.

[1]) См. „Сборникъ турецкихъ документовъ о послѣдней войнѣ“. Составилъ Ахмедъ-Митхадъ-эфенди. „Военный Сборникъ“ 1878 г. № 5.

[2]) Бекеръ называетъ ихъ почему-то „простыми стѣнками“, но онѣ имѣли обыкновенную форму редутовъ.

16-го декабря, вечеромъ, къ Бекеру подошли еще подкрѣпленія, а именно: 3 орудія и 2 батальона, а на слѣдующій день прибылъ еще одинъ батальонъ; изъ нихъ эльбасанскій батальонъ поставленъ былъ въ Ташкисенѣ, эски-шепрскій къ югу отъ софійской дороги, а ченгирискій на крайнемъ правомъ флангѣ позиціи, по дорогѣ въ Даушискіой; три орудія присоединились къ одному, оставшемуся на лѣвомъ флангѣ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Бекера находилось: 8 батальоновъ пѣхоты, 3 эскадрона кавалеріи и 7 орудій, изъ которыхъ 2 горныхъ. Численность своего отряда онъ опредѣляетъ въ 3 тысячи, что надо полагать, уменьшено. Бекеръ со дня на день ожидалъ атаки нашихъ войскъ [1]), которая, однако, не могла быть предпринята ранѣе сосредоточенія войскъ главной колонны. Положеніе частей, занявшихъ Негашевскую позицію, было далеко не безопасно. Читателямъ извѣстно, что колонна генерала Дандевиля испытала 16—17-го декабря катастрофу; колонна генерала Вельяминова, какъ будетъ сказано ниже, не могла пройти на Жиляву и свернула въ Чурьякъ, а главныя силы спускались медленно; поэтому поневолѣ пришлось въ первые дни перехода держаться, преимущественно, оборонительнаго положенія и даже укрѣпиться на авангардной позиціи. На другой день по занятіи Негашевской позиціи, части авангарда продвинулись впередъ и стали фронтомъ къ Ташкисену, причемъ въ боевой линіи находились только дежурныя части, а всѣ прочія войска, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, свыше 15°, сосредоточились на квартирахъ въ д. Негашевѣ. Жители встрѣчали насъ съ восторгомъ, цѣловали руки и ноги солдатамъ, и предлагали свои скудные запасы въ наше распоряженіе.

16-го декабря приказано было оставить при авангардѣ лишь незначительную часть казаковъ, а остальныхъ отправить къ д. Стольнику, для обезпеченія нашего праваго фланга и для дѣйствій на шоссе. Генералъ Черевинъ на другой день увѣдомлялъ, что, двигаясь съ 7½ сотнями по шоссе, онъ настигъ непріятельскій транспортъ, разбилъ совершенно прикрытіе, причемъ казаками изрублено было 64 человѣка пѣхоты и кавалеріи, и захватилъ 300 повозокъ и 600 головъ скота, часть которыхъ препроводилъ въ д. Елешницу. Въ этотъ день казаки подходили на 15 верстъ къ Софіи и сдѣлали около 45 верстъ на рыси и карьерѣ [2]).

[1]) „Война въ Болгаріи“, соч. Бекера.
[2]) Донесеніе генерала Черевина. Помѣщено въ „Воспоминаніяхъ офицера генеральнаго штаба“.

17-го декабря, 2-я гвардейская кавалерійская дивизія вышла на шоссе и къ ней была откомандирована отъ авангарда 8-я донская казачья батарея. На авангардной же позиціи постепенно собрались: л. гв. Преображенскій полкъ, 3 батальона л. гв. Измайловскаго полка (одинъ при спускѣ съ горъ оставленъ въ заслонѣ влѣво, въ ущельи, вмѣсто Козловскаго полка), л. гв. 4-й Стрѣлковый Императорскій батальонъ, 1-я и 3-я батареи (по 4 орудія) л. гв. 1-й артиллерійской бригады и полсотни казаковъ. Одинъ батальонъ козловскаго полка занималъ д. Елешницу. На занятой позиціи, войска совершали необходимыя передвиженія, распространялись постепенно впередъ и къ сторонѣ фланговъ и укрѣплялись, т. е. возводили ложементы для стрѣлковой цѣпи и резервовъ. Характеръ нашихъ движеній былъ совершенно ясенъ, тѣмъ не менѣе Бекеръ въ своемъ сочиненіи разсказываетъ о какихъ-то „атакахъ“ съ нашей стороны, которыя онъ будто-бы отразилъ артиллерійскимъ огнемъ. Разумѣется, ничего подобнаго не было, и при всѣхъ передвиженіяхъ въ нашемъ отрядѣ не было произведено ни одного выстрѣла, да и турки не стрѣляли по нашей позиціи. Между тѣмъ, 16-го числа, особый отрядъ изъ л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его Величества батальона и 2-хъ батальоновъ Козловскаго полка занялъ высокій горный хребетъ, подъ названіемъ „Черный верхъ“. Хребетъ этотъ находился лѣвѣе Негашевской позиціи и правѣе главной нашей позиціи у Арабаконака, на которой стоялъ заслонъ графа Шувалова. Послѣдній, 17-го декабря, пользуясь увеличеніемъ общаго резерва, вслѣдствіе оставленія турками лютиковской позиціи, о чемъ будетъ сказано далѣе, вышелъ съ такъ называемой Преображенской горы, обошелъ лѣвый флангъ турецкихъ позицій на Арабаконакѣ и заложилъ батарею почти въ тылу крайняго турецкаго редута, построеннаго противъ нашей Финляндской горы. Послѣ этого, войска, находившіяся на Негашевской позиціи, вошли въ непрерывную связь съ отрядомъ графа Шувалова, занимавшимъ Арабаконакскій перевалъ. Между тѣмъ, 16-го декабря, первый эшелонъ главныхъ силъ собрался въ Чурьякѣ, а 17-го онъ выступилъ далѣе, въ д. Потопъ, чтобы дать мѣсто подходившему 2-му эшелону. Въ тотъ же день колонна генерала Вельяминова собралась у д. Елешницы, а потому можно уже было перейти къ рѣшительному наступленію.

А. К. Пузыревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЙ ТЕАТРЪ, АРТИСТЫ И АРТИСТКИ

1801—1855

Біографическіе очерки.—Дневникъ.—Письма.—Стихотворенія.—Замѣтки и матеріалы къ исторіи отечественнаго театра.

I. Русскій театръ въ царствованіе Александра Павловича въ 1803—1825 гг. Изъ дневника Андрея Васильевича Каратыгина.

II. Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, 1773—1817 гг. Очеркъ его жизни и его письмо.

III. Василій Андреевичъ Каратыгинъ: письма его къ Павлу Александровичу Катенину, 20-го января 1825 и 1837 г.

IV. Иванъ Ивановичъ Сосницкій.—Василій Ивановичъ Рязанцевъ.—Варвара Николаевна Асенкова.—Очерки ихъ артистической дѣятельности и ихъ письма.

V. Дмитрій Тимофѣевичъ Ленскій.—Очеркъ его жизни, письма, стихотворенія, посланія и эпиграммы.

VI. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, эпизодъ изъ его жизни; отношенія къ театру и артистамъ;—его письма.

Сообщено: П. А. и П. П. Каратыгиными и Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ.

1876—1880.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I

1801—1825.

Изъ журнала А. В. Каратыгина.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Ѳ. В. Булгаринъ въ своихъ театральныхъ Воспоминаніяхъ, (напечатанныхъ въ январской книжкѣ журнала «Пантеонъ» на 1840 годъ), обозрѣвая состояніе отечественной литературы и театра, въ царствованіе Александра I—отъ избытка сердца воскликнулъ въ умиленіи: «никогда Россія не видала, въ одно время, столько отличныхъ писателей и драматическихъ артистовъ, какъ въ первую половину царствованія Александра I и едва-ли гдѣ либо было ихъ столько въ одно время... Эта эпоха была для насъ то-же, что для Рима вѣкъ Августа»!

«Отличные» писатели 1801—1825 года всѣ на перечетъ; но, во всякомъ случаѣ, тогда въ Россіи ихъ было менѣе нежели гдѣ-либо въ Европѣ; что-же касается до артистовъ драматическихъ, которыхъ, дѣйствительно, было не мало, то къ нимъ сравненіе александровской эпохи съ вѣкомъ Августа, рѣшительно не примѣнимо. Отношенія русскаго общества къ сценическимъ дѣятелямъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, были далеко не таковы, какъ въ древнемъ Римѣ, гдѣ званіе актера считалось почетнымъ. На нашихъ Росціевъ вельможи взирали съ высоты своего величія, третируя ихъ какъ скомороховъ, какъ людей, принадлежащихъ къ кастѣ, если не отверженной, то, по крайней мѣрѣ, безполезной и едва-ли не вредной. Актрисы, пѣвицы, танцовщицы—сравнительно говоря, пользовались благосклонностью господъ; но объ этой благосклонности онѣ могли сказать словами «Лизы» въ «Горе отъ ума»:

Минуй насъ, пуще всѣхъ печалей,
И барскій гнѣвъ и барская любовь!

Честныхъ жрицъ искусства было очень немного; наружное покровительство талантливыхъ артистокъ, со стороны барства, маскировало лишь волокитство и безнравственное искательство. «Держать» пѣвицу или танцовщицу почиталось признакомъ высшаго тона. Театральное начальство, въ угоду содержателямъ, давая ходъ ихъ фавориткамъ, отдаляло ихъ соперницъ на театральныхъ подмосткахъ на послѣдній планъ... Малѣйшее неуваженіе къ балетнымъ одалискамъ, со стороны ихъ сослуживцевъ или сослуживицъ, навлекало на нихъ, со стороны начальства, жестокія преслѣдованія. Въ тотъ «златой вѣкъ» званіе артиста — лишало личныхъ правъ и преимуществъ каждаго дворянина, отваживавшагося ступить на театральныя подмостки; дворянинъ, сдѣлавшись актеромъ, отдавался на произволъ театральнаго начальства, располагавшаго карательными мѣрами самаго внушительнаго свойства, въ видѣ домовъ съѣзжаго и смирительнаго... Отъ тѣлесныхъ наказаній, впрочемъ, артисты императорскихъ театровъ были избавлены...

Возвращаясь къ общественному положенію сценическихъ дѣятелей видимъ невеселыя картины. Пѣвицъ, танцовщицъ, какъ мы уже сказали, большею частью «держали» вельможные покровители; большинство артистовъ отличалось неумѣніемъ съ достоинствомъ держать себя. Люди холостые, въ кругу богатыхъ купчиковъ, усердно служили Бахусу, съ унизительною ролью прихлебателей соединяя и презрѣннѣйшую роль шутовъ и забавниковъ. Люди семейные и нравственные, добрые мужья и отцы, ради женъ и дѣтей, тоже унижались передъ почтенною публикою, особенно въ предъ-бенефисную пору. До 1833 года на всѣхъ столичныхъ театрахъ существовалъ обычай со сцены возвѣщать (аннонсировать) публикѣ спектакли, назначенные на завтрешній день. При возвѣщеніи бенефисовъ, иногда сами бенефиціанты или бенефиціантки, выводили съ собою, ради умиленія публики, своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Если-же бенефисъ давался вдовѣ, или сиротамъ артиста—это соблюдалось непремѣнно: чѣмъ меньше ребятишки, тѣмъ вѣрнѣе былъ разсчетъ на большой сборъ. Составивъ бенефисный спектакль, актеръ, или актриса, при содѣйствіи автора или переводчика репетируемыхъ піэсъ, занимались сочиненіемъ афиши—длиною не менѣе аршина и съ самыми заманчивыми названіями. Прилагательныя: «таинственный», «ужасный», «кровавый» и т. п. были неизбѣжны; исчисленіе новыхъ декорацій, машинъ, костюмовъ, чуть не числа ружейныхъ выстрѣловъ и количества бенгальскаго огня — было также не маловажною приправою бенефисной афиши. Семейные бенефиціанты прилаживали къ спектаклю дивертиссементы, въ которыхъ ихъ малолѣтніе дѣти чи-

тали басни, пѣли или плясали... Дней за пять до бенефиса, закулисные имянинники совершали объѣзды по домамъ меценатовъ и милостивцевъ. Руководителемъ артистовъ, въ этихъ походахъ закулисныхъ Аргонавтовъ, былъ кассиръ Солнцевъ (отецъ почтеннаго профессора академіи художествъ, Ѳедора Григорьевича), очень хорошо знакомый петербургскимъ театраламъ Александровскаго времени [1]). Разряженные въ пухъ, бенефиціанты начинали визиты по старшинству: во первыхъ, къ его сіятельству графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу [2]); послѣ него, къ вельможамъ; оттуда къ имянитымъ купцамъ; отъ имянитыхъ—къ «особамъ» второй гильдіи, а тамъ и къ зажиточнымъ разночинцамъ... Не вездѣ принимали, не всюду покупали билеты: въ иныхъ домахъ «актеру» или «актёркѣ» не совсѣмъ вѣжливо показывали двери. Бравшимъ билеты вручались афиши, печатанныя на цвѣтной бумагѣ (иногда и золотомъ на атласѣ) Милостивцы платили, разумѣется, выше обыкновенной цѣны (иначе, зачѣмъ-бы и побираться?). Были тогда въ нашей драматической, оперной и балетной труппахъ нѣсколько почтенныхъ отцовъ семействъ [3]), которые, отправляясь на эти унизительные промыслы, облекались въ шутовскіе костюмы, въ парикахъ, съ разрисованными физіономіями... Мало того! брали съ собою своихъ ребятишекъ, наряженныхъ въ русскія или цыганскія платья и заставляли ихъ плясать подъ аккомпаниментъ гитары или торбона. Эта конкуренція съ шарманщиками или уличными гаэрами, удавалась и артистамъ императорскихъ театровъ!... Никому изъ нихъ это не казалось ни дико, ни оскорбительно.

По положенію закулисныхъ правилъ, за бенефисные спектакли актеры и актрисы не получали (какъ и нынѣ не получаютъ) разовыхъ. Для артистовъ первоклассныхъ эта услуга обоюдная и одолженіе, если одинъ изъ нихъ участвуетъ въ бенефисѣ актера второ-

---

[1]) Вотъ что говоритъ о немъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ своихъ „Запискахъ“ (См. „Русскую Старину“ изд. 1876 г., томъ XV, стр. 110—111): „Кассиромъ батюшка пробылъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1840 году. На сколько мнѣ извѣстно, онъ первый завелъ абонементы на спектакли. У него имѣлась особая годовая книга, съ которою онъ пріѣзжалъ къ разнымъ лицамъ и предлагалъ подписку на извѣстное число представленій; желающіе записывались въ книгу и вносили деньги. По истеченіи сезона, книга, вмѣстѣ съ деньгами, представлялась театральному начальству“.

[2]) Въ данномъ случаѣ, графъ, всегда щедрый, принималъ въ бѣднякахъ-бенефиціантахъ живѣйшее участіе. Доброта его простиралась до того, что онъ бралъ нѣсколько билетовъ для раздачи многочисленнымъ знакомымъ.

[3]) Мы знаемъ ихъ фамиліи, но изъ уваженія къ памяти бѣдныхъ тружениковъ и къ ихъ потомкамъ, не можемъ себѣ позволить назвать ихъ. П. К.

степеннаго. Въ силу этого условія, бенефиціанту приходилось просить сановитыхъ сослуживцевъ украсить его праздникъ своимъ талантомъ. Первые сюжеты мужскаго пола бывали всегда снисходительнѣе женскаго; тутъ безъ капризовъ дѣло рѣдко обходилось, даже въ случаѣ и согласія примадонны или первой любовницы, тотъ-же капризъ, подъ личиною «внезапной болѣзни» могъ разстроить весь бенефисный спектакль. Но и даровая услуга товарищей бенефиціанту, въ сущности, была не совсѣмъ даровая и не дешево ему обходилась. Ему вмѣнялось въ обязанность, при послѣдней репетиціи, угостить добрыхъ сослуживцевъ завтракомъ. Холостяки угощали въ буфетѣ; люди семейные—въ одной изъ уборныхъ; причемъ кулебяка, жаркое, пирожное, закуски, вино приносились изъ дому. Артисты побогаче, обыкновенно, угощали у себя на квартирѣ, задавая завтракъ, или, всего чаще, ужинъ послѣ спектакля. При хорошемъ сборѣ оно бы и куда не шло; но при плохомъ, едва ли закулисные амфитріоны бывали въ своей тарелкѣ. Даровые билеты были также не маловажнымъ подрывомъ бенефиціантамъ, особенно если бенефисъ былъ пополамъ съ дирекціей: половину казенной цѣны за даровой билетъ бенефиціанту приходилось платить изъ своего кармана. Между тѣмъ обязательныхъ даровыхъ билетовъ бывало довольно; ими приходилось одѣлять и частнаго пристава, и квартальнаго надзирателя, и домохозяина; за ними орду кредиторовъ, въ лицѣ портнаго, сапожника, мясника, булочника, погребщика и т. д. Къ слову объ этихъ даровыхъ зрителяхъ, припоминаемъ анекдотъ, бывшій въ 1820 годахъ при бенефисѣ знаменитой К. С. Семеновой. Мясникъ, у котораго она забирала провизію, здоровенный ярославецъ и понятія не имѣвшій о театрѣ, просилъ Семенову подарить ему грѣшному билетикъ на бенефисъ. Артистка уважила его просьбу и помѣстила его въ галлерею. Играли какую-то раздирательную трагедію (чуть-ли не «Рауля Синяя Борода»), въ которой мужъ героини грозится ее убить. Мясникъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ піесы; по примѣру сосѣдей усердно хлопалъ въ ладоши, присоединяя къ своимъ рукоплесканіямъ, въ видѣ смазки ладоней, древне-славянскія междомѣтія... Въ послѣдней сценѣ опасность, угрожавшая Семеновой отъ ея лиходѣя, сильно встревожила мясника, жаль ему стало доброй барыни и онъ, перегнувшись черезъ барьеръ, гаркнулъ на всю залу:

— Семёниха!.. Не поддавайся!!

Отвѣтомъ на этотъ возгласъ былъ дружный взрывъ хохота всей публики, а наивный защитникъ артистки былъ выведенъ.

Сплетни, ябеды, наушничанья, клеветы—были самыми ходячими монетами въ закулисномъ мірѣ. Сцена имѣла претензію быть школою

нравовъ; ея изнанка имѣла полное право на названіе школы безнравственности. Были, какъ мы уже говорили выше, и артистки и артисты нравственности безупречной и честнѣйшихъ правилъ, но ихъ слѣдовало признавать исключеніемъ изъ общаго правила.

Выдержки изъ «Журнала» Андрея Васильевича Каратыгина, знакомя читателя съ темными сторонами закулиснаго міра, каковымъ онъ былъ за шестьдесятъ, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, заключаютъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько любопытныхъ данныхъ для исторіи театра вообще и, какъ матеріалъ, заслуживаютъ вниманія читателей [1]).

П. К.

1803, іюня 26. Бенефисъ Шушерина: драма «Сынъ Любви». Сборъ былъ очень малъ; но Шушеринъ ѣздилъ благодарить Александра Львовича Нарышкина на дачу, на 15 верстѣ петергофской дороги. Г. Нарышкинъ сказалъ по поводу плохаго сбора: «жалко очень! Я васъ невидимо награжу...» И точно: Шушеринъ отъ г. Нарышкина ничего не видалъ.

— іюня 30. Смерть Антона Михайловича Крутицкаго, въ Ревелѣ.

— сентября 16. Бенефисъ въ пользу дѣтей покойнаго. А. С. Яковлевъ говорилъ благодарственную рѣчь публикѣ.

— октября 30. «Училище ревнивыхъ», комическая опера Сальери. Первая опера, игранная итальянскими пѣвцами въ 1785 году.

1804 г. декабря 15. Въ эрмитажѣ игранъ «Эдипъ въ Аѳинахъ» В. А. Озерова. Подарки отъ Государя: автору, Шушерину, Яковлеву и воспитанницѣ Семеновой.

1805, января 4. Таже трагедія на Большомъ театрѣ. Слѣдующая автору репрезентація (часть изъ сбора) отдана имъ въ пользу играющихъ актеровъ.

— іюня 23. «Князь-Невидимка», опера. Въ присутствіи Государя и Царской фамиліи.

— іюля 23. «Ябеда», «Вѣстникова съ семьею» и балетъ, играны

---

[1]) „Журналъ А. В. Каратыгина“—весьма объемистая, форматомъ въ листъ, собственноручная рукопись—драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи отечественнаго театра—подаренъ намъ внукомъ Андрея Васильевича—Петромъ Петровичемъ Каратыгинымъ, которому и приносимъ глубочайшую нашу благодарность. Необходимо, однако, оговорить, что значительную часть свѣдѣній, заключающихся въ этой рукописи, заимствовалъ Араповъ въ его изданіи: „Лѣтопись Русскаго театра“.

Ред.

школою, на дачѣ А. Л. Нарышкина (т. е. воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища).

— декабря 3. «Россы въ Италіи», драма. На случай одержанной побѣды надъ французами [1].

1806, іюля 5. Первый дебютъ Щеникова, ролью «Полиника» въ трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ». Членъ репертуарной части, князь Шаховской, сказалъ въ одномъ журналѣ о г. Щениковѣ: «онъ такъ пріятно говоритъ, что воздухъ, который онъ, говоря, пускаетъ, должно глотать...» Оно и немудрено: этотъ воздухъ князь самъ въ него впустилъ!..

1807, января 17. Въ эрмитажѣ: «Димитрій Донской». Автору, Семеновой, Шушерину, Яковлеву—подарки отъ Государя.

— января 20. У вдовствующей Императрицы: «Модная Лавка» И. А. Крылова.

— января 21. На Большомъ театрѣ: «Димитрій Донской» въ присутствіи Государя и Царской фамиліи.

— іюля 26. У графа Кочубея на дачѣ читали сцену изъ трагедіи «Димитрій Донской» — Яковлевъ и Семенова.

1808, января 3. Отъѣздъ въ Москву актера г. Яковлева, танцовщицы г-жи Колосовой и танцовщиковъ гг. Валберха, Огюста и Фанденберга; прощаніе на Средней Рогаткѣ, гдѣ была большая ссора г. Яковлева съ Жандромъ—полковымъ адъютантомъ конной гвардіи. Г-жа Семенова также поѣхала, но не съ этимъ караваномъ.

— апрѣля 23. При Дворѣ: нѣмецкій спектакль и опера «Ямъ».

— апрѣля 30. Спектакль отказанъ въ 12 часовъ по полудни, по случаю кончины великой княжны Елисаветы Александровны. Трауръ до 7-го мая.

— іюня 19. Въ Павловскомъ читана сцена изъ трагедіи «Пожарскій» Яковлевымъ и Валберховою. Все дѣла члена репертуарной части кн. А. Шаховскаго.

1809, іюня 7. Скончался извѣстный, первый буффъ россійской оперной труппы, Яковъ Степановичъ Воробьевъ, на 43 году. Воспитанникъ театральнаго училища, ученикъ И. А. Дмитревскаго и славнаго итальянскаго буффа Екатеринина времени г. Маркетти. Зналъ основательно пѣніе отъ г. Сапіенцы и итальянскій языкъ. Въ болѣзни вытерпѣлъ равнодушно операцію — отнятіе правой ноги по колѣно; но испортившаяся кровь прекратила жизнь его. Онъ

---

[1]) Вмѣсто ожидаемой реляціи о побѣдѣ, недѣли черезъ двѣ было получено извѣстіе о бѣдственной битвѣ подъ Аустерлицемъ.

оставилъ жену и малолѣтнюю дочь. Нравъ имѣлъ веселый; шутилъ надъ людьми, но и самъ умѣлъ сносить шутки.

— іюля 26. У французовъ шла «Федра» съ г-жею Жоржъ въ главной роли. По окончаніи трагедіи былъ выкинутъ изъ-за кулисъ лавровый вѣнокъ, въ честь г-жи Жоржъ, французскимъ актеромъ Фрожеромъ.

— сентября 26. Общество грековъ, здѣсь находящихся, сдѣлало для роли «Амасеки» (играемой А. Д. Каратыгиной) жезлъ, осыпанный бриллiантами и поднесло его съ письмомъ чрезъ главнаго директора А. Л. Нарышкина—«А. Д. Каратыгиной, въ память своей побѣдительницы Амасеки».

— ноября 7. Въ эрмитажѣ играны «Севильскій цирюльникъ»—французскою, и опера «Чудаки»—русскою труппою.

1810, января 8. Въ 12 часовъ ночи скончалась танцовщица, дѣвица Марія Данилова, имѣвшая рѣдкій талантъ.

— февраля 11. Играны при Дворѣ: трагедія «Пожарскій» и комедія «Новый Стернъ».

— февраля 19. У вдовствующей Императрицы играна трагедія «Дебора».

Въ мартѣ мѣсяцѣ (число забыто) скончался Николай Даниловичъ Сахаровъ: актеръ хорошій, истинный товарищъ и добрый человѣкъ.

— декабря 31. Въ 12 часовъ ночи оказался ужасный пожаръ Большаго театра, во время бала у главнаго директора А. Л. Нарышкина, такъ что и спасти ничего не могли. Членъ конторы и членъ репертуарной части кн. А. А. Шаховской, казначей г. Альбрехтъ, смотритель театра губ. секр. Шишкинъ.

1811, января 2. Комедія «Недоросль» и опера «Ямъ» играны были въ домѣ генерала Молчанова, бывшемъ Кушелева, на Дворцовой площади.

— февраля 2. Послѣдній (138-й) дебютъ танцовщика Дюпора.

— мая 17. А. Д. Каратыгину, на 34-мъ году отъ рожденія, перевели на роли «Благородныхъ матерей», по милости кн. Шаховскаго, дабы дать роли и мѣсто Маріи Валберховой.

— іюня 21. «Андромаха» трагедія, переводъ графа Д. И. Хвостова. Репрезентація, слѣдующая переводчику, отдана имъ въ пользу бѣдныхъ (да и сборъ, точно, былъ для бѣдныхъ!).

1812, мая 15. «Казакъ-стихотворецъ», первое его представленіе у императрицы Елисаветы Алексѣевны, воспитанниками и воспитанницами театральной школы.

— іюня 6. Бенефисъ актера Дальмаса: представленіе трагедіи «Димитрій Донской» на французскомъ языкѣ. (Дѣйствующіе: Ди-

митрій—Ведель; князь Тверской—Менвіель; кн. Бѣлозерскій—Диглиньи, кн. Смоленскій—Ворена, Ксенія—г-жа Жоржъ, Брянской—Мезьеръ меньшой, бояринъ и посолъ Мамаевъ—Дальмасъ).

— іюня 17. «Крестьянскій театръ» по назначенію автора Елисаветы Ивановны Титовой—въ пользу фигурантовъ и фигуранточъ.

— августа 30. Драма: «Всеобщее ополченіе». Роль отставнаго унтер-офицера «Усерда» игралъ 70-ти лѣтній старецъ И. А. Дмитревскій; за болѣзнею Яковлева, его роль игралъ Брянскій. Всѣ актеры и актрисы были въ этомъ спектаклѣ на выходѣ. За драмою слѣдовалъ балетъ: «Любовь къ отечеству»; Самойловъ, игравшій роль генерала, пѣлъ куплеты въ честь русскихъ генераловъ, отличившихся въ Бородинскомъ сраженіи».

— октября 26. Французскими актерами играно первое представленіе оперы «Весталка» Спонтини.

— ноября 12. У французовъ «Федра» — г-жа Жоржъ въ послѣдній разъ играла въ Петербургѣ.

— ноября 16. Послѣднее представленіе французской труппы.

— декабря 17. Извѣстіе о кончинѣ Георга, герцога Ольденбургскаго, бывшаго Тверскимъ генералъ-губернаторомъ, скончавшагося въ Твери (по слухамъ) насильственною смертью, принявъ яду (!?).

. . . .

1813, января 13. Опера: «Старинныя святки». Дебютъ въ роли «Настасьи прекрасной» первой пѣвицы и актрисы московскаго театра Елисаветы Семеновны Сандуновой. Она пѣла куплеты въ честь русскихъ героевъ, павшихъ въ битвахъ съ Наполеономъ.

— января 26. При возвѣщеніи о бенефисѣ въ пользу жены и дѣтей покойнаго актера Рыкалова, выводили старшую его дочь, Елисавету, на сцену.

— февраля 24. «Пожарскій» — у вдовствующей Императрицы. Брянскій и Семенова въ главныхъ роляхъ.

— іюля 20. На Новомъ театрѣ нѣмецкій спектакль: бенефисъ г. и г-жи Боркъ. Сборъ съ бенефиса они пожертвовали въ пользу инвалидовъ, за что отъ Государя получили по богатому, брилліантами осыпанному перстню.

— августа 30. «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій», дивертиссементъ. Зловъ пѣлъ куплеты въ честь Государя и великихъ полководцевъ: Кутузова и Витгенштейна.

— октября 24. А. С. Яковлевъ, будучи боленъ бѣлою горячкою, едва не зарѣзался бритвою.

— ноября 24. У нѣмцевъ три комедіи: «Таковы онѣ (нѣмецкія

женщины) въ 1496 г.», «Таковы онѣ были въ 1700 г.», «Таковы онѣ нынѣ въ 1813 году».

— декабря 2. Представленіе трагедіи «Демона» и первый выходъ Яковлева на сцену послѣ болѣзни, въ роли «Ярба». Принятъ былъ съ рукоплесканіями, криками браво! и даже ура!!

1814, января 19. «Любовь къ отечеству» балетъ съ хорами. Самойловъ пѣлъ новую воинскую пѣсню въ честь Донскаго воинства.

— января 31. Первое представленіе «Весталки» Спонтини, нѣмецкою труппою. Сія опера играна нѣмецкими актерами за болѣзнею (мнимою) Самойлова и по капризу вице-деректора кн. Тюфякина. Вотъ въ чемъ дѣло: главный директоръ А. Л. Нарышкинъ, при отъѣздѣ своемъ въ чужіе края съ императрицею Елисаветою Алексѣевною, 13 января сего года, призвавъ къ себѣ Сандунова. Самойлова и Злова просилъ ихъ, обѣщая великія и богатыя милости, дабы они остановили представленіе «Весталки» на 31 число въ которое кн. Тюфякинъ обѣщалъ дать оперу Маріи Антоновнѣ Нарышкиной. Самойловъ обѣщанное А. Л. Нарышкину сдержалъ; кн. Тюфякинъ, на зло русскимъ, далъ «Весталку» нѣмецкую и тѣмъ выполнилъ слово, данное М. А. Нарышкиной. Теперь спрашивается: что получилъ Самойловъ отъ А. Л. Нарышкина?—0.

— февраля 2. «Русскій деревенскій праздникъ», интермедія—дивертиссементъ. Самойлова пѣла новую русскую пѣсню съ хоромъ на отъѣздъ Царицы, нашей матушки; слова генерала Политковскаго, музыка Давыдова.

— февраля 8. Комедія «Отплата» и «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій». Дивертиссементъ назначенъ по случаю полученія радостнаго извѣстія объ одержанной надъ французами побѣдѣ подъ Бріенномъ.

— апрѣля 6. Первое представленіе «Весталки» русскою оперною труппою.

— апрѣля 15. «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій». По случаю полученнаго въ ночь радостнаго извѣстія объ одержанныхъ побѣдахъ и о занятіи Парижа союзною арміею 18 марта.

— апрѣля 16. Повтореніе по желанію многихъ знатныхъ особъ.

— мая 10. Трагедія: «Пожарскій» и «Русскій деревенскій праздникъ». Въ присутствіи Императрицы Маріи Өеодоровны.

— іюня 3. «Торжество Россіи или русскіе въ Парижѣ», балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Валберха и Огюста (Дѣйствующіе: Геній Россіи — Огюстъ; Франція—Колосова; русскій генералъ—Самойловъ; австрійскій генералъ—Хотяинцевъ; прусскій генер.—Зловъ; казацкій генер.—Соколовъ; французскій ген.—Климовскій; глав-

ный депутатъ—Толченовъ; стихотворецъ—Бобровъ; пуассардки: Самойлова, Лисицына, Ежева б.).

— августа 21. Бенефисъ нѣмецкихъ актеровъ г. и г-жи Боркъ пожертвованъ ими въ пользу инвалидовъ,

— ноября 18. «Школа злословія». А. Д. Каратыгина въ роли «Досажаевой» послѣ одиннадцатимѣсячной тяжкой болѣзни, принята была очень хорошо.

— декабря 1. «Недоросль» и балетъ. Въ присутствіи великихъ князей Михаила и Константина.

— декабря 20. Опера «Крестьяне или встрѣча незванныхъ» и «Казакъ-стихотворецъ» играны у вдовствующей Императрицы.

1815 г., января 21. Водевиль «Ломоносовъ» игранъ у вдовствующей Императрицы.

— января 28. Представленіе оперы «Жокондъ» у вдовствующей Императрицы.

— февраля 7. Комедія «Полубарскія затѣи» и дивертиссементъ у вдовствующей Императрицы.

— февраля 10. Представленіе «Весталки» въ присутствіи Государя.

— февраля 18. Опера «Водовозъ» у вдовствующей Императрицы.

— февраля 23. У ея же величества: трагедія «Пожарскій».

— іюля 1. Трагедія «Отелло» и опера «Три брата-горбуны», бенефисъ Яковлева за окончаніе двадцатилѣтней службы.

— іюля 13. «Отелло», за болѣзнею Яковлева, послѣ перваго дѣйствія отказанъ.

— іюля 31. У нѣмцевъ: «Фигарова женитьба», бенефисъ г-жи Миллеръ—въ вознагражденіе усердной ея службы князю П. И. Тюфякину.

— августа 16. Свадьба А. С. Яковлева съ актрисою Катериною Ивановною Ширяевою въ приходѣ Екатерины-мученицы въ Екатерингофѣ.

— сентября 9. Комедія «Влюбленный Шекспиръ» (Кларанса—Яковлева; Шекспиръ — Яковлевъ; Анна — Асенкова. При словахъ: «Шекспиръ — мужъ обожаемой жены...» публика надѣялась, что этимъ самымъ (?) онъ исправится. Приняты были очень хорошо.

— сентября 23. Первое представленіе комедіи: «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды». Роль «графини Лелевой» играла г-жа Валберхова, принятая вновь на службу, послѣ увольненія въ 1811 году, по собственному желанію.

1815 декабря 1. Бенефисъ Рахмановой: «Мнимый больной». Церемонія докторовъ составлена была изъ всѣхъ актеровъ и актрисъ, нынѣ на службѣ находящихся.

1816, января 14. Въ эрмитажѣ опера «Водовозъ».

— января 18. Въ эрмитажѣ опера «Сандрильона».

— января 30. Водевиль: «Казакъ-стихотворецъ» и интермедія: «Русскій деревенскій праздникъ» у вдовствующей Императрицы.

— февраля 10. Въ эрмитажѣ опера «Телемакъ».

— февраля 16. Въ эрмитажѣ опера «Эфрозина и Коррадинъ».

«Сегодня въ воскресенье, 16-го апрѣля 1816 года, въ квартирѣ оберъ-камергера Нарышкина, состоящей на Дворцовой площади, данъ будетъ русскій спектакль:

ВЛЮБЛЕННЫЙ ШЕКСПИРЪ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Шекспиръ . . . . Брянскій.
Кларанса. . . . . Вальберхова б.
Анна . . . . Асенкова.

За оною послѣдуютъ:

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ.

Комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова.

Дѣйствующія лица:

Аристъ. . . . . Сосницкій.
Эльмира . . . . Воробьева.
Сафиръ. . . . . Брянскій.

Въ заключеніе спектакля данъ будетъ:

НОВЫЙ СТЕРНЪ.

Комедія въ 1-мъ дѣйствіи, соч. кн. А. А. Шаховскаго; дивертиссементъ, составленный изъ разныхъ танцевъ, въ коемъ будутъ плясать по русски: г-жи Семенова и Новицкая; казачка: г. Шемаевъ и г-жа Истомина.

Дѣйствующія лица:

Графъ Пронскій, сентиментальный путешественникъ . . . . Климовскій.
Судьбинъ, отставной маіоръ, другъ отца его. . . . . Каменогорскій.

Ипатъ, слуга графа Пронскаго . . Рамазановъ.
Кузьминишна, мельничиха . . . Рахманова.
Маланья, дочь ея . . . . . . Семенова м.
Фока, женихъ Маланьи . . . . Величкинъ.

Желаніе угодить преодолѣваетъ всѣ затрудненія; плата за входъ: снисхожденіе и удовольствіе посѣтителей; мѣста всѣ равны, лишь-бы оныхъ достало» [1]).

— апрѣля 19. Какіе-то французы играли въ оранжереѣ князя Юсупова.

— апрѣля 27. Опера «Прекрасная мельничиха», играна у вдовствующей Императрицы въ присутствіи Государя. Пожалованы подарки: Семеновой м., Самойлову и Гуляеву.

— мая 10. «Эсѳирь», трагедія Расина, въ переводѣ П. А. Катенина. У вдовствующей Императрицы въ присутствіи Государя. Переводчикъ удостоенъ приглашенія на ужинъ Царской фамиліи и драгоцѣннаго подарка.

— сентября 1. Съ сего числа возвышены цѣны на ложи, кресла и мѣста за креслами, и за входъ въ маскарады по 4 р. съ персоны.

— октября 13. Въ Гатчинѣ, въ присутствіи Государя: оперы «Завтракъ холостыхъ» и «Арестанты».

— октября 14. Тоже. Оперы: «Адольфъ и Клара» и «Только десять дней женитьбы».

1817, января 30. «Молодые супруги»—мужа игралъ Сосницкій, жену—Сосницкая (рожденная Воробьева). Эта комедія нарочно дана для рекомендаціи «молодыхъ» Сосницкихъ передъ публикою.

— апрѣля 23. «Эдипъ царь», трагедія Грузинцева. Этотъ спектакль данъ былъ А. С. Яковлеву за трагедію «Владиміръ Мономахъ», уступленную авторомъ, г. Висковатовымъ, за 1000 руб.

— іюня 20. Въѣздъ въ столицу прусской принцессы, невѣсты великаго князя Николая Павловича.

— іюня 24. Ея миропомазаніе и обрученіе.

— сентября 16. Опера: «Швейцарское семейство» у вдовствующей Императрицы.

— октября 4. «Эдипъ въ Аѳинахъ». Роль Тезея въ послѣдній разъ игралъ А. С. Яковлевъ, будучи чрезвычайно боленъ.

— ноября 3. Кончина перваго трагическаго актера А. С. Яковлева на 44 году отъ рожденія, оставившаго по себѣ сына и дочь малолѣтнихъ.

---

[1]) Точный снимокъ съ подлинной афиши.

1817 г. ноября 15. Дирекція императорскихъ театровъ въ вознагражденіе долговременной службы и отличнаго таланта покойнаго актера г. Яковлева назначаетъ въ пользу вдовы и двухъ малолѣтнихъ сиротъ его: трагедію «Гораціи» и оперу-водевиль «Крестьяне, или встрѣча незванныхъ». Въ ней, изъ любви къ воспитаннику своему г. Яковлеву, первый актеръ Россійскаго театра Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитровскій, не взирая на престарѣлость свою, будетъ представлять роль дядьки и управителя графа Радугина. Въ оперѣ будетъ пѣть г. Самойловъ новые куплеты; въ дивертиссементѣ же г-жа Сандунова будетъ пѣть новые куплеты; музыка соч. Кавоса. Г. Балашевъ, пенсіонеръ россійскаго театра, изъ усердія къ покойному актеру г. Яковлеву, будетъ плясать по русски, съ г-жами: Самойловой и Величкиной. Танцующіе: г. Люстихъ съ г-жею Новицкою, г. Карлъ Дидло съ г-жею Лихутиной; гг. Огюстъ, Пальниковъ, Эбергардтъ, Гольцъ, Артемьевъ и г-жи: Колосова, Азарова, Горнышева, Янышева и Тарновская; гг. Шелиховъ, Дидье, Трифоновъ и г-жи Зубова, Шемаева, Пискунова, Дюмонъ, Сабинова б., Адамсонъ. Гости: Каратыгина, Сандунова, Семенова б., Валберхова, Лебедева, Асенкова, Рамазанова и Брянская.—Каратыгинъ, Пономаревъ, Щениковъ, Лебедевъ, Гуляевъ, Каменогорскій, Брянскій, Сосницкій, Толченовъ, Иконинъ и Гомбуровъ. Крестьяне и крестьянки: Черникова, Ежова б., Жебелева, Глухарева, Новицкая, Ласси, Ежова средн., Толченова.—Бобровъ, Жебелевъ, Величкинъ, Глухаревъ, Поляковъ, Булатовъ, Хотяинцевъ, Виноградовъ и Яновскій. По внезапной болѣзни, И. А. Дмитревскій въ спектаклѣ не учавствовалъ.

1818, февраля 3. Открытіе большаго театра.

— іюня 25. «Казакъ-стихотворецъ» и «Зефиръ и Флора». Въ присутствіи Государя, короля Прусскаго и всей Царской фамиліи.

1819, января 12. Трауръ по Екатеринѣ Павловнѣ, королевѣ Виртембергской.

— іюля 4. Скончался балетмейстеръ Иванъ Ивановичъ Валберхъ на 53 г. отъ рожденія, оставивъ по себѣ сына и восемь дочерей.

— іюля 18. Бенефисъ въ пользу малолѣтнихъ сиротъ балетмейстера Валберха. Въ дивертиссементѣ были на выходѣ артисты и артистки всѣхъ труппъ.

— октября 2. «Семикъ», дивертиссементъ. Въ ономъ, переведенная, съ московскаго на здѣшній императорскій театръ, танцов-

щица Лобанова будетъ имѣть честь танцовать новое цыганское pas de deux съ г. Пальниковымъ (стоило зачѣмъ переводить?)

1819 г. октября 4. Начало представленій новой французской труппы подъ управленіемъ кн. П. И. Тюфякина.

— октября 30. У вдовствующей Императрицы: «Воздушные замки», комедія и «Нина» опера.

— ноября 7. «Влюбленный Шекспиръ», комедія и «Рауль де Креки», балетъ. Въ присутствіи вдовствующей Императрицы.

— ноября 13. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

1820, января 15. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— января 22. Комедія: «Какаду» и сцена изъ итальянской оперы: «Гораціи и Куріаціи» (г-жа Сесси и г. Линденштейнъ) у вдовствующей Императрицы.

— января 26. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— февраля 1. Нѣмецкій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— февраля 3. Тоже.

— февраля 28 и 29. Опера: «деревенскія пѣвицы», комедія: «Перегородка» и опера: «Калифъ». Воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища, въ домѣ члена репертуарной части Ѳ. Ѳ. Кокошкина, гдѣ былъ театръ, поставленный дирекціею и писанный декораторомъ Гонзаго.

— апрѣля 7. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— апрѣля 21. Тоже.

— апрѣля 29. Комедія: Молодые супруги» и опера: «Холостые мужья» у вдовствующей Императрицы.

— мая 3. «Фингалъ». Первый дебютъ сына моего, Василія.

— мая 4. «Смерть Роллы», трагедія. Г. Максинъ въ роли «Роллы» былъ не хорошъ и мѣстами смѣшилъ публику.

— мая 12. Комедія: «Отецъ по случаю». Въ роли «Вѣтрона» я былъ въ послѣдній разъ на сценѣ, послѣ 26 лѣтъ службы.

— мая 29. Во французскомъ театрѣ шумъ и драка изъ-за Сен-Феликса.

— іюня 21. Вмѣсто оперы: «Эмерикъ Текеллій» назначенъ, по высочайшему повѣленію, для прусскаго принца, французскій спектакль.

1820 іюня 28. Въ залѣ Филармоническаго общества первый концертъ г-жи Каталани. Цѣна мѣстамъ 25 р. и 15 р. асс.

— августа 20. «Радамистъ и Зенобія», трагедія. Г. Максинъ въ роли «Арзама» совсѣмъ потерялся; въ нѣкоторыхъ сценахъ хохотали.

— сентября 1. Конецъ моей 26-ти лѣтней службы и двухгодичнаго званія режиссера на 47 году отъ рожденія.

— октября 18. «Баядерки», опера. Играна только разъ, а стоила дирекціи не мало.

— ноября 4. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— ноября 18. Представленіе комедіи: «Не любо не слушай» и оперы: «Швейцарское семейство» у вдовствующей Императрицы.

— ноября 25. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— декабря 2, 6 и 15. Тоже.

1821, января 7. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— января 17. «Школа женщинъ». Репрезентація, слѣдующая переводчику Н. И. Хмѣльницкому, отдана имъ г. и г-жѣ Сосницкимъ.

— января 27. Французскій спектакль у вдовствующей Императрицы.

— февраля 3. У Ея Величества нѣмецкій спектакль.

— февраля 10. Французскій спектакль и балетъ «Лѣтній балъ» у вдовствующей Императрицы.

— февраля 17. Тоже.

— апрѣля 21. Тоже.

— апрѣля 26. Бенефисъ Толченова: «Обріева собака», съ участіемъ дрессированной собаки. На афишѣ сказано: «дабы рукоплесканія не устрашили собаку во время ея дѣйствія, благоволитъ почтенная публика при появленіи ея сохранить спокойствіе».

— іюля 5. Отъѣздъ князя Тюфякина въ чужіе края.

— сентября 8. Комедія «Разбитые очки» запрещена г. Майковымъ!

— октября 11. Возвѣщеніе о бенефисѣ танцовщицы Истоминой противъ правилъ театральныхъ (не наканунѣ, а за недѣлю).

— октября 27. Кончина Ивана Аѳанасьевича Дмитровскаго, одного изъ основателей русскаго театра.

— ноября 17. Представленіе оперы: «Сорока воровка» у вдовствующей Императрицы.

1821, ноября 21. Бенефисъ Лебедеву противъ правилъ дирекціи и штата, чтобы въ праздники бенефисовъ не давать!

1822, января 16. «Ифигенія въ Авлидѣ», трагедія, «Тетушка, или она не такъ глупа», комедія и «Отдыхъ каравана», дивертиссементъ. Бенефисъ г-жи Валберховой; только для него г-жа Семенова играла роль «Клитемнестры». По окончаніи трагедіи былъ вызовъ: Семенову! и (нѣкоторыми) Брянскаго! Когда онъ вышелъ, то многіе закричали: не надо! не надо!!—Сборъ простирался до двѣнадцати тысячъ.

— января 19. Опера «Водовозъ» и «Семикъ» у вдовствующей Императрицы.

— апрѣля 10. Открытіе Малаго театра по его возобновленіи.

— мая 30. Опера «Сандрильона».—На другой день представленія графъ (Василій Валентиновичъ) Пушкинъ, пріѣхавъ къ Майкову, сказалъ, что «если впредь другія будутъ играть тѣ роли, которыя поетъ Нимфодора Семеновна (Семенова), то она долѣе служить не намѣрена». Спрашивается, для чего это?

— іюня 19. Возвѣщенная опера «Лунная ночь», за болѣзнію г-жи Ивановой, которая, какъ говорили, была съ похмѣлья, отказана въ 12 часовъ дня и замѣнена «Женщиною-Лунатикъ». Бенефисъ Сандуновой.

— іюля 28. Въ пользу Женскаго Патріотическаго Общества: «Димитрій Донской» и «Семикъ въ новомъ родѣ».—Подарки отъ императрицы Елисаветы Алексѣевны: Семеновой, Лобановой, Брянскому, Максину, Толченову и танцовщику Огюсту.

— сентября 18. «Поликсена», трагедія В. А. Озерова (Агамемнонъ—Брянскій; Пирръ—В. Каратыгинъ; Гекуба—Семенова, Поликсена—Азаревичева м.). Пріемъ Василія въ роли Пирра былъ чрезвычайный. Это породило зависть въ г-жѣ Семеновой, которая обратила свое мщеніе на П. А. Катенина, будто бы онъ, при вызовѣ ея, кричалъ: не надо! Она сама неправильно поступила, выведя за собою на сцену свою ученицу Азаревичеву, которую хотя и вызывали, но очень слабо... и г. Катенину запрещено было ѣздить въ театры. О, правосудіе!!.

— ноября 7. Сего числа въ 11 часовъ утра, Павелъ Александровичъ Катенинъ высланъ изъ города, съ подпискою его руки, дабы не въѣзжать ни въ одну столицу.

— ноября 8. Представленіе комедіи «Три Султанши» и балета «Приключенія на охотѣ» у вдовствующей императрицы.

— декабря 1. Французскій утренній спектакль, бенефисъ Сен.

Феликса: «Le Charbonnier», «le comte Derfort» «les trois duels» въ присутствіи великаго князя Николая Павловича и его супруги.

1822, декабря 5. Отъѣздъ мой съ П. А. Катенинымъ въ его деревню, Костромской губерніи.

— декабря 14. Первый бенефисъ сына моего Василія: «Сидъ», трагедія и «Уединенный домъ», опера.

1823, декабря 19. «Казакъ-стихотворецъ» и «Зефиръ и Флора» въ присутствіи Царской фамиліи.

— При первомъ представленіи «Федры», одна молодая актриса, ходя за кулисами, грызла каленые орѣхи и другихъ подчивала. Ей говорятъ: «здѣсь не мѣсто грызть орѣхи, да и не годится во время трагедіи»—и вотъ ея отвѣтъ: «что же мнѣ дѣлать? Семенова эту роль дурно играетъ... да я и не люблю трагедій: мнѣ скучно»! Все плоды князя А. А. Шаховскаго!...

5 февраля 1823 года былъ послѣдній бенефисъ Е. С. Сандуновой, передъ отъѣздомъ въ Москву. Еще жертва каверзъ князя А. А. Шаховскаго!..

3 сентября того же года былъ бенефисъ Рамазанова (опера «Праздникъ Могола», комедія-водевиль «Секретарь и поваръ» и дивертиссементъ «Своя семья») «Въ дивертиссементѣ» (сказано на афишѣ) танцовать будутъ г. Рамазановъ, г-жа Рамазанова и трое дѣтей: Николай 6-ти, Софья 5-ти и Александръ 4-хъ лѣтъ. Рамазановы по русски; Эбергардтъ и Шемаева по венгерски; Пальниковъ и Лебедева—по цыгански. Пѣть будетъ Величкинъ въ первый разъ «По всей деревнѣ Катенька» и въ первый же разъ будутъ играть цыганскую пляску на торбанѣ—г. Лихачевъ, на гитарѣ г. Бѣлошеинъ.

1824. іюня 5. На Большомъ театрѣ французскими и нѣмецкими актерами—французскій водевиль: «Фехтовальная учительница», нѣмецкая комедія «Похищеніе» и дивертиссементъ соч. Дидло, въ пользу г. Буржуа, бывшаго французскаго актера, по повелѣнію Государя.

— іюля 29. Бенефисъ режиссера Фрыгина: «Гусситы подъ Наумбургомъ» и «Ворожея». Бенефиціантъ за болѣзнію, или по какимъ другимъ причинамъ, по утру бывъ на пробѣ, къ вечеру не явился и не игралъ.

1825, мая 11. Въ Москвѣ умеръ извѣстный русскій композиторъ Степанъ Ивановичъ Давыдовъ. Воспитаніе получилъ въ корпусѣ придворныхъ пѣвчихъ.

— іюня 18. Сегодня по Офицерской улицѣ, въ домѣ купца Голлидея, подъ № 206, генералъ-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ осматривалъ квартиры, подъ его надзоромъ передѣлывающіяся

для танцовщицъ Телешовой м. и Азаревичевой б., а послѣ навѣстилъ молодую актрису Марсель (бывшую Рыкалову).

1825, іюля 25. Г-жа Колосова отставлена комитетомъ отъ театра[1]).

— августа 25. Съ сего числа дирекція начала платить такъ называемые призы (разовые деньги) по 25 р., именно: г-жамъ Дюровой, Азаревичевой б., Азаревичевой м. и Телешовой м. Вотъ какъ должно поощрять и одобрять таланты.

— октября 6. Опера «Мельникъ». Первый дебютъ... директора, статскаго совѣтника Остолопова (на мѣсто А. А. Майкова): вошедъ въ ложу, махнулъ платкомъ для начала увертюры (хорошо, что случился бѣлый!).

— октября 9. Балетъ «Федра». Гусарскій офицеръ князь Щербатовъ, во время балета аплодировалъ той, которая ему нравилась. Графъ Милорадовичъ, замѣтивъ это, послалъ къ эскадронному командиру князя приказъ: «чтобы Щербатовъ и прочіе офицеры не всѣмъ аплодировали», на что тотъ и отвѣчалъ: чтобы прислать реэстръ въ полкъ, кому хлопать и кому—нѣтъ!...

— октября 27. На Маломъ театрѣ: «Мизантропъ». Для дебюта г-жи Колосовой ролью «Прелестиной». Она была уволена по имянному указу 4-го января 1825 года; принята по ея просьбѣ [2]).

— октября 29. Въ пользу г-жъ Азаревичевой б. и Телешовой м. комедія-балетъ: «Батюшкина дочка», балетъ: «Сатана со всѣмъ приборомъ» и интермедія: «Нескучнинскіе воды». Сей спектакль состоялся подъ особымъ вниманіемъ и распоряженіемъ генералъ-

---

[1]) Евгенія Ивановна Колосова, знаменитая пантомимистка.

[2]) Этотъ эпизодъ увольненія отъ театра Александры Михайловны Колосовой (Каратыгиной) мы можемъ пополнить по ея собственному изустному разсказу. Катерина Семеновна Семенова, завидуя дарованію Колосовой, и распоряжаясь начальствующими лицами при театрѣ, какъ своими покорнѣйшими слугами, повела служебныя свои дѣла такъ, что почти всѣ роли Колосовой отъ нея отошли къ Семеновой. Молодую артистку видимо вытѣсняли со сцены и довели ее, наконецъ, до рѣшительной мѣры: она лично подала прошеніе императору Александру Павловичу, въ бытность его въ Царскомъ Селѣ, зимою 1824—1825 гг. Императоръ, со свойственною ему любезностью, принялъ просьбу, и ободривъ просительницу, приказалъ ей адресовать ее по почтѣ, на его высочайшее имя „въ собственныя руки". „Вы озябли", сказалъ Александръ I съ улыбкою: „зайдите во дворецъ и прикажите подать себѣ чаю, или кофе!" Тронутая до слезъ монаршимъ вниманіемъ, артистка исполнила повелѣніе высокаго покровителя талантовъ; во дворцѣ же надписала конвертъ и сдала на почту въ Царскомъ Селѣ. Восхищенная возвратилась въ Петербургъ, а здѣсь дня черезъ два была на сутки посажена подъ арестъ въ контору дирекціи, а за тѣмъ уволена отъ службы. Смѣлость артистки, по мнѣнію графа Милорадовича, требовала примѣрнаго наказанія.

П. Каратыгинъ.

губернатора графа М. А. Милорадовича. Нѣкто г. Чебышевъ, винный заводчикъ, имѣя дѣло до графа, пріѣхалъ къ нему 25 числа. Первый вопросъ генералъ-губернатора былъ: «а имѣете ли вы ложу на 29-е? Надо взять и заплатить 1000 р. Таланты надобно ободрять!» Г. Чебышевъ исполнилъ предложеніе графа; взялъ ложу и заплатилъ 500 р. То-же было и съ градскимъ головою, г. Кусовымъ.

— Ноября 13. Трагедія «Медея». Въ новомъ постановленіи о театрѣ, о чемъ именно хлопоталъ кн. Шаховской, значится, чтобы никого (на афишахъ) подъ строкою не выставлять на канунѣ, что и утвердилъ Государь; но г-жа Семенова безъ того не хотѣла выходить на сцену, ежели ее не выставятъ—ссылаясь на то, что въ это время, вновь принятая извѣстная актриса Колосова, каждый разъ выставлялась... И г-жа Семенова стала выставляться. На что же всѣ эти правила?!

— ноября 18. На Маломъ театрѣ: «Послѣдній день счастія». Канунъ кончины Государя!.

— ноября 27. Извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Павловича въ Таганрогѣ 19 ноября.—Трауръ.

Совѣтъ, сенатъ, войско и народъ провозгласили съ присягою Императоромъ цесаревича Константина Павловича. Декабря 13-го получено изъ Варшавы отъ Императора отреченіе его отъ трона, еще въ 1822 г. утвержденное покойнымъ Государемъ. 14 декабря провозглашенъ съ присягою Императоромъ великій князь Николай Павловичъ, а Константину Павловичу оставленъ титулъ Цесаревича. Бунтъ на Петровской площади: гвардейскаго экипажа, части Павловскаго (Московскаго) и части лейбъ-гренадерскаго полковъ.

Заканчивая выдержки изъ «Журнала» А. В. Каратыгина замѣткою о кровавомъ событіи 14-го декабря — послѣднемъ эпизодѣ царствованія Александра I, мы имѣли въ виду какъ бы напомнить читателямъ о доблестной кончинѣ графа Милорадовича, которая должна мирить потомство съ нѣкоторыми слабостями этого героя «шестидесяти сраженій». Онъ былъ сыномъ своего времени, однимъ изъ славнѣйшихъ его сыновъ. По непостижимой игрѣ случая, въ послѣдній день жизни, за два часа до смерти, графъ посѣтилъ Аполлона Александровича Майкова (бывшаго имянинникомъ 14-го декабря) и Телешеву м.—людей, принадлежавшихъ къ міру закулисному, близость къ которому такъ часто накидывала мимолетную тѣнь на личность графа Михаила Андреевича Милорадовича.

[Изъ „Журнала“ А. В. Каратыгина].

АЛЕКСѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ.

1773—1817.

Знаменитый трагикъ, краса и гордость русскаго театра въ царствованіе Александра I,—Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, сынъ небогатаго купца, родился въ Костромѣ, въ 1773 году. Воспитанный на мѣдные гроши и съ юныхъ лѣтъ обреченный на торгашество, Яковлевъ, не питая къ нему ни малѣйшей склонности, пристрастился къ чтенію и стихотворству. За эту страсть юношѣ доставалось порядкомъ, такъ какъ опекунъ будущаго артиста усматривалъ въ ней задатки праздности и пустаго «лодарничества». Въ 1786 году Алексѣй Яковлевъ, прибывъ въ Петербургъ, поселился у своего зятя и попечителя, и въ должности приказчика, или сидѣльца, изучалъ подъ его руководствомъ коммерческую премудрость. Она, какъ кладъ, не давалась ни Алексѣю, ни его товарищу и пріятелю Гришѣ Жебелеву [1]). Не коммерція была на умѣ у молодыхъ людей. Какъ-то случайно попавъ въ театръ, оба страстно полюбили драматическое искусство и задумали, во что бы то ни стало, поступить на сцену. Скрывая это намѣреніе отъ домашнихъ, молодые люди, по ночамъ, забирались на чердакъ и здѣсь, при свѣтѣ сальныхъ огарковъ, разставленныхъ по полу, декламировали цѣлые монологи изъ трагедій Сумарокова, стараясь подражать Дмитревскому [2]) Шумскому, Шушерину [3]) и

[1]) Григорій Ивановичъ Жебелевъ—умеръ въ пятидесятыхъ годахъ, въ наше время, имѣя около девяноста лѣтъ отъ роду, сохранивъ память и умственныя способности.

[2]) Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (род. въ 1734 † 27-го октября 1822 г.) одинъ изъ основателей русскаго театра, знаменитый актеръ Екатерининскаго вѣка, членъ Россійской Академіи.

[3]) Яковъ Шумской, родомъ малороссъ, особенно отличался въ комическихъ роляхъ, умеръ въ первые годы царствованія Александра I. Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ (умеръ въ 1813 году) превосходный трагикъ. П. К.

другимъ свѣтиламъ тогдашней сцены. Эти упражненія въ декламаціи не долго оставались въ тайнѣ отъ сестры и зятя Яковлева: подкарауливъ, какъ-то, бѣдныхъ «актеровъ» въ ихъ занятіяхъ, купецъ задалъ имъ обоимъ такую гонку и разыгралъ такую сцену, что Яковлевъ (ему было уже 18 лѣтъ) тутъ же рѣшился разстаться съ этимъ невѣждою и, истребовавъ отъ него 1500 рублей денегъ – наслѣдства послѣ матери, покинулъ домъ зятя и перешелъ въ сидѣльцы къ другому хозяину. Но и этому не ко двору пришелся будущій трагикъ. Сидя за прилавкомъ, Алексѣй, съ утра и до поздняго вечера, читалъ театральныя піэсы, чаще всего вслухъ; покупателей не зазывалъ, а ежели кто изъ нихъ и заходилъ въ лавку, то всего чаще уходилъ ни съ чѣмъ.... Яковлева спрашиваютъ о цѣнѣ товара, а онъ бормочетъ монологи изъ «Синава и Трувора» или «Димитрія Самозванца»; раздосадованный покупатель идетъ за дверь, а Яковлевъ, точно на зло, отчаянно декламируетъ:

«Иди душа во адъ и буди вѣчно плѣнна!

Понятно, что и у новаго хозяина не долго послужилъ Яковлевъ; такъ и переходилъ отъ одного къ другому.... Въ 1793 году онъ былъ приказчикомъ въ гостиномъ дворѣ, въ лавкѣ подъ № 67, и, вѣрный своему призванію, по прежнему занимался декламаціею и стихотворствомъ, разумѣется, ни тѣмъ, ни другимъ не заманивая покупателей. Однажды, въ лавку вошелъ пожилой мужчина и незамѣченный Яковлевымъ остановился въ изумленіи, видимо пораженный изяществомъ декламаціи, чистотою выговора и правильностью дикціи. Дослушавъ молодаго человѣка, покупатель попросилъ Яковлева прочесть еще одинъ монологъ и сидѣлецъ № 67-го, восхищенный первою похвалою, сталъ декламировать во весь голосъ, зычно раздававшійся подъ сводами лавки, даже проникавшій на галлерею. Этотъ первый благодѣтель Яковлева былъ нѣкто Николай Ивановичъ Перепечинъ, человѣкъ высокаго образованія и страстный любитель театра. Онъ сблизился съ Яковлевымъ, поощрилъ его къ дальнѣйшимъ занятіямъ драматическимъ искусствомъ, наконецъ, представилъ его знаменитому въ лѣтописяхъ русскаго театра, незабвенному Ивану Аѳанасьевичу Дмитревскому. Великій артистъ опытнымъ взоромъ проникъ въ глубину души Яковлева и нашелъ въ ней божественную искру громаднаго, самороднаго таланта. Подъ руководствомъ Дмитревскаго талантъ крѣпчалъ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, и 1-го іюня 1794 года Яковлевъ дебютировалъ на сценѣ императорскаго театра въ трагедіи «Семира», ролью Оскольда; вторымъ дебютомъ (15 іюня) была роль «Синава» въ трагедіи «Синава и Труворъ»;

третьимъ (29 іюня) роль Доранта въ комедіи «Ревнивый», успѣхъ былъ громадный, Яковлевъ сдѣлался знаменитостью!

Театръ въ послѣдніе годы Екатерины II славился первоклассными талантами, при крайней скудости репертуара. Трагедіи Сумарокова, двѣ комедіи фонъ-Визина, десять комедій Княжнина, переводы Дмитревскаго—и только. Комедіи, написанныя Екатериною II, настолько-же ниже критики, насколько ихъ державный авторъ былъ выше всѣхъ писателей по общественному своему положенію. Русская сцена еще ждала Озерова и переводовъ Корнеля, Расина, Кребильона и даровитаго Коцебу. Каждая роль этого послѣдующаго репертуара была торжествомъ Яковлева. Въ царствованіе Павла и въ первые два года царствованія Александра I блестящими ролями Яковлева были: Магометъ (Вольтера), Юпитеръ («Амфитріонъ», Мольера), Безрассудовъ («Преступникъ отъ игры», комедія Ефремова), Димитрій Самозванецъ (Сумарокова), Ярбъ (Дидона), Францъ («Сынъ любви»), Неизвѣстный («Ненависть къ людямъ и раскаяніе»), Заморъ («Альзира», Вольтера), Беверлей Ярополкъ («Ярополкъ и Олегъ», Озерова), Любимъ («Отецъ семейства»), Графъ («Тщеславный»), Солиманъ («Три султанши»), Прямиковъ («Ябеда»), Милонъ («Слѣдствія невинной лжи»), Эрастъ («Любовная ссора»), Графъ Вальтронъ. Просматривая воспоминанія театраловъ Александровской эпохи (кн. А. А. Шаховскаго, Ѳ. В. Булгарина, С. П. Жихарева, Р. М. Зотова) находимъ единогласный отзывъ, что Яковлевъ въ драмахъ Коцебу былъ совершенствомъ! Въ «Сынѣ любви», въ «Ненависти къ людямъ» и др. онъ заставлялъ плакать весь театръ.... Эти, такъ называемыя «мѣщанскія трагедіи» Коцебу, автора, нынѣ забытаго и лишь ради глумленія вспоминаемаго, были переходомъ отъ ходульныхъ произведеній классицизма къ новой, реальной школѣ, основанной на истинномъ чувствѣ и естественности. Яковлевъ былъ прекрасенъ въ роляхъ классическаго репертуара; чугунные стихи Сумарокова въ устахъ геніальнаго артиста превращались въ золото,—но въ тогѣ, или въ вооруженіи древняго эллина, или въ нарядѣ русскаго удѣльнаго князя, Яковлевъ поражалъ величіемъ; въ гражданскомъ же костюмѣ, или въ современномъ мундирѣ—Вальтрона, Фрица, или Беверлея—онъ трогалъ зрителей до глубины души и прелесть его игры была общепонятна всей зрительской залы, отъ партера до райка. Въ голосѣ артиста звучали ноты, заставлявшія содрогаться чувствительнѣйшія фибры самаго жесткаго сердца... И въ наше время онъ былъ-бы истинно великъ въ бытовыхъ драмахъ Островскаго и его послѣдователей.

Приводимъ подлинное до нынѣ нигдѣ ненапечатанное письмо знаменитаго трагика къ близкому своему знакомому, въ Москву. Оно

любопытно въ двоякомъ отношеніи: какъ матеріалъ для исторіи театра и какъ памятникъ воззрѣній Яковлева на тогдашнюю театральную администрацію, на искусство и на закулисный міръ. Писано оно довольно четкимъ почеркомъ съ неизбѣжными, такъ сказать, общепринятыми въ тѣ времена орѳографическими ошибками:

12-го сентября 1802 года.

«Милостивѣйшій мой государь Алексѣй Николаевичъ! Нижайше благодарю, что вы и въ отдаленіи будучи меня не забываетѣ. Я надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ моемъ доброхотствѣ и желаніи вамъ всякаго благополучія, слѣдовательно и распространяться объ этомъ не для чего.

«А мы, бѣдные, все еще подъ тѣмъ-же ярмомъ, подъ которымъ были и при отъѣздѣ вашемъ. Когда-то судитъ Богъ избавиться лихова командира! Жалованье наше нынѣ остановилось и подъ рукою сказываютъ, что надолго. Вотъ тѣ и экономія! Александра Львовича [1]) ожидаютъ въ ноябрѣ; а между тѣмъ (какъ въ «Недорослѣ» сказано) онъ (т. е. лихой-то командиръ) и въ три часа напроказитъ столько, что вѣкомъ не поправишь. Что дѣлать: терпи горе, да пей медъ.

«Господа Московскіе [2]) лишь дали себѣ въ бенефисы: «Ромѣо и Юліо» и «Эйлалію Мѣйнау [3]) какъ въ тотъ-же вѣчеръ Г. Майковъ [4]) и объявилъ ихъ запрещенными товарами. Онъ теперь самъ и цензорскую должность занимаетъ. А. Клушинъ, видя себя отъ всего отрѣшеннымъ, сказывается больнымъ и всіо сидитъ дома, а мѣжду тѣмъ, посредствомъ говорильныхъ и зрительныхъ трубъ, всіо видитъ, всіо слышитъ, что въ школѣ и въ конторѣ ни дѣлается. И

---

[1]) Нарышкинъ (1760 † 1826). Александръ Львовичъ былъ директоромъ Императорскихъ театровъ съ 1799 по 1814 годъ. Изъ рукописнаго журнала А. В. Каратыгина явствуетъ, что этотъ періодъ времени былъ во всѣхъ отношеніемъ тяжелымъ для театра по совершенной неурядицѣ.

[2]) Яковлевъ говоритъ о пріѣзжавшихъ изъ Москвы: актерѣ Шушеринѣ и актрисѣ Сахаровой.

[3]) Бенефисъ Шушерина („Ромео и Юлія") былъ 27-го августа, бенефисъ Сахаровой—1-го сентября.

[4]) Аполлонъ Александровичъ Майковъ (умеръ въ 1830-хъ годахъ) съ 1802 года былъ старшимъ членомъ репертуарной части, а съ 1821 по 1825 г. былъ директоромъ Императорскихъ театровъ. Въ „Русской Старинѣ" (Записки П. А. Каратыгина) приведены многія характеристическія черты г. Майкова.

П. К.

я думаю, что онъ, изъ всего сочиня экстрактъ поднесетъ его А. Львовичу. Марья-же Алексѣевна, и безъ Клушина экстракта всѣ подробности знаетъ, какъ и для чего въ школѣ давалися спектакли, кто и чѣмъ дарилъ дѣвушекъ и проч. и проч. А всіо это служитъ къ паденію мизирнова нашева колосса! Вотъ уже пятый дѣнь колотитъ его лихорадка. Это не даромъ. Ну! да съ нами крѣстная сила! надъ нимъ и трясися!

«Милостивой моей государынѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ! искреннѣе, глубочайшѣе и нижайшѣе мое почтѣніе и чистосердѣчная благодарность за припасеніе стихами! Есьли онѣ не по правиламъ поэзіи, то надѣюсь, что по правиламъ чистосердѣчія. А потому драгоцѣннѣе и пера Ломоносова.

«Федору Алексѣевичу желаніе: весело играть, однако-жъ и наукъ не забывать!

«Такъ какъ я не вожуся ни съ политикою ни съ Министѣріею, то мнѣ болѣе и писать нечего.

«Сегодня играютъ «Мисъ Сара Сампсонъ» и при ней па де труа, въ которомъ Вальберхъ, Колосова и Бѣрилова танцуютъ [1]). 16-е число сего мѣсяца Колосовой бенефисъ, будетъ играна: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» и балетъ «Дизертіоръ». Эйлалію играетъ сама Колосова [2]); Богъ знаетъ, что вздумалось. Александра Дмитріевна [3]) благодаритъ за напоминаніе объ ней и посылаетъ съ симъ чувствительнѣйшую благодарность.

«Приложенные стишки [4]) писаны отъ скуки. Прошу ихъ прочесть когда на досугѣ.

---

[1]) Евгенія Ивановна Колосова († 1869) знаменитая баллерина и танцовщица, мать трагической артистки Александры Михайловны Каратыгиной.

[2]) Это была первая и послѣдняя попытка Е. И. Колосовой на драматическомъ поприщѣ. Явленіе далеко не рѣдкое въ тѣ времена. Драматическіе артисты играли въ операхъ, балетные—въ комедіяхъ и водевиляхъ. Благодаря этому, труппа обогащалась многими талантами, которые при перемѣнѣ амплуа попадали на истинное свое призваніе (Н. О. Дюръ, В. И. Рязанцевъ и нѣкоторые другіе).

[3]) Александра Дмитріевна Каратыгина († 1859) жена Андрея Васильевича, мать знаменитаго нашего трагика Василія — и водевилиста, Петра, Андреевичей.

[4]) Многія изъ стихотвореній Яковлева были замѣчательны по мысли, чувству и правильной версификаціи. Особенное вниманіе читающей публики обратили на себя двѣ оды: „На кончину Екатерины II“ и „На восшествіе на престолъ Павла I“. Первая изъ нихъ, могла назваться своего рода гражданскимъ подвигомъ: кончину великой монархини не дерзнулъ воспѣть даже и Г. Р. Державинъ; онъ отложилъ свои сѣтованія до воцаренія Александра I, когда съ воздаяніемъ похвалъ Екатеринѣ II не было сопряжено никакихъ непріятностей. П. К.

«За симъ пожелавъ паки и паки всѣхъ возможныхъ благъ, имѣю честь пребыть какъ и прежде вашимъ доброжелателемъ и покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Яковлевъ».

Обзоръ послѣдующихъ ролей «яковлевскаго репертуара» съ 1802 по 1817 годъ былъ-бы сухимъ перечнемъ трагедій и комедій нынѣ совершенно забытыхъ и неизвѣстныхъ читателямъ. Въ 1804 году дебютировалъ другъ дѣтства Яковлева—Жебелевъ[1]) принятый на сцену, но никогда и ничѣмъ особеннымъ не выдѣлявшійся изъ ряда посредственности. Бывшіе друзья-дѣтства, будучи товарищами по театральному поприщу, могли назваться альфою и омегою сценическаго искусства. Но Яковлевъ до самой своей смерти сохранялъ къ Жебелеву чувства нѣжнѣйшей пріязни; на рукахъ Гриши Жебелева онъ и скончался. По своему характеру, высокимъ душевнымъ качествамъ и по самымъ недостаткамъ, Яковлевъ могъ назваться типомъ—русской «широкой натуры». Безгранично добрый, мягкосердый, онъ готовъ былъ отдать неимущему послѣднюю копейку, но и ее-же готовъ былъ прокутить съ разгульными товарищами. Въ этихъ загулахъ (къ несчастію довольно частыхъ) Яковлевъ губилъ свой талантъ и здоровье, подрывая вмѣстѣ съ ними и уваженіе къ себѣ публики. Много ходило смѣшныхъ анекдотовъ о великомъ трагикѣ и о его проказахъ во хмѣлю. Такъ, однажды, ѣдучи на удалой тройкѣ съ товарищами изъ «Краснаго кабачка», онъ назвался на заставѣ «Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, княземъ Московскимъ» и едва не попалъ въ крѣпость за эту шутку. Случалось ему являться и на сцену съ голосомъ, охрипшимъ отъ попойки. Вспыльчивый до бѣшенства, онъ быстро остывалъ и всегда, сознаваясь въ своей винѣ, просилъ прощенія у обиженнаго; чуждый высокомѣрія, весьма часто присущаго таланту, Яковлевъ былъ ласковъ и обходителенъ со всѣми товарищами—отъ сверстниковъ до послѣдняго фигуранта. Минута увлеченія рѣшала у этого человѣка вопросы жизни. Женился онъ экспромтомъ. Какъ-то лѣтомъ, 1815 года, проходя мимо оконъ квартиры отставнаго камеръ-музыканта Ивана Θедоровича Ширяева, онъ увидалъ его хорошенькую 17-ти лѣтнюю дочь Катеньку и завернулъ къ старику. Обрадованный Ширяевъ не зналъ, какъ принять дорогаго гостя, который самъ попросилъ подать ему стаканъ вина,

---

[1]) Въ журналѣ А. В. Каратыгина подъ 1804 г. значится 9-го ноября—1-й дебютъ Жебелева въ „Магометѣ“, роль Сеида; 15-го, 2-й дебютъ, комедія „Бобыль“, роль Матвѣя, 17-го, 3-й дебютъ „Титово милосердіе“, трагедія—роль Секста.

но не иначе какъ изъ рукъ молоденькой хозяйки и не иначе какъ съ ея поцѣлуемъ «на-закуску». Желаніе Яковлева было исполнено: осушивъ стаканъ, онъ поцѣловалъ переконфуженную дѣвушку и, сказавъ ея отцу:

— Ну, старина, благословляй! подвелъ ее за руку къ Ширяеву.

Обомлѣлъ старикъ, принимая слова Алексѣя Семеновича за шутку.

— Нѣтъ, другъ, съ чувствомъ отвѣчалъ артистъ—такими вещами не шутятъ, а честную дѣвицу, зря, не цѣлуютъ. Я женюсь на Катинькѣ.

Черезъ нѣсколько дней они были обвѣнчаны. Катерина Ивановна Яковлева, женщина честнѣйшихъ правилъ и рѣдкаго благородства, не могла назваться счастливою женою; но Яковлевъ былъ счастливѣйшимъ мужемъ [1]), находя въ своей женѣ добраго друга, примѣрную хозяйку и заботливую попечительницу...

На страницахъ «Русской Старины» («Записки П. А. Каратыгина»), сохранено нѣсколько разсказовъ объ Алексѣѣ Семеновичѣ и въ нихъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отразилась симпатичная личность великаго артиста. Года за два, или за три до смерти, Яковлевъ, въ припадкѣ бѣлой горячки, перерѣзалъ себѣ горло, но былъ спасенъ, благодаря своевременно поданной помощи. «Эта грустная катастрофа» (разсказываетъ П. А. Каратыгинъ) «въ тотъ-же день сдѣлалась извѣстна всему Петербургу. Всѣ классы общества были проникнуты горячимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ къ своему любимому артисту. Старшіе воспитанники театральнаго училища, днемъ и ночью дежурили у него на квартирѣ въ теченіе шести недѣль, и я помню, по разсказамъ моего отца, что когда по выздоровленіи Яковлевъ вышелъ въ первый разъ на сцену въ роли Ярба (въ трагедіи «Дидона» г. Княжнина), то восторгъ публики дошелъ до изступленія: театральная зала дрожала отъ рукоплесканій и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ему было невозможно начать своей роли. Наконецъ крики и рукоплесканія умолкли, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали услышать снова знакомые звуки голоса своего любимца. Онъ силился произнести первый стихъ—и не могъ. Растроганный до глубины души, артистъ, можетъ быть, въ эту торжественную минуту вполнѣ сознавалъ свою вину. Голосъ его оборвался; крупныя слезы покатились по его щекамъ и онъ безмолвно опустилъ голову! Снова раздались рукоплесканія и крики, и наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, онъ

---

[1]) Катерина Ивановна Яковлева (умерла въ 1850-хъ годахъ) то-же играла на сценѣ (utilité) и была довольно приличною актрисою.

началъ свою роль. Въ этотъ вечеръ, по словамъ его современниковъ, онъ превзошелъ себя, а восторгъ публики былъ безпредѣленъ».

Другимъ не менѣе достопамятнымъ вечеромъ было 4-е октября 1817 года: послѣднее появленіе Яковлева на сценѣ въ роли «Отелло», въ безобразнѣйшей пародіи на Шекспира, француза Дюсиса; «Эдельмону» (вмѣсто «Дездемоны») играла Александра Дмитріевна Каратыгина. «Никогда артистъ нашъ», говоритъ одинъ изъ его біографовъ [1]), не былъ такъ великъ и совершененъ, какъ на этотъ разъ. Зрители дышали его жизнью, жили его душой, чувствовали его сердцемъ; такъ было сильно очарованіе его игры и таланта... сладкіе звуки лебединой пѣсни задрожали въ металлическихъ переливахъ подъ сводами театра. Алексѣй Семеновичъ былъ весь проникнутъ своею ролью; рука его, казалось, замерла на карающемъ кинжалѣ ревниваго мавра, глаза обливались кровью мстителя; но сердце вслушивалось въ печальный звукъ, высказывавшій все предчувствіе души, угадавшей свое страшное будущее. Вдругъ синеватая блѣдность покрыла лицо артиста... шатаясь, съ помутившимся взоромъ, хотѣлъ онъ приступить къ послѣдней сценѣ, но ноги его задрожали, кровь прилила къ головѣ и онъ, безъ чувствъ, рухнулся на полъ... Почти полумертваго его отнесли домой».

Яковлевъ слегъ—и уже не вставалъ болѣе. 3-го ноября 1817 г. его посѣтилъ Дмитревскій, но больной не узналъ своего учителя и благодѣтеля: онъ былъ въ бреду и тревожно метался въ постели...

— Алексѣй, произнесъ Иванъ Аѳанасьевичъ, рыдая—кто-же намъ останется, когда и ты идешь въ лучшій міръ? Кто поддержитъ нашу трагедію... Театръ погибнетъ...

Въ глазахъ больнаго сверкнулъ прощальный лучъ угасающей жизни, и громкимъ голосомъ онъ произнесъ стихъ изъ «Димитрія Донскаго»:

„Языки вѣдайте: великъ россійскій Богъ!“

И—геніальнаго артиста не стало... Послѣ него остались вдова, съ малолѣтними дѣтьми, сыномъ и дочерью, безъ всякаго состоянія. Театральное начальство сочувственно отнеслось къ ихъ бѣдственному положенію и въ декабрѣ того-же 1817 года назначило въ пособіе имъ бенефисъ, съ участіемъ Дмитревскаго. Само собою разумѣется, что сборъ, хотя и значительный, не могъ обезпечить ни вдовы, ни сиротъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, избавилъ ихъ отъ стыда просить милостыню. Вдовѣ Яковлева не было выдано ни единовременнаго пособія,

---

[1]) Ѳ. А. Кони (см. „Пантеонъ“, на 1851. Январь, стр. 18).

ни пожизненной пенсіи; а историки говорятъ, что златой вѣкъ Александра I обиловалъ меценатами, покровителями отечественныхъ талантовъ... забываютъ прибавить къ этому: женскаго пола и балетныхъ, либо оперныхъ: ими дорожили, а истинные артисты, подобные Яковлеву, были дешевы, какъ явленія обыденныя и заурядныя.

А. С. Яковлевъ схороненъ на Волковомъ кладбищѣ; трудно ручаться за цѣлость его могилы: въ теченіе шестидесяти трехъ лѣтъ, она могла быть и упразднена. На скромномъ памятникѣ была начертана эпитафія—единственное удачное произведеніе покойнаго Бориса Михайловича Ѳедорова:

„Завистниковъ имѣлъ, соперниковъ—не зналъ!“

Въ дополненіе къ нашему біографическому очерку знаменитаго артиста приводимъ его стихи, написанные въ 1810 году и могущіе быть названными автобіографіею Яковлева:

Стой, помедли, солнце красное,
На часокъ не меркни свѣтлаго,
Ты лица не крой блестящаго
Въ хладной влагѣ моря синяго.
Не взойдешь уже ты болѣе
Для моихъ очей слезящихся,
Се, врата предъ мною къ вѣчности!
Я готовъ, стопою смѣлою,
Сдѣлать шагъ ко неизвѣстности...
Для счастливыхъ и день пасмурный
День утѣхъ и наслажденія;
Для объятаго-же скорбію
День безоблачный—все та-же ночь.
Двухъ годовъ я отъ рожденія
Былъ несомъ за гробомъ отческимъ;
На осьмомъ за доброй матерью
Шелъ покрыть ее сырой землей!
Горько, горько сиротою жить
И рукой недружной, чуждою
Быть взрощаему, питаему...
И на лонѣ нѣжной матери
Не слыхать названій ласковыхъ!

Пролетѣли дни младенчества,
Наступили лѣта юности,
Рѣзвой, пылкой и мечтательной!
Но во градѣ, что роднымъ считалъ,
Я пришлецъ былъ мало знаемый;
Я искалъ сердецъ чувствительныхъ,
Находилъ сердца холодныя,
И повсюду видѣлъ облако

Думы полное и мрачное!
Такъ летѣло время быстрое,—
Другъ и недругъ перемѣнчивый,
Къ одному ко мнѣ, несчастному,
Въ непріязни постоянное.
Тутъ узрѣлъ я, въ женахъ рѣдкую
И мое вдругъ сердце темное
Красотой ея небесною,
Какъ свѣтиломъ, озарилося.
Жизнь текла моя отраднѣе...
Но и тутъ судьбина лютая
Между насъ преграду крѣпкую
Создала рукою мощною:
Я, изъ бѣднаго, бѣднѣйшимъ сталъ!
Какъ вершины древъ кудрявыя,
Межъ собою ищутъ сблизиться,
Но стремленьемъ тока быстраго
Другъ отъ друга отдѣляются;
Такъ подобно рокъ жестокій мой
Мнѣ увидѣть давъ волшебницу,
Воспретилъ мнѣ быть ей спутникомъ
На стезяхъ тернистыхъ жизни сей!
Тридцать семь разъ косы жнителей
Посѣкали класы тучные,
Но во все сіе теченье лѣтъ
Я и дня не видѣлъ краснаго...
Отхожу теперь я къ вѣчности!...
Прилети, голубка нѣжная,
Взявъ птенцовъ съ собой любимѣйшихъ...
Прилети, и на дерновникъ сядь,
Что скрывать мой будетъ хладный прахъ!
Проворкуй, моя любезная,
Надъ могилою забытою,
Въ память друга, пѣснь унылую!

Сообщ. **П. Каратыгинъ.**

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ.

Письма его къ П. А. Катенину.

I.

20-го января 1825 года.

«Да проститъ меня великодушный Павелъ Александровичъ за долгое мое молчаніе; проклятыя хлопоты съ бенефисомъ съ ногъ меня сбили. Проклятая цензура «дура, каррикатура и фигура» [1]) запретила, богъ знаетъ почему, «Венцеслава» [2]) и я принужденъ былъ взять «Семирамиду»; сборъ былъ порядочный, 3500 р., но я радъ, что трагедія, въ этотъ разъ только, имѣла большой успѣхъ: до того времени всѣ ее бранили; два года назадъ она была возобновлена съ Брянскимъ [3]) и шлёпнулась съ перваго раза, и въ этомъ никто не опомнится (sic). Жандръ, Варвара Семеновна и Грибоѣдовъ восхищены, а ихъ мнѣніе, за отсутствіемъ моего Павла Александровича, я почитаю за справедливое. 4 и 5 актъ были расхлопаны удивительно! Я смѣло могу сказать, что виною успѣха былъ *я*; не смотря на давность времени, въ которое я проходилъ съ вами Арзаса, благодаря моей памяти, я все вспомнилъ и не ударилъ лицемъ въ грязь! Жаль, очень жаль, что Васъ нѣтъ здѣсь: Вы бы полюбовались на дѣло рукъ вашихъ; но это отъ Васъ зависитъ, Павелъ Александровичъ! Примите совѣтъ всѣхъ Васъ истинно любящихъ: если, какъ Вы писали и какъ я слышалъ отъ другихъ, Государь заѣзжалъ къ Вамъ нарочно и спрашивалъ хозяина, стало быть Онъ хотѣлъ посѣтить Васъ; то, мнѣ кажется, вашъ долгъ есть поблагодарить Его за это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказать слова два о вашемъ возвра-

---

[1]) Слова самаго Катенина.

[2]) Трагедія Ротру (1609 † 1650), переведенная А. А. Жандромъ.

[3]) Въ его бенефисъ въ 1822 году. П. К.

щеніи; по всему видно, что Онъ только этого и ждетъ... Что для Васъ значитъ написать десять строкъ? Неужели Вамъ не надоѣло жить съ медвѣдями? А иначе это не можетъ кончиться; неужели я съ Вами не увижусь болѣе? это горько! Но, впрочемъ, Вы лучше знаете, что Вамъ должно дѣлать; я писалъ это, слѣдуя единственно своему сердцу.

«Февраля 3-го назначается для Царской фамиліи «Пожарскій» [1]): трагедіи, гдѣ есть убійства и ужасъ, она не хочетъ видѣть. Роли этой, признаюсь, я не очень жалую, да и охотно бы отказался отъ этой чести; я буду скованъ этими несносными приличіями, тамъ все должно быть размѣрено: голосъ, жесты, шаги, лицо; а играть съ связанными руками я не мастеръ. Гр. Милорадовичъ [2]) говоритъ мнѣ все объ отправкѣ меня въ Парижъ; и этимъ также я не очень восхищаюсь; въ одномъ случаѣ оно бы могло быть мнѣ полезно и пріятно, еслибы Грибоѣдовъ, который также собирается въ чужіе края, былъ моимъ сопутникомъ; поѣхать мнѣ одному за тридевять земель, незная хорошо языка и не выѣзжавши изъ Петербурга никогда, очень неловко.

«Если къ Вамъ Колосова [3]) писала, то, безъ сомнѣнія, Вамъ извѣстна вся ея исторія и отставка? Какъ вы объ этомъ думаете? Не большая ли безразсудность подавать Государю просьбу; это не могло, ни въ какомъ случаѣ, хорошо кончиться—жаль! Вотъ бабья дружба! Семенова [4]) со смерти миротворицы Кутузовой [5]) и рветъ и мечетъ на Колосовыхъ; ругаетъ ихъ не на животъ, а на смерть—этого должно было ждать...

«Получили-ли Вы книги и табакъ, посланный мною Вамъ въ презентъ? Плюньте, пожалуйста, Вы на Гагариныхъ и на Вяземскихъ: перестаньте оскорбляться лаемъ этихъ мосекъ—презрѣніе и презрѣніе. Вспомните мой стихъ изъ «Добраго малаго»:

„Съ глупцами лучшее оружіе—презрѣнье“!

Весь вашъ В. Каратыгинъ.

---

[1]) По случаю помолвки в. кн. Михаила Павловича съ великою княжною Еленою Павловною.

[2]) Гр. Михаилъ Андреевичъ († 14-го декабря 1825 г.). Въ это время онъ весьма благоволилъ В. А. Каратыгину.

[3]) Александра Михайловна, черезъ два года она вышла замужъ за В. А. Каратыгина.

[4]) Екатерина Семеновна, знаменитая трагическая актриса († въ 1849 г.).

[5]) Ея свѣтлость кн. Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская, рожденная Бибикова, родилась 5 ноября 1754 † 23 іюля 1824 г. Любительница театра и покровительница талантливѣйшихъ артистовъ.

II.

Кончина Пушкина подала поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ слухамъ, изъ которыхъ большинство было приправлено всякими вымыслами и преувеличеніями... „Здѣсь много басень и выдумокъ клеветы объ этомъ несчастномъ происшествіи"—писалъ князь П. А. Вяземскій А. Я. Булгакову 5-го февраля 1837 г. (См. „Русскую Старину", изд. 1875 г., томъ XIV, (сентябрь), стр. 92—96). Тѣмъ замѣчательнѣе нижеслѣдующее письмо знаменитаго нашего трагика, писанное имъ своему уважаемому учителю Павлу Александровичу Катенину († 1853) на основаніи самыхъ правдивыхъ свѣдѣній, которыя Каратыгинъ имѣлъ возможность получить отъ лицъ, близкихъ къ А. С. Пушкину и его семейству.

„19-е марта 1837 года.

«Давнымъ давно я не имѣлъ о Васъ ни слуху ни духу, милый Павелъ Александровичъ, не зналъ навѣрно гдѣ Вы, ждалъ письма и напрасно собирался нѣсколько разъ писать на удачу, и, какъ говоритъ «Фрицъ», [1]) «все откладывалъ отъ одной недѣли до другой»— простите меня! Очень радъ вашему письму и пишу черезъ 5 минутъ по полученіи, чтобъ опять не отложить въ долгій ящикъ.... Увы! Смерть А. Пушкина—вѣрнѣе смерти! Онъ самъ предсказалъ ее себѣ въ одной изъ главъ Онѣгина—и «Младой пѣвецъ, нашелъ безвременный конецъ». Если Вамъ неизвѣстны подробности дѣла, то я разскажу Вамъ столько, сколько мнѣ самому извѣстно: Какой-то пажъ герцогини Берри... (чортъ его побери!) высланный изъ Франціи послѣ іюльской революціи, былъ принятъ въ здѣшній кавалергардскій полкъ офицеромъ; сперва ему была кличка Д'антесъ (D'Antés), но, усыновленный голландскимъ посланникомъ, сталъ называться барономъ Эккеренъ, или, какъ говорятъ солдаты на свой манеръ: «сперва былъ дантистъ, а потомъ пожалованъ лѣкаремъ»; — этотъ мусье, по привиллегіи всѣхъ французовъ, сдѣлался идоломъ всѣхъ модныхъ обществъ; тамъ встрѣтился онъ съ Пушкинымъ, сталъ къ нему ѣздить въ домъ, волочиться за его красавицей женой; злые и добрые люди это замѣтили: сказали мужу; онъ отказалъ французу отъ дому... Тотъ, въ оправданіе объявилъ, что онъ имѣетъ виды не на жену его, а на сестру его жены. Пушкинъ принуждаетъ его на ней жениться; Дантесъ женится — и черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы они дерутся! Говорятъ, что Пушкинъ получилъ по городской почтѣ нѣсколько поздравленій и дипломъ на званіе рогатаго мужа, нѣсколько копій съ него было разослано ко многимъ лицамъ. Сочини-

[1]) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Коцебу. П. К.

тель анонимныхъ писемъ до сихъ поръ неизвѣстенъ... Боже мой, какъ люди злы! Еслибъ Вы знали, какъ радовались, забавлялись на его счетъ; вездѣ толковали объ этомъ съ прибавленіями, и теперь только почувствовали ему цѣну! Поединокъ былъ на комендантской дачѣ, 27-го января, въ 5 часовъ по полудни. Разсказываютъ подробсти поединка слѣдующія: Дантесъ выстрѣлилъ тотчасъ послѣ поворота и—попалъ Пушкину въ бокъ; онъ упалъ и замочилъ пистолетъ въ снѣгу; потребовалъ другой и лежа, поддерживаемый секундантомъ Данзасомъ, бывшимъ лицейскимъ товарищемъ, выстрѣлилъ: пуля попала сопернику въ руку, пробила мякоть, уперлась въ пуговицу, скользнула по ней и только... однако-жъ Дантесъ также упалъ и, говорятъ, что Пушкинъ, обманутый его паденіемъ и радуясь успѣху, бросилъ въ него пистолетомъ. Онъ умеръ 29 января, въ 3-мъ часу по полудни, съ удивительною твердостію: оправдывалъ свою жену, твердилъ, что она тутъ не причемъ; но, кажется, немногіе вѣрятъ этому — и если она не была виновата, то была неосторожна, легкомысленна и не умѣла сберечь его. Какъ бы то ни было, а Пушкина нѣтъ очень жалко! Я тужилъ объ немъ какъ объ родномъ. Государь поступилъ по царски! писалъ къ Пушкину передъ смертью, успокоилъ на счетъ семейства, размѣстилъ его дѣтей, далъ имъ и женѣ пенсіонъ, велѣлъ напечатать его сочиненія, на издержкахъ казны, въ пользу его семейства и проч., но писать и печатать объ немъ запрещено.

«Нынѣшній и половина прошлаго года унесли много нашихъ общихъ знакомыхъ: Двухъ Пушкиныхъ [1]); Ежову, К. И. [2]), умершую въ чахоткѣ!!! M-me Bras [3]), французскую актрису, также отъ этой болѣзни хотя обѣ онѣ были при жизни—бочки. Sic transi tgloria mundi!..

«Порученія ваши я исполню въ возможной скорости, а письмо отправляю прежде, чтобы не замѣшкать опять.

«Объ театрѣ напишетъ Вамъ жена, а у меня рука не подымается. Весь Вашъ В. Каратыгинъ».

[Изъ бумагъ П. А. Каратыгина].

---

[1]) Другой Пушкинъ—графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ вельможъ своего времени—онъ скончался осенью 1836 г. отъ гангрены въ ногѣ. Знаменитая пѣвица Нимфедора Семеновна Семенова пользовалась его особеннымъ покровительствомъ.

[2]) Екатерина Ивановна Ежова, довольно хорошая актриса въ роляхъ старухъ. Сожительница князя Александра Александровича Шаховскаго.

[3]) Сусанна Бра (Suzanne Bras) неподражаемая въ роляхъ комическихъ старухъ.

Кромѣ упомянутыхъ, въ 1837 году умеръ актеръ Хотяинцевъ.

П. К.

СОСНИЦКІЙ, ЩЕПКИНЪ, РЯЗАНЦЕВЪ, АСЕНКОВА.

1800—1841 гг.

Будущему историку русскаго театра предстоитъ задача довольно затруднительная: она заключается, помимо оцѣнки сценической дѣятельности артистовъ минувшаго времени,—въ точныхъ біографическихъ о нихъ свѣдѣніяхъ и въ характеристикѣ актеровъ и актрисъ. Въ первомъ случаѣ—историку придется руководствоваться единственно печатными рецензіями, если и не всегда вѣрными и безпристрастными, то, по крайней мѣрѣ, хоть заключающими въ себѣ правдивые отзывы о впечатлѣніи, произведенномъ на публику игрою того или другаго сценическаго художника. Несравненно болѣе затрудненій историкъ встрѣтитъ при собираніи матеріаловъ для біографій и для характеристики артистовъ. Ихъ формулярные списки, кромѣ свѣдѣній о происхожденіи, о наградахъ, о числахъ и годахъ выслуги пенсій, увольненія въ отставку или кончины—иныхъ данныхъ историку не представятъ; правдивость преданій закулисныхъ болѣе нежели сомнительна: клевета, порожденная завистью, весьма часто переживаетъ добрую славу актера, или актрисы въ ихъ отношеніяхъ къ семьѣ и къ обществу. Посредственность и бездарность любятъ вообще указывать на слабости и на недостатки великихъ художниковъ—какъ людей, стараясь этимъ путемъ умалить ихъ достоинства и унизить ихъ заслуги. Вслѣдствіе этого даровитые артисты и артистки, чаще лицъ всякихъ другихъ сословій подвергаясь клеветамъ и нареканіямъ при жизни, не избѣгаютъ злословія и послѣ смерти. Самое общественное мнѣніе, какъ-то особенно зорко и чутко слѣдитъ за образомъ жизни талантливыхъ актеровъ и актрисъ внѣ сцены, и съ особеннымъ злорадствомъ указываетъ на ихъ общественныя ошибки и слабости. Эта строгость общества къ сословію артистовъ, завѣщана ему «добрымъ старымъ временемъ», когда надменное барство, взирая на актеровъ съ высоты своего величія, называло ихъ шутами и скоморохами. Такъ въ преданіяхъ нашего общества, съ первыхъ же лѣтъ основанія русскаго театра и до весьма недавняго времени, съ именами знаме-

нитыхъ артистовъ или артистокъ сопрягались рѣзкіе отзывы о ихъ нравственности: «А. С. Яковлевъ—великій талантъ,—но онъ былъ пьяница; К. С. Семенова—наша Рашель; Ристори.....но она жила съ такимъ-то; В. А. Каратыгинъ—истинный великій художникъ.....но онъ былъ скупъ; Я. Г. Брянскій—прекрасный актеръ, но любилъ карты и былъ дурной человѣкъ въ домашнемъ быту; П. С. Мочаловъ былъ украшеніемъ московской сцены.....но пилъ запоемъ» и т. д. и т. д. Вотъ тѣ отзывы, которые случалось каждому изъ насъ неоднократно слышать о вышеупомянутыхъ художникахъ, и въ данномъ случаѣ не позавидуешь ихъ славѣ: общество наше—одной рукой вѣнчаетъ лаврами, а другой—бросаетъ грязью. Слава актера, или актрисы безслѣдно исчезаетъ вмѣстѣ съ ихъ уходомъ съ житейской сцены, и вмѣстѣ съ могилою остается только воспоминаніе о нихъ, какъ о людяхъ—и всегда съ примѣсью злословія. Пришлось-бы представить очень длинный списокъ,—цѣлый синодикъ, актеровъ и актрисъ, оклеветанныхъ при жизни и не оправданныхъ послѣ смерти.... Доброе имя актера, или актрисы въ общественномъ мнѣніи то-же, что игрушка въ рукахъ ребенка: она его забавляетъ, тѣшитъ; потомъ онъ ломаетъ и бросаетъ въ грязь свою игрушку. Будущему историку русскаго театра необходимо, при составленіи біографій лицъ, прославившихся на тернистомъ, сценическомъ поприщѣ, относиться съ крайнею осмотрительностью къ изустнымъ о нихъ преданіямъ и вѣрить имъ менѣе нежели на половину, обращая особенное, пристальное вниманіе на самый источникъ преданій. Въ виду этихъ затрудненій единственною путеводною нитью могутъ служить документальныя данныя: дневники, замѣтки, письма и т. п., въ которыхъ является артистъ-человѣкъ съ присущими ему достоинствами и слабостями.

Съ цѣлію облегчить трудъ будущему историку русскаго театра, приводимъ нѣсколько разсказовъ и писемъ, служащихъ къ характеристикѣ четырехъ знаменитыхъ нашихъ сценическихъ художниковъ: Ивана Ивановича Сосницкаго, Михаила Семеновича Щепкина, Василья Ивановича Рязанцева и Варвары Николаевны Асенковой.[1]) Бóльшая часть ниже печатаемыхъ различныхъ документовъ сообщены редакціи «Русской Старины» талантливымъ артистомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ; другіе—сообщены покойными артистами: Иваномъ Ивановичемъ Сосницкимъ и Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ.

---

[1]) Фамилія Асенковой (Александры Егоровны и дочери ея Варвары Николаевны) произносилась двояко: въ публикѣ (можетъ быть для удобства выговора фамиліи при вызовахъ) говорили: Асенкова; въ закулисномъ мірѣ: Асенкова, чего придерживались и сами артистки, носившія эту фамилію. П. К.

I.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины, И. И. Сосницкій, по просьбѣ близкихъ своихъ знакомыхъ и многочисленныхъ почитателей, занялся писаніемъ «Воспоминаній», но, увы, заслуженный артистъ прекратилъ свой трудъ на первой-же страницѣ; вотъ интересная эта страница,— печатаемая здѣсь съ подлинника:

Мои воспоминанія.

— «Отецъ мой былъ польскій выходецъ, бѣдный шляхтичъ, котораго вывезъ въ Россію графъ Ильинскій и опредѣлилъ къ театру. Это было въ 1773 году. Вся тогдашняя администрація театральная помѣщалась въ лейбъ-кампанскомъ корпусѣ (гдѣ нынѣ помѣщается первый баталіонъ Преображенскаго полка). Отецъ мой былъ въ должности смотрителя за статистскою обувью; все это было у него на рукахъ, какъ-то: чулки, перчатки, башмаки, трико и прочія мелочи. Онъ помѣщался тоже тамъ; тамъ онъ и женился на дочери поручика Пущина. Я родился тамъ же въ 1794 году, февраля 18-го дня. Первое замѣчательное происшествіе, которое сохранилось у меня въ памяти (это) было то: въ царствованіе Павла Петровича, въ концѣ 1798 или въ началѣ 1799 года, одинъ изъ портныхъ, пьяный, упалъ съ верхней галлереи и убился до смерти. Доложили объ этомъ происшествіи Государю и онъ приказалъ въ 24 часа—очистить корпусъ отъ театральныхъ, что немедленно было исполнено. Кажется, тогда же и была помѣщена школа въ домъ Бороздина, гдѣ нынче Палкина трактиръ [1]). Въ этомъ домѣ и былъ я принятъ въ школу въ 1800 г., гдѣ составился комплектъ воспитанниковъ обоего пола по 25 человѣкъ, а до того было только 13. А для группъ въ балетахъ брали со шпалернаго двора ребятъ. По лѣтамъ моимъ меня нельзя было принять въ комплектъ; но какъ тогда не спрашивалось метрическаго свидѣтельства, а вѣрили на слово, (то) къ счастью моему, Кротовъ, сынъ суфлера, былъ извѣстенъ всѣмъ, потому что почти всякій день ходилъ съ отцомъ на репетицію и въ спектакль. И ему было 10 лѣтъ, а я на палецъ былъ его выше, а потому, по протекціи, поставили въ спискахъ мнѣ 9 лѣтъ—тогда какъ мнѣ не было еще 7-ми лѣтъ, а по ранжиру Кротовъ стоялъ меня ниже; я былъ 24-мъ, а онъ 25-мъ. (Имена тогдашнихъ воспитанниковъ по нумерамъ были нижеслѣдующія):

[1]) На углу Большой Садовой и Невскаго проспекта, насупротивъ Императорской публичной библіотеки (нынѣ домъ г. Таубе). П. К.

1) Супруновъ 2) Бензонъ, 3) Ежовъ, 4) Петровъ, 5) Бѣлой, 6) Ефимовъ старшій, 7) Иконинъ, 8) Кузьминъ старшій, 9) Люстихъ старшій, 10) Люстихъ младшій, 11) Помеловскій, 12) Ефимовъ младшій, 13) Кирмовъ, 14) Даниловъ, 15) Яблочкинъ, 16) Шрейдеръ, 17) Пальниковъ, 18) Долбиловъ старшій, 19) Гомбуровъ [1]), 20) Залинъ, 21) Глушковскій [2]), 22) Кузьминъ младшій, 13) Долбиловъ младшій, 24) Сосницкій, 25) Кротовъ.—Воспитанницъ не помню порядка въ №№, но назову которыхъ помню въ то время; однокашники: Исакова, Ефремова, Виноградова, Булина, Демидова, Сазонова, Черникова [3]), Карайкина, Петрова, Семенова [4]), Ежова б. [5]), Максимова, Денисова, Иконина, Сыромятникова, Белье, Вьё, Данилова [6]), Фіялова б. [7]), Фіялова м., Михельсонова, Рябчикова, Гомбурова, Прево, Герасимова...»

Здѣсь воспоминанія И. И. Сосницкаго прерываются. Не дозволяя себѣ продолжать дальнѣйшаго обзора его первоначальнаго воспитанія и начала блистательно пройденнаго артистическаго поприща, замѣтимъ, обращая исключительное вниманіе на характеристику Сосницкаго, что онъ, еслибы не былъ знаменитымъ сценическимъ художникомъ, то, безъ сомнѣнія, могъ бы прославиться, какъ отличный театральный механикъ, или какъ первоклассный учитель танцевъ. Гвардейская молодежь Александровскаго вѣка наперерывъ домогалась брать у Сосницкаго уроки въ танцованіи мазурки, въ которой Сосницкій не зналъ соперниковъ. Великій князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ (по разсказу покойнаго артиста) однажды былъ такъ доволенъ его игрою въ роли гусарскаго офицера (при чемъ Сосницкій танцовалъ мазурку), что, по окончаніи пьесы, пришелъ на сцену, разцѣловалъ артиста, и со свойственной своей живостью сказалъ:

— Сосницкій! Если бъ только моя воля... да я бы, братецъ, тебя за твою игру да за мазурку... въ штабъ-ротмистры произвелъ! Хочешь ко мнѣ въ уланы?

---

[1]) Гомбуровъ впослѣдствіи былъ однимъ изъ первыхъ фехтмейстеровъ. Онъ былъ ученикомъ Вальвиля.

[2]) Адамъ Глушковскій, балетмейстеръ московскихъ театровъ.

[3]) Софія Васильевна Черникова, вышедшая за В. М. Самойлова, мать талантливаго семейства Самойловыхъ.

[4]) Екатерина Семеновна Семенова, знаменитая трагическая актриса.

[5]) Ежова б., Катерина Ивановна, прекрасная комическая актриса, сестра Елены Ивановны Гусевой.

[6]) Марія Данилова, знаменитая танцовщица.

[7]) Фіалова—правильнѣе Віала, Александра Карловна, по первому мужу Биркина, мать пѣвицы Софіи Васильевны Биркиной (впослѣдствіи Каратыгиной).

П. К.

Помимо истинно свѣтской, изящной ловкости и рѣдкаго умѣнья держать себя на сценѣ и въ обществѣ, Сосницкій энциклопедически образовалъ самъ себя. Хотя въ досужія минуты онъ былъ не прочь поиграть въ карты (всегда въ игры коммерческія), но охотнѣе посвящалъ свободное время чтенію, или какимъ либо научнымъ или техническимъ занятіямъ. Наконецъ, всегда привѣтливый, радушный хозяинъ и рѣдкій хлѣбосолъ, Сосницкій былъ тонкій знатокъ въ гастрономіи: любилъ и умѣлъ кормить своихъ гостей съ замѣчательнымъ изяществомъ. Его субботніе обѣды памятны его друзьямъ и многочисленнымъ знакомымъ изъ всѣхъ классовъ общества.

Женился Сосницкій очень молодъ, по страсти, на дочери знаменитаго пѣвца—буффа Воробьева—Еленѣ Яковлевнѣ. Красавица собою, умная, талантливая, безгранично добрая, она, однако же, не составила счастья своего мужа и супружество Сосницкихъ (насколько позволяетъ намъ сказать уваженіе къ ихъ памяти) было неудачно: обоюдная холодность отдѣляла другъ отъ друга жену и мужа. Въ лицѣ Е. Я. Сосницкой каждый гость почиталъ хозяйку дома, дорожилъ ея милою, привѣтливою бесѣдою, но натянутость отношеній мужа къ женѣ всегда какъ то разъединяла общество, собиравшееся у нихъ въ домѣ. Эта холодность супруговъ одинаково добрыхъ, ласковыхъ, истинно благородныхъ—необъяснимая психическая задача и мы не останавливаемся надъ ея разрѣшеніемъ: причины взаимнаго равнодушія супруговъ—тайна ихъ могилы, въ которой они соединились ни вѣки. Какъ мужъ, такъ и жена избѣгали всякихъ вопросовъ знакомыхъ, при встрѣчахъ съ ними, о здоровьи кого либо изъ нихъ, т. е. если спрашивали Сосницкаго о здоровьи Елены Яковлевны—онъ всегда отвѣчалъ нехотя; въ свою очередь и Сосницкая говорила о немъ какъ о лицѣ постороннемъ. При всемъ томъ, едва какая либо серьезная болѣзнь постигала мужа, жена заботилась о немъ, какъ можетъ только заботиться добрая мать о нѣжно любимомъ ребенкѣ; ту же нѣжность и внимательность оказывалъ мужъ, когда захварывала жена. Отношенія супруговъ покажутся еще загадочнѣе, если мы скажемъ (и это подтвердятъ всѣ знакомые Сосницкихъ), что послѣ кончины Елены Яковлены (8-го января 1855 г.) мужъ ея предался порывамъ глубокой, безутѣшной скорби и въ теченіе нѣкотораго времени возбуждалъ серьезныя опасенія за свой разсудокъ: онъ, по цѣлымъ днямъ, заливался слезами и порою заговаривался. Лица, видавшія его тогда въ этомъ положеніи, конечно подтвердятъ, что отчаяніе Сосницкаго казалось проявленіемъ горькаго, поздняго раскаянія.

Была одна черта въ характерѣ Сосницкаго, свойственная вообще

людямъ нервнымъ, впечатлительнымъ; черта, къ которой близкіе знакомые артиста относились съ должною снисходительностью—но иногда непріятно дѣйствовавшая на постороннихъ лицъ. Отмѣнно вѣжливый, деликатный, Сосницкій бывалъ, по временамъ, болѣзненно щекотливъ, капризенъ, придирчивъ, придавая самой невинной шуткѣ, ему сказанной, характеръ колкости, или умышленной обиды... Но эти припадки брезгливости были непродолжительны: слѣдовавшая за тѣмъ усиленная ласковость, любезность, кротость въ обхожденіи съ потерпѣвшимъ лицомъ заставляли позабывать о недавней непріятности. Въ отношеніяхъ своихъ къ товарищамъ и сослуживцамъ, Сосницкій обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ ладить со всѣми, чуждаясь всякихъ дрязгъ и мелкихъ интригъ, которыя, къ сожалѣнію, такъ часты въ театральномъ мірѣ. Чувство зависти было ему невѣдомо; успѣхамъ товарищей онъ радовался отъ души и всегда готовъ былъ имъ содѣйствовать. П. А. Каратыгинъ разсказывалъ, между прочимъ, что когда ему была передана часть ролей Сосницкаго, въ небольшихъ комедіяхъ и водевиляхъ—и они чередовались—талантливый артистъ не только не обнаружилъ и тѣни неудовольствія, но всегда, въ случаѣ надобности, отдавалъ въ полное распоряженіе Каратыгина свой собственный прекрасный гардеробъ, состоявшій изъ гвардейскихъ мундировъ и щегольскихъ французскихъ кафтановъ, со всѣми къ этимъ костюмамъ принадлежностями. Должно замѣтить при этомъ, что Сосницкій, весьма часто, дѣлалъ себѣ костюмы и парики на свой собственный счетъ, особенно если на сцену ставились новыя пьесы историческаго содержанія, требовавшія строгаго соблюденія вѣрности данной эпохѣ. Дирекція добраго стараго времени, въ видахъ экономіи, не любила щедриться на монтировку и казенные костюмы, какъ солдатскіе мундиры, «строились» на опредѣленный срокъ.

Всѣ труппы—отъ мала до велика—уважали Сосницкаго, гордились его сотовариществомъ; въ его лицѣ для артистовъ русскаго театра какъ будто родился его патріархъ—Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій. Руководитель и наставникъ молодыхъ, начинающихъ талантовъ, опытный совѣтникъ драматическихъ писателей, при постановкѣ на сцену ихъ произведеній, неизмѣнный пособникъ успѣху каждой пьесы, въ которой онъ игралъ—таковъ былъ Сосницкій. Совершеннымъ его двойникомъ на московской сценѣ былъ М. С. Щепкинъ, связанный съ нимъ до конца жизни узами самой искренней дружбы.

Въ вышеупомянутый періодъ времени (въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ) труппы обѣихъ столицъ обиловали талантами первоклассными, которыми Москва и Петербургъ были въ правѣ гордиться. Такъ Петербургскую сцену въ 1830—1840 гг. украшали: В. А. Кара-

тыгинъ, А. М. Каратыгина, И. И. Сосницкій, Я. Г. Брянскій, П. А. Каратыгинъ, Н. О. Дюръ, А. Е. Мартыновъ, А. М. Максимовъ, В. Н. Асенкова; Москва противупоставляла имъ: П. С. Мочалова, Львову, Синецкую, Щепкина, Ленскаго, Живокини, Надежду Рѣпину...

Артисты театровъ обѣихъ столицъ были между собою въ пріязненныхъ отношеніяхъ; ни тѣни зависти, ни малѣйшаго поползновенія къ интригамъ, или проискамъ. Мочаловъ, въ бытность Каратыгина въ Москвѣ, оказывалъ ему самое искреннее уваженіе и задушевныя ласки; Ленскій былъ всегда непритворнымъ другомъ П. А. Каратыгина: размѣнивался съ нимъ водевилями, велъ самую милую, пріятельскую переписку [1]); Львова-Синецкая глубоко уважала А. М. Каратыгину; Рѣпина любила Асенкову; Живокини былъ всегда въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ къ Мартынову; что же касается до дружбы между Щепкинымъ и Сосницкимъ—неопровержимымъ тому доказательствомъ могутъ служить слѣдующія письма отъ московскаго комика къ петербургскому:

Щепкинъ—Сосницкому.

18-го іюня 1830 года.

«Письмо и денегъ сто рублей ассигнаціями я получилъ 16-го числа, на которые по желанію твоему посылаю пять фунтовъ чаю, по 15 р. за фунтъ; душевно желаю, чтобъ онъ тебѣ понравился, въ остальныхъ деньгахъ при свиданіи разочтемся. Радъ, очень радъ, дружище, что тебѣ малороссійскій край понравился, ибо признаюсь, что очень пріятно слышать лестный отзывъ о мѣстѣ своего рожденія. Дай Богъ, чтобы вояжъ твой принесъ тебѣ желаемую пользу; только, братъ, смотри: чуръ, помогать доктору, попроси его, чтобы онъ тебя не пускалъ на охоту, а то, вѣдь я знаю тебя, любезный, ты на это молодецъ.

«Посылаю тебѣ афишу о спектаклѣ, въ Нескучномъ, прочти со вниманіемъ и пожалѣй; другъ твой до сихъ поръ обязанъ боли въ ногѣ, что онъ не ломался въ семъ балаганѣ, но какъ оная прошла, то скоро достанется и на его долю ломаться, ибо я этого не могу иначе назвать: вообрази, театръ весь открытый, какъ надъ зрите-

---

[1]) О первомъ знакомствѣ П. А. Каратыгина съ Д. Т. Ленскимъ см. Воспоминанія П. А. Каратыгина—„Русская Старина“, изд. 1873 г., т. VIII, стр. 331—333. П. К.

лями, такъ и надъ сценой; задъ сцены не имѣетъ занавѣса, и примыкаетъ прямо къ лѣсу; вмѣсто боковыхъ кулисъ, врыты деревья; при малѣйшемъ вѣтрѣ не слыхать ни слова; къ тому-жъ карканье воронъ и галокъ служитъ въ помощь къ оркестру; сухаго пріюта нигдѣ нѣтъ, ибо и уборныя покрыты только холстомъ; возятъ всю школу, не смотря на дождливую погоду, туда на репетицію, а равно и дѣйствующихъ; когда дѣлали первую репетицію, то пошелъ дождь, принуждены были перервать оную часа на два и прятаться въ сырыхъ уборныхъ и потомъ продолжать на мокрой сценѣ; прибавь еще, что репетиція была въ 7 часовъ вечера и кончилась почти въ 11; съ бѣдной Виноградовой сдѣлалась лихорадка. А вчера повезли на репетицію въ самую сырую и холодную погоду; чѣмъ это кончится - не знаю. Но у меня сердце рвется, я боюсь сойти съ ума или взбѣситься, послѣднее кажется вѣрнѣй; не шутя, очень грустно, ибо это очень схоже съ звѣриной травлей. Прощай, будь здоровъ, поклонись отъ меня Стереядину; поблагодари Константина Тимофеевича за поклонъ, а ты потрудись ему отъ меня изъявить мое истинное почтеніе и поблагодари, что онъ не забылъ стараго знакомаго и попроси, чтобы онъ тебя построже держалъ въ рукахъ. Я живу въ своемъ уже домѣ, домашніе мои всѣ живы и здоровы и тебѣ кланяются, прощай! дружище, помоли Бога, чтобъ Нескучное сдѣлалось для зрителей скучно—ибо и первый сборъ былъ съ небольшимъ 1.200 р., а расходу около тысячи; что-то будетъ!

«Нынче второй спектакль тамъ, даютъ «Мельника». Прощай, Варламовъ здѣсь еще, но я, по болѣзни, не видалъ его недѣли двѣ; пользуйся моремъ, воздухомъ; однимъ словомъ, дѣлай, что хочешь, но пріѣзжай здоровымъ къ тому, кто всегда будетъ твой истинный другъ и покорнѣйшій М. Щепкинъ.

«P. S. Сергѣй Николаевичъ Мухановъ [1]) уже здѣсь и вступилъ въ должность, но я его еще не видалъ».

26-го іюля 1831 года.

«Благодарю тебя, дружище, отъ души за твое письмо, оно меня и всѣхъ домашнихъ успокоило. Слава Богу, ты поправился, и дай Богъ, чтобъ сіе письмо застало васъ здоровыхъ и благополучныхъ; но . . . . . . я ужасно золъ на Анну Матвѣевну Брянскую, за небережливость, да хорошъ и Яковъ съ своею проклятою охотою; душевно желаю, чтобы мое письмо не застало уже у васъ холеры.

«Чрезъ контору я посылаю къ тебѣ Ленскаго водевиль «Старый

[1]) Полицмейстеръ.

гусаръ», какъ ты прежде писалъ безъ нотъ; и еще на случай отправляю водевиль Ленскаго же, «Теобальдъ»; годится или для тебя или кому разсудишь уступить, а водевиль въ игрѣ очень хорошій; на комедію Ленскаго не очень надѣйся, ибо онъ, послѣ смерти жены, худо дѣйствуетъ, при всемъ томъ, я безпрестанно его понукаю. Г. Ротчевъ писалъ, что на Петербургскомъ театрѣ будетъ даваться «Тартюфъ», переводъ Г. Норова; ежели оная піеса будетъ даваться кому либо въ бенефисъ, то попроси у бенефенціанта, буде же для казны, то у дирекціи, чтобъ переписать, и пришли ко мнѣ. Она, во всякомъ случаѣ, будетъ у васъ прежде съиграна, ибо мой бенефисъ передъ самой масляной, но мнѣ бы хотѣлось получить оную заранѣе. У насъ, слава Богу, нѣтъ холеры, но много было поносовъ и прочихъ признаковъ ея, однакожъ не смертныхъ . . . . Прощай, цѣлую ручку у Елены Яковлевны, тебя цѣлую; домашніе всѣ вамъ кланяются. Будьте здоровы, это общее желаніе всѣхъ Щепкиныхъ.

«Пожалуйста, пиши».

Тайна. «Положеніе театра нашего до сихъ поръ въ виду имѣется, а мало лучшаго; хотя для меня собственно очень хорошо, но ты знаешь, что въ отношеніи къ театру я не эгоистъ; и потому страдаю, что меня связываютъ 9 лѣтъ службы, которыя кончатся въ будущемъ мартѣ, а то признаюсь, что если-бы не это и если-бы могъ получить хорошее жалованье, которое бы достаточно было вознаградить здѣшніе хорошіе бенефисы, то я перемѣстился бы къ вамъ, ибо ты самъ знаешь, что у насъ бенефисы больше. Братъ! мнѣ ужасно грустно, я нынѣшнюю ночь, какъ ребенокъ, проплакалъ, и со всѣмъ тѣмъ еще повторяю тебѣ, что мнѣ лично очень хорошо; и потому поразвѣдай поискуснѣе, есть-ли какая возможность остатокъ жизни провести съ вами, и поторопись, ибо мнѣ въ сентябрѣ надо подавать бумагу; пожалуйста, поступи посекретнѣе, ибо если это сдѣлается извѣстнымъ, то это приведетъ меня къ объясненію, котораго я избѣгаю. Прощай, братъ, жаль, очень жаль, что русскій театръ не можетъ улучшиться отъ однѣхъ желаній, собственнаго старанія и душевной любви, ибо, признаюсь, театръ у меня беретъ преимущество надъ семейными дѣлами, и, при всемъ томъ, видѣть оный слабѣющимъ день ото дня, клянусь, это для меня хуже холеры. Прощай. Жду скораго отвѣта—изорви это письмо; цѣлую тебя безсчетно и остаюсь вѣчно твой другъ и братъ М. Щепкинъ».

Каждый артистъ московской сцены, пріѣзжавшій въ Петербургъ, находилъ въ домѣ Сосницкаго привольный пріютъ, самый радушный пріемъ и родственную ласку. Заслуженный художникъ всегда умѣлъ дать такое направленіе общему разговору, которое отклоняло всякаго рода столкновенія мнѣній петербуржцевъ съ мнѣніями пріѣзжаго московскаго гостя. Покойный Д. Т. Ленскій бывалъ всегда пріятнѣйшимъ и любезнымъ собесѣдникомъ; онъ любилъ и уважалъ Сосницкаго какъ роднаго. Вообще артисты, сходясь въ домѣ Сосницкаго, соединялись въ одну дружескую семью, забывая на время непріятности, каверзы, интриги закулиснаго міра. Актеры провинціальныхъ театровъ, пріѣзжавшіе съ цѣлію дебютировать на столичной сценѣ, всегда находили въ домѣ Сосницкаго самый радушный пріемъ, а въ обхожденіи хозяина—нравственную опору, избавлявшую ихъ отъ робости и застѣнчивости.

Какъ собесѣдникъ, Сосницкій былъ чрезвычайно занимателенъ и разнообразенъ. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ его жизни память замѣтно измѣняла престарѣлому артисту, но до этого времени она сохраняла, съ мельчайшими подробностями, множество анекдотовъ изъ закулиснаго быта и всѣ важныя событія общественной жизни столицы и жизни нѣкоторыхъ замѣчательныхъ лицъ, близко знакомыхъ Сосницкому. Приводимъ два разсказа, записанныя нами лѣтъ двадцать тому назадъ, почти въ томъ самомъ изложеніи, въ какомъ мы ихъ слышали изъ устъ ветерана нашей сцены.

Вотъ разсказъ Сосницкаго о началѣ блестящаго промышленнаго поприща извѣстнаго въ свое время богача, подрядчика каменныхъ строительныхъ матеріаловъ, Василія Абрамовича Яковлева († 1848), доставившаго съ Пютерлэкской каменоломни громадный монолитъ для Александровской колонны. Отецъ его, позолотчикъ по дереву, исполнялъ значительныя работы во всѣхъ императорскихъ дворцахъ, пользуясь репутаціей человѣка честнаго, вполнѣ добросовѣстнаго. Сынъ Яковлева, не смотря на молодость, былъ его правой рукой, имѣя отъ него узаконенную довѣренность, какъ полномочный. Однажды, вскорѣ послѣ вызова подрядчиковъ къ торгамъ, на поставку гранитной глыбы для сооруженія памятника Александру I, молодой Яковлевъ пріѣхалъ въ придворную контору зимняго дворца за полученіемъ денегъ, причитавшихся за выполненіе какихъ-то работъ. Совершенно случайно онъ вошелъ въ пріемную, въ которой находились подрядчики, съѣхавшіеся для торговъ на работы по сооруженію монумента. Бо̀льшая изъ нихъ часть были именитые богачи, свѣтила промышленнаго міра, годами вдвое старше Василья Яковлева, а по

состоянію вдесятеро богаче его отца. Кто-то изъ нихъ, замѣтивъ молодаго человѣка, сказалъ съ презрительной усмѣшкой:

— Что, Василій, не на торги-ли пожаловалъ?

— А ежели-бы и такъ? откликнулся Яковлевъ.

— Скажи пожалуй! На грошъ аммуниціи, да на рубль амбиціи...

Но амбиціи у молодаго Яковлева было на милліоны. Подшучиванья надменнаго богача задѣли Василья Абрамовича за живое. Мысль вырвать подрядъ изъ рукъ милліонщиковъ мгновенно запала въ смѣтливый и изобрѣтательный умъ Яковлева, а родимое авось придало ему отваги вступить въ борьбу съ сильными противниками. Сумма денегъ, выданная ему изъ конторы, соотвѣтствовала части залоговъ, капиталы отца не только могли покрыть ихъ съ избыткомъ, но были достаточны и на первый приступъ къ работамъ. Невозможно описать досады, негодованія, ярости подрядчиковъ, когда Яковлевъ, такъ сказать «съ оника», объявилъ скидку съ общей суммы подряда въ 50.000 р. ассигнаціями. Никто изъ подрядчиковъ не отважился состязаться съ молодымъ смѣльчакомъ; всѣ они отхлынули и подрядъ остался за Яковлевымъ.

Возвратясь домой, онъ разсказалъ отцу о своемъ подвигѣ. Старикъ, самолюбію котораго польстила удаль его сына, не противорѣчилъ; на другой же день Василій Абрамовичъ отправился на поиски каменоломни; она была вскорѣ обрѣтена; монолитъ, единственный въ мірѣ, былъ изсѣченъ изъ гряды гранитныхъ скалъ, перенесенъ на двѣ барки, послужившія для перевозки камня буксирнымъ пароходомъ черезъ Ладожское озеро; перевезенъ въ Петербургъ 1 іюля 1832 г., выгруженъ на берегъ 12-го числа того-же мѣсяца. Во время плаванія по озеру, суда едва не потерпѣли крушенія; но страшный штормъ далъ возможность Яковлеву выказать истинно геройскую неустрашимость и находчивость, благодаря которымъ ни монолитъ, ни одинъ изъ рабочихъ не сдѣлались добычею волнъ. Страшныя минуты, прожитыя тогда Яковлевымъ, оставили слѣды на его наружности: онъ прибылъ въ Петербургъ съ посѣдѣвшими волосами. Подрядъ, взятый Васильемъ Абрамовичемъ на доставку колонны, принесъ-бы ему значительные убытки, если-бы онъ не былъ вознагражденъ за нихъ слѣдовавшею за тѣмъ доставкою гранитныхъ глыбъ для пьедестала великолѣпнаго памятника, послужившаго основаніемъ извѣстности и громаднаго состоянія Яковлева.

Всѣ эти подробности Сосницкій передавалъ съ собственныхъ словъ самаго Яковлева; нельзя допустить, чтобы покойный В. А. хвасталъ своему другу, приписывая себѣ небывалые заслуги и потому нѣтъ причины сомнѣваться въ правдивости разсказа.

II.

Сосницкій былъ искреннимъ другомъ Василія Ивановича Рязанцева, и особенно трогателенъ былъ его разсказъ о послѣднихъ минутахъ талантливаго артиста, павшаго жертвою холеры 1831 года.

27-го іюня былъ спектакль на маломъ театрѣ, на которомъ давали водевили: «Бенефиціантъ» и «Горе безъ ума»,—послѣдній, соч. П. А. Каратыгина; въ обѣихъ піесахъ игралъ Рязанцевъ со своей обычной неподдѣльной веселостью, электрически дѣйствовавшей и на товарищей по сценѣ, и на публику—въ ту печальную холерную пору довольно малочисленную. По окончаніи спектакля, прійдя въ уборную (въ которой съ нимъ вмѣстѣ одѣвался и Сосницкій) Рязанцевъ снялъ костюмъ и, увидѣвъ у дверей квасника съ большимъ жбаномъ ледянаго квасу, съ жадностью осушилъ два стакана.

— Эхъ, Вася, замѣтилъ Сосницкій,—можно-ли распотѣвши, въ нынѣшнее время, пить холодное, да еще такую кислую бурду?..

— А что? сказалъ Рязанцевъ, не то съ недовѣріемъ, не то съ робостью. Ничего... не въ первый разъ. Надобно-же чѣмъ нибудь освѣжиться въ эту жару... я, братъ, не трусливаго десятка.

Минутъ черезъ десять друзья распростились; Рязанцевъ отправился къ себѣ на квартиру въ одномъ изъ домовъ Канонерской улицы, Сосницкій жилъ не подалеку отъ него, въ домѣ Нѣмкова, противъ тюрьмы. Часу въ пятомъ утра, 28-го іюня, слуга Сосницкаго разбудилъ его и сказалъ, что присланный отъ Рязанцева дворникъ принесъ вѣсть о внезапной болѣзни Василія Ивановича и о томъ, что онъ очень труденъ. Прибѣжавъ къ своему другу, Сосницкій нашелъ на постели, вмѣсто Рязанцева, нѣсколько часовъ тому назадъ, полнаго, румянаго, какой-то остовъ, обтянутый посинѣлой кожей, со впалыми глазами и глухимъ, хриплымъ голосомъ: холера въ волю натѣшилась своей жертвой. Единственная прислуга Рязанцева—кухарка, бѣжала, обуянная ужасомъ, и страдалецъ доживалъ послѣдніе свои часы одинокій, покинутый... Сознавая опасность своего положенія, Рязанцевъ однако-же какъ будто не догадывался, что сраженъ эпидеміей; по крайней мѣрѣ, увидя Сосницкаго, и хрипло говоря ему о своихъ мукахъ, онъ не произнесъ имени холеры, называя ее разстройствомъ желудка. Подавъ своему несчастному другу первую помощь находившимися подъ рукою домашними средствами, и отчаяваясь въ его спасеніи, Сосницкій побѣжалъ въ ближайшую цирульную и, едва достучавшись, попросилъ хозяина отпустить кого-

либо изъ учениковъ для ухода за больнымъ, предлагая за сутки 200 р. ассигн. Эта значительная сумма возбудила подозрѣніе цирульника: «не холерный-ли больной?» спросилъ онъ, и на утвердительный отвѣтъ возразилъ, чуть не выпроваживая Сосницкаго за двери: «давайте двѣ тысячи, я и тогда не отпущу ни одного изъ моихъ мальчишекъ на вѣрную смерть!» Поиски Сосницкаго за докторомъ были также безуспѣшны. Время уходило... убитый, до глубины души потрясенный Сосницкій, возвращаясь къ Рязанцеву, встрѣтилъ у воротъ, жившаго съ нимъ въ одномъ домѣ молодаго актера Семихатова. Послѣдній еще ничего не зналъ о болѣзни Рязанцева, котораго любилъ, какъ и всѣ его сослуживцы. Когда Сосницкій сообщилъ ему роковую вѣсть, благородный молодой человѣкъ, съ истинною храбростью самоотверженія, вызвался ходить за больнымъ, разумѣется, безплатно.

— Ты не боишься заразы, Давидъ? спросилъ Сосницкій.

— Никто какъ Богъ! отвѣчалъ Семихатовъ спокойно. Я же человѣкъ одинокій...

И онъ не отходилъ отъ смертнагѣ одра бѣднаго Рязанцева и вмѣстѣ съ покойною Еленою Ивановной Гусевой принялъ его послѣдній вздохъ. Вечеромъ того-же дня Рязанцевъ былъ похороненъ на холерномъ участкѣ Смоленскаго кладбища. Всѣ расходы по погребенію Сосницкій принялъ на свой счетъ, а на слѣдующій годъ соорудилъ надъ могилою своего друга красивый памятникъ [1]).

Но изъ всѣхъ товарищей и сослуживцевъ Сосницкаго, которыхъ ему было суждено пережить и проводить въ могилу, ни одна утрата не была ему такъ тяжела, какъ смерть его любимѣйшей ученицы, которою онъ гордился, какъ отецъ нѣжно-любимою дочерью. Ученица эта была Варвара Николаевна Асенкова [2]).

III.

Мать Асенковой, Александра Егоровна, была въ свое время талантливой артисткой, неподражаемой въ роляхъ субретокъ, преимущественно, мольеровскихъ комедій и вообще переводныхъ піесъ французскаго репертуара, чрезвычайно миловидная, ловкая, со свойствен-

[1]) Высокая гранитная четырехсторонняя тумба съ чугунными украшеніями и надписью: „Василій Ивановичъ Рязанцевъ, актеръ императорскихъ театровъ, род. 13-го февраля 1801 г., умеръ 28-го іюня 1831 г. отъ холеры“. Замѣчательно, что въ обѣихъ біографіяхъ Рязанцева (въ «Пантеонѣ» 1840 г. и въ «Репертуарѣ» 1840 г.) мѣстомъ его погребенія названо холерное кладбище за Тентелевой деревней.

[2]) См. о ней Воспоминанія П. А. Каратыгина, „Рус. Стар.“ изд. 1873 г. Томъ VIII, стр. 324—328. П. К.

ной типу субретки (нынѣ вымирающему), плутоватой улыбкой. А. Е. Асенкова, никогда невидавшая образцовъ этого неизбѣжнаго персонажа въ высокой французской комедіи, силою таланта и врожденной сметливости, выполняла роли субретокъ, по отзывамъ очевидцевъ, такъ, какъ никто не выполнялъ ихъ на здѣшней французской сценѣ. Желая, чтобы ея старшая дочь, Варвара, слѣдовала по тому же самому поприщу, на которомъ Александра Егоровна пріобрѣла извѣстность, она отдала малютку въ театральное училище, но не прошло и году, какъ В. Н. Асенкова была выключена «за неспособностью». По мнѣнію недальновиднаго тогдашняго начальства, на сценическомъ поприщѣ Варварѣ Николаевнѣ предстояла печальная участь затеряться въ толпѣ бездарностей, изображающихъ на театрѣ «народъ», обыкновенно говорящій хоромъ, или «гостей» — нѣмыхъ и безстрастныхъ, какъ рыба. Рѣшительный этотъ приговоръ, произнесенный директоромъ театровъ, кн. С. С. Гагаринымъ, можетъ только служить доказательствомъ ошибочности того мнѣнія, будто по способностямъ ребенка можно судить о будущемъ развитіи его художественнаго дарованія. Въ массѣ воспитанниковъ и воспитанницъ театральнаго училища было очень много дѣтей, повидимому тупыхъ, бездарныхъ, изъ которыхъ однако-же, по временамъ вырабатывались талантливые артисты. Не мало было и такихъ, которые, не смотря на задатки богатѣйшихъ способностей, обнаруживавшіеся въ дѣтствѣ, оказывались самыми посредственными и ничтожными актерами и актрисами въ послѣдствіи времени. Влеченіе къ сценическому поприщу В. Н. Асенкова обнаруживала въ отроческихъ лѣтахъ, но біографъ талантливой артистки погрѣшилъ-бы противъ истины, если-бы сталъ утверждать, что Асенкову влекла на сцену та непреодолимая сила, которую называютъ художественнымъ призваніемъ: отнюдь нѣтъ. Въ поступленіи на сцену, прежде всего, она видѣла средство помогать матери и ея многочисленному семейству. Добрая дочь, примѣрная сестра — Асенкова смотрѣла на сценическое поприще тѣми-же глазами, какими иныя бѣдныя дѣвушки смотрятъ на выгодную партію; она рѣшалась поступать на театръ, какъ рѣшаются идти за мужъ за нелюбимаго, но богатаго человѣка. Это сравненіе было однажды сдѣлано самою артисткою, въ разговорѣ съ И. И. Сосницкимъ, уже тогда, когда она была яркимъ свѣтиломъ петербургской сцены. «Но на мнѣ оправдалась пословица: «стерпится — слюбится» (замѣтила при этомъ Асенкова) и я вскорѣ страстно полюбила театръ». Любовь къ искусству и нѣжная привязанность къ роднымъ — вотъ два единственныя чувства, которыми жила Асенкова во все продолженіе артистическаго своего поприща. Обязанная развитіемъ

своего прекраснаго дарованія И. И. Сосницкому, благородная артистка всегда питала къ нему, кромѣ чувства признательности, самое глубокое уваженіе и любила его, какъ роднаго отца. Дѣйствительно, Сосницкій, ея учитель и наставникъ, въ самомъ началѣ ея артистическаго поприща, первый открылъ, какой чудный талантъ скрывается въ Варварѣ Николаевнѣ подъ безстрастною, повидимому, апатичною внѣшностью. Первый проблескъ дарованія, первую искру художественнаго творчества, Сосницкій подмѣтилъ въ своей ученицѣ, репетируя съ нею, однажды, роль «Фанни» въ драмѣ «Мать и дочь—соперницы». Эта минута рѣшила участь Асенковой и день ея дебюта—25-го января 1835 года, въ бенефисъ Сосницкаго, можно назвать началомъ новаго періода въ исторіи русскаго театра. Она дебютировала ролью Роксоланы въ переводной комедіи «Три Султанши» Фавора и въ водевилѣ «Лорнетъ», переведенномъ П. А. Каратыгинымъ. Читателямъ, конечно, не знакомы «Три султанши», нелѣпѣйшее произведеніе французскаго писателя минувшаго столѣтія, въ которомъ любимица Солимана II, Роксолана (француженка) играетъ имъ, какъ напудренная маркиза какимъ нибудь виконтомъ на красныхъ каблукахъ, или вѣрнѣе: какъ рѣзвая козочка вздумала бы играть съ тигромъ. Роль Роксоланы въ этой комедіи можетъ дать молодой дебютанткѣ возможность выказать въ полномъ блескѣ красоту, ловкость, голосовыя средства, грацію, но отнюдь не художественное творчество; создать этой роли — невозможно: единственная задача превратить французскую марьонетку въ живое существо... И эту трудную задачу В. Н. Асенкова разрѣшила какъ нельзя лучше, сыгравъ роль Роксоланы неподражаемо. Сыгранная ею въ тотъ же вечеръ роль Мины въ водевилѣ «Лорнетъ», упрочила за нею первое мѣсто единственной водевильной актрисы. Слѣдовавшими за тѣмъ піесами, въ которыхъ Асенкова продолжала свои дебюты, были: «Школа Женщинъ», «Адольфъ и Клара», «Малъ да удалъ» (первый водевиль—съ переодѣваньемъ въ мужское платье). Театральная дирекція того времени, при всей своей бюрократической холодности, сознавая наконецъ—если не громадный талантъ Асенковой, то тѣ сборы, которые могутъ доставлять спектакли съ ея участіемъ,—приняла Асенкову въ штатъ актрисъ, съ производствомъ очень скромнаго жалованья (въ февралѣ 1836 года).

Служба артистки продолжалась только пять лѣтъ, но въ эти пять лѣтъ русскій водевиль могъ смѣло состязаться съ французскимъ и Асенкова не знала соперницъ не только между русскими, но даже и иностранными артистками петербургскихъ театровъ. Массу ролей, сыгранныхъ ею, можно раздѣлить на четыре разнородныхъ группы,

изъ которыхъ каждую можно назвать гранью прелестнаго таланта высокой художницы. Къ первой группѣ принадлежатъ роли, въ которыхъ Асенкова являлась въ мужскомъ костюмѣ: въ нихъ она была неподражаема: съ ловкостью, юношеской развязностью, она умѣла соединять удивительную грацію и какую-то, ей одной свойственную, стыдливость.

Слѣдующій перечень піесъ напомнитъ театраламъ былыхъ временъ о тріумфальныхъ роляхъ Асенковой: «Свадьба Фигаро» (Харубинъ), «Гусарская стоянка» (юнкеръ Лелевъ), «Полковникъ старыхъ временъ» (де Креки), «Дѣвушка-гусаръ» (Габріэль), «Чортовъ колпачекъ» (Асмодей), «Добрый Геній» (Софья), «Пятнадцатилѣтній король» (Карлъ II)—а за тѣмъ многіе другіе водевили: Кони, Коровкина, Ленскаго—слабые въ отношеніи сценическомъ, но казавшіеся очень милыми, потому только что въ нихъ являлась Асенкова въ мужскомъ костюмѣ. Ко второй группѣ ролей, въ которыхъ талантливая артистка была не менѣе, если только не болѣе прелестна, принадлежатъ водевили, въ которыхъ она играла роли барышень, свѣтскихъ молодыхъ женщинъ, кокетокъ и наивныхъ (les ingénues). Таковы были: «Мать» (la Chaumière et son coeur)—Джени, «Отецъ, какихъ мало» (Катенька), «Ложа 1-го яруса» (Соничка), «Мирандолина», «Полюбовная сдѣлка» (Катопинская), «Мальвина», «Елена», «Новички въ любви» (Пашенька), «Ножка» (Лиза), «Дѣдушка Русскаго Флота» (Корнелія) и мн. др. Во многихъ изъ этихъ ролей, Асенкова умѣла смѣшить публику до слезъ, никогда не впадая въ каррикатуру: зрители смѣялись, подчиняясь обаянію высокаго комизма и неподдѣльной веселости самой актрисы, казавшейся милымъ, шаловливымъ ребенкомъ. Та же Асенкова исторгала изъ глазъ зрителей невольныя слезы, являясь въ роляхъ драматическихъ, которыя были третьимъ фазисомъ ея таланта. Готовясь выйдти въ драмѣ, Асенкова обращалась всегда къ доброжелательному и опытному руководству А. М. Каратыгиной, которая проходила съ юной артисткой ея роль, выясняя нѣкоторыя положенія изображаемаго дѣйствующаго лица въ отношеніи его къ прочимъ, давая совѣтъ, какъ вести сцены, требовавшія нѣкотораго навыка и выполненія особенныхъ сценическихъ условій. Ни одно изъ наставленій просвѣщенной, опытной артистки не пропадало безплодно: Асенкова пользовалась ими и, по исполненіи роли, вполнѣ сознавала громадную пользу совѣтовъ А. М. Каратыгиной и всегда выражала ей свою искреннюю признательность и глубокое уваженіе. Изъ драматическихъ ролей Асенковой нельзя не указать на Эсмеральду, Мальвину, Парашу Сибирячку и Веронику («Уголино» — Полеваго). Къ четвертому разряду ролей, исполненныхъ Асенковою безукориз-

ненно, принадлежатъ типы, созданные ею—во-первыхъ—въ высокой комедіи; во-вторыхъ—въ трагедіяхъ Шекспира. Не смотря на придирчивые отзывы рецензентовъ, она была очень хороша въ роляхъ Софьи «Горе отъ ума» и діаметрально ей противуположной роли—Марьи Антоновны, дочери городничаго въ «Ревизорѣ». Изъ ролей шекспировскаго репертуара Асенкова играла Корделію—въ «Королѣ Лирѣ» и Офелію—въ «Гамлетѣ».

Отечественная поэзія отозвалась артисткѣ, видя ее въ этой роли: ее воспѣли тогда-же два молодые поэта (Д. П. Сушковъ и Іеронимъ Южный—псевдонимъ); ея тѣнь, много лѣтъ спустя, вдохновила Н. А. Некрасова и онъ посвятилъ памяти Асенковой одно изъ задушевныхъ, глубоко-прочувствованныхъ своихъ стихотвореній.

Первые признаки смертельной грудной болѣзни обнаружились у Асенковой съ весны 1838 года. Пребываніе лѣтомъ на дачѣ въ Ораніенбаумѣ, если не принесло ей облегченія, то, можно сказать, на время отсрочило опасенія родныхъ и врачей за здоровье артистки. Владѣлецъ Ораніенбаума, покойный великій князь Михаилъ Павловичъ оказалъ Асенковой самое благосклонное вниманіе и отечески заботился объ удобствахъ помѣщенія больной, даже о доставленіи ей развлеченій. По повелѣнію его высочества, оркестръ полковой музыки въ дворцовомъ саду каждый вечеръ разыгрывалъ особенно любимыя Асенковою музыкальныя піесы; посланные изъ дворца великаго князя, весьма часто, отъ его имени освѣдомлялись о здоровьи Асенковой; при встрѣчахъ съ нею, его высочество, всегда обращаясь къ ней, распрашивалъ о здоровьи, или шутливо говорилъ о театрѣ, игрѣ артистовъ, новыхъ піесахъ и т. д. Ту-же благосклонность оказывалъ великій князь Михаилъ Павловичъ артистамъ, навѣщавшимъ Асенкову въ Ораніенбаумѣ: А. М. Максимову. П. А. Каратыгину, Н. О. Дюру (который скончался въ слѣдующемъ 1839 году), въ особенности же И. И. Сосницкому. Слѣдующее письмо къ нему В. Н. Асенковой, печатаемое здѣсь съ подлинника, служитъ доказательствомъ высокаго вниманія, которымъ великій князь удостоивалъ заслуженнаго артиста, учителя Асенковой.

(Асенкова—Сосницкому).

«Милый и добрый Иванъ Ивановичъ!

«Съ удовольствіемъ спѣшу сообщить вамъ пріятную для васъ новость. Вчера вечеромъ я была въ царскомъ саду, и его высочество Михаилъ Павловичъ почти два часа говорилъ со мною, болѣе все объ васъ, расхваливалъ васъ до небесъ, говорилъ, что онъ ужасно васъ любитъ, что вы прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ

въ мірѣ, чрезвычайно умны, и что онъ всегда находитъ особенное удовольствіе говорить съ вами, потому что это видно, что вы всегда были въ знатномъ кругу. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ было пріятно слышать отъ такой высокой особы всѣ эти похвалы человѣку, котораго я привыкла любить и уважать и всегда считать за благороднаго, умнаго, честнаго и добраго; послѣ этого разговора просто боготворю его высочество, я вижу, что онъ прекрасно умѣетъ отличать людей. Потомъ спросилъ у меня, были-ли вы на охотѣ? я отвѣчала, что нѣтъ, потому что поздно прислали билетъ, и онъ ужасно разсердился на неисправность Майкова; въ заключеніе всего просилъ меня дать вамъ знать, что онъ въ четвергъ пріѣдетъ въ Оранiенбаумъ съ маневровъ и желалъ бы очень васъ видѣть: «Скажите ему отъ меня, чтобъ онъ непремѣнно въ четвергъ ко мнѣ явился»,—и нѣсколько разъ повторилъ: «непремѣнно»! Ахъ, какъ я рада за васъ, милый Иванъ Ивановичъ, потому что такое вниманіе и любовь его высочества должно быть для васъ очень лестны. Я говорила объ этомъ Ушакову[1]) и онъ велѣлъ вамъ сказать, чтобъ вы прямо явились во дворецъ, а онъ накажетъ всѣмъ камердинерамъ тотчасъ доложить объ васъ. Я увѣрена, что вы исполните желаніе его высочества и пріѣдете къ намъ погостить подольше и тѣмъ доставите большое удовольствіе истинно васъ любящей и душевно уважающей. В. Асенкова».

«P. S. Вотъ одна дама взбѣленится, отчего ее не приглашаютъ и не считаютъ умной, тогда какъ она съ вами въ одной школѣ воспитывалась. Прощайте, будьте здоровы»!

13-го августа 1838 года Асенкова, съ обновленными силами и призрачнымъ улучшеніемъ здоровья, возвратилась въ Петербургъ, на городскую свою квартиру (у Аничкина моста, домъ Лопатина, нынѣ Семянникова). Начался зимній театральный сезонъ, богатый новыми піесами, обильный бенефисами и Асенкова, безъ всякой бережи разстроеннаго здоровья, со всѣмъ порывомъ страстной любви къ сценическому искусству, предалась ему всѣми силами души и слабаго своего организма. Атмосфера театральной залы, пропитанная копотью многихъ сотень лампъ, пылью, запахомъ скипидара, клеевыхъ красокъ, съ частымъ сквознымъ вѣтромъ за кулисами и въ уборной — много содѣйствовала возобновленію чахоточныхъ припадковъ; болѣзнь Асенковой замѣтно разгоралась. Смерть Дюра (весною

[1]) Адъютантъ Михаила Павловича.

1839 г.) произвела на артистку тяжелое впечатлѣніе. Съ наступленіемъ лѣта Асенкова опять переселилась въ Ораніенбаумъ, но пребываніе здѣсь, на дачѣ, уже не оказало никакого благотворнаго вліянія на ея здоровье—оно видимо разрушалось. . Слѣдующій 1840 годъ былъ апогеемъ сценической славы Асенковой и съ тѣмъ вмѣстѣ послѣднею вспышкою угасавшей жизни. Осенью—общая исхудалость, пятнистый румянецъ, лихорадочный огонь глазъ, измѣненіе голоса Асенковой, свидѣтельствовали о грустной истинѣ, что дни талантливой артистки сочтены и она—вѣрная добыча смерти. Однако-же душевныя силы Асенковой далеко превосходили ея физическія силы: она продолжала свое сценическое поприще съ неослабной любовью и энергіей. 2-е декабря 1840 года, по просьбѣ актрисы Шелиховой, она прелестно сыграла въ ея бенефисъ роль Софьи въ трагедіи «Добрый Геній»; передъ зрителями явился тотъ-же безподобный талантъ, но уже не та Асенкова, каковою она была три, четыре года тому назадъ... Въ послѣдній разъ она играла въ день закрытія спектаклей предъ великимъ постомъ, въ воскресенье, 16-го февраля 1841 года—роли Карла II («Пятнадцати-лѣтній король») и Пашеньки («Новички въ любви»). Вызываемая по окончаніи спектакля, Асенкова, утомленная, дурно себя чувствуя, съ привѣтливой улыбкой откланялась рукоплескавшей публикѣ; занавѣсь опустилась—и на вѣки скрыла великую артистку отъ глазъ зрителей. Открытіе театровъ послѣ святой недѣли (30-го марта), послѣдовало въ то время, когда Асенкова уже слегла на смертный одръ, на которомъ 19-го апрѣля, въ пять часовъ по полудни, испустила послѣдній вздохъ, за три часа передъ тѣмъ лишившись языка и только отрывистымъ, хриплымъ дыханьемъ еще обнаруживая признаки—не жизни, но мучительной, страдальческой агоніи...

Памятникъ надъ ея могилою, на Смоленскомъ кладбищѣ, сооруженъ по мысли, по рисунку и средствами И. И. Сосницкаго. Съ каждымъ годомъ воспоминаніе о В. Н. Асенковой изглаживалось изъ памяти публики; новыя любимицы замѣнили усопшую... Память о ней до конца своей жизни сохраняли родные Асенковой и немногіе изъ сотоварищей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежало И. И. Сосницкому, который до самой своей кончины (24-го декабря 1871 года) помнилъ свою добрую, высокоталантливую ученицу.

1876 г. **Петръ Каратыгинъ.**

ДИМИТРІЙ ТИМОФѢЕВИЧЪ ЛЕНСКІЙ

† 9 декабря 1860 г.

I.

«Онъ былъ весельчакъ и умница» говоритъ Гамлетъ Шекспира, задумчиво всматриваясь въ черепъ Іорика, вырытый изъ могилы. Эти слова, лучше всякаго инаго эпиграфа, примѣнимы къ воспоминаніямъ о Д. Т. Ленскомъ, въ тридцатыхъ и до исхода сороковыхъ годовъ занимавшемъ видное мѣсто въ драматической труппѣ московскаго театра, какъ переводчикъ множества водевилей, пѣсень Беранже, какъ веселый, пріятный собесѣдникъ, острякъ и, подчасъ, очень колкій эпиграмматистъ. На его переводы пѣсень Беранже обратилъ вниманіе Пушкинъ и поощрялъ молодаго Ленскаго продолжать свои опыты, предсказывая ему извѣстность. Переводы и передѣлки французскихъ водевилей Ленскаго были, въ большинствѣ случаевъ, удачны и многіе куплеты сдѣлались достояніемъ народныхъ пѣсенниковъ. Строгая критика обвиняла Ленскаго въ томъ, что, при передѣлкѣ французскихъ водевилей на русскіе нравы, онъ иногда жертвовалъ правдою, вводя въ нашъ бытъ и наряжая въ русское платье многіе типы, донынѣ у насъ на Руси еще не существующіе. Французскіе комми (commis, calicot, commis-voyageurs), гризетки и рантье (rentiers) подъ перомъ Ленскаго, превращались въ сидѣльцевъ гостинаго двора, въ швеекъ съ Кузнецкаго моста, и въ богатыхъ купцовъ ножевой линіи; тонкую французскую соль онъ замѣнялъ, примѣняясь ко вкусу публики, крупнымъ «бузуномъ»... Эти обвиненія, конечно, были не безосновательны; но возводить ихъ на Ленскаго могли только тѣ судьи, которые были мало знакомы съ условіями закулиснаго быта. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, водевиль былъ непремѣнною принадлежностью бенефиснаго спектакля; товарищи Ленскаго, пользуясь его услужливостью, не давали ему покоя просьбами перевести, или передѣлать какой ни-

будь французскій водевиль, преимущественно Скриба, бывшаго тогда въ полномъ блескѣ своей славы. Уступая просьбамъ бенефиціантовъ, Ленскій принимался за работу и передѣлывалъ водевиль, не затрудняясь мѣстными условіями французскаго быта, въ его примѣненіи къ русскимъ нравамъ. Если принять при этомъ во вниманіе, что передѣлка должна была «поспѣть» въ опредѣленный срокъ, то нельзя не сказать въ защиту Ленскаго, что онъ заслуживалъ полнаго снисхожденія. Всѣ тѣ изъ его передѣлокъ, надъ которыми онъ имѣлъ возможность потрудиться не торопясь, съ обдуманностію, не только въ свое время были восторженно приняты публикою, но сохранились и донынѣ между піесами текущаго репертуара отечественной сцены. Таковы передѣланные Ленскимъ: «Левъ Гурычъ Синичкинъ» (le père de la débutante), «Харьковскій женихъ», «Въ людяхъ ангелъ—не жена» и нѣк. др.

Добрый товарищъ и сослуживецъ, Ленскій, въ пріятельскомъ кружкѣ, былъ душою общества. Въ молодости онъ не чуждался веселыхъ пирушекъ, любилъ шампанское, находя въ немъ свою Иппокрену: оно развязывало ему и безъ того бойкій языкъ; рѣчь его искрилась остроуміемъ; экспромты слагались у него моментально, безъ затрудненій ни риѳмами, ни цензурой. Многіе изъ нихъ донынѣ сохраняются въ рукописяхъ близкихъ знакомыхъ Ленскаго; нѣкоторые изъ нихъ мы включимъ между нынѣ печатаемыми письмами Ленскаго къ Сосницкому [1]) Бывали у Ленскаго минуты истиннаго вдохновенія: утрата близкихъ сердцу, важное событіе въ общественномъ быту, подвигъ геройства или вопіющая гнусность — всегда затрогивали чувствительнѣйшія фибры сердца пылкаго Ленскаго и онъ выражалъ свои впечатлѣнія звучными строфами, полными огня и страсти, или куплетомъ, проникнутымъ кипучею желчью. Истиннымъ призваніемъ Ленскаго, которому онъ, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ—было поприще куплетиста (chansonnier)... Достаточно вспомнить объ отечественной цензурѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, чтобы понять, почему Ленскій не послѣдовалъ этому поприщу.

Съ Сосницкимъ онъ подружился съ 1827 года. Пріѣзжая послѣ того въ Петербургъ, онъ, подобно всѣмъ артистамъ московскаго театра, всегда останавливался въ домѣ своего радушнаго друга, отплачивая ему за-хлѣбъ за-соль и за ласку своей милой, неистощимо веселой

---

[1]) Письма сообщены редакціи „Русской Старины" талантливымъ разскащикомъ народныхъ сценъ и артистомъ И. Ѳ. Горбуновымъ; нѣкоторыя изъ стихотвореній П. А. Каратыгинымъ. Ред.

бесѣдой. Въ своихъ воспоминаніяхъ о первомъ знакомствѣ съ Ленскимъ, П. А. Каратыгинъ разсказалъ о шуткѣ, которую сыгралъ Сосницкій со своимъ московскимъ гостемъ [1]); подобнаго рода невинными мистификаціями Сосницкій очень часто подшучивалъ надъ Ленскимъ, причемъ недоумѣніе послѣдняго разрѣшалось всегда дружнымъ смѣхомъ всѣхъ присутствующихъ, которому Ленскій всегда вторилъ отъ всей души. Сосницкій никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ весельчака-постояльца, не подчиняя его своему домашнему уставу; однако-же ревновалъ Ленскаго къ его прочимъ петербургскимъ знакомымъ, особенно изъ круга молодыхъ гулякъ,—и не совсѣмъ бывалъ доволенъ, если Ленскій, на день, на два, исчезалъ изъ дому, проводя время въ неумѣренномъ весельи. Мнимое предпочтеніе кружка «забубенныхъ головушекъ» домашнему кругу Сосницкаго было непріятно хозяину. Но эти отлучки Ленскаго были слѣдствіемъ его безхарактерности: уступчивый, податливый, онъ не имѣлъ духу отказываться отъ приглашеній въ веселую, холостую компанію, а попадя въ нее, не всегда умѣлъ оставить ее въ то время, когда веселье переходитъ въ предѣлы разгула. За это Сосницкій журилъ Ленскаго, читалъ ему наставленія, которыя выслушивались терпѣливо, съ признательностью и умиленіемъ —но и забывались при первомъ-же удобномъ случаѣ.

Какъ-то у Сосницкаго былъ званный ужинъ, на который были приглашены многіе изъ его знакомыхъ, желавшихъ познакомиться съ Ленскимъ. Къ несчастію, Митя (какъ звалъ его Сосницкій) дня за два предъ тѣмъ, далъ слово какому-то пріятелю обѣдать у него на дачѣ. Пожалѣвъ объ этомъ, Сосницкій уговорилъ Ленскаго пораньше возвратиться домой, чтобы застать гостей, приглашенныхъ на ужинъ у Сосницкаго и удѣлить имъ часть вечера. При этомъ онъ выговорилъ, чтобы Ленскій, у своего пріятеля, не слишкомъ увлекался «вдовушкой Клико», и приберегъ себя для бесѣдъ съ нею за ужиномъ. Ленскій далъ слово доброму своему амфитріону быть домой къ десяти часамъ вечера и—«не черезъ чуръ веселымъ». Ужинъ у Сосницкаго обѣщалъ быть не менѣе веселъ, какъ и обѣдъ у пріятеля Ленскаго, съ тою только разницею, что веселье по обыкновенію было изящнѣе и бесѣда остроумнѣе поджидала Ленскаго. Въ числѣ гостей находился старинный пріятель Сосницкаго, Андрей Игнатьевичъ Браиловъ, рѣдкой души человѣкъ и весельчакъ - какихъ мало. Ленскій не видывалъ его въ глаза и, пользуясь этимъ, Сосницкій уговорился съ Браиловымъ подшутить надъ своимъ московскимъ другомъ. Браиловъ, по чину титулярный

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 331—333.

совѣтникъ, одаренный угрюмою, внушительною физіономіею, густыми черными бровями и не менѣе густымъ басомъ, долженъ былъ назваться настоящею своею фамиліею, но съ придачею къ ней генеральскаго чина. Не совсѣмъ вѣрный своему слову, Ленскій возвратился къ Сосницкому часу въ двѣнадцатомъ; хозяинъ, по робкому звонку въ прихожей, догадался, что его «питомецъ» не сдержалъ и второй половины своего обѣщанія и черезъ чуръ усердно «цѣловался съ вдовушкой Клико», доказательствомъ чему служилъ его румянецъ, ярче обыкновеннаго. Войдя въ гостиную, Ленскій немножко смутился и, раскланиваясь во всѣ стороны, казалось хотѣлъ, убѣжать въ свою комнату. Гости его окружили; начались рекомендаціи; Ленскаго осыпали любезностями, комплиментами, на которые онъ едва успѣвалъ отвѣчать... Наконецъ, Сосницкій подвелъ его къ Браилову, который, важно нахмуривъ брови, развалясь въ креслахъ, курилъ трубку:

— Имѣю честь, ваше превосходительство, рекомендовать вамъ артиста Ленскаго! сказалъ невозмутимо Сосницкій.

— Пріятно, очень пріятно! пробасилъ Браиловъ, кивнувъ головой и небрежно протягивая Ленскому два пальца правой руки. Странно мнѣ только, государь мой, что вы заставили ждать себя особъ, выше себя чиномъ....

— Я-съ... ваше пр-во, пробормоталъ Ленскій.

— Не хорошо-съ, не одобряю! басилъ Браиловъ. Это, государь мой, неуваженіе, незнаніе приличій...

Окончательно растерявшійся Ленскій бормоталъ какую-то нескладицу, шаркая и раскланиваясь; когда-же Браиловъ договорилъ свою строгую рацею, Ленскій отвелъ Сосницкаго въ уголъ и боязливо шепнулъ:

— Иванъ Ивановичъ... что-же это? Вѣдь это просто скандалъ.... Выговоры дѣлаетъ? Это не генералъ—а будочникъ!

Сосницкій, помирая со смѣху, схватилъ Ленскаго за обѣ руки и, таща къ Браилову, сказалъ:

— Слышите, ваше прев-во, что онъ говоритъ? Что вы на будочника похожи!

Ленскій обмеръ; пытался бѣжать—но тутъ и самъ Браиловъ, съ громкимъ смѣхомъ, обнялъ его. Послѣ того, мнимый генералъ былъ самымъ добрымъ пріятелемъ московскаго артиста. Вечеръ и часть ночи пролетѣли незамѣтно. Обѣды и вечера у Сосницкаго, особенно на которыхъ сходились Ленскій и П. А. Каратыгинъ, конечно памятны многимъ: оба водевилиста, неистощимо веселые, размѣнивались шутками, остротами, каламбурами, одушевляли присутствующихъ...

Переходимъ къ письмамъ Ленскаго, которыя были имъ писаны

къ его другу И. И. Сосницкому съ 1827 по 1859 годъ. Онѣ всего лучше могутъ дать понятіе о складѣ ума, о свойствахъ сердца и о поэтическомъ дарованіи добраго Д. Т. Ленскаго.

„14 сентября 1827 г.

Ивану Ивановичу Сосницкому [1]).

Еще два солнечныхъ восхода—
И ты летишь отъ насъ стрѣлой:
Четыре тысячи прихода
И слава—слѣдомъ за тобой!
Скажи, намъ можно-ль быть въ надеждѣ,
Что ты пріѣдешь къ намъ опять,
Что-бъ нашу публику, какъ прежде,
Своимъ талантомъ восхищать?
Скажи, порадуй обѣщаньемъ:
„Я видѣть васъ нетерпѣливъ,
„Прости—не будетъ вамъ прощаньемъ
„Въ послѣдній разъ, коль буду живъ.

Д. Ленскій.

Москва. 17 декабря 1827 г.

«Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ! Я такъ виноватъ передъ вами, что не смѣлъ даже просить у васъ прощенія, я не сдержалъ своего слова, не написалъ къ вамъ до сихъ поръ ни полслова!! Не думайте, однако-жъ, чтобъ я забылъ ваши ласки, совѣты и пріязнь: повѣрьте, я въ полной мѣрѣ чувствую ихъ цѣну. Привязанность моя къ вамъ и уваженіе къ вашему таланту никогда не могутъ истребиться въ душѣ моей: въ первой будетъ мнѣ порукою любезность ваша, а во второмъ—ваша слава.

«Зима здѣсь прескучная, всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія весны; а я тѣмъ болѣе, потому что увижу природу во всемъ ея блескѣ и въ лугахъ и на сценѣ: Сосницкій къ намъ сюда пріѣдетъ.

«Будьте счастливы и не забывайте объ истинно любящемъ васъ Сладко-Ленскомъ.

«Матушка-Максинъ свидѣтельствуетъ вамъ свое жирное почтеніе.»

---

[1]) Написаны ко дню отъѣзда Сосницкаго изъ Москвы, послѣ перваго его посѣщенія древней столицы, въ 1827 г.

„Москва. 6-го мая 1839.

Иванъ Ивановичъ! Пять милліоновъ разъ
За лѣнь мою прошу прощенія у васъ!
Ей-богу никуда я больше не гожуся:
Такимъ лѣнтяемъ сталъ, что самъ себя стыжуся.
Съ утра до вечера занятіе одно:
У Печкина [1]) сижу и пью-себѣ вино.
Привычка вредная, безъ всякаго сомнѣнья,
Достойная вполнѣ хулы и осужденья;
Но вы, мой добрый другъ, по сердцу мнѣ родня,
Такъ строго осуждать не станете меня...
Послушайте: когда кто съ пылкою душою,
Съ надеждой на успѣхъ, но брошенный судьбою,
Увидѣлъ, что его старанья и труды
Приносятъ, десять лѣтъ, лишь горькіе плоды,
Межъ тѣмъ, какъ всѣмъ другимъ фортуна улыбнулась...
Нельзя, чтобы тому немножко не сгрустнулось!
Трудиться и терпѣть—нашъ долгъ, въ томъ спора нѣтъ;
Но право тяжело быть твердымъ десять лѣтъ:
Не всякому дана такая сила духа!..
Москва! Ты добрая, но глупая старуха!
Артистъ въ Москвѣ найдетъ дорогу иногда
И деньги наживетъ, но славу—никогда!
Простите, можетъ быть, я жалобою вѣчной
Надоѣдаю вамъ, другъ добрый, другъ сердечный!
Чѣмъ на судьбу роптать, я слово вамъ даю:
Исправиться, не пить и бросить лѣнь свою.
А! Кстати о питьѣ! Шампанскаго любитель,
Всѣхъ спиртуозностей всегда я былъ гонитель,
Однако-жъ eau de menthe, что вы прислали намъ,
Я скоро выпилъ весь съ Песоцкимъ [2]) пополамъ.

---

[1]) Извѣстный въ Москвѣ трактиръ близь большаго театра, мѣсто сходокъ театраловъ, артистовъ и молодежи тридцатыхъ годовъ. П. К.

[2]) Иванъ Петровичъ Песоцкій († 1849), въ свое время, пользовался большою извѣстностью въ литературномъ и театральномъ мірѣ. Съ исходѣ тридцатыхъ годовъ, издавалъ множество переводныхъ романовъ, дѣтскихъ повѣстей, иллюстрированныхъ сборниковъ, а съ 1839 г. былъ издателемъ ежемѣсячнаго, имъ основаннаго, журнала «Репертуаръ русскаго театра», редакторами котораго были попеременно В. С. Межевичъ и Ѳ. Кони. Кромѣ того, Песоцкій былъ издателемъ хозяйственной газеты «Экономъ». Самымъ-же капитальнымъ изданіемъ Песоцкаго была: «Военная галлерея зимняго дворца»—портретовъ генераловъ 1812 года съ ихъ біографіями, написанными Михайловскимъ-Данилевскимъ и Висковатовымъ. Чрезвычайно смѣтливый, предпріимчивый и, въ литературныхъ своихъ спекуляціяхъ, удачливый, Песоцкій, въ кругу многочи-

При этомъ случаѣ въ ужаснѣйшій убытокъ
Издатель ввелъ меня. Что это за напитокъ!
Лекарство дивное! Желудокъ заболитъ:
Полрюмочки хлебнулъ, глядишь, и съ болью квитъ!
Благодарю душой за добрую посылку...
А шельма Бантышевъ [1]) всего одну бутылку
Хотѣлъ мнѣ уступить изъ присланныхъ шести:
Да я успѣлъ ужъ самъ другую унести!
Когда поможетъ Богъ и деньгами исправлюсь,
Въ іюнѣ на іюль къ вамъ въ Петербургъ отправлюсь.
Ужасно хочется увидѣть городъ вашъ:
Вотъ, такъ-бы и вскочилъ въ дорожный экипажъ,
И въ Питеръ полетѣлъ пернатою стрѣлою!
Во снѣ и на яву какъ будто предо мною
Широкая Нева, спектакли и Брюлловъ,
И Царское Село, Кронштадтъ и Петергофъ,
Гулянья, острова и корабли, и море—
И вы, мой добрый другъ, съ радушіемъ во взорѣ!

Что написать мнѣ вамъ о нашихъ новостяхъ?
Всегда одно и то-жъ у насъ въ Вѣдомостяхъ:
Балетъ и опера здѣсь водевиль и драму
Убили навсегда и опустили въ яму.
Идетъ: „Гамлетъ", „Скопинъ"—въ театръ никто нейдетъ;
„Смерть или честь" дала лишь тысячу шестьсотъ [2])
И даже самъ „Робертъ" свои теряетъ силы,
Все стало жертвою „Аскольдовой могилы".
Изъ Польши къ намъ сюда пѣвицу привезли:
Актриса—чудеса и голосъ—ай-люли!
Я, чуть было, въ бѣду, несчастный не попался
За то, что хлопалъ ей да мало восхищался,

сленныхъ знакомыхъ, слылъ за весьма услужливаго и добраго человѣка. При всемъ томъ, онъ имѣлъ неоднократно непріятныя столкновенія съ литераторами: велъ очень дерзкую печатную перебранку съ Ѳ. А. Кони, а съ Ѳ. А. Булгаринымъ имѣлъ, однажды, и «рукопашное» объясненіе. Осенью 1847 г., страдая ревматизмомъ, Песоцкій довѣрился леченію шарлатана Франчески, который вогналъ его въ чахотку, отъ которой весною 1849 г. Песоцкій умеръ. Онъ былъ похороненъ на Парголовскомъ кладбищѣ, гдѣ, на его намогильномъ крестѣ, П. А. Каратыгинымъ написана была слѣдующая эпитафія:

«Издатель романовъ, піэсъ, повѣстей,
«Песоцкій—ты кончилъ земныя страданья...
«Забытая книга: жди доли своей,
«Ты здѣсь долежишь до втораго изданья!

[1]) Извѣстный пѣвецъ; неподражаемъ былъ въ партіи Торопки въ «Аскольдовой могилѣ».

[2]) Тогда только что появилась на сценѣ драма Н. А. Полеваго. Малый ея успѣхъ Ленскій опредѣляетъ цифрою театральныхъ сборовъ при ея представленіяхъ.

П. К.

И пѣсенку сложилъ, какъ русскій Дезожье...
У насъ вѣдь есть свои talents privilégiés!
Семья моя кой-какъ живетъ да поживаетъ—
И вашей отъ души почтенье посылаетъ.
Прощайте, добрый другъ, и ненаглядный мой!
На вѣкъ вамъ преданный и сердцемъ и душой.

Дмитрій Ленскій.

P. S. Песоцкій здѣсь у насъ съ своимъ Репертуаромъ,
Какъ мелочной торгашъ на ярмаркѣ съ товаромъ.
Чуть только кто чихнетъ, ужъ онъ сейчасъ въ отвѣтъ:
„Желаю здравствовать! Угодно вамъ билетъ?
„Дешевая цѣна; отличные куплеты;
„Шесть музыкальныхъ пьесъ; приложены портреты;
„За полгода ужъ есть прекрасная статья,
„Самъ Кони сочинялъ!...“ Ужасная с...я!

Москва. 13-го мая 1839.

Иванъ Ивановичъ! Два слова:
Позвольте мнѣ представить вамъ
Михайлу Козьмича Сычкова—
И вотъ вамъ на лицо онъ самъ.
Онъ смотритъ скромною дѣвицей,
Разстался въ первый разъ съ Москвой
И производитъ торгъ пшеницей,
Родясь съ крупичатой душой.
Онъ лучшій другъ мой и пріятель,
Любимъ всей труппою у насъ,
И самый страстный обожатель
Таланта вашего и васъ.
Онъ въ Петербургѣ, какъ въ Парижѣ,
Почти не знаетъ никого;
Съ нимъ познакомившись поближе,
Вы не покинете его.—
Простите! больше ничего.

Вашъ неизмѣнный Дм. Ленскій.

(На оборотѣ):

Съ издателемъ Репертуарнымъ
Я письмецо къ вамъ настрочилъ,
И былъ-бы очень благодарнымъ,
Когда-бъ отвѣтецъ получилъ.
Еленѣ Яковлевнѣ ручки
Цѣлую мысленно сто разъ;
Жена и маленькія штучки,
Которыхъ парочка у насъ,
Поклонъ вамъ низкій посылаютъ,
Какъ добрымъ, искреннимъ моимъ,—
И точно вамъ того жъ желаютъ,
Чего вамъ хочется самимъ.

Д. Л.

(Осенью 1839 г., по возвращеніи
изъ Петербурга въ Москву).

Иванъ Ивановичъ! охотникъ вы до чаю,
И будь я с....ъ сынъ,
Когда найдете вы Лян-сипъ
Отличнѣе того, что я вамъ посылаю!
Я помню васъ, мой другъ, люблю и почитаю;
И каждый день и каждый часъ
Въ душѣ моей вашъ образъ будетъ—
А если я забуду васъ,
Тогда самъ Богъ меня забудетъ.

Ленскій.

P. S. Еленѣ Яковлевнѣ мой
Усерднѣйшій поклонъ, чуть-чуть что не земной;
Кирилловнѣ Авдотьѣ—тоже...
И всѣхъ да сохранитъ васъ Боже!
Ахъ, еслибъ знали вы,
Какъ вамъ пріѣзжій изъ Москвы
За ваши ласки благодаренъ!
что, здоровъ-ли вашъ касимовскій татаринъ? [1]).

„10-го февраля 1842 г.

«Мой добрый другъ, отецъ, братъ и все! Мой милый, высокій образецъ и чувства и искусства! Клянусь вамъ всѣмъ, что только есть для меня священнаго: не проходило двухъ дней сряду, чтобы я не вспомнилъ о васъ, мой ласковый, мой ненаглядный! И пусть преслѣдуютъ меня всѣ несчастія, если я когда нибудь забуду то радушіе и родственный пріемъ, какимъ вы удостоили меня, Иванъ Ивановичъ! Вѣрьте, тутъ не пошлыя и приторныя фразы, а голосъ благодарнаго сердца. Еще какъ-будто я вижу себя въ вашемъ кабинетѣ; еще какъ-будто-бы слышу, какъ вы меня браните, зачѣмъ я сегодня у васъ не обѣдалъ! А поѣздка наша въ Ораніенбаумъ?.. Не могу.. слезы глаза застилаютъ!

[Памяти Асенковой].

Гдѣ ты душа души, роскошная краса?
Съ тобой дни счастія пропали!
Увы! Тебя ужъ нѣтъ! Ужели небеса
Завидовать земному стали?
Какъ свѣтлая струя и въ чистомъ хрусталѣ
Она была чужда презрѣннаго, людскаго,
И какъ-же было ей жить долго на землѣ,
Когда въ ней не было земнаго!

---

[1]) Слуга Сосницкаго, поступившій къ нему въ домъ мальчикомъ и жившій у него въ домѣ много лѣтъ.
П. К.

«Простите, мой добрый! будемъ жить по прежнему, въ ожиданіи другой жизни, гдѣ, можетъ быть, встрѣтимся съ ангеломъ, который здѣсь гостилъ подъ видомъ актрисы и подъ именемъ Варвары Николаевны Асенковой. Рекомендуя вамъ подателя письма, Якова Евграфовича Сорокина, моего добраго и образованнаго пріятеля, остаюсь преданный вамъ душою Дмитрій Ленскій.

«P. S. Песоцкій ѣдетъ за границу... это просто вонъ изъ границъ! Поздравьте насъ съ новымъ директоромъ. Новому дай Богъ здоровья, а старому поменьше крысъ въ оружейной палатѣ [1]).

„Москва. 18-го августа 1842 г.

«Добрый мой другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ!

Пишу къ вамъ съ трепетомъ и страхомъ...
Священнымъ Асенковой прахомъ
Молю и заклинаю васъ:
Не почитать меня коварнымъ,
Или, что хуже во сто разъ,
Предъ дружбою неблагодарнымъ.
Въ пылу горячности порой
Я иногда совру обидно,
И послѣ предъ самимъ собой
За это мнѣ бываетъ стыдно!
Но я добро цѣнить могу,
Я помню ласки, одолженья,
Ввѣкъ буду долженъ, безъ сомнѣнья,
Но не остануся въ долгу.
Одинъ родной любить такъ можетъ,
Какъ обласкали вы меня!
За это вамъ самъ Богъ поможетъ
На грязномъ лонѣ бытія!

«Поцѣлуйте за меня ручку у Елены Яковлевны и отдайте ей въ ручки шитье, которое я ей посылаю. Другую посылку скоро отъ меня получите. Душевный поклонъ и благодарность отъ меня всѣмъ вашимъ павловскимъ обитателямъ. Вашъ до могилы Ленскій».

---

[1]) Д. с. с. Алексѣй Николаевичъ Верстовскій управлялъ конторою московскихъ театровъ съ 1842 по 1861. Предшественникомъ его директоромъ, съ 1831 до 1842 г., былъ Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.

П. К.

За тѣмъ, въ доставленномъ намъ собраніи писемъ Ленскаго къ Сосницкому—семи лѣтній промежутокъ (1842—1849), обильный многими событіями, какъ при театрѣ (смерть Мочалова, режиссера Беккера, нѣсколько дебютантовъ, дебютантокъ и т. д.), такъ и въ общественномъ и политическомъ быту (февральскій переворотъ въ Парижѣ, холера, венгерская кампанія, строгость цензуры и пр.), о чемъ Ленскій быть можетъ упоминалъ въ своихъ письмахъ, къ сожалѣнію утраченныхъ. Лѣтомъ 1849 г. Ленскій пріѣзжалъ въ Петербургъ и, по обыкновенію, погостивъ у Сосницкаго, скрѣпилъ связи дружбы и пріязни со многими изъ своихъ прежнихъ петербургскихъ знакомцевъ. По возвращеніи въ Москву, онъ опять принялся за постоянную переписку съ Сосницкимъ.

„Москва, 2-го сентября 1849 г.

«Здравствуйте мой добрый, незабвенный и неизмѣнный Иванъ Ивановичъ! Двѣ недѣли тому назадъ, извѣстный вамъ московскій мой пріятель, Василій Карповичъ Ивановъ [1]) долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ и, по этому случаю, я приготовилъ-было вамъ посылку, которую онъ у меня и взялъ и обѣщалъ вамъ доставить; но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, поѣздка эта была отмѣнена, а посылка до сихъ поръ все у него оставалась, потому что черезъ почту онъ просилъ меня ее не посылать, въ надеждѣ скоро имѣть удовольствіе лично васъ видѣть. Теперь я хотѣлъ ее послать съ Михайлой Семеновичемъ (Щепкинымъ); но такъ какъ Василій Карповичъ тоже сегодня къ вамъ отправляется, въ шестомъ заведеніи дилижансовъ, то ужъ я и рѣшился уступить ему, по первенству, исполненіе пріятнаго для него порученія. Прошу принять благосклонно ничтожную дань моей душевной вамъ признательности.

«По возвращеніи домой, я написалъ двѣ піесы: одну представилъ въ полное распоряженіе генерала (Верстовскаго), а другая есть моя собственность, и назначена мною въ мой бенефисъ, въ будущемъ октябрѣ 19-го числа. Она 16-го августа отправлена въ цензуру и называется «Минеральныя воды». Тутъ есть хорошія роли и вамъ, и Еленѣ Яковлевнѣ; такъ если вамъ угодно, можете съ піесы взять копію и заявить ее въ бенефисъ Еленѣ Яковлевнѣ. Водевиль изъ Скрибовскаго репертуара, въ 1 дѣйствіи, много куплетовъ,—о досто-

---

[1]) Умеръ лѣтъ шесть тому назадъ. Страстный любитель театра и литературы, В. К. Ивановъ писалъ рецензіи, напечаталъ двѣ или три комедіи, все очень посредственно. До страсти любилъ устные споры и упорно отстаивалъ свои мнѣнія. П. К.

инствѣ ихъ я не говорю: я дѣлалъ, какъ умѣлъ; но что касается до характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ, я увѣренъ что они понравятся и позабавятъ зрителей.

«Въ эту минуту сидитъ у меня Пино и проситъ меня передать вамъ его сердечный поклонъ. Пино, такъ-же какъ и я, никогда не можетъ забыть вашего радушія и гостепріимства.

«Поклонитесь отъ меня, пожалуйста, Еленѣ Яковлевнѣ, Авдотьѣ Кирилловнѣ и Александрѣ Михаиловнѣ [1]); также и Петрушѣ Каратыгину. Если я такъ долго къ вамъ не писалъ, такъ это потому, что у меня меньшая дочь смертельно больна и нѣтъ никакой надежды. Прощайте, мой добрый! Будьте здоровы и не лишайте всегдашняго вашего расположенія преданнаго вамъ душою Ленскаго.

«P. S. Въ случаѣ, если вы вздумаете взять копію съ «Минеральныхъ водъ», пожалуйста, постарайтесь, чтобъ цензурованная рукопись къ моему бенефису, т. е. къ октябрю, не опоздала».

„Москва, 25-го марта 1852 г.

Ивану Ивановичу Сосницкому.

За тѣ немногія, счастливыя мгновенья,
Которыми въ Москвѣ вы подарили насъ,
Примите отъ меня простыя выраженья
Признательной любви... любовь и безъ прикрасъ,
И безъ риторики—вездѣ, всегда святая
Привязанность и симпатія душъ;
А ваша намъ душа давнымъ давно родная:
Распространяться тутъ къ чему-жъ?.....

Димитрій, пьяный мужъ.

(На оборотѣ).

Сосницкаго знаютъ въ обѣихъ столицахъ,
И знаютъ въ Россіи друзья и враги;
Сосницкій талантъ, добросовѣстность въ лицахъ:
Сосницкій есть грація въ видѣ брюзги.
Радушіе, умъ, и талантъ и брюзгливость
Съ душою прекрасной въ немъ брызжутъ струей.
Къ нему невниманіе—несправедливость,
Вниманіе хуже... какъ вскрикнетъ: ой, ой! (?)

Москва.

---

[1]) Вдовѣ Василья Абрамовича Яковлева. П. К.

„Москва. 30-го марта 1852.

Христосъ воскресе! Радость намъ!..
Въ сей день великій, день прощенья,
Должны открыть мы и врагамъ
Объятія расположенья,
Христосъ воскресе имъ сказать —
И отъ души облобызать.

***

Христосъ воскресе! Добрый друже!
Ты знаешь самъ, что мы—твои,
Что любимъ мы тебя не хуже,
Чѣмъ Ленскій свѣтлое Аи...
Живи на радость намъ, нашъ милый,
И будь намъ другомъ до могилы!

***

Что нужды въ томъ, что ты брюзгливъ,
На насъ ворчишь довольно часто!
Ты благороденъ, справедливъ,
Ты добръ и любишь насъ—и баста!
И Ленскій твой, и Саломонъ
Къ тебѣ душой расположенъ.

***

Когда ты къ намъ въ Москву нежданно
Пріѣхалъ осчастливить насъ,
Ты видѣлъ самъ, нашъ гость желанный,
Изъ нашихъ рожъ, изъ нашихъ глазъ,
Изъ нашихъ словъ и изъ движеній,
Что ты нашъ другъ, нашъ добрый геній!

***

Не будемъ больше говорить
О томъ, какъ Ленскій съ Саломономъ
Должны Сосницкаго любить:
Любви не купишь милліономъ!..
Мы скажемъ лишь тебѣ одно:
Не даромъ сердце намъ дано!

***

Въ великій праздникъ Воскресенья,
Какъ братья и твои друзья,
Съ высокимъ чувствомъ уваженья
Тебя цѣлуютъ онъ и я:
Онъ, твой „амишка“ Митя Ленскій
И Саломонъ—такой-же мерзкій!

***

„Христосъ воскресе!“ той подругѣ,
Которой ты и мужъ и другъ;
„Христосъ воскресе“ той супругѣ [1])
Которой другъ нашъ былъ супругъ...
Она его не позабыла:
Не разлучаетъ ихъ могила!

***

Но много-ли такихъ есть женъ,
Какою добрый другъ нашъ Вася
Самой судьбой былъ награжденъ?
Изъ тысячей одна нашлася!
За-то и слава ей и честь:
Дай Богъ ей въ счастьи дни провесть!

Ленскій и Саломонъ.

«Въ семь часовъ вечера, въ первый день Пасхи, Ленскій является къ Саломону, читаетъ письмо Ивана Ивановича, и тутъ же за шампанскимъ отвѣчаетъ ему предыдущими стихами... Хороши они или дурны—это вопросъ, который тутъ вовсе не у мѣста: дѣло въ томъ, что они отъ чистаго сердца.

«Вѣсть о князѣ Юсуповѣ для Ленскаго была отравою въ день великаго праздника: Ленскій князя любитъ не потому, что онъ сынъ вельможи и богачъ, а потому, что онъ—человѣкъ и артистъ.

«Саломонъ получилъ деньги отъ И. С. Громова и кланяется ему, К. С. Громову и В. Т. Лаврову.

«А. В. Агапову Саломонъ передастъ отвѣтъ непремѣнно.

«Ленскій у Степанова возьметъ камешекъ и пришлетъ своему несравненному Ивану Ивановичу».

„Москва. 6-го января 1854 г.

«Спѣшу хоть какъ нибудь выразить вамъ мою радость и признательность за вашу память обо мнѣ, мой старинный и никѣмъ незамѣнимый другъ, Иванъ Ивановичъ! Мнѣ Саломонъ Степановичъ показывалъ ваше къ нему письмо и передалъ тотъ сердечный поцѣлуй, которымъ вы меня подарили. Поцѣлуй этотъ былъ спасительнымъ бальзамомъ растерзанной душѣ отца, разлученнаго съ единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни, съ дѣтьми своими. Повѣрите-ли: вотъ уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не получаю отъ нихъ никакого извѣстія изъ Одессы,—тогда какъ самъ пишу къ нимъ каждую почту и дѣ-

---

[1]) Александрѣ Михайловнѣ, вдовѣ В. А. Яковлева.

люсь съ ними послѣднею лептой! Любочка дебютировала съ большимъ успѣхомъ и любима Одессою: Володя въ первый разъ отъ роду появился на сценѣ 10-го декабря, былъ принятъ тоже очень благосклонно и вызванъ четыре раза; игралъ онъ въ водевилѣ: «Чудо нашего столѣтія» роль своего соименника, живаго и пылкаго юношу.. Но обо всемъ этомъ слышалъ я большею частью отъ моихъ товарищей и тѣхъ знакомыхъ, которые имѣютъ переписку съ Одессою, о бенефисѣ-же Любочки, бывшемъ 15-го декабря, и о дальнѣйшихъ дебютахъ Володи ни онъ, ни она, до сихъ поръ мнѣ ни строчки. Больно... неизъяснимо больно!.. Пожалѣйте обо мнѣ, добрый Иванъ Ивановичъ! Богу угодно было взять у меня мою вѣрную подругу и оставить на мое попеченіе сиротъ-малютокъ; я исполнилъ священную обязанность отца, не жалѣлъ ничего для ихъ воспитанія и образованія; отдалъ ихъ въ лучшіе пансіоны и навѣщалъ ихъ тамъ почти всякій день... но, безъ сердца матери, дѣти вѣрно не могутъ вполнѣ сочувствовать и сердцу отца! Впрочемъ, можетъ-быть и вотъ какая причина ихъ молчанія: Любочкинъ бенефисъ, какъ я слышалъ, былъ раздавленъ первыми представленіями балета, который, какъ невиданная новость, произвелъ въ Одессѣ страшный фуроръ; такъ, вѣроятно, ни опечаленная бенефиціанка, ни юноша, братъ ея, не хотятъ огорчать меня непріятною вѣстью... эхъ, дѣти, дѣти! съ кѣмъ-же, если не со мною, раздѣлите вы ваши радости и горести?

«Однако-же, оставимъ это: я думаю, что ужъ наскучилъ вамъ съ моими дѣтьми. Оба мы съ Саломономъ Степановичемъ поздравляемъ взаимно съ новымъ годомъ—и васъ, и добрую Елену Яковлевну; желаемъ вамъ отъ всей души многолѣтняго здравія и счастія—для счастія вашихъ друзей и знакомыхъ. Саломонъ Степановичъ очень сожалѣетъ, что болѣзнь помѣшала ему до сихъ поръ видѣться съ Александрою Михайловною Яковлевой; онъ искренно благодаритъ васъ за дружескій гостинецъ, который ему доставленъ въ совершенной исправности. Сельди, дѣйствительно, превосходны: вчера случилось и мнѣ ими полакомиться. Спаржу, редистку и огурчики Саломонъ намѣревается на этихъ дняхъ самъ вамъ привезти, если только здоровье и обстоятельства ему дозволятъ; въ противномъ случаѣ, онъ немедленно ихъ вамъ вышлетъ и въ такомъ видѣ, какъ будто зелень сейчасъ изъ лавки.

«Театральные сборы также и здѣсь процвѣтаютъ: зала всегда полна. Циркъ не можетъ этимъ похвалиться: что-то скажутъ представленія «Ахты», а до сихъ поръ: ахъ, увы! Знаменитую Рашель ожидаютъ сюда съ нетерпѣніемъ; абонементъ идетъ очень сильно и даже всѣ наши артисты абонировались, а въ томъ числѣ и я... но только, знаете, всѣ мы будемъ красоваться въ райкѣ, на боковыхъ лавоч-

кахъ... 6 руб. за 12 спектаклей... Дождусь если,—непремѣнно напишу вамъ о моихъ впечатлѣніяхъ.

«Погода въ Москвѣ постоянно холодная: вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ морозитъ отъ 10, 15 и даже до 28 градусовъ.

«Прощайте, мой добрый и несравненный другъ, Иванъ Ивановичъ! Еще благодарю васъ за то, что вы Митю помните—и обнимаю васъ отъ чистаго сердца. Поклонитесь отъ меня милой Авдотьѣ Кирилловнѣ и всѣмъ нашимъ товарищамъ, которыхъ только еще это можетъ хоть сколько-нибудь интересовать; въ особенности, поцѣлуйте за меня Петю Каратыгина, Васю Самойлова, Сашу Мартынова и Леню Максимова. Преданный вамъ неизмѣнно Дм. Ленскій.

«P. S. Любуясь въ новомъ календарѣ портретомъ Государя Императора, съ благоговѣніемъ взирать на его мужественныя, прекрасныя и благородныя черты, я невольно схватился за перо и написалъ слѣдующія стихи:

Къ портрету Всероссійскаго Императора,

приложенному къ календарю на новый 1854 г.

Вотъ Онъ, Руси повелитель,
Богатырь нашъ, молодецъ,
Православія хранитель,
Вѣрноподданныхъ отецъ!
Велика Его держава
И сильна рука Его:
Гордость, радость, честь и слава
Онъ народа своего!
Нашу кровь—Ему, до капли:
Да свершитъ Свои дѣла!...
Гдѣ вамъ, западныя цапли,
До Россійскаго орла!

Ленскій.

«Найдете эти стихи хоть сколько нибудь достойными священнаго имяни нашего великаго и возлюбленнаго Монарха—можете предложить ихъ «Сѣверной Пчелѣ» или «Инвалиду».

(Въ исходѣ января 1855 г.).

«Добрый и неизмѣнный другъ мой, Иванъ Ивановичъ!

«Вы не имѣли дѣтей и, стало быть, не знаете, что такое остаться вдовцомъ, съ маленькими сиротами.

«Володя мой лично разскажетъ вамъ, зачѣмъ и по какому случаю

посланъ онъ мною въ Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, вы подробно узнаете отъ него о кончинѣ давно любимаго нами общаго нашего пріятеля, Лудовика Семеновича Пино. Чувствительная потеря для театра, особливо въ теперешнее время: такого талантливаго машиниста не скоро дождутся.

«Вполнѣ увѣренъ, что вы не откажете моему юношѣ въ томъ участіи и добромъ расположеніи, какими всегда у васъ пользовался и преданный вамъ всею душою его отецъ, Дм. Ленскій.

«P. S. Передать вамъ мои чувства о горестной потерѣ, какъ для васъ, такъ и для всѣхъ, кто любитъ таланты, у меня не достанетъ ни словъ, ни бумаги, ни времени... Царство небесное и миръ праху нашей незабвенной и незамѣнимой! [1])

«Усердный мой поклонъ доброй Авдотьѣ Кирилловнѣ».

Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшой перерывъ обзора писемъ Ленскаго, чтобы разсказать два эпизода изъ его жизни, относящіеся къ 1855 г.

При всей своей восторженности и юношеской впечатлительности, Ленскій не расточалъ своихъ чувствъ, питая ихъ безъ разбора ко всѣмъ своимъ знакомымъ и сослуживцамъ. Изъ всей московской драматической труппы, онъ особенно любилъ и уважалъ П. С. Мочалова; Щепкина—уважалъ за высокій талантъ, но не любилъ какъ человѣка. Способность покойнаго Щепкина плакать и умиляться; его ласковость одинаковая со всѣми безъ изъятія; его увѣренія въ любви и въ дружбѣ каждому, едва знакомому человѣку—были не по сердцу Ленскому. При погребеніи Мочалова, въ 1845 году, Щепкинъ, заливаясь слезами, увѣнчалъ покойника лавровымъ вѣнкомъ, передъ самой той минутой, когда гробовая крыша навѣки скрыла лице артиста отъ глазъ его друзей и почитателей... Кромѣ Щепкина, оплакали Мочалова весьма многіе; но могилу его постигла общая участь мѣстъ вѣчнаго успокоенія большинства бѣдныхъ смертныхъ: «схоронили-позабыли!» И десять лѣтъ прошло со времени похоронъ Мочалова и могила его пришла въ совершенное запущеніе... Посѣщали ее очень немногіе и въ ихъ числѣ—Ленскій. Для напоминанія о покойномъ своемъ другѣ, какъ сотоварищамъ, такъ и представителямъ публики, Ленскій избралъ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Щеп-

---

[1]) Ленскій говоритъ о скончавшейся незадолго передъ тѣмъ Еленѣ Яковлевнѣ Сосницкой. П. К.

кина (весною 1855 г.). Послѣ тостовъ, поздравительныхъ стиховъ и рѣчей, которыми осыпали почтеннаго юбиляра многочисленные гости на его торжествѣ—Ленскій, вставъ со своего мѣста, прочелъ присутствовавшимъ слѣдующее стихотвореніе, вылившееся изъ глубины сердца:

Въ засохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ,
Вчера мнѣ Мочаловъ приснился...
Покойникъ вздохнулъ, прослезился—
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
„Почтилъ меня Щепкинъ во гробѣ:
„Давно ужъ въ земной я утробѣ
„Покоюсь по волѣ Христа...
„А нѣтъ надо мной и креста!
„Травой заросла вся могила
„И трудно дойти до нея...
„Москва обо мнѣ позабыла,
„А я былъ любимецъ ея!“...
И такъ, благородные гости,
Внемлите вы просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости,—
Поставимъ ему мавзолей
Пусть каждый, кому что угодно
Подпишетъ по волѣ своей,
И кончимъ тогда благородно
Мы щепкинскій нашъ юбилей!

Не знаемъ, подѣйствовали-ли стихи Ленскаго на присутствующихъ, или голосъ его былъ «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»; точно такъ-же какъ не знаемъ и того: помнитъ-ли кто изъ жителей Москвы мѣсто погребенія «ея любимца», и есть-ли надъ нимъ памятникъ...

Предыдущіе стихи на юбилеѣ Щепкина могли непріятно подѣйствовать на виновника торжества—какъ грустный, заунывный аккордъ среди веселой музыкальной піесы. За то стихотвореніе, написанное Ленскимъ другу его И. И. Сосницкому, дышетъ чувствами глубокаго уваженія и любви:

Москва. 27-го октября 1856.

Мой добрый, старый другъ! Взглянувъ на вашъ портретъ,
Что мнѣ прислали вы, я чуть не прослезился—
И самъ себѣ сказалъ: „въ послѣднія пять лѣтъ
„Какъ мой Сосницкій измѣнился!
„Легла на немъ печать тоски и сиротства:
„Тяжка подъ старость жизнь бездѣтнаго вдовства!..“

Но вспомните, что вамъ остались въ утѣшенье
Знакомыхъ и друзей любовь и уваженье;
Вы, славный вашъ талантъ
Пронырствами не омрачали -
И всѣмъ товарищамъ всегда добра желали.
Пускай-себѣ иной семейный интригантъ,
Торгуя сердцемъ и душою
Хлопочетъ стать превыше всѣхъ
Незаслуженною журнальною хвалою,
И топчетъ въ грязь другихъ: одинъ лишь жалкій смѣхъ
Онъ оставляетъ за собою...
Ему—уха и юбилей,
А вамъ—признательность людей!

Ленскій.

Съ какою радостной любовью
Увидѣлъ вашъ портретъ Володя, мой птенецъ!
Любовь къ вамъ перешла къ нему съ моею кровью,
Вы для него второй отецъ.
Онъ въ глубинѣ души хранитъ воспоминанье
О вашемъ въ Павловскѣ радушномъ обниманьи.
Да, да! чуть не забылъ: усатый Саломонъ
Просилъ вамъ передать спасибо и поклонъ!

„Москва. 30-го марта 1857.

«Простите, если немного опоздалъ исполненіемъ вашего порученія, добрый другъ, Иванъ Ивановичъ. По пріѣздѣ домой, дня три не могъ оправиться отъ проклятой качки и безсонницы на желѣзной дорогѣ. Что дѣлать! видно ужъ моя натура такая: не суждено мнѣ быть кондукторомъ!

«По прилагаемому при семъ нумеру, получите вы, на станціи желѣзной дороги, лубочную коробку съ баранками, заказанными мною лично у одного изъ лучшихъ здѣшнихъ пекарей, по данному вами образцу. Не полагаясь, навѣрное, угодитъ-ли мастеръ по вкусу, я изъ предосторожности нарочно велѣлъ приготовить двухъ сортовъ: ванильныхъ и лимонныхъ и переложить ихъ листомъ бумаги.

«Въ полной надеждѣ, что вы и всѣ окружающіе васъ, наши добрые знакомые, слава Богу, живы и здоровы, свидѣтельствую и вамъ и имъ мое нижайшее почтеніе и душевную признательность за ласковый пріемъ. Желаю вамъ всѣмъ весело встрѣтить и проводить Свѣтлый праздникъ. Преданный вамъ навсегда, Митюха Л.....

«P. S. Саломонъ вамъ кланяется. Я ему говорилъ о маслинахъ. Впрочемъ, здѣшній извѣстный колоніальный торговецъ Егоровъ, имѣю-

щій сношенія съ вашими Елисѣевыми, сказывалъ мнѣ, что у нихъ есть теперь маслины высшаго достоинства.

«Пѣсни мои изъ Беранже, какъ только выручу изъ когтей пріятеля, который кажется намѣренъ ихъ зачитать, сейчасъ же буду вамъ препровождать постепенно. Будьте увѣрены, въ этомъ случаѣ я не въ Петю Каратыжку [1]), который обѣщалъ мнѣ свои стихи къ Пузину, да такъ съ брюхомъ и оставилъ.

«Саломонъ все-таки просилъ, чтобъ вы не торопились запасаться маслинами: онъ знаетъ какія вамъ надобно и непремѣнно доставитъ. Александрѣ Матвѣевнѣ Огаревой [2]) и Елисаветѣ Матвѣевнѣ Юангъ [3]) скажите, что у меня отведена имъ квартира въ моемъ сердцѣ въ бель-этажѣ, гдѣ онѣ и ихъ превосходные мужья всегда найдутъ также, какъ и вы, если не роскошный, то, право, радушный пріемъ».

„Москва, 19-го декабря 1859 г.

«Здравствуйте, мой добрый и многоуважаемый другъ, Иванъ Ивановичъ! Ради Бога, не сердитесь, что я такъ долго не отвѣчалъ вамъ на ваши письма, гдѣ вы возложили на меня самое лестное и пріятное порученіе: не смотря на то, что оно доставлено было ко мнѣ двумя недѣлями позже, все-таки я въ точности его исполнилъ. Портреты ваши всѣ розданы по назначенію—и всѣ въ восторгѣ отъ вашего безцѣннаго подарка. Что же касается до опредѣленнаго мнѣ, съ незабвенною и завидною для всѣхъ подписью: «Милому моему другу», я не могу за него благодарить словами...

Онъ въ рамочкѣ передо мной
Красуется, какъ будто-бы живой,

Съ улыбкой доброты, ума и благородства...
Я въ жизни не встрѣчалъ еще такого сходства!

«Мой сынъ впослѣдствіи еще больше будетъ уважать мою память, видя изъ этого портрета и подписи къ нему, до чего его любилъ и

---

[1]) Ленскій говоритъ о Петрѣ Андреевичѣ Каратыгинѣ, см. „Русскую Старину“ 1880 г., т. XXVII, стр. 167.

[2]) А. М. Читау—даровитой артисткѣ нашей драматической труппы.

[3]) Е. М. Левкѣева. Ленскій ошибочно пишетъ фамилію ея мужа.

П. К.

понималъ безпредѣльную преданность друга Иванъ Ивановичъ Сосницкій!

«Поздравляю отъ души васъ съ праздникомъ Р. Х., а себя съ вашимъ портретомъ. Душою вашъ Дмитрій Ленскій».

Почти черезъ годъ—9-го декабря 1860 года—Ленскаго не стало... Нынѣ, черезъ семнадцать лѣтъ послѣ его кончины [1]), уже не много остается въ живыхъ его товарищей и сослуживцевъ, вспоминающихъ о немъ, какъ о добромъ, честномъ человѣкѣ; какъ сценическій актеръ, Ленскій не могъ оставить по себѣ продолжительную память въ любителяхъ театра; водевили постепенно сходятъ съ репертуара, такъ какъ изъ нихъ очень многіе сдѣлались анахронизмами.... Что-же осталось на землѣ послѣ Ленскаго — писателя и поэта? Письма къ друзьямъ и нѣсколько стихотвореній и поэтическихъ переводовъ, сохраняющихся въ рукописи. Первыя даютъ понятіе о характеристикѣ Ленскаго, вторыя—о поэтическомъ дарованіи покойнаго, далеко недюжинномъ.

Въ дополненіе характеристики Ленскаго, какъ сценическаго писателя, артиста и человѣка, приводимъ еще два письма, писанныя Ленскимъ къ П. А. Каратыгину, въ первые два года знакомства обоихъ водевилистовъ.

„20-го октября 1839 г.

«Благодарю, душечка Петя, за скорый отвѣтъ и участіе. Кажется, однако же, не смотря на твое ходатайство, Синичкина у меня, безъ всякой причины, хотятъ изуродовать и вѣрно ужъ теперь въ этомъ успѣли. По письму Песоцкаго, завтра должна піеса возвратиться; издатель пишетъ, что «будто-бы» Ольдекопъ [2]) представилъ ее генералу Дубельту, находя нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя исключенія, какъ-то: «монологъ о пантолонахъ» и прозваніе Ѳедора Алексѣевича Лошадки [3]). Французы у насъ счастливѣе меня: имъ Евстафій Осиповичъ панталоны оставилъ, а мнѣ—нѣтъ; даромъ что

---

[1]) Писано въ 1876 году.

[2]) Евстафій Осиповичъ Ольдекопъ — цензоръ, составитель извѣстнаго въ свое время карманнаго французско-русскаго словаря.

[3]) Имя этого персонажа въ водевилѣ Ленскаго, впослѣдствіи замѣненное другимъ—намекъ на фамилію одного литератора сороковыхъ годовъ.

П. К.

я еще довольно кстати сдѣлалъ апопликацію изъ ревизора. Да что-же общаго находитъ почтеннѣйшій цензоръ между панталонами и Ѳедоромъ Алексѣевичемъ? Стало быть, этакъ нельзя будетъ называть дѣйствующихъ лицъ ни Иваномъ Петровичемъ, ни Николаемъ Ивановичемъ? Ужасныя придирки! Явныя интриги!

«Твой «Домъ» [1]) и на московской сторонѣ со всѣхъ сторонъ понравился: апплодировали безпрестанно и насъ съ Орловымъ вызвали. Илья (Орловъ) въ «Копѣйкинѣ» размалевалъ себѣ рожу донельзя, надѣлъ красный сюртукъ и былъ ни на что не похожъ; но твои куплеты и живой, остроумный разговоръ нимало не пострадали отъ такой балаганной продѣлки: золото и на грязи видно.

«Тоска по родинѣ» [2]), по своему содержанію наводитъ тоску, а по музыкѣ инымъ «очень большіе способности» оказываетъ.., и въ самомъ дѣлѣ, есть нумера очень хорошіе... конечно, иногда выглядываютъ старинные знакомые... ну да какъ же быть! нынче трудно безъ знакомства выйдти въ люди и сдѣлать свою репутацію.

Скажи, пожалуйста, что значитъ твое довольно длинное разсужденіе о водевиляхъ-скороспѣлкахъ? Не хочешь-ли ты меня побранить за небрежную и слишкомъ поспѣшную работу? Но, другъ мой, развѣ я чувствую въ себѣ литературное призваніе и дорожу своими бумажными чадами? Чортъ съ ними! я самъ ихъ терпѣть не могу, а пишу чуть-чуть не изъ крайности: вѣдь я жалованья-то получаю всего три тысячи, а прожить необходимо долженъ втрое, такъ по неволѣ будешь промышлять куплетцами! Впрочемъ, какъ я ни тороплюсь, а здраваго смысла, кажется, ни гдѣ не пропускаю и всегда немножко думаю о томъ, что дѣлаю... а ужъ талантъ—дѣло другое: это Богомъ дается!

При томъ же водевиль когда былъ долговѣчнымъ?
Глубокой старости когда онъ достигалъ?
 Да еслибъ онъ не лепеталъ
 Ребенкомъ рѣзвымъ и безпечнымъ —
 Онъ всю бы прелесть потерялъ!

«Прощай, будь здоровъ; поклонись супругѣ, напомни обо мнѣ Николѣ и философу [3]) и всѣмъ моимъ добрымъ пріятелямъ. Твой душою, Ленскій».

---

[1]) Водевиль П. А. Каратыгина: „Домъ на Петербургской Сторонѣ“.

[2]) Опера А. Н. Верстовскаго, либретто заимствовано изъ романа М. Н. Загоскина.

[3]) Сыновья П. А. Каратыгина, старшій отъ перваго брака Николай и отъ втораго—Петръ, шутливо называемый „философомъ“. П. К.

„Москва, 10-го іюня 1840 г.

«Скажи мнѣ, любезный Петя, съ чего это тебѣ вздумалось хворать? Неужели ты не могъ найдти занятія получше? Стыдно, братъ! Остави одръ свой, садись за конторку и пиши водевили! А впрочемъ, если ужъ ты не можешь отказать себѣ въ удовольствіи лечиться, то, пожалуй, глотай пилюли и микстуры, только не умирай, пожалуйста! Иначе это будетъ такая глупость, которой я тебѣ, такъ же какъ и Лаврову, во вѣки вѣковъ не прощу! И что значитъ дурной примѣръ: представь, вслѣдъ за Лавровымъ отправилась Рыкалова, его ровесница; актриса она была незавидная, но женщина прелестная, и по душѣ, и наружности: братъ ея, твой пріятель П. Степановъ, лишился въ ней лучшаго и, можно сказать, единственнаго друга на свѣтѣ. Какъ досадно, когда люди прежде времени умираютъ!

«Я, братецъ, совсѣмъ облѣнился и упалъ духомъ; все такія непріятности: прусскій король умеръ, китайцы съ англичанами поссорились... ну, да это еще такое горе, въ которомъ можно утѣшиться; а вотъ что ужасно: хлѣбъ у насъ по 4 руб. 50 коп. пудъ, а послѣ смерти Лаврова, нашъ директоръ намъ сказалъ: «теперь опера погибла, а вы умирайте съ голоду!» Ахъ! еслибы мнѣ выдали изъ конторы хоть половину сборовъ отъ Синичкина, котораго постановка дирекціи гроша не стоитъ, авось бы я нынѣшній годъ какъ нибудь прокормился! Скучно, братъ, за восемь лѣтъ труда и успѣховъ, вмѣсто всякой награды слышать такіе отзывы! Я 16 лѣтъ служу, а въ продолженіе восьми лѣтъ при Загоскинѣ, занимая первое амплуа молодыхъ людей въ комедіяхъ и водевиляхъ, не получилъ даже и пары перчатокъ въ прибавку и до сихъ поръ остаюсь на 3,000 р., между тѣмъ какъ И. Орловъ служитъ пятью годами меньше моего, играетъ красноносыхъ гусей въ плѣшивомъ парикѣ и получаетъ давнымъ давно 3500 руб.

«Павелъ Ивановичъ [1]) въ два или три дня своего пребыванія въ нашей матушкѣ Москвѣ, всѣхъ нашихъ почетныхъ гражданъ сдѣлалъ—хоть выжми! Бѣдовый человѣкъ!

---

[1]) Небольсинъ—большой театралъ, въ сороковыхъ годахъ извѣстный многочисленнымъ знакомымъ и большей части Петербурга своимъ радушіемъ, хлѣбосольствомъ, но еще того болѣе—чудачествами.

Изъ Питера пріѣхалъ—напоилъ;
Поѣхалъ въ Шую, на дорожку
Опять шампанскимъ угостилъ,
Добро бы въ мѣру—просто въ лёжку!

«Ты говоришь, чтобъ я сдѣлалъ тебѣ какую нибудь піеску къ бенефису; ты знаешь, какъ я тебя люблю; я готовъ для тебя цѣлую стопу бумаги измарать, готовъ свой лобъ въ кровь расчесать, но, право, это ни къ чему не послужитъ, и мои труды все таки тебѣ не понравятся. «Харьковскій женихъ» меня въ этомъ убѣждаетъ совершенно: я тебѣ его послалъ, а ты отдалъ его другому; піесу безъ тебя разыграли такъ, что она, кажется, даже и не повторилась; между тѣмъ, какъ здѣсь она имѣла успѣхъ замѣчательный, особливо второй актъ шелъ при безпрестанныхъ рукоплесканіяхъ и фора [1]). Вслѣдствіе всего этого я прошу тебя или ужъ не просить меня писать для твоего бенефиса, или ужъ научить, чѣмъ угодить твоему вкусу. Признаюсь, на твоемъ мѣстѣ, я приготовилъ бы самъ себѣ спектакль: Петербургъ предпочтительно любитъ твои піесы. Впрочемъ, располагай мною: я, все таки, къ твоимъ услугамъ.

«Мой усердный поклонъ твоей супругѣ и дѣтямъ. Ленскій».

Сообщ. въ 1872 и 1876 гг. **И. Ѳ. Горбуновъ и П. Каратыгинъ.**

---

[1]) Неосновательность упрековъ Ленскаго Каратыгину явствуетъ изъ его же словъ. Водевиль: „Харьковскій женихъ или домъ на двѣ улицы", передѣланный съ французскаго (la rue aux ours — если не ошибаемся) наполненъ намеками на мѣстность Москвы (на чемъ основана и вся суть піесы) и потому былъ непонятенъ петербургской публикѣ. Каратыгинъ, отдавая должную справедливость литературнымъ достоинствамъ водевиля, не рѣшался взять его въ свой бенефисъ, будучи почти увѣренъ въ неуспѣхѣ: и самъ Ленскій сознается, что въ Петербургѣ водевиль его успѣха не имѣлъ. **П. К.**

II.

(Изъ студенческихъ воспоминаній).

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ Москву посѣтили В. А. Каратыгинъ съ супругою. Игра ихъ на московской сценѣ, въ особенности Василія Андреевича, произвела громадное впечатлѣніе на тогдашнюю московскую публику, въ числѣ которой было много любителей и знатоковъ театральнаго искусства. Одинъ изъ нихъ, извѣстный профессоръ классической литературы, Д. Л. Крюковъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ», объ игрѣ Каратыгина, цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей, въ которыхъ, сколько помню, по поводу представленія «Коріолана», доказывалъ, что Каратыгинъ удивительнымъ художническимъ чутьемъ постигъ духъ римскаго міра, хотя не изучалъ въ подлинникѣ древнихъ писателей и едва-ли зналъ по гречески и по латыни. Вообще всѣ образованные люди были въ восторгѣ отъ правильной, осмысленной игры Каратыгина, тогда какъ молодежь, особенно студенческая, по чувству мѣстнаго патріотизма, отдавала передъ нимъ преимущество Мочалову, игравшему по вдохновенію и не изучавшему ролей; въ самомъ дѣлѣ, у него было много страсти, много огня; нѣкоторыя отдѣльныя мѣста его ролей исполнялись имъ удивительно и увлекали зрителей; но за то у него не было ни одной вполнѣ выдержанной отъ начала до конца роли, не исключая и прославленной Бѣлинскимъ игры его въ «Гамлетѣ». Въ это время московскій англійскій клубъ вздумалъ почтить Каратыгина обѣдомъ. Честь—тогда высокоцѣнимая, и которой передъ тѣмъ удостоился одинъ только художникъ—К. Брюлловъ! В. А. Каратыгинъ, разумѣется, былъ чрезвычайно польщенъ и разстроганъ такимъ рѣдкимъ почетомъ со стороны высшаго московскаго общества, и когда ему за обѣдомъ предложили сыграть еще разъ роль Ляпунова въ «Скопинѣ-Шуйскомъ», въ пользу бѣдныхъ, то онъ, подъ впечатлѣніемъ торжественнаго пріема, охотно согласился на сдѣланное ему предложеніе. Но потомъ, возвратясь домой и отдохнувъ отъ овацій, онъ сообразилъ, что для игры въ «Скопинѣ Шуйскомъ» онъ долженъ пробыть въ Москвѣ еще два, три дня и потерять взятые уже билеты въ почтовый дилижансъ на поѣздку въ Петербургъ. Какъ человѣкъ расчетливый, онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ этой потерѣ, и рѣшился уѣхать

изъ Москвы, не исполнивъ даннаго клубу обѣщанія, а можетъ быть и забылъ о немъ. Между тѣмъ онъ и не подозрѣвалъ, что въ клубѣ составилась между членами подписка на изготовленіе кубка въ двѣ тысячи рублей, который долженъ былъ быть поднесенъ ему въ самый вечеръ предположеннаго спектакля. Такимъ образомъ Василій Андреевичъ поспѣшнымъ своимъ отъѣздомъ лишилъ себя этого подарка. Въ Москвѣ, въ театральномъ кругу и среди молодежи, много объ этомъ говорили, а Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій написалъ, по этому поводу, слѣдующее стихотвореніе:

Великій трагикъ нашъ, рожденный великаномъ!
Первопрестольный градъ тобою восхищенъ,
Уѣхалъ ты отъ насъ съ наполненнымъ карманомъ,
Увѣнчанъ славою и клубомъ угощенъ.
Ахъ, если бы ты зналъ, артистъ превознесенный,
Чего лишился ты? О горьки слезы лей!
Тебѣ готовился здѣсь кубокъ драгоцѣнный,
Который заплаченъ двѣ тысячи рублей!
Утративъ на всегда подарокъ сей московскій,—
Я знаю,—ты умрешь какъ Гарпагонъ второй,—
И—верхъ несчастія!—д..... Селивановскій
Почтитъ тебя тогда печатною слезой!

Надобно прибавить, что послѣдніе два стиха относятся къ восторженнымъ похваламъ игрѣ Каратыгина, которыя помѣщалъ Селивановскій въ фельетонахъ «Сѣверной Пчелы». Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ; всѣ упоминаемыя лица давно уже сошли со сцены и театральной, и житейской. Нѣтъ, кажется, причинъ скрывать долѣе это стихотвореніе, принадлежащее лицу, хотя и остроумному, но далеко не безпристрастному и увлекавшемуся...

Р.

ЛЕНСКІЙ И ЩЕПКИНЪ.

(Изъ бумагъ П. А. Каратыгина).

Ленскій, какъ уже сказано выше, уважалъ Щепкина, какъ высокоталантливаго артиста, но не любилъ его, какъ человѣка. Объясненіе причинъ этого нерасположенія повело-бы насъ къ разоблаченію нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ характера покойнаго ветерана московской сцены, о которыхъ лучше умолчать. Правъ или неправъ былъ Ленскій въ своей непріязни къ Щепкину, но онъ не упускалъ случая метнуть въ послѣдняго колкой шуткой или эпиграммой. Случаи бывали довольно частые..... Вотъ одинъ изъ таковыхъ....

Въ 1855 году бенефисъ Щепкина совпалъ со днемъ полученія въ Москвѣ вѣсти о паденіи Севастополя. Почтенный артистъ, составлявшій свой спектакль задолго до роковаго событія, набралъ піэсъ въ духѣ крайняго шовинизма, по времени и по политическимъ обстоятельствамъ, совершенно неумѣстнаго. Давали драматическое представленіе, соч. П. И. Григорьева: «За вѣру, царя и отечество»; въ антрактѣ бенефиціантъ читалъ извѣстное стихотвореніе Пушкина: «Клеветникамъ Россіи». Въ драмѣ Григорьева, старый солдатъ поетъ, что мы «закидаемъ шапками» всю Европу; затѣмъ поетъ, намекая на красные мундиры англичанъ, появившихся въ Балтійскомъ морѣ:

„И наловимъ, ай люли,
„Красныхъ раковъ на мели!

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ бенефисъ на публику; Ленскій-же, пламенный патріотъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одаренный тактомъ и чувствомъ приличія, былъ просто въ бѣшенствѣ. Въ самый вечеръ бенефиса онъ излилъ свое негодованіе на оплошность Щепкина, въ слѣдующемъ посланіи:

М. С. Щепкину.

Сценическій талантъ въ комическихъ роляхъ
Не есть еще всегда за здравый смыслъ порука,
И комику нужны искусство и наука...
Не то случается и въ опытныхъ лѣтахъ
Невѣжество его, какъ бѣльмы на глазахъ.
Сегодняшній спектакль доказываетъ это:
Что возвѣстила намъ вчерашняя газета?
И нынче и вчера о чемъ всѣ говорятъ?
„Шесть было приступовъ—и Севастополь взятъ!"
А нынче и вчера, что намъ даютъ въ спектаклѣ?
Со сцены что кричатъ?.. Что всѣхъ мы бьемъ!.. Не такъ-ли?
„За вѣру, за царя, отечество" даютъ...
Стряпню Григорьева изъ кашеварныхъ блюдъ...
И съ этой грубою и пошлою стряпнею
Мѣшаютъ, наконецъ.... Ну, Щепкинъ, Богъ съ тобою!
Сердись, иль не сердись, но ты, братъ, старый шутъ,
И просто, мѣдный лобъ, проглядываетъ тутъ!
Какъ смѣть тревожить прахъ великаго поэта?
И не ко времени стихи его читать?
Какъ смѣть народа честь на посмѣянье свѣта
Со сцены вслухъ, при всѣхъ, публично выставлять?
Вѣдь тутъ, почтенный мой, не въ „Фамусова" роли:
Тотъ съ дуру москвичей хвалой своей клеймилъ;
Но ты, какъ патріотъ, въ минуту тяжкой доли
Какъ русскій человѣкъ на сцену выходилъ!...
Когда-бы ты прочелъ стишонки кой-какіе,
На нихъ не обратитъ вниманія никто...
Хоть вирши, напримѣръ, Григорьева, а то...
А то—вѣдь Пушкина стихи: „Клеветникамъ Россіи"—
Побѣдные стихи ты прочиталъ! Вотъ что̀!
Какъ могъ ты не расчесть, какъ могъ не догадаться,
Что если ужъ Господь рѣшилъ насъ испытать—
Такъ мы должны терпѣть, мужаться—и молчать!
Съ разбитымъ рыломъ намъ неловко величаться
И побѣдителей безстыдно унижать!—

Въ 1845 году, при погребеніи Павла Степановича Мочалова, Щепкинъ игралъ самую видную роль: онъ несъ гробъ покойнаго, говорилъ рѣчь, въ заключеніе которой увѣнчалъ усопшаго лавровымъ вѣнкомъ. Все это было очень умилительно и оплакивавшіе великаго трагика, подъ обаяніемъ грусти, подняли вопросъ о сооруженіи ему монумента по подпискѣ... Этотъ вопросъ такъ и остался вопросомъ. Годы уходили, могила Мочалова заросла травой, крестъ под-

гнилъ и надпись на немъ сгладилась, какъ и имя усопшаго въ памяти его товарищей и поклонниковъ... наконецъ исчезъ и крестъ, сломанный вѣтромъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ погребенія Мочалова, Щепкинъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности. Опять торжество, хотя и не печальное, но умилительное: рѣчи, лавры, слезы, стихи, тосты. Въ числѣ гостей былъ и Ленскій, отъ котораго ждали диѳирамба въ честь юбиляра... Ожиданія оправдались, но стихи, прочитанные Ленскимъ, и напечатанныя нами выше, на 326-й страницѣ,—едвали пришлись по вкусу Щепкину, такъ какъ въ нихъ было напоминаніе о другой, забытой знаменитости.....

Ленскій, можетъ быть, и не рѣшился-бы омрачить празднества грустными своими стихами, если-бы не былъ на то вызванъ вопросомъ, возникшимъ за десертомъ — о подпискѣ «на стипендію имени Щепкина» въ театральномъ училищѣ. Зачѣмъ ставить монументъ живому Щепкину, когда умершему Мочалову нѣтъ памятника? Этотъ вопросъ Ленскій, стихами своими, противупоставилъ вопросу о щепкинской стипендіи... Много-ли было собрано по подпискѣ на памятникъ Мочалову—этого не знаемъ.

Всѣ вышеприведенные матеріалы для характеристики Ленскаго, смѣемъ думать, пригодный матеріалъ для его будущаго біографа; они обличаютъ натуру честную, прямодушную, чуждую лукавства и двуличія. Не будучи слезливъ, онъ былъ искренно чувствителенъ, и въ его смѣхѣ часто звучали невидимыя слезы. Острый на языкъ и находчивый на слова, Ленскій нажилъ себѣ не мало недоброжелателей въ кругу людей, судящихъ о сердцѣ по языку... Щепкинъ былъ его счастливѣе: Щепкина любили всѣ, благодаря умѣнью маститаго артиста нѣжно и любезно говорить со всѣми и хвалить всѣхъ и каждаго. Замѣчательно, что послѣ Щепкина († 11-го августа 1863 г.) плохо владѣвшаго перомъ, остались и были изданы «Записки»; Ленскій же, талантливый поэтъ и писатель по призванію,—не оставилъ послѣ себя ни «Воспоминаній», ни «Дневника», а стихотворенія его и до нынѣ сохраняются лишь въ спискахъ. Не зная цѣны своему поэтическому дарованію, Ленскій высоко дорожилъ своимъ сценическимъ—очень скромнымъ—талантомъ. Въ наше время В. С. Курочкинъ (нынѣ покойный) снискалъ себѣ извѣстность переводами пѣсенъ Беранже; но Ленскій, за тридцать лѣтъ до него, переводилъ пѣсни этого же поэта, и если-бы могъ издать ихъ (а не могъ по милости цензуры своего времени)—то, безъ сомнѣнія, заслужилъ бы вниманіе современниковъ и потомства.

П. Каратыгинъ.

1877 г.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

(Разсказъ изъ его жизни).

Въ началѣ 1840-хъ годовъ, М. С. Щепкинъ приглашенъ былъ на нѣсколько спектаклей въ Казань, тогдашнимъ антрепренеромъ казанскаго театра, Соколовымъ. Щепкинъ вообще не любилъ терять напрасно время, а потому и сообщилъ, какъ о днѣ своего пріѣзда въ Казань, такъ и о порядкѣ спектаклей, которые должны быть даны съ его участіемъ. Первымъ долженъ былъ быть поставленъ «Ревизоръ».

По пріѣздѣ въ Казань и повидавшись съ Соколовымъ, онъ выразилъ желаніе, немедленно познакомиться съ его труппою. Соколовъ распорядился пригласить весь персоналъ артистовъ прямо въ театръ, и когда прибылъ туда Щепкинъ, то были представлены ему на сценѣ каждый членъ труппы отдѣльно съ поясненіемъ: какое кто занимаетъ амплуа. Перезнакомившись любезно со всѣми, онъ, вдругъ перемѣнивъ ласковую улыбку на серьезную физіономію, обратился къ окружающимъ, съ слѣдующими словами:

— Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ Ревизоръ.....

Вся труппа ошалѣла и никакъ не могла взять въ толкъ слова знаменитаго комика: о какомъ онъ Ревизорѣ сообщаетъ? и какому Ревизору дѣло до Казанскаго театра?

— Да кто же изъ васъ, господа, Амоссъ Федоровичъ? спрашиваетъ Щепкинъ.—Молчатъ.—Да Ляпкинъ-Тяпкинъ кто?

Тутъ только догадались, что онъ началъ репетировать «Ревизора» своею неподражаемою ролью городничаго—и репетиція пошла своимъ чередомъ.

І. В. Лохвицкій.

г. Тихвинъ,
Новгородской губерніи.

ПИСЬМА КЪ И. И. СОСНИЦКОМУ
ЕГО ДРУЗЕЙ И СОСЛУЖИВЦЕВЪ.
(1829—1871).

Слѣдующія письма, сообщенныя редакціи «Русской Старины» И. Ѳ. Горбуновымъ, не имѣютъ надобности въ примѣчаніяхъ и не пробуждаютъ никакихъ особенно любопытныхъ воспоминаній о тѣхъ лицахъ, которымъ онѣ были написаны. Печатаемъ ихъ, однако, съ необходимыми біографическими замѣтками, безъ которыхъ онѣ были бы не совсѣмъ понятны большинству читателей. П. К.

А. Сабуровъ.

Примѣч. Артистъ московскаго театра, занимавшій то-же амплуа, что и Сосницкій, на петербургской сценѣ. Оніи были всегда въ самыхъ пріязненныхъ, родственныхъ отношеніяхъ, чуждые и тѣни зависти другъ къ другу. Когда Сабуровъ умеръ—(еще въ молодыхъ годахъ)—Сосницкій былъ самымъ искреннимъ другомъ его семейства и, по мѣрѣ силъ, заботился объ обезпеченіи участи сиротъ своего товарища.

„Москва, 8-го марта 1829 г.

„Любезный другъ, Иванъ Ивановичъ! извини, что безпокою тебя довольно серьезнымъ дѣломъ. Я думаю, ты давно уже слышалъ, что я кончилъ свои переговоры съ нашей конторой на слѣдующихъ кондиціяхъ: 3,500 р. жалованья, 500 р. на гардеробъ, безъ квартиры и безъ дровъ. Контора еще въ ноябрѣ представила къ министру для разрѣшенія, но до сихъ поръ еще не рѣшено, а срокъ службы кончился, еще 1-го января и вотъ уже три мѣсяца прослужилъ на новыхъ кондиціяхъ, а жалованье получаю все прежнее, хотя и говорятъ директора, что оно не пропадетъ и какъ скоро получится разрѣшеніе, то выдадутъ достальное. Такъ нельзя ли, милый Иванъ Ивановичъ, тебѣ узнать отъ Ситникова, что за причина такой медленности? Здѣсь полага-

ютъ вотъ какую: что прошлаго года нашъ директоръ надавалъ значительныя прибавки своимъ любимцамъ и мамуркамъ; такъ не полагаетъ ли министръ, что я въ числѣ первыхъ, и что по какимъ нибудь интригамъ добился до прибавки... то сдѣлай милость, возьми на себя трудъ разувѣрить г. Ситникова и постараться, чтобы онъ похлопоталъ на счетъ разрѣшенія. Я надѣюсь, что ты не откажешь въ сей первой моей серьезной просьбѣ и докажешь, что я справедливо увѣренъ въ истинно братскомъ твоемъ къ намъ расположеніи. Вторую причину полагаютъ, что будто составляютъ новые штаты, такъ не будетъ ли тамъ чего новаго на счетъ воспитанниковъ. Но сіе, кажется, до меня не можетъ касаться: первое, что я уже выслужилъ назначенный срокъ, а второе, что уже дирекція условилась со мною на какихъ кондиціяхъ я долженъ продолжать мою службу и уже четвертый мѣсяцъ продолжаю; то перемѣнить это, кажется, будетъ беззаконно. Сдѣлай милость, развѣдай хорошенько и внуши г. Ситникову какъ знаешь; я во всемъ на твое доброе сердце полагаюсь и надѣюсь, не откажешь въ отвѣтѣ А. Сабурову. Извини, что такъ навораксалъ—некогда.

П. С. Мочаловъ.

(† 1845 г.).

„Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ! Покорный вашъ слуга Мочаловъ сейчасъ прикатилъ съ своей женушкой въ вашъ славный Петербургъ; но имѣніе мое ѣдетъ и адресовано на ваше имя, въ чемъ прошу извиненія. Буде можно, то посѣти меня, но только теперь же, а черезъ 2 часа мы ляжемъ отдохнуть. № 10, гостиница Неаполь. Цѣлую много разъ и прошу простить, что писаніе ужъ больно хорошо—это оттого, что тороплюсь имѣть удовольствіе обнять почтеннаго Ивана Ивановича. Мочаловъ.

„Милостивый государь и почтенный мой другъ Иванъ Ивановичъ! Прежде всего позвольте пожелать отъ добраго сердца всѣхъ благъ земныхъ и засвидѣтельствовать мое почтеніе, какъ вамъ, М. Г., такъ равно и супругѣ вашей. Конечно, я виноватъ, что лишаю себя удовольствія написать нѣсколько строкъ къ единственному моему знакомому въ С.-Петербургѣ, (кажется не ошибся). Но, сказать правду, это наша общая вина, и грѣхъ пополамъ! Однако, можетъ быть, милостивому моему государю и некогда, а я разговорился. Просьба моя состоитъ въ слѣдующемъ: Михаилъ Николаевичъ (Загоскинъ) благоволилъ уволить меня, начиная съ Страстной, или съ Святой недѣли, потому что онъ слышалъ о намѣреніи г. Каратыгина пріѣхать въ Москву на это же время. Почтеннѣйшій мой Иванъ Ивановичъ, въ прошлый мой пріѣздъ къ вамъ, я писалъ прямо графу Віель. (Віельгорскому) немного зная его лично, но теперь я, не имѣя счастія быть извѣстнымъ его сіятельству—не рѣшился и писать къ нему, полагая навѣрное, что вы не откажетесь, по благорасположенію своему,—объяснить мое желаніе, испросить разрѣшенія его сіятельства и благоволенія его касательно условій. Вы, вѣроятно, не запамятовали, какъ въ прошлый разъ милостиво были награждены вашимъ начальствомъ малые труды; большихъ ролей я сыгралъ, кажется, двѣ или три. Я надѣюсь, что Ми-

хаилъ Николаевичъ благоволитъ отсрочку дать и могу прожить у васъ подольше. Репертуаръ моихъ большихъ ролей, Иванъ Ивановичъ, вамъ извѣстенъ. Впрочемъ, по мыслямъ мнѣ слѣдующія: „Коварство и любовь", „Отелло", „Игрокъ" (я знаю и вашего перевода) „Антоній", „Желѣзная маска", „Горе отъ ума", и, если бы возможно было укоротивъ нѣкоторыя сцены, разучилъ „Ненависть къ людямъ". Но я надѣюсь, что вы меня знаете, и увѣрены, что я за долгъ поставлю исполнить желаніе, буде угодно заставить меня сыграть лишніе разы, кои назначитъ начальство. Виноватъ! виноватъ!! почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ—замучилъ васъ, а мнѣ кажется, что надобно бы еще кой-что сказать... нѣтъ! точно нечего; увѣренность моя въ добромъ ко мнѣ расположеніи вашемъ—извѣстна вамъ, а по сему и надѣюсь крѣпко, что вы не откажете премного обязать, войдя въ мои хлопоты и увѣдомя о рѣшеніи его сіятельства. любящаго и почитающаго васъ душевно, покорнаго слугу Павла Мочалова.

Надѣюсь и ожидаю; просить много—боюсь разсердить.

На прошлой недѣлѣ я имѣлъ бен(ефисъ) „Антоній"; денегъ довольно. Вчера игралъ для бен. Синецкой „Двумужницу", а теперь хлопочемъ для Щепкина о Карлѣ XII.

В. Алябьевъ.

[1828 г.]

„Вы всегда были ходатаемъ у знакомаго вамъ человѣка по дѣлу моихъ несчастныхъ, а потому я къ вамъ прибѣгаю съ моей покорнѣйшей просьбою; узнайте у него — должна ли Варинька пріѣхать къ вамъ въ Петербургъ что бы хлопотать у Бенкендорфа, или еще не время; ибо при войнѣ и при смерти царицы, какое вниманіе можетъ употребить царь? Не написать ли Варинькѣ къ Бенк(ендорфу) напомнить о себѣ? Все это распросите хорошенько и передайте Орлову, если вы не найдете сами времени извѣстить Вариньку. Ее здѣсь мучаютъ ужаснымъ образомъ; повѣрите ли, что надъ нею дѣлаютъ розыски: не играла ли она вмѣстѣ съ мужемъ своимъ и чтобъ не пустить ее въ Петербургъ, то ее обязали подпиской о невыѣздѣ, по такому дѣлу, гдѣ черезъ четыре года стали опровергать данное ей заемное письмо. Какого вамъ покажется? Ну ужъ Голицынъ и Голицынъ! Примите мою благодарность за трудъ, взятый вами на счетъ моихъ водевилевъ (sic)—и если вышли изъ цензуры, то отдайте ихъ Майкову, который мнѣ и доставитъ; да и при такой оказіи, вы можете писать все—на счетъ и дѣла, чѣмъ чувствительно обяжете того, который съ истиннымъ почитаніемъ и преданностью, честь имѣетъ назваться, милостиваго государя, покорнѣшимъ слугою В. Алябьевъ.

P. S. Рязанцеву мой поклонъ; забылъ о московскихъ пріятеляхъ! Можетъ быть я самъ скоро буду въ Петербургъ.

Р. М. Зотовъ.

(† 1871).

(1830).

„Хоть мы еще и не получали отъ тебя, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, писемъ изъ Одессы, но, по разсчету нашему съ Еленою Яковлевной, ты уже давно тамъ, и потому навѣрное туда пишемъ, потому что не хочется терять времени. Видишь ли, въ чемъ дѣло. Булгаринъ позволилъ Каратыгину м.

и Григорьеву взять въ бенефисъ (16-го іюня) 4-й актъ „Горе отъ ума" и они даютъ его вмѣстѣ съ 3-мъ [1]). Напиши-ко ты поскорѣе къ Булгарину письмо и проси у него первыхъ двухъ актовъ для своего бенефиса. Если онъ далъ тѣмъ двумъ, то тебѣ вѣрно не откажетъ. Пришли письмо къ Еленѣ Яковлевнѣ, мы его отправимъ къ Ѳаддею (онъ теперь въ Дерптѣ), а ужъ объ цензурѣ я буду хлопотать. Предварительно я уже выкинулъ изъ первыхъ двухъ актовъ все, что цензурѣ не понравилось и склеилъ остальное—и если все это удастся, то, разумѣется, ты уже возьмешь всѣ четыре акта—и цѣлая пьеса сдѣлаетъ сборъ. Къ тому же времени, если я найду что нибудь новенькаго у французовъ, то приготовлю и переведу. Или нѣтъ ли у тебя въ виду чего нибудь? Увѣдомь. Но приготовить надобно заранѣе, потому что я думаю, твой бенефисъ нынче станетъ въ половинѣ октября, какъ человѣка, бывшаго пол-года въ отпуску. И такъ—вотъ тебѣ мое посланіе—пиши!

Ну что любезнѣйшій? Каково здоровье? Каковъ одесскій воздухъ? Началъ ли ты леченіе? Увѣдомь обо всемъ. Извѣстіе о твоемъ выздоровленіи было бы для насъ самое пріятное. Здѣсь мы часто о тебѣ вспоминаемъ. Недавно была великая княгиня Елена Павловна въ русскомъ спектаклѣ („Игрокъ") и князь Гагаринъ сказалъ ей, что желалъ бы дать для нея русскій спектакль въ хорошемъ тонѣ,—но лучшаго актера нашего, Сосницкаго, недостаетъ.

О новостяхъ нашихъ почти говорить нечего. Сборы идутъ изряднехонько. Давали моего „Богемскаго разбойника" и онъ, бѣдненькій, упалъ. Какъ быть! Боченковъ увѣренъ, что онъ обыграется. Афросимовъ представилъ „Мальтійскаго кавалера", но онъ подождетъ до твоего возвращенія. Къ намъ пріѣхала новая французская актриса, Виржини Бурьбе, изъ перваго французскаго театра, и ее здѣсь принимаютъ какъ чудо. Всѣ въ восторгѣ,—но я не повѣрю, покуда самъ не увижу. Которое представленіе мнѣ уже князь обѣщалъ показать ее. Впрочемъ новаго ничего нѣтъ. Всѣ наши живы и здоровы.

И такъ, при всегдашнемъ и единственномъ моемъ желаніи, чтобъ ты поскорѣе выздоровѣлъ и воротился къ намъ—остаюсь преданнѣйшій слуга Р. Зотовъ.

О Бантышевѣ я просилъ Елену Яковлевну увѣдомить тебя о рѣшеніи князя.

С.-Петербургъ, 26-го іюня (1830 г.).

„Получа письмо твое, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, я больше всего радъ, что ты чувствуешь себя совершенно здоровымъ. Дай Богъ, чтобъ грязное твое леченье скорѣе кончилось, а то, пожалуй, изъ вашихъ живыхъ группъ родятся маленькіе полужиденочки. Впрочемъ, и это ко благу отечества.

Теперь я примусь ругаться. Ты съ Булгаринымъ просто дурачишься. Разсердиться на него ты могъ,—но это его не исправитъ,—а тебѣ будетъ убыточно, потому что самый лучшій бенефисъ все-таки былъ бы съ этою піесою („Горе отъ ума"). Пусть онъ п. . . ., но ты долженъ думать и о своей пользѣ—а послѣ вояжа плохой бенефисъ—плохая вещь! И потому, если ты не хочешь адресоваться къ п. . . ., то я попробую и безъ тебя уладить это; по-

[1]) См. Воспоминанія П. А. Каратыгина «Русская Старина» изд. 1873 года, т. VII, стр. 175—176.

тому что боюсь потерять время. Когда ты воротишься, то не много ужъ останется до твоего бенефиса,—а пусть лучше пріѣдетъ Булгаринъ изъ своего романтическаго вояжа, я у него для тебя возьму первые два акта, отдамъ ихъ въ цензуру, выбросивъ все, что можно, буду съ . . . вымъ торговаться— и къ твоему пріѣзду будетъ ужъ готово, или отказано. Слѣдовательно, что лучше, то лучше.

У насъ новаго немного. Въ бенефисъ Петра Каратыгина играна моя „Людмила"—очень удалась. Сегодня играютъ второй разъ и все уже продано. Альманахъ мой идетъ кое-какъ, разбираютъ по маленьку,—но жаль, что безъ портретовъ. Это срамъ, что въ Петербургѣ нельзя было вылитографировать 6-ти портретовъ! Всѣ литографы объявили, что работа слишкомъ мелка и хорошо не выйдетъ.

Ждемъ черезъ недѣлю Царя и Царицу. Поѣдемъ 1-го іюля на Петергофскій праздникъ. Пріѣхалъ сюда наслѣдникъ шведскій; ждемъ пѣвицу Зонтагъ, и что будетъ, о томъ увѣдомимъ.

Прощай! будь здоровъ, веселъ и доволенъ. Кончай свои „грязности" скорѣе и воротись къ намъ—чистъ какъ голубь. Пиши къ намъ чаще и помни объ отсутствующихъ. Остаюсь навсегда преданнѣйшій слуга Р. Зотовъ.

Я. Г. Брянской.

(† 1853).

(Безъ означенія числа и года).

„Здравствуй Ваня: я въ Москвѣ! хотя и не успѣлъ еще осмотрѣть, а, кажется, все тоже, что и Питеръ. Спасибо, братъ, за укладку повозки, а особливо за варенье: оно намъ такъ навертѣло . . . . . и все, что мы хотѣли съ Иваномъ дорогой его съѣсть, да количество насъ устрашало. Еще скажу тебѣ про себя искренно, что дорога въ Москву для меня не болѣе кажется какъ и ѣхать на охоту; а мѣста, братъ, славныя, я уже позамѣтилъ гдѣ можно весной бить вальдшнеповъ. Кланяйся Аленѣ Яковленѣ: не взыщи, что я въ имени ея поставилъ А на мѣсто Е. Спѣшу кончить вранье; иду къ Ѳедору Ѳедоровичу (Кокошкину); прощай покуда. Ѣхали мы то съ Исленевымъ, то съ жандармскимъ офицеромъ и какъ будто подъ арестомъ, а особливо одну станцію, гдѣ смотрѣли на насъ какъ на чудо; ибо три тройки скачутъ: впереди три солдата, по срединѣ—мы, а позади жандармскій офицеръ! Только мы ихъ скоро оставили, ибо быстрота Фрыгину не нравится, а особливо когда онъ слетѣлъ съ саней. Напиши что нибудь ко мнѣ. Кланяйся знакомымъ; засвидѣтельствуй мое почтеніе Сергѣю Николаевичу. Прощай братъ; писать еще покуда нечего, что будетъ дальше, твой другъ Брянской.

Ю. Н. Линская.

(† 1871).

Примѣч. Письмо писано довольно четкимъ, но слабымъ почеркомъ и видимо дрожащею рукой: покойная Линская писала эти строки за двѣ недѣли до кончины, уже сраженная предсмертнымъ недугомъ. Писала она, по поводу празднованія Сосницкимъ шестаго десятилѣтія

его сценической службы, ознаменованнаго оваціями, рѣчами, стихами и т. п. На краю могилы, Линская радушно привѣтствовала престарѣлаго Сосницкаго.

„23-го марта 1871 г.

„Прими великій нашъ артистъ и товарищъ, Иванъ Ивановичъ, чистосердечное поздравленіе отъ Линской, которая не обладаетъ высокимъ краснорѣчіемъ, но скажетъ тебѣ просто: пошли тебѣ Господь еще пожить подольше и украшать твоимъ великимъ талантомъ нашу сцену. Богъ видитъ, какъ скорбѣла душа моя, что моя серьезная болѣзнь лишала меня этого счастья, присутствовать при торжественномъ обѣдѣ, который былъ данъ 21-го марта въ клубѣ Артистическомъ. Въ тотъ день, я была такъ слаба, что не имѣла силъ даже на столько, что(бы) написать хотя поздравленіе, въ полной увѣренности что великій Сосницкій Линской повѣритъ въ истинѣ ея словъ!

Даруй тебѣ Господи здоровья, спокойствія души, въ полномъ удовольствіи и радости встрѣтить Свѣтлый праздникъ; это желаетъ тебѣ истинно, глубоко уважающая нашего генія и великаго артиста—Юлія Линская.

В. И. Рязанцевъ.

(† 1831 г.).

Характеристика Рязанцева—какъ талантливаго художника, прекраснаго товарища и рѣдкой души человѣка—очерченная мастерскимъ перомъ П. А. Каратыгина въ его «Воспоминаніяхъ» [1])—не нуждается ни въ подкраскѣ, ни въ дополненіяхъ. Прилагаемыя письма Рязанцева, въ бытность его еще на московской сценѣ, писанныя къ Сосницкому въ 1825—1828 годахъ, служатъ только матеріалами къ біографіи артиста, бывшаго, къ сожалѣнію, только три года (1828—1831) украшеніемъ петербургской сцены.

[Сентябрь 1825 г.]

„Милостивѣйшій государь, любезный другъ, Иванъ Ивановичъ! Извините меня, что я такъ долго къ вамъ не писалъ: причина тому моя вѣтренность и разсѣянность, въ чемъ я себя никакъ не извиняю. Теперь увѣдомляю васъ, что у насъ въ Москвѣ все по прежнему; но въ Петербургѣ, слышалъ, сдѣлалась большая перемѣна на счетъ театра... Неужели это правда, что вы лишились голоса навсег... не могу окончить; чтобъ утѣшить себя, я никакъ не хочу этому вѣрить, ибо это такая потеря, о которой будутъ сожалѣть обѣ столицы! О себѣ я ужъ не говорю: у меня языкъ не ворочается—не отъ того, отъ чего вы думаете—не ворочается отъ горести. Если это правда, то душевно объ васъ сожалѣю. Дай Богъ, чтобы потеря наша была возвратима... остаюсь между горя и надеждой. Аленѣ Яковлевнѣ засвидѣтельствуйте мое превсенижайшее почтеніе; желаю имъ здоровья и всякаго блага на земли; засимъ остаюсь почитающій и отъ всего сердца любящій васъ—Василій Рязанцевъ.

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1873 г., т. VII, стр. 168—175.

Адресъ: Его благородію Милостивому Государю Ивану Ивановичу Сосницкому, въ контору Императорскихъ театровъ въ Санктпетербургѣ. Почтовый штемпель: Москва 1825 сент. 10.

[1828].

„Любезный другъ Иванъ Ивановичъ! Все, что ты для меня сдѣлалъ, доказываетъ твое доброе сердце и истинное дружеское расположеніе твое ко мнѣ, которое я, въ полной мѣрѣ, умѣю цѣнить и быть за оное вѣкъ тебѣ признательнымъ. Какъ ни грустно мнѣ разстаться съ мѣстомъ, гдѣ я родился и гдѣ провелъ первые дни моей юности; но, видно, судьбѣ и моимъ начальникамъ угодно, чтобы я оставилъ родныхъ, друзей и ѣхалъ въ страну, для меня неизвѣстную, но въ которой надѣюсь съ такимъ другомъ и подобными тебѣ (если такихъ найдти можно) быть столько же счастливому, какъ и здѣсь. Три раза перекрестясь, я подмахнулъ контрактъ, который съ симъ посланнымъ тебѣ и возвращаю. Дѣлай, какъ знаешь; во всемъ на тебя полагаюсь и надѣюсь, что ты не замедлишь копіей съ контракта и присылкой подъема, необходимаго для меня. Во ожиданіи пріятнаго и скораго отвѣта, остаюсь любящій тебя Василій Рязанцевъ.

P. S. Срокъ моему контракту при здѣшнемъ театрѣ, кажется, перваго марта сего 1828 года; слѣдовательно, чѣмъ скорѣе пришлешь „подъемъ", тѣмъ скорѣе меня отсюда „подымешь". В. Р.

Милостивой государынѣ Еленѣ Яковлевнѣ мое низкое высокопочитаніе.

„26-го февраля 1828 г.

„Любезный другъ Иванъ Ивановичъ! Аттестатъ я не могу прислать, покудова мнѣ не выйдетъ срока, то есть по первое марта; а Θ. Θ. Кокошкинъ [1]) послалъ къ министру бумагу, что я противъ нашей дирекціи неблагодаренъ, и чтобы не зачитать мнѣ пятилѣтнюю службу; и, какъ я думаю, очернилъ меня въ этой бумагѣ, какъ можно хуже. Ну, такъ и быть! а аттестатъ я пришлю 4-го или 5-го числа марта мѣсяца. Варвара Александровна, проводивши мужа, очень нездорова. Писать больше нечего; наши всѣ здоровы и тебѣ кланяются; поклонись же и ты Еленѣ Яковлевнѣ. Остаюсь къ услугамъ навсегда Василій Рязанцевъ.

[Мартъ 1828 г.]

„Любезнѣйшій другъ, Иванъ Ивановичъ! Отсылаю тебѣ подробный мой формуляръ. Учился я въ московской гимназіи; вышелъ изъ 3-го класса, вступилъ въ торговлю, а оттуда въ 1821 году опредѣлился въ школу для испытанія: есть ли во мнѣ талантъ,—на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ служить изъ благодарности пять лѣтъ. Я въ школѣ пробылъ три года, выпущенъ

---

[1]) См. о немъ Воспоминанія П. А. Каратыгина «Русская Старина», изд. 1873 г., т. VII, стр. 153—155.

въ 1824 году: зачли одинъ годъ потому, что я, бывши въ школѣ, занималъ амплуа перваго буффа [1]). Теперь я отслужилъ „благодарность" [2]), слѣдственно и конецъ моей службы. Прощай, будь здоровъ. Присылайте скорѣе деньги на подъемъ моей персоны—Рязанцевъ.

Адресъ: Милостивому государю Ивану Ивановичу г-ну Сосницкому. На театральной площади, въ домѣ князя Крапоткина, въ С.-Петербургѣ. Почтовый штемпель: Москва 1828 г. марта 11.

„6-го марта 1828 г.

„Милостивый Государь, любезный другъ, Иванъ Ивановичъ! Посылаю къ тебѣ свой аттестатъ и прошу его доставить въ комитетъ С.-Петербугской дирекціи и сказать, что я его получилъ только пятаго числа. Ну, братъ, въ какихъ я тискахъ находился въ это время, такъ Боже упаси! Прощай, братъ Иванъ Ивановичъ; увидимся—лучше наговоримся, чѣмъ по пустому бумагу марать. Остаюсь къ услугамъ твоимъ Василій Рязанцевъ.

Почтеніе Еленѣ Яковлевнѣ.

М. С. Щепкинъ.

„Отъ 24-го апрѣля 1831 года.

„Христосъ воскресе! Поздравляю тебя, любезнѣйшій, съ помѣщицей, съ прошедшимъ праздникомъ и дай Богъ еще лѣтъ пятьдесятъ мнѣ васъ поздравлять. Мы, кромѣ жены моей, всѣ здоровы, однако-жъ болѣзнь ея удержала меня въ Москвѣ.—Мнѣ немного совѣстно, что я тебя понапрасну тогда затруднилъ; это вышло отъ Якова [3]), который, то чрезъ чуръ лѣнивъ, то чрезъ чуръ прилеженъ. Я къ нему писалъ только, что „я рѣшаюсь пріѣхать къ вамъ къ празднику, ежели слажу съ вашимъ де начальствомъ"—думая не безпокоить его лѣности, и чрезъ четыре дня написалъ къ тебѣ, прося выполнить порученія;—а онъ, голубчикъ, мнѣ сюрпризъ бухъ! „я", говоритъ, „все уладилъ"; и теперь ему-же ужъ я поручилъ и извинить меня передъ начальствомъ, что я ближе августа быть не могу, ибо жена очень нездорова; а ты только помоги ему и если позволятъ мнѣ пріѣхать на оное время, то я тотчасъ вышлю

---

[1]) Въ бытность Рязанцева въ театральной школѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе знаменитой пѣвицы Елизаветы Семеновны Сандуновой (въ дѣвицахъ Лизы Урановой) и этому вниманію былъ, конечно, очень много обязанъ началомъ блестящаго своего поприща. Желая поставить въ свой бенефисъ оперу Моцарта «Титово милосердіе» (Clemenza di Tito), Сандунова затруднялась выборомъ пѣвца для исполненія партіи самаго Тита. Съ цѣлію выбрать кого либо изъ воспитанниковъ, она отправилась въ школу и, прослушавъ нѣкоторыхъ, отдала преимущество Рязанцеву передъ всѣми его товарищами. «Вотъ мой Титъ!» воскликнула она съ восторгомъ, обнимая талантливаго юношу.

[2]) «Отслужить благодарность»—выраженіе техническаго театральнаго словаря: обязательная служба за воспитаніе въ училищѣ, или двухлѣтній срокъ службы послѣ выслуги пенсіи, за ея назначеніе.

[3]) Яковъ Григорьевичъ Брянскій († 1853 г.). П. К.

„Скупаго" и еще кое-что. За присылку піесъ благодарю и при свиданіи сочтемся. Письмо по адресу доставилъ, и онъ обѣщалъ отвѣчать; только это штуки: П. И. Ребристовъ къ нему ноги оттопталъ, а только и слышитъ отъ него что „послѣ"; а въ другое время—что онъ не знаетъ еще куда: тебѣ ли отдать эти деньги, или отослать въ Одессу; а болѣе примѣтно, что или денегъ нѣтъ, или ему не хочется платить. Поклонись г-мъ Каратыгинымъ, Рязанцеву; цѣлую тебя заочно и душевно желаю чтобы здоровье твое было попрочнѣе, а то письма твои даютъ знать, что ты опять страдалъ: не хорошо братъ Иванъ, очень не хорошо. Прощай, твой задушевный братъ и другъ Михайло Щепкинъ.

Авдотьѣ Кирилловнѣ [1]) мое челобитье.

„Отъ 14-го іюля 1832 года.

„Дружище! Сдѣлай милость, приложенное при семъ письмо къ Матвѣю Михайловичу Пинскому доставь самъ немедленно и, коли можно, замолви слово, (оно отъ нашего фамильнаго дѣда Петра Степановича Щепкина), дабы Матвѣй Михайловичъ не отказался выполненіемъ просьбы, въ его письмѣ изложенной. Сдѣлай милость, братъ, не откажись и ты похлопотать въ семъ случаѣ, то есть убѣжденіемъ въ пользу сего письма. Барынѣ поцѣлуй ручку и скажи ей, что у меня въ домѣ завелась работа шерстью. Барышню цѣлую заочно, если только ея желудокъ нуждается въ поцѣлуѣ. Я другой день страдаю зубами. Мои собственно дѣла здѣсь очень смѣшны: меня чрезвычайно ласкаютъ, но ищутъ, кажется, случая укусить побольнѣе; думаю, что я не доставлю имъ сего пріятнаго случая.—Прощай, будь здоровъ, извѣсти меня поскорѣе, что скажетъ М. Михайловичъ на письмо; исполненіе сего порученія, если можно, удвоитъ мою толстую къ вашей милости любовь и почтеніе, съ коимъ пребываю твой другъ и братъ Михайло Щепкинъ.

„Прошу отъ меня изъявить мое истинное почтеніе Матвѣю Михайловичу, при которомъ и я прилагаю покорнѣйшую просьбу: въ пользу дѣда нашего подѣйствовать, тѣмъ болѣе, что онъ извѣстенъ М. Михайловичу по службѣ и по образу мыслей; я же болѣе всего въ семъ случаѣ надѣюсь на правость дѣла и на готовность Матвѣя Михайловича хлопотать и дѣйствовать въ пользу правды. Прощай, зубы замучили.......

„Отъ 29-го октября 1832 г.

„У меня нѣтъ словъ, дружище, извинить себя въ неакуратности, ибо изъ оной вышла кутерьма; по письму твоему я тотчасъ велѣлъ выписать ноты изъ „Стараго гусара" и въ исходѣ сентября отправилъ къ тебѣ чрезъ контору, но, къ досадѣ, не написалъ къ тебѣ объ этомъ ничего; чиновникъ нашей конторы поумничалъ—или солдатъ, который обшивалъ въ холстъ опыя, уничтожилъ надпись, сдѣланную къ тебѣ, а обшивъ сдѣлали просто надпись на имя

---

[1]) Авдотья Кирилловна Ушакова служила въ кор-де-балетѣ. Очень дружная съ Е. Я. Сосницкою и ея мужемъ, она жила у нихъ въ домѣ, занимаясь хозяйствомъ.

П. К.

вашей конторы, которая, получа оныя, спрашиваетъ нашу контору: „что де это за ноты присланы? И такъ, нельзя ли тебѣ чрезъ Рафаила Михайловича похлопотать получить оныя, ибо нашимъ не хочется отвѣчать на вопросъ, потому что бы по бумагамъ не оказалось, что она не принадлежащія казнѣ вещи отправляла подъ своимъ именемъ; а потому, пожалуйста, похлопочи, любезный, чтобы оныя тебѣ отдали и отдадутъ, или нѣтъ—хотя двумя строчками извѣсти меня, дабы я могъ сообщить конторѣ. На другія порученія по письму твоему я не отвѣчалъ въ скорости потому, что не могъ ихъ выполнить; на счетъ обѣщанія Ленскаго, если бы онъ далъ вѣрное слово, я тотчасъ бы тебя извѣстилъ, а потому я полагалъ, что въ этомъ случаѣ поймешь мое молчаніе. Что-же касается до огурцовъ, то, по совѣту многихъ знакомыхъ, я не рѣшился приступить къ выполненію твоего желанія, хоть признаюсь, мнѣ очень было это досадно. Если бы ты писалъ заранѣе, то въ такомъ случаѣ можно было заказать посолить особую бочку огурцовъ, и хотя это было бы подешевле вашего немного, но, по крайней мѣрѣ, можно бы было надѣяться, что вѣрно бы были хороши; ибо должны бы заплатить за тысячу 17 или 18 рублей съ деревомъ; потомъ въ каждой тысячѣ вѣрно, съ разсоломъ, около четырехъ пудъ; за отвозъ не менѣе 2 руб. съ пуда, да на обшивку войлоковъ и цыновокъ—и потому каждая тысяча стоила около 30 руб. Теперь же, какъ время было упущено, надо было покупать и перекладывать изъ огромныхъ бочекъ, а это уже дознано, что переложенные огурцы портятся; и потому я не рѣшился на удалую бросить деньги. Тамъ, хотя и дороже заплотишь, но ты возьмешь вѣрно хорошихъ. Вотъ тебѣ хотя поздній, но вѣрный отвѣтъ въ твоихъ порученіяхъ; но все прости, что былъ неакуратенъ; такъ что-то я раскисъ, хотя между прочимъ у меня пока ладно со всѣми начальниками; теперь же въ добавокъ не такъ здоровъ около трехъ недѣль. Прощай, будь здоровъ. Помѣщицу безцѣнную цѣлую заочно и дай Богъ, друзья мои, чтобъ вы были благополучны: это мнѣ послужитъ лекарствомъ, коль скоро увѣренъ въ этомъ. Брянскимъ мой поклонъ; ежели увидишь г. Мундта [1]) то поклонись ему и напомни, не забылъ-ли онъ о Фарисѣевѣ. Ежели что есть у васъ интересное для бенефиса, то вышли поскорѣй. Прощай, мой другъ! Для чего я не могу обнять тебя лично? о, мнѣ было бы тогда опять легко! Прощай, другъ и братъ; не забывай вѣчно твоего толстяка М. Щепкина.

Пожалуйста, поскорѣе извѣсти: выдадутъ, или невыдадутъ тебѣ ноты.

Авдотью Кирилловну цѣлую.

Сэмэну Тымофіевичу поклонысь нызэнько и скажы, щё объ хлопцяхъ швыдко прышлю папіру.

Жена всѣмъ кланяется.

„Отъ 21-го іюня 1832 года.

„17-го числа сего мѣсяца въ четыре часа по полудни благополучно прибылъ въ Москву, засталъ всѣхъ домашнихъ здоровыми. У меня нѣтъ словъ благодарить васъ, мои любезнѣйшіе, за всѣ ваши ласки и заботы объ моей квадратной и лѣнивой фигурѣ; и дай Богъ, чтобы и я имѣлъ только случай возблагодарить васъ тѣмъ же; будьте здоровы и веселы, цѣлую мою почтен-

---

[1]) Николай Петровичъ Мундтъ († 1866 г.) бывшій секретарь директора театровъ, переводчикъ многихъ піесъ.

нѣйшую помѣщицу заочно, много, много разъ; а барышню столько, сколько потребуетъ ея желудокъ; тебя, моего безцѣннаго воркотуна, цѣлую безъ счету. Водевиль „Станиславъ“ для Вѣры Зубовой [1]) стоитъ 25 р. ассигн. „Дезертеръ“ для г. Шемаева [2]) сто(итъ) 30 р. ассигн., да за пересылку 5 р., итого 60 р.; пожалуйста, не запускай надолго и получи поскорѣе эти деньги. Г-нъ хорошенкій Беккеръ [3]) житья мнѣ не даетъ, коль скоро вспомню его хлопоты. Г-жѣ Люстихъ мое почтеніе, и скажите, что ея сынъ лучше моего. Земляку Петрову [4]) нызенько кланяюсь. Сэмэну Тымофіевичу Спаському покланяйтесь добрымъ здоровьемъ и скажите що запыску объ моихъ хлопцэхъ пришлю съ первой поштою, и колы що зробится добре, то велике спасибі. Изъяви мое истинное почтеніе Рафаилу Михайловичу [5]) и поблагодари за всё его ласки; Брянскимъ—поклонъ и всѣмъ, кто обо мнѣ спроситъ. Прощай, будь здоровъ, дай Богъ, чтобы наступающая стрѣльба не причинила тебѣ вреда и чтобъ я могъ съ удовольствіемъ слышать, что ты здоровъ. Твой вѣчно другъ и покорнѣйшій слуга Михайло Щепкинъ.

Жена моя ей-богу лѣнится писать, а потому и за нее вамъ бью челомъ.

„1833 года февраля 1-го.

„Здравствуй, дружище! все ли ты здоровъ, любезный, здорова ли помѣщица? давно объ васъ ничего не знаю. У насъ существовало повѣтріе: кашель, боль горла и лихорадочные припадки и у твоего покорнаго слуги съ прислугой заболѣло разомъ 21 человѣкъ, лечили какой(то) травой и потому прописали цѣлый куль травы.—Бенефисъ я сдѣлалъ порядочный. Пожалуйста, прикажи выписать поскорѣе комедію: „Балъ у адвоката“ и водевиль: „Двѣ Жоржеты“, одну книгу безъ нотъ и что будетъ стоить—извѣсти, ибо не для меня. Прощай, будь здоровъ. Цѣлую у помѣщицы ручки, а тебя цѣлую на повалъ и остаюсь всегдашній твой другъ и покорный слуга Михайло Щепкинъ.

Авдотьѣ Кирилловнѣ мой поклонъ.

Жена и всѣ домашніе всѣмъ вамъ кланяются.

Брянскимъ—поклонъ.

„Отъ 17-го апрѣля 1833 года.

„Христосъ воскресе! Съ прошедшимъ праздникомъ поздравляю тебя, дружище, вмѣстѣ съ дорогой помѣщицей и дай Богъ вамъ еще десятковъ пять, шесть, оныхъ встрѣтить и проводить въ здоровьи и счастіи. Приложенное письмо при семъ, пожалуйста, доставь Павлу Степановичу Мочалову поскорѣе;

---

[1]) Вѣра Зубова танцовщица, въ свое время замѣчательная красавица. Скончалась въ исходѣ сороковыхъ годовъ, въ помѣшательствѣ.

[2]) Василій Антоновичъ Шемаевъ († 1852 г.) хорошій пѣвецъ, игравшій и въ водевиляхъ; добрый и всѣми любимый товарищъ.

[3]) Николай Герасимовичъ Беккеръ († 1849 г.), занимался перепискою ролей и пьесъ; недурно игралъ характерныя роли; прекрасно рисовалъ и умѣлъ отлично гримироваться. Впослѣдствіи былъ режиссеромъ московскаго театра.

[4]) Знаменитый пѣвецъ-артистъ—Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ.

[5]) Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ († 1870 г.), членъ репертуарной части Петербургскихъ театровъ, извѣстный романистъ, переводчикъ многихъ театральныхъ пьесъ; искренній другъ и глубокій почитатель Сосницкихъ и давній ихъ сосѣдъ по дому.

Г. Бантышеву скажи, что дома у него все здорово и что я ему кланяюсь, а равно Гг. Ивановымъ тоже, что дома у нихъ все обстоитъ благополучно, и передай имъ мой поклонъ. Ежели ты получилъ деньги за высланные мною водевили съ Зубовой и Шемаева, то пожалуйста вышли съ кѣмъ нибудь изъ нашихъ на оные полпуда табаку курительнаго, какой самъ куришь, да ящика три сигарокъ, помнишь? на биржѣ покупали по 8 рублей за ящикъ; а то здѣсь сигарки и дóроги, и не хороши. Поклонись Брянскимъ; у помѣщицы цѣлую ручку. Барышнѣ скажи, что я и по заочности все ея толстый обожатель; прощай, цѣлую тебя, моего друга, и желая всѣхъ благъ тебѣ отъ Бога, остаюсь твой вѣчно другъ и покорнѣйшій слуга Михайло Щепкинъ.

P. S. Василій Андреевичъ Каратыгинъ своимъ высокимъ талантомъ Москву привелъ въ восторгъ. Во всѣ спектакли, въ которые онъ играетъ, не достаетъ мѣстъ; наша старушка Москва умѣетъ цѣнить! Прощай.

„Отъ 11-го мая 1833 года.

„Благодарю тебя, дружище, за табакъ и цыгарки; вотъ, что называется, оживилъ душу, особливо цыгарками. Бантышевъ сказалъ, что ты вопишь, что я не высылаю тебѣ „Петра“ [1]); то это дружище значитъ, что Михайло Петровичъ Погодинъ еще не рѣшается на это: но коль скоро онъ убѣдится(?) то можешь быть увѣренъ, что первый получишь. Евгенія Ивановна Колосова прислала мнѣ письмо для передачи Василью Андреевичу (Каратыгину), съ тѣмъ, буде не застанетъ онаго, то чтобы возвратить оное на ея имя; и какъ письмо не застало ихъ, то, любезный, потрудись вручить Евгеніи Ивановнѣ прилагаемое при семъ письмо съ изъявленіемъ ей моего глубочайшаго почтенія. Василью Андреевичу и Александрѣ Михайловнѣ мое истинное почтеніе и увѣрь ихъ, что я, какъ отецъ, душевно раздѣляю ихъ горе о потерѣ сына. Я знаю, что я дѣлаю немного невѣжливо, что не адресовалъ прямо и не писалъ къ Евгеніи Ивановнѣ; но ты, братъ, поправь это: ты знаешь мою ловкость въ перепискахъ. У помѣщицы цѣлую ручку, „барышнѣ“ поклонъ; Брянскимъ кланяйся. Прощай, дружище; цѣлую тебя и остаюсь вѣчно твой другъ и покорнѣйшій слуга Михайло Щепкинъ.

„1846 года, ноября 22-го дня.

„Здорово, старый дружище! Какъ хочешь—а выручай изъ бѣды! За своею болѣзнію я не успѣлъ приготовить къ своему бенефису ничего, кромѣ одной комедіи, въ которой впрочемъ для меня была очень хорошая роль. Но, къ несчастію, цензура не пропустила и эту комедію,—а потому я теперь въ такомъ положеніи, что легко могу остаться безъ бенефиса. Во избѣжаніе этого, пришли, братъ, мнѣ съ первою почтою водевиль „Станокъ Жакара“, который, какъ мнѣ помнится, я отдалъ тебѣ. Только, пожалуйста, вышли цензурованный...; да ужъ кстати, ежели у тебя есть, то и роль,—а то, до бенефиса времени мало; пожалуйста, постарайся поскорѣе выполнить мою просьбу. У помѣщицы цѣлую ручку, а тебя отъ души обнимаю и остаюсь вѣчно твой: Михайло Щепкинъ.

Сообщ. **И. Ѳ. Горбуновъ.**

---

[1]) Трагедія М. П. Погодина, въ 1875 году она была напечатана.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

XXXVII [1]).

Въ предыдущей главѣ я указалъ на два—три примѣра того, какъ наживали деньги, въ блаженное старое время, должностныя лица изъ духовенства; теперь укажу на нѣсколько примѣровъ изъ быта духовенства сельскаго.

Одинъ священникъ, короткій мой знакомый, поступилъ во священники, по окончаніи семинарскаго курса, на мѣсто тестя,—въ старинный, полный домъ. Тотчасъ онъ сошелся со старикомъ-помѣщикомъ, и льстилъ ему, елико возможно. Баринъ честь любилъ, и жилъ, какъ и подобало жить барину прежнихъ временъ,—ѣлъ, пилъ, спалъ и лишь раза три—четыре въ день ткнетъ въ рыло лакею, больше же этого по хозяйству не дѣлалъ ничего. Священникъ сдѣлался докладчикомъ и совѣтникомъ по всѣмъ его дѣламъ: нужно-ли снять у барина въ аренду мельницу,—попросятъ сперва батюшку; купить-ли лѣсу,—сперва толкнутся къ батюшкѣ; провинился-ли мужикъ,—за защитой къ батюшкѣ; освободить-ли сына отъ солдатчины,—за ходатайствомъ къ батюшкѣ. И такъ во всемъ.... Священникъ цѣну себѣ понялъ скоро: кто больше дастъ, того и дѣло право. Барскаго лѣсу самъ онъ могъ рубить, даже для продажи, сколько угодно; земли бар-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562; томъ XXV, стр. 457—492; 609—636; томъ XXVI, стр. 433—460. Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494; томъ XXVIII, стр. 144—145; 261—288; 449—476; 667—708.

ской могъ брать, сколько угодно; крестьяне обработывали его поля; вся домашняя прислуга была отъ барина и при томъ дѣло это велось такъ: нянька, кухарка, кучеръ и работникъ живутъ и служатъ у священника; но завтракать, обѣдать и ужинать ходятъ къ себѣ домой. Такимъ образомъ онъ получалъ, на вѣрное, развѣ только немногимъ меньше самаго барина.

Въ приходѣ: вынь да положь, за каждую требу, впередъ. Пришелъ крестьянинъ, постомъ, исповѣдываться,—впередъ положь гривну; нѣтъ,—ступай прочь [1]). Пришелъ крестить младенца,—деньги впередъ; нѣтъ, или мало,—ступай домой. Каждый женихъ долженъ пахать непремѣнно три дня; каждая невѣста—три дня жать или молотить. Безъ этого и вѣнчать не будетъ. Станетъ собирать хлѣбомъ,—мужикъ, хоть тресни, а попово лукошко насыпай полнò. Мужикъ въ амбаръ, и батюшка за нимъ. Мужикъ насыпаетъ, а батюшка смотритъ и понукаетъ: „а—ну, сыпь, сыпь, не скупись“!

— Да у тебя, батюшка, лукошко-то больно велико, туда полѣзетъ ползакрома.

— Велико! Чай не я его дѣлалъ. Ну еще немножко: ну еще лоточекъ; да не скупись же!

Мужикъ мнется, а батюшка настаиваетъ: „насыпай N. N., насыпай! Пригодится и попъ когда нибудь. Сына-то, небойсь, женить будешь скоро!“ Какъ мужичекъ ни бьется, а батюшка, все-таки, своего добьется,—лукошко батюшкино полнò. Иногда дѣло это ведется у него еще проще: мужичекъ мнется, задѣваетъ по поллоточку,—батюшка выходитъ изъ терпѣнія и, какъ бы, шутя: „Эхъ ты, N. N! Ты не умѣешь и насыпать! Ты вотъ какъ“! Возметъ у него изъ рукъ лотокъ, да и насыпетъ полно лукошко.

Приспѣла свадьба,—тутъ мужичку, просто, въ смерть: принеси и гуся, и коровай хлѣба, и водки, и возокъ сѣнца привези, и сдѣлай какую нибудь услугу, въ родѣ чистки двора, подводы въ городъ и тому под. А деньги—деньгами,—это, конечно, само со-

---

[1]) Послѣдствіемъ этого было то, что три деревни, почти поголовно, отпали было въ расколъ. Священникъ перестатъ требовать платы, сталъ брать, что дадутъ,—и крестьяне, почти всѣ, стали опять ходить въ церковь.

Сельскій священникъ.

бой. Назначитъ батюшка 10 р., а мужичекъ даетъ 3 р. И пойдетъ торгъ, Боже мой! Дня три ходитъ мужикъ вымаливать, и каждый разъ долженъ принести что нибудь. Мужикъ встанетъ на колѣна,—молитъ, чуть не плачетъ; а батюшка сидитъ себѣ, и знать ничего не хочетъ: „давай, что сказано, и баста"!

За пасхальные и праздничные молебны батюшка опредѣлилъ брать, положимъ, 20 к. Мужикъ даетъ 15 к. Вынь да положь еще 5 к.! Иначе и служить не станетъ.

Я, однажды, спрашиваю его: зачѣмъ вы просите денегъ до совершенія требы? Вѣдь это слишкомъ неблаговидно!

— Неблаговиднаго тутъ ровно нѣтъ ничего. Я беру за свой трудъ. Но наше, поповское, дѣло,—не купеческое. Тамъ купилъ, не понравился товаръ и купецъ всегда согласится возвратить деньги и принять товаръ обратно. А мы: отслужимъ молебенъ, мужикъ не дастъ ничего или дастъ 2—3 к., что же тогда? Вѣдь молебна назадъ не возмешь. И ссорься съ нимъ! У меня дѣло на честность—отдашь деньги,—я служу, не отдашь, — не буду. Ссоры у насъ и быть не можетъ, и не надуетъ никто. А то вотъ видите, что бываетъ: недавно меня просила барыня Ольга Ѳедоровна З—нъ служить всенощную; послѣ всенощной, я отслужилъ молебенъ съ водоосвященіемъ, потомъ молебенъ Ольгѣ и наконецъ панихиду. Послѣ чего она и даетъ мнѣ два двугривенныхъ. Я раскланялся, сказалъ, что, изъ уваженія къ ней, служилъ ей даромъ и положилъ на столъ передъ нею ея двугривенные. А она... хоть бы моргнула. Вотъ за этимъ-то я и беру за все впередъ.

Въ домѣ экономія во всемъ страшная: для кухни онъ выдаетъ все самъ, или, по крайней мѣрѣ, все показывается ему, что берется изъ амбаровъ или погребовъ. Выдастъ, напримѣръ, муки, уровняетъ въ ларѣ или закромѣ дощечкой и наложитъ ладонь. Приходитъ выдавать въ слѣдующій день, видитъ, что отпечатокъ ладони его,—и выдастъ. Ѣстъ онъ Богъ вѣсть что! что погнило и попрѣло—ѣстъ онъ; все же хорошее продаетъ.

Въ домѣ у него очень чисто; и самъ онъ и семейные его одѣваются, тоже, очень чисто, хотя все изъ самаго дешевенькаго. Читаетъ очень много и самъ выписываетъ одну газету мѣстную, одну Петербургскую, два журнала духовныхъ и три свѣтскихъ. Хлѣба засѣваетъ и нынѣ очень помногу и на всѣхъ работахъ

неотлучно отъ зори до зори. Въ полѣ и на гумнѣ онъ постоянно ходитъ, сидитъ, смотритъ за работой и, въ тоже время, читаетъ. Дѣти всѣ воспитываются хорошо.

И я хорошо знаю, что деньги у него есть.

Въ Самарской губерніи былъ, и, кажется, живъ и до сего дня, нѣкто отецъ Онисимъ. Въ то время, когда населялся заволжскій край, онъ изъ дьячковъ поступилъ въ одно изъ отдаленныхъ, новостроившихся селъ во священники. Человѣкъ онъ былъ малограмотный, но практичный въ высшей степени. Земли свободной, казенной было множество, земля плодородная, отдавалась въ аренду по 10 к. за десятину, — и отецъ Онисимъ принялся за пшеницу. Вскорѣ онъ расширилъ свои посѣвы до 100 сошельниковъ (400 д.). Прихожане его, народъ, собранный изъ разныхъ внутреннихъ губерній, народъ вначалѣ былъ бѣдный. От. Онисимъ устроилъ двѣ вѣтрянныя мельницы, поставилъ кузницы и открылъ торговлю всѣмъ, что нужно крестьянину. Тамъ были: сита, корыта, лопаты, топоры, деготь, словомъ все, до послѣдней мелочи, и сдѣлался настоящимъ торгашемъ-кулакомъ. Благочиннымъ былъ у него нѣкто, здравствующій и теперь, Н. Ѳ. П., человѣкъ очень ловкій. Я обоихъ зналъ ихъ, какъ нельзя лучше. Какъ только, бывало, Онисимъ сотворитъ какую-нибудь плутню и хапнетъ, — благочинный и тутъ, какъ изъ земли выскочитъ, накроетъ Онисима, не дастъ и денегъ припрятать. Онисимъ былъ кулакъ, но трусъ, а благочинный дѣлецъ. Хапнетъ Онисимъ, а благочинный и на дворъ. И Онисиму приходится и хапчину отдать, да и своихъ прибавить малую толику. Однажды, случилось благочинному у Онисима ночевать. Ночью стучатся въ окно къ Онисиму: „Батюшка! Встань, вѣтерокъ потянулъ, смели мѣшечекъ!“ Благочинный: „Ч-т-о? Смо-ло-ть? О-ни-симъ! Да развѣ ты мельникъ? Я думалъ, что я пріѣхалъ къ священнику, а выходитъ, что къ мельнику. Дьяконъ! (благочинный ѣздилъ всегда съ своимъ дьякономъ). Встань и сейчасъ запечатай мельницу“. У дьякона кусокъ тесьмы былъ привезенъ изъ дому. Сейчасъ пошелъ, опуталъ крылья у мельницы тесьмой и припечаталъ къ столбу. По утру, Онисимъ далъ его высокопреподобію сотнягу, да дьякону на кафтанишко, — и мельница завертѣлась опять.

Церкви въ селѣ у Онисима не было долго. Какъ только, бывало, зайдетъ съ Онисимомъ рѣчь о благочинномъ, Онисимъ

крякнетъ: „да я двѣ церкви выстроилъ-бы, сколько я передавалъ благочинному“.

Въ селѣ Б. Б—цѣ былъ волостнымъ головою нѣкто Иванъ Андреевичъ, мужикъ очень умный, засѣвавшій пшеницы по нѣскольку сотъ десятинъ, съ купеческимъ капиталомъ и, вдобавокъ, богачей-мужиковъ обиравшій безпощадно. Однажды, жена его Мавра Алексѣевна пріѣхала къ обѣднѣ и, какъ-то, съ ней въ церковь вбѣжала ея собаченка. Чутье у благочиннаго было необыкновенное: сейчасъ учуялъ онъ, откуда пахнетъ деньгами. Онъ прискакалъ на другой же день и запечаталъ церковь. И... Иванъ Андреевичъ сотню оттащилъ ему.

Это было въ 1840-хъ годахъ. Въ то время, въ этомъ селеніи, церковь была еще одна, деревянная, внутри оклеенная холстомъ и, конечно, окрашена. Какъ-то, однажды, и отклеись лоскутокъ холста вверху на четверть. Благочинный сейчасъ въ Г—цу и запечаталъ церковь. Прихожане этого огромнаго селенія въ то время были богачи, большинство изъ нихъ посѣвы свои считали сотнями десятинъ, поэтому собрать какую-нибудь сотню рублей имъ не стоило ничего и, дѣйствительно, пока благочинный у священника закусывалъ, прихожане собрали и поднесли ему 100 р. и двери церкви отворились.

Когда пріѣзжалъ онъ въ какое-нибудь село, то у тарантаса его стояли, по-очередно, и день и ночь дьячекъ съ пономаремъ, какъ-бы для охраненія дѣловыхъ бумагъ и казенныхъ денегъ. Ѣздилъ онъ всегда пятерикомъ.

Нѣкто о. Сердобовъ, тоже благочинный, также хорошо зналъ въ которомъ омутѣ лучше ловится рыба, и спуску никому не давалъ. Но главная профессія его была перекупка хлѣба, — проса и пшеницы. Село, гдѣ жилъ онъ, было недалеко отъ Волги и онъ цѣлыя бѣляны грузилъ своимъ хлѣбомъ и отправлялъ въ Астрахань. (Пароходовъ, въ то время, еще не было, а бѣляна тоже, что баржа, только болѣе грубой работы).

Заволжскіе крестьяне, въ началѣ заселенія этого края, жили необыкновенно богато; очень богато жило и духовенство. Но, не смотря на это, оно выказывало необыкновенную способность на изобрѣтеніе способовъ обогащенія. Бывшій, въ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ, священникомъ въ с. Пестравкѣ, Самарской губерніи, и благочиннымъ, Хрисанфъ Яковлевичъ Рождественскій,

переведенный потомъ въ г. Новоузенскъ протоіереемъ, говорилъ мнѣ однажды, когда я самъ уже былъ благочиннымъ: „Эхъ-хе-хе! что Новоузенскъ? Деревня: то ли дѣло Пестравка! Я тамъ собиралъ даже брагой (домашнее пиво). Передъ масляной велишь работникамъ поставить на двое саней по бочкѣ, да пойдешь по дворамъ собирать брагой. Выходитъ кто нибудь изъ хозяевъ: „Эхъ, батюшка, ужъ какая брага, что твой медъ!“—„Ну, лей сюда“. Другой хозяинъ говоритъ: „не удалась, батюшка, наша бражка, плоха вышла“.—„Эту лей сюда“. И такимъ образомъ наберу двѣ сорокоуши браги“.

— Куда же вы дѣвали ее?

— А вотъ куда: приходитъ масляница, почти всѣ, и мужики и женщины, передъ постомъ, идутъ ко мнѣ прощаться [1]). Мужики идутъ ко мнѣ, а жены ихъ къ моей женѣ на кухню. Мужикъ несетъ мѣшокъ пшеницы, или тушку баранины, а бабы—колотаго гуся, индѣйку или полтушки баранины. Этой-то брагой мы и угощаемъ ихъ. И мужики и бабы такъ ужъ и знаютъ, что они будутъ пить у насъ свою брагу. Дѣло тутъ не въ брагѣ, а въ томъ, что ихъ угощаютъ батюшка съ матушкой.

— Сколько же давалъ вамъ доходу этотъ фокусъ?

— Пшеницы пудовъ 500, да мяса и птицы пудовъ 50. Посолимъ и птицу и мясо, да и кормимъ лѣтомъ рабочихъ. Хлѣба я сѣялъ помногу, покупнымъ кормить дорого стоило бы.

Нѣтъ сомнѣнія, что я взялъ крайности, что я взялъ въ примѣръ людей, выдающихся притязательностью; но духовенство, вообще, находится въ такомъ положеніи, что люди и самые честные, и самые благородные, или, по крайней мѣрѣ, люди застѣнчивые, не могутъ не настаивать или, по крайней мѣрѣ, не припрашивать при полученіи платы за нѣкоторыя требоисправленія, какъ бы ни было больно это ихъ сердцу.

Сельское духовенство имѣетъ жалованья: настоятель 140 р., помощникъ его 108 р., псаломщикъ-дьячекъ 36 р., псаломщикъ—пономарь 24 р. въ годъ [2]). При назначеніи жалованья, было Вы-

---

[1]) Въ этомъ селѣ я бывалъ много разъ. Очень богатое, въ то время, село и, вѣроятно, около 3,000 жителей мужескаго пола.

[2]) Изъ этого жалованья удерживается въ пенсію 2%.

Сельскій Священникъ.

сочайше повелѣно: не брать ни за какія обязательныя требы, какъ-то: крещеніе, исповѣдь, бракъ, елеосвященіе, причащеніе, и погребеніе, и дозволено брать только добровольныя подаянія за требы необязательныя: молебны, панихиды и литургіи.

Не смотря на Высочайшее повелѣніе и жалованье, брать за обязательныя требоисправленія доховенство не переставало. Поэтому, чрезъ нѣкоторое время, послѣдовало вновь Высочайшее повелѣніе: за обязательныя требы не брать. Духовенство осталось на жалованьѣ и на добровольныхъ платахъ за добровольныя требоисправленія. Но что значитъ добровольная плата? Значитъ дать, по моей доброй волѣ,—что мнѣ вздумается. Свещенники же и причтъ его должны быть довольны этою добровольною платою. Одинъ, напримѣръ, крестьянинъ даетъ за молебенъ, положимъ, 30 к.—священникъ беретъ и благодаритъ; другой даетъ 10,—священникъ благодаритъ; третій даетъ 3 к.,—священникъ благодаритъ и этого. Всякому совершенно естественно платить, за чтобы то нибыло, насколько возможно, дешевле. Зачѣмъ, напримѣръ, я буду платить за фунтъ хлѣба 30 к., когда хлѣбникъ будетъ доволенъ, если я дамъ ему 3 к.? Молва о томъ, что попъ беретъ за молебны и по 3 к. разнесется по приходу мгновенно. И священникъ не успѣетъ пройти и четверти деревни, какъ всѣ крестьяне будутъ платить ему за молебны 3 или 5 к. Такъ и было со мной, когда я, въ первую Пасху, получалъ плату за молебны самъ и не припрашивалъ ничего; такъ у меня бываетъ и нынѣ при молебнахъ и нанихидахъ въ церкви,—обыкновенная плата 1 или 3 к. Тутъ только и наверстываешь тѣмъ, что служишь многимъ вмѣстѣ; если же служишь и для одного,—плата та же 1 или 3 к. Мною уже испытано, что, въ полномъ смыслѣ слова, добровольная плата не даетъ доходу на весь причтъ 50 р. въ годъ, въ приходѣ въ 1,800 душъ мужескаго пола. Поэтому, при казенномъ жалованьѣ и добровольныхъ пожертвованіяхъ, духовенство хотя и „облагорожено", но средства къ содержанію его намного уменьшились. Этихъ оставшихся средствъ оказалось рѣшительно недостаточно къ его существованію. Поэтому крайняя нужда и увѣковѣченная привычка брать за всѣ требоисправленія дѣлаютъ насъ преступниками Высочайшей воли: духовенство беретъ и нынѣ за всѣ требоисправленія. Правда, консисторіи нашли возможность обойти и этотъ законъ—не

брать за обязательныя требы: онѣ разрѣшили брать за запись требъ, т. е. за крещеніе, напримѣръ, не брать, но за запись крещенія въ метрику,—брать; за совершеніе таинства брака не брать; но за запись брака брать можно. Такъ пишется у насъ и въ братскихъ нашихъ доходныхъ книгахъ. Сколько же брать за запись,—этого не опредѣлено. Это опять добровольно. На чьей сторонѣ должна быть эта добрая воля,—этого опять не сказано. А поэтому она и бываетъ всегда на сторонѣ того, кто болѣе настойчивъ. Берется за письмоводство. При бракѣ письма столько же, что и при крещеніи,—пять строкъ; однако же за запись крещенія берется 10 к. и за запись брака 10 р. (я беру среднее число). И это мы должны назвать дѣломъ справедливымъ, честнымъ?! Въ такія ложныя отношенія къ приходамъ поставлено сельское духовенство!...

Но городское духовенство имѣетъ право брать за всѣ требоисправленія безъ стѣсненія совѣсти, на законномъ основаніи: городскому духовенству жалованья не положено и оно оставлено жить доходами отъ требоисправленій. Чтобы уяснить себѣ положеніе священника при такихъ условіяхъ жизни, я кратко покажу, кѣмъ пастырь долженъ быть при совершеніи таинствъ и молитвословій, по ученію Слова Божія, и какъ дѣло это практикуется, по установившимся обычаямъ, утвержденнымъ закономъ.

Священникъ есть посланникъ Божій, вѣстникъ Его Св. воли, руководитель людей въ любви къ Богу и ближнимъ и, слѣдовательно, умиротворитель вражды всякаго рода. Всѣ силы души его всецѣло должны быть посвящены тому, чтобы между людьми былъ полный миръ, согласіе и братская любовь; любовь же между нимъ самимъ и тѣми, которыхъ онъ руководитъ къ любви, тѣмъ болѣе, должна быть самая безкорыстная, безупречная, чистая и полная. Словомъ: пастырь и пасомые должны быть взаимно любящіе другъ друга, отецъ и дѣти. Всякая радость и горе пасомаго должны быть также близки сердцу пастыря, какъ близки и отцу радость и горе дѣтей его.

Родился новый членъ семейства,—священникъ чрезъ таинства крещенія и мvропомазанія освящаетъ его и радуется, вмѣстѣ съ родителями и воспріемниками, и какъ новому члену семейства, и какъ новому члену Христовой церкви.

Чрезъ 40 дней послѣ рожденія, мать приноситъ младенца въ

храмъ,—и священникъ молится вмѣстѣ съ ними о здравіи и спасеніи ихъ обоихъ и на глазахъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ воцерковляетъ его и предъявляетъ всѣмъ, что принесенный въ храмъ есть такой же членъ Христовой церкви, какъ и всѣ они, и радуется со всѣми новому сочлену.

Прихожанинъ благодаритъ Господа за ниспосланную ему особенную Его милость,—священникъ совершаетъ благодарственное молитвословіе и, вмѣстѣ съ духовнымъ сыномъ своимъ, благодаритъ Господа за ниспосланную милость Его и сорадуется радости сыновней.

Прихожанинъ имѣетъ нужду въ особенной помощи Божіей и проситъ своего пастыря помолиться съ нимъ вмѣстѣ, чтобы Господь услышалъ ихъ общую молитву,—и пастырь, какъ отецъ, сочувствующій нуждѣ сыновней, молится о ниспосланіи милости Господней.

Пасомый возчувствовалъ свое грѣховное состояніе и желаетъ излить свою душу предъ Богомъ и духовнымъ отцемъ своимъ,—и пастырь пріемлетъ его исповѣдь, утѣшаетъ, вразумляетъ и именемъ Божіимъ объявляетъ ему прощеніе его согрѣшеній и преподаетъ ему тѣло и кровь Господню.

Прихожане желаютъ вступить въ бракъ,—священникъ вводитъ ихъ во храмъ Господень, молится вмѣстѣ съ ними и освящаетъ этотъ союзъ.

Постигло народное бѣдствіе,—засуха, и грозитъ общимъ голодомъ,—священникъ молится, вмѣстѣ съ духовными дѣтьми своими, объ отвращеніи этой страшной смерти.

Человѣкъ чувствуетъ себя тяжко больнымъ,—священникъ помазуетъ его освященнымъ елеемъ и, вмѣстѣ съ домашними и ближними, молится объ изцѣленіи его отъ болѣзни и прощеніи его согрѣшеній.

Пришелъ день воспоминанія пришествія на землю во плоти Спасителя міра,—и священникъ, какъ ангелъ, какъ вѣстникъ Божій, возвѣщаетъ эту всемірную радость въ жилищахъ его паствы,—славитъ родившагося Христа.

Въ день крещенія Господня пастырь освященною водою, изображающею, какъ-бы, ту воду, въ которой погружался Господь при крещеніи, опять ходитъ по домамъ паствы его и окропляетъ и пасомыхъ и ихъ жилища.

Въ первый день Св. Четыредесятницы священникъ молится съ пасомыми о ниспосланіи помощи Божіей въ трудномъ подвигѣ поста, сердечнаго сокрушенія и покаянія во грѣхахъ, яко да сподобятся въ чистой совѣсти причаститься неосужденно Божественному Тѣлу и животворящей Крови, изліянной за весь міръ, во оставленіе грѣховъ.

Въ день воскресенія Христова, православные христіане выражаютъ радость свою общими поздравленіями и лобызаніями,—и первое поздравленіе и лобызаніе несутъ къ своему пастырю. Пастырь въ храмѣ благословляетъ ихъ яства и идетъ въ домы ихъ прославить воскресшаго Спасителя міра и тѣмъ увеличиваетъ ихъ радость.

Пасомый чувствуетъ приближеніе смерти,—и пастырь напутствуетъ его въ жизнь вѣчную надеждою на милосердіе Божіе и преподаетъ ему Тѣло и Кровь Господню, дарующую животъ вѣчный.

Болѣвшій помираетъ,—священникъ сопровождаетъ прахъ его въ храмъ Господень и молится, вмѣстѣ съ его родными и ближними, о упокоеніи души его; приноситъ безкровную жертву о здравіи и спасеніи живыхъ и усопшихъ.

Словомъ: священникъ есть постоянный и неразлучный спутникъ пасомыхъ имъ христіанъ со дня рожденія ихъ до могилы, и молитвенникъ о нихъ по смерти. Вся жизнь его всецѣло должна быть посвящена его паствѣ. И—святая, богоугодная жизнь прихожанъ, и сыновнее довѣріе, преданность и любовь къ нему паствы должны быть ему наградою.

Но священникъ не безплотный ангелъ небесный. Ему нужны помѣщеніе, пища, одежда, книги; ему нужны средства содержать свое семейство и доставлять содержаніе его помощникамъ,—причту. Гдѣ же эти средства? Ему и сказано: бери съ своихъ духовныхъ дѣтей деньги за все, что ты дѣлаешь для нихъ, и этими деньгами содержитесь и ты самъ, и семья твоя, и причтъ твой.

Имѣя въ виду исключительно только эти средства къ своему существованію, новопоставленный пастырь отправляется къ своей паствѣ.

Въ приходѣ приносятъ къ нему младенца для совершенія надъ нимъ таинствъ крещенія и муропомазанія,—для освященія и усвоенія крещеннымъ даровъ Св. Духа.

— За это, кумъ, заплати. Этимъ долженъ существовать и я самъ, и семья моя, и причтъ мой.

Чрезъ 40 дней послѣ рожденія, мать приходитъ съ младенцемъ въ храмъ для воцерковленія младенца.

— Заплати! Хоть гривну, а давай.

Получитъ пасомый милость Божію, хочетъ излить предъ Господомъ чувства своей предъ Нимъ благодарности и проситъ своего пастыря поблагодарить за Его милосердіе и порадоваться вмѣстѣ съ нимъ его благополучію.

— А что заплатишь за это?

Постигло человѣка несчастіе; онъ обращается съ молитвою къ Господу, Его Пресвятой Матери и св. угодникамъ и проситъ своего отца духовнаго помолиться о немъ.

— Хорошо! Но только за это заплати.

Возчувствовалъ христіанинъ свою грѣховность предъ Господомъ, желаетъ излить предъ Нимъ свою сокрушенную душу, проситъ священника принять его исповѣдь,—утѣшить, вразумить, укрѣпить болящую душу его; властію, данною ему Господомъ, дать ему отпущеніе согрѣшеній его и преподать ему Тѣло и Кровь Господню.

— Дѣло это, безспорно, прекрасное; но все-таки, другъ мой, за это ты долженъ мнѣ заплатить.

Прихожане желаютъ вступить въ бракъ и просятъ своего пастыря освятить ихъ союзъ и помолиться о нихъ.

— А что дадите за это?

Тутъ идетъ уже торгъ, и торгъ, у многихъ, самый позорный, самый унизительный. Тутъ припомнятся всѣ старыя недоплаты, недосыпки хлѣба съ одной стороны, и обѣды и угощенія,—съ другой. Выйдутъ тутъ на сцену и гуси, и индѣйки, и бараны, и водка. Тутъ пойдутъ и ссоры, и мировая, и выпивка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надбавка: одинъ полтинникъ прибавитъ, другой четвертакъ прибавитъ. И, Боже мой, что тутъ творится!...

Постигаетъ народное бѣдствіе—засуха, и грозитъ общимъ голодомъ. Но религіозное чувство въ народѣ сильно, вѣра въ милосердіе Божіе полная,—и прихожане просятъ своего священника помолиться съ ними вмѣстѣ и обойти съ иконами ихъ посѣвы.

— Молиться я готовъ; но нужно же за это мнѣ и заплатить, иначе я умру съ голоду прежде васъ всѣхъ.

Одинъ членъ семейства страшно боленъ, и боленъ давно. Всѣ имѣющіяся подъ руками медицинскія средства были употреблены, а помощи нѣтъ. Одна теперь надежда на помощь Божію. „Батюшка! Помолись о немъ, соверши надъ нимъ таинство елеосвященія", говорятъ ближніе.

— Изволь, я сдѣлаю это съ удовольствіемъ,—помолюсь; но только заплати.

Пришли дни Рождества Христова и Богоявленія. Хочешь ли ты, чтобъ я пришелъ къ тебѣ съ крестомъ и Св. водою, не хочешь-ли,—это мнѣ все ровно, я все-таки приду, и хоть грошъ, а заплати. Мнѣ самому невыносимо больно быть наянливымъ; но чтожъ я буду дѣлать, когда мнѣ не дано никакихъ другихъ средствъ къ моему существованію? Я брошенъ въ міръ безъ дому, безъ хлѣба, безъ денегъ. Крайняя нужда заставляетъ меня быть наянливымъ. Я знаю, что ты осудишь меня. Но не осуждай, незнавши дѣла!

Пришелъ великій постъ,—и батюшка шлепаетъ по приходу, съ первой недѣли до послѣдней, съ молитвою „въ началѣ поста св. Четыредесятницы", собирая зерномъ, курами и кусками сала.

Пришла св. Пасха; православные христіане, въ восторгѣ радости, поздравляютъ своего пастыря съ великимъ праздникомъ и желаютъ цѣлованіемъ съ нимъ, какъ дѣти съ отцомъ, выразить свою радость.

— За то, что я поцѣлуюсь съ вами, давай яйцо!

Прихожане просятъ прославить воскресшаго изъ мертвыхъ Спасителя, въ домахъ ихъ, и съ благоговѣніемъ встрѣчаютъ св. иконы, предъ своими домами, съ хлѣбомъ-солью.

— Хлѣбъ-то ты отдай мнѣ, а соль ссыпь просфорнѣ; заплати мнѣ и за то, что я буду прославлять Спасителя въ твоемъ домѣ. Да давайте по яйцу съ каждаго семьянина за то, что я буду цѣловаться съ вами.

Прихожанинъ чувствуетъ приближеніе смерти и желаетъ напутствованія въ жизнь вѣчную.

— Дѣло христіанское, святое; но... заплатить мнѣ за это, все-таки, надо. Ты боленъ тѣломъ, но у меня болитъ душа, можетъ быть, болѣе твоего, требуя платы за то дѣло, которое я долженъ сдѣлать. Но куда же мнѣ дѣваться, когда такъ устроено дѣло моего служенія!...

Умираетъ больной, ближніе его неутѣшны. Все желаніе ихъ теперь, чтобы Господь сподобилъ его вѣчнаго упокоенія. Надежда на милосердіе Божіе есть единственное утѣшеніе въ скорби,— и они, со слезами на глазахъ, просятъ священника помолиться о немъ.

— Молитва объ усопшемъ,—дѣло великое, святое и, вмѣстѣ, это есть знакъ безкорыстной любви нашей къ усопшему. Молиться я буду; но только за то, что я помолюсь о немъ въ вашемъ домѣ, предъ выносомъ въ храмъ,—плата; за то, что я пройду при гробѣ отъ дому до храма,—другая; за молитву въ храмѣ,—третья; за проводы отъ храма до могилы,—четвертая; за то, что я выну часть изъ просфоры при литургіи,—пятая; за самую литургію,—шестая; за запись на вѣчное поминовеніе,— седьмая.

Да что же, наконецъ, все это такое, скажите ради Бога!... И это называется естественнымъ, нормальнымъ состояніемъ? И это такъ должно быть? И это не считается позоромъ для религіи? И эта плата, убивающая святое, благоговѣйное настроеніе и въ пастыряхъ и въ пасомыхъ, служитъ средствомъ къ жизни пастырямъ? И все это узаконено?!...

— Да.

— Значитъ все это хорошо, все это такъ и быть должно?

— Иначе и не узаконялось бы.

Мы можемъ, однако же, положительно быть увѣренными, что все это измѣнится, и измѣнится въ скоромъ времени. Ручательствомъ этому тѣ необъятно великія преобразованія, совершенныя и совершающіяся теперь предъ нашими глазами. Если не доживемъ мы, такъ увидятъ это наши ближайшіе потомки. Въ это наша крѣпкая вѣра.

— Сколько же давать за все, скажите, по крайней мѣрѣ?

— Ну, въ этомъ мы поторгуемся!... Съ бѣднаго можно взять по меньше, а состоятельнаго можно и поприжать.

Пастырю, вѣстнику воли Божіей—„поприжать“!... Какую тоску наводитъ это слово!...

Кромѣ того, что пастырю совсѣмъ не слѣдовало бы „поприжать“—мужичка есть кому „поприжать“ и безъ него, особенно, если онъ сидитъ на знаменитомъ Гагаринскомъ надѣлѣ. Отцы-благодѣтели „выручатъ его изъ нужды“, дадутъ ему зимой

возокъ соломки, да и выговорятъ за него десятинку спахать, сборонить, посѣять, сжать, смолотить, провѣять и къ благодѣтелю въ амбаръ свезти. А если понадобится не одинъ возокъ, а 5—6, и хворостку возокъ-другой, да и водицы напиться [1]), то благодѣтельская-то контора и залапитъ его, чуть не на круглый годъ. Кромѣ того, мужичку нужно снять землицы подъ яровой хлѣбъ, купить лѣску, снять подъ покосъ,—за все это съ него возьмутъ безбожныя цѣны. Ему нужно, можетъ быть, купить лошадку, коровку, овечку, снять у благодѣтеля выгонъ, отдать пастухамъ, уплатить подати государственныя, земскія, налоги волостные, сельскіе, гарантію желѣзной дороги; нужно ѣсть и одѣться, обуться, самому, семьѣ; купить упряжъ, соху и пр. и пр. Ему дорогà каждая копѣйка. Невыносимо тяжела была жизнь крестьянина во время его рабства; но многимъ не легкà она и теперь. Тогда били кнутомъ, а теперь рублемъ. Теперь, когда явились Гагаринцы-благодѣтели, поясочками, платочками и медовыми рѣчами сбившіе съ толку крестьянъ и заставившіе ихъ принять по одной десятинѣ,—и новые землевладѣльцы-купцы, то многимъ крестьянамъ пришлось слишкомъ тяжело. Землевладѣльцы-купцы высасываютъ послѣдніе соки и изъ мужика, и изъ самой земли. У этихъ новыхъ землевладѣльцевъ единственная мысль,—барышъ, нажива. На истощеніе земли не обращается вниманія, тѣснятъ мужика до послѣдней возможности. Кулаки эти, чтобы совсѣмъ забрать мужика въ свои загребистыя лапы, употребляютъ всѣ способы, всѣ плутни, чтобы снимать въ аренды всѣ свободныя казенныя земли. Снялъ землю кулакъ,—и тогда мужичку не двинуться ни въ задъ, ни впередъ,—вѣчный рабъ, вѣчная кабала, безъисходное нищенство... Только тогда несчастный мужичекъ и вздохнетъ свободно, когда ему удастся снять самому казенный участокъ. Но это удается

---

[1]) Въ с. Х.—кѣ крестьянскіе дворы раскинуты такъ, что между ними находятся большіе пустыри и гуменники. Въ срединѣ села большой оврагъ съ рѣчкой, плотиной и мельницей. Крестьянъ, почти силою, заставили принять по 1 десятинѣ. Десятины эти вышли всѣ въ срединѣ села, въ пустыряхъ и гуменникахъ, а рѣчка съ прудомъ и мельницей, хотя и въ срединѣ села, вырѣзана къ барину. Вокругъ самаго села обошла граница барской земли, а за то, чтобъ крестьяне имѣли право пить воду, они обязались плотить плотину ежегодно. Баринъ,—въ чинѣ генерала и предводитель дворянства.

Сельскій Священникъ.

имъ крайне рѣдко. Дорогà, повторяю, мужичку копѣйка! Но она дорогà и духовенству еще болѣе. Потребностей, нуждъ и требованій отъ него несравненно больше, чѣмъ отъ мужика. Поэтому, при столкновеніи двухъ нуждающихся сторонъ, неизбѣженъ торгъ. И торгъ этотъ, дѣйствительно, существуетъ во всей своей силѣ.

Послѣ каждаго торга остается, неизбѣжно, глубокій слѣдъ въ обоихъ торгующихся: крестьянинъ видитъ въ своемъ пастырѣ такого же отца-благодѣтеля, какъ и землевладѣлецъ, спустившій его на одну десятинку, или арендаторъ, готовый стащить съ него послѣднюю шкуру. О расположеніи, довѣріи, любви, — тутъ не можетъ быть и рѣчи. Прихожане смотрятъ на священника, какъ на существо пришлое, чуждое имъ, живущее ихъ трудомъ, высасывающее ихъ соки, — стараются подавить его своимъ вліяніемъ на него, отнять у него всякое значеніе и поставить его въ полную отъ себя зависимость. Для этого употребляются ими всѣ способы притѣсненій. Тамъ же, гдѣ не беретъ сила, они стараются вліять на него и сбить съ толку подпаиваньемъ. И, дѣйствительно слабохарактерные священники спиваются. На сколько прихожане считаютъ священника для себя чуждымъ, а все достояніе его своимъ собственнымъ, такъ на это составилась даже пословица: „у попа, да у барина украсть никогда не грѣхъ".

Съ своей стороны духовенство смотритъ на приходъ, какъ на арендную статью; отчего и образовалось раздѣленіе приходовъ на „хорошіе" и „плохіе", и употребляетъ тѣже самыя усилія и тѣже самыя средства къ подчиненію себѣ прихожанъ, какія употребляютъ прихожане къ подчиненію себѣ духовенства: духовенство тѣснитъ ихъ, когда есть къ тому возможность; въ нуждѣ поитъ, когда не беретъ сила, и молчитъ, видя ихъ пороки. Перевѣсъ той или другой стороны зависитъ отъ личнаго состава сторонъ.

И изъ-за чего эта непріязнь?... Изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ!...

Я сказалъ, что духовенство смотритъ на приходы свои, какъ на арендную статью и дѣлитъ ихъ на „хорошіе" и „плохіе". Говорить такъ, для кого-бы-то ни было, неприлично, а для меня, священника, недостойно. Да мнѣ, дѣйствительно, и не хотѣлось-бы такъ говорить. Но какъ вы назовете фактъ закрытія множества церквей и сокращенія приходовъ?!... Что имѣлось здѣсь въ виду?

Исключительно улучшеніе матеріальнаго состоянія духовенства. На обыкновенныхъ вѣсахъ перевѣсъ одной стороны неизбѣжно долженъ быть на счетъ другой, если нѣтъ посторонней тяжести. Въ чей ущербъ сдѣлано улучшеніе матеріальнаго быта духовенства? Въ ущербъ религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ и вліянія на нихъ духовенства!... Вотъ и доказательство:

Сельскіе приходы состоятъ очень часто изъ множества деревень, въ нашей же многоземельной мѣстности онѣ раскинуты на огромныя пространства. Есть деревни, которыя отстоятъ отъ своихъ приходскихъ церквей болѣе чѣмъ на 20 верстъ. За этими деревнями идутъ другія деревни, отстоящія отъ своихъ церквей на такія же разстоянія; за селеніями (по прямому направленію) опять деревни. И эта вторая церковь закрыта и приходъ приписанъ къ первой. Когда же, спрашивается, жители этой послѣдней, отдаленной деревни побываютъ въ своемъ храмѣ, когда побываютъ ихъ дѣти, когда прихожане увидятъ своего священника и услышатъ отъ него слово назиданія?!... Они оставлены дичать, коснѣть въ своемъ невѣжествѣ и суевѣріяхъ и открываютъ собою широкое поле для пропаганды раскола всякаго рода. И самые священники лишены возможности слѣдить за религіозно-нравственнымъ состояніемъ своихъ прихожанъ. По нашему мнѣнію, изъ-за какой-нибудь сотни рублей въ пользу одного, жертвовать религіозно-нравственнымъ состояніемъ многихъ сотенъ людей, — несправедливо.

XXXVIII.

Слѣдствіемъ одиночества въ глуши, нужды, совершенной зависимости отъ прихожанъ, попрошайничества, торга при требоисправленіяхъ и консисторскаго управленія бываетъ то, что духовенство теряетъ свое достоинство въ собственныхъ своихъ глазахъ и дѣлается существомъ, какъ-бы, забитымъ, безличнымъ. Отсюда въ людяхъ безхарактерныхъ: нетрезвая жизнь, крайняя небрежность въ одеждѣ и неумѣнье держать себя въ мѣстахъ публичныхъ и небрежность въ самыхъ требоисправленіяхъ.

Одежда, повидимому, дѣло самое пустое, но для духовенства вообще она имѣетъ огромное значеніе. Городской священникъ

одѣвается всегда чисто, держитъ себя всегда солидно, — съ полнымъ сознаніемъ собственнаго своего достоинства; а если онъ, къ тому еще, положимъ, членомъ хоть попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, то онъ смотритъ на нашего брата, деревенщину, свысока: не перекрестясь, къ нему и не подступайся. Нашего же брата, деревенщину, узнаешь за версту: рясченка въ три гроша, шляпенка и того хуже; пріѣхавши за дѣломъ въ городъ, сельскій священникъ дорожитъ каждой минутой и бѣгаетъ, размахивая рукавами, не обращая ни на кого вниманія. Но такая небрежность въ одеждѣ и походкѣ есть прямое и неизбѣжное слѣдствіе условій его домашней жизни. Лѣтомъ, кухарки дороги и большинство священниковъ живетъ безъ кухарокъ. Вогнали, напримѣръ, вечеромъ стадо коровъ изъ поля въ село, онѣ бросятся во всѣ стороны по огородамъ и гумнамъ, а батюшка схватитъ хворостину, да и пустится за ними, чтобы перехватить и не дать имъ зайти на чужіе капустники. Чрезъ нѣсколько минутъ ему придется идти по селу, — конечно, онъ идетъ такъ, какъ бѣжалъ сейчасъ за коровой, — въ одномъ кафтанѣ, безъ рясы. Сами крестьяне,—тѣ, которые стали-бы глядѣть на него,— ходятъ раздѣвшись и разувшись; стало быть, обращать вниманія на то, какъ одѣтъ священникъ, рѣшительно некому. Мало-помалу, весь такой строй жизни обращается въ привычку. И потому мы, деревенскіе, не имѣемъ того лоску, какой видимъ въ священникѣ городскомъ, и дѣлаешься предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ, не только людей свѣтскихъ, но даже кость отъ костей нашихъ и плоть отъ плоти нашей, наша братія, — городскіе батюшки, говорятъ съ нами не иначе, какъ покровительственнымъ тономъ. Я, напримѣръ, человѣкъ уже не молодой, около 30 лѣтъ благочиннымъ, священниковъ въ городѣ знаю всѣхъ до единаго, бóльшая часть изъ нихъ знаетъ и меня хорошо, знаетъ, что я „судимъ и штрафованъ не былъ, подъ судомъ не состоялъ и не состою“; но я очень немногихъ встрѣчалъ священниковъ изъ городскихъ, которые говорили-бы со мной по-человѣчески, — непремѣнно свысока. Отчего же это? Тутъ виноватъ не я лично, но виновато, въ моемъ лицѣ, все наше сельское положеніе, — вся наша нищенская обстановка. Къ намъ примѣняется извѣстное изрѣченіе: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ“. Объ насъ судятъ такъ: „ты живешь съ мужи-

ками, собираешь лотками, одеженка на тебѣ въ грошъ, — ну, и тебѣ цѣна грошъ".

Униженное положеніе священниковъ горько отзывается на ихъ характерѣ. Городской священникъ, несмотря на его внѣшній лоскъ, приличную церковную квартиру, знакомство съ людьми среднихъ слоевъ общества, — терпитъ такія же униженія, какъ и сельскій: онъ также ходитъ по дворамъ прихожанъ и, подъ видомъ молитвословій, выпрашиваетъ подаянія; также передъ его носомъ хозяева запираютъ двери и хохочатъ, смотря въ окна; также терпитъ выговоры и платитъ консисторскіе штрафы, какъ и все остальное духовенство, — онъ униженъ всѣми. Но какъ только онъ дѣлается членомъ консисторіи, то тотчасъ заявляетъ духовенству, что онъ теперь уже не то, что былъ онъ, — что онъ теперь власть, и имѣетъ возможность и карать и миловать, какъ ему угодно. И если не первая, то непремѣнно одна изъ первыхъ бумагъ, подписанныхъ имъ, будетъ съ выговоромъ, или штрафомъ. Долго, потомъ, онъ практикуется надъ выговорами, штрафами и самыми нелѣпѣйшими придирками и потомъ уже, послѣ многихъ лѣтъ такой практики, начинаетъ постепенно, мало-по-малу, утихать и приходить въ состояніе обыкновеннаго формалиста. Не лучшимъ отношеніемъ къ подчиненнымъ отличается и свѣтское начальство; но намъ до него нѣтъ дѣла.

Такъ какъ штрафы и выговоры за недоразумѣніе, простую ошибку, мнимую вину и обремененіе перепискою не практикуются ни въ одномъ управленіи и только исключительно въ консисторіяхъ, и служатъ къ униженію духовенства, то остановимся немного на этомъ.

Что выходитъ изъ того, что консисторіи безустанно дѣлаютъ выговоры и штрафуютъ всѣхъ? Помѣщики, властвуя надъ крестьянами, показали, что они не умѣютъ управлять людьми иначе, какъ съ кнутомъ въ рукахъ и своимъ безчеловѣчіемъ унижали, конечно, не тѣхъ, кого пороли они, а прежде всего, и исключительно, себя самихъ, и оставили за собою позорный слѣдъ на вѣки. Такъ и наши консисторіи, штрафуя, и за дѣло, и безъ дѣла, насъ — благочинныхъ, служащее духовенство, вдовъ и сиротъ, унижаютъ предъ обществомъ, прежде всего и болѣе всего, не тѣхъ, кого штрафуютъ онѣ, а себя самихъ, унижаютъ собою организацію духовнаго управленія; затѣмъ, унижаютъ благочин-

ныхъ предъ ихъ подвѣдомымъ духовенствомъ и духовенство предъ прихожанами и ставятъ себя въ враждебныя отношенія къ духовенству. Образомъ своего управленія онѣ служатъ притчею въ народѣ въ настоящее время, а въ будущемъ обѣщаютъ широкое поле для литературы своими архивами.

Нѣтъ сомнѣнія, что я беру не всѣ консисторіи Россіи, всѣхъ я и знать не могу; но, однакожъ, я знаю ихъ не мало. Однѣ я знаю по личному моему знакомству съ духовенствомъ тѣхъ губерній, а другія, по ихъ епархіальнымъ вѣдомостямъ и газетамъ. Изъ того же, что извѣстно мнѣ, можно вывести заключеніе такого рода: тамъ особенно консисторіи тяжелы духовенству, гдѣ епископъ особенно добръ, довѣрчивъ и о составѣ консисторіи судитъ по себѣ. Не дѣлая зла никому самъ лично, онъ думаетъ, что и члены его консисторіи агнцы. А между тѣмъ эти агнцы, забравши власть въ свои руки, сильно злоупотребляютъ ею.

Руководствомъ всѣмъ администраторамъ-христіанамъ, и въ особенности намъ-пастырямъ, должно быть слово Божіе: „братіе! Аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости“. Многія же консисторіи этого апостольскаго наставленія, какъ будто, и не читывали: онѣ штрафуютъ не только тѣхъ, кои впали въ прегрѣшеніе, но даже и тѣхъ, кои не впадали въ него. Вотъ примѣры:

Въ одной губерніи, сынъ одной понамарицы-вдовы, бурсакъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, на масляной недѣлѣ, когда уже кончились классы, уѣхалъ домой безъ билета. Мать, узнавши, что сынъ безъ билета, не давши ему отогрѣться, тотчасъ же отвезла его обратно въ училище. За то, что пономарица N. N. брала сына въ домъ къ себѣ, безъ дозволенія училищнаго начальства, велѣно было оштрафовать ее двумя рублями. Та дала письменное объясненіе благочинному, что сынъ уѣзжалъ безъ ея вѣдома, и что она тотчасъ же отвезла его обратно, какъ только онъ явился къ ней. Но консисторія приказали: за неисполненіе распоряженія епархіальнаго начальства, благочинному сдѣлать выговоръ, а за сопротивленіе власти штрафъ увеличить рублемъ и взыскать со вдовы N. N. вмѣсто двухъ рублей—три.

Отъ одного приходскаго священника, старичка лѣтъ 75-ти, обучавшагося, когда-то, во второмъ классѣ училища и совершенно не знающаго канцелярскихъ порядковъ, требовалась метрическая

справка о времени рожденія одного его прихожанина. Тотъ высылаетъ справку и возвращаетъ консисторіи самый ея указъ. За это его штрафуютъ. Вина-ли это его, злоупотребленіе-ли это? Ни чуть не бывало. Онъ, просто, по простотѣ своей, не зналъ, куда дѣвать ему указъ. Между тѣмъ, старичекъ этотъ живетъ въ крайне бѣдномъ приходѣ и ему дорога каждая копѣйка.

Въ годичный отчетъ отъ благочинныхъ требуются, между прочимъ, свѣдѣнія о школахъ, имѣющихся при церквахъ. Однажды, благочинные одной губерніи не поняли, что̀ требовалось отъ нихъ и въ списокъ школъ помѣстили всѣ школы, имѣющіяся въ приходахъ. Ну и поплатились же за это такими штрафами, что, навѣрное, и рождественскіе и крещенскіе труды ходьбы по приходамъ ихъ, не покрыли этихъ штрафовъ... А между тѣмъ, нужно бы только пояснить имъ, что требуются свѣдѣнія о школахъ, содержимыхъ церквами, — и только. Но тамъ объясненій не полагается, полагается только кара. Порядки тамъ тѣже, что были въ училищахъ нашихъ временъ: не выучилъ мальчикъ урока по лѣности,—по̀рка, по непониманію,—по̀рка; по болѣзни,—по̀рка, словомъ: въ причины не входили,—не знаетъ, значитъ — пороть.

Вотъ обширное поле для штрафовъ: приходятъ крестить младенца; вы спрашиваете имя, отчество и фамилію отца и воспріемниковъ. Вамъ говорятъ, что фамиліи нѣтъ никакой, или говорятъ, положимъ, Гвоздевъ. Вы такъ и записываете. Спрашиваете: нѣтъ-ли еще какой фамиліи, — говорятъ, что нѣтъ. Послѣ подаютъ прошеніе въ консисторію о выдачѣ метрическаго свидѣтельства Медвѣдеву. И духовенство штрафуется или за пропускъ фамиліи, или за то, что записана не та фамилія. Но послѣ оказывается, что воспріемники или сами не знали фамиліи, или ея дѣйствительно не было и ее выдумали при подачѣ прошенія, или, наконецъ, отецъ младенца имѣетъ ихъ три — четыре, и въ прошеніи помѣстилъ ту, которая взбрела ему на умъ.

Каждая копѣйка дорога священнику, но она еще болѣе дорога пономарю: она добыта имъ трудомъ и по̀томъ; у него, можетъ быть, въ училищѣ сидитъ сынъ безъ хлѣба, дома дѣти босы, самъ оборванъ, — а консисторія штрафуетъ его въ пользу бѣдныхъ. Что можетъ быть несчастнѣе, бѣднѣе вдовы-пономарицы?! Онѣ сами чуть не умираютъ съ голоду, и ее штрафуютъ въ пользу бѣдныхъ. Это значитъ: съ нищей стащить рубашку, и

надѣть ее на другую нищую. Но едва-ли тутъ и штрафуются-то изъ любви къ нищимъ!.....

Такимъ образомъ, духовенство, унижаемое всякимъ мужикомъ и бабой, прежде всего и, пожалуй болѣе всего, унижается своимъ собратомъ, которому слѣдовало бы быть первымъ его защитникомъ и помощникомъ въ нуждахъ.

Впрочемъ, надобно отдать честь и благодарность нашимъ консисторіямъ, что онѣ, штрафуя духовенство, наказываютъ „вѣжливенько". У насъ порядки во всемъ старые, какъ въ способахъ нашего содержанія, въ одеждѣ, въ управленіи, такъ и въ самыхъ наказаніяхъ. У насъ нѣтъ модныхъ фраковъ, за то нѣтъ модныхъ и наказаній, какъ у свѣтскихъ. Изъ модныхъ-свѣтскихъ наказаній намъ извѣстенъ одинъ, особенно въ высшей степени грустный и возмутительный фактъ: учитель одного средняго учебнаго заведенія, господинъ, только что года два вышедшій изъ университета, съ предобрымъ сердцемъ, съ честнѣйшимъ, благороднѣйшимъ направленіемъ, не понравился директору заведенія и однажды имѣлъ неосторожность не исполнить какого-то его самодурства. Тотъ донесъ начальству, что учитель этотъ вреднаго направленія и въ учебномъ заведеніи терпимъ быть не можетъ. И... благороднѣйшій, добрѣйшій молодой человѣкъ, бѣднякъ, сгибъ на вѣки... Какъ назвать этихъ изверговъ, злоупотребляющихъ властью, какъ не душегубами?!.. Погибшій молодой человѣкъ не будетъ просить себѣ защиты у высшей власти, — онъ слишкомъ кротокъ и безъ того, а теперь убитъ окончательно. Никѣмъ невѣдомый въ „глуши", онъ погибъ на вѣки. Но проклятіе Божіе должно тяготѣть надъ убійцею его... [1]).

Условія, въ какія поставлено духовенство въ матеріальномъ отношеніи его, унижаетъ и самое великое дѣло его служенія. Мнѣ не разъ приводилось слышать, что молитвы на разные случаи: „во еже благословите брашна мяса", молитва „на приращеніе гроздія", „на основаніе дому", „хотящему отъити въ путь", и под. есть изобрѣтеніе поповъ для сбора денегъ. Совершеніе даже самыхъ таинствъ не можетъ, иногда, назваться чистымъ, безупречнымъ, при

---

[1]) По одному обстоятельству министръ, обративъ вниманіе на это дѣло, поручилъ губернатору разсмотрѣть его, молодаго человѣка нашелъ не виновнымъ и оставилъ на прежнемъ мѣстѣ. **Сел. свящ.**

такихъ отношеніяхъ пастырей къ паствѣ, и теряетъ свое должное значеніе. Какъ можетъ, напримѣръ, прихожанинъ, держа священника въ полной отъ себя зависимости, тѣсня его всѣми способами и дѣлая безпрестанныя ему непріятности, приступить къ таинству покаянія, раскрыть предъ нимъ свою душу и съ дѣтскою любовію и благоговѣніемъ внимать его внушеніямъ и принять разрѣшеніе во грѣхахъ? Отъ этого и выходитъ часто то, что люди съ нечистою совѣстію бѣгутъ исповѣдываться къ чужому пастырю, оставаясь со злобою въ душѣ къ своему. А чрезъ это теряется, конечно, всякое значеніе исповѣди и выполняется одна лишь ея форма. Другіе не исполняютъ этого великаго таинства даже совсѣмъ. Можетъ-ли и священникъ бесѣдовать съ отеческою любовію, если и у него нечиста совѣсть въ отношеніи къ кающемуся, — если онъ, когда нибудь, самъ тѣснилъ его и вымогалъ платы, самъ угощалъ его, чтобы задобрить его къ себѣ; льстилъ ему и снисходилъ его порокамъ и, вообще, подалъ ему поводъ ко грѣху?

Въ моемъ вѣдомствѣ есть два селенія, гдѣ плата за требоисправленія служила предлогомъ даже къ отпаденію въ расколъ. Приходы эти заражены расколомъ давно; хотя отдѣлившихся отъ церкви совсѣмъ было не много, но прежнія, притѣснительныя мѣры озлобили народъ, онъ сталъ искать способы и предлоги къ явному отдѣленію. Съ такою предвзятою мыслію приходитъ крестьянинъ къ священнику и спрашиваетъ, что возьметъ онъ за повѣнчаніе сына? Тотъ, зная мужика, скажетъ ему самую ничтожную плату.

— „Э! Батюшка, больно много! Торговаться съ тобой мнѣ не приходится, такъ ужъ лучше мы обойдемся безъ тебя, пусть Самъ Христосъ повѣнчаетъ". Послѣ этого дѣлайте, что вамъ угодно, вѣнчайте ему даромъ, — онъ уйдетъ, и слушать не будетъ. Послѣ многихъ такихъ случаевъ священники перестали назначать плату и стали брать то, что дадутъ имъ, не спрашивали, если и совсѣмъ не давали имъ ничего, — и крестьяне, съ своей стороны, стали снова крестить, вѣнчать и хоронить въ церкви. Но за то, какъ живутъ причты этихъ приходовъ, это нужно видѣть,—бѣдность крайняя, нужда во всемъ вопіющая!..

XXXIX.

Жизнь течетъ, и все измѣняется. Очень даже нерѣдко случается, что то, что считается хорошимъ нынѣ, дѣлается совершенно негоднымъ и даже смѣшнымъ—завтра. Такъ и наши поборы при требоисправленіяхъ, въ прежнее время были не только возможны, но были даже въ порядкѣ вещей; но только это было очень давно. Было время, когда грамотность была достояніемъ очень немногихъ. Книжнымъ дѣломъ занимались только очень немногіе изъ дворянъ и духовенства; большинство же общества совсѣмъ не имѣло научнаго образованія, а равно и духовенство. Духовенство не отличалось отъ мужика ничѣмъ,—ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ и ни въ матеріальномъ отношеніяхъ: таже изба, таже одежда, тѣже лапти, таже соха, тѣже суевѣрія и тѣже понятія обо всемъ и отличалось развѣ только бо̀льшимъ пьянствомъ и безобразіемъ. Во священники посвящали, часто, не только что мало-грамотныхъ, но и совсѣмъ безграмотныхъ („Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV (январь) стр. 160); а иногда и прямо изъ-за сохи мужика. Въ слободѣ Мачихѣ донской епархіи, я зналъ двоихъ хохловъ, еще не старыхъ, поповскихъ дѣтей (они старше меня, вѣроятно, лѣтъ на 6—10). Отецъ ихъ былъ крѣпостной мужикъ Сидорко, хохолъ, какъ и всѣ хохлы; любилъ пѣть и всегда пѣвалъ на клиросѣ. Померъ въ селѣ священникъ, и баринъ послалъ Сидорку съ письмомъ къ преосвященному (кажется, въ Воронежъ) просить, чтобы Сидорку поставили въ попы. Поставили,—и сталъ Сидорка попъ. Дѣтей его, родившихся до постановленія въ попы и послѣ постановленія, баринъ гонялъ на барщину, какъ и всѣхъ другихъ своихъ хохловъ. Послѣ него, священникомъ былъ тамъ мой дядя и уже въ сороковыхъ годахъ выхлопоталъ имъ волю. Сидорко какъ до поповства ходилъ въ кожухѣ и свиткѣ, ѣлъ сало, цыбулю, да голушки, такъ и попомъ остался тѣмъ же Сидоркою, только больше сталъ къ шинкарю навѣдываться. Точно также и родовое духовенство ничѣмъ не отличалось отъ мужика: дѣти росли при отцахъ, вмѣстѣ съ ними работали, на содержаніе ихъ не требовалось ничего: рубаха своя, кафтанъ и тулупъ свои, лапти и, по праздникамъ, сапоги свои, живутъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ семьей. Отецъ не только не тратилъ

на воспитаніе сына ничего, но, напротивъ, сынъ помогалъ ему во всѣхъ работахъ, домашнія же потребности были просты и скромны. Въ свободное отъ работъ время парня учили читать, кое-какъ писать и пѣть на клиросѣ. Сынъ помогалъ отцу при богослуженіяхъ и, вмѣстѣ съ нимъ, таскался по дворамъ мужиковъ за дѣломъ и безъ дѣла. При первой возможности такой дѣтина поступалъ въ пономари и доходилъ до поповства. И такого попа одинаково поролъ, какъ епископъ, такъ и баринъ. Мужикъ былъ для него другомъ дѣтства: съ нимъ онъ велъ совѣты по хозяйству, вмѣстѣ съ нимъ пахалъ и вмѣстѣ съ нимъ бражничалъ на всѣхъ праздникахъ, крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ... Конечно, такой священникъ, безъ стѣсненія совѣсти, шелъ къ пріятелю своему за всѣмъ, чего недоставало дома, и собиралось всѣмъ: зерномъ, мукой пшеничной, гречневой (надобно замѣтить, что для всего опредѣлялось особое время года), пшеномъ, смятаной, творогомъ, яйцами, шерстью, льномъ, пенькой и пирогами. При такомъ порядкѣ у духовенства составилась даже пословица: „въ міру жить, и тѣстомъ брать".

Возьму въ примѣръ своихъ предковъ. Прадѣдъ мой былъ священникомъ изъ нигдѣ-необучавшихся пономарей. Дѣдъ мой и братъ его росли при отцѣ, выучились читать, писать, пѣть и звонить; но, вмѣстѣ съ отцомъ, и пахали, и сѣяли и молотили. При первой возможности дѣдъ мой опредѣлился въ пономари въ тоже село къ отцу, а братъ его въ сосѣднее. Въ пономаряхъ онъ велъ совѣты съ мужиками, когда выѣзжать пахать, косить, жать и пр. и вмѣстѣ съ ними работалъ. Мужикъ былъ неразлучнымъ спутникомъ его во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни. Житейскія потребности его были тѣже самыя, что и у мужика: такая же изба, одежда, пища и проч. Не только на него — пономаря, но даже и отца его — священника, смотрѣли всѣ, какъ мужики, такъ и господа, какъ на мужиковъ. Придетъ, бывало, весь причтъ къ господамъ служить, по какому-нибудь случаю, молебенъ, отслужитъ, — и лакей ведетъ его въ людскую обѣдать. Отобѣдаетъ, и еще похваливается, что мы-де нынѣ у барина обѣдали!

Изъ пономарей дѣдъ мой поступилъ во діаконы, въ тоже село, потомъ, по смерти отца, во священники и былъ 16 лѣтъ благочиннымъ. Я помню его, когда онъ былъ уже благочиннымъ. Онъ

былъ очень любознателенъ, много читалъ, по тому времени, не пьющій и въ высшей степени аккуратный старичекъ. Домикъ его былъ простая крестьянская изба, съ лавками и полатями, но все въ ней было необыкновенно чисто. Вообще же это была выдающаяся личность своею скромностію, солидностью и любовью къ чтенію. А какъ у мѣстнаго помѣщика богача, аристократа, нельзя было найти никакихъ книгъ, то дѣдъ мой много покупалъ ихъ самъ и все, что можно было достать, бралъ у сосѣдей священниковъ. Онъ лично самъ работалъ до глубокой старости, бывши даже благочиннымъ. Батюшка мой обучался уже въ семинаріи; хлѣбопашествомъ хотя и занимался, но самъ лично уже не работалъ. Выпрашивать, притѣснять прихожанъ онъ не могъ, по его крайне кроткому характеру, какъ и дѣдъ мой, и потому жилъ въ страшной бѣдности. Я же не нашелъ для себя возможнымъ работать и наемнымъ трудомъ. Взглядъ мой на общество со всѣмъ не тотъ, какой имѣли мои дѣдъ и отецъ; взглядъ самаго общества на духовенство измѣнился, можетъ быть, еще болѣе. Теперь не то воспитаніе, не та обстановка, не тѣ потребности,— не та жизнь, что была при моихъ родителяхъ. Даже у меня самаго не та жизнь и потребности теперь, что были въ началѣ моего поступленія во священники. Время идетъ, измѣнилось все. Но средства къ нашему существованію остались тѣже, что были 50, 100, 150 лѣтъ назадъ. Естественно, что такая жизнь бросается въ глаза обществу и тяжела для самаго духовенства. Мы уже воспитаны такъ и живемъ при такой обстановкѣ, что ни я, ни мои сверстники, а тѣмъ болѣе младшіе насъ, не можемъ уже лично заниматься хлѣбопашествомъ, т. е. сами лично пахать, косить и пр. и этимъ трудомъ пріобрѣтать себѣ содержаніе. Я, напримѣръ, во весь свой вѣкъ, не бралъ въ руки ни сохи, ни косы, ни цѣпа. Слѣдовательно, поступивши въ приходъ, мы неминуемо должны лечь на него всею своею тяжестью,—намъ отъ приходовъ нужно не подспорье къ своему хозяйству, какъ это нужно было нашимъ предкамъ, а все полное содержаніе. Въ добавокъ къ этому, время увеличило потребности духовенства, а тѣмъ болѣе потребности нашихъ дѣтей. Измѣнился въ образѣ жизни и самый народъ: нѣтъ уже той простоты жизни и нравовъ, какъ было прежде,—нѣтъ въ нашемъ краѣ ни лаптей, ни

онучъ, ни синихъ самотканныхъ кафтановъ, ни посконныхъ набойчатыхъ рубахъ; но, напротивъ, видѣть на дѣвушкѣ драповый кафтанъ, въ 4—5 руб. полусапожки, — дѣло обыкновенное; самовары имѣются уже очень во многихъ домахъ; а между тѣмъ земля дорога, другихъ средствъ, кромѣ земледѣлія, нѣтъ, — недостатокъ во всемъ. Слѣдовательно, содержать насъ нашимъ прихожанамъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ это было для ихъ предковъ. Чтобы удовлетворить своимъ самымъ необходимымъ потребностямъ жизни, мы должны, какъ нищіе, таскаться по дворамъ и выпрашивать лотки хлѣба и вымогать плату за требоисправленія, — непремѣнно; со стороны же крестьянъ неизбѣжно отстаиванье всѣми силами трудовой своей копѣйки. Обоюдное неудовольствіе есть прямое слѣдствіе такого положенія. Больно сердцу каждаго священника такое положеніе!...

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что намъ не дано другихъ средствъ къ жизни, кромѣ нищенства и платы за требоисправленія? Но каково нищенствовать, и чѣмъ же виноватъ прихожанинъ?

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что мы удовлетворяемъ духовнымъ нуждамъ прихожанъ, существуемъ именно для прихожанъ, слѣдовательно и должны жить на ихъ средства,— жить на счетъ тѣхъ, для кого мы существуемъ? Но плата за каждый шагъ охлаждаетъ религіозное чувство прихожанъ и умаляетъ значеніе великаго дѣла. Какіе же мы пастыри послѣ этого?!

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что мы беремъ не за таинства и молитвословія, а за трудъ, за запись? Но какое названіе поводу къ непріятнымъ столкновеніямъ ни давайте, все-таки эти столкновенія и есть и будутъ, — неизбѣжно.

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что прихожане привыкли къ нашимъ поборамъ и на припрашиванья и даже вымогательства наши, въ большинствѣ случаевъ, относятся не особенно строго и смотрятъ на это, какъ дѣло уже обыкновенное? Но это значитъ, что мы потеряли въ ихъ глазахъ должное свое значеніе, — на насъ смотрятъ, какъ на поденщика, съ которымъ нужно торговаться. Русскій народъ привыкъ къ тому, что съ нимъ торгуются при требоисправленіяхъ; но, однакожъ, мнѣ хорошо извѣстно, какая огромная разница въ отношеніяхъ прихо-

жанъ къ тѣмъ священникамъ, которые вымогаютъ, и къ тѣмъ, которые довольствуются тѣмъ, что даютъ имъ, — разница огромная!

Наконецъ, мы могли-бы усыпить совѣсть свою тѣмъ, что за совершеніе своихъ религіозныхъ обрядовъ берутъ служители всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій. Но, въ такомъ случаѣ, намъ и хотѣлось-бы сказать: „оставимъ же мертвыхъ погребсти своя мертвецы!“ Если всѣ берутъ, такъ и пусть ихъ берутъ; но намъ, имѣющимъ счастіе быть православными, хотѣлось-бы поддержать честь православія, дабы инославные, видя нашу взаимную любовь пастырей съ пасомыми, прославили Отца нашего, Иже есть на небесѣхъ.

Если-жъ намъ суждено жить на счетъ нашихъ приходовъ, и нѣтъ другаго исхода къ нашему существованію, то неужели мы не стоимъ того, чтобъ сравнять насъ съ ксендзами, пасторами, муллами? Въ русскомъ царствѣ съ избыткомъ обезпечена жизнь римско-католическихъ ксендзовъ, евангелическихъ пасторовъ и татарскихъ муллъ; православный же русскій священникъ брошенъ на произволъ судьбы, бѣденъ, униженъ, обезславленъ. И ксендзъ, и пасторъ, и мулла (ихъ въ нашей губерніи много) берутъ съ прихожанъ своихъ несравненно больше, чѣмъ русскій священникъ; но берутъ безъ униженія и собственнаго ихъ достоинства и достоинства ихъ вѣроисповѣданій. Не было примѣра, чтобы ксендзъ, пасторъ и мулла ходили по приходамъ съ мѣшкомъ и лукошкомъ въ рукахъ и выпрашивали себѣ пропитанія; для насъ же дѣло это неизбѣжное. Русскій крестьянинъ, въ большинствѣ, бѣденъ, подаетъ намъ по малу, — и мы вынуждены собирать по приходу не одинъ разъ; за требы платитъ 2—3 копѣйки, — и нужда заставляетъ насъ припрашивать, торговаться. Отъ этого насъ, даже печатно, клеймятъ и жадными, и невѣждами. И жадныхъ, и невѣждъ во всѣхъ сословіяхъ много, и несравненно больше, чѣмъ въ нашемъ; но общество всегда къ людямъ бѣднымъ и зависимымъ отъ него, относится несравненно строже и, вслѣдствіе права сильнаго, про насъ пишутъ, что мы „и тупы, и глупы, и даже безнравственны“.

Но наша пѣсня пропѣта, а дѣти наши?... Они обречены быть поденщиками, пролетаріями. Въ училищахъ нашихъ сокращены ученическіе штаты, въ высшія же заведенія путь закрытъ имъ совсѣмъ. Мужикъ, мѣщанинъ, нѣмецъ-колонистъ, татаринъ, жидъ

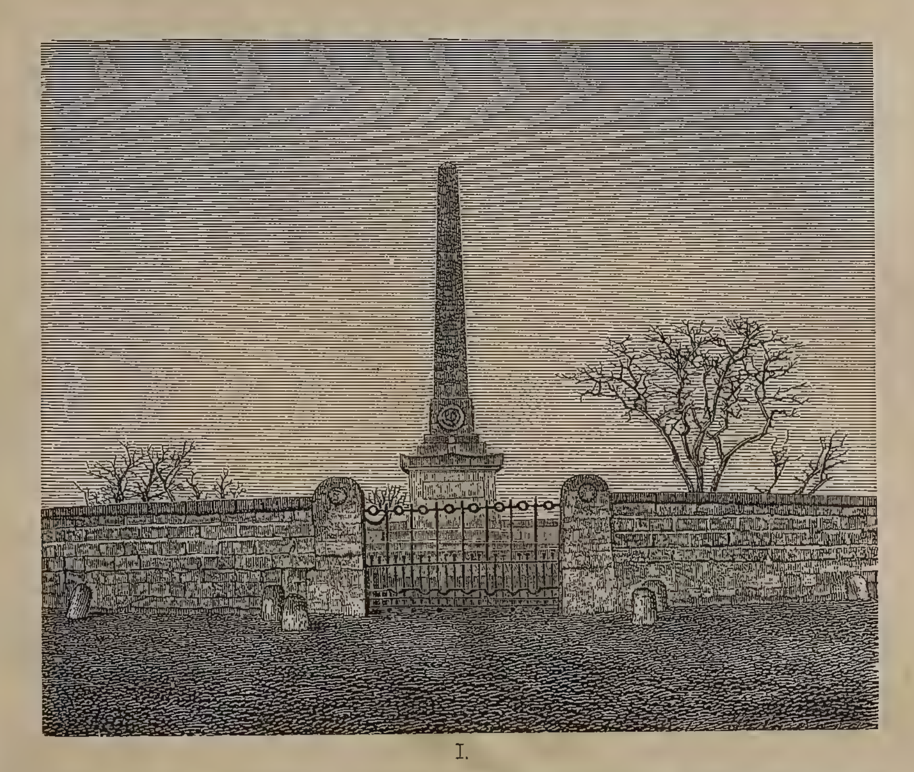
могутъ поступить въ университетъ; сынъ же православнаго русскаго священника не имѣетъ права. Безъ образованія, безъ состоянія, безъ земли онъ обреченъ на вѣчную гибель. Чтобы вполнѣ понять это, нужно быть русскимъ священникомъ и отцемъ, какъ я!...

Что же такое, послѣ этого, русскій православный священникъ?!..

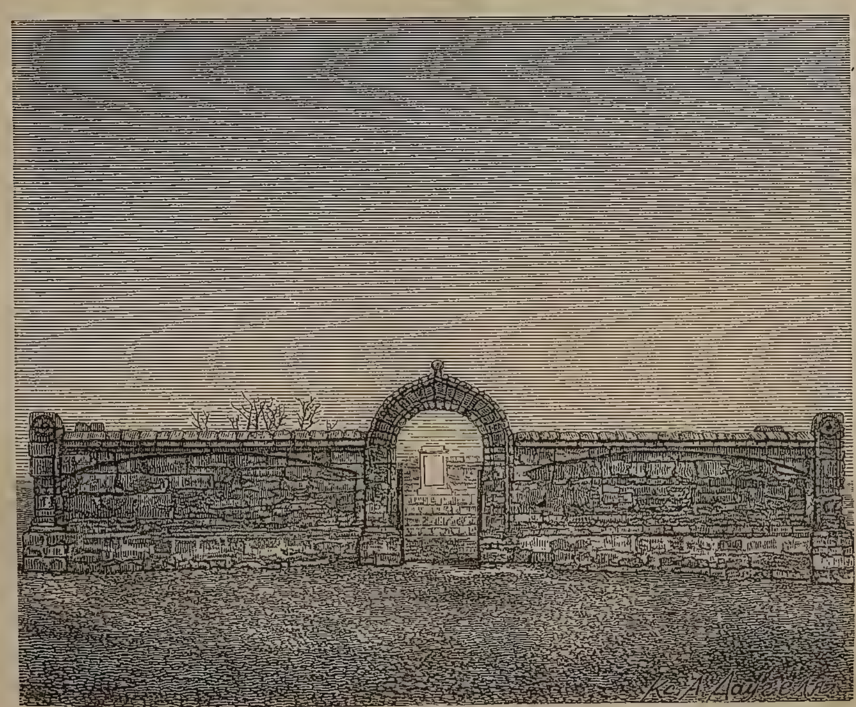
Продолжу мою біографію, и она будетъ отвѣтомъ.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

I.

I. НА ПЛОЩАДИ ВЪ ГОРОДѢ. II. II. НА МОГИЛѢ БЛИЗЪ ГОРОДА.

ПАМЯТНИКИ ДЖОНУ ГОВАРДУ ВЪ ХЕРСОНѢ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1880 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 3 СЕНТЯБРЯ 1880 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ПАМЯТИ ДЖОНА ГОВАРДА.

(2-го сентября 1726 г. † 20-го января 1790 г.).

Не всѣмъ, можетъ статься, извѣстно, что въ г. Херсонѣ, на площади предъ тюремнымъ замкомъ, поставленъ памятникъ англичанину Джону Говарду, въ память его благихъ дѣлъ на пользу страждущаго человѣчества; на могилѣ же его, въ окрестностяхъ города, на хуторѣ Дофине, неподалеку отъ такъ называемой балки Веревчаной, гдѣ онъ, согласно выраженному желанію, былъ преданъ землѣ, воздвигнутъ другой—надгробный монументъ.

Дѣятельность Говарда на пользу тюремнаго дѣла настолько вообще извѣстна, что не представляется надобности въ перечисленіи оказанныхъ имъ, въ этомъ отношеніи, заслугъ. Достаточно упомянуть, что еще во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія, задавшись мыслію, посредствомъ введенія труда въ тюрьмахъ, исправлять заключенныхъ—„сдѣлать ихъ трудолюбивыми и чрезъ то честными"—Говардъ далъ жизнь этому правилу въ тюрьмахъ своей страны; свои же изслѣдованія въ тюремномъ дѣлѣ закончилъ извѣстнымъ сочиненіемъ „States of prisons". Но и инымъ образомъ страждущее человѣчество привлекало къ себѣ сердце Говарда: восточная чума, способъ леченія ея, потребное устройство карантиновъ—были дѣломъ заботъ послѣднихъ лѣтъ его жизни—предметомъ послѣдне-предпринятыхъ имъ поѣздокъ. Закончивъ первое путешествіе Смирной, гдѣ свирѣпствовала въ то время (1776 г.) чума и, выдержавъ карантинъ въ Венеціи, онъ вскорѣ затѣмъ, по возвращеніи въ свое отечество, предпринялъ новое путешествіе на Востокъ, чрезъ Россію. По случаю войны

съ Турціею, ему пришлось остановиться въ Херсонѣ. Городъ этотъ тогда только что возникалъ. Понятно, въ какомъ положеніи находились мѣстныя больницы, аптеки; лихорадка же, какъ свидѣтельствуютъ современныя извѣстія, страшно свирѣпствовала и въ самомъ городѣ, и въ окрестностяхъ.—Говардъ предался своему призванію вполнѣ, посѣщалъ ежедневно по нѣскольку разъ и лазареты, и тюремный замокъ, ѣздилъ за городъ, и при немолодыхъ уже годахъ и слабомъ здоровьи, не выдержалъ—самъ занемогъ, и 20-го января 1790 г. скончался на рукахъ своего пріятеля и соотечественника, контръ-адмирала Призмана. Его желаніе было, какъ сказано выше,—быть похороненнымъ на хуторѣ Дофине и чтобы на могилѣ были поставлены солнечные часы.

Впечатлѣніе кончины Говарда, всецѣло отдавшагося помощи ближнимъ въ недугахъ тѣлесныхъ и духовныхъ, было, по мѣстнымъ сказаніямъ, необыкновенно сильно: все, что было на ногахъ, провожало его прахъ до послѣдняго жилища. Знаменитый адмиралъ Н. С. Мордвиновъ (впослѣдствіи графъ), близкій Говарду по женѣ, родомъ англичанкѣ, контръ-адмиралъ Призманъ и генералъ-маіоръ Кобле находились во главѣ процессіи....

Въ недавнее мое посѣщеніе г. Херсона, при любезномъ содѣйствіи начальника губерніи А. С. Эрдели, мнѣ удалось получить фотографическіе снимки съ упомянутыхъ обоихъ памятниковъ, которые, здѣсь кстати привести, были окончательно исправлены и отремонтированы въ 1875 г., по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашева.

Сообщая мнѣ рисунки памятниковъ, А. С. Эрдели доставилъ мнѣ также описаніе памятниковъ, составленное г. Смирновымъ (труды Херсонскаго губернскаго статистическаго комитета) и собственноручную записку нашего знатока археологіи, члена Одесскаго общества исторіи и древностей П. О. Бурачкова, со свѣдѣніями о происхожденіи обоихъ памятниковъ.

Согласно этимъ даннымъ,—оказывается, что первый памятникъ Говарду, собственно надъ его могилою, воздвигнутъ адмираломъ Н. С. Мордвиновымъ и генералъ-маіоромъ Кобле (по свѣдѣніямъ же г. Смирнова на средства г. Дофине, владѣльца хутора). На восточной сторонѣ подножія этого памятника стоялъ гипсовый бюстъ Говарда. Въ 1820 г., на пирамидѣ еще были

видны двѣ надписи, начертанныя неизвѣстно кѣмъ: „Alios salvos fecit“ „Vixit propter alios“; послѣдняя была выцарапана гвоздемъ. Во время пребыванія мѣстнаго генералъ-губернатора графа Ланжерона въ Петербургѣ, министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, писалъ къ нему, отъ 20-го марта 1817 г., слѣдующее: „Извѣстный Говардъ, умершій въ Херсонѣ въ 1790 г., похороненъ за 4 версты отъ города. На подножіи обелиска, которымъ была украшена могила его, находился прежде бюстъ, надпись напоминала объ услугахъ, оказанныхъ имъ человѣчеству. Нынѣ не видно на томъ мѣстѣ ничего, чтобы означало Говарда: 15 лѣтъ тому назадъ истреблены и надпись и бюстъ [1]. Съ давнѣйшаго еще времени изчезли желѣзныя цѣпи, служившія вмѣстѣ и украшеніемъ, и защитою сему памятнику, даже истреблены остатки каменныхъ столбовъ, поддерживавшихъ оныя. Государь Императоръ, соизволяя на возобновленіе памятника сего, повѣлѣлъ, чтобы ваше сіятельство представили Его Императорскому Величеству свое мнѣніе, на какомъ основаніи можетъ быть возстановленъ этотъ памятникъ“. Въ іюлѣ 1817 г., графъ Ланжеронъ сообщилъ князю Голицыну, „что Говардъ завѣщалъ похоронить его вдали отъ жилищъ человѣческихъ и просилъ, чтобы на могилѣ его или вовсе не воздвигали памятника, или поставили бы солнечные часы.... Ланжеронъ полагалъ, что весьма прилично было бы поставить памятникъ Говарду внутри Херсонской крѣпости, близь церкви, гдѣ уже подобные монументы воздвигнуты другимъ заслуженнымъ мужамъ, чѣмъ можно было бы внушить каждому мысль, колико чтутся въ Россіи добродѣтели: для исполненія же воли Говарда, на верху памятника, поставить солнечные часы“. Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ: „возстановить памятникъ, существовавшій на могилѣ Говарда, съ изображеніемъ солнечныхъ часовъ [2].

По пріѣздѣ Государя Императора, въ 1818 г., въ Новороссійскій край, въ числѣ первыхъ дѣлъ его было Высочайшее пове-

---

[1]) Бюстъ Говарда сдѣланъ по слѣпку Н. С. Мордвинова, снятаго съ умершаго; съ этого же слѣпка изваянъ бюстъ Говарда для церкви св. Павла въ Лондонѣ.

[2]) Завѣщаніе умиравшаго о солнечныхъ часахъ было передано изустно, контръ-адмиралу Призману.

лѣніе, послѣдовавшее въ маѣ 1818 г., о томъ, чтобы на счетъ казны сооруженъ былъ особый приличный памятникъ Говарду „въ уваженіе знаменитыхъ услугъ его и благотвореній, оказанныхъ человѣчеству и чтобы этотъ памятникъ поставленъ былъ въ Херсонѣ близь вновь строющагося тюремнаго замка. Извѣстно, что въ бытность Государя въ Херсонѣ, губернаторъ графъ Сен-При лично представлялъ Государю, что обелискъ Говарду было-бы желательно поставить именно противъ того мѣста, которое предназначалось для построенія тюремнаго замка. Такимъ образомъ оказывается, что въ указаніи мѣста для втораго памятника Говарду участвовалъ мыслію Сен-При.

Въ 1820 г. Высочайше повелѣно было: „вылить въ академіи художествъ копію съ гипсоваго медальона, присланнаго герцогомъ Глочестерскимъ и вставить его въ обелискъ, сооружаемый Говарду въ Херсонѣ". Но обелискъ былъ уже оконченъ и въ немъ не найдено мѣста для утвержденія присланнаго медальона, съ изображеніемъ Говарда. Вслѣдствіе сего, съ разрѣшенія Государя Императора, приступлено было къ передѣлкѣ обелиска по чертежу, составленному въ Херсонѣ г. Гречиною, подъ руководствомъ тогдашняго Херсонскаго губернатора Комстадіуса, изъявившаго желаніе пополнить собственнымъ иждивеніемъ нѣкоторую часть издержекъ на перестройку, изъ уваженія и признательности его къ памяти Говарда, который получилъ смертельную болѣзнь въ домѣ отца Комстадіуса. Въ 1826 г. перестройка была начата и почти совершенно окончена.

Въ 1826 г., въ проѣздъ графа (впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя) Воронцова чрезъ Москву, была подана ему однимъ неизвѣстнымъ лицемъ записка, съ приложеніемъ небольшой суммы денегъ, на исполненіе завѣщанія Говарда о сооруженіи надъ могилою его солнечныхъ часовъ. Графъ Воронцовъ сдѣлалъ и съ своей стороны пожертвованіе, но многіе изъ жителей Одессы, узнавъ объ этомъ, пожелали въ свою очередь принять участіе, и, такимъ образомъ, состоялась подписка, которая, въ нѣсколько дней, доставила болѣе денегъ, нежели сколько требовалось, и часы были заказаны въ Италіи.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній и документовъ слѣдуетъ заключить, что постановка надгробнаго памятника близь Веревчаной

осуществлена была знакомыми Говарда, а мысль о сооруженiи ему памятника въ Херсонѣ принадлежитъ Императору Александру Павловичу.

Внѣшнiй видъ этихъ памятниковъ слѣдующiй:

Перваго—надъ могилой: на каменномъ пьедесталѣ поставленъ мраморный квадратный памятникъ; ширина и длина его въ $^3/_4$, а высота $1^1/_2$ аршина.

Надписи, на сѣверной сторонѣ:

Iohannes Howard.
Ad sepulchrum stat
Quisquis et
Amici.

На восточной: „1790“.

На южной:

Иванъ Говардъ.
Кто бы ты ни былъ,
Здѣсь другъ твой скрытъ.

На поверхности площадки—солнечные часы; кругомъ памятника съ 1851 г., по приказанiю бывшаго Херсонскаго губернатора, генералъ-маiора Ильинскаго, устроена каменная ограда, на собственный его счетъ.

И втораго памятника въ г. Херсонѣ — посрединѣ площади, предъ тюремнымъ замкомъ: памятникъ изъ сѣраго ипкульскаго камня. Три площадки, сдѣланныя уступами, служатъ основанiемъ цоколю и большому пьедесталу, на которомъ покоятся 4 капители Iоническаго ордена, на коихъ утвержденъ второй малый пьедесталъ съ бронзовымъ медальономъ Говарда въ профиль; съ восточной же стороны и съ западной (противъ тюремнаго замка) на этомъ же маломъ пьедесталѣ сдѣланы соотвѣтствующiя медальону рамки, въ коихъ вырѣзаны (въ камнѣ) надписи на латинскомъ языкѣ:

Съ восточной:

Alios salvos
fecit.

Съ западной:

Vixit
propter alios.

Съ передней же стороны большаго пьедестала надпись на русскомъ языкѣ, вырѣзанная на камнѣ:

Говардъ.
Скончался 20-го генваря 1790 года,
На 65-мъ году отъ рожденія.

Памятникъ заканчивается обелискомъ, на поверхности котораго, съ южной стороны, установлены солнечные часы. Весь обелискъ съ пьедесталомъ и основаніемъ имѣетъ вышины 4 саж. $2^{1}/_{2}$ арш. Кругомъ памятника устроена каменная круглая ограда съ желѣзными рѣшетчатыми воротами и за рѣшеткою посажены деревья.

М. Н. Галкинъ-Врасскій.

С.-Петербургъ. 20-го мая 1880 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

1859—1864 гг.

I.

Въ концѣ 1840-хъ годовъ, возникла мысль объ измѣненіи церковной живописи. Прежде всего объ этомъ заговорили при дворѣ и сама Цесаревна [1]) принимала живое участіе въ осуществленіи этой мысли. Князь Гагаринъ, очень даровитый любитель-художникъ, служившій въ это время въ Тифлисѣ, изучалъ тамъ церковныя древности. Во время его пріѣздовъ въ Петербургъ, особенно оживлялись пренія о церковной живописи, такъ какъ князь Гагаринъ, изучая искуство на востокѣ, всегда доказывалъ, что въ Россіи востокъ имѣлъ больше вліянія на искуство, чѣмъ западъ. Составленныя имъ хронологическія таблицы подтверждали его мысль, которую вполнѣ раздѣляли Цесаревна, а также великая княгиня Марія Николаевна. Наконецъ, князь Гагаринъ назначенъ былъ состоять при в. к. Маріи Николаевнѣ и ассигновано 4,000 руб. въ годъ, на устройство при Академіи Художествъ иконописнаго класса. Понадобился профессоръ живописецъ, на мѣсто учителя въ этомъ классѣ,—въ академіи не нашлось ни одного. Всѣ академическіе профессора возстали противъ этого нововведенія, утверждая, что подражаніе Византійской живописи ведетъ къ упадку живописи въ Россіи, и что требованіе условныхъ типовъ для иконъ никогда не разовьетъ талантовъ. Этотъ протестъ извѣстныхъ художниковъ помѣшалъ придать новому учрежденію иконописной школы то значеніе, которое желалъ князь Гагаринъ. Профессоръ Нефъ былъ, наконецъ, назначенъ преподавателемъ и на этомъ основаніи получилъ квартиру въ академіи и штатное

[1]) Въ бозѣ почившая Императрица Марія Александровна.

мѣсто. Собственно, иконописной школы не существовало, потому что въ ней не было ни одного ученика и на отпускаемые на нее 4000 руб. князь Гагаринъ собиралъ всевозможные документы, относящіеся до церковной живописи, выписывалъ французскія сочиненія о Византіи, заказывалъ face simile съ рисунковъ древнихъ рукописей и пріобрѣталъ старинныя иконы разныхъ мастеровъ. Въ 1851 году князь Гагаринъ, какъ членъ общества поощренія художниковъ, обратился въ комитетъ общества съ просьбою о содѣйствіи къ устройству музея при иконописномъ классѣ академіи художествъ. Въ этомъ году намѣренія уже измѣнились, и вмѣсто школы, нашли нужнымъ прежде составить музей изъ памятниковъ древняго христіанскаго искуства въ Россіи. Въ это же время великая княгиня Марія Николаевна пожелала назначить князя Гагарина вице-президентомъ академіи. Но къ осуществленію этого желанія было много препятствій, которыя устранить было не такъ легко. Убѣжденія и взгляды князя Гагарина на академическое образованіе шли совершенно въ разрѣзъ съ существовавшими въ то время порядками. Онъ хотѣлъ измѣненія академическаго устава; писалъ объ этомъ, говорилъ при дворѣ; великая княгиня раздѣляла его образъ мыслей; но какъ ввести новый уставъ, какъ приняться за дѣло, этого никто не зналъ. Князь Гагаринъ не имѣлъ понятія объ администраціи и постоянно говорилъ:

—«Je ne demande pas mieux, que de devenir Vice-Président, mais à la seule condition, que je ne sois pas responsable de la partie de comptabilité, pour tout ce qui concerne les questions d'art, je suis pret à faire de mon mieux».

Въ это время князь Гагаринъ познакомился съ Львовымъ, секретаремъ общества поощренія художниковъ, и однажды сказалъ ему, что такъ какъ уставъ академіи долженъ быть передѣланъ, то онъ, съ согласія великой княгини, поручаетъ ему, Львову, составить проэктъ новаго устава. Зная, что сочинять и редактировать какой-бы то нибыло уставъ, дѣло не легкое, что законы такъ не пишутся, Львовъ отправился къ графу М. Ю. Вьельгорскому, тогдашнему вице-президенту общества поощренія художниковъ, спросить его мнѣніе на счетъ этого предложенія. Тотъ отвѣчалъ, что это невозможно и что если Государю угодно будетъ измѣнить уставъ академіи, то онъ не поручитъ это князю Гагарину. Самому Львову это тоже казалось несбыточнымъ, потому что въ академіи въ то время не было и помину о какихъ-бы то ни было перемѣнахъ.

Во время коронаціи нынѣ царствующаго Государя Императора, князь Гагаринъ пригласилъ Львова въ Москву, для совѣщаній по новому академическому уставу, объяснивъ ему, что великая княгиня, ждетъ

только удобнаго случая, чтобъ назначить его вице-президентомъ академіи, а Львова конференцъ-секретаремъ. Суетливое время въ Москвѣ, во время коронаціи, не дало возможности работать по составленію устава и только рѣшено было просить министра двора о назначеніи коммисіи для составленія устава, что и было исполнено гораздо позже. И. П. Арапетовъ, бывшій правитель дѣлъ канцеляріи министра удѣловъ, состоялъ тогда при министрѣ двора и ему было поручено составить уставъ въ зиму 1857 года. Человѣкъ умный, и опытный редакторъ оффиціальныхъ бумагъ, Арапетовъ ничего не понималъ въ искуствѣ, слыхалъ о существованіи академіи художествъ, но о томъ, какіе тамъ порядки и что тамъ дѣлается, онъ и понятія не имѣлъ. Князь Гагаринъ познакомилъ Львова съ Арапетовымъ и съ этой минуты начались ихъ совмѣстныя занятія по составленію устава. Когда проэктъ былъ готовъ, Арапетовъ пригласилъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ членовъ совѣта академіи: К. А. Тона, Ѳ. А. Бруни, барона Клодта, князя Гагарина и Львова. Въ это засѣданіе былъ прочтенъ проэктъ устава, но отъ членовъ не послѣдовало ни одного замѣчанія, только положено было отмѣнить ректора скульптуры, да и то изъ чисто личныхъ расчетовъ; члены академіи не хотѣли, чтобы Пименовъ сдѣлался ректоромъ. Въ сущности это рѣшеніе было благоразумно, такъ какъ должность ректора скульптуры совершенно лишняя по малому числу учениковъ-скульпторовъ. Къ тому же Пименова не любили: талантливый художникъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкъ невыносимаго характера и никогда ни съ кѣмъ не сходился. За тѣмъ уставъ былъ переданъ, по порядку дѣлопроизводства, министру двора, и 30-го августа 1860 года Высочайше утвержденъ и присланъ въ Академію для руководства.

II

Незадолго до утвержденія устава, графа Ѳ. П. Толстаго, вице-президента академіи, сдѣлали товарищемъ президента, на его мѣсто назначили князя Гагарина, конференцъ-секретаря Григоровича уволили отъ должности, а на его мѣсто опредѣлили Львова. Графу Толстому и Григоровичу назначили въ пенсію содержаніе, которое они получали на службѣ. По вступленіи въ должность, Львову предстояло познакомиться съ людьми, которыхъ онъ зналъ только по имени. Всѣ старые члены академіи смотрѣли на него недружелюбно, видѣли въ немъ какого-то чиновника-реформатора, скрытничали передъ нимъ и притворялись; но такъ какъ ихъ взаимныя отношенія между собою были вообще дурны, то правда угадывалась безъ особеннаго труда.

Условія, на которыхъ предполагалось возобновить академію, были приняты всѣми весьма недружелюбно.

Кн. Гагаринъ былъ убѣжденъ, что для пользы искуства, нужно непремѣнно удалить изъ академіи всѣхъ прежнихъ профессоровъ и устроить отдѣльныя мастерскія, по примѣру французской академіи, гдѣ каждый профессоръ имѣетъ свою мастерскую и принимаетъ въ ней учениковъ. Разъ это желаніе сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ старики профессора стали бояться за свои казенныя квартиры. Кн. Гагаринъ, по свойству своего характера, не былъ въ состояніи прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, хотя ему сильно хотѣлось привести въ исполненіе свой проэктъ. Присутствуя въ собраніяхъ совѣта, кн. Гагаринъ не принималъ въ преніяхъ никакого участія: очень разсѣянный и робкій, онъ часто своими вопросами даказывалъ, что онъ или не слушаетъ, или не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Тогда всѣ рѣшили, что все дѣлается Львовымъ и хотя онъ исполнялъ только желанія и предписанія кн. Гагарина, все неудовольствіе, возбужденное введеніемъ новаго устава, обратилось на Львова, котораго считали единственнымъ виновникомъ всего, что дѣлалось въ академіи.

Всѣ члены совѣта походили одинъ на другаго тѣмъ, что были всѣ одинаково стары годами, понятіями и привычками. Совѣтъ состоялъ изъ крикуновъ и изъ молчаливыхъ, согласныхъ во всемъ съ тѣми, кто кричалъ громче. По уставу, всѣ члены совѣта были несмѣняемы, вслѣдствіе чего онъ не могъ возобновляться введеніемъ новаго, молодаго элемента. При новомъ вице-призидентѣ и новомъ конференцъ-секретарѣ, всѣ эти старики никакъ не могли удержаться отъ хвастовства своими талантами и прекраснымъ направленіемъ русскихъ художниковъ. Болѣе всѣхъ хвастали Тонъ и Пименовъ; послѣдній имѣлъ еще болѣе правъ, такъ какъ былъ точно талантливый художникъ, тогда какъ Тонъ, далеко не даровитый, хвасталъ безъ удержу. Онъ увѣрялъ, напримѣръ, что онъ первый архитекторъ въ Европѣ, что все то, что дѣлается на западѣ, только подражаніе его работамъ, что онъ замѣчательный математикъ, и не смотря на то, что не дѣлаетъ никакихъ вычисленій при постройкахъ, все это рѣшается у него въ головѣ необыкновенно вѣрно. Если рѣчь заходила о живописи, онъ говорилъ, что никто лучше его не рисуетъ. И все это говорилось всѣмъ и каждому, такъ что наконецъ ему перестали отвѣчать, но онъ не унимался и хвасталъ пуще прежняго. Онъ былъ человѣкъ не дурной и не злой; но страшный самодуръ, ругалъ и хвалилъ зря, и любилъ разыгрывать роль великаго художника. Къ нему примыкали Эппингеръ, Марковъ..... Первые два зависѣли отъ него по работамъ въ храмѣ Спаса.

Другой ректоръ, Бруни, походившій на камергера, человѣкъ

безъ твердыхъ убѣжденій, любилъ покровительствовать. Утверждали даже нѣкоторые, что это покровительство не всегда было безкорыстно, но такъ какъ искони академія была гнѣздомъ всякихъ сплетень и клеветъ, то этимъ слухамъ мало кто вѣрилъ. Въ дѣлахъ совѣтскихъ, Бруни всегда высказывалъ свое мнѣніе мягко, снисходительно и очень щедро въ денежномъ отношеніи, такъ какъ деньги были не его, а казенныя. Бруни и жена его были люди очень добрые и гостепріимные, домъ ихъ рѣзко отличался отъ домовъ другихъ профессоровъ. У нихъ были назначенные дни, на которыхъ было весело и гдѣ меньше играли въ карты, чѣмъ у другихъ.

Пименовъ жилъ совершенно особнякомъ, у него почти никто никогда не бывалъ, и онъ рѣдко гдѣ нибудь показывался съ женою, которая была женщина замѣчательной красоты. Академическое общество не находило удовольствія бывать у Пименова. Главною этому причиною былъ его несносный характеръ. Многіе находили его помѣшаннымъ и точно, онъ никогда почти не бывалъ въ нормальномъ положеніи.

Въ академическомъ совѣтѣ было полное отсутствіе художественнаго элемента; по уставу никого нельзя было удалить и потому, по предложенію конференцъ-секретаря, рѣшили включить въ число членовъ совѣта, трехъ преподавателей въ академіи, а именно: профессора А. И. Резанова, преподавателя строительнаго искуства, А. М. Горностаева, преподавателя перспективы, и проф. Д. И. Гримма, преподавателя архитектуры, какъ науки. Эта новая мѣра удалась какъ нельзя лучше; несмотря на самодурство совѣта, всѣ три новые члены были приняты болѣе потому, что входили въ составъ дежурныхъ профессоровъ по архитектурному классу, значитъ очередь дежурства повторялась не въ 3-й, а въ шестой день. Какъ бы то ни было, дѣло сдѣлалось и совѣтъ пріобрѣлъ трехъ честныхъ и добросовѣстныхъ членовъ, что и доказалось впослѣдствіи.

Всѣ совѣтскія пренія начинались съ того, что каждый говорилъ о себѣ, или о совершенно постороннихъ предметахъ и очень рѣдко слышалось мнѣніе собственно о дѣлѣ, и то большею частію въ вопросахъ, въ которыхъ не была заинтересована чья нибудь личность. Часто, прежде чѣмъ приступить къ слушанію рапорта инспектора, слышались разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

—«Я, ваше сіятельство, говорилъ обыкновенно Тонъ, слушалъ курсъ политехнической школы въ Парижѣ и лучше меня никто не умѣлъ дѣлать вычисленія, даже въ Парижѣ всѣ удивлялись.

—«Je me rappelle, говорилъ Бруни, que S. M. L'Empereur Nicolas en

visitant l'ermitage me disait: «c'est ici que je veux placer la collection des tableaux des peintres russes», и т. д. все въ этомъ же родѣ.

Въ то же время Пименовъ, обращаясь къ другимъ членамъ совѣта, проповѣдывалъ имъ философію въ искуствѣ, говорилъ разомъ по русски, по французски и по итальянски и цитировалъ стихи Maccario.

Брюлловъ углублялся въ вычисленіе коефиціентовъ воображаемыхъ теоремъ, а остальные слушали, удивлялись и непремѣнно хвалили, между тѣмъ какъ конференцъ-секретарь ожидалъ конца этихъ разговоровъ, чтобъ записать въ журналъ рѣшенія совѣта. Князь Гагаринъ никогда не былъ въ состояніи остановить разговоры, неидущіе къ дѣлу, и, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ собранія совѣта представляли большую неурядицу.

При такой-то обстановкѣ, явился новый уставъ академіи. Прочтенный въ собраніи совѣта, онъ былъ принятъ къ руководству, безъ всякаго разсужденія. Такъ какъ въ уставѣ вводилось чтеніе лекцій и обязательное посѣщеніе классовъ учениками академіи, то необходимо было сдѣлать тотчасъ-же всѣ распоряженія по этому предмету. Инспекторъ классовъ былъ человѣкъ новый, неспособный и неопытный; онъ не въ состояніи былъ устроить распредѣленіе уроковъ, онъ могъ быть только исполнителемъ и потому вся работа выпала на долю Львова.

Введеніе учебнаго научнаго курса было принято учениками, съ большимъ удовольствіемъ. Нѣкоторыя лекціи посѣщались огромными массами слушателей, такъ что зала едва могла ихъ вмѣщать; въ особенности были полны аудиторіи, когда читалась исторія изящныхъ искуствъ и русская словесность. Былъ-ли это только временный порывъ, или преподаватели не съумѣли поддержать интересъ къ преподаваемому, только впослѣдствіи аудиторіи стали пустѣть, и слушателями остались только самые прилежные ученики.

Между тѣмъ, все было сдѣлано чтобъ облегчить занятія: печатались записки лекцій и раздавались безплатно, самыя лекціи читались преимущественно въ приложеніи къ искуствамъ—ничто не помогало. Нужно замѣтить однако, что лекціи математики, не смотря на сухость предмета, были постоянно посѣщаемы и экзамены изъ математики были всегда самые удовлетворительные. Надо и то сказать, что преподаватель математики былъ К. И. Мамышевъ, который прекрасно читалъ лекціи и излагалъ свой предметъ въ приложеніи къ изящнымъ искуствамъ. Вообще, въ выборѣ преподавателей, нельзя было быть очень строгимъ: правда, гонораръ былъ хорошій, но выбирать было не изъ кого. Хорошо еще, что нашелся охотникъ читать исторію изящныхъ искуствъ, И. М. Горностаевъ. Въ то время эта

наука нигдѣ въ Россіи не преподавалась, никогда не была написана по русски и онъ долженъ былъ прежде, чѣмъ читать лекціи, каждую сначала написать и дѣлать выписки изъ иностранныхъ сочиненій.

Академическій совѣтъ не принималъ участія въ успѣхахъ учебныхъ лекцій, такъ что даже спустя шесть лѣтъ, профессоръ Марковъ все еще продолжалъ разсказывать о томъ, что ученики дѣлаютъ дурные эскизы потому, что имъ дурно читаютъ теорію изящныхъ искуствъ. Онъ все еще не зналъ разницы между исторіей и теоріей, между тѣмъ какъ послѣдняя уже давно была исключена изъ предметовъ преподаванія. Даже изъ числа молодыхъ художниковъ были такіе, которые утверждали, что образованіе вовсе не нужно художнику и не имѣетъ никакого вліянія на развитіе таланта. Что же касается до замѣчаній Маркова, Вилевальде, Воробьева и Тона, то въ нихъ слышалось совершенное невѣжество, отсутствіе самыхъ элементарныхъ познаній, а, между тѣмъ, эти люди были членами совѣта, цѣнителями и судьями ученическихъ работъ и сочиненій.

Потекла новая жизнь академіи, нововведенія прививались туго, старые элементы упорно не сдавались, всѣ смотрѣли враждебно на новыя мѣры и опять повторилась старая истина, что «нельзя вино новое вливать въ мѣха старые». Надо было вооружиться терпѣніемъ, надо было настойчиво и энергично идти къ опредѣленной цѣли. Къ несчастію, ни энергіи, ни настойчивости не было въ характерѣ вице-президента.

Въ числѣ членовъ совѣта тогда былъ еще Н. И. Уткинъ, профессоръ гравированія, почтенный и достойный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, очень образованный для своего времени, необыкновенно добрый, молодой сердцемъ, не смотря на свои 86 лѣтъ, добросовѣстный въ исполненіи профессорской обязанности въ рисовальныхъ классахъ; но отъ старости тугой на ухо, не принимавшій участія въ распряхъ совѣта и по этой причинѣ еще болѣе уважаемый всѣми безъ исключенія. Приближался 50-ти лѣтній юбилей службы Уткина, и рѣшено было отпраздновать его какъ можно лучше. Самое дѣятельное участіе въ устройствѣ этого праздника принялъ на себя Ѳ. И. Іорданъ, ученикъ Н. И. Уткина и человѣкъ ему искренно преданный. Открыли подписку по 15 руб., и на эти деньги рѣшили сдѣлать обѣдъ и выбить медаль съ портретомъ Уткина. Рѣчь, которую сказалъ почитатель Уткина, С.... была длинна и скучна, къ тому же, сказанная передъ обѣдомъ, она была принята очень холодно. Потомъ за обѣдомъ, одинъ изъ числа приглашенныхъ гостей, Л. Р... такъ напился, что его принуждени были вывести. Подъ конецъ обѣда говорились спичи, одинъ другаго нескладнѣе и, наконецъ, Н.

И. Уткина понесли съ тріумфомъ на рукахъ домой. Зала была уставлена гравюрами Уткина, его бюстъ былъ украшенъ цвѣтами и лаврами, музыка гремѣла. Но за обѣдомъ многіе сильно напились; Пименовъ послѣ танцовалъ мазурку, и задушевнаго, прямо относящагося къ юбиляру, было только то, что говорилъ Іорданъ Уткину, и то, что тотъ отвѣчалъ ему.

Кстати объ обѣдахъ, они были необходимы, потому что сближали художниковъ, и вслѣдствіе этого, послѣ каждаго академическаго годоваго акта, они устроивались по подпискѣ, въ рекреаціонной залѣ была музыка, и всѣ, получившіе медали и новыя званія, приглашались къ обѣду. Тутъ были только художники, старые и молодые, чужихъ никого. Обѣды эти устроивались четыре года сряду; но потомъ надобно было отъ нихъ отказаться, потому что деньги, 10 руб. съ человѣка, собирались туго, всѣ находили, что дорого. Кромѣ этой причины, тутъ случилось еще одно обстоятельство, которое окончательно разъединило общество художниковъ и сдѣлало невозможнымъ всякое коллективное предпріятіе. Чтобы разъяснить дѣло, мы должны разсказать исторію **пятничныхъ** вечеровъ и потому начнемъ съ того времени, какъ они начались.

III.

Въ концѣ 1852 года, небольшое общество молодыхъ людей, художниковъ и любителей, затѣяло собираться по вечерамъ по очереди другъ у друга. Академія художествъ, въ то время, была совершенно замкнута для художниковъ; ея музей и библіотека существовали только для хранителя музея. Профессора академіи не собирали у себя молодыхъ художниковъ. Лишенные общества и всякаго художественнаго элемента въ жизни, они очень обрадовались возможности сходиться. Первая мысль этихъ вечеровъ принадлежала князю **Максутову**, братьямъ **Шарлемань**, **Чернышеву**, **Боголюбову**, И. В. **Штрому**, **Львову**, **Сверчкову**, М. О. **Микѣшину** и другимъ. Эти вечера имѣли характеръ совершенно семейный, дружескій, въ нихъ не было ничего похожаго на клубъ, даже на обыкновенные сходки молодыхъ людей. На нихъ не играли въ карты, не пили и не проводили время въ праздной болтовнѣ. Весь вечеръ проходилъ въ рисованіи акварелью, сепіею, или карандашемъ рисунковъ, которые дѣлались собственностью хозяина, у котораго былъ вечеръ. Ужинъ былъ самый незатѣйливый, такъ какъ бо̀льшая часть участвующихъ были люди небогатые. Послѣ ужина пѣли, играли, декламировали, разы-

грывали импровизированные фарсы, дурачились, какъ дурачатся только художники въ молодости.

Тѣ, которые бывали на этихъ вечерахъ, вѣроятно сохранятъ на всю жизнь отрадное воспоминаніе о нихъ, и, не смотря на всѣ послѣдующія непріятности, грязныя интриги, клеветы и сплетни, помянутъ добрымъ словомъ тѣхъ, которые были ихъ первыми учредителями.—Въ 1857 году, число участвующихъ въ этихъ вечерахъ очень увеличилось, такъ что квартиры первыхъ учредителей оказались слишкомъ тѣсными. Надобно было прибѣгнуть къ складчинѣ. Львовъ, который былъ въ то время секретаремъ общества поощренія художниковъ и директоромъ рисовальной школы для вольноприходящихъ, просилъ у комитета общества позволенія, собираться разъ въ недѣлю, а именно въ пятницу, въ рисовальной школѣ, въ зданіи биржи. Комитетъ согласился и художническіе вечера начались въ школѣ. Не смотря на увеличеніе своего состава, они продолжали носить тотъ же семейный характеръ не было ни устава, ни особыхъ правилъ, каждый кто платилъ десять рублей за десять вечеровъ, былъ членомъ пятницъ (такъ стали называться вечера), гости платили одинъ рубль за входъ. Эти деньги шли на освѣщеніе, прислугу, чай и ужинъ, все, разумѣется, чрезвычайно простое, какъ это иначе и не могло быть при такихъ ничтожныхъ средствахъ.—Рисунки, дѣлаемые на вечерахъ, которые прежде поступали въ собственность хозяина, по общему согласію, назначены были теперь въ продажу, коммисіонеромъ выбрали Беггрова, а вырученныя деньги должны были идти, половина ихъ художнику, а половина въ пятницкій капиталъ, чтобъ со временемъ давать изъ него ссуды бѣднымъ художникамъ.

Въ 1859 году, по случаю мануфактурной выставки, рисовальная школа переведена была въ другое помѣщеніе, и вслѣдствіе этого пятницы потеряли даровое помѣщеніе. Чтобъ нанимать квартиру нужны были средства, которыхъ художники не имѣли, собранія должны были рушиться, но потребность въ нихъ была уже такъ сильна, что надобно было какъ нибудь помочь горю. Львовъ, который въ то время былъ сдѣланъ конференцъ-секретаремъ акаміи Художествъ, обратился къ Великой Княгинѣ Президенту, съ просьбою, позволить пятницкіе вечера, о которыхъ она уже знала съ самой хорошей стороны, перевести въ залы академіи художествъ. Великая княгиня изъявила свое согласіе, съ тѣмъ только, чтобъ отвѣтственность за порядокъ, приличіе и вообще характеръ этихъ вечеровъ, падала на четырехъ старшинъ, выбранныхъ самимъ обществомъ. Эти старшины были: Боголюбовъ, Мюссаръ, князь Максутовъ и Львовъ. Разъ вступивъ въ залы академіи и на-

ходясь подъ августѣйшимъ покровительствомъ Великой Княгини, общество должно было избрать старшинами членовъ совѣта академіи. Это званіе старшинъ не имѣло никакого оффиціальнаго характера, это была только дань уваженія художникамъ заслуженнымъ, старикамъ, которыхъ присутствіе въ средѣ молодыхъ людей, учениковъ, почти мальчиковъ, на совершенно равной ногѣ, заслуживало вполнѣ этого вниманія, понятнаго для каждаго порядочнаго человѣка. Къ несчастію, масса художниковъ, особенно въ то время, за весьма немногими исключеніями, состояла изъ людей совершенно лишенныхъ даже элементарнаго образованія. . . . .
. . . .
. . . Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что бѣдные художники составляютъ такое же общество, какъ бѣдные студенты. Вовсе нѣтъ, въ средѣ студентовъ наука и серьезныя занятія облагораживаютъ понятія и родятъ благородныя потребности, бѣднякъ студентъ на своемъ чердакѣ, гдѣ онъ часто голодаетъ, и въ обществѣ такихъ-же тружениковъ, развивается иногда болѣе того, кто никогда не имѣлъ лишеній. Въ университетъ идетъ уже человѣкъ довольно развитой, тотъ, кто хочетъ учиться, а въ художники большею частію шли для того, чтобы избавиться отъ рекрутской повинности или для полученія степени классиаго художника, которая даетъ нѣкоторыя права. Поэтому большинство художниковъ состояло изъ людей совершенно бездарныхъ и вполнѣ невѣжественныхъ.

Талантливые люди вездѣ составляютъ исключеніе, это тѣ, которые работаютъ, трудятся и держатъ себя далеко отъ всѣхъ грязныхъ интригъ и козней. Бездарность и невѣжественность всегда заносчива, завистлива и криклива. Званіе художника не родитъ таланта, но развиваетъ страшное тщеславіе, такъ что получившій это званіе воображаетъ себя уже чѣмъ то выше обыкновеннаго смертнаго, и позволяетъ себѣ все, начиная отъ дурацкаго костюма и растрепаннаго вида, до буйства и дерзости.

Основатели пятницъ, движимые искреннею и безкорыстною любовью къ искуству, имѣли всего больше въ виду сблизить художниковъ между собою и этимъ сближеніемъ дать средство бѣднымъ молодымъ людямъ бывать въ средѣ людей образованныхъ, талантливыхъ и, между тѣмъ, простыхъ въ обращеніи, и поднять тѣмъ ихъ нравственный и умственный уровень. На этихъ вечерахъ, начиная отъ Вице-Президента и кончая послѣднимъ ученикомъ, всѣ были равны между собою, все отзывалось характеромъ семейнымъ, домашнимъ; какъ бы желая пріучить молодыхъ людей къ изяществу привычекъ и занятій, не было ни картъ, ни буфета, ничего трактирнаго, или клубнаго. Рисовали,

играли на фортепіано, пѣли, разговаривали, декламировали, однимъ словомъ это былъ салонъ, въ который могла войти каждая порядочная женщина. Этотъ характеръ вечеровъ былъ особенно полезенъ для молодыхъ людей учениковъ, потому что отучалъ ихъ отъ трактирной жизни, гибельной въ ранней молодости. Къ несчастію, эта мысль не осуществилась.

Общество пятницъ стало слишкомъ многочисленно и разносторонне, чтобъ оказалась возможность сохранить этотъ характеръ. Многіе изъ участвующихъ, совершенно не понимая и не сочувствуя цѣли вечеровъ, захотѣли придать имъ характеръ клуба, невозможный въ Академіи, какъ въ государственномъ учрежденіи. Стали требовать баллотировки всѣхъ членовъ, отчета въ капиталѣ пятницъ, и что всего страннѣе, что этого отчета требовали тѣ, которые всего менѣе имѣли на него права, потому что ничего не рисовали, а иные стали его членами только за мѣсяцъ до закрытія вечеровъ. Напримѣръ, Прангъ одинъ изъ главныхъ антагонистовъ, лице до того неизвѣстное въ средѣ художниковъ, что когда стали выбирать его въ старшины, неизвѣстно по чьему внушенію, то его имя на билетахъ писалось неправильно, кто Брангъ, кто Франгъ, и тому подобное. Не имѣя устава, общество не имѣло и казначея, счеты велись однимъ изъ участвовавшихъ, подъ контролемъ старшинъ, которые хлопотали только о томъ, чтобъ все было какъ можно экономнѣе; капиталъ, составленный изъ продажи рисунковъ, находился въ кассѣ Общества Поощренія художниковъ. На одной изъ послѣднихъ пятницъ, въ іюнѣ 1862 г., шумъ былъ такъ великъ, требованія правъ клуба такъ невозможны, что начальство академіи, въ избѣжаніе скандала, который бы компрометтировалъ академію, принуждено было закрыть пятницкіе вечера. Недовольные этимъ закрытіемъ хотѣли основать клубъ и для этого стали требовать капитала и имуществъ пятницъ, воображая, что ничтожной суммы четырехъ тысячъ достаточно для основанія клуба, требующаго большихъ средствъ. Вся непрактичность этого предпріятія видна была съ самаго начала и учредители художественныхъ вечеровъ никакъ не могли согласиться, чтобы деньги, заработанныя ихъ личнымъ трудомъ, шли на невозможное предпріятіе, въ рукахъ людей, неимѣющихъ никакого понятія объ устройствѣ клуба. Составилась подписка и восемьдесятъ членовъ подписали, что пятницкій капиталъ они отдаютъ въ распоряженіе Общества Поощренія Художниковъ, для ссуды бѣднымъ художникамъ. Противная партія, во главѣ которой стояли Г. Б. Прангъ и М. К. Клодтъ (имена другихъ неизвѣстны), раздосадованные этимъ заявленіемъ, стали распускать слухи о неправильности счетовъ и растратѣ пятницкаго капитала.

Эти толки, хотя нелѣпыя, заставили старшинъ Общества Поощренія Художниковъ повѣрить всѣ книги, счеты и имущество пятницъ, составили полный отчетъ, напечатали его и предоставили каждому право читать и повѣрять его. Два года отчетъ пятницкихъ вечеровъ, книги и счеты находились у Бѣлоброва, чиновника академіи, открытые для каждаго, два года никто изъ тѣхъ, кто распускалъ нелѣпые слухи, не далъ себѣ труда посмотрѣть и повѣрить отчетъ—дѣло не такъ трудное, потому что капиталъ и все имущество были на лице, а между тѣмъ клевета о злоупотребленіи, ни на чемъ не основанная, не выдерживающая никакой критики приняла огромные размѣры; распускаемая людьми злонамѣренными и принимаемая на вѣру тѣми, кто не имѣлъ никакого понятія о настоящемъ характерѣ пятничныхъ вечеровъ, она, наконецъ, заставила бывшихъ старшинъ пятницъ объяснить публикѣ въ чемъ дѣло и протестовать своею подписью противъ несправедливыхъ и ни на чемъ не основанныхъ обвиненій.

Помѣщеніе въ Академіи, о чемъ было нами сказано выше, въ разсказѣ о пятницахъ, дало возможность расширить собранія. Болѣе ста человѣкъ принимали въ нихъ участіе. Средства увеличились, затѣялись балы, маскарады, театры, лотереи, аукціоны. Собранія становились очень многолюдны и интересны. Кромѣ художниковъ, ихъ посѣщали иностранные артисты, музыканты, пѣвцы. Не проходило почти ни одной пятницы, чтобы на нихъ не пѣли или не играли. Тамберликъ пѣлъ, Венявскій и Лешетицкій играли и нѣмецкое общество Lieder-Tafel, въ числѣ 8 или 10 человѣкъ, великолѣпно пѣло за ужиномъ. Все шло хорошо, небыло никакихъ непріятностей, никакихъ исторій и, наконецъ, общество вздумало устроить громадный, костюмированный балъ съ живыми картинами. На этотъ балъ собралось болѣе 1,500 человѣкъ, и три залы Академіи едва вмѣстили публику. Костюмированный балъ удался на славу; онъ былъ такъ хорошъ, и такъ всѣмъ понравился, что Великая Княгиня президентъ изъявила желаніе, чтобы онъ повторился. Второй балъ былъ еще лучше перваго; великая княгиня удостоила его своимъ присутствіемъ и выразила свое удовольствіе. Чтобы отблагодарить художниковъ за балъ, она позвала къ себѣ членовъ пятницъ и пожелала, чтобъ у нея была настоящая пятница въ Маріинскомъ дворцѣ. Мюссару, ея секретарю, было поручено все устроить, и въ назначенный день художники явились во дворецъ, гдѣ были поставлены рисовальные столы, точь въ точь какъ на пятницахъ, всѣ сѣли рисовать, Lieder-Tafel пѣли, и великая княгиня съ двумя княжнами угощала всѣхъ чаемъ. Потомъ, за ужиномъ, великая княгиня пожелала,

чтобъ были продѣланы всѣ тѣ фарсы, которые обыкновенно продѣлывались на пятницкихъ вечерахъ: Каррикъ представлялъ паровую машину, кричалъ пѣтухомъ, изображалъ скотный дворъ; Рюль дѣлалъ фокусы, а въ антрактахъ пѣли Lieder-Tafel. Вскорѣ послѣ вечера у великой княгини, кончился сезонъ, наступило лѣто и всѣ разъѣхались. Послѣ осенней выставки, по прежнему было объявлено о началѣ пятничныхъ собраній; но начало уже было неудачно, явились личности, враждебныя пятницамъ, на выборахъ забаллотировали Боголюбова и выбрали въ старшины дотолѣ неизвѣстнаго Г. Б. Пранча.

Съ закрытіемъ пятницъ, рушилась всякая надежда соединить художниковъ въ одно общество. Начальство Академіи, вполнѣ сознавая всю пользу пятницъ, захотѣло опять возстановить ихъ и рѣшило открыть опять собранія; но неиначе какъ подъ отвѣтственностью старшинъ, назначенныхъ Академіей, но не выбранныхъ обществомъ; уставъ написали, утвердили; но дѣло отъ этого не подвинулось и собранія по пятницамъ кончили свое существованіе на радость тѣхъ, кому этого хотѣлось.—Мы разсказали о пятницахъ, по поводу несостоявшихся обѣдовъ послѣ акта; закрытіе собранія разъединило общество и всякая подписка была уже немыслима.

IV.

Вскорѣ послѣ юбилея Уткина, совершилось важное событіе въ художественномъ мірѣ: состоялся конкурсъ на памятникъ «Тысячелѣтія Россіи». Уже давно по всей Россіи были публикованы условія конкурса, и въ день собранія совѣта Академіи, для обсужденія выставленныхъ проектовъ, ихъ было представлено болѣе двухсотъ.

Все это дѣло съ самаго начала было ведено не такъ, какъ слѣдуетъ. Предположеніе о памятникѣ было представлено сначала главноуправляющему путями сообщенія; а въ корпусѣ путей сообщенія существовало мнѣніе, что инженеры должны стоять выше архитекторовъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, управляющіе вмѣшивались въ чисто художественные вопросы. К. В. Чевкинъ настоялъ на томъ, чтобы все дѣло о памятникѣ было предоставлено ему, и сдѣлалъ публикаціи объ условіяхъ конкурса. Въ самомъ началѣ онъ уже сдѣлалъ ошибку въ эстетическомъ значеніи: для памятника нельзя давать данныя, какъ для строенія, надо предоставить свободу фантазіи художника. Въ программѣ конкурса были назначены всѣ фигуры, которыя должны быть на памятникѣ. Вторая ошибка заключалась въ томъ, что монументальный конкурсъ нельзя было ограничить

одной Россіей. Конкурсъ тогда только можетъ достигнуть своей цѣли, когда состязаются люди сильные дарованіемъ, и заслужившіе извѣстность. У насъ было всего два скульптора, Пименовъ и баронъ Клодтъ, два монументальныхъ художника; какой же могъ быть конкурсъ между ними двумя? Еслибъ конкурировали иностранные известные художники, такъ еще можно было бы ожидать хорошаго результата. Но конкурсъ былъ объявленъ только въ Россіи, а Пименовъ и Клодтъ не захотѣли работать для него, говоря, что они не хотятъ становиться на одну доску съ учениками, или съ архитекторами. Обойти совсѣмъ Академію было неудобно, и потому всѣ проекты прислали въ совѣтъ, а въ доказательство участія инженеровъ, прислали троихъ полковниковъ въ совѣтъ Академіи для совмѣстнаго обсужденія; въ числѣ ихъ находился полковникъ Евреиновъ, которому предполагалось поручить постройку памятника.

Еще за долго до срока конкурса, носились слухи, что въ 3-мъ этажѣ Академіи, въ одной изъ ученическихъ мастерскихъ, двое учениковъ Академіи работаютъ надъ эскизомъ памятника «Тысячелѣтія». Одинъ изъ этихъ учениковъ былъ живописецъ-жанристъ Микѣшинъ, другой— бывшій ученикъ Пименова, скульпторъ Шрёдеръ. У Микѣшина была первая золотая медаль за картину, и ему слѣдовало ѣхать за границу пенсіонеромъ; Шрёдеръ былъ художникъ любитель, бывшій воспитанникъ Пажескаго корпуса, уланскій корнетъ въ отставкѣ. Хотя казалось совсѣмъ несообразнымъ, чтобы эти два художника могли сдѣлать что нибудь монументальное, но о нихъ говорили такъ много, такъ превозносили ихъ дарованія и таланты, что появленіе ихъ эскиза на конкурсѣ ожидалось съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ Пименовъ, Клодтъ и еще другіе члены совѣта сильно возставали противъ всѣхъ этихъ похвалъ, не вѣрили въ достоинство проекта Микѣшина и Шрёдера и тѣмъ невольно заставляли брать сторону молодыхъ художниковъ. Пименовъ и Клодъ утверждали, что Шрёдеръ никогда не сдѣлалъ ни одного серьезнаго этюда, въ классы ходилъ рѣдко и занимался скульптурой какъ дилетантъ, что Микѣшинъ жанристъ, хорошій рисовальщикъ, но не въ состояніи создать что нибудь серьезное, строгое, монументальное.

Памятникъ по модели Микѣшина и Шрёдера уже стоитъ въ Новгородѣ, сожалѣнія дѣлу не помогутъ; но нельзя не сказать, что еслибъ, при обсужденіи проекта, были бы извѣстны всѣ обстоятельства дѣла, то врядъ ли бы Микѣшину удалось получить первый номеръ на конкурсѣ, и смѣло можно утверждать, что конкурсъ тогда бы не состоялся, и былъ бы назначенъ другой, потому что изъ числа представленныхъ проектовъ, не только не было ни одного удовлетворительнаго, но даже болѣе половины были ниже всякой критики. Эскизъ Микѣшина,

хотя въ немъ было видно много таланта, былъ только намекъ на что-то, и не будь всѣхъ этихъ толковъ прежде конкурса, не поставь общественное мнѣніе Микѣшина въ роль угнетеннаго художника, котораго таланту завидуютъ старые профессора, его эскизъ никогда бы не нашли достойнымъ преміи, назначили бы другой конкурсъ и, можетъ быть, въ Новгородѣ не стояла-бы масса изъ бронзы. Очень можетъ быть, что памятникъ былъ бы сдѣланъ не русскимъ художникомъ; но что до этого,—художникъ по существу космополитъ, патріотическая гордость не должна имѣть мѣста въ художественномъ дѣлѣ, лучше чужое первоклассное произведеніе, чѣмъ свое посредственное, хотя бы исполненное русскимъ художникомъ.

Микѣшинъ имѣлъ большой успѣхъ въ салонахъ и искусно пользовался общимъ къ нему расположеніемъ, а преслѣдованія Пименова и Клодта дѣлали его еще болѣе интереснымъ. Проповѣдуя любовь къ искуству, онъ увлекалъ молодыхъ художниковъ и безъ особеннаго труда составилъ себѣ кругъ поклонниковъ и почитателей. Между этими молодыми художниками было много очень талантливыхъ. Въ числѣ поклонниковъ Микѣшина находился и Шрёдеръ, юноша даровитый, горячій и пылкій. Непонятно, какъ Шрёдеръ и по таланту, и по образованію, и порожденію, стоявшій гораздо выше Микѣшина могъ такъ имъ увлекаться; впослѣдствіи, когда онъ въ немъ разочаровался, онъ былъ уже болѣе не нуженъ Микѣшину. Идея памятника, общая его форма создалась въ разговорѣ, стало быть и тутъ честь изобрѣтенія принадлежала не одному Микѣшиу; потомъ, когда началась работа эскиза, работа скульптурная, то, естественно, Микѣшину дѣлать было нечего; весь эскизъ вылѣпленъ Шрёдеромъ, и хотя можно предположить, что Микѣшинъ давалъ совѣты, рисовалъ эскизы, собственно исполненіе модели принадлежитъ Шрёдеру. Когда, по обсужденіи конкурса, дали первую премію и рѣшили исполнить памятникъ тысячелѣтія по модели Микѣшина, то ему поручили всѣ работы, работы колоссальныя; чтобы дать понятіе о размѣрахъ, достаточно сказать, что фигуры были 8½ арш. Надо отдать справедливость предпріимчивости Микѣшина; вдвоемъ съ Шрёдеромъ, онъ взялся исполнить работу, хотя ни тотъ, ни другой никогда не дѣлали не только ничего монументальнаго, но даже ничего законченнаго. Кромѣ Шрёдера были и другіе скульпторы, которымъ были отданы отдѣльныя группы, составляющія памятникъ. Но главный надзоръ за работами былъ порученъ Микѣшину, какъ рисовальщику, его имя стояло впереди всѣхъ, не смотря на то, что онъ только рисовалъ. Все шло хорошо, пока Микѣшинъ и Шрёдеръ были дружны, но и послѣ, когда Шрёдеръ уже не говорилъ съ Микѣшинымъ, первый считалъ своею обязанностью окончить работу и

не щадилъ ни силъ, ни здоровья. Всю ночь на пролетъ виденъ былъ огонь въ мастерской Шрёдера и онъ, съ обручемъ на головѣ, въ который были вставлены огарки свѣчей, не опускалъ рукъ ни на часъ.

Во все это время молодой скульпторъ никуда не ходилъ, никого не пускалъ къ себѣ и довольствовался обществомъ форматоровъ и натурщиковъ. Въ то время, когда онъ работалъ, въ его мастерской игралъ органъ. Шрёдеръ былъ страстный любитель музыки. Сонаты Бетховена, увертюры, симфоніи смѣняли одна другую и доставляли Шрёдеру концертъ прекрасной классической музыки. Во всей обстановкѣ было что-то фантастическое: ночь, громадная мастерская, лѣса, на которыхъ стояли колоссальныя глиняныя фигуры, слѣпки рукъ, ногъ, маски виднѣлись въ разныхъ углахъ и звуки органа звучали подъ сводами. Все это сильно дѣйствовало на нервы и не мудрено, что два года, проведенные такимъ образомъ, имѣли сильное дѣйствіе на нервную натуру художника. За то онъ постоянно былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, вѣчно взволнованный и вѣчно восторженный. Онъ не хотѣлъ покоряться свѣтскимъ приличіямъ, ходилъ въ русской красной рубашкѣ, жалѣлъ, что не называется Иваномъ Глиной, вмѣсто Ивана Шрёдера. Ему не нравилась его нѣмецкая фамилія. Наконецъ, памятникъ былъ готовъ въ глинѣ; скрѣпя сердце, совѣтъ Академіи его одобрилъ, послѣдовало Высочайшее утвержденіе и его отлили изъ бронзы. Потомъ послѣдовала его постановка въ Новгородѣ; торжественное открытіе, Микѣшинъ получилъ много наградъ, онъ сдѣлался богатымъ, а о Шредерѣ, который не могъ видѣть своей работы безъ отвращенія, находя, что долженъ былъ сдѣлать въ десять разъ лучше,—даже мало говорили; Микѣшинъ до сихъ поръ называется творцомъ памятника тысячелѣтія, получилъ и исполнилъ заказъ на памятникъ Екатерины, а Шрёдеръ Богъ вѣсть гдѣ находится. Онъ продалъ органъ, свое единственное имущество, уѣхалъ за границу и вотъ уже другой годъ, что нѣтъ о немъ никакого извѣстія. Гдѣ онъ? чѣмъ и какъ живетъ? неизвѣстно. Единственная его работа, сохранившаяся послѣ уничтоженія его мастерской, это эскизъ головы сибиряка, засушеннаго въ глинѣ, который находится теперь въ Академіи и подаренъ ей бывшимъ конференцъ-секретаремъ Львовымъ [1]).

---

[1]) Писано въ 1870 году, до возвращенія Шрёдера изъ Бразиліи.

V.

Предстояло привести въ исполненіе очень важное дѣло, ремонтировать все зданіе Академіи. Сначала зданіе было въ подробности изучено Львовымъ. Все оказалось дурно: печи, полы, рамы, вездѣ было невыносимо холодно и грязно, и къ этому, вслѣдствіе измѣненія состава академіи, всѣ помѣщенія не удовлетворяли новымъ требованіямъ. Упраздненныя квартиры не годились подъ мастерскія, или подъ музей. Гнилыя, столѣтнія балки грозили паденіемъ до такой степени, что уже по бель-этажу круглаго двора не безопасно было ходить. Огромное зданіе, на ремонтъ котораго отпускалось 6 т. руб. въ годъ, не могло быть реставрировано на эти деньги. Необходимо было просить денегъ на поправку зданія, и сумму очень крупную, а между тѣмъ вездѣ раздавались жалобы на безденежье, по всѣмъ вѣдомствамъ приказывалось сокращеніе расходовъ, и запрещеніе какихъ бы то ни было денежныхъ выдачъ. Кн. Гагаринъ видѣлъ въ необходимости передѣлать зданіе не столько насущную потребность, сколько возможность осуществить свою давнишнюю идею, сдѣлать изъ академіи нѣчто другое, чѣмъ то, что она была до этого времени. Онъ хотѣлъ, напримѣръ, устройства библіотеки на манеръ лондонской, архитектурнаго музея, расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ и гдѣ бы помѣщались модели древневизантійскихъ храмовъ, какъ доказательство вліянія востока на Россію. Все это вещи очень хорошія, но совершенная роскошь тамъ, гдѣ дѣло шло о рамахъ и балкахъ.

Прежде чѣмъ затѣвать музеи и библіотеки, нужно было устранить причину нежеланія учениковъ учиться, удалить профессоровъ, потакающихъ невѣжеству, да такимъ образомъ и начать дѣло съ начала, а не съ конца. Остановились на томъ, что необходимы были деньги. Для счастливаго результата было, однако, много данныхъ.

Прежде чѣмъ затѣялась перестройка, при дворѣ уже говорили о ея необходимости, такъ что когда спросили у министра двора позволеніе составить проектъ капитальнаго ремонта, послѣдовало приказаніе исполнить. Вице-президенту Академіи хотѣлось поручить всю работу Д. И. Гримму, самому руководить ею и сдѣлать все, какъ ему хотѣлось. Случилось иначе: рѣшено было составить строительную коммисію изъ членовъ Академіи, которая бы имѣла надзоръ за работами, а производителемъ работъ назначенъ былъ профессоръ В. П. Львовъ. Выборъ палъ на него, какъ на человѣка извѣстной честности, очень мягкаго нрава, большаго практика и знающаго строительное дѣло. Хотя неособенно талантливый, онъ былъ акура-

тенъ до чрезвычайности, а въ этомъ и была главная необходимость. Въ передѣлкѣ стараго зданія не требуется особеннаго таланта, но знаніе дѣла и внимательность. Къ тому же, не всякій даровитый художникъ пошелъ бы подъ команду академической строительной коммисіи. Зная Т... и Эппингера, нельзя было ожидать, что коммисія будетъ спокойно исполнять свое назначеніе, предвидѣлись тысячи исторій и столкновеній, вотъ почему нуженъ былъ архитекторъ уступчивый и не очень строптивый. Коммисію назначили, В. П. Львова утвердили и пошла возня. Удивительнѣе всего то, что никто изъ членовъ Академіи не воображалъ тогда, что дѣло начинается не на шутку, думали, что всѣ затѣи ограничатся проектомъ, никто не вѣрилъ, чтобы дали денегъ и потому, при назначеніи архитектора Львова производителемъ работъ, никто противъ этого не возсталъ, спохватились позже и уже досталось бѣдному Львову отъ бѣдовой коммисіи.

Всѣ постройки по министерству Двора состоятъ въ вѣдѣніи строительной конторы, почему, по утвержденіи проекта и по ассигновкѣ 480 т. руб. на 8 лѣтъ работъ, вся хозяйственная часть постройки принадлежала строительной конторѣ, а техническій надзоръ былъ предоставленъ академической коммисіи. Тутъ-то и нашла коса на камень: эти двѣ инстанціи постоянно враждовали между собою. На сколько справедлива была эта взаимная ненависть, мудрено судить теперь, но контора и коммисія постоянно препирались.

Строительная контора была какъ бы создана на зло архитекторамъ, которые въ свое время порядочно взбучивали свои счеты по дворцовому вѣдомству. Въ учрежденіи конторы была мысль сократить расходы по работамъ министерства двора, но намѣреніе это не осуществилось по очень простой причинѣ. Въ составъ конторы были назначены все люди не спеціальные, къ тому же противники архитекторовъ; члены конторы были все инженеры, а эти господа всегда старались унизить званіе архитектора, и прослыть учеными строителями. Во всѣхъ рѣшеніяхъ конторы всегда проглядывала эта задняя мысль. Архитекторы же бѣсились, что ихъ сметы повѣряютъ инженерные кондукторы; но такъ какъ нельзя было избѣгнуть конторы, то оставалось только одно: ненавидѣть и всячески поносить ее. Въ отношеніи экономіи сомнительно, чтобы контора дала хорошіе результаты. Ея составъ стоилъ министерству двора 80 т. р. въ годъ, а работъ производилось рѣдко болѣе чѣмъ на 100 т. руб. Не говоря уже о томъ, что зданія, подвѣдомственныя Двору, постепенно отпадали отъ вѣдѣнія конторы, и число оставшихся было весьма немногочисленно. Странно было подчинить Академію общему правилу дворцовыхъ зданій,—совѣтъ Академіи, составленный изъ

архитекторовъ, могъ легко обойтись безъ строительной конторы; но значеніе строительной конторы настойчиво поддерживалось начальствомъ.

Журналы коммисіи подписывались, но все дѣлалось какъ то совершенно безъучастно. Главною причиною этого были постоянныя распри между членами коммисіи. Всякое мнѣніе оспаривалось изъ личныхъ цѣлей; все, что предлагалось кѣмъ бы то ни было, предлагалось не съ тѣмъ, чтобы принести пользу проекту, а единственно изъ желанія досадить другому. Много было шума о системѣ отопленія, о полахъ, о новыхъ сводахъ и т. д.; обыкновенно ни чѣмъ не рѣшали, а если и рѣшали, то въ слѣдующемъ засѣданіи измѣняли рѣшеніе. Больше всѣхъ шумѣлъ Тонъ, и подъ видомъ опытнаго и старѣйшаго изъ архитекторовъ, требовалъ, чтобы его мнѣнія всегда принимались, хотя очень часто эти мнѣнія предлагались только изъ противорѣчія. Не смотря на всѣ затрудненія и несогласія, дѣло все таки подвигалось и весною должны были начаться работы. Для начатія работъ нужно было сдѣлать временныя перемѣщенія и очистить кладовыя и темные углы отъ столѣтняго хлама и мусора, между которыми было много и хорошихъ вещей. Для этого взяли подрядчика, который оптомъ объявилъ цѣну за всю переноску и работа за нимъ осталась. Но нужно было поручить кому нибудь надзоръ за переноской, потому что при этомъ требовалась нѣкоторая система для классификаціи вещей, значитъ нуженъ былъ художникъ съ нѣкоторыми познаніями въ счетоводствѣ и въ исторіи искуствъ

Еще до начала дѣла о перестройкѣ зданія Академіи, князь Гагаринъ захотѣлъ привести въ порядокъ музей. Ему нуженъ былъ человѣкъ, который составилъ бы каталогъ музея Академіи по его указаніямъ. «Il faut groupper les objets par siècle», говорилъ кн. Гагаринъ. Въ числѣ художниковъ былъ нѣкто П. А. Черкасовъ, живописецъ, получившій впрочемъ вторую медаль въ классѣ за рисунокъ, и за тѣмъ отставшій отъ своихъ товарищей. Занимался онъ кое-чѣмъ... Во время существованія пятницъ, ему было поручено устройство костюмнаго класса и онъ тутъ показалъ себя очень способнымъ. Этотъ костюмный классъ былъ очень многолюденъ, тамъ, кромѣ рисованія костюмовъ, бывала иногда музыка, плохія театральныя представленія, живыя картины, чтеніе, однимъ словомъ это было мѣсто сходокъ учениковъ Академіи, гдѣ, платя бездѣлицу, можно было имѣть чай и закуску. Этотъ костюмный классъ очень поощрялся управленіемъ Академіи въ тѣхъ же видахъ, какъ всѣ собранія художниковъ, гдѣ художники собирались, обмѣнивались мыслями, а главное, это сообщество вызывало молодыхъ людей къ труду. Черкасовъ, какъ человѣкъ дѣятельный, велъ эти вечера, на сколько возможно, хорошо... Львовъ предложилъ Гагарину Черкасова для надзора за перемѣщеніемъ музея. Ему были даны

жалованье и квартира и Черкасовъ уже какъ-бы получилъ въ музеѣ роль помощника хранителя музея, хотя на службѣ не числился и работалъ по найму. Поручивъ Черкасову надзоръ за переноской художественныхъ произведеній, ему также было поручено составить каталогъ музея уже по новому образцу, а именно: 1) отдѣлить русскую школу по всѣмъ отраслямъ искуства отъ иностранныхъ произведеній; 2) копіи вообще отдѣлить отъ оригиналовъ по части живописи; 3) въ скульптурномъ отдѣлѣ классифировать античныя статуи по вѣкамъ и по націямъ. Черкасову легко было это сдѣлать, для этого не требовалось особой подготовки, въ Академіи были кой какіе списки, каталоги и не нужно было особыхъ познаній для опредѣленія мастеровъ картинъ, когда они всѣ значились въ спискахъ, а нужно было расположить музей въ хронологической системѣ. Вмѣстѣ съ Черкасовымъ поручено было заниматься будущимъ устройствомъ музея помощнику хранителя музея К., нарочно для этой цѣли переведенному изъ Москвы. Настоящій же хранитель музея Спитцъ, вовсе былъ отстраненъ отъ этихъ занятій, и ему оставалось сидѣть въ библіотекѣ, куда онъ являлся аккуратно каждый день и смотрѣлъ за сохранностью всего запертаго и незапертаго въ музеѣ. Впрочемъ, не имѣя никакого понятія объ искуствѣ, онъ только педантически исполнялъ свою обязанность, воображая, что она состоитъ въ томъ, чтобы никого не допускать до музея.

Такъ какъ одною изъ главныхъ цѣлей Академіи—быть полезной художникамъ, то новый конференцъ-секретарь распорядился, чтобы художники могли во всякое время пользоваться музеемъ. Постоянно закрытый прежде, онъ былъ теперь открытъ, не смотря на сопротивленіе Спитца. Библіотека тоже всегда была къ услугамъ желающихъ заниматься, безъ малѣйшихъ формальностей. Во всѣхъ залахъ, ученики и посторонніе могли копировать и рисовать съ антиковъ, однимъ словомъ, Академія сдѣлалась достояніемъ художниковъ и любителей искуства и перестала быть замкнутымъ, никому невѣданнымъ міромъ, покрытымъ плесенью и пылью десятковъ лѣтъ. Что было сдѣлано для музея, повторилось и для классовъ: въ свободное время всякій могъ ходить рисовать и чертить въ архитектурномъ классѣ. На всѣ эти нововведенія старый составъ академическаго совѣта смотрѣлъ какъ на униженіе святыни Академіи. Во время большаго маскарада, о которомъ говорено выше, старики профессора возстали на то, что на всѣ античныя статуи надѣли черныя полумаски. Они видѣли въ этомъ профанацію искуства и не разъ называли пятницы балаганными вечерами. «Я безъ слезъ видѣть этого не могу», говорилъ Тонъ на маскарадѣ, куда онъ все таки пріѣхалъ въ домино и съ женой, также въ костюмѣ, «на что это похоже, надъ такими дивными произведеніями развѣ можно смѣяться»?

VI.

Въ числѣ главныхъ затрудненій по управленію Академіей, была совершенная невозможность помогать бѣднымъ ученикамъ; хотя по штату и было положено 2,000 руб. на пособія, этой суммы было недостаточно, чтобъ помогать дѣйствительно бѣднымъ. Къ тому же денежныя пособія, за весьма рѣдкими исключеніями, не давали хорошихъ результатовъ, потому что бо̀льшею частью проматывались учениками и потому положенная по штату сумма, во избѣжаніе злоупотребленій, раздавалась не столько истинно нуждающимся, сколько обратилась въ стипендіи ученикамъ за успѣхи. Тутъ, по крайней мѣрѣ, не было мѣста прежнимъ лицепріятіямъ, и каждые первые 10 № за рисунки въ классѣ, каждая медаль сопровождалась выдачею небольшой суммы денегъ. Всѣ эти выдачи дѣлались по заслугамъ, и уже не требовалось рекомендаціи профессора, чтобъ ученикъ могъ получить казенныя доньги. Тогда какъ прежде, всѣ эти пособія раздавались, большею частію, молодымъ людямъ вовсе не за успѣхи, а скорѣе за покорность, и, въ особенности, угодливость профессору. Когда это новое правило было скрѣплено совѣтомъ и вошло въ силу, то даже въ этомъ профессора видѣли не пользу, а преднамѣренное желаніе унизить званіе и значеніе профессора. Новое распоряженіе было полезно всѣмъ конкурентамъ на золотыя медали, потому что на все время конкурса обезпечивало молодыхъ людей и не заставляло ихъ заботиться о деньгахъ, такъ какъ они выдавались имъ каждое первое число, во все время работъ на конкурсъ. Больше не было никакихъ средствъ помогать бѣднымъ. Князь Гагаринъ все говорилъ объ устройствѣ «d'une table d'hôte, d'un logement garni», для бѣдныхъ учениковъ Академіи, но все это было неисполнимо: бѣдные художники—не простые бѣдняки, они люди очень самолюбивые и никогда не захотѣли бы пользоваться даровою квартирою и столомъ. Надо было дѣлать пособія негласныя, съ большимъ тактомъ и разборчивостью, такъ чтобы самъ художникъ не зналъ, откуда являлось пособіе, чтобы онъ не былъ обязанъ благодарностью кому бы то нибыло.

Сдѣлали постановленіе, чтобы на выставкѣ платили за входъ, и изъ этихъ денегъ составлялось, ежегодно, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ рублей въ пользу программистовъ. Этотъ доходъ, небывалый въ академіи, подалъ мысль устроить огромную выставку художественныхъ произведеній всѣхъ школъ, всѣхъ знаменитостей и всевозможныхъ oeuvres d'art, на подобіе той выставки, которая была устроена покойнымъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, въ пользу общества посѣщенія бѣдныхъ. Кн. Гагаринъ горячо взялся за устройство этой выставки, по-

лучено было Высочайшее разрѣшеніе, и всѣ, кто владѣли чѣмъ бы то ни было замѣчательнымъ, по части художественныхъ произведеній, были приглашены принять участіе въ выставкѣ, въ пользу устройства дешевыхъ квартиръ для бѣдныхъ художниковъ. На этотъ вызовъ отозвались всѣ, и всѣ прислали свои oeuvres d'art, начиная съ Государя и членовъ Царской фамиліи. Директоромъ выставки былъ назначенъ графъ П. С. Строгановъ, къ нему помощниками Н. Ѳ. Брюлловъ, молодой архитекторъ, вхожій во всѣ аристократическія дома чрезъ графа Кушелева-Безбородко и Д. В. Григоровичъ, извѣстный писатель, очень умный и способный человѣкъ, любитель искуствъ и большой знатокъ во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ изъ бронзы, маіолики, фарфора и т. д. На него было возложено составленіе указателя выставки, указателя толковаго, raisonné, и онъ очень хорошо его составилъ. Началось небывалое движеніе въ академіи: со всѣхъ сторонъ несли статуи, серебро, бронзы, мраморъ, все это ставилось на полъ и всего было такъ много, что почти не оставалось пустаго мѣста. Нельзя было дѣлать иначе, какъ собрать сначала все и потомъ уже вѣшать картины, располагая ихъ по той системѣ, которая принята была для выставки. Возни, хлопотъ и посѣтителей было много, потому что каждый, кто выставлялъ что нибудь, являлся самъ съ своими вещами.

Въ это самое время приходитъ Пименовъ, силою врывается въ ту залу, куда не пускали никого кромѣ тѣхъ, кто устраивалъ выставку, и съ необыкновенною дерзостью обращается къ Григоровичу, упрекая его, «что какъ онъ, ничего не смыслящій въ искуствѣ, рѣшается устраивать художественную выставку въ академіи, этомъ храмѣ искуствъ; что онъ, представитель скульптуры, никогда не допуститъ подобной профанаціи». Онъ говорилъ, или скорѣе кричалъ все это, съ такимъ бѣшенствомъ, что мы всѣ смотрѣли на него, какъ на помѣшаннаго. Онъ бѣгалъ по залѣ, плевалъ на всѣхъ, чуть было не прорвалъ картину ногою, и, накричавшись до сыта, ушелъ изъ залы, проклиная Григоровича и Львова и говоря, что художники не нищіе, не нуждаются въ подаяніи, и что выставка съ такою цѣлью не можетъ быть допущена въ академіи. Главная мысль, проглядывавшая въ бѣшенствѣ Пименова была та, что устройство выставки было поручено конференцъ-секретарю, человѣку еще новому въ академіи и литератору нерасположенному къ русскимъ художникамъ. Отчасти Пименовъ былъ правъ; но въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ прямо обратиться къ вице-президенту, отъ котораго шли всѣ распоряженія, на это онъ не могъ рѣшиться, потому что при наружной бравадѣ, былъ чрезвычайно низкопоклоненъ. Не смотря на всѣ эти странныя выходки, Пименовъ все таки былъ человѣкъ далеко не дюжинный. Необыкновенная способность чувство-

вать линію, блестящая дикція, отличная память, умъ и талантъ, все что нужно для художника, могли бы дать ему большое вліяніе на молодежь—а между тѣмъ этого то и не было. Все, что Пименовъ зналъ, служило ему только для хвастовства, а не для передачи другимъ, къ тому же, безграничная зависть мѣшала ему быть безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ чужихъ произведеній. Бывали дни, что онъ положительно былъ внѣ себя, тогда онъ съ бѣшенствомъ бѣгалъ по корридорамъ и каждому встрѣчному, съ крикомъ и бранью, передавалъ все, что его бѣсило и что было у него на душѣ. Болѣе всего тогда доставалось новому начальству академіи. Причиною его бѣшенства были также его семейныя дѣла. Жена его была рѣдкой красоты женщина и, какъ всѣ итальянки, страшно любила наряды и роскошь. Не смотря на огромныя деньги, получаемыя Пименовымъ за работы, долги его росли съ страшной быстротой, такъ что получаемыя деньги никогда не могли уплатить ихъ, и онъ постоянно нуждался. Въ классы Пименовъ не ходилъ, мало работалъ и, наконецъ, заболѣлъ. Больной, онъ началъ лѣпить памятникъ адмиралу Лазареву, и едва успѣлъ окончить его въ глинѣ, какъ силы ему измѣнили и когда нужно было отливать памятникъ изъ бронзы, Пименовъ уже едва ходилъ, страдая невыносимо, и не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ скончался въ жестокихъ страданіяхъ. Умирая, онъ велѣлъ позвать священника, хотя всегда былъ человѣкъ вполнѣ невѣрующій, и каялся передъ смертью, какъ истинный христіанинъ. Академическій священникъ—почтенный, добрый и очень набожный человѣкъ, былъ пораженъ кончиною Пименова, и послѣ часто говорилъ, что онъ жалѣетъ, что невѣрующіе не присутствовали при этой смерти, чтобъ видѣть торжество Христовой вѣры.

Выставка рѣдкихъ произведеній удалась какъ нельзя лучше, и, въ продолженіи 6-ти недѣль, залы академіи были полны народомъ. Плата за входъ покрыла всѣ расходы, не смотря что они были большіе, потому что переноска драгоцѣнныхъ вещей стоила дорого. Выставка принесла чистой прибыли болѣе 7 тысячъ рублей. Кн. Гагаринъ, преслѣдуя свою мысль, учрежденіе пріюта, уже нанималъ домъ, дѣлалъ расчеты по содержанію пріюта, даже пріискивалъ надзирателя и надзирательницу; но все это оказалось преждевременнымъ и пріютъ не устроился, потому что денегъ для этого оказалось слишкомъ мало, и не послѣдовало разрѣшенія отъ министра Двора, за недостаткомъ средствъ, обезпечивающихъ будущее существованіе пріюта. Вырученныя 7 тысячъ рублей поступили въ капиталъ академіи, а какое изъ нихъ сдѣлано употребленіе—намъ неизвѣстно. Эта выставка имѣла еще тотъ результатъ, что сблизила съ академіей люби-

телей и владѣльцевъ картинъ и художественныхъ произведеній, такъ что если картинная галлерея гр. Николая Александровича Кушелева-Безбородко принадлежитъ теперь академіи, то причиною этому выставка и Н. Брюлловъ, который такъ ревностно хлопоталъ о ней. Онъ, по случаю выставки, могъ объяснить гр. Кушелеву всю пользу пожертвовать галлерею академіи, къ тому же тогда была мода на пожертвованія, иные за входный билетъ на выставку платили по 100—200 и болѣе рублей. Чувствовалось въ обществѣ желаніе поднять художественное учрежденіе.

Ежегодныя выставки тоже измѣнили свой характеръ. Хотя нельзя сказать, чтобы выставляемыя вещи были много лучше прежнихъ; но за то перемѣнилась самая обстановка, къ обоюдному удовольствію публики и художниковъ. Всѣ вещи выставлялись съ большимъ тщаніемъ и, опять таки, главнымъ условіемъ выставки было доказать, что она существуетъ для художниковъ, а не художники для нея. Каждая картина выставлялась внимательно, программистамъ выдавались деньги на рамы, расходы всегда покрывались платою за входъ, такъ что никому не было убытка, а приличный видъ выставки привлекалъ бо̀льшее число посѣтителей. Кромѣ ежегодныхъ академическихъ выставокъ, бывали экстренныя, по случаю возвращенія пансіонеровъ изъ за границы, тогда залы академіи наполнялись исключительно ихъ произведеніями.

Изъ числа такихъ была выставка Боголюбова, когда-то морскаго офицера любителя, а въ настоящее время профессора. Возвратясь въ Россію во время, такъ сказать, возрожденія, когда особенно обращали вниманіе на молодые таланты, Боголюбовъ, даровитый и трудолюбивый, составлялъ рѣдкій контрастъ съ профессорами академіи. Работая неутомимо, онъ постоянно выставлялъ свои картины и поддерживалъ интересъ къ нимъ любителей и августѣйшихъ особъ. Веселый, умѣющій хорошо говорить, онъ скоро пріобрѣлъ популярность между художниками.... Не смотря на нѣкоторые недостатки, онъ все-таки стоялъ гораздо выше другихъ профессоровъ тѣмъ, что работалъ и работалъ много, показывая собою примѣръ трудолюбія, давно изгнаннаго изъ мастерскихъ академіи.

Вслѣдъ за Боголюбовымъ, пріѣхали изъ заграницы Л. Ф. Лагоріо, Худяковъ, И. И. Соколовъ и Реймерсъ. О каждомъ изъ нихъ слѣдовало бы говорить подробнѣе; но мы ограничимся только тѣмъ, что относится до академіи. Всѣ эти художники вошли въ общество пятницъ и принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе. Какъ люди молодые и талантливые, они внесли свѣжій элементъ въ акаде-

мію и ихъ всѣхъ сдѣлали профессорами, не смотря на явное нежеланіе нѣкоторыхъ членовъ совѣта академіи. Нежеланіе это выразилось замѣчаніями, что въ составъ профессоровъ слѣдуетъ только включать художниковъ строгаго историческаго стиля, не допуская ни за что жанристовъ и пейзажистовъ. По мнѣнію старой академіи, только то̀ настоящее искуство, которое соотвѣтствуетъ классическимъ требованіямъ, даже въ самомъ характерѣ сочиненія. Все, гдѣ проявляется оригинальный талантъ, особенно если картина жанръ, или пейзажъ, недостойно названія академическаго произведенія. Если пейзажъ допускался, то только въ стилѣ Claude-Lorrain, или Пуссена; также и для жанристовъ, примѣрами должны были служить Пуссенъ и Ваплоо. Замѣчательно, что для сохраненія строгости въ стилѣ, требовалось только подражаніе, и самымъ лестнымъ отзывомъ считалось мнѣніе, что вотъ такое-то произведеніе, совершенно напоминаетъ такого-то мастера. Въ числѣ же мастеровъ считались извѣстные живописцы старой французской школы, далеко не строгаго стиля. Полнѣйшее невѣжество, отсталость въ понятіяхъ объ искусствѣ, и замкнутость академіи, не могли породить другихъ требованій и понятій. Совѣтъ академіи постоянно пѣлъ одну и ту же пѣсню; только иногда А. П. Брюлловъ отстаивалъ принципъ, основанный на здравомъ смыслѣ, хотя бы и въ ущербъ академическому характеру. А. П. Брюлловъ, былъ впрочемъ человѣкъ, далеко опередившій своихъ сверстниковъ; умный, образованный, къ тому же богатый, онъ не имѣлъ причины стоять за свои личныя выгоды, и потому никогда не раздѣлялъ мнѣній большинства членовъ совѣта. Къ сожалѣнію, онъ рѣдко принималъ искреннее участіе въ чемъ-бы то ни было, онъ былъ эгоистъ и къ тому же ему все это надоѣло, такъ что онъ былъ очень доволенъ, когда его оставляли въ покоѣ.

Бруни, товарищъ его по пребыванію въ Римѣ, человѣкъ съ свѣтскими манерами и съ репутаціей извѣстнаго художника. . . . . От природы умный, хитрый, но недостаточно образованный, онъ никогда не былъ самостоятеленъ и легко поддавался чужимъ мнѣніямъ, особенно, если въ этомъ была личная выгода. Онъ былъ гораздо болѣе итальянецъ, чѣмъ русскій, что очень рѣзко высказывалось при обсужденіи о достоинствахъ художниковъ итальянскаго происхожденія.

Изъ числа стариковъ, Брюлловъ и Бруни были всегда за одно съ обществомъ пятницъ и этимъ хотѣли доказать, что они не отстаютъ отъ современныхъ понятій. Бруни всегда очень важничалъ своимъ талантомъ и былъ доступенъ только небольшому числу уче-

никовъ изъ «порядочныхъ семействъ»; но остальнымъ сильно доставалось, когда они осмѣливались безпокоить ректора.

Важничанье Бруни своимъ талантомъ было тѣмъ болѣе странно, что онъ уже давно ничего не производилъ, кромѣ посредственностей, лишенныхъ всякой прелести. Между тѣмъ, онъ и Брюлловъ были единственными представителями академіи, и гдѣ это было нужно, съ сомнительною искренностью, выражали свою любовь и преданность къ изящнымъ искуствамъ. Въ этомъ они были очень схожи, имъ обоимъ не было никакого дѣла до искуства, и они одинаково были равнодушны къ успѣхамъ молодежи, и если не выказывали этого явно, то единственно вслѣдствіе того, что были достаточно воспитаны. Во всякомъ случаѣ, они стояли гораздо выше остальныхъ собратій.

VI.

У князя Гагарина были назначены вечера по середамъ. Все высшее общество ѣздило на эти вечера, куда также приглашались и художники, только съ выборомъ, потому что требовался фракъ, и une mise décente, что есть не у каждаго. Цѣль этихъ вечеровъ была очень хорошая, сблизить художниковъ съ большимъ свѣтомъ, или, какъ тогда говорилось, показать ихъ другъ другу. Великосвѣтскимъ барынямъ было очень любопытно посмотрѣть на этихъ странныхъ людей, художниковъ, которыхъ нигдѣ не видно. Вечера по средамъ сдѣлались такъ людны, что, не смотря на огромныя комнаты квартиры Гагарина, въ нихъ бывало тѣсно. Устраивались спектакли, чтеніе, музыка, для занятія гостей были разложены на столахъ прелестныя иллюстрированныя изданія, коллекціи фотографій и гравюръ. Однимъ словомъ все было хорошо, общество самое избранное, любезные хозяева, и прекрасная, оригинальная обстановка. И не смотря на все это, цѣль не была достигнута. Художники, старые и молодые, всегда держались въ сторонѣ и не сближались съ обществомъ. Становилось скучно и скоро великосвѣтское общество перестало ѣздить на эти вечера, а художниковъ надо было уговаривать идти туда. Художники вообще люди очень робкіе и вмѣстѣ очень тщеславные, которые легко обижаются и трудно сходятся съ посторонними. Дайте разъ почувствовать художнику, что вы приглашаете его съ тѣмъ, чтобъ его показать, или съ тѣмъ, чтобы позабавить кого нибудь его оригинальностью, вы можете быть увѣрены, что онъ ни за что не придетъ въ другой разъ, или, какъ улитка, уйдетъ въ свою скорлупу и всю свою оригинальность скроетъ подъ скучной и не интересной личиной.

Еслибъ у кн. Гагарина было меньше этикета, то вечера удержались бы долѣе. Въ средствахъ къ разнообразію и оживленію недостатка не было; кромѣ художниковъ, бывали и литераторы, музыканты, однимъ словомъ очень много интересныхъ личностей и все таки было скучно. Великосвѣтское общество винило художниковъ, называя ихъ неразвитыми, а художники находили всѣхъ этихъ господъ черезъ чуръ важными и чванными. Впрочемъ надо и то сказать, что въ то время соперниками Гагаринскихъ вечеровъ являлись пятницы, въ полномъ блескѣ, тамъ всѣмъ было весело, потому что было безъ затѣй и этикета.

Изъ числа трудящихся художниковъ, всѣхъ болѣе выдавался И. К. Айвазовскій, очень умный и талантливый.[1] Армянинъ происхожденіемъ, онъ былъ человѣкъ очень тонкій, богатый и воспитанный. Живя постоянно у себя въ имѣніи въ Крыму, онъ рѣдко являлся въ Петербургъ; но всякій разъ, что онъ пріѣзжалъ, съ нимъ являлась цѣлая коллекція его картинъ на продажу. Съ годами Айвазовскій не утратилъ способности красиво и необыкновенно скоро писать картины. Любопытно было бы знать число написанныхъ имъ картинъ! Какъ человѣкъ тонкій, онъ всегда выбиралъ сюжеты самые современные и всегда отлично продавалъ свои картины.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Айвазовскаго коллекція его картинъ была выставлена въ Академіи, и великая княгиня Марія Николаевна, небольшая партизанка Айвазовскаго, сказала: «на этотъ разъ, привозъ устрицъ не совсѣмъ удаченъ». Хотя всѣ его картины были, съ небольшими варьяціями, все однѣ и тѣже—тѣже нескончаемыя море, степи, тотъ же красный и желтый воздухъ, онѣ все еще нравились и раскупались.

Боголюбовъ всегда съ ожесточеніемъ критиковалъ Айвазовскаго, называя его живопись подносами. Боголюбовъ хвастался рисункомъ, чего не было у Айвазовскаго, за то послѣдній владѣлъ красками. Враги Айвазовскаго всегда увѣряли, что картины его одна удача, что всѣ пишутся рутинно и безъ опредѣленнаго намѣренія. Въ отношеніи же Академіи, Айвазовскій никому не мѣшалъ, никому не кланялся, и его, какъ стараго воспитанника Академіи, старики любили, даже Тонъ и Пименовъ имъ восхищались, больше въ пику Боголюбову, котораго считали не своимъ, и котораго всегда упрекали въ званіи профессора, взятымъ имъ съ боя.

Антагонизмъ ко всему новому въ академіи, въ особенности въ отношеніи молодыхъ профессоровъ, высказывался особенно, какъ укоръ,

[1]) Обширныя и весьма интересныя воспоминанія И. К. Айвазовскаго напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г. томы XXI, XXII и XXIII.

новому начальству. Когда вернулся изъ за границы давно ожидаемый пансіонеръ Ге, совѣтъ академіи высказался сначала въ его пользу, и вотъ по какому поводу. Давно говорили, что во Флоренціи живетъ пансіонеръ Академіи Ге, ничего не дѣлаетъ, не даетъ отчета Академіи въ своихъ работахъ, и не хочетъ возвращаться въ Россію. Въ 1863 г., во время академическаго акта, пришло извѣстіе, что Ге пріѣхалъ, и привезъ большую картину. Этотъ художникъ былъ человѣкъ красивой наружности и съ симпатичными манерами. Въ этотъ-же день, какъ только залы освободились отъ публики, принесли картину Ге и напялили на раму. Картина поразила своею оригинальностью. Въ вечернемъ собраніи совѣта Академіи, Львовъ говорилъ о новой картинѣ; члены совѣта сейчасъ же, не дожидаясь утра, захотѣли видѣть картину. Принесли канделябры въ залу, гдѣ стояла картина и освѣтили ее. Въ этотъ вечеръ всѣ были одного мнѣнія, всѣ рѣшили, что Тайная вечеря первоклассное произведеніе; всѣ были въ восторгѣ и присудили Ге званіе профессора; но такъ какъ слѣдовало составить протоколъ, то отложили это до утра. На другой день, совсѣмъ иначе заговорили члены совѣта (какъ будто спохватясь, что они увлеклись), находили, что картина Ге совсѣмъ не удовлетворяетъ критики, что сюжетъ исполненъ непозволительнымъ образомъ, и что даже врядъ-ли можно выставить такую картину въ Академіи. Кричали и шумѣли долго, однако званіе профессора присудили и картину положено было выставить, только подъ другимъ названіемъ. Ее назвали: «Послѣдній вечеръ Христа съ учениками». Когда все уже было рѣшено и картина выставлена, всѣ члены совѣта набросились на нее, критиковали, ругали самаго Ге, точно въ укоръ публикѣ, которая отдавала справедливость его оригинальному таланту. Между тѣмъ картина Ге была куплена Государемъ за 10 тыс. руб, и подарена имъ Академіи. Это еще болѣе возстановило совѣтъ, и старики-члены имѣли наивность разсказывать, что ихъ «провели» и что Ге никогда бы не видать ни професорства, ни 10 тыс. руб.

Изъ всѣхъ молодыхъ художниковъ, явившихся въ то время въ Академію, Ге преимущественно обращалъ на себя вниманіе. Красивый, умный, даровитый и краснорѣчивый, онъ легко пріобрѣлъ себѣ партизановъ. Говорилъ онъ обо всемъ, хотя зачастую парадоксально, но, такъ сказать, современно, и потому производилъ впечатлѣніе. Не надобно забывать что время было такое, время по преимуществу протестовъ. Ге, въ душѣ художникъ, любилъ молодежь и былъ ею любимъ до обожанія. Проповѣдуя о свободѣ творчества, онъ былъ первою причиною протеста программистовъ противъ кон-

курса: 14 молодыхъ художниковъ, еще учениковъ, всѣ разомъ отказались отъ конкурса на большую золотую медаль и были переименованы въ классные художники. Несостоявшійся конкурсъ очень смутилъ членовъ совѣта Академіи; они, разумѣется, при этомъ случаѣ упрекали молодыхъ людей въ неблагодарности и вольнодумствѣ; но не помогли ни упреки, ни совѣты, и программисты оставили Академію. Отказавшіеся отъ конкурса ученики были всѣ живописцы, архитекторы остались для конкурса, и Тонъ торжествовалъ, приписывая это себѣ.

VII.

Бо̀льшая часть учениковъ архитекторовъ были очень преданы Тону, они всѣ его боялись и только его и слушали. Впрочемъ иначе и быть не могло. Тонъ въ архитектурномъ классѣ, не берегъ авторитета профессоровъ архитектуры, онъ, напротивъ, ругалъ ихъ при ученикахъ на чемъ свѣтъ стоитъ, только разумѣется за глаза. Всѣ поправки на чертежахъ учениковъ, сдѣланныя не имъ, онъ уничтожалъ, называя ихъ глупыми; «онъ распоряжался какъ Юпитеръ громовержецъ», говорили ученики, и бѣда той программѣ, которая была представлена на экзаменъ, безъ предварительнаго одобренія Тона. Онъ безъ всякихъ церемоній рвалъ ее съ доски, что было сдѣлано имъ не разъ. Не одни ученики угождали Тону, профессора̀ также кадили ему; но на это были совсѣмъ другія причины.

Всѣ живописцы-профессора желали получить работы въ Храмѣ Спаса въ Москвѣ; много уже было утвержденныхъ эскизовъ; но исполненіе было отсрочено и время работъ, а слѣдовательно и плата, зависѣли отъ Тона. Цѣны за работы утверждались также имъ, и цѣны громадныя. Всѣ эти господа думали тутъ также поправить свои дѣла, какъ послѣ работъ въ Исакіевскомъ соборѣ; что же мудренаго, что каждый изъ претендентовъ на работы въ Храмѣ Спаса заискивалъ въ Тонѣ и старался быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. За то же Тонъ и злоупотреблялъ этою зависимостью. Онъ иногда немилосердно обращался съ бѣдными художниками, ищущими работы. Всѣ старики профессора̀ Академіи получили заказы для иконъ храма Спаса. Тонъ Юпитеромъ громовержцемъ распредѣлялъ работы и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Въ особенности Тонъ покровительствовалъ бездарному А. Т. Маркову, прозванному художниками „Колизей Тарасовичемъ“ за то, что по возвращеніи изъ-за границы, онъ представилъ эскизъ «Христіанскіе мученики въ Колизеѣ», да такъ и остановился на эскизѣ и ничего никогда не произвелъ, кромѣ невозможнаго образа Николая Чудотворца въ Академической церкви. Ему-то

Тонъ предоставилъ написать куполъ Храма Спаса. 110 тыс. руб. назначено было за работы Маркову, цѣна громадная, особенно потому, что при талантѣ Маркова, нельзя было ручаться за хорошее исполненіе. Эскизъ былъ написанъ совершенно бездарно. Не смотря на это, когда подготовка и штукатурка были готовы, Марковъ очень важно заговорилъ о начатіи работъ, о необходимости найти помощниковъ, чтобъ дѣлать картоны и писать плафонъ. Онъ отправился въ Москву и вскорѣ узнали, что живописныя работы взялъ на себя извѣстный портретистъ Макаровъ, а картоны сталъ рисовать Крамской, ученикъ Академіи, изъ числа отказавшихся отъ конкурса, такъ что собственно работы Маркова оставался одинъ эскизъ, да и тотъ исправленный и измѣненный Крамскимъ и Макаровымъ. Говорили, что помощники Маркова стоили ему не болѣе 20 тыс. руб., такъ что на его долю оставалась порядочная сумма. «Я очень радъ», говорилъ Тонъ, «что Маркову мнѣ удалось доставить работу въ Храмѣ Спаса, его бѣднягу сильно обидѣли при работахъ въ Исакіевскомъ соборѣ, теперь его положеніе поправится». Между тѣмъ въ обществѣ заговорили, что за живопись въ куполѣ Храмѣ Спаса платятъ такую громадную сумму, что Марковъ не самъ работаетъ, и что онъ обязался отдать кой-кому 25% за доставленный ему заказъ. Заговорили всѣ, такъ что приказано было изслѣдовать это дѣло. Началось разслѣдованіе. Тонъ говорилъ, что ничего не знаетъ, кромѣ того что Марковъ взялъ себѣ помощниковъ, такъ какъ ему нельзя обойтись безъ нихъ, при работахъ такого размѣра, а что касается денежныхъ расчетовъ, то Марковъ отозвался, что онъ давно обязанъ Тону и хотѣлъ отплатить ему тѣмъ же, что Тонъ пособилъ ему еще въ бытность его за границей. Тѣмъ дѣло и кончилось, куполъ написанъ. Тонъ продолжаетъ его восхвалять, а до мнѣнія публики никому нѣтъ дѣла. Всѣмъ, участвовавшимъ въ работахъ по Храму Спаса, было тогда уже болѣе 60-ти лѣтъ; Басинъ, очень старый, былъ уже почти слѣпъ. Но всѣ эти старики крѣпко держались за право получить работы, и ни за что, пока живы, не отдавали своихъ заказовъ другимъ, потому что имъ было гораздо выгоднѣе нанять отъ себя художниковъ за очень уменьшенную плату, чтобы исполнить живопись по ихъ эскизамъ, оставляя за собой крупную сумму и soi-disant славу сочинителей эскизовъ.

Эта зависимость отъ Тона дѣлала то, что у него всегда былъ свой дворъ и всѣ его придворные преклонялись предъ нимъ и подобострастно слушали его хвастовство, никогда не оспаривая и не возражая. Кромѣ работъ въ храмѣ Спаса, Тонъ, какъ ректоръ, всегда имѣлъ большое вліяніе при назначеніи архитекторовъ

на мѣста, и при раздачѣ архитектурныхъ работъ. Когда разсматривались проэкты церквей, или госпиталей въ совѣтѣ академіи, и когда требовалось ихъ утвержденіе, съ правомъ строить, всѣ желающіе забѣгали съ поклономъ къ Тону зная, что все отъ него зависитъ. При назначеніи князя Гагарина вице-президентомъ, еще была иногда возможность оспаривать Тона, тѣмъ болѣе, что великая княгиня Марія Николаевна его не любила. Но все таки на сторонѣ Тона была опытность и хитрость. Князь, Гагаринъ, при перестройки академіи, захотѣлъ примѣнить къ дѣлу новыя изобрѣтенія по строительному искуству; но тутъ онъ встрѣтилъ непреодолимыя препятствія со стороны Тона.

VIII.

Послѣ закрытія пятничныхъ собраній, какъ мы говорили выше, общество художниковъ окончательно разъединилось, образовались партіи, были партизаны пятницъ, которые жалѣли о нихъ; но бо̀льшая часть художниковъ относилась къ пятницамъ враждебно и, особенно, къ академическому начальству, недопустившему клуба въ академіи. Къ партіи недовольныхъ примкнули и старики академіи, они очень были рады найти кружокъ, гдѣ бы можно громко осуждать новую академію, и въ особенности новое начальство. Всѣ утверждали, что всему виною конференцъ-секретарь, что онъ главный дѣятель въ преобразованіяхъ академіи, что онъ выдумалъ лишить профессоровъ казенныхъ квартиръ, что однако несправедливо, такъ какъ это была мысль вице-президента,—что онъ надѣлалъ молодыхъ профессоровъ, и будто бы заставлялъ совѣтъ подписывать протоколы засѣданій, противъ ихъ воли, что было уже черезчуръ наивно, и подобныя несообразности и нелѣпости находили слушателей, которые имъ вѣрили. Кромѣ этихъ главныхъ антагонистовъ, были еще и тѣ бездарныя личности, называющіяся художниками, которымъ точно приходилось плохо, тунеядцы, у которыхъ были взяты казенныя мастерскія и которымъ нельзя было больше получать вспомоществованій отъ академіи. Отъ нихъ получались конференцъ-секретаремъ и вице-президентомъ анонимныя письма—мщеніе, достойное подобныхъ людей; расточая всѣ возможныя гадости въ этихъ письмахъ, они въ то же время, съ подобострастіемъ являлись на поклонъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ они оскорбляли изъ-за угла.

Антагонисты пятницъ не хотѣли остаться побѣжденными, они затѣяли клубъ и хлопотали, чтобы имущество и деньги, оставшіяся послѣ пятницъ, были имъ переданы. Но никто не имѣлъ права распоряжаться этими деньгами и потому они были переданы въ кассу общества поощренія художниковъ, а мебель и посуда сберегалась пока

въ академіи. Неопредѣленность пятницкаго устава мѣшала разъясненію дѣла. Это не былъ настоящій уставъ какого нибудь общества, гдѣ опредѣляется не только составъ общества, но и ликвидація его. Тутъ было совсѣмъ другое: не уставъ, а правила для собраній, написанныя въ ту пору, когда никто изъ учредителей еще и не думалъ о возможности прекратить собранія. Одно только было ясно сказано, что деньги должны быть передаваемы на сохраненіе общества поощренія художниковъ, съ цѣлью помогать художникамъ, неимѣющимъ заказовъ. До тѣхъ поръ, пока собранія по пятницамъ состояли изъ небольшаго кружка людей, онѣ просуществовали 10 лѣтъ, потому что кружокъ состоялъ изъ людей одинаковаго развитія и образованія; какъ только двери открылись для всѣхъ художниковъ безъ исключенія, потребовался и уставъ, и другая форма собраній.

Лица, затѣявшія раздоръ на этихъ вечерахъ, а именно Г. К. Прангъ и М. К. Клодтъ, затѣяли его съ намѣреніемъ измѣнить характеръ вечеровъ. Они хотѣли художественныя, такъ сказать, семейныя собранія, сдѣлать публичными, что-то въ родѣ клуба, что никакъ не могло быть допущено въ академіи. Тогда они взялись за составленіе устава клуба художниковъ, на общихъ основаніяхъ,—художественнаго осталось только названіе. Былъ составленъ списокъ желающихъ поступить въ члены, гдѣ, какъ-бы на зло академическому начальству, подписались многіе и въ томъ числѣ Тонъ и Пименовъ; проэктъ устава былъ, наконецъ, утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и клубъ существуетъ до сихъ поръ [1]). Пробовали учредители не разъ получить пятницкій капиталъ изъ общества поощренія художниковъ, но всѣ ихъ попытки были неудачны; въ 1866 году они даже затѣяли процессъ въ окружномъ судѣ, но и тутъ имъ отказали въ искѣ, на томъ основаніи, что капиталъ этотъ, составленный частными людьми, составляетъ ихъ собственность, и только тогда можетъ быть переданъ въ клубъ, если заявленіе о томъ будетъ подписано всѣми составителями капитала. Этимъ окончательно рѣшилось дѣло и теперь остается только сожалѣть, что, по непредвидѣнному окончанію пятницъ, не было достаточно разъяснено употребленіе капитала. Онъ хотя и въ цѣлости, и будетъ всегда сохраненъ, но на него никто не имѣетъ права: онъ остается мертвымъ капиталомъ до смерти бывшихъ участниковъ пятницъ, и тогда, какъ выморочный, поступитъ въ распоряженіе правительства.

Художникъ.

1870 г.

---

[1]) По недостатку средствъ и равнодушію къ нему общества—онъ, кажется, самъ собою закрылся въ 1880 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

А. А. БЕСТУЖЕВЪ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ

въ 1835 г.

Въ началѣ 1835 года въ Петербургѣ распространились слухи о тяжкой болѣзни Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго), рядоваго Грузинскаго линейнаго № 1 баталіона, находившагося въ то время въ Черноморіи. Слухи эти настолько были настойчивы, что побудили графа Бенкендорфа обратиться съ просьбою къ кавказскому корпусному командиру, барону Григорію Владиміровичу Розену, объ увѣдомленіи: «извѣстно-ли ему, что Бестужевъ страдаетъ біеніемъ сердца и что ему нѣсколько уже разъ пускали кровь [1])». Баронъ Розенъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, въ тотъ же день отвѣчалъ [2]), что до него дѣйствительно доходили свѣдѣнія, что Бестужевъ страдаетъ означенною болѣзнью, но что о кровопусканіи ему ничего неизвѣстно. Между тѣмъ слухи, занимавшіе столичное населеніе, не замедлили оправдаться. Письмомъ отъ 13-го мая 1835 г. Бестужевъ, изъ Екатеринодара, писалъ командующему по Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенанту Алексѣю Александровичу Вельяминову:

«Отчаянное состояніе моего здоровья заставляетъ меня просить, у вашего превосходительства, послѣдней милости.

«Съ января сего года, явились во мнѣ судорожныя біенія сердца, которыя самъ я и доктора приписывали излишеству крови. Въ Екатеринодарѣ припадки сіи возобновились жесточе и чаще. Всѣ

[1]) Письмо отъ 3-го апрѣля 1835 года № 1275.

[2]) Тоже и отъ того же числа, № 339.

антифлогистическія средства, даже и самое кровопусканіе, не только не усмирили, но увеличили болѣзнь. Строжайшее наблюденіе убѣдило, наконецъ, что виною тому раздраженіе не кровеносной, но нервной системы, отъ солитера. Лекарства заставили его частью показаться; но раздраженные нервы не успокоены до сихъ поръ и, теряя съ каждымъ днемъ силы, измученный трехнедѣльною безсонницею и удушіемъ сердца, я приведенъ на край могилы.

«Доктора единогласно совѣтуютъ мнѣ внутреннее употребленіе пардзана: это зависитъ отъ вашего превосходительства или предстательства вашего предъ корпуснымъ командиромъ. Не сомнѣваюсь, что сострадательное позволеніе на это путешествіе могло бы задержано быть только мыслью, что оно можетъ повредить мнѣ въ будущемъ, но что значитъ для умирающаго надежда этого свѣта? На водахъ, по крайней мѣрѣ, дыша горнымъ воздухомъ и пользуясь совѣтами искусныхъ врачей, я могъ бы, если не скорѣе ожить, то легче умереть; а здѣсь, въ удушливой болотной атмосферѣ, погибель моя неизбѣжна.

«Ожидая роковаго разрѣшенія, съ глубочайшимъ уваженіемъ и безграничною преданностію, имѣю честь быть и пр. Александръ Бестужевъ».

Отвѣтомъ на эти строки было разрѣшеніе Бестужеву ѣхать въ Пятигорскъ, куда онъ немедленно и отправился. Но жестокая судьба, вездѣ и всюду преслѣдовавшая пылкаго Марлинскаго, не допустила его воспользоваться и здѣсь тѣмъ покоемъ, котораго онъ такъ жаждалъ и котораго требовало его надорванное здоровье. Еще за мѣсяцъ до написанія упомянутаго письма, графъ Бенкендорфъ отнесся къ барону Розену [1]), что «Государь Императоръ получилъ, частнымъ образомъ, свѣдѣнія о неблагонамѣренномъ расположеніи Бестужева, которому, хотя не даетъ полной вѣры, но не менѣе того Высочайше повелѣлъ, дабы внезапнымъ образомъ осмотрѣть всѣ вещи и бумаги Бестужева и о послѣдующемъ донести Его Величеству».

Исполненіе таковой Высочайшай воли было возложено на Кавказскаго военнаго полиціймейстера, подполковника корпуса жандармовъ Казасси, которому баронъ Розенъ, еще отъ 16-го іюня 1835 г., писалъ:

«Такъ какъ вы изъ Черноморіи проѣдете въ Закубанскій отрядъ, то предлагаю, во время своего тамъ нахожденія, обратить особенное вниманіе на состоящихъ тамъ государственныхъ преступниковъ и, въ особенности, отклонить благовиднымъ образомъ отъ сношенія съ ними молодыхъ офицеровъ, въ отрядѣ находящихся.

---

[1]) Письмо графа Бенкендорфа отъ 12-го апрѣля 1835 года, № 1391.

«Состраданіе, столь свойственное молодымъ и неопытнымъ людямъ, а еще болѣе любопытство, могутъ ихъ сблизить и особенно тогда, какъ нѣкоторые изъ тѣхъ преступниковъ имѣютъ хорошія способности и одарены талантами.

«При проѣздѣ вашемъ черезъ Пятигорскъ, не оставьте также обратить вниманіе на образъ жизни и поведеніе тѣхъ изъ государственныхъ преступниковъ, которые находятся тамъ на службѣ или для излеченія отъ болѣзни, а равно и на всѣхъ тѣхъ, которые на какомъ либо особенномъ замѣчаніи».

Подполковникъ Казасси, приступивъ тогда же къ дѣлу, которое повелъ со всею строгостью, донесъ барону Розену, отъ 28-го іюля, что онъ, «совмѣстно съ л.-гв. жандармскаго полу-эскадрона капитаномъ Несмѣяновымъ, въ присутствіи Пятигорскаго коменданта, полковника Жилинскаго, 24-го числа того-же мѣсяца, въ 5 часовъ утра, учинилъ внезапный осмотръ на квартирѣ Бестужева всѣмъ бумагамъ и вещамъ его и, по тщательному разсмотрѣнію, отдѣлилъ изъ нихъ два письма Ксенофонта Полеваго, при одномъ изъ коихъ отправлена была къ Бестужеву сѣрая шляпа, по словамъ послѣдняго, выписанная имъ для доктора Мейера, въ коей вложены были книги: Миргородъ, записки Данилевскаго и повѣсти Павлова. Прочія-же бумаги, состоявшія изъ разныхъ сочиненій и переводовъ его, писемъ отъ роднаго его брата и прочихъ лицъ, не заключающія въ себѣ ничего подозрительнаго или преступнаго, онъ перенумеровалъ, прошнуровалъ, приложилъ печать свою, означилъ число перенумерованныхъ листовъ и скрѣпилъ подписомъ, а потомъ возвратилъ Бестужеву, взявъ съ него подписку, какъ въ сохраненіи бумагъ и писемъ въ цѣлости, такъ и въ томъ, что онъ никому не будетъ разглашать о сдѣланномъ у него на квартирѣ осмотрѣ».

Къ этому Казасси присовокупилъ, что вмѣстѣ съ Бестужевымъ, на одной квартирѣ, состоящей изъ одной небольшой комнаты, квартируетъ медикъ, находящійся при генералѣ Вельяминовѣ, титулярный совѣтникъ Мейеръ, откомандированный въ Пятигорскъ и пользующій больнаго Бестужева; и что комендантъ Жилинскій, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ удалить его изъ Пятигорска, на время осмотра бумагъ и вещей Бестужева, не давъ явное подозрѣніе, а, слѣдовательно, и поводъ къ разглашенію имъ дѣйствій его, Казасси, а потому онъ предложилъ коменданту и капитану Несмѣянову, удаливъ прислугу Бестужева и доктора Мейера изъ квартиры, приступить при Мейерѣ же къ исполненію приказанія барона Розена, взявъ потомъ и съ него подписку въ сохраненіи въ тайнѣ всего того, что происходило въ квартирѣ Бестужева.

По полученіи всѣхъ этихъ извѣстій, баронъ Розенъ, въ собственноручномъ письмѣ, сообщилъ ихъ графу Бенкендорфу, при чемъ упомянулъ, что «болѣзнь Бестужева не подвержена сомнѣнію, но что онъ страдаетъ не аневризмомъ, а солитеромъ и скорбутными ранами, и что, при всемъ строгомъ надзорѣ за этимъ государственнымъ преступникомъ, онъ не получилъ никакого свѣдѣнія, которое подало бы ему поводъ полагать настоящее расположеніе его неблагонамѣреннымъ, но что пылкость характера, а особенно чрезмѣрное самолюбіе, свойственное каждому литератору, заставляетъ его слишкомъ горячо чувствовать свое положеніе» [1]).

Выше упомянуто о двухъ письмахъ Ксенофонта Полеваго. Къ сожалѣнію, изъ нихъ сохранилось только одно, отъ 30-го марта 1835 года, котораго содержаніе приводимъ здѣсь дословно:

«Два мѣсяца не имѣлъ я о васъ никакой вѣсти, любезный другъ, Александръ Александровичъ, Богъ судья этимъ закубанцамъ. Они-то заставляли васъ такъ долго странствовать. Благодарю васъ за дружескую заботливость о моихъ интересахъ. Я и такъ виноватъ предъ вами, что по недостатку въ деньгахъ не выслалъ ихъ вамъ. Цензура наша вдругъ разрѣшилась бременемъ: выдала намъ все, что задерживала около года. Посылаю вамъ сѣрую шляпу, по вашей мѣркѣ. Въ шляпѣ найдете вы Миргородъ, записки Данилевскаго и повѣсти Павлова. Пугачева Пушкина вѣрно уже вы читали. Замѣчу, что Миргородъ показываетъ необыкновенное дарованіе или, по крайней мѣрѣ, неподдѣльное. Записки Данилевскаго любопытны, но написаны дурно и безсовѣстно. Знали-ли вы до сихъ поръ, что мы выиграли Люценское, Дрезденское и Бауценское сраженія? Впрочемъ, фактовъ у автора тьма, но какъ пользовался онъ ими? Наполеонъ у него Шварценбергъ, а Шварценбергъ Наполеонъ. Повѣсти Павлова многимъ нравятся. По мнѣ это гладенькіе пустяки. Браммбеусъ (Сеньковскій) владѣетъ у насъ, какъ польскій управитель у русскаго барина. Гречъ погрузился въ расчеты. Знаете-ли, что онъ поссорился съ Смирдинымъ, за бывшія между ними непріятности, и открылъ книжный магазинъ, подъ именемъ «Ротгана» (sic).

Живя на минеральныхъ водахъ, Казасси, строго придерживаясь предписанія барона Розена, зорко слѣдилъ не только за Бестужевымъ, но и за другими ссыльными. «Въ проѣздъ мой чрезъ Пятигорскъ, пишетъ онъ, въ рапортѣ отъ 21-го сентября, я засталъ тамъ, отпущеннаго ген.-лейт. Вельяминовымъ, Бестужева, одержи-

[1]) Письмо къ графу Бенкендорфу, отъ 23-го августа, № 176.

маго болѣзнью, отъ которой пользовался у доктора Мейера, Сангушку и Голицына, изъ которыхъ первый, пользуясь водами отъ полученной въ экспедиціи раны, видался съ поляками-посѣтителями, а второй, въ бытность мою въ Пятигорскѣ, почти безотлучно находился у матери своей. Они, по вечерамъ, посѣщали Бестужева и другъ друга, но вели себя весьма скромно.

«Подпоручикъ Чернышевъ, въ Кисловодскѣ, жилъ съ женою и тещею, прохаживался съ ними во время прогулки посѣтителей, велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно, удаляясь съ осторожностью, какъ замѣтилъ я, отъ всякаго сношенія съ посѣтителями, а равно и съ вышеупомянутыми.

«Въ дѣйствующемъ за Кубанью отрядѣ, въ Абинскомъ укрѣпленіи, находились: поручики Палицынъ и Малютинъ, прапорщикъ Толстой и фейерверкеръ Кривцовъ; первые три, послѣ болѣзни, въ слабомъ состояніи, а послѣдній возвратился по болѣзни въ Екатеринодаръ, гдѣ нынѣ пользуется на квартирѣ.

«Во время кратковременнаго пребыванія моего въ отрядѣ, я не замѣтилъ, чтобы они имѣли какія либо сношенія и связи съ молодыми офицерами; но, на всякій случай, узнавъ, что въ экспедиціи прошлаго года, Бестужевъ, по склонности къ обществу и по дарованіямъ своимъ, не былъ удаляемъ отъ круга офицеровъ, а Кривцовъ, по связи родства съ старшимъ адъютантомъ гвардіи, подпоручикомъ Бибиковымъ, тоже былъ принимаемъ, я счелъ нужнымъ, отправясь обратно изъ отряда, для выполненія прочихъ порученій, предупредить, въ случаѣ возвращенія Бестужева и Кривцова въ отрядъ, приличнымъ образомъ, частныхъ начальниковъ, у которыхъ часто собираются гвардейскіе офицеры всего отряда, чтобы они благовидными мѣрами старались не допускать молодыхъ офицеровъ, состоящихъ подъ ихъ начальствомъ, сближаться и имѣть какія либо сношенія съ преступниками, одаренными бо́льшею частью способностями и талантами».

Такимъ образомъ, осмотромъ, сдѣланномъ на квартирѣ Бестужева, дѣло послѣдняго не кончилось. Почти два мѣсяца спустя, Казасси прибылъ въ Екатеринодаръ, гдѣ совмѣстно съ сотникомъ Литейскимъ, назначеннымъ къ нему со стороны исправлявшаго должность наказнаго атамана войска Черноморскаго, генералъ-маіора Завадовскаго, осмотрѣлъ оставленныя въ томъ городѣ вещи Бестужева. Но не найдя въ сундукѣ, кромѣ платья, никакихъ бумагъ и писемъ, отправился съ тою же цѣлью въ Закубанскій отрядъ, въ Абинское укрѣпленіе. Но и здѣсь поиски были также безуспѣшны, какъ въ

Ставрополѣ, гдѣ Казасси произвелъ осмотръ вещей Бестужева въ присутствіи тамошняго коменданта, подполковника Масловскаго [1]).

Когда результатъ столь тщательныхъ розысканій сдѣлался извѣстнымъ въ Петербургѣ, графъ Бенкендорфъ распорядился прекратить, за невинностью Бестужева, дальнѣйшее изслѣдованіе и разрѣшилъ возвратить ему всѣ отобранныя у него бумаги, а съ ними сѣрую шляпу и два письма Полеваго и жены государственнаго преступника Трубецкаго [2]). Но какъ ни благополучно кончилось для Бестужева, возникшее противъ него дѣло, онъ не могъ, однакоже, свободно располагать своими дѣйствіями, такъ какъ, согласно Высочайшей волѣ, за нимъ было приказано строго смотрѣть [3])

Приведенныя нами свѣдѣнія ясно свидѣтельствуютъ о положеніи Бестужева на Кавказѣ въ 1835 году. Неотвязчивое наблюденіе за каждымъ его шагомъ и словомъ, и постоянное подозрѣніе въ его неблагонамѣренности, само собою разумѣется, не могли не подѣйствовать на него разрушительно и подготовить появившееся въ немъ, впослѣдствіи, полнѣйшее равнодушіе къ жизни. Геройская смерть его на мысѣ Адлерѣ, во время экспедиціи 1837 года 7-го іюля, краснорѣчиво говоритъ въ пользу этого предположенія.

Ад. П. Берже.

С.-Петербургъ,
Ноябрь 1879 года.

Примѣчаніе. Дополнительныя свѣдѣнія къ этой статьѣ находятся въ изданныхъ нами письмахъ А. А. Бестужева („Отеч. Записки“ 1860 г., книга VI, стр. 55 и друг.). Ред.

Декабристы:

Въ XXVIII томѣ „Русской Старины“ изд. 1880 г., августъ, въ статьѣ М. Н. Кучаева: „С. Р. Лепарскій“, на стр. 714 сказано, что всѣхъ государственныхъ преступниковъ прислано было подъ надзоръ Лепарскаго 87. Это ошибочно. Ихъ было 88, и не одинъ изъ нихъ былъ увезенъ фельдъегеремъ изъ Читы, а двое: В. С. Толстой—на Кавказъ и А. О. Корниловичъ—въ Петропавловскую крѣпость. Къ числу женатыхъ декабристовъ, семейства которыхъ были вмѣстѣ съ ними въ Сибири, должно прибавить А. В. Янтальцева, сошедшаго впослѣдствіи съ ума на поселеніи въ Ялуторовскѣ.

А. Н. Сиротининъ.

---

[1]) Рапортъ Казасси барону Розену, отъ 21-го сентября 1835 г., № 45.
[2]) Письмо Мордвинова къ барону Розену, отъ 19-го октября, № 3373.
[3]) Письмо графа Бенкендорфа, отъ 21-го ноября, № 3699.

Михаилъ Даниловичъ Деларю.

I.

Въ вышедшей 1-го сентября 1880 года IX-й книжкѣ «Русской Старины» помѣщена статья о М. Д. Деларю и объ отношеніяхъ его къ А. С. Пушкину.

Въ статьѣ этой въ описаніи службы и причинъ увольненія отъ оной Михаила Даниловича вкрались нѣкоторыя неточности. Тамъ сказано, что по выпускѣ изъ Императорскаго Царскосельскаго лицея, Михаилъ Даниловичъ поступилъ на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ пробылъ до 1830 или 1831 года, когда надъ нимъ разразилась гроза по поводу помѣщеннаго имъ въ Литературной газетѣ, издаваемой Дельвигомъ, стихотворенія: «Красавицѣ».

Для возстановленія истины по этому обстоятельству, я, какъ бывшій сослуживецъ М. Д. Деларю, знавшій его лично и сохранившій въ своей памяти весь эпизодъ объ увольненіи его и о побудительныхъ къ тому причинахъ, долгомъ считаю сообщить слѣдующее:

Деларю былъ выпущенъ изъ Императорскаго Царскосельскаго лицея съ чиномъ 9 класса 29-го іюня 1829 года, опредѣленъ въ департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій министерства внутреннихъ дѣлъ 12-го августа того же года, помѣщенъ на вакансію старшаго помощника столоначальника 6-го апрѣля 1830 года, назначенъ столоначальникомъ 11-го октября 1832 года, перемѣщенъ въ канцелярію военнаго министерства секретаремъ 7-го февраля 1833 года, произведенъ за выслугу установленныхъ лѣтъ въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ съ 29-го іюня того же года; удостоенъ всемилостивѣйшаго награжденія подаркомъ въ 1000 рублей 22-го апрѣля 1834 года.

19-го декабря 1834 года бывшій военный министръ генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ, по заведенному обыкновенному ежедневному порядку, послѣ всеподданнѣйшаго доклада, пріѣхалъ въ канцелярію военнаго министерства и проходя мимо привѣтствовавшихъ его поклонами чиновниковъ, размахивалъ держимою въ правой рукѣ книгою «Библіотеки для чтенія», имѣя при томъ сердитый видъ.

Войдя въ кабинетъ, въ которомъ онъ занимался съ директоромъ канцеляріи, Чернышевъ потребовалъ туда секретаря Деларю, которому объявилъ выговоръ за «неприличные стихи «Красавицѣ», его перевода изъ В. Гюго, помѣщенные въ VII томѣ «Библіотеки для чтенія»

1834 года на стр. 131, и того же числа отдалъ приказаніе объ увольненіи Деларю отъ должности, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, что и исполнено; самъ Деларю подалъ объ этомъ прошеніе того же 19-го декабря. Въ выданномъ ему аттестатѣ 15-го февраля 1835 года сказано, что онъ уволенъ по поданному имъ прошенію, что службу продолжалъ при благородномъ поведеніи съ похвальнымъ усердіемъ, къ повышенію чиномъ аттестованъ достойнымъ и не подвергался ни одному изъ тѣхъ случаевъ, которые по статуту о знакѣ отличія безпорочной службы лишаютъ права на полученіе онаго.

Носились слухи, что означенная книга была представлена Императору Николаю Павловичу однимъ изъ «высокопоставленныхъ лицъ, оберегающихъ общественную нравственность», при чемъ обращено Высочайшее вниманіе «на неприличныя выраженія», помѣщенныя въ переведенныхъ Деларю стихахъ, заключающихъ «дерзкія мечты быть царемъ и даже Богомъ, и что Его Величество, освѣдомясь, что переводчикъ этихъ стиховъ состоитъ на службѣ въ военномъ министерствѣ, передалъ ту книгу графу Чернышеву, для надлежащаго взысканія».

Вѣроятность этихъ слуховъ можно допустить тѣмъ болѣе, что 19-го декабря 1834 года управляющій 1 отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи статсъ-секретарь Танѣевъ о стихахъ Деларю сообщилъ, по высочайшему повелѣнію, военному министру, съ тѣмъ, чтобы онъ относительно этого чиновника принялъ мѣры по своему усмотрѣнію. На бумагѣ этой графъ Чернышевъ написалъ: «о семъ уже сдѣлано распоряженіе».

Сообщ. А. П. Петровъ.

II.

Перепечатываемъ изъ «Новаго Времени», дополнивъ выпискою изъ «Вѣстника Европы», слѣдующую интересную замѣтку, вызванную разсказомъ Ѳ. М. Деларю. Ред.

Фактъ изъ жизни Пушкина, описанный г. Деларю въ сентябрьской книжкѣ «Русской Старины» 1880 года, разсказанъ не совсѣмъ вѣрно.

Дѣло происходило въ 1834 году, когда я состоялъ секретаремъ при графѣ Бенкендорфѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года графъ получилъ отъ тогдашняго московскаго почтъ-директора Булгакова копію съ письма Пушкина къ женѣ, отмѣченную припискою: «съ подлиннымъ вѣрно». Подлинное же письмо было послано своимъ порядкомъ къ Натальѣ Николаевнѣ и попало въ ту коллекцію пушкинскихъ писемъ,

которая была напечатана въ двухъ номерахъ «Вѣстника Европы» за 1878 годъ. Это письмо помѣщено въ мартовской книгѣ «Вѣстника», на 7-й страницѣ подъ № 42. Вотъ его начало:

[Конвертъ утраченъ.—Писано во второй половинѣ апрѣля 1834 г].

„Пятница.—Ангелъ мой, женка! сей часъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ—и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуюсь больнымъ и боюсь Царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди; и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку [1]); второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить . . . . [2]) съ моимъ теской я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; пожалуй-ста побереги себя и проч. [см. „Вѣстникъ Европы", 1878 г., мартъ, стр. 8 и слѣдующ.].

Прочитавъ копію, графъ положилъ ее въ одинъ изъ двухъ открытыхъ ящиковъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ его креселъ передъ письменнымъ столомъ. Такъ какъ каждый ящикъ былъ перегороженъ на три отдѣла и этихъ отдѣловъ выходило шесть, то графъ нерѣдко ошибался и клалъ полученную бумагу не въ тотъ отдѣлъ, для котораго она предназначалась. Это, разумѣется, вело къ тому, что онъ потомъ долго искалъ ее и находилъ не прежде, какъ перебравъ бумаги. Такая процедура ему, наконецъ, надоѣла и онъ поручилъ мнѣ сортировать ихъ каждый день и вынимать залежавшіяся.

Когда я увидѣлъ копію въ отдѣлѣ бумагъ, назначенныхъ для доклада Государю, у меня сердце дрогнуло при мысли о новой бѣдѣ, грозившей нашему дорогому поэту. Я тутъ же переложилъ ее подъ бумаги въ другой отдѣлъ ящика и поѣхалъ сказать М. Д. Деларю, моему товарищу по лицею, чтобъ онъ немедленно далъ знать объ этомъ Пушкину на всякій случай. Разсчетъ мой на забывчивость графа оказался вѣренъ: о копіи уже не было рѣчи и я черезъ нѣсколько дней вынулъ ее изъ ящика вмѣстѣ съ другими залежавшимися бумагами.

Пав. Миллеръ.

(„Новое время", № 1633 изд. 1880 г.).

---

[1]) Этотъ анекдотъ о встрѣчѣ императора Павла съ младенцемъ Пушкинымъ въ Юсуповомъ саду разсказанъ П. В. Анненковымъ въ «Вѣстн. Европы» 1873 г. ноябрь, стр. 24.

[2]) Пропускъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1878 г., мартъ, стр. 7.

III.

Въ разсказѣ Ѳ. М. Деларю («Русская Старина» 1880 года, № IX), нахожу слѣдующія неточности. Михаилъ Даниловичъ Деларю вслѣдствіе жалобы С.-Петербургскаго митрополита Серафима на напечатаніе перевода изъ В. Гюго—стиховъ «Красавицѣ», немедленно графомъ А. И. Чернышевымъ былъ удаленъ изъ канцеляріи военнаго министра, (отлученія же отъ церкви не было), но по ходатайству Дмитрія и Александра Максимовичей Княжевичей, чрезъ посредство Якова Ивановича Ростовцева, получилъ мѣсто инспектора Ришельевскаго лицея, въ маѣ мѣсяцѣ 1837 года, куда былъ назначенъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевичъ. Добрый и благонамѣренный характеръ Михаила Даниловича привязалъ къ нему всѣхъ лицейскихъ сослуживцевъ, которымъ, и попечителю, онъ разсказалъ причину своего удаленія изъ С.-Петербурга.... Трудная и очень хлопотливая должность инспектора лицея, при слабомъ здоровьи, принудила Михаила Даниловича въ 1841 году просить увольненія вовсе отъ службы. Въ Одессѣ онъ, сверхъ участія въ изданіи «Одесскаго альманаха», предпринятомъ Д. М. Княжевичемъ, въ 1839 году переложилъ въ гекзаметры «Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святослава, внука Олегова, Одесса, 1838 г.» Деларю умеръ въ Харьковѣ, въ своемъ помѣстьѣ.

Н. Н. Мурзакевичъ,
сослуживецъ по Лицею.

Одесса.
5-го сентября 1880 г.

ДАНТЕСЪ-ГЕКЕРЕНЪ

1834—1837.

Исторія послѣднихъ дней жизни Пушкина представляетъ до сихъ поръ много неяснаго и запутаннаго. Не говоря о сторонѣ дѣла общественной и психологической, даже простой пересказъ событій затрудняется отсутствіемъ точныхъ данныхъ. Авторъ біографіи Пушкина въ «Русской Старинѣ» нынѣшняго года неоднократно (напр., стр. 320, 322, 328, 329, 335, 336, 511, 512) наталкивался на хронологическія недоумѣнія, именно вслѣдствіе недостатка этихъ данныхъ. Сообщаю для будущихъ біографовъ Пушкина тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось найти въ архивахъ Главнаго штаба, бывшаго Аудиторіатскаго департамента и Кавалергардскаго полка. Они касаются, главнымъ

образомъ, барона Егора Осиповича Дантеса (въ документахъ онъ пишется: Дантесъ, д'Антесъ и даже, одинъ разъ, въ печатномъ патентѣ, Донтесъ).

Баронъ Георгъ Дантесъ «изъ воспитанниковъ французско-королевскаго военнаго училища Сенъ-Сиръ», по Высочайшему повелѣнію 27-го января 1834 года, былъ допущенъ къ офицерскому экзамену въ Императорской военной академіи по программѣ школы гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ, при чемъ былъ освобожденъ отъ испытанія въ русской словесности, военномъ уставѣ и военномъ судопроизводствѣ. Экзаменъ, не особенно блестящій [1]), былъ однако признанъ удовлетворительнымъ и Дантесъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 30-го января, опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ (приказъ по полку отъ 8-го февраля) корнетомъ.

1836 года, января 28-го, произведенъ въ поручики.

Въ томъ же году, іюня 4-го (16-го), ему разрѣшено принять фамилію барона Гекерена.

Въ формулярномъ спискѣ того же года (декабрь) ему показано 25 лѣтъ и онъ отмѣченъ холостымъ.

1837 года, января 1-го, въ приказѣ за № 1-мъ по кавалергардскому Ея Величества полку, значится между прочимъ: «Съ разрѣшенія г. командующаго корпусомъ, объявленнаго въ предписаніи его высокопревосходительства отъ 28-го минувшаго декабря за № 1358, послѣдовавшаго по командѣ съ № 2178-мъ, просящему позволеніе вступить въ законный бракъ г. поручику барону де-Гекерену съ фрейлиною двора ея императорскаго величества Екатериною Гончаровой—дозволяется. О чемъ и дѣлаю извѣстнымъ по полку.»

Въ приказѣ № 3-й отъ 3-го января объявлено:

«Выздоровѣвшаго [2]) г. поручика барона де-Гекерена числить на лицо, котораго, по случаю женитьбы его, не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т. е. въ продолженіе 15-ти дней».

---

[1]) Разсказываютъ, что на экзаменѣ изъ географіи онъ не могъ сказать, на какой рѣкѣ стоитъ Мадридъ, и при этомъ воскликнулъ: Et cependant j'y ai abreuvé mon cheval. (И однакожъ я въ ней поилъ свою лошадь)!

[2]) Осенью и зимой 1836 года Дантесъ былъ боленъ дважды: въ первый разъ 19—27 октября, во второй отъ 15-го декабря по 3-е января 1837 года. Стало быть предложеніе Е. Н. Гончаровой онъ долженъ былъ сдѣлать до второй болѣзни, а слова Пушкина въ письмѣ къ Гекерену-отцу о болѣзни Дантеса должны относиться къ первой болѣзни. В. Н.

22-го января 1837 г. Гекеренъ былъ уже назначенъ дежурнымъ по первому дивизіону.

Свадьба Гекерена съ Екатериною Николаевною Гончаровою состоялась 10-го января 1837 г. въ Исакіевской церкви (см. справку на стр. 458 этой книги).

Затѣмъ, по рапорту командира кавалергардскаго полка, генерала Гринвальда, возникаетъ дѣло о дуэли.

При назначеніи суда надъ Гекереномъ, Государю Императору угодно было повелѣть, чтобы судъ представилъ заключеніе и о томъ, «какому наказанію подлежалъ бы камеръ-юнкеръ Пушкинъ (нынѣ умершій), если бы остался живъ».

Въ составъ суда вошли генералы: кн. Шаховской, Игнатьевъ, Крыжановскій, Полуэктовъ, Княжнинъ, Коцебу, полковники: Бѣлоградскій и Берхманъ при аудиторѣ Ноинскомъ.

Самаго дѣла я не видалъ, но во всеподданнѣйшемъ докладѣ [1]) я отмѣтилъ слѣдующія, не лишенныя интереса свѣдѣнія:

Мѣсто дуэли обозначается довольно неопредѣленно: «по выборгскому тракту, за комендантскою дачею, въ рощѣ»; «за выборгскою заставою, близь Новой деревни, въ рощѣ за комендантскою дачею»; «Данзасъ съ д'Аршіакомъ посадили Пушкина въ сани и довезли до комендантской дачи—разстояніемъ съ полверсты отъ мѣста дуэли».

Въ докладѣ упоминается о письмахъ, «находящихся у Его Императорскаго Величества» [2]).

Рана Дантеса описана отъ 5-го февраля слѣдующимъ образомъ:

«Гекеренъ имѣетъ пулевую проницающую рану на правой рукѣ, ниже локтеваго состава на четыре поперечныхъ перста. Входъ и выходъ пули въ небольшомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Обѣ раны находятся въ сгибающихъ перемышицахъ, окружающихъ лучевую

---

[1]) А. Любавскій. Русскіе уголовные процессы. Спб. 1866. Стр. 560—569. Здѣсь изложенъ сокращенно только всеподданнѣйшій докладъ.

[2]) Отсюда видно, что Государю дѣйствительно были представлены еще во время судопроизводства какія-то письма, имѣющія отношеніе къ дѣлу о дуэли Пушкина. Но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, ни чѣмъ не подтверждается разсказъ Гекерена графу В. А. Сологубу (Воспоминанія графа В. А. Сологуба. М. 1866 г. стр. 62), будто „фельдъегерь на границѣ вручилъ ему (Гекерену) отъ Государя запечатанный пакетъ съ документами его печальной исторіи“. Еще менѣе правдоподобно утвержденіе Гекерена, что „онъ (?!) не имѣлъ духа распечатать этотъ пакетъ“. Стало быть и мечты графа Сологуба о томъ, что на основаніи этихъ документовъ можно узнать имя настоящаго убійцы Пушкина,—совершенно напрасны. В. Н.

кость болѣе къ наружной сторонѣ. Раны простыя, чистыя, безъ повреждения костей и большихъ кровеносныхъ сосудовъ» [1]).

8-го февраля онъ уже признанъ здоровымъ.

Въ своихъ показаніяхъ, подсудимый Геккеренъ, между прочимъ, отозвался, «что посылая довольно часто къ г-жѣ Пушкиной книги и театральные билеты при короткихъ запискахъ, полагаетъ, что въ числѣ ихъ находились нѣкоторыя, коихъ выраженія могли возбудить его (Пушкина) щекотливость, какъ мужа, что и дало поводъ Пушкину упомянуть о нихъ въ своемъ письмѣ отъ 26-го января къ барону де-Гекерену, какъ дурачества, имъ (подсудимымъ) писанныя» [2]). Гекеренъ прибавилъ, что записки эти были писаны «до того, какъ онъ былъ женихомъ». Объясняя свои отношенія къ Пушкину, Гекеренъ сказалъ, «что Пушкинъ прислалъ свою жену къ нему въ домъ на его свадьбу» [3]).

Подсудимые были приговорены къ смертной казни [4]), но какъ судъ, такъ и генералы: Гринвальдъ, баронъ Мейендорфъ, графъ Апраксинъ, Кноррингъ и Бистромъ, подававшіе свои отзывы, предлагали различныя формы замѣны и смягченія этого наказанія.

Приговоръ суда былъ Высочайше конфирмованъ 18-го марта. Гекеренъ разжалованъ въ рядовые съ высылкою за границу.

19-го марта въ 9 ч. утра къ Гекерену явился жандармскаго дивизіона унтеръ-офицеръ Яковъ Новиковъ, долженствовавшій сопровождать его до границы.

Въ 11 ч. ему было дозволено свиданіе съ отцомъ и женою. Объ этомъ свиданіи есть слѣдующее донесеніе (безъ титула):

«По приказанію вашего превосходительства дозволено было рядовому Гекерену свиданіе съ женою его въ квартирѣ посланника барона Гекерена; при семъ свиданіи находились: жена рядоваго Гекерена, отецъ его—посланникъ и нѣкто графиня Строгонова. При

---

[1]) Напрасно же Дантесъ во время дуэли вообразилъ, будто пуля у него въ груди!!

[2]) Показанія Дантеса на судѣ переводили сами судьи, противъ чего и протестовалъ аудиторъ Ноинскій, жалуясь, какъ на формальную сторону—отсутствіе присяжнаго переводчика, такъ и на дурной переводъ.

[3]) То есть, говоря по русски, Пушкинъ позволилъ женѣ пріѣхать на свадьбу ея сестры.

[4]) На основаніи ст. 139-й воинскихъ артикуловъ 1716-го года живыхъ просто повѣсить, а убитыхъ „и по смерти за ноги повѣсить". Любавскій, стр. 568. В. Н.

свиданіи я вмѣстѣ съ адъютантомъ вашего превосходительства, гвардіи ротмистромъ Арцыбушевымъ, былъ безотлучно».

«Свиданіе продолжалось всего одинъ часъ».

«Разговоровъ, заслуживающихъ особаго вниманія, не было. Вообще въ разжалованномъ Гекеренѣ незамѣтно никакого неудовольствія, напротивъ, онъ изъявлялъ благодарность къ Государю Императору за милости къ нему и за дозволеніе, данное его женѣ, бывать у него ежедневно во время его содержанія подъ арестомъ. Между прочимъ, говорилъ онъ, что, по пріѣздѣ его въ Баденъ, онъ тотчасъ явится къ его высочеству великому князю Михаилу Павловичу» [1]).

«Во все время свиданія, рядовой Гекеренъ, жена его и посланникъ Гекеренъ были совершенно покойны; при прощаніи ихъ незамѣчено никакихъ особыхъ чувствъ».

«Рядовой Гекеренъ отправленъ мною въ путь съ наряженнымъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ въ $1^3/_4$ по полудни».

«Исправляющій должность Вице-директора...» (фамилія не разобрана).

23-го марта Гекеренъ былъ уже въ Таурогенѣ [2]).

Унтеръ-офицеръ Новиковъ, по возвращеніи, донесъ, «что Гекеренъ во все время пути велъ себя смирно и весьма мало съ нимъ говорилъ, а при отъѣздѣ за границу далъ ему 25 рублей» [3]).

Секундантъ Пушкина, Данзасъ просидѣлъ подъ арестомъ, на гауптвахтѣ въ крѣпости, съ 19-го марта по 19-ое мая 1837 г.

Заимствуемъ изъ парижской корреспонденціи «Русскаго Курьера» (№ 172, 1880-го года) послѣднія извѣстія о Гекеренѣ:

«Дантесъ Гекеренъ живъ до сихъ поръ и живетъ постоянно въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ. И не только онъ живъ, но даже его отецъ, бывшій министръ при Луи-Филиппѣ, благополучно здравствуетъ, хотя ему теперь не меньше, вѣроятно, девяноста шести лѣтъ. По возвращеніи изъ Россіи, Дантесъ-Гекеренъ оставался въ неизвѣстности до 2-го декабря 1851 года, когда онъ поступилъ на службу къ Наполеону III. Признательный авантюристъ наградилъ

---

[1]) Дѣйствительно Дантесъ по пріѣздѣ въ Баденъ, при встрѣчѣ съ великимъ княземъ привѣтствовалъ его по военному; но великій князь отъ него отвернулся.

[2]) Восемь сотъ верстъ въ четверо сутокъ!

[3]) И ни полслова о пакетѣ, отъ имени Государя переданномъ на границѣ Гекерену! В. Н.

его за это чиномъ сенатора съ 60,000 франковъ жалованья въ годъ. Онъ тотъ самый Гекеренъ, о которомъ такъ нехорошо говоритъ Викторъ Гюго въ своихъ Châtiments [1]). У него три дочери и одинъ сынъ. Одна изъ этихъ дочерей вышла замужъ за Вандаля, директора почтъ при имперіи и, главнымъ образомъ, директора такъ называемаго «чорнаго кабинета», чѣмъ онъ и пріобрѣлъ себѣ печальную извѣстность во всей Франціи. Другая дочь замужемъ за бонапартовскимъ же генераломъ Метманомъ, а третья — душевно-больная уже въ теченіе десяти лѣтъ».

В. В. Никольскій.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ

† 20-го іюня 1872 г. [2]).

Осенью 1873 г. я былъ въ Одессѣ. В. И. Григоровичъ передалъ мнѣ тогда два письма къ нему А. Ѳ. Гильфердинга съ тѣмъ, чтобы я употребилъ ихъ по усмотрѣнію, а подлинники передалъ бы въ Публичную Библіотеку; тогда я затруднился напечатать ихъ: Гильфердингъ былъ недолго ученикомъ Григоровича (первое полугодіе 1850 г.), а больше былъ ученикомъ Бодянскаго. Прямое заявленіе, что онъ признаетъ себя ученикомъ Григоровича могло бы обидѣть Осипа Максимовича, чего я не хотѣлъ. Теперь всѣ трое уже оставили землю и письма имѣютъ только историческій интересъ. Найдя ихъ въ своихъ бумагахъ, я помѣщаю ихъ на страницахъ „Русской Старины". Прибавлю для объясненія, что въ 1851 г., къ которому относится первое письмо, Гильфердингъ былъ на четвертомъ курсѣ Московскаго университета. Любопытно, что вмѣсто своего профессора онъ обращался къ Казанскому.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

---

[1]) Имени Гекерена въ текстѣ Châtiments не встрѣчается, но къ нему, вмѣстѣ съ другими, относится стихотвореніе: Ecrit le 17 juillet 1851, en descendant de la tribune, какъ это видно изъ примѣчанія къ этому стихотворенію, гдѣ приведены насмѣшливыя и грубыя выходки Гекерена, уже тогда бывшаго сенаторомъ, во время рѣчи Виктора Гюго. Рзсказываютъ, что въ 1852 году Наполеонъ отправилъ съ какимъ то порученіемъ къ императору Николаю Гекерена, но Государь отказался его принять.

В. Н.

[2]) Біографія и воспоминанія объ А. Ѳ. Гильфердингѣ напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. томъ VI, стр. 452—470.

I.

Москва, 2-го октября 1851 г.

„Милостивый государь Викторъ Ивановичъ!

„Благосклонное вниманіе, которое вы мнѣ всегда оказывали, и любовь ваша ко всякому занятію языкомъ Славянскимъ внушаютъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою.

„И послѣ отъѣзда вашего изъ Москвы продолжалъ я свои филологическія изысканія, о которыхъ имѣлъ счастіе говорить съ вами. Теперь нахожусь въ состояніи привести въ порядокъ матеріалы, мною собранные и представить изъ нихъ нѣкоторые выводы въ довольно обширномъ трудѣ: „Объ отношеніи языка Славянскаго къ прочимъ языкамъ Индо-Европейскимъ". Сначала занимаюсь я опредѣленіемъ его отношенія къ языкамъ Санскритскому и Литовскому. Эту первую и основную часть своего труда надѣюсь окончить въ будущемъ мѣсяцѣ. Зная чрезвычайное богатство ваше памятниками Глаголитской письменности и произведеніями народной поэзіи Болгарской, я рѣшился обезпокоить васъ просьбою о томъ, чтобы вы, если это васъ не затруднитъ, благоволили сообщить мнѣ нѣсколько словъ и грамматическихъ формъ, которыя принадлежатъ имъ исключительно. Мнѣ удалось найти въ языкахъ Санскритскомъ и Литовскомъ объясненіе почти всѣхъ Славянскихъ корней, словъ и формъ, даже множества рѣченій, употребляемыхъ простымъ народомъ въ разныхъ концахъ Россіи и недавно изданныхъ Академіею. Потому я увѣренъ, что имѣлъ бы не менѣе успѣха и относительно словъ Глаголитскихъ и Болгарскихъ.

„Просьба моя чрезвычайно смѣла и я никакъ не рѣшился бы вамъ ее высказать, если бы не имѣлъ побужденіемъ желаніе расширить кругъ своихъ изслѣдованій и въ особенности увѣренность, что вы и теперь бросите милостивый взглядъ на труды того, кто имѣетъ право назваться ученикомъ вашимъ.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою А. Гильфердингъ.

„На случай, если вамъ угодно будетъ почтить меня отвѣтомъ, присовокупляю здѣсь свой адресъ:

„Александру Ѳеодоровичу Гильфердингу, въ Москву, на Срѣтенькѣ, въ Даевскомъ переулкѣ, въ домѣ Макаровой".

II.

13-го іюня 1855 г.

„Милостивый государь Викторъ Ивановичъ!

„Мы ѣдемъ на дняхъ за границу, отецъ мой и я. Отецъ будетъ лѣчиться въ Карлсбадѣ. Воспользовавшись этимъ случаемъ и для собственнаго здоровія, которое въ послѣднее время очень разстроилось, предполагаю потомъ предпринять маленькое путешествіе, побывать въ городахъ, наиболѣе для меня любопытныхъ по моимъ занятіямъ, повидать главныхъ тамошнихъ Славянистовъ. Если я могу при этомъ быть вамъ чѣмъ нибудь полезенъ, то, надѣюсь, вы не откажете мнѣ, старому ученику вашему, въ этомъ удовольствіи. Лишь бы не нужно было вести слишкомъ большую тяжесть или дѣлать слишкомъ про-

должительные поиски, я съ радостью приму на себя всякое ваше порученіе. Съ сожалѣніемъ долженъ сдѣлать это ограниченіе, потому что послѣ минеральнаго курса останется весьма мало времени. Въ случаѣ, если бы вамъ угодно было доставить что нибудь заграничнымъ ученымъ, благоволите адресовать посылку на мое имя, въ Петербургъ, въ Министерство иностранныхъ дѣлъ. Я получу ее отсюда и перешлю исправно.

„Разсчитывая на вашу доброту и благосклонность ко мнѣ, я позволилъ себѣ поручить одному своему знакомому доставить вамъ въ Казань 20 экземпляровъ „Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ" моего сочиненія, которыя должны выйти отдѣльно черезъ нѣсколько дней, но когда меня уже не будетъ здѣсь. Вы оказали бы мнѣ великое одолженіе, если бы потрудились обратить вниманіе на эту работу и, оставивъ по экземпляру для своей и Университетской библіотеки, остальные отдали на коммисію или какъ нибудь распространили въ Казани. Совѣстно отнимать у васъ дорогое время, но вы осчастливили бы меня, замолвивъ, какъ благосклонный судія и какъ знатокъ, изучившій предметъ на мѣстѣ, доброе слово объ этихъ письмахъ, а также сообщивъ мнѣ какія нибудь указанія и данныя для поправки уже написаннаго или для руководства въ дальнѣйшихъ „Письмахъ". По возвращеніи въ Россію надѣюсь продолжать работу.

„Не имѣете ли вы также свѣдѣній о какихъ нибудь хранящихся въ Австріи или даже въ Сербскомъ княжествѣ важныхъ рукописяхъ, съ которыхъ можно бы было достать списки? Премного бы обязали.

„Папенька вамъ кланяется; онъ велѣлъ вамъ о себѣ напомнить.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Гильфердингъ".

АЛЕКСАНДРЪ ВИКТОРОВИЧЪ РАЧИНСКІЙ.

†

Посвящается другу покойнаго Александра Викторовича Рачинскаго, князю Алексѣю Михайловичу Дондукову-Корсакову.

Недавно чуть не вся Россія отдавала почтительную дань вполнѣ заслуженнаго уваженія памяти знаменитаго русскаго дѣятеля—Юрія Θеодоровича Самарина. Да, Ю. Θ. Самаринъ, какъ дѣятель, былъ дѣйствительно звѣздою первой величины. Но, преклоняясь предъ его гражданскимъ подвигомъ, не должно забывать другихъ столь же богато одаренныхъ, столь-же честныхъ, столь-же горячо любившихъ свое отечество тружениковъ только потому, что они имѣли менѣе успѣха, что рамка ихъ дѣятельности была уже, что ихъ часто стѣсняла ограниченность средствъ и, наконецъ, что на своемъ высокомъ, но скорбномъ пути, на этой via dolorosa, они встрѣтили непреоборимыя препятствія.

Настоящій очеркъ имѣетъ въ виду одну изъ такихъ личностей, а именно—Александра Викторовича Рачинскаго. Имя это, мало извѣстное въ Россіи, было одно время необыкновенно популярно въ Болгаріи.

Послѣ смерти Рачинскаго остались груды бумагъ, замѣтокъ, записокъ о

его многосторонней скитальческой дѣятельности; и ужъ по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя предложены читателю въ настоящей статьѣ, онъ можетъ судить о значеніи этихъ бумагъ для полной характеристики нашего времени.

Настоящая статья не имѣетъ претензіи быть біографіей или даже некрологомъ, въ ней читатель не найдетъ обстоятельныхъ указаній на года и числа; это просто дань признательности памяти благороднаго русскаго дѣятеля и добраго человѣка, которому наша пресса не посвятила ни одной строки, не взирая на то, что уже скоро минетъ четыре года, какъ онъ мирно покоится на одномъ изъ Московскихъ кладбищъ.

Рачинскій, сынъ помѣщика Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, родился въ богатой семьѣ, но въ противуположность Самарину получилъ самое безтолковое и непослѣдовательное образованіе, и если впослѣдствіи сдѣлался замѣчательнымъ лингвистомъ и пріобрѣлъ множество глубокихъ и разнородныхъ познаній, то этимъ онъ обязанъ исключительно своей необыкновенной памяти и блестящимъ способностямъ.

Молодость свою онъ провелъ бурно.

Въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ былъ выбранъ Бѣльскимъ уѣздомъ судьею, и даже, въ то темное время, по возможности не только вычистилъ Авгіевы конюшни, называвшіяся уѣзднымъ судомъ, но что еще труднѣе, самому чиновному персоналу съумѣлъ придать человѣческій образъ и подобіе.

Восточная война вызвала его къ новой дѣятельности. Попавъ прапорщикомъ въ Бѣльское ополченіе, онъ, во время скучной стоянки въ Измаилѣ, изучилъ болгарскій и сербскій языки и завязалъ сношенія съ болгарами, что впослѣдствіи не мало содѣйствовало успѣшному сформированію болгарскаго ополченія. Послѣ войны, онъ участвовалъ въ коммисіи, изслѣдовавшей злоупотребленія коммисаріатскихъ чиновниковъ и другихъ лицъ, а затѣмъ былъ назначенъ вицъ-консуломъ въ Варну и тутъ-то началась его горячая, благотворная дѣятельность. Онъ исходилъ и изъѣздилъ чуть не всю Болгарію; поддерживалъ падающій духъ угнетеннаго народа и вѣру въ лучшую будущность, а это было не легко послѣ Севастопольскаго погрома. Истинный сынъ Православной церкви, горячій славянофилъ и патріотъ, онъ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ католической пропагандой, подкапывавшей религію, съ фанаріотами, душившими народность. По этимъ еще не исчерпалась его дѣятельность въ Турціи. Множество молодыхъ болгаръ отправлено имъ въ Россію, въ семинаріи, духовныя академіи и университеты Одессы, Кіева и Москвы, гдѣ они получали содержаніе и образованіе на средства Рачинскаго. Московскіе болгары были моими товарищами и я могу упомянуть нѣсколько именъ, которые вѣроятно не будутъ забыты въ лѣтописяхъ ихъ родины, такъ, напримѣръ, Даскаловъ [1], братья Милодиновы, Коста Боньевъ, двое Христичей и другіе. Все это не только разстроило подъ конецъ состояніе Рачинскаго, но и поставило его въ необходимость нажить долги, которые были уплочены, по

[1]) Даскаловъ писалъ въ пятидесятыхъ годахъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьи подъ рубрикою «Турецкія дѣла», подписывался буквою Д. и ратовалъ не столько противъ турокъ, сколько противъ грековъ-фанаріотовъ, угнетавшихъ путемъ церковной іерархіи болгарскую народность. Онъ требовалъ прежде всего автономіи Болгарской церкви. С. К.

высочайшему повелѣнію, по окончаніи его служебной дѣятельности въ Варнѣ. Послѣ отставки, Рачинскій жилъ въ имѣніи своемъ, селѣ Мининѣ, Бѣльскаго уѣзда, изрѣдка навѣщалъ своихъ питомцевъ болгаръ въ Москвѣ, видался тамъ съ друзьями: Хомяковымъ, Погодинымъ, Бодянскимъ и другими, посѣщалъ кружки славянофиловъ и занимался небольшими литературными работами.

Великая крестьянская реформа, въ свою очередь, вызвала горячее сочувствіе Рачинскаго и надолго поглотила все его вниманіе. Служа словомъ и дѣломъ, онъ ей всецѣло посвятилъ себя, пока польское возстаніе не побудило его избрать иную дѣятельность.

При первыхъ симптомахъ мятежа, изучивъ, съ ему только свойственною быстротою польскій языкъ, онъ принялъ мѣсто секретаря коммисіи для разработки виленскихъ архивовъ. Тутъ ему снова пришлось вступить въ тяжелую борьбу за народность и церковь, но на этотъ разъ, за свою родную, русскую народность, съ полонизмомъ, ультрамонтами, іезуитами и, что еще труднѣе, съ плохими патріотами, болѣе другихъ тормозившими дѣло обрусенія края.

Но все это было еще такъ недавно, а потому печатный разсказъ о служебной дѣятельности Рачинскаго въ Западномъ краѣ пока не мыслимъ; могу только сказать, что записки Рачинскаго, говорящія объ этомъ періодѣ его жизни, полны глубокаго и серіознаго интереса.

Твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, неподатливый на какіе-бы то ни было компромиссы, Рачинскій не могъ устоять противъ интриги, опутавшей тогда не только его личность, но и весь Западный край.

Онъ подалъ въ отставку.

Вернулся домой онъ какъ будто для того, чтобъ быть свидѣтелемъ своего полнаго раззоренія. Нужно было ликвидировать долги, нажитые имъ на службѣ Отечеству, вслѣдствіе чего онъ продалъ всѣ свои имѣнія и остался при самыхъ ничтожныхъ денежныхъ средствахъ. Ударъ былъ силенъ и имъ-то, можетъ быть, объясняется мистическое настроеніе, сказавшееся въ немъ, въ послѣднюю пору его жизни, а равно и то обстоятельство, что онъ года полтора прожилъ въ Ниловой пустынѣ (Тверской губерніи, Осташевскаго уѣзда) гдѣ, между прочимъ, изучалъ монастырскій архивъ. Признательный за тихій пріютъ, онъ пожертвовалъ монастырю свою богатую библіотеку.

Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ эту безотрадную пору его жизни былъ Августѣйшій подарокъ: Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна, Герцогиня Эдинбургская, удостоила пожаловать ему золотой перстень, украшенный семью бриллiантами. Вскорѣ послѣ того, онъ получилъ мѣсто при архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Нѣсколько статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ остались пока единственными результатами этого періода его службы.

Зачиналась восточная война, Рачинскій снова хотѣлъ вступить на служеніе общеславянскому дѣлу, но ему не суждено было видѣть русскія знамена на берегахъ Босфора и Эгейскаго моря, не суждено было дожить до переговоровъ въ Санъ-Стефано и Берлинскаго трактата, на долго отодвинувшихъ цѣль всей его жизни, его завѣтныя чаянія, что будетъ „едино стадо и единъ пастырь“.

Онъ скончался въ Москвѣ, и какъ я уже говорилъ выше, Московская интеллигенція, знавшая о его трудахъ, о его жертвахъ, о его жизни, не удостоила почтить усопшаго добрымъ словомъ.

Послѣ него осталось множество бумагъ. Я часто, указывая покойному на

это обиліе матеріаловъ, совѣтывалъ приняться за ихъ серіозную обработку, но онъ всегда выражалъ что „прежде нужно досыпать житницу до верху и ужъ тогда расточать".

Вотъ все, что я нашелъ возможнымъ сказать, въ сжатомъ очеркѣ, о свѣтлой и симпатичной личности Александра Викторовича Рачинскаго.

Степанъ Кулеша.

С. Стрѣлково.
1-го января 1880 года.

Просьба о разрѣшеніи жениться.

[Писано цесаревичу Константину Павловичу].

Ваше Императорское Высочество! Будучи всегда благодѣтельствованъ вашимъ высочествомъ, предпринимаю смѣлость просить у васъ благословенія; я нынѣ собрался съ умкомъ, чтобъ завестись домкомъ; по сіе время не имѣю денегъ ни полушки, хлѣба ни краюшки, ни кола ни двора, и для того я думаю жениться пора; у Бога недолго, а у насъ тотъ-часъ, мѣсяца черезъ два и свадьба на заказъ.—Дѣвица именемъ Констансъ; которую..... не нахожу за нужное описывать ея здѣсь совершенства—коротко сказать: она мнѣ противна, какъ нищему гривна; ваше высочество изволили ее видѣть у графини Платтеровой на балѣ; не безъизвѣстно вамъ, что одинъ изъ ея обожателей, будучи терзаемъ любовію, предался вѣчному покою, другому вышла отставка, третьему—отказъ, а мнѣ, напротивъ, милостивый указъ. На бѣду мою, не тутъ то было; а какъ дѣла то къ вѣнцу, такъ и я къ концу, былъ бы у мужа съ женою ладъ, не надо въ дому и кладъ, слава Богу, что я ей по нутру. Говорятъ, что служивому жена есть въ тягость, ни чуть не бывало: гдѣ чортъ не сможетъ, тамъ добрая жена поможетъ; бракъ безъ благословенія, какъ церковь безъ колокольни; а при немъ просимъ удѣлить намъ по пригоршни свѣтлой пыли, мы бы съ вашей легкой руки по смерть спокойны были. Вашего Императорскаго Высочества всеподданнѣйшій Садовниковъ.

Изъ Дубна.
11-го мая 1805-го года.

Примѣчаніе. Выписано изъ рукописнаго сборника начала текущаго столѣтія. Сообщ. А. Е. Гренъ.

ПАМЯТНИКЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДИМИТРІЮ ИВАНОВИЧУ ДОНСКОМУ

НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ.

8-го сентября 1880 г. минуло пятьсотъ лѣтъ со дня куликовской побѣды. Отечественная печать почтила память этой славной побѣды Россіи надъ азіатскими ордами рядомъ статей и превосходною брошюрою Д. И. Иловайскаго.

Редакція „Русской Старины" считаетъ съ своей стороны вполнѣ своевременнымъ напомнить переписку, которая предшествовала сооруженію памятника побѣдителю на полѣ Куликовомъ, въ царствованіе Александра Павловича. Документы эти сообщены намъ въ 1872 г. нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ Ад. П. Берже. Ред.

I.

Письмо ген.-адъют. Балашева къ ген. А. П. Ермолову.

От 11-го іюня 1825 г., № 4955. Рязань.

Знаменитая въ исторіи Россійской побѣда, одержанная великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ надъ татарами, есть эпоха возрожденія могущества и славы отечества нашего, и первая степень къ освобожденію его отъ тяжкаго ига, подъ бременемъ котораго многіе годы оно страдало. Для увѣковѣченія сего великаго событія въ памяти позднѣйшихъ потомковъ, Государю Императору благоугодно было удостоить меня Высочайшаго повелѣнія: о сооруженіи на Куликовомъ полѣ приличнаго памятника, и водвореніи близь онаго нѣкотораго числа изувѣченныхъ воиновъ, на правилахъ, кои при семъ въ спискѣ препроводить честь имѣю. Во исполненіе сей Высочайшей Его Величества воли, приступая къ открытію повсемѣстной подписки на приношенія въ пользу сего патріотическаго предпріятія, я долгомъ счелъ довести о томъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, въ той надеждѣ, что вамъ, милостивый государь, храброму воинству, ввѣренному начальству вашему, равно какъ и всей странѣ Грузинской, нераздѣльной единовѣріемъ съ нами и всеподданническою любовью къ Монарху отцу, пріятно будетъ участвовать въ семъ дѣлѣ, долженствующемъ свидѣтельствовать потомкамъ о признательности нынѣшнихъ временъ къ великимъ дѣяніямъ предковъ, цѣною крови искупившихъ свободу Россіи и пожертвованіемъ жизни своей проложившихъ стезю къ настоящему ея величію.

II.

О памятникѣ, сооруженномъ на Куликовомъ полѣ великому князю Димитрію Ивановичу Донскому.

Незабвенному въ нашихъ лѣтописяхъ вѣку Александра I-го предоставлена честь возобновлять въ памяти грядущихъ потомковъ великія отечественныя дѣла вѣковъ протекшихъ. Пожарскій и Мининъ ожили въ бронзѣ среди древней столицы, доблестію ихъ спасенной. Великому князю Димитрію Ивановичу Донскому, съ отважною дружиною своею потрясшему въ 1380 году иго татарское на Куликовомъ полѣ, воздвигается памятникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лилась священная кровь русскихъ героевъ, въ залогъ будущаго могущества и славы отечества.

По рисунку, сдѣланному Императорской академіи художествъ профессоромъ архитектуры Мельниковымъ, памятникъ сей будетъ состоять въ обелискѣ изъ цѣльнаго гранита съ надписью бронзовыми вызолоченными буквами.

Нѣкоторое сходство обстоятельствъ эпохи Мамаева побоища съ современными великими отечественными событіями подало мысль въ памятникѣ семъ соединить воспоминанія древней и новѣйшей славы, водвореніемъ близь онаго изувѣченныхъ воиновъ.

По сему предмету генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Балашевъ удостоился получить въ 27-й день августа 1824 г. Высочайшій рескриптъ, слѣдующаго содержанія:

Господину генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту, отъ 27-го августа 1824 года.

Утвердивъ предположенія ваши относительно водворенія изувѣченныхъ воиновъ близь памятника, воздвигаемаго великому князю Димитрію Ивановичу Донскому на Куликовомъ полѣ, поручаю вамъ слѣдующее:

1) Открыть повсемѣстную въ государствѣ подписку на добровольныя приношенія для сего отечественнаго заведенія.

2) Обозрѣвъ въ натурѣ мѣсто, гдѣ назначается воздвигнуть памятникъ, устроить водвореніе воиновъ и означивъ оное на планѣ, войти въ сношенія съ владѣльцами объ уступкѣ потребнаго для сего количества земли.

3) Для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ предположеній и состав-

ленія проекта подробнѣйшихъ правилъ сему заведенію учредите вы временный, подъ вашимъ предсѣдательствомъ, комитетъ, донеся Мнѣ о лицахъ, въ члены онаго избранныхъ.

4) Назначивъ 20 тысячъ руб. на сіе зданіе, Я далъ Кабинету указъ объ ассигнованіи оныхъ въ распоряженіе ваше.

5) О составленіи приличнаго плана и фасада церкви и домовъ для водворенія воиновъ, вы войдете въ сношеніе съ с.-петербургскою академіею художествъ.

Я удостовѣренъ, что любя славу отечества, вы съ удовольствіемъ исполните сіе порученіе, довѣренностію Моею на васъ возлагаемое. „Александръ".

III.

Предварительныя правила для водворенія изувѣченныхъ воиновъ близъ памятника, воздвигаемаго великому князю Димитрію Ивановичу Донскому, на Куликовомъ полѣ.

§ 1. Въ ознаменованіе уваженія нашего къ памяти христолюбивыхъ воиновъ, подъ предводительствомъ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго, во время незабвенной битвы на Куликовомъ полѣ, падшихъ со славою за избавленіе отечества отъ ига татарскаго, возлѣ памятника, воздвигаемаго съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, учреждается мирная обитель для изувѣченныхъ воиновъ, подвизавшихся въ настоящую эпоху противъ современныхъ враговъ россійской имперіи.

§ 2. Званіе и число водворяемыхъ тамо воиновъ опредѣлится по мѣрѣ того, какая сумма на сей предметъ собрана будетъ.

§ 3. Обширность расположенія, равно какъ и приличныя таковому зданію украшенія будутъ зависѣть отъ тѣхъ же обстоятельствъ.

§ 4. Во всякомъ случаѣ, непремѣннымъ правиломъ постановится: упомянутымъ водворяемымъ воинамъ устроить не токмо безбѣдное, но и прихотливое, въ нѣкоторой степени, обиталище; дабы по пренесеніи опасностей за пользы отечества, на стражѣ у памятника древней его славы, не новые труды и заботы его ожидали, но мирное и пріятное отдохновеніе па лаврахъ благословенной родины, близъ священнаго праха героевъ-соотчичей.

§ 5. Къ устроенному на сей конецъ зданію приложатся хотя не пышныя, но въ изящномъ вкусѣ расположенныя принадлеж-

ности, состоящія, во-первыхъ, въ церквѣ Божіей, во имя св. чудотворца Сергія (какъ единаго изъ главныхъ дѣйствовавшихъ въ сію эпоху подвижниковъ), въ небольшой библіотекѣ, состоящей особенно изъ книгъ отечественной исторіи, въ общественномъ плодовитомъ садѣ, въ цвѣтникахъ предъ жилищами и т. п.

§ 6. Сверхъ инвалиднаго содержанія, по заслугамъ каждому изъ сихъ поселенцевъ, сообразно званію ихъ, существующими узаконеніями имъ присвоеннаго, они получатъ участки земли на Куликовомъ полѣ, соразмѣрные съ ихъ званіями, въ пожизненное владѣніе.

§ 7. Для обработыванія въ пользу ихъ означенныхъ участковъ, равно какъ и на поддержаніе вообще заведенія сего, опредѣлится капиталъ, который ввѣрится на сей предметъ тульскому приказу общественнаго призрѣнія.

§ 8. Обязанность краснохолмскихъ поселенцевъ будетъ состоять: единственно въ наблюденіи за неприкосновенностію къ памятнику Димитрія Донскаго и въ возвѣщеніи древней отечественной славы.

§ 9. Въ храмѣ имѣетъ быть ежедневное богослуженіе, а въ ближнюю, къ 26 дню октября мѣсяца, субботу, именуемую Дмитріевскою, на красномъ холмѣ да совершается ежегодно торжественное молебствіе, за упокой душъ убіенныхъ на равнинахъ Куликова поля, во спасеніе отечества, заключаемое благодарственнымъ молебствіемъ за настоящее благоденствіе россійской монархіи, съ возглашеніемъ многолѣтія Августѣйшему дому Государя Императора и храбраго Его Величества воинства. На сіе совокупное торжество древней и новой славы могутъ собираться, по Высочайшему назначенію, изъ ближайшихъ окрестностей для военнаго парада полки и батальоны служащихъ войскъ россійско-императорскихъ.

§ 10. Дабы содѣлать празднество сіе болѣе обще-народнымъ, учредится краснохолменная ярмарка, съ которой установленные сборы обратятся на усиленіе капитала для водворенныхъ.

§ 11. На приведеніе въ дѣйство означенныхъ предположеній и составленіе подробнѣйшихъ правилъ для сего отечественнаго богоугоднаго заведенія, учреждается временный комитетъ.

§ 12. По совершенномъ водвореніи стражей памятника Димитрія Донскаго учредится начальство и издадутся постоянныя правила для сего богоугоднаго отечественнаго заведенія.

Сообщилъ въ 1872 г. **Ад. П. Берже.**

ПЕТРЪ ГОРСКІЙ,

одинъ изъ участниковъ Куликовской битвы.

8-го сентября сего 1880 г. исполнилось пятьсотлѣтіе Куликовской битвѣ, положившей начало освобожденія Руси отъ татарскаго ига. Въ этой битвѣ, въ числѣ прочихъ начальствовавшихъ, участвовалъ предокъ мой, отъ котораго пошла моя фамилія, Петръ Горскій. Вслѣдствіе того въ гербѣ нашемъ щиты съ эмблемами: вѣсами, звѣздой и молодымъ рогомъ луны—раздѣляются рѣкой Непрядвой.

По нашимъ семейнымъ преданіямъ и бумагамъ, великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской пожаловалъ Петру Горскому за участіе въ Куликовской побѣдѣ большое имѣніе, которое на десятки верстъ окружало С. Фуникову гору, какъ центральную вотчину.—

Авдіемъ или Мордаріемъ и Осипомъ Прокудиными Горскими (вѣрныхъ свѣдѣній не имѣю) бо̀льшая часть этого дара была пожертвована въ Троицкую Лавру на поминъ души. (Не прямо въ лавру, а въ Киржачскій Благовѣщенскій монастырь, основанный преподобнымъ Сергіемъ въ дебряхъ на берегу р. Киржача—теперь г. Киржачъ—въ то время приписанный къ лаврѣ. Киржачъ же отъ нашей Фуниковой горы 18 вер., и имѣнія эти подходили подъ самый монастырь; теперь же безъ сомнѣнія всѣ онѣ государственныя, въ то время заключались въ земляхъ, лѣсахъ, лугахъ и угодьяхъ). Одинъ изъ дарителей, Осипъ похороненъ подъ монастыремъ—и только лишь недавно подъ разнымъ хламомъ оказалась его надгробная плита. Вѣроятно, есть могилы и другихъ предковъ нашихъ, но не отысканы.

Нынѣ, при пятисотлѣтней годовщинѣ достославной битвы, нельзя не помянуть мнѣ моего предка, какъ одного изъ участниковъ великой битвы Куликовской. Прилагаю нашу родословную (копію съ дѣдовской), мною продолженную на 2 степени [1]). Изъ нея видно, что пять человѣкъ нашего рода послужили Руси замѣтно, а именно: Петръ, Семенъ, Григорій, Яковъ и Василій. Что же касается до Ивана въ 10 колѣнѣ (женатаго па Вражской), то по нашимъ преданіямъ, да и по Голикову о Петрѣ Великомъ, этотъ Иванъ при Петрѣ Великомъ, предъ полтавскимъ сраженіемъ за нѣсколько дней, вздумалъ проситься въ

---

[1]) Родословная эта войдетъ въ одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ „Русской Родословной книги", первые два тома которой изданы нами въ 1873 и 1875 годахъ. Ред.

отпускъ на родину по домашнимъ дѣламъ. Два раза Петръ I отказалъ ему въ отпускѣ, когда же этимъ отказомъ онъ не удовлетворился и напомнилъ объ отпускѣ въ третій разъ, тогда Петръ I, выведенный изъ терпѣнія такой назойливостію, отдулъ его своей дубинкой и, такъ сказать, заставилъ его отложить заботу о несвоевременномъ отпускѣ.

Гербъ нашей фамиліи означаетъ: звѣзда и луна — происхожденіе отъ татаръ, вѣсы — вѣроятно, служба котораго нибудь въ судномъ приказѣ, а рѣка Непрядва — участіе въ Куликовской битвѣ.

Михаилъ Прокудинъ Горскій.

Гор. Киржачъ.
1880 г., августа 6-го дня.

Гр. А. А. Закревскій.—Н. И. Синельниковъ.

ЗАМѢТКА.

Въ «Русской Старинѣ» изданія 1880 г. (августъ) томъ XXVIII, въ «Воспоминаніяхъ дворянина помѣщика» помѣщенъ разсказъ И. В. Селиванова о моихъ отношеніяхъ къ нему и къ гг. служившимъ въ губернскомъ правленіи во время моего управленія Московскою губерніею (1856 г.).

Почти двадцать пять лѣтъ прошло со времени назначенія моего московскимъ губернаторомъ и сколько я ни напрягалъ мою память, сколько я ни старался отыскать въ моихъ запискахъ подтвержденія разсказа г. Селиванова, я не могъ придти къ результату, только письмо ко мнѣ И. В. Селиванова отъ 13-го апрѣля 1857 года, полученное мною уже въ г. Воронежѣ и ниже печатаемое, нѣсколько разъясняетъ дѣло; но не принимая на себя разъясненія, на сколько это письмо соотвѣтствуетъ разсказу, чтобы не дать вида полемики, я могу сказать только нѣсколько словъ изъ того, что сохранилось въ моей памяти.

Помню, что покойный генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, при представленіи моемъ, не вполнѣ одобрительно относился о губернскомъ правленіи, не объясняя однакожъ подробностей; но помню и то, что при посѣщеніи моемъ губернскаго правленія, войдя въ присутственную комнату, послѣ краткаго разговора съ гг. совѣтниками о производившихся дѣлахъ и службѣ ихъ, я пришелъ къ убѣжденію, что лица, избранныя и служившія съ достойнымъ предмѣстникомъ моимъ тайн. сов. Капнистомъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ своему званію; а при обзорѣ моемъ отдѣленій правленія, я нашелъ большинство гг. служащихъ чиновниковъ, въ особенности изъ молодыхъ людей, весьма

приличныхъ и порядочныхъ, словомъ сказать, я помню, что первое же знакомство мое съ личнымъ составомъ всего губернскаго правленія произвело на меня успокоительное впечатлѣніе, не смотря на неодобрительный отзывъ; но призывалъ ли я секретарей отдѣленій, которымъ я во все время моего управленія четырьмя губерніями, никогда не давалъ виду авторитета въ ущербъ порядка службы, и обвинялъ ли всѣхъ пятерыхъ за какой-то проступокъ, если оный и былъ, я этого положительно не помню, но во всякомъ случаѣ я рѣшительно не могъ употребить выраженіе, которое приписываетъ мнѣ И. В. Селивановъ, что я-де «съумѣю отбить ту лапу, которая будетъ черезъ чуръ длинна», не могъ употребить этихъ словъ, какъ изъ уваженія къ присутствію, — такъ и потому, что выраженіе это не имѣло бы и опредѣлительнаго смысла.

Въ началѣ моего управленія Московскою губерніею, я работалъ много и не рѣдко просиживалъ за письменнымъ столомъ далеко за полночь, въ особенности за разсмотрѣніемъ журналовъ губернскаго правленія, при чемъ бывали случаи, что были приглашаемы мною для объясненій и гг. совѣтники и лица другихъ управленій; но опять, говоря по совѣсти, положительно не помню посѣщенія всѣхъ пятерыхъ совѣтниковъ, вынувшихъ какъ бы по командѣ изъ кармановъ прошенія объ отставкѣ и И. В. Селиванова, вскричавшаго о какомъ то съумасшедшемъ и доказавшаго, что Губернское Правленіе тутъ не причемъ.—Такая рельефная картина въ губернаторскомъ кабинетѣ, если бы она была, то не могла бы не остаться въ моей памяти; мнѣ кажется, что И. В. Селивановъ, воспроизводя эту картину, неудачно положилъ тѣни; могло быть, что гг. совѣтники пріѣхали ко мнѣ для объясненій, даже могли имѣть въ карманахъ прошенія, но не вынимать ихъ по командѣ, а г. Селивановъ, основательно зная порядокъ производства дѣлъ и законы, не могъ вскричать, что губернское правленіе тутъ не причемъ, потому что правленіе свидѣтельствуетъ съумасшедшихъ и составляетъ опредѣленіе; какъ это обстоятельство, такъ и вынутыя гг. совѣтниками прошенія, если бы это дѣйствительно было мною замѣчено, привели бы меня не къ извиненію, а объясненію, въ предѣлахъ закона и приличія, несообразности ихъ дѣйствій, на что я имѣлъ бы вѣскія основанія.

Но и эти объясненія И. В. Селиванова не вызвали бы меня на возраженіе; меня вызвало помѣщенное въ его запискахъ будто бы мое объясненіе, что я былъ обманутъ и страшно сожалѣю, что согласился перейти въ такую губернію, гдѣ есть генералъ-губернаторъ: тогда какъ я передъ этимъ около четырехъ лѣтъ управлялъ Волынскою губерніею подъ начальствомъ генералъ-губернатора и былъ на-

значенъ въ Москву высочайшимъ приказомъ совершенно для меня неожиданно и о согласіи на это меня никто не спрашивалъ; стало быть, исполняя священную для меня высочайшую волю, никакъ не могъ дозволить себѣ роптать и осуждать въ такихъ неумѣстныхъ выраженіяхъ графа Закревскаго, скажу болѣе: я уважалъ въ немъ лѣта, званіе и много добрыхъ качествъ, остававшихся отъ добраго нашего стараго времени, но къ сожалѣнію скрывавшихся подъ грустною обстановкою окружавшихъ его.

Наконецъ разсказъ И. В. Селиванова о заготовкѣ фуража также не вполнѣ точенъ; командированный отъ бывшаго провіантскаго департамента чиновникъ открылъ цѣну на сѣно по 60 к. за пудъ, и я пригласилъ гг. предводителей и исправниковъ уѣздовъ Броницкаго и Подольскаго, изобилующихъ сѣномъ, которые, въ видахъ охраненія казны объявили и пріискали всю пропорцію сѣна по 32 коп. за пудъ.

По тому обоюдному нашему довѣрію, которое справедливо объяснено въ напечатанномъ вслѣдъ за симъ письмѣ ко мнѣ И. В. Селиванова въ 1857 году, я могу надѣяться, что онъ, какъ бывшій совѣтникъ, не посѣтуетъ принять и отъ меня добрый совѣтъ;—въ интересныхъ разсказахъ его видна бойкость пера, увлеченіе, но неумолимое время свое беретъ и въ описаніяхъ давно прошедшаго, необъясненнаго своевременно документально, не должно бы И. В. Селиванову безусловно надѣяться на свою память. Объ отношеніяхъ же моихъ съ графомъ Закревскимъ я говорить не буду, придерживаясь по отношенію къ нему правила, что объ усопшихъ можно говорить или хорошо, или ничего.

10-го сентября 1880 года. **Н. П. Синельниковъ.**

Письмо бывшаго совѣтника И. В. Селиванова къ бывшему губернатору Н. П. Синельникову.

«13-го Апрѣля 1857 г.»

„Ваше превосходительство, милостивый государь! Я душевно радъ, что напечатанная въ „Современникѣ“ статья моя: Перевозъ, которую при семъ имѣю честь препроводить, дастъ мнѣ возможность напомнить в. п. еще одинъ лишній разъ о себѣ,—а съ тѣмъ вмѣстѣ представляетъ случай сказать еще разъ то русское спасибо, которое за себя и за другихъ я считаю обязанностію сказать и которое останется моимъ лучшимъ достояніемъ въ жизни.

„Одинъ въ полѣ не воинъ, одному и у каши не споро,—вотъ двѣ пословицы, справедливость которыхъ понимается на службѣ болѣе нежели гдѣ нибудь и которыя испытываю теперь на себѣ, чувствуя вполнѣ сиротство свое. Кто старался внести въ свою служебную дѣятельность тѣже убѣжденія,

какими руководствуется въ остальной жизни; кто не достигъ еще до того разврата, при которомъ человѣкъ становится равнодушнымъ къ страданію ближняго, думая только о собственной пользѣ и о собственномъ спокойствіи; кто несетъ службу не какъ наемникъ, исполняющій заданный урокъ, холодно и безучастно,—тотъ разумѣется долженъ болѣть, ежели среда, его окружающая, дошла до совершеннаго равнодушія къ страданіямъ, злу, нарушенію правъ, грабительствамъ всякаго рода—и болѣть тѣмъ еще болѣе, что онъ чувствуетъ свое ничтожество и безсиліе къ противудѣйствію этому злу. Надобно имѣть подобно вамъ, в. п., большой запасъ нравственной силы и сознанія своего превосходства для того, чтобъ хладнокровно видѣть преступное равнодушіе властей, обязанныхъ преслѣдовать зло,—чтобъ не упасть духомъ, видя себя одинокимъ поборникомъ правды и продолжать дѣйствовать, какъ будто бы не было препятствій, поставленныхъ жаждущей добра волѣ, какъ будто бы зло окружающихъ и обязанныхъ содѣйствовать, не парализировало стремленій—и оставаться спокойнымъ дѣйствователемъ среди всеобщаго упадка всѣхъ нравственныхъ началъ, на которыхъ зиждется общество. Надобно имѣть большой запасъ воли, любви, добра и истины, какой имѣли вы, в. п., чтобы среди, часто, очень сильныхъ вліяній, остаться самимъ собою, сохранить чистоту и ясность души, устоять противъ всѣхъ искушеній богатства, почестей, власти—и выйти чистымъ изъ этого грязнаго источника. Вы были и остались тѣмъ и другимъ—и за это-то я такъ высоко цѣню васъ.

„Но для того, чтобъ быть праву въ собственныхъ глазахъ, не могу не сознаться (хотя для того, чтобъ вы не изволили думать, что я льщу вамъ, на что, впрочемъ, я не способенъ), что в. п. были иногда скоры, дѣйствовали иногда подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія—но за то всегда и вездѣ я видѣлъ искреннее желаніе добра и истины, руководящее вашими поступками.

„Во многомъ я былъ несогласенъ съ в. п., но во всемъ, всегда и вездѣ я былъ съ вами и за васъ, потому что, не увлекаясь наружною стороною дѣянія, я проникалъ въ его сущность и видѣлъ руководящую мысль, всегда добрую и благую, не уважать которую было бы выше силъ моихъ. И вотъ причина, почему пишу теперь къ в. п., почему вспоминаю о васъ такъ часто, какъ будто у моей служебной дѣятельности оторвали опору, силу, на которую я могъ опереться въ минуту сознанія безсилія своего и отчаянія въ своей силѣ, въ борьбѣ за правду.

„И такъ какъ я не имѣю возможности иначе выразить в. п. и все сочувствіе къ вашимъ стремленіямъ, и всю благодарность, не столько за себя, сколько за страдающихъ братій нашихъ во Христѣ, то позвольте мнѣ, посылая вамъ статьи мои, имѣть утѣшеніе думать, что по полученіи ихъ, вы скажете всякій разъ: „это только должная дань честному человѣку, отъ честнаго человѣка. Такъ должно быть и иначе быть не можетъ.

„Да благословитъ васъ Богъ, в. п., въ новомъ кругу дѣйствія на добро и правду, для которыхъ вы созданы, и пусть (въ чемъ я, впрочемъ, не сомнѣваюсь), вы найдете въ Воронежѣ тоже сочувстіе, какое оставили въ Москвѣ, въ людяхъ мыслящихъ, любящихъ истину и призывающихъ ее, по мѣрѣ силъ своихъ.

„Примите увѣренія въ томъ неизмѣнномъ уваженіи и въ той искренней преданности, съ какими есть и буду навсегда и пр. Илья Селивановъ".

Вѣрно съ подлиннымъ **Н. П. Синельниковъ.**

Примѣчаніе. Мы напечатали замѣтку Н. П. Синельникова и

приложеніе къ ней, но она въ главной сути ея—выяснить ненормальныя отношенія гр. Закревскаго къ служившему подъ его начальствомъ люду, ни мало не противорѣчитъ разсказу И. В. Селиванова, письмо же послѣдняго исполнено того же чувства уваженія къ Н. П. Синельникову, какимъ дышетъ и разсказъ г. Селиванова. Самъ г. Селивановъ вновь подтверждаетъ, въ письмѣ къ намъ, что все имъ разсказанное вѣрно вполнѣ, въ чемъ ссылается на своихъ сослуживцевъ совѣтниковъ Карпова, Огнева и Потулова, и ассесора Бороздина. Ред.

Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій

эпиграммы, шутки, посланія.

I.

Орантъ маіоръ Тарновскій
Тѣмъ себя прославилъ,
Что . . . . . . С—ской
Цынскому представилъ:
Такъ ли, при рапортѣ-ль,
Слухи не доходятъ,
Но чрезъ этотъ фортель
Многіе выходятъ.

II.

Къ Ней.

„Да ну! пожалуйста, пиши!“
Вы мнѣ, прелестная, твердите,
И въ то-же время отъ души
Меня за лѣнь мою браните.
Спросите-ка мою жену
Какъ я лѣнивъ! Свѣтъ ложно судитъ.
Вы не сказали-бъ мнѣ: „да ну!“
Скорѣй сказали-бъ: „нѣтъ, ужъ будетъ!“

III.

Я нынче видѣлъ Дочь Скупаго,
И восхищалъ меня отецъ,
О дочери-жъ скажу я слово:
Мнѣ жаль, что былъ отецъ вдовецъ...
Когда-бъ злой рокъ еще дорогу
Старушкѣ въ гробъ не указалъ,
Тогда-бъ отъ всей души, ей Богу,
Я дочку къ матери послалъ.

IV.

Всѣхъ разбирать по-одиначкѣ,
Сосницкій кѣмъ обставленъ былъ:
Шубертъ собачка былъ во фрачкѣ,
Да и Самаринъ очень милъ...
И, словомъ, было все такъ мило,
Что нечего и говорить,—
И Ваничкѣ ужъ можно было
Алешеньку благодарить!

V.

И. И. Сосницкому.

Скажите мнѣ: зачѣмъ вы ѣхали сюда?
Какое васъ влекло къ намъ чувство?
Ужли вы думали: плодъ вашего труда—
Высокое искусство—
Толпа зѣвакъ здѣсь оцѣнитъ?
Гдѣ фарсовъ нѣтъ, она тамъ спитъ.
Да нѣтъ! не вѣрю я, чтобъ вы хотѣли славы
У насъ въ Москвѣ искать!
Вы просто ѣхали сюда лишь для забавы,
И для того, чтобъ деньги взять.
Какая честь для насъ! Вы деньги-то возьмете,
А насъ глупцами назовете....
И, право, по-дѣло́мъ!
Я самъ согласенъ съ вами въ томъ:
Москва артистамъ казначейство,
Сужденія-жъ ея злодѣйство!...

VI.

В . . . . . скій въ бракъ вступилъ... Творецъ, услышь мой гласъ!
Ужли женидьбою его не перемѣнятъ?
Ужели не въ послѣдній разъ
Его въ Москвѣ здѣсь женятъ?
Но нѣтъ! конечно до Творца
Не долетитъ мое моленье...
И сыну глупому богатаго отца
Пойдетъ-ли въ прокъ огромное имѣнье!...
Барышники, цыгане и друзья
Двадцатилѣтняго ребенка,
Въ пять лѣтъ ощиплютъ, какъ цыпленка—
И кончена статья.

VII [1]).

О, Сосницкой! чѣмъ могу твой даръ изобразить:
Словами-ли? перомъ? ничемъ, ничемъ не смѣю,
Сей даръ могли тебѣ лишь боги удѣлить,
Что выше смертнаго, постичь то не умѣю.

Б. Г . . . . . ъ.

VIII.

Кавалькада московскихъ артистовъ.

Не въ бой противъ враговъ летитъ
Лихой отрядъ кавалеристовъ;
Ватага смирная артистовъ
Верхами за городъ спѣшитъ
И всѣхъ на улицѣ смѣшитъ.

Желая публикѣ добра
Они оставили кулисы,
Подъ ними лошади какъ крысы,
Всѣ съ постоялаго двора,
Всѣ по полтинѣ серебра.

Какая смѣсь одеждъ и рожъ,
И ѣдутъ всѣ они въ заставу;
Вотъ прямо рыцари—на славу,
Одинъ какъ Донъ Кишотъ хорошъ,
Другой на чучелу похожъ.

Скажите, это кто таковъ?
Въ черкесской буркѣ и фуражкѣ,
Къ сѣдлу привязаны двѣ фляжки?
Илья Васильевъ сынъ Орловъ,
Словарь пустонародныхъ словъ,
И врать и пить куда здоровъ.

А это чтобы за актеръ?
Амурчикъ въ радужномъ нарядѣ,
На сѣренькой плетется сзади?
Мордарьичъ Щепинъ-Миловзоръ,
Хохлатый и серьезный вздоръ.

---

[1]) Писано не рукою Ленскаго, но сохранилось между его автографами.

А этотъ Приндикъ-Пастушковъ,
Съ широкимъ носомъ, миной женской?
Несчастный переводчикъ Ленской;
Онъ каждый мигъ упасть готовъ,
И на конѣ точь въ точь таковъ
Какъ на Пегасѣ графъ Хвостовъ.

А этотъ съ парой толстыхъ губъ,
И въ родѣ глупаго розини?
Нашъ комикъ, Вася Живокини,
Отличный малый, добръ, не скупъ,
И сколько веселъ, столько глупъ.

Что вижу? Въ явѣ-ль, иль во снѣ:
Кто это тамъ въ кольцо согнулся?
Такъ точно... я не обманулся...
Иванъ Лобановъ на конѣ,
Скакунъ верхомъ на скакунѣ.

Ахъ Бантышевъ! Каковъ уродъ?
Обидѣлъ Богъ его разсудкомъ,
За то ужъ наградилъ желудкомъ,
Онъ очень хорошо поетъ,
Чудесно вретъ, чертовски жретъ!

Вотъ молодецъ изъ молодцовъ,
Степановъ, выродокъ натуры,
Степановъ, богъ каррикатуры,
Онъ всѣхъ скопировать готовъ;
Онъ Федоровъ и Ушаковъ;
Онъ и Нарышкинъ и Тепловъ.

Вотъ Сила Кротовъ—режиссеръ,
О! что касается до Силы,
То описать его нѣтъ силы,
Кто онъ таковъ, то до сихъ поръ,
У насъ идетъ ужасный споръ,
А должно думать, что онъ....

Вотъ Щепкинъ, какъ же онъ мясистъ!
Да это право чудо-юда!
Онъ въ сутки мяса ѣстъ полпуда;
Онъ превосходнѣйшій артистъ,
Уменъ, забавенъ и рѣчистъ,
Но жаль... душей не очень чистъ.

А это что за испитой?
Въ очкахъ, фигура невеличка?
Надъ лошадью сидитъ какъ спичка?
То Кони—нѣмецъ удалой,
Водевилистъ нашъ удалой,
Давно обруганный молвой.

Еще вотъ нѣмецъ—Купферъ-Шмитъ;
Онъ нашъ запасный Магазейнъ
Mit ihm man kann zufrieden sein
Онъ что угодно смастеритъ,
Ремень порвется—прикрѣпитъ,
И лошадей вамъ напоитъ.

А это что за господа?
Вдали гарцуютъ у коляски,
И кой кому тамъ строютъ глазки?
Нельзя сказать... Чтожъ за бѣда?
Давай на сцену ихъ сюда.

Нѣтъ, я о нихъ ужъ помолчу,
Съ поклономъ имъ даю дорогу,
Я ихъ описывать, ей Богу,
И не могу, и не хочу,
Я выбираю по плечу.

IX.

Ты и Вы.

Что вижу? Лиза! это ты-ль?...
Здорово, милая Лизета!...
Но у тебя лакей, карета,
Ты всѣмъ въ глаза пускаешь пыль,
Ты знатной барыней одѣта...
Ахъ, нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не ты, а вы,—
Не прежняя моя Лизета!

***

Пѣшкомъ, бывало, на-рысяхъ,
Съ тобой вдвоемъ, моя Лизета,
Летали въ рощу мы все лѣто;
Теперь, въ атласныхъ башмакахъ
Ты ищешь скользкаго паркета...
Ахъ, нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не ты, а вы,—
Не прежняя моя Лизета!

***

Какой прелестный цвѣтъ лица!
Ты словно розанчикъ, Лизета...

Но это хитрость туалета...
Скажи мнѣ: какъ зовутъ купца,
Который продаетъ все это?...
Ахъ, нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не ты, а вы,—
Не прежняя моя Лизета!

***

Да ты совсѣмъ пустилась въ знать!
Домъ у тебя—дворецъ, Лизета:
И спальня подлѣ кабинета,—
И даже у тебя кровать
Какъ у султанши Магомета...
Ахъ, нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не ты, а вы,—
Не прежняя моя Лизета!

***

Ты остроуміемъ блестишь,
И даже слышалъ я, Лизета,
Ты сочинила два куплета!...
Ты ходишь, смотришь, говоришь
Персоною большаго свѣта...
Ахъ, нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не ты, а вы,—
Не прежняя моя Лизета!

***

Куда дѣвались эти дни,
Когда ты, швеечка-Лизета,
Любила бѣднаго поэта?
Давно, давно прошли они,
Давно угасли безъ разсвѣта!...
Ахъ, нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не ты, а вы,—
Не прежняя моя Лизета!...

***

Ахъ! въ тѣ счастливые года
За всю любовь свою Лизета
Въ одной любви ждала отвѣта;
Теперь въ виду у ней всегда
Одна монета—и монета!...

Ахъ, нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не ты, а вы,—
Не прежняя моя Лизета!...

Изъ Беранже,—**Ленскій.**

Примѣчаніе. Стих. «Ты и вы» напечатано въ «Репертуарѣ» изд. Межевича. Перепечатываемъ съ подлинника автора, какъ образчикъ таланта Ленскаго, какъ переводчика безсмертныхъ произведеній Беранже. Ред.

Леонтій Васильевичъ Дубельтъ.

I.

Въ разсказѣ о Л. В. Дубельтѣ, помѣщенномъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 125—128, между прочимъ сказано, что на вопросъ покойнаго императора Николая Павловича: имѣетъ ли Дубельтъ свое состояніе, Леонтій Васильевичъ отвѣчалъ, что состоянія никакого не имѣетъ, такъ какъ оно записано за его женой,—значеніе чего, въ тѣ времена, всѣмъ было извѣстно и понятно. Далѣе авторъ воспоминанія разсказываетъ про то, что будто бы творилось въ игорномъ домѣ Политковскаго, и заканчиваетъ заявленіемъ, что въ числѣ сообщниковъ и главныхъ дѣятелей этого тайнаго общества былъ, между прочими, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ.

Таковъ разсказъ неизвѣстнаго мнѣ автора, а вотъ истина: все состояніе покойной жены Леонтія Васильевича, рожд. Перской, простиралось до двухъ тысячъ душъ, по тогдашнему счету,—и изъ нихъ 1.700 душъ были получены ею въ наслѣдство отъ ея родителей. Триста же душъ были ею дѣйствительно куплены за 60 тысячъ рублей, изъ коихъ уплочены были ею 20 тысячъ рублей, а остальные 40 были выданы Сохранною Казною, подъ залогъ этого самаго имѣнія. Когда же умеръ Леонтій Васильевичъ, то онъ не оставилъ положительно никакого состоянія, и это было настолько извѣстно, что за нѣсколько дней до смерти Дубельта, Государь Императоръ соизволилъ прислать ему, черезъ князя Василія Андреевича Долгорукова, 6 тысячъ рублей, для уплаты нѣкоторыхъ долговъ.

Насколько Леонтій Васильевичъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ честный и безукоризненный, явствуетъ изъ слѣдующей оцѣнки его императоромъ Николаемъ. Всякій же знаетъ, насколько императоръ Николай Павловичъ былъ строгій цѣнитель достоинства людей.

Въ концѣ 1840-хъ годовъ, извѣстный богачъ, графъ Потоцкій былъ сосланъ административнымъ порядкомъ, сначала въ Вологду, а въ послѣдствіи въ Пензу. Получивъ отъ III отдѣленія разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ, на короткое время, графъ обратился къ Дубельту съ просьбою, исходатайствовать облегченіе его участи. При этомъ, онъ положилъ на столъ 200 тысячъ рублей, съ предложеніемъ Дубельту принять ихъ, за одно обѣщаніе, похлопотать по его дѣлу. Леонтій Васильевичъ денегъ этихъ не принялъ, заявивъ тутъ же графу, что о его поступкѣ онъ доведетъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, что онъ и исполнилъ. Тогда Государь Императоръ приказалъ графу Орлову, передать графу Потоцкому, что не только у него, графа Потоцкаго, но у самаго государя нѣтъ достаточно денегъ, чтобы подкупить генерала Дубельта.

Таковъ фактъ, свидѣтельствующій о безкорыстіи Леонтія Васильевича, и я, какъ сынъ его, считаю священною обязанностію возстановленіе истины.

Едва ли стоитъ распространяться объ участіи Леонтія Васильевича въ тайномъ обществѣ, притонъ коего находился у Политковскаго [1]). Положеніе Дубельта, въ тогдашнее время, было настолько твердо и возвышено, довѣріе же къ нему правительства столь для него лестно, что онъ, конечно, не посягнулъ бы ни за какіе милліоны принять участіе въ столь грязномъ дѣлѣ.

Съ моей стороны, я могу засвидѣтельствовать, что въ дни моей молодости, я бывалъ довольно часто у Политковскаго, и мнѣ случалось играть тамъ въ карты. Никогда я не видѣлъ, и не слышалъ чего либо, хотя бы немного подходящаго къ разсказу автора воспоминанія о Л. В. Дубельтѣ.

Михаилъ Дубельтъ.

---

[1]) Знаменитаго вора, похитившаго болѣе милліона рублей изъ капитала инвалидовъ. Политковскій—находясь уже подъ арестомъ—отравился. См. „Русскую Старину“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 305—306; 776—778. Ред.

II.

Въ 1855 году, я былъ хорошо знакомъ съ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Андреевичемъ Кашинцевымъ, который, пріѣзжая изъ Москвы, останавливался у Л. В. Дубельта, и старшимъ чиновникомъ III отдѣленія, М. М. Поповымъ. Благодаря этому знакомству, я пріобрѣлъ расположеніе и самаго Леонтія Васильевича.

Восточная война была, въ то время, въ самомъ разгарѣ. Кашинцевъ и Поповъ скорбѣли о каждой нашей неудачѣ, но, тѣмъ не менѣе, утверждали, что войну надо вести до конца. Я раздѣлялъ это мнѣніе и, приводя въ примѣръ Петра Великаго, говорилъ, что борьба не должна мѣшать реформамъ. Въ результатѣ, Михаилъ Максимовичъ Поповъ предложилъ мнѣ изложить мои мысли въ драматической формѣ, находя полезнымъ поддерживать народное одушевленіе театральными представленіями. Къ концу года, я написалъ драму «Сознаніе долга», заимствовавъ сюжетъ изъ осады Севастополя. Это произведеніе я представилъ М. М. Попову, который, послѣ сдѣланныхъ мною, по его совѣту, измѣненій, нашелъ піесу удобною къ постановкѣ на сцену, и взялся провести ее черезъ театральную цензуру, обѣщая заинтересовать въ дѣлѣ Дубельта.

Прошло довольно времени, но о судьбѣ драмы я не имѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, а Михаилъ Максимовичъ сказалъ, что пьесу взялъ Дубельтъ для просмотра. Наконецъ, если не ошибаюсь, въ январѣ 1856 года, я встрѣтился съ Леонтіемъ Васильевичемъ въ маскарадѣ. Онъ отозвалъ меня въ сторону и у насъ произошелъ разговоръ, который привожу почти буквально—такъ онъ врѣзался въ моей памяти.

— Ну, молодой человѣкъ, сказалъ Дубельтъ, не ожидалъ я этого отъ васъ!.. Подвели вы было меня..

— Но въ чемъ-же я виноватъ, ваше превосходительство?

— Да и Михайло Максимовичъ хорошъ! Да знаете-ли, если-бы мы поставили вашу драму, то куда улетѣли-бы? и онъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою.

— Позвольте, ваше превосходительство...

— «Ну, полноте, полноте, не оправдывайтесь... Я не сержусь... на этотъ разъ все обошлось благополучно, ну, а на будущій, надѣюсь, этого не случится»,—и онъ удалился.

Такъ мнѣ и не удалось узнать, за что пьесу мою забраковали. Послѣ того я видѣлъ Дубельта только разъ и при такой обстановкѣ, что разговора о драмѣ заводить было неудобно, а Михаилъ Макси-

мовичъ сухо отвѣтилъ, что она несовременна и отъ дальнѣйшихъ объясненій уклонился.

Прошло 20 лѣтъ и, въ эпоху сербской войны, мнѣ удалось случайно увидѣть мою рукопись съ помѣтками Дубельта. Я невольно удивился, видя какія мѣста онъ считалъ преступными. Вотъ два примѣра:

Придетъ пора—и разольетъ
Лучи повсюду просвѣщенье,
И будетъ миръ, и врагъ пойметъ
Россіи нашей назначенье!
И если надо, чтобъ былъ миръ,
Намъ новый повалить кумиръ—
Всѣ въ бой! иль ляжемъ всѣ костями,
Иль побѣдимъ—рѣшитъ судьба!
Но никогда подписанъ нами
Не будетъ миръ постыдный, никогда!

Другое мѣсто. Герой драмы, говоря о своей невѣстѣ, восклицаетъ:

Благодарю тебя, о Боже,
Она нисколько не похожа
На нашихъ дамъ и ледяныхъ дѣвицъ,
Что ежегодно изъ столицъ,
Какъ саранча, сюда на лѣто налетаютъ,
За тѣмъ, чтобъ обобрать крестьянъ,
А на зиму обратно уѣзжаютъ
Французамъ набивать карманъ.

Кромѣ того, Леонтій Васильевичъ отмѣтилъ почти всѣ мѣста, гдѣ говорилось о развитіи въ насъ самосознанія и о сопротивленіи непріятелю до конца.

Вотъ каковы были взгляды III отдѣленія въ началѣ преобразовательной эпохи! Если такой разладъ происходилъ между мнѣніями начальника штаба корпуса жандармовъ и старшаго чиновника, при томъ весьма вліятельнаго, то чего-же можно было надѣяться отъ лицъ второстепенныхъ! Я увѣренъ, что если-бъ не знакомство мое съ Кашинцевымъ и М. М. Поповымъ, то попытка моя выступить съ драмою, имѣвшею современное значеніе, имѣла бы для меня болѣе непріятныя послѣдствія, хотя въ ней такъ мало противоцензурнаго, что въ 1877 году она была одобрена театральною цензурою безъ помарокъ.

В. П. Поповъ.

———

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Мы получили отъ князя А. И. Васильчикова ниже слѣдующую замѣтку, посвященную памяти кн. М. Д. Горчакова, которой тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ даемъ мѣсто на страницахъ нашего изданія, что она вызвана нашимъ собственнымъ приглашеніемъ (см. „Русскую Старину" 1880 г. т. XXIX, стр. 124). Ред.

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г. (сентябрь) томъ XXIX, стр. 109—124, статью неизвѣстнаго автора Н. Б. о князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ Горчаковѣ и примѣчаніе редакціи, что она съ особымъ удовольствіемъ дастъ мѣсто всему, что поведетъ къ полной характеристикѣ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, я считаю долгомъ заявить, что ко мнѣ перешли по смерти моего брата князя Виктора Илларіоновича Васильчикова разныя бумаги, записки и дѣла, которыя противорѣчатъ по существу разсказамъ и свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ статьяхъ г. Н. Б. Братъ мой, какъ извѣстно, былъ начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона и, по мнѣнію многихъ доблестныхъ своихъ товарищей, участвовалъ съ пользою въ этой славной оборонѣ; послѣ Крымской войны онъ производилъ слѣдствіе о злоупотребленіяхъ по интендантской части и раскрылъ ихъ до корней, которые разрослись широко. Поэтому онъ могъ узнать и оцѣнить какъ заслуги князя М. Д. Горчакова, такъ и болѣе или менѣе полезную дѣятельность тѣхъ лицъ, которыя передавали автору статьи (какъ указано въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ) свѣдѣнія о своемъ главнокомандующемъ, графа Коцебу, генерала Затлера и другихъ.

Между прочими бумагами покойнаго брата имѣются подробныя записки подъ заглавіемъ «Севастополь», гдѣ описанъ весь ходъ какъ Турецкой войны, такъ и Крымской; разсказаны военные совѣты передъ битвою на Черной и передъ отступленіемъ изъ Севастополя, совѣты, въ коихъ участвовалъ покойный братъ; приведены мнѣнія разныхъ генераловъ и описаны подробно дѣйствія князя Горчакова и графа Коцебу въ достопамятную ночь 26-го августа, когда надо было выводить по узкому мосту 60-ти-тысячный гарнизонъ. Изъ этихъ документовъ и фактовъ оказывается совершенно противное тому, что повидимому внушили автору вышеупомянутые сослуживцы князя Горчакова; оказывается, что онъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ того времени дѣйствовалъ съ полнымъ самоотверженіемъ и энергіею въ эту грозную эпоху, что онъ на свой личный страхъ, безъ вѣдома

Государя и противъ мнѣнія фельдмаршала Паскевича отправилъ въ Крымъ первые резервы, спасшіе армію князя Меншикова, что онъ одинъ въ своемъ штабѣ поддерживалъ предложеніе генерала Бухмейера о постройкѣ моста черезъ бухту и—диспозицію для отступленія гарнизона, и что въ этихъ двухъ важнѣйшихъ случаяхъ Крымской войны онъ показалъ, не смотря на свою смѣшную нерѣшительность, надъ которой издѣвается г. Н. Б., болѣе рѣшимости, болѣе вѣрности взгляда, чѣмъ окружавшіе его генералы.

Всего болѣе насъ поразила замѣтка автора въ скобкахъ, что «графъ Коцебу былъ въ то время той единицею, присоединяясь къ коей князь Горчаковъ представлялъ кое-какую цифру»!! Цифры князя Горчакова были: безпредѣльное мужество въ бою, безупречная честность, безкорыстіе на службѣ и душевная преданность благу Россіи и славѣ русскаго оружія. Эта цифра не нуль, и она присоединяется въ исторіи и въ памяти народной вовсе не къ той единицѣ, о коей упоминаетъ авторъ, а—къ именамъ Нахимова, Корнилова, Тотлебена и другихъ, коими прославилась оборона Севастополя.

Авторъ также насмѣшливо отзывается о беззавѣтной храбрости князя Горчакова и пишетъ что «его иногда носило по Севастопольскимъ батареямъ—Богъ вѣдаетъ зачѣмъ». Это дѣйствительно очень смущало нѣкоторыхъ лицъ изъ его штаба и свиты, и въ запискахъ моего брата приведены нѣкоторые анекдоты, которые могутъ возбудить смѣхъ, но только не надъ княземъ Горчаковымъ, а надъ тѣми храбрыми воинами, которые принуждены были, по долгу службы, его сопровождать на такихъ опасныхъ прогулкахъ.

Я не намѣренъ былъ печатать записокъ покойнаго моего брата, покуда еще живы нѣкоторыя изъ лицъ, игравшія въ Севастополѣ незавидную роль. Но зная, какое глубокое уваженіе онъ питалъ до конца жизни къ князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову, не могу пропустить безъ протеста разсказы, приводимые авторомъ, имѣя фактическія и положительныя доказательства, что они даютъ ложное понятіе какъ о князѣ Горчаковѣ, такъ и о ходѣ событій въ Турецкую и Крымскую войну.

Князь **А. И. Васильчиковъ.**

13-го сентября 1880 г.
с. Трубетчино.

Бракосочетаніе Дантеса съ Е. Н. Гончаровою.

10 января.

Наша замѣтка о Дантесѣ (см. выше) была уже напечатана, когда мы получили отъ секретаря спб. консисторіи Ивана Тимофеевича Камчатки нa слѣдующую выписку изъ консисторскаго архива, которую съ благодарностію здѣсь и помѣщаемъ.

В. Н.

Въ метрической книгѣ С.-Петербургскаго Исакіевскаго собора за 1837 годъ, ч. II, въ ст. 1, значится: Пребывающаго здѣсь нидерландскаго посланника, барона Геккерена, усыновленный имъ баронъ Георгъ Карлъ Геккеренъ, служащій поручикомъ въ Кавалергардскомъ ея императорскаго величества полку и принадлежащій къ римско-католическому исповѣданію, 25 лѣтъ, 10-го января 1837 года повѣнчанъ съ фрейлиною ея императорскаго величества, дѣвицею Екатериною Николаевною Гончаровою, 26 лѣтъ, оба первымъ бракомъ.

Поручителями были: по женихѣ Кавалергардскаго ея величества полка ротмистръ Бетанкуръ и виконтъ Д'Аршіакъ; по невѣстѣ оберъ-шенкъ, графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, л. гв. Гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ, Кавалергардскаго ея величества полка полковникъ Александръ Полетика и Нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ. Бракъ вѣнчалъ священникъ Николай Райковскій.

Сообщ. **В. В. Никольскій.**

Опечатка. Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., томъ XXIX (сентябрь), стр. 167, строка первая въ примѣчаніи, напечатано: „На стр. 11 опущенъ слѣдующій эпизодъ...“ Читай: „На стр. 11-й рукописи, а въ настоящей сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ на стр. 146-й, послѣ строки 16-й сверху, опущенъ слѣдующій эпизодъ....“ и т. д.

ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ

въ 1834 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 30 АПРѢЛЯ 1880 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

О СЕМЕЙНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ ВЪ XVI—XVII ВѢКАХЪ.

Представляемая на страницахъ „Русской Старины“ монографія: „Семейныя отношенія въ Югозападной Россіи въ XVI—XVII столѣтіяхъ“ составлена секретаремъ Кіевской археографической коммисіи—Орестомъ Ивановичемъ Левицкимъ, преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ Кіевскаго центральнаго архива. Г. Левицкому принадлежатъ: „Очерки исторіи Малороссіи въ XVII столѣтіи“, біографія Аѳ. Филипповича; имъ-же изданъ новый списокъ „Лѣтописи Самовидца“ съ статьею о ней и проч.

Нынѣ печатаемая статья представляетъ рефератъ, читанный въ годичномъ собраніи Кіевскаго историческаго общества, интересный относительно фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ Югозападной Россіи разводовъ и заключеніи браковъ, помимо церкви, при участіи лишь мѣстной судебной власти, съ подробностями изъ области супружескихъ отношеній. Ред.

Внутренній общественный бытъ русскаго народа до послѣдняго времени мало останавливалъ на себѣ вниманіе историковъ. Въ нашей литературѣ немного можно указать сочиненій, касающихся этой стороны прошедшей народной жизни даже въ исторіи Сѣверовосточной или Московской Руси, вообще пользующейся бо̀льшимъ вниманіемъ со стороны представителей исторической науки. Еще менѣе сдѣлано по этому предмету въ исторіи Югозападной или, какъ ее иногда называютъ, Литовской Руси. Если мы назовемъ нѣкоторые труды кіевскихъ ученыхъ (Максимовича, Иванишева, В. Антоновича, Владимірскаго-Буданова и др.), то вотъ и будетъ все, что сдѣлано въ исторической наукѣ по предмету изученія общественно-бытовой жизни Югозападной Руси Между тѣмъ предметъ этотъ представляетъ высокой важности на-

учный интересъ какъ самъ по себѣ, такъ и по своей связи со многими явленіями начальнаго періода Русской исторіи. Дѣло въ томъ, что Югозападная Русь XV—XVII вѣковъ въ своемъ общественномъ быту сохранила гораздо болѣе чертъ старой древнерусской жизни, чѣмъ ея старшая сестра Русь Сѣверовосточная, и никто не станетъ отрицать того, что, наприм., Литовскій Статутъ стоитъ въ болѣе близкой генетической связи съ Русской Правдой, нежели современный ему Судебникъ царя Іоанна IV. Съ другой стороны Югозападная Русь никогда не прерывала довольно близкихъ, непосредственныхъ сношеній и связей съ Западной Европой и потому въ ея общественный бытъ съ очень давняго времени начали проникать многія понятія и формы западно-европейской общественности. Выдѣлить и изучить оба эти элемента во всѣхъ сферахъ общественно-бытовой жизни Югозападной Руси—религіозной, чисто общественной, сословной, семейной и др., опредѣлить ихъ взаимодѣйствіе—это задача, могущая по богатству и важности результатовъ ея исполненія сторицею вознаградить положенный въ нее трудъ и талантъ. И что особенно важно—исполненіе этой задачи отнюдь не представляетъ какихъ-либо непреодолимыхъ трудностей, ибо нѣтъ другаго предмета въ области Русской исторіи, при изученіи котораго изслѣдователь располагалъ бы такимъ обиліемъ чрезвычайно цѣнныхъ матеріаловъ, какой для означенной цѣли представляютъ сохранившіяся въ громадномъ количествѣ почти на всемъ пространствѣ Югозападной Россіи актовыя книги старинныхъ ея судовъ: гродскихъ, земскихъ, подкоморскихъ, магистратскихъ, трибунальскихъ и др., по времени относящіяся къ XVI и послѣдующимъ вѣкамъ и сосредоточенныя нынѣ въ центральныхъ архивахъ: Кіевскомъ, Виленскомъ и Витебскомъ, а равно въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ. Чтобы судить о степени научной цѣнности актовыхъ матеріаловъ для исторіи Югозападной Руси вообще и преимущественно для изученія ея внутренне-бытовой жизни, для этого нужно ознакомиться съ учеными изданіями Кіевской и Виленской археографическихъ коммисій и Витебскаго архива, и хотя въ общихъ чертахъ опредѣлить ту массу весьма цѣнныхъ вкладовъ, какую внесли въ русскую историческую науку труды означенныхъ учрежденій въ короткій сравнительно періодъ ихъ существованія. Извѣстно, напр., какимъ оживленіемъ въ научно-литературныхъ

нашихъ сферахъ сопровождалось въ свое время открытіе покойнымъ Иванишевымъ, по актовымъ книгамъ Кіевскаго архива, существованія въ Югозападной Руси въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ сельскихъ общинъ и копныхъ судовъ со всѣми признаками древне-русскаго вѣчеваго строя. А нужно знать, что изъ всей подавляющей своею громадностью массы этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, по настоящее время, лишь самая относительно ничтожная часть ихъ подверглась научному разбору. Такъ изъ числа хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ свыше 6,000 актовыхъ книгъ и сверхъ того до полумилліона отдѣльныхъ документовъ, до сихъ поръ такому разбору подвергнуто не болѣе 300—400 книгъ,—и это въ архивѣ, при которомъ существуетъ старѣйшая, по времени учрежденія, археографическая коммисія. Въ Виленскомъ архивѣ, еще болѣе богатомъ по количеству книгъ, сдѣлано и того менѣе; въ хранящемся же въ Варшавѣ архивѣ бывшаго Люблинскаго трибунала почти ровно ничего не сдѣлано. Витебскій центральный архивъ, позже другихъ предпринявшій изданіе своихъ матеріаловъ, успѣлъ въ короткое время обогатить историческую науку новыми интересными данными, касающимися преимущественно общественно-бытовой жизни Западной Руси. Въ ряду этихъ данныхъ, первое по важности мѣсто должно быть, по моему мнѣнію, отведено даннымъ, относящимся къ семейному быту и брачному праву въ Западной Россіи въ XVI—XVII вв., и представляющимъ новыя, крайне интересныя свѣдѣнія о формѣ заключенія браковъ того времени, о правахъ и обязанностяхъ супруговъ, и особенно о формахъ и условіяхъ расторженія браковъ или о разводахъ. Свѣдѣнія эти сгруппированы проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его отчетѣ о послѣднихъ изданіяхъ Витебскаго архива, помѣщенномъ въ 4 № „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій" за 1878 годъ. Интересная замѣтка г. Владимірскаго-Буданова навела меня на мысль собрать изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго архива относящіеся къ тому же предмету матеріалы, которые своей новизной и раньше останавливали мое вниманіе. То, что̀ я успѣлъ собрать доселѣ, составляетъ, конечно, лишь небольшую часть того, что можно бы при болѣе продолжительныхъ поискахъ найти здѣсь; но и собранные мною матеріалы даютъ возможность, хотя въ главныхъ чертахъ, уяснить особенности семейнаго быта въ Югозападной Руси въ XVI—XVII вв.,

что̀ и составляетъ предметъ настоящей статьи. Замѣчу при этомъ, что собранные мною матеріалы рисуютъ преимущественно семейныя отношенія, существовавшія въ быту высшаго, шляхетскаго сословія въ Югозападной Руси, хотя, впрочемъ, отношенія эти оказываются совершенно аналогичными съ тѣми, какія изображаются въ документахъ Витебскаго архива, касающихся быта мѣщанскаго.

Говоря о семейномъ бытѣ въ извѣстномъ обществѣ, нельзя обойти вопроса о положеніи женщины въ этомъ обществѣ, такъ какъ оба эти явленія, несомнѣнно, находятся въ ближайшей причинной связи, причемъ первое, какъ мнѣ кажется, всегда обусловливается послѣднимъ. Южнорусская женщина въ прошлые вѣка вообще, а въ XVI—XVII вв. въ особенности, пользовалась широкой личной и имущественной независимостью, почти не уступая въ полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ мущинѣ. За исключеніемъ права занимать общественныя должности, единственное ограниченіе правъ женщины встрѣчается въ тогдашнемъ законоположеніи о наслѣдствѣ: по Литовскому статуту, дочери при живыхъ братьяхъ могли наслѣдовать только четвертую часть отцевской собственности; но и это ограниченіе болѣе всего обусловливалось, какъ кажется, требованіями тогдашняго феодальнаго строя Литовскаго государства, въ которомъ владѣніе земельной собственностью всегда было сопряжено съ обязанностью военной службы. Весьма замѣчательно, что даже въ дѣлѣ образованія, какое давалось дѣтямъ тогдашней шляхты, дочери не были устраняемы отъ пользованія имъ наравнѣ съ сыновьями; по крайней мѣрѣ грамотность, которая въ этомъ сословіи была тогда широко распространена, считалась одинаково необходимой для женщины, какъ и для мущины. Объ этомъ свидѣтельствуетъ огромное количество сохранившихся въ актовыхъ книгахъ разнаго рода записей, въ которыхъ непремѣнно упоминается о собственноручной подписи лицъ, выдающихъ запись, и въ которыхъ такъ же рѣдко можно встрѣтить „писать неумѣючую“ земянку, какъ и неграмотнаго земянина. Затѣмъ, при заключеніи браковъ, добрая воля и согласіе невѣсты считались такимъ же существенно необходимымъ условіемъ, какъ и свободный выборъ жениха. Несоблюденіе этого требованія, вѣроятно, влекло за собой впослѣдствіи весьма серьез-

ныя затрудненія, если родители, при выдачѣ замужъ дочерей, нерѣдко требовали, чтобы онѣ формально, передъ судомъ, заявляли о своемъ согласіи на вступленіе въ бракъ съ извѣстнымъ лицемъ. Такъ, въ 1564 году, земянинъ Янъ Якубовичъ Монтовтъ, явившись въ гродъ Луцкій, заявилъ, что „з ласки и призреня Божого“, онъ „змовилъ“ дочь свою Ганну „в малженство“ (въ супружество) за князя Василія Солтановича Сокольскаго, и при этомъ потребовалъ, чтобы послѣдняя въ присутствіи суда подтвердила, что она выбрала себѣ въ женихи названное лице и кромѣ него никому другому не обѣщала своей руки. И „стоечи передъ урядомъ“, невѣста заявила: „ижъ дей я никгды (никогда) ни за кого в малженство пойти не пошлюбовала (обѣщала), а ни ся ни за кого не отдавала, одно ж тепер то собе вмыслила и позволяю с правого умыслу сердца моего мети собе за малжонка (супруга) его милость князя Василія Солтановича Сокольскаго, с которымъ и животъ свой хочу доконати (окончить), якож есми и передъ Паномъ Богомъ то его милости пошлюбовала его за малжонка собе мети“. Правда, что по Литовскому статуту требовалось, чтобы выборъ невѣсты не находился въ противорѣчіи съ волей ея родителей, въ противномъ случаѣ она лишалась права на приданное; и дѣйствительно, въ записяхъ, какія часто и по разнымъ случаямъ жены выдавали своимъ мужьямъ, непремѣнно упоминалось, что выдавшая „пошла въ малженство за позволенемъ, радою (совѣтомъ) и ведомостю“ своихъ родителей. Но съ другой стороны, тоже родительское согласіе въ такой же мѣрѣ нужно было и для жениха при вступленіи въ бракъ, и въ вѣновныхъ записяхъ, какія обыкновенно мужья выдавали своимъ женамъ, также неизмѣнно повторяется упоминаніе о томъ, что бракъ совершенъ „за волею и порадою“ родителей мужа и „за ведомостю“ его пріятелей.

Выходя замужъ, женщина вносила въ домъ своего мужа извѣстное приданное или посагъ, состоявшій обыкновенно на половину въ деньгахъ, а на половину въ разнаго рода движимомъ имуществѣ: въ драгоцѣнныхъ предметахъ—золотѣ, серебрѣ, перлахъ (жемчугъ), клейнотахъ, серебряной, мѣдной и оловянной посудѣ, одеждахъ, лошадяхъ, экипажахъ, челяди невольной и проч. Цѣнность „посага“, конечно, зависѣла отъ состоянія родителей невѣсты, причемъ по закону на снаряженіе дочерей приданнымъ

могла быть употреблена четвертая часть всего отцевскаго достоянія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дочь не имѣла братьевъ, или когда у ея матери были свои имѣнія, она могла приносить мужу и недвижимую собственность. По сохранившемуся съ глубокой древности обычаю, узаконенному впослѣдствіи и Литовскимъ статутомъ, женихъ передъ свадьбой выдавалъ своей невѣстѣ такъ называемую вѣновную запись, въ которой записывалъ ей третью часть своего недвижимаго имущества въ обезпеченіе полученнаго за ней приданнаго, при чемъ послѣднее всегда оцѣнивалось въ двойномъ количествѣ. [1]) Съ этого времени женщина въ имущественномъ отношеніи становилась въ совершенно независимое и достаточно обезпеченное положеніе. Она имѣла право совершенно свободно распоряжаться своимъ вѣномъ какъ при жизни мужа, такъ равно и по его смерти, до тѣхъ поръ пока его наслѣдники не уплачивали ей всей суммы, означенной въ вѣновной записи. Замѣчу кстати, что, благодаря этому, сколько-нибудь молодыя вдовы считались въ то время самыми интересными невѣстами, такъ что изъ-за обладанія рукой такой женщины между женихами-соперниками нерѣдко происходили настоящія кровопролитныя войны, оканчивавшіяся обыкновенно гибелью одного изъ нихъ. Хотя, по смыслу статута, мужъ считался якобы опекуномъ своей жены, но въ дѣйствительности мы видимъ, что послѣдняя всегда пользовалась такою же независимостью въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и ея мужъ. Она самостоятельно управляла своимъ вѣномъ, и если сверхъ того имѣла наслѣдственныя или благопріобрѣтенныя имѣ-

---

[1]) Обычай выдачи женихомъ вѣна, какъ извѣстно, существовалъ на Руси съ самыхъ давнихъ временъ. Такъ въ Ипатск. лѣтоп. подъ 988 годомъ въ разсказѣ о бракѣ Владиміра съ греческой царевной, читаемъ: „Вдасть же (Владиміръ) за вѣно Корсунь грѣкомъ царицѣ дѣля"; и въ другомъ мѣстѣ подъ 1043 годомъ: „Вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казиміръ за вѣно людий 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава". Но любопытно, что этотъ обычай съ теченіемъ времени существенно измѣнилъ свой первоначальный характеръ: во дни Владиміра и Ярослава вѣно имѣло значеніе выкупа за невѣсту и потому оно выдавалось женихомъ не ей самой, а ея роднымъ, впослѣдствіи же оно пріобрѣло болѣе разумный характеръ—обезпеченія женщины по выходѣ ея замужъ и передавалось въ ея личное распоряженіе. Съ такимъ характеромъ обычай вѣна былъ узаконенъ уже Вислицкимъ статутомъ кор. Казиміра III въ 1347 г. и просуществовалъ въ Южной Россіи до отмѣны въ ней дѣйствія статута Литовскаго.

О. Л.

нія, то имѣла право ихъ дарить, продавать и закладывать; самостоятельно, отъ одного своего имени, вела судебные иски и процессы, лично являлась въ суды, или если и поручала иногда подобныя дѣла своему мужу, то по закону должна была выдавать ему при этомъ формальную довѣренность, какъ всякому другому повѣренному. Принимая фамилію мужа, она удерживала вмѣстѣ съ тѣмъ и свое прежнее фамильное имя, и можно указать множество актовъ, въ которыхъ замужнія женщины подписывались однимъ урожденнымъ прозвищемъ. Жена имѣла даже свою отдѣльную печать, на которой были вырѣзаны ея имя и гербъ и которую она прикладывала къ выдаваемымъ ею разнаго рода записямъ и другимъ документамъ.

Благодаря столь полной свободѣ и независимости своего положенія, южнорусская женщина играла вполнѣ активную роль въ тогдашней общественной жизни, являясь представительницей въ одинаковой мѣрѣ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ ея сторонъ. Такъ, съ одной стороны можно назвать немало достойнѣйшихъ женщинъ того времени, которыя дѣятельно подвизались на пользу церкви, просвѣщенія и благотворительности, записывались въ члены церковныхъ братствъ, основывали монастыри, школы, богадѣльни и т. под. Представительницами этого типа могутъ служить, напр., Елена Горностаевая, урожденная княжна Чорторыйская, фундаторка Пересопницкаго монастыря, сама составившая для него прекрасный общежительный уставъ и устроившая при немъ „шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтей"; извѣстная въ исторіи Кіевобратской школы и монастыря земянка Галшка Гулевичъ; основательница Почаевскаго монастыря Ганна Гойская и многія другія. Съ другой стороны можно назвать цѣлый рядъ женщинъ того времени, которыя, подобно своимъ мужьямъ и братьямъ, всю жизнь проводили въ безпрестанныхъ наѣздахъ на сосѣдскія имѣнія, открытыхъ разбояхъ и грабежахъ, лично предводительствуя многочисленными отрядами изъ своихъ крестьянъ и слугъ, вооруженными пушками и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, штурмомъ брали укрѣпленные замки, сами иногда выдерживали осаду, съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялись распоряженіямъ правительства и даже иногда силой отражали посылаемыя противъ нихъ по приказу короля повѣтовыя ополченія, а въ промежутки между этого рода военными занятіями ѣздили по

судамъ и вели нескончаемые иски и тяжбы. Таковы были: въ XVI в.—Анна Юрьевна Кирдеева-Мыльская, урожденная княжна Дубровицкая, Ганна Борзобогатая-Красенская, урожд. княжна Сокольская и мн. др., а въ XVII в.—княгиня Вороновицкая, княгиня Ганна Ивановна Острожская (жена кн. Александра Константиновича, воеводы Виленскаго) и въ особенности извѣстная своей воинственностью княгиня Софья Ружинская, которая однажды, лично предводительствуя отрядомъ въ 6,000 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, со знаменами и музыкой, взяла приступомъ замокъ князей Корецкихъ въ м. Черемошнѣ, при чемъ было перебито множество жителей мѣстечка и разграблено ихъ имущество.

Весьма естественно, что устраиваемые на указанныхъ началахъ свободы и обоюдной равноправности мужа и жены браки въ южной Руси отличались въ большинствѣ случаевъ прочностью и постоянствомъ взаимной привязанности супруговъ и сопровождались мирной и вполнѣ согласной ихъ жизнью. Можно бы привести множество доказательствъ въ пользу существованія этихъ прекрасныхъ качествъ тогдашнихъ семейныхъ отношеній. Такъ, несмотря на то, что люди того вѣка вообще не умѣли сдерживать своихъ дурныхъ наклонностей и судебныя книги того времени переполнены безчисленными свидѣтельствами о самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ въ тогдашнемъ обществѣ, тѣмъ не менѣе акты, свидѣтельствующіе о дурныхъ отношеніяхъ между супругами, о случаяхъ нарушенія ими своего долга, а тѣмъ болѣе о явныхъ между ними ссорахъ, тиранствѣ, насиліи и убійствахъ, встрѣчаются въ видѣ весьма рѣдкихъ исключеній; даже болѣе обыкновенныя тяжбы между супругами по дѣламъ такъ называемаго гражданскаго характера почти не встрѣчаются, несмотря на столь развитую въ то время всеобщую страсть къ позвамъ. Доселѣ болѣе извѣстенъ одинъ лишь процессъ этого рода между знаменитымъ московскимъ выходцемъ княземъ Андреемъ Курбскимъ и его женой, по жалобѣ послѣдней о жестокомъ обращеніи съ нею мужа, побояхъ и заключеніи ея въ тюрьму, присвоеніи ея имущества и проч.; но и онъ свидѣтельствуетъ скорѣе о столкновеніи пришлыхъ понятій и взглядовъ на семейныя отношенія съ туземными. За то въ актовыхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаются положительныя указанія, свидѣтельствующія о наилучшихъ взаимныхъ отношеніяхъ между тогдашними супругами.

Болѣе всего такихъ указаній нужно искать въ духовныхъ завѣщаніяхъ, а равно въ многочисленныхъ дарственныхъ и такъ называемыхъ „доживотныхъ“ записяхъ, какія тогда весьма часто мужъ и жена выдавали другъ другу. Въ актахъ подобнаго рода мужъ, записывая, напримѣръ, своей женѣ въ полную собственность все нажитое ими движимое и недвижимое имущество, или же представляя ей право пожизненнаго („до живота“) пользованія его родовыми имѣніями, отчужденіе коихъ было воспрещено закономъ, объяснялъ внутреннія побужденія своего поступка такъ: „познавши доброе а почтивое и вѣрное захование малжонки до себе и хотячи ей за таковую добротливую милость (любовь) и зычливость (доброжелательство) а повольность (расположенность) еи нагородити слушне и во всемъ отъ приятель а кревныхъ и дѣтей нашихъ упрезпечити, штобы ей, малжонце моей милой, по животе моемъ якои трудности не чинили“ и проч. За такой подарокъ жена обыкновенно отплачивала тѣмъ, что въ свою очередь записывала мужу въ пожизненное пользованіе свои наслѣдственныя имѣнія и въ своей записи мотивировала этотъ даръ такъ: „ижъ я, верне а правдиве умиловавши (полюбивъ) малжонка моего милого, а дознавши ку собе ласку, милость а доброе, почтивое и милое захование его, ижъ онъ мене, малжонку свою, верне милуючи, въ кождыхъ пригодахъ моихъ не опускалъ, одно во всемъ ласкове а добротливе, яко на верного а доброго малжонка належитъ, показовалъ, и хотячи тежъ я за милость и добродейство его свою хуть и милость сердечную противко его показати, а хотячи еще собе у его милости склоннейшую ласку а приязнь бòльшую позыскати, даю, дарую и симъ листомъ записую“ то-то и то-то. Подобныя стремленія выразить путемъ дара признательность другому за постоянную „ласку, милость и доброе захование“, а еще болѣе, конечно, желаніе на случай своей смерти обезпечить независимое и безбѣдное положеніе остающагося члена были столь сильны между большинствомъ тогдашнихъ супруговъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эти стремленія встрѣчали препятствіе въ требованіяхъ закона (напримѣръ, когда супруги владѣли лишь родовыми помѣстьями, коихъ по закону не имѣли права отчуждать другъ другу), — они обходили эти препятствія, прибѣгая чаще всего къ такого рода фиктивной сдѣлкѣ: мужъ выдавалъ женѣ долговую запись и обезпечивалъ мнимый

долгъ своими имѣніями, предоставляя женѣ пользоваться ими до тѣхъ поръ, пока наслѣдники, хотя бы то были родныя дѣти, не уплачивали ей сполна записанной суммы. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ мужъ прямо нарушалъ интересы дѣтей, руководясь, конечно, тѣмъ соображеніемъ, что дѣти скорѣе могутъ обижать мать, чѣмъ наоборотъ.

Для характеристики тогдашнихъ семейныхъ отношеній укажу еще одну любопытную черту, и донынѣ сохранившуюся въ нравахъ южнорусскаго крестьянства. Всякое сколько-нибудь важное дѣло предпринималось мужемъ не иначе, какъ предварительно посовѣтовавшись съ женой. Даже въ дѣлахъ, касавшихся распоряженія своимъ личнымъ добромъ, мужъ не считалъ возможнымъ обойтись безъ совѣта и одобренія своей жены; такъ, во многихъ запродажныхъ записяхъ, совершаемыхъ отъ лица мужа и касающихся его личной собственности, встрѣчается упоминаніе, что продающій дѣйствуетъ съ согласія и совѣта жены: „порадившися з малжонкою своею милою“.

Такія прекрасныя семейныя отношенія можно объяснить лишь тѣмъ, что, какъ я упомянулъ выше, бракъ въ тогдашней южной Руси былъ основанъ на разумныхъ началахъ: а) свободѣ выбора для обѣихъ сторонъ и отсутствіи принужденія со стороны родительской власти и б) равноправности обоихъ супруговъ. Но и при всемъ томъ возможны были случаи, когда лица, вступившія въ бракъ, по несходству ли характеровъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, оказывались рѣшительно неспособными къ сколько-нибудь согласной совмѣстной жизни. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ женщина считается низшимъ, безправнымъ существомъ, тамъ подобные браки приводятъ лишь къ тому, что болѣе сильный членъ, т. е. мужъ, на вѣки связанный съ женщиной, къ которой онъ не чувствуетъ никакой привязанности, въ короткое время порабощаетъ ее, низводитъ въ положеніе безотвѣтной рабы, покорной исполнительницы одной лишь его воли, послѣдняя же волей-неволей мирится съ своей тяжкой долей, отрекается отъ всѣхъ правъ человѣческой личности и безусловно подчиняетъ себя волѣ своего повелителя, при чемъ въ концѣ концевъ между ними устанавливается такой или иной modus vivendi, сохраняющій хотя съ внѣшней стороны нѣкоторое подобіе семейнаго союза. Но въ обществахъ, гдѣ женщина находится въ иномъ положеніи, тамъ

подобный исходъ при данныхъ условіяхъ немыслимъ: неразрывный союзъ двухъ равноправныхъ, но взаимно не симпатичныхъ другъ другу лицъ неизбѣжно будетъ приводить къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, что общество рано или поздно вынуждено будетъ, если не вполнѣ отказаться отъ освященнаго религіей и въ существѣ своемъ необыкновенно возвышеннаго принципа неразрывности брачнаго союза, то по крайней мѣрѣ допустить извѣстнаго рода компромиссъ между его велѣніями и неумолимыми требованіями дѣйствительной жизни, т. е. въ данномъ случаѣ облегчить возможность разводовъ. Нѣчто подобное этому случилось и въ исторіи югозападной Руси, гдѣ въ половинѣ XVI вѣка мы находимъ вполнѣ сохранившуюся практику брачныхъ разводовъ, во многомъ рѣшительно несогласную съ каноническими постановленіями, принимаемыми, и дѣйствовавшимъ тогда государственнымъ кодексомъ, и однако признаваемую мѣстными управленіями не только свѣтскими, но, какъ увидимъ ниже, даже духовными. Въ этой бракоразводной практикѣ нельзя не видѣть отголоска древнерусскаго народнаго воззрѣнія на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій, всецѣло основанный на свободномъ соглашеніи или договорѣ вступающихъ въ него лицъ. Какъ заключеніе, такъ равно и расторженіе такого гражданскаго союза издревле нормировалось извѣстными народными обычаями, и нужно было пройти многимъ вѣкамъ, прежде чѣмъ понятіе о безусловной необходимости церковнаго освященія брака окончательно проникло въ сознаніе южнорусскаго народа [1]. Въ XVI в. это созна-

---

[1]) Какъ смотрѣли въ южнорусскомъ обществѣ на церковное вѣнчанье даже въ XVIII вѣкѣ, объ этомъ можно составить нѣкоторое понятіе по слѣдующему курьезному случаю, происшедшему въ 1722 году. Подъ этимъ годомъ въ одной актовой книгѣ кіевскаго центральнаго архива встрѣчается жалоба нѣкоего шляхтича Василія Выговскаго о томъ, что паны Вербицкіе, повѣнчавъ съ нимъ свою дочь и назначивъ срокъ для „акту веселного“ (свадьбы), неожиданно выдали ее замужъ за другаго. Выговскій собственно претендуетъ только за „шкоды и дизгоноръ“ (убытки и безчестье). Отголоски того же воззрѣнія на церковный бракъ и до сихъ поръ сохранились въ быту малороссійскаго народа: и нынѣ по обычаямъ народнымъ не церковное вѣнчанье устанавливаетъ моментъ дѣйствительнаго супружескаго сожительства, а „весилье“ (свадьба). Между вѣнчаньемъ и свадьбой можетъ пройти значительный промежутокъ времени, въ теченіе коего молодые не могутъ жить вмѣстѣ и пользоваться правами супруговъ. О. Л.

ніе далеко еще не сдѣлалось общимъ въ южной Руси, и тамошнее духовенство долго еще, почти до конца XVII вѣка, продолжало жаловаться, что „многіе люди Русь незаконне мешкаютъ: жены поймуючи не венчаются, а урядники за таковыхъ стоятъ“ [1]). Точно также и въ вопросѣ о расторженіи браковъ церковныя идеи были тогда еще очень далеки отъ преобладанія надъ исконными воззрѣніями мѣстнаго обычнаго права, господство коего въ то время было еще столь сильно, что оно могло парализовать несходныя съ нимъ каноническія постановленія, подобно тому, какъ подъ его вліяніемъ терпѣли постоянное видоизмѣненіе дѣйствовавшіе тогда кодексы — магдебургское право и литовскій статутъ.

Всѣ частныя подробности тогдашней бракоразводной практики, а также форма совершенія разводовъ и поводы къ нимъ яснѣе всего будутъ видны въ живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ тогдашней жизни, къ которымъ я и перехожу. Самый ранній по времени и наиболѣе характерный по содержанію разводный актъ найденъ въ одной изъ самыхъ древнихъ книгъ Кіевскаго архива, именно въ Луцкой замковой книгѣ 1564 года. Седержаніе его слѣдующее: 7-го іюля этого года явилась въ Луцкій замковый урядъ земянка Марья Ивановна Борзобогатая-Красенская, дочь извѣстнаго Ивана Яцковича Борзобогатаго, впослѣдствіи епископа Луцкаго, а тогда нареченнаго владыки владимірскаго,—и предъявила для внесенія въ книги слѣдующаго рода запись, подтвердивъ ее на судѣ и устнымъ заявленіемъ: „Я, Марья Борзобогатовна-Красенская, объявляю этимъ листомъ, что, по волѣ Божьей и дару его св. милости, я вступила было въ бракъ съ паномъ Яцкомъ Стецковичемъ Добрылчицкимъ, съ которымъ живя въ супружествѣ не малое время, и дѣтей отъ Бога сотворителя намъ данныхъ имѣемъ. Но вотъ уже почти два года, какъ, съ гнѣва и допущенья Божьего, между нами завелись великія розницы и раздоры. Видя перемѣну въ расположеніи ко мнѣ моего мужа и замѣчая въ немъ „мысль отменную и хуть ко мне, жонѣ своей, не такую, яко есть обычай доброму малжонку противу малжонки своей показовать“, я пришла къ убѣжденію, что съ этого времени

---

[1]) Жалоба королю Сигизмунду I кіевскаго митрополита Іосифа въ 1509 г. „Акты Зап. Россіи“, т. II, стр. 63. О. Л.

и впредь добраго житья между нами уже не будетъ. Поэтому, не желая бо́льшую распрю и розницы между нами множить, я не по чьему либо принужденію, а совершенно добровольно объявляю, что съ этого времени и на „потомные часы“ вольнымъ чиню моего мужа пана Яцка отъ супружества, въ коемъ мы съ нимъ доселѣ находились: я отъ него свободна, а онъ отъ меня. И такъ какъ Богу угодно было за грѣхи наши допустить разорвать супружескій союзъ, то я, поручивъ все волѣ Божьей, позволяю пану Яцку жениться на комъ онъ захочетъ, а мнѣ тоже вольно выйти за кого хочу замужъ. А что касается нашихъ дѣтей, то при мнѣ остаются дочери Магдалина и Настасья, а при панѣ Яцку сыновья Иванъ и Якимъ. Каждый изъ насъ обязывается до конца жизни своей заботиться, какъ того требуетъ христіанскій законъ, о дѣтяхъ нашихъ и прилагать о нихъ все стараніе, какое свойственно честнымъ родителямъ въ отношеніи своихъ дѣтей. Сверхъ того мы обязываемся ни въ чемъ не нарушать условій настоящаго нашего „ростаня“ и обоюднаго постановленія, подъ зарукой на короля въ 500 копъ грошей и противной сторонѣ тоже въ 500 копъ грошей, по уплатѣ которыхъ настоящее постановленіе по прежнему должно навсегда оставаться въ полной силѣ. А при томъ были и это дѣло хорошо знаютъ панъ Андрей Русинъ, подстароста луцкій, и панъ Михайло Коритенскій, которые по моей просьбѣ къ настоящему листу печати свои приложили и рукой своей подписались. И я тоже къ сему листу печать свою приложила и своеручно подписалась.“ — Точно такого же содержанія запись выдалъ своей женѣ и панъ Яцко Добрылчицкій, о дальнѣйшей судьбѣ котораго нѣтъ свѣдѣній; что же касается Марьи Борзобогатовны, то спустя короткое время она вышла замужъ за Александра Жоравницкаго, бывшаго впослѣдствіи старостой луцкимъ.

Изъ приведенной записи, могущей служить наиболѣе полнымъ образцемъ подобнаго рода документовъ, можно извлечь слѣдующія общія положенія: а) главнымъ и существеннымъ условіемъ развода признается обоюдное согласіе супруговъ; б) несогласная жизнь супруговъ считается, въ противность каноническимъ постановленіямъ, вполнѣ достаточной причиной для расторженія брака, причемъ весьма характерно, какъ это замѣчается во всѣхъ почти подобныхъ случаяхъ, что ни одинъ изъ супруговъ, не

объявляя другаго виновникомъ семейнаго раздора, не выставляетъ себя жертвой, а потому здѣсь нельзя предполагать жестокаго обращенія одного члена съ другимъ; в) разводъ, въ противность церковнымъ и даже тогдашнимъ гражданскимъ законамъ, могъ совершаться безъ всякаго участія духовной власти; для этого было достаточно, чтобы супруги, въ присутствіи свидѣтелей, выдали другъ другу такъ называемые „роспустные листы“ и затѣмъ лично заявили ихъ передъ судебной властью; г) обѣ стороны предоставляли другъ другу, опять таки въ противность канонамъ, право вступить въ новые браки съ другими лицами; и д) въ случаѣ присутствія дѣтей, послѣднія были распредѣляемы между отцемъ и матерью по взаимному ихъ соглашенію.

Но вотъ мы имѣемъ другой весьма интересный бракоразводный случай, гдѣ разводъ совершается въ гродскомъ судѣ посредствомъ одного лишь устнаго заявленія разводящихся и въ присутствіи третьяго лица, которому мужъ формально переуступаетъ свои супружескія права въ отношеніи къ своей прежней женѣ и притомъ подъ особыми оригинальными условіями. Въ февралѣ 1581 года явились въ гродскій владимірскій судъ нѣкто Янушъ Бенедиктовичъ Глинскій, его жена Катерина и какой-то Иванъ Щаурскій. Глинскій заявилъ: „Вашей милости, пане подстаросто, извѣстно, что недавно, съ помощію отряженныхъ вами слугъ, я нашелъ здѣсь во Владимірѣ бѣжавшую отъ меня мою жену Катерину Криковну и привелъ ее къ вашей милости для заключенія ея подъ арестъ. Въ то время моя жена отказывалась признавать меня своимъ мужемъ и называла таковымъ другаго, именно Ивана Щаурскаго; но впослѣдствіи, одумавшись и „взявши Бога въ сердце“, признала себя моей женой и чрезъ посредство своихъ и моихъ пріятелей стала упрашивать меня, чтобы я, простивъ ей прежніе проступки, освободилъ ее отъ супружества со мной. Снисходя просьбѣ пріятелей и, главное, видя, что она настоящей любви супружеской и „щирого сердца“ ко мнѣ не имѣетъ, я освобождаю ее нынѣ предъ вашей милостью на вѣчныя времена отъ „стану светого малженского“ со мной и впредь отказываюсь имѣть къ ней какое либо дѣло. Вольна она съ тѣмъ мужемъ своимъ, котораго теперь имѣетъ, Иваномъ Щаурскимъ, какъ съ настоящимъ вѣнчаннымъ мужемъ жить въ супружествѣ до тѣхъ поръ, пока на это будетъ воля Божья. А еслибы тотъ

мужъ ея Щаурскій раньше ея умеръ, тогда она будетъ имѣть право снова замужъ пойти, но только непремѣнно „за нашу нацыю“, за человѣка греческаго, римскаго, или другаго христіанскаго закона“. Присутствовавшая здѣсь же въ въ судѣ Катерина Щаурская (въ актѣ она называется уже этимъ именемъ), съ своей стороны, лично изъявила согласіе на все вышезаявленное, прибавивъ, что она въ свою очередь бывшаго своего мужа Януша Глинскаго на вѣчныя времена освобождаетъ отъ супружества съ ней и предоставляетъ ему право жениться на другой, обѣщая ему въ томъ никакого затрудненія „и шкоды“ не чинить, подъ закладомъ въ 200 копъ грошей ему и такой же суммы на короля. „А еслибы я, присовокупила она, настоящаго постановленія не исполнила и, оставшись вдовой по смерти мужа моего Щаурскаго, пошла замужъ „за нацыю народу цыганскаго“, то не иначе, какъ только смертью имѣю быть за то карана“. Наконецъ выступилъ передъ урядомъ и самъ Иванъ Щаурскій и заявилъ, что отнынѣ онъ даетъ обѣщаніе не причинять никакихъ безпокойствъ Янушу Глинскому, его братьямъ и пріятелямъ, а равно его слугамъ и подданнымъ, а тѣмъ болѣе не посягать на его жизнь и здоровье, подъ такою же зарукой въ 200 копъ грошей; а Янушъ Глинскій съ своей стороны далъ такое же обѣщаніе Щаурскому.

Въ этомъ актѣ, помимо оригинальности самой формы расторженія брака, весьма замѣчательно то обстоятельство, что незаконная связь Катерины съ Щаурскимъ, за которую она, по требованію мужа, была посажена въ заключеніе и даже могла быть, по силѣ Литовскаго статута, казнена смертью,—эта связь признается уже законнымъ бракомъ съ того момента, какъ только прежній мужъ согласился признать за ней этотъ характеръ и освободилъ свою бывшую жену отъ прежняго супружества. О необходимости церковнаго вѣнчанья для новаго супружескаго союза нѣтъ и рѣчи. Глинскій формально переуступаетъ Щаурскому супружескія права и этотъ послѣдній съ этого момента въ глазахъ самаго суда становится настоящимъ, какъ бы вѣнчаннымъ мужемъ Катерины. Этотъ фактъ подтверждаетъ высказанное нами раньше замѣчаніе о томъ, что церковное вѣнчанье не составляло въ то время необходимой принадлежности заключенія брака, такъ что отсутствіе его нисколько не вліяло на законность

супружескаго союза. Подкрѣпленіе этому положенію можно найти и въ Витебскихъ бракоразводныхъ документахъ.

Слѣдующій актъ заключаетъ указаніе на новую любопытную подробность относительно того: кому принадлежало право принимать заявленія о расторженіи брака. У пана Яна Лагодовскаго былъ „рукодайный" (т. е. поступившій на службу по личному договору) слуга нѣкто Надъ Янушъ, венгринъ, женатый на дочери боярина Лагодовскаго Аннѣ Едановской. Въ іюнѣ 1609 года оба супруга явились къ своему пану, пригласивъ съ собою „людей добрыхъ"—свидѣтелей и вознаго отъ уряда гродскаго. Здѣсь, предъ лицемъ пана Лагодовскаго, Надъ Янушъ заявилъ, что такъ какъ жена его противъ воли была выдана за него замужъ, вслѣдствіе чего между ними нѣтъ любви и согласія, то поэтому онъ на всегда освобождаетъ ее отъ супружества, обязуясь не имѣть къ ней впредь никакого дѣла и соглашаясь быть даже казненнымъ смертью за нарушеніе этого обязательства. Къ этому Надъ Янушъ прибавилъ, что онъ получилъ отъ своей бывшей жены и тестя сполна удовлетвореніе за понесенные имъ по случаю брака „шкоды" и убытки. Жена Януша съ своей стороны заявила, что она также освобождаетъ его отъ супружества, послѣ чего разведенные супруги выдали другъ другу „роспустные листы", удостовѣренные подписью присутствовавшихъ свидѣтелей, и вручили ихъ возному съ просьбой о внесеніи ихъ „для вѣчной памяти" въ гродскія книги. Достойно замѣчанія, что въ числѣ подписавшихся свидѣтелей этого развода было три священника изъ окрестныхъ селъ.

Въ приведенныхъ до селѣ примѣрахъ поводомъ къ разводу служитъ несогласная жизнь супруговъ. Дѣйствительно, это былъ въ то время самый обыкновенный мотивъ для расторженія браковъ. Но встрѣчаются, хотя и рѣдко, случаи, что разводъ совершался и по другимъ причинамъ, напримѣръ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни одного изъ супруговъ. Въ февралѣ 1594 года земянка Ѳедора Головинская, по первому браку Черевчіевая, предъявила въ гродскомъ Луцкомъ судѣ слѣдующаго содержанія запись: „Нѣсколько лѣтъ назадъ я, по волѣ Божьей, вступила въ бракъ съ паномъ Яномъ Валицкимъ. Но такъ какъ въ скорости Богу угодно было посѣтить меня тяжкой болѣзнью, то я неоднократно

просила моего мужа, чтобы онъ навсегда освободилъ меня отъ супружескаго союза съ нимъ. И панъ Валицкій, уступая моей просьбѣ и видя, что между нами уже не можетъ быть надлежащихъ супружескихъ отношеній, выдалъ мнѣ листъ, которымъ навсегда учинилъ меня вольной отъ супружества съ нимъ. Съ своей стороны и я настоящимъ листомъ на вѣчные часы освобождаю пана Валицкаго отъ брачнаго союза со мной и позволяю ему жениться на другой, о чемъ я лично заявила и передъ судомъ духовнымъ. А еслибы я, въ нарушеніе настоящаго нашего постановленія, стала чинить какія либо затрудненія пану Валицкому, то должна буду заплатить заруку въ 1,000 копъ грошей и всѣ „шкоды и наклады". Сверхъ того, помня расположенность ко мнѣ пана Валицкаго, его усердныя заботы о возстановленіи моего здоровья и понесенныя имъ при этомъ расходы, я выдала ему 442 копы грошей и возвратила все лично принадлежащее ему имущество". Такого же точно содержанія разводный листъ выдалъ своей „бывшей" женѣ и панъ Валицкій. Это пока первый случай, что въ разводномъ листѣ есть упоминаніе о „духовномъ урядѣ", хотя участіе, принимаемое послѣднимъ въ расторженіи брака, чисто пассивное: разводъ совершенъ отнюдь не по опредѣленію духовнаго суда,—супруги Валицкіе упоминаютъ о томъ, что они, „ставши очевисто въ судѣ духовномъ", и именно въ „парахвіи" (приходѣ) жены, сдѣлали лишь заявленіе о томъ, что они даютъ разводъ другъ другу. О санкціи духовнаго суда не упоминается. Слѣдовательно, послѣдній исполнилъ въ этомъ случаѣ ту же роль, что въ приведенныхъ выше примѣрахъ замковый и гродскій суды и даже доминіальный судъ помѣщика, т. е. онъ принималъ лишь заявленіе о разводѣ; главнымъ же факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака и въ послѣднемъ случаѣ является все та же обоюдная воля супруговъ. Безъ нея никакія каноническія причины, даже перемѣна религіи однимъ изъ супруговъ, безсильны были сами по себѣ уничтожить брачный союзъ. Такъ, въ 1589 году слуга князя Константина Острожскаго, какой-то Константинъ изъ Превойска, предъявилъ въ гродскомъ Владимірскомъ судѣ такого рода запись: „З доброе воли моее я до закону або веры хрестиянское приступилъ (до того времени онъ былъ евреемъ), а жона моя Тиля Юсковна, не хотечи зо мною в вере

хрестиянской мешкати, просила мене, абымъ я з стану малженского ее выпустилъ. А такъ я, за певнымъ постановенемъ, тую жону мою з стану малженского доброволне вызволяю и вже есми вызволилъ, и отъ сего часу до нее самое жадного дела мети не маю". Этотъ любопытный документъ какъ будто даетъ основаніе заключить о новой интересной чертѣ воззрѣній тогдашняго общества на бракъ: именно, что святость и неразрывность брачнаго союза присущи самой природѣ этого союза, не зависимо отъ освящающей его религіозной доктрины; иначе остается не понятнымъ, какая была нужда слугѣ князя Острожскаго прибѣгать къ обычнымъ формамъ развода для расторженія такого брака, который былъ заключенъ по обрядамъ другой, чуждой для него, какъ христіанина, религіи.

Изъ опасенія наскучить читателю мелкими подробностями, я ограничусь приведенными примѣрами, которые, какъ мнѣ кажется, даютъ возможность составить общее понятіе объ основныхъ чертахъ тогдашней бракоразводной практики въ Югозападной Руси. Несомнѣнно, что практика эта и со стороны формы совершенія разводовъ, и со стороны поводовъ къ нимъ, рѣзко противорѣчила какъ постановленіямъ каноническимъ, такъ равно и дѣйствовавшему въ то время государственному праву, по смыслу котораго расторженіе браковъ было отнесено въ область спеціальной юрисдикціи суда духовнаго. Мы видѣли, что свѣтское управленіе не колеблясь признавало законность подобнаго рода брачныхъ разводовъ; но спрашивается: какъ относились къ нимъ духовныя власти?

Изъ всего извѣстнаго доселѣ количества историческихъ матеріаловъ, относящихся къ этому вопросу, можно извлечь рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что и тогдашнее южнорусское духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ подобнымъ разводамъ, если не вполнѣ, то въ сильной, однако, степени подчинялось вліянію понятій обычнаго права. О сельскихъ причтахъ и говорить нечего: не составляя въ то время членовъ особой замкнутой корпораціи и живя одной бытовой жизнью со своею паствой, приходское духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ брачнымъ дѣламъ вполнѣ подчинялось обычнымъ воззрѣніямъ тогдашняго общества и нисколько не думало вооружаться противъ нихъ во

имя каноническихъ требованій. Припомнимъ, что въ одномъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ мы встрѣчали приходскихъ священниковъ въ роли свидѣтелей развода, совершеннаго вполнѣ въ духѣ понятій обычнаго права. Но этого мало: въ одной окружной грамотѣ 1591 года Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ укорялъ подвѣдомственное ему духовенство въ болѣе рѣзкихъ нарушеніяхъ церковныхъ каноновъ, именно въ томъ, что священники „беззаконные браки—кровосмѣшенія, в сватствахъ и кумовствахъ поятія допущаютъ и благословляютъ и таковыхъ в малженство вѣнчаютъ, хватаныхъ девокъ в браки сочетаютъ и законные малженства, неналежные ко розсудкови ихъ, розвязываютъ и роспущаютъ“ [1]). Что касается высшаго южнорусскаго духовенства, то съ половины XVI вѣка въ его средѣ замѣчается нѣкоторое стремленіе изъять бракоразводныя дѣла изъ юрисдикціи свѣтскихъ лицъ и учрежденій и подчинить ихъ исключительно своему вѣдѣнію. Съ этой цѣлью митрополиты кіевскіе неоднократно жаловались королю о томъ, что урядники гродскіе и старостинскіе, а также частные владѣльцы-князья, земяне и ихъ намѣстники и урядники въ дѣла духовныя вмѣшиваются, „малженства вѣнчаные межи народомъ хрестьянскимъ розводятъ, мужовъ съ жонами роспускаютъ и роспусты берутъ, а до права духовного ихъ не выдаютъ“, въ отвѣтъ на что король издавалъ иногда свои запретительныя грамоты, не приводившія обыкновенно ни къ какимъ послѣдствіямъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что этими немногими жалобами и ограничивался протестъ высшаго южнорусскаго духовенства противъ господствовавшихъ тогда бракоразводныхъ обычаевъ, не смотря на грозныя осужденія, неоднократно раздававшіяся противъ этихъ обычаевъ со стороны константинопольскихъ патріарховъ. Сила и интенсивность обычныхъ понятій о разводѣ была еще въ то время столь велика, что въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ, когда лица, искавшія развода, обращались къ духовнымъ властямъ, послѣднія въ своихъ опредѣленіяхъ чаще всего руководились не каноническими постановленіями, а обычными воззрѣніями. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ случай разрѣ-

[1]) „Акты Зап. Россіи“, т. IV, № 29.

шеннаго высшей духовной властью развода князя Андрея Курбскаго съ его женой Марьей Юрьевной Голшанской въ 1578 году, единственнымъ поводомъ къ которому служили ихъ семейныя несогласія—причина, какъ извѣстно, сама по себѣ не дающая по церковнымъ законамъ никакого основанія къ разводу, что̀, однако, нисколько не помѣшало Курбскому, годъ спустя, вступить во вторичный бракъ при жизни разведенной жены. Извѣстенъ также и другой, болѣе ранній случай расторженія въ 1545 году Полоцкимъ архіепископомъ Симеономъ брака между бояриномъ Иваномъ и его женой Томилой Гитовтовной, которые прожили въ супружествѣ болѣе 18-ти лѣтъ и затѣмъ развелись по случаю возникшихъ между ними несогласій. Но вотъ мы имѣемъ новый, крайне интересный случай, въ которомъ какъ нельзя болѣе ясно выразились отношенія тогдашней духовной власти къ обычнымъ разводамъ. Извѣстный своею приверженностью къ православію и русской народности Василій Загоровскій, кастелянъ Браславскій и городничій Владимірскій, былъ женатъ сначала на княжнѣ Марушѣ Збаражской, отъ которой имѣлъ дѣтей, но потомъ по неизвѣстной причинѣ развелся съ нею по обычной формѣ, т. е. обмѣнявшись съ нею разводными листами въ присутствіи свидѣтелей и даже не предъявивъ этихъ листовъ въ какомъ либо урядѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ женился вторично на княжнѣ Катеринѣ Чорторыйской, съ которой прожилъ около девяти лѣтъ и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей; но въ 1577 году, выступивъ съ ополченіемъ Волынской земли для отраженія татарскаго набѣга, онъ потерпѣлъ пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ татарами, гдѣ оставался до своей смерти, послѣдовавшей въ 1580 году. Вторая жена Загоровскаго, княжна Чорторыйская, какъ видно, не была особенно привязана къ мужу: за годъ до его плѣна она, подъ предлогомъ посѣщенія больной матери, уѣхала въ свои родовыя имѣнія и не захотѣла болѣе возвращаться къ мужу и малолѣтнимъ дѣтямъ. Поэтому Загоровскій въ своемъ духовномъ завѣщаніи, которое онъ прислалъ изъ плѣна, отстранилъ ее отъ опеки надъ дѣтьми и даже лишилъ ее права возвращаться къ нимъ до ихъ совершеннолѣтія; воспитаніе же дѣтей, равно какъ право распоряженія своими богатыми имѣніями онъ поручилъ теткѣ своей Софьѣ Загоровской. Этимъ обстоятельствомъ вздумала вос-

пользоваться первая жена Загоровскаго, княжна Збаражская. Она сообразила, что, предъявивъ свои права первой и, слѣдовательно, канонически-законной супруги Загоровскаго, ей удастся устранить княжну Чорторыйскую и ея дѣтей отъ права наслѣдства имѣніями ея бывшаго мужа и самой воспользоваться хотя частью его огромнаго состоянія. Въ этихъ видахъ она, спустя три года послѣ смерти Загоровскаго, начала въ духовномъ судѣ дѣло противъ Чорторыйской, обвиняя ее въ самозванномъ присвоеніи титула жены Загоровскаго и доказывая незаконнорожденность ея дѣтей. Оспаривая законность втораго брака Загоровскаго, княжна Збаражская отчасти воспользовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что разводъ его съ нею былъ совершенъ чисто домашнимъ образомъ, безъ предъявленія разводныхъ листовъ въ судѣ, но въ главное основаніе своего процесса она ставила каноническое право, которое, конечно, безусловно служило ей въ пользу. Дѣло проходило нѣсколько инстанцій, было даже разсмотрѣно кіевскимъ митрополитомъ и, наконецъ, въ 1583 году поступило на окончательное рѣшеніе мѣстнаго владимірскаго епископа, каковымъ былъ тогда Ѳеодосій Лозовскій. Положеніе обѣихъ соперницъ передъ судомъ было далеко не равно. Збаражская предстала во всеоружіи правъ церковныхъ и гражданскихъ. Она представила рядъ письменныхъ удостовѣреній отъ кіевскаго митрополита, епископовъ луцкаго и пинскаго и даже отъ самаго патріарха константинопольскаго въ доказательство того, что ни одно изъ этихъ лицъ не совершало правильнаго развода съ нею Загоровскаго. Мало того, она запаслась еще особымъ листомъ отъ патріарха, въ которомъ послѣдній рѣзко осуждалъ практиковавшіеся въ Южной Руси самовольные разводы, имяновалъ блудомъ вторичные браки, основанные на подобныхъ разводахъ, и предавалъ проклятію священниковъ, осмѣливающихся вѣнчать такіе браки. Между тѣмъ соперница Збаражской, княжна Чорторыйская въ свою защиту предъявила лишь суду домашнюю запись о разводѣ Загоровскаго, да еще выданную ей мужемъ вѣновную запись и сверхъ того сослалась на то, что въ теченіи 15-ти лѣтъ ея замужества никто, не исключая и самой Збаражской, не оспаривалъ законности ея брака съ Загоровскимъ. При такой слабой съ точки зрѣнія церковныхъ каноновъ

защитѣ торжество княжны Збаражской казалось несомнѣннымъ. И что же? Послѣ трехдневнаго обсужденія этого дѣла, епископъ, согласно съ мнѣніемъ засѣдавшаго съ нимъ духовенства, постановилъ рѣшеніе, по которому княжна Чорторыйская признана была законной женой Загоровскаго, а ея сыновья законными дѣтьми и наслѣдниками его [1]). Княжна Збаражская осталась недовольна этимъ рѣшеніемъ и аппеллировала въ королевскій судъ, но, къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ этого любопытнаго процесса не извѣстенъ. Одно лишь извѣстно, что какъ Збаражская, такъ и Чорторыйская, каждая изъ нихъ до самой смерти своей именовалась „панею Василевою Загоровскою, каштеляновою Браславскою", причемъ княжна Чорторыйская владѣла сел. Суходолами — родовымъ имѣніемъ Загоровскаго.

А вотъ и другой примѣръ не столь опредѣлительный, правда, но любопытный сверхъ того и въ другомъ отношеніи, какъ свидѣтельство того, что и въ то отдаленное отъ насъ время попытка строгаго примѣненія къ бракоразводнымъ дѣламъ каноническихъ требованій вынуждала супруговъ взводить другъ на друга гнусныя обвиненія и сознательно прибѣгать къ лжесвидѣтельствамъ. Выше было упомянуто о разводѣ князя Андрея Курбскаго съ его первой женой Марьей Голшанской [2]). Хотя при этомъ Курбскій не выговорилъ себѣ права на вторичный бракъ, но, руководствуясь мѣстными обычаями, онъ не задумался годъ спустя снова жениться на Александрѣ Семашковнѣ, съ которой счастливо прожилъ три года, имѣлъ отъ нея дѣтей и, отправляясь въ военный походъ, составилъ въ 1581 году завѣщаніе, въ коемъ записалъ ей съ дѣтьми всѣ свои имѣнія. Вдругъ Марья Голшанская, съ которой у него и послѣ развода продолжались враждебныя отношенія, начала противъ него дѣло о незаконномъ растор-

---

[1]) Этотъ интересный процесъ между женами Загоровскаго и вмѣстѣ рѣшеніе Владимірскаго епископа напечатаны въ „Архивѣ Югозападной Россіи", часть 1, т. I, № 35.

[2]) Собственно говоря, Марья Голшанская была второй женой князя Курбскаго. Первая его жена послѣ бѣгства его въ Литву осталась въ Москвѣ, вслѣдъ за чѣмъ Грозный велѣлъ сослать ее съ малолѣтнимъ сыномъ Курбскаго въ отдаленное заточеніе, гдѣ они скоро погибли. О. Л.

женіи брака съ нею и потребовала его на судъ къ митрополиту. Положеніе Курбскаго было одно изъ самыхъ затруднительныхъ: приговоръ духовнаго суда могъ имѣть для него и его потомства гибельныя послѣдствія. Видя бѣду неминучую и желая для своей защиты представить причину, которая по церковнымъ законамъ давала бы право на разводъ, Курбскій прибѣгнулъ къ тому же пріему, какой не безъ успѣха практикуется иногда въ такихъ случаяхъ и въ наши дни: онъ записалъ въ актовыя книги владимірскаго гродскаго суда доносъ о прелюбодѣяніи бывшей своей жены Голшанской и представилъ въ судъ двухъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей, которые не обинуясь показали, будто-бы они собственными глазами видѣли, какъ послѣдняя предавалась преступнымъ наслажденіямъ съ слугой своимъ, Жданомъ Мироновичемъ. Дѣло, однако, не дошло до суда: Курбскій успѣлъ заключить съ Голшанской мировую сдѣлку, и съ этого времени ни она сама, ни духовныя власти не оспаривали болѣе законности его втораго брака и правъ рожденныхъ въ этомъ бракѣ дѣтей.

Нужно замѣтить, однако, что подобные двумъ приведеннымъ случаи, когда одна изъ разведшихся сторонъ, становясь на почву церковно-каноническихъ постановленій, пытается оспаривать законность собственнаго развода, были въ то время весьма рѣдки. Порождаемыя въ большинствѣ случаевъ побужденіями корысти или мести, подобныя попытки не находили никакой поддержки въ понятіяхъ тогдашняго общества и, какъ мы видѣли, даже духовныя власти не оказывали имъ особеннаго покровительства. Таже сила общественнаго мнѣнія удерживала людей того вѣка и отъ злоупотребленій легкостью разводовъ, хотя нѣкоторыя гарантіи противъ подобныхъ злоупотребленій заключались въ самой формѣ совершенія тогдашнихъ разводовъ, которымъ обыкновенно предшествовали переговоры родственниковъ и друзей той и другой стороны, въ присутствіи и при участіи коихъ составлялись и бракоразводныя записи, а главное—что при этомъ требовалось добровольное и ясно выраженное согласіе непремѣнно обоихъ разводящихся супруговъ. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ бракоразводные документы встрѣчаются вообще довольно рѣдко. Очевидно, къ разводамъ прибѣгали не какъ-нибудь зря, легко-

мысленно, а обдуманно, съ полнымъ сознаніемъ всей важности этого акта и только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости. Этимъ объясняется и тотъ миролюбивый, дружелюбный характеръ, какимъ запечатлѣны всѣ извѣстныя доселѣ бракоразводныя записи. Въ нихъ нерѣдко слышится непритворное сожалѣніе разводящихся лицъ объ утраченномъ семейномъ согласіи и признательность другъ другу за былую любовь и взаимное попеченіе. Въ одной изъ такихъ записей жена, освобождая мужа отъ супружества съ ней, напутствуетъ его слѣдующимъ благожеланіемъ: „нехай здоровъ з другою женится, а нехай его Богъ благословитъ з другою въ лепшомъ пожитю в малженствѣ, нежли зо мною". Не рѣдко бывало и такъ, что, разводясь, супруги одаривали другъ друга деньгами или инымъ способомъ.

Такой характеръ разводы удерживаютъ за собою въ теченіе всего своего существованія въ Югозападной Руси, т. е. до начала XVIII столѣтія, когда они, наконецъ, подверглись канонической регламентаціи. Благотворное вліяніе ихъ на семейный бытъ и на общественную нравственность того времени несомнѣнно. Они представляли естественный и мирный исходъ для разнаго рода вольныхъ и невольныхъ столкновеній въ семейномъ быту, которыя безъ нихъ неизбѣжно приводили бы къ страшнымъ преступленіямъ и потрясающимъ катастрофамъ. И дѣйствительно, до начала XVIII вѣка исторія почти не знаетъ подобныхъ преступленій и катастрофъ въ семейномъ быту южнорусскаго общества; неизвѣстны ей также случаи насильственнаго постриженія мужьями женъ въ монашество, столь частые въ исторіи сѣвернорусскаго общества за тотъ же періодъ времени. [1]) Вотъ почему обычные разводы въ Югозападной Руси, никогда не признаваемые государственными законами и явно несогласные съ постановле-

---

[1]) Объ этомъ предметѣ см. превосходное изслѣдованіе В. Жмакина „Русское общество XVI вѣка", недавно напечатанное въ „Древней и Новой Россіи" (книги 2 и 3 изд. 1880 г.); въ частности о насильственныхъ разводахъ, стр. 248—250.

ніями каноническаго права, столь долгое время пользовались открытымъ покровительствомъ со стороны свѣтскихъ судовъ и снисходительной терпимостью даже со стороны церковныхъ властей.

Не то встрѣчаемъ мы въ XVIII вѣкѣ. Въ 1711 году магистратъ м. Выжвы приговорилъ крестьянина Семена Гилика къ штрафу въ три фунта воску на церковь за то, что онъ пробовалъ уговорить своего зятя, тиранившаго его дочь, дать ей „розлуку", т. е. разводную запись. А въ 1713 году Летичевскій уніатскій деканъ, по поводу бракоразводной записи между дворянами Агапіемъ и его женой Настасьей Томашевскими, внесъ въ Летичевскія гродскія книги отъ имени Львовскаго епископа грозный протестъ противъ принятія судомъ этой, по его словамъ, „противной божескимъ и церковнымъ законамъ" записи. Съ этого времени бракоразводные документы въ актовыхъ книгахъ не встрѣчаются болѣе. За то послѣднія въ XVIII вѣкѣ переполнены актами, свидѣтельствующими о крайней деморализаціи семейныхъ отношеній и поразительномъ упадкѣ чистоты нравовъ въ тогдашнемъ шляхетскомъ обществѣ, усвоившемъ начала чуждой его духу польской общественности и забывшемъ старыя національныя преданія. Просматривая актовыя книги XVIII вѣка, то и дѣло встрѣчаешься въ нихъ съ фактами въ родѣ слѣдующихъ: тиранство мужа надъ женой; мужъ замучиваетъ до смерти жену; приговоръ надъ мужемъ женоубійцей; мужъ, раззоривъ жену, бросаетъ ее на произволъ судьбы, и т. под.; а съ другой стороны: жена убиваетъ мужа; бѣгство жены отъ мужа; жена отравляетъ мужа, и т. д., а рядомъ съ этимъ: невѣста убѣгаетъ изъ дому отъ брака, навязываемаго ей родителями; шляхтичъ убиваетъ женщину для прикрытія незаконной связи съ нею; шляхтичъ насилуетъ дѣвицу-дворянку, встрѣченную имъ на дорогѣ; шляхтичъ насилуетъ проѣзжихъ монахинь, — и проч. и проч. все въ томъ же родѣ. Конечно, я не думаю утверждать, будто эта порча семейныхъ и иныхъ нравовъ въ русско-шляхетскомъ обществѣ XVIII вѣка исключительно была результатомъ уничтоженія прежней свободы разводовъ; но что въ числѣ другихъ причинъ, дурно вліяв-

шихъ на общественную нравственность, не послѣднее мѣсто занимало и у азанное обстоятельство, — въ этомъ, я полагаю, для безпристрастнаго изслѣдователя не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Орестъ Левицкій

1880 г. 10 августа.
Кіевъ.

Опечатка. По недосмотру, къ сожалѣнію, не исправлена грубая опечатка въ октябрьской книгѣ „Русской Старины", томъ XXIX, стр. 458, въ строкѣ 4 сверху напечатано: Камчатки на, читай: Камчатова.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ

ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО, ЗИМОЮ 1877 ГОДА

(Военно-историческій очеркъ).

IV [1]).

По диспозиціи, какъ уже извѣстно, колонна Вельяминова должна была двинуться правѣе главной и, выйдя на Жиляву, составить заслонъ къ сторонѣ Софіи, чтобы прикрыть операціи противъ арміи Шакира. Изъ всѣхъ трехъ путей, по которымъ двигались наши войска при переходѣ Балкановъ, путь, предоставленный генералу Вельяминову былъ самый отвратительный. Лучшая тропа вела на Бабу-гору; затѣмъ дорога на Чурьякъ, хотя проходила по страшнымъ кручамъ, но все таки была разработана преображенцами; что-же касается умургачской тропинки, то кромѣ того, что она вилась иногда почти по отвѣснымъ кручамъ, неудобство ея еще заключалось въ скалистости грунта, въ узкости полотна, ограниченнаго, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, съ одной стороны глубокимъ оврагомъ, а съ другой крутыми высотами, такъ что разработка его въ теченіи непродолжительнаго времени была рѣшительно невозможна. Въ добавокъ, съ первой уже половины подъема, путь, заходя въ тылъ непріятельской лютиковской позиціи, открывался туркамъ, а потому невозможно было заблаговременно начать разработку дороги, не выдавая себя противнику. Наконецъ, необходимо упомянуть, что самый перевалъ, а также, часть

---

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1880 г., томъ XXVIII, (августъ) стр. 619—638; томъ XXIX, (сентябрь) стр. 57—96; (октябрь) стр. 223—254.

южнаго склона, были совершенно открыты, и слѣдовательно занесены глубочайшими снѣгами, въ высшей степени затруднявшими движеніе.

13-го декабря колонна генерала Вельяминова, задержанная по пути войсками, двигавшимися къ чурьякскому перевалу, сосредоточилась въ д. Врачешѣ значительно позже назначеннаго времени [1]), а за тѣмъ продолжала далѣе движеніе по врачешскому ущелью въ такомъ порядкѣ, что Тамбовскій полкъ, съ 6-й батареей 31-й артиллерійской бригады и со 2-й гвардейской конной батареей, шелъ впереди, а за нимъ—Пензенскій полкъ съ 5-й гвардейской конной батареей. При артиллеріи двигались и нанятыя болгарскія сани на волахъ числомъ до 24-хъ. На каждое орудіе и ящикъ было назначено соотвѣтственное число пѣхоты. Для прикрытія движенія съ правой стороны генералу Вельяминову приданъ былъ одинъ баталіонъ Архангелогородскаго полка. Первыя двѣ версты дорога не представляла трудностей, затѣмъ она стала съуживаться, во многихъ мѣстахъ уже встрѣчались крутые повороты, косогоры и ручейки, пересѣкавшіе путь слѣдованія. Наконецъ, пройдя версты $4^1/_2$ отъ д. Врачеша, колонна подошла къ началу подъема и должна была пріостановиться. Произведя рекогносцировку, начальникъ колонны убѣдился, что дальнѣйшее движеніе артиллеріи на лошадяхъ и даже на колесахъ оказывалось совершенно невозможнымъ и потому необходимо было принять другія мѣры. Дорога, или вѣрнѣе тропинка, кромѣ вышеуказанныхъ неудобствъ, была еще покрыта сплошною ледяною корою.

Генералъ Вельяминовъ отправилъ обо всемъ донесеніе генералу Гурко, отъ котораго впослѣдствіи получилъ приказаніе непремѣнно идти впередъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ колонны рѣшился двигать далѣе артиллерію въ разобранномъ видѣ на салазкахъ. Для улучшенія сколько-нибудь пути была выслана сводно-саперная команда, которой приказано было вырубить во льду ступеньки, безъ чего движеніе войскъ оказывалось совершенно невозможнымъ [2]). Что касается орудій, то ихъ снимали и

---

[1]) „Зимній походъ“ М. Ч. „Сборникъ военныхъ разсказовъ“ т. 3.

[2]) Рапортъ генерала Вельяминова отъ 25-го января 1877 г. „Военный Сборникъ“ 1878 г. № 4.

клали на сани, точно также поступали съ лафетами и колесами; затѣмъ подъ передокъ орудія подводились третьи, а подъ передокъ заряднаго ящика — четвертыя сани. Что же касается заднихъ ходовъ ящиковъ, то они, точно также, какъ и пѣшая батарея, въ виду трудностей подъема, съ разрѣшенія генерала Гурко, были отправлены въ д. Врачешъ. Къ каждымъ санямъ спереди привязывались постромки такой длины, что болѣе 30 человѣкъ могли впречься въ каждую изъ нихъ; сзади привязывались 2 лямки, въ предупрежденіе раскатовъ саней. На каждое орудіе съ передкомъ приходилось около 2-хъ ротъ пѣхоты; ружья люди закидывали за спину и для упора каждый изъ нихъ вырубилъ себѣ палку [1]).

Все 13-е число прошло въ подготовительныхъ работахъ и отрядъ заночевалъ у подошвы подъема. До половины дня 14-го числа работы по изготовленію артиллеріи къ подъему продолжались и только въ часъ по полудни голова колонны тронулась. Впереди шелъ Тамбовскій полкъ со 2-ю батареей гвардейской конной артиллеріи. Несмотря на неимовѣрныя трудности подъема, причемъ люди падали на каждомъ шагу, но благодаря еще сохранившейся ихъ бодрости и свѣжести, работа шла сравнительно бойко и къ вечеру 4 орудія и четыре переднихъ хода зарядныхъ ящиковъ 2-й гвардейской конной батареи были втащены на первую площадку, находившуюся верстахъ въ 2-хъ отъ начала подъема. Отсюда открывался видъ на лютиковскую позицію, гдѣ противникъ оставался въ полномъ спокойствіи, не подозрѣвая нашего движенія. Далѣе начинался болѣе трудный участокъ, причемъ обледенѣлыя крутости въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигали почти 45°. Сильное утомленіе людей и наступленіе темноты не позволяли продолжать движеніе далѣе, вслѣдствіе чего войска остановились для ночлега. Въ тотъ же день высланъ былъ впередъ авангардъ изъ одного батальона Тамбовскаго и одного батальона Архангелогородскаго полковъ съ 10-ю гвардейскими драгунами, который выступилъ по направленію къ Умургачу, но, поднявшись на 2-й подъемъ, былъ застигнутъ сильной мятелью и принужденъ вернуться обратно; при этомъ 13 человѣкъ обморозились. Остававшіеся въ хвостѣ колонны Пензенскій полкъ и 5-я

---

[1]) „Зимній походъ“. М. Ч.

гвардейская конная батарея все 14-е число употребили на приготовленія къ походу и приспособленіе къ салазкамъ артиллеріи. Къ вечеру работы были окончены, а потому рѣшено было на другой день начать подъемъ и 5-й батареи.

Съ разсвѣтомъ 15-го декабря тѣ части, которыя входили въ составъ авангарда, получили снова тоже назначеніе и выдвинуты были впередъ; причемъ батальонъ Архангелогородскаго полка долженъ былъ выставить вправо заслонъ къ сторонѣ Яблоницы, а прочія части—перевалить черезъ Умургачъ и двинуться на Елешницу.

Подъемъ переднихъ орудій въ теченіи 15-го декабря, вслѣдствіе вышеупомянутой крутизны 2-го участка, былъ сопряженъ еще съ бо̀льшими трудностями, чѣмъ движеніе наканунѣ. Вслѣдствіе значительнаго уже утомленія людей, къ вечеру 15-го декабря, послѣ 12 часовой работы, только головныя орудія, съ частью Тамбовскаго полка, достигли второй площадки, находившейся верстахъ въ 3-хъ отъ первой, гдѣ и остановились; прочія же орудія заночевали по пути. Пензенскій полкъ съ 5-й батареей достигъ 1-й площадки, гдѣ въ предшествующую ночь бивакировали тамбовцы.

Что касается авангарда, то онъ достигъ Умургача въ 2 часа пополудни 15-го декабря. Оттуда батальонъ Архангелогородскаго полка былъ выдвинутъ къ юго-западу, въ видѣ заслона на Яблоницу, а прочія части слѣдовали, по поясъ въ снѣгу, къ Елешницѣ, куда и прибыли 16-го декабря въ 2 часа пополудни.

Ночлегъ войскъ 15-го числа былъ крайне неблагопріятенъ вслѣдствіе стужи и сильной мятели, тушившей всѣ костры и, такимъ образомъ, не позволявшей людямъ согрѣться.

16-го числа генералъ Вельяминовъ прибылъ на Умургачъ и тамъ получилъ донесеніе отъ генеральнаго штаба капитана Биргера, шедшаго съ авангарднымъ батальономъ тамбовцевъ на Елешницу, что путь, по которому онъ слѣдовалъ и по которому должна была также двигаться вся колонна, направляясь согласно диспозиціи на Жиляву, рѣшительно непроходимъ для артиллеріи, вслѣдствіе снѣжныхъ сугробовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ Биргеръ указывалъ на возможность двинуться прямо на Чурьякъ и оттуда уже перейти по назначенію; разъѣздъ, посланный имъ въ этомъ направленіи, доходилъ до Чурьяка безъ особыхъ затрудненій. Генералъ Вельяминовъ донесъ объ этомъ генералъ-адъютанту

Гурко и получилъ приказаніе свернуть колонну на Чурьякъ. Къ этому времени, т. е. 16-го декабря, Тамбовскій полкъ съ 4 орудіями 2-й гвардейской конной батареи подошелъ къ перевалу. Чтобы не заставить людей ночевать на высотѣ во время вьюги и морозовъ, начальникъ колонны приказалъ этимъ частямъ въ тотъ же день спускаться на Чурьякъ [1]).

Прочія части колонны перевалили 17-го декабря. — Спускъ орудій былъ сопряженъ не только съ трудностями, но и съ опасностями. Въ орудія впряжены были только коренныя лошади; всѣ колеса тормозились, а цѣлый взводъ людей удерживалъ его веревками. Тѣмъ не менѣе были случаи, что орудіе срывалось, опрокидывалось и стремительно, вмѣстѣ съ лошадьми, летѣло внизъ, увлекая за собой и людей, старавшихся его удержать [2]).

Одновременно съ движеніемъ головныхъ частей къ Чурьяку, генералъ Вельяминовъ послалъ подтвержденіе своего приказанія, чтобы двѣ бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи шли изъ Врачеша на Чурьякъ и далѣе въ Софійскую долину. Выступивъ 15-го декабря въ 10 часовъ утра, кавалерія двинулась по указанному пути, причемъ могла слѣдовать лишь въ одинъ конь. До какой степени движеніе по ледянымъ кручамъ было трудно для лошадей видно изъ того, что, идя день и ночь, кавалерія прибыла въ Чурьякъ только 17-го декабря въ 3 часа пополудни, сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ 53 часа всего 18 верстъ, причемъ по пути 6 лошадей слетѣли въ горную пропасть.

Голова колонны, т. е. часть Тамбовскаго полка съ 2 орудіями, прибыла въ Чурьякъ 16-го декабря ночью, а послѣднія части лишь 18-го утромъ. Затѣмъ оба полка направлены были къ д. Яну, гдѣ и сосредоточились 18-го числа ночью. Отъ Тамбовскаго полка одинъ батальонъ былъ выдвинутъ въ д. Жиляву, а 2 роты въ д. Буково. Войска расположились по квартирамъ. Къ отряду было присоединено 12 сотенъ кавказской казачьей бригады.

Итакъ, въ общемъ итогѣ движенія черезъ Балканы, къ этому времени были достигнуты слѣдующіе результаты: а) колонна генерала Дандевиля, исполнивъ часть своей задачи въ смыслѣ демонстраціи противу Шандарника и привлеченія на

---

[1]) Рапортъ генерала Вельяминова отъ 25-го января 1877 г.

[2]) „Зимній походъ“. М. Ч.

себя вниманія турокъ, испытала страшную катастрофу отъ снѣжнаго бурана, и, принужденная возвратиться въ Этрополь, не могла развить своихъ дѣйствій. Дальнѣйшія ея дѣйствія уже совпадаютъ со временемъ отступленія турокъ съ главной позиціи; б) главныя силы занимаютъ Чурьякъ, выдвигаются впередъ на авангардную позицію и укрѣпляются тамъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій. Но сосредоточеніе ихъ, вслѣдствіе трудности перехода, сильно замедляется; атака противника откладывается, что даетъ ему возможность принять необходимыя мѣры для совершенія своего отступленія и прикрытія его; в) колонна генерала Вельяминова, преодолѣвъ при подъемѣ всѣ препятствія, должна при спускѣ нѣсколько измѣнить путь своего слѣдованія, тѣмъ не менѣе она достигаетъ указаннаго ей пункта и прикрываетъ отрядъ со стороны Софіи. Выходъ колонны въ долину тоже потребовалъ больше времени чѣмъ предполагалось.

Какъ бы то ни было, войска, наконецъ, собрались у южной подошвы Балкановъ и такимъ образомъ оказывалось возможнымъ приступить къ атакѣ противника, укрѣпившагося на ташкисенской позиціи.

18-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко лично произвелъ рекогносцировку непріятельской ташкисенской позиціи, причемъ подробно объяснилъ начальникамъ планъ предстоявшей на другой день атаки и указалъ направленіе для движенія и дѣйствія отрядовъ. Въ тотъ же день часть 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, а именно конно-гренадерскій полкъ и два эскадрона л. гв. уланскаго полка, произвели, по приказанію генерала Гурко, рекогносцировку непріятельской позиціи со стороны Горной Малины и въ обходъ ея лѣваго фланга на д. Аша-Комарли (Дольніе Комарцы). Часть бригады наступала съ фронта и должна была оставаться на шоссе пока возвратится другая ея часть, посланная въ обходъ на Чеканцово, Малкоцево и Дольніе Комарцы, съ сильными разъѣздами на Байлово и Раковицы. Съ фронта былъ вызванъ артиллерійскій непріятельскій огонь и въ то же время наши наѣздники завязали перестрѣлку съ турецкими. Уланскіе офицеры и генеральнаго штаба капитанъ Храповицкій сдѣлали наброски непріятельскаго расположенія. На флангѣ конно-гренадеры выгнали турокъ изъ Чеканцова и Малкоцева, нашли Дольніе Комарцы занятыми непріятельскою пѣхо-

тою, а къ югу встрѣтили лишь фуражирующіе патрули. Послѣ того конно-гренадеры остались въ Горной Малинѣ, а уланы отошли къ прочимъ частямъ дивизіи (1-й и 2-й бригадѣ) въ Жиляву [1]).

Позиція турокъ у Ташкисена была, по своимъ природнымъ свойствамъ, весьма сильная. Между нею и нашею авангардною позиціею простиралась холмистая долина, занесенная въ это время глубокими снѣгами. Шоссе разрѣзывало непріятельское расположеніе почти пополамъ; деревня Ташкисенъ, лежащая при шоссе, у подошвы крутыхъ высотъ, приходилась, такимъ образомъ, въ центрѣ позиціи турокъ и впереди ея. Непосредственно за деревнею Ташкисеномъ, а также къ югу и сѣверу отъ нея подымаются высокія горы, образующія нѣсколько параллельныхъ хребтовъ. Самая высокая гора лежитъ къ юго-востоку отъ деревни, версты въ $1^1/_2$ отъ нея. Затѣмъ хребетъ, охватывающій деревню Ташкисенъ, къ сѣверу постепенно подается къ нашей позиціи и образуетъ родъ мыса. На этомъ хребтѣ турки расположили три редута; горы къ юго-востоку отъ Ташкисена, а также и самая деревня были укрѣплены цѣлымъ рядомъ ложементовъ. Къ востоку отъ Ташкисена, верстахъ въ 3—4-хъ, горы круто спускаются и образуютъ Комарційскую долину. Выходовъ изъ послѣдней было три: шоссе черезъ Ташкисенъ, другой — у Дольнихъ Комарцовъ, наконецъ, третій тоже начинался тамъ и шелъ черезъ Малкоцево въ Софійскую долину [2]).

Войска Бекера были расположены слѣдующимъ образомъ: батальоны Тузла и Ускюбъ, съ двумя горными и однимъ полевымъ орудіемъ, стояли на правомъ флангѣ, а укрѣпленія были заняты четырьмя ротами Призрендскаго батальона; въ центрѣ позиціи находился батальонъ Эдирне, впереди него батальонъ Эльбасанъ занялъ д. Ташкисенъ, куда отошла и кавалерія; на самомъ шоссе стало 4 полевыя орудія, къ югу, въ укрѣпленіяхъ, батальонъ Эски-шеиръ, а лѣвѣе — 4 роты Призрендскаго батальона и стрѣлковый. Сзади въ резервѣ находился батальонъ Ченгири. Войсками къ сѣверу отъ шоссе командовалъ Исланъ-бей, а къ югу—Хаджи-

---

[1]) См. примѣчаніе В. Б. къ соч. Бекера, который совершенно перевираетъ эту рекогносцировку („Военный Сборникъ“ 1880 г. № 4).

[2]) Рапортъ генералъ-адъютанта Гурко 28-го декабря 1877 г.

Мехметъ, командиръ стрѣлковаго батальона [1]). Изъ вышеописаннаго характера позиціи и расположенія турецкихъ войскъ видно, что стратегическимъ и тактическимъ ключемъ позиціи была высокая гора къ югу отъ д. Ташкисена. Съ занятіемъ и непосредственно-дальнѣйшимъ выдвиженіемъ войскъ, пути отступленія противника были сильно угрожаемы. Согласно этому планъ атаки генерала Гурко въ общихъ чертахъ заключался въ слѣдующемъ: демонстрируя противъ фронта позиціи, вести атаку отъ д. Чеканцово по направленію къ самой высокой горѣ, къ югу-востоку отъ Ташкисена. Для того же, чтобы не дозволить главнымъ непріятельскимъ силамъ, расположеннымъ у Араба-конака, подкрѣпить ключъ позиціи, предположено направить часть силъ на гребень высотъ, спускающихся въ Комарційскую долину съ сѣвера, со стороны войскъ графа Шувалова, выдвинутыхъ имъ вправо съ арабаконакской позиціи [2]). Вслѣдствіе этого и согласно диспозиціи по отряду на 19-е декабря, колонна генерала Курлова (полки: л. гв. Волынскій, С.-Петербургскій гренадерскій и 2 батальона Костромскаго полка, присоединенные къ отряду по очищеніи турками лютиковской позиціи, при 8-ми орудіяхъ 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады) должна была еще въ теченіи ночи съ 18-го на 19-е декабря перейти въ д. Чеканцово и за 1/2 часа до разсвѣта начать наступленіе, имѣя направленіе на самую высокую гору къ юго-востоку отъ Ташкисена. Колонна генерала Рауха (л. гв. Преображенскій полкъ, 3 батальона л. гв. Измайловскаго и 1 батальонъ Козловскаго пѣхотнаго полковъ, л. гв. 4-й стрѣлковый Императорской фамиліи батальонъ [3]), по 4 орудія 1-й и 3-й батарей л. гв. 1-й артиллерійской бригады и 1 взводъ л. гв. конно-гренадерскаго полка) должна была выступить съ разсвѣтомъ, 19-го декабря, изъ Негашева и, демонстрируя съ фронта, большею частью силъ охватить правый флангъ противника. Колоннѣ графа Шувалова (1 батальонъ л. гв. Измайловскаго полка, 3 батальона л. гв. Московскаго полка и л. гв. Павловскій полкъ при 2-хъ орудіяхъ) должна

---

[1]) „Война въ Болгаріи“ соч. Бекера. Нѣкоторыя части не упомянуты у автора и неизвѣстно, гдѣ онѣ находились.

[2]) Рапортъ генералъ-адъютанта Гурко отъ 28-го декабря 1877 г.

[3]) Въ реляціи по ошибкѣ сказано 2 и 4 гвард. стрѣлковые батальоны.

была спуститься и занять гребень высотъ, окаймляющихъ Комарційскую долину съ сѣвера. Отряду полковника Васмунда (л. гв. 1-й стрѣлковый батальонъ и 2 батальона Козловскаго полка) приказано спуститься съ горъ и служить связью между колоннами графа Шувалова и генерала Рауха. Колонна генералъ-маіора Философова (1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 3-й Финскій стрѣлковый батальонъ, при 12 орудіяхъ) назначалась въ общій резервъ и располагалась на шоссе. Наконецъ, 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ 2 конными батареями должны были стать уступомъ позади праваго фланга колонны генерала Курлова, причемъ 2-й бригадѣ назначено было пройти въ Комарційскую долину, надѣлать тамъ возможно больше шуму, а если турки станутъ отступать, то преградить имъ дорогу на Дольніе Комарцы [1]). Для обезпеченія тыла со стороны Софіи былъ выставленъ заслонъ — отрядъ генерала Вельяминова, о которомъ было говорено ранѣе а для охраненія праваго фланга, Астраханскій драгунскій полкъ высланъ на Ихтиманское шоссе въ д. Іени-Ханъ.

Къ сожалѣнію диспозиція не могла быть выполнена въ точности; причиной этого были обстоятельства, вытекавшія неизбѣжно изъ самой сущности обстановки. Операціи въ горахъ, вызывая необходимость раздробленія силъ, разброски ихъ на значительныя разстоянія, при отсутствіи сообщеній, дѣлаютъ управленіе различными отрядами, согласованіе ихъ дѣйствій въ высшей степени затруднительными. Кромѣ того движенія войскъ, особенно въ суровое зимнее время, встрѣчаютъ такія препятствія, которыя позволяютъ всѣ расчеты дѣлать лишь приблизительно, да и то съ весьма ничтожной увѣренностью въ ихъ выполнимость. Намъ кажется, что оба эти обстоятельства необходимо всегда имѣть въ виду при оцѣнкѣ подобныхъ дѣйствій, если только оцѣнка эта должна имѣть какое либо практическое значеніе.

Такимъ образомъ колонна гр. Шувалова, не смотря на энергію ея начальника, встрѣтила огромныя препятствія своему движенію и могла принять участіе въ боѣ только дѣйствуя изъ своихъ орудій съ разстоянія въ 1000—1500 сажень. Хотя, по свидѣтельству Бекера, огонь этотъ не наносилъ туркамъ вреда и

[1]) Рапортъ генерала Гурко отъ 28-го декабря 1877 г.

достигалъ своихъ линій—отряда генерала Рауха (что справедливо; впрочемъ нѣсколько перелетѣвшихъ черезъ наши головы гранатъ не причинили намъ никакихъ потерь), тѣмъ не менѣе появленіе этихъ войскъ неблагопріятно отразилось на энергіи обороны турками своей позиціи. Отрядъ полковника Васмунда тоже встрѣтилъ на своемъ пути такія трудности, что только около 2-хъ часовъ по полудни вошелъ въ связь съ лѣвымъ флангомъ колонны генерала Рауха. Это позднее появленіе отряда имѣло тотъ результатъ, что Генералъ Раухъ вынужденъ былъ замедлить штурмомъ непріятельскихъ редутовъ, такъ какъ, согласно диспозиціи, онъ долженъ былъ дѣйствовать въ связи съ войсками Полковника Васмунда.—Турки воспользовались такимъ замедленіемъ и успѣли увезти свои орудія изъ редутовъ, да и дѣло вслѣдствіе того поздно окончилось. Отрядъ генерала Курлова тоже запоздалъ и могъ начать атаку только около 11 часовъ дня. Кавалеріи не удалось проникнуть въ Комарційскую долину, потому что д. Дольніе Комарцы была сильно занята пѣхотою. Такимъ образомъ, если бы въ этомъ направленіи было выдвинуто болѣе войскъ, то результаты боя вѣроятно получились бы болѣе рѣшительные.

Теперь мы перейдемъ къ подробному изложенію дѣйствій колоннъ генераловъ Рауха и Курлова, которымъ въ ташкисенскомъ бою принадлежала главная роль. О дѣйствіяхъ турокъ нельзя себѣ составить вполнѣ отчетливаго представленія, такъ какъ единственный источникъ въ этомъ отношеніи—соч. Бекера, совершенно извращаетъ дѣло и изображаетъ не ташкисенскій, а какой-то фантастическій бой; мы воспользуемся этимъ описаніемъ съ крайней разборчивостью.

Предварительно скажемъ нѣсколько словъ о распоряженіяхъ турокъ. Бекеръ, сильно озабоченный своевременнымъ отступленіемъ арміи Шакира и особенно опасностью своего положенія, посылалъ безпрерывныя донесенія, въ которыхъ преувеличивалъ численность нашихъ войскъ, перешедшихъ Балканы, указывалъ Шакиру необходимость торопиться отступленіемъ и старательно вывѣдывалъ его намѣренія въ этомъ отношеніи. Поздно вечеромъ 18 декабря онъ получилъ извѣстіе, что Шакиръ рѣшился отступить со всѣми силами черезъ Петричево на Отлукіой, причемъ Бекеръ телеграммой совѣтывалъ въ ту же ночь отправить назадъ

запасы и всѣ орудія, которыя можно было увезти. Шакиръ согласился съ предложеніемъ Бекера и рѣшилъ, что бригада Мехмета первою отступитъ, ночью съ 19-го на 20-е, и развернется на высотахъ Дольн. Комарцовъ, чтобы прикрыть движеніе главныхъ силъ черезъ селеніе и дефиле позади его. Бекеръ долженъ былъ отступить въ тоже время и соединиться съ главною колонною у Дольн. Комарцовъ. Между тѣмъ, опасаясь за путь отступленія, Бекеръ еще 18-го ночью, въ 11 часовъ, выслалъ для рекогносцировки къ Чеканцову 30 кавалеристовъ. Полученное отъ нихъ донесеніе показало, что деревня занята русскими. Бекеръ немедленно телеграфировалъ объ этомъ Шакиру, отъ котораго послѣдовалъ отвѣтъ, что двумъ баталіонамъ бригады Мехмета приказано немедленно отправиться въ томъ направленіи.

Съ разсвѣтомъ 19-го декабря Бекеръ намѣревался произвести рекогносцировку къ сторонѣ Малькоцева, но въ это время получилъ донесеніе съ аванпостовъ о наступленіи значительныхъ массъ русскихъ.....

Выше уже было показано распредѣленіе силъ турокъ на ташкисенской позиціи, къ этому прибавимъ, что во время самаго боя прибыло къ Бекеру изъ Златицы 3 эскадрона кавалеріи, которые соединились съ имѣвшимися тоже тремя эскадронами и расположились за Ташкисеномъ [1]).

Согласно общей диспозиціи, генералъ маіоръ Раухъ, начальникъ лѣвой колонны, отдалъ приказаніе по авангарду, на 19-е декабря, по которому всѣ части, входившія въ составъ авангарда, должны были сперва сосредоточиться на позиціи, къ 6 часамъ утра, а затѣмъ уже, по личнымъ его указаніямъ, двинуться далѣе противъ непріятеля.

Разстояніе до холмовъ, на которыхъ должна была, какъ лично показалъ во время рекогносцировки генералъ адъютантъ Гурко, занять позицію артиллерія (1 и 3 батареи л. гв. 1-й артиллерійской бригады—8 орудій), едва ли превосходило четыре версты, тѣмъ не менѣе движеніе потребовало болѣе 2 часовъ времени, такъ какъ снѣжные сугробы задерживали орудія на каждомъ шагу и приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибѣгать къ по-

---

[1]) „Война въ Болгаріи“ Бекера.

мощи пѣхоты, для содѣйствія движеніямъ артиллеріи. Наконецъ съ разсвѣтомъ (въ началѣ 9 час.) батареи были установлены на высотахъ и не успѣли еще навести орудій, какъ въ турецкомъ редутѣ сверкнуло пламя и къ намъ понеслась первая въ этотъ день граната. Между тѣмъ пѣхота перестроивалась, по обѣ стороны батареи, въ боевой порядокъ. На правомъ флангѣ, для атаки д. Ташкисена, стали 3 баталіона л. гв. Измайловскаго полка, а лѣвѣе батареи расположены были всѣ остальныя силы, такъ какъ имѣлось въ виду нанести рѣшительный ударъ противнику въ этомъ направленіи, охвативъ правый его флангъ. Впереди стали 3 баталіона л. гв. Преображенскаго полка и л. гв. 4-й стрѣлковый Императорской фамиліи баталіонъ; а 1-й баталіонъ преображенцевъ и одинъ козловцевъ со взводомъ конно-гренадеръ составили общій резервъ. Третья батарея быстро опредѣлила разстояніе (около 1000 сажень) до турецкихъ редутовъ, и затѣмъ наша артиллерія открыла чрезвычайно мѣткій огонь шрапнелью то по орудійно, то залпами. Турки отвѣчали тоже замѣчательно мѣтко. Всѣ ихъ снаряды ложились или на самыя наши батареи, или вблизи ихъ, а одна граната попала прямо въ дуло орудія 1-й батареи флигель адъютанта полковника Стрижевскаго. Къ счастью нашему у турокъ, вѣроятно, не было шрапнелей или картечныхъ гранатъ и потому, не смотря на вѣрность пристрѣлки, они нанесли намъ ничтожный вредъ. Что же касается дѣйствій нашей артиллеріи, то каждый почти снарядъ разрывался очень удачно надъ однимъ изъ турецкихъ редутовъ, по занятіи которыхъ мы нашли впослѣдствіи множество тяжело раненыхъ исключительно артиллерійскими снарядами. Наконецъ въ первомъ часу, послѣ залпа съ третьей батареи, въ одномъ изъ турецкихъ редутовъ раздался страшный трескъ—оказалось, что взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ. По всей нашей линіи пронеслось громкое и радостное „ура“.

Между тѣмъ пѣхота выдвинулась далеко впередъ передъ батареи и залегла въ ожиданіи подготовки артиллеріей атаки.

При этомъ движеніи преображенцы не понесли никакихъ потерь, что же касается Императорскаго батальона, наступавшаго по открытой лощинѣ влѣво, то едва его цѣпь подошла къ бывшимъ тамъ отдѣльнымъ деревьямъ, какъ непріятельская граната вырвала нѣсколько человѣкъ изъ строя. Подбѣжавшіе санитары

тоже были осыпаны снарядами, а прикрытіе при командирѣ батальона, гр. Клейнмихелѣ, все перебито, въ томъ числѣ и вызвавшійся въ бой охотникомъ батальонный казначей.

Тѣмъ не менѣе баталіонъ выдвинулся на указанное ему мѣсто, при чемъ одна часть его примкнула къ преображенцамъ, а другая взяла влѣво и прикрылась лѣсистой высотой. Затѣмъ завязалась на лѣвомъ нашемъ флангѣ исключительно артиллерійская канонада. Направо, внизу, измайловцы дѣйствовали сначала демонстративно и вели рѣдкій, толковый огнестрѣльный бой, медленно, но постепенно подвигаясь впередъ. Полку приказано было воздерживаться отъ рѣшительнаго наступленія (во избѣжаніе напрасныхъ потерь), такъ какъ главную атаку предполагалось, какъ сказано, повести лѣвымъ флангомъ. Хотя атака была подготовлена артиллеріей превосходно, но генералъ Раухъ воздерживался начать ее, такъ какъ по диспозиціи долженъ былъ вести ее въ связи съ колонною полковника Васмунда, которая, встрѣтивъ на пути величайшія задержки, еще не появлялась. Между тѣмъ во второмъ часу по полудни турки начали увозить изъ редутовъ свои орудія; тогда генералъ Раухъ рѣшился не ожидать прибытія войскъ полковника Васмунда, и начать атаку. Въ тоже время получено было такое же приказаніе генерала Гурко, который слѣдилъ за ходомъ боя. Батареямъ приказано открыть усиленную пальбу, пока не подойдетъ пѣхота близко къ редутамъ. Для того, чтобы артиллерія и измайловцы, расположенные внизу, могли оріентироваться относительно хода атаки, а также для развлеченія вниманія противника, 14-я рота (барона Корфа) Преображенскаго полка направлена была открыто по гребню хребта, на вершинѣ котораго были расположены турецкіе редуты. Кромѣ этой роты вся лѣвая часть боеваго порядка двигалась по крутому лѣвому скату гребня, въ мертвомъ пространствѣ, чтобы охватить правый флангъ противника. Вправо внизу, прямо противъ Ташкисена, какъ сказано, наступали измайловцы. Съ высотъ, занятыхъ Преображенскимъ полкомъ, движеніе это видно было какъ на ладони; нельзя было не замѣтить искусства наступленія въ тактическомъ смыслѣ. Вообще послѣ Горнаго Дубняка, войска наши замѣчательно быстро освоились съ формами современной тактики, обусловливаемыми дѣйствіемъ нынѣшняго дальнобойнаго и скорострѣльнаго оружія. Такъ и въ данномъ случаѣ обнаружи-

лось умѣнье выбрать соотвѣтствующія формы строя и примѣнять ихъ къ дѣйствіямъ противника и характеру мѣстности. Вмѣсто крупныхъ сомкнутыхъ массъ, прямолинейно двигающихся впередъ, мы видимъ рѣдкія цѣпи, поддержки въ сильно разомкнутомъ строѣ, значительное удаленіе одной линіи отъ другой, пользованіе всякимъ изгибомъ мѣстности, всякимъ кустомъ для того, чтобы, прикрывшись имъ, собраться, устроиться и затѣмъ снова двинуться впередъ, а все это сокращаетъ потери до minimum. Хотя измайловцы должны были вести демонстративную атаку, но они ворвались въ Ташкисенъ нѣсколько раньше, нежели преображенцы въ редуты. Дѣло въ томъ, что Эльбасанскій баталіонъ, занимавшій Ташкисенъ, открылъ противъ нихъ сначала частый ружейный огонь, который, съ приближеніемъ атакующаго, сталъ нѣсколько ослабѣвать и затѣмъ наши замѣтили, что турки начали очищать деревню; тогда полкъ двинулся впередъ, бѣгомъ, съ криками „ура" и окончательно выбилъ противника изъ деревни. Оставшіеся въ отдѣльныхъ зданіяхъ турки, стрѣлявшіе по ворвавшимся измайловцамъ, были ими переколоты. Затѣмъ наши прошли черезъ всю деревню, прогнали баталіонъ Эдирне и заняли ложементы впереди Ташкисена и правѣе его у шоссе.

Преображенцы наступали, маскируясь крутымъ скатомъ гребня высотъ и пользуясь всѣми мѣстными закрытіями. Только одна рота (14-я, барона Корфа), какъ сказано, двигалась по открытому гребню. Полкъ до тѣхъ поръ еще не былъ въ горячемъ бою; офицеры и нижніе чины рвались въ дѣло; какъ командующій полкомъ, такъ и всѣ начальники находились впереди своихъ частей; нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе усталости, были поддерживаемы подъ руки нижними чинами и шли впереди. Турки, увезшіе уже свои орудія назадъ, открыли сильнѣйшую ружейную трескотню, а затѣмъ, не выдержавъ атаки, въ полнѣйшемъ безпорядкѣ бросились изъ редутовъ назадъ. Преображенцы преслѣдовали ихъ до слѣдующаго гребня, а потомъ были возвращены назадъ къ редутамъ, и заняли вмѣстѣ съ измайловцами весь гребень пролегающій непосредственно за Ташкисеномъ по обѣ стороны шоссе [1]).

Такимъ образомъ были отброшены назадъ баталіоны Эдирне, Эльбассанъ, Ускюбъ, Призрендскій полубаталіонъ и кавалерія [2]).

[1]) „Воспоминанія офицера генеральнаго штаба".

[2]) См. „Война въ Болгаріи" Бекера.

Назади они соединились съ баталіонами Ченгири и Тузла и приведены были въ порядокъ. Въ доставшихся намъ редутахъ найдены были палатки, галеты, мука, патроны и т. п. Множество убитыхъ и тяжелораненыхъ брошены были тамъ же и нѣкоторые изъ послѣднихъ, страшно изувѣченные, умирали на нашихъ глазахъ. Наши люди, утомленные дѣйствіями за послѣднее время и получавшіе скудную сухарную дачу, неудержимо бросились на добытый кровью хлѣбъ и намъ лично пришлось видѣть, какъ нѣкоторые изъ нихъ мукой набивали рты, съ лихорадочною торопливостью утоляя свой голодъ.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ правой колонны генерала Курлова. Въ 12 часовъ ночи, съ 18-го на 19-е декабря, колонна эта двинулась изъ д. Потопа по направленію на Чеканцово; при этомъ артиллерія была направлена прямо на Негашево, затѣмъ отдѣльно шли л.-гв. Волынскій полкъ съ 2-мя баталіонами Козловскаго и С.-Петербургскій гренадерскій полкъ. Переходъ до Негашева въ нѣсколько верстъ былъ весьма труденъ и шелъ по узкимъ горнымъ тропинкамъ, такъ что людямъ пришлось вытянуться гуськомъ. Около 3-хъ часовъ утра войска прибыли къ Негашеву, гдѣ простояли часовъ до 5-ти, чтобы собраться, а затѣмъ двинулись дальше, причемъ около часу путались въ кривыхъ улицахъ деревни, пока, наконецъ, выбрались изъ нее. Пройдя далѣе впередъ, колонна достигла войскъ генерала Рауха, собиравшихся на своей позиціи, и затѣмъ свернула вправо на софійское шоссе, чтобы идти оттуда по направленію на д. Чеканцово, долженствовавшую служить исходнымъ пунктомъ атаки [1]). Уже засвѣтло колонна вышла на шоссе и перестроилась въ боевой порядокъ въ нѣсколько линій ротныхъ колоннъ.

При этомъ движеніи отрядъ встрѣтилъ огромныя затрудненія въ снѣжныхъ сугробахъ и канавахъ, пересѣкавшихъ мѣстность. Всѣ движенія, по свидѣтельству Бекера, были произведены „съ замѣчательною отчетливостью". Замѣтивъ передвиженіе нашихъ войскъ вправо, Хаджи-Мехметъ потянулъ влѣво стрѣлковый баталіонъ и 4 роты Призрендскаго полубаталіона и занялъ лѣсистыя вершины, командовавшія противулежащей долиной. Бекеръ, насчитавшій

---

[1]) „Балканскій и забалканскій походъ л.-гв. Волынскаго полка" А. Луганина. „Сборникъ военныхъ разсказовъ", т. IV.

25 тысячъ наступавшихъ русскихъ войскъ, между тѣмъ какъ ихъ было въ 2-хъ колоннахъ около 7—8 тысячъ, а съ отрядомъ полковника Васмунда и резервомъ Философова около 12—14 тысячъ, посылалъ просьбы къ Шакиру о подкрѣпленіи. Такъ какъ въ то время состоявшій при немъ телеграфный чиновникъ бѣжалъ, то сношенія приходилось дѣлать при посредствѣ конныхъ ординарцевъ [1]). Для прикрытія флангового движенія колонны мимо деревни Чеканцово, были развернуты впереди послѣдней, 2 баталіона Костромскаго полка и лѣвѣе ихъ 2-й и 3-й баталіоны л.-гв. Волынскаго. Вмѣстѣ съ этимъ между дер. Чеканцово и шоссе, снялись съ передковъ 2 орудія 6-й батареи 3-й гв. и гренадерской артиллерійской бригады, а потомъ къ нимъ присоединились еще 2 орудія той же батареи. Подъ этимъ прикрытіемъ выдвигались 1-й и 4-й баталіоны л.-гв. Волынскаго полка во фланговомъ порядкѣ, а затѣмъ одинъ изъ костромскихъ баталіоновъ направился за 1-мъ баталіономъ волынцевъ, а другой остался при орудіяхъ. Прусскіе гренадеры правѣе подходили къ дер. Чеканцово; 2-й и 3-й баталіоны волынцевъ, занявъ передовую высоту вправо отъ шоссе и оставивъ тамъ двѣ роты, въ числѣ остальныхъ ротъ двинулись еще вправо для атаки высоты, служившей директивной при движеніи. Для поддержки атаки генералъ Курловъ направилъ туда еще 4-е баталіоны Прусскаго и Волынскаго полковъ и баталіонъ костромичей. Кромѣ того на гору, находившуюся правѣе директивной, посланы были 2-я, 3-я и 4-я роты волынцевъ, чтобы обстрѣливать лѣвый флангъ турокъ [2]). При движеніи къ непріятелю войскамъ приходилось переходить нѣсколько разъ небольшую, но дѣлавшую много изгибовъ рѣченку Караманъ-дере. Не смотря на ея незначительность, перескочить ее было невозможно и она была покрыта льдомъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, куда, какъ къ естественнымъ мостикамъ, и столпились люди. Турки этимъ воспользовались и вырвали гранатами нѣсколько человѣкъ изъ строя. Шагахъ въ 400 отъ подошвы горы, волынцы пріостановились, чтобы отдохнуть. Турки въ это время успѣли уже занять свою

---

[1]) „Война въ Болгаріи“ соч. Бекера.

[2]) Изъ свѣдѣній, обязательно доставленныхъ мнѣ бывшимъ начальникомъ штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба полковникомъ Энкелемъ. А. П.

позицію и потому, какъ только наши тронулись впередъ, такъ они встрѣтили ихъ градомъ пуль. Между тѣмъ о движеніи правильною цѣпью и думать было нечего. Люди проваливались на каждомъ шагу по колѣно въ снѣгъ и каждый старался идти какъ ему удобнѣе. Передніе прокладывали дорогу, задніе шли по ихъ слѣдамъ. Такимъ образомъ цѣпь двигалась глубокими шеренгами, оставляя за собой тропинки. Видя, какъ трудно идти войскамъ, командиръ л.-гв. волынскаго полка генералъ Мирковичъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ и распорядительныхъ начальниковъ, приказалъ ротнымъ музыкантамъ играть наступленіе, хотя, конечно, объ атакѣ въ это время, со столь значительнаго разстоянія, и думать было нечего. Вдругъ жестокій ружейный огонь раздался слѣва и турки взяли волынцевъ подъ перекрестный огонь. Раздалось ура и, въ силу выработанной привычки, не смотря на усталость и на ужасную мѣстность, все бросилось впередъ бѣгомъ. Но, разумѣется, шаговъ черезъ 20—25 всѣ опять перешли въ медленный шагъ и тихо подвигались впередъ. Подойдя къ подошвѣ горы, люди стали карабкаться на верхъ, а затѣмъ пріостановились, для отдыха; въ кустахъ всѣ роты перемѣшались, солдаты кучками ютились около офицеровъ—все равно, своей ли части или чужой, безъ разбора. Наиболѣе неутомимые старались продвинуться впередъ, приглашали къ себѣ товарищей, но пока не прошла общая усталость, нельзя было исполнить и общей атаки. Когда же люди отдохнули и наверху раздался единодушный крикъ „ура“, то всѣ поднялись и бросились впередъ. Турки, залегшіе за большими камнями, образовавшими нѣчто въ родѣ природныхъ ложементовъ по всему гребню, не выдержали атаки: тѣснимые волынцами съ фронта и обхватываемые слѣва Петербургскимъ гренадерскимъ полкомъ, они бросились назадъ и старались удержаться на второмъ гребнѣ, но оттуда были выбиты тѣми же частями [1]).

Въ то же самое время турецкій баталіонъ Эски-шеиръ, занимавшій высоты южнѣе шоссе, бѣжалъ въ безпорядкѣ по дорогѣ, а офицеръ, командовавшій тамъ же артиллеріею, былъ убитъ гранатою, послѣ чего 4 полевыя орудія лѣваго фланга турокъ взяли въ передки и отступили назадъ. Всѣхъ бѣглецовъ и сбитыхъ съ позиціи обѣими нашими колоннами, Бекеръ старался устроить

---

[1]) „Балканскій и забалканскій походъ л.-гв. Волынскаго полка“ Луганина.

позади на новой позиціи, на линіи хана, находившагося у шоссе. Тамъ турецкія войска расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: высокую гору къ югу отъ Хана-Беклеме заняли баталіоны Тузла и Ченгири; они-же должны были принять на себя войска, тѣснимые нашими съ переднихъ высотъ (стрѣлковый баталіонъ и Призрендскій полубаталіонъ); бѣжавшій въ паникѣ баталіонъ Эски-шеиръ былъ поставленъ къ сѣверу отъ хана за скалами, вмѣстѣ съ баталіономъ Эльбассанъ; баталіонъ Эдирне долженъ былъ занять самый ханъ, изъ оконъ котораго обстрѣливались дороги Софійская и Даушкіойская; баталіонъ Ускюбъ и Призрендскій полубаталіонъ стали въ резервѣ. Кавалерія, совершенно безполезная на этой мѣстности, была отослана назадъ и влѣво въ долину, съ приказаніемъ выслать разъѣзды въ Дольніе Комарцы и доносить о всякомъ движеніи русскихъ въ обходъ лѣваго фланга [1]).

Между тѣмъ волынцы и Петербургскіе гренадеры побѣдоносно подвигались впередъ, тѣсня лѣвый флангъ турокъ съ одного гребня на другой, всего на протяженіи около 3-хъ верстъ. Во время этого наступленія, къ сожалѣнію, былъ раненъ въ шею командиръ л.-гв. Волынскаго полка генералъ-маіоръ Мирковичъ. Во 2-мъ часу пополудни войска генерала Курлова атаковали, наконецъ, самую высокую гору и овладѣли ею. Выдвинувши оттуда цѣпь, они открыли огонь по туркамъ, расположеннымъ у хана, который находился саженяхъ въ 300 отъ гребня занятой высоты. Турецкій баталіонъ Эдирне не выдержалъ пальбы и въ полномъ безпорядкѣ бѣжалъ назадъ по дорогѣ; артиллерія послѣдовала примѣру баталіона, взяла на передки и стала отступать. Бекеръ лично заставилъ ее возвратиться; а для занятія хана онъ выслалъ 4 роты баталіона Ускюбъ. Затѣмъ на нѣкоторое время возгорѣлась перестрѣлка, которая вскорѣ прекратилась и наступило общее затишье. Бекеръ послалъ къ Шакиру англичанина полковника Аликса, чтобы убѣдить турецкаго военачальника въ необходимости присылки подкрѣпленій. Около 3-хъ часовъ пополудни была получена записка отъ Аликса, который увѣдомлялъ, что войска Шакира находятся въ полномъ отступленіи и что единственное спасеніе ташкисенскаго отряда заключается тоже въ

---

[1]) „Война въ Болгаріи“ соч. Бекера.

отступленіи на Дольніе-Комарцы. Бекеръ однако рѣшился продержаться сколько возможно, и пока скрывать извѣстіе объ отступленіи войскъ Шакира [1]).

Между тѣмъ съ занятіемъ высокой горы только оврагъ и затѣмъ еще одна высота отдѣляли наши войска отъ софійскаго шоссе. Турки заняли, какъ видно изъ вышесказаннаго, сильно эту послѣднюю свою позицію и открыли оттуда живой огонь по нашимъ войскамъ. Утомленныя и порѣдѣвшія войска генерала Курлова, двигавшіяся все время по высотамъ, не могли продолжать наступленіе. Необходимо было собрать части, привести ихъ въ порядокъ, дать отдохнуть и подкрѣпить ихъ. Но скоро наступили сумерки, а еще ранѣе того густое облако окутало наши войска. Вслѣдствіе всего этого дальнѣйшее наступленіе, съ какою либо вѣроятностью на успѣхъ, оказывалось невозможнымъ. Между тѣмъ начальникъ 3-й гвардейской дивизіи генералъ-лейтенантъ Каталей, назначенный руководить дѣйствіями колоннъ генерала Рауха и Вельяминова, двинулся, часа за два съ половиною до наступленія сумерекъ, на крайнемъ правомъ флангѣ съ однимъ баталіономъ Костромскаго пѣхотнаго и однимъ Петербургскаго гренадерскаго полковъ для атаки Златицкаго шоссе. Пройдя по глубокому узкому ущелью, подъ фланговымъ навѣснымъ огнемъ турокъ, онъ былъ встрѣченъ и съ фронта сильной ружейной пальбой. Тогда генералъ Каталей развернулъ оба баталіона, а для перехвата шоссе послалъ еще за однимъ баталіономъ въ резервъ. Но наступившіе сумерки не дали возможности совершить эту атаку, такъ какъ до мѣста расположенія резерва около 7-ми верстъ [2]). Съ наступленіемъ темноты войска наши расположились на занятыхъ ими съ бою позиціяхъ и выставили къ сторонѣ противника сильныя пѣхотныя цѣпи съ резервами, а прочія части стали позади на бивакахъ. Что касается турокъ, то, дождавшись темноты, они начали поспѣшное отступленіе, при чемъ впередъ были отправлены раненые [3]).

Съ вечера были приняты мѣры для атаки противника на

---

[1]) „Война въ Болгаріи" соч. Бекера.

[2]) См. примѣчанія К. Э. къ соч. Бекера „Война въ Болгаріи" „Военный Сборникъ" 1880 г., № 4.

[3]) „Война въ Болгаріи".

другой день съ разсвѣтомъ. Съ этою цѣлью колонна генерала Курлова, на которую выпадала важнѣйшая роль, была усилена тремя баталіонами изъ резерва, а отрядамъ полковника Васмунда и графа Шувалова приказано было спуститься къ восточному скату горнаго хребта; кавалерія должна была двинуться, на перерѣзъ противнику, черезъ Черкескіой, такъ какъ Дольніе Комарцы были сильно заняты непріятельскою пѣхотой. Но, какъ сказано, турки съ 3-хъ часовъ по полудни 19-го числа начали отступленіе съ главной позиціи и къ утру слѣдующаго дня уже прошли Дольніе Комарцы, прикрываясь арріергардомъ изъ бригады пѣхоты съ артиллеріей. На своихъ позиціяхъ турки оставили много больныхъ и раненыхъ и 10 орудій. Преслѣдованіе могло быть ведено только по пятамъ, такъ какъ кавалерія, долженствовавшая выйти на перерѣзъ туркамъ, встрѣтила сильныя мѣстныя препятствія и не выполнила возложенную на нее задачу. Съ другой стороны генералъ-адъютантъ Гурко желалъ, чтобы войска генерала Дандевиля, спустившись съ горъ, двинулись на Петричево и отрѣзали туркамъ путь отступленія. Но сообщеніе съ генераломъ Дандевилемъ было преграждено горами и потому всѣ свѣдѣнія онъ получилъ слишкомъ поздно и несвоевременно [1]).

Преслѣдованіе по пятамъ производилось главнымъ образомъ 3-й гвардейской пѣхотой дивизіей, 20-го и 21-го декабря, окончившись 22-го декабря взятіемъ съ боя Петричева. 21-го декабря, въ небольшомъ арріергардномъ дѣлѣ, при входѣ въ Петричевское ущелье, былъ убитъ генералъ-лейтенантъ Каталей, начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, и смертельно раненъ командиръ 1-й бригады этой же дивизіи генералъ-маіоръ Философовъ. Оба они ѣхали въ самой головѣ авангарда и тутъ же погибли отъ залповъ турецкой пѣхоты съ разстоянія около 700 шаговъ.

Потеря наша въ описанныхъ дѣлахъ съ 19-го по 23-е декабря состояла изъ 32 офицеровъ и 1003 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими.

Трудно сказать что нибудь опредѣленное о потеряхъ турокъ; въ плѣнъ нами взято около 1500 человѣкъ; убитыми па Арабаконакской позиціи, во время демонстративной канонады, они по-

---

[1]) Рапортъ генералъ-адъютанта Гурко, отъ 28-го декабря 1877 г.

теряли до 300 человѣкъ; а въ отрядѣ Бекера, по показанію его самаго, въ лучшихъ 5-ти баталіонахъ выбыло изъ строя 800 человѣкъ; о потеряхъ остальныхъ частей его войскъ онъ не упоминаетъ. Какъ далѣе читатель увидитъ, турки понесли еще весьма значительную убыль (около 2000 человѣкъ) въ Бугаровскомъ дѣлѣ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ войскъ, оставленныхъ въ заслонахъ.

Къ западу отъ Софійскаго шоссе на Арабаконакской позиціи, подъ начальствомъ графа Шувалова, полки л.-гв. Московскій и Павловскій занимали Павловскую и Преображенскую горы, а л.-гв. Финляндскій ближайшую къ противнику высоту, Финлядскую, на которой было расположено 2 баталіона этого полка. Къ востоку отъ шоссе, подъ начальствомъ Его Высочества принца Ольденбургскаго, полки л.-гв. Семеновскій, егерскій и 1-й баталіонъ Московскаго полка занимали позицію противъ Шандарника. На самомъ шоссе находился только одинъ баталіонъ л.-гв. Финляндскаго полка. Для усиленія этого пункта задержанъ былъ одинъ баталіонъ л.-гв. Московскаго полка до тѣхъ поръ, пока очищеніе турками Лютиковской позиціи не дало намъ возможности притянуть оттуда часть войскъ. На шоссе и Финляндской горѣ командовалъ войсками генералъ Эттеръ, а общее начальствованіе надъ всѣми этими отрядами, а также и надъ Лютиковской позиціей, согласно диспозиціи, принялъ командиръ 9-го корпуса генералъ-лейтенантъ Криденеръ.

Лютиковская позиція была очищена турками 15-го декабря. Къ тому же времени подошла 2-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, двигавшаяся къ Орханіэ черезъ Врацу. Вслѣдствіе этого одинъ баталіонъ Костромскаго полка былъ притянутъ на усиленіе резерва на шоссе, а два баталіона, точно также какъ и 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, направлены были на Чурьякъ. Читатель уже знаетъ, что костромичи принимали участіе въ Ташкисенскомъ бою.

Въ теченіе 17-го и 18-го декабря были подведены къ Арабаконакской позиціи полки 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи и заняли Павловскую и Преображенскую горы, что и дало возможность графу Шувалову выдвинуться впередъ и принять нѣкоторое участіе (артиллерійскимъ огнемъ) въ Ташкисенскомъ бою. Впослѣдствіи онъ и спустился съ горъ по направленію на Ташкисенъ.

Что касается дѣйствій нашихъ войскъ во время совершенія перехода черезъ Балканы обходными колоннами, то онѣ заключались въ демонстраціяхъ, для чего не только ведена была артиллерійская канонада, но и выдвигались къ непріятельской позиціи отдѣльные отряды, такъ что каждый почти день въ войскахъ была убыль убитыми и ранеными. Болѣе всѣхъ терпѣлъ л.-гв. Финляндскій полкъ, позиція котораго врѣзывалась въ непріятельскую и обстрѣливалась сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ изъ ложементовъ огнемъ.

Во всѣ дни до 17-го числа была сильная стужа, такъ что войска теряли часть людей обмороженными. Частые туманы мѣшали пальбѣ и тогда наступало затишье на позиціяхъ. Но 17-го числа потеплѣло и прояснилось, поэтому на другой день производилась усиленная артиллерійская пальба и выдвинуты были по шоссе и къ Шандарнику охотники, обнаружившіе, что турки занимаютъ еще свою позицію [1]).

Въ день ташкисенскаго боя, 19-го декабря, открытъ былъ жестокій артиллерійскій огонь, который ввелъ сначала турокъ въ заблужденіе, и, въ ожиданіи атаки со стороны Арабаконака, они держали свои войска въ укрѣпленіяхъ, вслѣдствіе чего потеряли до 300 ч. [2]).

Турки отвѣчали шрапнелью, которая лопалась на значительномъ разстояніи и не наносила намъ вреда. Затѣмъ непріятельскій огонь вдругъ прекратился, что заставило предполагать не очищаютъ-ли турки позицію; съ цѣлью убѣдиться въ этомъ, принцъ Ольденбургскій вызвалъ охотниковъ л.-гв. егерскаго полка и назначилъ 8-ую и 9-ую роты л.-гв. Семеновскаго полка. Непріятельская позиція была покрыта туманомъ, а на нашей было ясно. Охотники двинулись къ Шандарнику и охватили его, подъ покровомъ тумана, въ которомъ скоро скрылись. Всѣ прочія войска стояли на готовѣ, чтобы двинуться по первому приказанію. Около 7-ми часовъ раздались со стороны турокъ выстрѣлы, а затѣмъ суетливые крики „Аллахъ“, что убѣдило охотниковъ въ при-

---

[1]) Дѣйствія отряда генералъ-адъютанта барона Кридинера. „Военный Сборникъ“, 1878 г. № 4.

[2]) Рапортъ генерала Гурко, отъ 28-го декабря 1877 г.

сутствіи противника на прежней позиціи, и они отошли назадъ съ ничтожными потерями [1]). Казаки 34-го полка съ 2-мя ротами пѣхоты произвели такую же рекогносцировку по шоссе. Ночью съ 19-го на 20-е декабря казачьи разъѣзды доносили о слышанномъ на непріятельской позиціи стукѣ, а утромъ они сообщили, что, по всей вѣроятности, непріятель очистилъ позицію, такъ какъ, подходя почти къ самой непріятельской батареѣ, разъѣздъ былъ встрѣченъ лишь одиночными ружейными выстрѣлами. Вслѣдствіе этого двинуты были впередъ всѣ войска, находившіяся на шоссе, и было послано соотвѣтствующее приказаніе принцу Ольденбургскому [2]).

Между тѣмъ Его Высочество, желая убѣдиться, находятся-ли турки на своей позиціи, выслалъ, утромъ 20-го декабря, тѣхъ же охотниковъ, которые наканунѣ ходили противъ Гюльдизъ-Табіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыта была артиллерійская пальба изъ всѣхъ орудій, которая затѣмъ была прекращена, чтобы не попадать въ своихъ, когда охотники значительно выдвинулись впередъ и скрылись въ туманѣ. Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, во время котораго изъ тучи раздавалась ружейная перестрѣлка; наконецъ, она затихла; взвилось послѣдовательно 3 ракеты, служившія сигналомъ очищенія турками позиціи, и среди нашихъ войскъ раздались крики восторженнаго ликованія. Немедленно весь отрядъ спустился и занялъ турецкую позицію, гдѣ нашелъ много раненыхъ, больныхъ, орудія, патроны и т. д. Часть войскъ назначена была для стаскиванія непріятельскихъ орудій, а часть для спуска своихъ [3]).

Такъ какъ по шоссе былъ самый удобный путь, то первыми изъ отряда генералъ-лейтенанта барона Кридинера перешли горы 1-й баталіонъ л.-гв. Финляндскаго полка, затѣмъ Архангелогородскій и часть Вологодскаго полковъ; позже, по исправленіи дороги, двинулась 2-я батарея 31-й артиллерійской бригады.

---

[1]) „Стоянка на Этропольскомъ Балканѣ" барона Н. Каульбарса, Военный Сборникъ 1879 г., № 12.

[2]) Дѣйствія отряда генералъ-лейтенанта барона Кридинера при переходѣ черезъ Балканы.

[3]) „Стоянка на Этропольскомъ Балканѣ".

По переходѣ 20-го декабря Арабаконака, по распоряженію генерала Гурко, войска, состоявшія въ вѣдѣніи генералъ-лейтенанта барона Криднера, размѣщены были такъ, что отрядъ принца Ольденбургскаго сталъ въ д. Стриглѣ, графа Шувалова — въ Горнихъ Комарцахъ, и 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи — тоже въ Стриглѣ [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о соединеніи различныхъ частей дивизій, дѣйствовавшихъ до того времени въ составѣ разныхъ отрядовъ [2].

А. К. Пузыревскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

[1]) Дѣйствія отряда генералъ-адъютанта барона Криднера.

[2]) Затѣмъ войска эти были передвинуты въ различные другіе пункты.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825—1855 гг.

I.

11-го іюня 1825 года кончился выпускной экзаменъ 14-ти воспитанниковъ (въ томъ числѣ меня) VII выпуска благороднаго пансіона И. Царскосельскаго лицея (нынѣ Александровскій въ Петербургѣ [1]) на государственную службу: 11-ти въ военную и 3-хъ въ гражданскую. Въ тотъ же день мы, выпускные воспитанники, покинули пансіонъ (въ Софіи, гдѣ нынѣ казармы л.-гв. 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона) и отправились въ свои семейства въ Петербургъ. Такъ какъ родители мои предназначили меня къ службѣ генеральнаго штаба (называвшагося тогда свитой Е. И. В. по квартирмейстерской части), а для поступленія въ него мнѣ слѣдовало предварительно выдержать экзаменъ въ главномъ штабѣ Е. И. В., то для приготовленія къ нему, по выпускной программѣ училища колонновожатыхъ въ Петербургѣ, я удалился въ деревню, Новгородской губерніи, въ 18-ти верстахъ отъ с. Тосны—с. Марьино, имѣніе графини С. В. Строгановой, на второй дочери которой былъ женатъ старшій братъ мой Василій, флигель-адъютантъ и гвардіи ротмистръ, начавшій службу свою

---

[1]) См. „Благородный пансіонъ И. Царскосельскаго лицея, 1814—1829 гг.“, 1 книжка въ 8 д. листа, Спб. 1869 г. Она составлена мною и заключаетъ въ себѣ оффиціальную и неоффиціальную исторію пансіона, съ изображеніемъ внутренней жизни его и многихъ свѣдѣній о тогдашнихъ лицахъ и событіяхъ Она была издана Спб. книгопродавцемъ (нынѣ умершимъ) Кораблевымъ и и была въ продажѣ только въ его магазинѣ (нынѣ Тузова, Б. Садовая № 16). По смерти же его, нераспроданные экземпляры этой книжки принадлежатъ малолѣтнимъ наслѣдникамъ, находящимся подъ опекой. Кн. Н. Г.

въ 1812 г. офицеромъ также квартирмейстерской части, изъ экстерновъ частнаго училища колонновожатыхъ въ Москвѣ, отставнаго генералъ-маіора Николая Николаевича Муравьева, отца извѣстныхъ Александра, Михаила, Николая, Андрея и Сергія. Тамъ, въ деревенскомъ уединеніи, я усердно и дѣятельно готовился къ экзамену съ конца іюня до конца іюля, а послѣ 15-го августа всѣ мы, 14 человѣкъ выпущенныхъ изъ пансіона, собрались въ немъ на обычный выпускной актъ, на которомъ намъ были объявлены Высочайше утвержденныя опредѣленія конференціи лицея и пансіона о выпускѣ насъ по тремъ разрядамъ и награжденіи насъ медалями. Пятеро изъ насъ (въ томъ числѣ братъ и я) были удостоены выпуска по 1-му разряду офицерами старой гвардіи и четверо—медалями: И. С. Фроловъ (умеръ въ 1879 г. генералъ-адъютантомъ, полнымъ генераломъ и сенаторомъ)—золотою, я—1-ю серебряною (двухъ золотыхъ не давали), Свѣчинъ—2-ю и Юревичъ—3-ею. Четверо были выпущены по 2-му разряду; изъ нихъ 2—въ молодую гвардію и 2—въ гражданскую службу XII классомъ, и пятеро—по 3-му разряду, изъ нихъ 4—въ армію и 1—въ гражданскую службу XIV классомъ. При этомъ намъ были выданы медали (моя сохраняется у меня до сихъ поръ) и надлежащія свидѣтельства конференціи (секретаремъ которой былъ профессоръ И. К. Кайдановъ).

Послѣ акта, мы въ послѣдній разъ простились съ нашимъ дорогимъ пансіономъ, его начальствомъ, профессорами, преподавателями, воспитателями, воспитанниками—и отправились въ Петербургъ, поступавшіе въ гражданскую службу,—для опредѣленія въ нее тотчасъ, а поступавшіе въ военную—для предварительнаго узнанія правилъ строевой службы, пѣхотной или кавалерійской, кто куда поступалъ. Но Фроловъ и я, поступавшіе въ гвардейскій генеральный штабъ, еще до того держали съ 28-го августа до 7-го сентября, въ круглой залѣ библіотеки главнаго штаба Е. И. В., экзаменъ, преимущественно изъ чистой и прикладной математики, артиллеріи, фортификаціи, тактики, а также изъ исторіи, географіи и пр., по программѣ училища колонновожатыхъ. Экзаменовали насъ штабъ- и оберъ-офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба и квартирмейстерской части (полковникъ Галяминъ, штабсъ-капитанъ Дюгамель, поручикъ Гастферъ, прапорщикъ Палицынъ и др.), всѣ, за исключеніемъ Палицына, строго, но справедливо и безъ придирокъ, Палицынъ же, напротивъ, съ большими придирками и невозможными вопросами, потому что принадлежалъ къ числу неблаговолившихъ поступленію въ квартирмейстерскую часть—постороннихъ, не изъ училища колонновожатыхъ, а изъ пажескаго корпуса, лицея

и его пансіона [1]). Такъ, напримѣръ, экзаменуя меня изъ исторіи, онъ, съ явнымъ намѣреніемъ «срѣзать» меня, задалъ мнѣ такого рода задачу: «перечислить по порядку всѣхъ королей Англіи, съ годами ихъ воцаренія и смерти»!—Никакая, самая лучшая память не могла бы разрѣшить такой задачи безъ ошибки—и я отказался отвѣчать, требуя переэкзаменовки (которая и была дана мнѣ послѣ). За то же Палицынъ былъ наказанъ 4 мѣсяца спустя: его арестовали за участіе въ заговорѣ 14-го декабря и онъ былъ исключенъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба, въ который не хотѣлъ допустить меня. Въ концѣ концовъ мы выдержали экзаменъ вполнѣ удовлетворительно и вмѣстѣ съ 3-мя товарищами, поступавшими въ гвардейскую пѣхоту (Юревичемъ, Брокеромъ и Ховеномъ 1-мъ) были прикомандированы для узнанія правилъ строевой пѣхотной службы, къ 2-хъ-баталіонному учебному карабинерному полку, квартировавшему въ Петровскихъ казармахъ, на Аптекарскомъ острову, на берегу большой Невки, въ 2-хъ корпусахъ, рядомъ съ 2-мя другими, занятыми л.-гв. гренадерскимъ полкомъ. Учебный карабинерный полкъ (тогда еще единственный; позже, ихъ было 4) имѣлъ назначеніе образовать унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ для пѣхотныхъ полковъ арміи и состоялъ подъ начальствомъ полковника Петра Ѳедоровича Веймарна, бывшаго адъютанта главнокомандовавшаго 1-й арміей, генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли (впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса и умеръ въ званіи генералъ-адъютанта и дежурнаго генерала главнаго штаба Е. И. В.). Насъ назначили во 2-й баталіонъ подполковника Бабикова (въ 1831 г. онъ былъ, въ царствѣ Польскомъ, полковникомъ и командиромъ Астраханскаго гренадерскаго полка, отличившагося въ сраженіи при Остроленкѣ), въ роту капитана Курлòва, и дали намъ въ учители молодаго, статнаго, ловкаго и бойкаго унтеръ-офицера Аренсватова. Эти 3 лица были завзятые фрунтовики тогдашняго времени, въ своемъ родѣ сущіе артисты выправки, маршировки, ружейныхъ пріемовъ и всѣхъ родовъ строевыхъ ученій, отъ наименьшихъ до наибольшихъ, со всѣми тогдашними хитростями и тонкостями ихъ. Аренсватовъ, подъ руководствомъ Курлòва и наблюденіемъ Бабикова, усердно и дѣятельно училъ насъ, а мы точно также учились у него—всей тогдашней

---

[1]) Изъ нихъ прежде всѣхъ поступили въ гвардейскій генеральный штабъ: изъ лицея въ 1817 г. воспитанникъ 1-го выпуска (вмѣстѣ съ Пушкинымъ) Вальховскій, съ золотою медалью, снискавшій себѣ такую прекрасную извѣстность своею отличною службой на Кавказѣ, а въ 1821 г. изъ камеръ-пажей пажескаго корпуса—К. В. Чевкинъ и Траскинъ. **Кн. Н. Г.**

«фрунтовой премудрости», начиная съ азбуки—выправки, стойки, маршировки учебнымъ шагомъ въ 3 пріема и ружейныхъ пріемовъ. Пройдя этотъ первоначальный курсъ, мы перешли постепенно къ взводному, ротному и наконецъ баталіонному 6-ти ряднымъ ученьямъ, командуя подъ конецъ за офицеровъ (для чего при пансіонскихъ мундирахъ носили шпаги). Такимъ образомъ мы учились весь сентябрь и весь октябрь, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, цѣлое утро. Наконецъ, пройдя полный курсъ строеваго пѣхотнаго ученья, мы были представлены на смотръ полковаго командира Веймарна, испытаны во всемъ, до баталіоннаго ученія включительно, выдержали испытаніе съ полнымъ успѣхомъ и были удостоены, согласно съ тѣмъ, представленіемъ по начальству въ гвардейскій штабъ и главный штабъ Е. И. В.

Въ тоже время 7 товарищей нашихъ, поступавшихъ въ кавалерію (въ томъ числѣ братъ мой—въ гвардейскую конную артиллерію) прошли точно такой же учебный курсъ въ л.-гв. конномъ полку и, по выдержаніи испытанія, тоже были представлены по начальству.

Послѣ того мы уже начали обмундировываться и экипировываться, въ чаяніи производства въ ноябрѣ въ офицеры. Но, увы! надеждамъ и нетерпѣливымъ ожиданіямъ нашимъ не суждено было исполниться такъ-то скоро... Только 14-го ноября былъ подписанъ всеподданнѣйшій докладъ главнаго штаба Е. И. В. о производствѣ насъ въ офицеры и посланъ съ срочнымъ фельдъегеремъ въ Таганрогъ, гдѣ тогда находился императоръ Александръ Павловичъ, уже опасно больной. При всей скорости тогдашней фельдъегерской ѣзды, въ ту пору года, по тогдашнимъ грунтовымъ дорогамъ (даже шоссе между Петербургомъ и Москвою было построено и открыто только на нѣсколько станцій отъ каждой столицы, а на остальномъ пространствѣ еще строилось), фельдъегерь, везшій докладъ о насъ, прибылъ въ Таганрогъ уже послѣ 19-го ноября, дня кончины государя. И вмѣсто радостной для насъ вѣсти о нашемъ производствѣ, 27-го ноября пришла горестная вѣсть о кончинѣ государя, принесена присяга новому императору Константину Павловичу и послѣдовала, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль 1-й половины декабря, пересылка и переписка между великими князьями: Константиномъ Павловичемъ въ Варшавѣ, о его отреченіи отъ престола, и Николаемъ Павловичемъ въ Петербургѣ, о признаніи перваго императоромъ и принесеніи уже ему присяги. Въ эти двѣ слишкомъ недѣли, разумѣется, до нашего производства въ офицеры никому уже не было и не могло быть дѣла. Но, наконецъ, всѣ недоумѣнія кончились

и на 14-е декабря было назначено торжественное провозглашеніе вступленія на престолъ императора Николая Павловича и принесенія ему присяги—и въ насъ возродились надежды на производство вслѣдъ затѣмъ... Но не тутъ-то было: надежды эти снова не сбылись...

II.

14-го декабря, въ 12-мъ часу дня (когда всѣ уже съѣзжались въ Зимній дворецъ къ выходу), я и братъ мой Александръ находились у жены старшаго брата нашего Василія, въ домѣ графини Строгановой, у Полицейскаго моста, какъ вдругъ мы узнали, что «гвардія бунтуетъ, не хочетъ присягать императору Николаю Павловичу и собирается на Сенатской площади». Услыхавъ это, братъ мой, я и пріятель нашъ, колонновожатый Рочфортъ, (мать котораго была воспитательницей дочерей графини Строгановой, а старшій братъ полковникомъ квартирмейстерской части), подстрекаемые любопытствомъ посмотрѣть на «бунтъ гвардіи», недолго думавши, накинули на себя шинели—и маршъ на Адмиралтейскую площадь. Но на углу Невскаго проспекта мы разлучились: братъ и Рочфортъ пошли на Адмиралтейскій бульваръ и на верхнюю галлерею Адмиралтейскаго шпица, смотрѣть оттуда на происходившее на всѣхъ трехъ площадяхъ, а я, увидавъ множество народа у главныхъ воротъ Зимняго дворца, пошелъ туда. Я прибылъ въ то самое время, когда императоръ Николай Павловичъ, верхомъ на лошади, объявлялъ народу объ отреченіи въ его пользу великаго князя Константина Павловича отъ престола и о вступленіи своемъ на престолъ. Стоя въ заднихъ рядахъ народной толпы, неистово кричавшей ура! и бросавшей шапки вверхъ, я не могъ разслушать словъ государя, а между тѣмъ, сзади насъ изъ Большой Милліонной вышелъ 1-й баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка и построился въ колонну, фронтомъ къ Сенатской площади, а правымъ флангомъ къ Зимнему дворцу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александровская колонна. Государь, сопровождаемый народомъ (а за народомъ и я), направился въ головѣ колонны Преображенскаго баталіона, говорилъ ему—что?—я не могъ разслушать, и приказалъ зарядить ружья. Въ это самое время (какъ я узналъ уже послѣ) къ государю подошелъ с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, въ полной парадной формѣ, въ Андреевской лентѣ, прямо съ Сенатской площади, гдѣ тщетно старался образумить бунтовщиковъ, но они (не солдаты, а заговорщики) силой принудили его удалиться, грозя, что иначе въ него будутъ стрѣлять. Подойдя къ государю, Милорадовичъ, въ сильномъ волненіи, сказалъ ему по французски (онъ очень любилъ говорить на этомъ языкѣ, хотя го-

ворилъ съ ошибками): «Sire! quand on a traité de la sorte un homme comme moi, il ne reste»... Государь не далъ ему договорить и строгимъ тономъ сказалъ: «графъ! вы — военный генералъ-губернаторъ столицы и сами должны знать, что вамъ слѣдуетъ дѣлать; идите туда (указывая на Сенатскую площадь), возьмите конную гвардію и распорядитесь какъ слѣдуетъ». — Милорадовичъ почтительно поклонился, приложивъ руку къ шляпѣ, и пошелъ къ конно-гвардейскому манежу, сопровождаемый только однимъ адъютантомъ своимъ А. П. Башуцкимъ (сыномъ с.-петербургскаго коменданта). Отъ этого послѣдняго я и узналъ впослѣдствіи какъ эти подробности, такъ и послѣдующія, касавшіяся Милорадовича, до самой его смерти, и разскажу ихъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

Государь же направился къ углу Невскаго проспекта, сопровождаемый народомъ (а за народомъ и я) и Преображенскимъ баталіономъ. Тутъ я увидалъ, что на углу Невскаго проспекта къ государю подошелъ неизвѣстный мнѣ, высокаго роста, съ воинственной осанкой, длинными черными усами и черною повязкою поперегъ лба, офицеръ въ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ (послѣ я узналъ, что то былъ Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Якубовичъ, раненый въ голову на Кавказѣ и принадлежавшій къ числу главныхъ заговорщиковъ). Что говорилъ ему государь, я не могъ слышать, но видѣлъ, что вслѣдъ затѣмъ этотъ офицеръ пошелъ на Сенатскую площадь (послѣ я узналъ, что государь поручилъ ему, по собственному его вызову, образумить мятежниковъ, но Якубовичъ, вмѣсто того, будто бы сказалъ имъ: «держись—трусятъ»).

Послѣ того государь, сопровождаемый народомъ, поѣхалъ къ лѣвому углу Адмиралтейскаго бульвара. Между этимъ угломъ и заборомъ строившагося Исаакіевскаго собора, выдвинутымъ далеко впередъ на одну линію съ бульваромъ, былъ небольшой промежутокъ, въ нѣсколько саженей. Прямо противъ этого промежутка, фронтомъ къ нему, примѣрно въ 100—150 шагахъ, стоялъ передній фасъ каре мятежниковъ (солдатъ л.-гв. московскаго и гренадерскаго полковъ, гвардейскаго экипажа и др.), правый флангъ котораго приходился, такимъ образомъ, противъ зданія Сената, возлѣ гауптвахты, лѣвый—возлѣ памятника Петра Великаго, а задній — противъ угла Сената и набережной. Въ это время, съ Вознесенскаго проспекта, Гороховой улицы и Невскаго проспекта уже вступали на Адмиралтейскую площадь полки гвардіи, приходившіе изъ-за Мойки и Фонтанки; 1-й баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка перешелъ съ Дворцовой площади также на Адмиралтейскую, л.-гв. конный полкъ собирался у своего манежа, а на Исаакіевскій мостъ двигались зарѣчные полки,

л.-гв. Финляндскій въ головѣ. Такимъ образомъ вся гвардія постепенно занимала всѣ улицы, примыкавшія къ Сенатской площади, окружая и стѣсняя болѣе и болѣе мятежниковъ на этой послѣдней. Государь, уже окруженный большою военною свитой, верхомъ на лошадяхъ, остановился близь лѣваго угла Адмиралтейскаго бульвара; сопровождавшій же его народъ (а за нимъ и я) двинулся по бульвару до угла и потомъ на право къ набережной и на Сенатскую площадь къ каре мятежниковъ. Нужно сказать, что на половину длины лѣваго фаса бульвара былъ нагроможденъ гранитный и булыжный матеріалъ для Исаакіевскаго собора, съ небольшими промежутками, и только отъ угла бульвара было свободное пространство, незанятое этимъ матеріаломъ. Изъ этого видно, что Сенатская площадь была крайне стѣснена, съ одной стороны—заборомъ, а съ другой—каменнымъ матеріаломъ, и стѣсненное ими и окружаемое войсками, каре мятежниковъ находилось почти въ безвыходной западнѣ. Но въ то время всѣ эти мысли не приходили мнѣ въ голову: я ничего не зналъ, ничего не понималъ, и только увлекаемый любопытствомъ, шелъ за народомъ къ каре мятежниковъ и наконецъ успѣлъ подойти къ лѣвому углу его. Но еще прежде того, двигаясь за народомъ по бульвару, я видѣлъ, какъ вдоль его по Адмиралтейской площади ѣхалъ изъ Зимняго дворца петербургскій митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, въ дышловыхъ саняхъ на парѣ лошадей, съ иподіакономъ, въ облаченіи же, на запяткахъ—на Сенатскую площадь, уговаривать мятежниковъ (въ чемъ однако не имѣлъ успѣха и тѣмъ же порядкомъ воротился назадъ). Когда я подошелъ къ лѣвому углу каре, то увидалъ слѣдующую картину: солдаты передняго и лѣваго фасовъ, въ мундирахъ, бѣлыхъ панталонахъ, крагахъ, киверахъ съ высокими волосяными султанами, грѣлись (день былъ морозный и пасмурный), переминаясь съ ноги на ногу, подпрыгивая и колотя рука объ руку, словно въ ожиданіи смотра или парада. Вдоль передняго фаса ходилъ какой-то неизвѣстный мнѣ адъютантъ, въ мундирѣ и шляпѣ (едва-ли не Александръ Бестужевъ?) и что-то говорилъ солдатамъ, а внутри каре было множество людей, и въ военныхъ, и въ гражданскихъ мундирахъ, и всякаго рода одеждахъ, шинеляхъ, шубахъ и т. п., съ оживленіемъ говорившихъ между собою и съ солдатами (то были главные заговорщики). Между тѣмъ квартальные и полицейскіе солдаты, стоявшіе впереди народной толпы, безпрестанно отодвигали ее назадъ, стращая, что «будутъ стрѣлять», но толпа отодвинется и снова надвинется, а съ нею и я, пока наконецъ полицейскіе рѣшительно заставили насъ уйти назадъ на бульваръ, по которому я за наро-

домъ и двинулся обратно. Не доходя до угла бульвара, я увидѣлъ, что отъ угла вдоль бульвара и тыломъ къ нему, уже стояло два эскадрона л.-гв. коннаго полка (то былъ 1-й дивизіонъ полковника барона Вельо). Завернувъ за уголъ бульвара и продолжая двигаться по немъ на лѣво, вдругъ я услыхалъ позади трескотню бѣглаго ружейнаго огня — и надъ нашими головами просвистали пули... То была атака конной гвардіи на передній фасъ каре, встрѣтившаго ее бѣглымъ ружейнымъ огнемъ на такомъ близкомъ разстояніи, что, какъ говорится, кòнямъ въ морду (при этомъ случаѣ полковникъ баронъ Вельо былъ раненъ въ руку, которую ему и отняли; впослѣдствіи онъ долго былъ комендантомъ въ Царскомъ Селѣ). Сколько было при этомъ раненыхъ—не знаю, но полагаю, что немного, ибо, какъ объясню въ своемъ мѣстѣ ниже, мятежники стрѣляли, кажется, бòльшею частію вверхъ, чтобы не стрѣлять въ своихъ. Свистъ пуль надъ нашими головами, кажется, подтверждаетъ это; тѣмъ не менѣе онъ заставилъ меня образумиться и изъ-за ребяческаго любопытства не рисковать напрасно жизнью или цѣлостью. Я прибавилъ шагу, сколько позволяла густая толпа народа, и продолжалъ идти по бульвару вдоль Адмиралтейской площади. Тутъ я увидѣлъ, что на встрѣчу, возлѣ наружнаго тротуара, ѣхали на большихъ рысяхъ 4 орудія гвардейской пѣшей артиллеріи (л.-гв. 1-й артиллерійской бригады), а впереди бѣглымъ шагомъ бѣжалъ офицеръ этихъ орудій (то былъ поручикъ Бакунинъ, впослѣдствіи адъютантъ великаго князя Михаила Павловича). Пропустивъ эти орудія, я уже пошелъ въ обратный походъ къ дому, въ которомъ жили мои родители со всѣмъ нашимъ семействомъ (домъ барона Аша, впослѣдствіи Н. И. Греча, на Мойкѣ, рядомъ съ домомъ князя Юсупова). Но добраться туда было не легко: всѣ улицы были запружены народомъ, и лишь съ большимъ трудомъ, дальними обходами, уже часу въ 4-мъ, въ сумерки, наконецъ удалось мнѣ добраться до дому, порядочно измерзши на морозѣ съ полудня. Едва только я успѣлъ вкратцѣ разсказать своимъ о моихъ похожденіяхъ, какъ вдругъ мы услыхали пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и четвертый... (тò была трагическая развязка бунта на Сенатской площади: 4 выстрѣла картечью, обратившіе мятежниковъ въ бѣгство по Галерной и Невѣ, оставивъ на площади многихъ убитыхъ и раненыхъ).

Къ этому разсказу о томъ, чтò я самъ видѣлъ въ этотъ день, прибавлю то, чтò слышалъ отъ другихъ: во 1-хъ, отъ брата моего и Рочфорта, которые, глядя на все, происходившее на площадяхъ, съ галлереи Адмиралтейскаго шпица, также слышали на ихъ высотѣ свистъ пуль: это подтверждаетъ сказанное мною выше, что мятежники

большею частію стрѣляли вверхъ;—во 2-хъ, что когда встрѣченныя мною 4 орудія были поставлены въ указанномъ выше промежуткѣ между угломъ бульвара и заборомъ, и когда, наконецъ, рѣшено было прибѣгнуть къ картечи, то государь скомандовалъ—«первая», а Бакунинъ, командовавшій двумя первыми орудіями, подхватилъ команду: «пли!», но увидавъ, что послѣ команды: «первая пли!», № съ пальникомъ замялся и не наложилъ пальника на трубку, подскочилъ къ нему съ энергическимъ словомъ: «что ты...?» — «Ваше благородіе! свои!»—тихо отвѣчалъ № съ пальникомъ—«.... да если бы я самъ сталъ передъ пушкой и скомандовалъ «пли!» ты долженъ былъ бы стрѣлять!» и съ этимъ словомъ, выхвативъ у него пальникъ, самъ нанесъ его на трубку и произвелъ 1-й выстрѣлъ, который однако направленъ былъ поверхъ каре и почти вся картечь попала въ зданіе Сената. Но три слѣдующіе выстрѣла были уже направлены прямо въ каре, а потомъ вслѣдъ за бѣжавшими пущено было ядро вдоль Галерной и картечь по Невѣ;—дѣйствительно-ли было такъ это послѣднее обстоятельство, удостовѣрить не могу, не видавъ этого самъ, но знаю, что много раненыхъ солдатъ изъ числа мятежниковъ было подобрано въ Галерной, на Невѣ и Васильевскомъ островѣ, между прочимъ, въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ;—въ 3-хъ, любопытно то, что солдаты, грубымъ обманомъ увлеченные въ мятежъ, поплатились или жизнію, или тяжкими ранами и увѣчьями, или были отправлены на Кавказъ, а обманувшіе ихъ—первые попрятались по погребамъ и чердакамъ Галерной и другихъ улицъ, гдѣ и были въ ту же ночь отысканы и арестованы [1]).

Но самое любопытное изъ слышаннаго мною потомъ былъ разсказъ пріятеля моего (нынѣ умершаго) А. П. Башуцкаго, тогда адъютанта графа Милорадовича, о всемъ, что произошло съ этимъ послѣднимъ съ той минуты, когда государь послалъ его на Сенатскую площадь, до самой смерти его 15-го декабря рано утромъ. Разсказъ этотъ я не разъ слыхалъ отъ самаго Башуцкаго во всѣхъ подробностяхъ и сверхъ того читалъ въ составленномъ имъ описаніи. Первый экземпляръ этого описанія выпросилъ у Башуцкаго баронъ М. А. Корфъ, когда получилъ приказаніе государя составить описаніе событій дня восшествія его на престолъ; при этомъ Корфъ далъ слово возвратить

[1]) Подтвержденіемъ находчивости и расторопности Бакунина можетъ служить то, что послѣ 14-го декабря великій князь Михаилъ Павловичъ взялъ въ адъютанты къ себѣ именно Бакунина, а не другаго кого-либо изъ офицеровъ стрѣлявшаго дивизіона. Я зналъ Бакунина адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича. Онъ былъ странный человѣкъ, въ родѣ полуумнаго, впослѣдствіи пилъ и спился и, какъ я слышалъ, умеръ на Кавказѣ сумасшедшимъ, можетъ быть отъ пьянства. Кн. Н. Г.

Башуцкому рукопись его, но возвратить не успѣлъ (она должна находиться у наслѣдниковъ графа М. А. Корфа). Башуцкій написалъ 2-й экземпляръ и далъ его мнѣ для чтенія, а у меня выпросилъ его, для чтенія же, Сергіевской Пустыни настоятель архимандритъ Игнатій (Брянчаниновъ), и не возвратилъ. Еще позже, къ 50-тилѣтію смерти графа Милорадовича въ 1875 г., Башуцкій составилъ 3-й экземпляръ для племянника Милорадовича (пожалованнаго, 14-го или 15 декабря 1875 г. въ графское достоинство и въ званіе флигель-адъютанта), у котораго этотъ экземпляръ и остался, а Башуцкій въ 1876 г. умеръ. Но я очень хорошо помню разсказъ его, какъ писанный, такъ, особенно, словесный, заключавшій нѣкоторыя подробности, которыя не вошли въ рукописное описаніе. Конечно, я здѣсь приведу только сущность разсказа Башуцкаго, но могу подтвердить полную достовѣрность того, что̀ скажу.

Когда Милорадовичъ, сопровождаемый только однимъ Башуцкимъ, пришелъ къ конногвардейскому манежу, то увидалъ, что л.-гв. конный полкъ только-что началъ собираться! Солдаты, одинъ за другимъ, выводили осѣдланныхъ лошадей изъ казармъ, но офицеровъ и командира полка, генералъ-маіора А. Θ. Орлова еще не было (удивительное дѣло!—а кавалергардскій полкъ, позже, прискакалъ изъ своихъ казармъ у Таврическаго сада во весь опоръ, имѣя въ головѣ полковаго командира своего, полковника графа С. Θ. Апраксина!). Милорадовичъ изумился этой медленности, послалъ Башуцкаго торопить полкъ, а самъ сталъ нетерпѣливо шагать взадъ и впередъ вдоль стѣны манежа. Нетерпѣніе его возрастало и наконецъ онъ, въ негодованіи, сказалъ Башуцкому по французски: «Je ne veux de son .... régiment» (т. е. Орлова) «donnez moi un cheval, j'irai seul!»— Ему подали приготовленную тутъ лошадь Бахметева, адъютанта Орлова, и онъ, сѣвъ на нее, поѣхалъ на Сенатскую площадь, а Башуцкій пошелъ рядомъ съ нимъ, съ правой стороны. Ставъ передъ переднимъ фасомъ каре, онъ вынулъ свою шпагу и, показывая клинокъ ея солдатамъ, сказалъ имъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ: «Эту шпагу подарилъ мнѣ великій князь Константинъ Павловичъ послѣ похода Суворова въ Италію и Швейцарію, въ знакъ своей дружбы ко мнѣ и съ надписью о томъ вотъ на этомъ клинкѣ: «другу моему Милорадовичу». Съ тѣхъ поръ я никогда не разлучался съ этой шпагой и она была при мнѣ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ. И я ли, послѣ этого, сталъ бы дѣйствовать противъ моего друга и благодѣтеля, и обманывать васъ, друзья, многіе изъ которыхъ были со мною въ походахъ и сраженіяхъ?» и т. д. Башуцкій увѣрялъ меня, что стоя рядомъ съ Милорадовичемъ, внимательно слушая

каждое слово его и не спуская глазъ съ солдатъ, онъ не могъ безъ умиленія и даже слезъ слышать необыкновенно одушевленной, хотя простой и понятной солдатамъ рѣчи Милорадовича, видѣлъ какое сильное вліяніе она производила на солдатъ и уже ожидалъ минуты, что они сложатъ оружіе... «Вдругъ—продолжалъ Башуцкій—мнѣ послышалось, будто по другую, лѣвую сторону Милорадовича что-то щелкнуло [1])—и въ ту же минуту Милорадовичъ повалился съ лошади на право... Я принялъ его на свое лѣвое плечо, лошадь изъ подъ него убѣжала, а ноги его упали на землю. Видя, что никто изъ окружавшей насъ толпы не трогался съ мѣста, чтобы пособить мнѣ нести графа, я крикнулъ какому-то близь стоявшему человѣку въ фризовой шинели, чтобы онъ подобралъ ноги раненаго, между тѣмъ какъ туловищемъ графъ лежалъ на моемъ лѣвомъ плечѣ, перевѣсивъ правую руку свою за мою спину. Такъ понесли мы его мимо конногвардейскихъ манежа и полка, уже собравшагося, но не садившагося еще на лошадей. Офицеры были тутъ, но Орлова еще не было—и никто не тронулся съ мѣста пособить намъ! Вдругъ я чувствую, что Милорадовичъ правою рукою дернулъ меня за аксельбантъ и слабымъ голосомъ спросилъ: «Куда несете меня?»—«На квартиру генерала Орлова»—отвѣчалъ я.—«Я еще не умеръ, слушайтесь меня: не хочу я туда; въ казармы, сударь, на солдатскую койку, на ней хочу я умереть».

Тогда я повернулъ на право въ 1-я ворота казармъ и мы понесли раненаго по лѣстницѣ, подъ воротами, на верхъ, внесли въ комнату квартиры ротмистра Игнатьева и положили на диванъ. Я послалъ тотчасъ въ домъ военнаго генералъ-губернатора за людьми и вещами графа, и за врачами, а самъ оставался безотлучно при немъ. Вскорѣ собрались люди его и врачи, и въ главѣ послѣднихъ докторъ Арндтъ, совершавшій съ Милорадовичемъ походы 1812, 1813 и 1814 гг. Онъ и другіе врачи долго и мучительно для раненаго искали пулю—и наконецъ извлекли ее. Милорадовичъ потребовалъ, чтобы ее подали ему, осмотрѣлъ ее, перекрестился и сказалъ:

— «Слава Богу! это не солдатская!»

Тяжесть раны была такъ велика, что Милорадовичъ страшно страдалъ, но ни разу не выразилъ своихъ страданій ни стономъ, ни даже малѣйшимъ звукомъ голоса, а только въ минуты самыхъ жестокихъ болей такъ крѣпко кусалъ свою нижнюю губу, что изъ нея текла кровь, а пра-

[1]) То былъ Каховскій, подошедшій слѣва къ Милорадовичу и выстрѣлившій въ нижнюю часть лѣваго бока его, въ упоръ, изъ карманнаго пистолета, пулей малаго калибра, которая разорвала всѣ внутренности. Кн. Н. Г.

вою своею рукою такъ крѣпко сжималъ мою правую руку, что на ней долго потомъ оставались синія пятна. Вскорѣ къ раненому начали одинъ за другимъ приходить всѣ его боевые сподвижники и друзья, находившіеся въ Петербургѣ. Особенно трогательно было посѣщеніе принца Евгенія Виртембергскаго, сердечно любившаго и глубоко уважавшаго Милорадовича. Долго бесѣдовали они между собою, какъ два самые нѣжные брата и друга... Наступилъ уже вечеръ—и положеніе Милорадовича становилось, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже и мучительнѣе. Государь часто присылалъ узнавать о положеніи графа и поздно вечеромъ прислалъ ему собственноручное письмо, въ которомъ писалъ, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ этого дня никакъ не можетъ лично навѣстить графа, но выразилъ ему свои чувства глубокаго соболѣзнованія и высокаго уваженія. Въ полночь положеніе раненаго стало еще хуже и мучительнѣе, а передъ разсвѣтомъ онъ сталъ отходить—и рано утромъ 15-го декабря скончался, еще наканунѣ вечеромъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ исполнивъ долгъ христіанскій—пріобщеніемъ св. Таинъ. Въ тотъ же день вечеромъ тѣло умершаго было перевезено на квартиру его въ домѣ военнаго генералъ-губернатора, въ Большой Морской, и выставлено въ залѣ, убранной трауромъ. Въ слѣдующіе шесть дней, 16—20 декабря, ежедневно при тѣлѣ служились панихиды и съ утра до вечера былъ впускъ публики къ тѣлу. 21-го же декабря происходило торжественное перевезеніе тѣла Милорадовича по Большой Морской и Невскому проспекту, въ Александро-Невскую Лавру, съ войсками по воинскому уставу, соборное отпѣваніе въ Духовской церкви, митрополитомъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, и погребеніе въ той же церкви. Я не присутствовалъ при отпѣваніи и погребеніи тѣла Милорадовича, но видѣлъ перевезеніе его по Невскому проспекту и признаюсь, оно показалось мнѣ какъ то очень скромнымъ, можетъ быть потому, что въ память такого человѣка, я ожидалъ что нибудь бо̀льшаго... Тѣло Милорадовича было погребено, какъ извѣстно, въ церкви св. Духа, за правымъ клиросомъ, и на могилѣ его была положена мраморная плита съ простою надписью чина, званія, имени, отчества, фамиліи, рожденія и смерти умершаго—все это въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Суворова, столько любившаго и уважавшаго Милорадовича и на могилѣ котораго, въ церкви Благовѣщенія, лежитъ надгробная плита, съ простою, но краснорѣчивою надписью: «Здѣсь лежитъ Суворовъ»!—Какое трогательное сближеніе во всемъ—и въ мѣстахъ вѣчнаго покоя этихъ двухъ русскихъ героевъ, и въ надписяхъ на ихъ могилахъ!

Въ добавленіе къ приведенному выше разсказу А. П. Башуцкаго

о раненіи, страданіяхъ, смерти и погребеніи тѣла нашего русскаго рыцаря Баярда, «безъ страха и упрека», приведу еще его же два разсказа о двухъ любопытныхъ случаяхъ, 14-го декабря, въ казармѣ, въ которой умиралъ Милорадовичъ.—«Какъ въ самой комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ, такъ и по сосѣдству, и на лѣстницѣ, приняты были всѣ мѣры къ соблюденію всевозможной тишины. «Вдругъ»—говорилъ Башуцкій, «я слышу, что внизу лѣстницы кто-то гремитъ саблей. Я вышелъ на лѣстницу и думая, что по ней идетъ на верхъ кто нибудь изъ солдатъ конной гвардіи, сказалъ ему: «кирасиръ, подбери палашъ» и самъ пошелъ на встрѣчу ему. Оказалось, что то былъ— Якубовичъ, котораго я зналъ, но вовсе не подозрѣвалъ, что онъ былъ въ числѣ заговорщиковъ. Сказавъ ему, что на верху лежитъ и умираетъ раненый Милорадовичъ, и имѣя надобность съѣздить на квартиру его, я принялъ предложеніе Якубовича довезти меня въ его наемной каретѣ. Войдя въ нее, я удивился, найдя въ ней цѣлый арсеналъ огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія!—На вопросъ мой, что это значитъ? Якубовичъ отвѣчалъ, что «въ тогдашнихъ обстоятельствахъ это было не лишнее». Я понялъ сказанное въ буквальномъ смыслѣ, не придавая этому особеннаго значенія, и доѣхавъ, куда мнѣ нужно было, разстался съ Якубовичемъ. Послѣ оказалось, что Якубовичъ, чуя опасность быть арестованнымъ на своей квартирѣ, цѣлый вечеръ разъѣзжалъ по городу изъ дому въ домъ въ своей каретѣ, съ своимъ арсеналомъ, но не смотря на то, въ ту же ночь былъ арестованъ».

Другой разсказъ Башуцкаго, также въ своемъ родѣ очень любопытенъ. Какъ только Башуцкій съ своимъ помощникомъ въ фризовой шинели внесъ Милорадовича въ комнату и положилъ на диванъ, то отпустилъ фризовую шинель, а самъ началъ раздѣвать Милорадовича, снимая съ него мундиръ съ лентою и многочисленными орденами его, которые и сложилъ въ той же комнатѣ. Послѣ того въ нее входило и изъ нея выходило въ теченіе дня много людей, конечно, не посторонниxъ и чужихъ, но въ концѣ концовъ ордена пропали!—и такъ какъ они нигдѣ и ни у кого не оказались, то вѣроятно были украдены! но кѣмъ и какъ — осталось неизвѣстнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ громадномъ стеченіи народа, на Сенатской и другихъ площадяхъ и улицахъ, въ день 14-го декабря, находились на лицо всѣ Петербургскіе воры, для очищенія, подъ шумокъ, чужихъ кармановъ, и можетъ быть одинъ изъ нихъ и забрался, въ суматохѣ, въ комнату, гдѣ лежалъ Милорадовичъ, и укралъ его ордена. Такъ или иначе, но это фактъ любопытный.

III.

Послѣ дневнаго любопытства моего настало вечернее: мнѣ захотѣлось посмотрѣть, что дѣлалось на площадяхъ вечеромъ—и я снова въ походъ туда. Изъ Гороховой я съ трудомъ вышелъ на Адмиралтейскую площадь—и «какое зрѣлище представилось предъ очи!» Я увидалъ на всѣхъ трехъ площадяхъ «станъ русскихъ воиновъ, съ пылавшими кострами» и оцѣпленный часовыми! Главная масса войскъ была расположена на Дворцовой площади и кругомъ Зимняго дворца, а прочія—на Адмиралтейской и Сенатской. Проникнуть за цѣпь часовыхъ было невозможно, и я, полюбовавшись этой воинственной картиной, обратился вспять, и ни безъ труда, снова, какъ утромъ, совершилъ этотъ походъ обратно, такъ какъ улицы все таки были запружены народомъ. Но мое любопытство не унялось, и 15-го декабря къ утру я снова отправился на Адмиралтейскую площадь и тутъ увидалъ уже иную картину: всѣ войска уже расходились по своимъ казармамъ; на зданіи Сената уже были заглажены слѣды картечи, а на Сенатской площади слѣды крови, и, какъ говорили, было отслужено молебствіе, какое съ тѣхъ поръ и совершалось тутъ же въ день 14-го декабря, но вскорѣ было отмѣнено.

Миновалъ этотъ скорбный день—и по немногу все стало входить въ обычную колею. А мы, чаявшіе производства въ офицеры и нежданно-негаданно лишенные его на цѣлый мѣсяцъ, ласкали себя надеждой, что вотъ-вотъ—и мы будемъ возведены въ великій чинъ прапорщика. Но—не тутъ-то было: пришли и прошли, и праздникъ Рождества Христова, и день новаго 1826 года, и праздникъ Крещенія, а мы—все еще недоросли. 1-го января 1826 г. былъ произведенъ въ корнеты юнкеръ л.-гв. коннаго полка князь Италійскій, графъ Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій, а 6-го января—выпускные юнкера школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ... А мы-то когда же? Но—дошла, наконецъ, очередь и до насъ, насталъ и для насъ желанный и блаженный день: 7-го января ввечеру братъ Александръ и я были «несказанно и безмѣрно» обрадованы принесеннымъ намъ (писаремъ главнаго штаба) Высочайшимъ приказомъ этого дня, о производствѣ всѣхъ насъ 11-ти чел. въ офицеры, въ томъ числѣ брата Александра л.-гв. въ конную артиллерію, а меня и Фролова въ гвардейскій генеральный штабъ. Радость и ликованія безмѣрныя! достигли наконецъ цѣли, хотя и потеряли почти 2 мѣсяца старшинства. Но тутъ уже было не надо этого—и первымъ нашимъ, брата и моимъ, дѣломъ было мигомъ облечься въ военную офицерскую форму—въ сюртуки съ эполетами—показаться въ нихъ

родителямъ и сестрамъ и тотчасъ же, и для того же отправиться къ женѣ брата моего Василія (который, какъ флигель-адъютантъ, сопровождалъ тѣло умершаго императора изъ Таганрога въ Петербургъ).

Но послѣ этого домашняго, семейнаго представленія, на другой день захотѣлось вкусить перваго наслажденія—какъ намъ, новенькимъ прапорщикамъ, на улицахъ солдаты будутъ снимать фуражки, а часовые—отдавать честь!—И что-же?—въ шинеляхъ это казалось недостаточнымъ, нужно было показать на свѣтъ Божій свои эполеты и я въ одномъ сюртукѣ (конечно, съ фуфайкой подъ нимъ) отправился пѣшкомъ, недалеко отъ насъ, въ Морской Никольскій соборъ къ обѣднѣ и такимъ же порядкомъ воротился оттуда домой. Такое юношеское неблагоразуміе, зимою, въ морозъ, могло бы имѣть непріятныя послѣдствія, но, Слава Богу! ихъ не было, за то—удовольствія было вдоволь.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ мы 11 чел. произведенныхъ въ офицеры, въ полной парадной формѣ, представлялись главному директору Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, Царскосельскаго Лицея и его пансіона, генералъ-адъютанту, впослѣдствіи графу, Павлу Васильевичу Кутузову, уже назначенному, по смерти графа Милорадовича, С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и поселившемуся въ домѣ послѣдняго, на Большой Морской. А послѣ этого представленія, каждый изъ насъ представлялся уже особо своему начальству: я и Фроловъ—генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-лейтенанту Адеркасу; начальнику штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанту Нейдгардту; оберъ-квартирмейстеру того же корпуса, флигель-адъютанту полковнику князю Андрею Михайловичу Голицыну (однофамильцу, но не родственнику моему) и наконецъ позже начальнику главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-адъютанту барону Ивану Ивановичу Дибичу (по возвращеніи его изъ Таганрога). Представленіе послѣднему особенно памятно мнѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ называемомъ Шепелевскомъ дворцѣ на углу Большой Милліонной и Зимней канавки, гдѣ теперь императорскій музей. На его квартирѣ насъ встрѣтилъ, вмѣсто дежурнаго адъютанта, всѣмъ извѣстный тогда камердинеръ его, казенный деньщикъ Арсеній или, какъ его звали, Арсентій, человѣкъ довольно толстый, съ большими бакенбардами, важной осанки, державшій себя съ достоинствомъ и говорившій про Дибича не иначе, какъ мы (подразумѣвая и себя съ нимъ). Этого Арсентія всѣ въ арміи знали, иные даже заискивали въ немъ, а онъ разыгривалъ роль благосклоннаго покровителя. Расспросивъ насъ и сказавъ: «мы теперь заняты, обождите», вскорѣ доложилъ о насъ—

и изъ кабинета буквально «выкатилась», какъ шаръ, маленькая, кругленькая фигурка Дибича, съ взъерошенными волосами (Д. В. Давыдовъ, въ своихъ запискахъ, назвалъ его «нечесаннымъ маймистомъ») далеко не столь величавая и важная, какъ фигура Арсентія. Дибичъ, чрезвычайно скорый во всѣхъ своихъ движеніяхъ и словахъ, принялъ насъ очень радушно, обнялъ и скороговоркой проговорилъ:

— Помните, что офицеръ квартирмейстерской части долженъ всегда, во всемъ и всѣмъ служить примѣромъ.

Эти слова были приняты нами весьма сочувственно и впослѣдствіи оцѣнены еще болѣе.

12-го января 1826 г., я и Фроловъ были назначены состоять въ штабѣ гвардейскаго корпуса и явились туда на службу. Штабъ этотъ помѣщался въ 3-хъ этажномъ каменномъ домѣ, второмъ отъ угла Невскаго проспекта на Адмиралтейской площади (тамъ, гдѣ теперь середина фаса главнаго штаба, выходящаго на эту площадь). На фронтонѣ его съ колоннами была надпись «гвардейскій генеральный штабъ» и въ этомъ домѣ штабъ гвардейскаго корпуса находился съ 1816 г. до перевода его, въ концѣ 1838-го года, въ ново-построенное большое зданіе на углу Дворцовой площади, между манежемъ и Пѣвческимъ мостомъ, а прежній домъ штаба былъ перестроенъ и присоединенъ къ зданію главнаго штаба его императорскаго величества. До того времени начальниками штаба въ этомъ домѣ были съ 1816 г.: Сипягинъ, Желтухинъ, А. Х. Бенкендорфъ, Нейдгардтъ и съ 1830 г. Веймарнъ 1-й. Въ верхнемъ этажѣ этого дома помѣщалась квартирмейстерская часть съ двумя отдѣленіями и чертежною, во 2-мъ, среднемъ этажѣ—кабинетъ начальника штаба, 6 отдѣленій дежурства (въ 2-хъ комнатахъ съ шкапами библіотека штаба) и комната для занятій писарей, а въ нижнемъ этажѣ сѣни, типографія и помѣщенія для писарей и сторожей.

Наша (моя и Фролова) ежедневная служба по утрамъ происходила въ верхнемъ этажѣ, въ квартирмейстерской части, въ офицерской комнатѣ, гдѣ находились: большой столъ для картъ и плановъ по серединѣ, столъ оберъ-квартирмейстера (флигель-адъютанта полковника князя Голицына) два стола начальниковъ отдѣленій (подпоручиковъ К. В. Чевкина и Траскина) и три стола для занятій офицеровъ. Прежде всѣхъ являлись мы, новички, я и Фроловъ, потомъ Чевкинъ и Траскинъ, и позже всѣхъ князь Голицынъ, добрѣйшій человѣкъ, но большой ворчунъ, часто имѣвшій стычки на словахъ съ горячимъ Чевкинымъ, который имѣлъ очень острый языкъ, и въ карманъ за словомъ не лазилъ. Насъ двухъ новичковъ князь Голицынъ тотчасъ засадилъ за черченіе ситуаціи и боевыхъ порядковъ, въ чемъ мы до-

толѣ еще не имѣли практическаго навыка. Сверхъ того мы, вмѣстѣ съ другими субалтернъ-офицерами (не выше поручиковъ) гвардейскаго генеральнаго штаба, кромѣ Чевкина и Траскина, дежурили при начальникѣ штаба Нейдгардтѣ, по очереди съ его адъютантами. Дежурства эти начинались въ 9 ч. утра на квартирѣ Нейдгардта, въ домѣ Бека на Гороховой, 2-мъ отъ угла Адмиралтейской площади и продолжались до 3-хъ или 4-хъ часовъ.

Нейдгардтъ былъ изъ числа «акуратныхъ нѣмцевъ» и доводилъ свою акуратность до педантства. Однажды въ началѣ я пришелъ на дежурство въ 9 ч. безъ 5 минутъ, а онъ вышелъ изъ кабинета и молча показалъ мнѣ свои часы! Послѣ того я, платя акуратностью за акуратность, по приходѣ на дежурство звонилъ только ровно въ 9 ч. До 10 ч. Нейдгардтъ оставался у себя, принималъ доклады и представлявшихся ему, а въ 10 ч. отправлялся съ докладомъ къ корпусному командиру (генералу отъ кавалеріи Воинову), куда и дежурный долженъ былъ сопровождать его съ портфелемъ и бумагами, а оттуда въ Шепелевскій дворецъ и эрмитажъ, гдѣ тогда Государь принималъ генераловъ, полковыхъ командировъ и адъютантовъ съ рапортами, ординарцевъ и вѣстовыхъ, а затѣмъ въ 12 ч., въ сопровожденіи всѣхъ, на разводъ въ дворцовомъ экзерциргаузѣ или манежѣ напротивъ (гдѣ потомъ былъ сельско-хозяйственный музей). Послѣ развода Нейдгардтъ, въ сопровожденіи дежурнаго офицера, отправлялся въ гвардейскій штабъ, гдѣ и оставался до 2, 3 или и 4-хъ часовъ, принимая доклады всѣхъ отдѣленій, отдавая приказанія по войскамъ и пр. Изъ штаба Нейдгардтъ отправлялся уже домой обѣдать и иногда приглашалъ дежурнаго къ своему обѣду. Мнѣ эту честь онъ оказывалъ довольно часто, такъ какъ еще съ 1820-хъ годовъ, въ бытность свою въ Москвѣ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса графа Петра Александровича Толстаго, онъ былъ знакомъ съ моими родителями, и они, по старому знакомству съ нимъ, въ 1826 г. поручили меня ему. Какъ по этому, такъ и по личнымъ качествамъ и достоинствамъ Нейдгардта, я считалъ и считаю счастіемъ для себя, что онъ былъ первымъ моимъ начальникомъ при вступленіи моемъ въ службу въ очень молодыхъ лѣтахъ (16½ лѣтъ). Онъ благоволилъ мнѣ, но не баловалъ, былъ взыскателенъ, но не суровъ, училъ меня порядку службы и былъ моимъ наставникомъ и руководителемъ въ ней, и я всегда хранилъ и храню благодарное воспоминаніе о немъ. Къ этому присоединялось чувство искренняго уваженія къ нему, потому что онъ былъ человѣкъ добрый, честный, благородный, умный, образованный, благовоспитанный и прекрасный семьянинъ. По службѣ своей въ квартирмейстерской части въ 1806-7-12-13-14-15 гг., онъ имѣлъ

лестную извѣстность знающаго, дѣльнаго и храбраго офицера, нося на себѣ слѣды своей боевой дѣятельности—прострѣленные: ладонь и пальцы правой руки, отчего особеннымъ образомъ держалъ перо и писалъ. Въ 1826 г. ему было лѣтъ 40-45, и наружность его была очень своеобразная. Голову онъ имѣлъ плѣшивую, лицо съ правильными и тонкими чертами, но съ довольно длиннымъ и выдавшимся носомъ, по близорукости носилъ очки, тѣломъ былъ худощавъ, станъ имѣлъ нѣсколько сутуловатый и кривобокій, такъ что лѣвое плечо было ниже праваго (можетъ быть отъ продолжительной привычки писать наклонясь надъ бумагой на лѣвую сторону). Хотя по происхожденію и фамиліи нѣмецъ, но совершенно обрусѣвшій, онъ столько же хорошо зналъ русскій и французскій языки, сколько и нѣмецкій, и отлично говорилъ и писалъ на нихъ. Проведя жизнь въ свѣтскомъ обществѣ, онъ имѣлъ весьма хорошія манеры и достоинство въ обращеніи, и этимъ, какъ и всѣми означенными выше качествами весьма выгодно отличался отъ большинства тогдашнихъ гвардейскихъ генераловъ, служакъ-фрунтовиковъ, но не отличавшихся особенно ни образованностью, ни изящными манерами и нѣсколько напоминавшихъ гатчинскихъ офцеровъ временъ Павла I. Нейдгардтъ же, среди нихъ, напротивъ, напоминалъ блистательныхъ генералъ-адъютантовъ и гвардейскихъ генераловъ временъ Александра I. Онъ былъ отличный начальникъ штаба, хотя какъ я сказалъ, нѣсколько педантъ и мелочной человѣкъ, за что многіе не любили и бранили его. Впрочемъ педантство, мелочность и щепетильность въ военной службѣ, и строевой и штабной, были тогда въ большой силѣ, во всѣхъ отношеніяхъ: таковъ уже былъ духъ времени, а Нейдгардтъ волей-неволей подчинялся ему. Въ семейномъ отношеніи слѣдуетъ сказать, что онъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Борисовнѣ Черкасской, у которой были три брата, служившіе оберъ-офицерами въ л. гв. семеновскомъ полку. Нейдгардтъ и жена его имѣли въ то время нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей (сына и трехъ дочерей). Обѣды у него были многосемейные, такъ какъ кромѣ его, жены и дѣтей, въ нихъ нерѣдко участвовали братья его жены и сестра ихъ, графиня Буксгевденъ съ мужемъ, полковникомъ л.-г. гусарскаго полка (оба, мужъ и жена, очень статные и красивые). Столъ былъ хорошій, но скромный, потому что Нейдгардты имѣли большое семейство, жили скромно и расчетливо.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЕРМОЛОВЪ, ДИБИЧЪ И ПАСКЕВИЧЪ.

1827 г.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 (изд. второе) томы V и VI, помѣщены весьма драгоцѣнные матеріалы, относящіеся до несогласій, возникнувшихъ на Кавказѣ между генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловымъ и генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ (1826—1827); но въ этомъ собраніи документовъ первостепенной важности не доставало до сихъ поръ писемъ императора Николая Павловича къ генералъ-адъютанту барону И. И. Дибичу во время командировки этого генерала въ 1827 г. на Кавказъ. Въ настоящее время редакція, пользуясь находящимся въ распоряженіи ея богатымъ архивомъ покойнаго генералъ-адъютанта Константина Владиміровича Чевкина, можетъ восполнить этотъ пробѣлъ и представляетъ сохранившіяся въ завѣщанномъ ей архивѣ К. В. Чевкина копіи съ помянутыхъ документовъ [1]).

Въ этихъ письмахъ яркими красками обрисовывается нерасположеніе императора Николая къ генералу Ермолову, говоря о которомъ Государь употребляетъ эпитетъ „Cet homme“, прибавляя: „это человѣкъ, который ложь признаетъ добродѣтелью, если она можетъ принести ему пользу“.

Да проститъ Богъ тѣмъ лицамъ, которыя выставили героя и даровитаго полководца въ глазахъ Государя въ дурномъ свѣтѣ и тѣмъ навсегда лишили отечество просвѣщеннаго, истинно русскаго государственнаго дѣятеля! Ред.

---

[1]) Императоръ Николай написалъ тогда три собственноручныхъ письма барону Дибичу: 1) изъ С.-Петербурга, на русскомъ языкѣ, отъ 27-го февраля 1827 г. 2) изъ Петергофа и С.-Петербурга, на французскомъ языкѣ, отъ 8-го и 12-го марта 1827 г. и 3) изъ С.-Петербурга, на французскомъ языкѣ, отъ 27-го марта 1827 года.

Императоръ Николай—барону Дибичу.

С.-Петербургъ, 27-го февраля 1827 г.

Письмо ваше, любезный Иванъ Ивановичъ, получилъ я третьяго дня и весьма благодаренъ за поспѣшность, съ которою ѣдете и за сообщенныя извѣстія. Дай Богъ, чтобы я скоро получилъ увѣдомленіе о счастливомъ прибытіи въ Тифлисъ и что все не такъ плохо, какъ, къ несчастію, кажется по свѣдѣніямъ, которыя оттуда доходятъ; я уже не знаю чему вѣрить и жду, чтобъ окончательно судить, вашего донесенія. Здѣсь все, слава Богу, въ порядкѣ; я весьма доволенъ графомъ Толстымъ и графомъ Чернышевымъ; мы ладимъ очень хорошо, и сколько я замѣтить могу, и они между собою очень дружны. Графъ помолодѣлъ и увѣряетъ, что я его этимъ спасъ отъ тяжелой болѣзни.

Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе всѣхъ насъ; я получилъ цѣлыхъ два, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ злоумышленниковъ изобрѣлъ дѣло на него, и что я погрѣшу если сему вѣрить буду!—Je vous abandonne les reflexions.

Рапорты Паскевича на счетъ состоянія кавалеріи и артиллеріи меня безпокоятъ, и я любопытенъ слышать твое мнѣніе.

Смотря на карту, мнѣ пришло въ голову, что если, по причинѣ продовольствія, трудно будетъ держаться постояннаго плана кампаніи на Тавризъ, не хорошо ли бъ было сдѣлать изъ Баку или Дербента на Инзили, съ тѣмъ чтобы прочной ногой имъ завладѣть какъ пунктомъ весьма важнымъ для насъ на всегда. Сіе исполнить можетъ быть возможнымъ какъ употребя всю флотилію и суда, кои привезутъ провіантъ. C'est une idée que je vous soumets, décidez comme Vous le trouverez possible ou préférable.

Дай Богъ вамъ полнаго успѣха и да благословитъ наши добрыя намѣренія. Прощайте, любезный Иванъ Ивановичъ, вѣрьте искреннему уваженію и дружбѣ моей, вамъ искренно доброжелательный Николай.

Паскевичу и Адлербергу мой поклонъ.

Императоръ Николай—барону Дибичу.

Петергофъ. 8-го марта 1827 г.

(Переводъ съ французскаго). 4-го числа этого мѣсяца, я получилъ ваше первое письмо изъ Тифлиса, любезный другъ, и вы легко можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ и удовольствіемъ

я читалъ его. Признаюсь вамъ, я весьма радъ при мысли, что вы на мѣстѣ и своими глазами можете все обсудить среди этого лабиринта интригъ; я надѣюсь, что вы не позволите обольстить себя этому человѣку, для котораго ложь составляетъ добродѣтель, если онъ можетъ извлечь изъ нея пользу, и который пренебрегаетъ получаемыми приказаніями. Наконецъ, да поможетъ вамъ Господь и да вразумитъ онъ васъ, чтобы быть справедливымъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанныхъ вами извѣстій.

Здѣсь все въ порядкѣ и я доволенъ ходомъ дѣлъ. Толстой справляется наилучшимъ образомъ, а Чернышевъ хорошъ, хотя выходки ему свойственныя, прорываются часто.

Военный министръ не далъ удовлетворительнаго отвѣта на требованія комитета и, кажется, дѣло идетъ плохо. Толстой крѣпко стоитъ на своемъ и говоритъ категорически; надо ждать развязки.

С.-Петербургъ, 10-го числа.

Я еще не имѣю извѣстій отъ васъ, хотя рапортъ Паскевича отъ 23-го дошелъ до меня. Можетъ быть получу завтра, такъ какъ почта запаздываетъ. Г. Бенкендорфъ говоритъ въ письмѣ объ ужасѣ, который произвелъ вашъ пріѣздъ и о радости многихъ честныхъ людей видѣть васъ тамъ; онъ, повидимому, сильно убѣжденъ въ дурныхъ намѣреніяхъ Ермолова, прошлыхъ и настоящихъ; было бы весьма существенно постараться разузнать, въ особенности, кто руководители зла въ этомъ гнѣздѣ интригъ и непремѣнно удалить ихъ, дабы вѣдали, что подобные люди не могутъ быть терпимы, разъ они обличены

12-го числа.

Въ тотъ самый вечеръ, когда я писалъ вамъ, я получилъ, любезный другъ, ваше письмо отъ 23-го и вашъ журналъ, а вчера вечеромъ пріѣхалъ курьеръ съ вашимъ интереснымъ письмомъ отъ 28-го. Что вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ послѣ подобнаго чтенія? Если вы, будучи на мѣстѣ, не сочли еще возможнымъ принять рѣшеніе, какъ же мнѣ это сдѣлать на такомъ разстояніи и послѣ всего того, что сообщено вами. Я ясно вижу, что дѣла не могутъ такъ продолжаться, если вы и Паскевичъ уѣдете; человѣкъ этотъ, предоставленный самому себѣ, поставитъ васъ въ такое же положеніе, по отношенію знанія дѣлъ и увѣренности, что онъ будетъ дѣйствовать согласно нашему направленію, какъ это было до отъѣзда Паскевича

въ Москву,—я не могу взять на себя этой отвѣтственности. И такъ, зрѣло обсудивъ все и въ ожиданіи втораго курьера отъ васъ, если онъ не привезетъ мнѣ другихъ данныхъ кромѣ тѣхъ, которыя вы уже дали мнѣ понять, я не вижу другаго средства, какъ предоставить вамъ воспользоваться даннымъ полномочіемъ для удаленія Ермолова.—Я предназначаю Паскевича на его мѣсто, такъ какъ я не усматриваю изъ вашихъ донесеній, что онъ въ чемъ либо нарушилъ обязанности, налагаемыя самой строгой дисциплиной. Обезчестить же этого человѣка, отозвавъ его при такихъ обстоятельствахъ, было бы противъ моей совѣсти. Вы замѣните тогда Мадатова кѣмъ признаете за лучшее, потому что оставить его тамъ нельзя; можетъ быть Иловайскій былъ бы хорошъ для этого. Для управленія краемъ я пришлю Сипягина, по прибытіи курьера съ рѣшительными извѣстіями, котораго я ожидаю отъ васъ.—И такъ, повторяю, если слѣдующій курьеръ не привезетъ новыхъ разъясненій къ сообщеннымъ уже обстоятельствамъ, то приступите немедленно къ исполненію моихъ указаній и тотчасъ же извѣстите меня. Необходимо вамъ сперва устроить Паскевича надлежащимъ образомъ и разъяснить ему всю важность назначенія, къ которому я призываю его при настоящихъ обстоятельствахъ и всю цѣну моего къ нему довѣрія; какъ честный человѣкъ и какъ бывшій мой начальникъ, онъ съумѣетъ, я отвѣчаю за него, исполнить мои желанія. Крайне необходимо дать ему хорошаго начальника штаба, будетъ ли это Гурко или Ренненкампфъ, это мнѣ все равно; сдѣлайте только такъ, чтобы быть увѣреннымъ, что назначаемое лице въ состояніи поддерживать порядокъ въ деталяхъ; что касается до остальнаго, онъ съумѣетъ все сдѣлать. Можетъ быть Красовскій оказался бы лучше всѣхъ, короче, предоставляю вамъ полную свободу выбора, лишь бы онъ былъ хорошъ.

Вотъ, любезный другъ, мое послѣднее слово и повторяю вамъ еще, что оно остается въ силѣ на тотъ случай, если вашъ курьеръ, котораго я ожидаю, не привезетъ мнѣ другихъ извѣстій, какъ послѣднія, полученныя вчера.

Слухъ о войнѣ съ турками, если онъ вѣренъ, очень важенъ, но я предполагаю, что онъ вымышленный.

Да наставитъ васъ Богъ въ вашихъ начинаніяхъ и пріймите мою благодарность за ваше усердіе и заботы въ столь трудномъ дѣлѣ. Да поможетъ вамъ Богъ и да устроитъ все къ лучшему. Вашъ на вѣки Николай.

Peterhof, le 8 Mars 1827.

C'est le 4 de ce mois que j'ai reçu votre première lettre de Tiflis, mon cher ami, et vous vous direz aisément avec quelle impatience et quel plaisir je l'ai lue. Je suis charmé, je vous avoue, de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues; j'espère que vous ne vous laisserez pas fasciner les yeux par cet homme pour qui mentir est une vertu, quand cela peut lui être utile et qui se joue des ordres qu'on lui donne. Enfin que Dieu vous assiste et vous inspire pour être juste. J'attends avec impatience de vos nouvelles que vous me promettez.

Tout est bien ici, et je suis content de la marche des affaires. Tolstoy s'en tire à merveille et Чернышевъ marche bien quoique des sorties à sa façon percent souvent.

Le ministre de la guerre n'a pas répondu d'une manière satisfaisante aux demandes du comité et il parait que l'affaire va mal; Tolstoy tient ferme et parle catégoriquement; il faut attendre le dénouement.

Ce 10. S. Pétersbourg.

Je n'ai pas de vos nouvelles encore, quoique le rapport de Paskévitch du 23 me soit parvenu; peut-être en aurais-je demain, la poste tardant. Une lettre du C. Benkendorff parle de l'effroi qu'a produit votre arrivée et de la joie de beaucoup d'honnêtes gens de vous y voir; il parait très convaincu de mauvaises intentions passées et présente de Yermolof; il serait bien essentiel à ce que vous tâchiez surtout des démêler quels sont les fileurs en mal dans ce tripot d'intrigues et de les faire partir dans tous les cas, pour que l'on sache que cette sorte de gens ne peut-être soufferte dès qu'elle est demasquée.

Ce 12.

Le soir même que je vous écrivais, j'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 23 et votre journal et hier soir est arrivé votre courrier porteur de votre intéressante léttre du 28. Que voulez-vous que je vous dise après pareille lecture?—Si vous qui êtes sur les lieux n'avez pas cru pouvoir vous décider encore, comment pourrais-je moi le faire à cette distance et d'après tout ce que vous me dites. Je vois clairement que les choses ne peuvent pas aller de cette sorte; vous et Paskevitch partis, cet homme abandonné à lui même vous mettra dans la même position à l'egard de la connaissance des affaires et de la certi-

tude de le voir marcher dans notre sens, comme cela fut avant le départ de Paskevitch à Moscou—responsabilité que je ne puis prendre sur moi. Aussi après avoir tout pesé muremeut et tout en attendant votre second courrier, s'il ne m'apporte pas d'autres données que celles que vous m'avez déjà fait entrevoir, je ne vois pas de possibilité autre que de vous faire user du plein pouvoir donné pour renvoyer Yermolof.—C'est Paskévitch que je destine pour le remplacer, car je ne vois pas dans vos rapports qu'il aie en rien manqué aux devoirs de la plus stricte discipline. Or, deshonorer cet homme par son rappel en pareil cas est contre ma conscience. Vous ferez remplacer alors Madatof par qui vous jugerez convenable, car on ne peut l'y laisser; peut-être Лovayskoy serait-il bon pour cela. Pour administrer le pays c'est Sipiaguine que j'enverrais par le retour du courrier décisif que j'attends de vous.—Enfin je vous le répète, si votre dernier courrier ne porte ancune circonstance de plus de celle de celui-ci, sans plus tarder exécutez ce que je vous ai parlé et informez m'en de suite. — Mettez d'abord Paskevitch sur le pied convenable et faites lui voir toute l'importance du poste auquel je l'appelle en pareil cas et sentir tout le prix de ma confiance; homme d'honneur et mon ancien chef il saura, je réponds de lui, remplir mes voeux. Il est essentiel d'avoir un bon chef d'état major près de lui; est-ce Гурко? est-ce Rennenkamf; cela m'est indifférent; faites seulement en sorte d'être sûr que l'individu sera tel à tenir l'ordre pour les détails, car pour le reste il saura tout faire. Красовскій peut-être serait mieux que tous; enfin carte blanche pour votre choix, pourvu qu'il fut bon.

Voilà, cher amie, mon dernier mot; et je vous répète encore qu'il est pour le cas que votre courrier que j'attends ne m'apporte pas d'autres nouvelles que les dernières reçues hìer.

Le bruit de guerre avec les Turcs, s'il est vrai, est fort important, mais je le suppose faux.

Que Dieu vous guide dans vos démarches et recevez tous mes remerciments pour votre zèle et vos soins dans une démarche aussi difficile. Que Dieu vous assiste et fasse marcher tout pour le mieux. Tout à vous pour la vie Nicolas.

Императоръ Николай—Барону Дибичу.

С.-Петербургъ. 27-го марта 1827 г.

(Переводъ съ французскаго). Курьеръ вашъ прибылъ ко мнѣ вчера, любезный другъ; я читалъ и перечитывалъ ваши интересныя письма и, вникнувъ въ ихъ смыслъ, я поздравлялъ себя, что заранѣе предначерталъ вамъ то, что долженъ бы былъ сообщить вамъ какъ окончатель-

ный результатъ всего привезеннаго послѣднимъ курьеромъ. Я снова убѣдился въ полной невозможности оставить дѣла въ прежнемъ положеніи, т. е. видѣть васъ и Паскевича внѣ этого края, а слѣдовательно себя отданнаго на жертву недоумѣніямъ, безпокойствамъ и т. д., какъ это имѣло мѣсто до командировки вашей и Паскевича. Я радуюсь, что далъ назначеніе Паскевичу, ибо я вижу изъ вашего письма, что въ случаѣ, если мой выборъ на немъ остановится, вы не считаете необходимымъ продлить ваше отсутствіе. Вы усмотрѣли изъ моего послѣдняго письма, что я предоставлялъ вамъ оставаться столько времени, сколько вы признаете нужнымъ для надлежащаго водворенія на мѣстѣ Паскевича и установленія новаго порядка; повторяю вамъ это еще, и предупреждаю, что я послалъ вчера приказаніе Сипягину отправиться немедленно въ Тифлисъ для исполненія должности военнаго губернатора Грузіи въ отсутствіи Паскевича, котораго я приказомъ завтрашняго дня назначаю вмѣсто Ермолова, со всѣми его правами. Богъ да благословитъ этотъ важный шагъ и даруетъ вамъ силу разума и достоинство, необходимыя въ столь знаменательную минуту. Да поможетъ вамъ Богъ, любезный другъ, точно также какъ и всѣмъ находящимся тамъ честнымъ людямъ. Тотчасъ же по полученіи этого приказанія извѣстите меня, равно какъ и объ его исполненіи; сообщите мнѣ всѣ возможныя подробности о томъ, какимъ образомъ все совершилось; только безъ шума и скандала; я воспрещаю всякое оскорбленіе самымъ положительнымъ образомъ и дѣлаю васъ всѣхъ въ томъ отвѣтственными, но отстраните всякую комедію и неумѣстныя слезы; пусть все совершится въ порядкѣ, съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы.

Я уполномочиваю васъ удалить Мадатова, Вельяминова, однимъ словомъ всѣхъ лицъ, коихъ вы признаете вредными. Обратите все ваше вниманіе на то, чтобы съ самаго пріѣзда Сипягина между нимъ и Паскевичемъ установились бы должныя отношенія, основанныя на полномъ довѣріи; я разсчитываю на ваше усердіе, любезный другъ, и на ваше умѣніе при устройствѣ въ самомъ началѣ этой важной отрасли службы такъ, чтобы не нужно было имѣть въ будущемъ какія либо опасенія. Подтвердите Сипягину, что я надѣюсь, интриги не будутъ болѣе въ ходу у тамошняго начальства, и что я разсчитываю на него для предупрежденія послѣдствій столь вреднаго направленія.

Я со вниманіемъ прочелъ предположеніе кампаніи. Я полагаю возможнымъ совершить переходъ черезъ Араксъ, съ цѣлью идти на Тавризъ, это лѣто, только въ такомъ случаѣ, если были бы увѣрены не встрѣтить непріятельской арміи или же удалось разбить ее при открытіи кампаніи; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ быть увѣреннымъ

въ продовольственныхъ средствахъ. По этому рѣшеніе этой части кампаніи я предоставляю вамъ и Паскевичу.

Что касается до осенней кампаніи, если персіяне окажутся не сговорчивыми, то во всякомъ случаѣ необходимо начать ее взятіемъ Тавриза. Оттуда можно дѣйствовать согласно предложенному плану. Я очень стою за экспедицію на Инзили, но я сомнѣваюсь въ возможности перевозки предполагаемаго числа войскъ; можетъ быть, было бы достаточно овладѣть этимъ пунктомъ съ тою цѣлью, чтобы удержать его какъ почти вѣрный залогъ для полученія желаемыхъ условій мира. Во всякомъ случаѣ, я воспрещаю по той сторонѣ Аракса принятіе всякаго заявленія подданства Россіи; мы можемъ признать независимость ханствъ, но не присоединеніе ихъ къ нашей имперіи; намъ достаточно Эриваня и комп. Удовольствуемся этимъ и не зайдемъ далѣе въ нашихъ разсчетахъ.

Если оказалось бы необходимымъ отмѣнить кивера, я уполномочиваю васъ замѣнить ихъ персидской барашковой шапкой, прикрѣпивъ къ ней нашъ отличительный знакъ или бляху; это будетъ лучше предлагаемыхъ шапокъ, которыя слишкомъ уродливы.

Посылаю вамъ, на всякій случай, морскую фуражку, которая, по своей чрезвычайной легкости, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, пригодною, въ особенности будучи покрыта чехломъ изъ бѣлаго холста. Я согласенъ на введеніе предложенныхъ суконныхъ бѣлыхъ башлыковъ, равно какъ и жилетовъ изъ бѣлаго сукна.

Здѣсь все идетъ хорошо; я очень доволенъ. Толстой дѣйствуетъ хорошо, и мы весьма довольны Чернышевымъ. Дѣло комисаріата идетъ какъ нельзя хуже и вскорѣ надо будетъ рѣзко высказать мнѣніе министру и Путятѣ, что очень безпокоитъ меня; я, впрочемъ, знаю это только частнымъ образомъ отъ Толстаго.

Нашимъ всѣмъ поклонъ и въ особенности вашему частному секретарю Я съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ извѣстій. Прощайте, любезный другъ, да наставитъ васъ Богъ и возвратитъ скорѣе. Вашъ на вѣки Николай.

Жена вамъ кланяется. Предупреждаю васъ, что Сипягина замѣняетъ Вольфъ. Я дѣлаю смотръ 2-му корпусу въ Вязьмѣ и я разсчитываю быть тамъ около 15-го мая.

St.-Pétersbourg, le 27 Mars 1827.

Votre courrier m'est arrivé hier, mon cher ami; j'ai lu et relu vos intéressantes lettres et après en avoir saisi le sens, je m'applaudis de vous avoir prescrit d'avance ce que j'eusse du vous faire connaître en résultat final de ce que portait ce courrier-ci. Je me suis de nouveau convaincu de l'impossibilité complète de laisser les choses sur l'ancien pied, c. a. d. de vous voir ainsi que Paskévitch dehors de là bas, et par conséquent m o i, reduit aux incertitudes, inquiétudes etc. comme avant votre envoi à tous deux. Je m'aplaudis d'avoir désigné Paskevitch pour remplaçant, car je vois par votre lettre, qu'au cas que ce fut lui que je nomasse, vous ne supposiez pas nécessaire de prolonger votre séjour. Vous avez vu par ma dernière lettre que je vous autorisais de rester aussi longtemps que vous le jugeriez nécessaire, pour mettre Paskevitch sur le pied convenable et régler tout le nouvel ordre de choses; je vous le répète donc de nouveau, en vous prévenant que j'ai expédié hier l'ordre à Sipiaguine de se rendre sur le champ à Tiflis pour remplir les fonctions de gouverneur militaire de Georgie en l'absence de Paskévitch, que par mon ordre de jour de demain, j'appelle à remplacer Yermolof dans toutes les attributions. Que Dieu bénisse ce pas important et vous donne à vous toute la force d'esprit et de dignité dans ce moment important. Que Dieu vous assiste, mon cher ami, ainsi que tous nos braves gens de là bas. Dès la réception de cet ordre, faites m'en donner nouvelle ainsi que de son exécution; vous me donnerez tous les détails possibles sur la manière dont tout se passera; point de bruit, de scandale; je défend toute injure de la manière la plus positive et vous en rends t o u s responsables, mais point de farces, de lamentations déplacées, que tout se passe en ordre, avec dignité et dans la stricte règle de service.

Je vous autorise à faire partir Madatof, Wéliaminof, enfin tous ceux que vous croirez nuisibles. Portez toute votre attention à ce que Sipiaguine dès son arrivée, se met bien avec Paskevitch et sur le pied le plus confiant possible; je compte sur votre zèle, cher ami, et sur votre savoir faire, pour arranger cette partie importante du service dès le commencement de façon à ne devoir rien apréhender pour l'avenir. Dites bien à Sipiaguine que j'espère que les intrigues n'auront plus jeu près du commandant de la bas et que c'est sur lui que je compte pour prévenir les suites d'une aussi fâcheuse tendance.

J'ai lu avec attention le projet de campagne. Je ne suppose possible le passage de l'Arax dans l'intention de marcher sur Tavris c e t

été, qu'au cas où l'on fut certain de ne point rencontrer d'armée ennemie, ou bien après l'avoir défaite dès le début de la campagne; avec cela il faudrait être sûr des moyens de subsistences. Aussi cette partie-là de la campagne, j'en abandonne la décision à vous et Paskevitch.

Quant à la campagne d'automne, si les Persans font les revêches, il faut en tout cas qu'elle commence par la prise de Tavris. De là on peut suivre le plan proposé. Je tiens beaucoup à l'expédition sur Insili; mais je doute de la possibilité du transport du nombre de troupes proposé; peut-être suffirait-il de s'emparer de ce point pour le garder comme un gage presque certain pour obtenir les conditions désirables pour la paix. — En tout cas je défend au delà de l'Arax toute acceptation de soumission à la Russie; nous pouvons reconnaitre l'indépendance des chanats, mais pas leur réunion à notre empire; il nous suffit d'Eriwan et Comp. Soyons en contents et n'allons pas au de là dans nos calculs.

S'il est indispensable de remplacer les tchakos, je vous autorise à le faire par le bonnet de mouton persan, en y adoptant notre marque distinctive ou plaque; cela sera mieux que les bonnets proposés, qui sont par trop laids.

Je vous envois en tout cas une casquette de la marine, qui par son extrême légèreté, me parait pouvoir peut être convenir, surtout recouverte de toile blanche pour чехолъ. Je consens à l'introduction des cappes proposés en drap blanc, ainsi que pour les vestes de drap blanc.

Tout va fort bien ici; je suis fort content. Tolstoy marche bien, et nous sommes fort contents de Чернышевъ. L'affaire du comissariat va au plus mal, et bientôt il faudra rompre en visière avec le Ministre et Путята, ce qui me tracasse beaucoup; je ne le sais au reste que d'une manière privée par Tolstoy.

Mille choses à tous les notres, en particulier à votre secretaire privé. J'attendrais impatiemment de vos nouvelles. Adieu cher ami, que Dieu vous guide et vous ramène bientôt. Tout à vous et pour la vie.

Nicolas.

Ma femme vous dit mille choses. Je vous préviens que c'est Wolf qui remplace Sipiaguine. Je passe la revue du 2 corps à Wiazma et je compte y être vers le 15 de Mai.

[Копіи изъ бумагъ К. В. Чевкина].

ГРАФЪ ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ.

ЗАМѢТКИ О ЕГО УПРАВЛЕНІИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИМУЩЕСТВАМИ съ 29 апрѣля 1836 г. до 29 августа 1856 г.

Свѣдѣнія о жизни и о служебной дѣятельности П. Д. Киселева до 1836 г. были приведены въ статьѣ кн. Н. С. Голицына: „П. Д. Киселевъ и его управленіе Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г. томъ XXIV (мартъ и апрѣль) стр. 479 и 639. Къ этой статьѣ и къ помѣщаемой теперь здѣсь замѣткѣ относится портретъ П. Д. Киселева времени 1829—1834 гг., по гравированный нынѣ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ по рисунку К. О. Брожа съ превосходной литографіи того времени, сообщенной намъ княземъ Н. С. Голицынымъ. Портретъ приложенъ при этой книгѣ „Русской Старины“.

Государственная и общественная дѣятельность гр. П. Д. Киселева изложена въ обширномъ многолѣтнемъ трудѣ члена государственнаго совѣта статсъ-секретаря А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго; первые томы его труда уже приготовлены къ печати. Въ ожиданіи выхода біографіи гр. Киселева, монументальнаго труда г. Заблоцкаго, мы печатаемъ настоящую замѣтку только для того, чтобы по поводу портрета гр. П. Д. Киселева напомнить о знаменитомъ государственномъ мужѣ, несомнѣнно самомъ замѣчательномъ и по уму, и по дарованіямъ въ ряду сподвижниковъ императора Николая Павловича, 1825—1855 гг. Ред.

I

До 1838 года государственные крестьяне и имущества находились въ вѣдѣніи и управленіи министерства финансовъ.

Въ видахъ особаго попеченія о благѣ ихъ, императоръ Николай Павловичъ вознамѣрился учредить особое министерство, подъ названіемъ «Министерства Государственныхъ Имуществъ», и осуществленіе этой мысли своей возложилъ на Павла Дмитріевича Киселева. Но еще прежде того, желая, чтобы предметы вѣдомства государ-

ственныхъ имуществъ были ближе извѣстны ему, государь учредилъ «V отдѣленіе собственнаго его императорскаго величества канцеляріи», о чемъ послѣдовалъ имянной высочайшій указъ 29-го апрѣля 1836 г., и этимъ указомъ назначилъ Павла Дмитріевича Киселева главноуправляющимъ этимъ отдѣленіемъ.

Для помѣщенія V-го отдѣленія, отъ министерства финансовъ предполагалось взять домъ государственнаго казначейства, или домъ казенной палаты. Министръ финансовъ, графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, соглашаясь на уступку дома казенной палаты, представлялъ необходимость къ удержанію въ вѣдомствѣ министерства финансовъ дома государственнаго казначейства, потому что иначе нужно было лишить многихъ служащихъ чиновниковъ казеннаго помѣщенія. Государь, на докладѣ этомъ, собственноручно написалъ слѣдующую резолюцію:

— «Если нельзя, то нечего дѣлать; но расширять помѣщеніе и давать чиновникамъ квартиры, есть всеобщая страсть, противъ которой я неотступно вою, и потому заключаю, что не хотите уважить, какъ мнѣ, такъ новому моему учрежденію.»

Такимъ образомъ домъ С. Петербургской казенной палаты [1]) былъ переданъ въ вѣдѣніе V отдѣленія, гдѣ оно и помѣщалось во все время своего существованія. А Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ жилъ, до постройки министерскаго дома у Синяго моста, въ домѣ сенатора Митусова, потомъ Зурова, по Большой Морской, близь почтамтскаго мостика на Мойкѣ.

При образованіи личнаго состава V отдѣленія, въ управляющіе онымъ избранъ былъ директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь) Василій Ивановичъ Карнѣевъ. [2]) На остальныя должности двухъ дѣлопроизводителей, двухъ помощниковъ и журналиста, опредѣлены были: Валеріанъ Емельяновичъ Клоковъ и Иванъ Тимофеевичъ Калашниковъ (авторъ романовъ: «Дочь купца Жолобова», «Камчадалка» и «Автоматъ» [3]). Помощни-

---

[1]) У Синяго моста, нынѣ домъ Якунчикова.

[2]) См. „Русскую Старину" августъ мѣсяцъ 1873 года.

[3]) Впослѣдствіи служилъ директоромъ канцеляріи государственнаго коннозаводства и умеръ въ чинѣ тайн. сов.

Романъ „Автоматъ" писанъ имъ во время служенія въ V отдѣленіи.

За выходомъ его, и за смертію В. Г. Клокова, дѣлопроизводителями V отдѣленія были: с. сов. Константинъ Петровичъ Масальскій (авторъ романа „Стрѣльцы" и др.), к. сов. Павелъ Петровичъ Шеншинъ (умеръ), кол. сов. Николай Егоровичъ Половинкинъ (нынѣ д. с. с., въ отставкѣ). **Н. Л.**

ками были опредѣлены: к. а. Илья Афанасьевичъ Бураковъ и г. с. Николай Петровичъ Евреиновъ (впослѣдствіи онъ былъ дѣлопроизводителемъ [1]).

Чтобы положительнѣе узнать; въ какомъ состояніи находились тогда государственные крестьяне и имущества, П. Д. Киселевымъ признано было за необходимое произвести одновременно ревизію во всѣхъ губерніяхъ Россіи, на каковую мѣру и было испрошено имъ высочайшее повелѣніе. Во исполненіе его была составлена инсткрукція ревизорамъ и приступлено къ избранію ихъ и прикомандированію къ V отдѣленію.

Въ самомъ непродолжительномъ времени посланы были въ великороссійскія, западныя, остзейскія и сибирскія губерніи ревизоры.

За оказаніемъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, полнаго содѣйствія отъ мѣстныхъ губернскихъ властей, ревизія продолжалась болѣе года. Очень любопытны были результаты, добытые ею, потому что, согласно съ инструкціей, каждый ревизоръ привезъ числовыя данныя и новые инвентари имуществъ: крестьянскаго и государственнаго, и сверхъ того представилъ картину состоянія крестьянъ и имуществъ въ общемъ обозрѣніи.

Для повѣрки привезенныхъ ревизорами свѣдѣній, и для составленія краткихъ извлеченій изъ общихъ обозрѣній, при V отдѣленіи была составлена особая коммисія подъ предсѣдательствомъ д. с. с. Дмитрія Никитича Бѣгичева, изъ членовъ: с. с. Кучевича и кол. сов. Леонтія Яковлевича Флесьера. Извлеченія, составляемыя комисіею, для представленія, чрезъ докладывавшаго по дѣламъ V отдѣленія, государю императору, прочитывались и подписывались П. Д. Киселевымъ.

Впослѣдствіи, изъ ревизорскихъ трудовъ, по порученію П. Д. Киселева, с. с. Павломъ Васильевичемъ Улановымъ былъ составленъ общій сводъ. Состояніе же закавказскаго края (не входившаго въ вѣдомство государственныхъ имуществъ), описано с. с. Иваномъ Ивановичемъ Шопеномъ, служившимъ потомъ начальникомъ отдѣленія въ 3 департаментѣ м. г. и.

По громадности своей, труды эти остались въ рукописи.

Пока происходила ревизія губерній Россіи, по плану, предначер-

---

[1]) Нынѣ д. с. с., въ отставкѣ. Къ отдѣленію прикомандированы еще были: кандидатъ университета Иванъ Андреевичъ Нордстремъ, нынѣ д. с. с., служилъ въ III отд. соб. его и. в. канцеляріи, камеръ-юнкеръ Еремеевъ (умеръ), тит. сов. Мосягинъ, (умеръ), тит. сов. Сергѣй Алек. Костливцевъ (бывшій пермскій гражданскій губернаторъ, д. ст. сов., нынѣ въ отставкѣ), губ. секр. Минчаки (умеръ) и Н. П. Энденъ (умеръ).

танному П. Д. Киселевымъ и получившему высочайшее одобреніе, въ V отдѣленіи составлялись проэкты положеній: 1) объ учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, съ тремя департаментами, межевымъ корпусомъ и корпусомъ гражданскихъ топографовъ; 2) палатъ съ окружными, волостными и сельскими управленіями; 3) наказы: министерству и губернскимъ учрежденіямъ; 4) уставовъ сельско-полицейскаго, строительнаго, продовольственнаго и др. Эти работы, вошедшія потомъ въ сводъ законовъ, стоили служившимъ въ V отдѣленіи очень много трудовъ.

Независимо отъ этихъ работъ, безпрерывно дѣлались сношенія, по разнымъ другимъ дѣламъ, съ министрами и главноуправляющими отдѣльными частями.

Съ открытіемъ дѣйствій департаментовъ и палатъ государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ, требовалось составить еще два новыхъ устава: «Рекрутскій», по которому опредѣлено ввести, вмѣсто очередной, жеребьевую систему, и «Лѣсной». Труды эти возложены были на двухъ лицъ, служившихъ начальниками отдѣленій: Ивана Титовича Журавлева и Никанора Петровича Грешищева, съ участіемъ старшаго чиновника II отдѣленія собственной его величества канцеляріи, Козьмы Григорьевича Рѣпинскаго.

Подъ предсѣдательствомъ П. Д. Киселева были учреждены различные комитеты. Такими были именно:

1) Объ устройствѣ сельскаго духовенства.

2) Объ отобраніи у католическаго духовенства населенныхъ имѣній.

3) О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостныхъ во временно-обязанныхъ.

4) Объ устройствѣ сельскихъ училищъ, которыхъ въ 1842 году открыто было во всѣхъ губерніяхъ одновременно до 2000.

5) Объ устройствѣ въ западномъ краѣ быта православнаго духовенства.

6) О водвореніи отставныхъ воинскихъ чиновъ на казенныхъ земляхъ.

7) Объ уничтоженіи лажа и объ опредѣленіи денежной единицы на серебро.

8) О порто-франко въ г. Одессѣ.

9) Сибирскій.

10) Кавказскій.

11) По дѣламъ западныхъ губерній.

Кромѣ того былъ еще одинъ комитетъ объ устройствѣ евреевъ, подъ предсѣдательствомъ государя наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ которомъ П. Д. былъ членомъ, а В. И. Карнѣевъ дѣлопроизводителемъ.

Во всѣ вышеозначенные комитеты, кромѣ членовъ, состоявшихъ изъ министровъ и главноуправлявшихъ отдѣльными частями, вызваны были нѣкоторые генералъ-губернаторы.

II.

Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ было вызвано необходимостью, давно и ясно сознанною.

Еще императрица Екатерина II сдѣлала въ двухъ новороссійскихъ губерніяхъ опытъ учрежденія общественнаго сельскаго управленія, и лично, какъ извѣстно, занималась проектомъ общаго устройства государственныхъ крестьянъ, намѣреваясь дать этому сословію, по примѣру дворянъ и городскаго состоянія, особую грамоту. Предоставивъ разсмотрѣніе и рѣшеніе общественныхъ дѣлъ мірскимъ сходамъ, она учредила сборные суды и засѣданія сельскихъ начальниковъ, и установила старшинъ, старостъ, выборныхъ и сборщиковъ податей изъ крестьянъ.

Императоръ Павелъ I, по восшествіи на престолъ, желая немедленно приступить къ устройству государственныхъ крестьянъ и къ улучшенію сельскаго хозяйства вообще, учредилъ для этой цѣли экспедицію государственнаго хозяйства, которая успѣла только составить предположеніе объ устройствѣ волостей.

Императоръ Александръ I, въ манифестѣ 10 февраля 1819 года, объявивъ о притѣсненіяхъ, терпимыхъ государственными крестьянами отъ чиновниковъ земской полиціи, обѣщалъ принять мѣры къ устройству и огражденію ихъ.

Въ теченіи первыхъ лѣтъ царствованія императора Николая I также доходили самыя горькія жалобы на притѣсненія государственныхъ крестьянъ. Такое положеніе ихъ сильно озабочивало государя, который, какъ надобно полагать, только высматривалъ человѣка, на котораго могъ бы возложить приведеніе въ исполненіе необходимой реформы. Выборъ его палъ на П. Д. Киселева [1]).

---

[1]) До учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, для управленія государственными имуществами учрежденъ былъ временный совѣтъ. 7-го января 1837 г. Высочайше повелѣно было П. Д. Киселеву докладывать Государю Императору по дѣламъ временнаго совѣта, подлежащимъ разрѣшенію Его Величества, и приводить въ исполненіе Высочайшія по онымъ повелѣнія. 6-го февраля того же 1837 г. Павлу Дмитріевичу Всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ комитетѣ министровъ. Н. Л.

Принявъ званіе «докладывающаго по дѣламъ V отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи», онъ, какъ сказано выше, избралъ лицъ къ обревизованію государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ почти всей Россіи одновременно, и по окончаніи оной получилъ полную, ясную и вѣрную картину быта крестьянъ и состоянія государственныхъ имуществъ. Ревизія показала Киселеву, а чрезъ него узналъ и Государь, насколько было въ упадкѣ состояніе крестьянъ государственныхъ имуществъ въ прежнее управленіе. Государь принялъ это къ сердцу и не пожалѣлъ значительныхъ денежныхъ средствъ для возстановленія его. Возстановленіе это онъ видѣлъ въ учрежденіи новаго «министерства государственныхъ имуществъ» [1]).

Раскрытыя ревизіею неустройства и безпорядки породили много враговъ. Послышались клевета, осужденіе. Киселевъ смотрѣлъ равнодушно на исходившія изъ устъ толпы молву, клевету и зависть [2]). Онъ зналъ какіе носились всюду слухи и—оставался спокоенъ, не скрывая о носившейся молвѣ и предъ Государемъ, которому онъ былъ глубоко преданъ и которому посвятилъ всѣ свои труды и заботы. Онъ началъ свои дѣйствія съ того, что пріискалъ дѣльныхъ и честныхъ помощниковъ, которымъ роздалъ должности директоровъ: Владиміра Михайловича Прокоповича-Антонскаго, Николая Евстигнѣевича Тукмачева, барона Ивана Ѳедоровича Деллингсгаузена, Егора Егоровича Фонъ-Брадке, Валеріана Емельяновича Клокова, Ивана Ивановича Шелехова, Евгенія Ѳедоровича Гана [3]), Алексѣя Ираклієвича Левшина [4]), Ивана Адамовича Мочульскаго [5]), и Карла Бургардовича Венцеля [6]).

Если министерство государственныхъ имуществъ росло, крѣпло и твердо шло къ предначертанной Государемъ цѣли, за чѣмъ слѣдилъ

---

[1]) Высочайшій указъ о назначеніи Павла Дмитріевича Киселева министромъ государственныхъ имуществъ послѣдовалъ правительствующему сенату 27 декабря 1837.

[2]) Къ числу хулителей и порицателей принадлежали неудостоенные опредѣленія въ должности управляющихъ палатами и окружныхъ начальниковъ, которыя они считали хлѣбными.

[3]) Въ 1873 г. тайный совѣтникъ и сенаторъ.

[4]) Въ 1873 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта (умеръ).

[5]) Въ 1837 г. генералъ-маіоръ, бывшій начальникъ корпуса межевщиковъ (умеръ).

[6]) Въ 1873 г. генералъ-лейтенантъ и сенаторъ (умеръ). Н. Л.

самъ Государь, то честь и слава эта должна равномѣрно падать, какъ на П. Д. Киселева, такъ и на достойныхъ сотрудниковъ его, къ числу которыхъ принадлежали еще и нѣкоторые начальники отдѣленій: Иванъ Титовичъ Журавлевъ) [1]), Никаноръ Петровичъ Грешищевъ [2]), Николай Михайловичъ Кладо, Григорій Мартыновичъ Левдиковъ, Леонардъ Осиповичъ Любовицкій [3]), Петръ Ивановичъ Кеппенъ [4]), генералъ-маіоръ Оленичъ-Гнененко [5]), Николай Петровичъ Шигаевъ [6]), и Николай Ивановичъ Пановъ [7]).

Работы этихъ лицъ—работы капитальныя, требовали много труда и много времени для достиженія тѣхъ результатовъ, той быстроты, той тщательной отдѣлки, какой требовалъ отъ нихъ П. Д. Киселевъ.

III.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета гр. П. Д. Киселева за 1855 годъ извлекаемъ слѣдующія данныя по управленію имъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ 1855 г., для составленія государственнаго ополченія, отъ государственныхъ крестьянъ собрано было ратниковъ:

Пѣшихъ	141.178
Конныхъ	6.568
Погонщиковъ.	2.640
Итого	150.386

Сформированныхъ парковъ . . .	637
Для подвижнаго парка поставлено.	4.395 пуд. хлѣба.
» » магазина » .	255 » »
Поставлено въ два чрезвычайныхъ набора рекрутъ натурою. . .	138.250 чел.
Зачетными квитанціями	4.438
Денежныхъ взносовъ на сумму. .	439.200 р.
Поступило податей.	24.820.778 р. $10^3/_4$ к.

[1]) Составитель рекрутскаго устава.

[2]) Составитель лѣснаго устава.

[3]) Служившіе во 2 департаментѣ, и извѣстные по работамъ объ имѣніяхъ: ленныхъ, поіезуитскихъ, погалиційскихъ и конфискованныхъ, и по люстраціи имѣній западнаго края.

[4]) По статистическимъ работамъ.

[5]) Составитель проекта „О калмыкахъ" и бывшій потомъ попечитель ихъ.

[6]) Въ 1873 г. т. сов. (бывшій товарищъ министра финансовъ), умеръ.

[7]) Нынѣ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь государственнаго совѣта.

Н. Л.

Къ продолжавшейся войнѣ присоединялись неурожаи и требованія увеличивавшихся воинскихъ повинностей. Не смотря на это, на настоятельныя потребности продовольствія крестьянъ и для обсѣмененія полей ихъ, отпущено было изъ центральныхъ запасныхъ магазиновъ зерноваго хлѣба:

Крестьянамъ	1.158.295 четв.
На продовольствіе дружинъ	138.265 »
На продовольствіе семействъ, поступившихъ на службу, отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ и ратниковъ. . .	235.084 »
Итого . .	1.531.644 четв.

Полагая цѣну этого хлѣба въ сложности по 3 р. за четверть, стоимость равняется суммѣ	4.594.932 р.
Сверхъ того деньгами	1.015.412 р.
Всего, считая на деньги . . .	5.610.344 р.

Въ видахъ облегченія государственнаго казначейства и содѣйствія къ доставленію арміи продовольствія, отпущено было войскамъ, по распоряженію министерства, въ счетъ недоимокъ или съ уплатою впослѣдствіи, изъ ближайшихъ къ театру войны запасныхъ магазиновъ, хлѣба—297.716 четв.

Согласно Высочайшей волѣ, облегчалось положеніе крестьянъ существенными пособіями [1]). Министерство заботилось и объ умственномъ и нравственномъ развитіи ихъ: учреждало по селеніямъ приходскія училища, на сколько позволяли средства, не только между русскими, но и между татарами, евреями-земледѣльцами, калмыками и иностранными поселенцами. Такъ въ 1855 г. учащихся было 170.149 челов. Изъ этого числа приходилось на общее число населенія у государственныхъ крестьянъ 1 на 163, у колонистовъ 1 на 7, у евреевъ-земледѣльцевъ 1 на 49. Образованіе давалось религіозно-нравственное, при участіи приходскаго духовенства.

[1]) Напримѣръ въ 1855 году выдано было: а) деньгами—1,015.412 р. б) хлѣбомъ—1,531.644 р. Н. Л.

а) Малоземельнымъ крестьянамъ отведено въ надѣлъ земли	159.704	дес.
б) Переселено на пустопорожнія земли	169.136	душъ.
в) Водворено отставныхъ солдатъ	2.538	чел.
г) Поселено евреевъ на казенныхъ земляхъ	1.417	душъ.

Устроено хлѣбныхъ магазиновъ:

По новымъ образцамъ	3.262
Прежняго устройства	2.469
	5.731

Составленъ капиталъ на постройку магазиновъ въ 1.204.982 р., и введено страхованіе строеній въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ.

Построено въ теченіе года домовъ:

Каменныхъ	286
Изъ нежженнаго или землебитнаго кирпича	2.505
На каменныхъ фундаментахъ и столбахъ	9.817
Съ несгораемыми крышами	519
Улучшенной постройки	13.174
	26.301

Работая неустанно, согласно Высочайшимъ видамъ о попечительствѣ надъ государственными крестьянами, П. Д. Киселевъ не переставалъ въ то же время, такъ или иначе, возвращаться къ мысли объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Это былъ самый искренній поборникъ великой идеи, которой не суждено было однако осуществиться въ царствованіе императора Николая Павловича.

IV.

Для того, чтобы вѣрнѣе судить о результатахъ дѣятельности гр. П. Д. Киселева по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ, необходимо вспомнить, каково было ихъ положеніе и вообще государственнаго хозяйства до гр. Киселева.

Произведенная, какъ сказано выше, въ царствованіе Императора Александра I, ревизія сенаторовъ обнаружила крайнюю степень разстройства и притѣсненія крестьянъ: всѣ средства сельскихъ обывателей были поглощены злоупотребительными поборами, а на долю казны выпадала масса недоимокъ. Такъ, изъ указа 1818 г. 7-го ноября видно, что въ 1814 году сложено было 30 мил. р. ассиг. податей, а черезъ 4 года, т. е. въ 1818 г., вновь накопилось недоимокъ до 96 мил. р. Безпорядокъ въ распредѣленіи казенныхъ земель между крестьянами былъ такъ великъ, что 605.676 душъ не имѣли вовсе осѣдлости и скитались безъ пристанища. Хлѣбные посѣвы простирались только до 13 мил., пьянство рзспространено было до того, что въ 15-ти великороссійскихъ губерніяхъ на 3.078.155 душъ было 4.387 питейныхъ заведеній, т. е. по одному на 7018 душъ, тогда какъ въ тѣхъ же губерніяхъ на 4.881.051 душу помѣщичьихъ крестьянъ число кабаковъ ограничивалось 1.836, т. е. 1 на 26.191 душу.

Съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ состояніе государственныхъ крестьянъ и имуществъ стало возвышаться. Годъ отъ году каждый крестьянинъ не столь уже тяготился взносомъ своихъ податей, потому что хозяйство его крѣпло и прибавлялось: онъ имѣлъ лошадь, корову, овцу, свинью, гусей и утокъ; домъ его не допускался до разрушенія, и на постройку новаго выдавался ему лѣсъ; безземельные надѣлялись землями, а малоземельные выселялись съ пособіемъ на новыя земли; поле крестьянина всегда было засѣяно, потому что за этимъ наблюдали установленныя власти, и неимѣвшаго сѣмянъ снабжали изъ общественныхъ магазиновъ; то же было и въ случаяхъ неурожая. Въ неотложной надобности въ деньгахъ, ему выдавалась ссуда подъ круговое ручательство общества. Во всякое время обидъ и притѣсненій, онъ, кромѣ суда домашняго, имѣлъ право доступа къ нѣсколькимъ властямъ, которыя состояли въ лицахъ: окружнаго начальника, управляющаго палатою и самаго министра.

Познавать людей вполнѣ способныхъ и безкорыстныхъ—дѣло не легкое, а отклонять отъ служившихъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ соблазнительную силу откупной винной системы, бывшей

въ свое время въ ходу, и иныхъ подобныхъ увлеченій, министерство не имѣло возможности, потому что надзоръ на огромномъ пространствѣ имперіи, при безгласности, и преслѣдованіе зла, при общей неудовлетворительности судопроизводства и слабой служебной отвѣтственности, были одинаково затруднительны для министерства государственныхъ имуществъ, какъ и для прочихъ, а потому, если при самомъ учрежденіи министерства была сдѣлана ошибка въ многоначаліи, то эта ошибка вскорѣ была и исправлена. Были въ селеніяхъ безпорядки и волненія, вызывавшія даже мѣры строгости къ прекращенію ихъ; но эти неурядицы не могутъ ложиться пятномъ, ни на министерство, ни на учредителя его П. Д. Киселева; тѣ, кто былъ тому причиною, равно и тѣ, которые злоупотребляли дарованною имъ закономъ властью, не оставлялись безъ должнаго возмездія: они тотчасъ были удаляемы отъ должностей и предавались суду. Однако, какъ бы ни было велико число такихъ лицъ (хотя, въ сущности, ихъ было не особенно много), они не могутъ помрачить славы министерства и министра.....

Руководясь правдою, слѣдуетъ сказать, что отношенія П. Д. Киселева къ своимъ подчиненнымъ были строго-осмотрительны. Неоправдавшій надеждъ и ожиданій его скорѣе могъ найти мѣсто и службу въ иномъ вѣдомствѣ, чѣмъ у него. Поведеніе должностнаго лица, подлежавшаго сомнѣнію, а тѣмъ болѣе совершенно безвиннаго, онъ всегда отстаивалъ. Такъ, напримѣръ, при одномъ изъ рекрутскихъ наборовъ флигель-адъютантомъ, посланнымъ въ губернію за наблюденіемъ производства набора, доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія о злоупотребленіи окружнаго начальника, будто-бы неправильно сдавшаго въ рекруты сына вдовы крестьянина. По сообщеніи объ этомъ П. Д. Киселеву, посланъ былъ чиновникъ особыхъ порученій для строжайшаго изслѣдованія дѣла. Это изслѣдованіе доказало, что вдова крестьянина дѣйствительно подавала прошеніе флигель-адъютанту о возвратѣ будто-бы неправильно сданнаго въ рекруты сына; но такъ какъ порядокъ былъ, вмѣсто очереднаго, жеребьевый, гдѣ были «очередные», «подставные» и «запасные» рекруты, а всѣ тонкости новаго рекрутскаго устава ей не были извѣстны, то, по ея понятію, сынъ ея и былъ сданъ будто бы неправильно. Затѣмъ, по принятіи флигель-адъютантомъ прошенія, отъ неумѣнья выразить толково свою просьбу, крестьянка была доведена имъ до объясненія, будто бы, за освобожденіе ея сына, требовалась взятка. Такъ какъ подобнаго покушенія не было, то окружный начальникъ, хотя былъ уволенъ отъ должности, но отъ «суда», предстательствомъ Киселева, «освобожденъ».

Западный край, какъ край бѣдный, также обращалъ вниманіе

министерства. Каждому училищу края назначены были особые участки земли для разведенія садовъ и огородовъ; нѣкоторымъ училищамъ были предоставлены въ пользованіе находящіеся въ имѣніяхъ фруктовые сады.

Отпущено до 12.146 руб. на постройку въ краѣ церквей.

Выдано духовенству за преподаваніе въ сельскихъ приходскихъ училищахъ 98.165 руб.

Для приведенія въ извѣстность количества земель, предпринято было межеваніе и съемки земель, для чего учрежденъ былъ корпусъ межевщиковъ.

Составлены люстраціонные инвентари по 417 имѣніямъ.

Составлены межевые планы на 1.198.822 дес. земли.

Повинности крестьянъ уменьшены, по оцѣнкѣ на 1813 руб.

Занимая въ средѣ государственныхъ людей высокое мѣсто, П. Д. Киселевъ доказалъ и высокія душевныя качества свои, какъ филантропъ: онъ заботился и о положеніи бѣдныхъ, и о призрѣніи немощныхъ и сиротъ, какъ будущихъ членовъ и дѣятелей общества. Такъ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ состояло богадѣленъ 418.

Въ нихъ призрѣвалось въ 1855 году . . .	2.997 чел.
Опекъ учреждено	41.214
Въ нихъ находилось	90.097 сиротъ
Сиротскаго капитала и имущества . . .	5.204.196 руб.

П. Д. Киселевъ заботился о приготовленіи въ сельскомъ сословіи полезныхъ дѣятелей, и въ этихъ видахъ крестьянскіе мальчики и сироты отдавались въ обученіе ремесламъ. Такихъ мальчиковъ и сиротъ обучалось до 50.335 челов. Фабрикъ и заводовъ было въ казенныхъ селеніяхъ и у колонистовъ 5944, въ которыхъ работало 62,482 человѣка. Крестьяне отъ фабричной промышленности получали 9.758.138 руб.—Мірскихъ капиталовъ было до 3.423.636 руб.

Обратимся къ сельскому хозяйству. Здѣсь министерство государственныхъ имуществъ могло, съ своей стороны, содѣйствовать только поощреніемъ и распространеніемъ полезныхъ свѣдѣній, что̀ оно и исполняло, [1]) учредивъ земледѣльческія училища, учебныя фермы,

---

[1]) Съ этою цѣлію издавались отъ министерства государственныхъ имуществъ три періодическія изданія: „журналъ министерства государственныхъ имуществъ“, „земледѣльческая газета“ и „газета для нѣмецкихъ колонистовъ.“

Н. Л.

садовыя училища съ питомниками, и училища винодѣлія. [1]) Министерству содѣйствовали въ этомъ случаѣ и экономическія общества. Труды крестьянъ вознаграждались жалуемыми наградами, которыя заключались въ медаляхъ, кафтанахъ съ украшеніемъ, въ похвальныхъ листахъ, денежныхъ преміяхъ, кубкахъ и т. п. Кромѣ того раздавались сѣмена различныхъ растеній, въ томъ числѣ табака: виргинскаго, мариландскаго и турецкаго. Эти награды вызвали въ крестьянахъ соревнованіе къ труду и къ различнымъ улучшеніямъ: начался посѣвъ картофеля, который прежде, по ихъ понятіямъ, не составлялъ важнаго продукта для питанія при неурожаяхъ, и былъ въ пренебреженіи. Министерству стоило большихъ усилій ввести посѣвъ картофеля повсемѣстно. Но, мало по малу, дошло до того, что общее количество посѣва картофеля простиралось до 5.603.165 четв. Кромѣ того государственные крестьяне занимались: посѣвомъ кукурузы, разведеніемъ свекловицы, льна и пеньки. До начала войны (1853—1856 гг.) учреждены были у насъ многія механическія заведенія для мочки, бѣленья, апретуры льна и выдѣлки разныхъ произведеній. Въ 1855 году одно подобное заведеніе братьевъ Хлудовыхъ произвело льняной пряжи на 225.010 р., а министерство не оставляло содѣйствіемъ улучшенной разработкѣ льна и пеньки собственными примѣрами на фермахъ, обученіемъ крестьянскихъ мальчиковъ и разными поощреніями. Въ вятскую губернію, гдѣ выработывалось прежде до 100 мил. аршинъ холста, преимущественно для войскъ, послано было нѣкоторое количество стальныхъ бердъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ вывезено было изъ Китая однородное съ свекловицей сахарное растеніе, называемое «сахарное просо» или «сарго».

Садоводство, винодѣліе и шелководство между государственными крестьянами годъ отъ году приходило въ лучшее состояніе.

Къ завѣдыванію министерства государственныхъ имуществъ принадлежали также: часть лѣсная и коннозаводство.

Кромѣ того, съ разрѣшенія министерства, по разсмотрѣніи ученымъ комитетомъ министерства, принимались изданія отъ частныхъ лицъ. Такъ, три года сряду издавались разсказы для государственныхъ крестьянъ: о круговой порукѣ и сельской расправѣ, о сельскомъ сходѣ, о пользѣ прививать дѣтямъ оспу и т. п. Брошюры эти принимались для сельскихъ библіотекъ; этихъ разсказовъ издано 18 т. экземпляровъ.

[1]) Первыхъ было 1, вторыхъ 8, третьихъ 5, четвертыхъ 1. Н. Л.

Извѣстно, что истинное значеніе лѣсамъ было придано Петромъ Великимъ, что до царствованія Павла I управленіе лѣсами ввѣрялось одноличности, и лишь съ его времени присоединено къ экспедиціи государственнаго хозяйства. Затѣмъ, при Александрѣ I, лѣсная часть получила уже лучшее устройство, а въ царствованіе императора Николая I лѣса распредѣлены по вѣдомствамъ, чѣмъ и осуществилась мысль императора Александра I, и утвердилось предположеніе министра финансовъ гр. Е. Ф. Канкрина, который, не имѣя достаточныхъ средствъ, не могъ управиться со всей «необъятной массой лѣсовъ». Съ учрежденіемъ же министерства государственныхъ имуществъ, лѣса казенные, въ количествѣ 108.947,399 дес.,[1] поступили въ управленіе онаго. Изъ нихъ, по распоряженію министерства, снято было на планъ 1.289,929 дес. и повѣрены границы 5310 лѣсныхъ дачъ. Такъ какъ правильное лѣсное хозяйство въ казенныхъ дачахъ вводилось лишь съ 1826 года, то ранѣе этого времени, для приготовленія людей, могшихъ способствовать цѣлямъ правительства по лѣсной части, въ 1808 году учрежденъ былъ лѣсной институтъ, а въ 1834 учебное лѣсничество. П. Д. Киселевъ оба эти заведенія подвергъ преобразованію, а въ м. Горы-Горкахъ (могилевской губерніи) учредилъ земледѣльческое училище. Изъ воспитанниковъ лѣснаго института составленъ корпусъ лѣсничихъ. Основательное знаніе лѣсной части этими лицами принесло правительству и обществу несомнѣнную пользу.[2].

Не менѣе принесло пользы и управленіе государственнаго коннозаводства. Не выставляя здѣсь частныхъ мѣропріятій, предпринимавшихся къ улучшенію коннозаводства, ограничимся общимъ обзоромъ. Принятая по улучшенію государственнаго коннозаводства система, согласная въ главныхъ основаніяхъ своихъ съ существовавшею въ Германіи и Франціи, только въ обширнѣйшемъ, по пространству Россіи, размѣрѣ, вполнѣ оправдывала выгоды матеріальнаго участія правительства въ этомъ дѣлѣ. Государственные конскіе заводы, приведенные тщательною сортировкою къ указанному для каждаго изъ нихъ особенному типу, составляли разсадникъ высшихъ производи-

---

[1]) Эти 108.947,399 дес. охранялись, по распоряженію министерства, стражею, состоявшею изъ объѣздчиковъ и другихъ 3.559 лицъ, и крестьянскою изъ 37.016 человѣкъ.

[2]) Вотъ лица, заявившія себя учеными трудами въ литературѣ: Гг. Семеновъ, Длотовскій, Арнольди, фонъ Греве, Шелгуновъ (талантливый писатель и публицистъ), Зобовъ и Петерсонъ. Н. Л.

телей для всѣхъ сортовъ коннозаводства, и посредствомъ ежегодной продажи нѣкоторыхъ изъ нихъ, а главное помощію земскихъ конюшенъ, распространяли постепенно ощущавшееся уже на опытѣ улучшеніе во всѣхъ видахъ частнаго коннозаводства.

V.

Имѣя на своемъ попеченіи 9.034,712 душъ государственныхъ крестьянъ мужскаго пола, и 9.519,568 женскаго, всего 18.554,280 душъ, кромѣ киргизовъ внутренней орды, обоихъ половъ, которыхъ было 188,758, и самоѣдовъ 5741 душъ, П. Д. Киселевъ лично неразъ предпринималъ поѣздки для обозрѣнія состоянія ввѣреннаго его заботамъ населенія. Курьеръ, чиновникъ особыхъ порученій [1]) съ писцомъ, врачъ [2]) и камердинеръ—вотъ лица, обыкновенно сопровождавшія П. Д. Киселева [3]). Какъ министра, П. Д. Киселева, при въѣздѣ въ губернскій городъ, встрѣчалъ начальникъ губерніи, съ чинами земской полиціи, т. е. становымъ приставомъ и исправникомъ, и кромѣ того управляющій мѣстною палатою съ мѣстнымъ окружнымъ начальникомъ. Пріѣздъ Киселева, по расчету времени отъ пріѣзда въ городъ курьера, былъ извѣстенъ. Но иногда Киселеву приходила мысль свернуть съ большой дороги въ сторону, въ село или деревню, если онѣ принадлежали вѣдомству государственныхъ имуществъ. Собирается сходка, и Киселевъ опрашиваетъ крестьянъ: не обижаютъ-ли ихъ

---

[1]) Бор. Бор. Рихтеръ, Алекс. Сав. Краммеръ и Дмит. Петр. Хрущовъ.

[2]) Ст. Ив. Сильванскій.

[3]) Графъ Павелъ Дмитріевичъ предпринималъ поѣздки въ 1839 г. для обозрѣнія губерній: С.П.Бургской, Новгородской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской и Тульской, съ 10 августа по 1 октября,—въ 1840 г. вновь учрежденнаго управленія государственныхъ имуществъ въ западныхъ губерніяхъ, съ 12 мая по 15 сентября, но въ это время былъ и заграницею для осмотра разныхъ хозяйственныхъ заведеній. Въ 1841 г. съ 30 іюня онъ осматривалъ управленіе государственныхъ имуществъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южнаго края Россіи и возвратился 12 октября. Въ 1842 г. съ 4 августа по 28 сентября обозрѣвалъ управленіе госуд. имуществъ въ губерніяхъ, прилегающихъ къ Волгѣ. Въ 1843 г. съ 16 іюля по 26 октября обозрѣвалъ управленія губерній юго-восточнаго края. Въ 1845 г., отправляясь за границу, обозрѣвалъ губерніи, лежащія на пути. Въ 1846 г. въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ 6 августа по 20 октября. Въ 1849 г. съ 31 мая по 1 октября также обозрѣвалъ управленія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и по коннозаводству и проч. Н. Л

должностныя лица и не дѣлаютъ-ли съ нихъ излишнихъ поборовъ?... Срочные часы, въ которые Киселевъ долженъ былъ по расчету пріѣхать, проходятъ. Ждетъ губернаторъ со всею свитою; становой не дремлетъ, но вотъ показывается вдали пыль столбомъ, и въѣзжаетъ Киселевъ, добрый, ласковый, привѣтливый ко всѣмъ ожидающимъ. Но, Боже сохрани, еслибы что открылось: управляющій получалъ, вмѣсто привѣта, страшную головомойку; окружной начальникъ подвергался смѣнѣ, а потомъ и увольненію отъ службы. Волостные и сельскіе начальники также подвергались взысканію по законамъ.

Вообще, какъ начальникъ, Павелъ Дмитріевичъ любилъ своихъ подчиненныхъ, часто дѣлилъ съ ними хлѣбъ-соль, умѣлъ цѣнить труды ихъ, принималъ всѣхъ ласково, выслушивалъ просьбу каждаго съ терпѣніемъ. Многихъ молодыхъ людей, особенно выпущенныхъ изъ царскосельскаго лицея, онъ вывелъ на хорошую дорогу въ жизни, многимъ далъ существенную руку помощи, многимъ оказалъ покровительство.

Трудамъ своихъ подчиненныхъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ всегда отдавалъ должную справедливость. Вотъ слова его, взятыя изъ одного отчета, представленнаго государю императору:

«Въ заключеніе поставляю себѣ за долгъ засвидѣтельствовать предъ вашимъ императорскимъ величествомъ о постоянныхъ трудахъ и усердіи, съ которыми, какъ чины вѣдомства государственныхъ имуществъ, такъ волостные и сельскіе начальники соревновали въ исполненіи своихъ обязанностей. Если нѣкоторые не оправдали своего назначенія и подверглись справедливому нареканію, то это зло, неизбѣжное по свойству самаго общества людей, ограничивалось малымъ числомъ и было отвращаемо мѣрами строгости, но большинство, одушевляемое святостію своего долга, неуклонно слѣдовало путемъ чести и оказывало мнѣ истинное содѣйствіе къ исполненію обязанности, монаршимъ довѣріемъ на меня возложенной».

VI.

«За долговременную, отличную службу, ознаменованную многими подвигами ревности и усердія на пользу престолу и отечеству, въ особенности за успѣшное и видамъ его императорскаго величества вполнѣ соотвѣтственное образованіе ввѣреннаго ему, Киселеву, министерства государственныхъ имуществъ», въ 1839 году Павлу Дмитріевичу Киселеву всемилостивѣйше пожаловано было графское россійской имперіи достоинство, съ нисходящимъ отъ него потомствомъ.

«За дѣятельное приведеніе въ исполненіе намѣренія его императорскаго величества къ обезпеченію благосостоянія государственныхъ крестьянъ, постепеннымъ устройствомъ ввѣреннаго управленія, и введенія благочинія и порядка», графъ Киселевъ пожалованъ въ 1841 г. кавалеромъ ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. [1])

«За неутомимые труды по управленію министерствомъ государственныхъ имуществъ и постоянные успѣхи въ достиженіи высочайшихъ предначертаній», графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ въ 1845 г. всемилостивѣйше пожалованъ алмазными знаками на орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго.

«За долговременное служеніе престолу и отечеству на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, постоянно сопровождаемое пламеннымъ усердіемъ и неусыпною дѣятельностію, а также за труды по управленію министерствомъ государственныхъ имуществъ», графу Киселеву въ 1852 г. всемилостивѣйше пожалованъ былъ портретъ императора Николая I-го, брилліантами украшенный, для ношенія въ петлицѣ.

Осыпаный царскими милостями, графъ Павелъ Дмитріевичъ трудами своими обратилъ на себя вниманіе и императорской академіи наукъ, которая въ 1855 г. избрала его въ число почетныхъ членовъ.

Въ 1856 г. графу Киселеву всемилостивѣйше пожалованъ былъ украшенный алмазами портретъ съ изображеніями: въ Бозѣ почившаго императора Николая I-го и нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра II-го.

Въ званіи министра государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ пробылъ до 29 августа 1856 г., когда Государь Императоръ далъ ему

---

[1]) Вмѣстѣ съ пожалованіемъ симъ орденомъ, канцлеръ императорскихъ орденовъ доставилъ ему и знаки ордена Бѣлаго Орла. Н. Л.

другое назначеніе, именно чрезвычайнаго и полномочнаго посла при императорѣ французовъ.

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ былъ женатъ на дочери генералъ-аншефа графа Феликса Потоцкаго, графини Софіи Потоцкой. У него не было дѣтей. Въ 1873 г. апрѣля 30-го Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 19 день апрѣля того года, высочайше соизволилъ на разрѣшеніе титулярному совѣтнику Павлу Сергѣевичу Киселеву принять, по послѣдовавшей въ ноябрѣ 1872 г. смерти роднаго его дяди, генералъ-адъютанта графа Павла Киселева, пожалованные сему послѣднему гербъ и графское Россійской имперіи достоинство, и именоваться впредь графомъ Киселевымъ.

1873 г. Н. А. Лебедевъ.

ОПИСАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ПОДВИГОВЪ

И ВСѢХЪ СЛУЧАЕВЪ ЖИЗНИ СВЯЩЕННИКА ЛЕВИЦКАГО

1791—1845.

Глава XVIII [1]).

Когда уже довольно въ монастырѣ я ознакомился и меня узнать могли, тогда, поелику твердо вѣрилъ я приближившемуся суду и царствію Божію такъ, что даже, въ бытность мою еще въ С.-Петербургѣ, заготовлено было отъ меня прошеніе объ отпущеніи меня для проповѣди сего въ цѣломъ мірѣ, вѣрнымъ и невѣрнымъ, а кольми паче послѣ подтвержденія сего свыше и великимъ ударомъ недавно бывшаго страшнаго наводненія и такой бури, которая вездѣ много раззоренія причинила, и въ самомъ семъ монастырѣ кресты со святаго храма посносила и крыши повредило: обязаннымъ я себя почелъ, по любви къ ближнимъ, возвѣстить и тутъ обитающимъ братіямъ, что служба моя и званіе мое предъ Богомъ не какое другое есть, по благодати Его, какъ только проповѣдовать міру покаяніе, ради приближавшагося страшнаго суда Его, который въ самыхъ поражающихъ Его дѣйствіяхъ по крайней мѣрѣ и по необходимости намъ грѣшнымъ къ спасенію своему познавать и плоды, достойные покаянія и царствія Божія приносить должно. Сіе слово, будучи возбужденъ духомъ Господнимъ, 9-го числа декабря, въ праздникъ зачатія Пресвятыя Богородицы, въ трапезѣ, при чтеніи житія святыхъ, рѣшился я во имя Господне собранной братіи сказать. Но меня тотчасъ, да будетъ это во славу Богу! за сію проповѣдь нѣкоторые изъ монаховъ, по манію строителя, взяли подъ руки и вывели вонъ, и когда я продолжалъ говорить, то даже и уста мнѣ затыкали.

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 129—168.

Самъ же строитель, призвавъ меня къ себѣ въ келію, сказалъ мнѣ: «развѣ ты хочешь, чтобы тебя въ мѣшокъ, да въ воду, что ты говорить начинаешь?» Я ему подтвердивъ, что это есть настоящее званіе мое и служба предъ Богомъ, на другой день долгомъ себя почелъ повторить оное самое слово мое по Господѣ и въ церквѣ послѣ литургіи. Но и отсюда, увы! съ большою дерзостію и наглостію подобнымъ же образомъ вонъ выведенъ былъ. Сіе уже не малую скорбь и горесть причинило моему сердцу: поелику симъ осквернилась церковь Божія и, по глаголу Христову: «идѣже аще не пріемлютъ вы и изгонятъ, изшедше изъ града того и прахъ прилѣпшій къ вамъ оттрясите»; и паки: «изыдите отъ среды ихъ, и нечистотѣ не прикасайтеся». За таковое нечестіе ихъ и мнѣ должно было отъ нихъ отлучиться. Но поелику между ними были и добродѣтельные и всѣмъ усердіемъ Богу работающіе, того ради и весьма болѣзненно и прискорбно было для меня таковое отлученіе, а тѣмъ паче, что въ монастырѣ здѣсь былъ я какъ плѣнникъ, почти во всемъ отъ нихъ зависящій и подъ власть ихъ покоренный. И по симъ причинамъ хотя одну седьмицу не ходилъ я на общую трапезу, ниже въ самую церковь, развѣ только въ притворъ оной, но потомъ, по убѣжденію нѣкоторыхъ изъ братій и по званію самаго строителя, рѣшился, покоряясь Богу, и имъ покориться, и паки по прежнему и въ трапезу, и въ церковь ходить. Но уже отъ сего времени только одно слово Божіе и святое церковное богослуженіе меня услаждало, а прочее я находилъ себя совершенно какъ бы въ чужомъ мірѣ, не между братіею, но между врагами Христа Господа моего; и потому сердце мое отселѣ въ общемъ собраніи всегда было сильно стѣснено, и сильнѣе вопіяло ко Господу о ускореніи путей царствія Его и объ очищеніи и спасеніи меня отъ лукаваго міра сего; и готовъ былъ даже выйти изъ монастыря и пойти въ міръ тайно о Христѣ странствовать, если бы только къ сему рука Вышняго отсюду дверь мнѣ отворила и открыла путь свободный; но сіе не скорѣе послѣдовало, какъ по исполненіи уже тригодичнаго срока. Поелику такъ судьбами Божіими было опредѣлено, и строеніе дѣлъ належащаго суда и царствія Его сего требовало.

И такъ, пребывая неисходно въ монастырѣ, считалъ я себя узникомъ въ чуждомъ царствѣ, и глубоко заключась въ своемъ сердцѣ предъ Богомъ, ни съ кѣмъ ни въ какое сообщеніе болѣе не входилъ; да и ко мнѣ также никто не обращался, кромѣ только двухъ или трехъ мужей, по любви Христовой, о коихъ выше упомянуто. Судъ же Божій на дерзновенныхъ враговъ и сопротивниковъ правды и истины Его немедленно открылся, ибо не прошло болѣе двухъ не-

дѣль по семъ, какъ строитель монастыря, изъ угожденія къ вышнему начальству на слово Божіе такъ нагло вооружившійся, тѣмъ самимъ начальствомъ, по суду Божію, отъ должности своей, за нѣкоторыя дѣла, совсѣмъ отрѣшенъ, и въ другой монастырь въ подчиненіе посланъ; да и одинъ изъ лучшихъ іеромонаховъ, орудіемъ воли его, въ изгнаніи меня изъ церкви и трапезы за слово Божіе служившій, къ общему сожалѣнію и скорби, увы! пораженъ падучею болѣзнію, которая со дня на день усиливаясь и умножаясь, даже къ Божественному священнодѣйствію сдѣлала его неспособнымъ, и многолѣтнему злостраданію его подвергла. Да и въ натурѣ во все сіе время страшныя бури разрушеніемъ всему, судомъ Божіимъ, угрожавшія, не преставали дѣйствовать даже до св. четыредесятницы слѣдующаго 1825 года.

Глава XIX.

По наступленіи Божественныхъ праздниковъ Рождества и Богоявленія Господа нашего Іисуса Христа, а съ ними и новолѣтія наступившаго уже 1825 года, при ободрившемся духѣ, писалъ я въ С.-Петербургъ, къ князю Александру Николаевичу Голицыну, увѣряя, что живъ Господь Богъ мой и въ немъ жива душа моя; что хотя Онъ въ насъ страждетъ и распинается и умираетъ, но и паки скоро воскресаетъ, возстаетъ отъ мертвыхъ, вновь рождается, обновляется и является въ насъ, въ новой Божественной силѣ Своей, а того ради въ Немъ и мы, умершіе, Его ради, также воскресаемъ и къ славѣ Его Божіей живы находимся,—и проч., но на посланіе сіе не имѣлъ я отъ его сіятельства никакого отвѣта. Когда же наступило время святыя четыредесятницы, и бури прекратились и открылась погода тихая, свѣтлая и благопріятная, тогда духъ возбудилъ меня на бо̀льшій и великоважнѣйшій подвигъ, а именно, чтобы написать еще къ Государю Императору довольнѣйшее слово о знаменіяхъ приблизившагося и дѣйствующаго суда Божія; о вѣчной правдѣ Его и великомъ и страшномъ искушеніи отъ діавола, въ которомъ міръ погибаетъ и въ опасности коего и мы находимся, но вѣрою Христовою и добродѣтелями Евангельскими побѣдить его должны, дабы сподобиться наслѣдовать нетлѣнное и всеблаженное царство, кровавымъ крестомъ Христовымъ намъ заслуженное,—и проч. Сіе слово, помощію Божіею и дарованіемъ Его, писано было мною въ продолженіе святыя четыредесятницы и кончено уже свѣтлымъ праздникомъ Божественнаго воскресенія. Потомъ помало переписываемо было

начисто, только съ великою и особеннѣйшею осторожностію, дабы начальствующіе въ монастырѣ увидать сего не могли, которые никоимъ образомъ къ сему меня бы не допустили. По надлежащей перепискѣ сего, Божіею помощію еще прибавлено было къ тому мною два довольно чувствительныя и сильныя о имени Господни посланія, къ князю Александру Николаевичу Голицыну и къ сотруднику моему, отцу Ѳеодору, нареченному Григорію, особливо побуждающее сего послѣдняго къ дерзновенному и неоплошному о имени Іисусъ Христовѣ, въ Божественномъ свидѣтельствѣ Его, по званію и обѣту своему предъ Нимъ дѣйствіи. Переписка сихъ посланій продолжалась даже до лѣтнихъ мѣсяцевъ. По ожившему чрезъ нихъ во мнѣ утѣшительному и животворящему Духу Христову, она составляла для души моей точное воскресеніе изъ мертвыхъ. И все оное время, по благорастворенной погодѣ было весьма благопріятно, а что особенное знаменіе, по духовному разсужденію, при томъ для меня составляло—это была починка крыши здѣсь храма Господня, и главъ онаго, кои повреждены были страшною бурею, во время бывшаго въ столицѣ наводненія; а вмѣстѣ и вознесеніе напослѣдокъ на оныя главы святыхъ крестовъ, кои тою же бурею снесены были. Но сколько животворно и благоотрадно было для меня, по дарованію Христову, начертаніе и переписка означенныхъ посланій, столько, напротивъ того, отправка оныхъ въ роскошнѣйшую столицу, духомъ міра сего паче, нежели духомъ Христовымъ дышущую и величайшаго наказанія Божія невозчувствовавшую и надежды благой ко принесенію плодовъ, достойныхъ царствія Христова не подавшую, и потому на новыя казни небесныя судомъ Божіимъ уготованную,—столько, говорю, отправка оныхъ въ сію столицу, (которая пришлась 8-го числа іюля, въ праздникъ казанскія Богоматери) была неблагопріятна и знаменія грозы суда Божія и смертнаго людей пораженія на себѣ носящая. Ибо когда приготовились монастырскіе люди сѣсть на лодку, дабы отправиться въ сей путь, между коими былъ и извѣстный іеродіаконъ, коему ввѣрены были мои священныя бумаги, тогда вдругъ поднялся сильный и бурный вѣтръ, противъ коего когда они съ отчаяннымъ усиліемъ плыли, вдругъ одного изъ нихъ, человѣка, противъ вѣтра парусъ державшаго, тѣмъ-же парусомъ вонъ изъ лодки выкинуло, и онъ злосчастный утонулъ въ разъяренныхъ волнахъ великаго сего озера, до 170 саженей глубины имѣющаго. Сіе печальное предзнаменованіе весьма скоро оправдалось печальнѣйшими событіями, въ слѣдующихъ мѣсяцахъ, ноябрѣ и декабрѣ сего года, (1825), праведнѣйшимъ судомъ Божіимъ явившимися.... Извѣстія же о полученіи сихъ посланій моихъ тѣми лицами, къ коимъ онѣ слѣдовали, я не имѣлъ даже до обратнаго моего

въ Подольскую губернію на старое мое мѣсто возвращенія, и даже до свиданія здѣсь, по дарованію Божію, съ возвратившимся также сотрудникомъ моимъ отцемъ Ѳеодоромъ Лисѣвичемъ, нареченнымъ Григоріемъ, въ мѣстечкѣ Томашполѣ, который объяснилъ мнѣ, что ради продолжавшагося еще тогда страха гоненія за сіе слово Божіе въ столицѣ, преосвященный Іона не велѣлъ ему, отцу Ѳеодору, оныхъ посланій моихъ принять отъ принесшаго ихъ іеродіакона, при коемъ онѣ и остались даже до нынѣ. При семъ случаѣ исполнилось пророческое оное Давидово слово: «убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ. Совѣтъ нищаго посрамисте: Господь же упованіе его есть», и паки оное премудраго Соломона: «Понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса и не внимасте, но отметасте моя совѣты и моимъ обличеніемъ не внимасте: убо и азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба, и егда пріидетъ на вы внезапу мятежъ, низвращеніе, печаль и градоразореніе. Будетъ бо, егда призовете Мя, и Азъ не послушаю васъ, взыщутъ Мене зліи и не обрящутъ, возненавидѣша бо премудрость, словесе же Господня не пріяша; ниже хотѣша внимати моимъ совѣтомъ, ругахуся же моимъ обличеніемъ. Тѣмже снѣдятъ своихъ путей плоды, и своего нечестія насытятся» и прочее (притч. гл. 1, ст. 24—31). Обождемъ только три мѣсяцы, и весьма печальное, увы! дѣйствительное событіе онаго пророчества увидимъ... въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года возлюбленный всея Россіи Императоръ, отправляетъ больную супругу свою для врачеванія теплыми водами на югъ своея имперіи, въ г. Таганрогъ, и вслѣдъ за оною туда же самъ отправляется; но прибывъ туда, въ послѣднихъ числахъ октября, благополучно, увы! вскорѣ неиспытанными судьбами Божіими поражается жестокою болѣзнію, отъ коей, 19-го числа слѣдующаго ноября, къ всеобщему плачу Россіи, и скончаваетъ прелестные для нея дни свои!... Неожиданная кончина сія благословеннаго и кротчайшаго Александра, увы! праведнымъ судомъ Божіимъ дѣлается вмѣстѣ предѣломъ и кончиною и сладкаго мира, и вожделѣннаго покоя, и всякія желаемыя утѣхи: а вмѣсто того, ахъ! дѣлается горькимъ началомъ варварскаго прежестокаго мятежа, отъ оружія коего роскошныя и веселыя площади сѣверныя великолѣпныя столицы обагряются кровію многихъ тысячъ людей, коихъ трупами насыщается утроба Невы, за годъ предъ симъ, увы! поглотившая другія тысящи народа, не открывшаго ушей сердца своего ко гласу Вышняго, призывавшаго оной на покаяніе и проповѣдовавшаго оному приближившійся праведный и грозный судъ Свой! Отселѣ, весь наступающій 1826 годъ, вся Россія въ трепетѣ! Неизвѣстные ужасы преслѣдуютъ ее! Смущеніе и стѣсненіе сердецъ дѣлается общимъ удѣломъ! Даже все лѣто небо облекается

мрачною ризою; солнце кровавый видъ носитъ; земля съ древами и всѣми прозябеніями своими, отъ величайшихъ жаровъ не только безмѣрно засыхаетъ, но даже мѣстами, а особливо гдѣ были жирныя озера и многіе лѣса, дѣйствительнымъ огнемъ горитъ, и густѣйшій дымъ онаго не восходитъ, какъ обыкновенно, къ небеси, но покрываетъ землю, и горечью своею насыщаетъ людей, гнѣва Божія, надъ собою дѣйствующаго, чувствовать не хотящихъ!.. Послѣ печальнѣйшей кончины великаго Александра, всѣ племена, подвластныя Россіи, по чину естества творятъ присягу великому князю цесаревичу, Константину Павловичу, и вслѣдъ за симъ, паче всякаго чаянія извѣщаются, что Николай на престолѣ! Тутъ недоумѣніе и страхъ смѣшиваются съ радостію, и паки радость мѣшается съ недоумѣніемъ и страхомъ!.. И еще со гнѣвомъ царя небеснаго, сотрясающимъ землю, тутъ вмѣстѣ и гнѣвъ царя земнаго преслѣдуетъ тѣхъ, кои учинились повинны предъ нимъ сопротивленіемъ владычества его, и умножаетъ ужасъ, всѣхъ объемлющій!... Но поклонимся святой десницѣ праведнаго Судіи, всѣмъ по дѣламъ воздающаго, и посредѣ горящаго огня страшнаго гнѣва своего, вѣрныхъ рабовъ своихъ дивно соблюдающаго и свѣтлѣйшими ихъ посредѣ онаго показующаго! Такимъ образомъ, съ явленіемъ Николая—симъ самимъ великимъ словомъ Божіимъ, можно поистинѣ сказать, дивно рожденнаго и на тронѣ всероссійскія державы промысломъ Вышняго посажденнаго—съ явленіемъ, говорю, его на престолѣ—падаетъ и глубоко низвергается сопротивная оная партія, глаголъ сей Божій истинный и живый дерзостно оболгавшая, и неповинныхъ пресвѣтлыхъ служителей онаго безстыдно и всезлобно оклеветавшая и до конца погубить ихъ хотѣвшая, а напротивъ того сіи неповинные, отъ нихъ пострадавшіе, единственные свѣтильники россійскія церкви и мои по Христѣ священные покровители и благодѣтели, послѣ сей пещи искушенія, ихъ опалявшей, благодареніе всечудному Богу! являются предъ всѣми, силою Его, чисты, цѣлы, свѣтлы, совершенно оправданы—такъ, что ими особенно даже утверждается держава Богоизбраннаго Николая и укрѣпляетъ священный престолъ его въ Россіи! А что болѣе такимъ образомъ чрезъ нихъ уже, промысломъ Вышняго, даже и мнѣ, недостойному рабу Его, за святое слово царствія Его, можно сказать, во глубину адову низведенному и въ преисподнихъ земли заключенному, готовится заблаговременно на будущее благопріятнѣйшее лѣто, къ славѣ Божіей и утѣшенію всѣхъ избранныхъ, свободный отсюду исходъ и возвращеніе на прежнее мѣсто службы моея предъ Богомъ, дабы мнѣ еще послужить на земли великому имени Его Божію и тайному строенію

небеснаго и святаго царствія Его во избранныхъ и всѣхъ любящихъ Его!... Толь дивны дѣла Твои Господи! И такъ праведны и святы вси пути Твои!... Слава и хвала чудному и неисповѣдимому во всѣхъ строенію премудрости, правды и благости Твоея!...

Глава XX.

Прочее, 1826 годъ, какъ для всѣхъ вообще, какъ выше прописано, былъ по внутренности и по внѣшности весьма тяжекъ и печаленъ, такъ равно и для меня въ монастырскомъ моемъ заключеніи таковымъ же былъ. Кончина благочестивѣйшаго и предъ всѣмъ міромъ свѣтлѣйшаго Государя Александра I, отнимала отъ меня всю надежду, чтобъ великіе труды мои по Богѣ въ неограниченномъ словѣ царствія и суда Его Божія могли впредь имѣть нѣкое свое къ славѣ Божіей и къ пользѣ погибающаго міра дѣйствіе. Сіе слово Божіе въ сіе время совершенно было убито, а съ нимъ и я, недостойный рабъ Его, былъ также убитъ—и убитъ болѣе по духу, и сердцу, нежели наружно по тѣлу. Ибо весьма охотно желалъ я тысящу кратъ положить жизнь мою за превеликое и всеспасительное оное слово Христово, только бы оно ко хвалѣ Вышняго и къ пользѣ міра росло, распространялось и умножалось; но когда оно уже совсѣмъ убито и безъ надежды умерщвлено, то сіе тысящу кратъ тяжчае было для меня отъ собственной моей смерти. И весьма сильно чувствовалъ я, что не къ своей похвалѣ говорю, но по сущей истинѣ, предъ Богомъ, что какъ отъ начала міра донынѣ никому изъ святыхъ Его Божіихъ не дано было такъ великаго и безпредѣльнаго слова, какъ мнѣ грѣшному и недостойному рабу Его, напослѣдокъ времени, во исполненіе пророчествъ величайшее сіе слово исполненія и совершенія святаго и всепросвѣтительнаго и всеспасительнаго царствія Его, такъ равно и никому же отъ начала міра не дано было понести такъ великихъ внутреннихъ болѣзней и скорбей, какъ мнѣ нищему и убогому, какъ въ началѣ при произведеніи и духовномъ рожденіи онаго благодатію Божіею, противъ жесточайшихъ браней невидимаго лютаго міродержца, такъ и напослѣдокъ, наипаче нынѣ, при духовномъ уже убіеніи и умерщвленіи онаго. Какъ изсыхала и сгарала тогда земля отъ зноя и величайшей засухи, такъ равно и душа моя и сердце мое изсыхало и сгарало отъ несказанной духовной засухи и тяжчайшаго духовнаго зноя. Того же ради и письма или посланія мои къ ближнимъ моимъ, въ сіе время и вообще около сего бывшія, величайшую остроту слова, рѣшительно предстоящую кончину міра и судъ Божій и откровеніе царствія Его свидѣтельствующую,

въ себѣ имѣютъ. И никто сему удивляться не долженъ, поелику таковой собственно проповѣди, при настоящихъ и наступающихъ страшныхъ и весьма тяжкихъ обстоятельствахъ и пораженіяхъ Божіихъ, по предвѣчному опредѣленію Его, быть подобало, какъ сіе весьма ясно показано въ откровеніи святаго Іоанна Богослова (Апокал. гл. 10, ст. 6 и 7 и гл. 11, ст. 15 до 19). Достойно же замѣчанія, во славу премудрыхъ и праведныхъ судей Божіихъ, что, кромѣ великихъ казней, со времени умерщвленія великаго онаго и живаго слова Божія, злочестивый міръ постигшихъ, промыслъ Вышняго воздвигнулъ противъ гонителей слова еще и живыхъ божественныхъ обличителей, ревностно и торжественно съ пожертвованіемъ самой своей жизни, зложитіе ихъ обнажившихъ и по Богѣ осудившихъ. Это былъ рабъ Божій Евлампій, изъ Донскихъ казаковъ отставной эсаулъ, съ сестрою своею Даріею. Когда свидѣтельство мое о Христѣ Іисусѣ, предъ лицемъ Государя Александра I, приходило уже къ своему совершенію и концу, и извѣстные враги, по навожденію діавола, вооружались уже противъ онаго, а паче противъ благопріятствовавшихъ оному первѣйшихъ святыя церкви столповъ, тогда духъ Божій воздвигнулъ раба своего, реченнаго Евлампія съ сестрою его, который, на мѣстѣ жительства своего на югѣ, составивъ изъ Апокалипсиса Іоаннова сильную обличительную книгу на духовный Вавилонъ, въ коемъ заключалъ онъ какъ вообще развращеніе Христіанства, такъ наипаче въ ономъ всего духовнаго чина; послѣ претерпѣнныхъ имъ многихъ искушеній и гоненія со стороны земской полиціи, увѣдавшей трудъ его, напослѣдокъ, помощію Божіею, успѣлъ онъ чрезъ почту представить оную книгу свою государю Александру I, въ самое то время, когда онъ повелѣлъ уже, въ угожденіе возставшей сопротивной партіи, сложить съ себя князю Голицыну министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а дѣла онаго передать графу Аракчееву. Почему и книга оная передана была также Аракчееву. За оною и самъ рабъ Христовъ Евлампій съ сестрою своею вытребованъ былъ въ С.-Петербургъ и преданъ былъ отъ государя духовному суду. Сей судъ отдалъ его яко бы въ прелести сущаго, прежде на испытаніе, а паче на увѣщаніе, паче мѣры въ силѣ и мірской славѣ и чести бывшему тогда Юрьевскаго новгородскаго монастыря архимандриту Фотію, а сей за приличное нашелъ по всей справедливости, тако Богу изволившу, сіе особенной важности духовное испытаніе поручить бывшему въ его монастырѣ весьма знаменитому по строгой духовной жизни и высокому просвѣщенію, іеромонаху Аполлосу, изъ учениковъ своихъ многихъ въ архіерейскомъ даже санѣ имѣвшему. Сей же, будучи истин-

ный и нелицемѣрный рабъ Христовъ, по двунедѣльномъ испытаніи помянутаго Евлампія и сестры его, засвидѣтельствовалъ не обинуясь, что онъ въ нихъ никакого заблужденія не находитъ, но что они свидѣтельствуютъ сущую истину и совершенная благодать Божія въ нихъ дѣйствуетъ. Сіе свидѣтельство Аполлосово воздвигнуло духовные чины составить на разсмотрѣніе и разсужденіе ихъ формальный соборъ. Нѣсколько архіереевъ и архимандритовъ и прочихъ сановниковъ слушали ихъ объясненіе, но какъ они горячо и съ ревностію обличали дѣйствительные пороки и многое развращеніе, какъ выше сказано, и вообще христіанъ, а наиболѣе духовнаго чина—такъ, что даже Аракчеева, по явнѣйшимъ злобнымъ дѣйствіямъ его, выставляли прямо, какъ звѣря или антихриста, а архимандрита Фотія, по соблазнительнѣйшимъ поступкамъ его и крайнему превозношенію, за лживаго пророка, то и были они отъ сего собора безъ пощады осуждены, такъ что не былъ уваженъ и заслуженнѣйшій предъ ними рабъ Божій, отецъ Аполлосъ, но посланъ въ строгое заключеніе въ нѣкій отдаленный монастырь; а рабы Христовы, Евлампій съ сестрою своею, посажены въ таковое жъ заключеніе въ извѣстную крѣпость. И такъ, по торжественномъ и сильномъ обличеніи величайшаго разврата и богоборной злобы гордыхъ и превознесенныхъ рабовъ, начало-злобнаго врага (діавола), оные святые подвижники Христовы пострадали за истину Его отъ тлѣнныхъ человѣковъ, чѣмъ сугубый вѣнецъ себѣ заслужили въ будущемъ царствіи Его, а враговъ истины Христовой самый судъ Божій весьма скоро постигнулъ. Ибо еще до кончины государя, Аракчеевъ, послѣ наглой смерти бывшей великой(?) любовницы его, за безмѣрную злобу ея отъ людей убитой, тронулся ума, терпѣлъ бѣшенство и подвергнулся даже государственному суду, и посмѣшищемъ вообще людей учинился; а по кончинѣ Александра I, онъ и архимандритъ Фотій, совсѣмъ отпали отъ милости царской и весьма тѣсными предѣлами ограждены.

Глава XXI.

Вообще занятіе мое въ Коневскомъ монастырѣ, чрезъ тригодичное въ ономъ нахожденіе, кромѣ всего вышеписаннаго, было ежедневное хожденіе въ храмъ Господень на всѣ церковныя службы, равно какъ на общую трапезу, утро и вечеръ. Иногда же предлагали мнѣ чтеніе псалтыри, съ другими темя, т. е. постоянно четырьмя послушниками, по часамъ, по перемѣнно, за упокой преставившихся строителей и благодѣтелей оной обители, въ уединенной церквѣ святаго Николая тамо совершающееся, поелику формальнаго священнослуженія мнѣ

вовсе здѣсь не давали. Оное же чтеніе псалтыри, на таковой свободѣ духа, было всегда для меня такъ чувствительно, что въ положенные по три часа времени, и днемъ, и ночью, едва когда три каѳисмы, а по большей части только двѣ, а иногда не больше одной, прочитывать я могъ. Поелику каждое слово святыхъ псалмовъ весьма живо и ясно тутъ показывало мнѣ и представляло святость и непорочность труда моего предъ Богомъ, вѣчную правду Божію, скорый судъ его на нечестивыхъ и грѣшныхъ, и скорое заступленіе и избавленіе праведныхъ и неповинныхъ, царствіе Божіе отъ конецъ до конецъ земли, призываніе всѣхъ языковъ и всей твари на поклоненіе и служеніе имени Его святому. Тутъ вездѣ встрѣчалъ я описываемое въ точности настоящее страданіе мое, и вмѣстѣ такой молитвенный вопль къ праведнѣйшему Богу въ уста мнѣ влагался, что отъ онаго должны были колебаться основанія земли и сокрушаться отъ гнѣва Божія вселенная. Казалось, поручившіе мнѣ сіе чтеніе—сами на себя смертный мечъ въ руки мнѣ влагали. Я часто трепеталъ отъ онаго. Слезы непрестанно изливались отъ очей моихъ. Не имѣя никого свидѣтелемъ сего чтенія кромѣ единаго Бога, всегда живое присутствіе Божіе въ ономъ я находилъ, и сердце мое, яко воскъ отъ онаго разстаевало, и великая молитва о просвѣщеніи и спасеніи всего рода человѣческаго никогда отъ устъ моихъ не отнималась. Послѣ каждыхъ трехъ псалмовъ, или послѣ каждой славы, читаны были мною сіи краткія, изъ пѣсней невѣсты царствія Христова—моленія:

1) «Боже превѣчный, непостижимый Отче Единороднаго Сына Твоего, Царя и Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа! Тѣмъ, молимъ Тя, вся просвѣти, вся умиротвори: все естество человѣческое умерщвленное оживотвори, сокрушенное исцѣли, и всю тварь обнови, и отъ мучительства діавольскаго избавивъ, землю сію, градъ Царствія Твоего и Храмъ славы Твоея, просвѣщеніемъ всесвятаго Духа Твоего, во всѣхъ Святыхъ и избранныхъ покажи во вѣки вѣковъ, аминь».

2) «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу: Пріиди краснѣйшій, пріиди сладчайшій Іисусе, Праведный Судіе, Царю и Господи! разруши владычество прелести, тьмы и злобы вѣка сего: упраздни всяку власть и силу лукаваго міродержателя; спаси міръ погибающій; во всѣхъ яви Твое преблаженное царство, во славу превѣчнаго Отца Твоего, въ силѣ Святаго Духа Твоего, во всѣхъ святыхъ Твоихъ, къ спасенію избранныхъ, нищихъ и убогихъ Твоихъ во вѣки!» [1]).

. . . .

---

[1]) Опускаемъ нѣсколько молитвъ, рукопись стр. 50—53. Ред.

Наконецъ касательно занятій моихъ, въ монастырѣ семъ бывшихъ лѣтнимъ временемъ, когда собирали монастырское сѣно и хлѣбъ, коего тамъ сѣютъ очень мало, не скрою того, что вмѣстѣ съ общею братіею для помощи приглашали и меня; и пріемля ихъ пищу, долженъ былъ и я въ семъ трудѣ ихъ, одинъ или два дня, слава Богу, участвовать, хотя по слабости и неспособности моей къ сему, слишкомъ мало помочь имъ могъ.

Глава XXII.

Послѣ скорбнаго и очень смутнаго 1826 года, благодареніе всѣхъ Творцу и Господу, наступилъ 1827 годъ, милостію и строеніемъ Его Божіимъ для меня весьма отрадный и утѣшительный. Въ немъ все непрестанно Духомъ Господнимъ пророчествовало духу моему приближающееся окончаніе заключенія моего на семъ островѣ, и благополучное изъ онаго, къ славѣ Божіей, изшествіе. Еще прошлаго года въ декабрѣ мѣсяцѣ Всевышнему угодно было, въ городѣ Балтѣ Свято-николаевской церкви священника, коему мною уступленъ былъ приходъ, Θеодора Малиношевскаго, послѣ долговременной и жестокой его болѣзни, наконецъ упокоить, избравъ его отъ сей жизни въ жизнь неболѣзненную. Прихожане, лишившись въ немъ своего пастыря, посредствомъ церковнаго старосты, купца Петра Ивановича Соколова, писали ко мнѣ, приглашая и прося меня на старое мое мѣсто къ нимъ возвратиться. Семь лѣтъ не бывши уже на приходѣ, и не имѣвши никогда и мысли на оной возвращаться, а вмѣсто того занимаясь высочайшимъ и острѣйшимъ служеніемъ слову суда и царствія Божія, съ начала оное званіе меня на приходъ почелъ я и принялъ за вещь очень странную, и отрекался отъ онаго. Но имѣя мысль и надежду по Богѣ недвижиму и постоянну, возвратиться на старое мое мѣсто, дабы на ономъ въ уединеніи (по прежнему) Господу Богу къ славѣ Его работать,—въ послѣдствіи, поелику тамъ нѣтъ монастыря, по совѣту духовника моего, весьма благоразумнаго мужа, вышепомянутаго отца Іоанникія, я долженъ былъ и на званіе прихожанъ совершенно склониться. Между тѣмъ же Господь привлекъ ко мнѣ въ дружбу одного изъ рясофорныхъ монаховъ сего монастыря, по имени Михаила, который назадъ тому за семь лѣтъ, будучи въ мірѣ, благодатію Божіею пророчествовалъ, и за сіе пророчество посланъ въ сей монастырь. Доселѣ пребывалъ онъ здѣсь мирно и спокойно, а теперь по волѣ Божіей паки возродился въ немъ пророчествующій духъ, и почти ежедневно предъутѣшалъ меня, всеконечно имѣющимъ быть моимъ отсюду отпущеніемъ. Другіе

нѣкоторые предлагали мнѣ совѣтъ; поелику князь Александръ Николаевичъ Голицынъ при новомъ Государѣ находится въ весьма хорошемъ положеніи, писать къ нему о исходатайствованіи мнѣ отпущенія, увѣряя меня въ томъ несомнѣнною надеждою, но какъ я не имѣлъ отъ него никакого отзыва на прежнія мои посланія, то и не имѣлъ охоты и склонности теперь къ нему писать, полагая въ разсужденіи моемъ, что послѣ столь великихъ посѣщеній Божіихъ странѣ нашей и перемѣнъ въ царствѣ, онъ и прочіе высокіе сановники, знающіе неповинное мое за святое слово Божіе сюда заточеніе, сами должны по закону Божіей любви, безъ прошенія моего, меня вспомнить, и о перемѣнѣ настоящаго жребія моего приложить попеченіе, дабы, какъ безъ прошенія моего сюда я посланъ, также и обратное мое возвращеніе послѣдовало—такъ, чтобы въ ономъ не моя воля, но Божія, какъ во всѣхъ дѣлахъ моихъ и случаяхъ, къ славѣ Его совершалась. При таковыхъ моихъ мысляхъ и разсужденіи предъ Богомъ, живый и недремлющій промыслъ Его надо мною не замедлилъ дивно себя оправдать. Уже почти половина лѣта проходила, и приближалась память преподобнаго Арсенія, основателя сея обители, 12 числа іюня, на которую изъ Петрова града довольное количество благочестивыхъ христіанъ сюда на богомоліе приходитъ: и ее десница Господня предваряетъ! Еще 5-го числа сего мѣсяца является здѣсь, по тому же священному побужденію, раба Божія, изъ симбирской губерніи вдовствующая статская совѣтница Анна Ивановна Щерба, съ дѣвицею, уже многія лѣта Христа ради странствующею, капитанскою дочерію, по имени Анастасіею, которая лично меня знала въ столицѣ и видѣла въ оной священный подвигъ мой по Господѣ. Отъ сей дѣвицы она, госпожа Щерба, про меня и службу мою предъ Вышнимъ довольно увѣдавши, пожелала меня здѣсь видѣть.

Будучи позванъ, я пошелъ къ ней въ монастырскую гостинницу, гдѣ при довольномъ, весьма утѣшительномъ по Христѣ собесѣдованіи нашемъ о моей службѣ и странствіи предъ Богомъ, напослѣдокъ она, объяснивши свои печальныя и неблагополучныя обстоятельства, заставившія ее пріѣхать въ столицу еще къ покойному Государю Александру I, для испрошенія себѣ у него защиты и помощи, и что по сему обстоятельству познакомилась она и съ княземъ Голицынымъ, который очень много ей благодѣтельствовалъ, наконецъ она предложила мнѣ особенное желаніе свое, которое Господь вложилъ въ ея сердце, дабы предстательствовать за меня къ князю, объ исходатайствованіи мнѣ отсюду отпущенія; чего ради побуждала меня писать чрезъ ея руки и письмо къ нему. Таковаго письма не рѣшился я еще и нынѣ къ князю писать, потому же разсужденію, каковое выше

прописано, а устное ходатайство я не возбранилъ ей, дабы совершалась въ семъ надо мною воля Божія. Она отъѣхала отсюда, 8-го числа, въ день святаго великомуч. Ѳеодора Стратилата, особеннаго моего предстателя. Тридневное пребываніе ея въ монастырѣ исполнено было для меня всеособеннѣйшаго духовнаго утѣшенія. Ибо какъ истинная мать, таковую любовь по Христѣ ко мнѣ она воспріяла. По возвращеніи ея въ столицу, она немедленно является къ князю Голицыну и ему за меня предлагаетъ. Въ отвѣтъ онъ завѣряетъ ее, что готовъ хлопотать объ отпущеніи меня къ Государю, только не знаетъ, на какомъ основаніи и на какой конецъ отпущенія я желаю, и потому онъ о семъ требуетъ отъ меня обстоятельнаго письма. Сіи слова князя она вскорѣ письмомъ своимъ ко мнѣ передаетъ,—и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ августѣ, съ 4-го числа (которое есть день памяти святыхъ седми отроковъ Ефесскихъ, по многолѣтнѣйшемъ смертномъ снѣ дивною силою Божіею живыми возставшихъ) во имя Господне, небесною помощію Его, по самому таковому Божественнаго провидѣнія его вызову и устроенію, начинаю и я ожившій велико-тридневный мертвецъ—посланіе мое къ его сіятельству князю Александру Николаевичу Голицыну, съ подробнымъ объясненіемъ ему чувствъ моихъ и намѣреній предъ Богомъ, съ каковыми желаю на старое мое мѣсто, къ самому приходу прежней моей церкви, по желанію и просьбѣ прихожанъ, къ славѣ чуднаго Бога-воскресителя моего, возвратиться. Сіе посланіе мое отъ 21 и 22 числа сего мѣсяца (которое есть воскресеніе по успеніи, и день коронаціи Николая Боговѣнчаннаго, настоящаго Государя нашего) съ особымъ прибавленіемъ отъ 26-го числа, которое есть побѣдный день Владимірскія Богоматери, съ Божіею помощію мною отправлено. Князь Голицынъ, по истинѣ мужъ благодѣтельнѣйшій, получивъ оное посланіе мое, не преминулъ и не замедлилъ по оному за меня Государю доложить,—и 1-го числа октября, которое есть день Покрова Богоматери и моего во священство рукоположенія,—въ монастырѣ было уже получено повелѣніе—дать о моемъ тамо пребываніи и поведеніи изъ онаго достаточное и обстоятельное верховному нашему правительству свѣдѣніе, которое, когда, благодареніе Богу, съ особеннѣйшею обо мнѣ похвалою и одобреніемъ изъ монастыря послѣдовало, то слѣдующаго ноября 10 числа, которое, назадъ тому совершенно три года, было днемъ отправки меня изъ столицы въ монастырь, нынѣ чуднымъ дѣйствіемъ Провидѣнія Вышняго, того самаго числа въ С.-Петербургской духовной консисторіи, по высочайшему повелѣнію, подписанъ мнѣ обратный изъ монастыря въ городъ Балту пашпортъ, который—что все достопримѣчательно—полученъ въ монастырѣ 19-го числа сего мѣсяца,

которое есть день кончины Государя Александра, къ 20-му, въ которое уже празднуется послѣ вступленіе на престолъ новаго нашего Государя, Богоизбраннаго Николая, вмѣстѣ Николая святаго и великаго чудотворца, особеннѣйшаго моего ангела и предстателя; а предпразднуется и священный входъ въ божественный храмъ пречистыя и пресвятыя Богоматери,—такъ что изшествіе мое изъ монастыря на прежнюю службу церкви Божіей, по особенному строенію провидѣнія, предстательствомъ пречистыя Дѣвы Богоматери, пришлось мнѣ грѣшному и недостойному въ самый оный праздникъ входа Ея въ храмъ Господень: что все для меня предъ Вышнимъ составляетъ знаменія весьма благопріятныя и великоважныя, особливо и собственно ради великаго дѣла царствія Его Божія, коему служить благодатію Его я, недостойный, сподобился.

Глава XXIII.

При таковомъ всеособенномъ небесномъ строеніи и покровѣ десницы Вышняго надо мною, недостойнымъ рабомъ Его, въ тригодичномъ семъ моемъ заточеніи и нынѣ предстоящемъ уже изъ онаго изшествіи, очень ясно явленномъ, правдѣ Божіей благоугодно было, для смиренія моего, попускать ежечасно и невидимому врагу, извѣстному пакостнику и искусителю святыхъ и избранныхъ Его, и мнѣ окаянному и непотребному рабу его, также наносить всякія смущенія, оскорбленія и искушенія, такъ что иногда, какъ бѣшенный звѣрь, въ видѣніи онъ злился на меня; иногда, какъ превеликая змія изъ волнъ водныхъ поднималъ противъ меня главу свою; иногда влагалъ мнѣ въ умъ самыя отчаянныя, мерзкія и погибельнѣйшія мысли, каковыя никогда мнѣ не приходили, и тѣмъ смертно и пренесносно огорчалъ меня; иногда за малѣйшее нѣкое невоздержаніе или прикосновеніе мое къ какой либо вещицѣ, онъ пламенемъ горящимъ на меня вооружался, и яко виновнаго и законопреступника предъ Богомъ сжечь меня устремлялся; иногда же подъ видомъ святаго утѣшителя Духа, Божіимъ попущеніемъ подходя ко мнѣ, когда по невѣдѣнію моему былъ мною душевно принимаемъ, вдругъ являлся внутрь меня, какъ разбойникъ, въ нѣкій домъ, или волкъ въ овчую ограду вскочившій и погибелію душѣ моей угрожающій, или какъ жаба, въ колодезь вскочившая и въ немъ чистую воду возмущающая. И всегда при таковыхъ случаяхъ душевное и тѣлесное мнѣ страданіе, по цѣлому дню переносить, и особеннѣйшимъ подвигомъ сердечнымъ, предъ всеблагимъ Богомъ и грѣховъ ради

нашихъ на кресте пострадавшимъ Іисусомъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, врага побѣждать и отъ напасти и смертоносныхъ навѣтовъ его избавляться, Божіею помощію, мнѣ грѣшному и осужденному должно было. Когда же приближилось, Божіею милостію, изшествіе мое уже отсюду, тогда попущеніемъ Божественныя правды Его и самое величайшее и опаснѣйшее, отъ вселукаваго онаго врага, искушеніе моему окаянству, очевидно и явно открыто, какъ древле самому Спасителю Христу и великимъ нѣкоторымъ угодникамъ его попущено было. А именно такимъ образомъ: за три дня до праздника Покрова Богоматери, вышепомянутый другъ мой, рясофорный монахъ Михаилъ, пророчески въ чистомъ духѣ доселѣ предъутѣшавшій меня, какъ выше сказано, будущимъ благополучнымъ отпущеніемъ, меня отселѣ нынѣ подъ образомъ благаго духа, восхищенъ онъ былъ нечистымъ духомъ въ пустыню, который чрезъ цѣлыхъ трое сутокъ водя его, даже совсѣмъ безъ пищи по пустынѣ, и явно съ нимъ бесѣдуя и якобы тайны царствія Божія ему открывая, завѣрялъ его, какъ о моемъ отпущеніи, такъ равно вмѣстѣ со мною и его, такимъ образомъ, что, по изшествіи нашемъ, якобы тотчасъ имѣло открыться на земли царствіе Божіе и онъ за долговременное странствіе свое, Господа ради, якобы имѣлъ получить при семъ царское достоинство, а мнѣ якобы имѣла быть дана архіерейская и папская власть. Въ таковомъ по видимому безмѣрно утѣшительномъ духѣ, въ самый праздникъ Покрова Божія Матери, по тридневномъ отсутствіи своемъ, вдругъ является онъ въ церквѣ, подходитъ ко мнѣ, начинаетъ весьма радостно поздравлять меня съ особеннѣйшею надъ нами Божіею милостію, и взявъ меня за руку, и для свободнѣйшаго объясненія изведя внѣ монастыря и водя по пустынѣ, разсказываетъ мнѣ подробно якобы самое чудное и самое милостивое къ себѣ таковое Божіе посѣщеніе, и завѣряетъ меня сперва, что, по изшествіи моемъ, якобы я имѣю быть непремѣнно архіереемъ, а онъ также получитъ нѣкую великую милость; и когда я сегодня еще не позналъ совершенно прелести и подступа лукаваго, а только ограждаемъ и хранимъ Божіею благодатіею, и не допуская внутрь сердца своего душевреднаго возношенія и высокоумія, совѣтовалъ и ему быть весьма осторожнымъ и хранить себя, чтобы посредѣ таковаго необыкновеннѣйшаго утѣшенія, не подпасть искушенію прелести лукаваго, тогда на другой и третій день, Божіимъ попущеніемъ, онъ подходитъ ко мнѣ ужъ съ грубѣйшими своими предложеніями—для себя царства, а для меня—папства. Познавъ въ семъ, Божіею благодатіею, совершенную прелесть діавола, усильно старался я отвратить его отъ оной; но онъ тѣмъ болѣе крѣпился въ оной, говоря: какъ можетъ быть, чтобъ по тридцатилѣтней его службѣ Господу

Богу, попущено было на него и въ немъ самомъ таковое дѣйствіе сатанинское? И наконецъ уже дошелъ до такой степени ослѣпленія и бѣсовской дерзости, что началъ утверждать не только вышеписанное, но даже и то—помилуй Господи и избави!—что мы всячески сотворимъ-де новую святую Троицу, подтверждая сіе, противъ моего увѣщанія, самимъ онымъ глаголомъ Христовымъ: «яже невозможна суть отъ человѣка, возможна суть отъ Бога»; и нагло уже снявши икону, требовалъ отъ меня клятвы, что непремѣнно-де «ты будешь папою». Когда же я продолжалъ сильнѣйшимъ образомъ обличать и показывать ему въ томъ самомъ очевиднѣйшее и безстуднѣйшее дѣйствіе прелести діавольскія, то онъ въ крайнемъ безчувствіи, и ярости, и гнѣвѣ сказалъ, что онъ готовъ де за истину убить себя ножемъ, или во глубинѣ озера себя утопить. Ужаснувшись таковыхъ рѣчей его, и видя что никакія увѣщанія мои ни мало не приводятъ его въ чувство, дабы и себя избавить отъ таковаго ужаснаго навожденія сатанинскаго, и его сохранить отъ угрожающей ему явной напослѣдокъ погибели,—оставивъ его въ моей кельи, пошелъ я поспѣшно къ сосѣднему монаху и объявивъ ему о таковомъ злополучномъ и весьма опасномъ искушеніи онаго брата, просилъ его пойти къ казначею, дабы взять его подъ стражу и помолиться о немъ Богу о избавленіи. Но въ сію минуту онъ побѣжалъ вонъ изъ моей кельи и изъ монастырской ограды, и я въ недоумѣніи, возвратясь въ свою келью, молился въ духѣ Господу Богу, чтобы Онъ не оставилъ насъ до конца въ такомъ горькомъ искушеніи, и не далъ до конца врагу поругаться надъ нашею немощію, и не попустилъ ему въ злобѣ его, какимъ либо образомъ нагло погубить злосчастнаго брата. Когда же такимъ образомъ я грѣшный молился, тогда Господь, который близь есть всѣхъ призывающихъ Его во истинѣ, и молитву ихъ слышитъ, и волю боящихся Его сотворитъ—вдругъ, представляетъ мнѣ, какое чудо благодати и милости Божіей! того же брата въ совершенномъ уже разумѣ повергающагося къ ногамъ моимъ и благодарящаго меня по Богѣ, о избавленіи его отъ великія сѣти діавольскія. Послѣ чего, когда словомъ Божіимъ довольно отъ меня поученъ, дабы въ келіи своей въ глубокомъ смиреніи ему приносить предъ Богомъ покаяніе, и весьма опасно себя отъ навѣта вражія хранить, пошелъ онъ, Михаилъ, отъ меня въ свою келью, тогда страшное правосудіе Божіе надъ нимъ явилось,—такое, что онъ узрѣлъ себя явно окруженнымъ бѣсовскими полками, ему ругающимися, отверстый пламенногорящій адъ ему показывающими и своимъ плѣнникомъ его называющими, и хулить Бога и Христа и святыя Его и честныя иконы понуждающими его. Таковое наказаніе Божіе цѣлую седмицу надъ нимъ продолжалось—и онъ въ лицѣ своемъ тогда такъ измѣнился, какъ

бы многолѣтнюю уже нѣкую претерпѣлъ болѣзнь. По семъ Господь помиловалъ его, и возвратилъ ему первое его душевное и тѣлесное здравіе; далъ же ему духъ чистаго пророчества, дабы проповѣдывать не что иное, какъ только приближившійся судъ Божій. И симъ духомъ возбужденъ, за два дня до моего отсюда изшествія, потребовавъ благословенія отъ отца игумена и отъ меня грѣшнаго, пошелъ онъ даже въ столицу и тамо являлся оберъ-прокурору Синода и митрополиту Серафиму, прося допущенія себя къ самому лицу государя императора, свидѣтельствуя непоколебимо, что по истинѣ близь предстоитъ страшный судъ Божій, и того ради обращались бы люди къ покаянію и къ отвращенію грядущаго гнѣва Божія. За каковое пророчество и былъ онъ тамо посланъ въ больницу, якобы въ умѣ помѣшанъ, и цѣлый годъ въ оной содержался; послѣ чего когда никакихъ безумныхъ и несмысленныхъ дѣйствій надъ нимъ не видѣли, то обратно его въ тотъ же самый монастырь отпустили. Достопримѣчательно же и то, что во время онаго великаго искушенія моего, чрезъ реченннаго брата Михаила бывшаго, такія ужасныя бури въ натурѣ, Божіимъ правосудіемъ, дѣйствовали, что монастырское даже судно хлѣбомъ и всякою провизіею нагруженное, изъ Петербурга шедшее, долго по озеру волнами носило, и наконецъ, на мель, при нѣкоемъ весьма маломъ островкѣ, за четыре версты разстояніемъ отъ Коневца, посаждено, и почти совсѣмъ разбито было, и на немъ бывшіе монастырскіе люди съ казначеемъ, съ большою нуждою и немалою потерею хлѣба выгрузясь на оный островокъ, цѣлыхъ двѣ недѣли тутъ страдали, пока мановеніемъ Божіимъ утихли бури, и открылась имъ удобность, собравшись оттуда, на другомъ уже суднѣ, въ монастырь возвратиться. Таково правосудіе Божіе и таковы судьбы Его, что когда искушаются и страдаютъ избранные рабы Его, тогда вмѣстѣ съ ними искушается и страдаетъ вся тварь! Поклонимся таковой Божественной правдѣ Его, и возвеличимъ во всемъ истину, милость и спасеніе Его! въ насъ же самихъ познаемъ совершенное ничтожество наше, и бѣдность и нищету, и крайнѣйшую худость нашу предъ неприступнымъ величествомъ Его!...

Глава XXIV.

Теперь не слѣдуетъ мнѣ пропустить, чтобы не прописать, къ славѣ Божій, нѣкоторыя достопримѣчательныя видѣнія, благодатіею Его, во время нахожденія моего въ сей Коневской обители, а паче предъ отшествіемъ моимъ изъ оной, къ умноженію духовныхъ утѣшеній моихъ предъ Богомъ у меня бывшія; поелику въ оныхъ является многая премудрость и всевѣдѣніе, а къ человѣку бренному и смертному

великое снисхожденіе и благость чуднаго Творца нашего и Господа. Прежде же, нежели скажу что о сихъ видѣніяхъ, подобаетъ мнѣ къ славѣ Божіей вспомнить еще о новостроющемся въ городѣ Балтѣ, вмѣсто старой деревянной церкви, новомъ каменномъ Свято-Николаевскомъ храмѣ, о коемъ хотя давно предъ симъ можно было сказать слово, но еще приличіе и связь вещей того мнѣ не подавали; а теперь къ сему удобность подается. Тотчасъ по поступленіи моемъ еще на оный Свято-Николаевскій, въ городѣ Балтѣ, приходъ, по случаю бывшаго весною 1816 года близь церкви, большаго пожара, приложилъ я твердое намѣреніе предъ Богомъ, съ помощію Его, приложить всеусильное стараніе о сооруженіи, вмѣсто деревянной моей церкви, новаго каменнаго храма; почему и возбуждалъ къ предпріятію сему прихожанъ, а наипаче церковнаго старосту, купца Соколова; но за совершеннымъ недостаткомъ церковныхъ денегъ никакъ не могъ я ихъ къ тому подвигнуть до 1818 года. Въ семъ же году, когда явилось до 1,000 рублей суммы церковной, то, благодареніе Богу, склонились мои прихожане устроить прежде, на способномъ мѣстѣ, церковный кирпичный заводъ, а затѣмъ, приготовивъ довольное количество жженаго кирпича, приступить уже и къ сооруженію самаго храма. Въ томъ же самомъ году, какъ выше показано, предначато мною, благодатіею Божіею, великое оное мое духовное, къ всеобщему спасенію міра, дѣло, въ залогъ коего и въ поспѣшество тѣмъ съ бо̀льшею ревностію тщаніе мое о сооруженіи каменнаго храма было; и великое приличіе и сообразіе къ славѣ Божіей въ томъ внѣшнемъ строеніи съ внутреннимъ духовнымъ я находилъ. Выше уже прописано и показано, какъ слѣдующими годами духовный оный подвигъ мой, дарованіемъ Божіимъ, къ хвалѣ Его возрасталъ. Подобно же, благодареніе Вышнему! и приготовленіе оное къ сооруженію каменнаго храма поспѣшалось—такъ, что съ 1821 года до 400,000 церковнаго жженаго кирпича уже считалось; остановка только къ самому заложенію была—въ освобожденіи церковнаго мѣста отъ большаго стѣсненія окружающихъ оное еврейскихъ домовъ и другихъ ихъ построекъ, о чемъ нѣсколько лѣтъ переписка между духовнымъ и свѣтскимъ правительствомъ продолжалась,—пока и въ семъ Господь подалъ довольный успѣхъ. Между тѣмъ же, какъ въ первой части сего прописано [1]), ради великаго дѣла царствія Божія, мнѣ недостойному даровавшагося, въ 1820 году учинена была мною уступка прихода брату покойной жены моей, Ѳеодору Малиношевскому, который въ слѣдующемъ 1821 году поступилъ къ сей

[1]) Первая часть рукописи Ѳеодосія Левицкаго къ намъ не поступила. Ред.

церквѣ и дѣйствительнымъ священникомъ, а въ 1823 году я вытребованъ уже былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ, когда строеніемъ Божіимъ и благодатію Его, въ 1824 году совершилось уже мое о всесвятомъ имени Іисусъ Христовѣ, о приближившемся судѣ и царствіи Его, предъ верховнымъ правительствомъ и самимъ государемъ—священное свидѣтельство, тогда, въ томъ самомъ году, по дѣйствію промысла Вышняго, послѣдовало и заложеніе сего святаго храма, коему и оттуда денежное пособіе, сколько Господь мнѣ давалъ, присылать я не оставлялъ. Въ 1826-же году, когда вся Россія и вся земля огнемъ величайшаго искушенія горѣла, и въ подобномъ же искушеніи заключеніе мое въ семъ Коневскомъ монастырѣ продолжалось, и священникъ Ѳеодоръ Малиношевскій, коему уступленъ былъ мною приходъ, по долговременной его болѣзни, напослѣдокъ въ декабрѣ мѣсяцѣ даже смертію пострадалъ: въ томъ самомъ году, благодареніе Богу, сооруженіе сего новозаложеннаго храма пошло довольно благопоспѣшно,—безъ сомнѣнія въ ознаменованіе того, что когда Судъ Божій повидимому все внѣшнее раззоряетъ, тогда наипаче внутреннее духовное премудростію и всемогуществомъ своимъ строитъ. Въ слѣдующемъ же 1827 году, когда чрезъ смерть реченнаго священника, по волѣ Божіей, рукою святаго промысла Его отворилась уже мнѣ дверь къ обратному моему на приходъ къ сей Свято-Николаевской церкви въ городъ Балту—возвращенію, тогда по убѣжденію моему, содѣйствіемъ Вышняго, тщаніемъ старосты купца Петра Ивановича Соколова и всего дома ихъ, сооруженіе сего святаго храма такъ благопоспѣшилось, что вся каменная работа онаго даже кончилась, а осталась на будущій 1828 годъ, къ самому прибытію моему, только внутренняя онаго отдѣлка и приготовленіе къ освященію. Такъ соразмѣрялъ промыслъ Вышняго внѣшнее сіе и вещественное ко хвалѣ Его строеніе—съ внутреннимъ ходомъ духовнаго моего, къ вѣчной славѣ Его, подвига! И духовный сей величайшій и неограниченный мой о царствіи Божіи подвигъ—не только не помѣшалъ внѣшнему оному и вещественному строенію, но наипаче, ради онаго духовнаго, очевидно десница Вышняго и сіе вещественное къ утѣшенію моему дивно благопоспѣшила; и изъ ничего, безъ всякихъ внѣшнихъ силъ, прекраснѣйшему храму къ славѣ Его создатися даровала—оправдая оный евангельскій глаголъ: «ищите прежде царствія Божія и правды Его, и прочая вся приложатся вамъ». Такимъ образомъ, когда милостію Божіею приближался исходъ мой изъ Коневскаго монастыря и возвращеніе мое паки въ городъ Балту, къ прежнему моему приходу и церквѣ, тогда предутѣшающій всегда видѣніями, во всякихъ важныхъ случаяхъ, Духъ Господень,—къ числу прочихъ утѣшительныхъ моихъ предчув-

ствій приложилъ тамо и двукратное видѣніе сего самаго новосооруженнаго каменнаго храма, изъ коихъ въ первомъ—явилъ мнѣ только наружный онаго видъ и положеніе еще при старой церквѣ, а во второмъ—достопримѣчательно изобразилъ имѣющее быть въ ономъ тихое и невозмущаемое отъ господствующихъ лицъ богослуженіе мое. Каковое послѣднее видѣніе, ко хвалѣ Христовой, и подробно пояснить хощу. Казалось, стоялъ я въ великомъ смиреніи и какъ бы младенческомъ страхѣ—посредѣ новаго, каменнаго, чисто побѣленнаго храма—одинъ, одѣтъ только въ кафтанѣ. Обыкновеннаго иконостаса въ семъ храмѣ я не видѣлъ, а вмѣсто того на южной стѣнѣ онаго, горѣ Спаситель—какъ бы живой—сидѣлъ на ворономъ конѣ, и не далече Его была стоящая, также какъ бы живая Богоматерь, едва примѣтнаго младенца на рукахъ своихъ держащая. По надъ главу мою, по небу церковному снизу вверхъ, и сверху внизъ храма—непрестанно парили множество орловъ, которые на меня очень пристально всматривались, и я ихъ опасался; но они ни малѣйше ко мнѣ не прикасаясь, ниже приближаясь слишкомъ близко, такъ тихо по-надъ меня носились, что даже ни малѣйшаго шороха или шума отъ движенія ихъ крылъ не было мнѣ слышно: чему я много удивлялся.—Это послѣ на дѣлѣ исполнилось, когда, по возвращеніи моемъ, неотступающая отъ меня живая рука преблагаго моего Господа, въ новосооруженномъ ономъ храмѣ даровала мнѣ священную службу свою въ совершенномъ мирѣ и ненарушаемомъ покоѣ отъ наблюдающихъ за мною весьма прилѣжно всѣхъ начальствъ и властей, и вообще богатыхъ и сильныхъ, коихъ преслѣдованія я долженствовалъ опасаться, и самаго любопытства ихъ беречься. Изъ прочихъ достопримѣчательныхъ видѣній были: 1-е, въ 1826 году—видѣніе Спасителя, окруженнаго свѣтомъ и народомъ, отъ пустыни, съ горы отъ юга грядущаго; 2-е, видѣніе луны, совершенно въ распятіе Христово премѣнившейся: что особенное страданіе нашего царства и всего міра отъ казней небесныхъ прообразовало; 3-е, видѣніе государя императора Александра I, подносящаго съ благоговѣніемъ на блюдѣ ручный златый крестъ и таковую же чашу всаднику, на бѣломъ конѣ сидящему. Сіе знаменовало искушеніе мое и скорби, за слово царствія Христова понесенныя; 4-е, въ 1827 году, видѣніе Спасителя, изображеннаго на доскѣ: съ одной стороны подъ крестомъ, а съ другой—уже не подъ крестомъ, но подъ зеленымъ древомъ. Сіе знаменовало доселѣ бывшее здѣсь искушеніе мое, отселѣ благопремѣненіе на мирную Господу Богу службу; 5-е, сего же года, въ самую недѣлю ваій, видѣлъ я умирающаго дѣда моего, ветхаго деньми старца, который въ минуту послѣдняго своего издыханія вдругъ премѣнился въ жи-

ваго, юнаго, не болѣе 30-ти лѣтъ мужа, бѣлаго лицемъ, чернаго же власами, съ небольшою брадою—собственно во образъ Христовъ. Сіе значитъ истинное духовное преобразованіе, благодатію Христовою, ветхаго плотскаго человѣка—въ новаго духовнаго, по образу Іисуса Христа, сына Божія: каковое преобразованіе многимъ избраннымъ въ сіе время даровалось, да и всему человѣчеству также приближилось. Сверхъ того было нѣсколько видѣній, войну, мятежъ и междоусобіе знаменующихъ. Еще же до отбытія моего изъ столицы въ сей монастырь, предъ великимъ онымъ наводненіемъ, видѣлъ я на небѣ хожденіе звѣздъ какъ бы отрядами или полками: что означало собственно движеніе небесныхъ силъ, во время страшнаго онаго наводненія, судомъ Божіимъ бывшее! Тогда же и сотрудникъ мой, отецъ Ѳеодоръ, нареченный Григорій, имѣлъ достопримѣчательное видѣніе. Казалось ему, что извѣстный ему мужъ, по имени Ѳеодоръ, въ храмѣ Божіемъ духомъ ходилъ по верхнемъ иконостасѣ, какъ бы бесѣдуя со святыми апостолами, или нѣчто съ образовъ ихъ снимая, и бросалъ оттуда на низъ по храмѣ платки; потомъ же перешелъ внутрь святаго алтаря и бросилъ великое вретище на престолъ. Что когда сотворилъ, то рекъ онъ, отецъ Ѳеодоръ: «вотъ, увы! это будетъ такъ, какъ содѣлалось въ извѣстномъ селеніи, гдѣ сгорѣла церковь!»—Сіе видѣніе весьма явно описало службу мою слову Божію, письменными посланіями ко многимъ вѣрнымъ, и особеннѣйшимъ свидѣтельствомъ предъ святѣйшимъ синодомъ и самимъ государемъ—о грядущемъ судѣ Божіимъ, благодатію Его совершившуюся: послѣ коей тотчасъ огнь суда Божія на земли и возгорѣлся. Около сего же времени, извѣстная благочестивая жена, М. И. Б. въ г. Хотинѣ видѣла на лунѣ двухъ мужей, особенно нѣчто руками дѣйствовавшихъ, и какъ бы въ проповѣди показывавшихъ: на коихъ на земли весьма ярился пребольшой звѣрь, образомъ какъ бы медвѣдь—такъ, что опираясь на нѣкій ветхій плетень, даже бросался противъ нихъ вверхъ, но когда подскочилъ довольно высоко, то упавши на землю, совсѣмъ разсѣлся. Сіе также весьма ясно злобу міра сего противъ свидѣтелей Христовыхъ изъявило: который и наказанъ страшно по дѣламъ своимъ и по ожесточенію своему отъ Бога. Къ сему же времени по обстоятельству принадлежитъ рѣшительное и окончательное исполненіе и апокалипсическихъ видѣній: 1-е, о двухъ свидѣтеляхъ, о ихъ убіеніи, тридневномъ непогребеніи и паки дивномъ ожитіи (гл. 11); 2-е, о женѣ рождающей, облеченной въ солнце, гонимой отъ змія и три времена провидѣніемъ Вышняго питаемой въ пустынѣ (ст. 12). Оные стихи (гл. 11, ст. 19): «И отверзеся храмъ Божій на небеси, и явися кивотъ завѣта Его: и быша блистанія, и гласы, и громъ, и трубы,

и градъ великъ», (гл. 15, ст. 6, 7 и 8): «И се отверзеся храмъ скиніи свидѣнія на небеси, и изыдоша седмъ Ангелъ изъ храма, иже имѣяху седмъ язвъ—исполненныхъ ярости Бога живаго: и наполнися храмъ дыма отъ славы Божія и отъ силы Его; и никто же можаше внити во храмъ, дондеже скончаются седмъ язвъ седмихъ Ангелъ». Предсказаніе Божественное словесъ сихъ дивное исполненіе свое возымѣло. Въ торжественномъ ономъ бывшемъ принятіи слова Божія о исполненіи небеснаго царствія Его на земли, отъ св. правительствующаго всероссійскаго синода и самаго великаго государя, которые составляютъ духовное небо для церкви Христовой, сущей на земли. Это дѣйствительно отверзся было храмъ Божій на небеси, и явился было тайный кивотъ завѣта Господня: но еще не время было откровенія царствія Божія на земли, еще наполнился храмъ дыма—возгорѣвшихся искушеній: и никто же можаше внити во храмъ. А вмѣсто того изыдоша изъ храма сего седмъ ангелъ, иже имѣяху седмъ язвъ, или фіалъ, исполненныхъ ярости Бога живаго: которыя и изливаютъ они оттолѣ непрестанно на землю, праведнымъ судомъ Божіимъ даже донынѣ, для очищенія ея отъ грѣховъ и беззаконій людскихъ, поя сію святую пѣснь: «велія и дивна дѣла Твоя, Господи Боже вседержителю, праведны и истинны вси путіе Твои, царю святыхъ! Кто не убоится Тебе, Господи! и прославитъ имя Твое: яко Единъ праведенъ еси: яко вси языцы пріидутъ и поклонятся предъ Тобою: яко оправданія Твоя явишася». (Апок. XV, ст. 3—5).

Глава XXV.

Теперь уже время мнѣ описать, во славу Божію, и самое изшествіе мое изъ монастыря, которое, какъ выше прописано, промысломъ Вышняго пришлось къ самому празднику входа во храмъ Богоматери. Чрезъ тригодичное мое здѣсь нахожденіе не совершая божественной литургіи, какъ во всѣ великіе праздники Господни, во время соборнаго богослуженія, приходилъ я ко святому алтарю, для пріобщенія божественныхъ Тайнъ, такъ равно и въ сей праздникъ въ послѣдній разъ здѣсь, яко въ напутствіе, благодать Божія сихъ небесныхъ даровъ меня грѣшнаго удостоила. Послѣ обыкновенной монастырской трапезы, все уже готово было намъ къ путешествію,—но какъ пошелъ снѣгъ и вѣтръ былъ не малой, то положено намъ удержаться до утрешняго дня. И такъ, благодареніе Богу! отпраздновавъ оный святый день и совершивъ кругъ тригодичнаго моего здѣсь заключенія, какъ бы тридневнаго, по мысленной смерти подъ землею

погребенія, слѣдующаго 22-го числа ноября, во вторникъ, какъ воскресшій мертвецъ, благодатію и силою Побѣдителя смертей и ада, Іисуса Христа Господа моего, исхожу я радостно отсюда, могу сказать, во славу Божію истинно, яко женихъ, отъ чертога своего сопровождаемъ благословеніями всей монастырской братіи, и даже начальствующихъ; попростясь со всѣми, а наипаче съ бывшимъ здѣсь, по Провидѣнію Господню, особеннѣйшимъ благодѣтелемъ моимъ, отцемъ Іоанникіемъ, заключивъ съ нимъ вѣчное предъ Богомъ другъ о другѣ незабвеніе, съ радостными слезами, и какъ бы другой разъ въ міръ это я смертный рождаюсь! Радуюсь о великой и чудной милости Божіей надо мною совершающейся: боюсь же сердцемъ и трепещу, идя въ міръ, Христу всегда толико враждебный! Помышляю, что я здѣсь, отъ великихъ бывшихъ смятеній и сокрушеній, кои судомъ Божіимъ потерпѣла вся земля, хранимъ былъ Промысломъ Господнимъ яко Ной отъ потопа въ ковчегѣ: теперь же паки иду въ міръ, какъ море непостоянный! Недоумѣваю, какова служба моя нынѣ Господу Богу имѣетъ быть въ мірѣ, за оную меня умертвившемъ и здѣшнему заточенію, какъ бы гробу предавшемъ? Иду въ міръ, противъ злобы коего, къ пользѣ и спасенію его, во Имя Господне, я столько вотще трудился, и какъ жена, имущая во чревѣ, въ часъ рожденія своего, болѣзновалъ, истощавалъ всѣ силы свои, стократно жертвовалъ жизнію своею, и при всемъ томъ ничего болѣе не успѣлъ, кромѣ только возбудилъ противъ себя, яко огнь горящій, неугасимую злобу его!.. Но въ посланіи моемъ къ князю Александру Николаевичу Голицыну, я уже отрекся отъ міра. Испытавши крайнюю его нечувствительность и всезлобное ожесточеніе и самое убійственное коварство, я положилъ обѣтъ болѣе словомъ Божіимъ его не тревожить, и не безпокоить, а оставить и предать его на праведнѣйшій судъ Божій: пусть прочее, по слову Христову, спитъ онъ и почиваетъ!.. Есть же въ мірѣ благіе рабы Христовы, тихіе и кроткіе и божественныя любви исполненные. Я увѣренъ: они ко мнѣ прибѣгутъ, ко мнѣ прилѣплятся, и я съ ними въ тишинѣ и мирѣ Господу Богу работать буду, и они мною, а я ими о Господѣ и ко хвалѣ Его утѣшаться будемъ. Я увѣренъ: они меня ожидаютъ; издалека не только объятія, но и самыя сердца ихъ для меня по Богѣ отверсты. Съ ними и по средѣ ихъ отнынѣ служба моя Господу Богу. Онъ самъ рекъ: «идѣже аще неприемлютъ васъ и изгонятъ, изшедше оттуду, и прахъ прилѣпшій къ вамъ отъ града того отрясите: аминь глаголю вамъ, отраднѣе будетъ Содому и Гомору, нежели граду тому. Горе тебѣ Хоразине! Горе тебѣ Виѳсаиде! Яко аще бо въ Тирѣ и Сидонѣ быша силы, бывшія въ васъ, древле убо во вретищѣ и пепелѣ сѣдящѣ, покая-

лися быша: обаче Тиру и Сидону отраднѣе будетъ на судѣ, неже граду сему. И ты, Капернауме, до небесъ вознесыйся, до ада низведешися!... Іерусалиме! Іерусалиме! Избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланнихъ къ тебѣ: коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошъ собираетъ птенцы своя подъ крылѣ, и не восхотѣсте. Се оставляется домъ вашъ пустъ»... Съ таковыми чувствами и предвѣщаніями самаго Господа моего Іисуса Христа, коего силою и благодатію судъ и царствіе Его я убогій проповѣдывалъ, и съ Нимъ и о Немъ страдалъ, и съ Нимъ и о Немъ нынѣ паки возстаю, и паки гряду въ міръ: съ таковыми, говорю, чувствами предъ Богомъ оставляю я нынѣ монастырь, какъ бы гробъ свой, и иду къ столицѣ, гдѣ проповѣдь Христова и свидѣтельства приближившагося суда и царствія Его мною недостойнымъ совершались; иду, не для того, чтобъ еще, во имя Господне, сказать ей слово, но только, чтобъ скорѣе миновать ее, дабы съ нею и меня не постигнулъ судъ Божій, для нея уготованный!... Уже лодка наша по волнѣ несется. Тихій и кроткій вѣтерокъ, повелѣніемъ Іисусъ Христовымъ, несетъ ее весьма тихо и кротко, дабы не мѣшать таковымъ чувствамъ и священнымъ мыслямъ, и самимъ льющимся слезамъ моимъ, съ радостію и скорбію смѣшаннымъ предъ Богомъ!.. Уже открывается противный берегъ... сокрылся навсегда отъ меня Коневецъ и священные верхи храма Божія и блаженной обители, три лѣта милостію Провидѣнія дивно меня пропитавшія. И се уже нога моя съ веселіемъ и страхомъ ступаетъ на твердую землю, — на землю, которая и мать мнѣ, и убійца, и другъ мнѣ, и врагъ! отъ которой я изшелъ, и въ утробу коея паки пойти имѣю!.. Но Господь мой, Іисусъ Христосъ, со мною. Онъ мнѣ жизнь даровалъ, изъ персти земной тѣло мое устроивъ. Онъ и отъ челюстей смерти спасаетъ меня. Онъ былъ со мною во всѣхъ болѣзняхъ и скорбяхъ моихъ, имени Его ради, и никогда меня не оставилъ. Десница Его и нынѣ, яко изъ преисподнихъ земли изводитъ меня отсюду. Съ нимъ исхожу, Ему предаю входы и исходы мои и всю жизнь мою. Всеблагій духъ Его наставитъ меня, какъ Ему, Господу моему, еще въ семъ лукавомъ мірѣ поработать, и чудная рука Его покроетъ и сохранитъ меня отъ зіяющихъ на меня повсюду на сей земли враговъ видимыхъ и невидимыхъ!.. И такъ, строеніемъ Божіимъ и дѣйствіемъ недремлющаго промысла Его, я уже вышелъ изъ тригодичнаго заключенія моего, во имя Его святое понесеннаго. Утѣшительный духъ Его нынѣ сопутствуетъ мнѣ. Тотчасъ по выходѣ на берегъ онъ уготовалъ для меня благоотраднѣйшую трапезу. Нѣкоторая благочестивая и богомудрая, хотя и весьма простая и земнаго благородства не имѣющая жена (въ домъ коея я привезенъ, и откуду далѣе за наемъ

отвезти меня имѣютъ) весьма охотно и радостно въ домѣ своемъ меня принимаетъ, угощаетъ, разсказываетъ мнѣ всю жизнь свою:— «Какъ промыслъ Господень и ее отъ юныхъ лѣтъ въ сиротствѣ питалъ, и даровалъ ей и престарѣлую мать свою съ меньшою сестрою, трудами своими кормить, и напослѣдокъ даровалъ ей добраго и трудолюбиваго мужа, довольствомъ хлѣба ее снабдѣвающаго:—одна только печаль ея, что она нынѣ уже обременена многимъ семействомъ и не имѣетъ ни времени, ни силы Господу Богу работать и благодарить и славить его за таковый надъ нею благій промыслъ Его»... Толь чудное угощеніе, сугубое, духовное и тѣлесное, Господь мой на первомъ шагу мнѣ даровалъ! «Простая жена—помышлялъ я—проповѣдуетъ толь сильно, живо и чувствительно провидѣніе Божіе, коему многіе мудрецы міра не вѣрятъ и противурѣчатъ! Простая мірянка непрестанно превозноситъ и величаетъ имя Господне: чего мнимые духовные не умѣютъ, и нарицающіеся проповѣдники не исполняютъ!» Въ таковомъ духовномъ и тѣлесномъ утѣшеніи по Богѣ прошелъ тотъ вечеръ и наступившая ночь, пока прибылъ отсутствовавшій ея мужъ и хозяинъ, и узнавъ, что я требую подводы до Питера (такъ вообще тамъ именуютъ столицу), онъ немедленно началъ къ сей дорогѣ приготовляться.

Глава XXVI.

Наступаетъ 23-е число ноября, день блаженнаго и славнаго Александра Невскаго. Когда воздвигнулъ насъ Господь отъ сна и озарилъ насъ день, мы увидѣли на дворѣ уже совершенную зиму,—то есть большой снѣгъ съ немалымъ холоднымъ вѣтромъ. Мой хозяинъ не замедлилъ съ отправкою въ путь, который будучи заметаемъ снѣгомъ,—оказался для насъ не мало труденъ, впрочемъ, благодареніе Богу! слѣдующаго 24-го числа прибыли мы благополучно до царствующаго града, въ темный осенній вечеръ освѣщеннаго безчисленными, по лавкамъ и домамъ, свѣчами, и темную ночь какъ бы днемъ себѣ содѣлывающаго. Тутъ завезенъ я былъ въ домъ благочестиваго и добродѣтельнаго купца, Иродіона Григорьевича Пѣтухова, съ коимъ письменно ознакомилъ меня благодѣтель мой и духовникъ, изъ Коневскаго монастыря іеромонахъ Іоанникій, чрезъ руки и милостыню коего и всѣ письма мои оттуда, во все тригодичное время тамо нахожденія моего, куда слѣдовало, Христа ради изъ столицы отправляемы были. Теперь, дай Богъ здравіе и спасеніе ему и всему дому его! и меня самаго, во имя Христова, весьма милостиво, любезно и ласково онъ принялъ и чрезъ десять дней пребыванія моего

въ семъ градѣ отъ себя не отпускалъ. На другой же день по прибытіи моемъ сюда, 25-го числа, въ отданіе праздника входа въ храмъ Богоматери, написавъ краткое писемцо къ князю А. Н. Голицыну, пошелъ я къ нему въ домъ: и благодареніе Богу, былъ принятъ отъ него милостиво; но при превратившихся всѣхъ прежнихъ обстоятельствахъ и по распятіи и умерщвленіи, такъ сказать по истинѣ, тѣмъ самымъ въ насъ Христа, не было Богу уже угодно, чтобъ нынѣшнее свиданіе наше было такъ утѣшительно, какъ прежде; а напротивъ того, подобало оному быть уже смущеннымъ и совершенно печальнымъ. И сего ради въ сіе самое время премудрый и праведный Господь посѣтилъ смертію первѣйшаго его друга, и по духу отца и наставника, о коемъ прежде мною упоминаемо было, всепочтеннѣйшаго старца Иродіона Александровича Кошелева, коего кончина для князя Голицына была безмѣрно чувствительна; отчего не могъ онъ даже много со мною говорить, тѣмъ паче, что даже все попеченіе и обрядъ погребенія его на немъ зависѣли, и всѣ сіи дни тѣмъ у него заняты были. Впрочемъ, кромѣ сего, въ теченіи сихъ дней еще два раза у него былъ я, и онъ не скрылъ отъ меня весьма любопытныхъ обстоятельствъ, къ кончинѣ государя Александра I, и къ вступленію на престолъ Николая I относящихся. По прошенію моему докладывалъ онъ государю о выдачѣ мнѣ оставшихся здѣсь бумагъ, всѣхъ духовныхъ трудовъ моихъ, равно какъ и о выдачѣ также на обратное сіе мое путешествіе, на которое я не имѣлъ у себя ниже одной собственной полушки, казенныхъ денегъ; и хотя на первое, яко многозатруднительное прошеніе мое мнѣ отказано, но по другому, благодареніе Богу! оказана мнѣ совершенная милость—такъ, что выдано мнѣ на путь сей семьсотъ рублей ассигнаціями. Кромѣ сего князь отъ себя извѣстную часть, а часть въ память преставившагося раба Божіяго болярина Иродіона, пожертвовалъ въ пользу новостроющагося въ приходѣ моемъ, въ городѣ Балтѣ, храма, и обязалъ меня молиться Господу Богу за нихъ и за государя; и такъ мы съ нимъ, можетъ быть, навсегда распрощались. Между тѣмъ былъ я также у его высокопреосвященства, московскаго митрополита Филарета, отъ коего удостоился также очень милостиваго пріема, и о прошедшихъ обстоятельствахъ довольнаго разговора, равно какъ и на дальнѣйшій мой путь и память предъ Богомъ извѣстнаго пожертвованія. Напослѣдокъ обязаннымъ я себя почелъ оказать смиреніе Христово, и отдать почитаніе мое и мѣстному митрополиту Серафиму, первенствующему члену синода, и сходить къ нему за благословеніемъ. Онъ удивился: зачѣмъ я возвращаюсь на приходъ, когда монастырь съ отличнѣйшею похвалою обо мнѣ отозвался? На что я отвѣтствовалъ, что извѣстные сироты,

на моемъ попеченіи сущіе, и отъ меня воспитанія ожидающіе, равно какъ и новостроющійся каменный храмъ, мною въ приходѣ моемъ предпринятый, возвращенія моего необходимо требуютъ. И такъ, я по надлежащему низко ему откланялся, и съ благословеніемъ его отошелъ. Не миновалъ я также заходить теперь и въ нѣкоторыя церкви, гдѣ только удобность мнѣ представлялась, дабы видѣть ихъ внѣшнее благолѣпіе и богатство, поелику въ прежнее нахожденіе мое здѣсь, будучи сильно занятъ величайшимъ духовнымъ по Христѣ дѣломъ, ни однимъ шагомъ для любопытства изъ келіи моей я не выходилъ. При всемъ томъ я не могъ здѣсь много времени медлить, но по выданному мнѣ пашпорту, еще въ монастырѣ, какъ выше упомянуто, мною полученному, долженствовалъ уже къ своему приходу, меня ожидающему, поспѣшать. Опасаясь только въ такъ далекій путь, на нанятыхъ-ли или на почтовыхъ, самъ одинъ пускаться, просилъ я хозяина моего и добротворителя, купца Пѣтухова, чтобы онъ приискалъ для меня добраго и благонадежнаго попутчика, съ коимъ бы отраднѣе и безопаснѣе мнѣ путь свой совершить. И онъ мнѣ приискалъ таковаго, изъ гражданъ кіевскихъ—дворянина Димитрія Богданова, по купеческому промыслу здѣсь бывшаго, съ коимъ и договорился я, за не очень большую цѣну, на одной изъ подводъ его, возвращающихся въ Кіевъ съ тяжестію искупленныхъ имъ товаровъ, вмѣстѣ же съ нимъ путешествовать.

Глава XXVII.

И такъ, день отбытія нашего изъ сей столицы, новымъ уже хозяиномъ моимъ, реченнымъ Богдановымъ, назначенъ 4-е число наступившаго мѣсяца декабря, день воскресный, что весьма мнѣ достопримѣчательно—къ дню святителя чудотворца Николая, слѣдующаго 6-го числа, такъ весьма близкій. День сей въ С.-Петербургѣ былъ весьма торжественный, ибо въ оный торжествовалась недавно одержанная побѣда надъ персіянами. Отправлялось по всѣмъ церквамъ благодарственное молебствіе, носимы были по улицамъ отнятыя у нихъ знамена, и стопушечный выстрѣлъ гремѣлъ изъ крѣпости. И таковымъ торжествомъ, не безъ опредѣленія Вышняго, сопровождалось обратное мое отселѣ смиренное и уничиженное, но воскресеніе Іисусъ Христово изъ мертвыхъ образующее, къ славѣ Божіей, возвращеніе! Я зашелъ въ церковь святаго апостола Андрея Первозваннаго, что на Васильевскомъ островѣ, выслушать божественную литургію. Послѣ оной здѣсь священникъ сказываетъ благодарствен-

ную проповѣдь изъ онаго извѣстнаго текста: «вѣра твоя спасе тя, иди въ мирѣ»; и почти послѣ всякаго пункта непрестанно оной повторяетъ: «вѣра твоя спасе тя, иди въ мирѣ»! И сей благословенный глаголъ Христовъ какое всеотрадное для меня напутствіе! Боже мой! дивны дѣла твои! Какъ будто для меня единаго вся сія проповѣдь написана и сказана! Но маніемъ Твоимъ, Господи! все течетъ и движется, и вся тварь величеству премудрости и всемогущества Твоего, да поклонится и восхвалитъ Тя!... Къ вящшему моему утѣшенію зашелъ я здѣсь къ госпожѣ Аннѣ Ивановнѣ Щербѣ, оной вдовѣ статской совѣтницѣ изъ Симбирской губерніи, коея рукою промыслъ Вышняго, какъ выше прописано, извелъ меня изъ монастыря и коея квартиру, по запискѣ ея, на семъ островѣ назадъ тому нѣсколько дней я отыскалъ. Не возможно описать, съ какою радостью и душевнымъ утѣшеніемъ узрѣла она меня теперь, по ея ходатайству изъ монастыря уже вышедшимъ и на прежнее мѣсто службы моея Господу Богу грядущимъ! Мать родная не можетъ болѣе утѣшаться о сынѣ своемъ, какъ она о мнѣ теперь по Господѣ утѣшалась. Къ вящшему удивленію о чудныхъ судьбахъ Божіихъ сказать мнѣ должно, что она только до настоящаго числа и была въ сей столицѣ, а то, по тригодичномъ своемъ здѣсь по дѣламъ и нуждамъ своимъ нахожденіи, ничего впрочемъ, къ горести своей, не успѣвши, и она къ настоящему дню приготовилась отъѣзжать на мѣсто своего жительства. И такъ мы въ одинъ день и часъ съ нею отсюда выѣзжаемъ! Какое разстояніе и пространство мѣстъ, С.-Петербургъ, Симбирскъ и Подольская губернія: десница Отца всевышняго собираетъ насъ на одинъ часъ, толико разстоящихся и союзомъ любви своея во Христѣ Іисусѣ толь сильно и вѣчно насъ соединяетъ! И надобно было дивному провидѣнію, къ изведенію меня изъ моего заточенія, употребить жену также много бѣдствующую и страждущую, дотолѣ мнѣ вовсе незнакомую и изъ толико отдаленнаго мѣста, тогда, когда отъ самыхъ ближайшихъ я вовсе забвенъ былъ!... И кто не почудится здѣсь воистину чудному строенію Господню надо мною, недостойнымъ рабомъ Его, имени Его ради святаго!... Такимъ образомъ, благодаря и славя Господа, въ скорбяхъ нашихъ толико насъ утѣшающаго, со слезами мы съ нею распрощались, предая другъ друга милосердному промыслу Вышняго на вѣки!... Между тѣмъ уже и вечеръ дня сего наступаетъ, я спѣшу въ домъ благотворителя моего, купца Пѣтухова, опасаясь, дабы не ожидали меня случившіеся мнѣ попутчики, но они еще не скоро управились съ укладкою своихъ товаровъ, такъ что отъѣздъ нашъ замедлилъ даже до 10-го часа ночи. Для меня отъ нихъ были приготовлены особыя санки съ будкою и меньшимъ количествомъ

клади. Да помянетъ же Господь милостію своею и божественными щедротами своими во всякое время и на всякій часъ, въ семъ вѣкѣ и будущемъ, добродѣтельнаго онаго купца, Иродіона Григорьевича и прелюбезную супругу его и чадъ ихъ! Они меня провожаютъ съ великимъ тщаніемъ и совершенною любовію, Господа ради, снабжая меня на путь и хлѣбомъ, и другими припасами, такъ что какъ изъ своего собственнаго, а не изъ чужаго дома, и какъ изъ между самихъ родныхъ своихъ, а не чужихъ, отъ нихъ я отъѣзжаю! Такъ-то Господь совершенно исполняетъ оное евангельское обѣщаніе свое служителямъ своимъ: «Аще кто оставитъ домъ или имѣніе, или отца, или матерь, или жену, или чада, или братію, или сестры, Меня ради и евангелія ради, аминь глаголю вамъ, яко сторицею пріиметъ въ сей вѣкъ, и въ будущій животъ вѣчный наслѣдитъ». И такъ съ благословеніемъ Божіимъ, уже ночью, какъ выше сказано, въ 10-мъ часу, усердно распростившись съ ними и вседушно моля Бога о здравіи и спасеніи ихъ, оставили мы сей роскошный градъ и съ отрадою пустились въ предлежащій путь свой.

Глава XXVIII.

На другой день 5-го числа декабря, послѣ бывшаго нашего ночлега, верстъ за 20 отъ Петрова града, непріятно было намъ видѣть перемѣну погоды, мокрый морской вѣтръ, отъ коего снѣгъ таялъ и санная дорога начала портиться. Таковая погода продолжалась съ полторы седмицы, отъ чего бывшій снѣгъ весь погибъ, и дорога наконецъ такъ испортилась, что на саняхъ, да еще съ тяжестью, болѣе уже никакъ нельзя было идти. Мои попутчики, а съ ними и я, съ великимъ трудомъ уѣхали 140 верстъ, до города Луговъ (Луги) С.-Петербургской губерніи, а здѣсь должны были уже остановиться. Не зная, скоро ли опять начнутся морозы и сдѣлается снѣжная дорога, или нѣтъ, они послали отсюду въ С.-Петербургъ за своими телегами, которыя тамъ оставили. Такимъ образомъ простояли мы здѣсь цѣлую седьмицу, пока посланные съ телегами поспѣли. Но вотъ, Божіимъ посѣщеніемъ, новое искушеніе моимъ добрымъ попутчикамъ, а съ ними и мнѣ! Едва телеги пришли, а зима паки обновилась. Сіе заставило ихъ разложить товары свои по части на сани и на телеги, и такъ далѣе путешествовать. Но зима со дня на день усиливалась, снѣгъ умножался, морозы укрѣплялись такъ, что пока съ величайшимъ уже трудомъ едва они телеги свои съ санями довезти могли до знаменитаго города Витепска, изъ Россіи въ Литву вводя-

щаго. Здѣсь должны были они совсѣмъ уже телеги свои паки бросить, а на однихъ только саняхъ далѣе путешествовать, ибо зима сдѣлалась жесточайшая и снѣгъ пошелъ величайшій. Здѣсь отпраздновали мы и наступившій новый 1828 годъ, и на другой или третій день въ дальнѣйшій путь отсюда пустились. Между тѣмъ зима укрѣплялась, и морозы сдѣлались такъ сильны, что и хорошо одѣтымъ съ трудомъ оный переносить можно было, а худо одѣтые совсѣмъ погибали. Какъ же у меня одежда была средственная, а здоровье и силы очень плохи, путешествіе же наше весьма медленно, по шести и семи часовъ на открытомъ морозѣ шагомъ идущее, то и мнѣ тутъ не малая опасность угрожала. На саняхъ мнѣ сидѣть много отъ великой стужи невозможно было, а должно было большею частію идти пѣшкомъ, но и такъ согрѣться, а особливо въ ноги, очень было трудно; отсюду послѣдовало, что я скоро захромалъ на лѣвую ногу, и не думалъ, чтобы уже на оную право ходить могъ. Такимъ образомъ многотруднѣйшее и опаснѣйшее для жизни сіе, по волѣ Божіей, путешествіе мое продолжалось до самаго благословеннаго града Кіева, въ который, слава Богу! прибыли мы 14-го числа января, въ день отданія праздника святыхъ Богоявленій; самые же великіе праздники, Рождество Христово и Богоявленіе, проведены нами въ перенесеніи въ пути ужаснѣйшей сей зимы, отъ необыкновенной стужи коей и въ теплыхъ горницахъ согрѣться трудно было. Приближеніе къ священному для всей Россіи граду Кіеву было для меня очень отрадно. Казалось, уже я былъ какъ бы дома! Но и тутъ перевозка тяжелыхъ саней черезъ Днѣпръ, на ледъ коего вѣтромъ нанесло песку, стоило моимъ попутчикамъ, а съ ними и мнѣ, немалаго и некратнаго искушенія и страданія. Тако изволеніемъ Божіимъ, да будетъ въ славу Его! понесъ я грѣшникъ, къ прочимъ и сей крестъ внѣшняго страданія имени Его ради, величайшій, долгайшій, и одинъ изъ тяжелѣйшихъ въ моей жизни. Онъ еще здѣсь не кончился, но частію своею и далѣе еще сопровождать меня имѣетъ. Въ Кіевѣ мы застали немалую тѣсноту отъ съѣхавшихся отвсюду господъ помѣщиковъ на контракты. Здѣсь особеннѣйшую радость я имѣлъ увидѣться съ сестрою моею, дѣвицею Анною, въ дѣвичьемъ монастырѣ Господеви работающею, гдѣ и самъ я теперь пристанище имѣлъ. Утѣшившись довольно ея свиданіемъ, я не имѣлъ здѣсь болѣе дѣла, какъ только сыскать для себя новаго попутчика, который бы меня отсюда доставилъ въ самый городъ Балту. Хромая на ногу и весь изнужденъ отъ стужи, не весело могъ я теперь ходить по стогнамъ сего въ другое время пріятнѣйшаго града. Зашедши только хоть худо помолиться въ извѣстныя, знаменитѣйшія изъ здѣшнихъ цер-

квей, напослѣдокъ непремѣннымъ моимъ долгомъ было посѣтить и всесвятую лавру и чудныя оныя пещеры, въ коихъ святые отцы наши глубину смиренія и нищеты духовной и несказаннаго воздержанія предъ Богомъ, по евангельскому ученію, явили, въ коихъ и прославилъ ихъ Господь, и хранитъ кости ихъ и тѣлеса дивно нерастлѣнными, на хвалу безсмертнаго имени Своего, въ залогъ будущаго славнаго воскресенія ихъ и въ благословеніе, назиданіе и утѣшеніе всего православнаго христіанства. Будучи же здѣсь въ одной изъ меньшихъ церквей, во святыя пещеры ведущихъ, и слушая божественную литургію, какое промысла Божія дѣйствіе надъ собою недостойнымъ вижу! Ко мнѣ подходитъ знакомый человѣкъ, мѣщанинъ изъ города Балты, по имени Дометій, смотритъ мнѣ въ лице, называетъ меня по имени, удивляется, что меня здѣсь встрѣтилъ; съ моей стороны, совершенно его зная, я также безмѣрно радъ, что Богъ его послалъ мнѣ; и по краткихъ рѣчахъ я прошу его, если скоро отсюду онъ ѣдетъ обратно, нельзя ли мнѣ быть ему сопутникомъ. И онъ, слава Богу! съ большою охотою тотчасъ принимаетъ меня на свои подводы, которыя на другой, или третій день отсюду въ Балту отправляетъ. И такъ, благодареніе Господеви! благимъ промысломъ Его я отхожу отсюда уже спокоенъ о подводѣ или попутчикѣ, коего искалъ доселѣ.

Глава XXIX.

Пробывши такимъ образомъ всего около седьмицы дней въ Кіевѣ, когда наступилъ часъ отъѣзда моихъ сопутниковъ, попростясь съ любезною сестрою моею и боголюбивыми ея подругами и сотрудницами во Флоровской обители, возсѣлъ я радостно на простыя сани, нѣкіимъ грубымъ товаромъ наложенныя, имѣющія довезти меня уже отселѣ прямо на мѣсто моея священныя службы Господу Богу. Хотя зима еще совершенно продолжалась, но уже не такъ жестока, какъ была до нынѣ; и духъ мой свободнѣе могъ веселиться предъ Богомъ, что путешествіе мое уже въ странѣ отечественной и о томъ, что всякій шагъ приближаетъ меня къ самому мѣсту рожденія моего и къ тѣмъ селеніямъ возлюбленнымъ, гдѣ бренными устами моими прославлятися имѣетъ имя безсмертнаго Господа Творца, избавителя и вѣчнаго благодѣтеля моего, и гдѣ сердца, любящія меня по Господѣ и прибытія моего нетерпѣливо ожидающія, сливаться имѣютъ любовію съ моимъ сердцемъ, во едину жертву благодаренія и хвалы Господеви, и яко кодило благовонное возноситься всегда къ пренебесному и

мысленному Его жертвеннику. 27-го числа января, въ день перенесенія мощей святаго отца нашего Іоанна Златоустаго, Господь даровалъ уже мнѣ, къ вящшему утѣшенію моему, переѣхать и границу изъ Кіевской губерніи въ Подольскую. Еще одинъ день, и я, слава Богу! уже въ Балтскомъ уѣздѣ! Еще одинъ день, и я уже, такъ сказать, дома! Но когда уже, можно сказать, послѣдній только шагъ пути моего оставался, Богу угодно было еще обновить искушеніе, для явленія дѣлъ царствія Своего. Къ 29-му числу, въ которое была тогда недѣля о страшномъ судѣ, прибыли мы къ мѣстечку Саврани, разстояніемъ отъ города Балты почти только въ 30 верстахъ. Тутъ и переѣздъ намъ черезъ рѣку Бугъ. И се паки утромъ жесточайшій и нестерпимый морозъ! Ночлегъ предъ симъ мѣстечкомъ былъ намъ въ жидовской корчмѣ, ради скопившагося, ѣдущаго на торгъ народа — въ превеликой тѣснотѣ. Утро торгъ въ мѣстечкѣ. Зашедши немного въ церковь, прошелся я по базару, въ мысли не встрѣчу ли кого знакомаго? Но нѣтъ! Искалъ чѣмъ либо согрѣть себя отъ стужи, но ничего тутъ полезнаго для себя не сыскалъ. Люди, ѣдущіе со мною, разбрелись по базару, и весьма не скоро я ихъ дождался. И такъ съ горестью и неудовольствіемъ я выѣхалъ отсюду. За двѣ же версты отселѣ, въ извѣстномъ селеніи, есть двоюродная сестра моя за священникомъ, и я надѣялся, что по крайней мѣрѣ тамъ хорошо согрѣюсь и утолю алчбу мою изряднымъ обѣдомъ, но судьба Вышняго не въ семъ, а въ другомъ неожиданномъ для меня мѣстѣ уготовала для меня изряднѣйшую трапезу и сладчайшее поистинѣ угощеніе. И дивное дѣло Божіе! Едва были мы внѣ мѣстечка, и вотъ я вижу оную самую сестру мою, мимо насъ шибкими лошадьми на саняхъ бѣгущую, которая не смотря на меня и ни мало не познавая, пробѣжала въ мѣстечко. Еще едва прошло нѣсколько минутъ, и паки вижу мужа ея священника, подобнымъ же образомъ на другихъ санкахъ мимо ѣдущаго, который меня также не видитъ и не познаетъ, и мчится весьма скоро въ то же мѣстечко! Но при удивленіи моемъ о такихъ странныхъ случаяхъ и противныхъ встрѣчахъ, вдругъ послѣ нихъ является предо мною, остановившійся на своихъ саночкахъ, весьма извѣстный и знакомый мнѣ, простой, но честный старецъ, церковный староста изъ крестьянъ сосѣдняго сельца, коего сынъ, по имени Феодотъ, нѣкогда у меня обучался, и довольное время былъ при мнѣ, и совершенно духовнымъ сыномъ мнѣ по Христѣ учинился; сей честный и достойный отецъ его, увидѣвъ и познавъ меня, въ изумленіи и радости повергается предо мною; благодаритъ Бога и весьма счастливымъ себя называетъ о встрѣчѣ меня. — «Васъ Господь — говоритъ онъ — ко мнѣ принесъ. Въ моемъ домѣ

особенное собраніе рабовъ Божіихъ какъ бы нарочно ожидаетъ васъ. Это чудо Божіе! Я васъ не оставлю: беру васъ на мои саночки и везу въ домъ мой!» Нельзя было мнѣ противиться таковому сладчайшему гласу любви его простыя и не лицемѣрныя, и очевидному въ семъ дѣйствію Божію. И такъ Балтскіе мои подводы, на коихъ доселѣ, милостію Божіею, я ѣхалъ, пошли путемъ своимъ, а я повинулся желанію любезнаго старца, сѣлъ съ нимъ на одноконныя его саночки, дабы посѣтить, во имя Господне, домъ его. По прибытіи въ оный, подлинно засталъ я у него честное собраніе, подобныхъ ему, весьма благочестивыхъ старцевъ, простыхъ, но любви Христовой исполненныхъ, какъ будто нарочно меня ожидавшихъ, которые безмѣрно возрадовались о моемъ прибытіи. Я взаимно ими утѣшался и чудился таковому въ насъ строенію Божію. Бесѣда у насъ была духовная весьма обильна. Я разсказывалъ имъ все мое по Богѣ странствіе, и настоящее многотруднѣйшее путешествіе, и непрерывныя по волѣ Его искушенія, хваля только и благодаря неотступный отъ меня грѣшнаго и недостойнаго Божественный промыслъ Его, всегда цѣлымъ и невредимымъ меня соблюдающій, какъ и нынѣ, какъ бы посредѣ пламенно горящей пещи, посредѣ жесточайшей зимы и лютѣйшихъ морозовъ, въ толь далекомъ и долговременномъ пути, при всей немощи моей и плохости, также цѣлымъ и невредимымъ меня сохранившій. При духовной сей бесѣдѣ и таковомъ по Богѣ утѣшеніи нашемъ, тщаніемъ усерднаго хозяина и добродѣтельной его четы, и тѣлеснаго насыщенія я съ ними не лишенъ, но изобильно былъ исполненъ. И тутъ то, милостію Божіею, совершенно уже я согрѣлся, и ожилъ духомъ и тѣломъ, и такъ оздравѣлъ, что даже и на ногу хромать престалъ. Въ такомъ утѣшеніи проведены нами, во славу Божію, оный благословенный день и наступившая ночь. Въ слѣдующій же день 30-го числа, въ праздникъ святыхъ трехъ святителей, по довольной совокупной нашей ко Господу молитвѣ, и по оной предложенной отъ хозяина трапезѣ, распростясь со всѣмъ симъ благословеннымъ собраніемъ, и давъ имъ совѣтъ, храниться отъ искушеній лукаваго, и обо мнѣ, яко подобострастнѣйшемъ человѣкѣ, ничего сверхмѣрнаго не помышлять, усердіемъ добраго хозяина отправленъ я былъ на его лошади, въ селеніе Корытну—мѣсто моего рожденія и собственную отчизну, только семь верстъ разстоянія отъ города Балты имѣющее.

Глава XXX.

Прибывши въ село Корытну—тутъ паки дѣйствіе вижу Промысла Вышняго; тутъ паки чудная встрѣча! Когда бываетъ проѣздъ великихъ и сильныхъ и весьма знаменитыхъ какихъ-либо сановниковъ, то обыкновенно разставляютъ для нихъ издалека приличныя и поздравительныя встрѣчи. Такъ нѣчто подобное и къ утѣшенію меня грѣшнаго дивный Господь мой дѣйствуетъ. Къ самому прибытію моему какъ-будто нарочно предъизвѣщенные, пріѣзжаютъ сюда изъ города Балты соборный священникъ, Павелъ Вадзинскій и съ нимъ родной братъ мой, Иванъ Несторовичъ Левицкій, въ канцеляріи духовнаго правленія служащій, и даже виноградное вино, единственный мой при угощеніи напитокъ, каковаго въ деревнѣ нѣтъ, они съ собою имѣютъ. Къ сему же и сельскихъ здѣшнихъ, знакомыхъ мнѣ людей довольно къ усугубленію моего утѣшенія предъ Богомъ, собралось тутъ въ домъ въ Бозѣ почивающихъ моихъ родителей, а нынѣ живущаго здѣсь и святой церквѣ служащаго зятя нашего священника Іакова Недзѣльскаго, который съ сестрою моею, а его женою, Екатериною Несторовною, около двухъ сутокъ отъ себя меня не отпустили, но послѣ дороги отдохнуть заставили. Здѣсь засталъ я другую родную сестру мою, по умершемъ, въ 1824 году, мужѣ ея, бывшемъ Кіевскаго гусарскаго полка священникѣ, Василіи Пашковскомъ, овдовѣвшую, Ирину Несторовну, съ двумя дочерьми ея (а два сына ея, Евстафій и Александръ, находились тогда въ училищѣ Кіевской духовной семинаріи на казенномъ коштѣ, и тамъ со мною свиданіе имѣли). Тутъ оная сестра моя, подводя ко мнѣ помянутыхъ дочерей своихъ, тогда еще малолѣтними бывшихъ, и указывая имъ на меня, рекла со слезами: «Это теперь отецъ вашъ! Ему васъ по Богѣ поручаю». И впослѣдствіи, когда Богъ далъ мнѣ въ г. Балтѣ имѣть собственный домъ, онѣ ко мнѣ перешли, и дарованіемъ Божіимъ при мнѣ содержались и питались. За симъ, слава Богу, наступаетъ уже 2-е число февруарія, праздникъ Срѣтенія Господня, и къ самому сему Божественному празднику приходится мнѣ отправиться отсюда уже въ г. Балту, дабы—радости и благодаренія исполненными устами—воспѣть тамо съ блаженнымъ Симеономъ, отъ Духа Святаго сложенную и даровавшуюся Ему оную благоотраднѣйшую пѣснь: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣсте очи мои спасеніе Твое!..» Такъ дивно Господь всѣми стезями и всѣми обстоятельствами моими распоряжаетъ, и къ хвалѣ Своей все благоустрояетъ, и все полезное мнѣ подаетъ!.. И съ такимъ чувствомъ, съ такимъ священ-

нымъ въ сердцѣ моемъ и въ душѣ моей предъ Творцемъ моимъ и Спасителемъ Богомъ пѣснопѣньемъ, выѣхавъ изъ онаго селенія и по краткомъ переѣздѣ малаго отсюда разстоянія мѣста,—се уже и видятъ очи мои сей городъ, и сей приходъ, и сей храмъ Господень—старый еще деревянный, и впереди онаго новосооруженный, благолѣпнѣйшій каменный, точно каковъ во снѣ еще въ Коневскомъ монастырѣ Господь мнѣ предъявилъ! - сей, говорю, храмъ, видятъ уже очи мои, въ коемъ Творцу моему и неизреченному благодѣтелю—Богу всегда я грѣшный и недостойный покланяться, вмѣстѣ съ братіею моею, коихъ Онъ самъ мнѣ, рабу своему, избралъ и даровалъ, имѣю и предъ ними бренными и недостойными устами моими возвѣщать всегда хвалу Господню долженъ! Слава Тебѣ, Господи, вся сотворившему! Слава Тебѣ, Боже мой, всѣ желанія мои уже исполнившему, и всѣ надежды мои, въ крѣпости силы Твоея и неизрѣченныя благости, премудрымъ, непостижимымъ и неописаннымъ промысломъ Твоимъ о мнѣ непотребномъ рабѣ Твоемъ—всесовершенно оправдавшему! И кто не восхвалитъ со мною нынѣ чуднаго и толико преблагаго моего Господа? И кто не воспоетъ всесвятое имя Его, и всесовершенную истину Его, и крѣпчайшую отъ всего міра правду Его, изъ глубины ада меня убогаго раба своего воздвигнувшаго, и изъ мертвыхъ воскресившаго, отъ конца земли паки на службу свою на сіе мѣсто, предъ лицемъ всѣхъ людей приведшаго?.. Воистину, воистину, небо и земля мимоидутъ, словеса же Господни не имутъ преидти, и всякъ вѣруяй въ онь не постыдится!

Глава XXXI.

И такъ, хвала и благодареніе Богу! я уже въ городѣ Балтѣ, въ моемъ свято-николаевскомъ приходѣ, въ опредѣленной мнѣ отъ Бога церквѣ!.. Въ сей Божественный праздникъ совершалъ здѣсь всесвятую литургію священникъ изъ села Еленовки, отецъ Зиновій Мыциковскій, коему въ наблюденіе приходъ сей порученъ былъ. По литургіи, тутъ радостное мнѣ свиданіе съ приверженными ко мнѣ прихожанами! Особливо тутъ мать покойной жены моей, г-жа Марія Ивановна, съ мужемъ своимъ, бывшимъ Хотинскимъ почтъ-экспедиторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ, Павломъ Бѣлинскимъ, и находящіеся при нихъ сиротствующіе воспитанники мои, Елисей и Иванъ Петровы Гловацкіе, со слезами меня встрѣчаютъ и съ прибытіемъ привѣтствуютъ. За симъ я иду въ домъ старосты новаго храма, купца Петра Ивановича Соколова. Его самаго не было тогда дома. Онъ находился въ отлучкѣ на харьковской крещенской ярмонкѣ, (на которую отсюда купцы обыкновенно первыхъ чиселъ января от-

правляются, а первыхъ чиселъ февраля обратно уже оттуда бываютъ). Жена и дѣти его и всѣ домашніе весьма радостно меня принимаютъ и благодарятъ Бога о моемъ возвращеніи. Тутъ довольное время провелъ я, весьма усердно ими угощаемъ; и наконецъ въ веселіи духа предъ Богомъ, исполненъ чувства вѣры и благодаренія ко Господу о чудныхъ дѣлахъ и благодѣяніяхъ Его надъ нами, я—недостойный рабъ его—рекъ, какъ бы пророчески: «что если бы теперь же и Петра Ивановича изъ пути рука Господня принесла въ домъ его?» И за сими словами вотъ и чудо! Ибо едва минута послѣ оныхъ прошло, какъ вотъ и дѣйствительно онъ отворяетъ дверь и къ намъ входитъ!.. Тутъ радость, и цѣлованіе любви, и прославленіе Бога о чудесахъ Его превосходятъ всякое объясненіе!... Хотя же я уже на своемъ мѣстѣ и въ своемъ приходѣ, и послѣ такъ дальняго и многотруднаго пути могъ бы уже остаться здѣсь въ покоѣ, а начальству только репортомъ о прибытіи моемъ дать знать: однако я за лучшее и полезнѣйшее судилъ, оказать смиреніе Христово, и лично еще самому отправиться въ губернскій городъ Каменецъ-Подольскъ, къ архипастырю епархіи, архіепископу Ксенофонту, предъ отбытіемъ моимъ въ г. Петербургъ весьма желавшему видѣть меня, и даже многими указами къ себѣ требовавшему,—дабы получить отъ него святительское благословеніе, и тогда уже приступить, во имя Господне, къ настоящей приходской моей службѣ. И такъ, проведши еще съ прихожанами и друзьями моими нѣсколько дней весьма радостно и утѣшительно предъ Богомъ, особливо на седмицѣ сей бывшей сырной или масляной; за наступленіемъ по семъ—съ 6-го числа—святаго великаго поста, отправился я, съ Божіею помощію, на случившейся мнѣ подводѣ съ новымъ дьячкомъ моимъ, Мирономъ Хмисѣвичемъ, 10-го или 11-го числа, въ предпринятый путь. Тогда еще продолжалась отчасти зима: мы ѣхали на саняхъ,—и черезъ четыре или пять дней, благодареніе Богу! благополучно достигнули главнаго онаго города нашей Подоліи. По явкѣ моей къ архипастырю, никакихъ излишнихъ распросовъ, ниже рѣчей со стороны его не было: кромѣ только утверждалъ онъ меня, дабы ни въ чемъ ни мало отъ обрядовъ и уставовъ церкви не отступать. Въ консисторіи мнѣ сказывали, что, по причинѣ долговременнаго замедленія моего въ пути, они имѣли очень большое безпокойство: поелику, еще въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года полученъ у нихъ обо мнѣ указъ изъ св. правительствующаго синода, коему немедленно о прибытіи моемъ долженствовали они доносить, и не знали вовсе причины такъ многаго моего медлѣнія. Тутъ весьма ласково и благосклонно принялъ меня инспекторъ семинаріи, Балтскаго уѣзда про-

тоіерей, отецъ Петръ Литвицкій—такъ, что даже и квартиру (тутъ) у него имѣть меня убѣдилъ. Подобный же пріемъ имѣлъ я отъ учителя уѣзднаго училища, Григорія Звѣногородскаго, который желалъ занять праздновавшій доселѣ приходъ мой, и оный былъ уже за нимъ предоставленъ, и на сей конецъ даже онъ женился на племянницѣ моей тещи, и воспитанницѣ ея, (Иринѣ Ивановнѣ); и уже только оставалось ему принять святительское рукоположеніе во пресвитера къ Свято-Николаевской моей церкви, какъ вдругъ послѣдовалъ изъ св. правительствующаго синода къ архіепископу указъ о моемъ обратномъ на прежній мой приходъ, по высочайшему повелѣнію, возвращеніи. И тогда уже рукоположеніе его остановилось, и онъ ожидалъ еще самаго моего прибытія, надѣясь, что, по привычкѣ и приверженности моей къ уединенной духовной жизни, я могъ уступить ему приходъ. И дѣйствительно, въ своей надеждѣ онъ бы не ошибся, если бы вдовы и сироты, изъ родныхъ моихъ, убѣдительнѣйше и неотступнѣйше не настояли на меня, чтобъ оной уступки, ради необходимаго вспомоществованія имъ, мнѣ никакъ не чинить, каковой просьбы и убѣжденія ихъ я не могъ отвергнуть, и въ надеждѣ на помощь Всевышняго, рѣшился, ради нихъ, нелегкое иго прихода—и послѣ семилѣтняго моего уединенія—вторократно принять. И такъ г-нъ Звѣногородскій испросилъ себѣ другой изрядный приходъ въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, а мнѣ изъ присутствія духовной консисторіи выданъ на руки открытый его императорскаго величества указъ о занятіи по надлежащему въ г. Балтѣ прежняго моего прихода и церкви. Между тѣмъ и вышеупомянутый дьячекъ мой исходатайствовалъ себѣ также указъ на свое званіе и службу: и мнѣ болѣе никакого дѣла не оставалось медлить въ Каменецъ-Подольскомъ. Какъ же при всемъ томъ здѣсь нахожденіи нашемъ протекло около седмицы времени, и выѣздъ нашъ отсюда пришелся уже къ 24-му числу февруарія (память обрѣтенія главы Предтечевы), то въ сію пору погода сдѣлалась уже довольно теплая, такъ что здѣсь, могу сказать по судьбѣ Божіей, кончилась уже моя зима, отъ самаго Коневскаго монастыря, съ 22-го числа ноября, жесточайшимъ образомъ преслѣдовавшая меня почти даже доселѣ. Отъ нынѣ же, благодареніе Богу! дни намъ дѣлаются уже самые прекрасные, очень свѣтлые и благопріятнѣйшіе, а потому и обратно сіе наше отсюда путешествіе также было благопріятно. Но отъ теплоты солнца снѣгъ началъ уже довольно таять, и мы только до половины нашей дороги (около 120-ти верстъ) могли не худо еще на саняхъ ѣхать, а отселѣ, при умножившейся необыкновенной теплотѣ, бывшіе великіе снѣга такъ распустили, что уже съ трудомъ остальную половину нашего пути мы

совершили; и когда прибыли мы уже къ самому городу Балтѣ то и, снѣговъ уже вовсе не стало, а только текли воды, показалась земля съ зеленью, и по всему, дарованіемъ Божіимъ, открылась радостная и благопріятнѣйшая весна. Такъ кончилось, благодареніе Богу! все сіе странствованіе мое, отъ Коневскаго монастыря начавшееся. Великъ Господь мой, сохранившій невредимо жизнь мою отъ кипѣвшихъ пламенемъ горящимъ, лютѣйшихъ, мимошедшей зимы морозовъ! Покланяюсь праведнѣйшему моему Господу, Владыцѣ и Богу, сопровождающему жизнь мою непрерывными величайшими искушеніями, дабы мнѣ не вознестись безмѣрнымъ и безпредѣльнымъ величествомъ слова Божественнаго царствія Его, благодатію Его мнѣ недостойному и непотребнѣйшему рабу Его—даровавшагося; чего ради и пою съ блаженнымъ Давидомъ: «Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси: яко да научуся оправданіемъ Твоимъ. Жезлъ Твой и палица Твоя та мя утѣшиста!» Славлю Господа моего и лобызаю всесвятую десницу Его, нынѣ уже и къ покою моему—здраво и цѣло мене приведшую, гдѣ съ онымъ же пророкомъ душа моя и сердце мое поетъ: «сей покой мой: здѣ вселюся во вѣкъ вѣка: Рогъ его, вѣщаетъ Господь, вознесется во славѣ, на немъ же процвѣтетъ святыня моя». Благоотрадно вступаю въ церковь Господню и въ храмъ Его святый, въ которомъ, уповаю, благодать Его будетъ отверзать уста мои, дабы онѣ возвѣщали хвалу Его Господню, и посредѣ многихъ восхваляли Его, и истину и спасеніе Его всѣмъ возвѣщали, якоже есть писано: «Господи! се устамъ моимъ не возбраню! Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня. Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя», и паки: «коль многое множество благости Твоея Господи! юже скрылъ еси боящимся Тебѣ, содѣлалъ еси уповающимъ на Тя предъ сыны человѣческими! скрыеши ихъ въ тайнѣ лица Твоего отъ мятежа человѣческа, покрыеши въ кровѣ отъ прерѣканія языкъ. Благословенъ Господь, яко удиви милость свою во градѣ огражденія! возлюбите Господа вси преподобніи Его! яко истины взыскаетъ Господь, и воздастъ излише творящимъ гордыню. Мужайтеся, и да крѣпится сердце ваше, вси уповающіи на Господа». (Псал. 30, ст. 20—25).

Конецъ и Богу слава!

Священникъ Ѳеодосій Левицкій.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается вторая часть собственноручной рукописи священника Ѳеодосія Левицкаго, въ 8-ю долю листа, 86 листковъ осьмидольныхъ. Первая и послѣдующія части намъ не доставлены. Ред.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

XL [1]).

Давая мнѣ мѣсто, по окончаніи курса въ селѣ Е., преосвященный сказалъ мнѣ: „я даю тебѣ мѣсто въ Е., но я не забуду тебя". Дѣйствительно, чрезъ девять мѣсяцевъ я былъ переведенъ въ Маріинскую колонію питомцевъ Московскаго Воспитательнаго дома. Здѣсь всѣ крестьяне имѣли казенные дома, имѣлось свое особое управленіе, и порядки, во многомъ, были аракчеевскіе. Косятъ, напр., крестьяне, всякій себѣ сѣна, но стога должны ставить въ одну линію. По окончаніи покосовъ, даютъ знать управляющему, тотъ пріѣзжаетъ и видитъ, что нѣсколько стоговъ выдались на аршинъ, или около этого, изъ линіи. Сейчасъ хозяину порку, а стога велитъ переставить на свое мѣсто,—въ линію. Послѣ осмотра и порки, хозяева могли возить сѣно на свои гумна. Но на гумнахъ линіи соблюдались еще строже. Точно также, въ одну линію, на всѣхъ гумнахъ, должны быть поставлены всѣ копны и клади хлѣба. Токъ (расчищенное мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ) долженъ быть одной мѣры, въ одинаковомъ разстояніи отъ хлѣба и въ одной и той же сторонѣ отъ него. Если, хотя на аршинъ не такъ,—лупка. Поэтому вы съ конца деревни могли опредѣлить сколько имѣется у крестьянъ ржи, сколько пшеницы,

---

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562 (три главы); т. XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава); томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ); томъ XXVIII, стр. 144—145 (затѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава); 667—708 (восемь главъ); т. XXIX, стр. 351—378.

проса и пр., потому что каждому сорту хлѣба была своя линія и въ каждой клади извѣстное число сноповъ. Непремѣнно разъ въ недѣлю приходилъ къ хозяйкѣ дома брандъ-мейстеръ-солдатъ, и палкою шврялъ въ дымовой трубѣ. Если, хоть чуточку, сыпалась сажа, то часто эту палку ломалъ онъ о хозяйку дома.

При въѣздѣ моемъ въ новый приходъ, меня обрадовала хорошая, правильная постройка крестьянскихъ домовъ, хорошіе дома чиновниковъ и управляющаго и, въ особенности, прекрасная и огромная церковь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я увидѣлъ на площади, около церкви, человѣкъ 10 мужиковъ съ тачками, лопатами и метлами въ рукахъ и съ огромными, толстыми деревянными колодками на ногахъ и желѣзными ошейниками, „рогатками". „Рогатка", какъ звали этотъ ошейникъ, была большое, толстое, желѣзное кольцо, съ шалнеромъ въ серединѣ и съ висячимъ замкомъ на переди, обтянутое толстымъ сукномъ. Отъ кольца шли во всѣ стороны восемь зубьевъ въ полвершка толщины и въ четверть длины. Рабочіе,—это были провинившіеся крестьяне, мои настоящіе прихожане, предъ управляющимъ. Послѣ я узналъ, что въ такомъ положеніи нѣкоторые бывали дня по-два и по-три, а нѣкоторые и по нѣскольку недѣль. Съ „рогаткой" на шеѣ спать, обыкновеннымъ порядкомъ, не было возможности, поэтому наказуемые, ложась спать, прилаживали себѣ подъ голову или ведро или толстое полено. Болѣе провинившихся сажали въ „трубной",—пожарномъ сараѣ,—верхомъ на ступицу колеса пожарной телеги, ноги подъ ступицей сковывались, а шея съ „рогаткой" привязывалась къ ободу колеса. Въ такомъ положеніи виновные просиживали по нѣскольку сутокъ. Несчастный долженъ былъ такъ сидѣть и день и ночь, въ такомъ положеніи онъ долженъ былъ ѣсть, и въ такомъ же спать. Его отковывали только по неотложной нуждѣ. Сидитъ—сидитъ иной несчастный, да вдругъ, иногда, и хлопнется,—и повиснетъ на своей рогаткѣ. Сторожъ бывалъ тутъ не отлучно. Сейчасъ отвяжетъ, спрыснетъ, обольетъ холодной водой, дастъ отдохнуть,—и опять на колесо. Такъ наказывались „товарищи" хозяевъ и „малолѣтки",—мальчики лѣтъ отъ 10, преимущественно за непослушаніе и грубость своимъ пьяницамъ хозяевамъ. За воровство, хотя бы курицы, управляющіе, особенно Хрущевъ, наказывали такъ: онъ велитъ собрать въ селѣ, поголовно, весь народъ и при всѣхъ задастъ 100 розогъ

самыхъ горячихъ. Изъ села онъ позоветъ виновнаго въ ближайшую деревню и тамъ, тоже при всемъ народѣ, задастъ 100. Изъ этой поѣдетъ въ другую, третью, четвертую. А такъ какъ питомское поселеніе состоитъ изъ села и четырехъ деревень, то каждый воръ получалъ 500 розогъ самыхъ безпощадныхъ. Послѣ этого виновному надѣвали „рогатку" и отпускали домой. Тамъ онъ носилъ ее столько недѣль, сколько назначалъ управляющій. Сѣкъ всегда одинъ, нѣкто солдатъ Григорьевъ, брантъ-мейстеръ с. Николаевскаго. А такъ какъ „товарищей" и „малолѣтковъ" сѣкли безпрестанно, и сѣкли жестоко, то у Григорьева развилась страсть сѣчь до безумія. Сѣкъ онъ всегда изо всѣхъ силъ. Но когда ему долго не приводилось никого сѣчь, то онъ бѣсился, бросалъ свою шапку вверхъ и на лету подхватывалъ ее розгою. Сынишку своего, мальчишку лѣтъ 15-ти, за каждую малость онъ сѣкъ чуть не до смерти. Григорьевъ изъ Москвы былъ взятъ съ питомцами въ Смоленскую губернію; оттуда вмѣстѣ съ ними переведенъ въ Саратовскую и при мнѣ жилъ еще лѣтъ 10. Обязанностью его было, во все это долгое время, смотрѣть за пожарными инструментами, чистотою питомскихъ домовъ и сѣчь.

Приходъ мой я описывалъ. Это мои статьи, подъ заглавіемъ: „Питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома", помѣщенныя въ „Русской Старинѣ" 1879 г. Но для болѣе полнаго описанія его я не имѣлъ тогда свободнаго времени, и потому опущено тогда мною очень многое. Описывать же его теперь,—нейдетъ къ моей программѣ, и я, пользуясь случаемъ, вношу только нѣсколько строкъ, какъ первое впечатлѣніе при въѣздѣ въ новый приходъ.

Въ новомъ приходѣ я имѣлъ помѣстительный для себя казенный домъ, съ казеннымъ отопленіемъ и водою. Здѣсь было нѣсколько чиновниковъ, докторъ, фельдшеръ, аптека, порядочная казенная библіотека, сельско-хозяйственное учебное заведеніе, приходская школа, хорошій хоръ пѣвчихъ. Прихожане-питомцы были народъ состоятельный и въ высшей степени простой и добрый, хотя и любили выпить. Обученіе въ школѣ было обязательное, точно также было обязательно и говѣнье въ великій постъ. Я занялъ должность законоучителя въ учебномъ заведеніи и должность учителя и законоучителя въ приходской школѣ. Здѣсь я ожилъ: у меня были и общество, и книги, и дѣло, и покойная

квартира. Я считалъ свое мѣсто лучше всѣхъ мѣстъ губернскаго нашего города. Оно, дѣйствительно, такимъ и было.

Первою же весною къ намъ пріѣхалъ преосвященный Аѳанасій (Дроздовъ) и остановился въ домѣ управляющаго Ремлингена. Ремлингенъ былъ остзейскій нѣмецъ, высокій, дебелый и гордый господинъ. Въ это время къ нему, какъ нарочито, наѣхало много гостей-нѣмцевъ. Преосвященный пріѣхалъ въ сопровожденіи ректора семинаріи, архимандрита Спиридона и градскаго благочиннаго, протоіерея Гавріила Чернышевскаго. Къ намъ же вызнано было духовенство села Идолги и Слѣпцевки. Мы представились преосвященному. Преосвященный сидѣлъ въ гостиной на диванѣ, въ сторонѣ сидѣли архимандритъ и протоіерей, вдоль же всѣхъ стѣнъ—нѣмцы. Мы вошли, поклонились въ ноги, приняли благословеніе, опять поклонились и встали къ двери. Преосвященный, по одиночкѣ, сталъ всѣхъ экзаменовать. Онъ спрашивалъ, бо̀льшею частію, по катехизису о таинствахъ и заставлялъ пѣть по октоиху. Изо всѣхъ онъ не спросилъ опять только меня. Дураковъ наполучали всѣ отъ щедротъ владыки,—безъ числа. Слово „дуракъ" у него было, какъ поговорка, его нельзя было считать и бранью; оно говорилось у него такъ себѣ, мимолетно, незамѣтно и для него самаго. Каждый экзаменуемый подходилъ къ столу, кланялся въ ноги, отвѣчалъ, опять кланялся и отходилъ въ сторону. Надъ ректоромъ Спиридономъ онъ прямо издѣвался. Онъ отдалъ ему провѣрить наши церковныя приходо-расходныя книги. Спиридонъ же ихъ съ роду и не видывалъ. Спросивши человѣка два—три изъ насъ, преосвященный обращается къ ректору: „ну, что, вѣрно"? Тотъ замялся. Преосвященный захохоталъ: „а понимаешь ты самъ-то, въ чемъ можетъ быть не вѣрность"? Тотъ покраснѣлъ,—и ни слова. Преосвященный спросилъ еще человѣка два, потомъ: „ректоръ! Спроси его о чемъ нибудь", указывая на дьякона. Спиридонъ опять замялся.—„Скажи мнѣ о благодати"! Преосвященный: ха, ха, ха! О благодати! А ты спроси, знаетъ ли онъ 10 заповѣдей"!

Протоіерей Чернышевскій нашелъ, что одна статья метрикъ у благочиннаго написана не по формѣ. И, Боже мой, что тутъ было!... И дуракъ, и скотина, словомъ, вышелъ изъ себя. Изо всѣхъ только съ однимъ мной онъ обошелся необыкновенно ласково: онъ спросилъ меня, доволенъ ли я новымъ приходомъ, какъ

живу, что дѣлаю и сказалъ: „я не забуду тебя“. Дѣйствительно не забылъ: тотчасъ по прiѣздѣ преподалъ мнѣ архипастырское благословенiе, а чрезъ полтора года далъ мнѣ должность благочиннаго. Преосвященный отпустилъ насъ, мы поклонились и ушли. Такой порядокъ поклоновъ былъ у насъ вездѣ.

По отъѣздѣ преосвященнаго, Ремлингенъ прислалъ за мной и говоритъ, что преосвященный очень доволенъ мной, что спрашивалъ его обо мнѣ, и что онъ—Ремлингенъ,—съ своей стороны, похвалилъ меня. Но за то другiе нѣмцы, его гости, съ которыми я былъ уже хорошо знакомъ, доняли меня: одни представляли, какъ дьячки и дьякона пѣли, другiе,—какъ мы кланялись, третьи,—какъ мы ползли на четверенькахъ чрезъ всѣ комнаты; одинъ сѣлъ на диванъ и представлялъ преосвященнаго, другой—дьячка. На нашъ счетъ потѣшались всѣ, и на всѣ лады. Какъ ни были непрiятны мнѣ эти дружескiя шутки, но я, по неволѣ, долженъ былъ терпѣть и отшучиваться, потому что я зналъ хорошо, что пожалуйся на меня Ремлингенъ,—и я опять въ своей богохранимой Е.

Жить въ этомъ приходѣ можно было безъ горя; но злоупотребленiя властiю управляющаго, безолаберщина въ управленiи и жестокость возмущали душу. Ѣдешь, бывало, въ деревню къ больному, сидишь—молчишь, а кучеръ-мужикъ и поетъ тебѣ всю дорогу, и взадъ и впередъ, про свои порядки,—что управляющiй двойныя беретъ подати, заставляетъ на себя работать, безвинно сѣчетъ и т. под. Идешь по улицѣ или въ церковь, а тебя останавливаетъ мужикъ или мальчикъ съ рогаткой или колодкой, плачетъ, показываетъ, какъ натерла ему шею рогатка или ногу колодка, и проситъ заступничества. Въ чужое дѣло я никогда не вступался, но иногда пойдешь къ управляющему посидѣть вечеркомъ и, въ разговорѣ, слегка скажешь, какъ трудны эти рогатки и колодки, что онѣ до мяса протираютъ кожу. Но онъ: „русскiй мужикъ,—какъ быкъ. Съ нимъ можно обращаться только такъ. Натеръ шею, ногу,—ну, чтожъ? Натеръ быкъ ярмомъ шею,—поболитъ, да и заживетъ. Вы еще молоды, мужика не знаете, вотъ и жалѣете“.

— А мальчики? Имъ рогатки перетираютъ шеи!

— Будетъ умнѣй. Слушайся хозяина съ хозяйкой. Имъ хозяева вмѣсто родныхъ отца-матери.

Однажды одинъ крестьянинъ остановилъ меня на улицѣ, показалъ мнѣ свою, обтертую колодкой, ногу и просилъ моего заступничества. Вечеромъ я пошелъ къ Ремлингену и просилъ его смиловаться надъ несчастнымъ. Ремлингенъ далъ мнѣ обѣщаніе освободить и, дѣйствительно, утромъ освободилъ, но предъ этимъ, за то, что онъ жаловался, Григорьевъ задалъ ему горячую баню. Съ этихъ поръ я пересталъ ходатайствовать.

Неудовольствіе крестьянъ своимъ положеніемъ росло съ каждымъ днемъ и, наконецъ, чрезъ годъ, разразилось открытымъ „бунтомъ“ [см. „Русскую Старину“ изд. 1879 г., томъ XXV].

Въ статьяхъ моихъ „Питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома“ я довольно подробно описалъ бунтъ ихъ. О священникѣ я говорилъ тамъ въ третьемъ лицѣ. Но все, что говорилъ я тамъ о немъ, я говорилъ это о себѣ. Въ бунтъ этотъ я подвергался опасности не только быть сосланнымъ въ Сибирь, но даже было много случаевъ, когда каждое мгновеніе я ждалъ, что вотъ—вотъ убьютъ меня, или разорвутъ на части. Бунтъ этотъ четыре года тянулъ мою душу, измаялъ меня до болѣзни и кончился тѣмъ, что прихожанъ моихъ, почти всѣхъ поголовно, сослали въ Сибирь. Я остался, почти, безъ прихода, сельская школа закрылась и я сдѣлался почти нищимъ...

Оставшіеся крестьяне и вновь поселенные изъ вѣдомства Опекунскаго Совѣта поступили въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ; бывшіе при питомцахъ управляющій и другіе чиновники остались исключительно для учебнаго заведенія. Во время еще бунта Ремлингенъ померъ.

Послѣ Ремлингена начальникомъ учебнаго заведенія сдѣлался его помощникъ А. З. Марковскій. Это былъ умный и въ высшей степени дѣятельный начальникъ. Учебная и хозяйственная части при немъ были въ лучшемъ порядкѣ. Много памятниковъ его дѣятельности сохранилось и до сего времени. Не опуская самъ ни одного богослуженія, онъ строго слѣдилъ за нравственностію и учениковъ. Управленіе Марковскаго было лучшее время для заведенія, въ нравственномъ отношеніи, по настоящій день. Но, къ сожалѣнію, Марковскій померъ черезъ четыре года.

Намѣстникъ Марковскаго....... Но пріостановлюсь, дабы гусей не раздразнить. Нѣтъ ничего хорошаго вспомнить, а все что довелось бы вспоминать, было такъ не давно, лица эти всѣ еще

живы.... Въ 1864 году учебное заведеніе преобразовано, кругъ предметовъ расширенъ, введены естественныя науки, на меня возложено преподаваніе закона Божія и исторіи Россіи.... Всѣмъ наставникамъ было положено жалованья по 600 р. За преподаваніе же закона Божія и исторіи Россіи 150 р. За неприбытіемъ полнаго количества наставниковъ, я два съ половиною года преподавалъ, кромѣ своихъ предметовъ, русскій языкъ, литературу, географію и ариѳметику. За два съ половиною года мнѣ выдано 70 р. Года черезъ два учителямъ увеличено жалованье до 800 р. Законоучителю, при русской исторіи, положено 300 р.

Мало-по-малу прибыли учителя, но, увы, семья не безъ урода: нашлись между ними и тѣ, слава Богу, выводящіеся уже дешевенькіе „вольнодумцы", которые не стыдились пошлыхъ выходокъ противъ библіи, противъ религіи. Довелось мнѣ горячо и рѣзко говорить противъ неосмысленныхъ болтуновъ,—не стѣснявшихся даже въ педагогическомъ совѣтѣ....

Каждый годъ пріѣзжалъ къ намъ инспекторъ Н. Н. Живетъ, бывало, недѣли три, ночи играетъ въ карты, днемъ спитъ,—и больше ничего. Наканунѣ отъѣзда велитъ собрать учениковъ въ одинъ классъ, сдѣлаетъ легенькій экзаменъ,—и уѣдетъ.

Въ одинъ изъ обычныхъ его пріѣздовъ я прихожу, однажды, въ классъ, и вижу, что нѣтъ иконы. Я спрашиваю: гдѣ икона, и мнѣ отвѣчаютъ, что директоръ велѣлъ вынести иконы изо всѣхъ классовъ. Послѣ класса я спрашиваю директора Горбика (нынѣ покойный), что значитъ, что иконы вынесены изо всѣхъ классовъ?

— Это сдѣлано по приказанію Николая Николаевича. Знаете: учителя могутъ дѣлать гримасы. Чтобы не оскорблять святыни и не дать повода и ученикамъ небрежно относиться къ иконамъ, онъ и приказалъ убрать ихъ. При томъ въ классъ ходятъ не молиться, а учиться; иконы тутъ и не нужны. Для молитвы есть церковь.

— Изъ класса нужно вышвырнуть не икону изъ-за гримасы, а того, кто осмѣлился бы дѣлать гримасы. Потрудитесь приказать поставить иконы опять на свое мѣсто. Если же онѣ не будутъ поставлены, то я не буду ходить и въ классъ. Потрудитесь передать это тому, кто приказалъ вынести иконы.

Въ тотъ же день управляющій поѣхалъ въ Саратовъ, купилъ новыя иконы и на другой день до классовъ, онѣ уже были по-

ставлены. Стало быть иконы были вынесены какъ бы затѣмъ, чтобъ замѣнить ихъ новыми. Но для меня это было безразлично. Маскируйся, думаю, какъ знаешь, а мое дѣло сдѣлано.

Иконы внесены, но это горько отозвалось и на мнѣ, и на моихъ дѣтяхъ на всю жизнь, черезъ два года!...

XLI.

Время шло. У меня родились дѣти, стали подростать и подошла пора учить ихъ. Учить,—но оказалось, что многаго не зналъ я и прежде, а къ этому времени перезабылъ и то, что зналъ когда-то. Пришлось учиться снова самому, и учиться серьезно,—чтобы учить. Я накупилъ всевозможныхъ учебниковъ, и всевозможныхъ къ нимъ пособій. Днемъ я занимался съ дѣтьми, а ночи просиживалъ, приготовлялъ самъ. Мнѣ пришлось снова учить латинскія и греческія склоненія и спряженія, всеобщую исторію и др. То, что необходимо было заучивать,—дѣти учили; остальное все у насъ шло устными бесѣдами. По части географіи, этнографіи, исторіи дѣти мои перечитали, кажется, всевозможныя путешествія и описанія. Для того, чтобы заохотить ихъ къ чтенію, я покупалъ въ своемъ городѣ и выписывалъ дѣтскія книги и дѣтскіе журналы, на собственное имя каждаго изъ нихъ, отдѣльно. Приносится, бывало, почта, дѣти мои бросятся за своими журналами, а моему родительскому сердцу это и любо! Любовь къ чтенію я развилъ въ нихъ до высшей степени, такъ что, впослѣдствіи, когда они подросли и стали пріѣзжать домой на каникулы, то стали уже донимать меня: только и слышишь, бывало: „папаша, читать нечего! Папаша, читать нечего!“ Пойдешь въ библіотеку, заберешь тамъ все, подходящее имъ; а они, дня черезъ три, опять: „папаша, читать нечего!“

Старшая изъ дѣтей моихъ была дочь. Въ то время въ городѣ нашемъ не было ни пансіоновъ, ни гимназій и ничего подобнаго. И мнѣ пришлось заниматься съ ней самому. Я прошелъ съ ней весь гимназическій курсъ, такъ что въ занятіяхъ съ мальчиками по русскому языку, географіи, ариѳметикѣ, священной и всеобщей исторіи она помогала мнѣ. Но мнѣ хотѣлось, во чтобы то ни стало, обучить ее и музыкѣ. Музыка, въ то время, — вещь не

бывалая въ духовенствѣ. Игры на роялѣ дочь моя и не слыхивала. Къ нашему счастію одинъ изъ учителей игралъ, но своего рояля не имѣлъ. Я купилъ въ 150 р. фортепіано и нанялъ учителя. Купилъ школу, кажется, Черни. Учитель занимался съ ней по три часа въ недѣлю. Во время занятій его съ ней, я внимательно слѣдилъ за каждымъ его словомъ и потомъ повторялъ съ ней. Но послѣ 15-ти уроковъ, по причинамъ, независящимъ отъ насъ, уроки съ учителемъ прекратились. Дѣло наше казалось пропащимъ. Но я когда-то былъ въ архіерейскихъ пѣвчихъ и теорію музыки зналъ. Поэтому сталъ заниматься музыкою съ дочерью самъ. Дѣло выходило и глупое и смѣшное: не умѣя играть, я сталъ учить играть. Дочери моей было, въ то время, 12 лѣтъ. Начнетъ, бывало, дочь играть, я смотрю въ ноты, и слышу что она взяла не ту нотку, какую нужно. Стой, говорю, вотъ какъ нужно сыграть то, и пропою ей. Отъищетъ дочь нужную нотку, — и пойдетъ дѣло. По правдѣ сказать, много труда положила она съ такимъ учителемъ, дорого досталась ей музыка! Но мы оба занимались съ любовію, и поэтому дѣло поняла она скоро. Когда она стала играть уже порядочно, тогда я купилъ ей рояль. Охоты прибавилось, — и дѣло пошло хорошо. Послѣ выйдти замужъ ей пришлось за свѣтское лицо, артистически играющее на скрипкѣ. Нынѣ, слушая ихъ игру, радуюсь, что труды наши съ ней не пропали и что дочь моя имѣетъ возможность доставлять себѣ это невинное и благородное удовольствіе. Дѣло наше съ музыкою показало, что многое можетъ человѣкъ сдѣлать, если есть любовь къ дѣлу и не жалѣетъ своихъ трудовъ и что непріятное дѣло можетъ, иногда, приносить пользу. Сколько, напримѣръ, горя перенесъ, сколько пролилъ слезъ я, бывши въ пѣвчихъ! „Пѣвческая“ на весь вѣкъ подорвала мое здоровье; но, благодаря тому, что я былъ въ пѣвчихъ, дочь моя хорошо играетъ на роялѣ.

Когда я увидѣлъ, что старшіе мои два сына подготовлены уже достаточно, то я помѣстилъ ихъ въ 4-й классъ духовнаго училища, и нашелъ имъ лучшую, по моимъ силамъ, квартиру. За квартиру я всегда платилъ по 18—20 р. въ мѣсяцъ за мальчика. Квартиры были всегда отдѣльныя, чистыя, свѣтлыя, просторныя и сухія и, кромѣ хозяевъ, въ домахъ не было никого. Держать дѣтей на такихъ квартирахъ было непремѣнное наше съ женой правило. А такъ какъ мальчики наши подготовлены были доста-

точно и въ училищѣ имъ, почти, нечего было дѣлать, то чтобы не скучали о домѣ и не пріучались болтаться безъ дѣла, я выписалъ имъ и туда по журналу. Чтобы пріучить ихъ наблюдательности и умѣть излагать свои наблюденія на бумагѣ, они дома вели свои дневники, а я велѣлъ вести ихъ и тамъ. Чрезъ годъ они перешли въ семинарію. Старшему изъ нихъ было 13 лѣтъ, а младшему 11.

Чрезъ годъ вышло преобразованіе семинарій. Вышло и распоряженіе, что окончившіе полный курсъ семинаріи должны идти въ пономари до тридцатилѣтняго возраста. Стало быть, моему меньшему сыну пришлось бы быть пономаремъ слишкомъ 12 лѣтъ! Думаемъ съ женой: нѣтъ, это дѣло намъ неподходящее! Если я,— я священникъ,—при несравненно бѣднѣйшемъ въ семинаріи воспитаніи, не могъ переносить своей нужды и униженій въ Е., то дѣти наши, при лучшемъ воспитаніи, при пономарскомъ доходѣ (пономарь получаетъ 1/4 часть дохода противъ священника) и полнѣйшемъ презрѣніи общества, переносить этого не могутъ. Теперь они чисто одѣты, обуты, въ хорошей квартирѣ, въ хорошемъ семействѣ, имѣютъ занятія, книги, трудятся, не спятъ ночи,— и вдругъ, за многолѣтніе труды, они должны будутъ забиться куда нибудь въ глушь, въ деревню, таскаться по крестьянскимъ избамъ, жить за одно семейство съ мужиками, въ тѣхъ ж[illegible] ныхъ вонючихъ, грязныхъ и гнилыхъ избахъ, вмѣстѣ с[illegible] ихъ ягнятами, телятами, гдѣ,—какъ мнѣ извѣстно, по опыту,— [illegible]ѣтъ рѣшительно возможности дышать и пяти минутъ. Они прив[illegible]ли читать. А въ пономаряхъ гдѣ возьмутъ они книгъ и гдѣ чи[illegible]ть ихъ будутъ? Теперь сынъ мой сытъ, одѣтъ и независимъ. Ка[illegible]ъ же пойдетъ онъ, съ мѣшкомъ на плечахъ,—будучи пономаремъ,[illegible] кланяться, унижаться и вымаливать у послѣдняго мужика и ба[illegible] себѣ пропитаніе, чтобы не умереть съ голоду?! Такая жизнь хуж[illegible] каторги. Каторжника, по крайней мѣрѣ, одѣваютъ, кормятъ [illegible] даютъ помѣщеніе, псаломщику же не даютъ ничего ровно. И он[illegible] долженъ будетъ вести такую жизнь цѣлыхъ 10—12 лѣтъ! Что выйдетъ изъ него черезъ 10—12 лѣтъ! Куда онъ будетъ годенъ? Жизнь для моего сына въ пономаряхъ была бы, даже много, хуже жизни каторжника; но если въ каторгу ссылаютъ на 10—12 лѣтъ, только за самыя важныя преступленія, то за что же мой сынъ, честный труженикъ науки, будетъ терпѣть это на-

казаніе?!... Нѣтъ, думаю, дѣтоубійцею я не былъ и не буду! Въ каникулъ я разъяснилъ дѣтямъ то, что̀ ожидаетъ ихъ по окончаніи курса; дѣти мои, въ одинъ голосъ, сказали мнѣ, что они будутъ готовиться въ инженеры.

Да, если нашъ вѣкъ гордится замѣчательными изобрѣтеніями: желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами и под., то православное духовенство наше по справедливости можетъ считать замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ псаломщичества, какъ вѣрнѣйшее средство къ отвлеченію лучшихъ его силъ отъ поступленія въ духовное званіе и къ погибели тѣхъ, которыхъ крайняя нужда заставляетъ поступать туда...

Очень можетъ быть, что меня заподозрятъ въ преувеличеніи и скажутъ, что жизнь сельскаго псаломщика не такъ несчастна и гибельна, какъ говорю я; но у меня нѣтъ псаломщиками ни дѣтей и ни родственниковъ, и преувеличивать мнѣ, поэтому, рѣшительно нѣтъ надобности. Я—сельскій священникъ, и благочиннымъ, почти, весь свой вѣкъ; бытъ сельскаго духовенства не знать, во всей его полнотѣ, стало быть, не могу; и я знаю его вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, и повторяю: молодые люди, окончившіе курсъ семинаріи и идущіе въ псаломщики или сельскіе учителя, идутъ прямо на нравственную гибель. Духовенство наше понимаетъ это хорошо, доказательства на лицо: учебныя заведенія наши пустѣютъ.

До положенія о пономарствѣ я и не думалъ о свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обучая дѣтей своихъ, я имѣлъ въ виду просто только образованіе; но съ положеніемъ о псаломщикахъ, пришлось подумать, а подумать было о чемъ: содержать въ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было не по моимъ силамъ. Да и поступить туда было не легко, особенно туда, куда хотѣлось поступить моимъ дѣтямъ. Но дѣти мои, не оставляя классныхъ занятій, стали усиленно заниматься математикою и физикою; мнѣ же оставалось только доставлять имъ всевозможные къ тому способы. По окончаніи четвертаго класса, я взялъ ихъ изъ семинаріи и отвезъ въ Петербургъ, гдѣ они поступили: одинъ—въ институтъ горныхъ инженеровъ, другой—въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Послѣднихъ двоихъ сыновей своихъ уже я прямо помѣстилъ въ классическую гимназію, изъ которыхъ старшій, два года тому назадъ, окончилъ курсъ и обучается теперь въ С.-Пе-

тербургѣ, а младшій, бывшій уже въ пятомъ классѣ,—померъ. Будь, хоть малость, споснѣе жизнь сельскаго священника, и главное, не будь положенія о пономарствѣ,—мои дѣти всѣ были бы священниками. Теперь же изо всѣхъ,—ни одного.

И такъ я сказалъ бы теперь г. хроникеру того достоуважаемаго журнала, изъ котораго я сдѣлалъ маленькую выписку въ началѣ одной изъ предъидущихъ главъ моихъ записокъ: не „грязное, отупѣлое и безнравственное состояніе наше“ заставляетъ дѣтей нашихъ выходить въ свѣтское званіе, а та бѣдность, то униженное состояніе, въ которое мы поставлены обществомъ, и мы—отцы—направляемъ ихъ туда сами, не желая подвергать ихъ тому, что̀ терпимъ мы. Надѣюсь, что нельзя укорять насъ и въ томъ, чтобы мы не употребляли всѣхъ средствъ и усилій къ ихъ образованію. Нѣтъ, при нашихъ ничтожныхъ матеріальныхъ средствахъ, мы даемъ имъ такое образованіе, какое дать не многимъ удается и людямъ несравненно съ бо̀льшими къ тому средствами. Примѣромъ тому, если угодно, я самъ, а подобныхъ мнѣ множество. Хвалиться и лгать я не могу даже и потому, что то, что̀ пишу я, я знаю, будутъ читать тѣ, кто знаетъ хорошо меня лично, и будутъ читать мои дѣти. И я говорю то, что дѣйствительно есть.

Собираясь отвезти дѣтей въ Петербургъ, я много задолжалъ. По пріѣздѣ оттуда я отвезъ третьяго сына въ Саратовъ и помѣстилъ его въ третій классъ классической гимназіи. Расходу и на этого сына нужно было не мало. Вся надежда моя была на жалованье отъ учебнаго заведенія, при которомъ состоялъ я законоучителемъ и учителемъ исторіи Россіи, тѣмъ болѣе, что года три я получалъ уже по 800 р.

Но вдругъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, я получаю отъ управляющаго заведеніемъ увѣдомленіе директора Горбика, что я удаленъ отъ должности законоучителя. Что значитъ? За что? Почему? Понять не могу. Классовъ я не опускалъ; на экзаменахъ ученики, по моему предмету, отвѣчали всегда хорошо; за мои предметы никто и никогда не бывалъ оставляемъ въ томъ же классѣ. Что же значитъ это? Частно пишу въ Петербургъ, и мнѣ отвѣчаютъ, что инспекторъ училищъ Н. Н. ... донесъ начальству, что у меня много должностей, и что поэтому Законъ Божій не

можетъ быть преподаваемъ мною успѣшно. Э, думаю, это старая пѣсня: это иконы!... Дѣло, значитъ, непоправимое. На мое мѣсто, тотчасъ же, опредѣлено свѣтское лицо. Такъ какъ дѣло это было и не честное, и не чистое, то Н. ... съ директоромъ (нынѣ покойнымъ) постарались сдѣлать это для меня, нечаянно, вдругъ, чтобы поворотъ назадъ былъ невозможенъ.

Всякій честный хозяинъ, если видитъ неисправность прислуги, предупреждаетъ ее и говоритъ: „дѣлай такъ, какъ мнѣ нужно; иначе держать тебя я не могу". Такъ слѣдовало бы поступить и со мной, еслибъ я дѣйствительно былъ неисправнымъ. Но предупреждать меня было не чѣмъ, дѣло свое я исполнялъ добросовѣстно. Самая поспѣшность и скрытность доказываетъ уже, что дѣло это не чисто. И меня уволили.

Примѣръ мой да будетъ урокомъ священникамъ, находящимся законоучителями въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ!...

Разсказывать ли, какъ затѣмъ начальство, снисходя къ моей 24-хъ-лѣтней службѣ по учебной части, выдало мнѣ въ единовременное пособіе на воспитаніе моихъ дѣтей сто пятьдесятъ рублей! Разсказывать какъ это пособіе состоялось—не буду, слишкомъ больно вспоминать, но упоминаю объ этомъ, чтобы показать, какъ иногда гражданскія власти смотрятъ на попа.

Удаленіе меня отъ должности показываетъ, что, какъ священникъ добросовѣстно не исполняй свои обязанности, но онъ (зачастую) въ глазахъ гражданскаго начальства, все-таки, не болѣе, какъ—человѣкъ, не стоющій вниманія; его выгонятъ по первому капризу, особенно, если, къ тому, онъ будетъ еще умничать, противиться приказаніямъ начальства, хотя приказанія эти были бы въ родѣ приказанія вынесенія иконъ изъ классовъ.

Если же такъ зачастую смотрятъ на насъ лица, стоящія во главѣ администраціи,—тѣ, на обязанности коихъ лежитъ поддерживать насъ,—тѣ, кои въ самыхъ важныхъ государственныхъ случаяхъ обращаются къ намъ за содѣйствіемъ и содѣйствовать коимъ мы употребляемъ всѣ наши силы,—то чего лучшаго можемъ ожидать мы отъ низшихъ членовъ общества?! Мы и можемъ ожидать только того, что есть теперь на самомъ дѣлѣ: мы весьма часто вполнѣ унижены...

При такомъ воспитаніи, какое дѣтямъ своимъ давалъ я, денегъ нажить я не могъ. Въ годъ же моего увольненія особенно я

сдѣлалъ долги и, поэтому, терпѣлъ крайнюю нужду. Отъ однихъ сельскихъ доходовъ, жалованья по должности благочиннаго и жалованья отъ казны (144 р. въ годъ) содержаться самому, содержать двоихъ сыновей въ Петербургѣ и одного въ Саратовѣ для меня было невыносимо тяжело. Я едва не сошелъ съ ума. А такая жестокость, такая вопіющая несправедливость въ удаленіи меня и въ назначеніи пособія на воспитаніе дѣтей 150 р. единовременно, глубоко оскорбляли меня. Будь у меня, въ то время, хоть только 200 р. въ запасѣ,—я эти 150 р., пожертвованныхъ мнѣ, попросилъ бы отослать обратно. Но крайняя нужда заставила меня взять ихъ.

Послѣ одинъ господинъ, изъ лицъ высокопоставленныхъ, говорилъ мнѣ, что у министерства „нѣтъ суммъ". Что для духовенства „нѣтъ суммъ" не только въ одномъ министерствѣ, но и вообще, въ нашемъ государствѣ,—это извѣстно не только всему духовенству, но и всей Россіи, даже всему свѣту. Сколько у насъ, въ послѣднее время, открыто новыхъ учрежденій и должностей, начиная, хотя, съ судебныхъ палатъ и кончая урядникомъ,—и для всѣхъ ихъ найдены „суммы". Во всѣхъ старыхъ присутственныхъ мѣстахъ служащимъ увеличено содержаніе. И только единственно намъ,—попамъ,—„нѣтъ суммъ".

Въ настоящее время, во всякомъ учрежденіи, которое найдено полезнымъ государству, сдѣланы и дѣлаются постоянныя улучшенія и измѣненія, сообразно требованіямъ времени. Правительство старается привлечь туда лучшія силы; обезпечиваетъ ихъ матеріальный бытъ и доставляетъ имъ всѣ способы къ выполненію ими ихъ обязанностей; но ни для религіозно-нравственнаго состоянія общества, ни для религіи и ни для служителей ея не сдѣлано ничего подобнаго.

XLII.

Что сдѣлано для религіозно-нравственнаго состоянія общества?

Во многихъ мѣстахъ по нѣскольку приходовъ соединено вмѣстѣ,—въ одинъ приходъ. Въ религіозно-нравственномъ отношеніи для народа это есть прямое зло....

Въ послѣднее время довольно много устроено сельскихъ школъ, но въ нихъ обученіе Закону Божьему поставлено неудовлетворительно.

Въ этомъ опять, по обыкновенію, винятъ поповъ. Попы „тупы, глупы, безнравственны. Они не сочувствуютъ народному образованію, не учатъ въ школахъ", кричатъ всѣ. И духовныя, и гражданскія власти преподаваніе Закона Божія въ школахъ считаютъ прямою обязанностію священниковъ, какъ совершеніе таинствъ и молитвословій. Гражданскія власти жалуются епископамъ на священниковъ, какъ на нерадивыхъ, не исполняющихъ своего долга; нѣкоторые епископы, какъ приводилось мнѣ слышать, по первой же жалобѣ, подвергаютъ священниковъ конечному раззоренію,—переводятъ ихъ въ бѣднѣйшіе приходы.

Но на какомъ основаніи всѣ эти требованія?

Духовныя власти, управляющія нами, въ дѣйствіяхъ своихъ, должны имѣть руководствомъ слово Божіе и соборныя постановленія. Гдѣ же въ словѣ Божіемъ и постановленіяхъ церкви возложена на пастыря обязанность учить въ школахъ? Въ первыя времена христіанства, когда организовалась церковь, собирались соборы и писались отеческія правила,—школы были, и были не хуже нашихъ земскихъ; были и достойные, и ученые пастыри церкви, болѣе насъ ревновавшіе о религіозно-нравственномъ состояніи христіанъ; однако же никто изъ нихъ не возлагалъ на священника обязанности учить въ школахъ; и тѣ изъ архипастырей, которые сами писали руководства для другихъ пастырей,—объ обученіи дѣтей въ школахъ не сказали ни полуслова.

Мы не отрицаемъ, что поучать народъ Закону Божію мы должны; но поучать должны въ школахъ не сельскихъ, а въ своихъ,—въ храмахъ Божіихъ, что̀ мы всѣ, по своимъ силамъ, и дѣлаемъ. Мы поучаемъ народъ и въ храмахъ и, при каждомъ удобномъ случаѣ, внѣ храмовъ; стараемся, по мѣрѣ силъ своихъ, поучать его и примѣромъ труженнической жизни и перенесенія

обидъ и поношеній. Слово Божіе говоритъ намъ: научи, обличи,— но не говоритъ въ школахъ учи! Обязанность эту мы положительно отвергаемъ.

Если же обученія въ школахъ требуютъ отъ насъ власти гражданскія, то пусть платятъ намъ за это. Пусть платятъ намъ: 1) какъ, вообще, за трудъ, а всякій трудъ долженъ быть оплаченъ. Хотя ничего нѣтъ легче въ жизни, какъ предписывать и приказывать, однако тѣ, которые приказываютъ намъ,—только за то, что приказываютъ,—получаютъ плату, жалованье; намъ же, трудящимся, не хотятъ дать ничего. Можетъ ли быть, напримѣръ, что нибудь тунеяднѣе инспектора народныхъ школъ? Онъ, въ три года, побываетъ не болѣе одного разу въ школѣ; но взгляните, что онъ продѣлываетъ тамъ: какъ онъ издѣвается надъ священникомъ, какъ онъ позоритъ предъ дѣтьми, въ самой школѣ, учителя, какіе онъ строчитъ доносы! Пользы же школѣ ни на іоту. А между тѣмъ посмотрите на его жалованье! Оно таково, что могло бы принести большую и существенную пользу школамъ всего того раіона, которымъ завѣдываетъ онъ, обративши его на покупку книгъ. Если инспектора существуютъ у насъ, какъ жандармы, то въ теченіе трехъ лѣтъ,—отъ одного пріѣзда его до другаго,—утечетъ воды много: не имъ усмотрѣть, если бы что нибудь и случилось! Но случиться и не чему, мы народъ знаемъ хорошо. Отъ пришлаго же народа оберегать не инспекторамъ. 2) Намъ должны платить за то, что занятія въ школахъ отнимаютъ у насъ время и средства къ нашему существованію. Мнѣ лично извѣстны многіе священники, которые, по крайней бѣдности своей, весь свой вѣкъ не имѣютъ у себя работниковъ и, потому, вездѣ и все дѣлаютъ сами: сами убираютъ на дворѣ,—чистятъ навозъ, подметаютъ, сами ухаживаютъ за скотомъ, рубятъ дрова, дѣлаютъ кизикъ, ѣздятъ на рѣчку съ бочкой за водой, въ лѣсъ; сами косятъ, пашутъ и пр. пр. Онъ несчастный,—бѣдный труженникъ весь свой вѣкъ. И отъ него требуютъ, чтобы онъ занимался въ школѣ! Кто же сталъ бы дѣлать за него все то, что дѣлаетъ онъ? Дайте ему возможность замѣнить себя въ домашнихъ трудахъ,— нанять работника, проще: дайте ему жалованье,—и онъ съ охотою перемѣнитъ соху на школу. Безъ этого же требовать отъ него школьныхъ занятій значитъ отнимать у него послѣднія средства къ его существованію,—требовать незаконнаго.

Саратовское уѣздное земское собраніе законоучителямъ сперва не назначило жалованья совсѣмъ; но потомъ назначило по двѣнадцати р. въ годъ, съ обязательствомъ, чтобы священники занимались не менѣе 5-ти классовъ въ недѣлю. Кто здѣсь, во мнѣніи земскаго собранія, оцѣненъ по достоинству: предметъ, или преподаватель? Священники въ школахъ, изрѣдка, занимались, но отъ жалованья отказались. Въ настоящее время собраніемъ назначено по 50 р. въ годъ. Но и это жалованье выдается по усмотрѣнію членовъ училищнаго совѣта: однимъ священникамъ выдается сполна, другимъ только половина, а третьимъ не дается ничего. Сами же члены бываютъ разъ, много два въ годъ, а нѣкто Шаб., во все свое трехлѣтіе, не былъ ни разу ни въ одной школѣ; однако же жалованья получаютъ по 600 р. въ годъ. Сравните же труды священника и члена училищнаго совѣта и оцѣнку трудовъ ихъ. Такъ у насъ и во всемъ: гдѣ священникъ,—тамъ и „суммъ нѣтъ".

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Законъ Божій преподается хорошо и ученики занимаются имъ усердно; но изъ поступающихъ туда едва ли оканчиваетъ курсъ и 10%. Остальные всѣ исключаются въ теченіи курса. И эти недоучки—горе себѣ и родителямъ, бремя церкви и обществу.

Студенты высшихъ учебныхъ заведеній на классы Закона Божія не ходятъ совсѣмъ. На лекціяхъ по Закону Божію бываетъ обыкновенно два—три студента, не болѣе. Законоучители не имѣютъ средствъ заставить студентовъ слушать ихъ лекціи и только потому, чтобы самимъ держаться на своихъ мѣстахъ, вынуждены давать студентамъ на экзаменахъ удовлетворительные баллы. Намъ извѣстенъ одинъ примѣръ изъ практики петербургскихъ законоучителей: въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній студенты, по обыкновенію, лекцій по Закону Божію не посѣщали; на экзаменахъ, конечно, ничего не знали и не отвѣчали; законоучитель и началъ, было, давать баллы по достоинству. Но ему сказали: „если студенты вашихъ лекцій не посѣщали, и теперь ничего не знаютъ, то это значитъ, что вы не умѣли заинтересовать ихъ, неудовлетворительно читали и тѣмъ роняете предъ начальствомъ и обществомъ заведеніе. Поэтому, или вы сами должны оставить заведеніе, или давать удовлетворительные баллы. Не можемъ же мы изъ за вашего предмета оставлять студента на томъ же курсѣ; здѣсь не духовная академія". И о. законоучитель долженъ былъ

поставить удовлетворительные баллы. Этотъ случай, вѣроятно, извѣстенъ всѣмъ петербургскимъ законоучителямъ. Потому теперь всѣ они, какъ люди умные, ставятъ всѣмъ баллы удовлетворительные, хотя лекцій ихъ никто не слушаетъ.

Молодые люди, видя послабленіе со стороны начальства, и то, что законоучителей заставляютъ давать удовлетворительные баллы на экзаменахъ, считаютъ Законъ Божій не стоющимъ труда, и не занимаются имъ,—не изучаютъ его.

Не получивши основательныхъ познаній въ религіи, въ учебномъ заведеніи, не получивши не только навыку, но даже и расположенія къ чтенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, и въ тоже время, читая зачастую безнравственные переводные романы, молодые люди дѣлаются, большею частію, одни—холодными къ религіи, а другіе, даже прямо, враждебными ей. Такими они поступаютъ въ жизнь и такое направленіе вносятъ въ семейство и общество. Вслѣдствіе такого воспитанія вы не встрѣтите теперь ни въ одномъ, такъ называемомъ порядочномъ, домѣ ни одного духовнаго журнала и ни одной религіозно-нравственной книги. Послушайте разговоры въ любомъ порядочномъ домѣ,—о религіи никогда ни слова. Посмотрите на жизнь общества,—вы встрѣчаете безнравственность на каждомъ шагу. Я отнюдь не говорю, чтобы въ обществѣ безнравственность была круговая; много встрѣчается людей, достойныхъ и уваженія, и подражанія, по ихъ религіозно-нравственному состоянію; но на сторонѣ противной, все-таки, остается огромное большинство. Мнѣ не разъ приводилось бывать, въ особенности въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, на общественныхъ гуляньяхъ, слушать музыку, смотрѣть фейерверки, быть въ эрмитажѣ, зоологическомъ саду и т. п., все это переполнено народомъ; но храмы Божіи, не смотря на то, что ихъ тамъ мало,—пусты.

Мнѣ случилось быть однажды въ большой придворной церкви, въ храмовой день, 1-го августа. Литургію служилъ В. Б. Бажановъ; на обоихъ клиросахъ пѣли придворные пѣвчіе. Въ этотъ день въ эту церковь допускаются всѣ, кому угодно (въ другіе дни входъ постороннимъ воспрещается, кромѣ священниковъ, которымъ дозволяется бывать всегда); однако же, можно сказать, что церковь была пуста, хотя она неособенно и велика. А между тѣмъ сходить туда и отстоять обѣдню и молебенъ, хотя только изъ за

того, чтобы послушать пѣвчихъ, стоитъ. Пѣвчіе пѣли восхитительно. Но какъ были пропѣты два раза запѣвы при молебнѣ: „Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ“,—такъ этого нѣтъ возможности выразить: слушая это пѣніе вы умиляетесь, таете, уничтожаетесь... Вы, именно, не помните, гдѣ вы стоите,—„на небѣ или на землѣ“! Это верхъ совершенства! Потомъ я былъ, 30-го августа, въ соборѣ Александро-Невской лавры. Служилъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ съ четырьмя архіепископами. На одномъ клиросѣ пѣли пѣвчіе придворные, на другомъ митрополичьи. Пѣніе было чудно хорошее; но концертъ: „въ память вѣчную будетъ праведникъ“,—неподражаемъ! Для души тутъ вложено все, что можетъ человѣкъ вложить. Да, для эстетистическаго чувства пища есть! Но, не смотря на это, храмъ былъ пустъ въ половину... Вечеромъ, по улицамъ, была такая давка, что не было возможности ходить. Это была толкучка, въ полномъ смыслѣ слова. Вскорѣ, потомъ, мнѣ пришлось ѣхать къ другому брату на дачу въ Павловскъ. Въ этотъ день тамъ была Страусовская музыка. Музыка была самая обыкновенная; но народу была тьма-тьмущая.

И такъ у насъ бываетъ всегда: увеселительныя мѣста переполнены, а храмы Божіи пусты...

„Священники, укоряютъ насъ, не проповѣдуютъ. Живая проповѣдь повела бы за собою перевоспитаніе народа; со стороны же духовенства проповѣди нѣтъ и не было. Будь она,—не таковъ былъ бы и народъ. Если священники и говорятъ когда, то по казенному, точно на заказъ, безъ всякаго одушевленія. Въ проповѣдяхъ ихъ нѣтъ энергическаго обличенія общественныхъ недуговъ, смѣлаго пастырскаго наставленія. Есть-ли теперь у насъ на Руси, хоть одинъ, истинный проповѣдникъ, который увлекъ бы наше, скучающее въ храмѣ, общество своей одушевленной и горячей проповѣдью, огненное слово котораго могло бы отрезвить заблудившихся“?

Подобныя жалобы мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Читая ихъ, невольно приходитъ на умъ Гоголевскій Плюшкинъ: „приказные такіе безсовѣстные!... такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему, какъ нибудь, душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь“.

Хорошо зная, къ какому роду принадлежатъ эти ревнители общественной нравственности, мы съ полною увѣренностію можемъ отвѣтить имъ словами Чичикова: „ну, ты устоишь! васъ то, други мои милые, навѣрное, не пройметъ и самое огненное душеспасительное слово“, если вамъ скучно бываетъ въ храмѣ Божіемъ. Вы желаете огненнаго слова, и въ тоже время, вамъ скучно въ храмѣ. Знаете ли: да вѣдь тамъ, что ни слово, то цѣлая проповѣдь! Вникали ли вы, когда нибудь, въ обыкновенныя, повидимому, слова: „миромъ Господу помолимся“? Вникните, вдумайтесь! Это цѣлая проповѣдь, да такая, которая должна бы измѣнить всю нашу жизнь, если бы мы приняли ее всею душою. Или возьмите слова молитвы Господней, которыя поются и читаются въ храмѣ: „Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое“,— только это, не больше. Вдумались ли вы когда нибудь въ смыслъ этихъ словъ? Потрудитесь, вдумайтесь! Это цѣлое догматическое и нравственное богословіе! Изъ этихъ словъ вы могли бы почерпнуть вѣру въ бытіе Божіе, Его промыслъ и любовь къ роду человѣческому; слова эти научаютъ насъ любви къ Богу и ближнему; поучаютъ насъ бросить порочную жизнь нашу,—бросить и карты, и всю суету пустой и пошлой жизни, словомъ: они научаютъ насъ совершенно измѣнить настоящую жизнь нашу, бросить всѣ дурныя наши привычки,—научаютъ насъ, чтобы мы всею душою нашею любили Бога и ближнихъ; чтобы жизнь наша всецѣло была посвящена Богу; чтобы мы служили Ему и прославляли Его всѣмъ существомъ нашимъ; чтобы были примѣромъ благочестивой жизни для нашихъ собратій,—другихъ людей; чтобы и они, видя нашу святую жизнь, подражали намъ и прославляли Господа... И слова эти—не обыкновеннаго проповѣдника, отъ котораго вы желаете огненнаго слова; а самаго Господа, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждаетъ насъ, что будетъ „огнь вѣчный“ невнемлющимъ ученію Его. И вамъ скучно слушать то, что говоритъ Онъ! Послѣ этого кто же вы? Если скучно слушать слова Господа, то какое огненное слово обыкновеннаго проповѣдника въ состояніи разбудить васъ?

Насъ, поповъ, укоряютъ, что слова наши безжизненны, что проповѣди наши „казенщина“. Но что сказали бы вы, если бы проповѣдникъ взошелъ на каѳедру и сказалъ вамъ: „покайтеся и вѣруйте во евангеліе“? Вы, навѣрное, сказали бы, что тутъ нѣтъ

жизни и казенщины такой не стали бы и слушать. Дѣйствительно, ничего нельзя сказать проще этого. Но слова эти не обыкновеннаго проповѣдника, а Самаго Господа, жизненнѣе же Его не сказать ни мнѣ и ни вамъ. Слова эти просты по формѣ, но въ нихъ глубина премудрости и разума! И такъ они современны,—такъ идутъ къ состоянію нынѣшняго общества, какъ болѣе и желать невозможно. Покайтеся и вѣруйте. Именно недостатокъ-то вѣры и добрыхъ дѣлъ и видѣнъ нынѣ всюду въ обществѣ! Но скажи проповѣдникъ: „покайтеся и вѣруйте во евангеліе", произнеси онъ именно эти слова,—да его за такую „казенщину" разнесутъ по косточкѣ...

„Въ проповѣдяхъ нашихъ нѣтъ энергическаго обличенія общественныхъ недуговъ, смѣлаго пастырскаго наставленія; будь оно, не таковъ былъ бы народъ".

Въ отвѣтъ на это укажу на два случая, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Петербургъ въ 1872 году, я былъ, однажды, не помню въ какой праздникъ, въ Исаакіевскомъ соборѣ; служилъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Исидоръ; я стоялъ въ толпѣ. Проповѣдь вышелъ говорить о. протоіерей Палисадовъ. Какъ только о. протоіерей вошелъ на каѳедру, всѣ зашептали: „Палисадовъ, Палисадовъ"! Одинъ господинъ, стоявшій позади меня, спрашиваетъ своего сосѣда: „который это,—старый или молодой?

— Молодой.

— А старый гдѣ?

— Онъ, братецъ, получилъ пенсію и уѣхалъ теперь на родину.

И начали пересказывать одинъ другому анекдоты про стараго о. Палисадова. Чего-то тутъ не было наговорено! Между тѣмъ проповѣдникъ говорилъ. Всѣмъ извѣстно, какъ говоритъ о. протоіерей Палисадовъ, и всѣмъ извѣстно обличительное его слово. Говорено было отчетливо, рѣзко и увлекательно. Каждое слово его дышало любовію и, въ то же время, пороки современнаго общества карало безпощадно. Не слушать и не принять къ сердцу этого слова было невозможно. Сосѣди мои на минутку притихли.

— Какой у него обработанный языкъ!

— Да, говоритъ хорошо.

— Но ужъ и мастеръ своего дѣла! Знаешь: у него нѣтъ ни слова въ тетрадкѣ того, что говоритъ онъ. Поди, привяжись къ

нему, обидься, скажи ему: какъ вы, батюшка, смѣете такъ относиться объ обществѣ? Я, скажетъ, этого не говорилъ; вотъ и тетрадка моя, смотри!

— Онъ всегда говоритъ то, чего у него нѣтъ въ тетрадкѣ?

— Конечно! Развѣ цензоръ допустилъ бы такъ позорить общество. Это невозможно.

— Поѣдемъ нынѣ въ Павловскъ!

— Ну, что тамъ дѣлать! Нынѣ хорошій фейерверкъ на Каменномъ. Поѣдемъ лучше туда.

— Нѣтъ, я не могу, я далъ слово Аннѣ N...

— А я обѣщался заѣхать къ N. N.

— Ну, языкъ, братецъ вы мой! Бритва!

— Я не понимаю, какъ дозволяютъ это ему. Но, вѣроятно, скажутъ же митрополиту, чтобы онъ запретилъ. На что это похоже!

Въ этомъ родѣ была бесѣда у моихъ сосѣдей во все время проповѣди. Точно также не отличалась большимъ вниманіемъ, по крайней мѣрѣ, треть присутствовавшихъ.

Въ другой разъ мнѣ пришлось быть въ Казанскомъ соборѣ, при проповѣди одного о. протоіерея, фамиліи котораго теперь я не припомню. Проповѣдь была чудно хороша, прочувствованна, но и не длинна. Я стоялъ въ толпѣ, позади меня стояли мужчина и дама, уже не молодые. Сосѣди мои, во все время, хотя и шептались, но слушать мнѣ не мѣшали; но потомъ мужчина сказалъ довольно громко: „ну, батька, затянулъ! Пора бы и перестать“.

— „А Лизокъ нашъ, чай: гдѣ мамà, гдѣ мамà? И для чего это проповѣди? Мнѣ, право, гораздо пріятнѣе было бы послушать пѣвчихъ“.

Очень можетъ быть, что эти же господа, придя домой, накатаютъ цѣлыя статьи о безжизненности проповѣди, что у насъ нѣтъ „огненнаго слова“... А мама будетъ говорить своей Лизокъ, что ее задержалъ попъ проповѣдью, что попъ лишилъ ее удовольствія послушать пѣвчихъ.

Такъ слушаются проповѣди въ столицѣ. Но наши провинціалы съ проповѣдями дѣлаютъ еще проще: какъ только выходитъ проповѣдникъ, то половина народу сейчасъ бросается къ дверямъ. У нихъ не достаетъ терпѣнія прослушать самаго краткаго поученія.

Проповѣдь,—это такое, значитъ, для нихъ бремя, которое и 10 минутъ выносить они не могутъ. Кто же виноватъ въ томъ, что поученій нашихъ не слушаютъ? Кто виновенъ, вообще, въ упадкѣ религіозно-нравственнаго состоянія общества, который видитъ даже само общество? Мы, съ своей стороны, стараемся дѣлать, для поддержанія вѣры и нравственности общества, все; но мы ничего не можемъ сдѣлать: насъ не слушаютъ, потому что мы унижены, придавлены; мы брошены на произволъ судьбы; изъ за каждаго куска хлѣба мы вынуждены торговаться даже предъ совершеніемъ св. Таинствъ и тѣмъ унижать и себя, и дѣло нашего служенія; мы должны обличать пороки тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ вся наша участь; въ защиту религіи намъ не даютъ возвысить нашего голоса,—насъ уничтожаютъ. Этотъ крестъ несу на себѣ я...

Намъ приводилось слышать сужденія такого рода: для изученія Закона Божія существуютъ спеціальныя учебныя заведенія—семинаріи и академіи; для свѣтскихъ же учебныхъ заведеній достаточно познаній и самыхъ общихъ, легкихъ или, точнѣе сказать, поверхностныхъ, такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ свое, спеціальное, назначеніе, и учащимся не доставало бы времени на изученіе ихъ спеціальности, если бы они, на изученіе Закона Божія, употребляли времени болѣе того, сколько употребляется ими теперь.

На это мы скажемъ, что предметъ Закона Божія на столько важенъ самъ по себѣ, что одно предпочтеніе ему какого бы то ни было предмета есть уже преступленіе. Это первое. Второе: всякій ученый, прежде чѣмъ онъ сдѣлается физикомъ или химикомъ и под.—онъ есть христіанинъ,—онъ при крещеніи еще принялъ на себя обязанности изучать Законъ Божій и исполнять его. Слѣдовательно, долженъ дѣлать это, даже просто, какъ честный человѣкъ, принявшій на себя извѣстнаго рода обязательство. Не достанетъ времени на занятія Закономъ Божіимъ? Но есть пословица, что „самый глухой человѣкъ въ мірѣ тотъ, который не хочетъ слушать“. Такъ и здѣсь: времени всегда найдется, если только захочешь. Притомъ, если наука готовитъ человѣка для жизни; то ученый, и съ тѣмъ вмѣстѣ, хорошій христіанинъ, есть всегда и хорошій семьянинъ и хорошій гражданинъ. Стало быть жизнь его была бы полнѣе, благороднѣе. Мы думаемъ, что при

должныхъ занятіяхъ Закономъ Божіимъ въ высшихъ заведеніяхъ, многое измѣнилось бы въ жизни общества къ лучшему. Мы думаемъ, что тогда не было бы нужды въ такомъ множествѣ судебныхъ палатъ, окружныхъ судовъ и под., которые теперь не болѣе, какъ пластыри на больномъ тѣлѣ, не излѣчивающіе болѣзненнаго состоянія организма. Мы думаемъ, что молодые люди, получивши сами основательное религіозно-нравственное воспитаніе, со временемъ, принялись бы съ бо̀льшимъ рвеніемъ за религіозно-нравственное воспитаніе и народа. Мы увѣрены, что и духовенство было бы поставлено въ болѣе естественныя отношенія къ обществу, и избавилось бы отъ незаслуженныхъ имъ нареканій.

XLIII.

Нѣсколько разъ уже говорилъ я, что на труды священника очень не многіе обращаютъ вниманіе, какъ бы ни были тяжелы труды эти. Къ тому, что было мною сказано, разскажу еще объ одномъ случаѣ, бывшемъ со мною. Фактъ, повидимому, пустой, но онъ наглядно характеризуетъ то, какъ относятся къ трудамъ священника лица высокопоставленныя.

Лѣтомъ 1879 года въ одно сосѣднее со мною мѣсто пріѣзжаютъ два лица изъ С.-Петербурга. Узнавши у насъ, что статья „Питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома, поселенные въ Саратовской губерніи", отпечатанная въ журналѣ „Русская Старина", писана мною, они пожелали познакомиться со мной, и прислали за мной лошадь. Господа эти извинялись, что побезпокоили меня, очень были любезны и предупредительны; говорили, что о поселеніи питомцевъ никто въ Петербургѣ и не зналъ, что я, просто, открылъ Америку, и что имъ очень пріятно познакомиться со мной. Одинъ изъ нихъ былъ въ генеральскомъ чинѣ, и другой, что-то, въ этомъ родѣ,—по крайней мѣрѣ, имѣлъ уже „Владиміра съ мечами" на шеѣ. Оба они были членами „Вольнаго Экономическаго Общества". Они показали мнѣ свои программы „Общества" и просили написать имъ что нибудь по нимъ. Я съ удовольствіемъ принялъ предложенія. На прощаньи они сказали

мнѣ, что они сочли бы себѣ за особенную честь быть на завтра у меня въ домѣ. Я, конечно, такому знакомству очень былъ радъ, и просилъ ихъ. Утромъ, на другой день, они дѣйствительно пріѣхали ко мнѣ. Въ разговорахъ о моемъ состояніи и занятіяхъ, генералъ сказалъ мнѣ, чтобы я, по его программѣ, не писалъ, такъ какъ „Общество“ не платитъ за труды ничего.—„Но вотъ ему, указывая на своего товарища, сказалъ, напишите. Онъ заплатитъ вамъ по 50 р. за печатный листъ“. Тотъ слушалъ насъ, и въ знакъ своего согласія, кивнулъ головой. Послѣ нихъ я принялся за дѣло. Программа была не мудреная, но работы и хлопотъ боло пропасть. Программа состояла въ собраніи свѣдѣній объ экономическомъ бытѣ крестьянъ („Русская Старина“ 1880 года, томъ XXVIII (іюнь), стр. 279—280). Я написалъ нѣсколько листовъ цифръ, два листа пояснительной записки, послалъ въ Петербургъ и жду отвѣта. Недѣли черезъ двѣ получаю повѣстку изъ С. почтовой конторы, чтобы выслать ей 14 к. Что за вещь, думаю, за что это? Поѣхалъ въ Саратовъ знакомый господинъ и я попросилъ его внести деньги. Тотъ внесъ и привезъ мнѣ письмо. Письмо было отъ того господина, для котораго я писалъ. Онъ пишетъ мнѣ (это дословно):

„Многоуважаемый N. N! Сейчасъ получилъ собранныя вами по нашей программѣ свѣдѣнія и спѣшу принести вамъ глубокую признательность за вашъ прекрасный и обстоятельный трудъ. Самаго бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться, что вы внесли въ эту работу не только ту обыденную готовность, которую мнѣ по большей части приходится встрѣчать, но истинную любовь къ дѣлу. Вы настолько полно и всесторонне разрѣшили задачу, которую такъ любезно приняли на себя, что уже вѣроятно, по тому же предмету не прійдется прибѣгать къ вашему содѣйствію. Но я охотно и съ благодарностью воспользуюсь, при первомъ удобномъ случаѣ, вашимъ предложеніемъ вновь поработать и помочь намъ, при разрѣшеніи того или другаго вопроса. Всякій человѣкъ, близко стоящій къ русской народной жизни и изучившій ее такъ глубоко какъ вы, не можетъ не быть дорогъ для тѣхъ, кто изучаетъ эту жизнь. Еще разъ и много благодарю васъ и прошу принять увѣреніе“....

И только! Значитъ, что я за трудъ свой получилъ спасибо, и за это спасибо заплатилъ 14 к. За что же я заплатилъ 14 к?.. Посылая мнѣ спасибо, господину этому жаль было, вѣроятно, семи копѣечной марки,—и я заплатилъ двойную пошлину, 14 к.

Что же значитъ все это? Это значитъ, что онъ—высокопоставленный баринъ, а я деревенскій попъ, и долженъ считать за особенную себѣ честь, если высокопоставленныя лица заставляютъ насъ на себя работать. Очень понятно, какъ онъ отнесся бы ко мнѣ, еслибъ я обратился къ нему съ какой нибудь, самой ничтожной, просьбой.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АКИМЪ НИКОЛАЕВИЧЪ НАХИМОВЪ

ПИСАТЕЛЬ-САТИРИКЪ.

1782—1814.

Очеркъ литературной дѣятельности и неизданныя его сочиненія.

I

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ происхожденіемъ изъ дворянъ бывшей Слободско-украинской, теперь Харьковской губерніи. Дворянскій родъ Нахимовыхъ, изъ малороссіянъ, раздѣляется на двѣ линіи: Харьковскую и Смоленскую. По семейному преданію, въ концѣ 17-го или началѣ 18-го столѣтія, Михаилъ Мануиловичъ Нахимовъ, въ силу домашнихъ обстоятельствъ, переселился изъ Харьковской въ Смоленскую провинцію, и отъ него пошла Смоленская линія Нахимовыхъ, параллельно съ Харьковской; этотъ Михаилъ Мануиловичъ былъ дѣдомъ знаменитаго адмирала Павла Степановича Нахимова, родившагося въ 1802 г. и убитаго на Малаховомъ курганѣ въ іюнѣ 1855 г. Изъ Харьковской линіи Нахимовыхъ болѣе другихъ извѣстенъ Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, поэтъ-сатирикъ, начала текущаго столѣтія «Русская родословная книга», томъ II. Изданіе ред. «Русской Старины». Спб. 1876).

Акимъ Ник. Нахимовъ родился въ 1782 г., въ селѣ своего отца, небогатаго помѣщика, лежащемъ верстахъ въ 60 отъ Харькова. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, гдѣ уже были замѣчены отличныя дарованія его и успѣхи, особенно въ словесности. По выходѣ изъ пансіона, Нахимовъ поступилъ было въ военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку и опредѣлился къ статскимъ дѣламъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ, съ перваго шагу, окунулся въ водоворотъ столичной жизни съ

ея шумными развлеченіями, за которыя невоздержанныя натуры расплачиваются потомъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни. Память объ этомъ времени сохранилась въ его баснѣ «Молодой орелъ», которая оканчивается слѣдующимъ нравоученіемъ:

О, быстрый юноша! не торопися въ свѣтъ!
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

Уже въ самомъ молодомъ возрастѣ Нахимовъ началъ писать и изъ трудовъ его тогдашняго времени напечатаны нѣкоторые переводы въ періодическихъ изданіяхъ. Съ возрастомъ и познаніемъ свѣта усиливался у него порывъ къ занятіямъ словесностію даже до страсти, особенно во время пребыванія его въ Харьковскомъ университетѣ. По возвращеніи Нахимова въ Харьковъ, какъ разъ совпавшемъ съ открытіемъ Харьковскаго университета, онъ, не смотря на свои 24 года, вступилъ въ число его студентовъ, имѣя въ виду одно—восполнить недостатокъ начальнаго воспитанія. По окончаніи курса въ 1808 году, по словесному факультету, онъ былъ удостоенъ степени кандидата. Радость, испытанная имъ по этому случаю, очень хорошо выражена въ стихотвореніи: «На полученіе кандидатскаго достоинства».

Къ перу! излей восторгъ и радость опиши! и проч.

Когда явился знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины, Нахимовъ написалъ въ 1809 году свою «Элегію», которая сдѣлала извѣстнымъ его имя во всѣхъ концахъ русскаго царства. Эту элегію-сатиру знали наизустъ и приказные, въ ней осмѣянные, и школьники, забавлявшіеся ея содержаніемъ и формой. Нахимовъ пародировалъ въ ней высоко-лирической тонъ:

Восплачь канцеляристъ, повытчикъ, секретарь,
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Лапиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите.
. . . .
Бѣда коллежскому теперь секретарю,
О, чинъ ассессорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я восхищенный
Мнилъ обнимать тебя какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ—навсегда прости любезный чинъ, и проч.

Элегія-сатира была піесою кстати; она сочинена въ самый годъ указа объ экзаменахъ на гражданскіе чины: коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника, для лицъ, не получившихъ университетскаго образованія. Цѣль указа состояла въ уничтоженіи «удобства достигать

чиновъ не заслугами и познаніями, а однимъ пребываніемъ на службѣ и счисленіемъ лѣтъ ея». (Сборникъ постановл. по минист. народнаго просв. Томъ I, Спб. 1864). Испытанія производились изъ правовѣдѣнія, наукъ словесныхъ, историческихъ и физикоматематическихъ.

По русскому языку требовалось знаніе грамматики и умѣнье правильно сочинять на немъ. Чтобы доставить способъ состоящимъ на службѣ лицамъ пріобрѣсти требуемыя свѣдѣнія, въ университетскихъ городахъ ежегодно открывались курсы вышеозначенныхъ наукъ на лѣтніе мѣсяцы, съ мая по октябрь. Нахимова пригласили преподавать грамматику въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ въ это время, ставши уже семьяниномъ и отцомъ, жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи, въ 60 верстахъ отъ Харькова, посвящая все свободное время литературѣ; для преподаванія же грамматики гражданскимъ чиновникамъ, выѣзжалъ въ Харьковъ всего разъ въ недѣлю. Подъ вліяніемъ юмора и сатирической настроенности, болѣзненно-раздраженный сатирикъ открылъ свои уроки въ университетѣ чтеніемъ своего стихотворенія «Предисловіе къ россійской грамматикѣ», начинающагося слѣдующими стихами:

Блаженъ, кто въ жизни сей, съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь юсъ и кси, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ бра и дра прилежно углублялся [1]).
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался
И, наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ.
Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ отличенъ,
Кто рисовать азы способенъ и привыченъ, и проч.

Преподаваніе Нахимова состояло въ томъ, что онъ заставлялъ своихъ чиновныхъ учениковъ писать на доскѣ свое стихотвореніе «Похвала гусиному перу», передъ которымъ подъячіе, въ знакъ благодарности, должны преклонять свою главу:

За драгоцѣнное перо,
Подъячіе, главу предъ гусемъ преклоните!

или слѣдующую басню «Дьякъ и нищій», не попавшую въ собраніе сочиненій Нахимова:

Придрался къ нищему старинный, пьяный дьякъ:
„Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ,
И буде на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,
По уложенью ты проститься долженъ съ носомъ.
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку,—
Отдай котомку мнѣ, лохмотья и клюку".

[1]) Намекъ на глаголы: брать и драть.

Другихъ заставлялъ исправлять орфографическія ошибки своихъ товарищей; третьихъ—склонять имена существительныя сучокъ и крючекъ, или спрягать глаголы брать и драть. Иногда сатирическіе намеки преподавателя, говорятъ, заходили и того дальше. Однимъ словомъ, Нахимовъ не чинился съ своими слушателями, и, не смотря на важность занимаемаго имъ мѣста, требовавшаго строгой сдержанности, позволялъ себѣ глумиться надъ ними. Впрочемъ, слушатели относились довольно равнодушно къ его выходкамъ, находя, что чтенія его были полезны и удобны для легкаго уразумѣнія (Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Спб. 1873). По воводу этихъ же чтеній Нахимова, А. Д. Галаховъ въ своей «Исторіи русской словесности, древней и новой» (томъ II, 1-я половина. Спб. 1868) говоритъ слѣдующее:

«Можно замѣтить, что со стороны молодаго учителя, недавно сошедшаго съ студентческой скамьи, было неделикатно издѣваться въ лицо надъ своими земляками, между которыми находились, безъ сомнѣнія, люди почтенныхъ лѣтъ и уважаемыхъ качествъ. Надобно было помнить, что указъ 1809 года прекращалъ имъ всякое движеніе по службѣ, такъ какъ въ извѣстные годы тяжело учиться и трудно удовлетворять обширной программѣ испытанія [1]). Съ этой стороны Карамзинъ не одобрялъ исключительности указа и, главное, его обратнаго дѣйствія. Можетъ статься, Нахимовъ ясно представлялъ себѣ всю пользу постановленія, которое, рано или поздно, хотя и принудительною мѣрою, наполнитъ наши университеты слушателями и быстро двинетъ высшее образованіе юношества, которое, въ особенности изъ дворянскаго сословія, рѣдко шло далѣе корпусовъ и пансіоновъ. Указъ 1809 года гласилъ о просвѣщеніи, а просвѣщеніе угрожало конечною гибелью взяточничеству и ябедѣ. Подобно Василію Трофимовичу Нарѣжному (романистъ-сатирикъ, род. 1780 г., ум. 1825 г.), своему современнику, Нахимовъ смотрѣлъ на ябеду, какъ на «исчадіе ада» и въ Малороссіи видѣлъ примѣры ея опустошительныхъ дѣйствій. Можно ли было ему не радоваться, что, наконецъ, пущено въ ходъ наилучшее средство противъ малограмотности, грубаго образа жизни и кривосудія дьяковъ и подъячихъ?»

Нахимовъ прекратилъ свои лекціи въ половинѣ 1811 г., не докончивъ курса. Главною причиною, заставившею его отказаться отъ пре-

---

[1]) „Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка",

говоритъ о нихъ самъ Нахимовъ въ своей элегіи-сатирѣ.

подаванія, была отдаленность мѣста его жительства, вслѣдствіе чего ему приходилось для каждой лекціи дѣлать болѣе 100 верстъ. Затѣмъ, Нахимовъ рѣдко оставлялъ деревню, гдѣ велъ тихую и беззаботную жизнь, занимаясь сочиненіемъ басенъ и другихъ стихотвореній въ сатирическомъ родѣ. Но вскорѣ семейныя огорченія, послѣдовавшія быстро другъ за другомъ: смерть отца, любимой сестры и сына, сильно подѣйствовали на его здоровье и были причиной его ранней кончины. Онъ умеръ 18-го іюля 1814 года, проживши всего 33 года.

II.

Нахимовъ, при жизни своей, напечаталъ немного своихъ стихотвореній, въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Его басни, эпиграммы и сатиры ходили больше въ рукописяхъ, быстро распространяясь между харьковцами. Въ послѣдній годъ своей жизни Нахимовъ собирался издать собраніе своихъ сочиненій, но это исполнено было его товарищемъ по университету и другомъ Василіемъ Масловичемъ, харьковскимъ литераторомъ и журналистомъ. По желанію семейства и родственниковъ Нахимова, Василій Масловичъ въ 1815 г. напечаталъ въ Харьковѣ, въ университетской типографіи: «Сочиненія Акима Нахимова въ стихахъ и прозѣ, напечатанныя по смерти его», съ эпиграфомъ, составленнымъ самимъ Нахимовымъ:

Блеснуть искусствомъ я нимало не искалъ;
Что сильно чувствовалъ, то смѣло написалъ.

Въ слѣдующемъ 1816 г. Масловичъ помѣстилъ въ издаваемомъ имъ въ Харьковѣ юмористическомъ журналѣ «Харьковскій Демокритъ, 1001-й журналъ» (6 книжекъ, мѣсяцы январь—іюнь) много новыхъ басенъ и сатиръ Нахимова и въ томъ же году вышло новое изданіе, дополненное, сочиненій Нахимова. Послѣ того, сочиненія эти, дополняясь, были изданы еще пять разъ: въ 1822, 1841, 1842 годахъ въ Москвѣ, и въ 1849 и 1852 годахъ въ Петербургѣ, Смирдинымъ, помѣстившимъ ихъ въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ» въ одномъ томѣ съ сочиненіями Милонова и Судовщикова. Существуетъ еще книжка о Нахимовѣ того же друга его, Масловича, «Память о Харьковскомъ стихотворцѣ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ, Василія Масловича. Спб. 1818. Въ типографіи Греча». Этой рѣдкой книги, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть.

Въ 1865 г. Н. Н. Абаза принесъ въ даръ библіотекѣ Харьковскаго университета нѣсколько тетрадей руки самаго Нахимова, его стиховъ и прозы; просматривая тетради эти, я нашелъ въ нихъ, среди напечатанныхъ его стихотвореній и неизданныя, вмѣстѣ съ двумя дѣйствіями неоконченной комедіи въ стихахъ. Неуступающія въ достоинствѣ напечатаннымъ, пьесы эти будутъ приведены мною ниже. Теперь же перехожу къ обзору сюжетовъ музы Нахимова и къ оцѣнкѣ вообще критикой его литературной дѣятельности. О Нахимовѣ писано было мало и онъ оцѣненъ былъ критикою не скоро. «Даже имени А. Н. Нахимова, говоритъ А. Д. Галаховъ, не встрѣчается въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча (1822 г.), хотя до выхода въ свѣтъ этой книги, и теперь еще небезполезной, сочиненія Нахимова имѣли уже три изданія. Не доказываетъ ли это, между прочимъ, что, при распредѣленіи писателей по табели литературныхъ ранговъ, обращалось большое вниманіе на предметы ихъ произведеній? Чѣмъ важнѣе былъ предметъ сочиненія, по своей природной сущности или общественному значенію, чѣмъ сильнѣе занималась имъ мысль образованной публики, тѣмъ скорѣе оно подкупало критику, способную при этомъ не замѣчать ни другихъ его достоинствъ, ни его недостатковъ. Пѣвецъ столичной жизни могъ разсчитывать на бо̀льшее число слушателей, чѣмъ описатель провинціальнаго быта. Кто изображалъ моря, озера, рѣки, тотъ сильнѣе привлекалъ глаза и чувство, нежели живописецъ какой нибудь лужи. Извѣстнѣйшія сатиры Милонова, современнаго Нахимову стихотворца (родился въ 1792 г., умеръ въ 1821 г.) имѣли своимъ предметомъ широкія водныя пространства: временщика Рубеллія, вельможъ, Римъ; сатирамъ Нахимова досталось мелководье: подъячіе, Кутейкины, Мерзилкины (русскіе выродки, превратившіеся въ въ офранцуженныхъ гадинъ); Пурсоньяки (французы-выходцы и пройдохи, бѣжавшіе на родинѣ съ галеръ и водворившіеся въ Россіи на хлѣбное гувернерство) и т. под. Что̀ эта мелочь въ сравненіи съ Рубелліемъ? и сто̀итъ ли она ювеналовскаго гнѣва? Нахимовъ и не думалъ посягать на лиру Пиндара, или на бичъ фурій. Онъ даже написалъ похвальную «Пѣснь лужѣ», находя въ ничтожномъ предметѣ законную причину его существованія. За то шутливыя сатиры его ясны и положительны, какъ нельзя лучше: нѣтъ въ нихъ общихъ мѣстъ или намековъ, остающихся для большинства читателей загадками. Конечно, ему легче было справляться съ низменными мѣстностями: онъ могъ ступать по грязному мѣсту, не оглядываясь и даже не снимая сапогъ.

«Нахимовъ, не стѣсняясь, пользуется, во первыхъ, каждымъ случаемъ задѣть «крапивное сѣмя»: въ стихотвореніи «Звѣринецъ»

судья-медвѣдь носитъ имя Ворворворъ, рифмующее слову «живодеръ»; въ эпиграммѣ: «Чортъ и смерть» курносая дивится, какъ можно искать души въ секретарѣ:

Но если бъ и была, то вѣрь, что прежде смерти,
Ту душу за алтынъ купить успѣютъ черти.

«Сказаніе о Θемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ» повѣствуетъ, что чувствительное сердце юпитеровскаго дьяка (на планетѣ Юпитеръ), какъ натуральная рѣдкость, или игра природы, было отослано Θемидой въ кунсткамеру, и проч. Другимъ, ненавистнымъ Нахимову, предметомъ были французы вообще, французскіе гувернеры въ частности и обученные ими русскіе. Первыхъ изобразилъ онъ въ статьѣ «Словесныя обезьяны», на вторыхъ написалъ комическую поэму «Пурсоніада», а третьимъ досталось въ «Мерзилкинѣ». Онъ обращалъ стрѣлы своей сатиры на слѣпое подражаніе и безсознательное уваженіе ко всему французскому, изъ которыхъ проистекали печальные примѣры, въ родѣ воспитанія дѣтей разными иностранцами подозрительнаго происхожденія и несомнѣннаго невѣжества. Нахимовъ жалилъ безпощадно приказныхъ, льстецовъ, глупцовъ и зараженныхъ если не проказою, то проказами Парижа. Кто изъ чернильныхъ душъ не восплакалъ, читая его «Элегію» и не озлобился за анатомированіе жреца Θемиды! Сатира во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Нахимова слишкомъ откровенна и переходитъ въ брань. Какъ видно, авторъ хотѣлъ лучше быть грубымъ, нежели скрывать свою антипатію. Другъ и издатель сочиненій Нахимова, Василій Масловичъ, говоритъ о немъ въ предисловіи къ изданію: «Кажется, природа влила въ душу его особенное чувство отвращенія ко всему несправедливому и смѣшному; то и другое всегда поражало его впечатлѣніями своими до изступленія.» Антипатія же его къ французскимъ обезьянамъ объясняется господствовавшею въ то время галломаніею, а потомъ пробужденіемъ народнаго чувства въ войнахъ съ Наполеономъ. Талантъ Нахимова, по преимуществу мѣстный и односторонній, былъ высоко цѣнимъ въ Украйнѣ. Талантъ этотъ имѣетъ много родственнаго съ музой А. Е. Измайлова, но съ тою разницею, что роль, которую игралъ Нахимовъ въ Харьковѣ, безъ сомнѣнія, была блистательнѣе и важнѣе, чѣмъ роль издателя «Благонамѣреннаго» въ столицѣ. Нахимовъ былъ ловкій умный литературный острякъ своего времени. Нѣкоторые побаивались эпиграммы Нахимова, если не всегда изящной и тонкой, за то рѣзкой и безцеремонной почти до цинизма. Въ

самомъ дѣлѣ, кому было пріятно попасть подъ его эпиграммы, писавшіяся экспромтомъ и ходившія на другой день по городу: извѣстно, какъ въ провинціи важно малѣйшее происшествіе, а тѣмъ болѣе насмѣшливые стишки. Стихи Нахимова пріобрѣли популярность особенно въ обширной средѣ людей, образованіе которыхъ не отличалось высокимъ уровнемъ. Это доказывается, во первыхъ, частыми ихъ изданіями, а во вторыхъ тѣмъ, что сатиры и эпиграммы Нахимова быстро огласились не только на его родинѣ, Малороссіи, но и между великоруссовъ. Колкія эпиграммы и эпитафіи Нахимова употреблялись вмѣсто пословицъ, ѣдкія басни вмѣсто притчей... Стихъ Нахимова часто безъ отдѣлки; но за то мысль всегда выражена кругло и рѣзко. Есть между стихотвореніями Нахимова нѣсколько одъ и басень, въ которыхъ замѣтно доброе намѣреніе, но зато исполненіе весьма плохое. Таланту Нахимова доступны были только оригинальные извѣстнаго рода предметы, въ которыхъ могла разъигрываться его не весьма изящная фантазія, внушившая ему «Пѣснь лужѣ» и т. п. стихотворенія. Замѣчательно однако, что вкусъ его былъ вѣренъ и даже эстетиченъ не по времени: въ то время, когда усомниться въ геніальности признаннаго авторитета почиталось литературнымъ преступленіемъ, когда умный, даровитый Мерзляковъ на своихъ лекціяхъ, на которыя съѣзжались всѣ тогдашнія знаменитости, серьезно разбиралъ красоты «Синава и Трувора» и «Дмитрія Самозванца»,— А. П. Сумарокова,—неизвѣстный ученому міру лекторъ русскаго языка осмѣлился на отважный подвигъ и написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Стихи по прочтеніи Сумарокова.

О горе, горе намъ,
Мелкопомѣстнымъ рифмачамъ!
Когда парнасскій князь, преславный Сумароковъ,
Который бочекъ сто парнасскихъ выпилъ токовъ
И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ рифмы былъ.
Въ твореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣтутъ для рифмы райски крины;
А гдѣ стоитъ Великій Петръ,
Тамъ поневолѣ дуетъ вѣтръ.
Нѣтъ, рифма! ты забудь насъ почитать рабами,
Иль, разсердясь, тебя мы презримъ сами.

Что касается прозы Нахимова, то она очень не многочисленна и не отличается изяществомъ. Юмору, какимъ онъ обладалъ, необходимы стихотворныя рамы: въ этихъ рамахъ ему удобнѣе высказаться и остаться въ памяти. Заключимъ высказанныя критикой мнѣнія о Нахимовѣ слѣдующимъ замѣчаніемъ одного изъ лучшихъ критиковъ: «Нахимовъ не принадлежитъ къ украшеніямъ Россійскаго Парнаса; но по оригинальному направленію дарованія, онъ стоитъ быть прочитаннымъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго вниманія ко всему, что носитъ печать таланта. Этотъ талантъ развился не вслѣдствіе подражанія какой либо извѣстной школѣ, а просто самъ-собой и щеголялъ на бѣломъ свѣтѣ въ кафтанѣ, если не щегольскомъ, зато своемъ собственномъ». (Современникъ 1849 г., № 11, отд. 3.)

III

Обращаюсь теперь къ рукописямъ Нахимова, находящимся въ харьковской университетской библіотекѣ, и къ тѣмъ стихотворнымъ пьесамъ ихъ, которыя остались ненапечатанными.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Нахимова помѣщенъ сатирическій «Отрывокъ изъ письма пріятеля моего, странствующаго въ чудесномъ птичьемъ мірѣ». Въ рукописяхъ автора находится вся эта сатира втрое бо̀льшая напечатаннаго отрывка. Въ этой превосходной пьесѣ Нахимовъ является въ полной силѣ своего оригинальнаго таланта, не стѣсняющагося никакими риторическими правилами и педантической критикой, что и высказывается имъ смѣло въ самой пьесѣ. Привожу цѣликомъ всю эту сатиру.

ПИСЬМО ПРІЯТЕЛЯ МОЕГО,

СТРАНСТВУЮЩАГО ВЪ ЧУДЕСНОМЪ ПТИЧЬЕМЪ МІРѢ

Предисловіе къ предисловію.

О грозны критики! простите-ль мнѣ за то,
Что я въ словесности предъ вами бывъ ничто,
Нескладные стихи на судъ вашъ предлагаю
И предисловіемъ ихъ называть дерзаю.
Безъ правилъ—признаюсь... Безъ правилъ? о глупецъ!
Вотъ новый проявился еще у насъ творецъ:
Онъ предисловіе сложилъ въ стихахъ безъ правилъ.
Но почему, скажи, ты правила оставилъ?

Ужели ихъ не зналъ, иль знавши, ты презрѣлъ?
Презрѣлъ! нѣтъ, дерзости такой я не имѣлъ.
Молю, о судьи, васъ: вы гнѣвъ свой укротите,
И оправданіе мое теперь внемлите.
Предпринимая толь немаловажный трудъ,
На слабый мой талантъ не полагаясь отнюдь:
Во храмъ, гдѣ въ кожѣ умъ на полкахъ почиваетъ
И свѣтъ отколѣ онъ за деньги розливаетъ,
Я въ лавку книжную съ поспѣшностью притекъ.
Клянуся вамъ, клянусь, какъ честный человѣкъ,—
И если я солгу, да стану жертвой аду:
Безстрашно тамъ разрылъ риторикъ я громаду,
Вооружились вдругъ противъ меня и пыль,
И прѣлый духъ листовъ, и переплетовъ гниль,
Потъ хладный орошалъ лице мое преблѣдно.
Я все пренебрегалъ; но ахъ! то было тщетно:
Хоть взоромъ груду всю риторикъ пробѣжалъ,
О предисловіи ни слова не сыскалъ!
О небо! я вскричалъ, залившися слезами,
И робко взявъ перо, дрожащими перстами,
Я предисловіе безъ правилъ написалъ,
Съ которымъ нынѣ къ вамъ смиренно я предсталъ.
Къ нему вы напередъ вниманіе склоните,
И послѣ ужъ меня злосчастнаго судите.

Предисловіе къ письму пріятеля моего Ростислава.

Природа съ солнышкомъ любезнымъ распростилась
И въ спальную потомъ одежду нарядилась:
Вкругъ прелестей ея густой обвился мракъ,
Надѣла звѣздами украшенный колпакъ
И утомленныхъ чадъ къ покою призывала:
На лонѣ ихъ своемъ мать нѣжна усыпляла.
И я, природы сынъ, повиновался ей,
Но тихій сонъ не могъ сомкнуть моихъ очей:
Хвостомъ его отъ нихъ комета отгоняла,
Которая тогда всѣхъ взоры привлекала;
Стекался на высоты ученый людъ толпами
И наблюдалъ ее стеклянными глазами;
Чернь робка мыслила, къ ней простирая взглядъ,
Что подъ хвостомъ у ней война, и моръ, и гладъ.
Я гордый видъ принявъ преславна астронома,
Для наблюденія полѣзъ на кровлю дома,
Оттуда съ важностью комету созерцалъ;
Высокоумствуя, конечно-бъ задремалъ,
И съ кровли внизъ слетѣвъ съ ученостью моею,
За гордость и себѣ, и ей сломалъ бы шею,
Умножилъ бы число ученыхъ я калѣкъ,

Обиленъ копми и безъ того нашъ вѣкъ,—
Невѣроятное, чудесно приключенье!
Едва мой умъ, едва сталъ приходить въ забвенье,
Раздался съ горнихъ мѣстъ меня зовущій гласъ:
Обсерваторія моя вдругъ потряслась;
Со страхомъ я воззрѣлъ къ странамъ эфирнымъ свѣта:
Какое чудо мнѣ представила комета!
Верхомъ на ней скакалъ ужаснѣйшій скелетъ,
И ставши надо мной, внизъ опустилъ пакетъ;
Учтиво знаками и длинною трубою
Воздушный распростясь почталіонъ со мною,
Кометѣ шпоры далъ; она, махнувъ хвостомъ,
Помчалась во всю прыть и скрылася потомъ.
Огромный взявъ пакетъ, я въ мысли углубился,
И съ кровли въ свой чертогъ поспѣшно удалился.
Дрожащею рукой я разломалъ печать.
Кто вздумалъ, мыслилъ я, съ небесъ ко мнѣ писать:
Я не былъ ни съ однимъ знакомъ доселѣ богомъ!
Но что сравню съ моимъ внезапнымъ я восторгомъ?
Возможно-ль? Ростиславъ! такъ, такъ: его рука!
Но какъ же залетѣлъ мой другъ за облака?
Ужъ не обманутъ-ли моими я глазами?
О, носъ! вооружись скорѣе ты очками,
Въ сомнѣніи моемъ всю истину открой.
Но такъ! мой другъ! я зрю и слогъ, и почеркъ твой.
Разъ двадцать я читалъ посланіе небесно,
И все казалось мнѣ въ немъ странно и чудесно.
Простишь-ли, Ростиславъ, нескромность ты мою,
Что я письмо твое въ свѣтъ нынѣ издаю:
Пусть знаютъ всѣ твои воздушны похожденья.
Я думаю, онѣ достойны удивленья.
Но что такъ духъ во мнѣ тревожитъ и страшитъ?
Какое бѣдство мнѣ несчастному грозитъ!
Со трескомъ на меня подвиглась перьевъ сила,
Гремятъ чернильницы и брыжжутъ вверхъ чернила.
На злобныхъ критикахъ трясутся колпаки,
Отъ сильна топота стенаютъ чердаки;
Какъ градъ, посыпались учены возраженья,
Противорѣчія, вопросы и сомнѣнья.
Но что могу на то я критикамъ сказать?
Въ невѣжествѣ моемъ я принужденъ молчать.
Да явится мой другъ, и мщенья часъ настанетъ:
Какъ яростный перунъ, его ученость грянетъ,
И критиковъ злый скопъ разсѣетъ, разгромитъ,
Накажетъ дерзость ихъ, и гордость посрамитъ.
Въ себѣ единомъ онъ науки всѣ вмѣщаетъ,
Энциклопедію собою составляетъ,
И можетъ названъ быть: ходячій лексиконъ,
Затѣмъ, что разныхъ тьму языковъ знаетъ онъ;

Но болѣе всего поэзію онъ любитъ,
И въ рифмахъ, и безъ рифмъ стихами громко трубитъ;
Теперь же, находясь въ превыспреннихъ странахъ,
И письма пишетъ онъ, и говоритъ въ стихахъ.
Тихъ нравомъ Ростиславъ, и съ добрымъ въ вѣчномъ мирѣ;
Но злобный! ты страшись подпасть его сатирѣ.

Письмо отъ друга моего Ростислава.

Да здравствуетъ мой другъ въ отечествѣ земномъ!
А я, ко странствіямъ охотою влекомъ,
На быстромъ вверхъ орлѣ съ Алтайскихъ горъ пустился,
Летѣлъ, парилъ, какъ вихрь, средь воздуха кружился,
И если бы къ орлу себя не привязалъ,
Какъ дерзостный Икаръ, стремглавъ бы я упалъ.—
О человѣкъ! почто гордишься ты собою:
Какъ мелокъ, бѣденъ ты нынь зришься подо мною.
Навозной кучкою мнѣ кажется земля:
Съ трудомъ, съ усиліемъ могу примѣтить я,
Что тварь прежалкая въ навозѣ шевелится
И къ удивленію! еще и суетится.
Безъ смѣху посмотрѣть нельзя на сихъ червей,
Они не чувствуютъ ничтожности своей.
Иной изъ червяковъ, какъ баринъ, выступаетъ,
И гордо подъ бока другихъ червей толкаетъ;
Иной червь дуется, и ползая пыхтитъ,
Какъ будто крестъ на немъ андреевской виситъ;
А многіе, судя по важному ихъ виду,
Должны имѣть кису червонцами набиту!
Тамъ жрецъ копышится, педантъ и крючкодѣй:
Какихъ нѣтъ чудаковъ межъ мелкой тварью сей.
Такое съ высоты я дѣлалъ наблюденье;
Но вдругъ я ощутилъ въ груди моей стѣсненье,
Свалившись на орла, едва, едва дышалъ,
Потомъ лишился чувствъ и память потерялъ.
Верховый мой орелъ! тебѣ лишь то извѣстно,
Какъ долго плавалъ ты по воздуху чудесно:
Угодно было такъ всевидящей судьбѣ,
Чтобъ, наконецъ, присталъ къ предивной ты странѣ.
Судьба готовила мнѣ странны приключенья:
Еще я трепещу отъ перваго явленья!
Отъ сна крѣпчайшаго внезапно пробужденъ,
Ужаснымъ зрѣлищемъ мой духъ былъ пораженъ.
Пернатый, страшный людъ толпился предо мною:
Тотъ филиномъ ревѣлъ, иной кричалъ совою,
Иль каркалъ ворономъ, сорокой лепеталъ.
И шумъ, и трескъ, и свистъ мнѣ душу раздиралъ.
Но вдругъ, съ почтеніемъ, раздвиглась чернь крылата,—

И птица важная, осаниста, носата,
Алмазную звѣзду имѣя на хвостѣ,
Съ отборной свитою явилася ко мнѣ.
Поднявъ нависшу бровь, блестящій зобъ надула,
И съ гордой на меня улыбкою взглянула.
Зобасту свѣтлость зря, я палъ, со страхомъ, ницъ,
И знаками молилъ сего вельможу птицъ,
Чтобъ мощными меня онъ осѣнилъ крылами,
И не дерзалъ никто терзать меня когтями.
По манію его, вдругъ выступилъ глухарь,
Который, кажется, его былъ секретарь:
Перешептавъ, меня на цаплю посадили,
И съ торжествомъ во градъ столичный проводили.
Любезный другъ! почто тебя со мною нѣтъ,—
О сколь дивился бъ ты, сей странный видя свѣтъ!
Иные жители, обычаи и нравы,
Иныя въ обществахъ кривлянья и забавы,
Иныя прихоти, иная подлость, спесь,—
И словомъ, милый другъ, все, все иное здѣсь.
Какое чувствуетъ мой разумъ побужденье,
Родить огромное, пудъ въ тридцать сочиненье!
Дородностью оно всѣ книги превзойдетъ,
Ученыхъ толстый трудъ сухой предъ нимъ скелетъ;
Пространный новый міръ я опишу подробно:
Къ толикимъ подвигамъ перо мое способно.
Воскреснутъ вдругъ Страбонъ, и Плиній, и Тацитъ,
И слава обо мнѣ въ газетахъ возгремитъ.
Хоть много времени потребно дорогово,
Чтобъ умъ мой разрѣшился отъ бремени таково,
Но, любопытные! не долго вамъ терпѣть;
Когда изъ рукъ моихъ пера не вырветъ смерть,
То черезъ годъ свершу я подвигъ сей счастливо,
И въ свѣтѣ явится неслыханное диво!
А нынѣ, я клянусь, любезный, вѣрный другъ,
Что говорить съ тобой о многомъ недосугъ.
Лишь о воздушномъ я скажу тебѣ народѣ [1]).
Не знаю, почему такъ вздумалось природѣ
Разумны существа по птичьему одѣть:
Пристойно-ли уму подъ перьями потѣть?
Сей гордый господинъ, любимый небесами,
Покоиться привыкъ у насъ подъ колпаками.
Не долженъ ли, скажи, краснѣть безсмертный духъ,
Когда по плоти онъ сычъ, филинъ иль пѣтухъ?
Но что! не будемъ мы указывать натурѣ

---

[1]) Съ слѣдующаго стиха начинается напечатанный отрывокъ этой пьесы Акима Николаевича Нахимова.

И объ умахъ судить не станемъ по фигурѣ.
Разумнѣй, подлинно, иная здѣсь сова,
Чѣмъ съ носомъ греческимъ французска голова;
Преславныхъ вижу я ученыхъ межъ грачами,
И только стоитъ ихъ украсить париками,—
Какъ вдохновенные съ кафедры возшумятъ
И всѣхъ профессоровъ нѣмецкихъ посрамятъ.
Великіе умы летаютъ здѣсь стадами
И славны мирными и бранными дѣлами.
Тамъ храбры коршуны воздвигли птичій Римъ,
Когтисты римляне—гроза врагамъ своимъ;
Здѣсь хищны замыслы проникнувъ ястребины,
Витійствуютъ скворцы за вольность и Афины;
Съ покляпымъ носомъ тамъ наежился Невтонъ,
И мудростью гордясь, топыритъ крылья онъ;
Здѣсь филинъ—Ришелье, иль Питъ глазища жмуритъ,
И ставя сѣть царямъ, коварну рожу хмуритъ;
Толики здѣсь умы и доблести цвѣтутъ.
Однако, въ мірѣ семъ не ангелы живутъ.
Пройдемъ мы всѣ міры, разсмотримъ всѣ народы,—
Увидимъ, что вездѣ есть жалкіе уроды.
Вотъ, напримѣръ, идетъ надувшися павлинъ;
При здѣшнемъ онъ дворѣ имѣетъ знатный чинъ;
Такую заслужа высоку царску милость,
Чрезъ толь обманчиву наружности красивость,
Гордиться могъ бы онъ сіятельнымъ хвостомъ,
Но нѣтъ! онъ хвастаетъ прескареднымъ умомъ.
А вотъ шестеркою промчалася ворона,
Имѣя гордый видъ нѣмецкаго барона;
И подлинно, ее знатнѣе въ мірѣ нѣтъ:
Придворнымъ конюхомъ ея былъ славный дѣдъ.
Ба! вотъ еще сова нарядная тащится:
Возможно-ль филину богиней не прельститься?
Какая выступка, какой на ней уборъ!
На всѣхъ пылающій она бросаетъ взоръ:
Такія красоты въ Москвѣ, Парижѣ рѣдки,
И предъ совой должны смириться всѣ кокетки.
Вотъ кстати и журавль за модницею вслѣдъ
На длинныхъ толь ногахъ въ большой пустился свѣтъ;
Онъ легче воздуха, непостояннѣй вѣтра,
И ролю важную играетъ петиметра;
Влюбляться—долгъ его, повѣсой быть—законъ,
Занятіе—игра похожа на бостонъ.
Но вотъ падучею страдаетъ жалкій кобчикъ:
Ахъ, какъ кобенится сей бѣдненькій господчикъ!
Не карачунъ-ли то съ ланцетами стоитъ,—
Нѣтъ, тетеревъ глухой предъ кобчикомъ пыхтитъ.
И кобчикъ корчится предъ знатностью глухою,
Въ надеждѣ, можетъ быть, учтивостью такою,

Защиту, иль чинокъ, иль мѣсто получить,
Чтобъ послѣ снигирей и воробьевъ душить,
Сдирать безъ жалости съ пичужекъ бѣдныхъ кожу,
И, наконецъ, себя преобразить въ вельможу.
Ну! вотъ еще уродъ—ощипанный пѣтухъ!
Повѣса промоталъ и перье все, и пухъ,
Обрили пѣтуха пиры, игра и мода,
И сталъ безхвостый мотъ посмѣхомъ для народа.
Тьфу, пропасть! и еще двухъ вижу чудаковъ:
Одинъ задумчивъ, гордъ, и важенъ, и суровъ,
Другой ужасную имѣетъ образину
О муза! помоги списать сію картину!
Стань грозно со щитомъ ты нынѣ предо мной,
Чтобъ глупость мстительна не ранила стрѣлой.
Представь себѣ, мой другъ, безъ лести и отважно,
Сіе позорище толь дивно, и толь страшно,
Когда латынію напыщенный педантъ,
Превыше облака свой вознося талантъ,
Встрѣчается съ другимъ ему противной секты:
Съ обѣихъ вдругъ сторонъ стремятся аргументы!
Тотъ Аристотелемъ сопернику грозитъ;
Схвативши Канта, сей противника разитъ:
Трещатъ софизмами начиненны дилеммы,
Ревутъ по воздуху огромныя системы;
Удару слѣдуетъ ужаснѣйшій ударъ,
Въ герояхъ множится свирѣпый, бранный жаръ.
Но оба вдругъ снарядъ логическій теряютъ,
И кулаками бой за истину рѣшаютъ;
Лежатъ растерзанны на части парики,
И носятся власовъ напудренныхъ клочки.
Но въ птичьемъ мірѣ нынь лютѣйша битва зрится:
Педанты диспутамъ должны здѣсь поучиться.
Одинъ боецъ—краса индѣйскихъ пѣтуховъ,
Другой—честь филиновъ и цвѣтъ всѣхъ мудрецовъ.
Какъ предъ Трои́ломъ взглядъ сверкалъ Ахилловъ звѣрскій,
Такъ взоромъ филину грозитъ пѣтухъ индѣйскій;
Онъ, растопырившись, прегордо хвостъ несетъ,
Вращаясь, крыльями описываетъ свѣтъ;
Синѣетъ рожа вся, трясется носъ мясистый,
Кричитъ на филина: вы всѣ, всѣ атеисты!
Неистово взглянулъ тутъ филинъ на него:
О харя синяя! и ты бранишь того,
Кому въ подсолнечной въ учености нѣтъ равныхъ!
Ужель ты не читалъ трудовъ моихъ преславныхъ?
Пѣтухъ такъ филину изволитъ отвѣчать:
Какъ смѣешь, рыжій враль, толь гордо помышлять,
Чтобъ для твоихъ трудовъ хотѣлъ я тратить время:
Что можетъ сочинить совино глупо племя?
Я въ диссертаціяхъ то ясно доказалъ,

И въ комментаріяхъ о томъ же толковалъ,
Что филины, сычи и всѣ прегнусны совы
Не могутъ никогда быть славны богословы.
Подпрыгнулъ филинъ вдругъ: рогатый философъ
Съ надутымъ мудрецомъ терять не хочетъ словъ;
И съ шумомъ началась межъ птицъ ученыхъ драка:
И филинъ и пѣтухъ, задорнѣйшій клевака,
Съ размаху налетѣвъ, крыломъ другъ друга бьютъ,
И безъ пощады въ зобъ и въ голову клюютъ;
Съ нихъ перье падаетъ, и кровь течетъ ручьями;
Но филинъ, пользуясь преострыми когтями,
Кичливаго врага сломилъ, сразилъ, попралъ,
И ставши на него, побѣду прокричалъ!—
Здѣсь кончу повѣсть я о дивномъ птичьемъ свѣтѣ [1]).
Мудрецъ, что странствуетъ въ эфирѣ на кометѣ,
Давно меня къ тому усильно побуждалъ:
Съ Сатурна родомъ онъ, и къ намъ сюда присталъ,
Чтобъ всѣмъ тѣмъ запастись, что для него потребно;
Онъ землю осмотрѣть желаетъ непремѣнно.
Къ тебѣ я чрезъ него рѣшился написать;
А средство сыщетъ онъ письмо тебѣ отдать.
Желаю, другъ, чтобъ ты былъ счастливъ въ дольнемъ мірѣ:
Люби отечество, играй подъ часъ на лирѣ.
Я знаю: на тебя всегда косится рокъ!
Ты въ низкомъ званіи, но сердцемъ будь высокъ,
И чтя того, великъ кто чувствами, дѣлами,
На знатну чернь взирай ты гордыми очами;
Презрѣвшему тебя,—презрѣніемъ отмсти.
Вотъ мой тебѣ совѣтъ, любезный другъ! Прости!

Одна изъ сатиръ Нахимова называется: «Рѣдкости, которыя удалось мнѣ видѣть». Вычисляя эти рѣдкости: скупца, помогающаго ближнему, секретаря, не взявшаго съ праваго ни алтына, жену, вѣрную своему старому мужу и проч., Нахимовъ написалъ одинъ куплетъ и на рѣдкія свойства ученаго сословія; куплетъ находится въ рукописи, но не помѣщенъ издателемъ въ собраніи стихотвореній Нахимова, печатавшихся въ университетской типографіи, и подъ университетской цензурой. Этотъ куплетъ не попалъ и въ другія послѣдующія изданія. Вотъ онъ:

Я видѣлъ дивное сословіе ученыхъ,
Которы въ подвигахъ, ихъ званію пристойныхъ,
Хранили здравый смыслъ, честь, нравы и покой;
Отъ зависти они не грызлись межъ собой.

[1]) Эти заключительныя стихи пьесы не были также напечатаны.

Нахимовъ заключаетъ свою пьесу слѣдующими стихами:

Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,
Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
Въ семействахъ тишину и счастіе вездѣ:
Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все..... во снѣ!

IV.

Нахимовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія писалъ довольно много басенъ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Жалкій левъ.

Былъ левъ, мужъ возрастомъ, но по уму ребенокъ,
Не левъ онъ былъ,—теленокъ:
А вишь и у звѣрей, когда царь слабъ умомъ,—
Все станетъ къ верху дномъ!
Дай волю царь льстецамъ, такъ будетъ самъ въ неволѣ.
То сбудется со львомъ, о коемъ рѣчь идетъ.
Звѣрей монархомъ онъ слыветъ
На прародительскомъ престолѣ.
Заглянь къ сему монарху во дворецъ,
Кто подлѣ льва? дуракъ, разбойникъ и хитрецъ:
Оселъ, волкъ и лисица,
Да миловидная куница.
Они-то царствомъ управляютъ,
Отъ нихъ зависитъ миръ, война,
Они и подать налагаютъ,
Въ ихъ лапахъ царская казна!
Такъ могъ-ли быть порядокъ?
Повсюду недостатокъ
И въ хлѣбѣ, и въ умѣ,
Удачи мало на войнѣ
И мало проку въ мирѣ.
А левъ храпитъ съ куницею въ порфирѣ!
Хоть слышитъ иногда звѣрей несчастныхъ стонъ,
Но слышитъ то сквозь сонъ.
Левъ судитъ по себѣ, что подданные сыты,
И каждый изъ его монаршей пышной свиты,
Махая передъ нимъ хвостомъ,
Клянется въ томъ,
Что звѣри всѣ его зовутъ отцомъ!
Но звѣри льва тираномъ называютъ,
И, наконецъ, они терпѣніе теряютъ.
Бунтуется народъ,

Кричитъ: пускай погибнетъ львиный родъ!
Не хочемъ надъ собой имѣть мы властелина:
Вить левъ такая же скотина!
Покуда съ бѣдныхъ насъ онъ будетъ кожи драть
И нашу кровь сосать?
Проснулся левъ, но поздно!
Настало время грозно:
Куница, волкъ, лиса—какъ не были ни въ чемъ!
А левъ съ осломъ
Страдаетъ подъ судомъ.
Могущій левъ судимъ не львами,
Но подлыми звѣрями.
Такъ стóитъ льву махнуть хвостомъ—
Дрожать всю сволочь онъ заставитъ.
Нѣтъ! кротостію левъ себя теперь прославитъ.
Великодушія неслыханный примѣръ!
Смиренно когти онъ простеръ,
Которые совѣтъ звѣрей вдругъ отгрызаетъ;
Но левъ еще зубами устрашаетъ.
Такъ чтожъ? онъ въ мигъ
Позволитъ вырвать ихъ.
Потомъ льву лапы перебили,
И хвостъ укоротили.
Потомъ,
Ругаясь слабымъ львомъ,
Ему и зайцы плюютъ въ рожу,
И звѣри, наконецъ, со льва сдираютъ кожу!

Какъ жалокъ тотъ король, который смысломъ слабъ!
Погибнуть долженъ сей льстецовъ презрѣнный рабъ.

Ассигнація и алтынъ.

Увидѣвши алтынъ въ подъяческой мошнѣ,
Бумажка синяя сказала: больно мнѣ,
Почтенной въ обществѣ пятирублевымъ чиномъ,
Въ одномъ собраніи присутствовать съ алтыномъ;
Какъ могъ позволить то преблагородный крюкъ,
Чтобы къ нему въ мошну входилъ полушкинъ внукъ!
— Оставь пустую спѣсь и глупыя издѣвки!
Бумажкѣ отвѣчалъ алтынъ:
То правда, что мой чинъ
По курсу стоитъ три копѣйки;
Но древностью алтыновъ родъ
Едва ль не превзошелъ подъяческій народъ!
Давно уже слывутъ алтыны господами:
Дружилися они съ дьяками

И черезъ частое, различно сватовство
Вступили въ близкое съ подъячими родство;
Старинное свое прозванiе имъ дали,
И многимъ вотчины алтыны отказали!
Я братецъ впучатный хозяину мошны;
Мы оба искренно другъ въ друга влюблены,
Мы оба совѣстiю славны
И оба мы достоинствами равны.

Моль и кафтанъ.

Жилъ-былъ суконный великанъ:
Приказныя версты кафтанъ,
Отличный отъ другихъ кафтановъ
Ужасной глубиной кармановъ.
Подъячiй сей кафтанъ отъ дѣда получилъ,
А дѣдъ подъяческiй подъячiй также былъ,
Верстою также слылъ,
И также клалъ въ карманы взятки.
Кафтанъ-старикъ имѣлъ премногiя заплатки,
И требовалъ отставки.
Не скоро отъ него прошенье принялъ внукъ,
Но, наконецъ, старикъ уволенъ былъ въ сундукъ.
Покоился кафтанъ. Вдругъ моли страшна сила
Къ его карманамъ приступила,
И ихъ безъ жалости точила.
Вскричалъ кафтанъ: помилуй, моль!
Точить кармановъ не изволь!
Ей-ей! они невинны,
Не грабили они, но берегли алтыны,
А грабили всегда приказны дѣдъ и внукъ.
Почто не точишь, моль, подъяческихъ ты рукъ?

Крыса и секретарша.

Нерѣдко женщины влюбляются въ звѣрьковъ:
Въ собачекъ, кошечекъ, и въ бѣлокъ, и въ сурковъ.
Жена секретаря любила крысу страстно,—
Творенье гнусное, но для нея прекрасно.
А мужъ, усердный хлопъ, нижайшiй секретарь,
Не смѣлъ ужъ не любить женѣ любезну тварь.
Вседневно удѣлялъ онъ крысѣ часть хабара
И отдалъ ей ключи отъ шкафа и амбара.

Когда бы ключница ему отгрызла носъ,
Мужъ нѣжный для жены и то бы перенесъ!
Всѣ привиллегіи та крысица имѣла:
Гуляла, кушала, покоилась, жирѣла,
Но секретарша тѣмъ довольна не была,
И крысу въ стряпчіе она произвела.
Кто одолѣть хотѣлъ въ приказѣ супостата,
Искалъ тотъ милости у крысы-адвоката.
Сутяги съ крысою знакомство вдругъ свели,
Въ карманахъ сахарны гостинцы ей несли:
Въ приказѣ шайка ихъ побѣдоносна стала
И съ стряпчимъ-крысою законы всѣ попрала.

Особенно неистощимъ былъ Нахимовъ въ преслѣдованіи подъячихъ-взяточниковъ. Много мелкихъ басенъ и эпиграммъ, направленныхъ имъ противъ крючкодѣевъ, вошли въ собраніе его сочиненій, но есть превосходныя пьески, не напечатанныя.

Правда и подъячій.

Считалъ алтыни драчъ тайкомъ, подобно вору,—
Вдругъ правда хищному его предстала взору.
Затрясся, поблѣднѣлъ крючокъ
И дыбомъ сталъ его пучекъ.
Алтынникъ правды испугался,
Алтыннику бѣсъ въ правдѣ показался!
Но правда не страшна,
То видитъ всякій зрячій;
Лишь зеркало она,
А дьяволъ самъ подъячій.

Эта же самая пьеса, въ первоначальной редакціи, зачеркнутой авторомъ, была написана такъ:

Оставя свѣтлые чертоги,
Въ которыхъ обитаютъ боги,
Спустилась правда въ дольній міръ,—
Иль, лучше, свезъ ее зефиръ.
Подъячій съ нею вдругъ, къ несчаттью, повстрѣчался,—
Алтынникъ поблѣднѣлъ и мнитъ,
Что въ правдѣ чорта зритъ.
Крючокъ! не зеркала, себя ты испугался.

Крючки.

Крючки по имени, крючки и по душѣ,
Крючки и на словахъ, крючки и на письмѣ,
Крючками водку пьютъ, все удятъ тожъ крючками,
И удятся крючки чертямъ на ужинъ сами.

Ендова.

Отъ жизни, можетъ быть, сидячей
Сталъ ипохондрикомъ подъячій;
Вскружилась у дѣльца приказна голова:
Увѣренъ крюкъ, что онъ не крюкъ, а ендова.
Подъячій нѣжно былъ любимъ своей женою,
И признанъ отъ нея безспорно ендовою.
Наполнить водкою пространный сей сосудъ
Взялася шайка беззаконна;
Но тщетенъ вашъ, сутяги, трудъ:
Подъячій ендова бездонна.

Повѣстка.

Понеже завтра имянины
Могучей госпожи алтынницы Макрины:
То всѣ, въ указный часъ, должны явиться къ ней
Съ почтеніемъ, при формѣ всей
И не съ порожними руками,
Но съ полными кульками.
Къ ней входъ не возбраненъ съ кулькомъ и мужику,
И всякій даръ—ея пріятенъ сундуку.
Но кто ей поднесетъ куль съ паюсной икрою,
Иль съ семгою, иль съ ветчиною,
Утробѣ тотъ ея и мужней удружитъ,
И рада по дѣламъ она тому служить.
А буде къ оной кто не придетъ съ челобитьемъ,
При формѣ и съ кулькомъ, притомъ въ указный часъ, —
Тотъ съ дѣломъ никогда не смѣй входить въ приказъ:
Понеже мужъ ея владѣетъ тамъ повытьемъ.

Къ портрету подъячаго.

Какая жажда въ сихъ устахъ!
Какая хищность въ сихъ когтяхъ!
Не мнится-ль, что портретъ,
Какъ подлинникъ, и выпьетъ и сдеретъ.

Къ изображенію блохи.

Подъячій! присмотрись къ сей черненькой фигурѣ!
Не твой-ли то портретъ въ миніатюрѣ?

Эпиграмма.

Противъ невиннаго стиха
Голодна, хищна тварь разинула свой зѣвъ,
И съ яростью, какъ левъ,
На агнца бросилась Ѳемидина блоха.

Эпитафіи.

1.

АЛТЫННИКУ.

Палата грѣшная въ навозѣ тутъ гніетъ.
Но гдѣ безсовѣстный ея днесь предсѣдатель,
Приказной плоти духъ?—въ огнѣ алтынъ жуетъ!
По смерти жребій твой таковъ, алтынодратель!

2.

ЗАВОЕВАТЕЛЮ.

Завоевателя натиснулъ камень сей.
Безъ пушекъ, безъ штыковъ, безъ трубъ и барабана,—
Одними перьями, чудесный крючкодѣй
Предѣлы своего распространилъ кармана!

Отставка и производство.

По силѣ строгаго, небеснаго указа
Подъячій смертію отъ мѣста отрѣшенъ.
О какъ духъ отставной былъ въ адѣ восхищенъ!
Лишь появился въ адъ,—тотчасъ провозглашенъ
Торжественно дьякомъ геенскаго приказа.

Выбираю изъ рукописей Нахимова всѣ остальныя неизданныя мелкія басни и эпиграммы.

Жукъ и пчела.

Ну, слава Богу, я полъ сота сработала!
Пчела жуку сказала,
Полъ сота! только-то! жукъ съ гордостью вскричалъ,—
Я цѣлую копну навозу натаскалъ!—
„Навозу, а не меду",—
Отъ пчелки былъ отвѣтъ рогатому уроду.
Клитъ цѣлую стопу стихами исписалъ.
Но что! не меду онъ, навозу натаскалъ.

Грибъ и дубъ.

И ты сто лѣтъ ростешь! довольно, другъ, терпѣнья,
Такъ медленно рости стыда ты не имѣлъ;
Ты жалокъ, другъ, а я достоинъ удивленья,—
Повѣришь-ли, что я въ день выросъ и созрѣлъ!
„За то ты грибъ и слабый и презрѣнный,
А я прекрѣпкій дубъ, до облакъ вознесенный".
Созрѣвшимъ вдругъ умомъ похвасталъ, Клитъ, и ты бъ,—
Но умъ твой—грибъ.

Грибъ и дубъ.

[Другая редакція той же басни].

И ты сто лѣтъ ростешь? довольно, другъ, терпѣнья!
Такъ медленно рости стыда ты не имѣлъ!
Вотъ я... достоинъ удивленья:
Росъ каждый часъ, и въ сутки я созрѣлъ!
„За то я крѣпкій дубъ, вѣтвистый, вознесенный,
А ты лишь грибъ надменный".
Въ нашъ вѣкъ нерѣдко и умы
Походятъ на грибы.

Муха.

Перенесла бѣду!
Благодарю судьбину!
Такъ муха говоритъ, прорвавши паутину,—
И гибнетъ черезъ часъ въ меду!
Иной въ несчастіи, но рокъ его спасаетъ,
Вдругъ счастливъ сталъ, и погибаетъ.

Къ изображенію Эскулапа.

Зевесъ, держащій громъ, и съ копіемъ Марсъ грозный
Опасны меньше для людей,
Чѣмъ богъ ужасный сей,
Держащій порошокъ проносный.

Просвѣтители.

Чтобъ мрачную страну наукой озарить,—
Ученыхъ множество въ Украину валитъ.
Сіяютъ здѣсь они, какъ въ темнотѣ зарницы!
Но что блеститъ у нихъ? мундирныя петлицы.

Глупону-Клиту.

1.

Кричать Глупонъ охоту ты имѣешь:
Исправный былъ бы ты бирючь.
Но если своего ты горла не жалѣешь:
Чужихъ ушей не мучь!

2.

Глупонъ къ полезному ни мало не способенъ:
Гнилому дереву онъ въ обществѣ подобенъ!
„Неправда! торгашемъ онъ славнымъ можетъ быть:
Кто громогласнѣе: по клюкву! прокричитъ?"

3.

О небо! пощади несчастнаго меня!
Пусть онѣмѣетъ Клитъ иль пусть оглохну я!

4.

Напрасно мыслить, Клитъ, что ты русакъ, не нѣмецъ,
Когда поступками ты сущій иноземецъ;
Когда и мать твоя, всемірная жена,
Не вѣдаетъ, кому тобой одолжена.

5.

Когда танцуетъ Клитъ: мудрецъ онъ знаменитый!
Заговоритъ: дуракъ набитый!
Какъ будто голова у Клита въ башмакахъ,
А ноги на плечахъ!

6.

О Клитъ! не служитъ то, повѣрь, къ моей отрадѣ,
Что жить я принужденъ съ тобой въ единомъ стадѣ.
Хотя отъ жиру шерсть лоснится и блеститъ,
Хоть уши длинные вамъ счастье золотитъ,
Но лучше цѣлый вѣкъ съ фортуною не знаться,
Чѣмъ для нея между онаграми [1]) считаться.

7.

Рождая Клита, трудъ
И силы всѣ свои ученость истощила;
Клитъ также породилъ творенье въ десять пудъ:
Гора родила мышь, а мышь гору родила!

8.

Антипа Клитъ язвилъ словами,
Женился лишь Антипъ и Клитъ къ нему учтивъ
Оселъ какъ ни брыкливъ,
Но видно, что баранъ страшитъ его рогами.

Надпись къ Глупонову портрету.

Точь въ точь Глупонъ: нельзя списать живѣе!
Глупоновы глаза, его широкій ротъ;
Однако же Глупонъ въ портретѣ сталъ умнѣе:
Не вретъ!

Къ родословному дереву.

На древѣ семъ виситъ Глупоновъ древній родъ!
И въ томъ числѣ Глупонъ: какой премерзкій плодъ!

Надгробія старому мопсу, погибшему черезъ любовь.

1.

Какъ вѣрный рабъ, мопсъ былъ любимъ отъ господина,
Въ довольствѣ, въ роскоши жила сія скотина,
Но чрезъ любовну страсть погибъ и здѣсь зарытъ:
Вотъ горестный примѣръ для здѣшнихъ волокитъ!

---

1) Онагръ тоже, что и оселъ. Прим. Акима Нахимова.

2.

Любовь! препагубная страсть:
Ахъ! сколько для сердецъ твоя ужасна власть.
Тиранка! Вертера ты въ цвѣтѣ лѣтъ сразила,
И мопса въ сѣдинахъ, увы! не пощадила!

Рогулинъ и теленокъ.

Рогулинъ! посмотри какъ веселъ сей бычокъ,
А ты доволенъ-ли такъ участью своею?
Утѣшься! и ему готовитъ злобный рокъ
Рога ко лбу, ярмо на шею.

О сколь Терситъ любимъ богами!
Украсила его Минерва сѣдинами,
Фортуна чинъ дала, богатство Плутусъ богъ,
Гименъ же больше всѣхъ вознесъ Терситовъ рогъ.

Надгробіе безсребреннику.

Не сундуки стерегъ, хранилъ онъ честный нравъ,
И умеръ онъ хоть голъ, да правъ.

Антипъ, знаменитый музыкусъ.

О древность! перестань гордиться ты Орфеемъ!
Ну, что твой Амфіонъ? поди прочь съ Тимофеемъ!
Довольно ихъ у насъ: вотъ, напримѣръ, Антипъ,—
Чего не дѣлаетъ его волшебный скрипъ:
Какъ шашкой тѣшится онъ слухомъ и душами,
И какъ веретеномъ Антипъ вертитъ сердцами;
Въ единый мигъ рыдать и хохотать велитъ,
И, словомъ, чудеса неслыханны творитъ!
Когда же дастъ концертъ средь площади, средь града,
То камней и полѣнъ смѣшенная громада,
Подвигнута, летитъ къ нему со всѣхъ сторонъ.
Тамъ страшный сонмъ дубинъ вокругъ его тѣснится,
И съ грязью к... къ нему во облакѣ стремится;
Нощные тамъ г......, исполненны зѣло,
Къ Антипу съ горнихъ мѣстъ нисходятъ на чело.
Въ тріумфѣ свѣтломъ семъ, опрысканный духами,
Нашъ славный музыкусъ, поспѣшными шагами
Идетъ на свой чердакъ, съ растерзаннымъ смычкомъ,
Съ разбитой скрипкою, покрытымъ кровью лбомъ.
Но хоть обруганъ онъ, прибитъ до полусмерти:
Исправивъ свой смычокъ, опять рыпитъ дуэты.

На Антипову женитьбу.

1.

Съ горы Антипъ ты въ пропасть опустился:
На знатной сватался, а на швеѣ женился.

2.

Промчался слухъ по всей землѣ:
Смычокъ женился на иглѣ!

3.

Хотя не изъ богатыхъ
Антипъ супругу взялъ,
Но чрезъ нее замѣтенъ сталъ:
Вступилъ онъ въ гильдію рогатыхъ.

4.

Въ коляскѣ дорогой,
Съ боярской важностью, сидитъ смычекъ съ иглой!
Коль счастіе смычекъ съ иглою такъ почтило,
То скоро выйдетъ въ знать и долото, и шило.

5.

Супругомъ ставъ Иглеты,
Скрипачъ свой вкусъ перемѣнилъ;
Охотникъ онъ до соло былъ,
А нынѣ любитъ онъ дуеты.

6.

Схвати перо, скрипачъ, обѣими руками,
И мнѣ отмщенье учини,
Противъ меня за эпиграммы
Ты контретанецъ сочини

Эпитафіи Антипу скрипачу.

1.

Недавно скрипомъ насъ Антиповъ злый гудокъ
Пугалъ, какъ страшнымъ воемъ волкъ,—
Теперь умолкъ, на вѣкъ умолкъ!

2.

О Боже! упокой Антиповъ грѣшный духъ,
Какъ нашъ онъ, наконецъ, днесь упокоилъ слухъ;
Всели его ты въ рай, гдѣ праведныя души:
Прости его за то, что наши мучилъ уши!

3.

Антипъ, какъ будто бы несмазанна телѣга,
По жизненномъ пути катяся, все скрипѣлъ,
Влекомый быстротой Сатурнова онъ бѣга,
Вдругъ въ бездну вѣчности, обрушась, полетѣлъ.

4.

Ужасна камней здѣсь громада,
Какъ Этна будто Энцелида,
Антипа душитъ подъ собой,
За нравъ неистовый, презлой:
Онъ въ воздухъ скрипъ металъ, какъ будто Зевсъ перуны,
Билъ скрипки, ноты жегъ, ломалъ смычки, рвалъ струны!

5.

Антипова душа узъ плотскихъ свободилась,
И гдѣ же поселилась?
Вы думаете, что на небесахъ паритъ:
Нѣтъ! вотъ она, въ гудкѣ Антиповомъ сидитъ!

6.

Богу правосудному
и милостивому—
для исправленія насъ грѣшниковъ
прежде нашествія антихристова—
было благоугодно
ниспослать въ міръ беззаконный
Антипа.
не пламенемъ вооруженнаго,
но скрипкою,
слуха ради истязанія,
не внемлющаго заповѣдей господнихъ,
и сей предшественникъ антихристовъ,
паче чумы, меча и глада,
гнѣвъ смертнымъ явилъ небесный.
Но Богъ не до конца прогнѣвался:
Антипъ изгинулъ
и скрипкою
уже насъ не терзаетъ!
Слава тебѣ, человѣколюбче!

Заглавіе къ моимъ сочиненіямъ.

Ну какъ назвать? мои бездѣлки,
Мои творенья мелки,
Мое и сё и то...
О гордость! что мой трудъ? Героевъ трудъ ничто.

Акимъ Нахимовъ.

Сообщ. Г. С. Чириковъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Гробница греческаго митрополита Игнатія, въ городѣ Маріуполѣ.

† 1784 г.

Въ 1774 году крымскіе греки, желая избавиться отъ притѣсненія татаръ, рѣшились выселиться въ Новороссійскій край. Главнымъ дѣятелемъ этого выселенія былъ греческій митрополитъ Игнатій. По повелѣнію императрицы имъ дозволено было выбрать мѣста въ нынѣшней Екатеринославской губерніи. Они первоначально прибыли въ Бахмутъ, потомъ въ Екатеринославль, но вѣроятно мѣста эти имъ не понравились, и въ 1779 г. они окончательно поселились въ Маріупольскомъ уѣздѣ. Тамъ имъ было пожаловано по 30 десятинъ на душу, сверхъ того 6,000 десятинъ удобной и 2,000 десятинъ неудобной береговой земли по берегу Азовскаго моря. Въ настоящее время, кромѣ грековъ, живущихъ въ городѣ—24 греческихъ селенія въ уѣздѣ. Вмѣстѣ съ греками прибылъ въ Маріуполь, (или какъ тогда называли и писали: Маріамполь) и митрополитъ Игнатій. Онъ былъ, по повелѣнію императрицы, назначенъ пожизненнымъ епархіальнымъ архіереемъ. Епархію его составляли только эти выселившіеся греки. Каѳедра была въ Маріуполѣ.

Въ 1784 году митрополитъ Игнатій скончался и похороненъ въ маломъ соборѣ. Онъ похороненъ по восточному обычаю, т. е. въ склепѣ поставлены кресла и онъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи сидитъ въ этихъ креслахъ. Бывая нерѣдко въ Маріуполѣ, я пожелалъ его видѣть. Въ самомъ соборѣ, близъ клироса съ правой стороны отъ входа, поставленъ саркофагъ изъ бѣлаго мрамора,—саркофагъ этотъ внутри пустой,—его сняли, затѣмъ доски, которыми забранъ полъ, на петляхъ, и запираются замками. Одинъ изъ дьяконовъ отперъ эти замки и раздвинулъ доски, подъ ними протянута парча; когда отдернули парчу, то я увидалъ покойнаго, сидящаго въ креслахъ,—правая рука свѣсившись чрезъ ручку креселъ,—голова склонилась на правую сторону, онъ съ головы и до колѣнъ закрытъ густо бѣлою кисеею, такъ что лица нѣтъ возможности разсмотрѣть, но черепъ, совершенно лишенный волосъ, виденъ; по словамъ священниковъ, слышавшихъ отъ своихъ отцовъ, онъ и при жизни былъ совершенно лысый; правая рука отъ локтя обнажена,

вѣроятно, одежда истлѣла,—остались только кости и жилы, кожи нѣтъ. На вопросъ, былъ ли онъ похороненъ въ митрѣ, мнѣ священникъ отвѣчалъ, что въ митрѣ, но что назадъ тому лѣтъ 15—20, не было надъ нимъ саркофага, такъ что всѣ приходящіе молиться въ соборъ всегда свободно осматривали его и кто-то укралъ митру; послѣ устроили саркофагъ, и нынѣ крайнѣ рѣдко, можетъ быть разъ въ годъ, открываютъ склепъ, для очистки отъ пыли.

В. Луцкій.

Разсказы объ Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I.

I.

Отъ покойнаго сенатора Александра Александровича Башилова я слышалъ въ 1834 г., въ Москвѣ, слѣдующій разсказъ:

Вскорѣ по восшествіи Павла I на престолъ или же въ день коронаціи его—не припомню, но скорѣе полагаю, что въ день коронаціи—когда Павелъ I былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, дежурными при немъ камеръ-пажами были Башиловъ и Паскевичъ (Иванъ Ѳеодоровичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ). Императоръ съ притворно-строгимъ видомъ говоритъ имъ: „Вы не по формѣ одѣты“.—Они такъ и обомлѣли.—„У васъ нѣтъ въ обмундировкѣ того-то и того-то“.—О радость! Они поняли, что недостававшее означало производство ихъ въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка и бросились цѣловать руки государя. „Ну, бѣгите скорѣе одѣваться—прибавилъ онъ“. Когда же они позже пришли являться ему въ офицерской формѣ, Павелъ I снова сказалъ имъ: „Вы опять таки не по формѣ одѣты“!—и снова новые прапорщики перепугались.... „У васъ аксельбантовъ нѣтъ!“ (т. е. флигель-адъютантскихъ), прибавилъ Павелъ I—и снова радость новыхъ флигель-адъютантовъ, и снова бросились они цѣловать руки Императора.

Какая разница однако въ карьерѣ ихъ: Паскевичъ умеръ генералъ-фельдмаршаломъ, княземъ Варшавскимъ и графомъ Эриванскимъ, а Башиловъ—сенаторомъ московскихъ департаментовъ сената, непремѣннымъ членомъ московскаго англійскаго клуба, шутникомъ и разскащикомъ!

II.

Кому не извѣстно, что даже при такомъ строгомъ государѣ, какъ Павелъ I, было множество шутниковъ и забавниковъ, которые продѣлывали пресмѣлыя шутки, какъ напримѣръ извѣстный Ваксель, побившійся объ закладъ, что онъ въ театрѣ, въ царской ложѣ, стоя за спиной Павла I, погрозитъ лицамъ, державшимъ пари косою его—и выигралъ закладъ (о чемъ было уже разсказано въ „Русской Старинѣ“). Вотъ, между прочимъ, что я слышалъ отъ покойнаго товарища моего по гвардейскому генеральному штабу, штабсъ-капитана князя Димитрія Ивановича Цицiанова (умеръ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ), въ 1829 году.

Разъ, на вахтъ-парадѣ, какъ тогда назывался разводъ, въ іюлѣ или августѣ, одинъ изъ офицеровъ, которые, одинъ за другимъ, должны были подходить къ Павлу I и рапортовать ему, салютуя эспонтономъ, исполнилъ это въ слѣдующихъ стихахъ, по одному при каждомъ темпѣ:

Полно тебѣ служить, государь!
То повышай (1-й темпъ—подвысь)
То понижай (2-й темпъ—опусти)
Сентябрь на дворѣ,
Въ отставку подамъ, } (3-й темпъ,—эспонтономъ въ обѣ руки).
Прощай! (на лѣво кругомъ маршъ).

Какія были послѣдствія—неизвѣстно. Не былъ ли это весьма извѣстный также проказникъ временъ Павла I, Копьевъ (отецъ того, который, командуя полкомъ на Кавказѣ, при графѣ Воронцовѣ, былъ несправедливо оклеветанъ и преданъ военному суду, о чемъ было подробно разсказано въ „Русской Старинѣ"). Копьева-отца я самъ зналъ, еще въ 1820-хъ годахъ: у него было имѣніе недалеко отъ Царскаго Села, называвшееся Селомъ Никольскимъ или Плитная ломка. Этотъ Копьевъ, при Павлѣ I, за проказы былъ, кажется, разжалованъ имъ въ солдаты и сдѣлалъ себѣ всю солдатскую форму тогдашняго времени въ увеличенныхъ, чуть не вдвое, размѣрахъ, именно: огромные шляпу, мундиръ, перчатки съ крагенами и ботфорты, и стоя въ такомъ нарядѣ на часахъ, при проходѣ Павла I, отхватилъ ему на караулъ также необыкновеннымъ образомъ. Я слышалъ это отъ многихъ, читалъ потомъ и въ печати, но за достовѣрность ручаться не могу, и какія были послѣдствія—не знаю. Но, судя по выходкамъ Вакселя и многихъ другихъ, это могло быть вѣроятнымъ. Павелъ I самъ, въ хорошемъ расположеніи духа, не сердился особенно за такого рода проказы, имѣвшія въ виду только шутки.

Въ подтвержденіе этого могу привести еще два разсказа. Одинъ я слышалъ отъ покойнаго пріятеля моего, Александра Павловича Башуцкаго, слышавшаго этотъ разсказъ отъ отца своего, при Павлѣ I служившаго въ гатчинскихъ войскахъ, потомъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку, и умершаго генералъ-адъютантомъ и с.-петербургскимъ комендантомъ. Когда Павелъ I жилъ въ Петербургѣ, въ нынѣшнемъ Инженерномъ замкѣ, то вахтъ-парады въ его присутствіи происходили, въ хорошую погоду, на площади этого замка. На вахтъ-парады обыкновенно собиралось много простаго народа и — собакъ. Ни перваго, ни послѣднихъ никто не смѣлъ отгонять и они свободно тѣснились, народъ—позади, а собаки—впереди Павла I. Къ простому народу Павелъ I былъ всегда ласковъ и когда войска на вахтъ-парадѣ строились для прохожденія мимо него, онъ тростью своею слегка отодвигалъ народъ, говоря: „Прошу отодвинуться немного назадъ", затѣмъ, взявъ трость свою подъ лѣвую мышку и снявъ съ правой руки перчатку съ крагенами, вынималъ изъ праваго кармана своего куски хлѣба и подчивалъ имъ тѣснившихся къ нему собакъ. Когда же войска уже подходили, онъ слегка отгонялъ собакъ тростью, говоря: „Ну, теперь ступайте", и собаки, понимая это и получивъ свою подачу, сами собою удалялись.

Другой разсказъ я слышалъ отъ полковника л.-гв. конно-егерскаго (нынѣ л.-гв. драгунскаго) полка, Ренне, въ іюнѣ 1834 г., во время частнаго маневра возлѣ Краснаго Села. Во время кратковременнаго роздыха, въ отрядѣ генералъ-адъютанта Ушакова, при которомъ я состоялъ, генералы, нѣкоторые штабъ-офицеры, адъютанты и пр. собрались къ завтраку у генерала Ушакова. Зашла рѣчь объ императорѣ Павлѣ I и полковникъ Ренне, уже старослуживый, разсказалъ слѣдующее: разъ, лѣтомъ или осенью, Павелъ I назначилъ двухъ-сторонній маневръ въ Павловскѣ: одинъ отрядъ долженъ былъ атаковать и штурмовать крѣпость Маріенталь (Бипъ—тожъ), а другой, подъ на-

чальствомъ коменданта крѣпости, генералъ-маіора (нѣмецкой фамиліи котораго не припомню)—защищать крѣпость и, по приказанію Павла I, не сдавать ея до назначеннаго часа (кажется—12-ти часовъ дня) ни въ какомъ случаѣ, даже еслибы самъ Павелъ I приказалъ. Приказанія объ этомъ были отданы наканунѣ дня маневра, а въ этотъ день съ утра, какъ на бѣду, пошелъ и не переставалъ идти дождь. Атакующій отрядъ, при которомъ находился Павелъ I, производитъ атаку, комендантъ защищается, дождь льетъ какъ изъ ведра, войска промокли, промокъ и Павелъ I, и посылаетъ коменданту приказанія спустить флагъ и подъемный мостъ и отворить ворота. Но комендантъ, ссылаясь на приказаніе самаго государя, отданное наканунѣ, не сдается и только съ послѣднимъ ударомъ крѣпостныхъ боевыхъ часовъ въ назначенный для сдачи часъ, спускаетъ флагъ и подъемный мостъ, отворяетъ ворота и выходитъ на встрѣчу государя. Павелъ I, тутъ же на мосту, объявляетъ, что за точное исполненіе комендантомъ первоначальнаго приказанія, отданнаго наканунѣ, производитъ въ генералъ-лейтенанты, а за неисполненіе имъ втораго приказанія сдаться въ этотъ день, приказалъ: посадить коменданта верхомъ на шлагбаумѣ крѣпостнаго моста, поднять шлагбаумъ и продержать на немъ коменданта на 1 часъ времени подъ дождемъ. Это также были, со стороны Павла I, и милость и шутка.

III.

По случаю ежегодныхъ поѣздокъ императора Александра Павловича по Россіи, послѣ 1815 г., заблаговременно передъ тѣмъ составлялся подробный маршрутъ поѣздки и снимались подробные же топографическіе маршруты, въ большомъ масштабѣ, на 1 или 2 версты, по обѣимъ сторонамъ дорогъ, по которымъ государь долженъ былъ проѣзжать. Маршруты эти снимались лучшими съемщиками и рисовальщиками ситуаціи изъ числа офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба и квартирмейстерской части. Снятые ими маршруты государь въ путешествіи всегда имѣлъ при себѣ, въ своемъ экипажѣ, и внимательно слѣдилъ по нимъ за мѣстностью и всѣми мѣстными предметами на ней. Въ 1825 году, послѣднемъ въ его царствованіи и жизни, онъ назначилъ поѣздку на нижнюю Волгу и оттуда степями къ Азовскому морю, въ Крымъ и наконецъ въ Таганрогъ. Составленіе маршрутовъ по дорогамъ этой поѣздки было возложено на трехъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба: Шёнига, Тучкова и Кожевникова, отличныхъ съемщиковъ и рисовальщиковъ ситуаціи. Они постоянно находились въ составѣ свиты государя, во время поѣздки его и пребыванія въ Таганрогѣ, до самой кончины его. Вотъ что неоднократно разсказывалъ мнѣ покойный Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ о времени пребыванія въ свитѣ Александра Павловича въ Таганрогѣ.

— „По окончаніи съемки маршрутовъ, мнѣ было предписано лично вручить оные Дибичу при проѣздѣ его съ Государемъ черезъ станцію Прискуху въ Псковской губерніи. На этой станціи, въ послѣдніе дни августа 1825-го года, я дождался прибытія Императора Александра. Здѣсь я имѣлъ случай въ первый разъ говорить съ Государемъ, человѣкомъ завлекательной наружности съ невыразимо пріятными формами обращенія. Онъ спросилъ меня о родствѣ моемъ съ генералами Тучковыми, говорилъ, что зналъ мою бабушку и назвалъ ее по имени, сказавъ, что помнитъ ее. Потомъ лично далъ приказанія на счетъ по-

рученія моего въ Астрахань и благосклонно простился со мною. Здѣсь Государь почевалъ. На другой день я еще разъ видѣлъ его при отъѣздѣ съ ночлега и онъ еще разъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Вслѣдъ за нимъ я скакалъ курьеромъ и поворотилъ черезъ Дорогобужъ и Москву въ Астрахань.

Въ Астрахани я имѣлъ порученіе собрать свѣдѣніе о сообщеніи между гор. Уральскомъ и Астраханью и способахъ проѣзда Государя Императора въ томъ краѣ. Всѣ сіи свѣдѣнія, какъ равно и статистическое описаніе губерніи, я отправилъ по эстафетѣ въ Таганрогъ. Дибичъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 23-го сентября 1825 года, изъявилъ особенную благодарность за исполненіе этого порученія, и собственноручно приписалъ нѣсколько строкъ, весьма лестныхъ. Въ предписаніи же его отъ 26-го сентября 1825 года, приказывая отправиться изъ гор. Царицына (гдѣ я кончилъ съемку топографическихъ марштрутовъ) въ Таганрогъ, заключаетъ свое предписаніе словами: „При чемъ нужнымъ считаю вамъ повторить: работою не слишкомъ торопиться, но беречь здоровье ваше“.

Привожу это какъ примѣръ попеченія и вниманія начальника, каковъ былъ Дибичъ, и какихъ рѣдко послѣ встрѣчали въ нашей службѣ. По предписанію этому я, наконецъ, прибылъ въ Таганрогъ и остановился съ товарищемъ моимъ Шенихомъ. На другой день я отправился являться къ Дибичу. Идя по узкому тротуару Таганрогской грязной улицы и остановясь противъ воротъ одного дома, я спросилъ женщину, шедшую по двору: „Не здѣсь-ли живетъ генералъ Дибичъ?“ и вмѣсто отвѣта вдругъ почувствовалъ, что кто-то взялъ меня за оба плеча сзади, и потомъ, указывая на сосѣдній домъ, говоритъ: „Дибичъ живетъ въ этомъ домѣ“. Узнавъ голосъ Государя, я хотѣлъ сойти съ тротуара, чтобы дать мѣсто; но Государь, не пуская меня, поздоровался и спрашивалъ объ окончаніи моего порученія. Потомъ вышелъ изъ грязи на тротуаръ и пошелъ далѣе, указавъ мнѣ еще разъ домъ Дибича.

Въ другой разъ мы сидѣли подъ окномъ съ Шенихомъ и глядѣли на пьянаго гарнизоннаго офицера, никакъ непопадавшаго на тротуаръ. Посмотрѣвъ въ противную сторону, мы замѣтили Государя, идущаго къ нему на встрѣчу противъ нашихъ окошекъ. Государь, поровнявшись съ нимъ, спросилъ его:

— „Гдѣ ты живешь? пойдемъ, я доведу тебя, а то, если тебя встрѣтитъ Дибичъ въ этомъ положеніи, тебѣ достанется, онъ престрогій“, взялъ его подъ руку и повелъ въ первый переулокъ.

Можно вообразить, что пьяный офицеръ, узнавъ Государя, скоро протрезвился.

Во время пребыванія Государя въ Таганрогѣ, онъ ежедневно прогуливался пѣшкомъ и рѣдко прогулка его не была ознаменована какою нибудь помощью бѣдному семейству, отысканному имъ самимъ, или какимъ нибудь благодѣяніемъ другаго рода.

Государю вздумалось, однажды, сдѣлать неожиданное удовольствіе Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, открывъ видъ на море въ городскомъ саду, гдѣ Государыня часто прогуливалась и хотѣла проложить новую дорожку къ самому нагорному берегу. Государь приказалъ спросить кого нибудь изъ насъ, не возьмемъ ли мы на себя распорядиться этою работою и тотъ, кто пожелаетъ, явился бы на другой день въ садъ, гдѣ найдетъ самаго Государя. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы были счастливы исполнить желаніе Государя, но такъ какъ надо было одного только, то я, какъ старшій, получилъ приказаніе явиться въ садъ. Съ очаровательною любезностью Государь объяснилъ свое желаніе и велѣлъ взять людей изъ рабочаго баталіона, съ тѣмъ чтобы къ слѣдующему

утру работа была готова. На другой день, едва все было отдѣлано, Государь прибылъ въ садъ, дошелъ по новой дорожкѣ до берега моря и полюбовался видомъ, поблагодарилъ меня и приказалъ дождаться на этомъ мѣстѣ Императрицы, а самъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Черезъ короткое время Государь съ Императрицею, прогуливаясь по саду, подошли къ новой дорожкѣ и Императрица узнала вниманіе Государя къ желанію ея, ибо она нѣсколько разъ изъявляла сожалѣніе, что въ саду закрытъ видъ на море. Послѣ изъявленія чувствъ своихъ, Государь поцѣловалъ у нея руку и они долго любовались видомъ. Потомъ Государь представилъ меня Императрицѣ, и когда она удалилась, Государь подозвалъ меня, поблагодарилъ еще разъ и, вынувъ изъ кармана коробочку съ перстнемъ, вручилъ мнѣ, сказавъ: „вотъ тебѣ на память за труды твои". И въ этомъ прояснялась утонченность чувствъ Государя; онъ считалъ работу эту внѣ обязанностей службы и хотѣлъ наградить безъ формы офиціальности.

Жизнь въ Таганрогѣ имѣла особенный характеръ. Государь жилъ какъ частный человѣкъ, безъ свиты и придворнаго этикета, и никто изъ служащихъ безъ особеннаго приказанія не могъ пріѣхать въ его уединеніе.

Мы приглашались иногда къ обѣду Государя и иногда видали Государя съ Императрицею въ клубѣ, гдѣ Государь танцовалъ польскій съ незнаменитыми горожанками Таганрога. Мы не знали, долго ли продлится пребываніе Императора въ этомъ городѣ и желали только, чтобы насъ оставили при его небольшой свитѣ.

Скоро Государь отправился въ Крымъ, и, по возвращеніи, слишкомъ скоро постигло событіе, поразившее Россію искреннею скорбію. Я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Государя, былъ свидѣтелемъ бальзамированія его тѣла, дежурилъ при немъ и когда тѣло положено было на катафалокъ въ залѣ, то у подножія его стоялъ на часахъ. Видѣлъ, какъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи Императрица, изсохшая въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ слезъ и рыданій, въ черномъ одѣяніи, откидывала покрывало свое, входила на ступени гроба и долго, долго не сводила глазъ съ усопшаго супруга".

IV.

Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ.

Однажды, въ 1860-хъ годахъ, одинъ пріятель мой, котораго я навѣстилъ, показалъ мнѣ небольшую фотографическую карточку, говоря: „Посмотрите, не найдете ли сходства съ кѣмъ-нибудь, вамъ извѣстнымъ?"—Смотрю—и вижу: великаго роста и благолѣпнаго вида старецъ, съ обнаженною отъ волосъ головою, въ бѣлой крестьянской рубахѣ, опоясанный пояскомъ, съ обнаженными ногами, стоящій среди крестьянской хижины. Лице—прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни съ кѣмъ припомнить не могу. Наконецъ пріятель мой спрашиваетъ меня: „Не находите ли сходства.... съ покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ?" Я крайне удивился—началъ пристальнѣе всматриваться и, точно, сталъ по немногу находить нѣкоторое сходство и въ чертахъ лица, и въ ростѣ, но я недоумѣвалъ, что значили эти борода, одежда, хижина? Тогда пріятель разсказалъ слѣдующее:

— „Карточку эту далъ мнѣ, предложивъ тѣ же вопросы, что и я вамъ, одинъ пріятель мой, долго жившій въ Сибири, и недавно пріѣхавшій оттуда. Онъ разсказалъ мнѣ при этомъ, что по общему въ Сибири, въ то время, народ-

ному повѣрью, послѣ смерти императора Александра Павловича, въ одномъ глухомъ мѣстѣ Западной Сибири водворился неизвѣстный отшельникъ и затворникъ или—какъ народъ нашъ называетъ—„блаженный“. Въ лѣсу, вдали отъ человѣческаго жилья, въ совершенномъ затворничествѣ, въ малой хижинѣ, жилъ онъ въ безвѣстности. Вскорѣ въ народѣ стала болѣе и болѣе распространяться молва о „блаженномъ“ затворникѣ и привлекать къ нему народъ. Затворникъ, однако, не впускалъ къ себѣ никого, исключая весьма рѣдкихъ случаевъ, и то немногихъ, тяжко страдавшихъ тѣлесными или душевными недугами; при этомъ затворникъ впускалъ, по одиночкѣ, прибѣгавшихъ къ нему, инаго—въ небольшія сѣни, а инаго—и въ свою убогую келію. И тогда всякаго сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всей наружности затворника, въ благолѣпныхъ чертахъ лица, и въ кроткихъ глазахъ, и въ обаятельномъ звукѣ голоса, и въ чудныхъ рѣчахъ, и во всѣхъ пріемахъ и движеніяхъ... Все это производило на посѣтителей такое впечатлѣніе, что всѣ невольно преклоняли передъ затворникомъ колѣни и кланялись ему въ землю. По говору народному, затворникъ имѣлъ какой-то особенный даръ утолять страданія, не только тѣлесныя, но и душевныя, или словеснымъ наставленіемъ и указаніемъ способа изцѣленія, или же прозорливымъ предсказаніемъ о томъ. Въ числѣ стремившихся посѣтить его случилось быть одному по слѣдующему случаю, какъ гласила народная молва. Въ той же мѣстности жили двое бывшихъ придворныхъ служителей: одинъ изъ нихъ опасно заболѣлъ и, не имѣя возможности самому отправиться къ затворнику, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить у него помощи или указанія средства изцѣленія больнаго. Товарищъ его, при помощи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ затворнику, былъ принятъ послѣднимъ въ его келіи, провожатый же остался въ сѣняхъ. Посѣтитель, только что вошелъ въ келію, тотчасъ бросился въ ноги затворнику и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшею головой, съ невольнымъ страхомъ разсказалъ ему въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что затворникъ обѣими руками своими поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ, и не вѣритъ ушамъ своимъ—чудный, кроткій, знакомый ему голосъ.... Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на затворника—и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на землю.. Затворникъ отворилъ дверь въ сѣни и кротко сказалъ провожатому: „Возьмите и вынесьте его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ; больной же товарищъ его выздоровѣетъ“, (что дѣйствительно и случилось). Очнувшійся же и оправившійся не могъ утаить отъ своихъ провожатаго и отъ товарища, что въ лицѣ затворника онъ узналъ.... императора Александра Павловича, но престарѣлымъ и съ сѣдою бородой!... Не смотря на запрещеніе затворника, тайна эта, повѣданная только провожатому и товарищу, огласилась,—и въ простомъ народѣ въ Западной Сибири распространилась молва, что затворникъ былъ—императоръ Александръ Павловичъ!... „Вотъ“, заключилъ пріѣзжій изъ Сибири—„что, по крайней мѣрѣ, гласила въ ней народная молва и не безъ убѣжденія. Нѣтъ сомнѣнія, что поводомъ къ ней послужило совершенно случайное сходство въ наружности и голосѣ затворника съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, и что народная молва объ этомъ съ довѣріемъ принята была нашимъ слишкомъ легковѣрнымъ народомъ, чему столько подобныхъ примѣровъ не разъ бывало у насъ, и въ смутное время самозванцевъ, и въ Пугачовщинѣ, и въ сказкѣ о „попѣ съ козлиной бородой“ на Ка-

занской площади, послѣ 14-го декабря 1825 г. и т. п. Опровергать же тождество затворника съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, которое, конечно, не могло имѣть мѣста, совершенно излишне".

Кн. Н. С. Голицынъ.

Повелѣніе воздухоплавателю.

Печатаемъ со списка 1802-го года, сохранившагося въ старинныхъ бумагахъ, одинъ изъ своеобразныхъ приказовъ извѣстнаго своими чудачествами графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго.

Петръ Сѣверцовъ.

„Приказъ надзирателю квартальному Быкову, Васильевской части.— Скажи профессору Черни, что на завтрешній день шаръ его можетъ наедаться на мѣстѣ, но послѣ завтра въ 11-ть часовъ поутру хоть тресни, хоть онъ самъ профессоръ роди, а шаръ его лети.

Графъ Каменскій.

Ч(исла) 15-го октября
1802 г.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

Письма его къ Д. Б. Тевкелеву

1817—1818 гг.

Извѣстно, что положеніе М. М. Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда онъ былъ сосланъ тотчасъ послѣ постигшей его опалы, было весьма тягостное. „Всѣ боялись сходиться съ нимъ", говоритъ князь Грузинскій, коротко знавшій его; „для предохраненія отъ непріятныхъ случаевъ", а также для постояннаго наблюденія и донесенія, губернаторъ распорядился, чтобъ за Сперанскимъ, на улицѣ всегда слѣдовалъ, издалека, полицейскій офицеръ. Губернаторъ никогда почти съ нимъ не видѣлся, тѣмъ болѣе не звалъ къ себѣ, опасаясь доносовъ въ Петербургъ. Бывали у него часто одни лишь давніе его пріятели: Злобинъ и Столыпинъ, наѣздомъ изъ Саратова и Пензы [1]). Въ это-то тяжелое время нашлись люди, которые—по выраженію Сперанскаго,—„въ привязанностяхъ своихъ не смотрятъ и не разбираютъ ни счастья, ни униженія", и между ними,—какъ это видно изъ напечатанныхъ вслѣдъ за симъ писемъ,—оказался Дмитрій Борисовичъ Тевкелевъ. Письма эти хранились у сенатора Марка Николаевича Любощинскаго и обязательно переданы имъ намъ для напечатанія. Подлинники ихъ переданы въ Императорскую Публичную библіотеку, для храненія вмѣстѣ съ прочими бумагами Сперанскаго.

Г. К. Рѣпинскій.

I.

„Милостивый государь мой, Дмитрій Борисовичъ.

Первое письмо, полученное мною въ Новѣгородѣ, по возвращеніи моемъ изъ Перми, было ваше. Я не могъ отвѣчать вамъ по обстоятельствамъ. Но чувства мои къ вамъ не требовали письменныхъ подтвержденій. Вѣрте [2]) мнѣ,

---

[1]) См. кн. Бар. (графа) Корфа, т. II, стр. 59.

[2]) Такъ въ подлинникѣ, и такъ Сперанскій всегда писалъ это слово. Г. Р.

любезный другъ, что наученный несчастіями я никогда не престану вѣрить, что есть на свѣтѣ люди, (правда, что число ихъ весьма ограниченно), которые въ привязанностяхъ своихъ не смотрятъ и не разбираютъ ни счастья, ни униженія. Таковы были вы со мною въ Нижнемъ и я увѣренъ таковы же останетесь на вѣки. Сей самый образъ мыслей ручается вамъ и за меня. Судьба моя имѣла ту примѣчательную странность, что я не потерялъ во все сіе время ни одного друга; и напротивъ приобрѣлъ еще нѣсколько новыхъ; и сіе приобрѣтеніе, подобно какъ дѣти въ старости, есть самое привлекательное и драгоцѣнное.

Примите свидѣтельство совершеннаго моего почитанія и приверженности, съ коими на всегда буду вашъ покорнѣйшій и усерднѣйшій слуга М. Сперанскій".

Въ Пензѣ.
16-го генв. 1817 г.

II.

Пенза, 13-го августа 1818 года.

„Не знаю, любезный мой Дмитрій Борисовичъ, чтó вы заключили о молчаніи столь долговременномъ на письмо столь обязательное и любезное. Я и самъ еще не понимаю, какъ не отвѣчалъ вамъ цѣлой мѣсяцъ. Времянная моя отлучка и подробное повѣствованіе разныхъ мѣлочей, тутъ встрѣтившихся, не уменьшаютъ моей вины.

Дочь моя весьма вамъ благодарна за предложеніе быть воспріемницею вашей новорожденной, или новорожденнаго. Но чемъ (sic) Богъ васъ обрадовалъ! Увѣдомленіе ваше будетъ мнѣ свидѣтельствомъ, что вы забыли мою вину и новымъ доказательствомъ вашей ко мнѣ дружбы.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почитаніи, съ коимъ всегда честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ и усерднѣйшимъ слугою М. Сперанскій".

Сообщ. **М. Н. Любощинскій.**

Поставленіе Иринея Нестеровича

архіепископомъ въ Иркутскъ

1830 г.

Въ „Русской Старинѣ“ напечатано довольно много матеріаловъ къ біографіи архіепископа Иринея Нестеровича, человѣка умнаго, но крутаго и крайне своеобычнаго. Считаемъ не лишнимъ воспроизвести на страницахъ „Русской Старины“ всеподданнѣйшій докладъ Синода о назначеніи Иринея въ Иркутскъ. Перепечатываемъ этотъ документъ съ современнаго, 1830 г., печатнаго оттиска.

П К.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу всероссійскому всеподданнѣйшій докладъ синода. По всеподданнѣйшему докладу синодальнаго оберъ-прокурора о кончинѣ иркутскаго архіепископа Михаила и объ избраніи синоду на мѣсто его кандидатовъ, вашему императорскому величеству благоугодно было въ 19-й день сего іюля высочайше повелѣть:

— „Избрать самаго твердаго и надежнаго и перевесть въ Иркутскъ“.

Исполняя высочайшую волю сію, синодъ по извѣстнымъ ему способностямъ находитъ къ переведенію въ Иркутскую епархію достойнымъ и надежнымъ Пензенской епархіи епископа Иринея, о которомъ и представляетъ при семъ на высочайшее благоусмотрѣніе послужной списокъ.

Съ симъ вмѣстѣ синодъ, принявъ въ разсужденіе, что Иркутская епархія, состоя въ 3-мъ классѣ, по мѣстнымъ своимъ обстоятельствамъ требуетъ, дабы въ оную переводимы были изъ дѣйствительно служащихъ епископовъ дознанныхъ способностей и что тамошній архіерейскій домъ, по штату третье-класныхъ епархій, пользуется весьма скуднымъ содержаніемъ, признаетъ справедливымъ повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе вашего императорскаго величества слѣдующія предположенія:

1) Для поощренія къ трудамъ просвѣщенія и утвержденія въ Христіанской вѣрѣ разноплеменныхъ народовъ Иркутской епархіи, утвердить при переводѣ въ оную епископа Иринея въ званіи архіепископа, и

2) Иркутскую епархію возвысить во второй классъ, полагая оную въ семъ классѣ послѣднею, съ производствомъ на архіерейскій домъ содержанія изъ казны по примѣру прочихъ епархій сего же класса и особенно смѣжной съ нею Тобольской, по представляемому у сего штату.

Поелику же изъ числа назначенной по сему штату прибавочной суммы, всего 2,508 р. 35 к., причитается лично архіерею токмо 200 р., то синодъ не могъ не принять во вниманіе, что изъ суммы на провизію полагаемой, долженъ онъ довольствовать пищею положенныхъ при архіерейскомъ домѣ монашествующихъ и прочихъ служащихъ при немъ людей, изъ чего виденъ крайній недостатокъ на протчее его содержаніе, а потому испрашиваетъ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія, дабы по примѣру тому, какъ въ 1827 году высочайше повелѣно производить Калужскому архіерейскому дому, состоящему въ 3-мъ классѣ, сверхъ штата, по пяти тысячъ рублей, назначить на Иркутскій архіерейскій домъ въ пособіе къ его содержанію. сверхъ штатной суммы, по семи тысячъ рублей въ годъ, по тому осо-

бенно уваженію, что хотя епархія сія и не имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ столько церквей какъ Калужская, но по обширности своей требуетъ гораздо больше времени и разъѣздовъ для посѣщенія ихъ, слѣдовательно и больше издержекъ на надобности для сихъ разъѣздовъ, а сверхъ того и потому, что епархіи сей предназначено быть въ высшемъ классѣ противъ Калужской.

Всемилостивѣйшій государь! Синодъ, представляя сіи предположенія на высочайшее вашего императорскаго величества разрѣшеніе, всеподданнѣйше испрашиваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ высочайшаго соизволенія о выдачѣ Епископу Ириней, при переводѣ его въ Иркутскую епархію, сверхъ слѣдующихъ на проѣздъ прогонныхъ денегъ, на путевыя издержки тысячи рублей, изъ государственнаго казначейства, а также и о избраніи за тѣмъ на мѣсто его въ Пензенскую епархію кандидатовъ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшіе:

(Подлинный за подписаніемъ святѣйшаго правительствующаго синода.)

№ 6.

Іюля 24 дня 1830 г.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: „Быть по сему. Николай“.

Александрія, близь Петергофа.

26 іюля 1830 года.

Сообщ. **П. А. Карабьинъ.**

ЕГОРЪ ФРАНЦОВИЧЪ КАНКРИНЪ.

(Изъ записокъ И. В. Селиванова).

I.

Интересная замѣтка Д. Ѳ. Кобеко о рублѣ императора Константина Павловича, напечатанная въ „Русской Старинѣ“, изд. 1880 г. томъ XXVII, (январь), напомнила мнѣ, что и у меня въ рукахъ была монета, хотя и отчеканенная, но въ обращеніе не поступившая; монета, о которой я впослѣдствіи никогда и не слыхалъ, какъ будто ея никогда даже и не существовало.

Это было, если не ошибаюсь, въ 1836 или 1837 году. Я служилъ тогда въ Московскомъ горномъ правленіи, гдѣ начальникомъ или бергъ-инспекторомъ былъ Ф. П. Макеровскій, впослѣдствіи мой тесть.

Спустя какіе нибудь сутки послѣ отъѣзда въ Петербургъ министра финансовъ графа Е. Ф. Канкрина, всегда останавливавшагося, когда пріѣзжалъ въ Москву, у г. Макеровскаго, въ горномъ правленіи, на Моховой (нынѣшній архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ), бергъ-инспекторъ вышелъ изъ своей квартиры въ канцелярію горнаго правленія, гдѣ я занимался, и позвалъ меня къ себѣ.

— Я хочу дать вамъ порученіе, сказалъ онъ.

— Съ удовольствіемъ его исполню, в. п.! отвѣчалъ я.

— Графъ Егоръ Францовичъ, уѣзжая вчера изъ Москвы, поручилъ мнѣ разослать или развезти вотъ эти монеты всѣмъ почетнымъ лицамъ города. Надѣньте завтра мундиръ и развезите эти монеты, вотъ по этому списку.

При этомъ онъ положилъ мнѣ въ руку 10 или 12 серебряныхъ монетъ, и списокъ лицъ, которымъ я долженъ былъ развезти ихъ.

Монеты были серебрянныя, величиною въ нынѣшнюю пятикопѣечную мѣдную монету или даже нѣсколько больше. Цѣна ея опредѣлялась, кажется, въ полтора рубля серебромъ. По одной сторонѣ были поясныя изображенія императора Николая, императрицы и всѣхъ августѣйшихъ дѣтей,—фигуръ 8, расположенныхъ кругомъ; а на другой сторонѣ, кажется, двухглавый орелъ.

О томъ, какъ развезъ ихъ и кому, я разскажу послѣ;—теперь же нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о графѣ Е. Ф. Канкринѣ, министрѣ финансовъ, котораго, вслѣдствіе того, что онъ останавливался въ горномъ правленіи, куда я по службѣ ходилъ каждый день, хотя и не принадлежалъ еще къ семейству Макеровскихъ, видалъ часто.

Я сказалъ выше, что графъ, когда пріѣзжалъ въ Москву, всегда останавливался въ горномъ правленіи, въ квартирѣ моего тестя, котораго онъ, а особенно графиня, рожденная Муравьева, очень любила, можетъ быть отчасти потому, что графиня была скуповата, а тесть мой лѣзъ изъ кожи, чтобъ угодить ей. Пріѣзжая въ Москву, и графъ и графиня дѣлались какъ бы семейными тестя: обѣдали вмѣстѣ, вмѣстѣ пили чай и проч. Простота, съ какою велъ себя графъ Канкринъ, была просто удивительна. Когда онъ уставалъ заниматься, (а занимался онъ чуть ни цѣлый день), онъ надѣвалъ шинель, военнаго покроя, въ рукава (онъ ходилъ въ военномъ костюмѣ), подпоясывался носовымъ платкомъ и шелъ или въ пробирную палатку, или въ садъ, или осматривалъ строенія. Не было мелочи, на которую онъ не обратилъ бы вниманія. Онъ вникалъ во все. Садъ, который теперь существуетъ на дворѣ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, обязанъ существованіемъ его почину. Онъ велѣлъ моему тестю его устроить, далъ рисунокъ и размѣры.

Въ столовой моего тестя происходили иногда сцены, имѣющія государственное значеніе, и которыхъ мнѣ иногда случалось быть свидѣтелемъ, какъ дежурному. Вѣроятно многіе еще помнятъ то время, когда монетная единица, бывшая прежде въ видѣ ассигнаціоннаго рубля, превратилась въ рубль серебрянный, и какой существовалъ тогда лажъ. Красненькая, 10-ти-рублевая бумажка, стоила 12 рублей серебрянною монетой, и курсъ бумажекъ безпрестанно измѣнялся, что въ торговлѣ производило большія затрудненія.

Какъ сейчасъ гляжу на депутацію отъ купечества, явившуюся къ графу, съ просьбою установить неизмѣнный и единообразный курсъ денегъ.

Выслушивши ихъ очень внимательно, онъ отвѣчалъ:

— Я, батушка, тутъ ничего не могу сдѣлать! деньги—товаръ.

А вскорѣ послѣ этого установлена была монетная единица въ рубль серебромъ, и опредѣлены были отношенія бумажнаго рубля, его частей, къ золотому и серебрянному рублю.

Другой разъ мнѣ случилось слышать, какъ онъ, въ присутствіи начальниковъ частей, состоящихъ въ его вѣдомствѣ: предсѣдателя казенной палаты, начальника таможни, управляющаго конторою государственнаго банка и членовъ этихъ мѣстъ, сказалъ одному изъ директоровъ департамента министерства финансовъ:

— Вы, батушка, государственный воръ!

Графъ Канкринъ былъ добродушнѣйшій изъ людей. Надобно было видѣть, какъ обращался онъ, напримѣръ, съ Кранихфельдомъ, кажется правителемъ его канцеляріи. Никто бы не повѣрилъ, что Канкринъ министръ финансовъ, а Кранихфельдъ его подчиненный, всѣ сказали бы, что это два старые студента-товарища, которые никогда не разставались, и такъ привыкли другъ

къ другу, что всякое подобіе какихъ бы то ни было церемоній между ними никогда не существовало. Съ носогрѣйкой въ зубахъ, или Канкринъ шелъ въ комнату къ Кранихфельду, вечеромъ, послѣ ужина, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, садился къ нему на кровать и бесѣда шла далеко за полночь; или Кранихфельдъ шелъ въ комнату къ графу съ своей носогрѣйкой, чуть не въ одномъ бѣльѣ, потому что ни у того, ни у другаго ничего схожаго съ халатомъ даже и въ помнѣ не было.

Графъ Канкринъ былъ чрезвычайно чутокъ и внимателенъ ко всему, что могло навести его на мысль улучшенія, по всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства. Онъ былъ чрезвычайно экономенъ, или, пожалуй, даже скупъ на государственныя деньги.

— Министръ финансовъ въ Россіи долженъ утереть министровъ, говаривалъ онъ. И это не въ видахъ своего личнаго честолюбія, но въ видахъ того, что имъ созидаемое можетъ быть испорчено или растрачено его пріемникомъ.

По распоряженію его въ горномъ правленіи хранилось 800 тысячъ рублей, не знаю откуда-то поступившихъ. Хотя они хранились въ кладовой и при желѣзной двери этой кладовой стоялъ часовой, но тѣмъ не менѣе храненіе и отвѣтственность за такую большую сумму, озабочивали моего тестя, и онъ однажды за обѣдомъ сталъ просить графа взять отъ него эти деньги и отослать въ казначейство.

— Нѣтъ, батушка, отвѣчалъ онъ; объ этихъ деньгахъ позабыли, а между тѣмъ какъ понадобятся деньги на военное министерство и государь скажетъ: „Канкринъ! давай денегъ!“ онѣ у меня и есть. Пусть пока полежатъ у васъ.

Когда министръ бывалъ въ Москвѣ, у него по очереди бывали на дежурствѣ чиновники горнаго правленія. Въ одно изъ такихъ дежурствъ случилось быть Н. С. Селивановскому, сыну извѣстнаго типографщика изъ крестьянъ села Дѣднова Л. Д. Измайлова, ставшаго богатымъ человѣкомъ, купцомъ первой гильдіи и почетнымъ гражданиномъ. Какъ дежурный, Селивановскій сидѣлъ въ залѣ, когда вдругъ, неожиданно, вышелъ графъ, и спросилъ его: умѣетъ ли онъ сдѣлать пакетъ? Тотъ, разумѣется, отвѣчалъ утвердительно. Пока пакетъ этотъ дѣлался, графъ спросилъ его: кто онъ такой? и когда Селивановскій объяснилъ ему, что онъ сынъ типографщика, Канкринъ сталъ его распрашивать о типографскомъ дѣлѣ, и Селивановскій, какъ малый смышленный, объяснилъ ему, что типографское дѣло очень выгодное, и что оно могло бы быть еще выгоднѣе, если бы не раззоряли ихъ типографскія чернила, матеріалъ для которыхъ они обязаны выписывать изъ-за границы и платить очень дорого, такъ какъ пошлина на нихъ очень высока.

Этотъ случайный разговоръ не прошелъ безслѣдно. При первомъ тарифѣ, пошлина на предметы для типографскихъ чернилъ была уменьшена или даже уничтожена вовсе.

II.

Обращаюсь теперь къ разсказу о монетѣ. Облекшись въ горный мундиръ, надо сказать очень красивый, военнаго покроя, синій съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и съ богатымъ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и рукавахъ, я отправился. Конечно, прежде всего поѣхалъ я къ генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, такъ какъ онъ первый и стоялъ въ спискѣ. Когда я подъѣхалъ къ генералъ-губернаторскому дому,

швейцаръ, услыхавши, что я желаю видѣть князя, очень безцеремонно захлопнулъ мнѣ дверь, чуть не подъ носомъ, и очень категорически объявилъ, что сегодня не пріемный день, и что князя видѣть нельзя. Тогда я объявилъ, что пріѣхалъ отъ имени министра финансовъ. Нужно было видѣть какое магическое дѣйствіе произвело это имя. Двери распахнулись настежъ; послышалось нѣсколько звонковъ, и меня ввели въ пріемную, всѣмъ москвичамъ вѣроятно извѣстную, угольную комнату передъ кабинетомъ, меня черезъ нѣсколько минутъ и ввели. При моемъ появленіи князь всталъ изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ, и по русски спросилъ, что мнѣ надобно?

Этотъ вопросъ и послѣдовавшій за тѣмъ, хотя и короткій разговоръ по русски, долженъ служить опроверженіемъ тѣмъ господамъ, которые утверждали, что князь не умѣлъ говорить по русски. Напротивъ, онъ не только говорилъ, но и хорошо говорилъ; даже акцента, какой бываетъ у иностранцевъ, я у него не замѣтилъ.

Одѣтъ онъ былъ въ свѣтло-синій шелковый халатъ. Когда я подалъ ему одну изъ монетъ, онъ ласково и привѣтливо отвѣчалъ:

— Поблагодарите графа Канкрина, что онъ вспомнилъ обо мнѣ.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о наружности кн. Д. В. Голицына.

Не смотря на свои 60 слишкомъ лѣтъ, это былъ чрезвычайно красивый господинъ: высокъ ростомъ, волосы съ сѣдиною, простота, изящество во всѣхъ движеніяхъ, прирожденная привѣтливость, возвышенная конечно воспитаніемъ и пребываніемъ при дворѣ; что-то необыкновенно изящное, располагающее къ себѣ, пожалуй, даже симпатичное. Вотъ какимъ показался мнѣ князь Голицынъ,—любимецъ москвичей, которыхъ конечно онъ обворожилъ своею манерою обращенія, такъ что ни у кого не было духу осуждать его за кой-какіе неважные грѣшки, даже слишкомъ явные, которыхъ конечно никогда не простили бы другому.

Другой мой визитъ былъ къ графу Петру Александровичу Толстому, жившему въ своемъ домѣ въ переулкѣ на Тверской. Когда я вошелъ къ нему, онъ лежалъ на кушеткѣ, покрытой желтымъ штофомъ. Поклонившись, я остановился у двери, ожидая вопроса; онъ подозвалъ меня къ себѣ слѣдующими словами:

— Виноватъ, братъ, что не встаю. Проклятыя раны не даютъ встать. Подойди сюда и скажи, что тебѣ нужно?

— Я пріѣхалъ, ваше сіятельство, по порученію графа Егора Францевича Канкрина доставить вамъ монету, которая предположена къ обращенію.

— Дай, дай посмотрѣть.

Долго смотрѣлъ онъ на монету, когда я подалъ ее ему, и спросилъ:

— А графъ уѣхалъ?

— Уѣхалъ вчера, ваше сіятельство.

— Ты кто-жъ такой?

— Я чиновникъ горнаго правленія, ваше сіятельство.

— Какъ твоя фамилія?

Я себя назвалъ.

— А по состоянію кто ты?

— Дворянинъ, мой отецъ помѣщикъ Рязанской губерніи.

— Доволенъ ты своей службой?

— Доволенъ, ваше сіятельство.

— А если недоволенъ, и хотѣлъ бы перемѣнить ее, скажи, я готовъ помочь тебѣ...... Тоже есть кой-какое знакомство.

Такого простодушія, такой искренности, такого гуманнаго обращенія, я не видалъ никогда ни въ комъ изъ людей, высокопоставленныхъ, кромѣ развѣ графа С. Г. Строганова, у котораго и прислуга была такъ настроена, что по неволѣ приводило на память извѣстную французскую пословицу: „каковъ господинъ, таковъ и слуга", тогда какъ у другихъ высокопоставленныхъ господъ, прислуга такъ важна, что къ ней и подступу нѣтъ... такъ что надо чуть не подкупать ее, чтобъ она о васъ доложила.

Послѣ того, какъ я имѣлъ честь сдѣлаться извѣстнымъ графу Строганову въ Москвѣ, я считалъ непремѣнною обязанностію, бывая въ Петербургѣ, приходить на поклоненіе къ графу, какъ ходятъ на поклоненіе къ какой нибудь святынѣ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, подъѣхавъ къ подъѣзду дома графа у полицейскаго моста, я спросилъ у швейцара, можно ли видѣть графа?

Онъ отвѣчалъ коротко:

— Ступайте! и указалъ мнѣ на лѣстницу.

— Я попросилъ бы предварительно доложить графу: угодно ли будетъ ему принять меня.

— Ступайте! говорятъ вамъ, отвѣчалъ онъ даже съ нѣкоторой досадой, какъ будто бы даже просьба моя заключала въ себѣ что-то оскорбительное.

Только при подобныхъ словахъ простаго швейцара, можно понять, почему 12-го января изо всѣхъ концовъ Россіи шлютъ графу Строганову бывшіе московскіе студенты поздравительныя телеграммы, какъ бывшему попечителю Московскаго учебнаго округа, не смотря на то, что онъ выбылъ изъ попечителей болѣе 20 лѣтъ, и что имъ въ немъ нѣтъ теперь никакой надобности.

Третій визитъ мой къ графу Гудовичу, тутъ же на Тверской. Пріемъ его былъ совершенная противоположность тому, что я видѣлъ у графа Толстаго. Меня приняли съ холодною, уничтожающею вѣжливостію, не позволявшею сомнѣваться, что хозяинъ помнитъ какая не измѣримая пропасть раздѣляетъ меня, молодаго человѣка, отъ высокаго сановника, удостоившаго говорить со мною.

Много въ это утро было поучительныхъ встрѣчъ, бо̀льшею частью я позабылъ ихъ, потому что, кромѣ надутаго и глупаго чванства, нечего помнить...

И. В. Селивановъ.

Памятникъ въ Зарайскѣ убіеннымъ воинамъ

въ 1608 г.

Въ „Русской Старинѣ" за 1879 г. (декабрь), изъ г. Зарайска помѣщена статья о приглашеніи къ пожертвованію на устройство памятника на курганѣ при Благовѣщенской церкви. Теперь считаю долгомъ сообщить на страницахъ этого же изданія, что 29-го апрѣля 1880 г., по почину почетнаго члена Зарайскаго церковнаго попечительства Благовѣщенской церкви, мѣстнаго воинскаго начальника полковника Александра Аполлоновича Марина, поставленъ на томъ курганѣ чугунный памятникъ, въ память убіенныхъ въ 1608 году храбрыхъ воиновъ, бывшихъ въ Рязанской и Арзамаской дружинахъ, погибшихъ при защитѣ города Зарайска въ битвѣ съ польскимъ воеводою Ли-

совскимъ,—во время междуцарствія. Была отслужена панихида, съ провозглашеніемъ павшимъ воинамъ вѣчной памяти, а настоятель Благовѣщенской церкви В. П. Денисовъ сказалъ слово, въ которомъ подробно изложилъ всю исторію кургана. Если бы не энергичныя хлопоты г. Марина, по составленію капитала для памятника, то курганъ, вѣроятно, стоялъ бы еще долго въ запустѣніи; нынѣ же онъ не только украсился памятникомъ, но весь окруженъ оградою и обсаженъ скороростущими деревьями, которыя дадутъ ему очень хорошій видъ; высота памятника 2 арш. 8 верш., и креста 2 арш. 8 верш. Пожертвованій по подпискѣ попечительства поступило 1,138 руб., изъ которыхъ 603 руб. употреблены на устройство памятника, а на остальныя деньги купленъ 5% государственный билетъ съ выигрышами и 305 руб. положено на вѣчное время въ Зарайскій городской банкъ. Незначительность этой суммы не позволяетъ въ настоящее время осуществить благую мысль попечительства—устроить пріютъ для бѣдныхъ семействъ отставныхъ нижнихъ чиновъ. Но можетъ быть она положитъ основаніе этому доброму дѣлу. Теперь же % на оставшійся капиталъ постановлено отсылать въ распоряженіе смотрителя уѣзднаго училища для выдачи пособій бѣднымъ семействамъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, дѣти которыхъ учатся въ томъ училищѣ.

Поставленный на курганѣ памятникъ имѣетъ то важное историческое значеніе, что воскресилъ въ памяти прошедшія времена и напомнилъ тѣ заслуги гражданъ города Зарайска передъ отечествомъ, которыя отъ времени забыты.

Въ 1613 г. городъ Зарайскъ въ смутное время междуцарствія одинъ изъ первыхъ послалъ депутацію въ Кострому въ лицѣ своихъ представителей: протоіерея Дмитрія Леонтьева и князя Пожарскаго приглашать на царство Михаила Θеодоровича Романова; такимъ образомъ Зарайску принадлежитъ починъ избранія на царство нынѣ благополучно царствующаго дома Романовыхъ, что видно изъ историческихъ фактовъ и существенныхъ памятниковъ, хранящихся по сіе время въ Зарайскомъ Николаевскомъ соборѣ.—Образъ Феодоровскія Божія Матери, писанный на доскѣ,—мѣрою въ вышину 14 верш., а въ ширину $12^1/_2$ верш. Вѣнецъ и цата на немъ серебряно-вызолоченные, а убрусъ низанъ жемчугомъ; есть снимокъ съ иконы Костромской, бывшей прежде въ Ипатьевскомъ монастырѣ, а теперь находящейся въ Костромскомъ соборномъ храмѣ [1]), что подтверждается и надписью, находящеюся внизу иконы [2]), въ которой сказано: „Явися сей святый и чудотворный образъ благовѣрному и великому князю Василію Георгіевичу, рекомому Квашнѣ, сыну благовѣрнаго великаго князя Георгія Владимірскаго, правнуку же преподобнаго Александра Невскаго. Сей святый и чудотворный образъ списанъ съ чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы Феодоровскія, иже на Костромѣ: явленіе того цѣлебноноснаго образа бысть въ лѣто 1747 году; празднованіе тому чудотворному образу зри въ прологѣ мѣсяца марта 14-го дня". Хотя въ этой надписи не

---

[1]) Памят. Вѣры, М. 1843 г.—Истор. опис. церквей, стр. 70.

[2]) Нижняя часть доски, на которой находилась древняя надпись,—отъ времени сильно повредилась; существующая теперь надпись возстановлена въ недавнее время на пластинкѣ, придѣланной къ иконѣ и искусно-закрытой краской, при чемъ самая живопись осталась неповрежденною.

Е. К.

сказано время написанія самой иконы, находящейся теперь въ Зарайскѣ, но судя потому, что празднованіе въ честь иконы Феодоровскія въ 14-й день марта [1]) съ совѣта всего собора духовенства установлено въ самый день возведенія Михаила Федоровича на всероссійскій престолъ, и что протоіерей Зарайскій Дмитрій состоялъ въ числѣ пословъ, отправлявшихся въ Кострому къ Михаилу Федоровичу съ извѣстіемъ—отъ земскаго собора объ избраніи его на царство, можно утвердительно сказать, что и снятіе копіи съ Костромской иконы для Зарайскаго собора могло послѣдовать вскорѣ по избраніи Михаила Федоровича и совершено было по почину того же протоіерея Дмитрія, какъ на это намекаетъ авторъ „Жизни и дѣяній Зарайскаго протоіерея Дмитрія", г. Аверикъ, имѣвшій подъ руками многіе документы, касавшіеся собора и переданные имъ въ древле-хранилище М. П. Погодина [2]).

Зарайскъ, 7-го іюля 1880 года. Е. К.

ВЕЧЕРЪ У АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВИЧА КАТЕНИНА [3]).

(Изъ воспоминаній П. А. Каратыгина).

Это было въ январѣ 1853 года; числа не помню. Какъ-то вечеромъ собрались у покойнаго А. А. Катенина (бывшаго тогда командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка) человѣкъ двадцать короткихъ его знакомыхъ, къ числу которыхъ имѣлъ честь принадлежать и я. Военныхъ и статскихъ было половина на половину; между послѣдними находились Николай Ивановичъ Бахтинъ и Андрей Андреевичъ Жандръ. Рѣчь зашла о первыхъ годахъ царствованія императора Николая Павловича. Н. И. Бахтинъ разсказалъ, между прочимъ, анекдотъ, бывшій съ государемъ во время его поѣздки во внутреннія губерніи Россіи въ 1837 году.

---

[1]) Въ повѣсти о иконѣ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, иже на Костромѣ нарицаемыя, явленіе этой иконы отнесено также къ 1747 году. «Исторія русской церкви пр. Макарія» т. III, стр. 302.

[2]) Въ службѣ на день празднованія Феодоровской иконы Божіей матери есть прямое указаніе на избраніе Михаила Федоровича: «благознаменитъ бысть израилю день, въ онь же рукою Моисея, отъ горкія работы въ блаженную свободу людіе Божіи, превождахуся: сице и намъ радостенъ нарочитый сей праздника день, яко днесь рукою великаго князя и государя Михаила Феодоровича, отъ Костромскихъ предѣловъ возсіявшаго, всѣ страны отечествія нашего умирилъ еси, Господи, да въ мирѣ глубоцѣ прославляемъ благодѣянія и чудеса твоя.» «Мысли о православіи при посѣщен. святынь русск.» стр. 123. Е. К.

[3]) См. о немъ Записки П. А. Каратыгина «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 163—164, изд. 1874 г., т. IX, стр. 740 и изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 457.

Въ какомъ-то губернскомъ городѣ Николай Павловичъ пожелалъ посѣтить острогъ, въ достаточномъ количествѣ снабженный всякаго рода преступниками, погрѣшившими противъ важнѣйшихъ статей свода законовъ уголовныхъ. Были тутъ и убійцы, и зажигатели, и грабители, и воры... словомъ, почти каждое преступленіе имѣло достойнѣйшаго представителя. Опросивъ арестантовъ, довольны-ли они своимъ содержаніемъ и не терпятъ-ли какихъ притѣсненій, государь, отъ нихъ-же самихъ, полюбопытствовалъ узнать о причинахъ ихъ заключенія въ острогѣ.

— Ты за что содержишься? спросилъ Николай Павловичъ перваго арестанта.

— Безвинно, ваше царское величество, завопилъ тотъ, падая на колѣна—по наговору! Значитъ, церкву разграбили, до пономаря уходили... я-то знать не знаю и вѣдать не вѣдаю; а мужички и ухватись за меня...

Махнувъ ему рукою, государь обратился къ слѣдующему:

— Ты за что?

— Тоже по наговору, ваше императорское величество... Коробочника подъ деревней зарѣзали и ограбили, а я и сномъ-духомъ не вѣдаю...

— Ты? обратился Государь къ третьему.

— По злобѣ, ваше величество! Сосѣдъ мѣщанинъ цѣлую пачку фальшивыхъ ассигнацій мнѣ подбросилъ, а на чердакъ занесъ какіе-то печатальные камни... а я, какъ есть—чистъ...

Іереміады угнетенныхъ невинностей видимо прискучили государю. Окинувъ быстрымъ взглядомъ всю шеренгу преступниковъ, императоръ остановилъ его на лохматомъ цыганѣ.

— Ты, удалая головушка, конечно, тоже по наговору?

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, бойко отвѣчалъ цыганъ—я сижу по дѣломъ: у купца лошадку укралъ!

— Лошадку укралъ? переспросилъ Государь съ улыбкою—и тотчасъ-же обратился къ губернатору: сію-же минуту выпустить этого негодяя на всѣ четыре стороны... Между честными и невинными людьми ему не мѣсто, а то онъ ихъ всѣхъ перепортитъ!

— Этотъ случай, замѣтилъ Катенинъ, приводитъ мнѣ на память другой и тоже съ арестантомъ; но дѣло было въ Москвѣ. Тамъ, въ тюремномъ замкѣ, содержался года съ два какой-то очень важный преступникъ, не политическій, а чуть-ли не дѣлатель фальшивой монеты и, съ тѣмъ вмѣстѣ, бѣглый изъ Сибири. При допросахъ онъ оговорилъ массу людей, нимало непричастныхъ дѣлу, изъ купечества и чиновниковъ; себя же каждый разъ называлъ новымъ

именемъ и званіемъ. Князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, разсказывая государю объ этой таинственной личности, выразилъ, что главное затрудненіе слѣдователей и суда заключается въ раскрытіи настоящаго званія преступника.

— Хочешь, я тебѣ помогу? сказалъ государь князю Димитрію Владиміровичу—и тотчасъ же предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ.

Арестантъ находился въ одиночномъ заключеніи. Сопровождаемый княземъ Голицынымъ и всѣмъ тюремнымъ начальствомъ, государь вошелъ въ казематъ совершенно неожиданно для заключеннаго. Увидя императора, онъ всталъ съ своей койки и вытянулся въ струнку.

— Здорово, солдатъ! произнесъ Николай Павловичъ своимъ звучнымъ голосомъ, хорошо знакомымъ нашимъ войскамъ.

— Здравія желаю, ваше императорское величество! гаркнулъ узникъ.

— Какого полка?

Пѣхотнаго калужскаго, втораго батальона третьей роты!

— Давно-ли въ бѣгахъ?

— Пятый годъ, ваше величество.

Оказалось, что это, дѣйствительно, былъ бѣглый солдатъ. Князь Голицынъ былъ пораженъ удивительной прозорливостью государя.

— Я съ перваго взгляда угадалъ въ немъ солдата—по выправкѣ, замѣтилъ Николай Павловичъ. Военная косточка сказывается не токмо въ бѣгломъ, но и въ любомъ отставномъ, хоть черезъ двадцать лѣтъ послѣ отставки.

— Если дѣло пошло на анекдоты, сказалъ А. А. Жандръ—то и я напомню вамъ о каламбурѣ, сказанномъ государю какимъ-то артиллерійскимъ цейхвахтеромъ. Брелъ онъ съ какого-то имяниннаго завтрака и встрѣтился съ императоромъ... отдаетъ честь и едва стоитъ на ногахъ.

— Гдѣ ты служишь? спросилъ Государь гнѣвно.

— При артиллерійскомъ депѣ...

— Депо—не склоняется! замѣтилъ Николай Павловичъ съ улыбкою.

— Передъ вашимъ императорскимъ величествомъ все склоняется! отвѣчалъ цейхвахтеръ—самъ склоняясь на слабыхъ ногахъ.

Государь разсмѣялся и тутъ-же подарилъ каламбуристу сколько-то—«на извощика».

Къ концу вечера разговоръ перешелъ на тогдашнюю моду «столоверченія», которая тогда была новостью, первымъ дебютомъ нынѣшняго спиритизма. Не вѣрилъ я въ него тогда, какъ не вѣрю и теперь. Между гостями А. А. Катенина зашелъ споръ—«за и противъ», особенно горячился молодой офицеръ военной академіи—ярый

«столовѣръ»... Н. И. Бахтинъ замѣтилъ, что вмѣсто споровъ, всего лучше сдѣлать опытъ; сдѣлали опытъ: столъ вертѣлся, очевидно, отъ нажима рукъ дѣлавшихъ экспериментъ.

— И теперь не вѣрите? спросилъ меня защитникъ спиритизма.

— Вы можете сказать мнѣ какъ Галилей: а земля (а столъ) все таки вертится! но я человѣкъ настойчивый и движенія стола не могу приписывать духамъ.

— Не вѣрите и тому, что столъ можетъ писать?

— И того менѣе.

— А я вѣрю, флегматически замѣтилъ Н. И. Бахтинъ,—въ департаментахъ и вообще въ присутственныхъ мѣстахъ «столы» пишутъ отношенія, донесенія, отзывы и т. д. Иного способа писанія столами не допускаю. Класть бумагу на столъ, чтобы писать—это понятно; но ставить для этого столъ на бумагу, можетъ быть и ново, да нелогично.

Однако-же защитникъ пишущихъ столовъ принесъ заранѣе имъ припасенный игрушечный столикъ, съ воткнутымъ въ верхнюю доску карандашемъ—и, пошла писать! Столикъ давалъ (подъ рукою экспериментатора) письменные отвѣты на задаваемые ему вопросы.

— Можетъ-ли онъ дать отвѣтъ на задуманный вопросъ? спросилъ я.

— Конечно можетъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ записать задуманное и вручить кому-нибудь изъ насъ для провѣрки.

И я написалъ на клочкѣ бумаги невиннѣйшій вопросъ: «хороша-ли будетъ погода завтра?» Эту записку я передалъ Н. И. Бахтину.

Столикъ покряхтѣлъ, карандашъ началъ царапать по бумагѣ и черезъ минуту нашъ «спиритъ» прочелъ во всеуслышаніе:

— Невѣрующему нѣтъ откровенія!

Тогда я повѣрилъ, что находчивый столикъ и не могъ дать лучшаго отвѣта: оракулъ—да и только! Ежели столикъ и не вертится, силою духовъ, то, по крайней мѣрѣ, ловко вывертывается.

Гордясь успѣхомъ, спиритъ предложилъ намъ вызвать посредствомъ столика духъ какого-либо великаго человѣка... Это уже не игрушка! Кого же вызвать съ того свѣта? Я хотѣлъ начать съ Адама, да вспомнилъ, что нашъ праотецъ, конечно, не умѣлъ писать, да и большинство героевъ древности были люди неграмотные... Общій голосъ гостей былъ поданъ за А. С. Пушкина и вопросъ, предложенный его тѣни, резюмировался словами: «гдѣ пребываетъ его душа?»

Напоминаніе о великомъ поэтѣ, въ кругу людей лично его знавшихъ, набросило тѣнь грусти на наше веселое общество. Я, вну-

тренно, досадовалъ на самый выборъ усопшаго для ребяческаго опыта, для мистификаціи... Опыты подобнаго рода приличнѣе дѣлать in anima vili, какъ говорятъ ученые; зачѣмъ призывать всуе имя безсмертнаго поэта и спрашивать, гдѣ душа его, когда она вся— въ его твореніяхъ?

Между тѣмъ столикъ писалъ; писалъ довольно долго, и, наконецъ, на подложенномъ подъ него листѣ бумаги, явились слѣдующіе стихи:

Входя въ небесныя селенья,
Душа печалилась моя,
Что средь земнаго треволненья
Васъ оставлялъ надолго я!
По прежнему вы сердцу милы...
Но не земное я люблю—
И у престола Вышней силы
О васъ, друзья мои, молю!

Я тутъ-же списалъ это стихотвореніе—и за симъ не дѣлаю никакихъ на него комментаріевъ. Что это поддѣлка, довольно ловкая; что тѣнь Пушкина этихъ стиховъ не могла написать—въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія... Однако-же, въ этихъ стихахъ, есть и мысль, и звучность; ихъ нельзя назвать дубоватыми (хотя онѣ писаны и деревяннымъ столикомъ), въ нихъ, пожалуй, есть даже что-то Пушкинское...

Такъ иногда нашъ братъ, актеръ, можетъ загримироваться схоже на какое-нибудь извѣстное лицо, и голосъ себѣ поддѣлаетъ—но изображаемою личностью самъ, все-же, не сдѣлается. Списокъ этихъ стиховъ, безъ сомнѣнія, разошелся по множеству рукъ и быть можетъ сохранился у многихъ изъ моихъ современниковъ.

П. Каратыгинъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Разсказъ изъ воспоминаній В. Т. Плаксина.

Извѣстно, что Императоръ Николай не получилъ почти никакого школьнаго или книжнаго образованія, равно какъ и младшій братъ его—Михаилъ; но природа дала одному здоровый сильный умъ, а другому доброе, благородное, преданное сердце. Потому въ жизни Императора Николая Павловича встрѣчаются моменты и даже довольно сложныя дѣйствія, на которыхъ лежитъ ясная печать здраваго смысла, ознаменованнаго просвѣтительною разсудительностію. Вотъ,

напримѣръ, случай, когда онъ обнаружилъ эту разсудительность, еще бывши великимъ княземъ, и когда имѣлъ надобность примѣняться къ дѣйствіямъ и волѣ своего державнаго брата Александра I-го.

Великій князь Николай Павловичъ, тотчасъ по исключеніи изъ университета молодаго профессора Арсеньева, принялъ его къ себѣ въ главное инженерное училище и рекомендовалъ его и другихъ гонимыхъ своей матери, вдовствовавшей Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, которыхъ она помѣстила у себя въ заведеніяхъ. По этому случаю была у него довольно забавная встрѣча съ Руничемъ, который самъ разсказывалъ о ней въ видѣ жалобы.

Когда Руничъ получилъ Анненскую звѣзду, Императоръ Александръ былъ въ какомъ-то путешествіи (по его обыкновенію); а получившій награду, по принятому при дворѣ обычаю, долженъ представиться и благодарить старшаго изъ князей. Доложили Николаю Павловичу о Руничѣ,—онъ вышелъ и, не давши ему сказать ни слова, началъ отъ себя, отъ матери и отъ брата Михаила Павловича благодарить Рунича за Арсеньева и другихъ выгнанныхъ изъ университета, которыхъ они теперь съ радостію пріобрѣли въ свои заведенія.

— Сдѣлайте одолженіе, намъ очень нужны такіе люди, пожалуйста, выгоняйте ихъ побольше изъ университета, у насъ для всѣхъ найдутся мѣста.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ своего воцаренія, онъ приказалъ министру представить ему полный списокъ всѣхъ запрещенныхъ книгъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, съ показаніемъ причинъ, выпиской зловредныхъ мѣстъ и съ отзывами вообще о достоинствахъ каждаго сочиненія запрещеннаго и сравнительно, чего болѣе можно ожидать отъ нихъ: вреда или пользы?— Цензоры набрали болѣе 120 названій и до 300 томовъ; онъ разбиралъ этотъ списокъ вмѣстѣ съ Шишковымъ и,—какъ нѣкоторые говорятъ,—съ Жуковскимъ, и нашли возможнымъ безусловно запретить только менѣе десяти книгъ и столько-же, кажется, продавать только ученымъ, а остальныя болѣе ста книгъ—пустить въ общую продажу; преимущественно-же при запрещеніи обращалъ вниманіе на мистическія книги.

Наконецъ, я вспомнилъ случай, въ которомъ я былъ очевидцемъ и даже, нѣкоторымъ образомъ, участникомъ дѣйствія. Одинъ разъ, въ 1829 году, я сидѣлъ въ офицерскомъ классѣ кадетскаго корпуса и, разбирая басни Крылова, сравнивалъ его басню «Воспитаніе Льва» съ баснею того же названія и содержанія Флоріана. Да, я забылъ сказать, что это было въ морскомъ корпусѣ; а тамъ старшій офицерскій классъ помѣщался рядомъ съ залою, изъ которой входъ былъ

устроенъ такъ, что сидѣвшему на каѳедрѣ не видно того, кто входилъ. Такъ, занятый своимъ дѣломъ, слышу кто-то входитъ крупнымъ и твердымъ шагомъ и не одинъ. Не кончивши мысли, я не имѣю обыкновенія обращаться къ посѣтителю. Но вдругъ слышу громкое привѣтствіе и, взглянувъ, вижу предъ собою величественную фигуру Николая Павловича. Я еще не успѣлъ опомниться и сообразить всѣхъ обстоятельствъ, прерванный въ чтеніи внезапно, слышу вопросъ: «Что вы дѣлаете?»—Читаю исторію русской литературы.—«Хорошо, но именно что?»—Но, обратившись къ директору Крузенштерну:

— Въ наши времена, сколько я помню, объ этомъ и слуху не было; ты, Иванъ Ѳедоровичъ, учился-ли этому?

— «Нѣтъ, Ваше Величество; это новая наука».

Это меленькое отступленіе дало мнѣ возможность собраться съ духомъ. Надо признаться, я таки порядочно струсилъ и отъ внезапности, и отъ этого не легкаго Воспитанія Льва. Но дѣлать нечего, улика на лице и запираться поздно; надо идти прямымъ путемъ, слѣдовательно кратчайшимъ. «Да, такъ продолжайте». (Я сѣлъ въ разсѣянности). «Я разбиралъ, Ваше Величество, басню Крылова—«Воспитаніе Льва» и сравнивалъ ее съ баснею Флоріана того же содержанія».

— «Хорошо, это интересно, послушаемъ».

Я началъ читать. Государь, замѣтивъ, что офицеры, желая записывать, наклонялись къ столамъ, тотчасъ велѣлъ имъ сѣсть, а самъ все стоялъ. Думая, что онъ скоро уйдетъ, я старался выѣхать на сравненіи фразъ и оборотовъ рѣчи; но все это стало истощаться, а онъ все стоялъ и слушалъ. Пришлось приниматься за мысли, за содержаніе и, главное, за это преимущество отрицательной формы въ басни предъ положительной. Я отдавалъ предпочтеніе отрицательной и на этомъ основалъ превосходство Крылова, какъ карателя порока и нравоучителя. Наконецъ, онъ вышелъ и, что удивило всѣхъ, вышелъ на цыпочкахъ, а не съ шумомъ, какъ обыкновенно онъ дѣлывалъ. По замѣчанію офицеровъ слушателей, Государь пробылъ въ классѣ часъ и десять минутъ; (въ тѣ времена утреннія лекціи обыкновенно продолжались 2 часа)—я навѣрное не могу сказать: сначала казалось мнѣ очень долго, а потомъ, когда уже увлекся, я не замѣчалъ времени. А все таки, когда онъ вышелъ, мнѣ стало какъ будто легче. Но когда пробило два часа, я кончилъ лекцію и офицеры окружили меня, вдругъ Государь возвратился назадъ и остановился противъ меня и притворно сердитымъ голосомъ сказалъ:

— «Какъ ты смѣешь учить, когда тебѣ это запрещено! Ну, если

узнаетъ Руничъ? а? Иванъ Өедоровичъ, какъ ты принялъ къ себѣ въ корпусъ такого вольнодумца? Васъ обоихъ подъ судъ къ Магницкому».

И съ этими словами ушелъ. Меня опять обступило множество народу; между прочимъ, протѣснился инспекторъ классовъ М. Ф. Гарковенко и обратился ко мнѣ съ полуначальническимъ и съ полудружескимъ упрекомъ:

— «Ахъ, Василій Тимофеевичъ, какъ же батюшка, это возможно?»

— Что такое, М. Ф.?

— «Вѣдь Государь Императоръ велѣлъ вамъ продолжать, не сказавъ: садитесь; а вы тотчасъ сѣли».

— Благодарю васъ покорно, только жаль, что поздно. Вамъ бы тогда это сказать, когда я сѣлъ.

Всѣ засмѣялись и онъ также.

— А знаете, сказалъ онъ съ какимъ-то младенческимъ удовольствіемъ, вѣдь Государь очень доволенъ остался, онъ даже три раза это сказалъ! «Сначала, говоритъ, мнѣ показалось, что онъ какъ будто сконфузился, но потомъ, говоритъ, съ какимъ огнемъ читалъ», и такъ далѣе. Потомъ директоръ Крузенштернъ объявилъ мнѣ это же самое тихонько, какъ будто секретъ какой.

Казалось бы, что это случилось и кончилось, и сдавай въ архивъ, пусть грызутъ мыши. Нѣтъ, по нашему не такъ. Мы, какъ русскіе, какъ прямые потомки словянъ, безпечны, и не любимъ хлопотать о томъ, что уже прошло; но, какъ ученики нѣмцевъ, мы ужасно хлопотливо и безтолково заботливы и любимъ себя спрашивать: что, если бы это не такъ счастливо прошло, если бы это приняло вотъ такой оборотъ? И это предполагаемое, возможное, а иногда даже и вовсе невозможное несчастіе болѣе тревожитъ насъ, нежели дѣйствительное. Такъ и на этотъ разъ произошла сильная тревога и для многихъ непріятная и печальная, которая точно было въ чужомъ пиру тяжелое похмѣлье. Чрезъ два дня послѣ этого происшествія я получаю приказаніе отъ главнаго директора сухопутныхъ корпусовъ, генерала Демидова: «съ полученія сего немедленно явиться къ главному директору» и пр. Такъ какъ я на службѣ состоялъ въ Морскомъ, то и не счелъ нужнымъ спѣшить исполненіемъ грозной воли его высокопревосходительства, и отложилъ это до другаго дня. Когда я явился къ нему, то долженъ былъ выслушать шумную съ неистовыми скачками, перевертываніями и кривленіями ругатню за поздній къ нему приходъ. Все это кончилось словами:

— «Если-бы васъ начальникъ звалъ къ себѣ въ три часа ночи, когда вы спите еще, и тогда вы должны тотчасъ явиться».

— Я учу, в. в—во, въ пяти учебныхъ заведеніяхъ, [1]) такъ если будутъ требовать по ночамъ всѣ пятеро, мнѣ не только не придется никогда заснуть, даже не успѣю у всѣхъ перебывать.—«Какъ? въ пяти заведеніяхъ! этому я положу конецъ, этого не должно быть».

— Слушаю, в. в—во; завтра же я останусь только въ четырехъ.

— «Какъ? ахъ, да; что *ты* тамъ надѣлалъ въ морскомъ корпусѣ? Какія *ты* читалъ стихи Государю Императору?

— Я Государю Императору никакихъ стиховъ не читалъ.

— «Какъ, *ты* еще отказываешься, запираешься. Я заставлю *тебя* говорить».

— Я не понимаю, къ чему этотъ допросъ. Мнѣ кажется, в. в—во, не за того меня принимаете, кто я дѣйствительно.

— «Какъ? вѣдь вы Плаксинъ?»

— Да, я Плаксинъ; но я не помню, чтобъ я имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Государя Императора.

— «Какъ! *ты* и этого не помнишь, не знаешь, что Государь Императоръ не любитъ сихъ гнусныхъ вашихъ стиховъ; убирайся вонъ, несчастный нечестивецъ!»

Я ушелъ и тотчасъ написалъ генералу Маркевичу, что больше не могу учить во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Добрый старикъ упросилъ меня, по крайней мѣрѣ, сдать экзамены. Между прочимъ, Демидовъ отдалъ изступленный приказъ, что бъ никакихъ стиховъ никто не смѣлъ не только читать, но даже имѣть у себя во всѣхъ четырехъ корпусахъ и не только кадеты, но и офицеры, и учители, подъ страхомъ изгнанія. Я сдержалъ свое слово, оставилъ 2-й кадетскій корпусъ. Гоненіе на поэзію продолжалось, пока жилъ Демидовъ и дралъ бѣдныхъ кадетъ любителей стиховъ. Но въ 1832 году холера сжалилась надъ страждущими во имя поэзіи. Демидовъ умеръ и поэзія вступила въ свои права. Василій Плаксинъ.

Примѣчаніе. Василій Тимофеевичъ Плаксинъ родился въ 1796 году въ Рязанской губерніи. Въ 1817 году поступилъ въ главный педагогическій институтъ въ Петербургѣ, предварительно окончивъ курсъ въ Рязанской семинаріи въ томъ же году, или въ 1816 году. Въ 1819 году Плаксинъ былъ уже въ вновь учрежденномъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1822 году, во время разгрома университета и изгнанія профессоровъ: Галича, Германа, Раупаха, Куницына, Арсеньева и другихъ, Плаксинъ былъ въ числѣ многихъ исключенъ изъ него безъ правъ по неблагонадежности. Но въ 1823 году

[1]) Въ морскомъ, въ артиллерійскомъ, въ академіи художествъ, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и во второмъ кадетскомъ корпусѣ. Ред.

послѣдовало разъясненіе, что „студентъ Василій Плаксинъ неблагонадеженъ только къ учительскому дѣлу, и можетъ быть принятъ въ государственную службу", почему онъ и опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія канцеляристомъ. Странное дѣло: этотъ неблагонадежный человѣкъ, спустя три года, а именно съ 1826 по 1866 годъ, т. е. въ теченіи 40 лѣтъ пробылъ учителемъ!

Въ 1826 году возвращены ему права кандидата съ утвержденіемъ въ 10 классѣ; съ этого времени начинается его учительская дѣятельность. Въ 1827 году онъ перенесъ службу въ морской кадетскій корпусъ, гдѣ получилъ лекціи русской словесности въ офицерскихъ и гардемаринскихъ классахъ. Онъ первый ввелъ преподаваніе исторіи литературы. Въ это же время онъ получилъ лекціи въ артиллерійскомъ училищѣ, тоже въ офицерскихъ и верхнихъ юнкерскихъ классахъ. Въ 1828 году—во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ въ верхнихъ классахъ, въ 1829 году—въ технологическомъ институтѣ; а въ академіи художествъ и школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ—въ 1830 году, но въ тоже время оставилъ 2-й кадетскій корпусъ послѣ столкновенія съ директоромъ корпуса Демидовымъ. Въ 1835 году, послѣ преобразованія учебной части военно-учебныхъ заведеній, онъ получилъ приглашеніе въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ въ 1836 году сталъ наставникомъ-наблюдателемъ и перенесъ туда службу изъ морскаго корпуса.

Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ Василій Тимофеевичъ преподавалъ до 1866 года, то есть до реформы 1864 года—въ корпусѣ, а послѣ реформы—2 года въ 1-й военной гимназіи, всего 31 годъ. Вообще Василій Тимофеевичъ Плаксинъ преподавалъ всегда въ верхнихъ классахъ слѣдующихъ заведеній: 1) Въ морскомъ корпусѣ съ 1826 до 1838 года, а потомъ вторично съ 1849 до 1854 года. 2) Въ артиллерійскомъ училищѣ съ 1827 до 1847 года. 3) Во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ съ 1828 до 1830 года. 4) Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ съ 1835 года до 1866 года. 5) Въ инженерномъ училищѣ съ 1839 до 1865 года. 6) Въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище) съ 1830 до 1839 года, и вторично съ 1856 до 1860 года. 7) Въ технологическомъ институтѣ съ 1829 до 1832 года. 8) Въ академіи художествъ съ 1830 до 1839 года. 9) Въ училищѣ торговаго мореплаванія съ 1846 до 1849 года. Кромѣ того, въ разныхъ частныхъ пансіонахъ съ 1826 до 1861 года. Вообще же 40 лѣтъ былъ преподавателемъ человѣкъ, признанный нѣкогда неблагонадежнымъ для учительскихъ обязанностей! Изъ этихъ 40 лѣтъ, 31 годъ падаетъ на 1-й кадетскій корпусъ—его любимое заведеніе; 26 лѣтъ на инженерное училище и 20 лѣтъ на артиллерійское училище, тоже весьма любимое имъ заведеніе.

Въ печати, кромѣ мелкихъ статей, въ нѣкоторыхъ журналахъ 1830-хъ, 1840-хъ и 1850-хъ годовъ, Василій Тимофеевичъ написалъ и издалъ въ 1832 году

курсъ словесности, въ 1834 году 2-е изданіе и въ 1835 году исторію русской литературы. Затѣмъ въ 1843 и 1844 году опять издалъ курсъ словесности, а въ 1846 году исторію литературы. Въ 1845 г. въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ начата, но не окончена имъ исторія или опытъ исторіи изящныхъ искусствъ въ Россіи. Много занятій по части преподаванія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ мѣшали литературнымъ его трудамъ.

Въ 1865 году, имѣя уже 69 лѣтъ отъ роду, Василій Тимофеевичъ Плаксинъ, освободившись отъ занятій преподавателя, началъ писать свои записки. Онѣ уже составили весьма обширную рукопись, состоявшую изъ многихъ десятковъ тетрадей. Всѣ онѣ лежали въ кабинетѣ, въ особой корзинѣ. Когда болѣзнь сразила старика смертнымъ недугомъ и близкіе къ нему люди, какъ это часто бываетъ, растерялись отъ горя, лакей—служившій при больномъ—сталъ ежедневно растапливать печи—тою писанною бумагою, которую находилъ въ корзинѣ. Такъ погибли записки, которыя, судя по приведенному выше отрывку, должны были быть весьма интересными.

Независимо отъ записокъ, Василій Тимофеевичъ собирался много писать въ годы своего отдыха по части воспитанія, но апоплексическій ударъ въ 1867 году не далъ осуществить этихъ предположеній. Въ 1869 году, 4-го февраля, послѣдовалъ второй ударъ и 6-го февраля прекратилась жизнь труженника, за два дня до 50-ти-лѣтняго юбилея Петербургскаго университета, 8-го февраля, который при немъ родился и испыталъ разгромъ.

Дожить до этого юбилея была его завѣтная мысль, которую онъ лелѣялъ какъ дѣтище. Но это было ему не суждено.

Вотъ нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Василія Тимофеевича Плаксина. По всему пространству русскаго царства разсѣяны его ученики, особенно между военными и всюду мы встрѣчали самые теплые отзывы и воспоминанія о добромъ учителѣ, особенно въ средѣ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, которыхъ съ 1835 по 1864 годъ было 29 выпусковъ, а также между питомцами артиллерійскаго училища—съ 1827 до 1847 года девятнадцать выпусковъ. Всѣ ученики вспоминаютъ его тепло, но особенно этихъ заведеній. Изъ нихъ многіе достигли высокихъ постовъ и крупныхъ чиновъ полныхъ генераловъ и теперь съ уваженіемъ говорятъ объ этомъ честномъ, благородномъ наставникѣ. Усердный, въ высшей степени добросовѣстный наставникъ, Василій Тимофеевичъ до самой смерти читалъ и слѣдилъ за литературой и исторіей. Исторію онъ хотя не преподавалъ, но весьма ею интересовался и еще въ 1860 и 1861 годахъ, имѣя уже отъ роду 64—65 лѣтъ, ходилъ въ университетъ слушать лекціи талантливаго профессора Н. И. Костомарова.

Да оживятъ вышеприведенныя строки въ памяти тысячей учениковъ Василія Тимофеевича—нравственный обликъ этого достойнѣйшаго человѣка. Горячо любилъ онъ науку, еще горячѣе привязанъ онъ былъ къ своимъ

юнымъ питомцамъ: привѣтливый, ласковый, всегда ровный въ обращеніи—онъ въ годы, когда царило въ военно-учебныхъ заведеніяхъ капральство,—былъ, прежде всего, гуманенъ въ отношеніяхъ къ молодежи и ревностно заботился о поддержаніи въ ней любви къ наукѣ. Пишущій эти строки лично зналъ Василія Тимофеевича Плаксина и навсегда сохранитъ къ его памяти чувство уваженія. Ред.

Книгопродавецъ Ротганъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., т. XXIX (октябрь) въ статьѣ объ А. А. Бестужевѣ, на стр. 420, при имени книгопродавца Ротгана поставлено sic; а между тѣмъ въ этихъ годахъ существовала такая книгопродавческая фирма и издавала «Библіотеку Романовъ», гдѣ помѣщена «Елена» Эджворта и знаменитыя въ свое время «Записки доктора». Хотя я не былъ настолько счастливъ, чтобы найдти это изданіе въ каталогѣ В. И. Межова, но экземпляръ его былъ въ моихъ рукахъ и—вѣроятно—досихъ поръ существуетъ въ нашей деревенской библіотекѣ. Отзывы объ этомъ изданіи встрѣчаются въ тогдашнихъ журналахъ (кажется, въ «Лит. приб. къ Русск. Инв.» за 1838 г.). Связь этой фирмы съ Сенковскимъ мнѣ не извѣстна.

Сообщ. **К. Н. Бестужевъ Рюминъ.**

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ЭВАЛЬДЪ.

Годовщина дня его кончины.

3-го октября 1880 года въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ при собраніи нѣсколькихъ гг. гласныхъ С.-Петербургской Думы, членовъ коммисіи—завѣдывающей городскими начальными училищами, учителей, учительницъ, предводителя дворянства С.-Петербургской губерніи, нѣкоторыхъ чиновъ министерства нар. просвѣщенія и постороннихъ лицъ—отслужена соборнѣ нѣсколькими священниками-законоучителями въ помянутыхъ школахъ панихида по Ѳ. Ѳ. Эвальдѣ.

Предъ церковнымъ служеніемъ, о. М. Кедровъ сказалъ слѣдующее слово въ память достопамятнаго труженика-педагога и общественнаго дѣятеля, столь внезапно скончавшагося въ прошломъ 1879 году въ ночь на 3-е октября.

Слово о. М. Кедрова въ годовой день кончины Ѳ. Ѳ. Эвальда.

Благочестивое собраніе! Недавно пришлось намъ прочитать проповѣдь одного изъ нашихъ отечественныхъ Святителей, проповѣдь, въ которой спрашивается—много ли нынѣ на свѣтѣ Авраамовъ страннопріимныхъ, у которыхъ бездомный и безпріютный бѣднякъ могъ бы найти себѣ покровъ и пристанище? Есть ли еще на землѣ праведные Іовы, которые были бы окомъ для слѣпыхъ, ногою для хромыхъ, отцами немощныхъ и безпомощныхъ? Много ли благотворительныхъ Товій, дающихъ хлѣбъ алчущимъ, одѣяніе нагимъ? Есть ли подобные Самарянину, обвязующіе изувѣченныхъ страдальцевъ, кто бы они ни были—свои, или чужіе? Много ли Филаретовъ милостивыхъ, готовыхъ раздѣлять все, до послѣдней срачицы, съ бѣдствующимъ и неимущимъ

собратомъ своимъ? И отвѣчаетъ Святитель, что рѣдки на землѣ такіе избранники Божіи, что чаще возносится къ небу обличительный голосъ несчастныхъ: ей, Господи, человѣка не имамъ!

Мы не ошибемся, если скажемъ, что олицетвореніемъ такой именно, указанной сейчасъ характеристики, воплощавшейся въ родахъ древнихъ, былъ приснопоминаемый патріархъ учебнаго дѣла въ столицѣ нашей, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эвальдъ. Всѣ свойства патріархальной простоты и кротости; всѣ черты безсмертной, плодотворной и обширной дѣятельности, достойной всякаго подражанія и далеко распространяющейся за предѣлами ограниченныхъ рамокъ всякаго описанія, совмѣстилъ въ себѣ покойный. И не напрасно украшаются начальныя городскія школы портретомъ этого человѣка! Невыразимы тѣ чувства глубокой скорби о неожиданной его потерѣ, естественна и единодушна молитва, на которую собрались сегодня всѣ благодарные почитатели его памяти.

Въ прошломъ году, въ день погребенія Ѳедора Ѳедоровича, были уже указаны факты въ воспоминаніе прекраснаго нравственнаго образа, какой носилъ въ себѣ этотъ человѣкъ и какъ учитель по призванію, и какъ учитель по всей своей многолѣтней, труженической жизни. Такъ говорилъ одинъ изъ сочленовъ и сотрудниковъ Ѳ. Ѳ. Эвальда по Училищной Коммисіи, близко знавшій покойнаго, Михаилъ Ивановичъ Семевскій. Поэтому излишне будетъ повтореніе всѣмъ вамъ извѣстныхъ біографическихъ свѣдѣній о покойномъ. Скажемъ одно: свѣдѣнія эти такъ поучительны, такъ удивительны и завидны по своей чрезвычайной рѣдкости, что только отъ постояннаго праведнаго исполненія Христіанскаго долга, отъ жизни съ вполнѣ чистымъ сердцемъ можно было выработать такой взглядъ на покойнаго между его искренними почитателями, и видѣть добрые плоды отъ посѣянныхъ имъ трудовъ. И мы собрались сюда помолиться за покойнаго съ надеждою, что посѣянное имъ будетъ приносить все бо́льшіе и большіе плоды. Самый прахъ Ѳедора Ѳедоровича напоминаетъ намъ, убѣждаетъ насъ, что для благороднаго сердца добросовѣстнаго учителя всякая трудность преодолима, никакая тяжесть даже не утомительна, ни раздражительна.

По истинѣ нынѣшній день, годовщина памяти Ѳедора Ѳедоровича, при всемъ своемъ печальномъ, горестномъ значеніи его утраты, есть день въ особенности тѣхъ лицъ, кто ближайшимъ образомъ служитъ дѣлу, на которомъ подвизался покойный 44 года. Разумѣемъ гг. учителей и учительницъ. Тяжела, хотя и священна, доля учителя. Но вотъ намъ примѣръ, самый поразительный, какъ поддерживать энергію, какъ оставаться сильнымъ, полезнымъ, какимъ путемъ съ честію нести знамя истиннаго просвѣтителя. Благодарные учители могутъ сегодня выразить слѣдующія воспоминанія о своемъ незабвенномъ патріархѣ. Онъ умѣлъ дѣлиться своими знаніями съ собратіями по учебному дѣлу, умѣлъ привлечь довѣріе къ себѣ заду-

шевною простотою. Жизнью вѣяло отъ всѣхъ его наставленій. Искренно поручала себя юнѣйшая братія учителей своему образцовому учителю, искала случая открывать ему рѣшительно все въ своей учебно-воспитательной дѣятельности, не скрывая даже недостатковъ, зная, что онъ дастъ вѣрное руководство, вѣрный отвѣтъ всему, и исправитъ недостатки — безъ всякой тѣни обиды или чего нибудь оскорбительнаго. Ни гордости, ни тщеславія въ немъ никто никогда не замѣчалъ. Своими отеческими, чисто патріархальными отношеніями онъ воспитывалъ, развивалъ и упрочилъ въ учителѣ склонность къ дѣятельности, согласной съ христіанскимъ ученіемъ. Это его неоцѣнимая заслуга и предъ русскимъ обществомъ, и предъ престоломъ Отца русскаго народа, благочестивѣйшаго Государя, и предъ престоломъ праведнаго судіи, Бога. Полный христіанской любви, полный нѣжныхъ чувствъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ заботился и достигъ, при дѣятельномъ и энергическомъ содѣйствіи всѣхъ со-членовъ своихъ по городской училищной коммисіи и нынѣшняго достоуважаемаго ея предсѣдателя, значительнаго, сравнительно съ прежнимъ, улучшенія и матеріальнаго содержанія учителей. Вотъ истинно патріархальная доблесть—самъ, занимая высокое положеніе, онъ не забылъ младшаго своего собрата, и вамъ, братіе, конечно, хорошо извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ въ жизни и дѣятельности учителя его матеріальное благосостояніе. Всѣхъ уважая, бывъ всѣмъ, по Апостолу, вся, Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ глубочайшей сердечностію и простодушнымъ вниманіемъ относился къ учащимся дѣтямъ, и еще помнятъ его благодѣтельное вліяніе тѣ изъ нихъ, которые остаются до сихъ поръ въ школахъ.

Сотвори же, Господи, вѣчную память рабу твоему Ѳеодору! Эта память—духа, любви, твердо сохраняется коммисіей городскихъ начальныхъ училищъ, Да сохранится и впредь неизмѣнно въ томъ же направленіи, какое положено незабвеннымъ покойнымъ предсѣдателемъ ея. Память эта вполнѣ увѣковѣчится, не дастъ покойному печали и воздыханія тогда, когда будетъ достигнуто введеніе въ столицѣ обязательнаго обученія, этой, по его выраженію, обѣтованной земли, до которой не дожилъ, къ сожалѣнію, нашъ новый Моѵсей.—А въ заключеніе нашего воспоминанія о почившемъ, обратимся съ слѣдующей молитвой къ Пречистой Дѣвѣ, отъ лица Св. церкви: Спасай надѣющіяся на Тя, Мати незаходимаго Солнца, Богородительнице: умоли молитвами Твоими преблагаго Бога, упокоити, молимся, представльшагося, идѣже упокоеваются праведныхъ дуси, Божественныхъ благъ наслѣдника покажи, во дворѣхъ праведныхъ, въ память, всенепорочная, вѣчную! Аминь.

Считаемъ вполнѣ умѣстнымъ воспроизвести здѣсь тотъ очеркъ дѣятельности Ѳ. Ѳ. Эвальда, на который сослался почтенный проповѣдникъ; это тѣмъ болѣе не лишнее, что очеркъ нашъ, со-

ставляющій рѣчь, сказанную въ засѣданіи С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества 6-го октября 1879 года, былъ напечатанъ въ журналѣ, хотя вполнѣ интересномъ, но крайне мало распространенномъ, а именно въ журналѣ „Педагогическій Музей“, отнынѣ имѣющемъ издаваться подъ названіемъ: „Земская Школа“. Вотъ эта рѣчь съ предисловіемъ редакціи помянутаго журнала:

Рѣчь М. И. Семевскаго въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ 6-го октября 1879 года.

Со 2-го на 3-е октября, въ 12-мъ часу ночи, возвращаясь изъ университета изъ засѣданія Физическаго Общества домой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эвальдъ скончался, пораженный апоплексическимъ ударомъ. 6-го октября, тѣло его, сопровождаемое всѣми многочисленными сослуживцами, учениками, представителями городскаго общественнаго управленія и многими сотнями дѣтей обоего пола—питомцами и питомицами начальныхъ городскихъ училищъ—было погребено на Волковомъ кладбищѣ.

Вечеромъ въ тотъ же день, 6-го октября, въ засѣданіи С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества,—членомъ котораго съ самаго основанія Общества былъ покойный,—членъ Общества М. И. Семевскій сдѣлалъ очеркъ нравственныхъ качествъ и обширныхъ заслугъ покойнаго.

Ред. журнала „Педаг. Музей“.

Какъ одинъ изъ присутствующихъ здѣсь старѣйшихъ членовъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества по времени поступленія въ оное, затѣмъ какъ сотоварищъ Ѳ. Ѳ. Эвальда въ Коммисіи по завѣдыванію начальными училищами въ С.-Петербургѣ,—я долгомъ считаю воспользоваться приглашеніемъ Предсѣдателя Общества и представить здѣсь нѣсколько фактовъ въ воспоминаніе прекраснаго нравственнаго образа Ѳ. Ѳ. Эвальда, — учителя по призванію, учителя по всей его многолѣтней труженической дѣятельности.

По мѣсту своего воспитанія, Ѳ. Ѳ. Эвальдъ принадлежалъ Петербургу: въ 1832 г. онъ окончилъ курсъ въ 3-й С.-Петербургской гимназіи, какъ это видно изъ его автобіографической замѣтки, у меня имъ оставленной; въ 1835 г. онъ окончилъ курсъ со званіемъ кандидата по физико-математическому факультету С.-Петербургскаго университета и въ томъ же году вступилъ на трудный путь учителя, наставника, воспитателя. Оставался онъ въ этомъ

званіи до дня своей кончины,—давая уроки, читая лекціи и, за весьма кратковременнымъ пребываніемъ на посту инспектора Маріинскаго института, никогда не инспектируя и не директорствуя, а исключительно подвизаясь на педагогическо-практической почвѣ— въ теченіи сорока четырехъ лѣтъ! [1]).

Сегодня, въ надгробномъ словѣ, сказанномъ пастыремъ церкви, мнѣ особенно понравилось одно выраженіе: именно, проповѣдникъ выразился, что, въ 44 года постоянной дѣятельности учителя, въ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ не закорузло, не зачерствѣло сердце; оно не поддалось раздраженію и утомленію. Всѣ знаютъ, какъ трудна доля учителя и какъ зачастую нравственныя силы и энергія наставника и профессора упадаютъ подъ вліяніемъ его тяжкаго труда, что неминуемо отражается на всемъ ходѣ обученія.

Ѳ. Ѳ. Эвальдъ составлялъ исключеніе въ высшей степени пріятное: сердце его осталось такимъ же добрымъ и мягкимъ, отношенія его къ учащимся преисполнены были такой любви, такого нѣжнаго чувства, что уже эта одна черта дѣлаетъ его образъ въ высокой степени симпатичнымъ. И такъ, это былъ учитель по призванію, учитель по всей своей жизни, учитель тѣмъ болѣе близкій къ намъ, что во всю свою жизнь онъ принадлежалъ Петербургу. Отъ царскихъ чертоговъ до квартирки мелкаго чиновника, до классовъ гимназій, корпусовъ, институтовъ и пансіоновъ, всюду, гдѣ только въ Петербургѣ училась и учится молодежь—всюду встрѣчали учителя Ѳ. Ѳ. Эвальда и всюду его встрѣчали и провожали чувства искреннѣйшей любви, уваженія и признательности.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, а именно 17-го октября 1859 года, по почину глубокоуважаемаго профессора П. Г. Рѣдкина, соединилась небольшая семья педагоговъ въ одинъ кружокъ, по-

---

[1]) Вотъ собственноручная автобіографическая замѣтка, оставленная Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ, въ 1878 г., въ моемъ обширномъ сборникѣ автографовъ современныхъ общественныхъ дѣятелей: „Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эвальдъ род. 15 ноября 1813 г. Воспитывался въ 3-й гимназіи до 1832 г. Кончилъ курсъ въ С.-Петерб. университетѣ 1835 г. (кандидатомъ физико-математическаго факультета). Началъ службу во 2-й С.-Петербургской гимназіи старшимъ учителемъ съ 1835—1851 годъ. Въ Пажескомъ корпусѣ съ 1838—1879 гг. Въ корпусахъ съ 1836 по 1851. Учителемъ всѣхъ Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ—(1860—1873). Предсѣдатель Коммисіи по народнымъ городскимъ училищамъ съ 1877-го года 15-го іюня“. (Рукопись: „Знакомые“, стр. 235). М. С.

ложивъ такимъ образомъ зерно, изъ котораго возрасло С.-Петербургское Педагогическое Общество.

Ѳ. Ѳ. Эвальдъ изъ первыхъ примыкаетъ къ этому кружку.

Сдѣлавшись дѣятельнымъ членомъ и участникомъ въ трудахъ и преніяхъ Педагогическаго Собранія, въ 1869 году превращеннаго въ С.-Петербургское Педагогическое Общество, Ѳ. Ѳ. Эвальдъ, независимо отъ того, является членомъ въ цѣломъ рядѣ коммисій, которыя были избираемы изъ среды этого Общества для разработки тѣхъ или другихъ научно-педагогическихъ вопросовъ. Въ самой первой коммисіи, которая должна была намѣтить, въ 1869 г., цѣлый рядъ рефератовъ и вопросовъ, разработка которыхъ представлялась весьма желательною, уже является Ѳ. Ѳ. Эвальдъ и вноситъ свои мысли, указанія и, что особенно достойно вниманія, тутъ же отмѣчаетъ, что желательно было бы видѣть разработку вопроса о правильной подготовкѣ элементарныхъ учителей, т. е. учителей для низшихъ народныхъ школъ [1]). Почти одновременно Ѳ. Ѳ. Эвальдъ дѣлается гласнымъ Думы и вступаетъ въ коммисію, которая въ то время завела переписку и переговоры о томъ, какъ принять въ вѣдѣніе города ту небольшую группу начально-приходскихъ училищъ, которыя до того времени состояли въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, но уже, по Положенію о начальныхъ городскихъ училищахъ 1864 г., должны были перейти въ вѣдѣніе города. Переходъ этотъ, однако же, не состоялся въ то время; переписка длилась; а между тѣмъ, въ 1874 г., явилось новое Положеніе о народныхъ училищахъ; дѣло оживилось, но городъ все-таки еще не рѣшался принять въ свое вѣдѣніе школы, главнымъ образомъ потому, что не имѣлъ органа, который бы спеціально завѣдывалъ этими учебными заведеніями; городъ могъ только примкнуть къ уѣзду, т. е. выслать въ уѣздный училищный совѣтъ, обще съ земствомъ, своего делегата; но громадному городу, какъ Петербургъ, очевидно, представлялось это крайне недостаточнымъ и потому вновь возникли ходатайства о томъ, чтобы столицамъ былъ данъ отдѣльный городской училищный совѣтъ.

Наконецъ, это давнишнее желаніе особенно заинтересованныхъ этимъ дѣломъ горожанъ увѣнчалось успѣхомъ въ 1876 году.

[1]) См. Историческую Записку, составленную М. И. Семевскимъ и Ѳ. Н. Мѣдниковымъ, о С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Собраніи, напечатана въ „Лѣтописи С.-Петербург. Педагогическаго Общества“, 1869, № 1.

День учрежденія городскаго училищнаго совѣта въ С.-Петербургѣ былъ дорогимъ праздникомъ, прежде всего, для Ѳ. Ѳ. Эвальда. Немедленно онъ былъ избранъ въ составъ городскаго училищнаго совѣта, а въ 1877 г. состоялось постановленіе о передачѣ упомянутыхъ училищъ въ завѣдываніе города. 15-го іюня 1877 г., при Думѣ образовывается Коммисія для принятія въ вѣдѣніе города и завѣдываніе начальными училищами, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ выбранъ единогласно предсѣдателемъ этой коммисіи. Еще не такъ давно было напечатано въ газетахъ, въ какомъ скромномъ видѣ были приняты эти училища городомъ;—на нихъ отпускалось всего лишь 14,000 р.; учителя получали не болѣе какъ по 171 р. 59 к. въ годъ каждый; квартиры, занимаемыя училищами, за немногими исключеніями, были крайне неудобны; городское управленіе держало себя въ сторонѣ по отношенію къ училищамъ, и населеніе столицы не оказывало особеннаго вниманія этѣмъ школамъ. Но вотъ прошло два года и, вмѣсто 16-ти училищъ, число ихъ возрастаетъ до 51, а съ разрѣшенными уже Думою вечерними классами и воскресными школами — послѣднія для учениковъ разнаго возраста—число училищъ дошло до 57; матеріальная обстановка учителей и учительницъ является, на сколько возможно, хорошею: содержаніе учителей и учительницъ болѣе чѣмъ утроивается, на наемъ квартиръ опредѣляется значительно бо̀льшая сумма, при чемъ обращается особенное вниманіе на гигіеническія условія помѣщенія школъ; являются въ изобиліи учебныя пособія. Цифра расходовъ города на училищное дѣло всего краснорѣчивѣе говоритъ въ какой мѣрѣ городъ оправдалъ то довѣріе, какое оказало ему правительство, передавъ въ полное его распоряженіе, по крайней мѣрѣ, по хозяйственной части, начальныя училища. А именно: вмѣсто 14,000 р., мы видимъ, что, по сметѣ расходовъ С.-Петербурга на 1880-й годъ, подлежитъ къ отпуску на однѣ только начальныя народныя училища.... 109,608 руб.

Достойно особаго вниманія, что городское общественное управленіе, въ февралѣ 1879-го года, сдѣлало постановленіе—ежегодно вносить въ смету на учрежденіе новыхъ училищъ сумму въ такомъ размѣрѣ, какъ будетъ то позволять положеніе средствъ города [1]). Самое количество учащихся въ городскихъ начальныхъ

[1]) По сметѣ расходовъ С.-Петербурга на 1880 годъ, значится: на содержаніе существующихъ уже пятидесяти одного начальнаго городскаго училища—

школахъ показало, какъ населеніе столицы быстро поняло и оцѣнило значеніе и достоинство заботъ Думы объ этихъ школахъ: изъ 500, или около этого, учащихся бывшихъ въ прежнихъ, до 1877 года, школахъ—цифра эта превзошла въ два года 2,230 дѣтей обоего пола; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ училищахъ пришлось отказать многимъ желающимъ поступить въ нихъ, за недостаткомъ свободныхъ мѣстъ, общее же число отказовъ при нынѣшнемъ въ 1879 г. пріемѣ дошло до 606 мальчиковъ и дѣвочекъ. Дума и въ этомъ случаѣ поспѣшила на встрѣчу удовлетворенія потребности обученія грамотѣ, ассигнововъ, какъ уже сказано выше, кредитъ на открытіе четырехъ вечернихъ школъ для несовершеннолѣтнихъ учащихся, разумѣется, указавши открывать таковыя школы въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ ощущается въ этомъ наибольшая потребность, и именно въ тѣхъ утреннихъ училищахъ, помѣщенія которыхъ наиболѣе удобны и обширны. Одновременно съ этимъ, Дума положила начало открытію воскресныхъ школъ для дѣтей. Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ (съ 15-го іюня 1877 г. по 3-е октября 1879 года—день кончины Ѳ. Ѳ. Эвальда), Петербургская Дума сдѣлала довольно много для удовлетворенія потребности населенія столицы въ начальномъ народномъ образованіи. Разумѣется, мы должны, говоря о предусмотрительности Думы въ заботахъ объ удовлетвореніи насущной, настоятельной потребности бѣднѣйшихъ классовъ населенія столицы въ обученіи дѣтей грамотѣ, прежде всего, отдать дань энергіи, почину и настойчивой предпріимчивости Ѳ. Ѳ. Эвальда и указать на то полнѣйшее довѣріе, которое оказывалось Ѳедору Ѳедоровичу со стороны гг. Гласныхъ Думы,—довѣріе, имъ вполнѣ заслуженное безупречною 44-хъ-лѣтнею дѣятельностью учителя, въ теченіе которой онъ такъ высоко, такъ честно держалъ свое знамя учителя-педагога. Не всѣ, однако, мысли и предначертанія Ѳедора Ѳедоровича Эвальда, при жизни его, осуществились. Вы видите, что въ послѣдніе два учебныхъ года

96,200 руб. На учрежденіе и содержаніе, по состоявшемуся уже постановленію Думы, четырехъ вечернихъ и двухъ воскресныхъ школъ—3,968 руб. и, наконецъ—на учрежденіе и содержаніе четырехъ новыхъ училищъ (что предполагается предложить Думѣ въ виду состоянія городскаго бюджета)—9,440 руб., а всего на начальныя городскія училища, вечерніе и воскресные классы—109,608 руб.
Примѣч. 1879 г. М. С.

сдѣланъ громадный шагъ для основанія, развитія и упроченія элементарной народной школы въ Петербургѣ; въ эти же два года положено основаніе воскреснымъ школамъ, въ это же время явились и вечерніе классы или вторыя смѣны для учащихся, какъ подспорье въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ утреннія школы не могутъ вмѣстить всего наплыва дѣтей.

Вотъ три вида школъ, которыя имѣли значительную поддержку и энергическій починъ со стороны Ѳ. Ѳ. Эвальда; но еще остается не исполненнымъ весьма важное дѣло, которое прямо принадлежало мысли Ѳедора Ѳедоровича,—дѣло развитія и упроченія у насъ въ низшихъ классахъ населенія ремесленнаго образованія, именно основаніе ремесленныхъ классовъ при элементарныхъ народныхъ школахъ, или самостоятельно отъ нихъ, но какъ необходимѣйшее ихъ дополненіе; затѣмъ,—мысль о воскресныхъ школахъ для лицъ всѣхъ возрастовъ. Эти двѣ мысли Ѳедора Ѳедоровича, за краткостью двухъ-лѣтняго періода предсѣдательства его въ Коммисіи объ училищахъ, не удалось осуществить, но онѣ намѣчались въ его бесѣдахъ со мною и съ другими членами Училищной Коммисіи.

Впрочемъ, городъ Петербургъ и въ этомъ отношеніи, именно относительно ремесленнаго обученія, не остался безучастнымъ къ нуждамъ населенія: шесть лѣтъ тому назадъ, когда было основано ремесленное училище Цесаревича Николая, — Дума ассигновала къ ежегодному отпуску 25,000 руб. въ годъ на воспитаніе одной сотни стипендіатовъ въ этомъ учебно-ремесленномъ заведеніи, постепенно занявшемъ весьма почетное мѣсто въ ряду ремесленно-техническихъ заведеній этого рода не только въ Россіи, но и во всей Европѣ; а вскорѣ затѣмъ Дума выразила свое сочувствіе и ремесленному женскому образованію, ассигновавъ на этотъ предметъ по 3,010 р. въ годъ; но заведенія эти не городскія. Мысль же Ѳ. Ѳ. Эвальда была та, чтобы бокъ-о-бокъ съ народными городскими школами, въ которыхъ обучаются дѣти отъ 7-ми до 12-ти лѣтняго возраста, стояли и ремесленныя школы, гдѣ эти дѣти могли бы получать ремесленное обученіе, прямо дающее имъ кусокъ хлѣба.

Бо̀льшая часть присутствующихъ здѣсь, конечно, весьма хорошо знали нравственныя, душевныя качества покойнаго и вспоминаютъ о немъ съ чувствомъ глубокаго уваженія; а потому не

объ этой сторонѣ его личности приходится мнѣ говорить. Жилъ человѣкъ, трудился, наконецъ—умеръ; образъ его остался окруженный уваженіемъ и любовью, но затѣмъ все-таки человѣка не существуетъ;—онъ сошелъ съ жизненнаго поприща; выдвинутся новыя личности, новые дѣятели, и къ нимъ постепенно перейдутъ симпатія и сочувствіе современниковъ. Но святое, великое дѣло, которому служилъ человѣкъ, не должно никогда умереть; дѣло, правильно поставленное и по самой основной мысли своей благотворное,—никогда не умретъ: оно должно получить только новую силу, новое развитіе и вызвать новую энергію къ его осуществленію.

И вотъ, одну изъ основныхъ идей того святаго дѣла, которому всецѣло были посвящены послѣдніе годы жизни Ѳедора Ѳедоровича, особенно желательно было бы осуществить. Эта идея высказана была Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ недавно передъ лицомъ городскаго управленія столицы, именно 8-го сентября 1879 года, когда онъ представилъ Думѣ свой первый и, за смертію своею, послѣдній, весьма подробный и обстоятельный отчетъ о томъ, что сдѣлала, по порученію Думы, Коммисія, вѣдающая, подъ его предсѣдательствомъ, городскія училища. Въ этотъ день, который былъ вполнѣ праздникомъ для всѣхъ представителей общественнаго самоуправленія, а прежде всего для Ѳ. Ѳ. Эвальда, онъ высказалъ, что „обязательное обученіе есть обѣтованная земля для народнаго образованія“, т. е. изданіе закона, который бы уже заставилъ всѣхъ и каждаго неминуемо воспитывать и обучать въ школахъ своихъ дѣтей, и полная возможность со стороны населенія исполнить этотъ законъ—была бы наилучшимъ залогомъ упроченія и развитія начальнаго образованія въ дорогомъ нашемъ отечествѣ...

Вполнѣ понятно насколько желательно, насколько настоятельно-необходимо осуществленіе этой великой идеи. Къ разработкѣ столь важнаго вопроса должны быть направлены всѣ усилія. Великій вопросъ самъ по себѣ поднятъ не Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Эвальдомъ, но осуществленія его онъ пламенно желалъ и оно рано или поздно наступитъ и въ Россіи. Упоминая объ этомъ, пріятно вспомнить, что изъ среды нашего же Педагогическаго Общества одинъ изъ учредителей и дѣятельнѣйшихъ его членовъ, именно А. С. Вороновъ, горячо поддерживалъ этотъ вопросъ и, какъ

всѣ помнятъ, жизнь свою положилъ на поприщѣ уясненія и разработки этого дѣла, пораженный смертью въ средѣ этого же Общества, во время научныхъ преній.....

Въ 1875 году, вопросъ объ обязательномъ обученіи былъ переданъ на обсужденіе городскому общественному управленію С.-Петербурга. Представители общественнаго управленія, обсудивъ его, не нашли, однако же, возможнымъ придти къ практическому осуществленію этого дѣла по весьма уважительнымъ, для того времени, причинамъ: а именно, Дума объявила, что для того, чтобы видѣть осуществленіе этого дѣла, необходимо имѣть весьма значительное число начальныхъ народныхъ училищъ. Цифра опредѣлялась тогда, приблизительно, до 200 школъ, и только при такомъ числѣ представлялась возможность удовлетворить предположенную обязательную повинность бѣднѣйшихъ классовъ населенія—дать дѣтямъ первоначальное образованіе.

Чтобы одновременно основать столь значительное число школъ, естественно, денежныхъ средствъ у Думы—недостаточно при тѣхъ громадныхъ расходахъ, которые обязательно лежатъ на городскомъ бюджетѣ; но если бы и были такія средства, то все-таки общественное управленіе столицы, совершенно отчужденное въ то время отъ завѣдыванія, хотя бы только въ хозяйственномъ отношеніи, начальными училищами, не могло бы взяться за это дѣло столь внезапно и при томъ въ виду недостаточности хорошо подготовленныхъ для народныхъ школъ учителей и учительницъ.

Прошло немного лѣтъ, и вотъ, смѣемъ думать, въ недалекомъ будущемъ является возможность осуществленія завѣтной мечты и желанія людей преданныхъ дѣлу народнаго образованія.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эвальдъ предъ лицомъ общественнаго управленія столицы прямо возвѣстилъ, что „обязательное обученіе есть обѣтованная земля для народнаго образованія“.

Провидѣнію не угодно было, чтобы этотъ наидостойнѣйшій ревнитель великаго дѣла увидѣлъ эту обѣтованную землю, но, чтобы приблизиться къ ней, имъ сдѣлано такъ много, какъ лишь возможно только по краткости времени завѣдыванія Думою городскими училищами. Въ виду этого, не въ правѣ ли мы надѣяться, что если въ два года съ небольшимъ сдѣлано такъ много, то пройдетъ весьма немного лѣтъ, когда Петербургъ покроется сѣтью начальныхъ городскихъ народныхъ школъ, способныхъ принять

подъ свою отрадную сѣнь все количество тѣхъ дѣтей обоего пола, которыя остаются теперь по разнымъ логовищамъ, чердакамъ и подваламъ Петербурга, не имѣя средствъ выдти оттуда, чтобы увидѣть свѣтъ Божій, свѣтъ умственно-нравственнаго образованія. Но, при этой мысли, особенно горька утрата незабвеннаго Ѳедора Ѳедоровича! Увидимъ-ли и скоро-ли людей, подобно ему—столь горячо и столь искренно преданныхъ дѣлу,—это покажетъ время. Но я не сомнѣваюсь въ одномъ, а именно, что городское управленіе Петербурга не охладѣетъ къ этому дѣлу; я твердо вѣрую, что оно будетъ съ прежнимъ сочувствіемъ поддерживать великое дѣло упроченія и развитія начальнаго образованія въ томъ направленіи, которое ему завѣщано Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ.

Обращаюсь къ прямой задачѣ, которую долгомъ считаю предложить моимъ почтеннымъ сочленамъ. С.-Петербургское Педагогическое Общество осуществленіемъ этой задачи прекрасно упрочитъ память Ѳедора Ѳедоровича въ своей средѣ.

Вопросъ объ обязательномъ обученіи выдвигается силою вещей; нѣкоторыя, по видимому, постороннія обстоятельства сильно тому способствуютъ. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что законъ о воинской повинности значительно двинулъ самыя невѣжественныя группы людей къ тому, чтобы давать образованіе своимъ дѣтямъ; но этого мало,—тутъ надо идти на встрѣчу со всѣхъ сторонъ къ осуществленію этого дѣла, и вотъ наше Общество можетъ внести свою лепту. Я бы полагалъ и возможнымъ, и полезнымъ, чтобы С.-Петербургское Педагогическое Общество установило бы премію или медаль за то, чтобы была написана, по возможности, обстоятельно и широко-охватывающая предметъ, статья или изслѣдованіе о введеніи обязательнаго обученія въ Петербургѣ. Таковую премію или медаль долженствуетъ установить Общество во имя незабвеннаго Ѳ. Ѳ. Эвальда.

Въ теченіе 20-ти лѣтъ Общество наше потеряло длинный рядъ дѣятелей, между которыми было очень много вполнѣ достойныхъ педагоговъ. Въ ряду этомъ особенно ярко выдавался талантливый К. Д. Ушинскій, проливиій столь много свѣту въ русскую педагогическую науку; въ томъ же ряду опочившихъ сочленовъ нашихъ вспоминается мнѣ А. С. Вороновъ, который, послѣ многолѣтней дѣятельности на поприщѣ учителя, много и

очень много потрудился въ сферахъ административныхъ, служа тому же дѣлу народнаго образованія.

Позвольте же къ этимъ именамъ присоединить честное, стяжавшее себѣ безпредѣльное уваженіе, имя Ѳедора Ѳедоровича Эвальда.

М. И. Семевскій.

Рѣчь о заслугахъ Ѳ. Ѳ. Эвальда и предложеніе М. И. Семевскаго объ учрежденіи въ память его медали или преміи за статью или изслѣдованіе о введеніи обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ—принято С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и разработка „прекраснаго предложенія М. И. Семевскаго"—какъ отозвался объ этомъ предложеніи г. Предсѣдатель Педагогическаго Общества—возложена на Совѣтъ этого Общества.

Ред. журнала „Педаг. Музей".

Примѣчанія. I. Приводимъ справку о состояніи начальныхъ городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ въ день—3-го октября 1879 г.—день кончины Ѳ. Ѳ. Эвальда:

Школъ для мальчиковъ 32.
Школъ для дѣвочекъ . 19.

Предположено къ открытію вечернихъ школъ для мальчиковъ—4; воскресныхъ школъ—2.

Учителей въ школахъ—20; учительницъ—31; запасныхъ учительницъ—2; для вечернихъ классовъ—4 учительницы; въ воскресныхъ—2 учителя (изъ числа помянутыхъ 20-ти). Законоучителей (священниковъ и дьяконовъ) 24. Учителей пѣнія—5; учительницъ пѣнія—одна. Во многихъ училищахъ пѣнію обучаютъ классные учителя или учительницы.

Учителя и учительницы (за весьма немногими исключеніями) удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ: окончили курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, довершили образованіе въ спеціальномъ педагогическомъ заведеніи—каковы: Педагогическіе курсы или Земская учительская школа въ С.-Петербургѣ и, наконецъ, бо̀льшее или меньшее время обучали въ земскихъ школахъ прежде чѣмъ быть принятыми на службу въ петербургскія училища. Вновь принимаемые учителя и учительницы всѣмъ помянутымъ тремъ условіямъ должны удовлетворять непремѣнно. Таковыхъ лицъ внесено въ списокъ кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія мѣста: учителей 14 и учительницъ 50 (къ 3-му октябрю 1879 г.). Отказано, за неудовлетвореніемъ какому либо изъ помянутыхъ условій, 25-ти мужскимъ и 93-мъ лицамъ женскаго пола.

Учащихся въ С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ, 3-го октября 1879 г., состояло 748 дѣвочекъ и 1,487 мальчиковъ, а всего въ пятидесяти одномъ училищѣ—2,235 дѣтей обоего пола.

М. С.

6-го октября 1879 г.
С.-Петербургъ.

II. Начальныя городскія училища въ С.-Петербургѣ въ первую годовщину дня кончины Ѳ. Ѳ. Эвальда.

3-го октября 1880 г. (къ началу четвертаго учебнаго года со времени передачи училищъ городу).

А. Число училищъ.

Для мальчиковъ: 54.

Для дѣвочекъ: 32.

Училища эти распредѣляются по частямъ города Петербурга слѣдующимъ образомъ:

	муж.	жен.
Адмиралтейская часть	2	1
Казанская	1	1
Спасская	5	2
Коломенская	5	2
Нарвская	6	5
Московская	9	5
Александроневская	5	3
Литейная	4	2
Рождественская	5	3
Васильевская	4	2
Петербургская	4	4
Выборгская	4	2
Итого	54	32

Общее число училищъ для дѣтей обоего пола..... 86.

Послѣобѣденныхъ классовъ: для мальчиковъ 1 и для дѣвочекъ 1.

Воскресныхъ школъ: 8, изъ нихъ мужскихъ 7 и женскихъ 1.

Б. Учащихся обоего пола во всѣхъ этихъ школахъ до четырехъ тысячъ восмисотъ, [4,800] дѣтей преимущественно бѣдныхъ классовъ обывателей столицы. Дѣти возрастомъ отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ. Плата за обученіе два рубля въ годъ. Отъ этой платы освобождаются, по заявленіямъ о бѣдности, провѣреннымъ учащими.

В. Учащіе въ начальныхъ городскихъ училищахъ:

Учителей 23, учительницъ 63, итого 86 лицъ обоего пола.

Всѣ эти лица получили образованіе:

Въ высшихъ педагогическихъ курсахъ—27.

Въ учительской земской школѣ и другихъ учительскихъ семинаріяхъ—51.

Въ мужскихъ гимназіяхъ—2.

Въ институтахъ: педагогическомъ—1, технологическомъ—1 и гатчинскомъ—1.

Въ духовной семинаріи—1.

Въ послѣобѣденныхъ классахъ преподаютъ двѣ педагогички, кончившія курсъ въ педагогическихъ курсахъ.

Запасныхъ учительницъ двѣ: одна съ атестатомъ педагогическихъ курсовъ, другая—земской учительской школы.

Кандидатовъ на вакансіи учащихъ 83. Изъ нихъ мужчинъ 29, женщинъ 54.

Всѣ 83 лица, внесенныя въ списокъ кандидатовъ и кандидатокъ, удовлетворяютъ тремъ условіямъ: кончили курсъ общаго образованія въ среднемъ учебномъ заведеніи; получили затѣмъ спеціальное педагогическое образованіе въ учительской земской школѣ или другой учительской семинаріи или въ высшихъ педагогическихъ курсахъ, и имѣли практическую дѣятельность учителя или учительницы, въ одной изъ земскихъ, городскихъ, правительственныхъ или содержимыхъ какимъ либо общественнымъ учрежденіемъ начальныхъ училищъ.

Г. Содержаніе начальныхъ городскихъ училищъ въ 1880 году.

Ассигновано по постановленіямъ Думы:	
а) на содержаніе 88 [1]) училищъ	147,445 р.
Жалованье учителя—600 р., наемъ квартиръ—600 р., отопленіе—120 р., прислуга—120 р., учебныя принадлежности и библіотеки—100 р., ремонтъ мебели—100 р., мелкіе расходы (полотеръ, дворники и проч.)—50 р.	
б) двухъ Пушкинскихъ и на приспособленіе ихъ	3,760 р.
в) 4-хъ послѣобѣденныхъ классовъ [2])	3,968 р.
г) 12 [3]) воскресныхъ школъ	1,523 р.
д) На жалованье двумъ экспертамъ по учебной части . .	4,000 р.
е) Жалованье запасныхъ учительницъ (двухъ)	1,000 р.
ж) Санитарный надзоръ, возложенный на С.-Петербургскую врачебную общину, состоящую изъ 40 медиковъ	3,500 р.
з) Содержаніе канцеляріи, разъѣзды, типографскіе расходы и проч.	8,300 р.
Итого . .	173,496 р.

Д. Личный составъ Училищной Городской Коммисіи:

Ѳ. И. Базилевскій, А. Д. Водениковъ, И. И. Глазуновъ, А. А. Краевскій [председатель], Н. В. Латкинъ, Г. В. Лермонтовъ, В. И. Лихачевъ, М. П. Митковъ, А. Н. Неустроевъ, М. И. Семевскій, графъ Н. Е. Сиверсъ.

Эксперты по учебной части: А. Я. Гердъ и І. И. Паульсонъ.

Дѣлопроизводитель М. А. Берманъ.

Остается открыть, во исполненіе постановленій С.-Петербургской

---

[1]) Изъ нихъ къ 3-му октября не были еще открыты два училища.

[2]) Къ 3-му октябрю не были открыты двое.

[3]) Къ 3-му октябрю не были открыты четыре.

Думы, и вѣроятно, будутъ открыты въ этомъ же 1880 году, 2 начальныхъ городскихъ училища, 2 послѣобѣденныхъ смѣны и 4 воскресныхъ школы.

При утвержденіи бюджета на 1879 годъ, С.-Петербургская Дума постановила: ежегодно вносить въ смету расходовъ кредитъ на открытіе того числа новыхъ начальныхъ училищъ, какое окажется возможнымъ по состоянію городской казны. Этимъ постановленіемъ обезпечивается ежегодное увеличеніе числа начальныхъ училищъ въ столицѣ.

Окончившихъ курсъ въ 1879—1880 учебномъ году: 71 дѣвочка и 206 мальчиковъ, послѣдніе получили льготу по отбыванію воинской повинности. Это былъ второй выпускъ дѣтей изъ училищъ, со времени передачи ихъ въ вѣдѣніе Думы.

Въ нынѣшнемъ же, 1880-мъ году, С.-Петербургская Дума положила начало непосредственнаго участія въ дѣлѣ учрежденія и содержанія ремесленныхъ школъ, а именно: 12 Сентября 1880 г. Думою ассигновано 10,800 руб., на открытіе двухъ учебныхъ мастерскихъ,—для юношества обоего пола отъ 12-ти лѣтъ и выше возрастомъ.

Такимъ образомъ, заботами выбранныхъ Думою лицъ, при дѣятельной поддержкѣ и постоянномъ сочувствіи Городской Думы, въ 1877—1880 годахъ дѣло начальнаго народнаго образованія въ столицѣ получило прочное основаніе; на немъ уже зиждется безъ малаго сотня (96) учебныхъ заведеній, подъ сѣнью своею пріютившихъ нѣсколько тысячъ дѣтей, о которыхъ съ полною увѣренностью можно сказать, что громадное большинство ихъ оставалось бы,—при отсутствіи городомъ открытыхъ школъ,—безъ всякаго образованія.

Да пребудетъ незабвенна въ многотысячной семьѣ питомцевъ этихъ училищъ память о Ѳ. Ѳ. Эвальдѣ, на котораго выпала—по волѣ и выбору представителей населенія столицы—задача положить основу великаго и святаго дѣла.

Въ заключеніе воспоминанія нашего о Ѳ. Ѳ. Эвальдѣ и статистической справки о дальнѣйшемъ ходѣ того дѣла, основанію котораго онъ такъ много отдалъ личнаго труда и энергіи, возвратимся еще разъ къ выдвинутой имъ цѣли, къ которой должно стремиться городское общественное управленіе С.-Петербурга, учреждая начальныя училища: число этихъ училищъ должно быть столь велико, чтобы правительство могло узаконить, относительно населенія С.-Петербурга, обязательность обученія всѣхъ дѣтей извѣстнаго возраста (отъ 7 до 12-ти лѣтъ). Очевидно, что къ достиженію этой цѣли—городъ долженъ стремиться, сколь возможно скорѣе; каждый потерянный въ

этомъ отношеніи годъ, лишаетъ многихъ сотенъ дѣтей самаго важнаго въ жизни—начальнаго образованія.

Но извѣстна ли цифра,—до которой должно достигнуть число городскихъ начальныхъ училищъ, чтобы вмѣстить подъ своею сѣнью всѣхъ дѣтей обоего пола, ученическаго возраста, въ С.-Петербургѣ, имѣющаго нужду въ начальномъ обученіи?

Цифра эта неизвѣстна. Она лишь гадательно указана, и то лѣтъ шесть тому назадъ именно 200 школъ. Несомнѣнно, что ее должно опредѣлить точно, на основаніи возможно обстоятельныхъ данныхъ и поскорѣе.

Въ текущемъ году—заботливостію г. городскаго головы—учреждается при канцеляріи управы статистическое бюро. Намъ кажется, что одною изъ первыхъ задачъ, которая должна быть на него возложена—это опредѣлить вышепомянутое число дѣтей въ С.-Петербургѣ, находящееся въ возрастѣ отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ и остающееся безъ всякаго образованія. Трудъ этотъ возможно выполнить быстро и вполнѣ точно. Статистическое бюро, въ соединеніи съ училищною коммисіею, должно бы составить планъ таковой работы, отпечатать бланки вопросовъ, раздѣлить городъ на участки и поручить гг. учителямъ начальныхъ училищъ въ ближайшій праздничный день сдѣлать обходъ участковъ съ помянутыми бланками, на которые и нанести надлежащія свѣдѣнія. Такъ какъ числю учителей окажется, быть можетъ, недостаточно, то можно усилить ихъ составъ для этой работы чиновниками канцеляріи управы и другими вольнонаемными лицами; само собою разумѣется, что трудъ собирателей долженъ быть оплоченъ.

Лишь только выяснится число дѣтей обоего пола (отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ) въ С.-Петербургѣ долженствующихъ получить образованіе, но не получающихъ онаго, то, полагая на каждую школу по 50 учащихся, опредѣлится и число школъ. А коль скоро выяснится это, настоятельно необходимо испросить у Думы рѣшеніе объ учрежденіи всего дѣйствительно потребнаго для С.-Петербурга числа начальныхъ городскихъ училищъ.

Въ настоящее время городъ имѣетъ 90 школъ, въ вѣдѣніи думы состоящихъ, полагая въ томъ числѣ двѣ еще не открытыя, а также двѣ вторыя смѣны. Очевидно, что если понадобится къ нимъ прибавить еще около 100 новыхъ училищъ, то сдѣлать это единовременно для городской Думы окажется тяжело—хотя и не невозможно, при внимательномъ разсмотрѣніи и сокращеніи бюджета городскихъ расходовъ по другимъ статьямъ сметы. Но уже весьма важною мѣрою будетъ и то, если городская Дума постановитъ безотлагательно

о необходимости имѣть столько школъ, сколько дѣйствительно нужно для вышеизъясненной цѣли. А затѣмъ въ годъ-ли, въ два-ли или хотя бы и въ три, но уже Петербургъ несомнѣнно будетъ имѣть все то число школъ, въ которыхъ вмѣстится все нуждающееся и закономъ къ тому времени обязательно привлеченное въ нихъ малолѣтнее населеніе столицы, въ возрастѣ отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ. Такимъ образомъ осуществится завѣтная мечта Ѳ. Ѳ. Эвальда.

Крайне желательно, дабы именно С.-Петербургская Дума нынѣшняго состава, столь много сдѣлавшая для упроченія начальнаго образованія въ столицѣ, постановила и вышеизъясненный приговоръ (постановленіе) о необходимости имѣть соотвѣтствующее дѣйствительной потребности все число школъ.

Гласный Думы, членъ Училищной Коммисіи М. И. Семевскій.

КН. МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ.

I.

Въ Редакцію журнала «Русская Старина».

Проживая въ деревнѣ и не получая вашего почтеннаго журнала, я только недавно прочелъ статью г. Н. Б. о князѣ М. Д. Горчаковѣ, помѣщенную въ сентябрской книгѣ «Русской Старины», (изд. 1880 г. томъ XXIX, стр. 109—124).

Глубоко чтя память отъ всего сердца уважаемаго бывшаго моего начальника, я не могъ не быть сильно встревоженъ и огорченъ появленіемъ и моего имени, какъ участника въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ автору на счетъ нѣкоторыхъ особенностей въ характерѣ князя Михаила Дмитріевича Горчакова.

Немедленно взялся я за перо, чтобы оттолкнуть отъ себя всякую солидарность съ авторомъ сказанной статьи, а въ то же время, чтобы написать возраженія и замѣчанія на всѣ почти приведенные факты (будто-бы) и выводы; но такъ какъ до полученія моего сообщенія, въ Редакцію журнала вашего могутъ поступить подобныя же возраженія отъ лицъ, желающихъ возстановить истину на счетъ характеристики князя Михаила Дмитріевича, то я счелъ умѣстнымъ предупредить почтенную Редакцію и о моихъ по сему предмету намѣреніяхъ.

Графъ Павелъ Коцебу.

Эстляндской губерніи мыза „Мексъ“.
9 октября 1880 г.

II.

Глубокоуважаемый г. редакторъ „Русской Старины". Вы пригласили (Рус. Ст. 1880 г. т. XXIX стр. 124) всѣхъ знавшихъ покойнаго князя М. Д. Горчакова сказать о немъ свой взглядъ.

Къ великому моему счастью, я служилъ при князѣ очень долго адъютантомъ и управлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его походною канцеляріей главнокомандующаго дѣйствующей арміею.—Я не изъ аристократовъ, попалъ случайно, протекціи не имѣлъ и мнѣ дорого стоило трудомъ добиться той любви и уваженія, которыми я отъ князя пользовался.

Я любилъ и люблю князя безпредѣльно.—Ему я обязанъ многими знаніями и еще болѣе нравственнымъ развитіемъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича, когда многіе составили себѣ отъ казны громадныя состоянія, получали дома, имѣнія, оставляли послѣ смерти громадные капиталы,—князь Горчаковъ отказывается отъ милліоннаго подарка и умираетъ въ креслѣ, одѣтый въ изношенный сюртукъ, оставивъ семьѣ своей долги.

Князь не былъ въ полномъ смыслѣ военнымъ человѣкомъ и, какъ главнокомандующій, можетъ подвергаться упрекамъ въ нерѣшительности, но это былъ одинъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ, ученѣйшихъ людей нынѣшняго времени. Онъ учился за границей и окончилъ курсъ въ тамошнихъ университетахъ съ степенью доктора математики.

Досталось бы г. Б., если бы были въ живыхъ: Павелъ Степановичъ Нахимовъ и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, обожавшіе князя.

Авторъ ссылается на Затлера.—У меня есть письма Затлера къ князю, въ которыхъ онъ, подобно 18-ти-лѣтней дѣвицѣ, выражаетъ свою любовь. Затѣмъ Затлеръ, невинно причинивъ много горя князю, ему же все таки былъ обязанъ нѣкоторымъ облегченіемъ своей судьбы.

Люди—удивительны.—Вы вѣроятно удивитесь, но я вамъ скажу положительно, что Затлеръ оклеветанъ и пострадалъ напрасно.—А какъ долго и много его ѣли!

Мнѣ хотѣлось бы, многоуважаемый г. редакторъ, что бы эти небольшія строки о князѣ Горчаковѣ явились въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины".

11-го октября 1880 г. Москва. И. Красовскій.

Обязанный счастливой случайности, я былъ поставленъ къ князю Михаилу Дмитріевичу въ исключительно близкія служебныя отношенія, а потому считаю своею нравственною обязанностью сказать о немъ все, что мнѣ положительно извѣстно.—Я зналъ князя, какъ только можно знать человѣка, котораго изучаешь съ любовью.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ принадлежалъ къ весьма небогатому семейству Костромской губерніи, жилъ жалованьемъ и нерѣдко нуждался въ средствахъ.

Онъ служилъ въ гвардейской артиллеріи, былъ начальникомъ

штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, а потомъ 3-го. Въ 1829 году князь былъ уже генералъ-адъютантомъ его императорскаго величества.

Орденъ Георгія 3-й степени онъ получилъ за совершенную имъ блестящую переправу чрезъ Дунай у Сатунова.

Въ 1807 году князь произведенъ былъ въ офицеры, участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, былъ въ дѣлахъ подъ Бородинымъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ.

Товарищамъ памятна была его отчаянная храбрость и не разъ говорилось объ этомъ въ «Русской Старинѣ» въ ихъ воспоминаніяхъ и запискахъ.

Н. Б. говоритъ, что князь никогда ничѣмъ не командовалъ и потому не зналъ нуждъ солдата и офицера.

Именно потому, что, въ молодости своей, онъ самъ перенесъ слишкомъ много нуждъ и близко видѣлъ потребности солдата, служа младшимъ офицеромъ въ батареѣ,—князь М. Д., на оборотъ, понималъ лучше другихъ эти нужды и вотъ почему въ войну 1853—1856 годовъ армія не нуждалась ни въ продовольствіи, ни въ одеждѣ, ни въ обуви.

Князь получилъ высокое образованіе, владѣлъ превосходно русскимъ языкомъ, на которомъ, какъ и отецъ его, писалъ стихи.

Авторъ очерка ставитъ въ вину князю М. Д., что онъ писалъ стихи, которые, по крайней своей безтактности, печаталъ въ приказахъ по арміи.

Никогда князь не печаталъ стиховъ въ приказахъ по арміи и только написанная имъ пѣснь на переходъ черезъ Дунай въ 1853 году, была напечатана, по повелѣнію государя императора Николая Павловича; также по приказанію его величества, она положена Львовымъ на музыку и до сего времени играется въ полку, носящемъ имя князя, какъ маршъ при встрѣчѣ начальствующихъ лицъ.

Главная наука, которую князь зналъ въ совершенствѣ, математика. Помню, какъ-то я читалъ вслухъ популярную астрономію Араго. Встрѣтилось что-то непонятное. Князь взялъ карандашъ, тотчасъ же припомнилъ всѣ формулы и объяснилъ то, что казалось темнымъ.

Князь имѣлъ умъ чрезвычайно острый и своеобразный. Его разсѣянность и нѣкоторая небрежность во внѣшности составляли его особенности и были причиною множества анекдотическихъ случайностей.

Въ манерѣ его говорить, въ движеніяхъ и пріемахъ, вездѣ просвѣчивала та замѣчательная доброта, которою онъ всегда отличался и которую многіе считали слабостью его характера.

До послѣдней минуты жизни, его занимали литературныя и политическія новости, живая, смѣлая мысль въ статьѣ, прекрасный стихъ.

Какъ полководецъ и государственный человѣкъ, князь Михаилъ

Дмитріевичъ принадлежитъ исторіи. Лица, говорящія и говорившія о немъ, стоявшія далеко отъ центра его управленія, непосвященныя въ тайны его сношеній съ высшею властію, не могли сказать ничего вѣрнаго; онѣ увлекались личными своими отношеніями. Даже будущему историку написать о восточной войнѣ истину возможно будетъ только тогда, когда ему откроютъ все, когда отъ него не утаятъ ни одной бумаги, ни одного письма, которыя получалъ князь, а также и тѣхъ, которыя отъ него исходили.

Какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ въ высшей степени замѣчателенъ. Это былъ человѣкъ характера исключительнаго, образованія глубокаго, самоотверженія рѣдкаго. Справедливо говорили [1]) о немъ, что «не руку свою готовъ онъ былъ положить на огонь за отечество, но самъ кинулся бы онъ въ пламя, если бы зналъ, что это принесетъ какую либо пользу государству».

Военная слава имѣетъ болѣе особую прелесть, чѣмъ всякая другая; но съ этой стороны можно указать нѣсколько рѣзкихъ примѣровъ его чрезвычайнаго самоотверженія. Когда князь предложилъ взять крѣпость Силистрію, во что бы то ни стало, и когда, согласно данной имъ диспозиціи, войска стали на мѣстахъ, готовыя, по сигналу ракеты, броситься на штурмъ крѣпости, когда до спуска ракеты оставалось всего, можетъ быть, полчаса, то для князя довольно было высшаго указанія, полученнаго съ курьеромъ (Николаемъ Яковлевичемъ Протасовымъ) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «если, въ минуту полученія письма, Силистрія не взята, то отступить». Письмо было прочтено при свѣтѣ фонаря, въ центрѣ 100 тыс. атакующаго войска, и, вмѣсто сигнальной ракеты для штурма, княземъ отдано было приказаніе возвратиться за Дунай.

Тотъ, кто могъ видѣть князя въ эту минуту, кто, передавая войскамъ приказаніе его объ отступленіи, слышалъ ихъ ропотъ, тотъ только въ состояніи понять все величіе этого самоотверженнаго поступка.

Легкомысленные люди приписывали это его безхарактерности, но князь Михаилъ Дмитріевичъ повиновался безусловно высшимъ указаніямъ; а ему сообщали тогда, что Австрія ведетъ себя крайне двусмысленно, и что австрійскія войска ежеминутно готовы двинуться въ тылъ нашей арміи.

По этому обстоятельству многое уже объяснено, къ великой чести князя — «Русской Стариной» и нашимъ военнымъ историкомъ М. И. Богдановичемъ.

---

[1]) „Московскія вѣдомости" 1861 года.

Когда князь узналъ о чрезвычайно затруднительномъ положенiи нашей армiи въ Крыму, онъ, нисколько не колеблясь, не дожидаясь приказанiй, послалъ на помощь князю Меншикову не только бóльшую часть своей южной армiи, но лучшихъ ея представителей: князя Виктора Иларiоновича Васильчикова и Эдуарда Ивановича Тотлебена. Затѣмъ посланы были порохъ, снаряды, кирки, лопаты и проч. Можно сказать, что былъ моментъ, когда всю южную армiю составляли: кирасирскiй корпусъ и конвой главнокомандующаго.

Честность, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и безкорыстiе князя Михаила Дмитрiевича были безпредѣльны и изумительны, особенно для нынѣшняго матерiальнаго времени. Немногiе знаютъ, что, при назначенiи его намѣстникомъ Царства Польскаго, когда еще война не была окончена, онъ отказался отъ весьма значительной суммы, назначенной ему на обзаведенiе въ Варшавѣ. Надобно замѣтить, что князь не имѣлъ никакого состоянiя и жилъ однимъ жалованьемъ.

Покойный князь Михаилъ Дмитрiевичъ не терпѣлъ лжи, сплетень и никогда не читалъ анонимныхъ писемъ. Однажды было получено имъ нѣсколько конвертовъ съ надписью «въ собственныя руки». По своей привычкѣ, князь началъ искать подписи и, не находя ее, разорвалъ эти письма, не читая. При этомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ замѣтилъ:

— «Вотъ вамъ мой совѣтъ: никогда не читайте анонимныхъ писемъ; кто хочетъ говорить правду, пусть говоритъ открыто».

Онъ никому не позволялъ говорить при себѣ объ отсутствующихъ и шутить даже самымъ невиннымъ образомъ, и потому никакая сплетня не могла быть предметомъ его вниманiя.

Князь чуждался всякой изысканности, всего неестественнаго, бьющаго на эффектъ, и былъ замѣчательно простъ въ обращенiи со всѣми.

Терпѣть не могъ онъ оффицiальныхъ прiемовъ и парадныхъ встрѣчъ, которые обыкновенно устраивали ему, по уставу, во время его переѣздовъ. Однажды, не успѣли отмѣнить подобную встрѣчу въ одномъ изъ губернскихъ городовъ. У дома гражданскаго губернатора, гдѣ была отведена ему квартира, собралось множество всякаго народа. Подъѣзжая къ дому, князь замѣтилъ:

— «Удивительно, чего ожидаетъ эта толпа, теряя время понапрасну? Стоять нѣсколько часовъ, чтобы увидѣть, какъ вылѣзетъ изъ кареты незнакомый имъ старикъ?»

Онъ былъ вѣренъ чувству дружбы и находился въ непрерывныхъ сношенiяхъ со всѣми друзьями и товарищами его молодости.

У меня сохранилось въ памяти одно письмо къ старому его другу, если не ошибаюсь, Ивану Петровичу Бибикову, въ которомъ сказано слѣдующее:

„Письмо твое отъ 17 мая получилъ я, Богъ знаетъ, какими путями, только въ концѣ октября и нужно было время для отысканія твоего сына, котораго, наконецъ, нашли въ Симферополѣ"... „Я дорожу въ высшей степени твоею дружбою и помню съ душевною благодарностію, что ты былъ не только моимъ другомъ, но, такъ сказать, опекуномъ моей молодости, при первомъ вступленіи на военное поприще. Твоего сына я поручилъ особому попеченію полковника Салова и буду за нимъ слѣдить, стараясь во всѣхъ отношеніяхъ быть ему полезнымъ, сколько могу".

Еслибъ я захотѣлъ быть болѣе нескромнымъ, я могъ бы привести множество доказательствъ тому, что, не смотря на высокое положеніе, которое князь занималъ, онъ всегда оставался вѣренъ дружбѣ во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни.

Упрекаютъ его въ разсѣянности. Да, онъ былъ разсѣянъ, и это происходило отъ того, что какая нибудь мысль работала въ его головѣ. Онъ всегда находился или подъ вліяніемъ чего нибудь прочтеннаго, или подъ впечатлѣніемъ какого нибудь серьезнаго разговора. Но всѣмъ частнымъ людямъ извѣстно, что этотъ человѣкъ, разсѣянный, говорившій довольно невнятно, въ пылу самаго жаркаго дѣла, являлся совершенно другимъ: одинъ выстрѣлъ перерождалъ его, онъ дѣлался опредѣлителенъ въ приказаніяхъ, чрезвычайно точенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и ясенъ въ словахъ.

Всѣ также знаютъ и въ свое время писали о томъ, что князь Горчаковъ никогда не думалъ о себѣ, ни во время войны, ни во время мира; забота о своей личности для него было чувство неизвѣстное.

Говорили, что въ дѣлѣ на Черной онъ искалъ смерти, кидаясь всюду подъ ядра и пули. Но это несправедливо.

Послѣ послѣдней атаки Ѳедюхиныхъ горъ, узнавъ о смерти генерала Реада, и выбытіи изъ фронта почти всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, онъ принялъ личное командованіе отступающими войсками и, безъ сомнѣнія, подвергался страшнѣйшей опасности, или, какъ говоритъ Д. А. Столыпинъ, дѣйствію сплошнаго слоя картечь и пуль.

Князь былъ необыкновенно деликатенъ въ сношеніяхъ. Всѣмъ извѣстно, въ какихъ краткихъ выраженіяхъ князь Меншиковъ дѣлалъ свои донесенія Государю. Можно догадываться, какъ кратки были сообщенія, присылаемыя имъ князю. Вотъ, напримѣръ, какъ князь Александръ Сергѣевичъ увѣдомилъ о Синопскомъ сраженіи:

„Поспѣшаю ваше сіятельство увѣдомить, что турецкая эскадра, состоящая изъ семи фрегатовъ, одного шлюпа, двухъ корветовъ, одного парохода и нѣсколькихъ транспортовъ, всего 14 судовъ, вышедши изъ Константинополя съ дессантнымъ войскомъ для нападенія на Сухумъ и соединенія съ горцами, 18 числа флотомъ нашимъ истреблена; командующій ею адміралъ Османъ-Паша взятъ въ плѣнъ; поврежденія нашимъ кораблямъ значительны".

И ни слова болѣе. Вотъ тѣ немногія строки, которыя привезъ курьеръ изъ Севастополя въ Кишиневъ.

Зная, что такое же краткое извѣщеніе послѣдуетъ и о дѣлѣ 13 октября 1854 года, генералъ Липранди прислалъ князю Горчакову отъ себя лично подробное донесеніе объ этомъ сраженіи.

На это князь Михаилъ Дмитріевичъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Мы всѣ обрадованы вашимъ успѣхомъ. Отъ души поздравляю васъ съ прекраснымъ дѣломъ. Вы прислали мнѣ реляцію этого сраженія: но такъ какъ всѣ войска ввѣренной мнѣ арміи, въ Крымъ мною отправленныя, должны состоять въ единомъ, непосредственномъ вѣдѣніи князя Меншикова, и доставленіе подобныхъ донесеній мнѣ, какъ постороннему теперь лицу, было бы несовмѣстно, я прошу на будущее время присылку всякихъ денессній ко мнѣ прекратить“.

А между тѣмъ, дѣйствительно, о томъ же сраженіи князь Меншиковъ прислалъ князю Горчакову извѣщеніе въ нѣсколькихъ строкахъ.

Я оставилъ князя до возстанія въ Царствѣ Польскомъ. Многое, тамъ случившееся, приписывается слабости его характера и болѣзненному состоянію. Я замѣчу только, что, въ бытность свою въ Севастополѣ, князь часто высказывалъ убѣжденіе, что ему не придется возвратиться къ семейству, и когда мы ѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву, по назначеніи его намѣстникомъ, онъ въ минуту откровенности сказалъ:

— «Никогда не воображалъ я, что могу возвратиться въ Варшаву, и, признаться по правдѣ, не по мнѣ теперь это назначеніе“.

Это сознаніе своего положенія рѣзко противорѣчитъ той самонадѣянности, которая высказана имъ въ бесѣдѣ, расказанной г. Н. Б.

Въ чистотѣ и искренности этого признанія сомнѣваться нельзя никому, кто зналъ хотя не много князя; но, отдавъ всего себя на служеніе Государю, онъ повиновался его волѣ.

Любовь его къ Государю была просто идеальная, возвышенная, нѣжная, безпредѣльная. Каждый пріѣздъ Его Величества въ Варшаву былъ для князя Михаила Дмитріевича торжествомъ его глубокой, безкорыстной привязанности.

Князь скончался въ Варшавѣ въ 1861 году, 18 мая, и съ нимъ сошелъ въ могилу нравственный герой, «честный князь», какъ звали его солдаты, которому, по знаменію настоящаго времени, не скоро народиться. Обществу, въ которомъ существовали подобныя личности, надобно гордиться ими, какъ дорогими представителями прошедшаго, и извинять нѣкоторые недостатки, свойственные каждому человѣку.

Г. Н. Б. съ насмѣшкой замѣчаетъ, что князь Горчаковъ не ходилъ въ Севастополѣ, какъ всѣ ходятъ: его поднимало и носило

особымъ старческимъ вѣтромъ, какъ малаго ребенка, бо̀льшею частію, безъ всякой опредѣленной мысли и цѣли.

Э. И. Тотлебенъ, князь В. И. Васильчиковъ, П. С. Нахимовъ и графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ знали когда, куда и съ какими мыслями и цѣлями старческимъ вѣтромъ носило князя Михаила Дмитріевича. Вѣтеръ тотъ одинаково носилъ и ихъ, они сами имъ дышали, но это былъ вѣтеръ самоотверженія, энергіи, безпредѣльной преданности дѣлу—спасенія дорогаго Севастополя.

Знаменитый проповѣдникъ преосвященнѣйшій Иннокентій, въ словѣ своемъ къ войскамъ Севастопольскимъ, выразился библейски, что каждый русскій, которому суждено будетъ приблизиться къ этому городу, долженъ «изуть сапоги отъ ногъ своихъ, ибо мѣсто сіе свято есть».

Такъ точно, у могилы князя Михаила Дмитріевича Горчакова, всякому русскому слѣдуетъ остановиться съ благоговѣніемъ: она слишкомъ богата историческими уроками и чрезвычайно поучительна.

И. И. Красовскій.

Москва, 12 октября 1880 года.

III.

Статья г. Н. Б. о князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ Горчаковѣ, помѣщенная въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины» вовсе не имѣетъ біографическаго значенія. Авторъ явнымъ образомъ заботился не объ исторической истинѣ, о которой говоритъ въ краткомъ своемъ предисловіи, а скорѣе обезславить почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго дѣятеля, посвятившаго всю свою жизнь на службу отечеству.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ имѣлъ конечно недостатки, какъ и всякой смертной. Его разсѣянность и близорукость представляли иногда поводъ къ страннымъ ошибкамъ; но эти недостатки, во всякомъ случаѣ, далеко искупались его благородными душевными качествами, его высокимъ просвѣщеніемъ, многосторонними познаніями, горячимъ чувствомъ долга и неутомимымъ трудолюбіемъ на службѣ.

Въ началѣ нынѣшняго года, узнавъ что г. Н. Бергъ намѣренъ писать статью о князѣ М. Д. Горчаковѣ, я приглашалъ его къ себѣ, и просилъ показать мнѣ предварительно то, что онъ напишетъ, такъ какъ въ прежнихъ его статьяхъ, въ которыхъ упоминалось о намѣстникахъ въ Царствѣ Польскомъ, я замѣтилъ много неточностей. Г. Бергъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, но не сдержалъ своего слова. Между тѣмъ г. Н. Б. напечатавъ злую статью, будто бы характеризующую князя Горчакова, упомянулъ въ ней и о разговорѣ своемъ со мною.

Мнѣ неизвѣстны источники, изъ которыхъ г. Н. Б. почерпнулъ свѣдѣнія о молодости князя Горчакова, о характерѣ и о службѣ его вообще; но свѣдѣнія эти противорѣчатъ тому, что мнѣ, также какъ и окружавшимъ его лицамъ, извѣстно, и во всякомъ случаѣ исходятъ изъ явнаго недоброжелательства, нося притомъ даже печать клеветы. Что же касается до моихъ не большихъ разсказовъ о князѣ Горчаковѣ, то они переданы авторомъ не вѣрно, и вовсе не въ тѣхъ словахъ, въ какихъ были сообщены мною.

Хотя эти сообщенія о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ характерѣ князя Горчакова, и не могутъ бросить ни малѣйшей тѣни ни вообще на его характеръ, ни на способности его, ни на дѣйствія его по службѣ, тѣмъ не менѣе, чтя память бывшаго моего начальника, котораго всегда глубоко уважалъ, я не могу не сожалѣть, что сдѣланы ссылки на меня въ статьѣ порицающей всю службу этого благороднѣйшаго и умнаго человѣка, а потому считаю долгомъ опровергнуть тѣ невѣрности въ статьѣ г. Н. Б., которыя мнѣ бросились въ глаза:

1. Князь Горчаковъ никогда не печаталъ стиховъ въ приказахъ по арміи.

Вѣроятно г. Н. Б. подъ стихами въ приказахъ, разумѣетъ ту солдатскую пѣсню, дѣйствительно сочиненную княземъ Горчаковымъ, которая съ Высочайшаго разрѣшенія была распространена между войсками, на Дунаѣ въ 1853 г.

2. Авторъ пишетъ, что въ 1820 г. князь Горчаковъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-го корпуса, которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Красовскій; между тѣмъ генералъ Красовскій былъ назначенъ командиромъ 3-го корпуса только въ 1828 году. Упоминаю объ этой ошибкѣ съ тою цѣлью, чтобы показать какъ неточны свѣдѣнія, собранныя авторомъ.

3. Привязанности ко всему французскому вовсе не было у князя и все что пишетъ авторъ далѣе на счетъ французскаго языка, есть выдумка лицъ, сообщившихъ ему эти свѣдѣнія. Не правда также, что князя не любили въ арміи; напротивъ того, не было въ ней конечно ни одного офицера, котораго мнѣніе на счетъ военныхъ способностей князя подходило бы къ тому, какое сообщаетъ о немъ г. Н. Б. Правда конечно, что въ продолженіе службы своей въ низшихъ чинахъ, онъ не командовалъ прямо частями войскъ, и что это обстоятельство представляло, можетъ быть, недостатокъ въ начальникѣ арміи; но онъ самъ это сознавалъ и дѣйствительно говорилъ мнѣ почти тѣ же слова, которыя приведены въ примѣчаніи, но съ тою только разницею что кончилъ рѣчь такъ: «mais j'ai un

grand défaut: je n'ai jamais commandé», что придаетъ уже нѣсколько иной тонъ рѣчи.

4. Участвуя въ кампаніи 1829 г., я находился при главной квартирѣ арміи; но никогда не слыхалъ о какихъ либо невыгодныхъ отзывахъ о князѣ Горчаковѣ; никогда не слыхалъ, чтобы сослуживцы были имъ недовольны, и находили его «непригоднымъ къ военной службѣ». Напротивъ того, князь пользовался прекрасною репутаціею въ арміи, и генералъ Красовскій, опытный и умный боевой генералъ, весьма дорожилъ своимъ началькомъ штаба.

5. Авторъ пишетъ, будто князь Горчаковъ совершилъ всю польскую кампанію 1830—1831 годовъ, въ званіи начальника штаба 1-го пѣхотнаго корпуса. И это невѣрно: въ концѣ кампаніи 1831 г., князь Горчаковъ исправлялъ должность начальника артиллеріи въ арміи.

6. Непонятно, на чемъ авторъ основываетъ свои странныя и совершенно ошибочныя предположенія о тѣхъ соображеніяхъ фельдмаршала Паскевича, по которымъ будто бы князь Горчаковъ избранъ былъ въ должность начальника главнаго штаба дѣйствующей арміи. Фельдмаршалъ Паскевичъ командовалъ въ то время этою арміею всего мѣсяца два съ небольшимъ, и въ такое короткое время, едва ли могъ бы замѣтить въ князѣ Горчаковѣ тѣ «негативныя» качества, коими автору угодно было его одарить, если бы даже онъ дѣйствительно ихъ имѣлъ. Авторъ былъ бы ближе къ истинѣ сказавъ, что при избраніи князя Горчакова, фельдмаршалъ имѣлъ въ виду прекрасную его репутацію, и познакомившись съ нимъ, хотя поверхностно, при неоднократныхъ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ штурму Варшавы, онъ надѣялся найти въ немъ умнаго, просвѣщеннаго помощника и добросовѣстнаго исполнителя своихъ распоряженій

7. Что болѣе чѣмъ двадцатилѣтняя служба при Фельдмаршалѣ не могла не оказать вліянія на характеръ князя Горчакова, этого невозможно отрицать, но авторъ чрезмѣрно увеличиваетъ это вліяніе и рѣшительно ошибается, говоря, что князь Горчаковъ «сталъ чистымъ нулемъ».

Не говоря о многихъ случаяхъ, при которыхъ я могъ убѣдиться, что и послѣ 20-ти лѣтней службы при князѣ Паскевичѣ, князь Горчаковъ вовсе не сталъ нулемъ, упомяну здѣсь только о той твердой рѣшимости, съ которою, вопреки неоднократныхъ совѣтовъ и указаній, послѣ отступленія нашего съ южной стороны Севастополя, онъ удержалъ за собою сѣверную сторону и весь Крымскій полуостровъ, не смотря на слабый (до прибытія двухъ дивизій гренадеръ) численный составъ нашихъ войскъ въ сравненіи съ непріятельскими сосредоточенными силами.

8. Описываемая авторомъ выходка князя Паскевича, при слухѣ о назначеніи князя Горчакова въ помощники ему дѣйствительно имѣла мѣсто; но князь Паскевичъ не произносилъ выраженія «пѣшка». Впрочемъ такая вспышка фельдмаршала отнюдь не доказываетъ, чтобы князь Горчаковъ былъ дѣйствительно «нулемъ» въ арміи. Всѣ служившіе тогда въ дѣйствующей арміи, должны помнить какимъ уваженіемъ пользовался начальникъ главнаго штаба. Всѣ знаютъ какъ онъ много и дѣльно работалъ, а этою работою и добывались тѣ результаты, которые служили основаніемъ всѣхъ распоряженій.

9. Показаніе г. Н. Б. о томъ, будто въ Севастополѣ, очень скоро по пріѣздѣ князя Горчакова, стали говорить: «а всетаки у насъ нѣтъ главнокомандующаго», слѣдуетъ причислить къ личнымъ мнѣніямъ автора, а не къ выраженію общественнаго мнѣнія въ арміи.

10. Состояніе здоровья князя Горчакова бывало иногда слабо, но онъ побѣждалъ тѣлесные недуги сильнымъ чувствомъ долга и никогда не бывалъ такимъ дряхлымъ старикомъ, какъ его описываетъ авторъ. Недостатокъ зрѣнія его состоялъ въ близорукости; но она нисколько не увеличилась до конца его жизни; слухъ былъ вполнѣ здоровый, и анекдотъ о музыкѣ въ Бухарестѣ, есть просто басня.

11. Къ той же категоріи принадлежитъ и все то, что авторъ разсказываетъ о прогулкахъ князя Горчакова по лагерю. Онъ вообще рѣдко выходилъ; за нимъ, конечно, шелъ казакъ—вѣстовой, но онъ не посѣщалъ г. г. генераловъ главнаго штаба; а если бы посѣтилъ, то конечно не принялъ бы одного за другого. Равнымъ образомъ, авторъ въ полномъ заблужденіи, говоря, что главнокомандующаго не знали ни солдаты, ни матросы; напротивъ того, онъ былъ популяренъ именно между нижними чинами, которые съ благодарностью цѣнили заботы его объ ихъ сохраненіи и о продовольствіи, въ которомъ они, при немъ, никогда не чувствовали недостатка, какъ то бывало до прибытія его въ Севастополь.

12. Рѣшительно неправда, будто окружающіе князя Горчакова слышали его часто напѣвающимъ французскую пѣсню: «je suis soldat français». Я этого никогда не слыхалъ.

13. Все, что авторъ разсказываетъ о томъ, какъ князь Горчаковъ держалъ себя въ церкви преувеличено. Правда, что онъ бывалъ иногда разсѣянъ, но далеко не до такой степени. Одинъ только разъ случилось, что желая передать мнѣ какое то приказаніе, онъ передвинулся шага на два ко мнѣ.

Авторъ жестоко ошибается, говоря, что князь Горчаковъ былъ «небрежно воспитанъ со стороны религіи»; онъ, напротивъ того, былъ весьма набоженъ и истинный христіанинъ, безъ ханжества.

14. Разговоръ мой съ нимъ о предположеніяхъ на счетъ выбора главнокомандующаго въ случаѣ военныхъ дѣйствій въ 1860—1861 гг., переданъ не вѣрно. Всякій военный человѣкъ пойметъ, что даже при близкихъ отношеніяхъ нашихъ, я не могъ говорить князю Горчакову тѣ слова, которыя приведены авторомъ. Разговоръ этотъ происходилъ въ декабрѣ 1860 г., и когда я замѣтилъ, что трудно будетъ найти главнокомандующаго для арміи, такъ какъ состояніе здоровья князя и близорукость его едва ли позволятъ ему принять это назначеніе при открытіи большой Европейской войны, онъ на это согласился, но потомъ прибавилъ: «впрочемъ я бы имѣлъ васъ возлѣ себя,—nous sommes mariés».—На это я возразилъ, что на меня расчитывать нельзя, и что я просилъ бы дать мнѣ другое назначеніе въ арміи, если бы дѣйствительно была объявлена война.

Объ отставкѣ князя или моей, рѣчи быть не могло, по той простой причинѣ, что военный человѣкъ не выходитъ въ отставку, когда открываются военныя дѣйствія.

Разговоръ нашъ на счетъ главнокомандующаго арміею тѣмъ и кончился и не возобновлялся; приведенное же далѣе заявленіе относится уже къ званію намѣстника и сдѣлано гораздо позже, т. е. въ мартѣ 1861 г, когда въ Варшавѣ происходили уличные безпорядки. Дѣйствительно, одинъ разъ, вечеромъ, чувствуя себя слабымъ и утомленнымъ, князь Горчаковъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ просить объ увольненіи его отъ должности намѣстника; на другое же утро, подкрѣпившись сномъ, онъ отказался отъ этого намѣренія и сказалъ мнѣ: «j'ai beaucoup médité sur ma retraite, et je suis venu à la conclusion qu' il n' y a personne en Russie qui aurait pû me remplacer». Авторъ статьи приводитъ этотъ разговоръ въ доказательство того, что будто бы князь Горчаковъ часто мѣнялъ свой взглядъ на обстоятельства; но не такъ слѣдуетъ понимать это заявленіе; оно есть, напротивъ, новое доказательство самоотверженія, составлявшаго всегда отличительную черту его характера. Конечно, не было тогда въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ князя Горчакова той энергіи, которая нужна была для прекращенія смуты. Противъ этого, едва ли кто нибудь можетъ спорить. Но энергія возможна только при совершенно опредѣленной программѣ, между тѣмъ, какъ въ то время, признавалось нужнымъ дѣлать попытки нельзя ли потушить смуту уступками. До какой степени эти попытки лежатъ на отвѣтственности князя Горчакова, о томъ я не буду говорить; во всякомъ случаѣ вліянія собственной своей слабости на ходъ дѣлъ онъ не сознавалъ, но изъ патріотизма онъ готовъ былъ вѣрить этому, когда ему объ этомъ говорили и вмѣстѣ съ тѣмъ единственно этотъ патріотизмъ ставилъ его въ

сомнѣніе: найдется ли кто нибудь другой, кто на его мѣстѣ лучше могъ бы справиться съ тяжелыми обстоятельствами. Его часто мучила болѣзнь; онъ чувствовалъ, что жертвуетъ послѣдними силами, но рѣшался принести себя въ жертву отечеству. Жертва эта скоро исполнилась: онъ скончался въ маѣ 1861 г.

Графъ Павелъ Коцебу.

Имѣніе „Мексъ"
(Эстляндской губерніи)
19 октября 1880 г.

Кюстинъ.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1880 г., томъ XXIX (сентябрь) на стр. 208, напечатанъ на французскомъ языкѣ разсказъ Е. Н. Львовой о пребываніи въ Россіи Кюстина. Не помѣстивъ, по недостатку мѣста, своевременно перевода, помѣщаемъ его нынѣ:

[Переводъ]. Лѣто 1840 г. мы провели въ Эмсѣ съ г-жею Львовою, которая ѣздила туда лечиться; на водахъ мы познакомились съ Кюстиномъ и никто изъ насъ не зналъ, что, побывавъ въ Россіи въ 1839 г., онъ издалъ свои записки, въ которыхъ онъ не только отзывался недостойнымъ образомъ о Россіи, но даже передавалъ конфиденціальныя бесѣды, которыя онъ имѣлъ съ императоромъ Николаемъ. Такъ какъ Кюстинъ былъ человѣкъ весьма любезный, то мы съ удовольствіемъ провели нѣсколько вечеровъ въ его обществѣ. Въ то время въ обществѣ говорили о желаніи французовъ перевезти въ Парижъ останки Наполеона и я замѣтила Кюстину, что это дѣлаетъ честь французскому народу.

На это онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Ахъ сударыня, къ чему играть съ огнемъ? Можетъ быть эти останки вызовутъ еще революцію, а у насъ ихъ и такъ было довольно. Господь воздвигнулъ Наполеону лучшій памятникъ въ мірѣ—скалу св. Елены, передъ которой не проходитъ ни одно судно, не преклонивъ флагъ".

Кюстинъ ошибся: останки Наполеона были перевезены впослѣдствіи въ Парижъ и такъ какъ въ тотъ день было десять градусовъ мороза, то публики собралось очень мало и спокойствіе не было нарушено.

Кюстинъ написалъ что то очень милое въ альбомъ вашей тетки Маріи; когда по возвращеніи нашемъ въ Петербургъ мы услыхали, какъ дурно отзывался Кюстинъ о Россіи и какъ онъ не умѣлъ оцѣнить сдѣланнаго ему пріема, то тетка ваша, возмутившись нѣкоторыми мѣстами его записокъ, вырѣзала изъ альбома тотъ листокъ, на которомъ написалъ Кюстинъ, положила его въ конвертъ и отослала Кюстину въ Парижъ. Я думаю, его укололъ нѣсколько этотъ знакъ презрѣнія со стороны дѣвушки, которая была патріотка душою. Я припоминаю какъ мнѣ разсказывали, что однажды, на вечерѣ у императрицы Александры Ѳеодоровны, императоръ Николай, входя къ ней въ залу, сказалъ при всемъ обществѣ, довольно немногочисленномъ:

— „Я прочелъ только-что статью Кюстина, которая чрезвычайно насмѣшила меня; онъ говоритъ, будто я ношу корсетъ; онъ ошибается, я корсета не ношу и никогда не носилъ, но я посмѣялся отъ души надъ его разсужденіемъ, что императору напрасно носить корсетъ, такъ какъ животъ можно уменьшить, но совершенно уничтожить его невозможно".

Черезъ нѣсколько времени послѣ появленія записокъ Кюстина, къ намъ пріѣхалъ Бальзакъ, но ему, конечно, не оказали такого пріема какъ Кюстину, хотя съ нимъ обошлись чрезвычайно вѣжливо, такъ что Бальзакъ, возвратившись въ Парижъ, говорилъ что „онъ получилъ въ Петербургѣ оплеуху, которую слѣдовало бы дать скорѣе Кюстину".

Варвара Николаевна Асенкова.

Замѣтка ея біографа.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1880 г., томъ XXIX (октябрь), помѣщена статья подъ названіемъ: „И. И. Сосницкій, В. И. Рязанцевъ, В. Н. Асенкова, П. Мочаловъ, Я. Брянскій и другіе артисты русскаго театра".

Въ эту прекрасную и весьма любопытную статью П. Каратыгина вкралось нѣсколько ошибокъ не особо важныхъ, но которыя, однакожъ, я считаю не лишнимъ оговорить:

На стр. 296-й сказано: „Рѣпина любила Асенкову", а между тѣмъ обѣ знаменитыя артистки никогда и нигдѣ не встрѣчались, и потому, будучи незнакомы между собою, онѣ, конечно, не могли любить другъ друга.

Первый дебютъ Асенковой происходилъ, на сколько мнѣ помнится, не 25-го января 1835 г., какъ сказано въ выше названной статьѣ, а 21-го числа этого мѣсяца. Не имѣя теперь возможности провѣрить этотъ фактъ, я замѣчу только, что въ біографіи Асенковой, составленной мною почти немедленно послѣ ея кончины и помѣщенной въ „Репертуарѣ русскаго театра" 1841 г., а также и въ некрологѣ ея, составленномъ Межевичемъ и помѣщенномъ въ № 90-мъ „Сѣверной Пчелы" 1841 г., сказано также, какъ и у меня, что Асенкова дебютировала 21-го января. Составленную мною біографію В. Н. Асенковой, прежде помѣщенія ея въ „Репертуарѣ", просматривала, по моему желанію, мать нашей незабвенной артистки А. Е. Асенкова, которая, конечно, исправила-бы сдѣланную мною ошибку, еслибы я въ этомъ случаѣ дѣйствительно ошибся.—Наконецъ, отчетъ о первомъ дебютѣ Асенковой появился въ № 26-мъ „Сѣверной Пчелы" 1835 г., что̀ было бы немыслимо, еслибы она дебютировала только наканунѣ, такъ какъ въ тогдашнее время театральные разборы посылались предварительно на разсмотрѣніе не только директора театровъ, но и министра двора.

В. Н. Асенкова находилась на сценѣ не 5 лѣтъ, какъ сказано ошибочно въ статьѣ П. Каратыгина, а 6 лѣтъ съ небольшимъ и именно: съ января 1835 г. по 16-ое февраля 1841 г.

Французская пьеса „Une chaumière et son coeur", переведенная для русскаго театра Д. Т. Ленскимъ, названа имъ не „Мать", какъ сказано все въ той же статьѣ, а „Мечты".

Въ „Полюбовной сдѣлкѣ" В. Н. Асенкова занимала роль Каршинской, а не Котонинской.

Въ русскомъ переводѣ извѣстной комедіи Бомарше „Свадьба Фигаро" пажъ названъ не Херубиномъ, а Серафимомъ.

Въ „Горѣ отъ ума" Асенкова занимала преимущественно роль Натальи Дмитріевны Горичевой, а не Софьи Павловны, которую если она и играла, то не постоянно, а въ видѣ исключенія по какому нибудь особому случаю.

Памятникъ на ея могилѣ сооруженъ не исключительно на средства И. И. Сосницкаго, а по складчинѣ между нѣсколькими лицами, въ числѣ которыхъ

однимъ изъ главныхъ былъ, по суммѣ, которую онъ пожертвовалъ на этотъ предметъ, графъ Эссенъ-Стейнбокъ-Ферморъ.

Піеса „Добрый геній" не трагедія, а комедія-водевиль.

Наконецъ, очень и очень ошибается П. Каратыгинъ, увѣряя, что память объ Асенковой сохраняли до конца своей жизни лишь родные и не многіе изъ сотоварищей ея. Хотя въ будущемъ 1881 году минетъ уже 40 лѣтъ со дня кончины незабвенной В. Н. Асенковой, но, повѣрьте мнѣ, память о ней еще не умерла среди тѣхъ лицъ, которыя долго и съ любовью слѣдили за ея сценическими успѣхами. Въ этомъ отношеніи я первый могу сказать:

Воспоминаніе о ней
Еще живетъ въ душѣ моей
И будетъ въ ней всегда оно
Пока мнѣ жить еще дано.

Д. П. Сушковъ.

И. Ѳ. Горбуновъ.

Талантливый артистъ и остроумный разскащикъ, изучая отечественную исторію по первичнымъ источникамъ, прекрасно усвоилъ себѣ языкъ старинныхъ челобитень и прочихъ актовъ. Вотъ два образчика его шутки-поддѣлки:

I.

Челобитная XVII ст.

[По титулѣ].

Бьетъ челомъ и плачется спротишка твой Государевъ разбойнаго приказа писчикъ Павликъ. Въ прошлыхъ-годѣхъ велѣно мнѣ сидѣть въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія разбойныя и татинныя дѣла списывати, а жалованье мнѣ противъ другихъ подъячихъ вполы, да сапоги, да однорядка, да шапка. И я, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ Великаго Государя дѣлѣ радѣлъ. А нынѣ та однорядка износилась и сапоженки поистлѣли—въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и пяткамъ тягота великая. Царь Государь! смилуйся для своего многолѣтняго здравія и всемірныя радости царевича (имя рекъ) вели меня, спротишку, обуть.

Помѣта: Объявлено Государево жалованье: дать однорядку, да сапоги, да шапку.

II.

Челобитная XVIII ст.

[По титулѣ].

Его сіятельство генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъ, преображенскаго полку бригадиръ приказалъ мнѣ, нижайшему, быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока. И я, будучи въ юстицъ-коллегіи, Ея Императорскаго Величества интересу служилъ. А нынѣ мнѣ, нижайшему, отъ юстицъ-коллегіи резолюція: отъ юстицъ-коллегіи отставить, на основаніи указовъ Ея Императорскаго Величества. А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи Ея Императорскаго Величества невозможно. А посему....

Резолюція: Опредѣлить Ея Императорскаго Величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда-же натурою.

III.

Прошеніе XIX ст.

Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ и не имѣя возможности при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса...

Резолюція. По непредставленію марокъ, оставить безъ послѣдствій.

И. Ѳ. Горбуновъ.

князя Яшвиля;—біографія атамана **Осипа Гладкаго**;—Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**;—Петербургское общество въ 1826-мъ году по секретнымъ донесеніямъ **фонъ-Фока**;—Дневникъ **В. К. Кюхельбекера**;—предсмертные Очерки и Воспоминанія **О. А. Пржецлавскаго** († 1880 г.);—Записки **кн. Долгорукаго**;—Записки кн. **И. С. Голицына**;—**М. Я. Ольшевскаго**;—Очерки и разсказы о войнѣ 1877—1878 гг. и проч.

Излишне пересчитывать изслѣдованія, очерки и матеріалы, относящіеся къ отечественной исторіи, исторіи русской словесности, художествъ и театра, а также біографіи русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, какіе явятся на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ изданіи будущаго, 1881-го, года. Постоянные читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1870—1880 гг.) достаточно ознакомились съ обширностью выбора, разнообразіемъ, интересомъ и значеніемъ представляемыхъ въ этомъ журналѣ статей и матеріаловъ.

Въ приложеніи къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1881-го года мы помѣстимъ—Записки Семена Андреевича **Порошина**, служащія къ исторіи великаго князя цесаревича (впослѣдствіи императора) Павла Петровича. Записки эти были изданы въ 1844 г., но онѣ будутъ напечатаны нами вновь съ значительными дополненіями, исправленіями текста по рукописямъ и съ приложеніями интересныхъ документовъ. Право на таковое изданіе редакція пріобрѣла отъ С. С. Порошина, внука составителя Записокъ.

Цѣна «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ 1881-мъ году остается прежняя, а именно: за двѣнадцать книгъ, составляющихъ четыре тома (изъ нихъ одинъ томъ приложенія), при чемъ каждый томъ не менѣе тридцати пяти печатныхъ листовъ, всего же въ годъ—болѣе 2,000 страницъ, съ гравированными портретами—

цѣна **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ** съ пересылкою.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ С.-Петербургѣ—въ магазинъ Мамонтова (Невскій просп., д. № 46); въ Москвѣ—въ книжные магазины Соловьева и Мамонтова.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ"
изд. 1880 г.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—**восемь рублей съ пересылкой.** Журналъ высылается подписчикамъ съ первой книги. Первыя четыре книги 1880 г.—напечатаны вторымъ изданіемъ.

При „Русской Старинѣ" 1880-го года приложены портреты: Императора **Александра II**;—императрицъ **Екатерины I** и **Елисаветы Петровны**;—императора **Петра II**;—**А. С. Пушкина** (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея **Г. П. Павскаго**,—**И. С. Тургенева**;—**И. А. Гончарова**;—гр. **Л. Н. Толстаго**;—**А. Н. Островскаго**;—**Д. В. Григоровича**;—**А. В. Дружинина**;—поэта Тараса **Шевченко**;—графа **П. Д. Киселева**,—фельдмаршала кн. **А. И. Барятинскаго** и **С. Р. Лепарскаго**.

Въ «Русской Старинѣ» изд. **1880-го** года, [**одиннадцатый** годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки **Д. И. Ростиславова** (одиннадцать главъ).—Записки **Топчіева**: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки **А. П. Бѣляева** (декабриста, четыре главы).—Записки принца **Евгенія Виртембергскаго** о войнѣ 1828 г. и событіяхъ за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора **Николая Павловича** съ Дибичемъ.—Записки **И. В. Селиванова**: губернаторъ Папчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки **Сельскаго Священника**;—Записки **Я. М. Невѣрова**: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки **М. Я. Ольшевскаго**: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** и **Е. Н. Львовой** († 1864 г.).—Воспоминанія артистки **А. Я. Петровой**, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ **А. К. Пузыревскаго**.—Великій Новгородъ—статья **Н. И. Костомарова**.—Герасимъ Петровичъ **Павскій**: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. **Н. И. Барсова**.—Рѣчь **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Государя Императора.—Очеркъ профессора **И. Е. Андреевскаго**: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отмѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи,—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго). В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскаго и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ «Русской Старинѣ» 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ «Слова о полку Игоревѣ»);—В. Г. Бѣлинскій (воспоминанія о немъ товарища по университету):—Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова),—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „НАРОДНАЯ ШКОЛА"

въ 1881 году.

(тринадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

„НАРОДНАЯ ШКОЛА" будетъ издаваться въ 1881-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) Законодательство по народному образованію, куда входятъ не только законодательныя постановленія въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. прошедшія чрезъ высшую законодательную инстанцію, но также частныя правительственныя распоряженія, имѣющія обязательную силу для разныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно низшаго разряда, и высочайшіе рескрипты, касающіеся дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ и учрежденій на пользу народнаго образованія. II) Педагогика и дидактика. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются дидактическія и методическія статьи по всѣмъ предметамъ обученія и воспитанія, главнымъ образомъ относящіяся къ учебному курсу народныхъ школъ и учительскихъ семинарій и институтовъ. III) Исторія народнаго образованія. Сюда входятъ статьи историческаго содержанія о развитіи народнаго образованія въ Россіи и другихъ государствахъ, а также біографіи лицъ, съ пользою потрудившихся на этомъ поприщѣ. IV) Критика и библіографія—разборъ книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ первоначальному обученію или, вообще, вопросамъ воспитанія какъ съ теоретической, такъ и практической стороны. V) Новости и смѣсь. Этотъ отдѣлъ, вполнѣ соотвѣтствующій „современному обозрѣнію" въ другихъ журналахъ, заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематичическій обзоръ (подъ названіемъ педагогической хроники) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Въ этотъ же отдѣлъ входитъ, по временамъ, (смотря по накопленію матеріаловъ) очеркъ современнаго положенія народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою „разныхъ извѣстій", нѣкоторые любопытные факты изъ общественной жизни, представляющіе интересъ для народнаго учителя. Иногда эти факты, по мѣрѣ ихъ важности, (какъ напр., появленіе дифтерита и вредныхъ насѣкомыхъ въ разныхъ губерніяхъ) группируются въ подробныя обозрѣнія извѣстныхъ сторонъ въ нашей внутренней жизни. VI) Приложенія къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и в) вообще всякія статьи научнаго и литературнаго содержанія, которыя могутъ содѣйствовать развитію народнаго учителя.

Эта обширная и разнообразная программа добросовѣстно исполнялась редакціей „НАРОДНОЙ ШКОЛЫ" въ теченіе двѣнадцатилѣтняго существованія журнала, и такое же точно исполненіе можемъ мы обѣщать нашимъ читателямъ на будущее время. Измѣнившіяся къ лучшему условія нашей печати дадутъ намъ возможность высказываться полнѣе и шире по всѣмъ выдающимся вопросамъ народнаго образованія.

Въ текущемъ году, кромѣ редакторовъ-издателей журнала, въ „НАРОДНОЙ ШКОЛѢ" принимали участіе своими трудами: *В. Александровъ*, *В. И.*

Ассоновъ, П. А. Быстровъ, В. С. Гербачъ, М. П. Глѣбова, Т. В. Докучаевъ, Е. М. Ждановъ, В. Э. Иверсенъ, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, Вс. И. Миропольскій, Я. Т. Михайловскій, С. А. Мшанецкій, Д. И. Тихомировъ, В. И. Фармаковскій, И. О. Фесенко и др.

Для будущаго года, въ распоряженіи редакціи имѣются уже статьи: д-ра *А. С. Виреніуса, В. С. Гербача, В. Э. Иверсена, Е. П. Карновича, И. О. Фесенко* и мн. др.

„НАРОДНАЯ ШКОЛА" будетъ выходить въ 1881 г., по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою или доставкою. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ главную контору „НАРОДНОЙ ШКОЛЫ" въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, по 6-й линіи, д. № 25. По той же цѣнѣ можно выписывать полные экземпляры журнала за 1878 и 1879 г. (новой редакціи). За эти годы, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, въ журналѣ участвовали также: *гг. Водовозовъ, Запольскій, Згурскій, Зимницкій, Каптеревъ, Павловичъ, Рейнботъ, Ремезовъ, Самусь, Д. Семеновъ, Аѳ. Соколовъ* и мн. др.

Редакторы-издатели: **В. ЕВТУШЕВСКІЙ. А. ПЯТКОВСКІЙ.**

СОЧИНЕНІЯ ѲЕДОРА ЕЗЕРСКАГО.

СЧЕТОВОДСТВО:

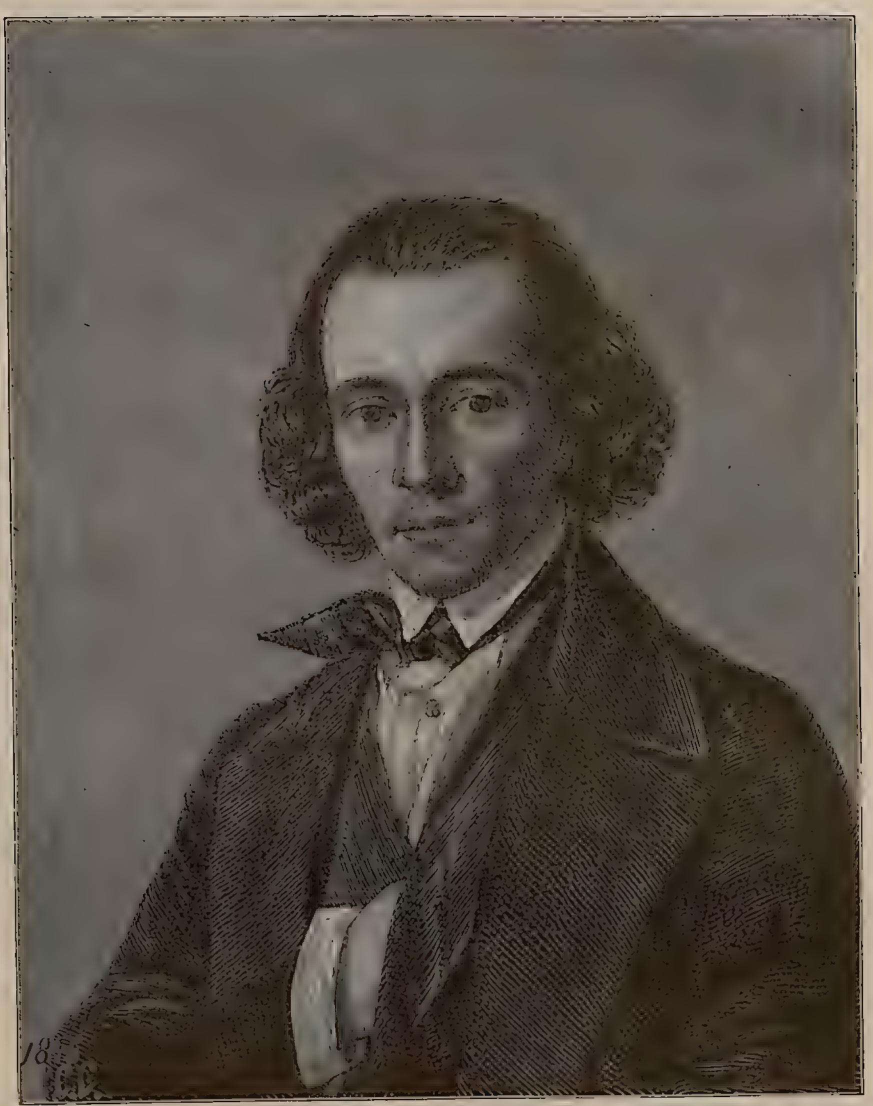
	Цѣна.	
ТОРГОВОЕ полное по всѣмъ системамъ. 6 частей.	12	—
» краткое по простой, двойной и тройной системамъ. . .	—	80
» краткое на четырехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ по простой, двойной и тройной системамъ	2	75
ЗЕМСКИХЪ И ГОРОДСКИХЪ УПРАВЪ. V выпус. Подписная цѣна за всѣ 5 вып. 20 руб. съ пересылкою. Вышедшіе въ свѣтъ выпуски высылаются немедленно, а остальные по мѣрѣ отпѣчатанія	20	—
КОМПАНІЙ НА АКЦІЯХЪ И ПАЯХЪ по двойн. и тройн. сист.	1	—
ПОДОТЧЕТНЫХЪ ПРИКАЩИКОВЪ по простой и тройной сист.	—	60
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ. Малыя хозяйства, по тройной сист.	1	50
КРАТКАЯ НАГЛЯДНАЯ ПРАКТИКА по тройной русской сист.	1	—
КАРТА для нагляднаго изученія счетоводства.	—	50
ЭКСПЕРТИЗА Ѳ. Езерскаго по Опочецкой Земской Управѣ. . . .	1	50
ПРЕНІЯ о двойной и тройной системахъ	—	30
РѢШЕНІЕ тройною системою неразрѣшимыхъ задачъ. 2 изд. . . .	1	—
ГОТОВОЕ УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ до 1.111,111	1	40
» 1,000 брошюр. . .	—	10
» 1,000 стѣнные . .	—	60

Изданія Ѳ. Езерскаго.

БЕСѢДЫ СЧЕТОВОДНЫЯ. Сборникъ статей, издающійся подъ редакціею Ѳ. Езерскаго	1	—
КАЛЕНДАРЬ СЧЕТОВОДЪ брошюрован	—	60
въ перепл.	1	—
АНГЛІЙСКАЯ СИСТЕМА торговаго счетоводства. Сочин. Эдуарда Джонеса	1	—
УЧЕНИЧЕСКІЯ ТЕТРАДИ для практическаго изученія счетоводства: по простой системѣ	1	—
» двойной »	1	—
» тройной »	1	—

Всѣ сочиненія и изданія 50 р. съ пересылкою.

Складъ въ **ФИРМѢ СЧЕТОВОДЪ**, Невскій просп. № 27.

Гравировалъ Ѳ. Ѳ. Матэ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ

въ 1845 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1880 г. ТОМЪ XXIX.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 7 НОЯБРЯ 1880 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ И ЕГО ДВОРЪ

въ 1804 г.

[Переводъ съ французской рукописи].

Въ числѣ архивовъ, имѣющихъ особенное значеніе для исторіи Россіи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, одно изъ первыхъ мѣстъ, бесспорно, занимаетъ Саксонскій Дрезденскій архивъ. Но имѣетъ онъ значеніе по своимъ матеріаламъ, объемлющимъ періодъ времени лишь до половины 1806 года, такъ какъ съ этого времени Саксонія въ такой степени подчинилась вліянію Наполеоновской политики, что, не смотря на полученное ею названіе королевства, она снизошла до степени самыхъ ничтожныхъ владѣній Германіи, и съ тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о самостоятельной политики этого государства по отношенію къ великимъ державамъ. До 1806-го года саксонскіе документы представляютъ чрезвычайную важность, съ 1806 года они становятся второстепенными источниками, и бо̀льшею частью суть ни что иное какъ отголоски ходячихъ слуховъ, подобно chronique scandaleuse. Болѣе важныя политическія извѣстія доходили до саксонскаго двора окольными путями, по бо̀льшей части черезъ австрійскихъ посланниковъ, постоянно покровительствовавшихъ Саксоніи.

Пишущій эти строки заимствовалъ изъ саксонскаго архива все, касавшееся исторіи Россіи съ 1792 по 1830 г., дополнивъ этотъ матеріалъ за періодъ времени до 1814 г. изъ Вѣнскаго государственнаго архива, доступъ въ который ему былъ открытъ благодаря любезности гф. Арнета.

При извлеченіи и снятіи копій съ богатаго матеріала обоихъ архивовъ, приходилось придерживаться слѣдующей системы. Во-первыхъ, необходимо было переписать донесенія бывшихъ въ Петербургѣ саксонскихъ и австрійскихъ посланниковъ; затѣмъ многочисленные дипломатическіе акты, служившіе для поясненія этихъ донесеній; также приходилось розобрать богатый историческій мате-

ріалъ, заключавшійся въ мемуарахъ и замѣткахъ, составленныхъ посланниками, которые они отправляли къ своимъ дворамъ при всякой перемѣнѣ въ личномъ составѣ посольства. Эти мемуары служили какъ бы руководствомъ для послѣдующихъ посланниковъ, знакомя ихъ, до нѣкоторой степени, съ жизнью Петербургскаго двора, съ наиболѣе вліятельными сановниками, а равно съ учрежденіями и политическимъ положеніемъ Россіи. Значеніе подобныхъ записокъ, конечно, только относительное, смотря по политическимъ способностямъ и бо́льшему или меньшему знакомству съ предметомъ ихъ автора.

Въ числѣ записокъ, переписанныхъ мною, особенное значеніе имѣютъ записки 1803—1804 гг. Онѣ касаются всѣхъ отраслей государственной жизни Россіи, описываютъ придворныхъ, служебную организацію и администрацію имперіи и, наконецъ, политическое отношеніе Россіи къ прочимъ государствамъ, именно къ германскимъ дворамъ. Записки эти были написаны, вѣроятно, по случаю назначенія въ этомъ году новаго саксонскаго посланника въ Петербургѣ. Предписаніемъ отъ 22-го сентября и дополнительнымъ указомъ отъ 1-го октября 1804 г. бывшій посланникъ камергеръ графъ Фридрихъ Албрехтъ Шуленбургъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ камергеръ графъ Георгъ Ейнзидель, находившійся при русскомъ дворѣ въ качествѣ полномочнаго посла отъ саксонскаго двора вплоть до 1810 г.

Приводимъ списокъ саксонскихъ посланниковъ въ Петербургѣ изъ рукописи подъ заглавіемъ: „Rechnung über Einnahme und Ausgabe der Churfürstlich sächsischen Gesandschaftscasse. Dresden. Haupt-Staats Archiv. Locat 22341“. Въ ней заключаются отчеты съ 1792 по 1813 г.; этимъ годомъ они прекращаются. Въ этотъ промежутокъ времени посланники слѣдовали одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1792 г. совѣтникомъ при посольствѣ былъ Францъ ф. Эссенъ, секретаремъ посольства при немъ Гельбигъ; оба они пользуются извѣстностью, первый — какъ авторъ отчетовъ, помѣщенныхъ въ исторіи Россіи Германа (Hermann), а послѣдній—своею біографіей Петра III-го, статьей о русскихъ временщикахъ и другими сочиненіями. Гельбигъ занималъ свой постъ до 1797 г., когда произошла перемѣна въ посольствѣ.

Густавъ Георгъ ф. Фелькерзамъ былъ секретаремъ до 1800 г. 1-го ноября 1796 г. ему былъ назначенъ въ помощники Карлъ Фридрихъ Розенцвейгъ, который фигурируетъ въ спискахъ въ качествѣ секретаря до 31-го января 1813 г., когда была упразднена касса посольства; въ теченіи этихъ 16-ти лѣтъ онъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, гдѣ очевидно съумѣлъ составить себѣ точное понятіе не только о дѣлахъ, но и о многихъ личностяхъ и о политическихъ отношеніяхъ Россіи. Начальниками его въ этотъ періодъ времени были: графъ Фридрихъ Албрехтъ фонъ Шуленбургъ съ 1-го августа 1801 по 22 сентября 1804 г., графъ Георгъ Ейнзидель до 1810 г., Л. Ф. Вандорфъ въ 1810 г., графъ Августъ Бозе въ 1811 по ноябрь 1813 г.

„Mémoire sur la cour de Russie“ и прочія изъ вышеупомянутыхъ запи-

---

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ, ОТЪ 2-хъ ДО 4-хъ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ ВЪ НОМЕРѢ)

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"

(ДВУХМѢСЯЧНОЕ—ОТЪ 18 ДО 24-хъ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ ВЪ КАЖДОЙ КНИЖКѢ)

будутъ издаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1881 году на прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается болѣе 260 листовъ убористаго шрифта. При „Христіанскомъ Чтеніи" въ слѣдующемъ году будетъ продолжаться начатое съ 1879 г. печатаніе

ТОЛКОВАНІЙ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ,

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что къ концу 1881 года составится третій выпускъ „Толкованій"—объемомъ около 20 печатныхъ листовъ (въ третьемъ выпускѣ будетъ печататься „Толкованіе на книгу Псалмовъ").

Годовая цѣна за оба журнала и съ „Толкованіями на Ветхій Завѣтъ"— семь руб. съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ"—пять руб., за „Христіанское Чтеніе" съ „Толкованіями"—пять руб. Номера „Церковнаго Вѣстника" по 15 коп.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ" печатаются стороннія объявленія: авторовъ и книгопродавцевъ о вновь выходящихъ книгахъ, банковъ о ихъ операціяхъ, магазиновъ и т. д., по опредѣленной и съ прошлаго года пониженной таксѣ, именно по 15 к. за строчку петита (въ $5^1/_2$ квадратовъ), если объявленіе печатается въ одномъ номерѣ, и по 10 коп., если повторяется въ двухъ и болѣе номерахъ. При „Церковномъ Вѣстникѣ" разсылаются отдѣльныя объявленія и прейсъ-куранты—по ПЯТИ руб. съ каждой тысячи.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: **Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника" и „Христіанскаго Чтенія" въ С.-Петербургѣ.**

Адресъ отдѣленія конторы, гдѣ принимаются: объявленія для напечатанія и для разсылки при журналахъ, а также подписка на журналы отъ петербургскихъ подписчиковъ и гдѣ можно получать отдѣльныя изданія редакціи: Солдатскій переулокъ, между Знаменской и Преображенской ул., домъ Иванова № 5, кв. № 1-й.

Кромѣ того можно подписываться въ отдѣленіяхъ конторы: **въ Петербургѣ** при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшемъ Кораблева), **въ Москвѣ**—при книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.

Въ конторѣ редакціи и въ ея петербургскомъ и московскомъ отдѣленіяхъ можно получать полные экземпляры по пяти рублей за оба журнала за годъ (вмѣсто семи) и по три рубля за годовой экземпляръ каждаго журнала отдѣльно.

Въ конторѣ редакціи и въ ея петербургскомъ и московскомъ отдѣленіяхъ можно получать полные экземпляры

ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА И ХРИСТІАН. ЧТЕНІЯ

за **1875, 1876, 1877, 1878, 1879** и **1880** гг.

по пяти рублей за оба журнала за годъ (вмѣсто семи) и три рубля за годовой экземпляръ каждаго журнала отдѣльно.

Тамъ же можно получать:

СОБРАНІЕ ДРЕВНИХЪ ЛИТУРГІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ—въ пяти выпускахъ; цѣна всѣхъ пяти выпусковъ вмѣстѣ (больше 50 печатныхъ листовъ) три рубля и съ пересылкою, каждаго отдѣльно— одинъ рубль съ пересылкою.

15-го ноября выйдетъ второй выпускъ

„ТОЛКОВАНІЙ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ"

(около 30 печатныхъ листовъ).

Въ этомъ выпускѣ окончено толкованіе на книгу пророка Іереміи. Цѣна **2 р.** съ пересылкою. За первый выпускъ цѣна **1 руб. 25 к.** съ пересылкою. За оба выпуска вмѣстѣ (около 50 печ. листовъ) цѣна **3 р.** съ пересылкою. Новые подписчики на „Христіанское Чтеніе" получаютъ оба выпуска за **2 р. 50 коп.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

изд. 1881 г.

двѣнадцатый годъ изданія.

«Русская Старина» будетъ выходить въ слѣдующемъ 1881 году по той же программѣ, въ тѣ же сроки (1-го числа каждаго мѣсяца) и съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ, художественно выполненныхъ лучшими граверами, каковы Академикъ **Л. А. Сѣряковъ** и друг., или воспроизведенныхъ въ точныхъ геліографическихъ снимкахъ,—какъ выходило это изданіе въ теченіе одиннадцати лѣтъ 1870—1880 гг.

Не смотря на то, что книги «РУССКОЙ СТАРИНЫ» нерѣдко почти вдвое превышаютъ тотъ объемъ, который возможенъ при небольшой (8 руб.) подписной цѣнѣ на этотъ журналъ, а именно, вмѣсто восьми печатныхъ листовъ заключаютъ въ себѣ четырнадцать и даже шестнадцать печатныхъ листовъ въ книгѣ, тѣмъ не менѣе редакція успѣваетъ напечатать лишь незначительную долю общаго количества тѣхъ Записокъ, Воспоминаній, историческихъ изслѣдованій, очерковъ и матеріаловъ, какіе уже находятся и продолжаютъ поступать въ ея распоряженіе. Такимъ образомъ не успѣвъ окончить печатаніемъ въ текущемъ 1880-мъ году—обширныхъ Записокъ бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи **Дм. Ив. Ростиславова**, а также Записокъ **А. П. Бѣляева, И. В. Селиванова, Сельскаго Священника** и нѣкот. другія, мы представимъ продолженіе ихъ въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» **1881-го** года.

Независимо отъ того, въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1881 г. будутъ напечатаны: Записки **М. А. Бестужева**;—Записки бывшаго жандармскаго штабъ-офицера **С. Р. Барановича**;—Записки

князя Яшвиля;—біографія атамана **Осипа Гладкаго**;—Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**;—Петербургское общество въ 1826-мъ году по секретнымъ донесеніямъ **фонъ-Фока**;—Дневникъ **В. К. Кюхельбекера**;—предсмертные Очерки и Воспоминанія **О. А. Пржецлавскаго** († 1880 г.);—Записки **кн. Долгорукаго**;—Записки кн. **Н. С. Голицына**;—**М. Я. Ольшевскаго**;—Очерки и разсказы о войнѣ 1877—1878 гг. и проч.

Излишне пересчитывать изслѣдованія, очерки и матеріалы, относящіеся къ отечественной исторіи, исторіи русской словесности, художествъ и театра, а также біографіи русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, какіе явятся на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ изданіи будущаго, 1881-го, года. Постоянные читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1870—1880 гг.) достаточно ознакомились съ обширностью выбора, разнообразіемъ, интересомъ и значеніемъ представляемыхъ въ этомъ журналѣ статей и матеріаловъ.

Въ приложеніи къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1881-го года мы помѣстимъ—Записки Семена Андреевича **Порошина**, служащія къ исторіи великаго князя цесаревича (впослѣдствіи императора) Павла Петровича. Записки эти были изданы въ 1844 г., но онѣ будутъ напечатаны нами вновь съ значительными дополненіями, исправленіями текста по рукописямъ и съ приложеніями интересныхъ документовъ. Право на таковое изданіе редакція пріобрѣла отъ С. С. Порошина, внука составителя Записокъ.

Цѣна «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ **1881**-мъ году остается прежняя, а именно: за **двѣнадцать** книгъ, составляющихъ **четыре** тома (изъ нихъ одинъ томъ приложенія), при чемъ каждый томъ не менѣе тридцати пяти печатныхъ листовъ, всего же въ годъ—болѣе 2,000 страницъ, съ гравированными, **портретами**—

цѣна **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ** съ пересылкою.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ С.-Петербургѣ—въ магазинъ **Мамонтова** (Невскій просп., д. № 46); въ Москвѣ—въ книжные магазины **Соловьева** и **Мамонтова**.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться **исключительно** въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

изд. 1880 г.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—**восемь рублей съ пересылкой.** Журналъ высылается подписчикамъ съ первой книги. Первыя четыре книги 1880 г.—напечатаны вторымъ изданіемъ.

При „Русской Старинѣ" 1880-го года приложены портреты: Императора **Александра II**;—императрицъ **Екатерины I** и **Елисаветы Петровны**;—императора **Петра II**; — **А. С. Пушкина** (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея **Г. П. Павскаго**,— **И. С. Тургенева**;—**И. А. Гончарова**;—гр. **Л. Н. Толстаго**;— **А. Н. Островскаго**;—**Д. В. Григоровича**;—**А. В. Дружинина**;— поэта Тараса **Шевченко**;—графа **П. Д. Киселева**,—фельдмаршала кн. **А. И. Барятинскаго**,—**С. Р. Лепарскаго** и **А. Н. Сѣрова**.

Въ «Русской Старинѣ» изд. **1880-го** года, [**одиннадцатый годъ изданія**], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки **Д. И. Ростиславова** (одиннадцать главъ).—Записки **Топчіева**: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки **А. П. Бѣляева** (декабриста, восемь главъ).—Записки принца **Евгенія Виртембергскаго** о войнѣ 1828 г. и событіяхъ за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора **Николая Павловича** съ Дибичемъ.— Записки **И. В. Селиванова**: губернаторъ П—въ и ссылка въ Вятку. — Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки **Сельскаго Священника**;—Записки **Я. М. Невѣрова**: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки **М. Я. Ольшевскаго**: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** и **Е. Н. Львовой** († 1864 г.).—Воспоминанія артистки **А. Я. Петровой**, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ **А. К. Пузыревскаго**.—Великій Новгородъ—статья **Н. И. Костомарова**.—Герасимъ Петровичъ **Павскій**: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. **Н. И. Барсова**.—Рѣчь **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Государя Императора.—Очеркъ профессора **И. Е. Андреевскаго**: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.— Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отмѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи,—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго). В. Г. Триroговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскаго и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ «Русской Старинѣ» 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ; В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);— Г. П. Павскій (его переводъ «Слова о полку Игоревѣ»);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету):—Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М Невѣрова),—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

либо особенно затянувшіяся. Когда дѣла эти будутъ окончены, то Васильеостровское отдѣленіе будетъ соединено, по всей вѣроятности, съ Петербургскимъ.

Дѣятельность сената распадается, по видимому, на три главныя части; во первыхъ, онъ составляетъ высшую аппеляціонную инстанцію для всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; во вторыхъ, на него возложено установленіе законовъ для высшей полиціи, установленіе и распредѣленіе налоговъ и общее размежеваніе имперіи; въ третьихъ, указомъ 8-го (20-го) сентября 1802 г., ему предоставленъ главный контроль въ государствѣ, такъ что управляющіе 8-ми министерствами, отдавая въ концѣ года отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ государю, должны представлять свои отчеты Его Величеству черезъ сенатъ. Въ настоящее время государь поручилъ контроль этихъ отчетовъ комитету, состоящему изъ трехъ сенаторовъ, въ которомъ засѣдаетъ и оберъ-камергеръ гр. Строгановъ.

Пятое министерство—внутреннихъ дѣлъ; имъ управляетъ графъ Кочубей, а мѣсто товарища министра занимаетъ гр. Павелъ Строгановъ... Указомъ 18 іюня 1804 г. министерство внутреннихъ дѣлъ раздѣлено на три департамента...

Шестое министерство—финансовъ управляется графомъ Васильевымъ; товарищемъ его числится тайный совѣтникъ Гурьевъ. Министерство финансовъ распадается на два департамента, дѣятельность которыхъ весьма различна. Первый департаментъ завѣдуетъ дѣлами по взносу податей и распредѣляетъ ихъ по различнымъ статьямъ государственныхъ расходовъ. Второй департаментъ завѣдуетъ расходованіемъ этихъ суммъ, и имѣетъ высшій контроль надъ состояніемъ финансовъ государства, т. е. ему принадлежитъ исполнительная власть этого министерства. Первый департаментъ находится исключительно подъ управленіемъ графа Васильева, вторымъ завѣдуетъ главный казначей имперіи Голубцовъ, отвѣтственный передъ министромъ финансовъ, такъ какъ онъ исполняетъ его приказанія...

Седьмое министерство—торговли находится подъ управленіемъ графа Николая Румянцева; у него нѣтъ товарища...

Восьмое министерство—народнаго просвѣщенія управляется графомъ Заводовскимъ; товарищъ министра Муравьевъ. Этотъ послѣдній въ то же время докладчикъ и секретарь кабинета Е. В—ва. Вліяніе министра народнаго просвѣщенія ограничено даже по его вѣдомству учрежденіемъ комитета, въ которомъ состоятъ членами кураторы главныхъ академій. Въ немъ засѣдаютъ кн. Адамъ Чарторыйскій, гр. Северинъ-Потоцкій, гр. Павелъ Строгановъ и Новосильцевъ, обсуждающіе самые важные вопросы.

Существуетъ еще два департамента, которые, не считаясь министерствами, управляются—одинъ министромъ, а другой товарищемъ министра финансовъ, пользующимися званіемъ директоровъ; именно: почтовый департаментъ, департаментъ удѣловъ и кабинетъ. Подъ вѣдѣніемъ директора департамента удѣловъ, Трощинскаго находится управленіе всѣми помѣстьями, предназначенными для содержанія членовъ императорской фамиліи, которымъ государь опредѣлилъ извѣстный доходъ, какъ, напр., великому князю Константину и всѣмъ замужнимъ великимъ княгинямъ. Ему же ввѣрено главное управленіе почтою; это вѣдомство имѣетъ также большое значеніе, такъ какъ оно доставляетъ государству весьма значительный доходъ и съ нимъ связано бюро для надзора за иностранной корреспонденціей. Почтовое вѣдомство было весьма расширено въ царствованіе Павла I, и въ настоящее время 24 человѣка заняты въ немъ чтеніемъ, перепискою и дешифрированіемъ всѣхъ депешъ иностранныхъ министровъ, французовъ и поляковъ, живущихъ въ Петербургѣ и тѣхъ, корреспонденція которыхъ проходитъ черезъ этотъ городъ.

Кабинетъ, управляемый Гурьевымъ, заключаетъ коллекцію оружія для собственнаго употребленія Е. И. В—ва и т. д.

Комитетъ.—Всѣ девять министровъ и ихъ товарищи составляютъ комитетъ, засѣдающій подъ предсѣдательствомъ императора. Въ немъ обсуждаютъ различные вопросы, касающіеся администраціи или общественныхъ дѣлъ, но собранія комитета бываютъ не въ опредѣленный срокъ, а зависятъ отъ желанія императора...

Совѣтъ.—Въ совѣтѣ засѣдаютъ всѣ министры и нѣкоторые другіе сановники, назначаемые въ него по ихъ заслугамъ или по какимъ нибудь другимъ обстоятельствамъ. Онъ собирается по понедѣльникамъ, утромъ, и засѣданіе его можетъ состояться не иначе, какъ въ присутствіи пяти—восьми министровъ. На его обсужденіе представляются всѣ вопросы по внутренней администраціи и внѣшней политики, которые не рѣшаются императоромъ лично. Съ этой цѣлью въ совѣтъ назначены докладчиками по своимъ министерствамъ Энгель, Сперанскій и Оленинъ. Статсъ-секретарь и секретарь кабинета Е. В—ва, Энгель докладываетъ дѣла по министерству иностранныхъ дѣлъ, Сперанскій по министерству внутреннихъ дѣлъ, а Оленинъ по дѣламъ народнаго просвѣщенія. На обсужденіе совѣта предоставляются обыкновенныя донесенія иностранныхъ посольствъ, тѣ же донесенія, которыя касаются особыхъ переговоровъ, составляютъ отдѣльныя докладныя записки и вносятся въ совѣтъ лишь въ томъ случаѣ, если государь считаетъ нужнымъ довести ихъ до его свѣдѣнія. Кромѣ семи министровъ, въ совѣтѣ засѣдаютъ: гофъ-маршалъ Николай

Салтыковъ, князь Платонъ Зубовъ, князь Александръ Куракинъ, Трощинскій, директоръ почтоваго департамента и удѣловъ, оберъ камергеръ гр. Строгановъ, кн. Алексѣй Куракинъ, и баронъ Будбергъ... Съ преобразованіемъ министерствъ, совѣтъ значительно утратилъ свое значеніе. До сихъ поръ ему придавало вѣсъ присутствіе тѣхъ личностей, которыхъ императоръ назначилъ въ преобразованныя министерства, какъ, напр., гр. Васильева и др., и въ настоящее время чести засѣдать въ совѣтѣ удостоиваются, по видимому, лишь тѣ лица, которымъ императоръ хочетъ доказать свое благорасположеніе, но которые, по своему положенію, чинамъ и отличіямъ, стоятъ выше другихъ наградъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ управляется, подобно остальнымъ, министромъ, имѣющимъ званіе канцлера имперіи и его товарищемъ. Кромѣ того въ немъ есть нѣсколько высшихъ чиновниковъ, которые управляютъ имъ въ отсутствіи министра и его товарища. Хотя гр. Александръ Воронцовъ находится въ отпуску, но такъ какъ онъ продолжаетъ считаться управляющимъ этимъ министерствомъ, то мы считаемъ нужнымъ описать здѣсь его личность.

Гр. Воронцову 68 лѣтъ; племянникъ оберъ-камергера Воронцова, онъ воспитывался во Франціи въ мушкетерахъ (aux mousquetaires), 18-ти лѣтъ былъ назначенъ уполномоченнымъ въ Вѣну по дѣламъ Россіи, и въ первой молодости былъ посланникомъ въ Лондонѣ и Гагѣ. Въ 1773 г. онъ былъ назначенъ директоромъ торговаго департамента (chambre de commerce) и занималъ это мѣсто до послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II, когда, поссорившись съ партіей князя Зубова, онъ былъ вынужденъ оставить его, причемъ враги Воронцова не преминули бросить нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на его честность. Онъ жилъ съ тѣхъ поръ въ своихъ помѣстьяхъ и появился снова при дворѣ лишь при вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго императора. Назначенный тогда въ совѣтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе императора своимъ умомъ, и ему было тѣмъ легче заслужить довѣріе государя, что, не управляя никакимъ министерствомъ, онъ руководился, повидимому, въ своихъ сужденіяхъ только заботою о благѣ общества. Его совѣты были тѣмъ болѣе привлекательны для императора, что Е. В. склонился въ то время къ совершенно миролюбивой системѣ, а графъ Воронцовъ возставалъ противъ всякой мѣры, могущей нарушить миръ, и мы обязаны единственно ему роковой рѣшимостью отправить ультиматумъ русскаго двора для ратификаціи Парижскаго мирнаго договора, что́ не оставило графу Моркову даже возможности выговорить условія болѣе выгодныя для благосостоянія тѣхъ державъ, въ которыхъ принимала участіе Россія. Графъ

Воронцовъ занималъ это мѣсто до октября мѣсяца 1802 г., когда при министерскихъ реформахъ онъ получилъ мѣсто государственнаго канцлера. Этому министру нельзя отказать въ умѣ и познаніяхъ, къ тому же онъ весьма трудолюбивъ; онъ выражается ясно и точно, и всегда прямо идетъ къ дѣлу, не впадая въ пустословіе. Но его можно считать главою консервативной партіи въ Россіи, хотя онъ дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ съ бо́льшимъ достоинствомъ, нежели предшественникъ его, князь Куракинъ. Человѣкъ пылкій и страстный въ своихъ убѣжденіяхъ, Воронцовъ нерѣдко увлекался своею горячностью и заходилъ далѣе, чѣмъ прилично дипломату. Иностранные посланники подвергались постоянно непріятнымъ преніямъ и канцлеръ, позволяя себѣ разныя выходки противъ Франціи, велъ Россію гораздо болѣе медленнымъ путемъ, нежели она идетъ послѣ того, какъ онъ удалился отъ двора. Это непослѣдовательное, по видимому, поведеніе объясняется пылкимъ невыдержаннымъ характеромъ, возмущавшимся всякою оппозиціей, а такъ какъ въ то время Франція одна составляла оппозицію Россіи, то онъ возсталъ противъ этого государства, точно также какъ возсталъ бы и противъ всякаго другаго, которое стало бы прекословить Петербургскому кабинету. Впрочемъ его рѣчи въ политическомъ разговорѣ были совсѣмъ иныя, нежели подаваемыя имъ мнѣнія въ совѣтѣ. Эти послѣднія руководились постоянно политическимъ и личнымъ эгоизмомъ, который въ Россіи часто вполнѣ соотвѣтствовалъ политическому эгоизму общества: такъ какъ войны чрезвычайно обременяли богатыхъ помѣщиковъ постановкою рекрутъ и пониженіемъ курса. Страдая различными недугами съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Воронцовъ удалился въ отпускъ въ свою подмосковную деревню, какъ по собственному своему побужденію, такъ и по желанію монарха и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, которыхъ начинали стѣснять одностороннія и честолюбивыя, своенравныя наклонности канцлера. Гр. Воронцова постигнетъ, вѣроятно, участь всѣхъ министровъ, т. е. онъ будетъ забытъ въ отставкѣ, хотя до сихъ поръ ему оказываютъ нѣкоторое вниманіе, извѣщая его о текущихъ дѣлахъ и спрашивая иногда его мнѣнія по особенно важнымъ вопросамъ.

Тайный совѣтникъ и товарищъ государственнаго канцлера, князь Адамъ Чарторыйскій управляетъ въ настоящее время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ полякъ по происхожденію и между нимъ и княземъ Репнинымъ предполагаютъ тайную родственную связь. Онъ служилъ во время войнъ польской революціи въ литовской арміи, подъ начальствомъ генерала Забелло и послѣ покоренія Польши, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, вступилъ на службу

Россіи. Они поступили оба ко двору двухъ юныхъ великихъ князей, и между прочимъ Адамъ Чарторыйскій поступилъ къ великому князю Александру; съ этого времени возникло то особенное расположеніе, которое постоянно оказывалъ ему императоръ. Впослѣдствіи, довольно серьезная дворцовая интрига вызвала удаленіе его отъ двора въ 1799 г. и императоръ Павелъ назначилъ его посланникомъ при королѣ Сардинскомъ. По восшествіи своемъ на престолъ, Александръ I тотчасъ вызвалъ его изъ Рима (sic) и держалъ его при себѣ до сентября мѣсяца 1802 года, когда онъ получилъ мѣсто, занимаемое имъ по сіе время. Князь А. Чарторыйскій обладаетъ, по видимому, всѣми качествами для того, чтобы управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ одаренъ замѣчательнымъ умомъ и спокойнымъ характеромъ; интересуясь предметомъ разговора, онъ почти всегда говоритъ то, что слѣдуетъ, никогда не теряетъ самообладанія и не выходитъ изъ границъ вѣжливости даже въ такомъ разговорѣ, который ему непріятенъ. Подъ видомъ холодности и сдержанности, у него весьма доброе сердце и, какъ говорятъ, онъ всегда старается быть полезнымъ своимъ друзьямъ. Судя по нотамъ и мемуарамъ, выходящимъ изъ его канцеляріи, онъ искусно владѣетъ перомъ и имѣетъ сжатый, энергичный и ясный слогъ. Есть основаніе думать, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, что всѣ документы, возбудившіе наибольшія похвалы, написаны имъ самимъ. Нельзя сказать, чтобы Чарторыйскій высказывалъ замѣтное предпочтеніе той или другой изъ иностранныхъ державъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ въ министерство, вызвавшія столь возмутительную систему недовѣрія Франціи къ Россіи, побудили его, правда, быть постоянно въ оппозиціи намѣреніямъ французскаго правительства, но въ это время Петербургскій дворъ не выказывалъ своего предпочтенія ни къ одной изъ другихъ державъ и съ тѣхъ поръ, какъ онъ управляетъ дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ, всѣ дѣйствія Россіи отличаются достоинствомъ и безпристрастіемъ. Князь Чарторыйскій проводитъ все время за дѣлами и въ обществѣ императора и императрицы, пользуясь полнымъ довѣріемъ государя по дѣламъ политики. Его никогда не видятъ въ свѣтѣ и онъ бываетъ у иностранныхъ министровъ только при очень торжественныхъ случаяхъ, но и тогда пріѣзжаетъ на вечеръ поздно и удаляется какъ можно ранѣе. Министръ иностранныхъ дѣлъ, а въ его отсутствіе товарищъ министра докладываютъ Е. В—ву дѣла по министерству два раза въ недѣлю, именно: по понедѣльникамъ и четвергамъ. Правителемъ канцеляріи у него Родофиникъ, грекъ по происхожденію, получившій это мѣсто по рекомендаціи покойнаго князя

Безбородко, а до этого служившій въ канцеляріи ордена св. Іоанна. Его считаютъ человѣкомъ весьма способнымъ.

Татищевъ, племянникъ гр. Воронцова, служитъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ на немъ лежитъ главнымъ образомъ отчетность. При настоящей организаціи, мѣсто это соотвѣтствуетъ мѣсту правителя канцеляріи. Татищевъ тайный совѣтникъ и назначенъ полномочнымъ посланникомъ къ Неаполитанскому королю. Онъ старше по службѣ князя Чарторыйскаго и служилъ уже въ министерствѣ при Павлѣ I, гдѣ онъ былъ вполнѣ преданъ гр. Ростопчину. Это человѣкъ трудолюбивый и дѣловой, болѣе акуратный и разсудительный, нежели бо̀льшая часть людей его лѣтъ въ Россіи. Преслѣдуя свои личные честолюбивые виды, онъ заслужилъ въ тоже время уваженіе общества. Въ отсутствіе князя Чарторыйскаго, Татищеву было поручено завѣдываніе текущими дѣлами министерства и сношенія съ иностранными посланниками. Хотя онъ, по видимому, желаетъ отправиться скорѣе къ своему назначенію въ Неаполь, но его задерживаютъ здѣсь для того, чтобы имѣть посредника между дворомъ и министерствомъ, съ одной стороны, а съ другой—съ гр. Александромъ Воронцовымъ, которому, какъ было уже сказано, оказываютъ до сихъ поръ нѣкоторое вниманіе.

Энгель — статсъ-секретарь и секретарь кабинета Е. В—ва по иностраннымъ дѣламъ. Обязанность его состоитъ въ отправленіи распоряженій и указовъ императора сенату или совѣту касательно политическихъ дѣлъ. Прямыя и близкія отношенія, существующія между Е. В—вомъ и управляющимъ этимъ министерствомъ, уменьшаютъ значеніе секретаря министерства, иначе мѣсто это въ рукахъ Энгеля непремѣнно пріобрѣло бы чрезвычайную важность. Въ этомъ министерствѣ переписка ведется, обыкновенно, на французскомъ языкѣ, но бываютъ случаи, когда министры обмѣниваются нотами на нѣмецкомъ и даже итальянскомъ языкѣ; это бываетъ въ дѣлахъ частныхъ, касающихся внутренней администраціи или въ случаѣ, если иностранный министръ не владѣетъ французскимъ языкомъ

IV.

Военный министръ, генералъ отъ инфантеріи Вязмитиновъ, много лѣтъ прослужилъ въ военномъ вѣдомствѣ, служа постоянно по административной части. Онъ былъ нѣкогда правителемъ канцеляріи графа Захара Чернышева, президента военной коллегіи, затѣмъ въ царствованіе Павла I былъ комендантомъ С.Петербургской крѣпости и управлялъ комисаріатомъ, а затѣмъ перешелъ гражданскимъ губернаторомъ въ Черниговъ или Полтаву, гдѣ заслужилъ репутацію честнаго и дѣятельнаго человѣка, вслѣдствіе чего и былъ призванъ въ министерство. Человѣкъ этотъ, выслужившійся изъ рядовыхъ, отличается весьма робкимъ характеромъ, мало предпріимчивъ въ своемъ управленіи и поэтому своими личными качествами имѣетъ еще меньше значенія, нежели своими министерскими, и то довольно ограниченными, обязанностями.

Гр. Ливенъ былъ генералъ-адъютантомъ покойнаго императора и получилъ свое мѣсто уже при этомъ монархѣ. Князь Петръ Волконскій былъ офицеромъ гвардейскаго измайловскаго полка, которымъ командовалъ нынѣ царствующій государь и онъ составилъ его карьеру, произведя его въ генералъ-адъютанты и приблизивъ къ своей особѣ. Онъ назначилъ его на постъ, занимаемый имъ нынѣ, когда князь Петръ Долгорукій былъ назначенъ инспекторомъ. Они заслужили оба репутацію людей осторожныхъ, заслуживающихъ полнаго уваженія, однако ни тотъ, ни другой не стоитъ выше посредственности, но Ливенъ стоитъ выше князя Волконскаго. Говорятъ, что онъ разсуждаетъ довольно правильно и выражается письменно съ ясностью и точностью.

Вице-адмиралъ Чичаговъ, старшій сынъ адмирала, командовавшаго въ послѣднюю войну со шведами и одержавшаго побѣду подъ Выборгомъ. Онъ учавствовалъ въ этой войнѣ въ Балтійскомъ морѣ и служилъ на крейсерахъ, которыхъ императрица Екатерина и Павелъ I отправили вмѣстѣ съ англійскимъ флотомъ въ сѣверный океанъ. Это человѣкъ, обладающій рѣдкими нравственными достоинствами и, что еще важнѣе, онъ не только считаетъ нравственность обязательною для себя, но преслѣдуетъ въ своемъ министерствѣ злоупотребленія съ неутомимою дѣятельностью, которой нѣтъ примѣра въ Россіи. Человѣкъ развитой и трудолюбивый, онъ хорошо знакомъ со своимъ дѣломъ. Его упрекаютъ только за пристрастіе ко всему новому, говоря, что онъ не достаточно цѣнитъ заслуги своихъ соотечественниковъ, оказывая предпочтеніе иностранцамъ. Онъ говоритъ

быстро и любитъ спорить, вслѣдствіе этого мнѣнія его кажутся иногда болѣе крайними, на самомъ дѣлѣ нежели Его нравственныя качества заслужили ему довѣріе и милость императора; онъ управляетъ морскимъ министерствомъ почти самостоятельно. До преобразованія министерствъ, онъ исполнялъ по флоту должность генералъ-адъютанта при императорѣ и пользовался тою же властью какъ и генералъ-адъютанты гр. Ливенъ и князь Волконскій.

Князь Лопухинъ, генералъ-прокуроръ и министръ юстиціи, былъ при императрицѣ Екатеринѣ II полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, затѣмъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ и наконецъ генералъ-губернаторомъ въ Ярославлѣ. Императоръ Павелъ вызвалъ его въ Петербургъ, пожаловалъ его сенаторомъ и, влюбившись въ его дочь, далъ ему княжеское достоинство и пожаловалъ ему разныя другія отличія, назначивъ его, между прочимъ, въ августѣ 1798 г., генералъ-прокуроромъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ (?); мѣсто это онъ занималъ до іюля 1799 г., и, находясь на этомъ важномъ посту, пріобрѣлъ много друзей своимъ честнымъ, прямымъ и услужливымъ характеромъ. Его считаютъ человѣкомъ образованнымъ, искренно желающимъ дѣлать добро, и онъ слыветъ неподкупнымъ, качество, которое считается необходимымъ для всякаго служащаго въ другихъ странахъ, но неоцѣнимое въ Россіи. По удаленіи Державина, Александръ I назначилъ его министромъ юстиціи въ октябрѣ 1803 года.

Новосильцевъ исполняетъ важныя должности товарища министра юстиціи, статсъ-секретаря, секретаря кабинета Е. В—ва и президента академіи наукъ. Родственникъ гр. Строганова и пользовавшійся его покровительствомъ, онъ воспитывался у него въ домѣ, затѣмъ, поступивъ въ военную службу, онъ былъ адъютантомъ генерала Игельстрома, при злополучномъ пораженіи Русскихъ въ Варшавѣ. При вступленіи на престолъ Павла I, онъ оставилъ военную службу и отправился въ Англію, гдѣ занимался науками во все время царствованія этого монарха. Въ Россію онъ возвратился тотчасъ по вступленіи на престолъ Алексладра I и получилъ одну за другою свои теперешнія должности. Всѣ говорятъ, что онъ занимался науками съ успѣхомъ; въ разговорѣ его виденъ человѣкъ умный и образованный. Онъ отличается тою сдержанностью, которую имѣютъ всѣ приближенные монарховъ и держитъ себя также серьезно и обдуманно, какъ и прочіе молодые люди, пользующіеся милостью государя, какъ, напр., гр. Павелъ Строгановъ, князь Чарторыйскій и другіе.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей приходился племянникомъ покойному кн. Безбородко. Воспитанный во Франціи Италинскимъ, нынѣ посланникомъ Россіи въ Константинополѣ, онъ слу-

жилъ при посольствѣ въ Лондонѣ и въ 1793 г. былъ назначенъ русскимъ посланнымъ при Оттоманскомъ дворѣ; прослуживъ на этомъ мѣстѣ до 1797 г., онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, подъ начальство своего дяди, въ то время, какъ гр. Панинъ отправился посланникомъ въ Берлинъ. Съ 1798—1799 гг. Новосильцевъ былъ вице-канцлеромъ, оставивъ это мѣсто по смерти дяди, когда его смѣнилъ гр. Панинъ. Тогда онъ удалился въ Дрезденъ, возвратясь въ Россію лишь по вступленіи на престолъ Александра I, при которомъ онъ состоялъ нѣкоторое время безъ опредѣленной должности. При вторичной отставкѣ Никиты Петровича Панина въ октябрѣ 1801 г., онъ получилъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, и занималъ его до сентября мѣсяца 1802 г., когда былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Графъ Кочубей возвышеннаго характера, благородныхъ стремленій и чрезвычайно преданъ императору, который удостоиваетъ его своею особенною милостью. Усердіе его ко благу общества не подлежитъ сомнѣнію, но нельзя сказать того же о его трудолюбіи, такъ какъ онъ, по видимому, не особенно любитъ работать и скорѣе обладаетъ гражданскими и соціальными качествами, нежели способностью къ общественной дѣятельности.

Статсъ-секретарь Сперанскій, секретарь кабинета Е. В—ва по министерству внутреннихъ дѣлъ, пользуется особымъ довѣріемъ Кочубея, исполняя должность его правителя канцеляріи. Вообще чиновники пользуются большою властью въ этомъ министерствѣ. Наконецъ, обсуждая дѣйствія графа Кочубея при исполненіи имъ различныхъ его должностей и во время удаленія его отъ дѣлъ, можно сказать, что министръ этотъ отличается болѣе деликатными нравственными качествами, нежели сильнымъ и развитымъ умомъ. Управленіе имъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, продолжавшееся въ 1801—1802 г., было слабое и тѣмъ менѣе замѣчательно, что самые важные переговоры, оконченные въ это время петербургскимъ кабинетомъ, противорѣчили совершенно побужденіямъ и принципамъ графа Кочубея, и что, не смотря на довѣріе императора, онъ не съумѣлъ устранить вліянія нѣкоторыхъ личностей, одержавшихъ верхъ въ политикѣ того времени. Эти причины отвратили его, вѣроятно, отъ этой должности, побудивъ просить мѣста, занимаемаго имъ теперь. Его лѣта дѣлаютъ его, нѣкоторымъ образомъ, посредникомъ между партіей молодыхъ людей, пользующихся особымъ расположеніемъ императора, и людьми болѣе серьезными, которые вступили въ министерство, благодаря своимъ прежнимъ заслугамъ. Его примирительный характеръ, заслужившій довѣріе общества, дѣлаетъ его чрезвычайно пригоднымъ къ этой должности. Мы сочли нужнымъ распространиться о гр. Ко-

чубеѣ тѣмъ болѣе, что вѣроятно онъ долго еще будетъ фигурировать при русскомъ дворѣ.

Графъ Павелъ Строгановъ, сынъ бывшаго оберъ-камергера, занимаетъ мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Его вступленіе въ свѣтъ было неудачное. Онъ воспитывался во Франціи до революціи, поэтому всѣ думали, что демагогическіе принципы должны были повліять на него, и это чрезвычайно затруднило поступленіе его въ гвардію, но ему вскорѣ удалось изгладить первое неблагопріятное впечатлѣніе, и когда, при бракосочетаніи императора Александра I, составляли его штатъ, то онъ поступилъ къ его двору въ качествѣ камеръ-юнкера. Въ это время и еще ранѣе, когда графъ Строгановъ состоялъ при наслѣдникѣ, онъ заслужилъ расположеніе и дружбу, которой удостоиваетъ его Александръ; расположеніе это ни чуть не уменьшилось вслѣдствіе немилости къ нему Павла I, который отдалилъ его отъ своего сына. Постоянство, которымъ отличаются всѣ чувства императора, обезпечиваетъ за гр. Строгановымъ на долгое время счастье быть близкимъ къ монарху. Умственныя способности его не особенно блестящи, онъ будетъ всегда дѣйствовать по внушенію того, кто съумѣетъ снискать его довѣріе. Пріятное обращеніе графа, благородныя, изящныя манеры, великодушный характеръ и желаніе услужить друзьямъ, составляютъ его отличительныя качества, которыя дѣлаютъ его способнымъ занять одно изъ высшихъ мѣстъ при дворѣ, такъ какъ онъ исполнилъ бы свои обязанности съ умѣньемъ и достоинствомъ.

Графъ Васильевъ, министръ финансовъ, былъ долгое время правителемъ канцеляріи покойнаго князя Вяземскаго, исполнявшаго въ теченіи 10 лѣтъ съ званіемъ генералъ-прокурора тройную обязанность генеральнаго государственнаго адвоката и министра юстиціи, министра финансовъ и министра внутреннихъ дѣлъ. При вступленіи на престолъ, Павелъ I, уволивъ гр. Самойлова, поручилъ министерство финансовъ гр. Васильеву, назначивъ князя Алексѣя Куракина генералъ-прокуроромъ, что возбудило зависть и недовольство этой вліятельной фамиліи во все время, покуда они были въ милости. По непостоянству, характеризовавшему царствованіе Павла, Васильевъ былъ удаленъ отъ министерства за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины императора; его замѣнилъ Державинъ, который при преобразованіи министерствъ въ 1802 г. былъ назначенъ министромъ юстиціи. При восшествіи на престолъ Александра I, Державинъ вышелъ въ отставку и графъ Васильевъ получилъ снова мѣсто министра финансовъ и главнаго казначея. Онъ и графъ Румянцевъ одни сохранили свои мѣста при преобразованіи министерствъ въ 1802 г.

и одни, такъ сказать, приноровились къ перемѣнамъ, которыя повлекли за собою это преобразованіе. Графъ Васильевъ пользуется славою вполнѣ достойнаго человѣка и, какъ увѣряютъ, обладаетъ неоцѣнимою для его должности наклонностью къ бережливости и порядку.

Гурьевъ, товарищъ министра финансовъ и директоръ кабинета Е. В—ва, обязанъ своимъ мѣстомъ дружбою съ камергеромъ княземъ Александромъ Голицынымъ и гофъ-маршаломъ графомъ Николаемъ Толстымъ, о которомъ мы уже говорили. Въ царствованіе Екатерины онъ былъ церемоніймейстеромъ, а при Павлѣ примкнулъ къ партіи Ростопчина, но это не послужило особенно къ его пользѣ. Общественное мнѣніе относится къ нему менѣе благосклонно, нежели къ прочимъ управляющимъ министерствъ, и его упрекаютъ, также какъ и его супругу, въ томъ, что они слишкомъ любятъ деньги, что, по видимому, подтверждается ихъ жизнью. Довольно простодушные на видъ, они оказываются весьма дѣятельны и изобрѣтательны, когда дѣло касается ихъ интересовъ.

Сенаторъ и главный казначей имперіи Голубцовъ, племянникъ графа Васильева. О служебныхъ обязанностяхъ его уже было говорено. Онъ пользуется, подобно своему начальнику, хорошею репутаціей и, подобно ему, прошелъ служебную школу въ канцеляріи князя Вяземскаго.

Министръ торговли гр. Николай Румянцевъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала Румянцева. Онъ поступилъ, въ первой молодости, ко двору императора Павла, бывшаго еще въ то время великимъ княземъ, и въ 1783 г. былъ назначенъ русскимъ посланникомъ къ при Рейнскимъ дворамъ. Онъ извѣстенъ въ политической исторіи своею неудавшейся попыткою убѣдить герцога deux-ponts (Pfalz-Zweibrücken) согласиться на обмѣнъ Баваріи на австрійскія Нидерланды, попыткою, которая повела къ знаменитому Fürstenbund. Благодаря покровительству вдовствующей государыни, онъ получилъ, при восшествіи на престолъ Александра, мѣсто министра торговли и путей сообщенія, но до сихъ поръ ни чѣмъ не отличился на этомъ поприщѣ. Хотя его нельзя обвинить во взяточничествѣ, но лихоимство таможенныхъ чиновниковъ достигло всеобщей извѣстности; имъ управляютъ подчиненные, и его лѣности приписываютъ постоянныя задержки въ дѣлахъ его вѣдомства. Такъ какъ вдовствующая государыня удостоиваетъ его своего покровительства, то онъ составляетъ одно изъ самыхъ видныхъ лицъ ея общества. Онъ бываетъ только при дворѣ и чрезвычайно заботится объ увеличеніи своего, и безъ того уже весьма значительнаго, состоянія.

Министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій, уроженецъ Украйны, какъ и гр. Безбородко; оба они служили въ канцеляріи генерала Румянцева во время первой турецкой войны и ему обязаны своимъ положеніемъ и блестящей карьерой. Красивая наружность гр. Завадовскаго доставила ему болѣе быстрый, но менѣе прочный успѣхъ, такъ какъ въ 1777 г. онъ былъ любимцемъ императрицы Екатерины II, осыпанъ въ это время милостями, но весьма скоро былъ уволенъ. Быть можетъ, онъ одинъ изъ фаворитовъ этой государыни сожалѣлъ искренно и ради ея самой о прекращеніи ихъ связи. Онъ сошелъ съ ума и, говорятъ, былъ помѣшанъ нѣсколько лѣтъ; по выздоровленіи ему было поручено управленіе банкомъ. Павелъ I пожаловалъ ему Андреевскую ленту (Cordon bleu). Хотя онъ одинъ изъ числа нынѣшнихъ министровъ не знаетъ французскаго языка, однако его считаютъ человѣкомъ умнымъ и свѣдущимъ въ дѣлахъ. Впрочемъ, онъ лѣнивъ и преданъ чувственности. Онъ получилъ занимаемое имъ мѣсто при преобразованіи министерствъ только потому, что партіи, руководившей реформою, нужно было имѣть нѣсколько старыхъ служакъ, чтобы поддержать реформу въ глазахъ общества. Поэтому, исключая развѣ гр. Воронцова и гр. Васильева, были избраны все такія личности, которыя довольствовались мнимымъ вліяніемъ и дѣятельностью.

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія Муравьевъ, секретарь кабинета Е. И. В—ва, и въ тоже время докладчикъ, личность чрезвычайно вліятельная, пользующаяся довѣріемъ императора. Ему приписываютъ редакцію бо̀льшей части указовъ, обнародованныхъ въ началѣ этого царствованія и написанныхъ тяжелымъ и темнымъ слогомъ въ филантропическомъ духѣ. Надобно думать, что онъ справедливѣе на дѣлѣ, нежели на бумагѣ, иначе трудно было бы понять, какъ онъ можетъ пользоваться тѣмъ вѣсомъ и вліяніемъ, которое онъ имѣетъ въ дѣлахъ.

Графъ Северинъ-Потоцкій, сенаторъ и членъ комитета народнаго просвѣщеннія. О немъ было говорено здѣсь слишкомъ часто, чтобы не сообщить о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Не входя въ подробности его исторіи во время смутъ въ Польшѣ, мы замѣтимъ, что какъ братъ извѣстнаго гр. Игнатія Потоцкаго, онъ всегда явно склонялся къ республиканской партіи. Онъ сошелся съ тѣхъ поръ съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, который, по видимому, имѣлъ вліяніе на его пріѣздъ въ Петербургъ при восшествіи на престолъ Александра I. Потоцкій поступилъ въ сенатъ и былъ принятъ въ близкомъ кружкѣ императора и императрицы. Онъ не скрываетъ своихъ убѣж-

деній, заставляющихъ его желать для Россіи основательной конституціи, и высказываетъ нѣсколько сдержанно, какъ человѣкъ придворный и богатый землевладѣлецъ, филантропическія мысли, осуществленіе которыхъ приводитъ самые цивилизованные народы къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Согласно съ этимъ, онъ первый воспользовался на практикѣ привилегіей, данной сенату 9-ой статьей указа отъ сентября мѣсяца 1802 года, по которой этой высшей судебной инстанціи предоставлялось право дѣлать представленіе по поводу внесенія въ протоколъ и утвержденія всякаго указа, который, по его мнѣнію, представляетъ трудность въ примѣненіи или противорѣчитъ существующимъ законамъ. Эта попытка была сдѣлана въ январѣ 1803 г. по поводу вопроса о 12-ти лѣтней службѣ въ войскахъ для полученія офицерскаго чина, и была первою и послѣднею въ своемъ родѣ, охладивъ въ то же время императора къ Северину-Потоцкому, который послѣ годоваго отсутствія хотя и принятъ по прежнему при дворѣ, но рѣже присутствуетъ на ужинахъ у царствующей императрицы. Князь Чарторыйскій какъ будто не нуждается болѣе въ умномъ и развитомъ другѣ своемъ, или не имѣетъ на столько власти надъ императоромъ, чтобы изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное попыткою къ ограниченію верховной власти.

Фельдмаршалъ графъ Николай Салтыковъ въ званіи гофъмейстера руководилъ воспитаніемъ императора Александра I и брата его, великаго князя Константина. Онъ сопровождалъ императора Павла въ его путешествіяхъ. Въ настоящее время это болѣзненный 70-ти-лѣтній старецъ, неимѣющій никакого вліянія на дѣлаа Всѣ его отличія и ордена были получены имъ не на полѣ брани, а во время его многолѣтней службы при дворѣ. Фельдмаршалъ Салтыковъ не болѣе какъ эгоистъ, стремившійся обогатиться и доставить своимъ дѣтямъ выгодныя и почетныя мѣста. Поэтому онъ пользуется въ ообществѣ весьма ограниченнымъ уваженіемъ.

Князь Платонъ Зубовъ—тотъ самый, который въ теченіи семи лѣтъ былъ послѣднимъ всемогущимъ фаворитомъ императрицы Екатерины II. Принявъ весьма дѣятельное участіе въ событіяхъ 1801 года, онъ былъ удаленъ отъ двора вліяніемъ вдовствующей государыни, или, лучше сказать, оставилъ службу почти добровольно въ тщеславной надеждѣ, что необходимость въ его совѣтахъ заставитъ призвать его снова ко двору. Онъ томится уже два года въ своихъ курляндскихъ помѣстьяхъ и, вѣроятно, никогда не будетъ имѣть вліянія на дѣла.

Князь Александръ Куракинъ извѣстенъ своею привязанностью

къ покойному императору и весьма плохимъ управленіемъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, которымъ онъ завѣдывалъ два раза въ качествѣ вице-канцлера, первый разъ бывъ подчиненъ гр. Ростопчину. Однако нельзя приписывать ему все хорошее и худое, совершившееся въ политикѣ въ ту эпоху. Вступивъ вторично въ управленіе министерствомъ за нѣсколько дней до кончины Павла I, онъ прославился въ нынѣшнемъ царствованіи лишь тѣмъ, что способствовалъ удаленію гр. Панина. Ничтожный характеромъ, онъ стоялъ однако еще съ годъ во главѣ министерства, подчиняясь отчасти вліянію совѣта, гр. Александра Воронцова, гр. Кочубея, словомъ, всѣхъ, къ кому благоволилъ императоръ, или кого кн. Куракинъ считалъ у него въ милости. Нерѣшительную и непостоянную политику, которой придерживался Петербургскій кабинетъ въ первые 18 мѣсяцевъ царствованія императора Александра, слѣдуетъ приписать недостатку въ кн. Куракинѣ собственнаго достоинства и совершенному отсутствію всякой политической системы, или, говоря прямо, нѣкоторой низости его характера. Впрочемъ, онъ услужливъ въ дѣлахъ и смотритъ на вещи съ благородной и великодушной точки зрѣнія. Его обязанности ограничиваются нынѣ должностью канцлера россійскихъ орденовъ (chancelier de tous les ordres); въ то же время онъ членъ совѣта.

Трощинскій занимаетъ должность директора департамента удѣловъ, почтоваго, и въ тоже время сенаторъ и членъ совѣта. Въ царствованіе Екатерины онъ былъ статсъ-секретаремъ и секретаремъ кабинета по министерству внутреннихъ дѣлъ, что при этой государыни составляло весьма значительный постъ. Онъ пользуется репутаціей умнаго и способнаго человѣка, но иностранцу трудно судить объ этомъ, такъ какъ онъ говоритъ только по русски. Управленіе почтовымъ департаментомъ приводитъ его въ личное сношеніе съ императоромъ и такъ какъ съ этимъ департаментомъ связана канцелярія для надзора за корреспонденціей, то онъ даетъ въ ней отчетъ Е. В--ву. Эта отрасль администраціи даетъ большой доходъ, идущій на разные государственные расходы, главнымъ образомъ на пенсіи.

Графъ Строгановъ, бывшій оберъ-камергеръ и начальникъ академіи художествъ, нынѣ членъ совѣта, также какъ и князь Алексѣй Куракинъ и баронъ Будбергъ; всѣ они получили эти повышенія послѣ бракосочетанія великой княгини Маріи Павловны.

Большой запасъ веселости, которую А. Строгановъ не утратилъ и на старости лѣтъ, доставилъ ему въ царствованіе императрицы Екатерины честь быть принятымъ въ близкомъ кругу этой государыни, которую

онъ забавлялъ, доводя эту способность до шутовства. Имѣя природный умъ, но чрезвычайно непослѣдовательный и легкомысленный характеръ, молодой душею еще на 70-мъ году жизни, онъ никогда не принималъ участія въ дѣлахъ правленія. Благодаря вліянію своего сына, гр. Павла Строганова, онъ попалъ въ совѣтъ, но и это назначеніе доказываетъ, какъ мало значенія придаютъ этой должности.

Князь Алексѣй Куракинъ, братъ кн. Александра Куракина, раздѣлялъ милость императора Павла и занималъ въ его царствованіе важное мѣсто генералъ-прокурора или министра юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Во время своего управленія онъ не заявилъ себя щедрыми и безкорыстными качествами, которыми обладалъ вице-канцлеръ и принужденъ былъ выйти въ отставку. Онъ жилъ съ тѣхъ поръ въ изгнаніи въ Москвѣ и, на второй годъ царствованія Александра I, былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ Малороссіи, и поселился въ Полтавѣ. Вдовствующая государыня, покровительствующая обоимъ братьямъ Куракинымъ, выхлопотала ему назначеніе въ совѣтъ и это мѣсто послужитъ ему, вѣроятно, предлогомъ оставить свою отдаленную губернію и поселиться въ Петербургѣ. Павелъ I осыпалъ эту семью благодѣяніями и обогатилъ ее со всею своею царскою щедростью.

Генералъ отъ инфантеріи и членъ совѣта баронъ Будбергъ обязанъ своимъ теперешнимъ виднымъ положеніемъ тому успѣху, съ какимъ онъ исполнилъ нѣкоторыя секретныя порученія, возложенныя на него императрицею Екатериною II. Въ 1783 г. ему было поручено отправиться въ Дрезденъ и вступить тамъ въ тайные переговоры съ гр. Ангальтомъ, бывшимъ въ то время генераломъ саксонской арміи, по поводу перевода его тѣмъ же чиномъ въ русскую армію. Императрица привлекла его на свою сторону, назвавъ его, въ одномъ изъ своихъ писемъ, «мой родственникъ». Никогда не служивъ по дипломатической части, Будбергъ былъ вдругъ назначенъ государыней посланникомъ въ Стокгольмъ, а надобно замѣтить, что Екатерина II придавала большое значеніе своему союзу со Швеціей. Увѣряютъ, что въ этомъ случаѣ она дѣйствовала изъ желанія назначить человѣка исключительно по своему выбору и руководить его своими письмами. Лишь только эта государыня лишила его своихъ совѣтовъ, какъ репутація Будберга, начинавшая устанавливаться, рушилась. Онъ прозябалъ при посольствѣ въ Швеціи до 1802 г. и былъ отозванъ по требованію Стокгольмскаго двора. Такъ какъ Будбергъ былъ помощникомъ воспитателя императора Александра I, то этотъ послѣдній до сихъ поръ благоволитъ къ нему, вслѣдствіе чего

онъ и былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, но отказался отъ этого мѣста по болѣзни и тогда былъ назначенъ членомъ совѣта. Это человѣкъ весьма посредственный, отличающійся лишь нѣкоторымъ лоскомъ; во время своего пребыванія посланникомъ онъ заботился лишь о томъ, какъ бы округлить свое состояніе.

Примѣчаніе. Эта записка составляетъ переводъ документа, хранящагося въ бумагахъ бывшаго саксонскаго посольства въ Россіи, въ Дрезденѣ, въ Архивѣ, за № 9643. Она написана авторомъ «Mémoire historique sur la révolution du 24 (12) mars 1801.

Сообщ. Др. Ѳ. Ѳ. **Шиманъ**.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

Глава V[1]).

Въ гвардейскомъ экипажѣ.

Выходъ изъ корпуса.—Назначеніе въ гвардейскій экипажъ.—Офицерская жизнь.—Дневникъ.—Плаваніе на яхтѣ „Церера".—Встрѣча съ государемъ Александромъ Павловичемъ.—Поѣздки въ Царское село.—

1817—1819.

Наконецъ приблизилось время выпускнаго экзамена. Отворились двери конференцъ-зала; у столовъ экзаменаторовъ разсѣлись гардемарины, конечно, не безъ страха. Нѣсколько дней продолжалась операція и затѣмъ объявлены громогласно удостившіеся быть представленными къ производству въ офицеры. Первая выпускная шалость состояла въ томъ, что нѣкоторые достали себѣ трубки и начали курить, хотя и скрытно, такъ какъ это не дозволялось. Наступили пріятныя мечты о будущей свободной жизни и службѣ. Передъ производствомъ, обыкновенно, начальники отбирали желаніе, кто въ какой портъ желаетъ поступить: въ Севастополь, Кронштадтъ, Архангельскъ, Астрахань или Свеаборгъ. Тутъ начались безконечные разговоры о тѣхъ мѣстахъ, кто куда записался. Въ самыхъ радужныхъ краскахъ рисовались южные порты: Севастополь и полуевропейскій, полуазіатскій Астрахань съ ихъ фруктовыми садами, виноградниками и чудной природой. Бѣломорцы представляли себѣ хладный Архангельскъ

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1880 г., т. XXIX (сентябрь), стр. 1—42.

съ его морозами, длинными или короткими ночами, и веселыми катаньями съ горъ, а затѣмъ, и это главное, плаваніе океаномъ. Свеаборгцамъ рисовалась Финляндія съ ея чудными скалами, озерами, водопадами, живописными видами и прелестными шведками.

Я сначала сговорился съ своимъ другомъ Гасвицкимъ, записаться въ Архангельскъ, чтобы весною плыть въ Кронштадтъ съ новыми кораблями океаномъ, и посѣтить Копенгагенъ, но моя судьба была опредѣлена иначе и я получилъ иное назначеніе.

Княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукова очень желала, чтобы я служилъ въ Петербургѣ, какъ для сестеръ, такъ и потому, что уже привыкла видѣть меня въ ея семействѣ и, къ тому же, она уже питала къ намъ истинно материнскую привязанность. Но въ Петербургѣ не стояли дѣйствующіе экипажи, а былъ только одинъ гвардейскій морской экипажъ; въ гвардію же прямо изъ корпуса не выпускали. Она сказала о своемъ желаніи нѣкоторымъ изъ генералъ-адъютантовъ и, въ томъ числѣ, начальнику штаба гвардейскаго корпуса, а потомъ самому корпусному командиру генералу Васильчикову. Всѣ эти генералы желали сдѣлать угодное княгинѣ и стали хлопотать о назначеніи меня, при производствѣ, прямо въ гвардейскій экипажъ. Когда до государя дошли съ разныхъ сторонъ ходатайства о назначеніи меня прямо въ гвардейскій экипажъ, онъ спросилъ:

— «Кто этотъ счастливый молодой человѣкъ, о которомъ такъ много просятъ?»

Когда же ему сообщили, что это братъ m-lle Blanche, (такъ въ свѣтѣ называли мою сестру), которую государь зналъ, и что проситъ о немъ княгиня Долгорукова, онъ повелѣлъ, не въ примѣръ прочимъ, назначить меня прямо въ гвардейскій экипажъ. Я отъ природы былъ чрезвычайно застѣнчивъ и дикъ, а потому долго не могъ освоиться съ обществомъ офицеровъ. Старшіе офицеры и въ томъ числѣ Михаилъ Николаевичъ Лермонтовъ, потомъ бывшій генералъ-губернаторомъ финляндскимъ, лейтенантъ Николай Глѣбовичъ Козинъ, Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, очень обласкали и ободрили меня, 17-ти лѣтняго юношу. Я поступилъ въ роту къ Лермонтову; унтеръ-офицеръ былъ назначенъ приходить ко мнѣ на квартиру, чтобы въ подробности ознакомить съ ружейными пріемами, хотя и въ корпусѣ насъ учили ружью и маршировкѣ.

Осмирядныя ученія въ казармахъ, баталіонныя ученія въ манежѣ, общество товарищей славныхъ молодыхъ людей, между которыми никогда не было никакой ссоры или непріятности, что не всегда бываетъ въ другихъ военныхъ обществахъ, караулы по городу, раз-

воды передъ государемъ, а также и ученія, имъ производимыя экипажу на дворцовой площади, которыми онъ всегда оставался особенно доволенъ, благодарилъ и награждалъ матросовъ;—вотъ въ чемъ вращалась жизнь въ началѣ моей службы.

Такъ какъ все это было для меня ново, то, конечно, я былъ очень доволенъ своею службою. Обѣдалъ же я и проводилъ вечера въ домѣ князя Долгорукова, гдѣ всегда было очень пріятно. Другихъ же знакомыхъ семейныхъ домовъ у меня не было; иногда только вмѣстѣ съ другими офицерами я бывалъ у нашего адмирала Ивана Петровича Карцева, который былъ вдовцемъ, хозяйкой же у него была прелестная 17-ти лѣтняя дочь, недавно выпущенная изъ смольнаго, и еще другая дочь нѣсколько моложе.

Когда я былъ произведенъ въ офицеры, мнѣ отъ князя наняли квартиру на театральной площади. Квартира моя состояла изъ прихожей, гостиной и спальни. Я началъ свою новую жизнь съ прекраснымъ направленіемъ и жилъ философомъ. Согласно съ моимъ религіознымъ настроеніемъ, которое было плодомъ домашняго воспитанія и корпуснаго возрожденія при іеромонахѣ Іовѣ, я писалъ каждый вечеръ, возвращаясь домой, свой дневникъ, въ которомъ записывалъ всѣ впечатлѣнія дня, все что было со мною, все что говорилъ или дѣлалъ хорошаго или дурнаго и во всемъ дурномъ приносилъ покаяніе, обращаясь въ молитвѣ къ Богу и принимая рѣшимость исправиться. Въ послѣдствіи этотъ дневникъ былъ у меня похищенъ однимъ изъ моихъ пріятелей и читанъ громогласно въ обществѣ молодыхъ людей, составлявшихъ нашъ обычный кружокъ. Я, конечно, бросился отнимать его, тотъ убѣгалъ, продолжая чтеніе при общемъ хохотѣ.

Еслибъ это направленіе продолжалось, отъ сколькихъ заблужденій, увлеченій и пороковъ оно бы избавило меня! Но, увы! искушенія въ молодости такъ велики, ихъ такъ много; примѣры вольной жизни такъ увлекательны, что надо много твердости, чтобы не поколебаться въ своей рѣшимости жить непорочно. Не менѣе того, я все же продолжалъ свой дневникъ и жизнь моя текла тихо и безмятежно, не обуреваемая никакими сильными страстями, которыхъ, впрочемъ, я и вообще былъ избавленъ. Болѣзнью моею была мечтательность чисто поэтическая. Я любилъ природу, красоту тѣлесную и душевную, восхищался подвигами самоотверженія, неустрашимости, идеально любилъ человѣчество, тихую семейную жизнь; особенно супружеская жизнь меня восхищала. Конечно, этимъ настроеніемъ я былъ обязанъ примѣромъ счастливаго супружества моего отца и моей матери, князя и княгини Долгорукихъ, и многихъ другихъ; а также

романамъ той эпохи, настолько же идеальнымъ по добродѣтелямъ ихъ героевъ, насколько нынѣшніе матеріальны и безнравственны. Лафонтеновскіе и другіе семейные романы я особенно любилъ; но первое впечатлѣніе произвелъ на меня «Векфильдскій Викарій», котораго я переводилъ еще въ классѣ съ англійскаго, а потомъ не разъ прочитывалъ. Первый же романъ, который я прочелъ, былъ «Героиня изъ временъ Нумы Помпилія».

Казармы гвардейскаго экипажа при моемъ поступленіи были въ такъ называемомъ Литовскомъ замкѣ, а потомъ экипажъ былъ переведенъ на Мойку во вновь устроенныя казармы, а въ замкѣ помѣстился гвардейскій саперный баталіонъ, составлявшій съ нашимъ баталіономъ особую бригаду.

Весной меня назначили младшимъ офицеромъ на придворную яхту «Цереру», командиромъ которой былъ назначенъ лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Шахматовъ. Придворная эскадра обыкновенно сопровождала дворъ. Когда государь жилъ на Каменномъ островѣ, эскадра стояла на малой Невѣ противъ дворца; когда же дворъ переѣзжалъ въ Петергофъ или Ораніенбаумъ, то и эскадра отправлялась туда же. Эта эскадра состояла изъ такъ называемаго «Золотаго фрегата», получившаго это названіе отъ золотой арматуры, его украшавшей, изъ яхтъ: «Цереры», «Паллады», «Невы» и «Голландскаго ботика», который постоянно стоялъ у пристани передъ дворцомъ.

Лѣто на яхтахъ было самымъ пріятнымъ временемъ для офицеровъ, особенно на Каменномъ островѣ. Вечеромъ на фрегатѣ всегда играла музыка при зарѣ, которая всегда производилась съ церемоніей, потомъ спускали флагъ и брамреи, затѣмъ барабаны били на молитву, за тѣмъ дробь—и конецъ церемоніи. До вечерней зари, обыкновенно, было много посѣтителей и посѣтительницъ, которыхъ офицеры занимали, водя по фрегату, разсказывая и объясняя значеніе разныхъ морскихъ предметовъ. Государя видѣли почти каждый день. Передъ дворцомъ, къ самому берегу рѣку, были цвѣтники и большіе кусты сирени бѣлой и голубой. Иногда онъ появлялся въ этомъ цвѣтникѣ или одинъ, или съ императрицей. Конечно, мы смотрѣли на нихъ изъ каютъ-кампаніи, потому что быть въ это время на верху было не совсѣмъ ловко, но вахтенный офицеръ находился на верху.

Позади дворца былъ большой тѣнистый садъ, гдѣ собственно государь прогуливался. Однажды я проходилъ садомъ и въ одной изъ аллей вдругъ встрѣчаю государя. Я остановился, повернулъ шляпу по формѣ, потому что обыкновенно носили ее съ поля, и при-

ложилъ руку. Взглянувъ на меня съ своей очаровательной улыбкой, онъ сказалъ: «Бѣляевъ?»—«Точно такъ, Ваше Величество», и, поклонившись, прошелъ далѣе. Я былъ въ полномъ восторгѣ. Государь былъ любимъ до энтузіазма вообще всею гвардіею и каждый, къ кому онъ обращался съ какимъ нибудь милостивымъ словомъ, считалъ себя счастливымъ.

Когда дворъ переѣзжалъ въ Царское село, всегда переѣзжалъ и князь Долгоруковъ, какъ шталмейстеръ, съ семействомъ, въ числѣ котораго были и мои сестры. Въ это время пріѣхала и другая моя сестра, по желанію княгини. Князь съ семействомъ занималъ одинъ изъ китайскихъ придворныхъ домиковъ, расположенныхъ въ чудномъ царскосельскомъ саду, среди благоуханныхъ цвѣтниковъ, которыми такъ богато это истинно царское село. Посѣщенія избраннаго общества были ежедневны, какъ и въ городѣ, только здѣсь онѣ принимали характеръ простоты и безцеремонности, что дѣлало эту загородную жизнь очень пріятною. Обѣдали, обыкновенно, на террасѣ; по вечерамъ много гуляли, посѣщали царскую ферму и сыроварню. Съ появленіемъ какъ-то въ этихъ аллеяхъ соловья, государь ходилъ, однажды, слушать его пѣніе, и затѣмъ прогулки къ этому мѣсту были любимыми прогулками придворныхъ.

Въ другомъ китайскомъ домикѣ, возлѣ домика князя Долгорукаго, жилъ нашъ историкъ Н. М. Карамзинъ, котораго мнѣ случалось видѣть у князя и въ его садикѣ, работавшаго лопатой или заступомъ. При каждомъ китайскомъ домикѣ былъ особенный садикъ. По аллеямъ часто видны были придворныя долгушки, наполненныя дамами и кавалерами, а также часто встрѣчались щегольскія кавалькады.

По вечерамъ княгиня съ сестрою пѣли, а иногда, когда бывалъ кто нибудь изъ пѣвцовъ, пѣли тріо. Тогда же въ Царскомъ Селѣ посѣщалъ домъ князя генералъ Бороздинъ, котораго часто просили пѣть, но онъ пѣлъ, бо̀льшею частью, тогдашнія военныя пѣсни и у меня до сихъ поръ остались въ памяти слова и музыка одной пѣсни:

„Мы пойдемъ, пойдемъ грозою,
Опрокинемъ вражій станъ;
Не родился тотъ на свѣтѣ,
Кто бы русскихъ побѣдилъ“.

Таковъ былъ характеръ того времени, его недавней славы, и его пѣсенъ! Русскій солдатъ послѣ 1812 года былъ увѣренъ, что русскому царю всѣ народы подвластны, только еще одинъ англичанинъ не покорился. Пожалуй, въ этомъ есть частица китайскаго, но на-

шему солдату послѣ Альповъ, Бородина, Парижа и множества битвъ было извинительно такое самообольщеніе.

Такъ прошло первое съ выпуска лѣто, на яхтахъ и въ Царскомъ Селѣ, куда я отпрашивался часто на короткое время.

Глава VI.

Въ отпуску и на службѣ.

Отпускъ.—Дорога въ Ершово.—Свиданіе съ родными.—Помолвка сестры.—Село Васильевка.—Вечера у Недоброво.—Катанья.—Сосѣди.—Прощанье съ родными.—Отъѣздъ изъ Ершова.—Прибытіе въ Петербургъ.—Знакомство съ масонами.—Нашъ кружокъ.—Перемѣна мыслей.—Встрѣча съ К. А. Нарышкинымъ.—Парады.—Производство брата въ офицеры.—

1820—1822.

Осенью я подалъ прошеніе въ первый мой отпускъ и получилъ его.

Прибывши въ отпускъ, я увидѣлся съ матерью и сестрами чрезъ 8 лѣтъ разлуки. Первое свиданіе произошло въ сосѣднемъ селѣ Васильевкѣ. Какое слово можетъ выразить ту радость, то счастіе, которымъ переполняется, такъ сказать, сердце при свиданіи съ милыми сердцу послѣ продолжительной разлуки. И тамъ, и тутъ слезы; тамъ печали, здѣсь радости. Какая разница между этими двумя явленіями въ природѣ человѣка! Слезы печали, слезы радости! Кто разгадаетъ, гдѣ сокровенъ этотъ источникъ, изливающій въ одно время горькое, въ другое сладкое? Въ природѣ источники не перемѣняютъ своего свойства, а здѣсь, напротивъ, сердце удручено, сжато скорбью и вотъ изливается источникъ горькій; оно расширено, возбуждено радостью и опять изливаетъ источникъ слезъ радости; слезы все тѣ же, но какая страшная разница между ощущеніями, ихъ производящими! Но есть слезы не столь благородныя, какъ слезы радости и горя. Есть слезы безсильной злости, слезы лицемѣрія, лукавства, своенравія и эти изливаются различными движеніями и ощущеніями души и это все изъ одного и того же источника. Сколько же ощущеній въ душѣ человѣка? Кто опредѣлитъ число ихъ, объемъ этого чуднаго внутренняго міра? Неоспоримо, что онъ не измѣримъ, а между тѣмъ помѣщается всецѣло въ этомъ маленькомъ организмѣ, называемомъ человѣкомъ и, не смотря на эти и другія безчисленныя психическія явленія столь же чудесныя, есть люди, не признающіе души, а безумно приписывающіе безразумной матеріи весь этотъ необъятный по разуму, по чувствамъ, по ощущеніямъ и соображеніямъ міръ!

Съ пріѣздомъ моимъ совпадала помолвка моей сестры съ полковымъ адъютантомъ конно-егерскаго короля Виртембергскаго полка поручикомъ Ж., который былъ страстно въ нее влюбленъ. Я ничего

не зналъ изъ писемъ объ этомъ сватовствѣ и о чувствахъ сестры и потому былъ очень счастливъ этою случайностью. Помолвка происходила въ домѣ Василія Алекс. Недоброво. Наши семейства еще при жизни моего отца были дружески связаны между собою. Покойный мой отецъ былъ очень друженъ какъ съ Василіемъ Алекс., такъ и съ его женой Варварою Александровною, дамой замѣчательной по уму и красотѣ. Она была черкесскаго княжескаго рода, привезена съ Кавказа и принята императрицею Маріею Өеодоровною въ смольный монастырь и потомъ выдана ею за командира семеновскаго полка генерала Недоброво, любимца императора Павла, которому онъ остался вѣренъ до конца и за каковую вѣрность императоръ Александръ Павловичъ очень уважалъ его. Императоръ Павелъ при отставкѣ подарилъ ему 1000 душъ въ Тамбовской губерни Кирсановскаго уѣзда; и какъ онъ до катастрофы, которую подозрѣвалъ, вышелъ въ отставку, то и поселился въ своемъ имѣніи. Въ имѣніи у него былъ большой барскій домъ, огромный садъ, прекрасная каменная церковь, знаменитый конскій заводъ и множество различныхъ флигелей и другихъ помѣщеній, такъ что Васильевка представляла истинную барскую усадьбу. Онъ былъ отличный хозяинъ, мастерски устроилъ имѣніе и получалъ огромный доходъ. Его домъ былъ какъ полная чаша. Домъ этотъ былъ всѣмъ богатъ: онъ былъ богатъ и капиталомъ, богатъ гостепріимствомъ самымъ радушнымъ, богатъ самымъ роскошнымъ столомъ, богатъ всѣми возможными удовольствіями и развлеченіями и богатъ красавицами-дочерьми и ихъ милымъ очаровательнымъ обращеніемъ—словомъ этотъ домъ былъ вмѣстилищемъ полнаго счастія.

Ранняя кончина, при родахъ, послѣдней дочери-красавицы поразила это семейство и всѣхъ близкихъ къ нему, въ томъ числѣ и наше семейство, глубокою скорбію. Не задолго до своей смерти, она принимала живое участіе въ нашемъ несчастіи, когда мы лишились отца, не думая, конечно, что и она скоро послѣдуетъ за нимъ. Но, по минованіи дней печали, которая, къ счастью людей, здѣсь не пребываетъ вѣчно, жизнь семейства потекла своимъ обычнымъ теченіемъ. Дѣти воспитывались дома, при нихъ были учителя и гувернантки и всѣ они получили прекрасное воспитаніе и образованіе. Младшая моя сестра, ровестница меньшей сестрѣ Варварѣ Васильевнѣ, также воспитывалась съ нами. Старшіе сыновья были отданы въ Петербургъ къ іезуитамъ, гдѣ тогда воспитывались многіе изъ дѣтей знатныхъ и богатыхъ домовъ.

Самъ хозяинъ былъ человѣкъ весьма пріятный, гостепріимный и любилъ, чтобы все около него веселилось. Дѣтей своихъ, особенно

дочерей, любилъ до страсти, и еще особенно меньшую, которая досталась ему такою дорогою цѣною. Въ огромной залѣ, на хорахъ, помѣщался оркестръ музыки очень хорошій, можно сказать, даже превосходный, ибо нѣсколько музыкантовъ изъ него были артистами. Домъ былъ всегда полонъ гостей и къ нему можно было вполнѣ примѣнить выраженіе «какъ полная чаша».

Въ день помолвки сестры и моего пріѣзда, случилось много гостей: полковой командиръ Лошкаревъ и нѣсколько штабъ и оберъ офицеровъ изъ его полка, который стоялъ въ Кирсановѣ, и еще много сосѣдей помѣщиковъ. Я пріѣхалъ къ самому обѣду, который былъ очень многолюденъ, какъ помню. Послѣ обѣда наше семейство удалилось въ другую комнату, чтобъ насмотрѣться другъ на друга и передать другъ другу чувства радости, всѣхъ насъ наполнявшія. Какъ счастлива была мать видѣть, вмѣсто мальчика шалуна, молодаго гвардейскаго офицера, и это послѣ 8-ми лѣтней разлуки,—говорить не стану. Милыя хозяйки принимали самое сердечное участіе въ счастіи матери и сестеръ, съ которыми онѣ росли вмѣстѣ и были очень дружны.

Въ Васильевкѣ, при своей хорошей музыкѣ, очень часто танцовали. Въ день моего пріѣзда и по случаю помолвки моей сестры танцы были очень оживленны; гостей было много. Тогдашніе танцы, 1820 года, состояли изъ экосеза, попури, котильона—онъ же былъ самый продолжительный и самый очаровательный для влюбленнаго, какъ и мазурка; но тогдашняя мазурка была не то, что нынѣшняя; это былъ живой, молодецкій танецъ для кавалера и очаровательный для граціозной дамы. Послѣ танцевъ, обыкновенно, слѣдовалъ оживленный самыми пріятными веселыми разговорами ужинъ, и затѣмъ всѣ расходились, дамы на свою половину, мущины на свою.

Тутъ, въ Васильевкѣ, наше семейство всегда гостило подолгу, по недѣлѣ и больше. Нѣсколько разъ собирались уѣзжать и, по милому настоянію хозяевъ, снова оставались. У нихъ было всегда такъ весело, такъ отрадно, принимая въ соображеніе тѣ чувства сильнѣйшей симпатіи, которыми были наполнены ихъ и наши сердца и помня, что эти симпатіи развивались съ самаго дѣтскаго возраста.

Зимою, послѣ обѣда, обыкновенно все общество ѣздило кататься. Для этого подавалось множество троечныхъ саней; всѣ разсаживались какъ хотѣли, кавалеры размѣщались или въ саняхъ, или на запяткахъ, выбирая конечно тѣ мѣста, куда ихъ болѣе привлекало. По вечерамъ иногда устраивались различныя игры, тоже живыя и веселыя; игрывали въ жмурки, въ колечко, въ рекрутскій наборъ, въ туалетъ, почту, въ цвѣты и множество другихъ игръ, въ которыхъ,

конечно, какъ и въ танцахъ, выражалась все та же любовь, ясно понимаемая тѣмъ, къ кому относились ея робкія проявленія. Въ играхъ эта истина хорошо знакома всѣмъ, кто былъ молодъ и влюбленъ.

Иногда всѣ ѣзжали къ сосѣдямъ, дружески знакомымъ, между которыми были Хвощинскіе, Баратынскіе, жившіе не далеко отъ Васильевки. Поэтъ Евгеній Абрамовичъ Баратынскій въ этотъ годъ тоже пріѣзжалъ изъ Петербурга. Другіе его братья служили въ какомъ-то кавалерійскомъ полку юнкерами, вмѣстѣ съ младшими Недоброво. Всѣ они въ этомъ году бывали въ Васильевкѣ, и участвовали во всѣхъ танцахъ, играхъ и общемъ веселомъ настроеніи. Василій Александровичъ очень любилъ, когда вторая дочь Надежда Васильевна плясала русскую. Для этого она надѣвала богатый сарафанъ, повойникъ и восхищала всѣхъ гостей своей чудной граціей.

Съ какою невообразимою быстротою летѣло счастливое время! Грустно, что въ счастіи оно летитъ такъ быстро, а остановить его нѣтъ никакой возможности. Чтобы дать опомниться отъ этихъ сильныхъ ощущеній, приходила неизбѣжная ночь. Но и ночь, хотя и усыпляла крѣпкимъ сномъ, а во снѣ какъ будто продолжалась та же жизнь, тѣ же образы мелькали передъ глазами и тѣ же милые звуки отзывались въ сердцѣ. Такова юность!

Въ теченіи 4-хъ мѣсячнаго отпуска они всѣ часто пріѣзжали къ намъ, но какъ нашъ маленькій домикъ не могъ помѣстить ихъ всѣхъ, то они пріѣзжали обыкновенно на день, а послѣ обѣда къ вечеру уѣзжали. Мы всѣмъ семействомъ провожали ихъ до лѣса, отдѣлявшаго Ершово отъ Васильевки.

Наконецъ протекли и 4 мѣсяца отпуска, и снова настала разлука. Мать и сестры уже украдкой роняли слезы; мое сердце тоже крѣпко сжималось, хотя я старался быть стоикомъ и сдѣлать себя недоступнымъ малѣйшей слабости. Такъ какъ я отправлялся въ Петербургъ одинъ, то Василій Александровичъ послалъ со мною своего человѣка. Онъ также просилъ матушку, чтобы я помѣстился съ его сыновьями въ его собственномъ домѣ. Это-то обстоятельство было впослѣдствіи для меня весьма вреднымъ, такъ какъ тутъ я утратилъ то настроеніе, которымъ былъ такъ счастливъ въ своей юности. Хотя въ этой новой жизни я вступилъ въ среду очень пріятнаго, образованнаго и рыцарски благороднаго общества офицеровъ гвардіи того времени, людей, принадлежавшихъ къ высшему кругу, какъ по состоянію, такъ и знатности ихъ фамилій, весьма изящныхъ, но понятія которыхъ о жизни, нравственныхъ началахъ, религіи, носили печать того времени, а эта печать была чистое отрицаніе вѣры и ея высокихъ требованій, хотя и не доходила еще до нынѣшней уро-

дливости и безумія. Легкія натуры предавались всѣмъ возможнымъ наслажденіямъ до упоенія, а болѣе положительныя уже смотрѣли критически на все ихъ окружающее. Порицали мелочной педантизмъ службы, военный деспотизмъ, смѣшную шагистику, доходившую до крайности, безправіе, подкупность, фактическое рабство народа, льстецовъ и всѣ дѣйствительно существовавшія язвы. Хотя этотъ кружокъ былъ мнѣ знакомъ и въ первый годъ по выпускѣ въ офицеры, но это было очень короткое время.

Не помню уже, по какому случаю матушка тоже ѣхала въ Тамбовъ съ сестрою. Тутъ мы остановились у вице-губернатора Александра Карловича Арнольди, женатаго, какъ я упоминалъ, на старшей дочери моего будущаго тестя Василія Александровича, откуда я уже поѣхалъ одинъ съ человѣкомъ.

Уложивши въ небольшой чемоданъ свои вещи, зарядивши пистолеты, которые тутъ пріобрѣлъ, какъ слѣдовало военному человѣку, и закутавшись въ теплую калмыцкую шубу, которую мнѣ сдѣлали въ деревнѣ, я простился съ Екатериною Васильевною и ея мужемъ, и затѣмъ, переходя изъ нѣжныхъ объятій матери въ другія объятія сестры, наконецъ усѣлся въ кибитку и лошади помчались... Я ѣхалъ большой почтовой дорогой и, не останавливаясь нигдѣ, пріѣхалъ въ Коломну, откуда проѣхалъ въ деревню одного друга покойнаго отца, Ивана Михайловича Фролова, который послѣ отца управлялъ Ершовскимъ имѣніемъ. Въ его деревнѣ, въ одной верстѣ отъ Коломны, я провелъ нѣсколько пріятнѣйшихъ дней среди его милаго семейства,—самъ онъ остался въ Москвѣ по дѣламъ графа. Въ Коломнѣ я былъ у многихъ лицъ, хорошо знавшихъ отца, гдѣ былъ принятъ съ отверстыми объятіями и гдѣ, какъ упомянулъ въ 1-й главѣ, слышалъ восторженные отзывы о немъ.

Въ Москву Иванъ Михайловичъ, еще прежде отъѣзда, далъ мнѣ письмо къ его друзьямъ и масонамъ, которые были также друзьями покойнаго отца. Помню, что я былъ у Алексѣя Осиповича Поздѣева, бывшаго прежде корпуснымъ офицеромъ, сына извѣстнаго главы масоновъ; у Звѣрева, уже старца, тихо приготовлявшагося къ исходу изъ этой жизни. Онъ былъ очень болѣнъ и сильно страдалъ, но, не смотря на это, его всепреданность волѣ Божіей, твердая вѣра и любовь внѣдряли въ душу его такое спокойствіе и даже радость, выражавшіяся во всѣхъ его чертахъ и во всѣхъ словахъ, что нельзя было смотрѣть на него безъ удивленія и благоговѣнія. Бесѣды этихъ превосходныхъ людей, ихъ прекрасная жизнь и добродѣтели такъ плѣнили меня, что я пожелалъ самъ вступить въ масоны, по примѣру моего отца и всѣхъ друзей его. Иванъ Михайловичъ Фроловъ

далъ мнѣ письмо въ Петербургъ къ Сергѣю Степановичу Ланскому, [1]) бывшему тогда директоромъ одной изъ масонскихъ ложъ, наиболѣе сохранившей истинное свое назначеніе въ неослабномъ стремленіи къ добру и усовершенствованію самаго себя и любви къ Богу.

Пріѣхавши въ Петербургъ и явившись по своему начальству, я поѣхалъ къ Ланскому, который, прочитавъ письмо и знавши моего отца, принялъ меня очень ласково, много говорилъ со мною въ религіозномъ духѣ, показалъ мнѣ тогда напечатанную статью о чудесномъ исцѣленіи одной безнадежно-больной въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Затѣмъ, давъ мнѣ книгу Іоанна масона о самопознаніи, пригласилъ меня на воскресное собраніе, на которомъ я съ демократическимъ и христіанскимъ восторгомъ видѣлъ простыхъ ремесленниковъ, сидѣвшихъ въ залѣ со всѣми, много высшими ихъ лицами. По истеченіи срока, который полагался нужнымъ для испытанія, дѣйствительно-ли постоянна и тверда рѣшимость вступить въ масонство, мнѣ указанъ былъ день моего пріема, но увы! къ этому дню я уже былъ не тотъ; прекрасная высокая цѣль жизни отступила передъ цѣлью низшею, матеріяльною, въ которой матеріяльная природа брала верхъ надъ духовною и я хотя не долго вращался въ этомъ омутѣ, скоро отрезвился и могъ-бы еще возвратить утраченное вступленіе въ масоны, но это уже было поздно, потому что въ 1822 году насъ обязали подпиской не принадлежать къ масонству и не вступать вновь ни въ какое тайное общество, почему я не могъ уже подвергнуться тѣмъ испытаніямъ, которыя положены правиломъ для вступающихъ и тѣмъ таинственнымъ обрядамъ, какимъ подвергаютъ прозелитовъ. Это запрещеніе мнѣ напоминаетъ одно забавное происшествіе.

Когда мы стояли съ фрегатомъ въ Брестѣ во Франціи, насъ посѣщало много различныхъ лицъ—военныхъ, моряковъ и частныхъ лицъ. Однажды, одному изъ нашихъ офицеровъ гость подалъ, при пожатіи руки, масонскій знакъ, а такъ какъ этотъ нашъ офицеръ прежде былъ масономъ, то онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Гость, въ восторгѣ, тотчасъ предложилъ ему быть въ 6 часовъ, когда назначено было засѣданіе ложи, адресъ которой и далъ гостю. Этотъ нашъ офицеръ былъ старшій лейтенантъ фрегата Константинъ Ивановичъ Ч..... Онъ очень оробѣлъ при этомъ приглашеніи и, какъ незнавшій французскаго языка, просилъ меня передать гостю, что у насъ въ Россіи масонство запрещено. Тому это показалось непонятнымъ и онъ про-

---

[1]) Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1855—1862. гг.

силъ меня передать ему, что во Франціи оно не запрещено, а какъ онъ теперь не въ Россіи, а во Франціи, то и надѣется, что братъ посѣтитъ ложу. Я уже теперь не помню, былъ ли онъ въ ложѣ, только знаю, что по нашей привычкѣ безусловнаго послушанія, онъ былъ въ крайнемъ затрудненіи и мы крѣпко подшучивали и смѣялись надъ его нерѣшимостью. Зачѣмъ онъ обнаружилъ свое масонство, когда такъ боялся запрещенія, это осталось неразъясненнымъ.

Я поселился въ Петербургѣ съ молодыми Недоброво, у которыхъ почти каждый вечеръ собиралось общество молодыхъ людей, въ томъ числѣ много Семеновскаго стараго полка, въ которомъ служилъ старшій сынъ Василія Александровича, Александръ Васильевичъ. Помню у нихъ еще камеръ-пажа К. В. Чевкина, еще капитана артиллерійскаго Козлянкова, графовъ Ливеныхъ, одного конногвардейца, другаго офицера московскаго полка и адъютанта Бенкендорфа, который одно время сидѣлъ на гауптвахтѣ за какую то исторію въ лютеранской церкви, изъ которой его хотѣли вывести, кажется, за громкій разговоръ, а онъ за это, какъ помнится, довольно рѣзко и энергично вразумилъ швейцара или кого-то изъ приставниковъ—теперь уже не помню. Помню также милѣйшаго юношу князя Щербатова, юнкера Семеновскаго полка; гвардейскаго сапернаго баталіона штабсъ-капитана Ѳедора Ѳедоровича Третьякова.

Судьба нѣкоторыхъ достигшихъ высокихъ степеней мнѣ была извѣстна, но и то для меня смутно и невѣрно. Тутъ же въ нашемъ кругу былъ Михаилъ Михайловичъ Пальменъ, кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, а тогда служившій переводчикомъ у дежурнаго генерала Закревскаго. Это былъ молодой человѣкъ съ большимъ умомъ, основательнымъ и высокимъ образованіемъ, весьма устроумный, веселый и пріятный. Онъ всегда былъ душою въ нашемъ кругу и это онъ-то укралъ мой задушевный журналъ и читалъ его громогласно. Съ нимъ и братьями Недоброво я особенно былъ связанъ; съ послѣдними по близости и дружбѣ нашихъ семействъ, а съ Пальменомъ—потому что мать его съ дочерью и сыномъ жила на одномъ дворѣ съ матушкою, такъ какъ мужъ ея служилъ управляющимъ въ какой то части имѣній графа Разумовскаго и она жила тутъ на пенсіи. Сынъ пріѣзжалъ на лѣто изъ гимназіи и мы еще мальчиками игрывали съ нимъ.

У Недоброво была большая библіотека ихъ отца, состоявшая изъ многихъ французскихъ классическихъ и другихъ сочиненій. Я былъ любознателенъ и потому жадно принялся читать все, что наиболѣе возбуждало мое любопытство, въ томъ числѣ Вольтера, Руссо и сочиненія энциклопедистовъ; началъ переводить «L'homme sauvage

Merіev» и съ неопытнымъ, еще мало образованнымъ умомъ, скоро допустилъ въ свои мысли порядочную долю тогдашняго скептицизма, а затѣмъ и невѣрія. Изъ философическаго лексикона Вольтера болѣе другихъ подѣйствовало на меня фанатизмъ и другія въ такомъ родѣ статьи. Такимъ образомъ, мало-по-малу, наступило полное равнодушіе и сомнѣнія въ религіи, а слѣдствіемъ этого явилось страстное влеченіе къ наслажденіямъ, за которыя, хотя совѣсть еще продолжала уязвлять меня, но съ которою я уже боролся, считая этотъ вопіющій гласъ, вложенный Творцомъ въ природу каждаго разумнаго существа, вліяніемъ воспитанія и предразсудкомъ. Авторитетъ великихъ умовъ, сокрушившихъ, какъ я думалъ, эти предразсудки и это суевѣріе, поддерживалъ меня въ этой борьбѣ, хотя полная побѣда еще не была одержана ими. Тутъ наступилъ срокъ моего вступленія въ масоны. Находясь подъ вліяніемъ втораго брата Недоброво, я не скрылъ отъ него этого моего обязательства. Онъ вооружился всею силою своего вліянія на меня и успѣлъ въ этомъ, такъ какъ я считалъ его тогда какимъ-то идеальнымъ другомъ, не подозрѣвая того, что это вліяніе было ни что иное, какъ нравственное рабство. Узнавши отъ него, другіе изъ нашихъ друзей такого же направленія стали смѣяться надъ мистицизмомъ и самоусовершенствованіемъ масоновъ, такъ что все это заставило меня пропустить день, назначенный для вступленія. Какъ мнѣ стыдно было, когда одинъ изъ нашихъ офицеровъ, Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, бывшій членомъ этой ложи, однажды на ученьи сказалъ мнѣ: «ну, братъ Саша! я вижу, что ты флюгеръ». Я покраснѣлъ до ушей и не зналъ, что отвѣчать.

Время моего невѣрія и ослѣпленія продолжалось года два не болѣе. По благости божіей я скоро пришелъ въ себя, но для этого отрезвленія все же нужно было дѣйствіе божественнаго провидѣнія, что въ мірѣ называютъ «случаемъ». Однажды, у обѣдни я былъ въ церкви Николы Морскаго и не знаю, въ какомъ то особомъ настроеніи, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на хорошенькихъ дамъ, какъ дѣлалъ всегда, я сталъ въ алтарѣ. Запрестольный образъ представлялъ Спасителя, молящагося передъ чашей. Мало по малу мысли мои стали направляться къ этому чудному событію. Около двухъ тысячъ лѣтъ стоитъ это чудное зданіе христіанской религіи, думалъ я, которой красоту понимали и исповѣдывали, сами того не сознавая, самые ея противники; затѣмъ въ мысляхъ моихъ пробѣжалъ рядъ Его божественныхъ поученій на горѣ блаженствъ. Передо мной стала Его крестная смерть, о милованіи которой Онъ въ борьбѣ молился; потомъ припомнилась мнѣ Его молитва о своихъ убійцахъ: «Отче, прости имъ, невѣдятъ бо, что творятъ». Его страшныя страданія; все это

за что? думалъ я, для чего? Человѣкъ, не имѣвшій гдѣ преклонить главу, цѣлитель и благодѣтель человѣчества, образъ кротости, смиренія и вмѣстѣ недосягаемаго величія, терпитъ заушенія, заплеванія, всякаго рода истязаніе и безчестіе единственно для того, чтобы Своею жертвою, бѣдному павшему, нравственно изуродованному человѣку отворить врата своего царствія, и даровать утраченную красоту и блаженство! а я, ослѣпленный, принялъ мнѣніе людей, выбиравшихъ одно дурное въ христіанствѣ и вмѣстѣ съ этимъ дурнымъ порицавшихъ и все святое; какъ будто Онъ не сказалъ, что: «много званныхъ и мало избранныхъ», и еще: «вами хулится имя Божіе между язычниками». Съ этими мыслями слезы полились изъ глазъ, и я, полный раскаянія, воскликнулъ въ сердцѣ своемъ съ Ѳомою: «Господь мой и Богъ мой»! Съ тѣхъ поръ вѣра снова посѣтила мое сердце, хотя впослѣдствіи другое заблужденіе овладѣло мною. Я на этомъ же худо понятомъ ученіи основалъ свои убѣжденія, что христіанинъ долженъ всѣмъ жертвовать для свободы и счастія людей, хотя бы то революціей и кровопролитіемъ, помня слова Божественнаго Учителя, который сказалъ: «нѣтъ больше той любви, когда человѣкъ положитъ душу свою за ближняго». Но въ тоже время позабылъ другія слова: «добромъ побѣждайте зло и всякій, подъявшій мечь, мечемъ погибнетъ», и еще: «воздавайте кесарю кесареви, а Божіе Богу».

Въ это самое время случилась еще Семеновская исторія; полкъ былъ раскасированъ и сформированъ новый изъ армейскихъ полковъ. Всѣ стараго семеновскаго полка офицеры были переведены въ армію и вечернія наши бесѣды, оживленныя, умныя, веселыя, замолкли. Слѣдующею весною былъ гвардіи назначенъ походъ въ Бешенковичи, но тогда думали, что этотъ походъ предпринятъ на случай войны, а гвардейскій экипажъ и лейбъ гренадерскій полкъ были оставлены въ Петербургѣ для занятія карауловъ въ крѣпости, гдѣ содержалось значительное число старо-семеновскихъ солдатъ. Помню, въ какую ярость приходили всѣ мы, оставленные въ Петербургѣ, при мысли, что можетъ быть гвардія пойдетъ на войну, а мы будемъ сидѣть въ городѣ. Часть экипажа, съ наступленіемъ лѣта, была, по обыкновенію, назначена на яхты, гдѣ и я провелъ лѣто въ плаваніи и стоянкѣ около Петербурга и Каменнаго острова. Когда дворъ былъ въ Петергофѣ, съ княгиней и княземъ Долгоруковыми пріѣзжали и мои сестры, и тогда посылался за мной придворный катеръ, перевозившій меня на берегъ. Тутъ у князя я проводилъ нѣсколько часовъ и возвращался на яхту.

Однажды я сдѣлался притчей въ придворныхъ разговорахъ, по

разсказу оберъ-гофмаршала Кириллы Алексадровича Нарышкина. Въ первый разъ, возвращаясь изъ дворца къ пристани, я заблудился въ аллеяхъ сада, и увидѣвъ въ гороховой шинели и шляпѣ, плюмажа на которой я не замѣтилъ, идущаго придворнаго, и принявъ его за гоффурьера, я, конечно, безцеремонно просилъ его показать мнѣ, какъ пройти къ пристани. Онъ, увидѣвъ мою ошибку, захотѣлъ разъиграть комедію: снялъ шляпу, которую я просилъ его надѣть, такъ какъ накрапывалъ дождь, а когда онъ сталъ меня распрашивать, у кого я былъ, и узнавъ, что у князя Долгорукаго, спросилъ, не сестры ли мнѣ будутъ дѣвицы, живущія у княгини, на что я отвѣчалъ ему утвердительно, снова просилъ еще разъ указать мнѣ дорогу, сказавъ, что мнѣ пора возвращаться на фрегатъ, давая знать, что мнѣ не для чего толковать съ тобой, особенно подъ дождемъ. Онъ указалъ мнѣ дорогу и мы разстались. Когда дворъ переѣхалъ въ Царское Село, я получилъ письмо отъ сестеръ, въ которомъ онѣ спрашиваютъ меня, гдѣ я встрѣтился съ Нарышкинымъ и такъ великодушно позволилъ ему надѣть шляпу подъ дождемъ? Тутъ только я догадался, что человѣкъ, котораго я встрѣтилъ, былъ не гоффурьеръ, а гофъ-маршалъ двора Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ. Впрочемъ этотъ случай доставилъ мнѣ пріятное знакомство съ его домомъ и его женой, прелестной молодой дамой. Князь Долгоруковъ послалъ за мной придворный катеръ и онъ предложилъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ нимъ, такъ какъ Нарышкинъ просилъ его познакомить меня съ нимъ; насъ приняла одна жена его, такъ какъ его не было дома. Конечно, я краснѣлъ до ушей, извиняясь въ моей неловкости, которой, впрочемъ, былъ виною самъ Кириллъ Александровичъ. Пробывъ у нея нѣкоторое время, мы раскланялись и только что мы вышли отъ нея, какъ пріѣхалъ и онъ. Вотъ мое первое знакомство съ домомъ Нарышкина, у сына котораго, Льва Кирилловича, впослѣдствіи, пройдя уже заключеніе, каторжную работу, поселеніе въ Сибири и Кавказъ, мнѣ пришлось управлять его имѣніями и дѣлами и котораго пріязнь и даже дружба ко мнѣ никогда не изгладится изъ моего благодарнаго сердца.

По возвращеніи гвардейскаго корпуса, назначенъ былъ парадъ въ Стрѣльнѣ, куда прибыли нашъ гвардейскій экипажъ и лейбъ-гренадеры. Послѣ парада было общее вступленіе гвардіи въ Петербургъ.

Парады въ то время бывали часто и всегда почти на Царицыномъ лугу. Но прежде парадовъ производились репетиціи.

Въ слѣдующій, 1822-й, годъ братъ мой былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ въ Кронштадтъ. Первое свое плаваніе онъ совершилъ на стопушечномъ кораблѣ «Храбрый», подъ командой капитана командира Гамильтона, а на слѣдующій, 1823-й, годъ былъ также переведенъ въ гвардейскій экипажъ и назначенъ на «Золотой» фрегатъ.

Глава VII.

Плаваніе въ Исландію.

Офицеры фрегата.—Прибытіе въ Кронштадтъ.—Гостинница Стиворда.—Вооруженіе фрегата.—Высочайшій смотръ.—Прощаніе съ Кронштадтомъ.—Жизнь на фрегатѣ.—Первыя впечатлѣнія.—Шквалъ.—Копенгагенъ.—Дальнѣйшее плаванье.—Буря.—Исландія.—Штиль.—Сѣверное сіяніе.—Обратный путь.—Портсмутъ.—Нѣмецкое море.—Опять въ Копенгагенѣ.—Знакомство съ консуломъ.—Балтійское море.—Встрѣча съ судномъ.—Прибытіе въ Кронштадтъ.—На берегу.—

1823 г.

Въ этотъ же 1823-й годъ гвардейскій экипажъ посылался въ практическое плаваніе къ острову Исландіи на 44-хъ пушечномъ фрегатѣ «Проворный», на который былъ назначенъ младшимъ офицеромъ и я. Командиромъ или капитаномъ фрегата былъ капитанъ 2-го ранга Алексѣй Егоровичъ Титовъ. Первымъ лейтенантомъ былъ Михаилъ Николаевичъ Лермонтовъ, вторымъ—Алексѣй Петровичъ Лазаревъ, кругосвѣтный морякъ, съ георгіевскимъ крестомъ за 18 кампаній, третьимъ—лейтенантъ Арбузовъ. Младшими офицерами были лейтенантъ Борисъ Андреевичъ Бодиско, лейтенантъ Бландо, и прикомандированный адъютантъ морскаго министра Моллера, мичманъ Михаилъ Андреевичъ Бодиско и я. Тогда же плавалъ съ нами лицеистъ Воронихинъ, пожелавшій вступить въ морскую службу. Докторомъ былъ Андрей Андреевичъ Дроздовъ. Капитанъ нашъ былъ храбрый сухопутный офицеръ; онъ дѣлалъ съ гвардейскимъ экипажемъ французскую кампанію 1812—1814 гг.; былъ обвѣшенъ крестами и въ томъ числѣ Кульмскимъ, но вовсе не былъ морякомъ. Первый лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ Лермонтовъ тоже былъ хорошій и храбрый военный офицеръ, также въ крестахъ и герой 1812-го года, но тоже не былъ отличнымъ морякомъ. Всѣ прочіе офицеры были мало опытными, хотя и хорошими морскими офицерами, кромѣ Алексѣя Петровича Лазарева, который былъ истиннымъ морякомъ, хотя въ тоже время самымъ франтоватымъ и любезнымъ свѣтскимъ человѣкомъ.

На какихъ то баркахъ мы переплыли взморье и пришли въ Кронштадтъ, гдѣ офицеры помѣстились въ гостинницѣ англичанина Стиворда. Послѣ корпусной жизни и нѣсколькихъ годовъ Петербургской шагистики, лѣтнихъ плаваній на яхтахъ по взморью, которое называлось маркизовой лужей, по имени министра маркиза де-Тра-

верзе, эта перемѣна обычной жизни производила самое пріятное впечатлѣніе, въ особенности при мысли о дальнемъ плаваніи. Комнаты въ гостинницѣ были очень опрятны, постели съ занавѣсками и безукоризненно чистымъ бѣльемъ; сытный англійскій обѣдъ съ неизмѣннымъ, хотя и превосходнымъ ростбифомъ и картофелемъ, англійскій чай въ общей залѣ, съ яйцами, сыромъ, ветчиной и бутербродами, все это было такъ чисто, вкусно и хорошо, что нельзя было желать ничего лучшаго. Разнообразіе лицъ, весьма интересныхъ, ежедневно посѣщавшихъ общій столъ, бо̀льшею частью капитановъ иностранныхъ купеческихъ кораблей; ихъ разсказы о разныхъ случайностяхъ морскихъ плаваній, о буряхъ, кораблекрушеніяхъ и прочее, очень оживляли эти обѣды и дѣлали весьма пріятными. Разсказы ихъ особенно плѣняли и восхищали меня, еще очень юнаго моряка, тѣмъ болѣе что мы сами готовились плыть еще въ невѣдомый намъ океанъ, въ невѣдомыя чужія страны.

Сколько пищи для воображенія! Но какъ мое воображеніе было слишкомъ пылко и сильно, а прѣсноводное плаваніе не ознакомило меня съ настоящимъ моремъ, то, однажды ночью, когда я легъ спать, долго не могъ заснуть и мнѣ представилось крушеніе нашего фрегата, и представилось такъ живо, что я рѣшительно принялъ это за вѣрное предчувствіе, предостерегающее меня отъ гибели.

Холодный потъ началъ выступать на лбу, сердце страшно сжималось и въ малодушіи моемъ уже начинала мелькать мысль, какъ бы, сказавшись больнымъ, избавиться отъ этого плаванія. Благодареніе Господу, что болѣе великодушныя чувства изгнали это эгоистическое и низкое малодушіе. Я внутренно сказалъ себѣ: что же, еслибы это дѣйствительно случилось и фрегатъ погибъ бы со всѣми твоими товарищами, а ты, низкій трусъ, остался бы живъ, и потому только, что трусливая мечта дала возможность ускользнуть отъ гибели; чѣмъ бы была твоя жизнь, какъ не вѣчнымъ укоромъ, не вѣчнымъ стыдомъ для тебя самаго! Этой благодѣтельной мысли было достаточно, чтобы удержать меня отъ такого низкаго паденія.

Съ пріѣздомъ въ Кронштадтъ мы приняли назначенный намъ фрегатъ и начали его вооруженіе. Для этого каждый день проводили въ гавани до самаго вечера. Вечеромъ пили чай на балконѣ гостинницы, откуда виднѣлся заливъ необъятной синей полосой съ безчисленными парусами плывшихъ судовъ.

Вооруженіе тогдашнихъ 3-хъ мачтовыхъ судовъ состояло изъ такъ называемаго стоячаго и бѣгучаго такелажей, т. е. изъ безчисленныхъ снастей и веревокъ, изъ коихъ однѣ были толстыя смоленыя, какъ ванты, прикрѣпляющія мачты; ихъ было по нѣсколько съ обѣихъ сто-

ронъ; отъ верха мачты онѣ проходили за бортъ корабля и прикрѣплялись къ твердымъ дубовымъ выступамъ, называемымъ шкафутоми, посредствомъ талей проходившихъ въ большіе блоки. Это скрѣпленіе съ боковъ мачты, а отъ продольнаго движенія мачты употреблялись, такой же толщины, болѣе вершка въ діаметрѣ, смоленые канаты, называвшіеся штагами. Второе колѣно мачты или стеньги также прикрѣплялись съ обѣихъ сторонъ такими же, только меньшей толщины, смолеными веревками къ марсу, площадкѣ довольно обширной, на которой постоянно смѣнялись повахтенно марсовые матросы, а съ марса, огибая его съ боковъ, шли путеньанты къ верхнему концу мачты. Далѣе шло третье колѣно, называемое брамъ-стеньгою, которая съ боковъ прикрѣплялась къ салингу также талями, но уже съ вантами не смолеными; еще далѣе бомъ-брамъ-стеньги и, наконецъ, флогштокъ. Все это съ боковъ прикрѣплялось съ вантами, а съ продольной стороны штагами. Реи—большія поперечныя бревна, къ которымъ привязывались паруса, поднимались и спускались на большихъ блокахъ толстыми веревками, называемыми фалами. Нижнія реи не спускались и носили названіе гротъ-реи, фока-реи и бизань-реи; слѣдующія—марса-реи, затѣмъ брамъ-реи, бомъ-брамъ-реи, за ними шли высшія и постепенно болѣе тонкія и меньшія; всѣ онѣ поднимались веревками, называемыми фалами и поворачивались за концы брасами.

Паруса, прикрѣпленныя къ реямъ, растягивались съ подъемомъ рей веревками, называемыми, какъ я сказалъ, фалами, а въ ширину —шкотами. Спереди корабля утверждена наклонно мачта, называемая бугшпритъ, на которой имѣются свои паруса, растягиваемые тѣмъ же способомъ, но какъ эти паруса треугольники, то они подымаются фалами по штагу, а шкотами растягиваются по бугшприту. Корабль называется вооруженнымъ, когда все это выполнено: паруса привязаны къ реямъ, мачты, стеньги и брамъ-стеньги укрѣплены; безчисленныя веревки или снасти проведены въ блоки и каждая прикрѣплена по своему назначенію. На военномъ кораблѣ пушки разставлены по бортамъ въ батареяхъ, т. е. подъ палубой и на палубѣ вверху. Руль прикрѣпленъ къ своему мѣсту за кормой съ румпелемъ, выдающимся изъ руля рычагомъ, съ румпельными талями, концы которыхъ проходятъ по колесу штурмъ-вала и поворачиваютъ руль по командѣ. Всѣ эти подробности и приспособленія составляютъ вооруженіе корабля.

Когда вооруженіе кончилось, фрегатъ вытянулся на рейдъ. День отплытія былъ назначенъ послѣ смотра фрегата государемъ императоромъ. На корабляхъ, обыкновенно, общество офицеровъ выбираетъ одного изъ общества хозяиномъ, обязанность котораго заготовлять

все для каютъ-кампаніи, для чего собирается сумма, состоящая изъ офицерскихъ взносовъ. Выбранъ былъ хозяиномъ для офицеровъ докторъ Дроздовъ, большой гастрономъ. Онъ уже закупилъ все, что нужно было для каютъ-кампаніи: чай, сахаръ, вина, сыры, портеръ и проч. Въ палубѣ, въ клѣткѣ, уже сидѣли бараны, оглашая море своимъ блеяніемъ, а въ большихъ клѣткахъ сидѣли затворницами куры и пѣтухи, повѣрявшіе своимъ полночнымъ пѣніемъ вѣрность нашихъ песочныхъ часовъ. Фрегатъ красили, мыли палубу, натягивали такелажъ, пришивали паруса, выравнивали рангоутъ и все готовили, чтобы показаться блистательно государю. Наконецъ, насталъ и этотъ вожделѣнный день. Изъ Петергофа показался императорскій катеръ, а за нимъ множество судовъ, придворныя яхты, учебная эскадра изъ галіотовъ и множество учебныхъ судовъ, на которыхъ обучались новички матросы. Многія яхты наполнены были мущинами и дамами; на «Золотомъ» же фрегатѣ находились придворные: все это въ блестящихъ костюмахъ. На всѣхъ купеческихъ корабляхъ, разцвѣченныхъ флагами, стояли по реямъ матросы, а мачты были облѣплены любопытными, которые въ различныхъ позахъ висѣли на веревкахъ. Вдругъ на катерѣ подняли штандартъ и по всѣмъ направленіямъ загремѣли пушки: съ кораблей эскадры, съ крѣпости, съ придворныхъ судовъ; крики «ура» оглашали воздухъ, сливаясь съ громомъ орудій. На «Золотомъ» фрегатѣ и на флагманскомъ кораблѣ играла музыка. Я былъ въ числѣ фалгребныхъ офицеровъ при трапѣ (лѣстница), по которому долженъ былъ всходить государь. Фалъ-гребами называются веревки, обшитыя сукномъ и прикрѣпленныя къ борту корабля, за которыя держится всходящій на бортъ. Его встрѣтилъ съ крестомъ нашъ походный священникъ, и когда государь поцѣловалъ крестъ и поцѣловалъ смиренно и его руку, то онъ совершенно растерялся и долго послѣ еще не могъ прійти въ себя отъ этого смиренія. Государь былъ очарователенъ, какъ всегда. За завтракомъ въ каютѣ капитана, когда подали шампанское, онъ вышелъ на палубу, выпилъ здоровье капитана, офицеровъ и команды; восторженное «ура» было отвѣтомъ на это милостивое привѣтствіе. Онъ обошелъ фрегатъ и осматривалъ его во всѣхъ подробностяхъ, потомъ выйдя на палубу, пожелалъ счастливаго плаванія; улыбнувшись, просилъ привести исландскихъ продуктовъ и, привѣтливо наклонивъ голову, простился съ нами, подавъ руку капитану.

Этотъ человѣкъ былъ, дѣйствительно, очарователенъ и плѣнялъ всѣ сердца. Это не потому только, что онъ былъ могущественнѣйшимъ изъ владыкъ земныхъ. Нѣтъ, природа надѣлила его и красо-

той, и увлекательною граціей, и истиннымъ величіемъ, а улыбка его была, дѣйствительно, необыкновенно пріятна.

Не смотря на царственную обстановку всей жизни съ самаго рожденія, не смотря на привычку повелѣвать, не смотря на славу, такъ щедро увѣнчавшую его прекрасное чело, онъ былъ очень застѣнчивъ и мнѣ разсказывали сестры, что когда, однажды, онъ заграницей посѣтилъ княгиню Варвару Сергѣевну Долгорукову, что было при нихъ, то, сидя около нея, онъ во время разговора, играя своей круглой шляпой, такъ какъ былъ во фракѣ, уронилъ ее; княгиня наклонилась, чтобы поднять ее, онъ, сильно сконфузившись, бросился за шляпой и затѣмъ поцѣловалъ ей руку. При уходѣ, когда онъ раскланивался, замѣтно было, что онъ былъ сконфуженъ, конечно, это могло быть только при дамахъ и особенно при такой красавицѣ, какова была княгиня.

Не стану говорить, что онъ плѣнялъ всѣхъ офицеровъ и особенно меня, не смотря на то, что мечты о свободѣ, о золотомъ вѣкѣ, который она принесетъ съ собою, уже наполняли мою голову, но это не мѣшало истинному величію производить свое обаяніе.

По окончаніи проводовъ, когда катеръ уже скрылся, все пришло въ обычный порядокъ. На другой или третій день послѣдовало приказаніе сниматься съ якоря. На вахтѣ былъ Алексѣй Петровичъ Лазаревъ. Раздалась команда: «пошли всѣ на верхъ», затѣмъ свистокъ боцмана и все пришло въ движеніе. Въ шпиль вложены вымбовки (толстыя дубовыя брусья), служащія рычагами, за вымбовки взялось человѣкъ тридцать молодцовъ и по барабану начали двигать его кругомъ, сначало легко, потомъ тяжелѣе, а когда фрегатъ уже пришелъ на панеръ, мѣсто, когда канатъ якоря становится вертикально и его надо было отдѣлить отъ грунта, въ которомъ онъ крѣпко залегъ, такъ что долго самыя большія усилія матросовъ не могли ничего сдѣлать; но, наконецъ, однакожъ онъ уступилъ; фрегатъ покатился мгновенно, развернулись паруса, какъ крылья какой то гигантской птицы; завертѣлось колесо штурмъ-вала, посредствомъ котораго правятъ рулемъ; паруса рванулись, наполнились, и фрегатъ, какъ морское чудовище, ринулся по волнамъ; разсѣкаемая влага закипѣла по обѣ стороны водорѣза, слѣдуя за фрегатомъ бѣлою пеленою.

Всѣ на палубѣ. Капитанъ ходитъ по шканцамъ съ трубою подъ мышкой, лейтенантъ съ рупоромъ стоитъ на пушкѣ, опираясь на бортъ, группа офицеровъ на ютѣ (задняя палуба). Раздался громъ пушекъ съ фрегата, прощальный салютъ адмиралу. Съ флагманскаго корабля вылетаютъ одно за другимъ, въ правильныхъ промежуткахъ, бѣловатыя облака и раздается гулъ отвѣтнаго салюта. Скоро Крон-

штадтъ сталъ сливаться въ одну неопредѣленную массу съ своими крѣпостями, домами и лѣсомъ мачтъ. На западѣ передъ нами солнце погрузилось въ лоно водъ; мы бѣжали быстро, такъ какъ вѣтеръ былъ попутный и довольно сильный, а фрегатъ нашъ не даромъ носилъ имя «Проворный». Распростившись съ Кронштадтомъ, всѣ офицеры сошли въ каютъ-кампанію, кромѣ вахтенныхъ, гдѣ во время обѣда и живыхъ разговоровъ пили за здоровье государя, за счастливое плаваніе, за милыхъ сердцу. По окончаніи обѣда, переполненные различными ощущеніями и, можетъ быть, отуманенные шампанскимъ, всѣ разбрелись по каютамъ и скоро заснули.

Въ полночь меня разбудили на вахту. Я вышелъ на верхъ и тутъ мнѣ представилась новая для меня чудная картина. Ночь была темная, такъ какъ тучи застилали все небо, вѣтеръ былъ очень свѣжій, а потому море шумѣло и качка уже была замѣтна, хотя и не значительна. Среди этой тьмы, молча, предъ нактаузомъ (ящикъ, въ который вставленъ компасъ, освѣщенный, чтобы видѣть румбы (радіусы компаса), стояли двое рулевыхъ, мужественныя и загорѣлыя лица которыхъ фантастически освѣщались этимъ свѣтомъ. Голосъ вахтеннаго лейтенанта отъ времени до времени командовалъ «право» или «лѣво руля», на что слѣдовалъ громкій, отрывистый отвѣтъ рулевыхъ «есть право», «есть лѣво». Огромный нижній парусъ, называемый гротомъ, заслонялъ сошканецъ, всю подвѣтреннную сторону, то надуваясь отъ порыва вѣтра, то опускаясь. Для меня, пылкаго и поэтически настроеннаго, эта картина первой ночи на морѣ была плѣнительна. Когда мы вышли изъ залива въ Балтійское море, берега исчезли и мы остались одиноки между небомъ и водой; какое то необъяснимое чувство довольства, смѣшанное съ нѣкоторою безотчетною грустью, овладѣло душою. Послѣдовательно являлись острова Балтійскаго моря: Даго, Готландъ, потомъ Борнгольмъ, воспѣтый Жуковскимъ и отмѣченный романическимъ преданіемъ, а этого было довольно, чтобъ я смотрѣлъ на него съ особеннымъ интересомъ. Вообще, я былъ страстнымъ любителемъ природы, энтузіастомъ до смѣшнаго. Такимъ знали меня всѣ товарищи и потому, если попадалось въ облакахъ какое нибудь художественное или чудовищное сочетаніе разнообразныхъ оттѣнковъ цвѣта (а иногда эта игра цвѣтовъ была, дѣйствительно, восхитительна), то меня обыкновенно звали стоявшіе на вахтѣ, на верхъ, любоваться картиной. Въ морѣ, гдѣ ничего не видно, кромѣ неба и воды, особенно вниманіе привлекаютъ днемъ, и особенно при закатѣ и восходѣ солнца, облака своими чудными фантастическими формами и безконечнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ и тѣней, а ночью миріады звѣздъ, плывущихъ въ тишинѣ необъятнаго небес-

наго океана,—вотъ гдѣ требуется истинное дарованіе художника живописца. Созерцать эти чудные міры, уноситься мыслью въ эти безпредѣльныя пространства—было моимъ любимымъ занятіемъ на ночной вахтѣ, и это чудное небо, эта вселенная всегда наводила на мысль о величіи сотворившаго все это. Тутъ припоминались стихи Козлова:

Не здѣсь, мой другъ, всему конецъ;
Воззри: надъ нашими главами
Есть небо съ вѣчными звѣздами,
А надъ звѣздами ихъ Творецъ!

Плаваніе наше во все время было очень счастливо. Мы, по большей части, несли всѣ марселя, а иногда ставили и брамселя, но, подходя на траверзъ острова Эланда, мы выдержали страшный шквалъ, «хвостъ урагана», какъ выразился нашъ морякъ Лазаревъ, который въ это время былъ боленъ и не выходилъ на верхъ. Шквалъ этотъ едва не погубилъ насъ. Мы шли ровнымъ вѣтромъ подъ брамселями; на вѣтрѣ у насъ шло однимъ курсомъ съ нами купеческое судно. На горизонтѣ обозначалась сначала черной полосой туча, скоро принявшая какой-то желтоватый отблескъ. Видъ этотъ былъ не совсѣмъ успокоителенъ. Послали убрать брамселя и взяли два рифа у марселей. Купеческое судно тоже послало людей по вантамъ, но оно убрало всѣ паруса, оставшись подъ однимъ нижнимъ стакселемъ (косой парусъ). Тучи стали подвигаться со страшною быстротою, море внезапно закипѣло и одѣлось бѣлою пеленою; тотчасъ послали людей по реямъ закрѣпить марселя; но уже было поздно, свирѣпый шквалъ налетѣлъ; паруса страшно надулись; отдаютъ марса-фалы (веревки, поднимающія реи), реи не поддаются. Фрегатъ всею своею массою падаетъ на бокъ такъ быстро, что никто не могъ удержаться на ногахъ, пушки нижней батареи почти доходили до воды: до такой степени положило фрегатъ. Помощникъ капитана, капитанъ-лейтенантъ Лялинъ послалъ прорѣзать форъ-марсель, чтобы дѣйствіемъ заднихъ парусовъ привести фрегатъ къ вѣтру и тѣмъ освободить отъ перпендикулярнаго его давленія, но пока исполнилось бы это приказаніе, мы бы непремѣнно опрокинулись; къ счастію, въ то же мгновеніе шквалъ промчался дальше своей губительною полосою. Когда воздухъ очистился отъ мрака, скрывшаго всѣ предметы, мы увидѣли купеческое судно; люди его спокойно и флегматически пошли по вантамъ и поставили всѣ паруса. Вахтенный лейтенантъ Арбузовъ не настолько былъ опытнымъ морякомъ, чтобъ предвидѣть, что шквалъ будетъ необыкновенный и что нужно было закрѣпить всѣ паруса, кромѣ нижнихъ. Съ этой поры нашимъ капитаномъ овладѣлъ такой страхъ, что онъ, не смотря на самый благопріятный вѣтеръ,

къ вечеру всегда приказывалъ убирать всѣ лишніе паруса, оставляя на всю ночь подъ одними рифленными марселями, что сильно замедляло наше плаваніе и возбуждало ропотъ всѣхъ офицеровъ. Послѣ этого шквала мы пошли еще два дня, и, наконецъ, достигли Копенгагена. Не стану входить въ подробности нашего краткаго здѣсь пребыванія. Скажу только, что меня интересовало все видѣнное мною. Чужой незнакомый край, чуждыя не русскія физіономіи, другіе костюмы мущинъ, женщинъ, хотя и очень сходные съ нашими, какъ обще европейскіе, плѣняли меня не столько какою нибудь особенною красотою,—нѣтъ,—но по своей новизнѣ для меня.

По обычаю моряковъ и вообще путешественниковъ, офицеры отправились въ гостинницу, гдѣ обѣдали за общимъ столомъ въ большомъ обществѣ, которое было очень любезно и внимательно къ намъ русскимъ, какъ къ частымъ посѣтителямъ Копенгагена съ приходящей ежегодно эскадрой изъ Архангельска. Капитанъ съ однимъ изъ офицеровъ, Лермонтовымъ, поѣхали съ визитами къ посланнику и другимъ высшимъ властямъ, офицеры же доставляли себѣ различныя удовольствія, каждый по своему желанію. Гуляли по саду, гдѣ была многочисленная публика, осматривали замѣчательности города. Его высокіе дома и узкія улицы переносили къ средневѣковой эпохѣ, когда въ Европѣ люди болѣе скучивались въ одну массу, согласно съ тогдашними феодальными правами, не всегда безопасными для жителей, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ. Налившись прѣсною водою и запасшись свѣжею провизіей, мы снова подняли якорь, и, отсалютовавъ прощальными выстрѣлами городу, вступили въ Зундъ. Тутъ я съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на замокъ Гамлета, воспѣтаго неподражаемымъ Шекспиромъ; затѣмъ проплыли Категатъ и Скагератъ въ виду мрачныхъ скалъ Норвегіи, представлявшихся облакомъ на горизонтѣ и вступили въ Нѣмецкое море. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ китовъ; въ это же время, когда мы бѣжали быстро подъ всѣми верхними парусами, увидѣли вдали образовавшійся тифонъ, который шелъ по вѣтру и по нашему направленію; его разбили ядрами. Нѣмецкое море уже есть предверіе океана, въ который мы скоро вступили и прошли Шотландскіе острова. Подходя на траверзъ Ферарскихъ острововъ, которыхъ силуэтъ открылся въ далекѣ, вѣтеръ сталъ свѣжеть и, наконецъ, обратился въ бурю. Качка была страшная, всѣ почти офицеры подверглись морской болѣзни и только нашей вахты офицеры Арбузовъ и Бодиско выдержали, и я въ томъ числѣ. Исландія открылась намъ миль за сто; это было на разсвѣтѣ. Сначала она представилась намъ въ видѣ облаковъ и нужно было вглядѣться съ большимъ вниманіемъ, чтобы убѣдиться что это земля, а не облака, съ которыми такъ зна-

комы глаза моряковъ. Къ полудню обозначилась огнедышущая Гекла, которая въ это время пламени не извергала, а только черный дымъ поднимался изъ ея жерла надъ горизонтомъ.

Съ нами были сочиненія, описывающія островъ Исландію, и мы обѣщали себѣ много удовольствія въ осмотрѣ этой замѣчательной почвы, гдѣ столько подземныхъ чудесъ и геологическихъ явленій, но, на наше несчастье, тутъ же разсказывался случай съ однимъ кораблемъ, который погибъ отъ изверженія подводнаго волкана, при проходѣ его въ портѣ Рейкіявикъ. Вѣроятно, это обстоятельство, въ соединеніи съ Эландскимъ шкваломъ и бурями, заронили въ голову капитана мысль не идти въ портъ. Къ тому же у береговъ Исландіи, въ теченіи трехъ сутокъ, былъ штиль. Штиль въ океанѣ, хотя несносенъ для парусныхъ судовъ, но имѣетъ свою чудную прелесть. Поверхность океана уподоблялась громадному зеркалу, въ которомъ отражался весь свѣтлоголубой сводъ сѣвернаго неба и мы были какъ бы въ центрѣ этого необъятнаго голубаго шара. Только игравшія рыбы различныхъ родовъ, чайки и утки, между которыми садились птицы большія краснаго цвѣта, иногда рябили поверхность. Отъ времени до времени появлялись киты; они гонялись другъ за другомъ, волнуя поверхность или погружались въ лоно моря, оставляя за собою пучину, долго расходившуюся волнистыми кругами. Въ другой сторонѣ видѣнъ былъ какой нибудь китъ-эпикуреецъ, въ нѣгѣ неподвижно раскинувшійся на своемъ роскошномъ ложѣ и забавлявшійся изверженіемъ фонтановъ. Вся эта область океана въ высшей степени интересна, величественна и оригинальна. Мнѣ, всегда поэтически настроенному, она доставляла истинное наслажденіе; я не отходилъ отъ борта. Въ эти дни заштилило также вмѣстѣ съ нами, но очень далеко, одно китоловное судно, на которое потомъ ѣздили офицеры изъ любопытства. Весь его экипажъ состоялъ изъ 8-ми человѣкъ и на этой посудинѣ люди эти переплыли тысячи миль, одной доской отдѣленные отъ бездны. По ночамъ другое чудное зрѣлище намъ представлялось; это—сѣверныя сіянія неописанной красоты. Что за чудные фантастическіе призраки! То какіе-то волшебные замки загромождали воздушное пространство, то какіе-то гигантскіе столбы свѣта колебались въ воздухѣ, какъ колонады какого нибудь громаднаго зданія, колебаемыя землетрясеніемъ; то какіе-то свѣтлые покровы распростирались надъ фрегатомъ, котораго очеркъ однажды даже отразился на мгновеніе въ одномъ изъ такихъ облаковъ. Солнце скрывалось на самое короткое время и затѣмъ снова выплывало изъ лона водъ.

Штиль намъ всѣмъ страшно наскучилъ и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ вѣтра. При робости нашего капитана, это потерянное время

могло еще болѣе поддержать его рѣшимость не идти въ Рейкіявикъ, что̀ и совершилось. Во время штиля моряки имѣютъ обычай насвистывать вѣтеръ. Иногда, какъ будто вызванный этимъ свистомъ, легчайшій зефиръ зарябитъ поверхность океана мельчайшими струйками, какъ бы дуновеніемъ какой нибудь воздушной феи, невидимо проскользнувшей по водамъ, а потомъ опять становится гладкою, какъ зеркало. Мы всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ вѣтра съ юга, полагая, что попутный вѣтеръ убѣдитъ капитана идти въ портъ; но его рѣшеніе уже было принято и какъ только паруса надулись, онъ пошелъ обратно, приводя въ оправданіе своего рѣшенія уже позднее время года (былъ исходъ августа), опасеніе скораго появленія льдовъ въ этихъ широтахъ, дальность обратнаго плаванія, такъ какъ мы должны были обогнуть Ирландію и съ океана войти въ англійскій каналъ.

И такъ мы отплыли обратно, обошли Ирландію безъ всякихъ приключеній и вошли въ Портсмутъ, куда проходили мимо живописнаго острова Уайтъ и такъ близко отъ берега, что можно было разсмотрѣть лица сидѣвшихъ на балконахъ изящныхъ дамъ и джентльменовъ. Портсмуту мы не салютовали, какъ не салютуютъ наши военные корабли во всѣхъ англійскихъ портахъ. Англичане отвѣчаютъ обыкновенно двумя выстрѣлами меньше, ссылаясь на то, что и своимъ кораблямъ отвѣчаютъ двумя меньше, какъ адмиралъ, стоящій на рейдѣ, отвѣчаетъ капитану. Мы же смотрѣли на это какъ на униженіе для флага, считая, что въ этомъ случаѣ нація отвѣчала націи, а не адмиралъ капитану.

Портсмутъ знаменитый англійскій портъ, въ которомъ можно видѣть много чудесъ англійскаго искусства, англійской промышленности, ея величія въ размѣрахъ ея флота и въ томъ совершенствѣ, до какого доведена ея морская часть, какъ владычицы морей; но короткая стоянка дѣлаетъ моряковъ мимолетными путешественниками по обстоятельствамъ, а не туристами съ научной цѣлью. Мы часто съѣзжали на берегъ, много гуляли по городу, осматривали то, что успѣвали и не пропустили замѣтить красоту англичанокъ, которая приводила часто въ восторгъ молодыя натуры, конечно, также мимолетно. Замѣтно было на гуляньяхъ, что и мы также удостоивались ихъ особеннаго вниманія, конечно, какъ русскіе, мы же приписывали это себѣ собственно и были этимъ очень довольны. По улицамъ насъ обыкновенно преслѣдовали уличные мальчишки, кричавшіе «рушенъ, копѣйка» и когда бросали имъ деньги, то они принимались драться, отнимая монеты другъ у друга; а по вечерамъ, когда темнѣло, встрѣчались группы молодыхъ англичанокъ, привѣтливо обращавшихся къ намъ безъ всякой застѣнчивости. Обѣдали мы всегда въ хорошей гостинницѣ, гдѣ осматривали и любовались чистотою англійской кухни.

Изъ Портсмута мы вышли съ легкимъ вѣтромъ; съ нами вышелъ также англійскій остъ-индскій корабль. Мы скоро миновали каналъ въ виду Дувра; со стороны Франціи виднѣлась только полоса земли съ отдаленнымъ Кале. Нѣмецкое море попутнымъ и крѣпкимъ вѣтромъ мы пробѣжали чрезвычайно быстро. Помнится, что мы въ 4 часа утра вышли изъ канала, а на другой день, около 6-ти часовъ пополудни, намъ уже открылись берега Норвегіи. Въ Категатѣ къ намъ подъѣхали рыбачьи лодки, продавшія намъ свѣжую треску и камбалу. При тихомъ вѣтрѣ мы прошли Зундъ, котораго теченіе очень сильно, а когда подходили къ Копенгагену, то увидѣли свой родной флагъ, развѣвающимся на бѣломорской эскадрѣ. Флагъ этотъ, бѣлый съ синимъ андреевскимъ крестомъ по діогоналямъ, на черномъ фонѣ черныхъ тучъ, окаймлявшихъ тогда горизонтъ, былъ поразительно красивъ и величественъ.

Въ Копенгагенѣ мы снова часто съѣзжали на берегъ и обѣдали въ лучшихъ гостинницахъ за общимъ столомъ. На гуляньяхъ въ саду мнѣ очень нравилась свобода и простота гулявшей и сидѣвшей на скамьяхъ публики. Очень многіе гуляли, покуривая трубки, и когда случалось, что проходилъ король или кто нибудь изъ королевскаго дома, то встрѣчавшіе снимали шляпы и привставали со скамеекъ и потомъ снова садились, покуривая свои трубочки. О полиціи здѣсь не было и помина.

По приказанію капитана, мнѣ однажды пришлось ѣхать къ нашему консулу. Это было уже къ вечеру. Найдя квартиру консула, я вошелъ въ прихожую и пріятно былъ пораженъ музыкой, раздавшейся въ слѣдующей комнатѣ; а когда вступилъ въ залъ, еще болѣе былъ пораженъ красотой музыкантши. Это была дочь консула, очень молодая и очень хорошенькая блондинка. Когда я, раскланявшись, сказалъ ей, что мнѣ нужно было видѣть консула, она тотчасъ побѣжала въ другія комнаты. Вслѣдъ за этимъ вышелъ консулъ, которому я передалъ свое порученіе, и, получивъ нужный отвѣтъ, хотѣлъ раскланяться, но онъ просилъ меня остаться и познакомилъ съ семействомъ. Пробывъ нѣкоторое время, я хотѣлъ было идти, но снова меня оставили; подали чай, бесѣда длилась, ночь наступила, а я все еще сидѣлъ, прикованный присутствіемъ прелестной дѣвушки, какъ это всегда бываетъ съ каждымъ юношей. Когда я собирался уходить, меня просили еще побыть у нихъ, но необходимость возвращаться на фрегатъ, наконецъ, превозмогла. Фрегатъ стоялъ далеко отъ берега, а волны бушевали и тьма была такъ велика, что только около шлюпки виднѣлась пѣна валовъ. Когда мы отвалили отъ берега и отплыли нѣсколько саженъ, гдѣ-то на берегу вспыхнулъ пожаръ, пламя отразилось въ морѣ, освѣтило волны и намъ открылся

нашъ фрегатъ и другія суда, стоявшія на рейдѣ. Картина ночи была достойна кисти Айвазовскаго.

На фрегатъ безпрестанно пріѣзжали посѣтители и посѣтительницы. Нашъ посланникъ баронъ Николаи пріѣзжалъ также съ большимъ обществомъ. Между ними былъ графъ Канутъ, женатый на русской графинѣ Зубовой. Все общество завтракало у капитана въ каютѣ, а въ палубѣ были собраны пѣсенники. Когда пѣсенники запѣли «не одна во полѣ дороженька», графиня не могла удержаться отъ слезъ—родные звуки разшевелили ея русское сердце. На чужбинѣ родная пѣснь имѣетъ чудное обаяніе, особенно для русскихъ. Что мнѣ въ этомъ комфортѣ, въ этихъ чудесахъ цивилизаціи, въ этой чужой свободѣ, въ чужомъ благоденствіи, въ этомъ прекрасномъ климатѣ и роскошной его растительности! Какъ ни хорошо живется тамъ, какъ ни обольщаютъ насъ изысканныя удовольствія, но все родная пѣснь, родныя степи, безпредѣльныя какъ океанъ, могучее племя съ его простотою и величіемъ, русское самоотверженіе, русская вѣра— вотъ что надо русскому сердцу. Американская республика, со всею своею безграничною свободою, не сдѣлаетъ истиннаго русскаго человѣка довольнымъ и счастливымъ.—Когда катеръ отвалилъ отъ борта и вышелъ изъ подъ выстрѣловъ, начался салютъ и пока катеръ былъ видѣнъ, все еще виднѣлся бѣлый платокъ графини, которая махала имъ на прощаніе со своими соотечественниками.

Въ Балтійскомъ морѣ мы шли съ попутнымъ крѣпкимъ вѣтромъ, такъ что бѣгъ нашъ былъ болѣе 12 узловъ (узелъ 1 верста и $^3/_4$). При такой быстротѣ, однажды ночью, мы опять едва не погибли отъ столкновенія. На вахтѣ былъ лейтенантъ Лермонтовъ, а я былъ младшимъ офицеромъ. Тьма была непроницаемая. Изъ каютъ-кампаніи свѣтился въ люкѣ огонь, тамъ раздавался веселый говоръ и смѣхъ. Вдругъ караульный матросъ на бакѣ (передняя часть корабля) закричалъ изо всѣхъ силъ, ужасающимъ голосомъ: «судно передъ носомъ»! затѣмъ раздался отчаянный голосъ вахтеннаго лейтенанта: «право на бортъ»! Команда эта, при такомъ быстромъ ходѣ, голосомъ почти отчаянія, показывала страшную опасность. Всѣ офицеры и капитанъ выбѣжали на палубу и вотъ что представилось взорамъ: лишь только часовой прокричалъ: «судно передъ носомъ», послѣдовала команда: «право на бортъ», и въ ту же секунду черная масса, съ быстротою ночной птицы, пролетѣла мимо фрегата и скрылась во мракѣ; судно промчалось такъ близко отъ нашего борта, что можно было перескочить на него. Это было, по истинѣ, спасеніе отъ неминуемой гибели. Ходъ былъ такъ быстръ, что мы оба были бы разбиты въ дребезги и мгновенно пошли бы ко дну. Затѣмъ плаваніе наше было

скоро кончено и на другой день нашимъ глазамъ представился Кронштадтъ послѣ трехъ съ половиною мѣсячнаго плаванія.

Затѣмъ жизнь приняла свое обычное теченіе: на первомъ планѣ служба съ ея шагистикой и строевыми ученіями матросовъ, только что боровшихся съ бурями океана. Затѣмъ слѣдовали удовольствія молодости, которой единственная мечта—удовольствія; посѣщеніе театра съ восторженными рукоплесканіями оперной красавицѣ Семеновой и танцовщицѣ Истоминой. Обѣдали мы и проводили вечера у Долгоруковыхъ, гдѣ всегда было общество; пѣли дуэты; у княгини голосъ былъ сопрано, а у сестры контральто. Всѣ гости восхищались ихъ пѣніемъ, среди котораго безпрерывно слышались возгласы: «charmant, delicieux».

Этотъ домъ, въ которомъ я провелъ свои отроческіе и юношескіе годы, гдѣ былъ такъ счастливъ истинно родительскою любовью воспитавшихъ насъ, гдѣ жили нѣжно любимыя наши сестры,—домъ этотъ былъ для насъ съ братомъ истинною и единственною отрадою. Хотя мы жили далеко, у Калинкина моста, все же почти каждый день, свободный отъ службы, мы проводили тамъ. Послѣ исландскаго похода мы наняли квартиру изъ двухъ отдѣленій; въ одномъ помѣщались мы съ братомъ и еще нашъ же офицеръ Дивовъ, а въ другомъ Бодиско, тоже нашъ товарищъ и другъ. Мы съ братомъ не были избалованы и жили въ обыкновенной офицерской обстановкѣ, а не тянулись за богатыми. Князь Долгорукій отъ времени до времени помогалъ намъ и всегда по собственному побужденію; мы же не только что никогда не говорили ему о своихъ нуждахъ, но когда онъ давалъ намъ деньги, то всегда, покраснѣвъ до ушей, отказывались; конечно, онъ не обращалъ вниманія на нашу совѣстливость и клалъ въ руки деньги, приговаривая, что онъ самъ былъ офицеромъ и знаетъ хорошо, что деньги никогда не лишнее молодымъ офицерамъ. Онъ очень утѣшался тѣмъ, что мы хорошо служили, были извѣстны Государю, не кутили и вели себя хорошо по отзывамъ начальниковъ. Онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что наши молодыя головы уже сильно были заражены либерализмомъ того времени, который мы вполнѣ раздѣляли, а также и то глухое недовольство, которое потомъ должно было разрѣшиться участіемъ нашимъ въ катастрофѣ 14-го декабря 1825 года.

А. П. Бѣляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИЛЬИ ВАСИЛЬЕВИЧА СЕЛИВАНОВА.

IV [1]).

Я отправился на службу въ Царство Польское въ самое тревожное, смутное время, сколько помню, въ декабрѣ 1863 года. Въ одномъ поѣздѣ со мною въ Литвѣ ѣхали вооруженныя команды. Мнѣ случилось сидѣть въ одномъ вагонѣ съ солдатами. Солдаты жаловались на тяжелую службу; одинъ унтеръ-офицеръ говорилъ мнѣ, что ежели служба тяжела, за то денегъ у нихъ много у всѣхъ, что послѣ всякой стычки, они находятъ на убитыхъ деньги съ излишествомъ и, помнится, сказалъ, что у рѣдкаго солдата нѣтъ ста или болѣе рублей. Къ этому онъ прибавилъ, что солдаты много тратятъ на «кохановъ»; что эти коханки любятъ русскихъ и даже въ тихомолку открываютъ, гдѣ должна быть шайка.

Начиная съ Гродненской губерніи, всѣ станціи представляли видъ маленькихъ крѣпостей; всѣ обнесены тыломъ; всюду отряды войскъ; всюду часовые. Лѣсъ вырубленъ вдоль дороги въ обѣ стороны, саженъ на 30, потому что бывали примѣры, что изъ лѣсу стрѣляли по поѣздамъ.

Въ Варшаву мы пріѣхали было уже совсѣмъ темно, часовъ въ 9 вечера. На дебаркадерѣ у насъ отобрали паспорты, затѣмъ обычныя восклицанія: може отель Пану? и проч. Вспомнивши, что я въ 1848 году стоялъ въ Саксонской гостинницѣ (Сакскій отель), я пожелалъ отправиться туда. Меня посадили въ омнибусъ съ двумя или тремя лицами, и высадили тамъ, гдѣ я желалъ. Надо думать, что личность моя почему то заинтересовала кондуктора: онъ, безъ всякаго вызова съ моей стороны къ разговору, сказалъ мнѣ, что онъ дастъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVIII, (іюнь), стр. 289—316; (іюль), стр. 477—484; (августъ), стр. 725—752.

мнѣ 38 № и что мнѣ тамъ будетъ покойно. Не зная ни 38-го и никакого другаго номера, я поблагодарилъ его, тѣмъ болѣе, что на половину не понималъ, что онъ мнѣ говорилъ.

На другое утро я отправился развозить письма.

Первое письмо я доставилъ въ Брюлевскій палацъ къ Н. И. Павлищеву. Онъ состоялъ при намѣстникѣ и занимался редакціею «Варшавскаго Дневника» на польскомъ языкѣ. Онъ прожилъ въ Варшавѣ, кажется, 35 лѣтъ и зналъ польскій языкъ какъ родной. Когда старикъ Велепольскій былъ устраненъ и явилась надобность замѣнить редакторовъ-поляковъ русскимъ, подъ руками не нашлось никого, кромѣ Павлищева, которому бы можно было поручить это дѣло, тѣмъ болѣе, что Павлищевъ былъ отчасти извѣстенъ кой какими литературными и даже учеными трудами. Онъ принялъ меня ласково, вспомнилъ прежнія отношенія къ своему бывшему начальнику С. П. Шипову, и обѣщалъ поговорить обо мнѣ намѣстнику

Въ то же утро я отправился къ намѣстнику. Дружка (коляска парой) подвезла меня къ замку; полиціантъ, при въѣздѣ въ ворота, пожелалъ узнать, къ кому я ѣду. Онъ меня впустилъ безпрепятственно. Другой полиціантъ при входѣ въ галлерею, которую надо было пройти, чтобъ войти въ переднюю, принялъ отъ меня шубу. Передняя была пуста; изъ нея я вступилъ въ пріемную. Это была четырехъугольная комната, безъ особыхъ украшеній, но просторная и свѣтлая. Много господъ, бо̀льшею частію военныхъ съ портфелями и безъ оныхъ, дожидались тамъ. На меня взглянули, какъ будто поинтересовались сначала, какъ новымъ лицомъ, потомъ позабыли; подошелъ только дежурный адъютантъ, который спросилъ: что мнѣ нужно; я отвѣчалъ, что мнѣ нужно видѣть графа Берга. Спросилъ онъ меня ломаннымъ русскимъ языкомъ; ежели не ошибаюсь, это былъ тотъ самый, который былъ въ коляскѣ съ графомъ Бергомъ, когда было сдѣлано покушеніе на его жизнь, Валь. Онъ больше не приставалъ ко мнѣ и я остался дожидаться. Не прошло десяти минутъ, выбѣжалъ изъ кабинета графъ Бергъ. Говорю выбѣжалъ, потому что, кажется, тихо ходить онъ не умѣлъ. Это была одна изъ тѣхъ физіономій, которая располагала къ себѣ сразу. Все вскочило; все засуетилось; онъ кивнулъ головою одному, привѣтливо улыбнулся другому—и прямо ко мнѣ. Я ему объяснилъ кто я и высказалъ желаніе мое служить въ Польшѣ. Онъ ласково улыбнулся, отвѣчалъ, что онъ очень радъ; чтобъ я пріѣзжалъ совсѣмъ, такъ какъ я сказалъ ему, что я пріѣхалъ только узнать: могу ли я получить какое нибудь мѣсто?—и убѣжалъ. Такъ какъ я видѣлъ, что мнѣ ожидать болѣе нечего, то я и отправился осматривать городъ. Онъ мнѣ понравился съ перваго раза.

Хотя я и былъ въ Варшавѣ прежде проѣздомъ въ 1848 году, но я пробылъ въ ней только одно утро, торопясь уѣхать за границу, боясь какъ бы не остановили, такъ какъ это было сейчасъ вслѣдъ за 24-мъ февралемъ,—но у меня въ памяти не осталось ничего, кромѣ лучшаго ресторана Мари, на Новомъ Свѣтѣ, и обворожительнаго Саксонскаго сада. Теперь я знакомился съ Варшавой, какъ съ новымъ городомъ. Не смотря на начало декабря, было тепло; на улицахъ грязь, хоть и ѣздили въ саняхъ. Въ упряжи и закладкѣ большое сходство съ Берлиномъ; зимняя упряжь съ колокольчиками и всѣ сани парой въ дышло. Движенія много, такъ что можно забыть, что находишься въ городѣ на военномъ положеніи. Чувствовалось это вечеромъ, потому что нельзя было ходить иначе какъ съ фонаремъ, безъ котораго, какъ только смеркнется, выйдти на улицу нельзя. Мнѣ служитель или дворникъ, не помню кто, всучилъ какой то фонарь; съ нимъ я и ходилъ пока не купилъ собственный. Движеніе по улицамъ дозволено было только до извѣстнаго часа,—кажется, до 9 часовъ,—къ этому времени долженъ былъ кончиться и театръ.

Если не ошибаюсь, на третій день по пріѣздѣ, я получилъ литографированное приглашеніе на обѣдъ къ графу Бергу, подписанное его адъютантомъ. Въ 4 часа я отправился. Тутъ нашелъ я Павлищева, по всѣмъ вѣроятіямъ, сообщившаго графу письмо обо мнѣ генерала Шипова, и графа Сигизмунда Велепольскаго, того самаго, который стрѣлялся съ однимъ изъ Наполеоновъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, необычайно высокаго роста, во фракѣ съ гербовыми пуговицами. Манеры у него были самыя простыя, безъискуственныя; все что могу сказать о немъ, такъ это то, что онъ былъ приличенъ (comme il faut) въ высшей степени и, сверхъ того, очень красивой наружности.

Графъ Бергъ вышелъ за нѣсколько минутъ до 4-хъ часовъ Я не знаю человѣка, который бы владѣлъ въ такой степени способностію быть обаятельнымъ. Не смотря на то, что всякій очень хорошо зналъ, что ему дана диктаторская власть,—съ нимъ, съ самой первой минуты, человѣкъ чувствовалъ себя такъ легко и свободно, какъ будто жилъ съ нимъ, Богъ знаетъ, сколько времени. По крайней мѣрѣ, такъ было со мной. Я совершенно забылъ, что со мной бесѣдуетъ главный начальникъ края, намѣстникъ, почти съ царскою властію, въ такое время, когда всякое слово могло-бы повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ,—я позволилъ себѣ не только не соглашаться съ нимъ, даже спорить. Разговоръ былъ необыкновенно живъ. Помню, что я говорилъ больше всѣхъ: можетъ быть потому, что мои собесѣдники не смѣли

говорить такъ свободно какъ я, вѣроятно, больше меня помня, кто передъ нами сидитъ.

Изъ этого обѣда я вынесъ о графѣ Бергѣ самое пріятное воспоминаніе. Онъ былъ милъ до нельзя. Я былъ очарованъ, очарованъ до того, что забылъ разстояніе, насъ раздѣляющее, и говорилъ также свободно, такъ же искренно, какъ говорилъ бы съ близкимъ пріятелемъ. Рѣчь шла о желѣзныхъ дорогахъ, о выгодахъ того или другаго направленія. Когда мы отобѣдали, графъ Велепольскій, можетъ быть, видя, какъ я свободно обращаюсь съ графомъ Бергомъ, и, вѣроятно, вслѣдствіе этого считая меня важнымъ лицомъ, предложилъ мнѣ довезти меня до дому. Такъ какъ Сакскій отель былъ ему по дорогѣ, то я и не затруднился воспользоваться его приглашеніемъ. Дорогой онъ мнѣ не разъ замѣтилъ, что удивляется, какъ я могу такъ свободно говорить съ графомъ.

Теперь я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о графѣ Бергѣ. Эта личность, конечно, вполнѣ достойна, чтобъ сказать о ней то, чего она дѣйствительно заслуживала [1]).

Многіе, вѣроятно, видали портретъ графа; онъ чрезвычайно похожъ. Но то, чего портретъ передать не можетъ,—это то, что я называю обаятельностію его рѣчи и обхожденія. Когда онъ говорилъ, въ движеніи губъ его, въ манерѣ произносить слова, въ мягкости самыхъ выраженій, было что то такое, отъ чего защититься нельзя. Онъ побѣждалъ васъ, прежде нежели оканчивалъ свою рѣчь. Способность представительности, т. е. умѣнье сказать каждому не только что̀ прилично мѣсту и случаю и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо, хотя отчасти, но еще и пріятно,—способность эта въ немъ была изумительна: онъ владѣлъ ею въ высшей степени. На бо̀льшихъ выходахъ, какъ напр., въ первый день Пасхи, когда во всѣхъ открытыхъ залахъ бывало иногда человѣкъ до 300, онъ всякому умѣлъ сказать что нибудь и сказать, бо̀льшею частію, приличное случаю. Другая удивительная способность его—это помнить имена. Вотъ вамъ образчикъ того и другаго.

---

[1]) Характеристика гр. Ѳ. Ѳ. Берга и множество подробностей, изъ эпохи 1863—1864-хъ годовъ, о дѣятельности этого намѣстника въ Царствѣ Польскомъ были уже помѣщены въ „Русской Старинѣ“ въ изд. 1879 г. томъ XXVI, стр. 259—290 и многія другія. Читатели конечно помнятъ очерки П. С. Лебедева, Н. В. Берга, замѣтку г. Валя и другихъ лицъ, а потому мы не считаемъ нужнымъ исправлять и оговаривать ошибки въ разсказахъ и воспоминаніяхъ И. В. Селиванова о тѣхъ же лицахъ и тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ уже писали на страницахъ нашего изданія другіе современники, очевидцы и участники въ событіяхъ 1863—1864 гг. въ Польшѣ.

Ред.

Со мной вмѣстѣ служилъ и въ одной со мною должности вице-директора, только другаго департамента (директоромъ считался самъ генералъ-полицмейстеръ Ѳ. Ѳ. Треповъ), нѣкто К. К. Янкуліо. Не знаю, по какому случаю, мы съ нимъ вмѣстѣ должны были явиться къ графу—кажется, благодарить за какія то награды. Такъ какъ мы въ управленіи генералъ-полицмейстера носили мундиры военнаго покроя, то, разумѣется, и должны были явиться къ графу въ присвоенной формѣ. Не знаю, какимъ образомъ случилось, что Янкуліо былъ не въ мундирѣ, а во фракѣ. Когда графъ вышелъ къ намъ и выслушалъ нашу благодарность, онъ сказалъ:

— Константинъ Константиновичъ! Я васъ не вижу, вы пріѣхали не въ томъ платьѣ, въ какомъ надо! Я васъ не вижу, должно быть, это не вы; ежели бы это были вы, вѣроятно, вы явились ко мнѣ какъ слѣдуетъ...

И мой бѣдный Янкуліо, уничтоженный такимъ гуманнымъ выговоромъ, бѣжалъ со стыдомъ изъ залы, говоря потомъ, что ему легче бы было, ежели бъ его разбранили, нежели выслушать подобное замѣчаніе.

Независимо отъ обаятельности, про которую говорятъ, что это дипломатическое искусство, у Берга была сторона дѣйствительной гуманности, которую ужъ, конечно, никакой дипломатіей объяснить нельзя. Не имѣя возможности самъ лично удостовѣриться въ этомъ,—я привожу здѣсь разсказъ моего бывшаго университетскаго товарища Н. И. Полторанова, бывшаго генералъ-аудиторомъ въ Царствѣ Польскомъ. Онъ говорилъ, что когда въ приговорахъ генералъ-аудиторіата назначена была кому нибудь смертная казнь, Полторанову стоило большаго труда уговорить графа подписать свое роковое: согласенъ. Иногда цѣлые часы онъ ходилъ за нимъ для этого. Безъ долгихъ, долгихъ колебаній, не смотря на всю законность приговора, это никогда не обходилось. Полторановъ долженъ былъ торговаться съ графомъ; доказывать ему, что по закону иначе поступить нельзя; что облегчить наказанія нельзя, потому что тогда будетъ отступленіе отъ закона,—гр. Бергъ твердилъ свое, доказывая, что смертная казнь вещь ужасная; что какъ бы ни былъ виноватъ преступникъ, онъ все таки такой же человѣкъ, какъ и всѣ; а когда Полторановъ начиналъ говорить ему, что графъ имѣетъ право, ежели не хочетъ смерти преступнику, воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, т. е. правомъ помилованія, онъ снова принимался убѣждать его, что смертная казнь вещь страшная и не лучше-ли сдѣлать что нибудь другое и проч. и проч.

Никогда не забуду разсказа бывшаго тогда полковникомъ Анучина, замѣнившаго меня въ департаментѣ полиціи исполнительной

въ управленіи генер. полицмейстера, когда я перешелъ въ редакторы русскаго «Варшавскаго Дневника».

Надо вамъ сказать, что Анучинъ (теперешній генералъ-лейтенантъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири), былъ человѣкъ очень близкій къ графу Бергу и, кажется, пользовался безусловною его довѣренностію. Нѣтъ надобности говорить, что г. Анучинъ былъ вполнѣ ея достоинъ. Онъ жилъ въ замкѣ и былъ призываемъ къ графу всякій разъ, когда встрѣчалось какое нибудь щекотливое порученіе. Ему же поручена была цензура всѣхъ статей, печатавшихся о Польшѣ; безъ его подписи ни одна статья не могла быть напечатана въ какомъ бы то ни было журналѣ. Это я испыталъ на себѣ, когда по изъявленному мнѣ, вѣроятно, по порученію графа, Ѳ. Ѳ. Треповымъ желанію, чтобъ я написалъ статью объ управленіи Польшею, —я написалъ и послалъ ее въ одну изъ Петербургскихъ газетъ. Она была мнѣ возвращена, а когда Анучинъ надписалъ на ней свое разрѣшеніе, то она и была напечатана.

По дѣлу о покушеніи на жизнь графа Берга изъ дома Замойскаго, на Новомъ Свѣтѣ, были аудиторіатомъ приговорены къ смерти три человѣка: студентъ Петербургскаго университета Франковскій— начальникъ кинжальщиковъ; аптекарь Шмидтъ и мясникъ Красусскій. Первый распоряжался убійствомъ; второй давалъ къ нему способы, приготовляя заряды; третій, какъ отличный стрѣлокъ, нарочно для этого вызванный изъ банды, долженъ былъ стрѣлять. Адская машина, состоящая изъ нѣсколькихъ стволовъ, независимо отъ ружья самаго Красусскаго, должна была дѣйствовать съ нимъ въ одно время; все это помѣстилось въ крайнемъ окнѣ дома Замойскаго и должно было дѣйствовать, когда графъ будетъ ѣхать мимо. Заговорщики знали, что графъ, ѣздившій по этому направленію постоянно въ Лазенки, будетъ непремѣнно проѣзжать по Новому Свѣту, очень узкому въ этомъ мѣстѣ, въ такое-то время. [1]).

Изъ газетъ извѣстно, что выстрѣлъ не зацѣпилъ графа: убито было нѣсколько лошадей, запряженныхъ въ коляску, въ которой ѣхалъ графъ, и нѣсколько лошадей казаковъ, составлявшихъ конвой [1]). Виновные въ эту минуту найдены не были. Когда дошло до свѣдѣнія барона Корфа, начальника Варшавскаго военнаго отдѣла, онъ тотчасъ распорядился созвать войско и оцѣпить домъ Замойскаго, чтобы поймать убійцъ.

---

[1]) Здѣсь авторъ говоритъ по слухамъ, но подробный, весьма обстоятельный разсказъ о покушеніи на жизнь графа Берга помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ 1878 г. томъ XXVI, стр. 269—270 въ „Запискахъ о Польскомъ возстаніи“ 1863—1864 гг. профессора Н. В. Берга. Ред.

Само собою разумѣется, что пока вызывали солдатъ изъ казармъ, убійцъ давнымъ давно уже въ домѣ не было: они скрылись, видя неуспѣхъ предпріятія. Собравши войско, Корфъ приказалъ «отыскивать убійцъ».

Пустить солдатъ шарить въ такомъ домѣ, гдѣ были сотни квартиръ и тысячи жильцовъ—при томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ находились въ это время умы всѣхъ, конечно, со стороны барона Корфа былъ поступокъ необдуманный. Солдаты, какъ и можно было предвидѣть, стали дѣйствовать, какъ въ завоеванной землѣ. Они принялись выбрасывать изъ оконъ все, что имъ попадалось подъ руку—мебель, фортепьяно, книги, картины, посуду и всякое другое имущество—однимъ словомъ все, что составляетъ и необходимость, и комфортъ жизни.

Французская иллюстрація, приложившая картинку этого случая, выразилась не совсѣмъ вѣрно, назвавши разгромъ дома Замойскаго—le sac,—это былъ не грабежъ, но истребленіе во всѣхъ его видахъ. По разсказамъ очевидцевъ, на площади противъ статуи Коперника, всего этого хлама, даже очень цѣннаго, набросана была страшная куча. Съ согласія ли барона Корфа или нѣтъ—я этого не знаю, только эта куча была зажжена. Огонь поднялся такъ высоко и сдѣлался такъ силенъ, что сталъ угрожать сосѣднимъ строеніямъ—тогда Корфъ потребовалъ пожарную команду, чтобъ затушить его.

Разсказывали, что когда графъ Бергъ узналъ о томъ, что происходитъ въ домѣ Замойскаго, онъ въ отчаяніи бросилъ свой парикъ на полъ, истопталъ его ногами и велѣлъ, какъ можно скорѣе, остановить все, что дѣлается тамъ. Разсказывали и то, что когда барону Корфу представили весь ужасъ того, что происходило вслѣдствіе необдуманнаго его приказанія, онъ смѣшался и повторялъ:

— Ну, что же дѣлать! виноватъ! не сообразилъ! и проч. въ этомъ родѣ.

Пойманные черезъ нѣсколько времени и изобличенные вслѣдствіе многихъ различныхъ показаній другихъ лицъ, въ покушеніи на жизнь графа Берга, Франковскій, Шмидтъ и Красусскій были приговорены аудиторіатомъ къ смерти, черезъ повѣшеніе.

Приговоръ этотъ графъ Бергъ утвердилъ безъ сопротивленія, безъ отговорокъ, къ великому удивленію генералъ-аудитора. Оказалось, что «умыселъ другой тутъ былъ».

На другой день по утвержденіи, въ журналахъ было напечатано, что завтра, въ 10 часовъ утра, на гласисѣ александровской цитадели, произведена будетъ смертная казнь надъ тремя лицами, покусившимися на жизнь намѣстника.

Для того, чтобъ не уклониться отъ разсказа о графѣ Бергѣ, я постараюсь говорить словами самаго г. Анучина, отъ катораго я и слышалъ всѣ эти подробиости.

— Около 10 часовъ вечера на канунѣ казни, воротившись домой, я узналъ отъ жены, что намѣстникъ присылалъ за мной. Я пошелъ къ нему немедленно. Графъ позвалъ меня въ кабинетъ, самъ заперъ дверь и когда увѣрился, что насъ никто не можетъ слышать, сказалъ мнѣ:

— Г. Анучинъ! Завтра поутру назначена казнь Франковскаго, Шмидта и Красусскаго. Такъ какъ покушеніе направлено было противъ меня, то я считаю себя въ правѣ помиловать ихъ. Завтра по утру вы отправитесь туда, гдѣ должна быть казнь и когда все будетъ выполнено и подсудимые готовы будутъ подвергнуться смерти, вы объявите помилованіе Франковскому и Шмидту. Вамъ надо будетъ встать рано; помните, что двѣ жизни зависятъ отъ вашей аккуратности; дать Красусскому жизнь, я не нахожу нужнымъ,—онъ былъ убійцею юнкера Чернецкаго въ погребкѣ, за то, что тотъ былъ преданъ Россіи, и когда Чернецкій былъ убитъ, онъ отрѣзалъ у него ухо и этимъ окровавленнымъ ухомъ мазалъ лицо тѣмъ, которые шли губить москалей, называя это кровавымъ крещеніемъ... Ради Бога, не опоздайте..

Понимая всю важность возложеннаго на него порученія, Анучинъ отправился на мѣсто казни въ 8 часовъ. По его словамъ, онъ не спалъ цѣлую ночь, боясь опоздать—и немудрено: честный человѣкъ можетъ ли спать тогда, когда отъ его слова зависятъ двѣ человѣческія жизни. Какъ выше сказано, въ 8 часовъ онъ былъ уже на гласисѣ, гдѣ высилась роковая висѣлица.

Само собою разумѣется, что когда Анучинъ туда пріѣхалъ, на мѣстѣ никого еще не было. Онъ былъ совершенно одинъ. Въ 10-мъ часу поле начало наполняться народомъ; въ половинѣ 10-го печальный поѣздъ тронулся съ мѣста, въ цитадели. Впереди верхомъ ѣхалъ палачъ, какъ разсказывали, прусскій офицеръ, говорили даже, съ крестомъ, такъ какъ изъ русскихъ не нашлось никого, кто бы захотѣлъ взять на себя эту незавидную обязанность, а изъ поляковъ врядъ ли кто согласился бы; за нимъ въ крестьянскихъ телѣгахъ, въ одну лошадь, слѣдовали обвиненные, по одному на каждой телѣгѣ, съ крестомъ въ рукахъ, въ сопровожденіи ксендза или монаха, провожавшихъ ихъ до мѣста казни и приготовлявшихъ ихъ къ будущей жизни.

Описывающій не видалъ этого самъ, но онъ видѣлъ впослѣдствіи казнь членовъ жонда: пятерыхъ человѣкъ — Траугута, Краев-

скаго, Езеранскаго и друг., и можетъ удостовѣрить, что все происходило такъ, какъ здѣсь описано [1]).

Продолжаю со словъ г. Анучина.

— Я стоялъ молча, когда привезли подсудимыхъ; стоялъ молча, когда имъ читали приговоръ. Разсказать, что я чувствовалъ, я не имѣю силъ. Меня била лихорадка. Вотъ имъ прочли приговоръ; вотъ на нихъ надѣли саваны, вотъ ихъ взвели на лѣсенку, за которою слѣдуетъ смерть; я далъ совершиться казни надъ Красусскимъ,—когда же наступила очередь двухъ остальныхъ, я громко во всеуслышаніе объявилъ, что намѣстникъ даруетъ имъ жизнь. Шмидтъ долженъ былъ идти первымъ, Франковскій послѣднимъ.—Когда имъ надѣли смертные колпаки—они оба были блѣдны какъ смерть, когда же объявили, что намѣстникъ даруетъ имъ жизнь, кровь прилила мгновенно къ головѣ, лица вспыхнули, щеки покрылись яркимъ горячимъ румянцемъ. Въ припадкѣ радости они бросились было на меня (Анучина), чтобъ благодарить его, но вдругъ остановились; Франковскій, особенно, сдѣлалъ надъ собою видимое усиліе, стараясь показать, что этотъ внезапный переходъ отъ смерти къ жизни не имѣлъ на него никакого вліянія и что онъ равнодушенъ къ жизни. Шмидтъ былъ экспансивнѣе, но не на много.

— Когда я воротился и вошелъ въ кабинетъ къ графу Бергу, продолжалъ г. Анучинъ: графъ вскочилъ съ своего мѣста и бросился ко мнѣ на встрѣчу съ такою быстротою, которая бы сдѣлала честь любому юношѣ. Подбѣжавши ко мнѣ, онъ схватилъ меня за руку и торопливо, задыхаясь, спрашивалъ:

— Ну, что, живы?...

— Конечно живы, ваше сіятельство...

— Ну, слава Богу, слава Богу! повторялъ онъ, крестясь на правое плечо, какъ католики.... Затѣмъ онъ обнялъ меня крѣпко, крѣпко—и я чувствовалъ, что плечо мое было омочено его слезами.

Пришедши домой, я узналъ отъ жены, что съ 8 часовъ—черезъ каждыя четверть часа, являлись посланные отъ графа, узнавать, сперва—уѣхалъ ли я, а потомъ воротился ли... Такъ тревожило его данное мнѣ порученіе.

Франковскому, ежели не ошибаюсь, былъ 21 годъ; онъ былъ дѣйствительнымъ студентомъ Петербургскаго университета. Какова должна была быть среда польскихъ фанатиковъ, въ которой онъ выросъ,

---

[1]) Вполнѣ точное описаніе см. въ „Запискахъ о Польскомъ возстаніи" профессора Н. В. Берга въ „Русской Старинѣ" изд. 1879 г. т. XXVI, стр. 681 и слѣд. Ред.

ежели въ эти лѣта, когда человѣку еще не чужды честныя влеченія, онъ добровольно сдѣлался начальникомъ кинжальщиковъ, т. е. тайныхъ убійцъ, поражающихъ людей изъ-за угла, людей совершенно ему неизвѣстныхъ, за то только, что они москали. Какую душу, какую совѣсть, какое сердце надо было имѣть для того, чтобъ холодно, равнодушно руководить убійствами, убійствами почти безъ пользы для возстанія, потому что 5,10,100 человѣкъ не могли бы ослабить русской силы и задержать усмиреніе края.

. . . .

Я видѣлъ казнь жонда народоваго и сохрани меня Богъ увидать когда нибудь еще разъ что либо подобное. На полѣ, гдѣ воздвигнута была висѣлица, одна для всѣхъ, было, конечно, болѣе нежели 10 тысячъ человѣкъ. Когда первый заболтался въ воздухѣ, поднялся всеобщій вопль и всѣ бросились на колѣни,—а я, хотя и былъ довольно въ далекомъ разстояніи, бросился бѣжать; когда я добѣжалъ до входа въ улицу, то оглянулся и увидалъ, что всѣ пять фигуръ, всѣ въ бѣломъ, качались въ воздухѣ;—добѣжавъ до дому, я уткнулся въ подушку—и такъ пролежалъ до самаго вечера; подумать объ ѣдѣ, особливо о мясѣ, было противно. Уже въ 11 часовъ вечера пошелъ я въ военный клубъ, куда ходилъ постоянно обѣдать,—чтобы съѣсть что нибудь, и то не мяснаго, а какой нибудь зелени, и долго, долго эти пять фигуръ, качающіяся въ воздухѣ, мерещились мнѣ, лишь только я оставался одинъ.

V.

Въ Варшавѣ было двѣ слѣдственныхъ коммисій. Одна подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Витковскаго; другая подъ предсѣдательствомъ полковника Тухолки. Счастливы были тѣ, которые попадали въ первую коммисію,—Витковской былъ человѣкъ простой и добрый,—виноватыхъ въ ней оказывалось гораздо меньше, нежели во второй коммисіи, да и наказанія, предлагаемыя на утвержденіе намѣстнику, были значительно легче; что же касается до второй коммисіи, тутъ ужъ никто не могъ увернуться. Всякій изъ попавшихся подъ слѣдствіе могъ быть увѣренъ, что всякое слово, всякое знакомство, всякое самомалѣйшее дѣйствіе его будетъ взвѣшено, классифицировано, разобрано, что говорится, по ниточкѣ, и все будетъ взвѣшено и оцѣнено по достоинству.......Тухолка былъ, такъ сказать, любитель своего дѣла; онъ производилъ слѣдствія съ увлеченіемъ, какъ музыкантъ, отыскивающій въ клавишахъ ихъ звуки,

и при малѣйшемъ намекѣ, при малѣйшемъ подозрѣніи тянулъ за всѣ нитки. А какъ виноватыхъ, въ строгомъ смыслѣ слова, была вся Польша, то и понятно, что слѣдствія его отличались чрезвычайной подробностію. Такъ какъ департаментъ, въ которомъ я находился вице-директоромъ, приводилъ въ исполненіе всѣ приговоры и аудиторіата и коммисій, то и понятно, что имъ хорошо были извѣстны направленіе каждаго. Иногда Тухолка доходилъ до того въ своихъ предложеніяхъ наказанія, что онѣ становились невозможны къ исполненію, ибо превышали даже власть намѣстника. Одинъ разъ пришелъ ко мнѣ въ департаментъ генералъ-аудиторъ Полторановъ и, какъ старый товарищъ, просилъ меня поговорить генералъ-полицмейстеру — нельзя-ли умѣрить ярость нашего полковника Тухолки.

Помню особенно одинъ случай. Открыто было слѣдствіемъ, что одинъ сѣдельникъ доставляетъ въ банды сѣдла и другія принадлежности шорнаго дѣла. На допросѣ онъ показалъ, что ему объявлено было отъ жонда, что ежели онъ не доставитъ назначеннаго, то будетъ опдвергнутъ смерти. При томъ страхѣ, который нагнали эти приказанія жонда, написанныя часто на маленькомъ клочкѣ бумажки, этому легко можно было повѣрить. Этихъ приказовъ такъ боялись, что въ городѣ, кажется Люблинѣ, гимназисты, нацарапавши на аспидной доскѣ что-то похожее на печать, прикладываемую обыкновенно жондомъ (соединеніе двухъ щитовъ: польскаго и литовскаго) и написавши сами текстъ, ходили съ этимъ по домамъ и собирали офяру, которую потомъ прогуливали по трактирамъ. А тѣ, къ которымъ они приносили этотъ воображаемый приказъ жонда, давали деньги безпрекословно.

Даже въ Москвѣ мнѣ извѣстенъ случай, что бѣдный чиновникъ русской службы, но польскаго происхожденія,—далъ деньги, сколько было назначено неизвѣстнымъ человѣкомъ, принесшимъ такой приказъ, потому что ему точно также грозили смертью. Это онъ мнѣ самъ разсказывалъ, жалѣя денегъ, съ которыми, при его недостаточности, ему тяжело было разстаться.

Чтожъ мудренаго, что въ Варшавѣ, гдѣ убивали и въ домахъ, и на улицахъ (докторъ Германи, убитый въ собственной квартирѣ въ Европейской гостинницѣ; Треповъ, раненый топоромъ въ голову, въ 11-мъ часу дня на Театральной площади; жандармскій маіоръ Роткирхъ, писавшій въ «Московскія Вѣдомости» статьи о возстаніи, тоже днемъ раненый отравленнымъ кинжаломъ въ спину и многіе др.) какой нибудь сѣдельникъ, побоявшись быть убитымъ, приготоилвъ, что ему было приказано жондомъ. Тухолка не обсудилъ этого. Онъ видѣлъ въ этомъ дѣйствіи сѣдельника помощь возстанію и пред-

ложилъ подвергнуть его штрафу, въ такомъ страшномъ размѣрѣ, что ежелибъ продать все заведеніе сѣдельника и помножить вырученную сумму на три, то и тогда не достало бы на уплату этого штрафа. Не знаю, какимъ образомъ графъ Бергъ на это согласился, и докладъ коммисіи, уже утвержденный, былъ присланъ къ намъ для исполненія. Это меня возмутило. Я пошелъ къ г. Трепову и просилъ его доложить объ этомъ графу. Ѳ. Ѳ. Треповъ, по обыкновенію, горячо заговорилъ, что это не наше дѣло; что мы должны только исполнять рѣшенія, а не обсуживать ихъ; что съ графомъ говорить не такъ легко, какъ я думаю,—и проч. и проч. Но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе своей доброй и честной натуры, понялъ, что поставка вещей была вынужденная страхомъ смерти, и доложилъ объ этомъ графу Бергу; штрафъ былъ уменьшенъ и взысканъ въ такой пропорціи, что бѣдный сѣдельникъ-трусъ не пошелъ съ семьею по міру.

Звѣрь по дѣламъ своимъ въ коммисіи, Тухолка былъ мнѣ любопытенъ. Въ одно воскресенье я пошелъ отдать ему визитъ, вспомнивши, что однажды нашелъ у себя на столѣ его карточку. Послѣ погрома Замойскаго palazzo, онъ былъ занятъ квартирами военныхъ,—и Тухолка жилъ тамъ.

Palazzo Замойскаго огроменъ; въ немъ нѣсколько дворовъ; корридоровъ безъ конца. Я ходилъ добрыхъ полчаса, прежде нежели напалъ на квартиру полковника Тухолки; когда же, наконецъ, вошелъ къ нему, то испыталъ такое ощущеніе, какое испытываютъ при видѣ аскета, въ его замурованной кельѣ. Представьте себѣ человѣка высокаго роста, худаго, съ лицомъ тощимъ, съ волосами, обстриженными чуть не подъ гребенку, чрезвычайно простаго и добродушнаго, любезнаго по военному, съ глазами улыбающимися и кроткими,—но загорающими, когда дѣло идетъ о полякахъ и ихъ преступныхъ замыслахъ. Такія лица я встрѣчалъ между религіозными фанатиками; политическіе же фанатики были для меня новость, до сихъ поръ я не видалъ ихъ. Это былъ человѣкъ безцѣнный для настоящей минуты—и я вполнѣ понимаю, почему графъ Бергъ могъ и долженъ былъ дорожить имъ. Онъ былъ незамѣнимъ, когда надо было прослѣдить замыселъ, связать его съ другими дѣйствіями того же лица въ другомъ дѣлѣ; вывести заключеніе—и представить человѣка такимъ, какимъ онъ есть въ дѣствительности, безъ поблажки и утайки чего-либо. А такъ какъ, говоря по совѣсти, не только бо̀льшая часть, но почти вся Польша (кромѣ крестьянъ) готова была помогать всякой мерзости, предпринятой противъ Россіи, то и не мудрено, что слѣдствія Тухолки отличались и огромностію, и многочисленностію привлеченныхъ лицъ. Это былъ виртуозъ своего рода; фанатикъ долга,

преслѣдующій, въ смыслѣ юридической правды, всякаго поляка, какъ бунтовщика противъ своего законнаго государя, а между тѣмъ простой, добрый, простодушный, даже честный въ своей ежедневной жизни. Не смотря на его нероновскія тенденціи, я сохранилъ о немъ хорошее воспоминаніе и ежели сожалѣю о чемъ, такъ это о томъ, что онъ недостаточно понималъ требованія минуты, связанной съ дипломатическими требованіями политики, и при томъ въ такое время, когда Европа, особенно Франція, радехонька была къ чему нибудь придраться, чтобъ найти наши дѣйствія тираническими, возмущающими душу—какъ это выразилось въ статьѣ Лаверня, при надѣленіи крестьянъ землею,—о чемъ я буду говорить впослѣдствіи.

Говоря о дѣятеляхъ тогдашней эпохи, я не могу не упомянуть о тогдашнемъ комендантѣ Александровской цитадели, и, слѣдственно, X павильона, столь страшнаго полякамъ, потому что изъ него отправлялись или на казнь, или въ ссылку—Н. М. Ермоловѣ. Въ тогдашнее смутное время постъ этотъ былъ важнымъ постомъ: человѣку безъ сердца онъ давалъ возможность проявлять свои дикіе инстинкты и позорить русское имя. И слава Богу, что его занималъ Ермоловъ. Это было полное олицетвореніе добра и военнаго добродушія. Его не только уважали, но и любили—и любили всѣ, даже тѣ, которые содержались въ X павильонѣ, потому что все, что можно было человѣчески дѣлать для каждаго,—онъ дѣлалъ, не измѣняя присягѣ. Простодушный и честный до рыцарства, онъ привлекалъ даже и тѣхъ, которыхъ онъ былъ строгимъ и неукоснительнымъ тюремщикомъ: ни особой не нужной строгости, ни поблажки — вотъ былъ девизъ его. Съ этимъ человѣкомъ, съ самой первой минуты свиданія — дѣлалось всякому какъ-то такъ легко, какъ будто бы онъ былъ знакомъ съ нимъ цѣлую жизнь – и это испытывали всѣ, не только тѣ, которые его знали, но даже арестанты. По несчастію, какъ для поляковъ, такъ и для русскаго имени, онъ умеръ въ половинѣ 1864 года—и, вѣроятно, арестанты цитадели это почувствовали, потому что замѣнившій былъ далеко не похожъ на него. Думаю даже, что поляки имѣли нѣкоторое право жаловаться на законную, можетъ быть, но неразумную политически, строгость въ тогдашнее время его преемника.

Какъ тогда, такъ и теперь мнѣ кажется, что въ такое смутное время, каково было время возстанія — справедливость, строгая и неуклонная была первымъ долгомъ, снисхожденіе — вторымъ. Когда виноваты всѣ, виноватыхъ въ точномъ значеніи этого слова—нѣтъ. Въ подобныхъ случаяхъ рѣшить, кто виноватъ, отъ какихъ причинъ, насколько, добровольно или невольно — чрезвычайно трудно, и тотъ,

кто вздумалъ бы взять на себя это рѣшеніе, основываясь на строгой юридической правдѣ,—скоро бы увидѣлъ самъ всю его невозможность.

Приносятъ вамъ, напримѣръ, на домъ подписку на возстаніе,—приноситъ неизвѣстный человѣкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляетъ приказъ жонда (очень часто фальшивый), въ которомъ сказано, что ежели вы не подпишетесь на взносъ извѣстной суммы денегъ, ожидаетъ смерть не только васъ самихъ, но и жены, и дѣтей и всего семейства. Зная, что вчера закололи одного, третьяго дня повѣсили другаго, съ записками на груди: «такъ наказываетъ жондъ тѣхъ, кто смѣетъ его ослушиваться!» по неволѣ отдашь деньги, сколько требуется, или обяжешься внести ихъ куда приказываютъ, только бы избавиться отъ непріятнаго посѣтителя, отъ котораго, съ какой бы стороны ни посмотрѣли на дѣло, кромѣ гибели ждать нечего. Не дали вы денегъ — вамъ грозятъ смертію, и чего добраго выполнятъ угрозу, какъ выполнили ее во многихъ извѣстныхъ вамъ случаяхъ;—дали — васъ преслѣдуютъ русскія власти, которыя, хоть и не убиваютъ,—но высылаютъ въ отдаленныя губерніи имперіи. Я увѣренъ, что большинство давали деньги, предпочитая высылку смерти.

Изъ этого слѣдуетъ, что натягивать слишкомъ возжи, было въ высшей степени неполитично; излишняя строгость прибавляла бы только количество недовольныхъ русскимъ владычествомъ (т. е. трусовъ) и прибавляла безъ всякой пользы для уничтоженія возстанія. Графъ Бергъ понималъ это отлично—и слова свои: «Зачѣмъ напрасныя жестокости—надо бить по карману, чтобъ уничтожить возстаніе»! переводилъ въ дѣйствіе, назначая часто огромные штрафы тамъ, гдѣ можно было надѣяться ихъ взять. Такъ, напримѣръ: за убійство русскаго жандарма, въ имѣніи графа Потоцкаго Виллагеновѣ (верстъ 12 отъ Варшавы) онъ велѣлъ взыскать 25 тысячъ рублей штрафу съ имѣнія, и вслѣдствіе этого, не смотря на то, что тамъ былъ пріютъ кинжальщиковъ, (какъ это открылось впослѣдствіи) не было потомъ никакого убійства. Другое распоряженіе его, по поводу перерѣзываемыхъ постоянно телеграфныхъ проволокъ, тоже оказалось въ высшей степени разумнымъ. Онъ велѣлъ обнародовать, что ежели гдѣ въ царствѣ будетъ перерѣзана проволока,—дворянство и духовенство, въ раіонѣ 10 верстъ кругомъ, будутъ оштрафованы половиною ихъ состоянія, въ чемъ бы оно не состояло, а крестьяне—извѣстною суммою денегъ, и съ тѣхъ поръ ни одной проволоки перерѣзано не было.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что графъ Бергъ былъ вполнѣ, какъ говорятъ французы, à la hauteur de sa position,—и ежели за его время случились въ Конгресувкѣ (за исключеніемъ Августовской губерніи,

которая была причислена къ администраціи графа Муравьева) какія нибудь неровности,—виноватъ въ этомъ не онъ, а излишнее, глупо понятое усердіе его подчиненныхъ. Онъ, напротивъ, всѣми силами старался привязать къ себѣ поляковъ,—не стѣсняясь употреблять иногда и строгія мѣры, когда этого требовала необходимость. Такъ, напримѣръ, на одной желѣзной дорогѣ, захвачены были 5 человѣкъ, разбиравшіе желѣзно-дорожный мостъ,—передъ приходомъ поѣзда, на которомъ долженъ былъ пріѣхать въ Варшаву графъ Витгенштейнъ;—на телеграмму объ этомъ начальника отдѣла Бельгардта, Бергъ отвѣчалъ: «Осудить въ 24 часа и приговоръ привести въ исполненіе»! и въ 24 часа всѣ пятеро уже болтались между небомъ и землею.

Къ великой чести Берга надо сказать еще, что у него не было того упрямства, какое бываетъ у многихъ высокопоставленныхъ лицъ, когда дѣло идетъ объ отмѣнѣ или измѣненіи того, что ими сдѣлано, хотя бы это сдѣланное и оказалось впослѣдствіи почему либо или несправедливымъ, или неудобнымъ. Вотъ два такихъ случая, въ которыхъ мнѣ удалось быть въ нѣкоторой степени участникомъ.

Въ Варшавѣ жилъ нѣкто Равичъ, владѣлецъ многихъ имѣній въ Польшѣ, разбросанныхъ по разнымъ губерніямъ. У него былъ сынъ, управлявшій этими имѣніями по довѣренности отъ отца. Сынъ этотъ былъ привлеченъ къ слѣдствію за то, что формировалъ банды, давалъ имъ пріютъ и проч. За это онъ былъ осужденъ и, ежели не ошибаюсь, повѣшенъ. Но въ приговорѣ о немъ, отецъ тоже былъ приговоренъ къ конфискаціи всѣхъ его имѣній. Когда этотъ приговоръ пришелъ къ намъ для исполненія, онъ меня возмутилъ. Я пошелъ къ г. Трепову и объяснилъ ему, что наказывать отца, живущаго въ Варшавѣ, за дѣйствія сына, живущаго въ губерніи и дѣйствующаго на основаніи безотчетной довѣренности—тогда какъ еще неизвѣстно, нѣтъ ли у Равича-отца другихъ дѣтей, которыхъ такимъ образомъ лишаютъ наслѣдства, безъ всякой съ ихъ стороны вины—есть возмутительная несправедливость. Ѳ. Ѳ. Треповъ, хоть и поворчалъ по обыкновенію, что это не наше дѣло, что нечего намъ мѣшаться въ то, что̀ до насъ не касается—тѣмъ не менѣе, велѣлъ мнѣ приготовить объ этомъ докладъ намѣстнику. Докладъ былъ написанъ на другой же день,—онъ внесъ его къ намѣстнику и, не далѣе какъ на третій день, приговоръ былъ измѣненъ. Равичу-отцу оставлены были всѣ его имѣнія, конфисковано было только то имѣніе, которое принадлежало лично казненному сыну.

А вотъ и другой случай.

Выходя однажды изъ департамента, я встрѣтилъ на лѣстницѣ женщину лѣтъ 45 или 50, хорошо одѣтую, которая, со слезами, буквально бросилась мнѣ въ ноги и просила спасти ея сестру. Хотя отъ

Ѳ. Ѳ. Трепова строго было приказано не принимать служащими въ его управленіи какихъ бы то ни было просьбъ ни словесныхъ, ни письменныхъ, тѣмъ не менѣе я рѣшился выслушать ее. Очень мнѣ стало уже жаль ее. Она (по фамиліи Ковальская) мнѣ сказала, что сестра ея, болѣзненная женщина, не покидающая уже нѣсколько лѣтъ ложа страданій и живущая безвыѣздно въ Варшавѣ, вдова и мать нѣсколькихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, приговорена къ высылкѣ въ Вологодскую губернію за то, что въ имѣніи ея, верстахъ въ 70 отъ Варшавы, найденъ былъ складъ оружія; что она умретъ отъ перемѣны климата,—и что въ имѣніи этомъ былъ у ней жонца, т. е. управляющій, который и командовалъ дѣломъ укрытія этого оружія. Выслушавши ее, я нашелъ, что ежели справедливо все то, что она разсказываетъ, то, конечно, нельзя наказывать больную женщину, не выѣзжавшую изъ Варшавы, за то, что дѣлаетъ ея управляющій въ имѣніи—и при докладѣ сказалъ объ этомъ г. Трепову. Онъ призналъ мои замѣчанія справедливыми и позволилъ мнѣ привести въ извѣстность,—дѣйствительно ли г-жа Ковальская такъ больна, какъ объ этомъ говорила ея сестра; дѣйствительно ли она не выѣзжала изъ Варшавы во все время возстанія и проч. и проч. Я, не откладывая въ дальній ящикъ, написалъ объ этомъ запросъ бывшему тогда оберъ-полиціймейстеромъ въ Варшавѣ Фридериксу (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Восточной Сибири) и не далѣе какъ на третій день получилъ отъ него увѣдомленіе, что дѣйствительно г-жа Ковальская лежитъ въ постелѣ уже нѣсколько лѣтъ, страдая чахоткой въ сильной степени; что она изъ Варшавы не выѣзжала уже нѣсколько лѣтъ по болѣзни. Я отнесъ это свѣдѣніе г. Трепову; онъ поручилъ мнѣ составить докладъ и отнесъ намѣстнику. Докладъ коммисіи, уже утвержденный, былъ уничтоженъ гр. Бергомъ и больная оставлена въ Варшавѣ.

Я сказалъ выше, что графъ Бергъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался привлечь поляковъ къ себѣ, и тѣмъ, по мѣрѣ возможности смягчить ужасъ тогдашняго положенія. Вотъ одинъ такой случай:

Не знаю, по какому поводу, отъ намѣстника были разосланы приглашенія на музыкальный вечеръ. Я тоже получилъ такое приглашеніе и отправился. Самъ намѣстникъ, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ принимали гостей. Въ большой залѣ были поставлены стулья рядами и отдѣлено мѣсто для исполнителей. Зала наполнилась, но поляковъ было мало, не смотря на посланныя приглашенія,—большею частію были русскіе и по преимуществу—военные. Изъ поляковъ я замѣтилъ, что графъ Гурскій бывалъ постоянно и на выходахъ, и всюду, гдѣ бывали подобныя собранія, и одинъ изъ неслужащихъ яв-

лялся въ дворянскомъ мундирѣ. Въ числѣ исполнителей была одна дѣвушка полька, она пѣла какую то арію, за которую ей много апплодировали,—а графъ, подошедши къ ней, объявилъ ей, что за то удовольствіе, которое она доставила и ему, и его гостямъ, онъ, въ силу данной ему власти, прощаетъ ея отца, содержащагося въ X павильонѣ, и тотчасъ же пошлетъ объявить ему объ этомъ, такъ что она, воротившись домой, найдетъ своего отца у себя на квартирѣ. Приказъ объ освобожденіи былъ имъ уже подписанъ и тотчасъ отосланъ въ цитадель. Разумѣется, это тотчасъ разнеслось по залѣ.

VI.

Возвращаясь къ себѣ, я долженъ сказать, что по пріѣздѣ моемъ въ Варшаву въ другой разъ, я черезъ какихъ нибудь 5 или 6 дней получилъ изъ управленія генералъ-полицмейстера, только что возникшаго 1-го января 1864 года, по мысли Н. А. Милютина, какъ онъ мнѣ сказалъ самъ: «для противовѣса жонду», увѣдомленіе, что я назначенъ вице-директоромъ 1-го департамента управленія. Такое скорое назначеніе я получилъ потому, что вызванный, кажется, изъ Петербурга, Г. Б. въ продолженіи какихъ нибудь нѣсколькихъ дней, не могъ спѣться съ г. Треповымъ,—и вакансія, слѣдственно, оставалась свободною, когда я пріѣхалъ. Я немедленно вступилъ въ должность.

Департаментъ мой состоялъ изъ трехъ отдѣленій. Начальниками отдѣленій были военные; въ первомъ отдѣленіи—артиллеристъ, во второмъ—гусаръ, въ третьемъ—тоже военный, но какого оружія—не помню. Въ каждомъ отдѣленіи было человѣкъ по 12-ти или болѣе писарей. Во 2-мъ департаментѣ вице-директоромъ былъ К. К. Янкуліо, бывшій совѣтникъ губернскаго правленія въ Кіевѣ, и по Кіеву знакомый съ г. Треповымъ. Онъ и жилъ въ домѣ управленія, въ верхнемъ (третьемъ) этажѣ, тогда какъ г. Треповъ занималъ нижній.

Поселился я до времени, какъ сказано выше, въ Саксонской гостинницѣ, т. е. до тѣхъ поръ, пока не получу казенной квартиры, т. е. не освободится номеръ въ Европейской гостинницѣ, временно конфискованной за убійство тамъ доктора Германи, неизвѣстнымъ человѣкомъ, которому тамошняя прислуга дала возможность скрыться [1]). Скорѣйшему переходу моему изъ Саксонской гостинницы далъ поводъ слѣдующій случай:

---

[1]) Объ убійствѣ Германи и послѣдствіяхъ см. подробности въ Запискахъ профессора Н. В. Берга въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г. томъ XXVI, стр. 282—285.

Саксонская гостинница состояла изъ длиннаго двора, выходившаго воротами на двѣ улицы; окна нумеровъ выходили на этотъ дворъ, а на улицу, Краковское предмѣстье, былъ ресторанъ. Стоялъ я въ нумерѣ нижняго этажа; окна были отъ земли не болѣе двухъ аршинъ; квартира моя состояла изъ двухъ комнатъ, въ которыя чтобъ войти, надобно было пройти черезъ переднюю или скорѣе маленькіе сѣни, перегороженные пополамъ, и въ одной комнаткѣ которыхъ помѣщался одинъ изъ служителей. Рядомъ съ моимъ нумеромъ, за стѣной, помѣщалась кладовая, въ которой, конечно, никто не жилъ, и въ которой, слѣдственно, цѣлый день не было даже слышно человѣческаго голоса. Но за то, какъ только въ 9 часовъ ѣзда и движеніе по улицамъ прекращались, въ кладовой начинали слышаться голоса многихъ людей, а часу въ 11-мъ, когда во всемъ городѣ становилось такъ тихо, что не слышно было уже ни малѣйшаго движенія, голоса эти переходили на дворъ и начинались совѣщанія 7 или 8 человѣкъ. Такъ продолжалось нѣсколько ночей. Сначала я не обращалъ на это вниманія, но потомъ, когда эти собранія начали дѣлаться многолюднѣе и тѣмъ шумнѣе, чѣмъ тише было на улицѣ, я понялъ, что это не спроста и что, вѣроятно, что нибудь затѣвается. Въ одну ночь, въ кладовой собралось гораздо болѣе посѣтителей, нежели обыкновенно,—былъ уже не разговоръ, а споръ,— и довольно шумный, и когда около полуночи толпа вышла на дворъ, я увидѣлъ, такъ какъ мѣсяцъ свѣтилъ ярко, что она состояла не менѣе, какъ изъ 10—12 человѣкъ. Поговоривши еще не много на дворѣ, толпа направилась къ моей двери и стала въ нее стучать, требуя, чтобы я ее отворилъ. Дверь, конечно, была заперта изнутри, и я, заперевъ и другую дверь, которая вела въ мою спальню,—сѣлъ на кровати, зажегъ свѣчу и съ револьверомъ въ рукахъ ожидалъ, что будетъ. Потолкаются въ дверь, потолкаются, потомъ опять выйдутъ на дворъ, опять споръ и снова начнутъ толкаться. Такъ продолжалось около часу. Служитель гостинницы, спавшій въ комнаткѣ въ сѣняхъ, какъ будто умиралъ на это время. Когда, на другое утро, онъ принесъ мнѣ горячую воду для чая, я спросилъ его: что значитъ этотъ шумъ и это толканье въ дверь? онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ спалъ всю ночь и ничего не слыхалъ.

Не будучи увѣренъ, что это было какое нибудь покушеніе противъ меня, «проклятаго москаля», я изъ стыда не сказалъ объ этомъ никому ни слова, чтобъ не сочли меня трусомъ, боящимся призраковъ. Но когда, на слѣдующую ночь, это повторилось, и при томъ съ бо̀льшею настойчивостію и шумомъ, а служитель повторилъ, что онъ снова ничего не слыхалъ и что это, вѣроятно, мнѣ показалось,

я разсудилъ, что глупо рисковать жизнію, ради ложнаго стыда, и рѣшился сказать объ этомъ при докладѣ г. Трепову. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что эта гостинница довольно подозрительная, что уже тамъ нѣсколько разъ дѣлались «ревизіи», то есть осмотры и посовѣтовалъ брать къ себѣ на ночь полиціанта. Я передалъ этотъ совѣтъ его помощнику М. Н. Анненкову и просилъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Возвращаясь вечеромъ домой изъ департамента, гдѣ я просиживалъ часовъ до 9-ти, я увидалъ, что у воротъ гостинницы сидитъ полицейскій. Я спросилъ его, не ко мнѣ ли онъ присланъ. Онъ отвѣчалъ, что да. Слыша не русскій акцентъ, я, чтобъ увѣриться, спросилъ его, какой онъ національности. Полякъ, отвѣчалъ онъ. И католикъ? Католикъ. Въ такомъ случаѣ идите домой, сказалъ я,—разсудивъ, что отъ поляка и католика ждать помощи ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя; а самъ воротился въ департаментъ, и, встрѣтивъ тамъ Уральскаго казака, (ихъ присылалось въ департаментъ каждый день по нѣскольку для разсылокъ), предложилъ ему за одинъ рубль сер. идти ко мнѣ ночевать. Онъ взялъ пистолеты, и съ прицѣпленной саблей, отправился ко мнѣ и ночевалъ у меня на диванѣ въ первой комнатѣ. Въ эту ночь ни сборища въ кладовой, ни совѣщаній, ни споровъ на дворѣ, ни толканія ко мнѣ въ дверь—ничего не было. На вторую ночь, на третью ночь—тоже, потому что эти обѣ ночи у меня ночевалъ казакъ, какъ и въ первую Затѣмъ я получилъ квартиру въ Европейской гостинницѣ, и переѣхалъ туда.

Нѣсколько времени спустя, подъ половикомъ на наружной лѣстницѣ дома, занимаемомъ нашимъ управленіемъ, (на углу Саксонской площади и Маршалковской улицы), найденъ былъ приказъ жонда, которымъ приговорены были къ смерти: Треповъ, Фридериксъ и я. За что я попалъ въ такую чиновную компанію, ужъ право не знаю. Треповъ, узнавши объ этомъ, велѣлъ тотчасъ этотъ приказъ уничтожить и не смѣть говорить о немъ. Мнѣ о немъ сказали писаря, его нашедшіе и другіе, видѣвшіе его. Настоящій ли онъ былъ, или фальшивый, сказать не могу, такъ какъ я его не видалъ. Но что онъ былъ настоящимъ, это доказывается слѣдующимъ случаемъ.

Бывая часто въ театрѣ, чтобъ любоваться тамошнимъ балетомъ, дѣйствительно очень хорошимъ, въ которомъ отличалась особенно Стефанска (впослѣдствіи, ея свѣтлость княгиня Витгенштейнъ), о которой я даже писалъ статьи въ Варшавскомъ польскомъ дневникѣ,— я, такъ какъ лѣто было жаркое, заходилъ пить газовую воду въ небольшой буфетецъ, помѣщавшійся черезъ узкую улицу отъ театра. Тамъ торговала водами полька высокаго роста, съ которой я иногда перекидывался словами, такъ какъ она говорила не много по рус-

ски. Черезъ день или два, послѣ найденнаго приказа жонда, она вдругъ спросила меня: ходитъ ли панъ по вечерамъ на шпацеръ? (т. е. гуляю ли я). Я отвѣчалъ, что иногда, выйдя изъ департамента часовъ около 9 вечера, хожу по улицамъ, такъ какъ днемъ ходить нѣкогда.

— А по какимъ улицамъ панъ ходитъ? спросила она.

— Какъ случится, отвѣчалъ я. Хожу по Краковскому предмѣстью, по Новому Свѣту, иногда захожу и въ другія улицы.

— А по Маршалковской панъ ходитъ?

— Хожу и тамъ, и даже довольно часто, чтобъ не ходить все по одному и тому же мѣсту.

— Я бы просила пана не ходить вечеромъ по Маршалковской.

— А почему это?

— Такъ.

Это меня заинтересовало. Я къ ней сильно присталъ, чтобъ она объяснила мнѣ, почему я не долженъ ходить по Маршалковской улицѣ,—и послѣ многихъ уговоровъ, обѣщаній съ моей стороны, и колебаній съ ея стороны, она мнѣ, подъ строгимъ секретомъ, открыла, что въ ея буфетѣ бывшіе посѣтители говорили между собою, что я, по приказанію жонда, долженъ быть убитъ, и, что зная, что я хожу часто по вечерамъ по Маршалковской улицѣ, тамъ меня поджидаютъ пріятели... Конечно, я послушался добраго совѣта.

Черезъ нѣсколько времени, я слышалъ, не помню только отъ кого, что на Маршалковской улицѣ задержано было нѣсколько человѣкъ, которые, въ извѣстное время вечера, прятались тамъ, повидимому поджидая кого-то. Меня ли они поджидали, другаго ли кого, не знаю, повторяю только то, что слышалъ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что жондомъ въ знакъ траура по ойчизнѣ, запрещено было носить круглыя шляпы. Приказъ этотъ исполненъ былъ довольно эфектнымъ образомъ. Во время какого то гулянья, довольно многочисленнаго, въ Саксонскомъ саду, куда поляки явились всѣ въ круглыхъ шляпахъ, шляпы эти, по данному сигналу, вдругъ слетѣли съ головъ и были растоптаны ногами, а на головахъ всѣхъ вдругъ появились фуражки. Жиды, какъ народъ смышленный въ гешефтѣ, конечно, не преминули воспользоваться этимъ,—и когда гулянье кончилось, подобрали всѣ эти шляпы и продавали ихъ потомъ, слегка исправивши.

Вслѣдствіе этого, поляки круглыхъ шляпъ не носили. Ежелибъ вы встрѣтили тогда на Варшавскихъ улицахъ человѣка въ круглой шляпѣ, можно было навѣрное сказать, что это не полякъ, а какой

нибудь пріѣзжій, потому что и многіе русскіе, боясь непріятностей, перестали ходить въ шляпахъ

Въ моемъ департаментѣ служилъ одинъ молодой человѣкъ, изъ Петербурга, баронъ N. N. (перешедшій потомъ въ коммисары по крестьянскимъ дѣламъ). Онъ изъ молодечества-ли, или по привычкѣ не переставалъ ходить въ круглой и, надо сказать, довольно высокой шляпѣ,—что особенно дѣлалось замѣтно, при его высокомъ ростѣ. Однажды, какъ онъ ѣхалъ на извощикѣ по Новому Свѣту, въ него изъ окошка бросили каменьями, вѣроятно, чтобъ сбить шляпу, но попали вмѣсто шляпы въ щеку и разбили ему бѣдняку скулу. Долго онъ ходилъ подвязанный, и ужъ не носилъ больше руры (трубы,—такъ тогда называли поляки круглую шляпу).

Для характеристики тогдашняго времени, скажу еще, что когда я перешелъ на жительство въ Брюлевскій дворецъ, (послѣ Европейской гостинницы), то пошелъ купить дровъ (хоть намъ и выдавали квитанціи на полученіе дровъ отъ подрядчика, но мы предпочитали брать съ него, вмѣсто дровъ, деньги и покупать самимъ на базарѣ). Дрова тогда въ Варшавѣ продавались не пиленые, какъ у насъ, на полѣнья извѣстной мѣры, но цѣлыми бревнами. Я купилъ джево (дерево) сосновое, длинное, у корня вершковъ 5 толщины, за 2 р. и привелъ возъ къ себѣ на дворъ. Когда я отдалъ крестьянину эти 2 р., онъ бросился не колѣни и сталъ буквально цѣловать мнѣ ноги, и когда я его спросилъ, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ:

— Какъ же? панъ отдалъ мнѣ пенензы и всѣ...

— Какъ же не отдать? спросилъ я, удивленный этой выходкой...

— Панъ ничего не вычелъ.

— Да за что же я вычту?

— У насъ всегда вычитаютъ что нибудь...

Тутъ только я понялъ, какая великая и благодѣтельная мѣра была эта такъ называемая крестьянская реформа, за которую такъ ненавидѣли насъ польскіе паны.

VII.

Однажды пришелъ ко мнѣ въ департаментъ помощникъ генералъ-полицмейстера М. Н. Анненковъ и сказалъ мнѣ, что учреждается коммисія для уничтоженія способствовавшихъ возстанію монастырей и что ежели я хочу, то отъ меня зависитъ попасть въ эту коммисію. Судя по нѣкоторымъ словамъ князя В. А. Черкасскаго, бывшаго предсѣдателемъ этой коммисіи, слышаннымъ отъ него мною впослѣдствіи, я долженъ былъ подумать, что Анненковъ ко мнѣ подосланъ, и что мысль назначить меня въ эту коммисію принадлежитъ Н. А.

Милютину, который думалъ, что я, какъ бывшій предсѣдатель уголовной палаты, съумѣю составить противъ монастырей, поведеніемъ своимъ заслужившихъ преслѣдованіе, обвинительный актъ. Пріѣхавши въ Польшу, чтобъ служить моей родинѣ всѣми зависящими отъ меня способами, я безусловно согласился. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ графа Берга формальное предписаніе, которымъ я назначался членомъ коммисіи для упраздненія монастырей, подъ предсѣдательствомъ князя Черкасскаго.

Вслѣдъ за тѣмъ я получилъ печатную повѣстку явиться въ назначенный день въ замокъ къ намѣстнику.

Я отправился туда вмѣстѣ съ А. Н. Драшусовымъ, чиновникомъ особыхъ порученій при учредительномъ комитетѣ. Всѣ члены коммисіи были уже въ сборѣ. Графъ пригласилъ насъ къ себѣ въ кабинетъ, собственноручно заперъ дверь и съ нѣкоторою торжественностію обратился къ намъ съ рѣчью, на русскомъ языкѣ. Онъ сказалъ намъ, что мы должны помнить, что призваны къ великому государственному дѣлу; что открытіе тайны нашихъ засѣданій составляетъ государственное преступленіе и что мы, какъ честные люди, должны дать обѣщаніе, что никому не будемъ разсказывать того, что будетъ происходить въ нашемъ собраніи.

Князь Черкасскій принялъ ту же самую методу. Когда коммисія собиралась у него, онъ точно также собственноручно запиралъ двери и когда наступало время подавать чай (коммисія собиралась по вечерамъ) пренія прекращались и, не смотря на то, что у князя лакеи были русскіе—разговоровъ о дѣлѣ не происходило.

Всѣ мы знали, что коммисія созвана для того, чтобъ уничтожить силу, которую революція почерпала въ монастыряхъ, но никто хорошо не зналъ, какъ велико наше право въ уничтоженіи этихъ монастырей. Я увѣренъ, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ насъ были убѣждены, что закрыть всѣ монастыри, сколько ихъ ни есть, было бы самое лучшее, и это мнѣніе раздѣлялъ и Н. А. Милютинъ,—что доказывается тѣмъ, что въ докладной запискѣ, поданной имъ по этому случаю, была помѣщена слѣдующая фраза: «Конечно, лучше всего было бы закрыть всѣ монастыри,—но не знаю, будетъ ли это благоугодно». На полѣ противъ этой фразы было положено рѣшенье: «ужъ конечно нѣтъ»; разумѣется, послѣ этого, о закрытіи всѣхъ монастырей не могло быть болѣе и рѣчи, и намъ оставалось только опредѣлить: которые изъ нихъ, болѣе всего способствовали возстанію и, слѣдственно, болѣе достойны закрытія.

Графъ Оперманъ, какъ членъ аудиторіата, и я, какъ вице-директоръ управленія генералъ-полицмейстера, черезъ руки котораго

проходили всѣ приговоры,—конечно, были болѣе всего компетентны для составленія свода всѣхъ преступленій, совершенныхъ монастырями; поэтому мнѣ и поручено было составленіе обвинительнаго акта. По просьбѣ моей Оперманъ доставилъ мнѣ всѣ приговоры аудиторіата, касавшіеся монастырей.

Закрытіе большаго числа монастырей есть одна изъ тѣхъ мудрыхъ мѣръ, съ которою тѣсно связано имя Н. А. Милютина. Смерть, похитившая его, должна считаться бѣдствіемъ для всякаго русскаго, желающаго видѣть польскій вопросъ положительно и вполнѣ оконченнымъ. Свѣтлый умъ его далеко прозрѣвалъ въ будущее и, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, которыя мнѣ удалось слышать отъ него, я увѣренъ, что у него достало бы ума найти точку опоры для того, чтобъ на всегда исключить польскій вопросъ изъ числа тѣхъ, за которые можно опасаться въ будущемъ.—Его неутомимыми трудами собраны были всѣ папскія буллы, всѣ декреты Наполеона I, его брата на испанскомъ престолѣ,—и другихъ вѣнценосцевъ, на основаніи которыхъ уничтоженіе монастырей было мѣрою не только необходимою, оправдываемою обстоятельствами, но и вполнѣ законною. Эти папскія буллы и декреты и послужили основаніемъ для тѣхъ мѣръ, какія были приняты русскимъ правительствомъ, для сокращенія количества монастырей и отобранія отъ нихъ недвижимой собственности, капитализируя ее; процентами съ нея должны были содержаться монахи до ихъ смерти.

Конечно, прежде всего надо было узнать количество монаховъ. Кажется, сдѣлать это было не трудно—стоило только потребовать списки (рубрицелы) изъ коммисіи духовныхъ дѣлъ—но въ томъ то и сила, что на требованіе это, хоть и сдѣланное съ авторитетомъ власти, коммисія или отдѣлывалась упорнымъ молчаніемъ, или отвѣчала, что затребовала изъ монастырей свѣдѣнія, которыя еще не доставлены.

А между тѣмъ частно было извѣстно, что въ монастырѣ, въ которомъ, напр., по рубрицеламъ было только 8 монаховъ,—въ сущности жило человѣкъ 30. Кто были эти 22 человѣка, носившіе монашескую одежду—была тайна; и ежели что̀ не было тайною, такъ это то, что эти quazi-монахи (или новиціи-послушники) представляли готовый контингентъ для шаекъ.

Были и такіе случаи, что значущійся по рубрицеламъ старикъ 60-ти или болѣе лѣтъ, въ натурѣ былъ молодой человѣкъ 25—30-ти лѣтъ, занявшій мѣсто старика вмѣстѣ съ его именемъ.

По собраніи, наконецъ, хоть приблизительно, нужныхъ свѣденій, оказалось, что монастырей въ Польшѣ было: мужскихъ 155 и жен-

скихъ 42. Въ нихъ монаховъ 1,635 и монахинъ 549, считая въ томъ числѣ 21 домъ сестеръ милосердія.

Пересмотрѣвши приговоры аудиторіата и утвержденныя намѣстникомъ доклады слѣдственныхъ коммисій,—я составилъ докладную записку или обвинительный актъ,—которую и подалъ князю Черкасскому. Вотъ она, въ томъ видѣ, какъ мною была составлена:

VIII.

«Горестныя и возмутительныя событія нынѣшняго возстанія не могли, наконецъ, не обратить на себя вниманія русскаго правительства. Истощивши въ продолженіе стolькихъ лѣтъ всѣ усилія, чтобъ удовлетворить желаніямъ поляковъ, оно съ горестью увидѣло, что на добро, имъ дѣлаемое, они отвѣчаютъ зломъ и ненавистью; что на либеральныя мѣры, которыя оно не находило возможнымъ даровать своимъ русскимъ подданнымъ и которыя дало Польшѣ,—они отвѣчали кровавыми сценами генваря и послѣдующихъ мѣсяцевъ 1863 года. Духовенство, забывъ обязанности своего сана, забывъ, что оно служитъ Богу любви и мира, открыто проповѣдывало возстаніе; собирало бунтовщиковъ въ ряды, становилось во главѣ ихъ и шло съ нимъ на убійство,—но, не довольствуясь этимъ, передъ алтарями, въ самой святынѣ храмовъ благословляло оружіе мятежниковъ; заготовляло и хранило оружіе для тайныхъ убійствъ; разбойниковъ, достойныхъ петли, наемныхъ убійцъ возбуждало и благословляло на эти убійства. Никогда не смоетъ оно взятаго на себя позора, котораго никакая любовь къ отечеству оправдать не можетъ; никакія священныя одежды не закроютъ тѣхъ кровавыхъ пятенъ, которыми оно запятнало себя на вѣки; нелицепріятный и неумолимый судъ исторіи съ ужасомъ и отвращеніемъ укажетъ на число жертвъ, разбойнически умерщвленныхъ по указанію служителей Божіихъ, возвѣщавшихъ съ кафедръ храмовъ не слова любви и мира, но бунтъ, пожары, убійства и клятвопреступленія.

Ксендзы и монахи всѣхъ возможныхъ орденовъ какъ бы старались опередить другъ друга на пути къ преступленію. Въ безумной и кровожадной ненависти своей, они призвали на помощь все, что могло только служить ихъ кровавымъ замысламъ. Поправши, насмѣясь надъ всѣми законами Божескими и человѣческими, они—пастыри душъ—пользовались святостью и тайною исповѣди для того, чтобъ возбуждать слабоумныхъ; именемъ Того, Кто въ безпредѣльной любви своей къ человѣчеству умеръ за него на крестѣ, они посылали людей

на смерть, на висѣлицу и давали отпущеніе грѣховъ наемнымъ убійцамъ; вручая имъ отравленные кинжалы, сами принимая участіе въ убійствахъ или начальствуя шайками, или убивая изъ собственныхъ рукъ; отказывая женщинамъ въ причастіи, ежели онѣ выходили замужъ за русскаго или даже вынуждая силою женщинъ согласиться на ихъ преступныя желанія, увѣряя что блудъ съ духовнымъ лицомъ не есть грѣхъ.

Мѣра преступленій переполнилась и русское правительство увидало, что кротостью нельзя ничего сдѣлать. Оно поняло, что дальнѣйшее снисхожденіе было бы гибелью для всѣхъ; что на немъ лежитъ священная обязанность защитить невинныхъ отъ ножа убійцъ и преслѣдовать карою закона не однихъ этихъ убійцъ, но и тѣхъ, кто подстрекаетъ къ этимъ убійствамъ.

Но, преслѣдуя отдѣльныя лица, правительство русское не могло не обратить вниманія на тѣ корпораціи, на тѣ убѣжища, гдѣ гнѣздилось и преподавалось ученіе ложнаго патріотизма, гдѣ, какъ доктрина, проповѣдывалось убійство и гдѣ высшіе сановники церкви, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать заблудшихся подчиненныхъ своихъ, оправдывали ихъ, скрывали отъ правосудія. Вполнѣ уважая святость религіи, ея католическаго ученія, оно не могло смѣшивать съ нею преступниковъ, оно не могло принимать лицъ за догматы, и, наказывая недостойныхъ служителей алтаря, оно, вопреки безумнымъ возгласамъ, нисколько не нарушало этимъ наказаніемъ ни святости самой религіи, ни своего уваженія къ ней. Въ видахъ собственной защиты, въ видахъ защиты священнѣйшихъ правъ каждаго подданнаго, имѣющаго право требовать отъ правительства защиты и покровительства отъ разбойниковъ и убійцъ, оно рѣшилось положить конецъ ковамъ и заговорамъ, создающимся въ тишинѣ и тайнѣ обителей; оно рѣшилось подвергнуть ихъ строгому надзору.

Но, обративши вниманіе на монастыри, правительство русское не могло не взглянуть и на поведеніе ксендзовъ и бѣлаго духовенства. Оно видѣло, что оставить его въ прежнихъ условіяхъ, въ какихъ оно было доселѣ, значило бы продолжать прежнюю систему уступокъ, послѣдствіемъ которыхъ было настоящее возстаніе. Оно рѣшилось не обращать болѣе вниманія на лицемѣрныя жалобы, которыя, прикрываясь только наружностью религіи, таятъ въ себѣ личныя выгоды, противузаконныя стремленія, революціонныя начала, гибельныя не для одной Россіи. Оно извѣрилось въ тщету обѣщаній, даже клятвъ; оно знаетъ теперь, что̀ значитъ присяга, когда въ лексиконѣ іезуитскихъ ученій есть тысячи формулъ, тысячи изворотовъ, чтобъ дать возможность считать эту присягу ничтожною.

Богатство польскаго духовенства составляетъ его гибель. Видя себя независимымъ ни отъ кого, кромѣ своего начальства, столько же превратнаго, оно возмечтало, что можетъ безнаказанно противодѣйствовать правительству. Пора показать ему, что оно заблуждается; пора доказать ему, что и монахъ, и священникъ, наравнѣ со всѣми, дѣти одного отечества, подданные одного государя, противъ власти котораго, какъ подданные, какимъ бы высокимъ саномъ въ церковной іерархіи они не пользовались, - они возмущаться, а тѣмъ менѣе противудѣйствовать, не имѣютъ права, и что лишить ихъ этого богатства, ведущаго только въ роскоши и разврату, стало теперь необходимостію. Русское правительство, для предупрежденія дальнѣйшаго зла, признало полезнымъ и болѣе сообразнымъ съ ученіемъ апостоловъ, уединообразить способы каждаго изъ духовныхъ пастырей церкви, положить предѣлъ гибельной роскоши, вредной для нравовъ, давши имъ, однако, способы безбѣдной жизни.

Для того, чтобъ достигнуть этого, Его Императорскому Величеству благоугодно было приказать учредить особую коммисію, которой поставлено было въ обязанность, разобрать, какіе изъ монастырей должны быть уничтожены:

1) Потому что въ нихъ на лицо менѣе 8-ми монаховъ или монахинь.

2) Потому что они принимали явное участіе въ мятежныхъ противуправительственныхъ дѣйствіяхъ.

Разсмотрѣвъ списки о количествѣ монаховъ въ каждомъ монастырѣ, коммисія нашла, что хотя въ числѣ всего количества монастырей и были такіе, которые по количеству монаховъ подлежали бы уничтоженію, но имѣя въ виду высочайшее повелѣніе, которымъ предписывалось оставить находящіяся въ монастыряхъ церкви, если онѣ замѣняли приходскія или вообще онѣ посѣщались жителями, съ тѣмъ, чтобы богослуженіе въ нихъ не прекращалось,—коммисія предположила оставить такія церкви при монастыряхъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ приняты были въ завѣдываніе бѣлаго духовенства со всѣмъ церковнымъ имуществомъ, въ нихъ заключающимся.

Что касается монастырей второй категоріи, т. е. такихъ, члены которыхъ принимали дѣятельное участіе въ возстаніи, коммисія признала подлежащими уничтоженію:

1) Тѣ, въ которыхъ приводили къ присягѣ на принадлежность къ мятежу.

2) Тѣ, члены которыхъ были взяты въ бандахъ съ оружіемъ въ рукахъ.

3) Тѣ, въ которыхъ найдены были возмутительныя воззванія, революціонные журналы, прокламаціи революціоннаго правительства, брошюры возмутительнаго содержанія, такъ называемые патріотическіе гимны, пѣсни, картины и проч.;

4) Тѣ, въ стѣнахъ которыхъ найдены были склады оружія, военные припасы, предметы обмундированія для повстанцевъ и проч.

5) Тѣ, въ которыхъ найдены были тайныя типографіи, печатные станки и проч.

6) Тѣ, которые платили народную подать, предназначенную для успѣха возстанія или которые сбирали эту подать.

Изъ разсмотрѣнія дѣлъ аудиторіата и слѣдственныхъ коммисій оказалось:

Роковая ночь 10 января 1863 года была только вторымъ актомъ той кровавой драмы, которая съ такою яростію разыгралась потомъ во всей Польшѣ. Первый актъ ея начался гораздо прежде. Еще въ 1860 году ноября (17) 29 въ Кармелитскомъ монастырѣ на улицѣ Лешко, въ годовщину мятежа 1831 года, пѣли въ костелѣ извѣстный революціонный гимнъ: «еще Польша не сгинела» (jeszcze polska nie zginela) и раздавали портреты Килинскаго, одного изъ революціонныхъ героевъ 1831 года. Это повторилось на другой день въ приходской церкви «Три креста» и сдѣлалось предметомъ всеобщаго подражанія: съ этого времени пѣніе этого гимна стало слышно во всѣхъ костелахъ. За тѣмъ, передъ многими монастырями, какъ въ Варшавѣ, такъ и другихъ городахъ, появились статуи Богоматери и другихъ святыхъ; къ нимъ стали скликать народъ для пѣнія гимновъ, сперва религіознаго, а потомъ и политическаго содержанія. Когда толпы привыкли къ этимъ уличнымъ сборищамъ и стали послушнымъ орудіемъ фанатизма, духовенство пошло далѣе; начались политическія демонстраціи. Всякій случай, въ которомъ представлялась возможность выдти на улицу, сдѣлался къ этому предлогомъ: похороны, религіозныя процессіи—все было хорошо для возбужденія взволнованныхъ умовъ. Въ монастырскихъ церквахъ появились, подъ видомъ хоругвей, знамена съ соединенными гербами Польши и Литвы и разными надписями и скоро эти знамена сдѣлались центрами, около которыхъ сбирались, сперва толпы, жадныя зрѣлищъ или изъ религіознаго фанатизма, а потомъ и злоумышленники, увлекавшіе эти толпы уже къ преступнымъ дѣйствіямъ, къ явному сопротивленію власти. Такъ 13-го (25-го) февраля 1861 года изъ монастыря Паулиновъ въ Варшавѣ вышла процессія и направилась къ Старому Мѣсту. Къ этой процессіи были приглашены всѣ заранѣе на рынокъ Стараго Мѣста. Полиція стара-

лась воспрепятствовать этому, а потому на другой день былъ распущенъ слухъ, что жандармскими лошадьми была раздавлена дѣвушка и много тѣлъ, убитыхъ въ тѣснотѣ, брошено въ Вислу. Вслѣдствіе этаго надѣтъ былъ всеобщій трауръ. 15-го (27-го) февраля вышла процессія изъ Кармелитскаго монастыря и намѣревалась идти церемоніальнымъ шествіемъ по Краковскому предмѣстію и Новому Свѣту, забравъ изъ намѣстниковскаго дворца земледѣльческое общество, которое тамъ засѣдало. При сопротивленіи полиціи, произошло уже формальное столкновеніе, во время котораго пало пять жертвъ, послужившихъ поводомъ къ цѣлому ряду демонстрацій, въ которыхъ монашество снова играло первенствующую роль. 19-го февраля (2-го марта) происходила церемонія похоронъ этихъ пяти убитыхъ. Духовенство съ крестами и хоругвями шло впереди. Въ костелѣ «Три креста» надъ ними произнесена была самая возмутительная проповѣдь,—надѣтыя на нихъ окровавленныя рубашки были разорваны въ клочки и раздавались присутствующимъ, какъ части мощей, взывающихъ къ отмщенію. Вскорѣ торжественныя панихиды по этимъ убитымъ бунтовщикамъ огласили всѣ углы Польши. Духовенство громко называло ихъ мучениками, и обѣщало имъ въ той жизни вѣнецъ нетлѣнный; могилы ихъ сдѣлались предметомъ поклоненія; возмутительныя проповѣди, явно призывающія къ бунту и сопротивленію, гремѣли всюду, начиная отъ Варшавы, до послѣдней деревушки. Всякое служеніе сопровождалось такими проповѣдями. Сначало въ нихъ неясно выражалась мысль, что Богъ покинулъ Польшу, что надо молиться за нее,—со временемъ же, дѣлаясь все смѣлѣе и смѣлѣе, проповѣди начали выражаться уже гораздо опредѣлительнѣе и стали призывать толпы къ защитѣ отечества.

Не было монастыря въ Польшѣ, который бы не сдѣлался центромъ, къ которому стекались слушатели; фанатизированные страстною рѣчью, со всею театральною обстановкою, какую даетъ католическое служеніе, превращались въ воиновъ отчизны.

Затѣмъ бѣлое духовенство и монахи начали собираться на съѣзды; появилась организація мятежа и, наконецъ, 13-го ноября, въ засѣданіи подляхскаго духовенства, торжественно принимается программа центральнаго революціоннаго комитета и поставляется въ обязанность всѣмъ и каждому исполнять его приказанія.

3-го (15-го) октября, по объявленіи уже военнаго положенія, въ костелѣ Сенто-Крыжскаго (св. креста) монастыря миссіонеровъ въ Варшавѣ собралась большая толпа для пѣнія революціонныхъ гимновъ. Приведенныя войска окружили костелъ, чтобъ арестовать ви-

новныхъ. Цѣлую ночь не выходилъ оттуда никто; когда же на другое утро вошли туда, такъ уже никого не было; всѣ были выпущены тайными ходами. Всѣмъ этимъ руководилъ префектъ костела ксендзъ Луневскій, особенно отличавшійся ненавистью къ правительству. Въ этомъ же монастырѣ въ саду нашли пріютъ и покровительство злодѣи, покушавшіеся на жизнь графа Берга.

Иноки отправлялись въ банды толпами и по одиночкѣ; были примѣры, что изъ 7-ми монаховъ, составлявшихъ населеніе монастыря, уходило 5. Одни съ крестомъ, другіе съ оружіемъ, третьи съ крестомъ въ одной рукѣ, и съ оружіемъ въ другой; монахи воодушевляли мятежниковъ рѣчами и примѣрами. Не останавливались даже передъ ложными чудесами, которыми будто бы Богородица и святые ознаменовывали свое участіе и покровительство возстанію.

Ксендзъ Плоцкаго реформатскаго костела Абрамовскій учавствовалъ въ нападеніи ночью, съ оружіемъ въ рукахъ, на казарму русскихъ солдатъ въ г. Плоцкѣ, съ 10-го на 11-е января 1863 года, и когда нападеніе это было отбито, монастырь принялъ къ себѣ бѣгущихъ мятежниковъ, которые тамъ и были арестованы. При нападеніи, предполагалось казармы сжечь; солома для этого была доставлена изъ монастыря. Нападеніе сопровождалось звономъ монастырскаго колокола. Монахи передъ нападеніемъ благословляли толпу.

Монастырь ордена бернардиновъ въ Келецкомъ уѣздѣ, съ согласія монаховъ, былъ избранъ сборнымъ мѣстомъ для шайки, которая должна была напасть съ 10-го на 11-е января 1863 года на гарнизонъ города Кельце. Нападеніе это не состоялось единственно по неприбытію начальника шайки.

Ксендзъ бернардинскаго монастыря Марковскій, ксендзъ реформатовъ въ Щавикѣ Солецкій и клерикъ Сендомірскаго костела Островскій, принимали личное участіе въ мятежѣ, были въ шайкахъ и взяты съ оружіемъ въ рукахъ. Солецкій, сверхъ того, стрѣлялъ изъ пистолета въ казака Набровскаго,—а Островскій убѣждалъ къ бунту, объявлялъ, что ѣдетъ убить бургомистра раховскаго за преданность его русскому правительству; грозилъ застрѣлить арендатора Парома, приставляя ко лбу его пистолетъ, а корчмаркѣ, прицѣливаясь въ грудь; стрѣлялъ на площади мѣстечка Ожарова, а въ другомъ случаѣ, имѣя въ одной рукѣ крестъ, а въ другой обнаженную шашку, участвовалъ въ нападеніи на русскія войска.

Ксендзъ кармелитскаго монастыря въ Люблинѣ Брудзинскій, по собственнымъ словамъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ мятежѣ; въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ находился въ шайкахъ, учав-

ствовалъ неоднократно въ дѣлахъ противъ русскихъ войскъ и былъ взятъ, 24-го сентября 1863 года, въ плѣнъ, съ оружіемъ въ рукахъ.

Ксендзъ Лондскаго монастыря ордена капуциновъ, въ Конинѣ, Тарейва сознался въ томъ, что находился въ бандѣ Точановскаго и учавствовалъ въ сраженіяхъ противъ русскихъ войскъ, гдѣ и контуженъ; послѣ чего все время жилъ въ Лондскомъ монастырѣ, на чердакѣ въ церкви, входъ куда устроенъ былъ изъ шкапа въ ризницѣ. Служилъ обѣдни и вѣшалъ тѣхъ, которые не покорялись его внушеніямъ.

Ксендзы реформатскаго монастыря въ Журоминѣ Куркевичъ, Гржимайло и Рейнисъ, объявляли крестьянамъ въ костелахъ, что земля отдастся имъ даромъ, ежели они пойдутъ сражаться противъ русскихъ и получатъ не менѣе 3-хъ морговъ земли изъ казенныхъ имѣній. Тамъ же произносимы были и другія возмутительныя рѣчи и объявлялись декреты революціоннаго правительства.

Настоятель монастыря ордена маріановъ въ деревнѣ Скуржицѣ, Люблинской губерніи, ксендзъ Комаровскій, по показанію бывшаго революціоннаго начальника Подлясскаго воеводства Равича и преступника Оборскаго съ іюля 1863 года учавствовалъ въ образованіи революціонной организаціи и былъ членомъ революціоннаго правительства въ Сѣдльцѣ.

Ксендзъ ордена миссіонеровъ въ Варшавѣ Древсковскій, будучи агентомъ центральнаго комитета, одѣтый въ партикулярное платье, ѣздилъ съ фальшивымъ паспортомъ и собиралъ народную подать; приводилъ къ революціонной присягѣ; назначалъ сотниковъ и десятскихъ.

Ксендзъ бернардинскаго монастыря въ Варшавѣ Филипъ; ксендзы доминиканскаго монастыря въ Варшавѣ Оржечковскій и Филиповскій; клерикъ того же монастыря Сосновскій; настоятель монастыря тринитаріевъ Травинскій; субъ-діаконъ капуциновъ Филиповскій, и многіе другіе, приводили къ революціонной присягѣ мятежниковъ, жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ, внушая имъ, что смерть за родину пріятна Богу.

Монахи ордена бернардиновъ въ Ленчицѣ вербовали въ шайки, приводили къ присягѣ и убѣдили идти въ банду штабъ-лекаря Ладожскаго полка Сыревича, юнкера Недзялковскаго и двухъ чиновниковъ.

Въ монастырѣ ордена миссіонеровъ въ Варшавѣ скрытъ былъ экипажъ Чернецкаго, присланнаго революціоннымъ комитетомъ въ Варшаву, за деньгами, выкраденными изъ казначейства. Чернецкій выѣхалъ изъ монастыря на монастырскихъ лошадяхъ.

Въ монастырѣ ордена капуциновъ въ Люблинѣ, найдена революціонная типографія и множество мятежническихъ воззваній. Ксендзъ этого монастыря Новоковскій исполнялъ званіе революціоннаго начальника города Люблина.

Въ монастырѣ бернардиновъ въ Варшавѣ найдены типографскій станокъ, военные снаряды, аммуниція и до ста отравленныхъ стрѣлокъ, съ рукояткою крестомъ, для вооруженія жандармовъ-кинжальщиковъ.

Убиты были въ бандахъ: ксендзы ордена капуциновъ—Модестъ, бернардиновъ Стасяковскій и Струичевскій; ордена реформатовъ въ Млавѣ Макаревичъ и въ Пультускѣ—Крушевскій.

Настоятель монастыря ордена бернардиновъ Гутовскій давалъ пріютъ, съ согласія всѣхъ братій, бѣжавшему изъ Варшавы и замѣшанному въ политическомъ преступленіи монаху Рыбису. Въ монастырѣ бернардиновъ въ Варшавѣ взяты скрытые въ саду 5 человѣкъ, завербованные въ банды. Въ монастырѣ бернардиновъ въ Скемпе, давались пріюты жандармамъ-вѣшателямъ, получавшимъ тамъ ночлегъ и содержаніе.

Ксендзъ ордена миссіонеровъ въ Варшавѣ Яблонскій, въ имѣніи Давидахъ, давалъ убѣжище съ его шайкою начальнику жандармовъ вѣшателей Бернадскому и его помощнику Лебковскому.

Ректоръ монастыря піаровъ въ Велюнѣ, ксендзъ Вежевейскій способствовалъ обманомъ къ побѣгу предводителя мятежнической шайки Турхетти, упросивши оставить его жить, рядомъ съ комнатою, гдѣ преступникъ этотъ содержался, увѣряя, что черезъ его комнату убѣжать Турхетти не можетъ,—тогда какъ черезъ ту именно комнату, оставленную незапертою, онъ и убѣжалъ, проломавъ для отвода надъ дверью окно.

Ксендзъ ордена реформатовъ въ Хелмѣ, Маркевичъ, былъ въ числѣ убійцъ, умертвившихъ шляхтича Старчевскаго.

Ксендзъ бернардинскаго монастыря въ Пржаснышѣ Шмычельскій передъ вступленіемъ въ бракъ дѣвицы Заіончковской за писаря Нижегородскаго полка Чебыхина, не допустивъ ее до исповѣди и св. причастія, выгналъ ее изъ костела вонъ, говоря, что бракъ съ русскимъ проклятъ Богомъ, и вообще стараясь въ своихъ прихожанахъ возбудить ненависть къ русскимъ.

Монахи кармелитскаго монастыря въ Варшавѣ, субдіаконъ Дроздысъ; клерики Грабовскій и Паленкосъ уговаривали русскихъ солдатъ польскаго и литовскаго происхожденія—измѣнить присягѣ и перейти къ мятежникамъ, обѣщая хорошее денежное вознагражденіе,

а по возстановленіи Польши, надѣленіе землею и хозяйствомъ. Тому, кто принесетъ ружье, они обѣщали 15, а кто придетъ такъ 10 р. и сверхъ того два злота въ день. Гвардейцамъ сулили больше, поставляя въ непремѣнную обязанность взять съ собою патроны. На возраженіе, какъ измѣнить присягѣ, отвѣчали, что это ничего не значитъ,—что они рядовые, какъ поляки и католики обязаны служить своимъ, а не врагамъ отечества; что надо защищать свою вѣру и свой край, который русскіе жгутъ и грабятъ, убивая всѣхъ, даже безоружныхъ».

. . . .

И. В. Селивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825—1855 гг.

III [1]).

Въ третьей главѣ моихъ Записокъ я вошелъ въ нѣкоторыя подробности о Нейдгардтѣ, какъ по долгу признательной памяти объ этомъ первомъ начальникѣ и служебномъ наставникѣ и руководителѣ моемъ, такъ и потому, что объ этомъ заслуженномъ и достойномъ человѣкѣ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не было и нѣтъ никакихъ біографическихъ и характеристическихъ, безпристрастныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній. Нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники его собрали и издали ихъ.

Затѣмъ возвращаюсь къ моему разсказу. Кромѣ дежурствъ при Нейдгардтѣ и ежедневныхъ занятій въ штабѣ, мнѣ и Фролову съ самаго начала нерѣдко приходилось участвовать въ Высочайшихъ смотрахъ гвардіи и за два часа передъ тѣмъ разставлять линейныхъ унтеровъ (впослѣдствіи жалонеровъ съ значками). — При такихъ разстановкахъ, старшіе офицеры наши учили меня и Фролова отмѣривать дистанціи шагами такъ вѣрно, какъ циркулемъ, въ чемъ дѣйствительно нужно было имѣть навыкъ, такъ чтобы дѣлать шаги ровно въ 1 аршинъ. Первымъ высочайшимъ смотромъ всѣхъ войскъ гвардіи, находившихся въ Петербургѣ, на которомъ мнѣ довелось быть вскорѣ послѣ 12 января, верхомъ на лошади, былъ произведенный Государемъ на Салтыковской площади—и имъ начался длинный рядъ другихъ подобныхъ въ продолженіи семи лѣтней службы моей при гвардейскомъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 599—616.

корпусѣ, до апрѣля 1833 г., когда я перешелъ въ генеральный штабъ, о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ ниже.

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Чесмы въ Казанскій соборъ совершилось 6-го марта 1826 г., на 1-й недѣлѣ великаго поста, а изъ Казанскаго собора въ Петропавловскій, въ крѣпости, для погребенія—ровно черезъ недѣлю, 13-го марта, на 2-й недѣлѣ (то и другое разскажу въ своемъ мѣстѣ ниже). Три мѣсяца же, съ 14-го декабря 1825 г. до 13-го марта 1826 г., были для Петербурга временемъ траурнымъ, печальнымъ и тревожнымъ. По городу ходили странные и, бо̀льшею частію, нелѣпые слухи, смущавшіе и тревожившіе народонаселеніе столицы, особенно простой народъ. Кто распространялъ эти слухи—не знаю, но едва ли не тайные сторонники декабристовъ, для устрашенія правительства, изъ-за неудовольствія противъ него. Такъ, напримѣръ, всюду ежедневно ходили слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были везти тѣло покойнаго императора, отъ заставы до обоихъ соборовъ, и подъ этими послѣдними, подвалы которыхъ, будто бы, были наполнены бочками съ порохомъ! (а позже и въ каждомъ флашкоутѣ Троицкаго моста, нарочно наведеннаго черезъ Неву). Какъ ни нелѣпы были эти слухи, но они легко распространялись въ простомъ народѣ и держали умы, да и самое правительство, въ тревогѣ; со стороны послѣдняго, конечно, были приняты всѣ мѣры предосторожности и опроверженія тревожныхъ слуховъ. Замѣчательно, между прочимъ, одно обстоятельство, которое, не смотря на крайнюю нелѣпость слуха, послужившаго поводомъ къ нему, едва-ли не изобличало какого-то тайнаго намѣренія произвесть уличные безпорядки.. Распространился слухъ, что въ такой-то день утромъ изъ Казанскаго собора поведутъ попа съ козлиной бородой!—и въ этотъ день утромъ, вся площадь Казанскаго собора залилась несмѣтными и густыми толпами народа со всего города: всѣ отвсюду бѣжали на Казанскую площадь посмотрѣть попа съ козлиной бородой! Долго и тщетно полиція употребляла всѣ мѣры убѣжденія народа разойтись, и наконецъ—прибѣгла къ очень оригинальному способу принужденія къ тому, не прибѣгая къ насилію: привезли пожарныя трубы съ водою—и давай ею съ 4-хъ сторонъ окачивать любопытныхъ! Эти внезапныя холодныя души мигомъ очистили площадь, но страхи пороховыхъ подкоповъ и взрывовъ не прекращались до самаго погребенія тѣла покойнаго императора. Особенно опасались какъ я слышалъ и самъ имѣлъ поводъ полагать по одному обстоя-

тельству, которое разскажу ниже) за крѣпостныя ворота, два моста при нихъ и равелинъ, въ которомъ были заключены участники смуты 14-го декабря.

Насталъ, наконецъ, день 6-го марта—перевезенія тѣла покойнаго императора изъ Чесменскаго дворца въ Казанскій соборъ. Въ Чесменскій дворецъ оно было привезено за нѣсколько дней передъ тѣмъ, по церемоніалу перевезенія его изъ Таганрога. Императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ его по приближеніи къ Чесменскому дворцу и (какъ я слышалъ потомъ отъ старшаго брата моего, флигель-адъютанта, сопровождавшаго тѣло отъ Таганрога), взойдя на печальную колесницу, съ плачемъ и рыданіемъ бросился на гробъ покойнаго старшаго брата и благодѣтеля своего... Послѣ кратковременнаго пребыванія тѣла въ церкви Чесменскаго дворца, оно было перевезено оттуда, утромъ 6-го марта, по Таганрогскому церемоніалу, до Московской заставы, отсюда же, по особенному церемоніалу, со всею печальною процессіей, по означеннымъ выше улицамъ, между разставленныхъ, по обѣимъ сторонамъ ихъ, войскъ гвардіи, въ Казанскій соборъ.

День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За два часа до занятія войсками назначенныхъ имъ на улицахъ мѣстъ, мы, офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба, должны были, по обыкновенію, разставлять линейныхъ унтеръ-офицеровъ. Предвидя, что мнѣ цѣлое утро придется быть на морозѣ въ одномъ мундирѣ, я принялъ всевозможныя мѣры, чтобы одѣться теплѣе. Но тогдашняя форма—мундиръ, бѣлые панталоны, ботфорты и треугольная шляпа - нисколько не благопріятствовала тому. Все носилось тогда въ обтяжку, очень узкое, да и шито было для меня еще въ ноябрѣ 1825 г., когда и не предвидѣлось всѣхъ послѣдующихъ событій. Сдѣлавъ все, что только было возможно при такой формѣ, дабы не прозябнуть въ ней, два часа провелъ я пѣшимъ, на ногахъ, въ разстановкѣ линейныхъ унтеръ-офицеровъ на моемъ участкѣ—по Большой Садовой до Публичной библіотеки и отъ нея до Казанскаго собора, и тутъ, по крайней мѣрѣ, я могъ нѣсколько разогрѣваться, измѣривая дистанціи, по прежнимъ наставленіямъ Чевкина, шагами ровно въ аршинъ. Но затѣмъ, когда войска пришли и заняли свои мѣста, все перемѣнилось: нужно было сѣсть на коня и въ одномъ мундирѣ разъѣзжать взадъ и впередъ, а по приближеніи головы печальной процессіи, стать уже и стоять на мѣстѣ. Такъ какъ оно для меня опредѣлено не было, то я, желая видѣть всю печальную про-

цессію отъ головы до хвоста, избралъ для того самое лучшее, по моему мнѣнію, мѣсто—въ Малой Конюшенной, противъ самаго Казанскаго собора, на правомъ флангѣ батарейной батареи л.-гв. конной артиллеріи, въ которой (батареѣ) состоялъ братъ мой, произведенный вмѣстѣ со мною въ офицеры. Съ этого мѣста я, дѣйствительно, видѣлъ всю печальную процессію, отъ начала до конца—отлично, но за то же и иззябъ отлично и едва не отморозилъ уши, руки и ноги. Вѣтеръ и снѣжная мятель разыгрались не на шутку, да и просидѣть при нихъ часа три неподвижно на конѣ—тоже было не шутка. О печальной процессіи нужно сказать, что она была исполнена «въ послѣдній разъ» по церемоніалу, соблюдавшемуся со временъ Петра Великаго, когда была цѣликомъ заимствована изъ нѣмецкихъ церемоніаловъ Германіи (позже онъ былъ значительно измѣненъ и упрощенъ). И чего только не было въ печальной процессіи по этому церемоніалу! Начать съ того, что всѣ участвовавшіе въ ней, начиная съ Государя, шли въ длинныхъ и широкихъ черныхъ плащахъ, имѣя на головахъ черныя же шляпы съ распущенными полями! Нельзя вообразить себѣ, какой мрачный видъ представляла вся печальная процессія! Не говоря уже о многочисленныхъ представителяхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, гербахъ, орденахъ, регаліяхъ и пр., особенное вниманіе мое привлекли на себя боевой и траурный кони и рыцари веселаго и печальнаго образа, первый—въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, а второй—въ черныхъ, съ опущенными: забраломъ и мечомъ, выступавшій мѣрнымъ шагомъ, точно пѣтухъ. (Позже я слышалъ, что хотя онъ былъ выбранъ изъ самыхъ рослыхъ, дюжихъ и крѣпкихъ людей, однако, промаршировавъ отъ заставы до собора, отъ тяжести латъ харкалъ кровью). За многочисленнымъ духовенствомъ, наконецъ, показалась великолѣпная траурная, печальная колесница и на ней гробъ—кого же? того, который послѣ 24-хъ лѣтъ царствованія въ Россіи, оставилъ по себѣ такую громкую славу и общую любовь! Нужно было быть современникомъ той эпохи и свидѣтелемъ этой печальной церемоніи, чтобы постигнуть всю полноту мыслей и чувствъ при видѣ этого гроба! Подлинно, можно было бы, подражая словамъ Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго, сказать: «Что видимъ? что дѣлаемъ?— Александра I погребаемъ»! Для меня какъ-то особенно грустенъ былъ видъ этого гроба: воспитанники Царскосельскаго Лицея и его пансіона привыкли почти ежедневно видѣть покойнаго государя въ Царскомъ Селѣ, его дворцѣ и саду, и помнили всегда милостивое вниманіе его къ нимъ, которыхъ онъ называлъ своими.

За гробомъ шли пѣшкомъ: Государь, великій князь Михаилъ Павловичъ и многочисленная свита ихъ, всѣ въ черныхъ шляпахъ и плащахъ, и ѣхали многочисленные же придворные траурные экипажи, въ которыхъ обѣихъ императрицъ, по нездоровью ихъ, кажется, не было: церемоніала я не припомню, а издали разглядѣть, по близорукости, не могъ. Во всякомъ случаѣ, императрицы Александры Θеодоровны, по нездоровью ея, тутъ не было.

По внесеніи гроба въ Казанскій соборъ, отслуженіи въ немъ, въ присутствіи государя и императорской фамиліи, 1-й соборной панихиды и по удаленіи ихъ изъ собора, начался впускъ публики въ него, а войска стали расходиться и я отправился домой, куда прибылъ сильно измерзшій. Послѣ того я бывалъ въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ тѣло покойнаго императора оставалось, какъ сказано выше, цѣлую недѣлю до 13-го марта — дня перевезенія его въ Петропавловскій соборъ и погребенія въ немъ въ тотъ же день. Казанскій соборъ былъ весь убранъ трауромъ; тѣло покойнаго императора, въ постоянно закрытомъ гробѣ, покоилось на срединѣ собора, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, огражденномъ балюстрадой, и было осѣнено сверху драпировкой изъ парчи, подъ императорскою короной. Вообще все внутреннее убранство собора и посреди его гробъ, заключавшій въ себѣ смертные останки почившаго великаго государя, производили глубое, невыразимое впечатлѣніе... Ежедневное стеченіе публики и народа въ соборъ, въ назначенные часы, для поклоненія тѣлу почившаго императора, во всю недѣлю, было громадное, и въ эти семь дней все народонаселеніе Петербурга перебывало въ Казанскомъ соборѣ.

Въ день перевезенія тѣла въ Петропавловскій соборъ, 13-го марта, на 2-й недѣлѣ великаго поста, я былъ назначенъ состоять при войскахъ, имѣвшихъ быть расположенными въ крѣпости (л.-гв. саперномъ баталіонѣ и др.), подъ начальствомъ начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанта (съ 14-го декабря 1825 г.), генералъ-маіора Сазонова, командовавшаго прежде л.-гв. сапернымъ баталіономъ. По этому случаю я, съ нѣсколькими другими офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба, по обыкновенію, за два часа до прибытія войскъ, разставлялъ, снова на морозѣ, линейныхъ унтеръ-офицеровъ, именно такъ, что л.-гв. саперный баталіонъ занималъ главное мѣсто, правымъ флангомъ отъ первыхъ воротъ до вторыхъ, а лѣвымъ — отъ этихъ воротъ до собора; остальныя же войска пѣхоты были расположены вдоль главнаго крѣпостнаго вала,

между крѣпостными орудіями, для производства установленныхъ ружейныхъ залповъ при опущеніи гроба въ могилу. По занятіи войсками своихъ мѣстъ, я, съ другими офицерами, взошелъ на ближайшій угловой бастіонъ и оттуда смотрѣлъ и видѣлъ все шествіе печальной процессіи съ Суворовской площади черезъ Троицкій мостъ въ крѣпость. По приближеніи же къ ней печальной колесницы, я сталъ, пѣшкомъ, какъ и прочіе офицеры штаба генералъ-адъютанта Сазонова, возлѣ него, на правомъ флангѣ л.-гв. сапернаго баталіона, у моста черезъ крѣпостной ровъ. По тѣснотѣ пространства между двумя воротами, вся печальная процессія и печальная колесница проходили очень близко (шагахъ въ трехъ) передъ нашимъ фронтомъ, и я, снова подстрекаемый любопытствомъ, вознамѣрился какъ можно лучше разсмотрѣть печальную колесницу и гробъ на ней. При проѣздѣ ихъ мимо насъ, я, стоя во фронтѣ и держа правую руку у шляпы, впился, такъ сказать, глазами въ колесницу и гробъ, но какъ только колесница уже миновала насъ и взъѣхала на крѣпостной мостъ, я, чтобы продолжать свои наблюденія, выдвинулъ правую ногу впередъ, обернулся въ полъ-оборота на лѣво и, все еще держа правую руку у шляпы, лѣвую приложилъ къ лѣвому глазу и, по старой школьной привычкѣ въ классѣ противъ учебной доски, растянулъ глазъ, дабы, по близорукости моей, яснѣе видѣть, ибо очковъ еще не носилъ. Черезъ одну, двѣ секунды, отведя глаза мои отъ колесницы и гроба, я увидѣлъ—что слѣдовавшіе за ними пѣшкомъ: Государь, Дибичъ и вся свита обернулись въ мою сторону и пристально смотрятъ на меня. Я немедленно опустилъ лѣвую руку, приставилъ правую ногу къ лѣвой и сталъ, какъ прежде, на своемъ мѣстѣ. Въ это время я подумалъ, что обратилъ на себя вниманіе лишь означенною выше перемѣною въ моемъ положеніи въ ряду стоявшихъ возлѣ меня офицеровъ. Но никто изъ нихъ, ни Сазоновъ, ничего мнѣ касательно этого не замѣтили. Кончился обрядъ погребенія, войскà и артиллерія въ крѣпости произвели обычный салютъ, императорская фамилія и дворъ уѣхали, а войска разошлись изъ крѣпости и я воротился домой, нимало не помышляя о случившемся со мною въ крѣпости. Но на другой или третій день я получилъ приказаніе явиться къ управлявшему тогда канцеляріей Дибича по квартирмейстерской части, этой же части генералъ-маіору Селявину, въ зданіи главнаго штаба е. и. в—ва. Селявинъ, писавшій за своимъ столомъ въ своемъ кабинетѣ, при входѣ моемъ, спросилъ меня, почему я, 13-го марта, въ крѣпости, при проѣздѣ

печальной колесницы, «повернулся на лѣво и поднялъ лѣвую руку?» Ни малѣйше не подозрѣвая причины этого вопроса, я не только безъ всякаго смущенія, но даже улыбнувшись, совершенно простодушно объяснилъ, что хотѣлъ разсмотрѣть печальную колесницу и, будучи близорукъ, по старой школьной привычкѣ, лѣвою рукою растянулъ лѣвый глазъ, чтобы яснѣе видѣть. Мой простодушный отвѣтъ, безъ смущенія, даже съ улыбкой, видно показался Селявину удовлетворительнымъ и онъ сказалъ мнѣ: «хорошо, можете идти», и тѣмъ все и кончилось, къ моему счастію, какъ оказалось послѣ того. Что̀ же именно оказалось? При указанныхъ мною выше тревожныхъ слухахъ, съ 14-го декабря 1825 г. до 13-го марта 1826 г., о пороховыхъ взрывахъ и пр. т. п., арестованіи нѣсколькихъ офицеровъ квартирмейстерской части въ числѣ государственныхъ заговорщиковъ и заключеніи ихъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними, въ крѣпости, — полуоборотъ мой къ крѣпостнымъ окнамъ, съ поднятіемъ лѣвой руки, можетъ быть, принятъ былъ, со стороны офицера въ мундирѣ гвардейскаго генеральнаго штаба, за какой нибудь злоумышленный «сигналъ» и обратилъ на меня вниманіе Государя, Дибича и свиты. Только тогда понялъ я, какой опасности я счастливо избѣжалъ, изъ одного любопытства моего, какъ 14-го декабря 1825 г. на Адмиралтейскомъ бульварѣ, когда надъ моей головой просвистали пули! Какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ я могъ быть убитъ или раненъ, такъ въ первомъ, почему знать? могъ бы самъ угодить въ крѣпость, къ которой обернулся съ поднятіемъ руки! Но въ оба раза Богъ видимо спасъ меня. Вотъ почему я и изложилъ послѣдній случай нѣсколько подробно, въ отношеніи не ко мнѣ лично, но къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и состоянію умовъ.

Послѣ погребенія тѣла покойнаго императора Александра I, въ гвардіи и ея штабѣ дѣятельно производились уже и передъ тѣмъ начатыя приготовленія къ походу «Московскаго отряда гвардейскаго корпуса» изъ Петербурга въ Москву на высочайшую коронацію. Походъ этотъ былъ произведенъ въ апрѣлѣ и маѣ 1826 г., а 31-го марта—18-й день послѣ погребенія тѣла покойнаго императора—я, по назначенію начальства, уже отправился съ штабсъ-капитаномъ гвардейскего генеральнаго штаба Аполлономъ Аполлоновичемъ Жемчужниковымъ (въ послѣдствіи умеръ генералъ-маіоромъ и начальникомъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса), изъ Петербурга въ Москву, на почтовыхъ

лошадяхъ, впереди головныхъ эшелоновъ легкой гвардейской кавалеріи. Объ этой поѣздкѣ нашей, походѣ гвардіи, пребываніи ея въ Москвѣ, коронаціи, празднествахъ ея и обратномъ походѣ будетъ разсказано мною въ слѣдующей главѣ.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. [1])

1828 г.

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Корабль „Парижъ", на Варнскомъ рейдѣ, 31-го августа [2]).
(Писано рукою Р. В. Чевкина).

(Переводъ). Извѣстіе, привезенное мнѣ полковникомъ Ховеномъ о дѣлѣ, бывшемъ у васъ 28-го числа, доставило мнѣ большое удовольствіе; я всегда былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что какъ только мы станемъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, дѣла наши не могутъ не идти хорошо. Надѣюсь, что на этомъ не остановятся и—если только можно—постараются еще возвысить духъ войскъ какимъ нибудь блистательнымъ ударомъ, не сопряженнымъ съ большими потерями, подобнымъ тому, какой мы совершили здѣсь, атаковавъ турецкій лагерь и редутъ, находившіеся на нашемъ правомъ крылѣ, которые мѣшали тамъ нашимъ сообщеніямъ и принуждали насъ значительно растягивать линію нашихъ аванпостовъ.

Въ теченіи утра, эта позиція была сильно обстрѣливаема 2-ю гвард. батарейною батареею и нѣсколькими орудіями 7-й бригады; затѣмъ, около полудня, 300 отборныхъ солдатъ Симбирскаго полка внезапно бросились на штурмъ и овладѣли редутомъ, не смотря на сопротивленіе гарнизона, подкрѣпленнаго турецкими войсками, въ числѣ около 2,000. Неудержимая отвага нашихъ солдатъ восторжествовала надъ всѣмъ; болѣе 200 турокъ положено на мѣстѣ, человѣкъ 30

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780, 409—428.

[2]) Отвѣтъ на письмо 29-го августа.

взято въ плѣнъ, остальные бѣжали, преслѣдуемые нашими солдатами. Наша потеря состоитъ изъ одного офицера убитымъ, 2-хъ раненыхъ, и около 30-ти солдатъ, убитыхъ и раненыхъ—изъ числа послѣднихъ, нѣкоторые, опасно—ударами кинжаловъ. Нельзя выразить словами несравненное усердіе нашихъ молодцовъ; нѣкоторые изъ нихъ, опасно раненые въ ноги, поднимались при моемъ приближеніи, чтобы привѣтствовать меня, не смотря на свое болѣзненное состояніе. 300 человѣкъ симбирцевъ одни справили дѣло, и не встрѣтилось почти никакой надобности въ баталіонѣ Низовскаго полка, который долженъ былъ ихъ поддерживать, и въ ротѣ Измайловцевъ, служившей ему резервомъ. Обладаніе этимъ новымъ постомъ весьма выгодно для нашихъ сообщеній; въ нынѣшнюю же ночь, мы готовимся стѣснить крѣпость и съ этой стороны, посредствомъ постройки двухъ редутовъ.

Сегодняшній день ознаменованъ еще другимъ важнымъ успѣхомъ: отрядъ генерала Головина, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, достигъ Галаты [1]) и занялъ тамъ угрожающее положеніе; турки, повидимому, совершенно ошеломлены этимъ и не только не осмѣливаются предпринять что нибудь въ ту сторону, но даже не оказали никакого сопротивленія; небольшое число турецкихъ солдатъ и фуражировъ, тамъ находившихся, поспѣшно бѣжали, при приближеніи нашихъ войскъ. Рукою Государя приписано: тамъ захвачено болѣе 700 головъ скота; а одинъ изъ турокъ—слуга паши, прискакалъ во весь опоръ, чтобы сдаться намъ.

Рукою Чевкина: Крѣпость, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе стѣсняется; вѣнчаніе гласиса уже окончено; вырыто пять колодцевъ, и контръ-эскарпъ, въ скоромъ времени, будетъ минированъ и взорванъ; въ эту ночь, сила нашего огня будетъ удвоена траншейными батареями и вторымъ кораблемъ, который станетъ передъ крѣпостію. Конгревовы ракеты и здѣсь тоже производятъ хорошее дѣйствіе; онѣ три раза производили въ крѣпости пожаръ.

Вообще, нельзя достаточно нахвалиться усердіемъ и отвагою здѣшнихъ войскъ; наши гвардейскіе саперы продолжаютъ отличаться; вчера они понесли значительную потерю отъ сильнаго гранатнаго огня, направленнаго противъ нихъ изъ крѣпости; капитанъ Львовъ и нѣсколько солдатъ убиты.

Состояніе здоровья въ гвардіи довольно удовлетворительно; хотя есть больные, но число ихъ не слишкомъ велико. Въ госпиталяхъ

---

[1]) По прибытіи гвардіи, посланъ былъ, для обложенія Варны съ южной стороны, отрядъ ген.-ад. Головина. Ред.

гвардіи еще достаточно медикаментовъ, изъ которыхъ уступаютъ, на сколько то возможно, армейскимъ госпиталямъ, гдѣ начинаютъ ощущать въ нихъ чувствительный недостатокъ; слабая помощь эта не можетъ удовлетворять и надо непремѣнно, чтобы вы сейчасъ же сдѣлали распоряженія для устраненія этого неудобства.

Я отдалъ здѣсь всѣ нужныя приказанія, относительно требуемаго вами снабженія овсомъ; но необходимо, чтобы вы постарались выслать прямо сюда нѣсколько порожнихъ транспортовъ, такъ какъ у насъ чувствительный недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ.

Полагая полезнымъ подкрѣпить васъ поскорѣе какими нибудь свѣжими кавалерійскими частями, я приказалъ ускорить движеніе четырехъ казачьихъ полковъ, которыхъ я своротилъ отъ Базарджика и направилъ сюда; потому что эта дорога лучше, короче и на ней можно найдти фуражъ; разсчитываю, что 3-го сентября, два полка уже пройдутъ здѣсь.

Я не пишу вамъ самъ, полагая, что могу употребить для сего Чевкина. Пишу къ фельдмаршалу, чтобы изъявить благодарность за успѣхъ, одержанный его войсками.

Приписка рукою Государя: Браво, браво, браво! Но не останавливайтесь на такой хорошей дорогѣ и постарайтесь, чтобы я вскорѣ получилъ какія либо хорошія извѣстія. Вашъ навсегда N.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 2-го сентября [1]).

(Переводъ). Я сегодняшнимъ утромъ только что получилъ послѣднія приказанія Ваши, черезъ фельдъегеря Ленца; а Ховенъ прибылъ еще ночью, потому что фельдъегерю, съ его пакетами, пришлось ѣхать съ почтою, а конвою слѣдовать за нимъ пѣшкомъ.

Я весьма счастливъ, государь, что извѣстіе о дѣлѣ 28-го числа было столь милостиво принято В. И. В—мъ. Смѣю Васъ увѣрить, государь, что я убѣжденъ, что духъ войскъ и здѣсь очень хорошъ и что они будутъ, при всякомъ случаѣ, хорошо драться.

Если только представится случай для того, чтобы нанести непріятелю ударъ, не неся слишкомъ большихъ потерь, и съ достаточнымъ вѣроятіемъ на успѣхъ, то будьте увѣрены, государь, что мы постараемся воспользоваться этимъ. Фельдмаршалъ тоже рѣшится

---

[1]) Отвѣтъ на письмо 31-го августа.

это сдѣлать, вопреки его основному принципу: не терять людей безъ надобности,—принципу весьма справедливому, но который иными людьми, зачастую, понимается ложно. Впрочемъ, я полагаю также, что такъ какъ резервы еще не прибыли, да и ожидаются въ весьма маломъ количествѣ, то мы не должны предпринимать ничего такого, что могло бы причинить намъ значительныя потери, безъ надеждъ на солидный успѣхъ; потому что, повторяю Вамъ, государь, войска не нуждаются въ подбадриваніи, особенно пѣхота и артилерія, кавалерія же, имѣя слабосильныхъ лошадей, не можетъ разсчитывать на какіе либо блестящіе успѣхи.

Кавалерія и артилерія (особенно, легкая) сильно страдаютъ отъ недостатка фуража, и чего я до сихъ поръ еще не могу понять, это то, что резервныя ихъ части наиболѣе пострадали, не смотря на то, что, согласно приказанію В. В—ва, ихъ почти совсѣмъ не употребляли въ дѣло.

Въ княжествахъ и подъ Силистріею, кавалерія находится въ очень хорошемъ состояніи; такъ что, можетъ быть, хорошо было бы пододвинуть ее сюда, если бъ счастливо сложившаяся осень дозволила намъ предпринять сильную экспедицію за Балканы. Въ послѣднемъ, впрочемъ, я сомнѣваюсь, полагая, что кампанію можно считать во всѣхъ отношеніяхъ весьма счастливою, если бы, послѣ взятія Варны, намъ удалось уничтожить главныя силы турокъ въ Шумлѣ, овладѣвъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ непріятеля,— взявъ и укрѣпивъ, при помощи флота, какой нибудь пунктъ за Балканами и соединивъ его съ нами военною дорогою.

Размѣстившись на зимнихъ квартирахъ вдоль черноморскаго прибрежья и Нижняго Дуная,—занявъ однимъ корпусомъ линію Балкановъ и нѣсколько складочныхъ пунктовъ, и расположивъ резервы въ княжествахъ, мы обезпечимъ себѣ, на будущій годъ, возможность внести войну по ту сторону горъ. Но я льщу себя надеждою, что столь грозящее расположеніе съ нашей стороны даруетъ намъ миръ.

Такъ какъ надо подумать о продовольствованіи этихъ громадныхъ массъ въ теченіи зимы и весны, то имѣю честь представить, сегодня, весьма важную бумагу, касающуюся необходимыхъ закупокъ для гвардіи и 2-го корпуса, а также подготовительныхъ мѣръ, относящихся до формированія запасовъ.

Всѣ эти, въ высшей степени важные и неотлагательные предметы заставили бы меня,—какъ для пользы службы, такъ и по личнымъ моимъ чувствамъ—отправиться къ В. И. В—ву; но, съ другой стороны, я чувствую тоже, что долженъ оставаться здѣсь, особенно если осада Варны, какъ мы надѣемся, можетъ окончиться черезъ нѣ-

сколько дней. Если же, однако, было бы возможнымъ, что она продолжится нѣсколько долѣе, то я полагалъ бы полезнымъ, чтобы В. В—во позволили мнѣ пріѣхать, хотя на двое сутокъ, чтобы изложить передъ Вами всѣ подробности о ходѣ здѣшнихъ дѣлъ и получить Ваши приказанія относительно будущихъ дѣйствій и приготовленій.

Я уже имѣлъ счастіе докладывать В. И. В—ву о трудности посылать курьеровъ ежедневно: это значило бы погубить то малое число лошадей, которыхъ мы имѣемъ на постахъ; но я, конечно, не премину посылать В. В—ву депеши въ каждый почтовый день и при каждомъ случаѣ, который бы заслуживалъ вашего вниманія.

Я не постигаю цѣли движенія Деллингсгаузена на Бургасскую дорогу. Ему совсѣмъ не то было поручено; онъ долженъ былъ прикрывать военную дорогу между Козлуджи и Енибазаромъ и поддерживать Мадатова. Мы ему по этому случаю пишемъ; но я думаю, что хорошо было бы, если бъ и В. В—во сдѣлали ему замѣчаніе; потому что, хотя Деллингсгаузенъ отличный офицеръ и прекрасно служилъ, но, sine qua non военныхъ правилъ есть повиновеніе, а въ наше время, къ несчастію, эта обязанность исполняется наименѣе хорошо, благодаря обще-распространеннымъ принципамъ воспитанія, направляемаго въ духѣ либерализма, проповѣдующимъ, что умъ выше закона. А кто не считаетъ себя умнѣе своего начальника? Мнѣ кажется, что съ этимъ духомъ, къ несчастію, не достаточно сильно боролись, особенно въ этой арміи, и послѣдствія сего кажутся мнѣ главными причинами разныхъ случавшихся неудачъ и пораженій. Поэтому я стараюсь бороться съ нимъ, на сколько могу, и думаю исполнять этимъ намѣренія В. И. В—ва.

Фельдмаршалъ, весьма осчастливленный письмомъ В. В—ва, и повергающій себя къ стопамъ Вашимъ, вручилъ мнѣ, только что, записку о своемъ сынѣ, которую при семъ имѣю честь приложить. Думаю, что если В. В—во отпустите его по положенію, то окажете ему великую милость; четырехъ же мѣсячный отпускъ, не составляя большой потери для арміи, былъ бы, конечно, еще бòльшею милостію для отца.

Благоволите государь......

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Корабль „Парижъ", на Варнскомъ рейдѣ, 2-го сентября.
(Писано рукою К. В. Чевкина).

(Переводъ). Мы только что получили весьма хорошія извѣстія отъ генерала графа Паскевича; оффиціальные рапорты его изображаютъ подробности побѣды, одержанной имъ близъ Ахалцыха, 9-го августа: 25-ти тысячный турецкій корпусъ разбитъ; только 5 т. человѣкъ успѣло спастись въ крѣпость, вмѣстѣ съ ихъ раненымъ пашою, остальные же разсѣялись; войска наши взяли приступомъ передовой фортъ, построенный на весьма важномъ пунктѣ, взяли 10 знаменъ, 10 пушекъ, 4 лагеря, 500 чел. плѣнныхъ и положили на мѣстѣ до 2,500 человѣкъ. Нашъ уронъ тоже чувствителенъ: генералъ Корольковъ, 7 офицеровъ и 73 ниж. чиновъ убито; 24 офицера и около 400 солдатъ—ранено.

Независимо отъ этой побѣды, я нашелъ еще гораздо лучшее извѣстіе въ депешѣ генерала Сипягина, которая адресована была вамъ, но которую я, къ счастію, распечаталъ: 15-го августа взятъ Ахалцыхъ; полковникъ Бурцевъ и адъютантъ Фелкерьзамъ, везущіе оффиціальное о семъ извѣстіе, уже въ дорогѣ.

Здѣсь у насъ дѣла идутъ тоже, благодаря Бога, хорошо; вчера послѣ полудня было довольно сильное дѣло на правомъ флангѣ нашихъ траншей: храбрые егеря 13-го и 14-го полковъ штыками выбили турокъ изъ ихъ послѣднихъ внѣшнихъ окоповъ, и убили у нихъ около 800 человѣкъ; къ сожалѣнію, мы заплатили за этотъ успѣхъ 189 людьми, выбывшими изъ строя и весьма чувствительною потерею храбраго генерала Перовскаго, который тяжело раненъ пулею въ верхнюю часть груди, около плеча. Приписано рукою государя: съ сегодняшняго утра ему лучше.

Продолженіе рукою Чевкина. Мины подъ контръ-эскарпомъ взорваны и произвели хорошее дѣйствіе; спускъ въ ровъ весьма удобенъ; въ настоящее время готовятся устроить батарею для обстрѣливанія рва продольнымъ огнемъ; послѣ чего начнутъ подводить мину подъ контръ-эскарпъ.

Сегодня утромъ посланъ былъ къ Капудану-пашѣ, коменданту крѣпости, парламентеръ, котораго онъ принялъ очень хорошо и показалъ большое расположеніе къ переговорамъ о капитуляціи,—но только съ самимъ адмираломъ. Вслѣдствіе сего, адмиралъ Грейгъ отправился на ближайшій къ крѣпости корабль, куда Капуданъ-паша прислалъ одного бостанджи и еще другаго изъ своихъ при-

ближенныхъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, рѣшено было, что враждебныя дѣйствія будутъ пріостановлены до завтрашняго утра и что если, черезъ часъ по восходѣ солнца, крѣпость не покорится, то двѣ ракеты, пущенныя съ нашей стороны, послужатъ сигналомъ разрыва перемирія. Посмотримъ, что то будетъ завтра!

Извѣстія изъ Валахіи тоже благопріятны для насъ; изъ рапорта князя Щербатова вы усмотрите, что генер. графъ Ланжеронъ уже не имѣетъ большихъ опасеній за княжества и что 2-й корпусъ продолжаетъ свое движеніе къ Силистріи; къ этому же пункту я приказалъ направить, черезъ Гирсову, инженерный паркъ и обѣ осадныя роты, прибывшія изъ Кіева; копія съ этого приказанія будетъ вамъ сообщена.

Сдѣлайте мнѣ представленіе о наградѣ, которую вы сочтете приличнымъ дать фельдъегерю Подгорному, привезшему изъ Грузіи тѣ хорошія извѣстія, о которыхъ я сообщилъ вамъ.

3-го сентября. Переговоры наши остались безплодными: Капуданъ-паша, лично прибывшій на одно изъ нашихъ судовъ, для переговоровъ съ адмираломъ Грейгомъ, объявилъ, что при всемъ своемъ желаніи не можетъ сдать крѣпости, не собравъ общаго совѣта, и что, вообще, ему потребно еще нѣкоторое время. Тогда адмиралъ прервалъ переговоры, вопреки усиленнымъ настояніямъ паши, который дошелъ даже до того, что удерживалъ его за руку, въ минуту прекращенія засѣданія. Опасаясь, что увѣренія турокъ притворны, и что они хотятъ лишь выиграть время и дать подоспѣть подкрѣпленіямъ, которыхъ ожидаютъ, (что́ вы усмотрите изъ перехваченныхъ писемъ)— я приказалъ возобновить дѣйствія, и огонь нашъ снова начался. По видимому, гарнизонъ не совсѣмъ хорошо расположенъ къ своимъ начальникамъ; во время перемирія, нѣкоторые изъ бывшихъ янычаръ дали понять намъ, что они недовольны султаномъ и намекали на то, что ихъ еще не всѣхъ истребили.

Отсылаю вамъ при семъ вашу записку отъ 31-го августа, кассающуюся нѣкоторыхъ измѣненій въ отрядахъ Акинфіева и Деллингсгаузена, а также и въ другихъ частяхъ; въ ней, на поляхъ, вы найдете мои резолюціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ посылаю вамъ записку, представленную мнѣ генераломъ Жомини, въ которой есть нѣсколько удачныхъ мыслей. Когда прочтете, возвратите ее мнѣ.

Дорога изъ Коварны въ Варну, представлявшая большія затрудненія для повозокъ, теперь значительно исправлена, а черезъ нѣсколько дней будетъ совершенно доступна для всѣхъ повозокъ.

Приписка рукою Государя: Завтра или послѣ завтра отпра-

вляю къ вамъ 150 телѣгъ съ овсомъ; прикажите отпустить полныя дачи. Деллингсгаузенъ сообщаетъ мнѣ о приказанiи, полученномъ имъ отъ Байкова [1]), чтобы приготовили для меня почтовыхъ лошадей, для поѣздки въ Шумлу, и конвой; я желаю знать, кто сочинилъ подобную глупость и кому вздумалось отдавать приказанiя, меня касающiяся, безъ моего разрѣшенiя? Весь вашъ N.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 4-го сентября.

(Переводъ). Сегодня посылаю къ В. И. В—ву Суворова, но такъ какъ онъ еще слабъ, то я придалъ ему фельдъегеря Князева, чтобы везъ депеши.

Здѣсь ничего особенно интереснаго не происходило. Вчера фельдмаршалъ приказалъ открыть канонаду по редуту, находящемуся на лѣвомъ турецкомъ крылѣ и построенному еще во время пребыванiя здѣсь В. И. В—ва, что, тогда, подало поводъ къ взятiю горы на нашемъ правомъ крылѣ. Я полагалъ, и полагаю еще, что мы могли бы овладѣть этимъ редутомъ, не понеся слишкомъ большихъ потерь, но фельдмаршалъ, опираясь на слова, заключающiяся въ письмѣ В. В—ва и на отданное, при отъѣздѣ Вашемъ, повелѣнiе: наносить лишь такiе удары, которые не могутъ повлечь за собою значительной потери въ людяхъ,—полагаетъ, съ своей стороны что тамъ, гдѣ не представляется никакихъ существенныхъ выгодъ для будущихъ дѣйствiй, не стоитъ рисковать нѣсколькими сотнями людей.—Побывавъ самъ на этихъ мѣстахъ, я убѣжденъ, что мы взяли бы помянутый редутъ,—конечно, съ нѣкоторою потерею, потому что турки защищаются хорошо и у нихъ тамъ 6—8 пушекъ; но за то можно подойти на разстоянiе 700 шаговъ, не будучи замѣченнымъ. Главная трудность состояла бы въ томъ, чтобы удержаться тамъ, такъ какъ редутъ этотъ поддерживается другими укрѣпленiями, находящимися отъ него шагахъ въ 1,000, и по этой то причинѣ, преимущественно, предложенiе мое было отклонено. Между тѣмъ, все даетъ поводъ надѣяться, что рѣшенiе наше оставаться здѣсь и дѣло 28-го числа произвели сильное впечатлѣнiе на турокъ: они притихли. Болгарскiе перебѣжчики и второй офицеръ, дезертировавшiй изъ регулярныхъ войскъ, только и говорятъ, что объ упадкѣ духа и о потеряхъ,

---

[1]) Въ 1828 г. былъ дежурнымъ генераломъ 2-й армiи.

причипенныхъ болѣзнями и побѣгами. Иные говорятъ, что Халиль-паша, въ дѣлѣ 28-го числа былъ раненъ; кромѣ того, многіе подтверждаютъ, что между нимъ и Гуссейномъ происходятъ несогласія.

Вчера я вовсе не былъ доволенъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, которая, вообще, гораздо лучше дѣйствуетъ въ открытомъ полѣ, нежели противъ укрѣпленій, вслѣдствіе того, что недостаточно наблюдаетъ за углами возвышеній. Я самъ сдѣлалъ въ этомъ нѣсколько поправокъ, и надѣюсь, что строгіе выговоры не останутся безплодными. Сегодня генералъ Сысоевъ, съ нѣсколькими сотнями казаковъ, налетѣлъ на стада, которыя турки имѣли обыкновеніе пасти подъ укрѣпленною горою ихъ лѣваго крыла, и отхватилъ нѣсколько сотъ штукъ скота, а также нѣсколькихъ плѣнныхъ. Турки тотчасъ же открыли весьма сильный огонь изъ своей полевой батареи, поставленной на вершинѣ горы, называемой горою кн. Трубецкаго, но не причинили намъ ни малѣйшаго вреда (вообще, основываясь на нынѣшнихъ рекогносцировкахъ, я считаю пунктъ этотъ весьма способнымъ для атаки, въ случаѣ общаго наступленія). Нашъ редутъ № 5 тоже сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, чтобы поддержать казаковъ. Отъ ген. Сысоева, пригнавшаго свое стадо къ биваку полка Великаго Князя Цесаревича, мы еще не имѣемъ рапорта, и я доношу В. В—ву только то, что̀ видѣлъ.

Къ несчастію, число больныхъ снова начинаетъ увеличиваться; выздоравливающихъ же у насъ нѣтъ,—что̀ теперь для меня понятно, такъ какъ я самъ все еще не могу совсѣмъ поправиться, имѣя натуру крѣпкую и такія средства, какихъ солдатъ не можетъ имѣть. Изъ прилагаемой здѣсь записки, В. В—во усмотрите, что дезертировавшій турецкій офицеръ говоритъ, будто Кераджи-Эминъ, съ нѣсколькими сотнями и нѣсколькими пушками двинулся къ Силистріи;—должно полагать, что по дорогѣ изъ Булана на Джумаю, потому что на дорогахъ, ведущихъ въ Силистрію отъ Разграда, не замѣчено никакого движенія.

Какой то русскій священникъ, который разсказываетъ, что бѣжалъ отъ Некрасовцевъ, но наружность котораго весьма подозрительна, говоритъ, будто въ прошлый четвергъ видѣлъ, около Рущука, 2,000 всадниковъ, направлявшихся къ Силистріи. Все это весьма неясно, и мы уже послали къ Силистріи, 4 дня тому назадъ, партію казаковъ, которая вскорѣ должна привести намъ болѣе вѣрныя извѣстія. Этихъ 2,000 всадниковъ нечего бы было очень опасаться, но Гуссейнъ можетъ поддержать ихъ со стороны Джумаи; однако, я полагаю, что это не походило бы на обычную тактику турокъ, пока мы угрожаемъ Шумлѣ на столь близкомъ разстояніи.

Мы стараемся, по мѣрѣ возможности, отыскивать хотя сколько нибудь фуража; но это весьма трудно; а транспорты съ овсомъ не являются, потому что жары снова стали препятствовать движенію нашихъ воловъ.

Фельдмаршалъ повергаетъ себя къ стопамъ В. В—ва, я же прошу Васъ принять увѣреніе . . . .

P. S. Такъ какъ у насъ здѣсь всего штукъ 50 конгревовыхъ ракетъ большаго калибра, то я полагаю полезнымъ присылку нѣсколькихъ сотенъ изъ подъ Варны.

Сысоевъ только что объявилъ намъ, что имъ захвачено 29 чел. плѣнныхъ и около 500 головъ скота.

Лагерь подъ Шумлою, 5-го сентября.

(Переводъ). Вчера перебѣжчикъ-болгаринъ сообщилъ намъ, будто Алихъ-паша (тотъ самый, который, въ чинѣ бимбаши, командовалъ турецкою конницею подъ Базарджикомъ), въ воскресенье выступилъ, съ 6,000 чел. кавалеріи паши адріанопольскаго (силы эти могутъ простираться до 3-хъ т., и, самое большое—до 4-хъ т. человѣкъ), съ намѣреніемъ двинуться въ Балканы и производить набѣги къ Енибазару, Козлуджи и пр.—Мы тотчасъ же послали офицера генеральнаго штаба, чтобы освидѣтельствовать, хорошо ли соблюдаются мѣры предосторожности на всѣхъ постахъ военной дороги, и чтобы предупредить Тимана, Мадатова и Деллингсгаузена.

Сегодня одному греческому капитану, военно-плѣнному Омера Вріоне, удалось бѣжать отъ турокъ и доставить намъ извѣстіе, что названный паша, послѣ прибытія татаръ, присланныхъ Гуссейну сераскиру великимъ визиремъ, выступилъ нынѣшнимъ утромъ, съ 3—4,000 чел. конницы, 3,000 регулярной пѣхоты и двумя пушками, намѣреваясь идти къ Чаликаваку, а оттуда далѣе, на Варну (направленіе на Чаликавакъ указано, повидимому, невѣрно,—что совершенно понятно у человѣка, незнакомаго съ страною). Казачьи посты тоже донесли объ усиленномъ движеніи противника по направленію къ Снядову. Но между тѣмъ, одинъ изъ нашихъ отрядовъ, прикрывавшій фуражировъ въ Маковщинѣ, вернулся, не будучи тревожимъ турками,—а это, по видимому, доказываетъ, что головныя части непріятеля направились куда нибудь далѣе, въ самые Балканы.

Высылка столь сильныхъ отрядовъ, составленныхъ почти изъ всей находящейся въ Шумлѣ кавалеріи, служитъ, какъ кажется, признакомъ серьёзныхъ предпріятій; хотя, по предшествовавшимъ

свѣдѣніямъ о составѣ и силѣ этихъ войскъ, числительность ихъ должна быть уменьшена почти на половину.

Съ этимъ же курьеромъ мы посылаемъ Деллингсгаузену положительное приказаніе: если онъ уже на пути сюда, то вернуться, дабы имѣть возможность поддерживать Мадатова, а въ случаѣ надобности, и генер. Головина—на сколько то будетъ возможно. Мадатовъ же получаетъ приказаніе быть на сторожѣ и на готовѣ помогать Деллингсгаузену, если бы этотъ послѣдній поставленъ былъ въ необходимость поддерживать отрядъ Головина.

Завтра мы произведемъ рекогносцировку на нашемъ лѣвомъ крылѣ, дабы постараться захватить плѣнныхъ и добыть болѣе точныя свѣденія, относительно настоящаго направленія, по которому двинулся противникъ.

Если пошла только одна кавалерія, то ген. Головинъ безъ труда отобьетъ ее; однако, все таки было бы хорошо выставить для него подкрѣпленіе, у брода черезъ Дѣвненскій лиманъ.

Можно, пожалуй, сдѣлать еще одно предположеніе, хотя оно кажется мнѣ мало вѣроятнымъ: это—то, что визирь уже подошелъ достаточно близко и имѣетъ намѣреніе самъ попытаться помочь Варнѣ, подкрѣпивъ себя всѣмъ, что необходимо для обороны позиціи и укрѣпленій у Шумлы. Въ этомъ случаѣ ему бы пришлось переходить двойной хребетъ Балкановъ, такъ что имѣлось бы вполнѣ достаточно времени для того, чтобы приготовиться его встрѣтить. Расположеніе у Дѣвненскаго брода двухъ гвардейскихъ бригадъ и гвардейской кавалеріи, которымъ Деллингсгаузенъ, въ случаѣ надобности, могъ бы служить авангардомъ, а Мадатовъ—въ родѣ резерва,—обезпечило бы, мнѣ кажется, позицію Головина; а визирь, взятый во флангъ, могъ бы легко быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній. Если же онъ двинулся бы на Праводы, то Мадатовъ отступаетъ на Деллингсгаузена, и визиря берутъ во флангъ войска Дѣвненской позиціи и отряда Головина.

Если бы движеніе это (предполагать которое нѣтъ никакихъ основаній) осуществилось, то принимая въ соображеніе время, потребное визирю для перехода черезъ Балканы—можно бы было, я полагаю, даже отдѣлить отсюда одну дивизію пѣхоты, для того чтобы усилить отрядъ въ Праводахъ и служить резервомъ Мадатову и Деллингсгаузену; но надо, конечно, прежде всего быть увѣреннымъ въ томъ, что не дѣлаешь ложнаго движенія.

Я въ подобное движеніе визиря не вѣрю, а говорю о немъ В. И. В—ву лишь какъ о мало вѣроятной возможности; потому что близость нашихъ флотовъ отъ Босфора и Дарданеллъ и извѣстіе о

высадкѣ французовъ (?) вѣроятно удержатъ его отъ всякаго рискованнаго движенія; если же бы онъ дѣйствительно приблизился, то мы имѣли бы, я полагаю, извѣстія объ этомъ отъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ. В. В—во, вѣроятно, имѣете болѣе вѣрныя свѣдѣнія черезъ одесскихъ коммерсантовъ.

Со вчерашняго дня, у насъ тутъ погода ужасная: холодный вѣтеръ и дожди. Фельдмаршалъ повергаетъ себя къ стопамъ В. В—ва.

Благоволите, Государь, принять....

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Корабль „Парижъ", 6-го сентября [1]).

(Переводъ). Суворовъ пріѣхалъ и вручилъ мнѣ письмо ваше, любезный другъ. Очень радъ, что за неимѣніемъ турокъ, вы воюете съ быками; по крайней мѣрѣ, хорошо на щи нашимъ молодцамъ. Радуюсь также, что за послѣдней хорошей острасткой турки притихли; но не довѣряйтесь этому. Движеніе Караджи-Эмина, направленное, какъ говорятъ, на Силистрію, вовсе не безпокоило бы меня съ этой стороны, но я опасаюсь, какъ бы оно не направилось на Базарджикъ. Это меня очень тревожитъ, въ виду 6-ти тыс. больныхъ. Я пошлю вамъ записку Грейга, касающуюся возможности отсылки больныхъ и раненыхъ водою. Къ несчастію, этого еще мало, въ виду огромнаго ихъ числа, которое увеличивается съ каждымъ днемъ. Увы! это и здѣсь начинаютъ ощущать: въ Коварнѣ, изъ 1,600 чел. больныхъ гвардейцевъ, въ одну недѣлю умерло 43 человѣка.

Деллингсгаузенъ сообщилъ мнѣ, что сегодня утромъ получилъ отъ васъ предупрежденіе, что ему грозитъ опасность съ тыла, со стороны Козлуджи, и онъ ушелъ изъ Дѣвно почти со всѣмъ своимъ отрядомъ. Не могу понять, откуда бы могли (турки) прійдти въ Козлуджи, не проходя черезъ Праводы, или Дѣвно! Во всякомъ случаѣ, Дѣвно имѣетъ такую важность для насъ, что надо удерживать этотъ пунктъ до послѣдней крайности. Здѣсь все идетъ очень хорошо, мы пробиваемъ брешь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ турки, во время перемирія, сами вылѣзали изъ крѣпости,—такъ оно сильно уже разрушено; а нынѣшнею ночью новая батарея начнетъ пробивать брешь еще въ другомъ мѣстѣ.

Третьяго дня я самъ осматривалъ позицію Головина, которая

[1]) Отвѣтъ на письмо 4-го сентября.

очень хороша, и съ головы, и съ хвоста; надѣюсь, что если бы его атаковали даже съ тыла, то онъ могъ бы очень хорошо на ней обороняться. Сообщенія у него свободны и съ Дѣвно, и съ нами, черезъ лиманъ и посредствомъ флота. Перовскій поправляется чудеснымъ образомъ. Все здѣсь идетъ какъ нельзя лучше. Сегодня пришелъ сюда, а завтра пойдетъ къ вамъ казачій полкъ въ 500 человѣкъ; завтра пройдетъ еще одинъ; 3-й же я оставлю здѣсь. Черезъ три дня пройдутъ здѣсь 488 верблюдовъ, съ овсомъ для васъ. Вы видите что мы дѣлаемъ все, чтобы васъ поддержать. Абакумовъ лучше бы сдѣлалъ, если бъ говорилъ поменьше, а дѣлалъ побольше; потому что я вамъ доказалъ, что дѣло это исполнимо. Пришлите мнѣ воловъ отъ осадной артиллеріи; намъ ихъ нужно. Вашъ навсегда N.

Мое почтеніе фельдмаршалу.

P. S. Что касается нашего свиданія, любезный другъ, то я полагаю, что его придется отложить до того времени, когда Варна падетъ, а до тѣхъ поръ, ваше присутствіе необходимо тамъ, гдѣ вы теперь находитесь.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 7-го сентября.

(Переводъ). Кавалерія, вышедшая въ воскресенье изъ Шумлы, не пошла по Варненской дорогѣ, но, повидимому, укрылась въ Балканскихъ дефилеяхъ, дабы оттуда предпринять рѣшительный ударъ на наши сообщенія. Еще третьяго дня вечеромъ мы получили донесеніе отъ генер. Тимана, что отрядъ конницы, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, показался около Енибазара, но съ сѣверной стороны дороги,—что заставляло предполагать, что это лишь небольшая партія, прокравшаяся Силистрійскою дорогою.

Но вчера въ полдень, непріятельская кавалерія, силою въ 3—4,000 чел., предприняла атаку на нашъ вагенбургъ, у Енибазара. Будучи отражена нѣсколькими гранатами, она атаковала фуражировъ главной квартиры и 3-го корпуса, но и тамъ была отброшена. Къ несчастію, генералъ Рикордъ, по видимому, отдѣлилъ гусарскихъ фуражировъ отъ прочихъ, и такъ какъ, при нападеніи непріятеля, у нихъ не было ни пушекъ, ни пѣхоты, то они, должно быть, понесли чувствительныя потери, о которыхъ мы еще не можемъ знать подробностей, ибо ночью получили лишь одинъ, болѣе ясный рапортъ отъ ген. Рикорда, который при каждомъ случаѣ представляетъ доказательства своей неспособности. Генералъ Тиманъ послалъ въ горы

2 роты пѣхоты, дабы собрать разсѣявшихся фуражировъ. Между тѣмъ, подполковникъ Поливановъ, отряженный съ 2-мя баталіонами къ Маковщинѣ, для прикрытія фуражировъ 7-го корпуса, принесъ намъ извѣстіе, что около 3-хъ часовъ пополудни, 3,000 чел., приблизительно, турецкой конницы вышли черезъ горы, со стороны Енибазара, и расположилися за дорогою, но не затрогивали его; съ ними было нѣсколько десятковъ повозокъ (вѣроятно, отнятыя у нашихъ гусарскихъ фуражировъ). По этому, кажется вѣроятнымъ, что кавалерія сія возвращается въ Шумлу, но она также можетъ двинуться снова на Праводы, или Енибазаръ; а мы еще не имѣемъ извѣстій, что дорога въ Козлуджи (по которой она прошла, чтобы атаковать Енибазаръ) была совершенно очищена. Фельдмаршалъ посылаетъ ген. Понсета, съ однимъ баталіономъ и 2 пушками, чтобы подкрѣпить Тимана, принять на себя начальство и очистить дорогу, ведущую на Козлуджи, равно какъ высоты между Енибазаромъ и Маковщиною; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ стараться открыть сообщеніе съ Енибазаромъ и наблюдать за дорогою изъ Маковщины. Генералъ Ридигеръ дѣлалъ вчера рекогносцировку за дорогу, ведущую въ Снядово, но не нашелъ не только непріятеля, но и свѣжихъ слѣдовъ на этой дорогѣ; кажется поэтому, что грекъ былъ правъ, говоря, что Омеръ-Вріоне двинулся на Чаликавакъ. Полный недостатокъ въ кавалеріи, годной для движеній, дѣлаетъ для насъ каждую, нѣсколько отдаленную рекогносцировку невозможною. Гусары представляютъ изъ себя массу, которая не можетъ нести никакой службы, вслѣдствіе состоянія ихъ лошадей, которое съ каждымъ днемъ ухудшается; конные егеря почти въ такомъ же положеніи,—особенно послѣ наступленія холодовъ, которые необычайно повредили лошадямъ, безъ того уже ослабшимъ; страдаютъ отъ нихъ постоянно лошади большаго роста, и смертность весьма значительна.

Крайне необходимо, чтобы казаки прибыли къ намъ какъ можно скорѣе; и тогда лучше будетъ отослать гусаръ къ пунктамъ расположенія нашихъ магазиновъ, чтобы можно было столь рѣдкій здѣсь фуражъ употреблять на поддержаніе артиллеріи.

Со времени прибытія Фредерикса, съ письмами отъ 31-го числа, мы не имѣли никакихъ извѣстій отъ В. В—ва и очень опасаемся, не пропалъ ли одинъ изъ Вашихъ курьеровъ.

Деллингсгаузенъ пишетъ намъ, что В. В—во приказали ему находиться у Дѣвненской мельницы,—что, повидимому, свидѣтельствуетъ о желаніи Вашемъ оставить его у этого пункта.

Вслѣдствіе недостатка кавалеріи, годной къ употребленію, намъ будетъ весьма трудно прикрывать всю линію сообщеній. Если бъ

хоть уланы Деллингсгаузена могли быть употреблены на коммуникаціонной линіи, для собранія свѣдѣній и сопровожденія курьеровъ между Козлуджи и Енибазаромъ, потому что гусары Рикорда болѣе уже не въ состояніи исполнять этой службы, которая—равно какъ и охраненіе всей линіи между Козлуджи и Енибазаромъ—возложена была на Деллингсгаузена, а теперь, вслѣдствіе удаленія его, осталась безъ опорнаго пункта.

Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ приказаній В. В—ва и извѣстій изъ подъ Варны. Дай Богъ, чтобы онѣ соотвѣтствовали нашимъ желаніемъ и надеждамъ, потому что наше здѣшнее положеніе, вслѣдствіе неимѣнія зеленаго фуража, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе критическимъ.

Фельдмаршалъ повергаетъ себя къ стопамъ В. И. В—ва. Благоволите, Государь, принять....

Лагерь подъ Шумлою, 8-го сентября [1]).

(Переводъ). Приношу В. И. В—ву искреннѣйшія поздравленія по случаю блестящихъ побѣдъ нашего храбраго Паскевича и новыхъ успѣховъ подъ Варною; вмѣстѣ съ тѣмъ я очень счастливъ, получивъ черезъ фельдъегеря добрыя вѣсти о состояніи здоровья храбраго Перовскаго. Очень былъ бы радъ отплатить В. В—ву подобными же извѣстіями, но, къ несчастію, глупость ген. Рикорда испортила ту доблестную оборону, которую, подъ Енибазаромъ, пѣхота наша противупоставила турецкой кавалеріи, атаковавшей нашихъ фуражировъ и вагенбургъ. Изъ гусарскихъ фуражировъ погибло болѣе 100 человѣкъ, съ 5-ю офицерами, а между тѣмъ, въ это же время,—помимо обороны разныхъ пѣхотныхъ отрядовъ съ артиллеріею, повсюду отразившихъ турокъ—штабсъ-капитанъ 35-го егерскаго полка Шимулевъ, устроивъ изъ ввѣренныхъ ему фуражировъ нѣчто въ родѣ вагенбурга, отражалъ неоднократныя атаки, сначала произведенныя 1,000 всадниками, а за тѣмъ даже до 3,000,—пока не подоспѣли къ нему на помощь двѣ роты съ пушками.

Фельдмаршалъ отнялъ у ген. Рикорда начальство, и съ завтрашнею почтою посылаетъ свой рапортъ. Онъ полагаетъ—такъ же какъ и я,—что самый случай этотъ заслуживаетъ разсмотрѣнія въ военномъ совѣтѣ, и хотѣлъ испросить относительно этого приказаній В. В—ва. Непріятельская конница, въ числѣ около 3,000 чел., вчера вернулась въ городъ, но, кажется, что нѣсколько сотенъ изъ

[1]) Отвѣтъ на письмо 2-го сентября.

нея остались еще въ горахъ. Понсетъ отправится для осмотра, по мѣрѣ возможности, всѣхъ горныхъ дефилей.

Извѣстія, сообщенныя В. В—вомъ о Щербатовѣ, тоже весьма успокоительны. Мы не имѣемъ еще никакихъ вѣстей отъ Рота, который, вѣроятно, посылаетъ ихъ теперь черезъ Базарджикъ. Особенно же интересны тѣ извѣстія, которыя заключаются въ перехваченныхъ турецкихъ письмахъ, присланныхъ мнѣ Чевкинымъ.

Если появится лишь кавалерія Ахмедъ-Бея, даже подкрѣпленная войсками Омера-Вріоне и Юсуфа-паши Сересскаго, то я считаю Головина довольно сильнымъ для того, чтобы безъ труда побѣдить ихъ; но если наступаетъ самъ великій визирь и если онъ привлечетъ къ себѣ разные свои отряды, то у него можетъ оказаться около 20—30 т. человѣкъ и болѣе 40 пушекъ.

Въ такомъ случаѣ мнѣ кажется, что столь сильный корпусъ требуетъ значительнаго усиленія войскъ, назначенныхъ для поддержанія Головина, и что крайне полезно было бы усилить Дѣвненскій постъ одною изъ вашихъ дивизій; потому что гвардіи, поддерживающей значительнѣйшею своею частію Головина, приходится, все таки, составлять и резервъ для войскъ въ траншеяхъ.

Прилагаемая при семъ записка составлена въ такомъ именно смыслѣ, и основываясь на предположеніи, что визирь дѣйствительно наступаетъ и что Варна можетъ еще продержаться нѣкоторое время.

В. В—во изъявили желаніе, чтобы фельдмаршалъ оставался, въ такомъ случаѣ, здѣсь—и онъ исполнитъ это, если Вы приказываете; но я не могу тоже не подчиняться его доводамъ и не признать необходимости пребыванія въ какомъ нибудь болѣе приближенномъ, центральномъ пунктѣ, для разсылки приказаній, которыя должны будутъ часто измѣняться, согласно измѣненію обстоятельствъ, и которыя, при настоящемъ отдаленіи, будутъ, пожалуй, прибывать слишкомъ поздно—что можетъ повести къ важнымъ безпорядкамъ. Кромѣ того, если фельдмаршалъ будетъ въ Дѣвно, а его штабъ въ Козлуджи, В. В—во всегда можете держать обѣ главныя квартиры разъединенными—если того пожелаете; по окончаніи же дѣла, В. В—во можете еще болѣе удалить ихъ другъ отъ друга; а между тѣмъ, если Вамъ придется посылать Ваши повелѣнія фельдмаршалу не на далекое разстояніе, а онъ, съ своей стороны, будетъ имѣть возможность распоряжаться (особенно, по административной части) тоже не издалека—то это имѣло бы чрезвычайно важныя преимущества;—не говоря уже о той серьёзной выгодѣ, что мы удалимъ отсюда большое количество лошадей и приблизимъ ихъ къ магазинамъ.

О себѣ я не говорю; какъ ни больно для меня будетъ, что не

нахожусь подлѣ В. В—ва во время столь рѣшительнаго дѣла,—но буду довольствоваться тѣмъ назначеніемъ, гдѣ признаете меня болѣе полезнымъ.

Надѣюсь, что Рудзевичъ, съ тѣми значительными силами, которыя ему оставлены, удержится здѣсь. Но если бы В. В—во,—вслѣдствіе паденія Варны, или по другимъ соображеніямъ—признали присылку 19-й дивизіи не нужною, то мы останемся на нынѣшней позиціи — что будетъ болѣе выгоднымъ, нежели предполагаемое наступленіе.

Тороплюсь кончить, чтобы не дать опоздать Кушелеву. Благоволите, Государь, принять.. .

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Корабль „Парижъ", на Варненскомъ рейдѣ, 9-го сентября вечеромъ.
(Писано рукою Чевкина [1]).

(Переводъ). Я только что получилъ письмо отъ 8-го числа сего мѣсяца, привезенное вашимъ адъютантомъ Кушелевымъ, и спѣшу отвѣчать вамъ.

Я допускаю движеніе, которое вы предполагаете сдѣлать къ Дѣвно, съ 5-ю полками 19-й дивизіи и 20-мъ егерскимъ, но подъ тѣмъ условіемъ, что вы вполнѣ увѣрены и можете поручиться за то что генералъ Рудзевичъ, который останется подъ Шумлою, поведетъ свое дѣло хорошо и отважно.

Я согласенъ также и на то, чтобы оставить генерала Ридигера съ гусарами, въ Енибазарѣ;—чтобы перевести, если нужно, главную квартиру въ Козлуджи и поручить начальство, какъ надъ этимъ пунктомъ, такъ надъ Дѣвно и Праводами, принцу Евгенію.

Когда 19-я дивизія будетъ въ Дѣвно, надо отослать Кременчугскій полкъ къ его дивизіи.

Вы вскорѣ будете подкрѣплены двумя казачьими полками, которые уже прошли здѣсь.

Когда ваше движеніе совершится, мы съ нашей стороны, будемъ вполнѣ обезпечены отъ визиря и отъ всѣхъ его силъ. Отрядъ генерала Головина, состоящій изъ 8-ми баталіоновъ, былъ, сегодня утромъ, подкрѣпленъ Сѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, и будетъ еще усиленъ л.-гв. Павловскимъ полкомъ и 4-мя батарейными ору-

---

[1]) Отвѣтъ на письмо 8-го сентября.

діями, которыхъ перевезутъ водою, нынче въ ночь. Съ этими силами и при выгодахъ своей позиціи, онъ въ состояніи будетъ держаться противъ весьма многочисленнаго непріятеля.

Наши работы противъ крѣпости замѣтно подвигаются впередъ; отъ непріятеля мы уже на разстояніи пистолетнаго выстрѣла; окончена новая брешь-батарея, которая со вчерашняго дня начала дѣйствовать; войска съ нетерпѣніемъ ожидаютъ штурма, который я отлагаю до тѣхъ поръ, пока всѣ затрудненія, по возможности, будутъ устранены.

Состояніе здоровья войскъ менѣе удовлетворительно; есть нѣсколько выздоравливающихъ, но больные прибываютъ и даже смертность становится ощутительною.

Но чего я болѣе всего опасаюсь,—это безпорядковъ, господствующихъ по провіантской части; довели дѣло до того, что здѣсь и въ Коварнѣ всего на всего 500 четвертей сухарей; даже въ гвардіи ихъ всего на 4 дня. Я отдалъ приказаніе поспѣшить доставкою сухарей изъ Одессы; но хочу знать и требую непремѣнно, чтобы объяснили мнѣ причины такого важнаго проступка. Сенаторъ Абакумовъ долженъ бы былъ распорядиться болѣе основательнымъ образомъ. Получивъ свѣдѣнія о подобномъ недостаткѣ провіанта, онъ долженъ бы былъ немедленно послать объ этомъ рапортъ, и рапортъ этотъ долженъ бы былъ дойти до меня.

И такъ я нахожусь въ совершенной невозможности послать вамъ количество сухарей, обозначенное въ запискѣ, которую вы представили чрезъ Чевкина; согласно съ симъ, примите ваши мѣры; а пока, дабы воспользоваться транспортами, которые вы прислали сюда, я прикажу нагрузить ихъ овсомъ и отошлю къ вамъ немедленно. Приписка рукою государя: Что касается подробностей и нѣкоторыхъ замѣчаній,—я указываю вамъ, любезный другъ, на мое письмо; прочтите, взвѣсьте и рѣшайтесь на самое лучшее.

Корабль „Парижъ", 9-го сентября, 9 ч. вечера [1]).

(Переводъ). Любезный другъ, сегодня вечеромъ въ 6 ч. прибыли: Кушелевъ и двое вашихъ курьеровъ, отъ 5-го и 7-го чиселъ. Варна еще не взята, слѣдовательно, самое существенное еще не сдѣлано. Сегодня вечеромъ, одновременно съ прибытіемъ Кушелева, Головинъ далъ намъ знать, что значительныя силы турецкой кавалеріи находятся противъ его авангарда, т. е. въ 8-ми верстахъ отсюда. Въ продолженіи дня, онъ былъ подкрѣпленъ однимъ егерскимъ полкомъ и

[1]) Отвѣтъ на письма 5-го и 7-го сентября.

двумя донскими орудіями; я посылаю ему еще 4 батарейныя пушки и Павловцевъ; и такъ ему должно и можно безбоязненно встрѣтить визиря—если это онъ, и атаковать и отбросить всякій другой отрядъ,—если это не визирь.

Возвратимся къ вамъ. — Дѣло Рикорда позорно (infame) и я разрѣшаю фельдмаршалу предать его военному суду. Если вы мнѣ поручитесь головою за то, что Рудзевичъ можетъ держаться, безъ риска, съ тремя дивизіями, то я сейчасъ же соглашусь на прибытіе 19-й дивизіи въ Дѣвно. Въ этомъ случаѣ верните Кременчугскій полкъ къ его дивизіи, а Деллингсгаузену дайте другой полкъ. Оба казачьи полка, Кузнецова и Долотина, должны быть уже въ Енибазарѣ и Козлуджи; и такъ, вотъ вамъ свѣжая кавалерія. Если вы считаете необходимымъ, чтобы фельдмаршалъ, съ одною дивизіею расположился у Дѣвно, или Козлуджи, то я согласенъ на это; но, по моему, лучше бы было, если бы онъ остался у Шумлы—хотя бы въ видахъ нравственныхъ и политическихъ. Въ такомъ случаѣ, устроившись съ нимъ на счетъ всего, что̀ надо дѣлать, сами пріѣзжайте сюда и возьмите съ собою Абакумова; въ противномъ случаѣ, т. е. если фельдмаршалъ долженъ отправляться въ Дѣвно,—останьтесь еще на одинъ день, послѣ него, у Шумлы, заведите машину, а потомъ пріѣзжайте дать мнѣ отчетъ въ общемъ положеніи дѣлъ, проѣхавъ черезъ Дѣвно и Козлуджи. Но, повторяю вамъ: по моему лучше, если фельдмаршалъ останется у Шумлы; а здѣсь мы сами съумѣемъ справиться съ дѣлами и одни,—и еще лучше, имѣя васъ подлѣ меня. Это мое послѣднее слово.

Съ сегодняшняго вечера Деллингсгаузенъ рапортуетъ мнѣ, что Мадатовъ велѣлъ ему передать, что онъ не нуждается въ подкрѣпленіи, и что онъ (Деллингсгаузенъ) прибылъ въ Дѣвно. Это отлично.— Берегитесь за 20-й егерскій, стоящій въ Маковщинѣ,—онъ тамъ въ весьма опасномъ положеніи; лучше направить его въ Дѣвно, гдѣ къ нему присоединится его резервъ, ожидающій его тамъ.

Что̀ невѣроятно, и отчего у меня волосы дыбомъ становятся,—это то, что въ Коварнѣ всего на всего 500 четвертей сухарей; мы здѣсь начинаемъ уже ощущать въ нихъ недостатокъ, и если не прибудутъ корабли изъ Одессы, то мы останемся при одномъ овсѣ, котораго здѣсь изобиліе. Какъ возможно было, что Абакумовъ не рапортовалъ объ этомъ фельдмаршалу, и что—однимъ словомъ—никто объ этомъ ничего не зналъ? Произведите строгое слѣдствіе по этому предмету; и вотъ почему я предлагаю вамъ привезти сюда, съ собою, Абакумова. Вотъ новый образчикъ безпечности фельдмаршала. Та же исторія и съ медикаментами, которыхъ осталось въ Коварнѣ всего на

12 дней. Приведите это въ порядокъ, немедля. Я послалъ курьера въ Одессу, чтобы поторопить, на сколько возможно, присылку сухарей. Гвардейской кавалеріи я приказалъ остаться въ Коварнѣ, гдѣ она имѣетъ фуражъ,—пока она намъ не понадобится; это вѣдь всего въ разстояніи двухъ переходовъ отсюда. Осадныя работы подвигаются впередъ быстро; съ вчерашняго дня мы пробиваемъ вторую брешь, которая уже очень подвинулась впередъ; первая брешь громадна, и только изъ преизбытка осторожности мы не предпринимаемъ еще приступа на нее. Впрочемъ, турки защищаются хорошо. Больныхъ у насъ прибываетъ въ огромныхъ размѣрахъ; въ каждомъ гвардейскомъ полку ихъ человѣкъ по 200; а въ Семеновскомъ полку было 8 умершихъ въ 3 дня. Убитыхъ мало, раненыхъ довольно; но всѣ полны огня и усердія, и хотятъ идти на штурмъ. До свиданія, весь вашъ N.

Мое почтеніе фельдмаршалу.

Корабль „Парижъ", 11-го сентября.

(Переводъ). На этотъ разъ не имѣю ничего хорошаго сообщить вамъ, любезный другъ; вчера вечеромъ, въ отрядѣ Головина случилось происшествіе невѣроятное и постыдное. Наканунѣ получено было извѣстіе о приближеніи непріятеля отъ нашихъ фуражировъ, которые, однако, отдѣлались молодцами и еще привели съ собою лошадей, отбитыхъ у турокъ. Вчера утромъ я приказалъ Головину—«послать полковника Залуцкаго, съ сильною партіею, развѣдать о непріятелѣ».— Головинъ составилъ отрядъ изъ двухъ эскадроновъ моихъ егерей, 2-хъ донскихъ орудій и гвардейскаго егерскаго полка. Этотъ огромный отрядъ, который уже не былъ «партія», пошелъ съ Залуцкимъ и съ Гартонгомъ, который просился идти съ полкомъ. Въ 2 ч. пополудни, въ 12-ти верстахъ отъ лагеря, они наткнулись на турецкій станъ. Первымъ движеньемъ егерскаго полка было—броситься на него; но Залуцкій остановилъ егерей и началъ стрѣлять изъ пушекъ, т. е. разрушилъ хорошее, чтобы не сдѣлать ничего. Турки, захваченные въ расплохъ, такъ что должны были еще сѣдлать лошадей, завязали тогда перестрѣлку. Тогда Залуцкій, найдя себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы атаковать ихъ, приказалъ полку отступать, а самъ увелъ съ собою конныхъ егерей и оба орудія. Такимъ образомъ онъ первымъ прибылъ въ лагерь, бросивъ свою пѣхоту. Тогда егерями, по видимому, овладѣлъ паническій страхъ!—такъ, или иначе, но вернулось всего 800 человѣкъ, съ 11-ю офицерами и полковникомъ Уваровымъ; остальные взяты въ плѣнъ, убиты, или разсѣялись. Всѣ прочіе офицеры убиты, или пропали безъ вѣсти. Вер-

нулось еще два офицера, изъ коихъ одинъ раненъ четырьмя пулями и 103 человѣка раненыхъ нижнихъ чиновъ; объ остальныхъ мы ничего не знаемъ; говорятъ, что Гартонгъ, Саргеръ, и Буссе убиты [1]). Это ужасно и невѣроятно! Я тотчасъ послалъ Бистрома, принять начальство, произвести слѣдствіе и привести полкъ въ порядокъ; онъ только что сообщилъ мнѣ, что за полкъ отвѣчаетъ и что онъ будетъ держаться на своей позиціи; а также,—что турки, по видимому, потянулись къ лиману, можетъ быть съ цѣлью напасть на правое крыло и пробиться, съ этой стороны, въ городъ. Посылаю приказаніе 19-й дивизіи,—если она уже въ дорогѣ,—идти прямо въ Дѣвно, а Деллингсгаузену, какъ только дивизія придетъ, двинуться на Гебеджи. Я приказалъ также, къ сегодняшнему вечеру, прійдти гвардейской кавалеріи; такъ что мы достаточно сильны. Но необходимо надобно будетъ, когда 19-я дивизія прибудетъ на мѣсто, двинуться отъ Дѣвно на Камчикъ, чтобы имѣть болѣе связи между собою;—движеніе это можетъ быть поддержано отсюда, вдоль морскаго берега. Осада подвигается впередъ, прибрежная башня уже въ нашихъ рукахъ, а спускъ въ ровъ и вторая брешь почти уже окончены. Однако турки держатся упорно; такъ что еще ничего не могу сказать, какъ кончится дѣло. Любезный другъ, у меня сердце разрывается отъ этого печальнаго и непонятнаго событія. Вашъ навсегда N.

Сухарей нѣтъ, но овса много.—Мое почтеніе фельдмаршалу.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 9-го сентября [2]).

(Переводъ). Только послѣ отправленія Кушелева я узналъ, что фельдъегерь Либертъ задержанъ былъ въ Енибазарѣ до полудня вчерашняго числа. Надѣюсь однако, что онъ не пріѣхалъ послѣ Кушелева, или же, въ противномъ случаѣ—что послѣдній захватилъ мои письма, и что Деллингсгаузенъ тоже своевременно получитъ приказанія держаться въ Дѣвно и поддерживать, въ случаѣ надобности, Головина.

По послѣднему письму В. В—ва, отъ 6-го сентября, мнѣ кажется, что Вы не имѣете никакихъ опасеній за отрядъ Головина. Для насъ, не имѣющихъ данныхъ ни о силѣ, ни о передвиженіяхъ великаго визиря, движеніе его къ Варнѣ показалось угрожающимъ,

---

[1]) Объ этомъ несчастномъ дѣлѣ была напечатана весьма любопытная записка стараго лейбъ-егерскаго офицера (генерала отъ инфантеріи П. А. Степанова) въ „Русской Старинѣ" 1876 г., томъ XV стр. 364—376.

[2]) Отвѣтъ на письмо 6-го сентября. Ред.

и это-то заставило меня написать письмо, отправленное съ Кушелевымъ. Если опасенія эти были неосновательны,—если, можетъ быть, и никакого движенія визиря къ Варнѣ не было,—или, если навѣрное знаютъ, что силы его, соединенныя съ 4—6-ю тысячами Омера-Вріоне и съ немногочисленными войсками, находящимися на Камчикѣ, не могутъ быть значительными,—то посылка 19-й дивизіи явится, конечно, излишествомъ, которое можетъ вредно отозваться здѣсь; въ такомъ случаѣ, я полагалъ бы достаточнымъ двинуть одинъ 20-й егерскій полкъ, оставивъ при немъ легкую № 3-го роту 11-й бригады (подполковника Панова), которая, изъ всей арміи, находится въ лучшемъ видѣ, и которую мы дали, потому что дорога отсюда въ Маковщину затруднительна и потому что въ батарейныхъ орудіяхъ мы сами нуждаемся, пока занимаемъ редуты и высоты между Косаплы и Странджей.

По рапорту ген. Понсета, непріятель совершенно удалился изъ окрестностей Енибазара, и между Праводами и Маковщиною ничего не открыто. У Мадатова тоже спокойно. Отъ Деллингсгаузена, съ 2-го сентября, не имѣемъ донесеній. Здѣсь турки, нынѣшнимъ утромъ, стрѣляли изъ пушекъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, но вреда не причинили. Изъ окоповъ своихъ они выслали впередъ нѣсколько стрѣлковъ, которые вскорѣ были отброшены нашими застрѣльщиками 16-го егерскаго полка и нѣсколькими выстрѣлами картечью; одновременно съ этимъ, они выслали нѣсколько тысячъ конницы къ Морачу, но конница эта вернулась вечеромъ, ничего не сдѣлавъ. Вообще, кажется, что они старательно избѣгаютъ всякаго дѣла внѣ своихъ укрѣпленій. Болгары-перебѣжчики повторяютъ все то же относительно побѣговъ во внутрь страны, болѣзней и т. п. Одинъ изъ нихъ,—который, впрочемъ, былъ въ Шумлѣ всего 3 дня, говоритъ, будто онъ слышалъ, что Кораджи-Эмину удалось войдти въ Силистрію. Въ этомъ, впрочемъ, не было бы большой бѣды.

Сегодня получили мы письмо гр. Ланжерона, отъ 26-го августа; онъ въ лихорадкѣ, и не сообщаетъ ничего новаго. Отъ Рота нѣтъ никакихъ извѣстій. Ему и Щербатову посланы распоряженія, соотвѣтствующія прежнимъ приказаніямъ; извлеченія изъ нихъ будутъ доставлены В. В—ву; сущность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы Ротъ прибылъ сюда, какъ только будетъ смѣненъ 6-ю дивизіею, а Щербатовъ чтобы велъ осаду, съ 4-ю и 6-ю пѣхотными и 2-ю гусарскою дивизіями, и чтобы первую изъ сихъ дивизій онъ двинулъ впередъ, не ожидая прибытія Костромскаго полка.

Присылка сюда овса будетъ въ высшей степени полезна, потому что лошади наши совершенно изнемогаютъ, вслѣдствіе нынѣшнихъ

холодовъ и отдаленности зеленаго фуража. Внезапный переходъ отъ тепла къ сильнымъ холодамъ, присоединившись къ слабости лошадей и неимѣнію фуража, повлекло за собою—особенно въ конно-егерскихъ полкахъ—весьма большую смертность, особенно между лошадьми, не очень молодыми и сильно выдрессированными. Положеніе это весьма плачевно, но я не вижу, какъ его поправить; жертвы сіи, къ несчастію, по видимому необходимы при здѣшнемъ климатѣ, какъ только найдешься вынужденнымъ оставаться на одномъ мѣстѣ нѣсколько болѣе продолжительное время; онѣ тѣсно связаны съ затрудненіями въ перевозкѣ, выгораніемъ травы вслѣдствіе зноя и вредными свойствами воды. Отъ этихъ причинъ явились тѣ же послѣдствія, какъ въ минувшемъ году въ Персіи.

Находящіеся въ Коварнѣ генералы: Башиловъ и Мельгуновъ жалуются на недостатокъ рабочихъ для разгрузки судовъ, на неудобство пристани, на тѣсноту улицъ и т. д., и, по видимому, не употребляютъ надлежащей энергіи, чтобы помочь всему этому. Фельдмаршалъ послалъ туда полковника Ховена и приказалъ коменданту Васильковскому—человѣку, какъ говорятъ, дѣятельному и любящему порядокъ—наблюдать за этимъ, и съ своей стороны. Между тѣмъ, перевозка больныхъ (число коихъ, къ несчастію, не уменьшается) налагаетъ новую работу на транспорты; хотя ими нагружаются лишь возвращающіеся транспорты, но они теперь принуждены идти въ Коварну уже черезъ Базарджикъ.

Въ прибытіи казаковъ мы тоже нуждаемся, для облегченія аванпостной службы,—особенно при нынѣшнемъ состояніи кавалеріи.

Сегодня посылаю В. И. В—ву бумаги, касающіяся продовольственной части, исправленныя согласно замѣчаніямъ Вашимъ и графа Воронцова; но я думаю, государь, что невозможно будетъ добыть количество судовъ, необходимое для перевозки овса моремъ; а перевозка сухимъ путемъ, требующая, для мѣсячнаго запаса, 30 тыс. повозокъ, будетъ невозможна, если сколько нибудь отдалиться отъ моря, а придется это сдѣлать, если пойдутъ на Адріанополь.

Имѣю честь представить В. В—ву письмо, написанное мнѣ генер. Вицлебеномъ, по случаю благополучнаго прибытія касокъ для полка В. В—ва, а также записку относительно фельдъегеря Подгорнаго, который заслуживаетъ—если В. В—ву будетъ то угодно—производства въ офицеры того же корпуса.

Волы для осадной артилеріи должно быть уже прибыли подъ Варну; я однако приказалъ ген. Лёвенштерну повторить свои предписанія. Фельдмаршалъ повергаетъ себя къ стопамъ В. И. В—ва; я же прошу Васъ, государь, благоволить принять увѣреніе.....

Варна, 5-го октября.

(Переводъ). Долгомъ считаю не задерживать отправленія къ Вамъ перваго курьера: это адъютантъ Вашъ, гр. Ламздорфъ, которому В. И. В. разрѣшили навѣстить своихъ родителей.

Изъ приложенныхъ при семъ бумагъ, В. В—во усмотрите, что всѣ донесенія удовлетворительны, и, кажется, что непріятель не помышляетъ о воспрепятствованіи намъ занять наши зимнія квартиры. Изъ подъ Силистріи мы не имѣемъ свѣжихъ новостей. Ротъ говорилъ фельдмаршалу, что осада ведется не довольно дѣятельно; но можетъ быть, что и досада видѣть передъ крѣпостію другаго, старшаго его чиномъ, заставила его сказать это. Однако, если первые рапорты кн. Щербатова не представятъ ни о какомъ результатѣ, и если тутъ все будетъ спокойно, то фельдмаршалъ думаетъ самъ отправиться подъ Силистрію, сдѣлавъ предварительныя распоряженія, чтобы дать толчекъ дѣйствіямъ подъ этою крѣпостію; ибо войска наши тѣмъ болѣе нуждаются въ расположеніи на зимнихъ квартирахъ, что вчерашніе ураганъ и ливень доказали намъ, что̀ значитъ дурная погода въ этой странѣ. Адмирала Грейга это тоже обезпокоило, и онъ выйдетъ въ море сегодня, или завтра.

Спокойствіе, господствующее около Енибазара, Праводъ и на Камчикѣ дозволяетъ намъ отправлять гвардію согласно плану, предложенному Его Выс—мъ Великимъ Княземъ: первый эшелонъ выступитъ 7-го числа сего мѣсяца. Больные гвардейскихъ войскъ отосланы. Думаю отослать также сверхъ-комплектныя палатки, оружіе и т. д., и чрезъ это запастись еще бо́льшими ресурсами; но отправка больныхъ въ Коварну не идетъ еще такъ, какъ я бы того желалъ, вслѣдствіе недостатка въ сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ, которыя, въ настоящее время, еще уменьшаются съ каждымъ днемъ.

Въ случаѣ слишкомъ большаго недостатка лошадей, я думаю оставить здѣсь 2-е и 3-е зарядные ящики резервной артилеріи, построивъ для нихъ сараи.

Выгрузка продовольственныхъ припасовъ тоже становится затруднительнѣе, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ.

Крѣпостныя работы въ Варнѣ подвигаются тоже весьма медленно; я думаю, что придется замѣнить кѣмъ нибудь генерала Дитрихса, который, впрочемъ, усерденъ, но не довольно дѣятеленъ.

Фельдмаршалъ, по видимому, дѣйствительно ощущаетъ потребность удалиться отъ дѣлъ, какъ скоро приведетъ армію на зимнія квартиры. Въ случаѣ, еслибы В. И. В—во соизволили согласиться на

его просьбу, я считаю долгомъ своимъ повторить Вамъ, государь, что войска—особенно, начиная съ полковника и до послѣдняго рядоваго—не утратили справедливаго довѣрія къ прежнимъ успѣхамъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ неудачъ, случившихся во время занятія двухъ княжествъ и Болгаріи, до самыхъ Балкановъ, со всѣми весьма хорошо снабженными крѣпостями ихъ,—такъ какъ результаты эти превосходятъ все, достигнутое въ предшествовавшихъ кампаніяхъ, и все, что было сдѣлано съ 1808 по 1811 годъ—если Богъ дастъ намъ овладѣть Силистріею.

В. В—во сами обсудите это; я же даже не смѣю произносить какого либо сужденія, потому что опасаюсь писать подъ диктовку тѣхъ чувствъ, которыя внушены мнѣ благодарностію и пониманіемъ того, что́ долженъ дѣлать главный штабъ арміи, не руководимый ничѣмъ инымъ, какъ своими обязанностями.

Долгъ мой, однако, повелѣваетъ сказать Вамъ, государь, что я увѣренъ—принимая во вниманіе характеръ и дѣйствія тѣхъ лицъ, съ которыми я ознакомился, благодаря тому довѣрію, которымъ въ Бозѣ почившій императоръ и В. И. В—во благоволили почтить меня,—что фельдмаршала гр. Витгенштейна очень трудно будетъ кѣмъ либо замѣнить. Но если В. В—во желаете этой перемѣны, то я убѣжденъ, что замѣнить его можетъ одинъ лишь гр. Сакенъ, при сохраненіи его штаба,—если только В. В—во сами не пожелаете стать во главѣ своихъ армій. Въ случаѣ же Вашего присутствія при войскахъ, графъ Ланжеронъ казался бы мнѣ тѣмъ человѣкомъ, который съ наибольшимъ усердіемъ и устраненіемъ самолюбивыхъ чувствъ исполнялъ бы повелѣнія В. И. В—ва.

Обязанность вѣрнаго слуги и сознаніе всѣхъ незаслуженныхъ знаковъ милости и довѣрія, которые В. В—во благоволили мнѣ оказывать, должны были продиктовать мнѣ эти строки.

Въ ожиданіи послѣдующихъ приказаній Вашихъ, государь, употреблю всѣ мои силы на выполненіе тѣхъ, кои Вы мнѣ уже дали.

Мы всѣ надѣемся, что, съ Божіей милостію, депеша эта найдетъ В. В—во уже въ кругу августѣйшей семьи Вашей. Поэтому осмѣливаюсь просить Васъ, государь, повергнуть меня къ стопамъ Ея В—ва императрицы и благоволить принять увѣреніе въ признательности и преданности, съ которыми имѣю счастіе пребыть В. И. В—ва вѣрнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою гр. Дибичъ.

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

С.-Петербургъ, 16-го октября [1]).

(Переводъ). Не успѣлъ еще я увѣдомить васъ, любезный другъ, о моемъ прибытіи сюда [2]), какъ вчера вечеромъ Ламсдорфъ привезъ мнѣ ваши депеши отъ 5-го числа. Очень радъ узнать, что все у васъ идетъ хорошо;—что движеніе къ Шумлѣ удалось и что въ Варнѣ васъ не тревожатъ. Вполнѣ одобряю распоряженія, сдѣланныя вами для временнаго расположенія корпуса принца Евгенія; только я не очень хорошо понимаю, гдѣ вы хотите сосредоточить корпусъ Рота. Полагаю, что, прежде чѣмъ оставить Праводы, надо быть увѣреннымъ въ томъ, что тамъ нельзя удержаться. Очень радъ, что вы очистили госпитали въ Варнѣ; теперь надо, по возможности, ускорить постройки и исправленія въ самой крѣпости, чтобы съ этой стороны быть уже совершенно спокойными и обезпеченными; а также—подумать о томъ, чтобы на зиму укрѣпить Гебеджи, Козлуджи и Базарджикъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы уже сами подумали обо всемъ этомъ. Крайне одобряю, что вы отправляетесь вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ въ Силистрію, разъ что не все тамъ идетъ согласно вашему желанію.

Здѣсь я нашелъ все въ наивозможно лучшемъ порядкѣ, и надѣюсь, что Богъ милосердный продлитъ подобный порядокъ вещей. Мѣры, принятыя Чернышевымъ [3]), заставляютъ меня надѣяться, что новые резервы будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ. Въ доставкѣ провіанта тоже, сколько мнѣ кажется, не должно произойти никакой остановки, ни затрудненія, если сама провіантская администрація чего нибудь въ этомъ не напутаетъ. Между Одессою и Херсономъ уже 170 т. четвертей сухарей.

Обращаюсь къ самому важному пункту вашего письма,—гдѣ говорится о замѣщеніи фельдмаршала. Такъ какъ онъ самъ не хочетъ оставаться, то я не могу его удерживать; но, во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ оставлять арміи, пока всѣ войска не будутъ расположены на зимнихъ квартирахъ. Проѣздомъ черезъ Могилевъ я видѣлъ добраго старика Сакена и опасаюсь, что его слабое состояніе здоровья

---

[1]) Отвѣтъ на письмо 5-го октября.

[2]) Послѣ покоренія Варны (29-го сентября), Государь отправился (2-го октября) въ Одессу, на кораблѣ „Марія". Претерпѣвъ жестокую бурю, онъ достигъ Одессы 8-го числа, а 14-го октября былъ уже въ Петербургѣ.

[3]) Впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и военный министръ.

не дозволитъ ему принять это новое начальствованіе,—которое, впрочемъ, было бы мнѣ по сердцу; я думаю, что, покамѣсть, Ланжеронъ можетъ остатся безъ званія главнокомандующаго, а какъ старшій въ чинѣ, начальникомъ въ Молдавіи, а Ротъ—въ Болгаріи. Если не будетъ никакой надежды избѣгнуть второй кампаніи, то мнѣ придется туда вернуться; и тогда я приму начальство самъ, а Ланжеронъ будетъ вторымъ. А пока, на случай, если бы Сакенъ согласился принять это новое начальствованіе, надо, что бы вы мнѣ сказали, что̀ думаете сдѣлать съ Киселевымъ и другими чинами штаба бывшей 2-й арміи;—а также, чтобы вы высказали мнѣ свои мысли объ организаціи управленія тѣми частями войскъ, которыя остались на мѣстѣ 1-й арміи.

Возвратимся опять къ Варнѣ. Я согласенъ смѣнить Дитрихса; но только надо, чтобы онъ былъ замѣненъ человѣкомъ надежнымъ. Пока самъ Ротъ будетъ тамъ, это не столь важно; но надо, однако, имѣть на этомъ посту надежнаго человѣка и начертать инструкцію для всего, что касается соблюденія порядка въ крѣпости и мѣръ предосторожности. Инструкцію эту дайте подписать фельдмаршалу, который пусть и вручитъ ее коменданту; а мнѣ пришлите съ нея копію. Новый наборъ переносятъ съ полною покорностію, и, кажется, что убѣждены въ его необходимости. Взятіе Варны возбудило общее упоеніе; моя мать больна отъ радости, и я съ нетерпѣніемъ жду, когда ей сдѣлается лучше. Наборъ 92-й (le recrutement 92)— великолѣпенъ.

Пишу вамъ нескладно, любезный другъ, потому что нездоровье моей матери,—которой, по видимому, лучше сегодня вечеромъ, часто меня прерываетъ. Повторяю вамъ, что не могу довольно нахвалиться всѣмъ, что̀ вижу и слышу; а пріемъ, который былъ мнѣ сдѣланъ при моемъ, совершенно неожиданномъ пріѣздѣ, оставитъ навсегда дорогое моему сердцу воспоминаніе. Всѣ дѣйствуютъ согласно и всѣ одушевлены однимъ общимъ желаніемъ помогать успѣшному ходу дѣлъ. Шаховской, который здѣсь, говорилъ мнѣ самъ, что онъ удивленъ успѣхами, которые дѣлаютъ поселенія, и даже полкъ Аракчеева, — и что онъ можетъ смѣло завѣрить меня, что все идетъ хорошо. Постройки здѣсь чудесны. Я не имѣю сообщить вамъ никакихъ политическихъ новостей, такъ какъ ко мнѣ не прибывало курьеровъ. Въ Лондонѣ и Парижѣ насъ много бранятъ за блокаду Дарданеллъ; хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ, что мы имѣемъ на это право и что это не составляетъ повода къ войнѣ противъ насъ. Черезъ нѣсколько дней отправлю къ вамъ другаго курьера, съ которымъ буду имѣть возможность сообщить болѣе подробностей.

Поклонитесь фельдмаршалу. Кстати: я только что получилъ из-

вѣстіе о смерти Родзянко(?), въ Харьковѣ, и опасаюсь,—судя по признакамъ,—что это дѣйствіе яда. Прощайте, любезный другъ; Богъ да наставляетъ васъ и да поможетъ скорѣе овладѣть Силистріею. Вашъ навсегда N.

Жена моя вамъ кланяется.

С.-Петербургъ, 10-го(22-го) ноября.

(Переводъ). Да будетъ воля Божія, любезный другъ. Что свершилось—то свершилось [1]). Не станемъ пока думать о прошедшемъ, но о настоящемъ и будущемъ.

Изображаемое вами состояніе войскъ, приблизительно, таково, какимъ и я себѣ его представлялъ; но я не вижу всего въ такомъ черномъ цвѣтѣ, какъ вы; я полагаю—и совершенно увѣренъ въ томъ, что порядокъ долженъ и можетъ быть возстановленъ, коль скоро приняты будутъ для сего быстрыя и удачныя мѣры. Прежде всего, поручаю вамъ сказать фельдмаршалу, вручивъ ему прилагаемое при семъ письмо, что отъ усердія его и преданности я ожидаю, что онъ сохранитъ главное начальство надъ арміею; настоящее его положеніе настоятельно сего требуетъ; а опытъ прошедшаго и, въ особенности, та роль, которую я предназначаю для арміи на будущую кампанію, доставятъ ему полную возможность исполнять мои инструкціи такъ, чтобы я былъ доволенъ. Разсчитываю на васъ, что вы убѣдите его на это. Киселевъ долженъ остаться, гдѣ былъ прежде; Сухтелена назначьте на мѣсто Берга, котораго поставите подъ его начальство; Байкова замѣните Маевскимъ, или кѣмъ вы заблагоразсудите,—точно также и прочихъ, доказавшихъ свою глупость или свою неспособность. Не теряя ни минуты, объявите начальникамъ корпусовъ и дивизій, чтобы они произвели инспекторскій смотръ своимъ частямъ и, безотлагательно, представили самые подробные рапорты о состояніи войскъ. Пусть при этомъ присутствуетъ одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, который и отвезетъ эти рапорты. Артиллеріи и инженерному вѣдомству прикажите представить вѣдомость о всемъ ихъ матеріальномъ имуществѣ и о томъ, гдѣ оно находится,—и пускай она тотчасъ же будетъ прислана къ намъ. Прикажите осмотрѣть госпитали и приложите самую тщательную заботливость по этой части, приказавъ всѣхъ выздоравливающихъ изъ госпиталей на лѣвомъ берегу Дуная включать въ расположенныя тамъ войска; и то же самое дѣлать на правомъ берегу. Увеличьте попеченіе и надзоръ, такъ чтобы въ

---

[1]) 24 го октября 1828 г. скончалась императрица Марія Θеодоровна.

Гирсовѣ, Кистенджи и Исакчѣ мы имѣли для двухъ дивизій и остальныхъ войскъ, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца продовольствія, въ складахъ. Пошлите для сего какого нибудь надежнаго человѣка, который бы наблюдалъ за исполненіемъ; потому что это необходимо. Смотрите, чтобы начальники корпусовъ въ Молдавіи и Валахіи хорошенько заботились о своихъ войскахъ и доставляли имъ возможно лучшее помѣщеніе. Наконецъ, когда все это вы пустите въ ходъ, возвращайтесь сюда, какъ можно скорѣе. Посылаю Геруа и Кавелина, чтобы осмотрѣли 8-ю и 9-ю дивизіи и донесли мнѣ о ихъ состояніи. Впослѣдствіи пошлю Нейдгардта, для контроля надъ исполненіемъ принятыхъ мѣръ, и чтобы все привести въ порядокъ.

Перейдемъ къ самому существенному вопросу наступающаго года— къ плану кампаніи. Все обдумавъ и все принявъ въ соображеніе, я остановился на слѣдующей мысли. Опытъ нынѣшней кампаніи до очевидности доказалъ намъ, съ какою страною и съ какимъ народомъ мы имѣли дѣло. Повторять напрасныя потери, которыми мы обязаны неправильнымъ дѣйствіямъ, происходившимъ вслѣдствіе того, что мы имѣли объ обоихъ, столь важныхъ предметахъ, ложныя свѣдѣнія - это было бы преступленіемъ, которое я никогда не возьму на свою совѣсть. И такъ, надо рѣшить, чтó намъ слѣдуетъ сдѣлать, на основаніи того, чтó мы можемъ дѣлать или предпринимать. Передъ началомъ войны я объявилъ, что желаю имѣть гарантіи, которыя могли бы обнадежить меня въ почетныхъ условіяхъ для мира. Хотя кампанія не вполнѣ сотвѣтствовала нашимъ надеждамъ, но, тѣмъ не менѣе, Провидѣнію угодно было предать въ наши руки двѣ совершенно нетронутыя провинціи, и третью, служившую театромъ военныхъ дѣйствій, ключъ которой есть Варна. Въ Азіи, кромѣ Анапы и Поти, въ нашей власти три пашалыка. Это представляетъ значительныя—хотя еще и не вполнѣ достаточныя—гарантіи для достиженія нашей цѣли. Благоразумно ли было бы съ моей стороны хотѣть перенести войну за Балканы—на удачу, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ, хотя бы и могъ имѣть надежду на него; между тѣмъ, какъ для обезпеченія за собою пріобрѣтенныхъ гарантій, мнѣ остается лишь овладѣть крѣпостями, лежащими вдоль Дуная. Поэтому мнѣ кажется, что здравый смыслъ и благоразуміе не только не побуждаютъ насъ идти за Балканы, но, напротивъ того, настоятельно требуютъ, чтобы мы оставили мысль о вторженіи въ страну, лежащую за горами, а ограничились утвержденіемъ въ занятыхъ уже нами областяхъ и довершали завоеваніе того, что еще не находится въ нашей власти. Частныя экспедиціи флота, съ дессантными

войсками, можно предпринимать, и онѣ будутъ полезны; но на этотъ предметъ достаточно одной дивизіи; остальныя войска, т. е. 6-й и 7-й корпуса назначены для того, чтобы держаться въ Варнѣ и ея окрестностяхъ, между тѣмъ какъ 2-й и 3-й займутся осадою Силистріи и Журжи, угрожая въ то же время, съ фланга, всякимъ войскамъ, которыя бы намѣревались идти къ Базарджику. Грузинская армія, напротивъ того, будетъ дѣйствовать наступательно, по направленію на Эрзерумъ и Требизондъ, согласно соображеніямъ графа Паскевича и ознакомленію его съ мѣстными обстоятельствами. Наконецъ, если блокада Дарданеллъ окажется возможною, то она будетъ помогать осуществленію общаго плана, состоящаго въ томъ, чтобы удерживаться въ занятой странѣ и, на сколько возможно, стѣснять султана въ удовлетвореніи всѣхъ потребностей его столицы и его имперіи, дабы побудить его къ переговорамъ, не дѣлая съ своей стороны большихъ пожертвованій ни людьми, ни деньгами. Этотъ планъ докажетъ всему міру, что мы продолжаемъ войну не какъ завоеватели, но какъ люди благоразумные и осмотрительные. Это планъ, могущій привести насъ лишь къ обширнымъ результатамъ. Онъ даетъ намъ возможность сдерживать Европу и заставитъ умолкнуть тѣхъ, которые, подъ предлогомъ преграды моему честолюбію, пытались бы препятствовать нашимъ болѣе рискованнымъ предпріятіямъ.

Перейдемъ къ средствамъ для исполненія: 1) По ту сторону Дуная надо—какъ и доселѣ дѣлалось—продолжать усиленное снабженіе провіантомъ Варны и Кистенджи; вполнѣ завершить приведеніе обоихъ сихъ пунктовъ въ оборонительное положеніе; а также стараться (такъ какъ, въ настоящее время, Силистрія еще не наша) по возможности усилить Базарджикъ; снабдить провіантомъ Гирсово и Бабадагъ, но такъ, чтобы чрезъ это не затруднилось снабженіе войскъ, когда сообщенія черезъ Дунай станутъ ненадежными. Представьте, какъ можно скорѣе, вѣдомость недостающему числу людей въ 6, 7, 10, 16, 18 и 19-й дивизіяхъ, послѣ того, какъ люди, оставленные въ госпиталяхъ по правую сторону Дуная, будутъ включены въ соотвѣтствующія части войскъ,—дабы знать напередъ, какое число резервовъ должны мы держать на готовѣ, для своевременной отсылки ихъ къ этимъ дивизіямъ. Такъ какъ резервные баталіоны 16-й дивизіи находятся въ Молдавіи, то придется, по необходимости, взять изъ резервовъ 3-го корпуса, чтобы замѣстить ихъ въ 16-й дивизіи; изъ резервовъ же 16-й дивизіи отдать въ 8-ю и 9-ю, взамѣнъ того, что у нихъ возьмутъ для 16-й. Такъ какъ бо̀льшая часть артиллеріи этихъ дивизій осталась безъ лошадей, то надо таковыхъ заготовить какъ можно ближе къ Сатуновскому мосту, т. е. въ Бессарабіи,

чтобы имѣть возможность, уже начиная съ февраля, пересылать ихъ. Такъ какъ первыми пунктами для атаки являются намъ Журжа и Силистрія, то надо, въ теченіи этой зимы, собрать всевозможныя свѣдѣнія о нихъ и подготовить тамъ сношенія съ нами. Съ этой же минуты заняться подготовкою всевозможныхъ средствъ для устройства двухъ мостовъ, одного въ Гирсовѣ, а другаго въ Туртукаѣ, и немедленно начать тамъ работы. Перевезти весь осадный матеріалъ,—какъ артиллерійскій, такъ и для инженерныхъ работъ,—въ пункты, близкіе къ обѣимъ помянутымъ крѣпостямъ, дабы можно было немедленно открыть траншеи, какъ только погода это дозволитъ. Въ ближайшемъ разстояніи учредить магазины для будущей кампаніи и добыть средства для перевозки двухъ-мѣсячнаго провіанта для 6-ти дивизій пѣхоты и двухъ дивизій кавалеріи. Я предполагаю, что при самомъ открытіи кампаніи, которую надо начать какъ можно ранѣе, 7-я и 6-я дивизіи прибудутъ къ Силистріи, чтобы облегчить переправу черезъ Дунай остальнымъ частямъ 3-го корпуса, осадной артиллеріи и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрывать еще осаду, еслибы турки, выступивъ изъ Шумлы, появились въ открытомъ полѣ; между тѣмъ, 4-я и 5-я дивизіи, съ одною бригадою 17-й, будутъ осаждать Журжу. Ротъ, начальствуя 16-ю, 18-ю и 19-ю дивизіями и опираясь лѣвымъ крыломъ на лиманъ, а фронтомъ обратясь къ Шумлѣ, будетъ готовъ ударить на всякій отрядъ, который, направляясь къ Базарджику, сталъ бы угрожать нашимъ сообщеніямъ. Наконецъ, 10-я дивизія будетъ дѣлать то же, что̀ и теперь,—если не понадобится посадить часть ея на суда, для того, чтобы дѣлать экспедиціи; въ такомъ случаѣ 19-я займетъ ея мѣсто, а 16-я и 18-я составятъ подвижной корпусъ (corps mobile). Ротъ не долженъ имѣть иныхъ подвижныхъ магазиновъ, какъ на верблюдахъ, которыхъ я надѣюсь усилить еще на 2,000.—Вотъ что́, любезный другъ, поручаю вамъ, въ настоящее время, содержать по возможности въ тайнѣ, прилагая вмѣстѣ съ тѣмъ полную дѣятельность и энергію на то, чтобы исполнить мои подготовительныя приказанія.

Не говорю вамъ о моемъ горѣ; я едва только начинаю приходить въ себя послѣ того, что̀ на насъ обрушилось. Я не могъ вамъ писать до сихъ поръ. Жена моя вамъ кланяется. До свиданія,—сколь возможно скорѣйшаго, любезный другъ. Ради Бога, постарайтесь, чтобы не теряли времени и не теряли головы, но чтобы все шло согласно моимъ желаніямъ. Вашъ навсегда N.

С.-Петербургъ, 2-го декабря.

(Переводъ). Послѣднее письмо ваше, любезный другъ, я получилъ съ нѣсколько меньшимъ чувствомъ огорченія, нежели предшествовавшія, такъ какъ вы обнадеживаете меня, что принимаемыя вами мѣры, по видимому, оказываютъ свое дѣйствіе. Надѣюсь, что Богъ благословитъ ваши усилія и что все будетъ въ порядкѣ въ минуту надобности. Дѣло о карантинахъ устроилось; но, умоляю васъ, наблюдайте, чтобы это ограничилось лишь самымъ необходимымъ и чтобы отъ этого не вышло какихъ либо злоупотребленій, подвергающихъ государство опасности. Я очень радъ, что фельдмаршалъ принялъ предложеніе остаться на своемъ посту. Но вы ничего не говорите мнѣ о Киселевѣ. Если бы это было дѣломъ возможнымъ, то, можетъ статься, не дурно замѣнить его Толлемъ, а ему дать дивизію. Можетъ быть, это придастъ болѣе оживленія и рѣшительности военнымъ дѣйствіямъ, которыя должны быть энергичны и рѣшительны. Впрочемъ, я говорю это для того, чтобы знать ваше мнѣніе. Болѣе всего рекомендую вамъ обратить вниманіе ваше на постройку моста у Гирсова,—для чего въ лѣсѣ не можетъ быть недостатка; что же касается рабочихъ, то кромѣ тѣхъ, которые принадлежатъ морскому вѣдомству, можно въ окрестной странѣ легко найти и другихъ. Торопитесь, на сколько возможно, приведеніемъ этой мѣры въ исполненіе, она необходима во всѣхъ отношеніяхъ. За тѣмъ, прикажите собрать, какъ можно ближе, осадную артиллерію и боевые запасы, дабы не произошло задержекъ. Признаюсь вамъ, что я не совсѣмъ спокоенъ за Варну; потому что турки, по видимому, серьезно затѣваютъ отнять ее у насъ. Надо удвоить осторожность, потому что, если они поведутъ одновременную атаку и со стороны Шумлы и со стороны Базарджика, то Праводы нельзя будетъ удерживать, когда Козлуджи болѣе не занято нами. А послѣ этого они могутъ окружить крѣпость и отрѣзать всякое сообщеніе съ Базарджикомъ и Коварною,—что было бы плохимъ дѣломъ. Какъ бы воспрепятствовать этому?

Увѣдомьте меня, когда можно двинуть въ походъ баталіоны, назначенные для комплектованія. Весьма необходимо распорядиться такимъ образомъ, чтобы 16, 18 и 19-я дивизіи комплектовались резервами 9-го корпуса и 10-й дивизіи; однако, по сему вопросу не рѣшайте ничего безъ моей резолюціи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю увидѣть васъ, любезный другъ, и услышать отъ васъ лично, что все идетъ хорошо. Жена моя вамъ кланяется. Мое почтеніе фельдмаршалу, и передайте ему, что я благодарю его за то, что остается. Вашъ навсегда N.

P. S. Если извѣстія о движеніи турокъ подтвердятся, то я думаю, что надо бы было перенести главную квартиру фельдмаршала, какъ можно ближе къ Гирсову, дабы имѣть свѣдѣнія о всемъ, что̀ дѣлается, а также подавать помощь войскамъ, находящимся по ту сторону Дуная.

Подлинный текстъ писемъ императора Николая I.

Ce 31 Août 1828. A bord du Paris, rade de Warna.
(Писано рукою К. В. Чевкина).

La nouvelle apportée par le colonel Howen sur votre affaire du 28 m'a fait un vif plaisir; j'étais toujours pleinement convaincu que sitôt qu'on agirait comme il le faut nos affaires ne pourraient que bien aller; j'espére qu'on n'en restera pas là et que si faire se peut on tâchera de rehausser encore l'esprit de la troupe par quelque coup d'éclat, sans grande perte, comme celui que nous venons de faire ici, en attaquant un camp et une redoute turcs, qui se trouvaient sur notre droite, y gênaient nos communications et nous obligeaient à étendre considérablement notre ligne d'avant-postes.

Dans la matinée, ce poste fut vivement canonné par la 2-me batterie de position de la garde et quelques pièces de la 7-me brigade; ensuite, vers midi, à un signal donné, 300 hommes d'élite du régiment de Simbirsk marchèrent subitement à l'assaut et s'emparèrent de la redoute malgré la garnison et les trouppes turcs au nombre de près de 2000 qui la soutenaient; l'impétueuse bravoure de nos soldats triompha de tout; plus de 200 Turcs furent tués sur place; une trentaine fut faite prisonnière; le reste s'enfuit, poursuivi encore par nos soldats. Notre perte monte à 1 officier tué, 2 officiers blessés et près de 30 soldats tués et blessés, ces derniers, en partie, grièvement, à coups de poignards. On ne saurait exprimer l'ardeur incomparable de nos braves; quelques uns entre eux, blessés grièvement aux jambes et que je rencontrai, se levèrent à mon approche, malgré leur état douloureux, pour me saluer. Les 300 h. du régiment de Simbirsk ont seuls suffit et n'ont presque pas eu besoin du bataillon de Nizoff, qui devait les soutenir, et d'une compagnie des gardes d'Ismailoffsky, qui lui servait de réserve. La possession de ce nouveau poste nous est fort avantageux pour nos communications; dans la nuit même nous allons resserrer de ce côté la forteresse par deux redoutes.

La journée d'aujourd'hui a encore été signalée par un autre avantage majeur: le détachement du général Golovin est arrivé à Galata sans coup férir et y occupe une attitude ménaçante; les Turcs paraissent tout stupéfait de ce coup et non seulement n'osent rien entreprendre de ce côté, mais n'ont même opposé aucune résistance; le peu de Turcs et de fourrageurs qui s'y trouvaient ont fui précipitament à l'approche de nos trouppes. Приписано рукою Государя: l'on y a pris plus de 700 pièces de bétails, et un Turc, doméstique du Pacha, est venu au grand galop se rendre à nous.

Рукою Чевкина: La forteresse est serrée de jour en jour plus vivement; déja le couronnement du glacis est achevé; cinq puits sont creusés et sous peu la contre-escarpe sera minée et sautée; cette nuit notre feu va être redoublé par nos batteries de tranchées et par un second vaisseau qui sera embossé devant la place. Les fusées à la Congrève ont aussi fait ici un bon effet; trois fois elles ont mis le feu dans la forteresse.

On ne saurait assez louer, en général, le zèle et l'ardeur de nos trouppes d'ici; nos sapeurs de la Garde se distinguent toujours; hier ils ont fait une perte sensible, par un feu très vif de grenades dirigées sur eux de la place; le lieutenant Lwoff et quelques soldats ont été tués.

L'état sanitaire de la Garde est assez satisfaisant; quoiqu'il y aie des malades, leur nombre cependant n'est pas trop grand; les hôpitaux des gardes sont encore fourni de médicamens et en cédent, autant qu'on peut, aux hôpitaux de la Ligne qui commencent à en manquer sensiblement; ce faible secours ne pourrait leur suffire et il faut absolument que vous fassiez immédiatement les dispositions nécessaires pour obvier à cet inconvénient.

Je donnerai ici tous les ordres nécessaires pour les approvisionnemens d'avoine que vous demandez, mais il est indispensable que vous tâchiez d'envoyer ici directement quelques transports à vide, car nous manquons sensiblement de moyens de charroi.

Pensant qu'il serait utile de vous renforcer plus promptement par quelque cavallerie fraîche, j'ai ordonné d'accélérer la marche des 4 régimens Cosaques que j'ai détourné de Bazardjik et dirigé sur le point d'ici, parceque cette route est meilleure, plus courte et l'on y trouve des fourrages; je compte que vers le 3 septembre il y aura 2 régimens qui passeront déja ici.

Je ne vous écris pas moi-même, car je pense pouvoir me servir à cet effet de Tcheffkine. J'écris au Maréchal, pour lui témoigner ma gratitude sur le succés de ses trouppes.

Приписано рукою Государя: Bravo, bravo et bravo! Mais ne vous arrêtez pas en si bon chemin et faites moi recevoir bientôt encore quelque bonne nouvelle. A vous pour la vie N.

A bord de Paris, rade de Warna, ce 2 Septembre 1828.
(Писано рукою Чевкина).

Nous venons de recevoir de bien bonnes nouvelles du général c-te Paskévitch; ses rapports officiels présentent les détails d'une victoire qu'il a remporté prés d'Achaltziko le 9 d'Août: un corps de 25 m. Turcs a été battu; 5 m. hommes seulement ont parvenus à se sauver dans la forteresse, avec leur Pacha blessé, le reste s'est dispérsé; nos trouppes ont enlevé d'assaut un fort avancé, sur un point fort important; elles ont pris 10 drapeaux, 10 canons et 4 camps, fait 500 prisoniers et tué jusqu'a 2500 hommes. Notre perte aussi a été sensible: le g-al Korolkoff, 7 officiers et 73 soldats sont tués; 24 officiers et près de 400 soldats—blessés.

Indépendement de cette victoire, j'ai trouvé une bien meilleure nouvelle dans les dépêches du g-al Sipiaguine qui vous étaient adressées et que j'ai heureusement décacheté; le 15 Août Akhaltzik a été pris; le colonel Bourtzoff et l'aide-de-camp Felkersam sont en route avec la nouvelle officielle.

Nos affaires d'ici vont aussi, grâce à Dieu, bien; hier, après midi, il y a eu sur la droite de nos tranchées un assez fort engagement: nos braves chasseurs du 13-e et 14-e ont chassé les Turcs la bayonette das les reins de leurs derniers rétranchemens éxtérieurs et leur ont tué jusqu'à 800 hommes; malheureusement nous avons payé cet avantage par 189 hommes hors de combat et la perte bien sensible du brave g-al Peroffsky blessé grièvement par une balle à la partie supérieure de la poitrine, près de l'épaule. Приписка рукою Государя: il va mieux depuis ce matin.

Les mines de la contre-escarpe ont joué et ont fait bon effet; la descente du fossé est fort praticable; actuellement on va établir une batterie pour le balayer par un feu d'enfilade, après quoi on commencera à mener une mine sous l'escarpe.

Ce matin on a envoyé au Capitan-Pacha, commandant de la place un parlementaire, qu'il a fort bien reçu et auquel il a laissé voir beaucoup de disposition à négocier la capitulation, mais seulement avec l'Amiral lui-même. Enconséquence l'Am. Greigh se rendit à bord du batiment le plus rapproché de la forteresse, sur lequel le Capitan-Pacha envoya un Bostandji et un autre de ses affidés; après quelques pourparlers on se sépara, en décidant que les hostilités seraient suspendues jsqu'au lendemain matin; que si une heure après le lever du soleil la forteresse ne se rendait pas, deux fusées lancées de notre côté donneraient le signe de la rupture. Nous verrons où nous en serons demain!

Les nouvelles de la Walachie nous sont aussi favorables; d'après les rapports du Prince Stcherbatoff vous verrez que le g-al comte de Langeron n'a plus de grandes craintes pour les Principautés et que le 2-me corps continue sa marche sur Silistrie; j'ai ordonné de diriger sur ce même point, par Hirsowa, le parc du génie et les deux compagnies de siége, venues de Kieff; la minute de cet ordre vous sera communiquée.

Faites moi une présentation sur la récompense que vous supposeriez convenable de donner au Feldjäger Podgorny qui m'a apporté de Géorgie les bien bonnes nouvelles que je vous ai mandé.

Ce 3 Septembre.

Nos négociations sont restées infructueux: le Capitan-Pacha qui était venu en personne à bord d'un de nos bâtimens pour y conférer avec l'Amiral Greigh a declaré ne pouvoir, malgré toute sa bonne volonté, rendre la place sans avoir convoqué un conseil général et qu'il lui fallait encore quelque temps. Là-dessus l'Amiral rompit les conférences, malgré les vives instances du Pacha, qui alla jusqu'à le retenir par le bras au moment où il levait la séance.—Craitnant que les protestations des Turcs ne fussent simulés et dans la seule intengion de gagner du temps et laisser arriver les renforts qu'ils attendent, comme vous le verrez par les lettres interceptées,—je donnai l'ordre de renouveller les hostilités et notre feu a recommencé. — Il paraît que les dispositions de la garnison ne sont pas totalement favorables à leurs chefs; durant la trêve, quelques anciens Janissaires firent entendre aux notres leur mécontentement contre le Sultan, disant qu'il ne les avait pas encore tous exterminés!

Je vous renvoie ci-joint votre note du 31 Août, concernant quelques mutations dans les détachemens des g-aux Akinfieff et Dellingshausen et quelques autres troupes; vous y trouverez mes décisions en marge.

Je vous envoie de même un mémoire que le g-l Jomini m'a présenté et où il y a quelques bonnes idées; renvoyez le moi après lecture.

La route de Kowarna à Warna qui présentait beaucoup de difficultés au passage des charrais, vient d'être considérablement amélioré et dans quelques jours sera rendu totalement praticable pour toutes espèces de voitures.

Приписка рукою Государя:

Demain ou après demain je vous expédie 150 chariots avec de l'avoine; faites distribuer des полныя дачи. — Dellingshausen me fait part d'un ordre reçu par lui de Baykoff, de me préparer des chevaux de poste pour Шумла et des gardes; je désire savoir, qui est l'auteur d'une pareille bêtise, et qui s'avise de donner des ordres qui me regardent, sans mon autorisation?—Tout à vous N.

A bord de Paris, le 6 Septembre 1828.
(Собственноручное письмо)

Souworof est arrivé, mon cher ami, et m'a remis votre lettre; je suis enchanté que, faute de Turcs, vous combattiez les boeufs; c'est autant de gagné pour la soupe de nos braves gens.—Je suis charmé que depuis la dernière bonne tappe les Turcs soyent tranquils; mais, ne vous y fiez pas.—Le mouvement de Cara-Djéhénem (?), que l'on dit être vers Silistrie, ne m'inquiéterait pas du tout vers ce côté-là; mais je crains que ce ne soit sur Bazardjik—chose qui m'inquiéte beaucoup, vu les 6 milles malades. Je vous enverrai une note de Greigh sur les possibilités pour le renvoi des blessés et malades par eau. Malheureusement, ça ne sera pas suffisant, vu l'immense quantité, qui augmente chaque jour. Hélas! ici cela se fait aussi sentir, et dans une seule semaine sur les 1600 malades de la garde, à Kowarna, 43 sont morts.

Dellingshausen m'a fait part que ce matin on l'avait prévenu de chez vous, qu'il était menacé sur ses derrières vers Kosloudji, et il a quitté Devno, avec presque tout son monde;—je ne puis comprendre, d'où l'on pourrait venir à Kosloudji, sans passer par Pravody au Devno! En tout cas, Devno est si important pour nous, qu'il faut garder ce poste à toute outrance.—Ici tout va fort bien: nous battons la brèche sur un point où les Turcs, pendant l'armistice, grimpaient extérieurement, — tellement c'est deja abimé; et cette nuit une nouvelle batterie va commencer à battre un autre point.

J'ai été avant hier, moi même, voir la position de Golowin, qui est fort bonne et de tête et de queue; j'espère que, si même il était attaqué à dos, il pourra très bien s'y défendre; il a communication libre avec Devno et avec nous, par le Liman et par la flotte. Péroffsky va miraculeusement bien. Tout ici va à merveille. Aujourd'hui est arrivé et demain il part pour vous joindre un rég. de 500 cosaques; demain il en passera encore un; le 3-me, je le garderai pour ici; dans trois jours 488 chameaux vont passer ici avec de l'avoine pour vous. Vous voyez que nous faisons tout pour vous soutenir. Il serait mieux qu'Abakoumoff fasse plus et dise moins; car je vous prouve la chose faisable. Renvoyez moi les boeufs de l'artillerie de siége, nous en avons besoin. Tout à vous, cher ami, pour la vie. N

Mes respects au Maréchal.

P. S. Quant à notre entrevue, cher ami, je suppose qu'il faut la remettre au moment où Warna tombe; avant cela, votre présence est indispensable là où vout êtes.

A bord du Paris, rade de Warna. Ce 9 Septembre, soir, 1828.
(Рукою Чевкина).

Je viens de recevoir votre lettre du 8 de ce mois, par votre aide-de-camp Koucheleff et je m'empresse de vous répondre.

J'admets le mouvement que vous proposez sur Dévna de 5 régimens de la 19-me et du 20-me chasseurs; mais à condition que vous soyez bien certain

et puissiez garantir que le g-le Roudzevitch qui resterait à Schoumla le conduise bien et tienne bravement.

Je consens aussi de laisser le g-al Rüdiger, avec les Huszards, à Jenibazar; à faire passer, s'il y a nécessité, le quartier-général à Kozloudji et à confier le commandement de ce point, de Devno et de Pravody au Prince Eugène.

Une fois que la 19 division sera à Devno, il faudra renvoyer le régiment de Krémentchoug à sa division.

Vous aller recevoir un renfort de deux régiments cosaques, qui ont déja passé par ici.

Votre mouvement une fois effectué, nous serons en pleine securité de notre côté, contre le Vézir et toutes ses forces. Le détachement du g-al Golowin fort de 8 bataillons, a été renforcé ce matin par les chasseurs à cheval de Séversk et va l'être encore de tout le régiment des Gardes de Pawlowsk et de 4 pièces de position, qui serait transportés par eau cette nuit; avec ces forces et l'avantage de sa position, il pourra tenir contre un ennemi très nombreux.

Nos travaux contre la forteresse avancent visiblement; nous ne sommes qu'à une portée de pistolet de l'ennemi; une nouvelle batterie de brèche vient d'être établie et a commencé à jouer hier; les troupes attendent avec impatience l'assaut, que je retarde jusqu'à ce qu'on aye écarté les difficultés autant que possible.

L'état sanitaire des troupes est moins satisfaisant; il y a quelques convalescents, mais les malades augmentent et même la mortalité devient sensible.

Mais, ce que je crains surtout, c'est le désordre qui règne dans l'approvisionnement; on a laissé aller les choses au point qu'il n'y a plus ici et à Kowarna que 500 tchetverts de biscuits; la Garde même n'en a que pour quatre jours; j'ai donné des ordres pour hâter d'Odessa l'expedition de biscuits, mais je veux savoir et je demande absolument les raisons d'une faute aussi grave. Le sénateur Abakoumoff devait faire ses arrangemens d'une manière plus fondée; sitôt que cet état de disette serait parvenu à sa connaissance, il aurait dû en faire un rapport immédiatement, et ce rapport devait me parvenir.

Je suis donc totalement dans l'impossibilité de vous envoyer la provision de biscuits, citée dans la note que vous m'avez fait présenter par Tcheffkin; prenez vos mesures en conséquence; en attendant, pour utiliser les transports que vous envoyez ici, je les ferai charger d'avoine et vous les renverrai immédiatement.

Приписка рукою Государя:

Quant aux détails et à quelques observations, je vous renvois, cher ami, à ma lettre: lisez, pesez et décidez vous pour le mieux.

A bord du Paris, le 9 Septembre, soir, à 9 heures 1828.
(Собственноручное).

C'est à 6 h. ce soir, que Кушелевъ et les deux courriers du 5 et du 7-me sont arrivés, mon cher ami.—Warna n'est pas encore à nous; ainsi, l'essentiel n'est pas fait encore. Ce soir, au moment où Кушелевъ arrivait, Golowin nous a fait savoir, qu'un gros de cavallerie Turque était vis-à-vis de son avant-garde, c. à d. à 8 verstes d'ici. Dans la journée il a été renforcé par un régiment de Chasseurs et 2 pièces de Don; je lui envois encore 4 pièces de po-

sition et les Pavlovsky; ainsi, il doit et il peut recevoir sans crainte le vizir—si c'est lui, et attaquer et repousser tout autre corps,—si ce n'est pas lui.

Venons à vous.—L'affaire de Riccord est infame, et je permets au Maréchal de le produire devant une cour martiale.—Si vous me répondez sur votre tête que Roudzévitch peut tenir, sans risquer, avec les 5 divisions, je consens de suite à l'arrivée de la 19-me à Devno. Faites alors retourner le rég. de Кременчугъ à sa division et donnez un autre régiment à Dellingshausen le deux régiments, de Кузнецовъ et Долотинъ, cosaques, doivent être déja à Enibazar et Kozloudji; aussi, voilà de la cavallerie fraîche.—Si vous croyez indispensable que le Maréchal vienne avec une division se placer à Devno ou Kozloudjy, j'y consens; mais j'aime mieux qu'il reste à Шумла, ne fut-ce que pour l'effet moral et politique. Dans ce cas, après avoir tout arrangé avec lui pour ce qu'il a à faire, venez de votre personne et prenez avec vous Абакумовъ, pour ici; dans l'autre cas, c. à d. si le Maréchal doit aller à Devno, restez un jour après lui à Шумла, montez la machine, et venez ensuite me rendre compte de tout l'état des choses passant par Devno et Kozloudji.— Mais, je vous répéte: j'aime mieux que le Maréchal reste à Шумла; et nous saurons faire aller les choses ici seuls, et bien mieux—vous ayant vous, avec moi. C'est dis.

Depuis ce soir Dellingshausen me rapporte que Madatof lui a fait dire, qu'il n'a pas besoin de renfort, et que Dellingshausen est venu à Devno. C'est parfait.—Prenez garde au 20 de Chas., à Маковщина,—il y est bien exposé; il vaut mieux le faire aller à Devno, où il sera joint par sa réserve qui l'y attend.

Ce qui est incroyable et me fait dresser les cheveux, c'est qu'à Kowarna il n'y a que 500 четверть de biscuits; nous en manquons déja ici, et s'il n'arrive pas de vaisseaux d'Odessa, nous n'avons que de l'avoine, dont il y a abondance. Comment est-il possible qu'Abakoumof n'en aie pas fait son rapport au Maréchal?—en un mot: que personne n'en aie rien su? Faites une enquête sévère là-dessus; et voilà pourquoi je vous invite à amener Abakoumof avec vous, ici. Voilà un nouvel échantillon de l'insouciance du Maréchal.—Il en est de même des médecines, dont il n'y a que pour 12 jours à Kowarna. Remettez ordre à cela, tout de suite.—J'ai envoyé un courrier à Odessa, pour pousser tant que possible, l'envoi des biscuits.—J'ai fait rester la cavallerie de la garde à Kowarna où elle a du fourrage, jusqu'à ce que nous en ayons besoin, c'est deux marches.—Les travaux de siége avancent rapidement; nous battons depuis hier une seconde brèche, qui déja est fort avancée; l'autre est énorme, et ce n'est que par surcroit de précaution que l'on ne l'escalade pas encore. Du reste, les Turcs se défendent bien.—Nos malades augmentent énormement; les régiments de la garde en ont près de 200 chacun, ici, et le rég. de Semenofsky a eu 8 morts dans 3 jours.—Peu de tués; assez de blessés; mais tout est feu et zèle et veut monter à l'assaut.—Au revoir, et tout à vous N.

A bord de Paris, le 11 Sept. 1828.

Cette fois-ci je n'ai rien de bon à vous annoncer, mon cher ami; hier dans la soirée il s'est passé un événement honteux et incroyable au détachement de Golowin. La veille l'on avait eu la nouvelle de l'approche d'un corps ennemi, par nos fourrageurs, qui furent attaqués, mais s'en tirèrent bravement et revinrent même avec des chevaux, pris sur les Turcs.—Hier matin j'ordon-

nai à Golowin послать полковника Залуцкаго, съ сильною партіею, развѣдать о непріятелѣ. Golowin forma un détachement de deux escadrons, de mes chasseurs, 2 pièces du Don et du régiment des chasseurs de la Garde. C'est énorme détachement, qui n'était plus une „партія", partit avec Zalousky et Gartong, qui demanda à marcher avec le régiment; à 2 heures après diner ils donnèrent, à 12 verstes du camp, sur un camp Turc. Le premier mouvement du rég. des chasseurs fut de se jetter dessus; Zalousky les retint et commença à canonner; par conséquent—détruisit le bon, pour ne rien produire. Les Turcs qui avaient été surpris au point de seller encore leurs chevaux, commencèrent alors une fusillade; allors Zalousky trouva qu'il était trop faible pour les attaquer, et ordonna au régiment de se replier, emmenant avec lui les chasseurs à cheval et le 2 pièces. Il arriva ainsi le premier au camp, abandonnant son infanterie. Alors il paraît que les chasseurs prirent la terreur panique!—tant il y a, qu'il n'est revenu que huit cents hommes avec 11 officiers et le colonel Ouwarof; le reste fut pris, tué, ou dispersé! Tous les autres officiers sont tués ou perdus; 2 officiers, dont l'un à quatre balles dans le corps, et 103 hommes blessés sont revenus; nous ne savons rien des autres; l'on dit Гартонгъ, Сарреръ et Буссе—tués!—C'est horrible et incroyable.—J'ai de suite envoyé Bistrom prendre le commandement, faire une enquête et remettre l'ordre dans le régiment; il vient de me faire savoir, qu'il en réponds et qu'il tiendra sa position; que dans ce moment les Turcs paraissent tourner vers le Liman, pour tomber, peut-être, sur sa droite et percer par là vers la ville.—J'envois l'ordre à la 19 division, si elle est en route, d'aller droit à Devno, et à Dellingshausen de marcher, aussitôt la division arrivée, sur Gébedji, le brod. J'ai fait arriver aussi, pour ce soir, la cavallerie de la garde; de façon, que nous sommes assez forts. Mais il faudra de nécessité, quand la 19-me sera en place, pousser de Devno sur le Камчикъ, pour être plus uni,—ce qui pourra être soutenu d'ici le long de la mer.—Le siége avance; la tour qui est au borde de la mer est déja entre nos mains; et la descente dans le fossé et la seconde brèche sont presque achevées. Mais les Turcs sont tenaces; ainsi je ne puis rien dire sur la fin de la chose.—Cher ami, je suis navré de ce triste et incompréhensible événement.—Tout à vous pour la vie N.

Point de biscuits, mais beaucoup d'avoine. Mes respects au Maréchal.

St. Pétersbourg, le 16 Octobre 1828.

Avant que je m'aie eu le temps de vous informer de mon arrivée ici, mon cher ami, hier soir Lamsdorf m'a porté vos dépêches du 5.—Je suis charmé d'apprendre que tout va bien chez nous; que le mouvement de Schoumla aie bien réussi et qu'on vous laisse tranquil à Warna. J'approuve parfaitement la disposition pour l'emplacement provisoire que vous avez fait prendre au corps du Pr. Eugène; je ne comprends seulement pas trop, où vous voulez concentrer celui de Rott. Je crois qu'il faut être bien sûr de ne pouvoir pas garder Pravody, avant que de se décider à l'abandonner.—Je suis charmé que vous ayez déblayé vos hôpitaux à Warna; maintenant il faut hâter, tant que possible, les constructions et réparation de la place, pour être déja tranquils et sûrs de ce côté, et penser à fortifier pour l'hiver Guébédji, Kozloudji et Bazardjik. Au

reste, je suis persuadé, que vous aurez pensé vous même à tout cela.—J'approuve infiniment que vous vous transportiez avec le Maréchal à Silistria, sitôt que tout n'y va pas à votre pensée, et j'espére que le bon Dieu fera durer cet état de chose. Les mesures prises par Чернышевъ me font espérer que les nouvelles réserves auront toutes leurs fournitures. De même, l'apprivisionnement me paraît ne devoir éprouver ni aucun retard, ni difficultés, si l'administration des vivres de l'armée n'y met elle même de la confusion. Il y a entre Odessa et Cherson déja 170 m. sacs de biscuits prêts.

Je viens à l'article le plus important de votre lettre, celui qui parle du remplacement du Maréchal;—puisqu'il ne veut pas rester, je ne puis le retenir; mais en tout cas, il ne doit pas quitter avant que tout ne soit emplacé dans les quartiers d'hiver.—Passant par Mohilef, j'ai vu le bon vieux Sacken et je crains que son état de faiblesse ne rende impossible pour lui d'accepter ce nouveau commandement,—qui, pour le reste, me conviendrait; je crois, qu'en attendant, Langeron peut rester, sans titre, le plus ancien à commander en Moldavie et Rott en Bulgarie. S'il n'y a aucun espoir d'éviter une seconde campagne, il faudra bien que j'y retourne, et alors je commanderai moi même, ayant Langeron sous moi. En attendant, en cas qu'il soit possible que Sacken accepte ce nouveau commandement, il faut que vous me disiez, ce que vous pensez faire de Kissélef et des autres membres de l'État-Major de la ci-devant 2-e armée; et que vous me disiez vos pensées sur le mode d'administration pour ce qui reste en place de la 1-e armée.

Pour en revenir à Warna, je consens à relever Ditrichs; mais il faut le remplacer par un homme sûr; tant que Rott lui même y sera, c'est moins important; mais il faut cependant avoir un homme sûr pour ce poste et dresser une instruction pour tout ce qui regarde l'ordre dans la place et les mésures de précaution, que vous ferez signer et donner par le Maréchal au commandant, et vous m'en enverrez copie.—L'on supporte le nouveau recrutement avec une parfaite résignation et il paraît que l'on est convaincu de sa nécessité.—La prise de Warna a mis tous dans l'ivresse; ma mère est malade de joie, et je suis impatient de la voir mieux.—Le recrutement 92 est superbe.

Je vous écris d'une manière confuse, mon cher ami, parceque l'indisposition de ma mère, qui paraît être mieux se soir, m'interrompe souvent.—Je vous répéte que je ne puis assez me louer de tout ce que je vois et j'entends; et la récéption que l'on m'a faite à mon arrivée complètement inattendue, me laissera un éternel souvenir et bien cher de mon coeur. Tout le monde est d'accord et animé du même désir de faire bien marcher les choses. Schachowskoy qui est ici m'a dit lui même qu'il est étonné des progrès que font les colonies, et même le reg-nt Araktchéef, et qu'il peut m'assurer hardiment que tout marche bien.—Les bâtisses d'ici sont miraculeuses.—Je n'ai aucune nouvelle politique à vous communiquer, n'ayant point de courrier; l'on débite à Londre et à Paris force invectives contre nous, pour le blocus des Dardanelles, tout en disant que nous en avons le droit et que ce n'est pas un motif de guerre contre nous.—Dans quelques jours je vous enverrai un autre courrier, ou je pourrai vous dire plus de détails.

Dites mille choses au Maréchal. A propos: je viens de recevoir la nouvelle de la mort de Rodzanko (?), à Charkof, et je crains, d'après les indices, que ce ne soit l'effet du poison. Adieu mon cher ami; que Dieu vous guide et vous fasse prendre bientôt Silistria. Tout à vous pour la vie N.

Ma femme vous dit mille choses.

St. Pétersbourg, le 10 (22) Novembre 1828.

Que la volonté de Dieu soit faite, mon cher ami; ce qui est fait—est fait, et ne pensons pour le moment non au passé, mais au présent et au futur.

Le tableau que vous me faites de l'état des trouppes est à peu près celui, que je m'en faisais; mais je ne vois pas si en noir que vous; je suppose, avec persuasion et conviction de la chose, que l'ordre doit et peut être rétabli sitôt que les mesures serons promptement et bien prises.—Avant tout je vous charge de dire au Maréchal, en lui remettant la lettre ci-jointe, que j'attends de son zèle et de son dévouement qu'il conserve le commandement en chef de l'armée; sa position actuelle l'exige impérieusement, et l'expérience du passé et, surtout, le rôle que j'assigne à l'armée pour la campagne prochaine, le mettront parfaitement à même de remplir mes instructions à ma satisfaction. Je compte sur vous pour l'y persuader.—Kissélef doit rester comme par le passé; vous placerez Souchtelen au lieu de Berg, que vous mettrez sous ses ordres; vous changerez Baykof par Mayefsky, ou qui vous jugerez le mieux, et ainsi des autres, qui ont prouvé leur ineptie et leur incapacité.—Vous ne perdrez pas une minute, pour annoncer aux chefs de Corps et de Divisions de passer la revue d'inspection de leurs corps respectifs et de présenter, sans aucun délai, leur rapport sur l'état le plus détaillé des trouppes. Qu'un aide-de-camp du Maréchal soit présent à tout cela, pour rapporter les rapports. Vous ferez présenter par l'artillerie et le génie un état de tout ce qu'elle posséde de matériel et sur les lieux où il est disposé, et qu'il nous soit d'abord envoyé. Vous ferez inspecter tous les hôpitaux et soigner le plus scrupuleusement cette partie, en faisant incorporer tout ce qui en sort sur la rive gauche du Danube, dans les trouppes y cantonnés; et de même pour celles de la rive droite. Renforcez de soins et de surveillance, afin qu'à Hirsof et Kistenji et Isaktcha nous ayons pour les deux divisions et le reste des trouppes, au moins pour deux mois de vivres en dépôt. Envoyez à cet effet quelqu'un de sûr, pour surveiller l'éxécution de cela, qui est indispensable. Voyez à ce que les chefs de corps en Valachie et Moldavie soignent bien leurs trouppes et les cantonnes le mieux possible. Enfin, après avoir mis tout cela en branle, revenez ici le plustôt possible. J'envois Герyа et Кавелинъ, chacun dans la 8 et 9 divisions, pour les voir et me faire leur rapport sur leur état. Plus tard, j'enverrai Neithard controler l'execution des mesures prises pour remettre le tout en ordre.

Passons à l'essentiel pour l'année qui vient: au plan de campagne. Tout pensé, tout pris en considération, je m'arrête à l'idée qui suit. L'éxpérience de cette campagne nous a prouvé à l'évidence, à quel pays et à quelle nation nous avions à faire. Répéter les pertes gratuites, que nous devons à nos fausses mesures provenants de nos données erronnées sur ces deux points si importants,—serait un crime, dont je ne chargerai jamais ma conscience. Il s'agit donc de décider que devons nous faire, d'après ce que nous pouvons faire ou entreprendre. Avant de commencer la guerre, j'ai annoncé que je désirai obtenir des garanties qui puissent me faire éspérer des conditions honorables pour la paix. Malgré que la campagne n'a pas repondue en entier à nos éspérances, néanmoins le Providence a daigné mettre en nos mains deux pro-

vinces intactes, et une autre, théâtre de la guerre, dont la clef est Warna. En Asie, excepté Anapa et Poti, trois Pachaliks sont en notre pouvoir. Ce sont des garanties considérables,—si elles ne sont pas suffisantes encore, pour obtenir notre but. Serait-ce prudent à moi de vouloir pousser au hasard une campagne au delà des Balkans, sans aucune sûreté de succès, si même j'en pouvais avoir l'espoir; tandis que pour s'assurer la position des garanties il me reste à m'emparer des places situés le long du Danube? Il me paraît donc, que, loin de pousser au delà du Balkan, le bon sens et la prudence exigent impérieusement d'abandonner l'idée d'une invasion au delà des monts, et à se borner d'accepter de pied ferme ce que nous possédons déja, en achevant de s'emparer de ce qui n'est pas encore en notre pouvoir. Des expeditions partielles exécutées par la flotte, avec des troupes de débarquement, peuvent être faites et seront utiles; mais une division est suffisante pour cet objet; le reste, c. à d. les 6 et 7 corps seront destinés à se mainteuir à Warna et environs, tandis que le 2-me du 3 s'occuperont du siége de Silistria et Jourja, tout en menaçant en flanc ce qui voudrait marcher vers Bazardjik. Par contre, l'armée de Géorgie operera activement vers Erzeroum ou Trébizonde, d'après l'opinion et les connaissance locales du comte Paskévitch. Enfin si le blocus des Dardanelles est faisable, il coopérera au plan général, qui est—de se maintenir dans les pays occupées et de gêner autant que possible le Sultan dans tous les besoins de sa capitale et de son Empire, l'amener à traiter, sans faire nous même de grands sacrifices, ni en hommes, ni en moyens pécuniaires. Ce plan prouvera à l'univers entier que nous continuons non en conquérants, mais en gens sages et prudents,—un plan qui ne peut que nous amener à de grands résultats. Il nous met en mesure de tenir l'Europe en respect et ferme la bouche à ceux qui, sous prétexte d'arreter mon ambition, voudraient contrecarrer nos opérations hasardeuses.

Passons aux moyens d'éxécution. 1) Au delà du Danube il faut continuer, comme jusqu'ici, à fortement approvisionner Warna et Kistenji; mettre ces deux points en parfait état de dépense et tâcher, maintenant que Silistria n'est pas à nous, de rendre Bazardjik aussi fort que possible. Approvisionner Hirsova et Babadag de façon à ne pas compromettre l'approvisionnement des troupes, pour le temps où la communication par dessus le Danube devient précaire. Présentez le plustôt possible l'état de ce qui manque d'homme dans les 6, 7, 10, 16, 18 et 19 divisions, après que les hommes, laissés dans les hôpitaux de la droite du Danube auront été incorporés, pour pouvoir d'avance savoir ce que nous devons tenir prêt de reserve, pour leur être envoyé à temps. Comme les batal. de réserve de la 16-me sont en Moldavie, il faudra nécessairement prendre sur ceux du 3-me corps pour les remplacer dans la 16-me division; et ceux des réserves de la 16-me pour les 8 et 9-me divisions, en échange de ce qui leur serait pris pour la 16-me. Comme la plus grande partie le l'artillerie de ces divisions et sans chevaux qui leur seront nécessaires le plus près possible près du pont de Satounova, c. à d. en Bessarabie, pour pouvoir, dès le mois de Février, les leur faire passer. Silistrie et Jourja, étant les deux premiers points d'attaque pour nous, il faut tâcher cet hiver de se procurer tous les renseignemens possibles sur ces deux points et s'y préparer des intilligences. Préparer, dès ce moment, tout les moyens possibles pour deux ponts: l'un à Hirsova, l'autre pour Tourtoukay, et y faire travailler de suite. Transporter tous les matériaux de siége, tout d'artillerie que pour les travaux du génie,

dans la proximité, des deux places, pour pouvoir de suite ouvrir la tranchée sitôt que le temps le permettra. Fonder des magasins à proximité, pour la campagne prochaine, et se donner les moyens da transport, pour deux mois de vivres, pour 6 divisions d'infanterie, et deux de cavallerie. Je suppose que dès l'ouverture de la campagne, qu'il faudra commencer le plustôt possible, les 7 et 6 divisions viendront sous Silistria faciliter le passage du Danube au reste du 3-me corps avec l'art. de siége etc., et, en même temps, couvrir le siége si les Turcs se présenteront en plaine, venant de Schoumla; tandis que la 4 et 5 divisions, avec une brigade de la 17, feraient le siége de Jourja. Rott, avec les 16, 18 et 19-me ferait un corps menaçant la gauche au liman, face à Schoumla, pour tomber dessus à tout ce qui voudrait menacer vers Bazardjik nos communications. Enfin, la 10-me ferait son rôle actuel, s'il n'est pas nécessaire d'en faire embarquer une partie sur la flotte pour des éxpéditions; alors la 19 division prendrait sa place et la 16 et 18 feraient le corps mobile. Rott ne devra avoir de magasins mobiles que sur chameaux, que j'éspére renforcer encore de 2,000. Voilà, pour le moment, ce que je vous charge, mon cher ami, de tenir aussi secret que possible, tout en mettant la plus grande activité et vigueur à remplir mes ordres préparatoires à .... Je ne vous parle pas de notre douleur; à peine puis-je encore revenir de ce qui vient de nous accabler; je n'ai pas pu vous écrire jusqu'à présent. Ma femme vous dit mille choses. Au revoir donc, cher ami, le plustôt possible. Au mon de Dieu, faites que l'on ne perde pas de temps et que l'on ne perde pas la tête, moins que tout marche au gré de mon désir. A vous pour la vie N.

St. Pétersbourg, le 2 Décembre, 1828.

J'ai reçu votre dernière lettre, mon cher ami, avec un sentiment d'un peu moins de peine que les précedentes, par l'espoir que vous me donnez, que les mesures que vous prenez paraissent porter fruit. J'espère que le bon Dieu bénira vos éfforts et que tout sera en ordre pour le moment nécessaire. L'affaire pour les quarantaines est arrangée; mais je vous supplie de veiller à ce que cela ne soit que pour le stricte indispensable, et qu'aucun abus ne s'en suive qui puisse compromettre la sûreté de l'Empire. Je suis charmé de ce que le Maréchal aie accepté de rester; mais vous ne me dites rien de Kissélef; en cas que la chose fut possible, il ne serait peut-être pas mal de le remplacer par Toll, en donnant à l'autre une division; peut être que cela donnerait plus de feu et de résolution aux opérations, qui doivent être fortes et décisives,—ce que je dis, toute fois, pour savoir votre opinion. Je vous recommande le plus de porter votre attention sur la construction d'un pont à Hirsova, pour lequel le bois ne peut manquer; et, quant aux travailleurs, outre ceux de la marine, on pourra aisément en trouver dans le pays. Pressez cette mesure le plus que vous pouvez: elle est indispensable pour tout. Ensuite, faites préparer le plus près possible, et l'artillerie de siége, et les munitions, pour qu'il n'y aie pas d'arrêt. Je vous avoue ne pas être sans inquiétude pour Warna; car il paraît que les Turcs ont des intentions sérieuses de tenter de la reprendre. Il faut redoubler de précaution; car, s'ils combinent une attaque de Schoumla et de Bazardjik à la fois, Pravody n'est pas tenable, depuis que Kosloudji n'est pas gardé; et alors ils peuvent investir la place et couper toute communication

avec Bazardjik et Kowarna,—ce qui serait fort mauvais. Comment ferait-on pour l'empêcher?

Informez moi du moment où l'on pourra faire marcher les bataillons de complétement; il est urgent de faire un arrangement pour compléter les 16, 18 et 19 divisions par les réserves du 3 corps et de la 10 div.; mais ne prenez aucune détermination là dessus sans ma résolution. Je suis impatient de vous revoir, mon cher ami, et d'entendre de vous personellement que tout va bien. Ma femme vous dit mille choses. Mes respects au Maréchal, et dites lui que je lui sais gré de rester. T. à v. pour la vie N.

P. S. Je crois que, si ces nouvelles de mouvements des Turcs se confirment, il faut porter le Quartier du Maréchal le plus près de Hirsova que possible, pour être à portée de savoir ce qui se passe et porter même secours à ce qui est au delà du Danube.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ

ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО, ЗИМОЮ 1877 ГОДА.

(Военно-исторический очеркъ).

(Окончаніе).

IV [1]).

Во время описанныхъ операцій у Ташкисена, небольшая часть войскъ отряда генералъ-адъютанта Гурко, дѣйствуя совершенно отдѣльно, одержала блистательный успѣхъ противъ многократно сильнѣйшаго непріятеля. Какъ уже извѣстно, отрядъ генерала Вельяминова, перейдя Балканы черезъ Умургачъ, получилъ назначеніе выдвинуться вправо къ сторонѣ Софіи и составить заслонъ противъ значительнаго непріятельскаго отряда, расположеннаго въ этомъ пунктѣ. Составъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова, былъ слѣдующій: три баталіона Тамбовскаго полка, два баталіона Пензенскаго полка, 12 сотенъ Кавказской казачьей бригады, 4 орудія 2-й гвардейской конной батареи и 2 орудія 5-й гвардейской конной батареи.—Какъ видно, отрядъ былъ незначителенъ по составу, но превосходенъ по своимъ нравственнымъ качествамъ: полки 31-й пѣхотной дивизіи, со времени взятія штурмомъ Никополя, не переставали быть въ огнѣ; гвардейская конная артиллерія горѣла лихостью и свою доблесть заявила уже подъ Телишемъ; что-же касается Кавказ-

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., томъ XXVIII, (августъ) стр. 619—638; томъ XXIX, (сентябрь) стр. 57—96; (октябрь) стр. 223—254; (ноябрь) стр. 223—254.

ской казачьей бригады, то о ней и говорить нечего — это была краса нашей кавалеріи [1]).

Что касается числительности турокъ, бывшихъ въ Софіи, то ихъ тамъ находилось болѣе 30 баталіоновъ, собранныхъ изъ различныхъ пунктовъ окрестностей города, а именно: изъ Торука, Шекрикіойя, Лютикова и т. п. Войска эти были стянуты по приказанію Сулеймана-паши и должны были, согласно желанію константинопольскихъ властей, всѣми силами оборонять городъ, подобно тому какъ Шакиръ-паша имѣлъ назначеніемъ удерживать „до послѣдней крайности" Комарлійскую (арабаконакскую) позицію. Начальствованіе надъ софійскимъ гарнизономъ поручено было Мехмету-пашѣ. Самъ Сулейманъ, побывавши въ Софіи въ первые дни дебушированія нашего отряда изъ балканскихъ ущелій, вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Адріанополь, подъ предлогомъ подготовки этого пункта для обороны [2]).

Отрядъ генерала Вельяминова 18-го декабря сосредоточился въ д. Яна, имѣя впереди и на флангахъ наблюдающія части. На другой день начальникъ отряда, совмѣстно съ командиромъ Кавказской казачьей бригады и офицерами генеральнаго штаба, отправился для рекогносцировки позиціи, соотвѣтствовавшей назначенію отряда. Эта рекогносцировка показала, что удобной фронтальной позиціи вблизи д. Яны не имѣлось. Невысокій горный хребетъ около Софійскаго шоссе, начиная отъ Узенли, уклоняется нѣсколько къ сѣверу и образуетъ нѣсколько удобныхъ фланговыхъ позицій, а не фронтальныхъ, противъ непріятеля, двигающагося изъ Софіи. Это обстоятельство и заставило генерала Вельяминова занять именно фланговую позицію.—Для развѣдокъ о непріятелѣ и своевременномъ раскрытіи его силъ, 12 сотенъ Кавказской казачьей бригады расположены были въ с. Дольнемъ Бугаровѣ и Бутонецѣ и должны были охранять всѣ подступы отъ Софіи и, главное, наблюдать мостъ американской системы, на шоссе, черезъ р. Искеръ. Около 5 часовъ по полудни, 19 декабря, генералъ Вельяминовъ получилъ донесеніе отъ генерала Черевина, что турки въ значительныхъ массахъ, изъ пѣхоты и кавалеріи, наступаютъ со стороны Софіи. Отрядъ былъ немед-

[1]) „Дѣло Гподъ орнымъ Бугаровымъ", очеркъ участника. „Сборникъ военныхъ разсказовъ" т. 3.

[2]) Процессъ Сулеймана-паши.

ленно поднятъ по тревогѣ и двинутъ впередъ. На пути изъ д. Яны въ Горній Бугаровъ встрѣчено было множество болгаръ, которые въ ужасѣ бѣжали передъ наступавшемъ врагомъ. Подходя къ д. Горному Бугарову, генералъ Вельяминовъ встрѣтилъ вьюки Кавказской бригады, которые сообщили ему, что турки находятся уже вблизи этой деревни. Желая предупредить непріятеля въ д. Гор. Бугаровѣ, генералъ Вельяминовъ приказалъ авангарду поторопиться туда, а самъ, выѣхавши впередъ, выбралъ позицію впереди и по сторонамъ деревни, гдѣ и рѣшился дать отпоръ непріятелю. Означенная позиція имѣла слѣдующій характеръ. Направленіе ея относительно софійскаго шоссе было полуфланговое, причемъ шло отъ юго-востока на сѣверо-западъ. Образовалась она изъ д. Горнаго Бугарова, лежащей въ лощинѣ, и изъ небольшихъ высотъ непосредственно впереди ея. На восточной возвышенности, ближайшей къ шоссе, находилась отличная артиллерійская позиція, а впереди Бугарова, противъ центра позиціи,— курганъ, весьма удобный для обороны. Противуположная мѣстность превосходно обстрѣливалась съ упомянутыхъ высотъ, а противникъ при атакѣ не находилъ надлежащихъ закрытій. Стратегическимъ ключемъ позиціи былъ лѣвый флангъ, съ занятіемъ котораго отрядъ нашъ отрѣзывался отъ войскъ генералъ-адъютанта Гурко, а тактическимъ, могшимъ сильно вліять на ходъ боя, — высота на крайнемъ правомъ флангѣ, которая впослѣдствіи, уже во время самаго дѣла, была занята частью Пензенскаго полка.

Отрядъ расположенъ былъ слѣдующимъ образомъ: артиллерія (6 гвард. орудій) заняла позицію на восточной возвышенности, съ прикрытіемъ изъ 2-хъ ротъ 2-го баталіона Тамбовскаго полка, ставшихъ по обѣ стороны батареи. Стрѣлковая рота 1-го баталіона Тамбовскаго полка заняла курганъ въ центрѣ позиціи и хребетъ вправо и влѣво оттуда. Прочія четыре роты этого баталіона, построившись въ двѣ линіи, стали въ видѣ поддержекъ и частнаго резерва позади разсыпанныхъ стрѣлковъ. Стрѣлковая рота 3-го баталіона Тамбовскаго полка разсыпалась лѣвѣе предъидущихъ, по направленію къ софійскому шоссе, а два баталіона Пензенскаго полка расположились въ резервѣ за обоими флангами [1]). Пока вы-

---

[1]) Нѣкоторыя роты были въ откомандировкѣ.

страивался боевой порядокъ стемнѣло, и къ 7 часамъ вечера перестрѣлка казаковъ съ турками утихла. Зарево пожаровъ въ Бутонецѣ и Дольн. Бугаровѣ и бивачные огни въ этихъ пунктахъ показывали, что противникъ пріостановился и лишь отложилъ свою атаку, а не отказался отъ нея. Вслѣдствіе этого генералъ Вельяминовъ оставилъ свой отрядъ на занятой позиціи и приказалъ окопаться, насколько это было возможно. Для охраненія войскъ и наблюденія за противникомъ впереди фронта, была поставлена сильная кавалерійская цѣпь: четыре сотни Владикавказскаго полка расположились впереди лѣваго фланга позиціи, а двѣ противъ с. Бутонеца [1]).

Посмотримъ теперь, что̀ происходило впереди у казаковъ.

Мы уже знаемъ, что въ Софіи находилось болѣе 30-ти баталіоновъ подъ начальствомъ Мехмета-паши, получившаго назначеніе защищать г. Софію, вокругъ которой находилась цѣпь сильныхъ укрѣпленій. Какими побужденіями руководствовался Мехметъ-паша при своемъ движеніи противъ генерала Вельяминова, т. е. хотѣлъ-ли онъ двинуть часть войскъ на соединеніе съ арміей Шакира, или же, что, конечно, гораздо вѣрнѣе, воспользоваться отдѣльнымъ расположеніемъ нашего отряда, чтобы разбить его — намъ въ точности неизвѣстно. Точно также нѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній для опредѣленія силъ противника, двинутыхъ къ Горному-Бугарову, и можно лишь весьма приблизительно указать ихъ, а именно: отъ 15 до 20 таборовъ (баталіоновъ) пѣхоты, около 20-ти горныхъ и полевыхъ орудій и до 300 человѣкъ кавалеріи.

Кавказскіе казаки отряда генерала Вельяминова, для лучшаго наблюденія за противникомъ, выдвинулись до самаго Искера у д. Враждебной, гдѣ и встрѣтили значительныя турецкія силы. Противникъ заставилъ ихъ отступать къ д. Дольнему-Бугарову и слѣдовалъ, такъ сказать, на ихъ плечахъ. Казаки, пройдя мостъ на р. Малинской, спѣшились и залегли по берегу, чтобы задержать противника. Встрѣченные нашими выстрѣлами, турки двинулись вправо вдоль рѣки, пройдя версты двѣ, переправились по льду и заняли д. Мусачово. Казаки тотчасъ перемѣнили фронтъ и стали вдоль шоссе, имѣя въ тылу д. Горный-Бугаровъ. Съ наступленіемъ

---

[1]) Рапортъ генерала Вельяминова отъ 25-го декабря „Военный Сборникъ“ 1878 г., № 4.

сумерекъ бой утихъ и турки расположились ночевать близь д. Мусачова, занявши часть ея домовъ. Казаки, оставивъ часть впереди для наблюденія за противникомъ, отошли къ Горному-Бугарову и расположились по квартирамъ. Ночь прошла спокойно, но на другой день, 2-го декабря, часовъ въ 8 утра, турки густою цѣпью, имѣя впереди шагахъ въ 50-ти кавалерію, стали тѣснить наши аванпосты, которые, отстрѣливаясь, начали отходить назадъ за пѣхотные ложементы. Позади цѣпи двигались густыя массы пѣхоты; артиллерія съ трудомъ тащилась по снѣжнымъ сугробамъ [1]).

Между тѣмъ генералъ Вельяминовъ, вскорѣ послѣ начала движенія турокъ, получилъ донесеніе о томъ, что они, выстроивши боевой порядокъ около села Дольняго-Бугарова, имѣютъ видимую цѣль атаковать нашъ отрядъ; а вслѣдъ затѣмъ казаки извѣщали также, что нѣсколько таборовъ съ орудіями сошли съ шоссе и направились въ обходъ лѣваго фланга. Атакованный съ фронта и угрожаемый обходомъ, генералъ Вельяминовъ находился въ высшей степени въ затруднительномъ положеніи, какъ относительно выполненія общей, возложенной на него задачи, такъ и собственно въ смыслѣ непосредственной борьбы съ многочисленнымъ противникомъ. Распоряженія его, кромѣ указанныхъ выше, заключались, между прочимъ, еще и въ томъ, что казакамъ, стоявшимъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, приказано было имѣть самое тщательное наблюденіе за непріятелемъ съ этой стороны и велѣно было выслать сильный разъѣздъ на Мусачово и Хаджи-Караманъ съ цѣлью прослѣдить за направленіемъ тѣхъ частей турокъ, которыя свернули къ югу отъ шоссе. Въ 9 часовъ утра турки въ боевомъ порядкѣ, предшествуемые кавалерійскою цѣпью и имѣя позади нея густую пѣхотную цѣпь, наступали противъ нашего отряда. Кавалерія, подъ огнемъ казаковъ, отошла назадъ и обнажила пѣхоту. Вслѣдъ затѣмъ турки, при потрясающихъ крикахъ „Аллахъ", быстро и смѣло двинулись впередъ [2]), осыпая нашихъ цѣлою тучею пуль. Между тѣмъ полное спокойствіе на нашей позиціи и опасное для турокъ молчаніе нѣсколько смутили ихъ. Для нихъ было загадкой, почему наша цѣпь и артиллерія ни еди-

---

[1]) „Дѣло подъ Дольнимъ-Бугаровымъ" А. Фока. „Сборникъ военныхъ разсказовъ", т. 6-й.

[2]) Рапортъ генерала Вельяминова.

нымъ выстрѣломъ не отвѣчаютъ на ихъ трескотню. Сразу замѣтно стало, какъ цѣпь ихъ нѣсколько замедлила свое движеніе и начала наступать съ бо̀льшею робостью, чѣмъ сначала [1]). Это молчаніе съ нашей стороны обусловливалось слѣдующею причиною. Генералъ Вельяминовъ, имѣя въ виду значительное превосходство турецкихъ ружей надъ нашими, системы Крынка, а также недостатокъ патроновъ и зарядовъ въ артиллеріи, трудность ихъ пополненія изъ парковъ, находившихся за Балканами, воспретилъ своимъ войскамъ открывать огонь съ дальнихъ дистанцій и приказалъ начинать пальбу лишь тогда, когда противникъ подойдетъ на вѣрный выстрѣлъ. Надо замѣтить, что артиллерія наша успѣла заблаговременно измѣрить разстояніе до шоссе и по другимъ направленіемъ. Что касается турокъ, то они, вслѣдъ за наступленіемъ пѣхоты, открыли и артиллерійскій огонь. Первые снаряды давали значительные недолеты; быть можетъ, турки сначала дѣйствовали изъ горныхъ орудій; но вскорѣ они открыли огонь изъ дальнобойныхъ орудій и завязали сильную артиллерійскую канонаду и ружейную пальбу. У насъ на позиціи во все это время господствовала гробовая тишина — еще ни одна пуля, ни одинъ снарядъ не были выпущены: все это приберегалось для вѣрнаго удара. Турки съ криками „Аллахъ" постепенно подвигались впередъ. Вдругъ раздались по всей нашей линіи рѣзкіе и отчетливые раскаты нашихъ выстрѣловъ и залпы батарей [2]). Видя турецкую цѣпь въ самомъ близкомъ отъ стрѣлковъ разстояніи, слыша явственно по всей линіи крики „Аллахъ", сливавшіеся съ игравшими повсюду трубами, генералъ Вельяминовъ призналъ, что рѣшительная минута наступила и крикнулъ полковнику Талю: „съ Богомъ, начинайте". Полетѣлъ первый снарядъ нашей артиллеріи, за нимъ второй, третій... и дѣйствіе ихъ было ужасно: гдѣ граната лопалась, тамъ, въ густыхъ массахъ противника, ложились ряды убитыхъ и раненыхъ. Турки стали усиливать цѣпь резервами и бросились въ атаку. Но въ эту самую минуту наша пѣхота, столь долго сдерживаемая, начала свои убійственные залпы. За сильнымъ дымомъ и туманомъ трудно было что либо различить, слышались лишь ровные и стройные залпы [3]). Между тѣмъ во время

---

[1]) „Дѣло подъ Горнымъ-Бугаровымъ", Участника.
[2]) Рапортъ генерала Вельяминова.
[3]) „Дѣло подъ Горнымъ-Бугаровымъ", Участника.

наступленія съ фронта, турки приняли мѣры и для охвата нашего праваго фланга, куда направили около 5-ти таборовъ. Вслѣдствіе этого генералъ Вельяминовъ приказалъ 2-му баталіону Пензенскаго полка занять пространство вправо отъ тамбовскихъ стрѣлковъ и оборонять тамошнюю высоту, съ занятіемъ которой непріятель пріобрѣталъ господствующій пунктъ для обстрѣливанія нашего отряда во флангъ и тылъ. Стрѣлковая рота заняла гребень, а линейныя, построившись въ двѣ линіи, расположились на скатѣ, обращенномъ къ Горному-Бугарову [1]). Пензенскіе стрѣлки, занявъ позицію, немедленно начали окапываться [2]), но турки отчаянно атаковали ихъ. Ожесточеніе, съ какимъ турки бросились на пензенцевъ, указываетъ, что они понимали значеніе этой высоты, составлявшей тактическій ключъ позиціи. Тѣмъ не менѣе, пензенцы подпускали противника на самое близкое разстояніе, давали залпъ, а затѣмъ штыками опрокидывали назадъ.

Одновременно съ этою атакою, турки бросились на 1-й баталіонъ тамбовцевъ, оборонявшихъ курганъ и вырывавшихъ себѣ ложементы штыками. Тамбовцы дали туркамъ подойти на 25 шаговъ, въ упоръ почти встрѣтили ихъ залпами, и затѣмъ такъ дружно и неожиданно бросились впередъ съ крикомъ „ура", что противникъ моментально былъ смятъ и опрокинутъ назадъ съ громаднымъ урономъ.

Во время наступленія противника генералъ Вельяминовъ получилъ донесеніе, что турки продолжаютъ обходить его правый флангъ со стороны Бутонеца.

Вслѣдствіе этого были отданы такія приказанія: двумъ сотнямъ Кубанскаго полка задерживать непріятельскую кавалерію; прибывшимъ изъ откомандировки двумъ ротамъ Тамбовскаго полка стать за правымъ флангомъ; туда же передвинуться баталіону Пензенскаго полка, находившемуся въ резервѣ; шести сотнямъ кавказскихъ казаковъ стать за центромъ позиціи; наконецъ, одной ротѣ 1-го баталіона Тамбовскаго полка занять д. Горный-Бугаровъ, представлявшую хорошій опорный пунктъ. Часовъ около двухъ по полудни генералъ Вельяминовъ получилъ донесеніе отъ разъѣзда, высланнаго на югъ, что вслѣдствіе совершенно непро-

---

[1]) Рапортъ генерала Вельяминова.

[2]) „Дѣло подъ Горнымъ-Бугаровымъ", Участника.

ходимой, болотистой мѣстности отъ шоссе до Хаджи-Карамана, онъ не могъ выслѣдить движенія турокъ, свернувшихъ съ шоссе въ указанномъ направленіи. Опасаясь за свой лѣвый флангъ, генералъ Вельяминовъ приказалъ: одной сотнѣ казаковъ снова двинуться на югъ для раскрытія противника; десяти сотнямъ охранять лѣвый флангъ и тылъ отъ обхода, а баталіону Пензенскаго полка съ праваго фланга передвинуться снова на лѣвый. Едва окончены были эти распоряженія, какъ генералъ Вельяминовъ получилъ донесеніе, что турки обходятъ его съ обоихъ фланговъ... Опасаясь болѣе всего за лѣвый, онъ приказалъ командиру 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Радзишевскому обратить особенное вниманіе на этотъ флангъ и обезпечить его отъ обхода. Генералъ Радзишевскій взялъ изъ частнаго резерва двѣ роты Тамбовскаго полка и выдвинулъ ихъ въ боевую линію влѣво. При этомъ цѣпь, для занятія болѣе выгодной позиціи, продвинулась впередъ шаговъ на 500. Турки приняли это движеніе за начало наступленія съ нашей стороны и подались назадъ. Тогда командиръ 3-го баталіона, маіоръ Артоболевскій, приказалъ играть наступленіе и ударить въ штыки [1]); въ тоже время нѣсколько нашихъ удачныхъ гранатъ положило множество турокъ у самаго моста на шоссе. Одновременно съ этими событіями на лѣвомъ нашемъ флангѣ, турки повели послѣднюю атаку правѣе на тамбовцевъ; тутъ палъ убитымъ подполковникъ Богаевскій; всѣ ротные командиры были ранены; турки подошли на 50 шаговъ къ ложементамъ; но храбрые тамбовцы даютъ залпъ, опрокидываютъ штыками противника и начинаютъ его преслѣдовать [2]). Пензенцы, по примѣру ихъ, выдвигаются тоже впередъ, и началось общее наступленіе. Для преслѣдованія турокъ выдвинута была изъ-за фланговъ кавалерія, но пѣхоту генералъ Вельяминовъ возвратилъ назадъ, изъ опасенія, чтобы она, при своей малочисленности, не увлеклась въ виду противника, имѣвшаго еще сильные резервы. Затѣмъ дѣло совершенно затихло и обѣ стороны занялись уборкой раненыхъ. Потери наши были сравнительно весьма незначительны; а именно: офицеровъ убито 2, ранено и контужено 5; нижнихъ чиновъ убито и ранено 261. Что касается

---

[1]) Рапортъ генерала Вельяминова.

[2]) „Дѣло подъ Горнымъ Бугаровымъ", Участника.

турокъ, то вслѣдствіе ихъ способа дѣйствій густыми массами, отсутствія серьезной подготовки атаки, движенія по совершенно почти открытой мѣстности и замѣчательной выдержки огня съ нашей стороны, потери ихъ были огромны, а именно: около 800 убитыхъ и до 1200 раненыхъ. Цифру эту мы имѣли случай провѣрить въ госпиталѣ и у иностранныхъ консуловъ, по занятіи нами Софіи. На другой день турки продолжали оставаться вблизи нашего отряда, но атаки не предпринимали. Съ нашей стороны приказано было зажечь побольше костровъ, чтобы ввести въ обманъ противника, относительно прибытія къ отряду подкрѣпленій.

Такъ кончилось блистательное дѣло, которое можетъ служить во многихъ отношеніяхъ отличнымъ образцомъ оборонительнаго боя: напримѣръ, въ смыслѣ рѣшимости принять бой съ превосходнымъ противникомъ, выбора позиціи, распредѣленія войскъ, и особенно — веденія огнестрѣльнаго боя. Эта выдержка войскъ, эта хладнокровная пальба, почти въ упоръ противнику, съ неизбѣжнымъ переходомъ въ штыки, по истинѣ, замѣчательны и заслуживаютъ подражанія.

Что касается турокъ, то, какъ читатель могъ видѣть, они дѣйствовали столь-же пылко и мужественно, сколько необдуманно. Атака была очень плохо подготовлена, наступленіе ведено очертя голову, силы равномѣрно распредѣлены по всему фронту атаки, нападеніе производилось разрозненно, а потому трудно было и ожидать успѣха при всей храбрости войскъ. Нельзя также не отмѣтить совершенно несообразнаго движенія кавалерійской цѣпи на носу пѣхоты.

Намъ остается разсказать о послѣднемъ событіи, завершившемъ грандіозную операцію перехода отряда черезъ Балканы, а именно о занятіи нами Софіи.

Зная о томъ, что турки занимали въ значительныхъ силахъ гор. Софію, а также получивши извѣстіе отъ генерала Вельяминова объ атакѣ его противникомъ, генералъ-адъютантъ Гурко рѣшилъ преслѣдовать непріятеля, разбитаго подъ Ташкисеномъ и отступившаго съ Арабаконакской позиціи, одною частью своихъ силъ, а другую направить къ г. Софіи. Вслѣдствіе этого, 21 декабря, изъ Ташкисена двинулся въ указанномъ направленіи отрядъ, подъ начальствомъ генералъ маіора Рауха, въ составѣ 11 баталіоновъ, 2-хъ сотенъ казаковъ и 1-го взвода гвардейской

кавалеріи; прочія части, назначенныя для этой операціи, должны были прибыть впослѣдствіи, спустивши съ горъ артиллерію. Казаки присоединились къ отряду лишь въ Горномъ Бугаровѣ. Войска выступили изъ Ташкисена въ 2 часа ночи съ 20 на 21-е декабря. Движеніе въ темнотѣ, по скользкому и обледеневшему пути, при постоянныхъ спускахъ и подъемахъ, происходило медленно; къ тому-же артиллерія нуждалась въ помощи пѣхоты. Такимъ образомъ, пройдя около 25 верстъ, безъ привала, отрядъ подошелъ къ Горному Бугарову въ 11 час. дня. Послѣ двухчасоваго отдыха, движеніе продолжалось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли казаки и взводъ конно-гренадеръ; затѣмъ гвардейская стрѣлковая бригада съ одной батареей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, далѣе полки: л.-гв. Преображенскій и Измайловскій съ 3-мя батареями, наконецъ три роты гвардейскихъ саперъ. Версты за двѣ до моста на Искерѣ, наши разъѣзды были встрѣчены огнемъ непріятельской кавалеріи, разсыпавшейся въ конномъ строю впереди моста; затѣмъ появилась въ ложементахъ турецкая пѣхота и завязала жаркую перестрѣлку съ разъѣздами. Между тѣмъ стала подходить наша пѣхота, и гвардейскіе стрѣлки развернулись по обѣ стороны шоссе, перестроившись въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ.—Мѣстность, на которой произошло столкновеніе, представлялась совершенно однообразной равниной. Софійское шоссе, усаженное деревьями, прорѣзывало эту равнину въ прямомъ направленіи съ востока на западъ, и у д. Враждебной переходило черезъ р. Искеръ, на которой находился деревянный мостъ американской раскосной системы. Влѣво и нѣсколько впереди отъ мѣста начальнаго развертыванія стрѣлковъ находилось нѣсколько высокихъ кургановъ—удобныхъ наблюдательныхъ пунктовъ. Турки, въ числѣ нѣсколькихъ таборовъ и довольно значительной кавалеріи, но безъ артиллеріи, заняли ложементы, возведенные ими на обоихъ берегахъ Искера выше и ниже моста. Наши стрѣлки сначала двигались безъ выстрѣла, а затѣмъ съ 900 ш. лучшіе изъ нихъ открыли рѣдкій одиночный огонь и цѣпь стала наступать перебѣжками. Что касается турокъ, то они съ какою-то бѣшенною поспѣшностью разстрѣливали свои патроны; одинъ залпъ гремѣлъ за другимъ и по гулу этой пальбы можно было думать, что завязался ожесточенный, кровопролитный бой, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ

цѣлыя тучи пуль проносились надъ нашими головами, причиняя самый незначительный вредъ. Такъ какъ уже вечерѣло, то, желая скорѣе покончить дѣло, генералъ Раухъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Находившійся сначала впереди 4-й гвард. стрѣлковый баталіонъ былъ усиленъ л.-гв. 2-мъ и 3-мъ финскимъ гвард. баталіонами, а 1-й гвардейскій стрѣлковый баталіонъ былъ выдвинутъ влѣво, въ видахъ подготовки обхода. Вмѣстѣ съ тѣмъ казачья полусотня была выслана влѣво для розысканія бродовъ черезъ р. Искеръ; что-же касается кавалеріи, бывшей въ передовой цѣпи, то она отправлена была для наблюденія за флангами. Получивши свѣдѣніе, что р. Искеръ покрыта льдомъ во многихъ мѣстахъ, генералъ Раухъ приказалъ л. гв. Преображенскому полку съ 3-й батареей л. гв. 1-й артиллерійской бригады двинуться въ обходъ праваго фланга непріятеля, а ротѣ саперъ слѣдовать при этихъ войскахъ для устройства, въ случаѣ надобности, перехода черезъ рѣку. Для поддержки-же пѣхоты съ фронта выдвинута была, прямо по шоссе, 6-я батарея 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, которая съ замѣчательной лихостью вынеслась на 500 саж. къ мосту и открыла огонь, какъ по его защитникамъ, такъ и по непріятельскимъ резервамъ у д. Враждебной. Въ это время прибылъ къ мѣсту боя генералъ Гурко со своимъ штабомъ и, ставши на одномъ изъ кургановъ влѣво, любовался замѣчательной отчетливостью и спокойствіемъ, съ которыми совершали перестроенія и движенія наши войска. Вскорѣ 3-я батарея тоже открыла огонь, а преображенцы начали переходить Искеръ по льду. Замѣтивши это, турки подожгли мостъ, бросили свою позицію и ушли по шоссе въ Софію. Въ виду близости противника, не смотря на холодъ, Преображенскій полкъ съ батареей были выдвинуты лично генераломъ Гурко на позицію, приблизительно въ верстѣ отъ деревни, а прочія части расположились по квартирамъ. На другой день эта позиція была укрѣплена. Прочія части стали по квартирамъ въ д. Враждебной, причемъ цѣлыя роты располагались въ одномъ дворѣ. Необходимо было принять также мѣры для тушенія моста. Сначала стрѣлки, занявши его, стали черпать воду манерками, фуражками, однимъ словомъ, чѣмъ попало, а затѣмъ подошли саперы и общими усиліями потушили мостъ. На ночь туда былъ постав-

ленъ особый караулъ, такъ какъ пожаръ возобновлялся нѣсколько разъ [1]).

Между тѣмъ войска, назначенныя для атаки, стали постепенно подходить. 22-го декабря генералъ Гурко лично произвелъ рекогносцировку непріятельской укрѣпленной позиціи, причемъ подвергался огромной опасности, такъ какъ съ небольшой своей свитой очутился въ тылу непріятельской аванпостной цѣпи. По счастью, турки съ такимъ напряженіемъ смотрѣли прямо передъ собой, что рѣшительно упускали изъ виду все, происходившее по сторонамъ. Во время этой рекогносцировки генералъ Гурко замѣтилъ, что весь фронтъ сильныхъ турецкихъ укрѣпленій обращенъ къ востоку; что-же касается сѣвернаго фронта, то тамъ не только не было никакихъ укрѣпленій, но даже простыхъ мѣръ охраненія. Атаку непріятеля пришлось отложить до 24-го декабря, такъ какъ войска наши, слѣдовавшія отъ Ташкисена, прибывали медленно, задерживаемыя артиллеріей. Кромѣ того необходимо было передвинуть ихъ сообразно предполагавшемуся ходу атаки; такъ, напримѣръ, генералъ Вельяминовъ долженъ былъ перейти въ д. Куманицы и оттуда начать свое наступленіе [1]). Но турки не рѣшились выжидать этой атаки и съ величайшей поспѣшностью, бросивъ своихъ раненыхъ, больныхъ, множество запасовъ и нѣсколько орудій, бѣжали по направленію на Кюстендиль. Свѣдѣніе объ этомъ въ отрядъ генерала Рауха было доставлено болгариномъ, явившимся на наши аванпосты, 23-го декабря утромъ. Генералъ Раухъ тотчасъ поставилъ отрядъ въ ружье и вступилъ въ Софію торжественно, съ распущенными знаменами и съ музыкой.

Наши войска были встрѣчены населеніемъ стариннаго славянскаго города съ восторгомъ. Духовная процессія съ многочисленной толпой народа привѣтствовала вступавшихъ при самомъ входѣ въ городъ. Раздавались крики „ура“, женщины бросали по дорогѣ миртовыя вѣтви, раздавали солдатамъ хлѣбъ и т. п. Казаки и измайловцы прошли безостановочно черезъ городъ и расположились на позиціи по дорогѣ въ Радоміръ, верстахъ въ 6-ти отъ Софіи. Одинъ взводъ Гродненскихъ гусаръ немедленно былъ высланъ вправо на Пиротъ для связи съ Сербами,

---

[1]) Дѣло это описано авторомъ очерка по личнымъ воспоминаніямъ и свѣрено съ офиціальнымъ отчетомъ („Военный Сборникъ“ 1878 г. № 12).

[2]) Рапортъ генералъ-адъютанта Гурко отъ 28-го декабря.

которые къ тому времени открыли уже свои успѣшныя наступательныя дѣйствія. Прочія части расположились по квартирамъ въ Софіи и окрестностяхъ. Преслѣдовать турокъ было невозможно, такъ какъ, во-первыхъ, хвостъ ихъ оставилъ Софію уже въ 12 часовъ ночи, а во-вторыхъ, вся дорога на Кюстендиль была буквально запружена несмѣтнымъ количествомъ повозокъ мѣстнаго мусульманскаго населенія и транспортами съ больными и ранеными. Возвращеніе послѣднихъ въ городъ, гдѣ ихъ и безъ того находилось болѣе 1500 человѣкъ, было вовсе нежелательно и потому они свободно пропускались. Въ городѣ найдено было до 200.000 пудовъ муки, а также огромнѣйшія склады пороха и боевыхъ запасовъ. Въ одной лишь мечетѣ находилось около 20 т. ящиковъ патроновъ съ надписью въ „Плевну".

Такъ кончился славный переходъ черезъ Балканы. Войска стали по квартирамъ, чтобы получить необходимый послѣ перенесенныхъ трудовъ отдыхъ, устроиться, снабдиться и снарядиться для новыхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Изъ нашего очерка читатель видѣлъ, что крѣпкая непріятельская твердыня—Балканы, на которую онъ надѣялся въ борьбѣ съ нами, не устояла передъ мужествомъ и усиліями нашихъ войскъ, а также передъ искусствомъ общихъ соображеній. Непріятельская армія частью разбитая, частью угрожаемая нашими войсками, должна была оставить свои позиціи и въ разстройствѣ уйти назадъ, и, конечно, это было самое лучшее въ ея положеніи, иначе, оставаясь въ пассивномъ ожиданіи, она подверглась бы участи шипкинской арміи Веселя-паши. Мы видѣли также, почему наши начальныя предположенія не вполнѣ могли быть исполнены. По нашему искреннему убѣжденію, главнѣйшая изъ этихъ причинъ заключалась въ тѣхъ ужасныхъ трудностяхъ, которыя встрѣтили въ это суровое время года наши войска при переходѣ громадныхъ горъ безъ дорогъ, по однимъ ледянымъ тропамъ. Въ этихъ условіяхъ рѣшительно немыслимо задаваться сколько нибудь точными расчетами; разныя непредвидимыя случайности могутъ ихъ совершенно измѣнить. Были также, конечно, общія и частныя ошибки съ нашей стороны, на которыя мы указали уже въ своемъ мѣстѣ. Но извѣстно, что всѣ соображенія на войнѣ строятся лишь на основаніи нѣкоторыхъ, часто весьма неполныхъ, данныхъ и вся обстановка можетъ быть изучена только впослѣд-

ствіи, когда событіе совершится—отсюда и неизбѣжность промаховъ, которые слѣдуетъ изучать и выяснять съ поучительною цѣлью, а не для злобнаго униженія дѣла, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ дѣйствіямъ нашего отряда.

Какъ бы то ни было, непріятельская армія, ускользнувшая изъ подъ рѣшительныхъ ударовъ на Балканахъ, была впослѣдствіи окончательно разгромлена подъ Филипополемъ, отброшена въ горы и лишена возможности удержать напоръ нашихъ войскъ, стремившихся къ средоточію Отоманской имперіи—Константинополю.

Описанная нами операція перехода черезъ Балканы была сопряжена съ такими трудами, потребовала такихъ поразительныхъ усилій отъ войскъ, такого терпѣнія и мужества, что, взятая какъ сама по себѣ отдѣльно, такъ и въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ на театрѣ войны, она составитъ одну изъ славнѣйшихъ страницъ нашей военной исторіи. Впечатлѣніе ея на турокъ, да и на всю Европу, не ожидавшую ничего подобнаго въ это время года, было потрясающее. Что-же касается войскъ, то счастье и радость по поводу окончанія столь великаго и труднаго дѣла овладѣли каждымъ изъ участниковъ, заставивъ забыть всѣ перенесенныя невзгоды и тягости.

Благодарственный приказъ, отданный генераломъ Гурко по занятіи Софіи, былъ не риторическимъ упражненіемъ, но лишь выраженіемъ высоко-настроеннаго чувства. Такъ онъ былъ понятъ и принятъ къ сердцу каждымъ изъ участниковъ, пережившимъ и прочувствовавшимъ великое событіе. Приводимъ его здѣсь: „Войска ввѣреннаго мнѣ отряда! Разбивъ турокъ 12-го октября подъ Горнымъ Дубнякомъ и 16 октября подъ Телишемъ, вы окружили армію Османа-паши въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзный кругъ, окружавшій Плевну, и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа-паши сдѣлались вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28 октября, легкимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу. Передавъ затѣмъ завоеванныя вашей кровью позиціи вновь прибывшимъ войскамъ гренадерскаго корпуса, я повелъ васъ, 5-го ноября, противъ другой арміи Мехмета-Али, собиравшейся въ окрестностяхъ Орханіэ и шедшей на выручку арміи Османа-паши. Разбивъ турокъ 11-го ноября подъ Правцемъ и 12 ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ послѣ блестящаго дѣла высотами Вратешки, 16-го

ноября, и наконецъ, разбивъ турокъ 21 ноября на высотахъ Арабаконака, вы овладѣли почти всѣми Балканскими горами, вытѣснили турокъ изъ многихъ чрезвычайно сильныхъ позицій и прижали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта.

„Въ это-же время вы съ бою овладѣли Златицкимъ переваломъ и стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

„Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной, невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго постояннаго тумана. Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли, по истинѣ, съ геройскою русскою стойкостью и твердостью. Вы втащили на горы, въ заоблачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана.

„Наконецъ пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было: кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ, вы съ неимовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго-верха и Бабы-горы, заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты.

„Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній и поразительные труды и терпѣніе составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы.

„19-го декабря вы спустились въ долину Софіи, причемъ завидная доля первому спуститься съ Балканскихъ горъ выпала старѣйшему въ нашей арміи петровскому Преображенскому полку, шедшему въ головѣ авангарда генерала Рауха. Въ тотъ-же день вы мужественно атаковали ташкисенскую позицію, штурмомъ завладѣли турецкими редутами и трудно-доступными горами, заставили армію Шакира бѣжать въ теченіи почи съ крѣпкой Арабаконакской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по орханійскому шоссе.

„Оставивъ 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и бо̀льшую часть 9-го корпуса, подъ начальствомъ барона Криденера, для преслѣдованія бѣжавшихъ турокъ, я съ остальною частью отряда двинулся 21-го декабря противъ Софіи.

„Въ то время, когда бóльшая часть отряда дралась съ главною арміею Шакира, меньшая часть, а именно 5 баталіоновъ 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, имѣла блистательное дѣло при Горномъ Бугаровѣ, гдѣ небольшая часть нашихъ храбрецовъ отбила атаки въ три раза сильнѣйшаго противника. Завладѣвъ съ боя, 21-го декабря, мостомъ черезъ р. Искеръ, у д. Враждебной, вы подошли къ Софіи, и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на турецкія войска, что они, будучи въ составѣ 25 баталіоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ, въ ночь съ 22 на 23-е декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ безъ всякаго призрѣнія.

„Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей кампаніи, переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь чему болѣе удивляться: храбрости-ли и мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ, или же—стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими снѣгами.

„Пройдутъ года и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостью и торжествомъ скажутъ: „здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу Суворовскихъ и Румянцевскихъ чудо-богатырей“.

„Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова“.

Далѣе идетъ поименная благодарность начальникамъ отдѣльныхъ частей войскъ, офицерамъ генеральнаго штаба, начальникамъ нѣкоторыхъ учрежденій, входившихъ въ составъ корпуса и т. п.

Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Гурко послужилъ сигналомъ для прорыва этой оборонительной линіи турокъ и на другихъ пунктахъ: у Траяна и на Шипкѣ. Затѣмъ послѣдовало общее наступленіе нашихъ войскъ, разбитіе Сулеймана подъ Филипополемъ, занятіе Адріанополя и угроза самой столицѣ имперіи. Со времени перехода черезъ Балканы, мы, можно сказать, лишь гнали окончательно разстроеннаго непріятеля.

А. К. Пузыревскій.

АКИМЪ НИКОЛАЕВИЧЪ НАХИМОВЪ

ПИСАТЕЛЬ-САТИРИКЪ.

1782—1814.

Очеркъ литературной дѣятельности и неизданныя его сочиненія.

V [1]).

Послѣднею стихотворною замѣткою исчерпывается все интересное изъ рукописей Нахимова по части мелкихъ стихотвореній, не попавшихъ въ собраніе его сочиненій. Я не привелъ здѣсь только двухъ стихотвореній его: элегіи-пѣсни «На смерть Николаши» (сына Нахимова), по относительной слабости этой пьесы, и «Утра магистра Сивухандуса», по грубости и нечистотѣ пріемовъ сатиры. Надо впрочемъ еще замѣтить, что изъ напечатанныхъ пьесъ Нахимова, въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ того времени, не всѣ попали въ собраніе его сочиненій. Такъ, напримѣръ, въ указанномъ выше харьковскомъ журналѣ: «Харьковскій Демокритъ» встрѣчаются неперепечатанныя стихотворенія Нахимова: «Ода С....» (студенческая пѣсня 1805 года), «Элегія на потерю моего рожка», «Похвала гроку» (грогу?) (незначительныя по содержанію), приведенное выше: «Заглавіе къ моимъ сочиненіямъ», и слѣдующая эпиграмма, написанная съ обычнымъ нахимовскимъ юморомъ:

Предсказаніе.

(По случаю тѣсной дружбы русскаго попа съ нѣмецкимъ пасторомъ).

Съ медвѣдемъ станетъ быкъ ходить обнявшись братски,
И съ ястребомъ начнетъ лобзаться голубокъ,
„Ахъ! здравствуй, кумушка!“ овечкѣ скажетъ волкъ,
Съ улыбкой райскою, безъ прежней злобы адской.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ томъ XXIX (ноябрь), стр. 709—736.

Настанетъ тишина на сушѣ и моряхъ,
Любви возникнетъ храмъ—вездѣ, во всѣхъ сердцахъ,
И, словомъ, скоро къ намъ златый вѣкъ возвратится,
Коль могъ съ пасторомъ попъ жить вмѣстѣ и дружиться!

Есть и еще недурная пьеса Нахимова въ томъ же «Харьковскомъ Демокритѣ»: «Описаніе славнаго парика И. И. Р.», и найдутся, можетъ быть, и другія произведенія того же автора въ другихъ изданіяхъ. Что же касается прозаическихъ пьесъ Нахимова, то въ рукописяхъ его находятся неизданными только двѣ изъ нихъ: «Леандръ и Юлія или торжество любви надъ мщеніемъ. Романическій отрывокъ. 1806 г.» (написанъ во вкусѣ того времени) и слѣдующая замѣтка, характеризующая живо воззрѣнія харьковскаго сатирика:

«О просвѣщеніи».

«Бѣдное просвѣщеніе! и ты имѣешь непріятелей? Виновна ли религія въ варварствѣ суевѣрія? виновно ли просвѣщеніе въ ужасахъ суемудрія? виновно ли правосудіе въ безчинствахъ кривосудія? Сократъ и Невтонъ не были вольнодумцы. Августинъ и Златоустый не были невѣжды. Самые апостолы были просвѣщены Богочеловѣкомъ и святымъ духомъ.—Кукла, выговаривающая въ носъ французскія слова, непросвѣщеннѣе обезьяны. Пузырь, надутый латынью, столько же просвѣщенъ, сколько бездушный крючкотворецъ правосуденъ.

«Въ Россіи враги просвѣщенія, бо̀льшею частію, — Скотинины и подъячіе. Скотинины думаютъ, что сія опасная головня можетъ со временемъ превратить въ пепелъ ихъ хлѣва. А подъячіе мыслятъ, что отъ наукъ притупятся имъ когти и уменьшится апетитъ.

«Скотинины! надѣньте очки и присмотритесь получше къ просвѣщенію. Не головня оно, а благотворный фонарь, ниспосланный съ небесъ для того, чтобы мы, ходя въ темнотѣ міра сего, не забрели въ свинарню и не сдѣлались подобными ея обитателямъ. Ахъ! если бы вы, хотя на минуту, могли презрѣть гласъ мамоны и приблизиться къ спасительному фонарю: вы бы увидѣли, въ какомъ хлѣвѣ обитаетъ ваша душа и на кого она походитъ.

«Надѣньте очки и вы, подъячіе! Подойдите къ вышеупомянутому фонарю: вы увидите, что острые когти коршунамъ, а не людямъ приличны; вы увидите, въ какомъ болотѣ живетъ ваша душа и на кого походитъ.»

Остается еще, въ числѣ неизданныхъ пьесъ Нахимова, два дѣйствія его неоконченной комедіи въ стихахъ: «Влюбленные педанты». Третьяго и послѣдняго дѣйствія авторъ не успѣлъ написать. Коме-

дія эта, по своему сюжету, не имѣетъ живаго драматическаго движенія, и самая фабула пьесы не выяснена, такъ какъ вся развязка ея должна была бы обнаружиться въ послѣднемъ ненаписанномъ дѣйствіи комедіи. Оба дѣйствія комедіи, особенно первое, состоятъ какъ бы изъ ряда эпиграммъ и сатирическихъ замѣтокъ, которыми переговариваются между собою дѣйствующія лица, или бранятъ другъ друга. Но эти сцены полны игривости, веселости и отличаются обычной оригинальной манерой Нахимова, простодушно-грубоватымъ юморомъ. Вотъ первое дѣйствіе веселой комедіи:

ВЛЮБЛЕННЫЕ ПЕДАНТЫ

или

НЕУДАЧНАЯ ЖЕНИДЬБА ФИЛОЗОФА.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

1) **Бутербродъ**, достаточный дворянинъ.
2) **Шарлота Бутербродъ**, дочь его.
3) **Эрастъ**, любовникъ Шарлоты.
4) **Эмиль**, другъ его.
5) **Трансценденталусъ**, философъ.
6) **Бомбеліусъ**, магистръ алгебры.
7) **Бомбастусъ**, бакалавръ химіи.
8) **Спекуландусъ**, астрономъ.
9) **Клистирандусъ**, кандидатъ медицины.
10) **Краскинъ**, живописецъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бутербродъ, (*одинъ*).

(*Важно съ трубкою расхаживаетъ по горницѣ; потомъ останавливается и съ гордостью говоритъ*).

Ха, ха, ха! торжествуй счастливый Бутербродъ!
Здѣсь въ городѣ тебя ученый чтитъ народъ!
За мною по слѣдамъ, какъ гончіе, стремятся,
И факультетами на дворъ ко мнѣ валятся.
О еслибъ столько я имѣлъ теперь Шарлотъ,
Чтобъ тестемъ сдѣлался всѣхъ важныхъ сихъ господъ,
Чтобъ вся ученость мнѣ роднею близкой стала:
Отъ радости душа, какъ трубка, воспылала . . .

Но ахъ! что предприму съ Шарлотою одной?
Какъ мнѣ ихъ подѣлить?—Пусть будетъ всѣмъ женой!
Пусть все сословіе въ Шарлотѣ помѣстится,
И въ академію Шарлота превратится.
Хочу, чтобъ дочь моя сію имѣла честь.
Да будетъ такъ! ликуй ученыхъ другъ и тесть! . .
(*Смотритъ въ окно*).

Вотъ кстати что-то мнѣ вдали согбенно зрится:
Конечно, по грязи то алгебра тащится!
Магистръ Бомбеліусъ... его походка, видъ...
Что зрю? Онъ въ лужѣ сталъ и зеты въ ней чертитъ.
Подалѣе оттоль я вижу кандидата,
Котораго башка рецептами богата;
Подалѣе еще и бакалавръ бредетъ,
И вслѣдъ за нимъ валитъ премудрый звѣздочетъ!
Авось либо и всѣ они ко мнѣ сберутся.
Какъ жилы у меня въ восторгѣ сильномъ бьются!
Сегодня нарекусь ученыхъ я отцомъ,
Сегодня—въ томъ клянусь своимъ я парикомъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Бутербродъ и кандидатъ медицины **Клистирандусъ**.

(*Оба кланяются въ молчаніи другъ другу, дѣлая смѣшные жесты и гримасы*).

Бутербродъ.

Зря Клистирандуса, безгласенъ я бываю:
Пилюли будто бы почтенья къ вамъ глотаю!

Клистирандусъ.

Non possum чувствъ моихъ я нынѣ удержать.
Микстуру надлежитъ вамъ domine принять:
Усердье къ вамъ мое смѣшенное съ респектомъ!

Бутербродъ.

Микстура ваша мнѣ покажется конфектомъ!

Клистирандусъ.

Et ubi dea est?—мамзели не видать!

Бутербродъ.

Мамзель въ гостяхъ теперь, почтеннѣйшій мой зять.
Чего ей медлить такъ! Какая бы причина?
Но я пошлю за ней . . .
(*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Клистирандусъ *одинъ.*

Да пляшетъ медицина!
Да торжествуетъ нынь врачебный факультетъ!
Онъ зятемъ самъ меня своимъ теперь зоветъ:
O quantum felix sum! O quantum восхищеній!
Лети ко мнѣ, лети momentum наслажденій,
Лети . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клистирандусъ и бакалавръ химіи **Бомбастусъ.**

Бомбастусъ (*не примѣчая Клистирандуса*).

Въ семъ городѣ вездѣ газъ гидрогенъ;
Но гдѣ Шарлота, тамъ—тамъ только окситенъ!

Клистирандусъ (*въ сторону*).

Шарлота! а! и онъ Шарлоту обожаетъ!
Sed illa mea est—несчастный—онъ вздыхаетъ!

Бомбастусъ.

Sed illa mea est!—глупѣйша изъ головъ,
На что теряешь ты латинскихъ столько словъ!
Какъ можешь ты болтать такъ гордо безрасудно:
Sed illa mea est!—мнѣ непонятно, чудно!
Я вижу, что къ тебѣ карбонокъ въ мозгъ вступилъ:
Per Jovem, кандидатъ, ты худо пошутилъ!

Клистирандусъ.

Per Jovem, бакалавръ,—ужъ не твоя Шарлота!

Бомбастусъ.

Per Jovem, для меня несноснѣй ты скота!

Клистирандусъ.

Per Hipocratum, ты потише говори!

Бомбастусъ.

Per Paracelsum, ты ротъ дерзкій затвори!

Клистирандусъ.

Per medicinam, я убью тебя до смерти!

Бомбастусъ.

Per chemiam, тебя возьмутъ отсюда черти!
(Надуваются, какъ пѣтухи, и грозятъ другъ на друга кулаками).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и астрономъ **Спекуландусъ.**

Спекуландусъ.

О стыдъ учености! въ чужой зашедши домъ,
Какъ будто въ кабакѣ, заводите содомъ!
Какой бѣсъ поселилъ къ войнѣ у васъ охоту:
За что вы спорите?—

Бомбастусъ и Клистирандусъ *(вмѣстѣ).*

Мы споримъ за Шарлоту!

Спекуландусъ.

Пустое вы, друзья, затѣяли сей разъ!
Per coelum, что она...

Бомбастусъ *(на Спекуландуса).*

Молчи, проклятый газъ,
Смердящій амоньякъ...

Клистирандусъ *(на Спекуландуса).*

О пургонсъ злочестивый!

Спекуландусъ.

Contempto вашу брань и гнѣвъ несправедливый...
Какъ тихая луна сопутствуетъ землѣ:
Прелестнымъ спутникомъ Шарлота будетъ мнѣ.

Бомбастусъ *(на астронома).*

Sylvestrum spiritus пускай тебя задавитъ!

Клистирандусъ (*на астронома*).

Pemphigus пусть тебя живаго не оставитъ!

Спекуландусъ.

Какъ къ солнцу каждая планета тяготитъ,
Такъ сердца каждый вздохъ къ Шарлотѣ все летитъ:
Ужасно дѣйствуетъ ея vis attractiva!

Бомбастусъ и **Клистирандусъ** (*вмѣстѣ толкая астронома*).

Узнай же, какова vis nostra repulsiva!

Спекуландусъ (*отталкивая обоихъ*).

На дерзкихъ у меня alternativa есть:
Не менѣе и вамъ могу толчковъ отчесть!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе и **Бутербродъ**.

Бутербродъ *къ Бомбастусу*.

Вѣнчанный газами и въ фосфоръ облеченный,
Бомбастусъ, восприми поклонъ мой униженный!
(*къ Спекуландусу*)
А ты, предивный мужъ, чей бодрый умъ живетъ
На звѣздахъ, на лунѣ и на хвостахъ кометъ:
За свѣтлое твое меня нынь посѣщенье
Позволь мнѣ принести тебѣ благодаренье.

Бомбастусъ.

Cum laeto animo пріемлю вашъ поклонъ:
И сообщаю вамъ почтенья флогистонъ.

Спекуландусъ.

Въ душевный телескопъ васъ нынѣ наблюдаю,
И вашей пріязни планету открываю!

Бутербродъ.

Но гдѣ Бомбеліусъ?—иль въ лужѣ онъ стоитъ!
(*выглядываетъ въ окно*)
О небо! что я зрю... магистръ въ грязи лежитъ!
Погибель предстоитъ иксъ, игрека и зета!
Бѣгу спасать его...
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бомбастусъ, Клистирандусъ и Спекуландусъ.

Спекуландусъ.

Прегнусная комета!
Бомбеліусъ магистръ несносенъ для меня:
Одною алгеброй нашпиговалъ себя!
И всю ученость въ томъ уродъ сей поставляетъ,
Что наизустъ всегда онъ азбуку читаетъ:
У-а-бе-иксъ-зетъ-и-ель-игрекъ-га и ка
Почти что у него не сходятъ съ языка!
Декарта и себя онъ только прославляетъ,
И даже иногда Коперника ругаетъ.—
Да какъ онъ въ грязь попалъ? а! видно, что хватилъ!
И въ пуншѣ алгебру сухую размочилъ:
Воздержность не всегда магистровъ добродѣтель;
Сему трактирщикъ всякъ и погребщикъ свидѣтель;
Ученый иногда—чему я самъ примѣръ,—
Такъ храбро подопьетъ, какъ лучшій гренадеръ.

Бомбастусъ.

Шарлота! нѣтъ тебя—и я все въ гидрогенѣ!

Клистирандусъ.

Подверженъ безъ нея мой animus гангренѣ!

Спекуландусъ.

Межъ милою и мной находится луна,
И для того теперь душа моя темна;
Но солнце дней моихъ, Шарлота только взглянетъ,
То вмигъ затмѣнія въ душѣ моей не станетъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе и **Бутербродъ** вводитъ магистра **Бомбеліуса**, который весь покрытъ грязью.

Бомбеліусъ.

Проклятый здѣсь народъ!—съ досады весь дрожу!
Подайте иксъ скорѣй,—я нимъ себя пронжу!

Бутербродъ.

Богъ съ вами, мой магистръ! прошу васъ ободритесь,
На здѣшнихъ вы невѣждъ прежалкихъ не сердитесь;
Не вѣдаютъ они и сами, что творятъ!

Бомбеліусъ.

Обиженъ я теперь, и огорченъ Декартъ!—
Къ вамъ идучи, я вдругъ иксъ ощутилъ желанья,
Задачу разрѣшить изъ чиселъ суммованья;
Уже зетъ начертилъ, поставилъ минусъ, плюсъ,
И вскрикнуть былъ готовъ: виватъ Бомбеліусъ!
Но вдругъ—всей алгебры какъ будто въ поношенье—
На дрожкахъ мчится вдругъ какое-то творенье,
И въ тотъ, въ тотъ самый мигъ, какъ къ зету иксъ примкнулъ,
Сей дерзкій въ грязь меня оглоблею столкнулъ.
Но и въ грязи лежа, при общемъ посмѣяньи,
Магистръ лишь разсуждалъ о чиселъ суммованьи!—
Равно пе—а, и ку равно не минусъ бе!
Мнѣ кажется, что такъ,—я право не въ себѣ:
Всю алгебру во мнѣ оглобля усыпила:
Проснись, проснись скорѣй волшебна зетовъ сила.
Велите, Бутербродъ, мнѣ доску, грифель дать.

Бутербродъ.

Хламиду грязную вы бросьте, милый зять.
Въ другую комнату на часъ мы удалимся,
И суммованіемъ потомъ ужъ насладимся!

Бомбеліусъ (*идучи*).

Иксъ равенъ игреку, зетъ коефиціентъ!—
Но гдѣ Шарлота? гдѣ?—Красотъ всѣхъ экспонентъ!
Блаженства моего любезная проблема!...
(*уходитъ онъ и Бутербродъ*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе, кромѣ Бомбеліуса и Бутерброда.

Спекуландусъ.

Разрушься вся теперь планетная система!
Вкругъ солнца, о земля, ты больше не вертись
И солнце ясное на вѣки помрачись!
Венера, не дерзай ты на зарѣ являться,
Въ пространства пропастяхъ луна должна скрываться!
Комета! опрокинь вселенную хвостомъ:
Отмсти, отмсти за то, что презрѣнъ астрономъ!—
Но что?—отсрочимъ мы вселенной разрушенье:
Кометный хвостъ! свое ты удержи стремленье!—
Ахъ, нѣтъ! она не такъ глупа, не столько зла,
Чтобъ Спекуландусу магистра предпочла.
Шарлота можетъ ли любить сего скелета?
Возможно ль промѣнять астронома на зета?
Любовь ея ко мнѣ est stabile et fix:
Супругомъ ей во вѣкъ не будетъ гнусный иксъ!

Бомбастусъ.

Несносно мнѣ сіе! Injuria велика!
Я чувствую въ крови всю силу калорика,
И о Шарлотѣ кто дерзнетъ лишь помышлять,
Намѣренъ у того весь оксигенъ отнять;
Всажу, запру его in acidum nitrosum,
И превращу потомъ въ phosphorum urinosum!

Клистирандусъ.

Мой deus Эскулапъ и sancte Гиппократъ,
На помощь васъ къ себѣ зоветъ nunc кандидатъ!
Привью, сейчасъ привью симъ дерзкимъ priapismum,
Prolapsum uteri, canina famem, trismum
Et dissenteriam, et dysorrexiam,
Et gastrodiniam cum apporlexiam!
Искореню во всѣхъ къ Шарлотѣ appetitus.
Съ клистиромъ я въ рукахъ возьму блаженства littus!
Антека прелестей! Шарлота—ты моя:
Эссенція красотъ!—люби, люби меня!

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе, **Бутербродъ** и **Бомбеліусъ**.

(Бомбеліусъ, въ халатѣ и въ колпакѣ, несетъ доску и грифель; садится въ кресло, задумывается и грызетъ пальцы).

Клистирандусъ.

Минута мщенія желанна наступаетъ:
Canina fames ужъ магистера терзаетъ!
(подходитъ къ Бомбеліусу и щупаетъ у него пульсъ).

Бомбеліусъ *(какъ будто бы со сна).*

Поди, кубъ глупости...

Клистирандусъ.

Такъ точно, я не лгу:
Я вижу,—у него обструкція въ мозгу.
Въ немъ страшная вдругъ стала перемѣна...

Бомбастусъ.

А! а!—лишается всего онъ оксигена!

Спекуландусъ.

Комета ужъ ему грозитъ своимъ хвостомъ!

Бутербродъ *(глядя пристально)*

Магистеръ кажется мнѣ сущимъ мертвецомъ!
Досталося ему оглоблей по затылку!

Бомбастусъ.

Велите domine, подать скорѣй бутылку:
Магистровъ оксигенъ хочу туда впустить,
А послѣ самого въ реторту посадить.

Бомбеліусъ *(роется въ своемъ карманѣ).*

Нѣтъ!—видно, что они на улицѣ пропали.

Бутербродъ.

Конечно, что нибудь вы въ лужѣ потеряли?
Быть можетъ, что часы?

Бомбеліусъ.

Нѣтъ! нѣтъ!

Бутербродъ.

Ну, такъ платокъ?

Бомбеліусъ.

О! то бездѣлица—

Бутербродъ.

Такъ вѣрно кошелекъ?
Но вы блѣднѣете, и въ мысляхъ безпокойныхъ...
Скажите—что?

Бомбеліусъ.

Увы!—горсть чиселъ треугольныхъ.
Задачи сей безъ нихъ не въ силахъ я рѣшить!

Бомбастусъ.

Пора магистера въ реторту посадить;
Въ лабораторію тащить его мнѣ должно:
На части разложить его мнѣ здѣсь не можно.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе и философъ **Трансценденталусъ.**

Бутербродъ.

Трансцендентальнымъ бывъ днесь посѣщенъ умомъ,
Во прахъ предъ нимъ валюсь, ничтожнѣйшій атомъ.

Трансценденталусъ.

Атомъ! quid est атомъ?—est errormale dices;
Systema falsa haec. Sum anti-atomices!
Ты новый Эпикуръ: non est hic ratio:
Отвѣтствуй мнѣ на то: qua demonstratio?

Бутербродъ.

Какъ громомъ пораженъ стою я предъ тобою!
Простри—невѣжества покрытому мнѣ тьмою,
О солнце мудрости! простри свои лучи,
И что мнѣ отвѣчать, меня ты научи!

Трансценденталусъ.

Клянись per Kantum ты питать вражду къ атому,
Клянись,—не то сейчасъ я убѣгу изъ дому.

Бутербродъ.

Клянусь per Kantum я, что проклятъ мой атомъ,
Что Эпикура я считаю дуракомъ!
Что буду завсегда я anti-atomices,
И стану прославлять однихъ лишь dynamices!

Трансценденталусъ.

Principium любви, абстракція красотъ,
Шарлота ubi est?—

Бомбастусъ на Трансценденталуса.

Проклятый! что онъ вретъ!
Да станешь газомъ ты и весь твой абстрацизмусъ,
И да разсыплется acidum kanticismus.

Клистирандусъ.

Principium любви—о дерзкій—я тебѣ!

Спекуландусъ.

Абстракція красотъ... я съ злости не въ себѣ!
Трансцендентальный звѣрь—и ты ужъ мнѣ соперникъ.
За честь астрономовъ отмстимъ ему, Коперникъ!

Бомбастусъ.

Шарлота ubi est... презлобный арсеникъ,
Почувствуешь теперь ты весь мой калорикъ.

(Всѣ трое бросаются на философа. Бутербродъ силится ихъ удержать. Философъ пятится назадъ—и наскакиваетъ на сидящаго въ углѣ магистра, который поражаетъ его доскою).

Бомбеліусъ.

Всю сумму истощу теперь негодованья!
Какъ смѣлъ тревожить ты меня средь суммованья?
Почто не поразитъ тебя небесный громъ!
О еслибъ алгебры со мной былъ толстый томъ:
Я бъ трянулъ имъ въ тебя,—ты въ ноль бы превратился,
И съ метафизикой у чорта очутился!

Трансценденталусъ.

Какъ phaenomenum сей противенъ для меня!

Бутербродъ.

Не ссорьтеся, прошу, любезные зятья,
И ежели для всѣхъ мила моя Шарлота:
Женитесь всѣ на ней, коль есть у васъ охота.
Обязанъ буду вамъ за ту высоку честь,
Что стану я чрезъ васъ всѣхъ факультетовъ тесть,
Что газомъ дочь моя и зетомъ насладится,
Что метафизика въ Шарлоту углубится,
Что медицина въ ней рецептъ начнетъ писать,
И астрономія планеты наблюдать!
Я мыслю—на сіе вы будете согласны:
Откройтесь, милые, и будьте безпристрастны!

Трансценденталусъ.

Est valde странная haec propositio:
Противна для меня сія conditio!

Клистирандусъ.

Oportet намъ теперь consilium составить.

Бомбастусъ.

Шарлотѣ то рѣшить намъ должно предоставить.
(*Въ сторону*).
Я чувствую къ себѣ афинитетъ ея:
Конечно, всѣмъ она, всѣмъ предпочтетъ меня,—
Захочетъ быть со мной въ химическомъ смѣшеньи!

Бомбеліусъ.

Какъ вижу я, идетъ тутъ дѣло о дѣленьи!
Кому изъ насъ женой должна Шарлота быть,
Проблему мнѣ сію позвольте разрѣшить.
Шарлота будетъ иксъ,—положимъ такъ примѣромъ,—
Бе будетъ бакалавръ, Трансценденталусъ—эромъ,
Астрономъ игрекомъ, и эномъ кандидатъ,
А я—пусть буду я... я буду зетъ квадратъ:
Напишемъ иксъ, потомъ бе съ эромъ уничтожимъ,
Энъ вычтемъ съ игрекомъ, и къ иксу зетъ приложимъ,—
Выходитъ съ иксомъ зетъ, квадратъ еще и съ плюсомъ.
Не спорьте жъ болѣе теперь съ Бомбеліусомъ;
По праву алгебры Шарлота мнѣ пришла;
И алгебра меня всѣмъ прочимъ предпочла.

Трансцендenталусъ.

Всю злобу твоего презрѣвъ идіотизма,
Шардоту я возьму по силѣ силлогизма.

Спекуландусъ.

Планеты всѣ кричатъ: Сатурнъ, Меркурій, Марсъ,
Чтобъ на Шарлотѣ я женился сей же часъ.

Клистирандусъ.

Смотрите, Эскулапъ является съ брадою
И молвитъ, чтобъ она была моей женою,
А ежели другой Шарлоту кто возьметъ,
То furor uteri терзать ее начнетъ.

Бомбастусъ.

Оставимъ мы на судъ любви своей предмету,
Къ кому въ ней болѣе изъ насъ афинитету.

Бутербродъ.

Безъ слезъ не можно мнѣ на васъ теперь смотрѣть:
Желаетъ всякъ одинъ Шарлотою владѣть;
Нельзя несчастному мнѣ будетъ похвалиться,
Что въ дочери моей ученость вся гнѣздится;
Что мною отъ нея желанный столько внукъ
Прекрасный будетъ плодъ отборнѣйшихъ наукъ!
Когда же всѣмъ нельзя моими быть зятьями,
По крайней мѣрѣ, мнѣ пребудьте всѣ друзьями,
Намъ должно мнѣніе Бомбастуса принять,
И выборъ жениха на волю ей отдать!
Согласны ль вы, друзья?

Всѣ, кромѣ Бомбеліуса.

Consenti omnes sumus;
Resistere тому non, domine, possumus.

Бомбеліусъ.

Мнѣ поруганіе сносить нѣтъ, право, силъ:
Задачу развѣ я неправильно рѣшилъ?
Прокляты минусы! во мнѣ признайте плюса:
Шарлотѣ должно быть женой Бомбеліуса!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе и **Краскинъ**, живописнаго дѣла мастеръ.

Краскинъ (*показываетъ принесенный имъ портретъ Бутерброду*).

Вотъ вашей дочери прелестный, милый видъ;
Но кисть моя, увы, не въ силахъ изразить,
Какъ сердце у меня...

Бутербродъ.

О! я васъ понимаю!
Препятство важное одно лишь обрѣтаю:
Въ числѣ ль ученыхъ вы?

Клистирандусъ, Бомбастусъ, Спекуландусъ, Трансцендентадусъ (*вмѣстѣ*).

Non, domine, non, non!
Ремесленникъ простой, — artifex подлый онъ:
Всѣ живописцы, всѣ танцоры, музыканты
И фехтовальщики—non docti, non savanti,
Non, non, non...
(*бросаются на живописца и выталкиваютъ изъ комнаты*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Прежніе, кромѣ живописца.

Бутербродъ.

Мнѣ теперь оставить должно васъ:
Готовиться велю я къ свадьбѣ сей же часъ,
Сегодня жребій вашъ, сегодня все рѣшится,
Вамъ стоитъ дочери моей лишь изъясниться!

Бомбастусъ.

Пойду и приберусь какъ можно лучше я:
У....., кажется, воняетъ отъ меня!
Не мудрено: я въ ней всегда почти копаюсь,
И обонянія для фосфора лишаюсь!

Клистирандусъ.

Для свадьбы пышный свой надѣну я нарядъ:
И медицина вся nunc выступитъ въ парадъ!

Спекуландусъ.

Чтобъ лучше разсмотрѣть красу моей планеты,
Астрономически взять должно инструменты;
Да также и себя не худо мнѣ прибрать.
Какъ Сиріусъ блеститъ, такъ должно мнѣ блистать,
И какъ отличенъ онъ межъ прочими звѣздами,
Отличенъ буду я межъ всѣми женихами.

Трансценденталусъ.

Трансценденталусъ вѣдь не циникъ Діогенъ:
Прелестнымъ парикомъ я буду покровенъ;
Per Kantum, какъ моя Шарлота изумится,
Коль метафизика къ ней щеголемъ явится.
(*Прощаются и уходятъ всѣ, кромѣ Бомбеліуса*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Бомбеліусъ (*одинъ*).

Злодѣевъ скоро я за дерзость накажу!
Математически Шарлотѣ докажу,
Что должно ей любить меня, Бомбеліуса,
Въ томъ закляну ее ужасной силой плюса!
Къ ней въ сердце иксъ влетитъ, зажжетъ тамъ сильну страсть.
Амуръ! ты алгебрѣ свою далъ страшну власть:
Въ томъ толстый алгебры колчанъ преобразился,
Лукъ зетомъ сталъ, а иксъ въ стрѣлу вдругъ обратился.
Къ симъ чудесамъ амуръ еще прибавилъ плюсъ,
И новый видъ принявъ, онъ сталъ Бомбеліусъ!
Въ магистрѣ алгебры да узрятъ всѣ амура,
Магистру алгебры покорствуй вся натура,
Магистеръ алгебры есть божество красотъ:
Дрожи предъ нимъ, дрожи, Шарлота Бутербродъ,
Не смѣй любви его, не смѣй сопротивляться:
Иль иксовъ ярости должна ты опасаться.
Какъ грозный купидонъ, предстану здѣсь къ тебѣ,
Въ величіи своемъ, во славѣ, въ торжествѣ!
(*Уходитъ*).
Занавѣсъ опускается.
Конецъ перваго дѣйствія.

Во второмъ дѣйствіи комедіи, Бутербродъ, узнавши, что Шарлота любитъ Эраста, не принадлежащаго къ сословію ученыхъ, совѣтуетъ истребить къ нему свою преглупую страсть и объявляетъ ей, что она можетъ выбирать только изъ ученыхъ. Является Эрастъ и объ-

ясняетъ, что онъ посланъ своимъ другомъ, философомъ Трансценденталусомъ, изъявить къ ней его ученую любовь, прославляетъ ученаго и рекомендуетъ его въ супруги. Шарлота удивляется словамъ Эраста, считаетъ ихъ за насмѣшку, говоритъ, что презираетъ всѣхъ жениховъ съ фамиліей на *ис*, и любитъ одного его, Эраста. Бутербродъ обнимаетъ Эраста, благодаритъ его и говоритъ, что онъ почитаетъ за счастіе быть тестемъ философа Трансценденталуса. Прося Эраста уговорить Шарлоту на бракъ съ философомъ, онъ оставляетъ ихъ. Эрастъ хохочетъ и объясняетъ Шарлотѣ, что онъ игралъ только роль притворно, съ цѣлью увѣнчать свою къ ней любовь: онъ подобрался къ философу и сдѣлался повѣреннымъ его и намѣренъ съиграть съ Бутербродомъ забавную и ему полезную шутку, съ помощію своего вѣрнаго друга Эмиля; онъ увѣряетъ Шарлоту, что вся шутка кончится тѣмъ, что они сегодня же будутъ подъ вѣнцомъ. Онъ совѣтуетъ Шарлотѣ притворно раскаяться передъ отцомъ и согласиться на бракъ съ философомъ, что она и дѣлаетъ по приходѣ Бутерброда. Бутербродъ въ восторгѣ и заключаетъ второе дѣйствіе комедіи монологомъ, въ которомъ высказываетъ сожалѣніе, что онъ рано овдовѣлъ и не имѣетъ многихъ дочерей, чтобы подѣлить ихъ всѣхъ между учеными. Послѣднее дѣйствіе не написано Нахимовымъ (можетъ быть по случаю его рановременной кончины), и объ этомъ можно пожалѣть. Веселая его комедія осталась безъ конца, и мы не знаемъ, какую развязку пьесѣ придумалъ Эрастъ съ Эмилемъ, и какъ произошло комическое пораженіе философа Трансценденталуса и другихъ ученыхъ?

VI.

Приведенныя здѣсь пьесы Нахимова достаточно характеризуютъ даровитаго харьковскаго сатирика: его манеру, языкъ, его цѣль и направленіе мыслей и сатиры. Нахимовъ былъ по самой природѣ своей и характеру поэтомъ; онъ искренно предавался своей сатирической страсти, вездѣ въ своихъ басняхъ и эпиграммахъ онъ является съ истиннымъ, не напускнымъ чувствомъ, и этимъ особенно возбуждаетъ къ себѣ симпатію. По свидѣтельству близко знавшаго его В. Масловича, Нахимовъ имѣлъ натуру, подобно Капнисту, настоящаго малоросса, лѣнтяя и небрежнаго въ спокойномъ состояніи, и забывавшаго весь міръ во время своего поэтическаго одушевленія. Вотъ отрывокъ о нашемъ поэтѣ изъ книжки Масловича: «Память о харьковскомъ стихотворцѣ А. Н. Нахимовѣ», приведенный Г. Н. Геннади въ его статьѣ: «Кое-что о русскихъ поэтахъ» (Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина. Т. 6. Спб. 1859):

«Кабинетъ его и спальную составляла одна маленькая горница, которая была столицею безпорядка и богатымъ предметомъ для живописца, желающаго изобразить въ карикатурѣ жилище ученаго: на столѣ, подъ столомъ, на постелѣ и по всему полу были разбросаны кучи книгъ, развернутыхъ, измятыхъ, свидѣтельствующихъ о безпечности, незаботливости и о пріятномъ неглиже хозяина, котораго, по бо̀льшей части, заставали занимающагося чтеніемъ, по студентски, т. е. лежащаго на постелѣ. Когда же онъ приходилъ въ такъ называемый поэтическій восторгъ, или располагался писать, то приказывалъ, ежели это случалось днемъ, закрыть окна, подать свѣчу и запершись, начиналъ бесѣдовать съ музами. Тогда вся вселенная была имъ забыта; стопушечный залпъ не могъ бы прервать занятій поэта; а посему шумъ и стукъ навѣщавшихъ въ сіе время товарищей его были безуспѣшны». Въ послѣдствіи, онъ черпалъ жаръ поэтическій въ источникѣ, который свелъ его въ могилу...

Но не всѣмъ нравился Нахимовъ и не всѣ симпатизировали его стихамъ, какъ при жизни поэта, его современники, такъ и въ послѣдующія десятилѣтія настоящаго вѣка. Не говоря уже о лицахъ, считавшихъ себя прямо или косвенно задѣтыми эпиграммами харьковскаго стихотворца, находились и такіе литературные критики, вкусу и направленію которыхъ совершенно не удовлетворялъ нашъ сатирикъ. Они разбирали выходящія собранія сочиненій Нахимова далеко съ невыгодной для него стороны. Остановлюсь, для характеристики, на двухъ изъ этихъ разборовъ, взятыхъ изъ разнаго времени. Вскорѣ по выходѣ перваго собранія сочиненій Нахимова, издатель и другъ его Василій Масловичъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» на 1817 г., мѣсяцъ октябрь, защищаетъ уже Нахимова отъ нападокъ одного критика его басенъ, въ изданной послѣднимъ книжкѣ: «Два опыта въ словесности. Спб. 1816. Сочиненіе А. Р—ра.» «Хотя г. разбиратель (пишетъ В. Масловичъ) и кричитъ: что Нахимова басни не имѣютъ ни малѣйшаго вкуса, остроту называетъ плоскою (замѣтить нужно, что г. разбиратель часто употребляетъ любимое сіе словцо, но что̀ онъ подъ нимъ разумѣетъ, надобно спросить у него истолкованія), находитъ какую-то неплавность въ разсказахъ, странныя выраженія; но пусть кричитъ г. филологъ: ему не повѣрятъ тѣ, которые читали сочиненія г. Нахимова. По моему мнѣнію (котораго не выдаю за непремѣнное) Нахимова по справедливости можно назвать нашимъ Пфефелемъ; какъ у нѣмецкаго, такъ и у нашего стихотворца изобрѣтенія, по бо̀льшей части, эпиграмматическія; какъ у того, такъ и у другаго басни начертаны рѣзко и живо изображены. [1]) Но На-

[1]) Gottlieb Konrad Pfeffel, талантливый нѣмецкій поэтъ, род. въ Кольмарѣ

химовъ какъ въ басняхъ, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ еще особеннымъ владѣетъ даромъ, которымъ владѣли немногіе. Именно: онъ располагаетъ своими читателями по своей волѣ: желаетъ ли возбудить въ нихъ отвращеніе? и—возбуждаетъ; захочетъ ли ихъ позабавить? и—они смѣются; нужно ли ему, дабы они къ какому нибудь предмету чувствовали подобно ему негодованіе? и—они уже негодуютъ. Столь искусно было перо его!» «Отдаюсь на судъ цѣлаго ученаго свѣта и спрашиваю торжественно господина филолога: что можетъ онъ похулить, и у какого баснописца не только отечественнаго, но и чужеземнаго можетъ онъ найти лучшія сихъ басней: «Моська и собака на привязи», «Живописецъ», «Звѣринецъ», «Желѣзо и кузнецъ», «Волы и лошадь», «Проповѣдь и басня?» Въ 1841 г., по выходѣ въ свѣтъ 4-го изданія сочиненій Нахимова, появился въ одномъ изъ тогдашнихъ лучшихъ журналовъ, весьма рѣзкій разборъ поэзіи и дѣятельности харьковскаго сатирика, неизвѣстнаго критика (Русскій Вѣстникъ 1841. Спб. Томъ 4-й.) Рецензентъ говоритъ сначала: «Намъ кажется, что спеціальныхъ поэтовъ сатиръ и эпиграммъ можно раздѣлить на два рода: одни были не поэты, а остряки-рифмачи, писаки мимоходомъ, которые между дѣломъ писали эпиграммы коротенькія, или эпиграммы собственно, и эпиграммы длинныя, или такъ называемыя сатиры, несчастный родъ, фальшивое издѣліе стихотворства, изобрѣтенное во время паденія латинской поэзіи и приведенное въ систему французскимъ классицизмомъ.» «Классическая сатира, продолжаетъ онъ далѣе, перешла въ Россію вмѣстѣ съ другими выродками французскаго классицизма. Началъ ее Кантемиръ, прелагая французскія сатиры на русскіе нравы; такимъ же преложеніемъ занимался Сумароковъ. Другіе потомъ переводили французскія сатиры цѣликомъ, и въ семъ отношеніи болѣе всѣхъ показали дарованія Милоновъ и князь П. А. Вяземскій. Но почти каждый поэтъ русскій прошедшаго столѣтія обязанъ былъ написать и сатиру, какъ почти каждый обязывался написать идиллію, посланіе, басню, подражаніе Гораціевой одѣ, пѣсню, эпиграмму, эпитафію и мадригалъ. Нѣкоторые посвящали себя одному изъ такихъ родовъ исключительно. Къ числу исключительныхъ писакъ сатиры, утверждаетъ критикъ, принадлежалъ Нахимовъ. Онъ родился полубольной, съ раздражительными нервами, учился, испытывалъ неудачи по службѣ, сердился, претерпѣвалъ сердечныя потери, скорбѣлъ и умеръ 33-хъ лѣтъ. Вѣримъ, что Нахимовъ былъ добрый, умный человѣкъ, что его дѣйствительно раздражали пороки, несправедливости и другія гадости, кото-

1736 года, ослѣпъ въ 1757 г., ум. въ 1809 г.; писалъ въ разныхъ родахъ: басни, посланія и проч. Г. Ч.

рыя водятся на бѣломъ свѣтѣ, какъ водятся въ немъ жабы, лягушки, пауки, мухи, комары и прочая дрянь. Но у Нахимова не было нисколько поэтическаго дарованія; онъ притомъ худо владѣлъ языкомъ, не умѣлъ ладить съ стихами и писалъ онъ еще по фактурѣ Сумароковской. Впрочемъ, Нахимовъ, считая себя сатирикомъ и ругая мерзавцовъ и пороки въ стихахъ и прозѣ, былъ скроменъ, не вѣрилъ себѣ, печаталъ весьма немногое, и то когда еще учился, а въ послѣдствіи и совсѣмъ бросилъ стихи и прозу. Надобно же было друзьямъ автора отыскать его шпаргалы, какъ называлъ свои лоскутья прозы и стиховъ одинъ изъ старыхъ поэтовъ, и они собрали ихъ и напечатали, а теперь перепечатали въ Москвѣ сочиненія Нахимова, потому, кажется, что надобно же что нибудь печатать. Оно и то, вѣроятно, найдутся люди (мы ихъ сами встрѣчали), которые будутъ еще въ восторгѣ отъ Нахимова. Почему не такъ? Онъ не забьетъ имъ головы такими, какъ бы сказать, поэтическими штуками, не заставитъ ихъ подумать надъ какими нибудь идеями. Нѣтъ! Нахимовъ бранится по просту: самые предметы брани его не высоки: громъ его сатиры не бьетъ въ темя горделивыхъ горъ, не разитъ перунами громадныхъ скалъ—куда намъ; еще перетолкуютъ, да наживешь себѣ хлопоты.... Сатира Нахимова хлещетъ подъячихъ, франтовъ, французолюбцевъ, школьныхъ педантовъ: бей ихъ—кто за нихъ заступится! И надобно признаться, что Нахимовъ обходится съ ними безъ чиновъ. Подъячихъ уподобляетъ онъ блохамъ, педантовъ называетъ ослами. Вотъ что говоритъ онъ какому-то галломану Мерзилкину:

Послушай-ка, мусье, не господинъ Мерзилка,
Не лай на Русскихъ ты, французить позабудь;
Ты вспомни наконецъ, что есть въ Россіи кнутъ,
Что не минетъ тебя въ Парижъ Камчатскій ссылка;
На лыжахъ щеголять какъ станешь по снѣгу,
Скажи себѣ тогда: Команъ-ву-порте-ву?

«Въ другой сатирѣ на какого-то танцора, поэтъ говоритъ, что нѣкогда Зевесъ влюбился въ красавицу, но не умѣлъ никакъ понравиться ей. Что дѣлать?

Былъ Фавнъ, мохнатая скотина,
И рожу всю имѣлъ въ угряхъ,
Но Фавнъ танцоръ и вотъ причина,
Что принятъ былъ во всѣхъ домахъ.
По Фавнову Зевесъ совѣту,
Сталъ Фавновымъ ученикомъ,
Чтобъ нравиться любви предмету,
Юпитеръ сдѣлался козломъ,
Красотка скоро полюбила
Зевеса, свѣтскаго козла....

«За то Зевесъ опредѣлилъ, чтобы впредь всегда танцоры кружили головы красоткамъ.

«Хотите ли выслушать нѣсколько маленькихъ сатирокъ, то есть, эпиграммъ Нахимова?

Педанту, сочинившему эпиграмму.

Вотъ чудо, да оно не снилось и Адаму:
Пѣтухъ Индѣйскій снесъ — яйцо?
Нѣтъ! эпиграмму!

«Адамъ, разумѣется, тутъ для рифмы, да и вымыселъ педанта, который несется эпиграммами, очень милъ!

Глупому стихотворцу.

Ужъ и оселъ
На Пиндъ забрелъ!

«По случаю списыванія портрета съ одного премудраго мужа» Нахимовъ писалъ:

Вы пишете портретъ съ философа Ослова.
Похвально славный ликъ въ портретѣ сохранить.
Но выдумка сія, повѣрьте мнѣ, не нова;
Вамъ можно болѣе философа почтить:
Съ живаго кожу снять и чучелу набить!

Эпитафія высокоученому.

Гніетъ здѣсь гордая Латынь.
Аминь!

«Мы чуть не забыли сказать, что кромѣ сатиръ у Нахимова есть и оды похвальныя, и стихи «священнаго содержанія», и философическія разсужденія. Въ философіи онъ еще не смѣлъ и подумать опровергать Кондильяка. Впрочемъ, и самые почитатели Нахимова ничего уже не помнятъ изъ его прозы, кромѣ разсужденія о блохахъ: оно все еще славится тамъ, гдѣ донынѣ читаютъ «Похожденія Мирамонда», «Полуизмятую розу», и помнятъ Стихи на Московскій бульваръ. Странно видѣть новое изданіе Нахимова людямъ, которые переросли немного его сатиры. Послѣ того, когда пробѣжите книжечку сочиненій Нахимова, остается точно такая же грусть и тоска, какъ послѣ посѣщенія стараго знакомаго, котораго вы лѣтъ тридцать не видали, который говоритъ и остритъ, какъ говорилъ и острилъ за тридцать лѣтъ. Вамъ тогда онъ и самимъ казался не глупымъ и забавнымъ, но теперь, мысль, что онъ просидѣлъ тридцать лѣтъ неподвижно, когда и мы сами, и все измѣнилось вокругъ насъ... Грустное чувство!..»

Такое и, подобныя ему, отношенія критики къ литературной дѣятельности Нахимова совершенно ошибочны, такъ какъ, являясь только выраженіемъ личнаго вкуса пишущихъ объ этой дѣятельности,

не имѣютъ никакого историческаго основанія для своихъ сужденій. Критикъ 1841 г. забылъ о томъ важномъ литературномъ періодѣ, отдѣляющимъ его отъ времени Нахимова, періодѣ Пушкинскомъ, такъ сильно двинувшемъ впередъ русскую литературу, и смотритъ на Нахимова какъ бы на своего современника. Нахимовъ жилъ въ то время, когда русскій языкъ и поэзія еще не достигли той высокой степени развитія, какую дало имъ перо Пушкина и его школы. Басня Крылова еще не выдѣлялась тогда изъ общей манеры тогдашняго времени, и поэтому басня Нахимова, по языку и характеру своему, является не только не ниже, но даже выше басни нѣкоторыхъ современныхъ ему баснописцевъ. Но и между лучшими стихотворцами своего времени, Нахимовъ выдѣлялся по несомнѣнному поэтическому дарованію, и его оригинальность была замѣчена всѣми. Хотя онъ и слѣдовалъ стариннымъ преданіямъ Сумароковской фактуры писанія стиховъ, въ складѣ выраженій своихъ сатиръ и эпиграммъ, но вездѣ у него проглядываетъ и своя манера, своеобразность, которая выражалась не въ грубости пріемовъ его, плоскости и бранчивости сатиры, какъ говорятъ хулящіе его критики, а въ живомъ и искреннемъ выраженіи чувства, любви и негодованіи поэта къ предметамъ его сатирическихъ произведеній. Грубовато-простодушный пріемъ Нахимова принадлежитъ времени и той средѣ, въ обществѣ которой и для которой онъ писалъ. Между стихотворными пьесами журналовъ 1810-хъ и 1820-хъ гг. настоящаго столѣтія, какъ столичныхъ, такъ и харьковскихъ: «Харьковскаго Демокрита», «Украинскаго Вѣстника», въ которыхъ помѣщались произведенія Нахимова и его друзей, можно встрѣтить нерѣдко такія простодушно-открытыя шутки добраго стараго времени, какія никакъ не подойдутъ подъ условія приличія современнаго намъ юмора и сарказма.

Подобная приведенной изъ «Русскаго Вѣстника» изд. 1841 г. критикѣ сочиненій Нахимова, явилась въ томъ же году и другая рецензія на новое собраніе сочиненій его, въ «Отечественныхъ Запискахъ», журналѣ, имѣвшемъ въ то время большое вліяніе въ литературѣ. Въ этой рецензіи, въ Нахимовѣ также не признается никакого сатирическаго дарованія; онъ считается принадлежащимъ къ приходу записныхъ сатирическихъ писакъ стараго времени, писавшихъ на все эпиграммы.

«Записные эпиграмматисты ходили всюду, гдѣ только можно было пройти, выдумывали сами новыя мѣста и лица, лгали безъ милосердія, и все это для остроты въ двухъ стихахъ, для эпиграммы! Друзья поэта находили все это очень забавнымъ и отъ души смѣялись всѣмъ этимъ стихотворнымъ и прозаическимъ эпиграммамъ, тѣмъ болѣе, что

нашему поэту иногда и въ самомъ дѣлѣ случалось обмолвиться порядочною остротою». («Отечественныя Записки» 1841 г., ноябрь, отд. 6).

Да, конечно, та среда, противъ которой направлялъ Нахимовъ свои сатирическія стрѣлы, была—не горделивыя горы, не громадныя скалы; противъ нихъ Нахимовъ не шелъ. Его среда, въ которой онъ повсюду являлся, была низменная: подъячіе-взяточники, продажные секретари, подлые и фальшивые люди въ разныхъ сферахъ жизни, людишки, размѣнявшіе себя на мелочь. Но вся эта мелочь, по мнѣнію критиковъ не стоившая сатиры,—стоила ее, такъ какъ въ совокупности составляла великую тупую и злую силу, тормозившую развитіе русской общественной жизни. Дѣло шло о подъячествѣ, о томъ всеобщемъ взяточничествѣ, которое лажало такимъ гнетомъ въ старой нашей жизни, о тѣхъ Скотининыхъ и Мерзилкиныхъ, грубыхъ полнѣйшихъ невѣждахъ, или принявшихъ только пустую внѣшность изъ французской культуры. Это та среда, съ которой боролся еще до Нахимова съ большой энергіей извѣстный сатирикъ Фонвизинъ, въ своихъ комедіяхъ: «Недорослѣ» и «Бригадирѣ», боролись и другіе писатели. Сильнымъ національнымъ негодованіемъ, имѣвшимъ свою причину въ безсмысленной галломаніи высшаго общества того времени, объясняется и та, приведенная выше критикою, неловкая, конечно, выходка харьковскаго сатирика противъ Мерзилкина. Нахимовъ поражалъ подъячихъ и Скотининыхъ разнаго рода своими эпиграммами очень мѣтко, и въ этомъ его заслуга въ русской литературѣ. На своей же родинѣ, въ Харьковѣ, этотъ писатель имѣлъ въ свое время весьма обширное распространеніе, отвѣчая вполнѣ потребностямъ и желаніямъ лучшей части тогдашняго общества, долгіе годы еще послѣ его смерти вспоминавшаго о немъ.

Закончу эти воспоминанія о старомъ даровитомъ харьковскомъ дѣятелѣ слѣдующей эпитафіей на его смерть, написанной его другомъ В. Масловичемъ и напечатанной имъ въ «Харьковскомъ Демокритѣ» 1816, январь:

Жалѣетъ Фебъ и плачутъ Музы!
Нахимовъ умеръ—ихъ пѣвецъ.
Въ восторгѣ врачъ, педантъ, французы,
Ослы, кокетки, франтъ и льстецъ,
Крючки-жъ—отъ радости въ трактирѣ,
Что нѣтъ Нахимова въ семъ мірѣ.

Харьковъ. Сообщ. Г. С. Чириковъ.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ИСТОРІИ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ.

Давно хотѣлось мнѣ проникнуть во французскіе лицеи (соотвѣтствующіе нашимъ гимназіямъ), чтобы ознакомиться съ ихъ системою преподаванія исторіи на самой практикѣ; ибо знакомство съ французскою учебною литературою по этой части не давало полнаго понятія о цѣлой системѣ. Но проникнуть туда оказывалось не такъ легко, какъ это дѣлается въ Германіи и даже въ Австріи. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ я, обыкновенно, относился къ директору заведенія, и почти всегда безъ затрудненія получалъ радушное позволеніе прослушать нѣсколько уроковъ. (Въ свое время мои замѣтки о нихъ были напечатаны). Во Франціи же весьма развитая централизація даетъ себя знать и въ этомъ отношеніи. Тамъ для посѣщенія уроковъ какого либо нисшаго или средне-учебнаго заведенія требовалось высшее разрѣшеніе, а за такимъ разрѣшеніемъ, конечно, не всегда удобно обращаться. Прошлымъ лѣтомъ, въ бытность мою въ Парижѣ, я, наконецъ, досталъ это разрѣшеніе, благодаря извѣстному историку Альфреду Рамбо, который занимаетъ постъ правителя канцеляріи при настоящемъ министрѣ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри. Мнѣ предоставлено было выбрать, примѣрно, два лицея. Я выбралъ, во первыхъ, лицей Людовика Великаго, помѣщающійся близь Сорбонны, во вторыхъ, лицей Фонтанъ, въ сторонѣ Grand Opera; куда и получилъ рекомендательную записку отъ г. Греаръ, вице-ректора университета (соотвѣтствующаго нашему попечителю учебнаго округа). Ректоромъ университета считается министръ.

Прежде чѣмъ перейти къ своимъ замѣткамъ о прослушанныхъ урокахъ, сообщу читателю общій учебный планъ преподаванія исторіи во французскихъ лицеяхъ. Весь лицейскій курсъ простирается

на 10 лѣтъ. Недавно произведенными учебными реформами курсъ этотъ раздѣленъ на три отдѣла, такимъ образомъ, чтобы каждый отдѣлъ представлялъ нѣкоторую законченность въ общемъ образованіи. Отдѣлы эти суть: элементарный, граматическій и высшій. Возрастъ учащихся предполагается отъ 8 лѣтъ до 17 включительно.

Отдѣлъ элементарный (division élémentaire) состоитъ изъ трехъ классовъ: приготовительнаго, осьмаго и седьмаго. Въ каждомъ классѣ на исторію полагается два часа въ недѣлю или одинъ урокъ, такъ какъ уроки въ лицеяхъ обыкновенно двухчасовые. Въ приготовительномъ классѣ учебная программа назначаетъ: «біографіи знаменитыхъ людей древняго и новаго времени,—небольшіе разсказы, сдѣланные учителемъ и повторяемые наизустъ ученикомъ». Въ осьмомъ классѣ: «сокращенная исторія Франціи до смерти Генриха IV,—простые разсказы, коротко изложенные учителемъ и повторенные наизустъ ученикомъ». Въ седьмомъ классѣ: «исторія Франціи, отъ Франциска I до нашихъ дней—изложеніе учителя, воспроизведенное ученикомъ наизустъ или письменно». Итого въ элементарномъ отдѣленіи заключаются три недѣльныхъ урока или шесть часовъ, съ законченнымъ сокращеннымъ курсомъ французской исторіи, которой предшествуетъ маленькій біографическо-эпизодическій очеркъ исторіи всеобщей.

Граматическій отдѣлъ (division de grammaire) заключаетъ въ себѣ классы: шестой, пятый и четвертый. На исторію также назначено по два часа въ недѣлю. Въ шестомъ классѣ полагается «древняя исторія восточныхъ народовъ» и, кромѣ того, «древняя географія». Въ пятомъ—«исторія Греціи» и «древняя географія». Въ четвертомъ—«исторія римская». И такъ въ этомъ отдѣлѣ на исторію отводится также шесть часовъ или три недѣльные урока, которые назначены на подробный, систематическій курсъ древней исторіи.

Высшій отдѣлъ (division supérieure) заключаетъ въ себѣ четыре класса: третій, второй, риторическій и философскій. На исторію въ каждомъ классѣ отведено три часа. Но такъ какъ уроки двухчасовые, то по одному часу въ недѣлю, сверхъ того, полагается на географію. Преподаваніе исторіи и географіи, обыкновенно, находится въ однѣхъ рукахъ, и учитель располагаетъ такимъ образомъ, что половину одного двухчасоваго урока посвящаетъ исторіи, а другую половину—географіи, или чередуетъ ихъ, т. е. одну недѣлю всѣ два часа исторіи, а другую недѣлю—географіи. Въ третьемъ классѣ полагается «исторія Европы и преимущественно Франціи, отъ 395 г. до 1270 г.». Во второмъ: «исторія Европы и преимущественно Франціи, отъ 1270 г. до 1610. Обращать особое вниманіе на учрежденія». Въ классѣ риторики: «исторія Европы и преимущественно

Франціи, отъ 1610 г. до 1789». Въ классѣ философіи: «исторія Франціи и современная исторія, отъ 1789 до конституціи 1875 г.».

Слѣдовательно, высшій отдѣлъ отводитъ 12 часовъ на систематическій курсъ средней, новой и новѣйшей исторіи; при чемъ центръ тяжести лежитъ въ преподаваніи отечественной исторіи. Въ теченіе же всего лицейскаго десятилѣтняго курса отведено на исторію 24 часа или 12 двухчасовыхъ уроковъ. Надобно замѣтить, что при послѣдней реформѣ среднеучебнаго образованія, система преподаванія исторіи, хотя и вызвала нѣкоторыя замѣчанія и проэкты, но была оставлена почти нетронутою. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ системою уже довольно твердо установившеюся, въ теоріи и на практикѣ.

Теперь обращусь къ своей записной книжкѣ.

Лицей Людовика Великаго. 10-го (22) іюня 1880 г.

$2^1/_2$—$4^1/_2$ часа пополудни. Въ четвертомъ классѣ. Урокъ римской исторіи. Преподаватель вошелъ въ классъ первый, а за нимъ вошли ученики, которые собрались и дожидались на гимназическомъ дворикѣ. Преподаватель началъ съ того, что продиктовалъ вкратцѣ содержаніе слѣдующаго урока (sommaire)—родъ конспекта, заключающаго собственныя имена и хронологическія данныя и обнимающаго эпоху отъ Нерона до Коммода. Это содержаніе обязательно для заучиванія наизустъ. Потомъ онъ занялся спрашиваніемъ предыдущаго урока—эпохи тирановъ, отъ Августа до смерти Нерона. Все отрывочные, короткіе отвѣты, связнаго разсказа почти не было. Обратилъ вниманіе учениковъ на римскія имена, прозвища и фамиліи. Напримѣръ: Кай Калигула; послѣднее слово—это прозвище, а родовое или фамильное его имя было Клавдій, потому что онъ принадлежалъ къ роду Клавдіевъ. Неронъ, по происхожденію, принадлежалъ къ фамиліи Нероновъ, а по усыновленію императоромъ Клавдіемъ къ роду Клавдіевъ, и т. п.

Затѣмъ преподаватель продиктовалъ урокъ изъ географіи о настоящемъ состояніи Франціи, именно статистическія данныя о ея администраціи, войскѣ, флотѣ и учебной части. Послѣ онъ мнѣ объяснилъ, что это была случайная вставка, такъ какъ въ прошлый разъ онъ не успѣлъ окончить урокъ изъ географіи. На послѣднюю полагается въ 4-мъ классѣ одинъ часъ въ недѣлю; преподаватель исторіи и географіи тотъ же самый; вотъ онъ и улаживаетъ ихъ какъ знаетъ.

Послѣ того онъ перешелъ къ болѣе подробному объясненію слѣдующаго урока, который въ началѣ продиктовалъ въ видѣ конспекта. Онъ очертилъ возстаніе легіоновъ противъ Нерона, охарактеризовалъ

личности Гальбы, Оттона, Вителлія и династію Флавіевъ. Нѣкоторые ученики сокращенно записывали эти объясненія. Но для всѣхъ нихъ было обязательно къ слѣдующему разу приготовить письменное изложеніе урока. Эти работы называются redactions. Преподаватель показалъ мнѣ массу ученическихъ тетрадокъ, заключавшихъ изложеніе прошлаго урока и снабженныхъ его отмѣтками. Я заглянулъ также въ книги, лежавшія передъ учениками. Оказалось значительное разнообразіе: у кого былъ краткій курсъ Башле, у кого учебникъ Дюрюи Histoire Romaine, у кого третій томъ полной римской исторіи того же Дюрюи. Послѣ учитель мнѣ объяснилъ, что онъ не придерживается одного опредѣленнаго учебника, а указываетъ ученикамъ лучшія руководства и предоставляетъ имъ выбирать по ихъ усмотрѣнію. Такъ какъ отъ учениковъ требуется знаніе того, что сообщилъ и объяснилъ имъ учитель, то руководство скорѣе играетъ тутъ роль пособія. Однако, если учитель не успѣлъ объяснить урокъ до конца, то ученикъ необходимо долженъ обращаться къ руководству, чтобы приготовить весь урокъ, что, по бо̀льшей части, и бываетъ. Такъ именно случилось и въ этотъ разъ. Едва преподаватель въ своихъ объясненіяхъ дошелъ до Траяна, какъ пробилъ барабанъ, обозначающій конецъ урока. Ученики даже не дождались окончанія фразы, и тотчасъ повскакали съ своихъ мѣстъ. Учитель, первымъ вошедшій въ классъ, вышелъ изъ него послѣднимъ. Ученики лицея собрались опять на дворикѣ, гдѣ за ними смотритъ надзиратель (censeur); но это, сколько я замѣтилъ, не то, что у насъ надзиратель, а скорѣе соотвѣтствуетъ нашему инспектору; онъ непосредственно слѣдуетъ за директоромъ лицея, т. е. его помощникъ. Дѣти не остаются безъ надзора. Рекреаціонный залой служитъ для нихъ гимназическій дворъ. Пошелъ дождь; но часть двора находится подъ кровлею, гдѣ ученики и столпились. Хотя само зданіе лицея, можно сказать, монументальное, но внутри классныхъ комнатъ обстановка простая, даже бѣдная. Скамьи, заключающія четыре или пять мѣстъ, идутъ постепенно возвышаясь отъ передней лавки, въ три ряда. Всѣхъ учениковъ въ четвертомъ классѣ на лицо было до 50.

Послѣ урока преподаватель (Пижоно) любезно предложилъ мнѣ отвѣчать на всѣ мои вопросы и разъяснить мнѣ все, что меня интересовало относительно ихъ системы преподаванія. Мы сдѣлали вмѣстѣ прогулку по бульвару St. Michel, забрели въ Люксамбургскій садъ, и посидѣли тамъ нѣсколько, все бесѣдуя объ исторіи и ея преподаваніи. Г. Пижоно не только давалъ мнѣ разъясненія, но и распространился о своемъ собственномъ взглядѣ на систему преподаванія исторіи во французскихъ лицеяхъ. Это уже не молодой человѣкъ и,

очевидно, опытный преподаватель. Взглядъ его на систему нѣсколько пессимистическій. По его мнѣнію, она страдаетъ существенными недостатками; главный изъ нихъ это—растянутость и отрывочность. Исторія проходится отъ нисшаго класса до самаго высшаго, и при томъ такими обособленными частями и такъ мало повторяется, что ученикъ, дойдя до послѣдняго класса, забываетъ почти все, что онъ училъ прежде; такъ что свѣдѣнія оканчивающихъ курсъ, бо̀льшею частію, неудовлетворительныя. Напримѣръ, спросите ученика риторическаго или философскаго класса, что такое римскій консулъ, онъ затруднится вамъ объяснить. Да оно и естественно: онъ училъ римскую исторію года четыре тому назадъ и потомъ ее не повторялъ; при томъ, когда онъ училъ ее, то былъ мальчикомъ 12—13-ти лѣтъ, такъ что онъ не могъ отчетливо понимать учрежденія Рима, и приходилось ограничиваться болѣе внѣшней исторіей. По мнѣнію г. Пижоно, слѣдуетъ проходить исторію два раза: въ сокращенномъ видѣ, т. е. болѣе съ внѣшней стороны, и въ болѣе подробномъ, гдѣ можно было бы распространяться объ учрежденіяхъ. При послѣдней реформѣ среднеучебныхъ заведеній были заявлены нѣкоторыя желанія въ этомъ смыслѣ; но при окончательной ея редакціи планъ историческаго преподаванія оставленъ почти въ прежнемъ видѣ.

Г. Пижоно того мнѣнія, что какую систему ни вводи, а все-таки личныя качества преподавателя играютъ главную роль въ преподаваніи. Далѣе онъ объяснилъ мнѣ, что система, которую я видѣлъ на его урокѣ, хотя общепринятая въ лицеяхъ, но не обязательная въ своихъ подробностяхъ. Преподаватель можетъ разнообразить ее по своему усмотрѣнію; напримѣръ, начать урокъ объясненіемъ или спрашиваніемъ, а кончить конспектомъ и даже совсѣмъ обойтись безъ конспекта (sommaire).

На слѣдующій день, въ тѣ же часы, я присутствовалъ на урокѣ другаго преподавателя того же лицея, г. Хюбо. Классъ былъ составленъ изъ воспитанниковъ 16—18 лѣтъ, готовящихся въ военную Сенсирскую школу. Но какое это отдѣленіе и въ какомъ отношеніи оно стоитъ къ лицею, осталось для меня не совсѣмъ ясно изъ словъ преподавателя, а излишними распросами я не желалъ наскучать. Урокъ прошелъ, бо̀льшею частію, въ спрашиваніи и отвѣтахъ изъ разныхъ прежде пройденныхъ эпохъ, особенно изъ времени семилѣтней войны, которая представлена распадающеюся на три періода. Коснулись также по какому то поводу сочиненій Фенелона и его системы воспитанія дофина. Между тѣмъ одинъ изъ воспитанниковъ начертилъ на доскѣ карту Алжира. Преподаватель продиктовалъ краткій очеркъ завоеванія Алжира, раздѣливъ его на два періода и подраз-

дѣливъ ихъ на меньшія части; такъ что очеркъ получился въ видѣ таблицы, изображенной имъ на той же доскѣ. (Историческія таблицы составляютъ вообще систему г. Хюбо, и онъ сообщилъ мнѣ свое изданіе въ этомъ родѣ). Затѣмъ нѣсколько минутъ было посвящено собесѣдованію о Восточной политикѣ и Крымской войнѣ, къ каковому разговору и я былъ привлеченъ. Потомъ преподаватель заставилъ воспитанниковъ читать изъ какой то книжки свѣдѣнія о взаимномъ положеніи Россіи и Англіи въ Средней Азіи, объ Афганистанѣ, Туркестанѣ, Персіи и т. п. Очевидно, это была любезность по отношенію къ гостю, т. е. говорилось преимущественно о вопросахъ, могущихъ быть для меня интересными. Г. Хюбо обращался при этомъ ко мнѣ съ разными вопросами или спрашивалъ мое мнѣніе. Между прочимъ, онъ пожелалъ узнать что нибудь о вновь предпринимаемой нашей экспедиціи противъ Туркменъ; но я не могъ удовлетворить его любопытству, потому что тогда и самъ о ней не имѣлъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Посреди этихъ разговоровъ мнѣ бросилось въ уши замѣчаніе воспитанника о какомъ то баронѣ Николаи, который взялъ въ плѣнъ Шамиля, а потомъ сдѣлался французскимъ траппистомъ.

Лицей Фонтанъ. 13-го (25) іюня.

2—4 часа пополудни. Четвертый классъ. Римская исторія. Молодой преподаватель началъ спрашиваніемъ урока, который заключалъ періодъ Антониновъ. Слѣдовательно, онъ только на одинъ урокъ ушелъ впередъ противъ лицея Людовика. Изъ этого можно видѣть, какъ добросовѣстно исполняются учебные планы и какъ согласно идетъ преподаваніе въ лицеяхъ. Вопросы учителя особенно останавливались на Маркѣ Авреліѣ и его философскихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, они касались и источниковъ для исторіи Римской имперіи, напримѣръ, Тацита, Плинія, Діона Хризостома и др. Отвѣты учениковъ, вообще, были порядочные; но трудно было судить объ ихъ свѣдѣніяхъ по этимъ слишкомъ отрывочнымъ вопросамъ и отвѣтамъ. Между тѣмъ учитель далъ мнѣ посмотрѣть нѣсколько ученическихъ тетрадокъ съ изложеніемъ урока (redactions). Всѣ онѣ были снабжены его поправками и отмѣтками. Потомъ онъ поручилъ одному воспитаннику раздать ихъ по принадлежности. Послѣ чего продиктовалъ содержаніе (sommaire) слѣдующей эпохи, отъ смерти Марка Аврелія до отреченія Деоклетіана. А за тѣмъ перешелъ къ объяснительному толкованію этой эпохи, что также было записываемо учениками, но, конечно, въ сокращеніи. Объясненія преподавателя касались болѣе

внутренней стороны, т. е. причинъ паденія имперіи, а также характеристики нѣкоторыхъ императоровъ. Главными причинами онъ представилъ недостатокъ военныхъ силъ, что бы сдержать напоръ варваровъ, и разнообразіе составныхъ частей имперіи. Отсюда онъ вывелъ политику Деоклетіана, старавшагося поднять императорскую власть внѣшними знаками почитанія, и его раздѣлъ имперіи сначала на двѣ части, а потомъ на четыре, ради бо̀льшихъ удобствъ защищать ее и управлять ею. Охарактеризовалъ также его гоненіе на христіанъ. Фактической сторонѣ преподаватель мало отводилъ мѣста, какъ будто предполагалъ ее извѣстной. Объясненія давались умныя и дѣльныя, но отзывались университетской лекціей, и, кажется, были слишкомъ сухи и отвлеченны. Этимъ можно отчасти объяснить, что во время второй половины урока, особенно къ концу, классъ велъ себя довольно неспокойно, такъ что преподаватель принужденъ былъ дѣлать внушенія, а нѣкоторыхъ даже отмѣтитъ на бумажкѣ для передачи ея цензору (censeur), т. е. для наказанія. Объясненія, кромѣ того, страдали отрывочностью, такъ что не выходило сколько нибудь полной картины эпохи. Лица выбирались для характеристики, повидимому, безъ строгой системы. Александръ Северъ, Каракалла и Геліогабалъ были совсѣмъ пропущены. И все таки преподаватель не успѣлъ довести свои объясненія до конца эпохи. А въ такомъ случаѣ, какъ онъ мнѣ сообщилъ, ученикамъ предоставляется изложить свои редакціи съ помощію руководствъ. Изъ руководствъ, конечно, они должны почерпать и фактическія свѣдѣнія о заданной эпохѣ.

Суббота. 14-го (26) іюня.

$8^1/_2$—$10^1/_2$ часовъ утра. Третій классъ. Урокъ средней исторіи.

Преподаватель продиктовалъ sommaire о муниципіяхъ и коммунахъ западной Европы. Потомъ перешелъ къ объяснительному толкованію. Онъ очертилъ происхожденіе муниципій въ южной Франціи подъ чисто римскимъ вліяніемъ, т. е. какъ слѣдствіе ея романизаціи. А въ сѣверной Франціи явились коммуны съ пришествіемъ германскихъ завоевателей, принесшихъ съ собою любимое ихъ учрежденіе гильдіи, которыя первоначально означали складчину или товарищество для застольныхъ пиршествъ (родъ нашихъ братчинъ). Далѣе онъ говорилъ объ ихъ отношеніяхъ къ королевской власти, и указалъ на то, что не Людовикъ VI первый ихъ основалъ; коммуны существовали до него, а король поощрялъ ихъ, но не въ своихъ владѣніяхъ, а въ чужихъ, и притомъ за деньги. (Кажется, упустилъ сказать о значеніи въ данномъ случаѣ борьбы короля съ сильными вассалами). Сдѣлалъ при этомъ ссылку на Гизо «Исторія цивилизаціи во Франціи», и указалъ, какія, именно, страницы нужно прочесть.

Указалъ также на тяжелое положеніе крестьянскаго сословія. Впослѣдствіи, королевская власть, подчинивъ себѣ муниципіи и коммуны, сравняла ихъ съ остальными своими подданными; но онѣ, перемѣнивъ форму, дали основаніе для tiers état. Очеркъ муниципій въ въ Англіи, Италіи и Германіи онъ отложилъ до слѣдующаго раза, обѣщая сказать о нихъ вкратцѣ.

Оставшіеся за тѣмъ полчаса преподаватель посвятилъ спрашиванію учениковъ изъ Англійской исторіи въ эпоху первыхъ Плантагенетовъ и начала парламента. Особенно его распросы касались Великой хартіи, отношеній Іоанна Безземельнаго къ Франціи, судьбы принца Артура, Ѳомы Бекета, хартій короля Стефана и Генриха I, брака Генриха II и Элеоноры, лиги бароновъ при Генрихѣ III. Все это коротко, отрывочно, въ разбивку. Нѣкоторые ученики отвѣчали хорошо, и показались мнѣ довольно развитыми для мальчиковъ 14—15 лѣтъ. Преподаватель или, какъ ихъ называютъ, профессоръ самъ роздалъ ученикамъ тетрадки; при чемъ нѣкоторымъ устно сообщалъ свои замѣчанія. Это еще молодой человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, ревностно относящійся къ своему дѣлу. Какъ я сказалъ, преподаватель, обыкновенно, первымъ входитъ въ классъ и послѣднимъ изъ него выходитъ; по окончаніи урока онъ оставался еще нѣсколько минутъ со мною въ пустомъ классѣ. Изъ разговора съ нимъ я убѣдился, что онъ оптимистически смотритъ на свою систему преподаванія и, вообще, доволенъ ея результатами. Письменное изложеніе урока или такъ наз. «редакціи» онъ считаетъ не только полезными, но и необходимыми, потому что онѣ заставляютъ работать всѣхъ учениковъ, заставляютъ ихъ лучше вникать въ урокъ и закрѣплять его въ ихъ памяти. Этотъ молодой профессоръ сообщилъ мнѣ, что въ старшихъ классахъ онъ иногда позволяетъ себѣ такую вещь: задаетъ кому либо изъ учениковъ приготовить слѣдующій отдѣлъ по нѣкоторымъ учебникамъ и пособіямъ; сажаетъ его на кафедру и заставляетъ объяснять урокъ, вмѣсто учителя. А потомъ онъ дѣлаетъ свои замѣчанія на эти объясненія, хвалитъ то, что было удачно, и указываетъ слабыя стороны.

2—4 часа пополудни. Классъ риторическій. Урокъ новой исторіи.

Профессоръ началъ съ разбора ученическихъ тетрадокъ или «редакцій»; при чемъ о нѣкоторыхъ сдѣлалъ довольно подробныя замѣчанія. Содержаніемъ ихъ служило царствованіе Людовика XV и министерство Шуазёля. Особенно онъ останавливался надъ старыми французскими парламентами и изгнаніемъ іезуитовъ; при чемъ иногда цитовалъ Токвиля. Затѣмъ онъ прямо перешелъ къ объясненію слѣдующаго урока. Предварительно объявилъ, что, по недостатку остающагося до вакацій времени, задаетъ всю начальную исторію американскихъ соединенныхъ штатовъ и войну за независимость до пре-

зидентства Вашингтона включительно. Для составленія редакцій онъ предложилъ воспитанникамъ прочесть всѣ три части книги Лабуле; назвалъ и еще два сочиненія. А самъ предложилъ общую характеристику отношеній американскихъ колоній къ Англіи, возстанія и войны, Вашингтона и вмѣшательства Франціи. Онъ объяснилъ сильное моральное вліяніе этой войны и юной американской республики на французскую революцію и французскую республику. (Американскую республику онъ назвалъ матерью французской). Правительство Людовика XVI, уступая общественнымъ симпатіямъ, вмѣшалось въ пользу возставшихъ, и тѣмъ само работало противъ себя. Учрежденіе американской республики произвело во Франціи восторгъ. Лафайетъ, Рошамбо и другіе участники были только представителями общественнаго стремленія въ пользу свободныхъ учрежденій. Профессоръ указалъ на разницу народныхъ характеровъ, французскаго и англо-американскаго: французы тотчасъ взялись бы за оружіе, а колонисты, предварительно, десять лѣтъ спорили съ метрополіей о податяхъ, и требовали для себя представительства въ парламентѣ; когда же всѣ усилія были истощены, тогда только взялись за оружіе. Для характеристики наемныхъ нѣмецкихъ войскъ привелъ анекдотъ о томъ, что Фридрихъ II за нѣсколько тысячъ гессенскихъ солдатъ, проведенныхъ чрезъ его владѣнія, взялъ съ гессенскаго герцога такую пошлину, которая была установлена съ головъ рогатаго скота.

Благодаря оживленному изложенію и нѣкоторымъ ораторскимъ пріемамъ, эта лекція слушалась внимательно, не смотря на то, что она длилась болѣе часу. Минутъ за пятнадцать до конца класса, профессоръ обратился ко мнѣ, и предложилъ дать воспитанникамъ нѣсколько вопросовъ изъ Русской исторіи, напримѣръ, изъ исторіи Петра Великаго. Но прежде, нежели я собрался исполнить это неожиданное предложеніе, живой французъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о современномъ состояніи русской исторіографіи, и завязавшійся отсюда разговоръ былъ прерванъ барабаномъ.

Какой же выводъ изъ моихъ наблюденій?—спроситъ читатель. Хороша или нѣтъ французская система преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ? На это я отвѣчу, что вообще преподаваніе произвело на меня пріятное впечатлѣніе, но что, конечно, система имѣетъ свои слабыя стороны. Между самими преподавателями, какъ мы видѣли, встрѣчаются по отношенію къ ней и пессимисты, и оптимисты. Нельзя не согласиться съ г. Пижоно, что историческій курсъ слишкомъ растянутъ, такъ какъ онъ по немногу распредѣленъ на всѣ десять классовъ лицея. Кромѣ его растянутости, я указалъ бы и на недостаточное соотвѣтствіе нѣкоторыхъ частей цѣ-

лому. Напримѣръ, новѣйшей исторіи, т. е. послѣднему столѣтію, которому отводится весь высшій классъ (философскій) дано, можетъ быть, болѣе обширный объемъ, чѣмъ слѣдуетъ. Еще несоразмѣрнѣе поставлена исторія древняго востока, на которую полагается также годовой курсъ, именно VI классъ. Древняя географія составляетъ особый отдѣлъ, тогда какъ въ этомъ нѣтъ большой нужды; между тѣмъ всеобщая средняя и новая исторія не имѣетъ самостоятельнаго значенія; она группируется около исторіи Франціи. Поэтому ближайшіе къ ней народы: нѣмцы, англичане, итальянцы, испанцы еще кое какъ изучаются; но другіе, особенно славянскіе народы, неимѣвшіе прежде тѣснаго отношенія къ французской исторіи, почти игнорируются; хотя для современныхъ поколѣній знакомство съ ними было бы далеко не лишнимъ, даже для французовъ. Россія до XIX вѣка упоминается слегка по поводу Великой Сѣверной войны и раздѣловъ Польши; поэтому воспитанники еще кое что узнаютъ о Петрѣ I и Екатеринѣ II-й; но, вообще, имѣютъ о нашей исторіи смутное понятіе. Этотъ недостатокъ, несомнѣнно, играетъ важную роль въ политическихъ отношеніяхъ обоихъ великихъ народовъ, а, слѣдовательно, отражается и на общей французской политикѣ. (О подробностяхъ учебныхъ курсовъ можно судить по наиболѣе распространеннымъ руководствамъ, каковы, напримѣръ, Дюрюи и Дюкудрей). Недостатокъ системы заключается и въ томъ, что совсѣмъ не полагается времени на повтореніе для оканчивающихъ курсъ. На сколько правъ г. Пижоно относительно ихъ крайне неудовлетворительныхъ свѣдѣній, я, конечно, не могу судить безъ провѣрки; но во всякомъ случаѣ думаю, что, если онъ и преувеличиваетъ, то немного. Но я съ нимъ вполнѣ согласенъ въ томъ отношеніи, что система важна, а еще важнѣе качество преподавателей. И если прослушанные мною уроки произвели на меня, вообще, пріятное впечатлѣніе, то, главнымъ образомъ, потому, что мнѣ пришлось познакомиться едва ли не съ лучшими преподавателями. Много ли таковыхъ же найдется въ другихъ лицеяхъ и особенно въ провинціяхъ, я, конечно, остался въ неизвѣстности.

При всѣхъ хорошихъ качествахъ этихъ преподавателей, я все таки думаю, что не слишкомъ ли они иногда бываютъ отвлеченными, не слишкомъ ли удаляются отъ фактической почвы. Въ старшихъ классахъ объясненія преподавателя получаютъ окончательно характеръ университетскихъ лекцій; а «редакціи» учениковъ являются уже чисто компилятивною работою. При послѣдней имѣется въ виду, чтобы ученики знакомились съ важнѣйшими историческими писателями, каковы Гизо, Токвиль, Лабуле и пр., что несомнѣнно очень

полезно. Но все это хорошо, когда связано съ предварительнымъ фактическимъ изученіемъ исторіи.

Главный же мой выводъ заключается въ томъ, что система историческаго преподаванія у всякой великой націи должна имѣть свои особенности. Исторія не математика, которая не имѣетъ дѣла съ разными народными условіями. Уже то обстоятельство, что историческое преподаваніе должно отводить наибольшее мѣсто исторіи отечественной и непремѣнно знакомить съ сосѣдями, мѣняетъ условія преподаванія въ каждой странѣ. Слѣдовательно, каждое общество вырабатываетъ, такъ сказать, собственную систему. Когда я посѣщаю иноземныя школы, то, разумѣется, не изъ пустаго любопытства, а съ цѣлью сравненія и поученія. Отсюда неизбѣжный вопросъ: въ чемъ мы не уступаемъ французамъ и чему можно намъ у нихъ поучиться относительно преподаванія исторіи?

Мы видѣли, что на растянутость и отрывочность своего курса жалуются сами преподаватели лицеевъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и повидимому справедливо. Въ этомъ отношеніи нашъ гимназическій планъ преподаванія несомнѣнно лучше. Тамъ исторія распредѣлена на всѣ 10 лѣтъ. У насъ она идетъ съ третьяго класса до восьмаго включительно, слѣдовательно распредѣлена на шесть лѣтъ. При томъ у насъ она распадается на два курса, младшій и старшій, слѣдовательно болѣе сосредоточена. Мы видѣли самый процессъ преподаванія во французскихъ лицеяхъ, видѣли систему диктовки, спрашиванія и объясненія урока. Къ сожалѣнію, не имѣя случаевъ лично наблюдать этотъ процессъ въ нашихъ гимназіяхъ настоящаго времени, я, пока не получу къ тому возможности, долженъ воздержаться отъ сравнительнаго вывода. Затѣмъ, что составляетъ особенность французскихъ лицеевъ и чего я дотолѣ нигдѣ не встрѣчалъ—это еженедѣльныя письменныя работы учениковъ, извѣстныя подъ именемъ «редакцій». Французы, повидимому, довольны этой принадлежностью ихъ системы: такія работы волей-неволей заставляютъ всѣхъ учениковъ напрягать свои мыслительныя способности, пріучаютъ ихъ схватывать сущность слышаннаго и прочитаннаго, толково излагать эту сущность и, наконецъ, способствуютъ утвержденію ея въ памяти. Но, съ другой стороны, не слишкомъ ли онѣ обременяютъ и учениковъ, и учителей, однихъ заставляя постоянно писать и компилировать изъ руководствъ и пособій, а другихъ постоянно читать всѣ эти писанія. Можетъ быть, часть этого времени могла бы быть употреблена съ большею пользою, напримѣръ, просто на историческое чтеніе; да и фактическая сторона ученія, какъ я замѣтилъ, кажется, развита недостаточно. Я предложилъ бы, однако, если не усвоить вполнѣ, то

хотя отчасти подвергнуть опыту систему редакцій въ нашихъ гимназіяхъ. Напримѣръ, заставлять учениковъ раза два или три въ теченіе учебнаго года составить родъ краткаго отчета о пройденныхъ эпохахъ и особенно это дѣлать при повтореніяхъ. Но подобныя работы, чтобы не обременить учениковъ, необходимо согласовать съ количествомъ письменныхъ упражненій по предмету русскаго языка и словесности, то есть нѣсколько уменьшивъ въ такомъ случаѣ количество послѣднихъ. Необходимо, также, было бы учредить и нѣкоторое вознагражденіе преподавателю за лишній трудъ или уменьшить нормальное количество его часовъ. Сколько я могъ замѣтить, всѣ эти соображенія принимаются въ расчетъ во французскихъ лицеяхъ.

Реформа, произведенная въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ началѣ 70-хъ годовъ, предоставивъ господствующее положеніе древнимъ языкамъ, коснулась между прочимъ исторіи. Въ отношеніи послѣдней она установила дѣленіе на два концентрическіе курса, младшій (3 и 4 классы) и старшій, что несомнѣнно хорошо. Но затѣмъ она сократила общее количество часовъ, которое и прежде было не велико. А еще болѣе чувствительный ударъ исторической системѣ она нанесла новыми программами, въ которыхъ неискусно и неудобно исторія отечественная была перемѣшана со всеобщею, точнѣе сказать, съ нѣкоторыми отрывками изъ послѣдней. Понятно стараніе французовъ или нѣмцевъ сдѣлать отечественную исторію центромъ, около котораго группируются важные факты изъ исторіи общеевропейской, средней и новой. Исторіи главныхъ народовъ западной и средней Европы такъ переплетаются между собою, что ихъ даже трудно и выдѣлить. Однако и тамъ эта система имѣетъ свои неудобства; между прочимъ, при ней почти пропадаетъ исторія восточной Европы. У насъ, на оборотъ, при такой системѣ должна сильно страдать исторія западноевропейскихъ, т. е. самыхъ культурныхъ народовъ. Намъ, конечно, необходимо знакомиться съ судьбами своихъ сосѣдей; но нельзя же Швеціи и Польшѣ давать въ преподаваніи болѣе мѣста, нежели Франціи и Англіи. Въ сущности такъ называемая Всеобщая исторія, Средняя и Новая, помянутыми программами была почти уничтожена въ старшемъ историческомъ курсѣ; тогда какъ въ этомъ именно курсѣ она и должна получить самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ, новыя программы произвели реформу и тамъ, гдѣ никакой реформы не требовалось и гдѣ успѣла было установиться своя система, отвѣчающая нашимъ собственнымъ условіямъ и потребностямъ. Разумѣется, внесенныя ими неудобства скоро дали себя знать на практикѣ, и произвели разныя замѣшательства. Впрочемъ, въ послѣдніе годы уже сдѣланъ поворотъ къ лучшей прежней системѣ нѣкоторыми поправками въ программахъ.

Да не подумаетъ читатель, что я представляю свои возраженія противъ оффиціальной исторической программы только теперь, т. е. послѣ извѣстной перемѣны въ сферѣ, руководящей министерствомъ народнаго просвѣщенія. Нѣтъ, тоже самое, только съ бо̀льшими подробностями, было мною еще прежде напечатано въ почтенномъ изданіи извѣстнаго московскаго педагога г. Поливанова (Учебно-воспитательная библіотека. М. 1876 г. Т. I). Точно также мнѣ нѣтъ нужды пользоваться этою перемѣною, что бы говорить теперь противъ крайностей классической реформы въ нашихъ гимназіяхъ. Въ свое время я возражалъ противъ нихъ въ цѣломъ рядѣ статей (см. Русскій Архивъ за 1874 г.). Мнѣ приходится только напомнить о высказанныхъ мной предостереженіяхъ, которыя сбылись даже скорѣе, чѣмъ можно было думать. Но, оставаясь все-таки поклонникомъ классическаго образованія, я въ настоящее время рѣшительно присоединяюсь къ тѣмъ, которые высказываются противъ новой ломки и желаютъ только нѣкотораго ограниченія и смягченія классической системы. Не могу, однако, не указать на тѣ послѣдствія, которыя повлекло за собою нѣкоторое пренебреженіе къ исторіи, какъ предмету преподаванія. Это пренебреженіе выразилось, между прочимъ, и въ той тенденціи, по которой только преподаватели древнихъ языковъ получали движеніе по службѣ. Извѣстно, что въ силу такой тенденціи инородческій элементъ (хотя бы славянскій) во многихъ заведеніяхъ занялъ начальственное положеніе по отношенію къ отечественному, русскому элементу.

Во время своихъ поѣздокъ въ ту или другую область Россіи (связанныхъ, бо̀льшею частію, съ работами по предпринятой мной Исторіи Россіи) я имѣлъ возможность, между прочимъ, наблюдать и за постепеннымъ упадкомъ интереса къ отечественной исторіи и древностямъ, по преимуществу тамъ, гдѣ инспекторскія и директорскія мѣста перешли въ руки славянъ-классиковъ или гдѣ являлось сочетаніе западнаго славянина съ нѣмцемъ. Въ прошломъ (1879) году, напримѣръ, житомірская гимназія произвела на меня отрадное впечатлѣніе своимъ удачнымъ чисто русскимъ составомъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ другихъ чисто русскихъ и даже древнерусскихъ городахъ, извѣстныхъ своими замѣчательными памятниками, имѣвшихъ въ прежнее время въ своемъ педагогическомъ составѣ людей научно занимающихся этими памятниками, теперь я не встрѣчалъ никакого къ нимъ интереса. Отъ заведеній вѣяло какимъ то инымъ, чуждымъ духомъ. Здѣсь совѣтъ и указанія я находилъ уже въ другихъ кружкахъ общества, преимущественно, въ мѣстномъ духовенствѣ.

По этому поводу напомню слѣдующій фактъ. Послѣ Наполеонов-

скаго погрома Германіи, нѣмцы начали свое національное возрожденіе, главнымъ образомъ, съ того, что принялись усердно изучать свое прошлое и въ самыхъ школахъ сильно подняли историческое преподаваніе. Какихъ результатовъ они достигли, всѣмъ извѣстно.

Стараясь обратить надлежащее вниманіе педагогическаго міра на школьное преподаваніе исторіи, я, однако, нисколько не желаю выставлять кякія либо преувеличенныя требованія, напримѣръ, относительно количества часовъ, отводимыхъ этому предмету. Прибавка двухъ или трехъ часовъ къ настоящему числу, т. е. возвращеніе прежняго количества я считаю достаточнымъ для гимназическаго курса. Общій же планъ историческаго преподаванія, по моему мнѣнію, слѣдуетъ оставить тотъ же, какой дѣйствуетъ и въ настоящее время, но съ окончательнымъ исправленіемъ программъ. А именно: во первыхъ, сокращенный, эпизодическій курсъ русско-всеобщей исторіи въ третьемъ и четвертомъ классѣ. Затѣмъ идетъ систематическій и болѣе подробный курсъ: древней исторіи въ пятомъ, средней въ шестомъ и новой въ седьмомъ. Весь пятый классъ можно посвятить древней исторіи, а шестой и седьмой только отчасти; здѣсь параллельно съ средней и новой должно вести отдѣльный курсъ отечественной исторіи. Осьмой же классъ хорошо было бы посвятить повторенію; при чемъ факты внѣшней исторіи проходить коротко, а останавливаться преимущественно на учрежденіяхъ. Не дурно было бы въ этомъ классѣ или въ седьмомъ сдѣлать обязательнымъ для каждаго воспитанника хотя одно историческое сочиненіе компилятивнаго характера, но самостоятельной работы. Что касается до количества времени, отводимаго на исторію въ нашихъ гимназіяхъ, то достаточно было бы назначить для того 15, въ крайнемъ случаѣ—14 уроковъ, распредѣливъ ихъ, примѣрно, такимъ образомъ: въ третьемъ четвертомъ и пятомъ по 2 урока, а въ шестомъ, седьмомъ и осьмомъ классахъ по 3. (Это при 15 урокахъ, а при 14 въ осьмомъ 2).

Мнѣ остается, хотя въ русскомъ изданіи, извиниться передъ г. Греаръ, который, давая письменную рекомендацію для доступа въ лицеи, просилъ зайти послѣ къ нему и сообщить ему мои наблюденія и замѣчанія о французской системѣ. Отчасти потому, что пришлось уѣхать тотчасъ за посѣщеніемъ лицеевъ, а можетъ быть я отнесъ такую просьбу просто къ любезности, но только потомъ я не видался съ вице-ректоромъ. Повторяю, мнѣ желательно было ознакомиться съ иностранными системами преподаванія, главнымъ образомъ, не въ видахъ ихъ критики, а въ видахъ того, что можно найти въ нихъ полезнаго и удобопримѣнимаго къ нашему собственному преподаванію. Во всякомъ случаѣ, надобно отдать справедливость лицамъ, руководящимъ народнымъ образованіемъ въ передовыхъ странахъ Европы: они интересуются мнѣніями спеціалистовъ и находятъ время ихъ выслушивать.

Д. И. Иловайскій.

А. С. ПУШКИНЪ И П. В. НАЩОКИНЪ.

Очерки и Воспоминанія.

1.

Случай, одинъ нежданный и негаданный случай доставилъ мнѣ удовольствіе, лучше сказать, счастіе въ продолженіи мѣсяца почти ежедневно видѣть Александра Сергѣевича Пушкина среди его друзей, лицейскихъ товарищей и свѣтскихъ пріятелей.

Все что видѣлъ и слышалъ въ кругу подобнаго общества, я любилъ пересказывать роднымъ, товарищамъ и знакомымъ въ то время; да и послѣ, неоднократно, при разговорахъ о Пушкинѣ, случалось повторять эти разсказы даже до сего послѣдняго времени.

Послѣ смерти Пушкина многіе совѣтовали мнѣ напечатать свои воспоминанія, а при празднествѣ открытія его памятника настаивали на этомъ, но я колебался, тѣмъ болѣе, что о Пушкинѣ и безъ того появился огромный рядъ статей, замѣтокъ, мемуаровъ.... О болѣе выдающихся друзьяхъ великаго поэта также существуютъ уже нѣсколько болѣе или менѣе полныхъ воспоминаній. Но, къ удивленію моему, всего менѣе выяснена личность Нащокина, человѣка замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, но всего болѣе вызывающаго интересъ въ русскомъ читателѣ по его дружбѣ съ Пушкинымъ и его вліянію на великаго поэта.

Пользуясь воспоминаніями, я желалъ-бы описать Павла Воиновича Нащокина во всемъ разнообразіи его двойственнаго и причудливаго нрава, украшаемаго постояннымъ стремленіемъ къ дѣланію добра и ближнимъ и дальнимъ; также и другихъ дѣятелей того времени съ такимъ-же гуманнымъ направленіемъ.

2.

П. В. Нащокинъ изъ древняго дворянскаго рода, началъ службу въ какомъ то гвардейскомъ конномъ полку, вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика и въ этомъ чинѣ остался всю остальную жизнь. Родители его были богаты; тремъ сестрамъ дано было обезпеченное приданое или отдѣльное состояніе; одна изъ нихъ, оставаясь дѣвицею и перейдя въ другое исповѣданіе, скопидомствомъ сберегла свое состояніе, которое послѣ ея кончины перешло вдовѣ Павла Воиновича и дѣтямъ, доведеннымъ до крайней бѣдности, еще при жизни его, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Послѣ смерти отца, молодой Нащокинъ, избалованный богатой матерью, предался свободной и совершенно независимой жизни, такъ что, живя на всемъ готовомъ въ домѣ родительницы, онъ нанималъ бель-этажъ какого то большаго дома на фонтанкѣ для себя, а вѣрнѣе для друзей. Сюда онъ пріѣзжалъ ночевать съ ночныхъ игръ и кутежей и сюда же каждый изъ знакомыхъ его могъ явиться на ночлегъ, не только одинъ или самъ другъ, но могъ приводить и пріятелей (незнакомыхъ Нащокину) и одинокихъ, и попарно. Многочисленная прислуга, подъ управленіемъ карлика Карлы-головастика, обязана была для всѣхъ раскладывать по полу матрацы, со всѣми принадлежностями приличныхъ постелей: парнымъ—въ маленькихъ кабинетахъ, а холостякамъ, (по отношенію къ первымъ) въ большихъ комнатахъ, какъ говорится, въ повалку Самъ хозяинъ, явясь позднѣе всѣхъ, спроситъ только, много ли ночлежниковъ, потомъ тихо пробирается въ свой отдѣльный кабинетъ; если не спитъ еще кто нибудь изъ знакомыхъ, остановитъ проходящаго, перекинетъ слова два, а неспящій изъ незнакомыхъ, обыкновенно, закутывался одѣяломъ съ головою. Но за то утромъ всѣ обязаны явиться къ кофе и чаю: тутъ происходятъ новыя знакомства и интересные эпизоды.

3.

Въ 1833 году, лѣтомъ, въ театрѣ на представленіи балета Кіа-Кингъ, мы съ Нащокинымъ сидѣли въ 8-мъ или 9-мъ ряду креселъ. Въ антрактѣ, изъ перваго ряда, не сводя глазъ съ Павла Воиновича, пробирается къ намъ высокій, плотный, во всѣхъ статьяхъ солидный господинъ съ орденомъ на шеѣ. Остановясь противъ Нащокина, и, учтиво поклонясь, онъ спрашиваетъ его, немного конфузясь:

— «П. В. Нащокинъ?»

— Да-съ, я.

— «Хотя много лѣтъ не видались, а я издали, сразу узналъ васъ...вы ничего не измѣнились....вотъ я и поспѣшилъ засвидѣтельствовать свое почтеніе»....

— Извините, пожалуста....я, или не узнаю васъ, или не имѣлъ чести знакомства съ вами?...

— «Ха! ха! Не мудрено... ха! ха! Мнѣ теперь даже нѣсколько совѣстно и напомнить случай нашего знакомства: я съ товарищемъ моимъ Никитой Левашовымъ иногда ночевалъ въ вашемъ пріютѣ и видалъ васъ за утреннимъ чаемъ».

Послѣ Нащокинъ и объяснилъ мнѣ все, что выше мною сказано объ этомъ пріютѣ, даже со многими подробностями. Случалось, что въ торжественные дни рожденія его, гвардейская молодежь съ красотками, послѣ великолѣпнаго завтрака и множества опорожненныхъ бутылокъ, сажали въ четырехмѣстную карету, запряженную четверкой лошадей, Нащокинскаго Карлу-карлика съ кучей разряженныхъ дѣвицъ, а сами, снявъ мундиры, въ однихъ рейтузахъ и рубашкахъ, засѣвъ на мѣста кучера и форейтора и ставъ на запяткахъ вмѣсто лакеевъ, летѣли во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всѣмъ лучшимъ улицамъ! Конечно, все это могло совершаться въ началѣ 1820-хъ годовъ; а въ 30-хъ объ этомъ времени вспоминали только съ сожалѣніемъ. А разъ, по иниціативѣ Пушкина, тоже въ день рожденія Нащокина, приглашаютъ друзья его самаго въ собственный его пріютъ, гдѣ при входѣ приготовили ему сюрпризъ, до того циничный, что не возможно описать. Слѣдовательно Пушкинъ былъ знакомъ съ Нащокинымъ еще въ періодъ ихъ буйной, а, пожалуй, и безумной молодости, (разумѣется, въ переносномъ смыслѣ).

Какъ Павелъ Воиновичъ прожилъ, вѣрнѣе—проигралъ все доставшееся ему имѣніе по смерти матери, какъ перебрался на постоянное жительство въ Москву—не знаю; знаю только, что въ концѣ 1820-хъ годовъ имя его сдѣлалось въ Москвѣ извѣстнымъ и даже популярнымъ; тогда же и я имѣлъ счастіе познакомиться съ нимъ.

4.

Въ Москвѣ Нащокинъ тоже велъ большую, но уже воздержную игру у себя, у пріятелей, а впослѣдствіи постоянно въ англійскомъ клубѣ, гдѣ въ то время свирѣпствовала хотя дозволенная, но безразсудно-разорительная игра! Нащокинъ, проигрывая, не унывалъ, платилъ долгъ чести (т. е. карточный) акуратно, жилъ въ довольствѣ и открыто, въ случаѣ же большаго выигрыша жилъ ужъ именно по широкой русско-барской натурѣ, и гдѣ только требовалось—дѣлалъ добро, помогая бѣднымъ и давалъ въ займы просящимъ—никогда не требуя отдачи и довольствуясь только добровольнымъ возвращеніемъ.

Вскорѣ по переселеніи своемъ въ древнюю столицу, онъ на «всякій случай» (любимое прибавленіе, впервые имъ пущенное) интимно сблизился съ хорошенькой цыганкой Ольгой—не знаю, по имени какого отца—Андреевной. Не помню тоже, на Пречистенкѣ или на Остоженкѣ онъ занималъ квартиру весьма удобную въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Держалъ карету и пару лошадей собственно для себя, а пару вятокъ или казанокъ для Оленьки, съ лѣтнимъ и зимнимъ экипажами.

У него чуть не ежедневно собиралось разнообразное общество: франты, цыгане, литераторы, актеры, купцы подрядчики; иногда являлись заѣзжіе петербургскіе друзья, въ томъ числѣ и Пушкинъ, всегда останавливавшійся у него. Постояннымъ посѣтителемъ его дома былъ генералъ князь Гагаринъ (прозванный Адамовой головой), храбрецъ, выигравшій въ 1812 году у офицеровъ пари, что доставитъ Наполеону два фунта чаю! И доставилъ: и только по благосклонности Наполеона благополучно возвратился въ русскій лагерь!

При всей разнокалиберности гостей, хозяинъ умѣлъ оживлять всѣхъ, находя такой разговоръ съ каждой отдѣльной личностью, который могъ интересовать и другихъ. Отъ цыганки у него былъ сынъ, дворняжка, ненавидѣвшій комнатъ. Находя сходство въ мальчикѣ съ приставомъ ихъ квартала, Павелъ Воиновичъ велѣлъ портному сшить на мальчика полный мундиръ квартальнаго того времени; заказалъ трехъугольную шляпу и оправдывался въ этой продѣлкѣ такъ: вѣдь наряжаютъ же дѣтей гусарами, уланами, казаками, почему же мнѣ не нарядить его квартальнымъ, когда я такъ уважаю полицію?

Играя съ богачами, Нащокинъ не отказывался отъ любимаго занятія и съ такими, у которыхъ выиграть нечего, какимъ былъ, напримѣръ, Николай Филипповичъ Павловъ. Однажды, пообѣдавъ у Павла Воиновича, Павловъ предложилъ игру; пока игроки съ увлече-

ніемъ занимались дѣломъ, Оленька, приготовивъ закуску и чай, поѣхала кататься по Москвѣ на своихъ вяткахъ; вечеромъ, напоивъ игроковъ чаемъ, еще долго, до полуночи, слѣдила страстно за перемѣной счастья, но, утомлясь, ушла спать.

Что же ожидало ее при пробужденіи? Нащокинъ, проигравъ деньги, ставилъ на карты золотые часы, столовое серебро, наконецъ карету съ лошадьми, даже Оленькины сани съ парой вятокъ!

Павловъ, захвативъ серебро, вещи, и въ выигранной каретѣ, еще темнымъ утромъ, поѣхалъ домой, приказавъ сани съ вятками отправить за нимъ. Нащокинъ добродушно посмѣивался надъ подобной акуратностью Николая Филипповича!

Цыганка—милая, безпечная, добродушная дѣвушка, любившая искренно Нащокина, узнавъ объ изчезновеніи вятокъ, нисколько не огорчилась: вѣроятно, привыкла или знала, что все скоро возвратится. И дѣйствительно, вскорѣ они зажили прежнею роскошною жизнію [1]).

Но бѣдная Оля! Съ ней случилась впослѣдствіи потеря не казанокъ или вятокъ, но самаго сожителя! Въ одно прескверное (для Оли) утро, проснувшись, она не находитъ своего Павла, а только письмо отъ него, въ которомъ онъ, прощаясь навсегда, оставляетъ ей порядочную сумму денегъ въ шкатулкѣ, всѣ вещи, всѣ принадлежности хозяйства, экипажи, лошадей, словомъ—все въ ея собственность.

5.

Въ это время Павелъ Воиновичъ влюбился въ прехорошенькую барышню однофамилицу, Вѣру Александровну Нащокину, женился на ней и на нѣкоторое время исчезъ изъ Москвы: жилъ въ деревнѣ у тестя, потомъ, кажется, въ Тулѣ. Когда же снова появился въ Москвѣ, онъ велъ жизнь уже не на цыганскій ладъ, игру велъ только въ англійскомъ клубѣ, гдѣ отъ графа Мусина-Пушкина, проигравшаго огромныя суммы, на долю Нащокина достался порядочный кушъ. Тогда нанимается въ приходѣ стараго Пимена прекрасный двухъ-этажный домъ, мебель Гамбса, отличные обѣды, вина и сигары перваго сорта. Изъ

---

[1]) Цѣня милый нравъ Оли, я сочинилъ комедійку съ пѣніемъ „Цыганка“ изъ ихъ жизни, только по тогдашнему благоправному времени, женивъ Поля на предметѣ его любви; впрочемъ, Павелъ Воиновичъ сразу узналъ себя, о чемъ засвидѣтельствовалъ г. Бартеневъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Н. К.

прежнихъ гостей остались только князь Гагаринъ, артисты Московскаго театра, да пріѣзжавшіе изъ Петербурга или изъ-за границы иностранные, которыхъ онъ и угощалъ, и дарилъ. Вьэтану, напримѣръ, онъ подарилъ скрипку, съ которою знаменитый артистъ объѣхалъ всю Европу; В. А. Каратыгину устроивалъ оваціи, обѣдъ въ англійскомъ клубѣ и подарилъ коллекцію портретовъ всѣхъ великихъ людей міра, съ краткимъ описаніемъ ихъ жизни, подвиговъ и вообще значенія, выписанную изъ Парижа и въ три ряда по стѣнамъ украшавшую его кабинетъ.

Въ началѣ 1830-хъ годовъ пріѣхалъ посмотрѣть Москву молодой петербургскій актеръ В. В. Годуновъ, прожился и не съ чѣмъ ему было возвратиться, а тогда ѣздили въ дилижансахъ! Павелъ Воиновичъ, узнавъ эту тайну отъ его товарищей, послѣ обѣда ловко, деликатно и вовсе не замѣтно, во время восторженной рѣчи Годунова о любви къ сценѣ, вдругъ перебиваетъ: «Ахъ, батюшка, Василій Васильевичъ, у меня до васъ есть просьба: сдѣлайте одолженіе, оставьте для меня въ вашъ бенефисъ 1-й бенуаръ съ правой стороны, мы съ женой собираемся въ Петербургъ. Молодой артистъ, сконфузясь отвѣчаетъ: «я только началъ службу, мнѣ еще не скоро дадутъ бенефисъ....

— «Вздоръ, вздоръ! а я головой отвѣчаю, что скоро... вы только увѣдомьте меня за недѣльку, мы и пріѣдемъ съ Вѣрой Александровной. Вотъ вамъ и деньги, которыя я не привыкъ бросать; видите, какъ я увѣренъ, что буду вашимъ гостемъ!» И съ добродушной лаской заставилъ отказывавшагося юношу взять сто рублей ассигнаціями.

«Деньги не привыкъ бросать!» А кромѣ добрыхъ дѣлъ, бросалъ, съ позволенія сказать, до глупости и на глупости! Чего стоилъ ему извѣстный уже изъ газетъ «Домикъ»? Предположивъ себѣ людей въ размѣръ средняго роста дѣтскихъ куколъ, онъ, по этому масштабу, заказывалъ первымъ мастерамъ всѣ принадлежности къ этому дому: генеральскіе ботфорты на колодкахъ дѣлалъ лучшій петербургскій сапожникъ Пель; рояль въ $7^1/_2$ октавъ—Виртъ: Вѣра Александровна палочками играла на немъ всевозможныя пьесы; мебель, раздвижной обѣденный столъ работалъ—Гамбсъ; скатерти, салфетки, фарфоровую и хрустальную посуду, все, что потребно на 24 куверта —все дѣлалось на лучшихъ фабрикахъ.

Нѣсколько измѣненное общество постоянно посѣщало радушнаго и занимательнаго хозяина съ утра до полудня, такъ какъ онъ на всѣ вечера и на извѣстные обѣденные дни уѣзжалъ въ англійскій

клубъ. Ему были пріятелями всѣ замѣчательные люди того времени: Д. В. Давыдовъ, Толстой (американецъ) и др. Онъ зналъ множество анекдотовъ и историческихъ, и частныхъ, умѣлъ разсказывать ихъ и сообщалъ Пушкину о курьезныхъ новостяхъ Москвы; не стѣсняясь плохимъ правописаніемъ и лѣностью, онъ, на основаніи даннаго слова, постоянно въ письмахъ увѣдомлялъ его. Такъ, напримѣръ: о пріемѣ Брюлова Загоскинымъ, на сценѣ, въ антрактѣ. Съ высоты величія, какъ директоръ и русскій Вальтеръ-Скотъ, Загоскинъ, стуча по лбу Брюлова и трепля по щекѣ, расхваливалъ: «идея, идея глубокая! лица, лица превосходныя! ха! ха! ха! и такой маленькій человѣчекъ произвелъ такую огромную картину!»

Пушкина забавляли подобныя сообщенія, но никогда въ жизни онъ такъ не смѣялся, по его собственному признанію, какъ на вечерѣ и на обѣдѣ, нарочно для него устроеннымъ Нащокинымъ, когда Александръ Сергѣевичъ, по обыкновенію, проѣздомъ черезъ Москву гостилъ у него.

6.

Въ Москвѣ была барыня (княгиня), которая въ молодости страстно влюбясь въ Потемкина, выпросила на память отъ него голубую ленту, съ которой всю жизнь до старости не разставалась ни днемъ, ни ночью. Постоянно живя въ деревнѣ, скопидомничая, она сдѣлалась скупой до скаредности, неопрятной и грязной барыней замарашкой!

Вмѣсто чепца на головѣ какой то на сторону шлыкъ изъ платка, какъ у бабъ; платье засаленное съ заплатами; въ этомъ видѣ она собственноручно приготовляла на зиму соленья, варенья и проч. т. п; сама ходила на сѣнокосъ и на всѣ полевыя работы, гдѣ собственноручно колотила лѣнивыхъ, а прислугѣ, особенно бѣднымъ дѣвушкамъ, весь день, правымъ и виноватымъ, разсыпала пощечины! И при всемъ этомъ, всегда и вездѣ носила черезъ плечо на груди потемкинскую ленту!

Рѣдко, и то по важному какому нибудь дѣлу, она пріѣзжала въ Москву, что и совпало въ этотъ разъ съ пріѣздомъ Пушкина.

Нащокинъ увѣрилъ ее, что, изъ уваженія для нея собственно, устраиваетъ вечеръ, прося пожаловать въ регаліи, что́ она съ удовольствіемъ исполнила. Тутъ Павелъ Воиновичъ такъ умѣлъ подогрѣть, поджечь ея воспоминанія о молодости, объ ея красотѣ, объ ея любовныхъ объясненіяхъ съ Потемкинымъ, о томъ, какъ за это на

нее косились свыше, что отъ ея разсказовъ Пушкинъ, хохоча, катался по дивану!

Въ то же время фигурировалъ въ Москвѣ нѣкто отставной военный извѣстной фамиліи, такой хвастунъ и лжецъ, что его для курьеза приглашали на обѣды и вечера, чтобы потѣшить гостей. Пушкинъ слыхалъ о немъ и желалъ полюбоваться, тѣмъ болѣе, что Нащокинъ заинтересовалъ его, излагая психическую сторону подобнаго субъекта.

Онъ вретъ совершенно самъ въ себѣ увѣренный, что говоритъ правду; его не остановятъ ни серьезно-справедливыя указанія на невозможность разсказаннаго имъ, ни явныя насмѣшки и хохотъ, онъ лжетъ, на лжи ѣдетъ и ложь ложью погоняетъ! Надо же было случиться, что тогда же пріѣхалъ въ Москву извѣстный Петербургу, подобный же экземпляръ, именно поэтъ Бахтуринъ. Военный вралъ безъ нужды, con amore, а Бахтуринъ изъ нужды, часто для обмана. Въ этотъ разъ, взявшись показать Москву какому-то богачу юнкеру, пріѣхавъ на его счетъ и нарядясь въ бальный костюмъ (башмаки, шелковые чулки и проч., все на счетъ эксплуатируемаго имъ юноши), онъ дѣлалъ визиты и приглашалъ какъ Нащокина, такъ и другихъ на обѣдъ къ Яру, гдѣ за все расплачивался юнкеръ, а благодарность принималъ Бахтуринъ. Вотъ подобныхъ-то молодцовъ совокупилъ Нащокинъ на обѣдѣ, чтобы показать Пушкину. Такъ какъ это было не въ ресторанѣ, то Бахтуринъ прицѣпилъ къ фраку георгіевскій крестъ, (котораго не получалъ). Павелъ Воиновичъ имѣлъ особую способность подстрекать и раздувать подобныхъ вралей; одинъ передъ другимъ они старались занять гостей и замѣтно начали коситься другъ на друга, если замѣчали, чья ложь больше произвела эфекта.

Наконецъ, Нащокинъ провозгласилъ подвигъ военнаго: какъ онъ первый взлѣзъ на стѣну крѣпости и тѣмъ помогъ взять ее! и просилъ разсказать Александру Сергѣевичу, который можетъ воспѣть подвигъ сей достойными онаго стихами!

Воспламенясь, герой съ жаромъ началъ врать о сраженіи, гдѣ пули и ядра летали надъ его головой и гдѣ, не смотря на 1.000 смертей, при командѣ «на приступъ» онъ первый бросается съ своей ротой... по лѣстницамъ и по спинамъ солдатъ—первый влетаетъ на стѣну, а за нимъ, разумѣется, и другіе! «Роковая была минута! Вдругъ бросается на меня страшный великанъ, просто Голіафъ-турка... ужъ онъ поднялъ свою булатную саблю и чуть не разсѣкъ меня на двѣ части... какъ въ то же мгновеніе одинъ изъ русскихъ, видя мою неминуемую погибель, отпарируетъ ударъ и закалываетъ великана, а я добиваю его окончательно! Но, вообразите мое горе:

толпа, смѣшавшись, разлучаетъ насъ, и вотъ, съ тѣхъ поръ до сей минуты, я не знаю, кто этотъ герой, спаситель мой!»

При этомъ Бахтуринъ съ серьезнымъ и изумленнымъ лицомъ, поднимаясь съ мѣста, во весь свой маленькій ростъ, спрашиваетъ:

— «Какъ, mon cher, такъ это былъ ты? Это ты первый влетѣлъ на стѣну и всѣхъ увлекъ за собой?»

— Я. А что?

— «Какъ что?» (обращаясь къ Пушкину): вотъ, Александръ Сергѣевичъ, вы увидите, какъ судьбы Божіи неисповѣдимы! (потомъ обратясь къ вралю): «Mon cher! Вѣдь это я убилъ твоего турку-великана! Я спасъ тебя отъ смерти!»

— Боже! вотъ случай! вотъ судьба! Обнимемся!—оба выскочили изъ-за стола, обнимались, цѣловались и закричали: «Павелъ Воиновичъ! Еще шампанскаго!»

Что это была за комедія, оставляю воображенію самихъ читателей.

7.

Оканчивая этимъ анекдотомъ длинный свой разсказъ о внѣшней сторонѣ жизни П. В. Нащокина, я неудивлюсь, если читатель подумаетъ или скажетъ: изъ всего многословнаго разсказа не видно сути: почему Пушкинъ такъ былъ привязанъ, велъ постоянную переписку съ человѣкомъ ординарнымъ, даже пустымъ? а я прибавлю: мало этого, вотъ и Гоголь, въ самый апогей своей славы, гордый, ломавшійся передъ друзьями и почитателями его таланта,—передъ Нащокинымъ былъ самый любезный, скромный и заискивающій хохликъ, не заносился, безъ отговорокъ всегда читалъ передъ гостями Павла Воиновича свои сочиненія... почему-же и это? А вышеупомянутая пріязнь къ нему извѣстныхъ личностей или такихъ придворныхъ, какъ графъ М. Ю. Вьельгорскій, князь П. А. Вяземскій и другіе объясняется, конечно, ни прежнимъ богатствомъ, ни кутежами молодости съ ночлежнымъ пріютомъ и т. п. Чѣмъ же Нащокинъ могъ привлекать къ себѣ людей такого сорта?—Умомъ.

Да, умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, а врожденной, природной логикой и здравымъ смысломъ; а разсудокъ, не смотря на безразсудное увлеченіе или страсть къ игрѣ, обладавшей имъ съ юности до старости, во всѣхъ остальныхъ перепетіяхъ жизни,—разсудокъ царствовалъ въ его умной головѣ и даже былъ

полезенъ для другихъ людей, обращавшихся къ его совѣту или суду, при крайнихъ столкновеніяхъ въ жизни.

Павелъ Воиновичъ доказывалъ намъ и мы согласились съ его доказательствами, что если бы онъ жилъ въ Петербургѣ въ роковомъ 1836—37 году,—дуэль Пушкина не состоялась бы: онъ съумѣлъ бы разстроить ее, безъ ущерба чести обоихъ противниковъ. Это интересное заявленіе я приведу послѣ въ своемъ мѣстѣ моихъ разсказовъ.

Н. И. Куликовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. В. ДУБЕЛЬТЪ О СОЧИНЕНІЯХЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

Записка генералъ-лейтенанта Дубельта, читанная въ засѣданіи главнаго управленія цензуры, по поводу изданія въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя —

1855 г.

Въ Москвѣ предположено напечатать новое изданіе сочиненій Гоголя. Въ это изданіе войдутъ:

1. Четыре тома сочиненій его, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были изданы въ 1842 году, и 2, оставшіеся по смерти автора въ рукописяхъ пять главъ 2-го тома Мертвыхъ Душъ и Авторская исповѣдь.

Все это уже разсмотрѣно бывшими московскими цензорами Ржевскимъ и Похвисневымъ, которые нашли, что сочиненія Гоголя, по общему ихъ духу и впечатлѣнію, производимому ими на читателя, не только не заключаютъ въ себѣ предосудительнаго, но еще отличаются чисто-нравственнымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ; что изъ нихъ комедія «Ревизоръ» и другія постоянно разыгрываются на императорскихъ театрахъ, а прочія сочиненія никогда не подвергались замѣчанію со стороны цензурнаго начальства.

Не менѣе того, цензоры отмѣтили въ ненапечатанныхъ сочиненіяхъ и въ рукописяхъ Гоголя весьма много мѣстъ, почти на каждой страницѣ, которыя, будучи отдѣльно взяты, подвергались осужденію не потому, чтобы въ нихъ заключались преступныя мысли, но потому только, что онѣ могутъ быть истолкованы читателями въ превратномъ видѣ и подать поводъ къ неблаговиднымъ заключеніямъ.

Генералъ-адъютантъ Назимовъ и члены московскаго цензурнаго комитета признаютъ новое изданіе сочиненій Гоголя весьма полезнымъ, какъ по рѣдкости экземпляровъ прежняго изданія, продающихся по неимовѣрно-дорогой цѣнѣ, такъ и по уваженію высокаго

значенія сочиненій его въ нашей литературѣ, благонамѣренности направленія ихъ и нравственности производимыхъ ими впечатлѣній. При этомъ г. Назимовъ ходатайствуетъ объ испрошеніи высочайшаго соизволенія на изданіе всѣхъ сочиненій Гоголя безъ перемѣнъ и исключеній, тѣмъ болѣе, что перемѣны и исключенія не только повредятъ ихъ достоинству, но еще болѣе возвысятъ цѣну прежняго изданія и подадутъ поводъ отыскивать по первому изданію выпущенныя мѣста, а это придастъ послѣднимъ такое толкованіе, какого прежде они никогда не имѣли.

По мнѣнію г. Назимова, сочиненія Гоголя заслуживаютъ по преимуществу того, чтобы ихъ подвести подъ высочайшее повелѣніе 14-го августа 1851 года, въ которомъ сказано: «предоставить главному управленію цензуры, при разсмотрѣніи донесеній цензурныхъ комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, бо̀льшей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время, и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіясь къ легкому чтенію и доступныя бо̀льшему числу читателей отъ тѣхъ, которыя читаются только людьми, посвятившими себя подробному изученію нашей литературы».

Разсмотрѣніе сочиненій Гоголя. По внимательномъ разсмотрѣніи сочиненій Гоголя, оказывается слѣдующее:

Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или невыгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуждаетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіяхъ, дѣйствительно, кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ

такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти-то мѣста всѣ, безъ малѣйшаго исключенія, отмѣчены цензорами.

Вотъ, для примѣра, нѣкоторыя изъ нихъ:

Дьячекъ, разсказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: «чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой»! (Соч. т. I, ч. 1, стр. 77).

Въ разсказѣ того же дьячка находится: «Чертъ съ тобою! давай креститься»! (Тамъ же, стр. 97).

Казакъ Данило говоритъ про другаго трезваго казака: «Горѣлки даже не пьетъ! Экая пропасть! мнѣ кажется, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ»! (Тамъ же, ч. 2, стр. 116).

«Кто, я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни?.. Богъ съ вами, панъ! что вы это говорите! да я, хоть оно не пристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ, противъ самаго страстнаго четверга»! (Тамъ же, т. 2, стр. 344).

Кіевскій семинаристъ-философъ говоритъ: «Эхъ жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить»! (Тамъ же, стр. 360).

Въ комедіи «Игроки» (sic) сваха Ѳекла говоритъ: «Да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишься»! (Тамъ же, т. 4, стр. 253).

Таже Ѳекла, доказывая преимущество русскаго языка предъ иностранными, прибавила: «Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по русски». (Тамъ же, стр. 299).

При видѣ князя Потемкина—«Это царь?» спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ. «Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ», отвѣчалъ тотъ». (Т. 1, ч. II, стр, 74).

«Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить». (Тамъ же, т. 3, стр. 316).

Помѣщикъ Пѣтухъ, съ своими крестьянами бродилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго Чичикова, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, держа одну руку надъ глазами козырькомъ, въ защиту отъ солнца, другую же пониже, на манеръ Венеры Медицейской... За обѣдомъ, безпрестанно потчуя Чичикова, и услышавъ выраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска, Пѣтухъ сзазалъ: «Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій—нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте, этотъ кусокъ тотъ же городничій». (Рукоп. М. Д. Глав. 3, стр. 8 и 28).

«Если бы проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель,... съ дьявольски сплетенной плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика». (Соч. т. 1, ч. 2, стр. 4).

Казакъ Вакулъ три раза ударилъ чорта хворостиной и «бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что выпарилъ засѣдатель». (Тамъ же, стр. 86).

Пискаревъ, пріѣхавъ на балъ въ Петербургѣ, въ тѣснотѣ «не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ нибудь образомъ какого нибудь тайнаго совѣтника». (Тамъ же, стр. 39).

Въ запискахъ сумасшедшаго, въ одномъ мѣстѣ отмѣчено: «Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу». (Тамъ же, стр. 365).

Въ тѣхъ же запискахъ сказано: «Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ; никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголкѣ и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжаковъ, или дрожки, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихонькой, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичка обчинить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ». (Тамъ же, стр. 343).

«П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки; онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ... «Бо̀льшая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики, не хуже гусаровъ»...' «Чтобы еще болѣе показать образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать». (Т. 1, ч. 2, стр. 194 и 195).

«Не было никого исправнѣе Ивана Өедоровича въ (томъ же) полку... За то, въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ, послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики». (Тамъ же, стр. 196).

«Ужъ такъ провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки». (Тамъ же, т. 3, стр. 72).

Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста, цензоры же отмѣтили множество мѣстъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о не-

бесномъ и тому подобное, останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ либо житейскимъ! Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе въ «Мертвыхъ Душахъ» на полковника Кошкарева, который въ помѣстьи своемъ учредилъ разныя коммисіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію (гл. 3, стр. 69—87); и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлію освободить отъ отвѣтственности Чичикова; также на положеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался ѣхать въ С.-Петербургъ жаловаться на нихъ государю (гл. 5, стр. 116—123, 148—158).

Но поступки Кошкарева представлены, какъ дѣйствія сумазброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ; а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи, выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генералъ-губернатора о прекращеніи зла, и его твердая справедливость.

Соображеніе. Ежели вышеприведенныя изъ сочиненій Гоголя, и имъ подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки, въ которыя впали цензоры, помнится, лѣтъ 20-ть тому назадъ, судившіе, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ сочиненіяхъ было сказано:

„Улыбку устъ твоихъ небесную ловить“.

Цензоръ: женщина недостойна того, чтобы ея улыбку называть небесною.

„Ты поняла, чего душа моя желала“.

Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ.

„Одинъ твой нѣжный взглядъ,
Дороже мнѣ вниманья всей вселенной“.

Запретить, ибо во вселенной есть высшія власти, которыя должны быть намъ дороже взгляда женщины.

„О! какъ бы я желалъ,
Въ тиши и близь тебя
Къ блаженству пріучиться“.

Запретить, ибо къ блаженству должно пріучаться не близь женщины, а близь Евангелія.

По уваженію же того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а

это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія и наслѣдники Гоголя не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника, — я полагаю справедливымъ, на основаніи вышеизложеннаго Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 года, исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій».

Леонтій Дубельтъ.

Примѣчаніе. Для объясненія вышеприведеннаго документа, необходимо напомнить слѣдующій отрывокъ изъ Записокъ князя Д. А. Оболенскаго, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 940—953.

«Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, высоко цѣня талантъ Гоголя и горячо принимая къ сердцу интересы отечественной литературы, рѣшился, въ январѣ 1855 года, чрезъ посредство гр. А. Ѳ. Орлова (шефа жандармовъ), ходатайствовать предъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, о разрѣшеніи семейству Гоголя издать какъ старыя, такъ и посмертныя его сочиненія. Вслѣдствіе сего ходатайства, Высочайше было повелѣно разсмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя въ московской цензурѣ. Не смотря на это повелѣніе, московская цензура долго не рѣшалась высказать своего мнѣнія и, наконецъ, не желая принять на свою отвѣтственность послѣдствія своего окончательнаго рѣшенія, представила все дѣло въ петербургское главное управленіе цензуры, хотя съ робкимъ, но благопріятнымъ мнѣніемъ въ пользу изданія. Въ главномъ управленіи вліятельный голосъ попечителя С.-Петербургскаго университета Мусина-Пушкина, безъ всякаго сомнѣнія, взялъ бы верхъ надъ робкой защитой другихъ членовъ, ежели бы министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ и начальникъ штаба шефа жандармовъ Л. В. Дубельтъ, по настоятельной просьбѣ Великаго Князя, не приняли на себя трудъ, лично въ засѣданіи управленія высказать свое мнѣніе въ пользу изданія сочиненій Гоголя, какъ новыхъ, такъ и старыхъ...

Вотъ что было писано Великимъ Княземъ къ гр. А. Ѳ. Орлову:

„29-го января 1855 г.“

«Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Узнавъ отъ профессора Шевырева, что въ главное управленіе цензуры поступило полное собраніе сочи-

ненiй Гоголя, которое предполагается напечатать въ пользу семейства автора, которое находится въ крайней бѣдности, и при томъ имѣя въ виду, что сочиненій этихъ уже нѣтъ въ продажѣ, тогда какъ онѣ должны бы находиться въ каждой русской библіотекѣ (даже у меня нѣтъ полнаго собранія оныхъ), я прошу ваше сіятельство принять на себя трудъ: попросить отъ моего имени члена помянутаго главнаго управленія генералъ-лейтенанта Дубельта постараться, въ особенное мнѣ удовольствіе, чтобы разрѣшеніе комитета на изданіе этихъ сочиненій послѣдовало по возможности въ непродолжительномъ времени.

«Сверхъ того, я просилъ бы Леонтія Васильевича оказать просвѣщенное содѣйствіе еще по одному обстоятельству этого изданія. Я слышалъ, будто московскіе цензоры находятъ нужнымъ исключить въ новомъ изданіи Гоголя многія мѣста, напечатанныя въ первомъ изданіи; подобное распоряженіе, мнѣ кажется, будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что вниманіе публики обращено будетъ именно на эти исключенныя мѣста и молодые люди, которые купятъ новое изданіе, станутъ вписывать въ него, для полноты, непропущенныя мѣста перваго изданія. Примѣры этому бывали уже неоднократно, и вмѣсто пользы предполагаемое распоряженіе принесетъ явный вредъ. Сверхъ того, личность Гоголя, его религіозныя вѣрованія и преданность къ Престолу слишкомъ извѣстны, чтобы можно было подозрѣвать въ его сочиненіяхъ какое либо неблагонамѣренное направленіе. Какъ сатирикъ и комикъ, онъ осуждалъ дурное и смѣялся надъ смѣшнымъ, но цѣль его всегда была хорошая, и плоды его сатиры были всегда полезны.

«По этому мнѣ казалось бы, что необходимо даже оказать пособіе правительства на изданіе ненапечатанныхъ еще его сочиненій, которыя желательно бы видѣть въ печати безъ всякихъ пропусковъ.

«Всѣ соображенія сіи прошу ваше сіятельство передать Леонтію Васильевичу и увѣрить его, что я буду искренно благодаренъ ему за покровительство, которое онъ окажетъ сочиненіямъ нашего народнаго писателя, котораго я весьма уважаю, и который своими твореніями доставилъ мнѣ много пріятныхъ минутъ и принесъ истинную пользу.»

[Къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову]

„29-го января 1855 г."

«Авраамъ Сергѣевичъ. Я узналъ на дняхъ, что въ главное управленіе цензуры поступило на разсмотрѣніе полное собраніе сочиненій Гоголя, которое предполагается издать въ пользу его семейства, при чемъ сверхъ сочиненій уже напечатанныхъ, и которыя полагается напечатать вновь, есть и вовсе неизданныя.

«Въ то же время до свѣдѣнія моего дошло, будто есть цензоры,

которые затрудняются пропустить нѣкоторыя мѣста, напечатанныя въ первомъ изданіи его сочиненій, и не соглашаются на изданіе нѣкоторыхъ еще не напечатанныхъ рукописей.

«Обстоятельства эти побуждаютъ меня обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что пропуски въ новомъ изданіи тѣхъ мѣстъ, которыя уже были однажды напечатаны, только обратятъ на нихъ всеобщее вниманіе, а при томъ, всѣмъ извѣстныя свойства Гоголя, его теплая вѣра, его любовь къ Россіи и преданность Престолу, служатъ, кажется, ручательствомъ благонамѣренности всего, что онъ писалъ и изъемлютъ отъ мелочной разборчивости цензоровъ. Посему я просилъ бы ваше превосходительство обратить на эти обстоятельства вниманіе главнаго управленія цензуры и пригласить оное имѣть ихъ въ виду при разборѣ помянутыхъ сочиненій. Я тѣмъ болѣе желалъ бы, чтобы онѣ были скорѣе напечатаны, что даже въ моей библіотекѣ нѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя, которыя уже не находятся въ продажѣ.

«Прошу васъ вѣрить, что я буду искренно благодаренъ за ваше просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ».

«Мнѣнія А. С. Норова и Л. В. Дубельта въ засѣданіи управленія цензуры въ пользу изданія сочиненій Гоголя, какъ новыхъ такъ и старыхъ, были приняты, съ тѣмъ однако, чтобы заглавіе «Мертвыя Души» было перемѣнено и названо «Похожденіями Чичикова». Согласно этому мнѣнію, составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, удостоенный Высочайшаго утвержденія («Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 951).

ВАРВАРА ДМИТРІЕВНА ПИСАРЕВА

† 15-го іюля 1880 г.

I.

Пятнадцатаго іюля 1880-го года скончалась, послѣ непродолжительной болѣзни, въ имѣніи своемъ Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда, въ деревнѣ Грунецъ, Варвара Дмитріевна Писарева, мать покойнаго писателя Дмитрія Ивановича Писарева. Ея скромная многострадальная могила, оплакиваемая немногими, близко стоявшими къ этой женщинѣ людьми, могла бы, по всѣмъ правамъ, сдѣлаться мѣстомъ поклоненія богомольной толпы русскихъ матерей и воспитательницъ, если бы жизнь покойной была извѣстна не малочисленному только кружку родныхъ и друзей, а публикѣ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.

Варвара Дмитріевна скончалась 65-ти лѣтъ отъ роду; слѣдовательно, она родилась и воспитывалась въ такое время, когда въ нашихъ богатыхъ помѣщичьихъ семьяхъ не только дочери, но даже и сыновья не получали почти никакого образованія. Дѣвочку обували, одѣвали и причесывали десятки услужливыхъ крѣпостныхъ рукъ; затѣмъ, обучили ее французскому языку, которымъ она, впослѣдствіи, владѣла очень хорошо, немножко музыкѣ, и—отдали замужъ... Съ рожденіемъ перваго ея ребенка, покойнаго Дмитрія Ивановича, въ ней проснулась страстная мать, не знавшая для себя никакой высшей, ни вообще какой либо иной задачи въ жизни, какъ воспитаніе этого ребенка и послѣдовавшихъ за нимъ двухъ дочерей. Теперь, когда написано такое множество болѣе или менѣе дѣльныхъ руководствъ о воспитаніи, когда библіотеки предлагаютъ на выборъ сотни толковыхъ дѣтскихъ книгъ, сообщающихъ ребенку элементарныя научныя познанія,—теперь намъ трудно даже вообразить себѣ, въ какомъ положеніи была эта нѣжно любящая мать, руководимая страстнымъ желаніемъ дать дѣтямъ возможно лучшее образованіе и при этомъ не обладающая не только никакими научными познаніями, но лишенная даже тѣхъ средствъ, которыя позволяютъ малопросвѣщеннымъ родителямъ отдавать своихъ дѣтей на руки свѣдущихъ воспитателей и воспитательницъ. Писаревы жили въ деревнѣ, вдали не только отъ большаго, но и отъ какого бы то ни было города. Запутанныя дѣла по имѣнію не позволяли покойной располагать денежными средствами, и при воспитаніи своихъ дѣтей она должна была довольствоваться помощію молодой дѣвушки нѣмки, не знав-

шей ничего, кромѣ нѣмецкаго языка. Было бы несправедливо, заговоривъ объ этой дѣвушкѣ, не помянуть ее самымъ задушевнымъ и добрымъ словомъ. Дѣти звали ее Люля; настоящее же ея имя было Юлія Θеодоровна Блезъ. Она была одарена замѣчательно правдивой и честной натурой и съумѣла быть отличной помощницей въ дѣлѣ воспитанія ввѣренныхъ ей дѣтей. Но повторяемъ, что она, какъ и сама мать, не обладала никакими научными познаніями. Обѣ онѣ понимали только, что дѣтямъ надо учиться, учиться какъ можно больше, и съумѣли внушить имъ любовь къ ученію и къ занятіямъ вообще. Праздность, тунеядство—не допускались въ этомъ домѣ, да и немыслимы онѣ были тамъ, гдѣ сама хозяйка, умывшись и напившись чаю, садилась за туалетъ причесываться и уже звала кого нибудь изъ дѣтей, чтобы заниматься съ нимъ. Правда, что занятія эти состояли почти исключительно въ изученіи французскаго языка: дѣти спрягали глаголы, дѣлали переводы, читали, заучивали наизустъ стихи; при этомъ самый любимый пріемъ этой воспитательницы по призванію, пріемъ, который она сама придумала и примѣненіе котораго я, къ сожалѣнію, ни гдѣ и никогда не встрѣчала,—состоялъ въ томъ, что она заставляла заучивать незнакомыя слова и потомъ давать на нихъ примѣры, т. е. составлять фразы, въ которыхъ бы эти слова были употребляемы. Такимъ образомъ дѣти усвоивали себѣ истинное значеніе даннаго слова, а не тотъ лексиконный переводъ, который очень часто не передаетъ настоящаго смысла изучаемаго слова; особенно, если оно обозначаетъ отвлеченное понятіе. И кромѣ того, этимъ способомъ дѣти научались правильно говорить по французски. Въ результатѣ оказалось, что когда маленькій десятилѣтній Митя Писаревъ былъ отданъ въ Петербургскую гимназію, то онъ велъ съ матерью постоянную переписку на французскомъ языкѣ, и, перечитывая эти дѣтскія письма, надо удивляться, что ребенокъ не только писалъ безошибочно, но такъ хорошо и легко владѣлъ иностраннымъ языкомъ. Нѣмецкій онъ зналъ не хуже французскаго, и, еще за долго до поступленія въ гимназію, читалъ шиллеровскую тридцатилѣтнюю войну, при чемъ одинъ разъ, пользуясь тѣмъ, что гувернантка заснула, онъ пропустилъ нѣсколько страницъ, находя это, не по лѣтамъ серьезное, чтеніе скучнымъ. Послѣ того, когда ему пришлось исповѣдываться, онъ признался матери, что таптъ на душѣ тяжкій грѣхъ, въ которомъ долженъ непремѣнно покаяться духовнику, именно—пропускъ нѣсколькихъ скучныхъ страницъ! Таковъ былъ маленькій Митя Писаревъ, будущій низвергатель всѣхъ установленныхъ авторитетовъ, разрушитель гражданскихъ и семейныхъ обязанностей и якобы прародитель послѣдующаго нигилизма!..

Но это не къ дѣлу. Пока намъ надо разрѣшить вопросъ, какимъ образомъ женщина, не знавшая и никогда не могшая заучить таблицу умноженія, могла приготовить сына въ гимназію и при томъ прямо во второй классъ?... Одна изъ первыхъ молитвъ, составленная и преподанная ею дѣтямъ, состояла въ томъ, что они должны были просить у Господа „понятія къ наукамъ“. Многіе годы спустя, когда эти дѣти всѣ повыросли, когда иныя изъ нихъ пошли не тѣмъ путемъ, на какой бы указало имъ любящее женское сердце матери, она съ трогательною откровенностію признавалась, что изъ всего, о чемъ она просила Бога для дѣтей своихъ и о чемъ ихъ самихъ заставляла молиться, Онъ ниспослалъ только одно—„понятіе къ наукамъ“... „Понятіе“, слѣдственно, имѣлось; но гдѣ взять ту науку, которую требовалось понимать?...

Поставивъ себѣ высшею цѣлью въ жизни воспитаніе дѣтей, Варвара Дми-

тріевна съ замѣчательною энергіей заставляла всѣхъ и все служить этой цѣли. Прослышитъ ли она, что въ сосѣдній приходъ поступилъ діаконъ, который въ семинаріи славился своими познаніями въ латинскомъ языкѣ, она уговаривается съ этимъ діакономъ, чтобы онъ давалъ уроки ея сыну. Узнаетъ ли она, что въ ближайшей деревнѣ писарь замѣчательный калиграфъ, она посылаетъ за нимъ, чтобы онъ училъ дѣтей чистописанію. Въ семьѣ сосѣднихъ помѣщиковъ оказалась одна прекрасная музыкантша, и Писарева тотчасъ съ радостію берется учить ея племянницу по французски, съ тѣмъ чтобы она взамѣнъ занималась съ ея дѣвочками музыкой. Братья и вообще всѣ родные и друзья, пріѣзжавшіе въ Грунецъ, были какъ данью обложены обязанностію чѣмъ нибудь заняться съ дѣтьми. Въ этомъ случаѣ былъ въ особенности полезенъ братъ покойной, часто гостившій у нея и умѣвшій охотно и замѣчательно успѣшно заниматься съ дѣтьми по русскому языку. Вотъ и всѣ средства, которыми она располагала; ихъ дополняло и удесятеряло страстное и неусыпное рвеніе этой женщины изъ всего извлекать пользу для дѣтей.

Митя Писаревъ воспитывался въ тогдашней классической Петербургской гимназіи и былъ уже студентомъ, когда ему еще не было 16-ти лѣтъ! Онъ продолжалъ отлично учиться; но на третьемъ курсѣ въ университетѣ заболѣлъ какою то невыясненною нервною болѣзнію, которая довела его до полнаго умственнаго разстройства, т. е, прямо говоря, до помѣшательства. Можно вообразить себѣ, что̀ выстрадала несчастная мать, навѣщая его въ домѣ умалишенныхъ, гдѣ даже свиданія съ нимъ были запрещены, и она могла только смотрѣть на него черезъ окно, когда онъ ходилъ по двору! И вѣдь она не знала тогда, что это только временное умопомѣшательство и что онъ выздоровѣетъ; она опасалась, что это останется навсегда, и, такъ сказать, хоронила его за-живо... Но вотъ прошелъ этотъ ужасный кризисъ: сынъ выздоравливаетъ и снова возвращается къ горячо любящему его родственному кружку, къ своимъ товарищамъ и къ занятіямъ. Тутъ начинается его литературная дѣятельность, съ первыхъ же шаговъ увѣнчавшаяся значительнымъ успѣхомъ. Но едва прошло два года съ того времени, какъ онъ вышелъ изъ дома умалишенныхъ, и онъ попалъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ болѣе четырехъ лѣтъ и долгое время оставался въ полной неизвѣстности относительно исхода своего дѣла и приговора, который его ожидалъ. Всѣ, кто когда либо испыталъ на себѣ заключеніе, какъ бы кратковременно оно ни было, всѣ единогласно сознаются, что даже при полной увѣренности въ скоромъ освобожденіи, они теряли всякое терпѣніе, доходили до отчаянія, до малодушія, заболѣвали, впадали въ уныніе, въ отупѣніе, или же бѣсновались и доходили до разныхъ припадковъ, смотря по натурѣ и личнымъ наклонностямъ каждаго. Писаревъ вынесъ свое заключеніе почти съ безпримѣрнымъ спокойствіемъ и стойкостію, и въ этомъ онъ главнымъ образомъ обязанъ своей матери, которая, бросивъ деревню, поселилась на Петербургской сторонѣ, въ возможно близкомъ разстояніи отъ мѣста заточенія сына и своими неутомимыми стараніями съумѣла выхлопотать сыну разрѣшеніе продолжать его литературныя занятія, при чемъ, конечно, онъ получилъ также и право пользоваться всѣми нужными ему книгами. Это было для него спасеніемъ; въ противномъ случаѣ, нельзя себѣ и представить, чѣмъ бы онъ наполнилъ и занялъ свою вѣчно работающую голову. Но это далеко не все: при личныхъ свиданіяхъ, которыя допускались довольно часто, мать

съумѣла внушать сыну такъ много бодрости, такую свѣтлую вѣру въ лучшее будущее, что даже ему самому воспоминанія о времени его заключенія никогда не представлялись въ ужасающемъ видѣ. Что же касается самой Варвары Дмитріевны, то она сознавалась, что, какъ это ни кажется поразительнымъ, но она считаетъ время заточенія своего сына одною изъ лучшихъ полосъ своей жизни; она сознавала себя не только полезной сыну, но она понимала, что она его единственная опора, его ангелъ-хранитель, его спасеніе. А это составляло тотъ высшій идеалъ всѣхъ ея стремленій, для достиженія котораго она не задумалась бы идти на мученичество и вынесла бы его, благословляя судьбу... Да, она была страстная мать, страстная до фанатизма!...

Въ началѣ зимы съ 1866-го года на 1867-й годъ Писаревъ былъ освобожденъ изъ крѣпости, а лѣтомъ 1868 года онъ утонулъ въ Дуббельнѣ, купаясь въ морѣ.

Если мы, безъ придирокъ къ односторонностямъ и увлеченіямъ Писарева, постараемся вывести изъ всей его литературной дѣятельности то, что составляло бы, такъ сказать, его пароль и лозунгъ, то ученіе его можетъ быть передано тремя словами: трудъ, наука и любовь. Въ этомъ отношеніи онъ воспринялъ и пропагандировалъ только то, что его мать проводила въ своей жизни: она вѣчно трудилась, до старости съ живѣйшимъ участіемъ слѣдила за умственнымъ движеніемъ вѣка, и какъ любила! какъ умѣла любить!...

Не изсякли еще ея горькія слезы о кончинѣ обожаемаго сына, какъ судьба готовила ей другой ударъ: одна изъ дочерей, остававшаяся въ Петербургѣ, была выслана оттуда за „политическую неблагонадежность“ и, подъ охраною жандармовъ, привезена въ деревню и водворена въ родительскомъ домѣ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, меньшая дочь, едва достигшая двадцатилѣтняго возраста, застрѣлилась въ Швейцаріи... И несчастная все это снесла! Откуда брала она силъ, чтобы продолжать жить, продолжать любить, жалѣть и ободрять тѣхъ близкихъ людей, которые съ ея смертію потеряли въ ней незабвеннаго и незамѣнимаго друга.

II.

Мнѣ остается сказать только, въ какихъ отношеніяхъ стояла я сама къ покойной и что́ даетъ мнѣ право говорить о ней. Наша родственная связь, какъ тетки и племянницы, ничто въ сравненіи съ тою нравственною связью, которая соединяла насъ, какъ воспитательницу и воспитанницу. По смерти моей родной матери, Варвара Дмитріевна, такъ сказать, усыновила меня и замѣнила мнѣ самую заботливую и нѣжную мать; да я и не звала ее иначе. Къ несчастію, я невольно сдѣлалась источникомъ тяжкихъ огорченій для той женщины, которая, какъ говорится, согрѣла меня на груди своей. Я говорила уже о ея любви къ сыну, но не имѣла еще случая замѣтить, что эта любовь была такъ излишне горяча и требовательна, что мать ревновала сына чуть что не съ пеленокъ. Впрочемъ, ревновать было не къ кому, какъ только ко мнѣ: Митя былъ довольно равнодушенъ къ большинству окружающихъ; но мы съ нимъ были однѣхъ лѣтъ, росли вмѣстѣ, и я стала его исключительною, но горячею и безповоротною его привязанностію. Онъ былъ еще совсѣмъ

маленькій, когда его любимая нянька сказала ему, что меня не за что любить, потому что я очень „худенькая“. На это онъ со слезами отвѣчалъ ей, что бы она никогда не говорила ему ничего противъ меня, иначе онъ ее разлюбитъ, и какъ бы ни старался любить её по прежнему, но ужъ это будетъ невозможно... Привязанность эта, не смотря на мою упомянутую худобу, только росла съ годами и становилась все болѣе и болѣе предметомъ страданій и всевозможныхъ опасеній для матери. Она положительно сдѣлала для себя какое-то пугало изъ этой привязанности и ожидала отъ нея самыхъ ужасныхъ послѣдствій. На религіозныя убѣжденія тутъ сослаться нельзя: въ другихъ случаяхъ она совершенно снисходительно смотрѣла на бракъ между двоюродными; но, по отношенію къ намъ, она создавала себѣ какіе-то призрачные страхи. Эти вѣчныя волненія отравляли жизнь и ей, и мнѣ. Какъ только пріѣзжалъ изъ Петербурга Митя, такъ на меня начинались гоненія; онъ уѣзжалъ, и мамаша усиленной нѣжностію и самыми горячими ласками старалась какъ бы вознаградить меня за претерпѣнныя несправедливости. Увлеченная этимъ добрымъ чувствомъ, она сама же писала сыну, какая я хорошая дѣвочка и какъ она меня любитъ. Но онъ пріѣзжалъ на лѣто, и съ нимъ вмѣстѣ возвращались наши дурныя отношенія. И я въ своихъ чувствахъ къ ней постоянно колебалась, переходя отъ самаго искренняго обожанія къ отчужденію и недовѣрчивости. Любовь съ той и съ другой стороны, конечно, одерживала побѣду; но нѣтъ сомнѣнія, что мы обѣ сильно страдали. Замѣчательно, до какой степени покойная подчиняла всѣ свои чувства исполненію разъ сознаннаго и взятаго на себя долга. Не было ничего легче, какъ удалить меня изъ дома: я не была круглой сиротой,—отецъ мой былъ живъ и старшая сестра съ братомъ воспитывались дома. Но моя нареченная мать не допускала и мысли о томъ, чтобы возможно было оттолкнуть отъ себя разъ усыновленнаго ребенка. Наконецъ, сама судьба положила предѣлъ этимъ колебаніямъ и этимъ переходамъ отъ одного чувства къ другому: я вышла замужъ, Писаревъ попалъ въ крѣпость, а затѣмъ....его и вовсе не стало. Ничто уже не разлучало меня съ моей дорогой и незабвенной названной матерью и не мѣшало намъ вмѣстѣ оплакивать преждевременную смерть ея сына, а моего друга дѣтства и брата.

Впослѣдствіи, когда волею судебъ я сама стала матерью и взялась за трудное дѣло сыновняго воспитанія, я еще болѣе поняла, оцѣнила и полюбила ту, которая тратила свои силы надъ моимъ воспитаніемъ. Я поняла, какой это страшный трудъ и какъ много онъ требуетъ терпѣнія, любви и самоотверженія....

Считаю не лишнимъ заявить, что, прославляя нашу мать примѣрной воспитательницею, я стараюсь воздать ей только должное, обращая вниманіе на тѣ страшныя трудности, которыя она должна была преодолѣть, чтобы безъ всякихъ научныхъ познаній и безъ денежныхъ средствъ дать дѣтямъ порядочное образованіе, но я, конечно, не имѣю смѣшной претензіи выставлять насъ, воспитанныхъ ею, образцами идеально-хорошаго воспитанія. О себѣ лично спѣшу заявить, что я, къ сожалѣнію, не могу себя причислить ни къ какой иной группѣ людей, какъ только къ сонму „неудачниковъ“. А чтоже можетъ быть дальше отъ какого бы то ни было идеала, какъ неудача? Между тѣмъ я твердо убѣждена, что всѣ мои отрицательныя стороны лежатъ или во мнѣ самой, или въ тѣхъ жизненныхъ путяхъ, какіе я избрала;

а то немногое хорошее, что имѣется въ наличности, было внушено и развито моей матерью-воспитательницей.

Изъ тысячи примѣровъ, показывающихъ, какъ относилась мамаша къ нашему образованію, я позволю себѣ привести нѣкоторые, наиболѣе ярко запечатлѣвшіеся въ моей памяти. Я уже упоминала о томъ, что мамаша очень хорошо говорила и писала по французски; но надо сказать, что все это было пріобрѣтено путемъ практики, а не теоретическимъ изученіемъ грамматическихъ правилъ. И вотъ одинъ разъ, когда я ей отвѣчала урокъ изъ синтаксиса (чуть ли не о режимахъ), она, прослушавши меня, спросила, понимаю-ли я то, что заучила, и на мой утвердительный отвѣтъ похвалила меня и сказала, что она этому очень рада, но что сама она ничего не понимаетъ. Это откровенное признаніе глубоко тронуло меня и дало мнѣ возможность измѣрить не синтаксическое невѣжество мамаши, а ту нравственную высоту, на которой она стояла. Ей нечего было опасаться потерять свой авторитетъ, обнаруживъ незнаніе того или другаго правила. И какими смѣшными и жалкими, въ сравненіи съ нею, кажутся мнѣ тѣ родители, которые не задумываются различными уловками, или даже прямой ложью прикрывать отъ дѣтей свой недостатокъ знанія. Извѣстна мнѣ, напримѣръ, одна маменька, пожелавшая усовершенствоваться во французской орѳографіи, побуждаемая къ тому несомнѣнными успѣхами своей дочери въ этомъ языкѣ. Она рѣшилась даже брать уроки; но буквально трепетала отъ боязни, чтобы кто нибудь, а главное дочь, не провѣдали объ этомъ. Еще бы! Наши дѣти не должны видѣть своихъ родителей учащимися; а такъ какъ всякій ребенокъ только одно ученіе считаетъ трудомъ, то онъ и привыкаетъ съ самаго младенческаго возраста смотрѣть на праздность, какъ на идеалъ жизни. Не такъ было у насъ: мамаша не стыдилась вмѣстѣ съ нами, или, вѣрнѣе, у насъ учиться по нѣмецки, хотя, впрочемъ, и не могла одолѣть этого труднаго языка.

Не зная, чѣмъ руководиться, она часто затруднялась, какъ и въ чемъ найти полезное для нашего умственнаго пріобрѣтенія, но неустанно искала этой пользы. Помню я, что она прослышала о значеніи Бѣлинскаго въ русской литературѣ; вотъ она спѣшитъ достать нѣкоторыя изъ его статей, и я, дѣвочка лѣтъ 13-ти или 14-ти, прочитываю вмѣстѣ съ нею десятки страницъ, изъ которыхъ мы обѣ ровно ничего не понимаемъ. Плохо осмысленные нами термины с у б ъ е к т и в н о и о б ъ е к т и в н о нагоняютъ на насъ скуку, безъ малаго не усыпляютъ насъ; но мы ободряемъ другъ друга и съ твердой рѣшимостію доканчиваемъ начатый трудъ, т. е. прочитываемъ всѣ эти непонятныя для насъ статьи изъ одной боязни, что, не докончивъ ихъ, мы, можетъ быть, потеряемъ, упустимъ что-то.

Другой подобный примѣръ еще рельефнѣе. Мамаша прочла гдѣ-то о томъ, что развитіе живописи способствовало распространенію культуры вообще, и, увлеченная этой идеей, она достала какой-то серьезный и объемистый французскій трактатъ о живописи. Мнѣ трогательно и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно вспоминать, какъ мы съ нею убивались надъ этой книгой. Родившаяся и взросшая въ деревнѣ, я, до той поры, что называется, и видомъ не видала ни одной порядочной картины, и между тѣмъ начинаю читать серьезнѣйшее и спеціальное сочиненіе о живописи, о ея раздѣленіи на различныя школы и о значеніи каждой изъ нихъ. Мы съ мамашей удивлялись только, какъ много попадалось намъ незнакомыхъ словъ, которыхъ не оказывалось даже и въ

лексиконѣ Рейфа. Тогда мы стаскивали съ полки запыленные фоліанты французскаго академическаго словаря, находили искомые термины и, прочитавъ объясненіе ихъ, крайне недоумѣвали, почему же мы, все таки, ничего не понимаемъ? Но бросить это скучное чтеніе намъ и въ голову не приходило,—это не допускалось по принципу. Тогда судьба послала мнѣ совершенно непредвидѣнное развлеченіе въ лицѣ двухъ живописцевъ, имена которыхъ были Ванучи и Пагани (французскую орѳографію ихъ не припомню). Повстрѣчавшись въ первый разъ съ этими неожиданными названіями, я хохотала до слезъ, до коликъ подъ ребрами. Мнѣ казалось это тѣмъ болѣе смѣшнымъ, что изъ нашего разговорнаго языка всѣ подобныя неприличныя выраженія были строго-на-строго изгоняемы. И вдругъ, въ такой серьезной книгѣ являются двое знаменитыхъ живописцевъ, имена которыхъ звучатъ такъ смѣшно. Какъ только они попадались мнѣ на глаза, я не могла вытерпѣть и заливалась самымъ неудержимымъ, самымъ дѣтскимъ хохотомъ. Напрасно мамаша бранила и усовѣщивала меня, говоря, что я уже большая 13-ти-лѣтняя дѣвочка, и могу смѣяться надъ такими глупостями. Я стыдилась, старалась удержаться; но, при слѣдующемъ появленіи моихъ друзей, снова такъ и заливалась.

Я тѣмъ охотнѣе упомянула здѣсь объ этомъ безполезномъ чтеніи трактата о живописи, чтобы заявить, между прочимъ, что знаменитое предпочтеніе сапогъ Рафаэлю было вынесено Писаревымъ не изъ дому....

О томъ, какъ мамаша умѣла вліять на насъ нравственно, привожу слѣдующій примѣръ. Мнѣ было лѣтъ 11, не больше, когда одинъ изъ дядей, занимавшійся съ нами математикой, вздумалъ задать мнѣ задачу, правда, на простое дѣленіе или умноженіе, но за то приблизительно цифръ въ 15—20! Это оказалось непосильнымъ для меня трудомъ: вниманіе утомлялось этой однообразной работой, прокрадывались ошибки, и при повѣркѣ оказывалось, что задача сдѣлана невѣрно, и надо было начинать съ начала. Я просидѣла за этой ненавистной задачей болѣе 3-хъ часовъ и все таки не сдѣлала ея, а только выбилась изъ силъ. Мамаша сознавала, что тутъ что-то такое да не такъ; но между тѣмъ, ничего не понимая въ математикѣ и чувствуя даже какую-то цифро-боязнь, она не могла отстоять меня. Нѣтъ сомнѣнія, что она сознавала, что бранить меня нè за что; но въ то же время она боялась допустить возможность, чтобы я не дѣлала своихъ уроковъ, ссылаясь на трудность ихъ. И вотъ она позвала меня заниматься съ ней по французски, именно писать, подъ диктовку; но когда я подала ей книгу, изъ которой она мнѣ обыкновенно диктовала, она отложила ее въ сторону и приказала мнѣ писать то, что она будетъ говорить. „Il y avait une fois petite fille...“ диктовала мнѣ мамаша, и я сразу поняла, что рѣчь зайдетъ обо мнѣ. И дѣйствительно, оказалось, что la petite fille никакъ не могла рѣшить задачи. Но отчего? спрашивалось дальше, развѣ по недостатку ума? „Oh, non! Elle en a assez pour meubler deux têtes comme la sienne...“ Значитъ, дѣвочка была недостаточно внимательна, и еслибъ она не думала ни о чемъ постороннемъ и не заглядывалась въ окна на зеленыя деревья, то, вѣроятно, рѣшила бы свою задачу. Я не знаю, можно-ли было измыслить иной, лучшій пріемъ, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Я не была обижена; напротивъ, похвала моему уму крайне польстила мнѣ, и я твердо рѣшила тотчасъ приняться снова за мою задачу и сдѣлать ее безошибочно,—и сдѣлала!... Замѣчательно, какъ рѣзко

запечатлѣлся въ моей памяти весь этотъ маленькій эпизодъ. До сихъ поръ дословно помню многія фразы изъ этой диктовки; мамашу вижу передъ собою, какъ живую; она во все время не взглянула на меня, а усердно занималась своимъ вязаніемъ и диктовала, какъ по книжкѣ....

Если всего сообщеннаго мною окажется недостаточно для того, чтобы люди, не знавшіе моей дорогой усопшей, могли оцѣнить и полюбить ее, то виновата въ этомъ буду я и моя неумѣлость съ достаточною ясностію выражать свои чувства и мысли. Впрочемъ, я по необходимости должна была ограничиться самыми краткими свѣдѣніями, такъ какъ имѣла въ виду писать не біографію, а только посвятить нѣсколько теплыхъ словъ любви и благодарности въ память недавно отошедшей въ вѣчность.

Раиса Александровна Гарднеръ.

8-го августа 1880 г.

УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДѢНІЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

1836—1842 гг.

Печатаемыя здѣсь „Воспоминанія“ составляютъ вторую главу моей автобіографіи. Сегодня 1-го декабря настоящаго (1800) года празднуется 50-ти-лѣтіе государственной дѣятельности принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, и я счелъ, что для многихъ изъ числа публики будетъ не безъинтересно прочесть воспоминанія о первыхъ годахъ училища правовѣдѣнія, безъ сомнѣнія одного изъ прекраснѣйшихъ результатовъ глубоко-благодѣтельной и безконечно-симпатичной дѣятельности этого государственнаго лица на пользу и благо Россіи.

В. В. Стасовъ.

Я поступилъ въ училище правовѣдѣнія весной 1836 года. Мнѣ тогда было 12 лѣтъ. Мое поступленіе произошло совершенно неожиданно для меня, настоящимъ экспромтомъ. До тѣхъ поръ, я всегда воображалъ, что буду непремѣнно архитекторомъ, и потому очень скоро поступлю въ академію художествъ. Всѣ мои вкусы и даже игры были направлены къ искусству, и когда мнѣ было еще лѣтъ 9, или много 10, я по цѣлымъ днямъ дѣлалъ маленькіе архитектурные чертежи, возился съ циркулями, вычерчивалъ по маленькому итальянскому Витрувію, привезенному моимъ отцомъ еще изъ Италіи, іонническія волюты и дорическія колонны; я сочинялъ также маленькіе проэкты домовъ, колоколенъ и церквей, которые вычерчивалъ, по всѣмъ правиламъ, циркулемъ и по масштабу. Однажды, мой отецъ подарилъ мнѣ нѣсколько ящиковъ маленькихъ кирпичей, нарочно для меня заказанныхъ, величиной въ $^1/_2$ вершка, всякой формы, прямыхъ, круглыхъ, треугольныхъ, изъ обожженной глины, и я два-три года сряду складывалъ изъ нихъ, по планамъ и чертежамъ, подъ надзоромъ своего отца, большіе правильные дома, съ печами и лѣстницами, окнами и дверями, комнатами, подвалами и чердаками. Съ

раннихъ тоже лѣтъ я всякій годъ ѣздилъ со своимъ отцомъ на всѣ его постройки (особливо, когда шла постройка измайловскаго и смольнаго соборовъ), и цѣлые дни проводилъ на лѣсахъ, среди чертежей и шаблоновъ, десятниковъ и рабочихъ, архитекторскихъ помощниковъ и членовъ коммисій, восхищаясь всѣми подробностями архитектурнаго дѣла и съ безпредѣльнымъ интересомъ слѣдя за всѣмъ, что̀ вокругъ меня приготовлялось и совершалось. Ничто не могло быть дальше отъ моихъ мыслей, какъ училище правовѣдѣнія; карьера чиновника, да еще законника. Мой отецъ, казалось мнѣ, тоже раздѣлялъ мое убѣжденіе, что мнѣ быть архитекторомъ, какъ онъ самъ; наши разговоры съ нимъ постоянно вертѣлись на этой темѣ. И однакоже оказалось потомъ, что въ академію художествъ онъ вовсе и не думалъ меня отдавать.

Лѣтомъ 1835 года меня свезли однажды въ Царское село, гдѣ тогда въ одномъ изъ дворцовыхъ корпусовъ помѣщался лицей. Я провелъ съ величайшимъ удовольствіемъ недѣли полторы съ цѣлой толпой разнокалиберныхъ мальчиковъ, пріѣхавшихъ, какъ и я, держать экзаменъ. Но этого экзамена я какимъ-то чудомъ не выдержалъ, даромъ-что вовсе не Богъ знаетъ, что̀ нужно было знать для того, чтобъ поступить въ самый маленькій классъ лицея, да притомъ же, я дома всегда очень хорошо учился и былъ прекрасно приготовленъ. Позже мы услыхали, что я не былъ принятъ потому, что моя вакансія понадобилась для сына или родственника какого-то важнаго господина того времени: вотъ мои экзаменныя отмѣтки и оказались вдругъ неудовлетворительными. Конечно, было сначала очень досадно, однако мы съ моимъ отцемъ не очень печалились; онъ видѣлъ, что тутъ моей вины не было, да и я тоже очень хорошо зналъ про себя, что все это случилось какъ-то «такъ», и ничуть не лучше меня экзаменовались и не больше меня знали тѣ мальчики, которыхъ приняли. Чувство справедливости, оцѣнка знанія товарищей и сверстниковъ всегда очень живы и вѣрны во время дѣтскихъ и отроческихъ годовъ,—гораздо вѣрнѣе всевозможныхъ балловъ и экзаменовъ. Я думаю, каждый согласится со мною, если вспомнитъ свои школьные годы. Впрочемъ, просматривая впослѣдствіи свое прошедшее, я много разъ приходилъ къ тому убѣжденію, что неудача съ царскосельскимъ лицеемъ была для меня къ лучшему. Мнѣ всегда потомъ казалось, что попади я въ лицей, и проведи я 6 или 7 лѣтъ съ тогдашними своими товарищами,—моя жизнь получила бы совершенно другой складъ и настроеніе, гораздо менѣе для меня благопріятное. Почему такъ мнѣ кажется, и въ чемъ была бы, по-моему, разница, я попробую разсказать ниже.

Прошелъ почти цѣлый годъ, я давно забылъ про свою царско-сельскую неудачу. У насъ никогда о ней не было даже и помина, и я продолжалъ уроки съ учителями, а также всегдашнюю возню съ маленькой своею архитектурой. Но вдругъ все разомъ пошло въ другую сторону. Однажды, въ воскресенье, у насъ были гости, и, послѣ обѣда, мой отецъ собирался съ тремя партнерами садиться за вистъ. Въ это время, одинъ изъ нихъ, толстенькій и низенькій, съ круглой головой и вѣчно оскаленными изъ подъ толстыхъ губъ зубами, членъ управы благочинія, Тимоѳей Александровичъ Александровъ, хорошій знакомый моего отца, держа карту въ рукѣ и направляясь къ ломберному столу, совершенно неожиданно и вслѣдствіе Богъ знаетъ какого теченія своихъ мыслей, сказалъ моему отцу: «А что, Василій Петровичъ, вы не отдадите Володю въ правовѣдѣніе? Заведеніе новое, имъ такъ интересуется принцъ Ольденбургскій и самъ Государь, выгоды предоставлены такія значительныя... вотъ бы вамъ... васъ же принцъ нынче такъ знаетъ... Вамъ бы стоило только попросить... Чтò ему еще дома оставаться?.. Вотъ видите, какой онъ баловникъ, все шалитъ... А оттого, что все дома... балуютъ его всѣ... пора бы и за ученье, за настоящее...» А все мое баловство и шалости состояли только въ томъ, что я былъ живой ребенокъ, терпѣть не могъ смирно сидѣть на мѣстѣ, и вездѣ поспѣвалъ, особливо туда, гдѣ большіе разговаривали. Но члену управы благочинія, хотя онъ и прекрасный, и добрый былъ господинъ (что не помѣшало ему по своей должности принакопить порядочно деньженокъ и выстроить нѣсколько каменныхъ домовъ, на имя жены), живость и шумливость маленькаго мальчика казалась уже безпорядкомъ, съ которымъ надо распорядиться. Мой отецъ отвѣчалъ: «Да, да, правда,—надо подумать», и они сѣли за свой роберъ.

Правовѣдѣніе! что это такое? мелькнуло у меня въ головѣ. Чтò это, хорошо или дурно? Должно быть славно! Опять много мальчиковъ въ курточкахъ или въ мундирахъ, опять шумъ, бѣготня, разсказы, много народу, большія комнаты съ паркетами, гулянье въ саду—должно быть чудесно»! Ко всему этому, перспектива носить и самому тоже мундиръ съ серебряннымъ галуномъ на воротникѣ, треугольную шляпу на головѣ—какъ я видалъ это на правовѣдахъ, начавшихъ появляться на петербургскихъ улицахъ уже съ полгода тому назадъ—это пріятно шевелило мнѣ воображеніе. И я съ восхищеніемъ вертѣлся по комнатамъ (которыхъ у насъ, впрочемъ, было не много), напѣвая что-то про себя. Недѣли черезъ двѣ-три спустя, мой отецъ объявилъ мнѣ, что онъ просилъ принца, и меня велѣно принять; только надо напередъ меня немножко проэкзаменовать, чтò я знаю, и въ какой

классъ правовѣдѣнія гожусь. Я былъ въ восхищеніи. Неизвѣстное новое прельщало меня, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ждать дня пріема. Это ощущеніе можетъ сравниться только съ тѣмъ, какое я испыталъ позже, 15 лѣтъ спустя, въ 1851 году, когда вышло, что я поѣду заграницу, и скоро, въ Лондонъ, Парижъ и Италію. И то, и другое ожиданіе было прелестно, воображенію представлялись невѣдомые, увлекательные горизонты. Наконецъ, насталъ великій день. Пришелъ вечеръ, и меня, наконецъ, повезли въ домъ на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада. Я все торопилъ извощика; мнѣ казалось, дрожки его точно стоятъ на мѣстѣ. Наконецъ, вотъ я въ квартирѣ у самаго директора. Нѣсколько секундъ надо было подождать, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета. Любопытство мое было возбуждено до высшей степени, я нетерпѣливо караулилъ дверь, скоро-ли она повернется на петляхъ и отворится. Наконецъ, вышелъ директоръ, генералъ Пошманъ, въ золотыхъ очкахъ и вицъ-мундирѣ съ яркими металлическими пуговицами. Онъ мнѣ показался сразу хорошимъ, ничуть не страшнымъ, какъ иные дòма меня пугали, и я безъ всякой робости отвѣчалъ ему: какъ меня зовутъ, сколько мнѣ лѣтъ, у кого я учился, однимъ словомъ, далъ отвѣты на все, что въ такомъ случаѣ спрашивается у ребенка директоромъ, въ присутствіи отца, къ которому онъ благоволитъ. Мои отвѣты выслушивались съ пріятной улыбкой, и господинъ директоръ обѣщалъ, сверхъ того, что если я поступлю (а это, казалось, было дѣло рѣшенное), онъ дастъ мнѣ и время, и мѣсто, чтобъ продолжать ученье на фортепіано. Потомъ стали приходить, одинъ за другимъ, мои экзаменаторы изъ тѣхъ, что служили въ училищѣ гувернерами (воспитателями), и преподавали въ маленькихъ классахъ, кто русскій, кто французскій или нѣмецкій языкъ, кто ариѳметику, кто географію. Мой экзаменъ произошелъ въ кабинетѣ у директора, и при моемъ отцѣ, т. е. совершенно по дружески и интимно, а, главное, очень быстро. Оказалось, что я приготовленъ очень не дурно, и вполнѣ годенъ для маленькаго класса. Затѣмъ, директоръ сказалъ мнѣ, что я принятъ, и повелъ меня по своей маленькой деревянной лѣстницѣ на верхъ, въ училище.

Едва пройдя два корридора, высокихъ и повсюду со стеклянными дверями, я вдругъ очутился въ большой розовой мраморной залѣ (нынѣшняя библіотека, какъ она была впослѣдствіи устроена изъ этой залы моимъ отцомъ). Впереди шелъ директоръ съ моимъ отцомъ, сзади ихъ—я, полный ожиданія и нетерпѣливаго любопытства. Шумъ вдали все болѣе и болѣе увеличивался, по мѣрѣ того, какъ мы подходили—было время рекреаціи—и для меня являлось совершенно новымъ, отъ роду невиданнымъ зрѣлищемъ то, какъ попадавшіеся

намъ по дорогѣ мальчики, опрометью бѣжавшіе по корридору, при встрѣчѣ съ директоромъ, вдругъ окаменѣвали, вытягивались въ вертикальную линейку и стояли, прижавшись къ стѣнѣ, пока мы проходили, а директоръ спрашивалъ не очень-то строгимъ голосомъ: «куда бѣжите? Тише, тише»... Точно такое же окаменѣваніе увидалъ я и въ большой розовой залѣ, куда мы теперь вошли. Такой большой залы я еще никогда не видывалъ до тѣхъ поръ. Въ царскосельскомъ лицеѣ всѣ тѣ, что я видѣлъ, были гораздо меньше. Эта розовая подъ мраморъ зала была прежде танцовальной залой Неплюевыхъ, прежнихъ владѣльцевъ дома. Здѣсь задавались, говорятъ, великолѣпные балы, гдѣ бывалъ чуть не весь Петербургъ. Уже одна зала съ блестящими, какъ зеркала, стѣнами, съ высокими и широкими окнами, порядкомъ меня поразила. Но гораздо еще больше поразило меня «превращеніе», точно въ родѣ тѣхъ, какія я впослѣдствіи видалъ въ балетахъ. Цѣлая зала, полная суетни, движенія мальчиковъ, въ курточкахъ съ зелеными воротниками, бѣгающихъ по всѣмъ направленіямъ или прохаживающихся парами, обнявшись за талію или схватившись за локти, все это разомъ утихло и замерло, и только дежурный гувернеръ брался откуда-то и подходилъ къ директору съ пріятнымъ разговоромъ. Меня тутъ оставили. Директоръ съ моимъ отцомъ ушли на постройки или перестройки, производимыя тогда моимъ отцомъ въ домѣ училища; я остался совершенно одинокъ среди толпы незнакомыхъ мальчиковъ, снова ожившихъ, снова принявшихся ходить, шумѣть, бѣгать, громко разговаривать на сто голосовъ. Мнѣ некогда было разсматривать розовую мраморную залу, я и самъ съ первой минуты попалъ въ передѣлку. Меня окружила толпа мальчиковъ въ курточкахъ съ зелеными воротниками; никто меня не спрашивалъ, какъ меня зовутъ, но меня только спросили: въ какой я классъ, и гдѣ я учился, дома или въ пансіонѣ, и потомъ уже тотчасъ посыпались на меня со всѣхъ сторонъ замѣчанія, подтруниванья и насмѣшки. Я былъ въ родѣ какъ котенокъ, котораго притащили за шиворотъ, и поставили по серединѣ на столъ, откуда онъ не знаетъ куда дѣваться. Я въ началѣ былъ немножко озадаченъ новостью, но потомъ скоро воротилась моя храбрость, и я сталъ по немногу сердиться. Стоя внутри окружавшей меня маленькой толпы, какъ въ центрѣ круга, откуда нельзя выскочить вонъ, я сталъ съ безпокойствомъ озираться, и скоро замѣтилъ, что главный мой преслѣдователь—маленькій, черномазенькій человѣчекъ, съ блестящими карими глазами, почти оливковымъ цвѣтомъ лица и неловкимъ шепеляньемъ во рту. Онъ больше всѣхъ дергалъ и трепалъ меня сзади, и вертѣлся кругомъ, такъ что, въ своей неловкости, я никакъ не могъ его поймать, а

онъ всѣхъ больше смѣшилъ другихъ на мой счетъ. Я все больше и больше начиналъ сердиться. Дѣло дошло бы, пожалуй, до какой-нибудь баталіи, но дежурный гувернеръ отъ времени до времени подходилъ къ намъ, защищалъ меня начальническимъ тономъ, и стыдилъ мальчугановъ, какъ имъ не стыдно такъ приставать къ новому поступившему, даже съ самой первой минуты. Скоро зазвонили къ ужину, гувернеръ громко закричалъ: «строиться!», и отъ меня отхлынули всѣ враги. Тутъ я узналъ, что такое значитъ эта тогда еще неизвѣстная для меня новость: «строиться»! Вся толпа быстро разсыпалась по сторонамъ, и стала становиться въ двѣ шеренги по росту, четырьмя отдѣльными кучками (тогда было еще всего четыре первыхъ класса). Меньшіе два класса бѣгали и суетились, старшіе два, какъ уже «большіе», проявляя солидность и взрослость, шли въ свои ряды не торопясь и не суетясь: вѣдь тамъ уже каждому было лѣтъ по 15-ти, по 16-ти! Меня выдвинули почти въ концѣ всего класса, я былъ изъ самыхъ рослыхъ, гувернеръ скомандовалъ: «на лѣво—маршъ!», и мы пошли парами, все возвышающейся лѣстницей. Въ столовой—новая неожиданность! Мы не сразу сѣли за столы ужинать: всѣ вошли сначала внутрь пространства между скамеекъ и столовъ, поворотились по направленію къ образу, вверху на стѣнѣ, и вслѣдъ за однимъ молодымъ басомъ, очень плохимъ и дребезжащимъ, но управляющимъ хоромъ, запѣли громкимъ хоромъ «молитву передъ трапезой» (Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ). Это пѣніе и ужинъ, въ первый разъ въ такой большой компаніи, въ такой большой залѣ, все только съ одними мущинами, все это устремило мое вниманіе въ сторону, я забылъ приставанья. Но послѣ ужина — онѣ опять возобновились.

По тогдашнимъ правиламъ училища, насъ не тотчасъ же вели въ дортуары—спать ложиться. Это считалось вреднымъ для здоровья, и еще съ полчаса мы прохаживались по заламъ или по саду. Въ этотъ день въ садъ не водили, и мы остались на верху, въ нѣсколькихъ небольшихъ залахъ средняго этажа, близь спаленъ нашего класса. Меня затерли, непроходно и безвыходно, въ маленькой зеленой залѣ, закруглявшейся въ глубинѣ, и вѣроятно служившей у Неплюевыхъ спальней. Меня снова окружила толпа мальчиковъ въ курточкахъ съ зелеными воротниками, съ которыми дѣло у меня шло, казалось, такъ хорошо за ужиномъ, и снова на меня посыпались приставанья, дерганья и задиранья. Но дѣло въ томъ, что всѣхъ подмывалъ и науськивалъ мой прежній преслѣдователь, мальчикъ съ оливковымъ лицомъ и сверкающими глазами. Онъ былъ самый живой и бойкій изъ всѣхъ, его примѣръ дѣйствовалъ на другихъ какъ шпора. Онъ громко

хохоталъ на каждомъ моемъ словѣ, насмѣхался надъ тѣмъ, что я ему неумѣло отвѣчаю, и больше всѣхъ щипалъ и дергалъ меня. Сначала я отбояривался и отгрызался какъ умѣлъ, то отшучивался, то бранился, потомъ сталъ отмахиваться и толкать отъ себя врага. «Отстань! отстань!» закричалъ я ему нѣсколько разъ, все громче и громче, но ничто не помогало: оливковый мальчикъ съ блестящими глазами только все больше смѣялся надо мной и жужжалъ мнѣ въ уши, словно комаръ. Тогда боль и стыдъ одолѣли меня, я бросился впередъ, и неожиданно для самаго себя, схватилъ своего врага обѣими руками, изо всей силы, за уши, пригнулъ его къ землѣ, да такъ надъ нимъ и застылъ. Эфектъ произошелъ большой. Мой врагъ мнѣ покорился и громко запросилъ пощады. Окружающая маленькая толпа хохотала и громко хвалила меня; гувернеръ дежурный былъ далеко. Я оставилъ уши побѣжденнаго, и съ чувствомъ гордаго достоинства пошелъ по комнатѣ. Я былъ совершенно счастливъ, я чувствовалъ пріобрѣтенный неожиданно вѣсъ, мнѣ нравилось и крѣпко льстило самолюбію, что я съ разу сдѣлался чѣмъ-то въ новомъ мірѣ, куда меня только что втолкнули. Но оказалось, впослѣдствіи, что моя героическая расправа имѣла важные результаты не только для той минуты и для моего мальчишескаго самолюбія, но и для всей послѣдующей моей училищной жизни. Съ этого же перваго вечера я уже никогда не былъ «преслѣдуемымъ», никогда не былъ тѣмъ, къ кому можно приставать и надъ кѣмъ потѣшаться. Классъ меня «уважалъ». Но мы ничуть не сдѣлались врагами съ тѣмъ мальчикомъ, который атаковалъ меня въ первую же минуту моего появленія въ училищѣ. Напротивъ, съ перваго же дня мы сдѣлались величайшими друзьями, и никогда не ссорились во всѣ семь лѣтъ моей училищной жизни. Онъ мнѣ очень нравился: это былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ, энергическихъ, даровитыхъ мальчиковъ не только нашего класса, но цѣлаго тогдашняго училища. Его звали Алексѣй Оголинъ. О немъ я буду еще не разъ говорить ниже.

Первую свою ночь въ училищѣ я проспалъ превосходно, какъ будто я тутъ давно уже жилъ. На утро всталъ тоже какъ будто у себя дома. Какъ я ни любилъ свой домъ и всѣхъ своихъ домашнихъ, но я и не думалъ тосковать. Любопытство и интересъ ко всему новому были такъ сильно возбуждены, что поглощали меня всего. Училищная жизнь пошла для меня какъ по маслу; я скоро сталъ привыкать ко всѣмъ новымъ подробностямъ и порядкамъ жизни.

Наше училище появилось на свѣтъ всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до моего поступленія, и именно въ декабрѣ 1835 года. Исторія его происхожденія—совершенно исключительная и особенная,

между всѣми нашими училищами. Всѣ у насъ въ Россіи, отъ верху и до низу, очень хорошо понимали въ то время, что одна изъ самыхъ большихъ нашихъ язвъ — проклятое чиновничество, прогнившее до мозга костей, продажное, живущее взятками и не находящее въ нихъ ровно ничего худаго, крючкотворствующее, кривящее на каждомъ шагу душой, пишущее горы дѣлъ, лукавое, но не умное, едва грамотное, свирѣпое за бумагами, хотя добродушное на видъ дома и за вистомъ. Всѣ на него горько жаловались въ разговорахъ и разсказахъ, всѣ поднимали его на зубокъ въ романѣ и на театрѣ, и однако дѣло не трогалось съ мѣста. Разговору было много, и все-таки никто ничего не предпринималъ, никто ничего даже и не предлагалъ, чтобы помочь общей бѣдѣ и вытравить гнойную болячку. И вдругъ нашелся помощникъ, выступилъ впередъ смѣлый начинатель, придумавшій, что надо сдѣлать, и въ ту же минуту энергически принявшійся за дѣло. Это былъ 23-хъ-лѣтній юноша, едва самъ кончившій воспитаніе, едва вступившій въ періодъ самостоятельности,—но тѣмъ-то его починъ и рѣшимость были неожиданнѣе. То было для него самое время для веселой и беззаботной жизни, для праздниковъ, торжествъ и пировъ — онъ этого не захотѣлъ, отъ всего отказался и вмѣсто того задумалъ крупное дѣло, серьезное и важное, требовавшее всего человѣка, всего его времени, заботъ и помысловъ. Этотъ молодой человѣкъ, представлявшій такое необыкновенное исключеніе въ свои годы, былъ принцъ Петръ Ольденбургскій. По отцу, религіи и серьезному, солидному воспитанію онъ былъ полу-иностранецъ, хотя родился въ Россіи и по всѣмъ симпатіямъ и чувствамъ былъ настоящій русскій, а когда достигъ совершеннолѣтія, то очутился владѣльцемъ нѣсколькихъ милліоновъ, разросшихся, въ продолженіи его малолѣтства и юношества, изъ основной суммы, пришедшейся на его долю послѣ его матери, великой княгини Екатерины Павловны. Какъ племянникъ императора, онъ скоро добился возможности осуществить свою мысль. Ему позволено было основать училище правовѣдѣнія, а приступая къ его устройству, онъ отдалъ цѣлый милліонъ на покупку дома и его обзаведеніе. Онъ считалъ училище чѣмъ-то своимъ, роднымъ и близкимъ себѣ; все свое время, всѣ заботы и помышленія отдавалъ ему. Въ училище онъ пріѣзжалъ почти всякій день, иногда по нѣскольку разъ въ день, присутствовалъ при лекціяхъ въ классахъ, бывалъ во время рекреацій, навѣщалъ училище при обѣдахъ и ужинахъ; даромъ-что самъ лютеранинъ—стоялъ нерѣдко на обѣднѣ и всенощной въ училищной церкви, и иногда онъ пріѣзжалъ даже ночью, возвращаясь изъ дворца, или какого-нибудь неизбѣжнаго собранія, бала, театра, и всякій разъ оставался по нѣскольку часовъ. Тутъ онъ проходилъ по всѣмъ этажамъ и заламъ. Вообще говоря,

наврядъ ли была такая подробность училищной жизни, которой бы онъ не видалъ собственными глазами, и которую отъ него можно было бы спрятать или исказить. Все это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія: училище стало на такую ногу, на какой не стояло ни которое изъ тогдашнихъ русскихъ училищъ, и во многомъ получило особенный характеръ. Въ немъ несравненно менѣе было казеннаго, формальнаго, рутиннаго, и за то было (по крайней мѣрѣ въ первое, мое время) что-то, напоминавшее семейство и домашнее житье. Обращеніе было совсѣмъ иное.

Начать съ того, что персоналъ нашего начальства, и малаго и большаго, былъ выбранъ не какъ попало, а съ большимъ разборомъ и съ большой заботой о воспитанникахъ. Между этими людьми не было ни одного деспота, ни одного злаго или свирѣпаго командира, какими тогда отличалось, къ несчастью, большинство остальныхъ тогдашнихъ училищъ. Такое было тогда время, что каждаго начальника выбирали, прежде всего, за умѣнье расправиться, держать въ ежовыхъ рукавицахъ. У насъ было совсѣмъ другое: всѣ наши начальники были выбраны самимъ принцемъ, а онъ хотѣлъ, чтобы выбираемый имъ—былъ, прежде всего, хорошій человѣкъ. Конечно, не всѣ вышли тутъ верхомъ совершенства, у многихъ были свои слабости, иногда крупные недостатки: намъ, молодымъ мальчикамъ, они всегда были видны какъ на ладони, извѣстны до тонкости. И однакоже, въ общемъ итогѣ, это все были люди очень недурные, честные и человѣчные, съ которыми многіе изъ насъ продолжали съ удовольствіемъ знакомство и впослѣдствіи, послѣ выхода нашего изъ училища. Одно только, что можно было бы замѣтить, это то, что большинство главныхъ нашихъ начальниковъ, да даже и преподавателей, были все иностранцы, по бо̀льшей части, нѣмцы.

Нашъ директоръ Семенъ Антоновичъ Пошманъ былъ, раньше училища, чиновникомъ министерства юстиціи; онъ служилъ по консультаціи. Это былъ человѣкъ мало образованный, довольно ограниченный, отроду ничего на своемъ вѣку не читавшій, кажется, даже газетъ, и развѣ только въ училищѣ получившій кое о чемъ понятіе, тершись постоянно о профессоровъ, учителей, курсы и классы, и все-таки это былъ человѣкъ, имѣвшій большое уваженіе къ наукамъ и просвѣщенію. Почему онъ вздумалъ сдѣлаться директоромъ училища правовѣдѣнія—того, я думаю, никто бы сказать не могъ. Выгодная оказія представилась, вотъ и все, конечно. Онъ былъ довольно строгъ, порядочный крикунъ, но въ сущности добрый человѣкъ, и никого не сдѣлалъ несчастнымъ изъ всѣхъ сотенъ мальчиковъ и молодыхъ людей, попавшихся подъ его начало. Любилъ хорошія манеры (которыя

намъ всегда рекомендовалъ), съ родителями и родственниками, особливо чиновными, знатными или богатыми, предпочиталъ говорить по французски, и наврядъ ли кто слышалъ его говорящимъ по нѣмецки, не взирая на его національность, точно также, какъ наврядъ ли кто видалъ его иначе, какъ въ вицмундирѣ съ утра и до вечера, а иногда даже и ночью, когда онъ сопровождалъ принца по дортуарамъ. Во всѣ семь лѣтъ моего пребыванія въ училищѣ, я всего какъ-то разъ встрѣтилъ его въ коричневомъ сюртукѣ, но и то было на Страстной недѣлѣ, у него на квартирѣ, когда все училище было распущено по домамъ. Я потомъ разсказывалъ это событіе товарищамъ, какъ какое-то чудо: удивленіямъ и комментаріямъ не было конца. По субботамъ вечеромъ у него бывали маленькія собранія, куда водили лучшихъ и развязнѣйшихъ учениковъ, надѣвъ имъ мундиры, и это считалось великою честью и отличіемъ. На эти вечеринки пріѣзжали родственники и всего болѣе родственницы воспитанниковъ, сестры, кузины, молодыя матери и тетушки, и происходили танцы. Начальническія отношенія еще болѣе исчезали тутъ, и вечеринки происходили точно будто дома или у знакомыхъ. Мы очень любили Пошмана (когда только не бранили, какъ всякаго вообще начальника, даже лучшаго,—это уже дѣло неизбѣжное), но все-таки пускали про него множество выдуманныхъ разсказовъ, анекдотовъ и соображеній. Напримѣръ, у насъ всегда разсказывали, что у него въ семействѣ есть на-лицо представители всѣхъ религій міра: самъ онъ католикъ; жена его Анна Петровна, молчаливая, но добрая и совершенно ничтожная дама въ красными пятнами во все лицо, всегда усердно предлагавшая намъ «еще одну чашечку чаю»—русская; сестра Анна Антоновна, маленькая горбатенькая старушка съ черными острыми глазами и часто насмѣшливою, злою рѣчью, великая фортепіанистка—лютеранка; лакей Игнатій, съ толстой, курчавой черной головой, про котораго въ одной нашей пѣснѣ распѣвалось, что во время субботнихъ танцевъ «Игнашка разноситъ пастилки»—магометанинъ, а толстая разжирѣвшая собачонка, любимица горбатой сестры директора — язычница. Да, мы распѣвали, разсказывали и распускали про Пошмана мало ли что; иной разъ надсмѣхались надъ нимъ, но все-таки любили, потому что онъ былъ почти что совершенно справедливъ, и если кривилъ иной разъ душой, ради связей и важныхъ знакомствъ, то всегда скорѣе въ пользу кого-нибудь изъ насъ, никогда къ невыгодѣ; но главное, въ чемъ его никогда никто изъ всѣхъ насъ не упрекалъ и не заподозрѣвалъ—это въ корыстолюбіи или взяточничествѣ. Весь свой вѣкъ онъ прожилъ честнымъ бѣднякомъ,—а это молодой народъ цѣнитъ куда какъ высоко.

Инспекторомъ у насъ былъ баронъ Врангель, бывшій до того профессоромъ права въ царскосельскомъ лицеѣ,—человѣкъ добрый и хорошій, но совершенно ничтожный, и особенно вслѣдствіе полнѣйшей своей безхарактерности. Раза два, въ мое время, онъ вздумалъ-было разсердиться и раскричаться на кого-то изъ воспитанниковъ, конечно, считая обязанностью показать свою власть и значеніе, но произвелъ эту эволюцію, какъ всегда бываетъ у слабыхъ и безхарактерныхъ людей, вдругъ вошедшихъ въ азартъ, совершенно нескладно и невпопадъ, такъ что всѣхъ только насмѣшилъ надолго. Впрочемъ, его довольно любили и даже уважали, и когда въ залахъ или въ которомъ нибудь классѣ появлялась его длинная селедкоподобная старая фигура, въ мундирѣ и золотыхъ очкахъ, она не производила на насъ ровно никакого эффекта, исключая тѣхъ первыхъ дней мѣсяца, когда онъ приходилъ читать намъ баллы и «средніе выводы» за прошедшій мѣсяцъ. Объ этомъ у меня будетъ еще говорено ниже.

Гувернеровъ въ училищѣ назвали (въ первый еще разъ въ Россіи) воспитателями. Съ точки зрѣнія національной филологіи—прекрасное нововведеніе. Только вещь не соотвѣтствовала имени. Эти господа столько же мало насъ воспитывали, какъ и всѣ остальные гувернеры на свѣтѣ, дѣйствительно «гувернирующіе», но дальше того никакого понятія ни о чемъ неимѣющіе. Все это было люди довольно обыкновеннаго, невыдающагося типа, самые ординарные мелкіе чиновники, обрадовавшіеся случаю получать что-то въ родѣ двухъ жалованій разомъ (разъ—какъ преподаватели, и два—какъ «воспитатели»), да на придачу казенныя квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, да еще, сверхъ того, право помѣстить будущихъ сыновей на казенный счетъ въ это самое училище. Но, надо признаться, наши «воспитатели» во всѣхъ отношеніяхъ заслуживали этихъ милостей и благодатей: они отъ перваго до послѣдняго были люди прекрасные, никогда не притѣсняли и не давили насъ, далеки были отъ того подлаго подкарауливанья и приставанья каждую секунду изъ-за самыхъ мелкихъ пустяковъ, какіе каждый гувернеръ и гувернантка прежняго времени вмѣняли себѣ въ особенную честь. Они давали намъ довольно большую, по тогдашнему, свободу, не заводили себѣ ни фаворитовъ, ни преслѣдуемыхъ жертвъ, и жили съ нами почти въ дружбѣ. Одни изъ нихъ были русскіе, другіе французы, третьи нѣмцы, четвертые англичане, иные даже поляки; одни были изъ отставныхъ военныхъ, другіе изъ коренныхъ штатскихъ; одни капельку посильнѣе, другіе капельку пожиже характеромъ; одни помужиковатѣе, другіе поделикатнѣе, но особенной разницы ото всего этого для насъ не было чувствительно. У нихъ у всѣхъ былъ приблизительно одинъ и тотъ-же

тонъ: порядочности и добраго расположенія. Одинъ изъ нихъ, большой черный и коренастый, съ большимъ орлинымъ носомъ и пронзительными глазами, кажется, бывшій путеецъ, звался у насъ всегда «маіоромъ» и «крикуномъ», потому что онъ любилъ щеголять своей военной, на подобіе грома, отрывистой командой. Мы, изъ маленькихъ классовъ, его считали великимъ математикомъ, потому что онъ преподавалъ алгебру и геометрію въ старшихъ классахъ, а все, что происходило въ этихъ классахъ, заразъ съ тѣми, кто тамъ читалъ лекціи, казались намъ чѣмъ-то необыкновенно великимъ и высокимъ. Но, не смотря на такое величіе, мы любили «маіора», потому что, когда не надо было командовать и кричать на насъ военнымъ голосомъ, «маіоръ» оказывался добрѣйшимъ малымъ, и иной разъ (особенно, въ субботу вечеромъ и воскресенье утромъ, когда классовъ уже не было, и все въ училищѣ принимало, еще болѣе обыкновеннаго, не казенный, а почти домашній видъ), разсказывалъ группѣ старшихъ преудивительные анекдоты, въ которыхъ всего чаще не было ни слова правды, но отъ которыхъ, схватившись за животы, хохотали всѣ присутствующіе, даже и мы маленькіе, стоявшіе кругомъ воспитанниковъ изъ старшихъ классовъ. Такъ, напримѣръ, то онъ разсказывалъ, какъ, однажды, въ дворцовой церкви вышибъ золотую табатерку изъ рукъ у одного важнаго графа за то, что тотъ осмѣлился не довольно тихимъ голосомъ разговаривать съ сосѣдомъ, во время обѣдни, то какъ объяснялся по французски съ нѣкоторой очень аристократической барыней въ то время, когда еще самъ вовсе по французски не умѣлъ, и т. д. Онъ очень хорошо видѣлъ, что никто ему въ ту минуту не вѣритъ, но удовольствіе «благировать» было въ немъ очень сильно, онъ ему предавался съ какимъ-то увлеченіемъ, и по блуждающимъ глазамъ его видно было, что мы всѣ для него въ то время не существуемъ. Но когда наставала минута команды и распоряженія, «маіоръ» вдругъ преображался, отступалъ два шага назадъ, глаза у него становились строги и грозны, и онъ своимъ громовымъ голосомъ кричалъ своимъ только за секунду друзьямъ и веселымъ слушателямъ: «Смир—но!» или «строиться!»

Другой русскій «воспитатель» былъ маленькій человѣчекъ, преподававшій и печатавшій русскую грамматику, что было въ тѣ времена не малое чудо, при безпредѣльномъ господствѣ повсюду Греча и его никуда негодной грамматики. Нашъ правовѣдскій лингвистъ пробовалъ быть поновѣе и пооригинальнѣе, и особенно гордился тѣмъ, что, на основаніи своихъ филологическихъ изслѣдованій, заставилъ написать на вывѣскѣ училища: «правовѣдѣніе», а не «правовѣденіе», какъ до тѣхъ поръ всѣ писали. Онъ былъ добрякъ, вѣчно суетя-

щійся и заторопленный. Его звали «ершомъ»—за брови, простиравшіяся врозь остреями, какъ плавательныя перья, но любили и уважали.

Еще другой нашъ воспитатель былъ французъ, ужасно сухой и холодный на видъ, съ непріятно выбритымъ до тла пергаменнымъ лицомъ и высоко закрученнымъ напередъ вверхъ хохломъ (на манеръ Аполлона бельведерскаго, какъ тогда носили многіе, въ томъ числѣ и знаменитый живописецъ Брюлловъ); челюсти у него были какъ у акулы, глаза маленькіе, ходилъ онъ сутуловато, вывертывая ноги и помахивая длинными фалдами вицъ-мундира. Я такихъ французовъ видѣлъ только на французскомъ театрѣ, когда представляютъ какого нибудь школьнаго учителя, педанта; должно быть, кромѣ нихъ, нѣтъ болѣе во Франціи подобныхъ субъектовъ. И все-таки, нашъ французъ былъ педантомъ лишь слегка, и внѣ классовъ, гдѣ насъ мучилъ напечатанными, для сбыта намъ, за деньги, своими таблицами: «homonymes français», т. е. примѣрами, изъ которыхъ мы узнавали, что хотя «chérubin» и «coquin» одинаково кончаются на «in», но обозначаютъ совершенно различную дѣятельность. Впрочемъ, не смотря на свое сухое ковырянье во французскомъ языкѣ, онъ былъ довольно веселъ и любезенъ.

Еще одинъ воспитатель былъ нѣмецъ, пожилой и бѣлокурый, съ квадратной головой и подслѣповатыми глазами, тускло глядѣвшими изъ-за золотыхъ очковъ, до того любитель физики, что не только преподавалъ ее въ маленькихъ классахъ, но даже бо́льшую часть жалованья употреблялъ на покупку физическихъ инструментовъ, которыми и заставилъ всю свою квартиру. Онъ былъ въ восхищеніи, когды мы допрашивали его о физическихъ опытахъ, и иной разъ звалъ многихъ изъ насъ къ себѣ на квартиру, чтобъ еще подѣлать тѣхъ опытовъ, что́ не всѣ поспѣлъ докончить во время класса. Мы смѣялись надъ тѣмъ, какъ онъ немножко гнусилъ, и вяло тянулъ слова, все равно и на лекціи, и въ разговорѣ, и во время команды, а все-таки любили его, какъ очень справедливаго, добраго и милаго господина.

Потомъ еще, однимъ изъ воспитателей въ первое время былъ отставной офицеръ путей сообщенія, изъ поляковъ и католикъ, значитъ, въ тогдашнее время преслѣдованій, человѣкъ совершенно безцвѣтный и незначительный. Онъ у насъ не долго оставался, и никакой особенно худой памяти по себѣ не оставилъ, кромѣ того, что громко хрюкалъ носомъ и горломъ, когда съ какой-то особенной аффектаціей командовалъ: «на лѣ—во, и вмѣстѣ съ эстимъ маршъ!» Онъ находилъ, что это ужасно остроумно и забавно, но мы были съ нимъ согласны только на половину.

Были еще у насъ, между «воспитателями», одинъ нѣмецъ — маленькій, живой и очень подвижный, преподаватель нѣмецкой грамматики и примѣровъ въ стихахъ, человѣкъ недурной, и довольно пріятный; французъ, человѣкъ старый и трусливый, но живой какъ французъ, хотя у насъ и увѣряли, что онъ изъ отставныхъ солдатъ Наполеоновской арміи.

Наконецъ, когда открылись верхніе классы, къ намъ поступили еще: одинъ нѣмецъ, Шнеррингъ, высокій и флегматикъ на видъ, медленный и равнодушный, но въ сущности человѣкъ съ золотымъ сердцемъ и солидно по нѣмецки образованный, недавно только и самъ изъ одного нѣмецкаго университета; другой—тяжелый, немножко меланхолическій англичанинъ Бушманъ, любившій иногда похвастаться мастерской своей гимнастикой и боксерскими подвигами жилистаго своего кулака. Эти два послѣдніе «воспитателя» были, навѣрное, лучше всѣхъ остальныхъ,—превосходные, симпатичные люди, еще болѣе всѣхъ остальныхъ разговаривавшіе съ нами о книгахъ, литературѣ и даже искусствѣ. Многіе изъ насъ (въ томъ числѣ и я) всего болѣе обязаны имъ своимъ образованіемъ. Эти два послѣдніе человѣка составляли рѣшительное исключеніе между всѣми другими, и по дѣйствительной просвѣщенности своей, и даже по нѣкоторому европеизму, насколько онъ возможенъ въ человѣкѣ, выбранномъ въ гувернеры казеннаго заведенія. За то, они были недостаточны «гувернерами»; и какимъ чудомъ спасались отъ непріятныхъ исторій — я уже и не знаю. Развѣ потому только, что мы сами ихъ очень любили и щадили.

Учителя и профессора были у насъ не Богъ знаетъ какіе, однако же приблизительно все лучшіе, какихъ тогда можно было достать въ Петербургѣ. Многіе были взяты къ намъ, для старшихъ классовъ, изъ числа тѣхъ, что преподавали въ царскосельскомъ лицеѣ, а лицей считался въ то время лучшимъ штатскимъ заведеніемъ, тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ пажескій корпусъ между военными. Правда, между этими «лучшими» профессорами были такіе допотопныя руины, какъ Кайдановъ и Георгіевскій. Оба они были тяжелые поповичи, неповоротливые и грузные, словно киты, въ своихъ вицъ-мундирахъ съ темнозеленымъ бархатнымъ хомутомъ на шеѣ, добрые, но оба отсталые педанты даже и для тогдашняго не слишкомъ взыскательнаго времени; оба проповѣдники мнѣній и морали, еще болѣе наивныхъ и младенческихъ, чѣмъ тѣ, что царствуютъ въ «басняхъ» Крылова (только безъ талантливости и неподдѣльной національности Крылова). Все это стоитъ отпечатанное въ ихъ курсахъ. Надъ ними все училище смѣялось, впрочемъ, добродушно,— но гдѣ же было взять «извѣстныхъ»

профессоровъ лучше? Отрывать и пробовать новыхъ было некогда, да и кому же впору? Впослѣдствіи, Кайданова замѣнилъ въ училищѣ Шульгинъ, на котораго въ началѣ долго смотрѣли какъ на необыкновенное свѣтило новой науки, но впослѣдствіи который-то изъ насъ услыхалъ, внѣ училища, что у Шульгина все прямо по Гизо̀; мы тотчасъ добыли Гизо́, свѣрили, и Шульгинъ потерялъ весь престижъ, даромъ-что излагалъ намъ что-то новое, неожиданное, «мысли объ исторіи», хитро проведенныя сквозь всякія событія и факты. Намъ вѣдь непремѣнно надо было, чтобы каждый профессоръ читалъ «свое», не то онъ для насъ ничего не сто̀илъ, даромъ-что мы сами ровно ничего не знали. Былъ у насъ французъ Аллье, читавшій французскую литературу въ высшихъ классахъ и жевавшій постоянно, на каѳедрѣ, неизвѣстно для чего, анисъ, который носилъ въ жилетѣ—прекрасный, любезненькій, веселый французскій старичекъ, по обычаю всѣхъ французовъ, никогда не ограничивавшійся своимъ предметомъ, и, кромѣ Мольера и Корнеля читавшій намъ во французскихъ старинныхъ переводахъ сотни страницъ изъ Иліады, Софокла, Эврипида, Аристофана и Плавта, о которыхъ, если бы не онъ, мы никогда не имѣли бы никакого понятія, даромъ-что всякихъ профессоровъ и курсовъ было у насъ множество. Былъ у насъ профессоръ англійскаго языка, Уаррандъ, сѣдой, но belle-homme и раздушенный франтъ, не признававшій никакой грамматики и никакой системы для англійскаго языка, кромѣ нѣсколькихъ механическихъ отрывочныхъ правилъ, и въ тоже время терпѣть не могшій Байрона, говоря, что онъ былъ препосредственный поэтъ, по своей формѣ, а по содержанію—стыдъ и срамъ англійскаго народа. Былъ у насъ преподаватель географіи—старый, путей сообщенія, полковникъ Вранкенъ, со свѣсившимися на широкую богатырскую грудь, тяжелыми разсыпавшимися эполетами, заставлявшій насъ зубрить уѣзды русской имперіи и произведенія разныхъ странъ свѣта—въ видѣ дубовыхъ стиховъ, имъ самимъ сочиненныхъ: за пропускъ одного имени, или одного произведенія скидывалось отъ 12-ти (полнаго балла) по баллу долой. Мы усердно зубрили что̀ было велѣно, отвѣчали исправно, получали хорошіе баллы, полковникъ Вранкенъ радовался, а мы все-таки никогда не знали, ни тогда, ни теперь, всѣхъ уѣздовъ Россіи и всѣхъ произведеній всѣхъ странъ свѣта. Было у насъ еще не мало другихъ профессоровъ, чудаковъ или педантовъ, но все-таки добряковъ и старательныхъ людей, которые преподавали намъ, какъ умѣли, науку не слишкомъ высокаго и солиднаго калибра, стариннаго покроя. Они иной разъ немножко надоѣдали намъ, или смѣшили насъ, но покрайней мѣрѣ никогда не преслѣдовали насъ и давали намъ довольно свободно ды-

шать, (даромъ-что большинство между ними были нѣмцы), — а это такая рѣдкость въ каждомъ училищѣ.

Я думаю, всѣхъ лучше и замѣчательнѣе между ними былъ правовѣдскій священникъ, Мих. Измайл. Богословскій. Онъ несъ нѣсколько должностей за-разъ: онъ служилъ въ церкви, былъ нашимъ духовникомъ, преподавателемъ закона Божія въ маленькихъ классахъ, преподавателемъ логики и психологіи въ старшихъ, и всѣ эти должности онъ исправлялъ съ такою строгостью и добросовѣстностью, которымъ каждый изъ насъ не могъ не отдавать полной справедливости. Во всѣхъ отношеніяхъ своихъ къ намъ, онъ былъ необыкновенно строгъ и взыскателенъ—быть можетъ, строже всѣхъ остальныхъ нашихъ профессоровъ, директора и «воспитателей», но мы никогда не были за это на него въ претензіи, и болѣе всѣхъ уважали именно его. И дѣти, и юноши никогда не прочь отъ серьезности и строгости отношеній, когда въ нихъ высказывается сила, самостоятельность, мужественная прямота и чистота намѣреній, хотя бы иногда и заблуждающихся. Имъ противны только слабость, низость или пристрастіе. Для насъ священникъ нашъ былъ настоящимъ оракуломъ во всемъ самомъ важномъ, и мы нерѣдко вступали съ нимъ въ длинныя бесѣды обо всемъ для насъ интересномъ и важномъ. Случалось, когда мы были уже въ среднихъ классахъ, что давно уже пробилъ звонокъ, и началась рекреація, большая зала рядомъ давно уже полна шума, криковъ и волненія движущейся толпы молодежи, а нашъ Богословскій все еще продолжалъ сидѣть на каѳедрѣ, и около него стояла кучка ревностныхъ его поклонниковъ и цѣнителей, и продолжала толковать съ нимъ, интимно, нараспашку, о всемъ, что насъ интересовало въ прочитанныхъ книгахъ, въ историческихъ событіяхъ стараго и новаго времени, въ пониманіи и опредѣленіи тѣхъ или другихъ важныхъ, интересныхъ для насъ личностей. «А вѣдь нашъ батька-то—лихой батька!» говаривали мы потомъ другъ съ другомъ, когда онъ, наконецъ, уходилъ къ себѣ домой. И все-таки это не мѣшало намъ не соглашаться съ нимъ во многомъ. «Чтожъ ему дѣлать! поповское воспитаніе! священникъ! такъ уже выросъ, такъ привыкъ!» говорили мы, и много разъ соглашались другъ съ другомъ, что родись онъ въ простомъ званіи, онъ былъ бы еще лучше и значительнѣе, и полновѣснѣе.

Классъ, въ который я попалъ, былъ навѣрное одинъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ классовъ всего училища. Конечно, онъ былъ довольно разношерстенъ, какъ всякое собраніе людей, составившееся случайно, по нечаянности. Тутъ, между 30-ю почти мальчиками, не мало, по всегдашнему, было конечно бездарныхъ и глупыхъ, и со-

вершенно ничтожныхъ, и пошлыхъ, а отчасти даже и подловатыхъ, по натурѣ, людей, но тутъ-же было нѣсколько крупныхъ личностей, выдававшихся и характеромъ, и умомъ, и интеллигентнымъ настроеніемъ. Эти шестеро или семеро въ короткое время стали во главѣ класса, и дали ему особенную окраску.

Одинъ изъ главныхъ запѣвалъ у насъ былъ тотъ самый черномазый, съ оливковой кожей на лицѣ, задорный мальчикъ, который атаковалъ меня въ первую минуту моего прихода въ училище, Алексѣй Оголинъ. Это былъ, навѣрное, одинъ изъ самыхъ способныхъ и даровитыхъ воспитанниковъ нашего училища, еще съ маленькихъ классовъ. Характеромъ онъ былъ, какъ большинство даровитыхъ мальчиковъ, смѣлъ и неугомоненъ, учился посредственно, но схватывалъ быстро все, что для учебнаго обихода было нужно, и часто почти безъ всякаго приготовленія ловко выпутывался изъ бѣды, и молодцомъ отвѣчалъ профессору. «Ну, хватъ-же ты, Оголинъ, говаривали мы иной разъ; какъ ты это ему отвѣчалъ? Вѣдь ты ни вчера вечеромъ, ни сегодня ни одной минуты въ книгу не заглядывалъ?»—«О, я уже знаю, какъ надо! отвѣчалъ Оголинъ. На что мнѣ долбить къ классу по дрянной книжкѣ, когда я мало-ли что̀ читаю и такъ! Ну, и потомъ сноровка, ну и потомъ надо быть храбрымъ, никогда не надо робѣть». Оголинъ былъ также одинъ изъ первыхъ запѣвалъ во всѣхъ нашихъ играхъ и предпріятіяхъ, молодецъ, когда всѣ принимались за лапту или бары, молодецъ также на гимнастикѣ, самый энергическій, рѣшительный и страстный во всемъ, за что ни принимался. Но кромѣ всего этого, онъ постоянно писалъ очень усердно стихи, казавшіеся намъ верхомъ совершенства. Онъ зналъ почти всего Пушкина наизустъ, часто декламировалъ намъ, съ большимъ жаромъ, множество страницъ изъ «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова», и маленькихъ лирическихъ стихотвореній, также множество строфъ изъ Козлова и Подолинскаго, позже изъ Лермонтова и Мея, и весь классъ былъ всегда въ великомъ восторгѣ отъ этихъ декламацій; правда, Оголинъ какъ-то непріятно пришептывалъ и косноязычилъ своими губами, но это было для насъ все равно, что ничего: такъ увлекалъ онъ насъ своею горячностью. Иногда случалось, что онъ дѣлалъ въ читаемой пьесѣ вставки своего собственнаго сочиненія, и мы ничего не подозрѣвали; намъ, въ нашей наивности и нашемъ литературномъ младенчествѣ, казалось, что мы слушаемъ, безъ всякаго перерыва, Пушкина или Козлова, такъ что потомъ не вѣрили даже, когда Оголинъ самъ же надъ нами подсмѣивался, говоря: «Ахъ вы, простофили, простофили! Я ужъ вамъ полчаса читаю свои стихи, а вы думаете, все Пушкинъ!» Мы твердо

вѣровали, что такой капитальный сочинитель навѣрное сдѣлается великимъ поэтомъ, гордостью нашего училища и нашего времени! Однако, ничего этого не вышло, и Оголинъ, спустя немного лѣтъ послѣ выпуска изъ училища, умеръ гдѣ-то въ провинціи, откуда въ началѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ, самымъ ординарнымъ мелкимъ чиновникомъ, спившись съ кругу и заигравшись въ карты, не произведя на свѣтъ ничего не только необыкновеннаго, но даже и обыкновеннаго. Нужды нѣтъ, онъ все-таки былъ для насъ чѣмъ-то, пока былъ мальчикомъ, а потомъ юношей: однихъ онъ подвигалъ на что-то хорошее, потому что постоянно возвышалъ нашу интеллектуальную и умственную атмосферу, а другимъ мѣшалъ спуститься на тотъ низкій и пошлый уровень, куда тянула ихъ натура ихъ. Какъ ни дрянно и низменно пошло потомъ кончилъ онъ свою жизнь, многіе изъ насъ, благодаря Оголину и его лучшимъ товарищамъ, хоть первую юность свою прожили впослѣдствіи порядочными людьми, не вредными животными, или не ничтожными нулями.

Другой изъ нашихъ товарищей, Замятнинъ, былъ, какъ и Оголинъ, провинціалъ родомъ. Мы въ началѣ подозрительно смотрѣли на него, и одно время даже чуждались его, такъ какъ онъ былъ сынъ жандармскаго полковника изъ которой-то губерніи; однако это чувство антипатіи скоро прошло и всѣ товарищи стали его не только любить, но и уважать. Во первыхъ, онъ былъ мальчикъ для своихъ лѣтъ даже очень образованный, но, что гораздо важнѣе было для насъ, очень самостоятельный, своеобразный и рѣшительный. Онъ много читалъ еще до училища и хотя имѣлъ прескверненѣйшее французское произношеніе, толстое и мужицкое, надъ которымъ всѣ у насъ часто подтрунивали, но прочиталъ на своемъ вѣку столько французскаго, сколько наврядъ ли кто нибудь еще изъ насъ. Въ немъ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-нибудь «жандармскаго», напротивъ, это была натура самая свѣтлая, прямая и интеллигентная. Всѣ его взгляды были прекрасные и чистые, даже еще въ мальчикахъ. Впослѣдствіи онъ былъ рязанскимъ губернаторомъ, и однимъ изъ хорошихъ дѣятелей земскаго комитета, при освобожденіи крестьянъ. Одинъ порокъ его былъ—падкость къ аристократическому кругу и жизни, гдѣ ему мерещилось что-то великое и превосходное, и хотя эта каррикатурная наклонность далеко не столько еще была чувствительна въ мальчикѣ, какъ сдѣлалась позже чуствительна въ юношѣ и зрѣломъ мужѣ, но все-таки мы прозвали его испанскимъ грандомъ Ponte-Monte, графъ Мендоза, della Butella Агака, произнося все это на его манеръ, грубо по-русски, что его подчасъ крѣпко бѣсило. Не смотря, однакоже, на его слабость, Замяткинъ былъ у насъ товарищъ, выходящій изъ ряду вонъ и по уму, и

образованію, и по всѣмъ честнымъ стремленіямъ, и по всегдашней интеллектуальности направленія.

Былъ у насъ еще одинъ хорошій человѣкъ между товарищами— Габерзангъ, котораго, по нашему мнѣнью, отъ макушки головы и до пятокъ, всего опредѣляло то прозвище «Pathfindner» (путеводитель въ пустынѣ), которое мы ему дали, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ поступленія въ училище, когда прочли Куперовскій романъ съ этимъ заглавіемъ, узнавъ о немъ изъ великолѣпныхъ статей Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Это было какое-то дитя природы, врагъ всякой искуственности и цивилизованныхъ пріемовъ общества, человѣкъ, которому надо-бы весь вѣкъ ходить въ шкурѣ и съ ружьемъ въ рукахъ по полямъ и степямъ, съ глазу на глазъ съ природою, которую онъ боготворилъ и одну только и признавалъ на всемъ свѣтѣ. Всего страннѣе то, что такое настроеніе на маперъ Руссо существовало въ человѣкѣ, который родился и прожилъ весь свой вѣкъ въ городѣ (онъ былъ сынъ доктора конногвардейскаго полка) и никогда даже не видалъ ни деревень, ни полей, ни лѣсовъ. Его любовь къ природѣ и безискуственной жизни была самая платоническая и безпричинная, и, можетъ быть, оттого-то именно тѣмъ она была и сильнѣе. Кромѣ «Патфайднера» мы его звали также «Ноемъ», чтобъ обозначить его первоначальную, патріархальную личность, и все-таки всѣ высоко цѣнили его прямой, свѣтлый умъ, чистую душу, его непоколебимую честность во всѣхъ взглядахъ и сужденіяхъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ однимъ изъ нашихъ «Патфайднеровъ», путеводителемъ въ пустынѣ. Правда, у него были тоже странныя и смѣшныя стороны. Въ своемъ безпредѣльномъ доктринерствѣ онъ мало-ли чѣмъ поражалъ насъ: то объявлялъ намъ, что чувствуетъ въ себѣ поэтическое призваніе, и принимался, забывъ всѣ классы и уроки, писать сатирическія поэмы на все училище и на всѣ его порядки, на всѣхъ товарищей и профессоровъ, и это съ такимъ жаромъ, что иногда вставалъ ночью и писалъ, стоя на колѣняхъ, въ одной рубашкѣ, при слабомъ свѣтѣ лампы, едва свѣтившей сверху отъ потолка сквозь синее стекло, и положивъ бумажку на табуретъ, куда мы клали на ночь наше платье; то онъ воображалъ себѣ, что сдѣлается въ короткое время отличнымъ фортепіанистомъ, и для этого стоитъ ему только года два «направить» (какъ онъ говорилъ) свои пальцы на нѣмомъ Гензельтовскомъ фортепіано: и онъ хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, трудился, не давалъ себѣ покоя ни утромъ, ни вечеромъ, стучалъ въ сквозномъ столѣ по клавишамъ нѣмаго своего фортепіаника—и все-таки ничего не добился; то опять, геркулесъ складомъ и ростомъ, онъ вдругъ принимался трусить за свою богатырскую грудь, изумительно развитую гимнасти-

кой и выдававшуюся вершковъ на 10 впередъ; онъ воображалъ себѣ, что у него слабы легкія и начинается чахотка: вотъ онъ и принимался ходить по улицѣ не иначе, какъ съ респираторомъ, надѣтымъ на ротъ, словно собачій намордникъ. Такихъ затѣй и причудъ у него бывало не мало, онѣ шли у него постоянно слѣдомъ однѣ за другими; мы надъ ними безжалостно и ѣдко смѣялись и подтрунивали, а автора ихъ все-таки любили и во всѣхъ важныхъ для насъ дѣлахъ класса слушались. У него былъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ голосовъ. Впослѣдствіи, прослуживъ болѣе 20 лѣтъ въ сенатѣ и въ министерствѣ юстиціи, онъ, уже тайнымъ совѣтникомъ, сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при петербургскомъ оберъ-полицмейстерѣ Треповѣ, по части бракоразводныхъ и иныхъ интимныхъ семейныхъ дѣлъ, и, вмѣсто того чтобъ давить и преслѣдовать, онъ сдѣлалъ много добра, многихъ уладилъ и устроилъ, многимъ помогъ, и еще болѣе—многихъ помирилъ.

Наконецъ, я вспоминаю съ глубокой симпатіей еще одного изъ нашихъ тогдашнихъ запѣвалъ и главарей—это поляка, или, точнѣе сказать, литовца Церпинскаго. Въ тѣ времена, въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ годовъ во всемъ русскомъ обществѣ существовала, отъ верху до низу, какая-то тупая и отвратительная ненависть къ каждому поляку. Мы—невольное и пассивное эхо своихъ семействъ—тоже ненавидѣли или презирали поляковъ, и на наши глаза, въ минуты ссоры и раздраженія, не было такого браннаго и ругательнаго слова, которымъ слѣдовало больнѣе и жесточе поразить нашего Церпинскаго, какъ кличка «полякъ», проговоренная надменнымъ и злымъ голосомъ. Но это было такъ только въ минуты отчаяннѣйшей вражды и стычекъ. Въ остальное время мы невольно уважали его горячій, страстный патріотизмъ, его любовь ко всему польскому, его поэтическое и литературное настроеніе, его смѣлое, рѣшительное, увлекательное ораторство во время сходокъ и совѣтовъ по дѣламъ класса, его всегда и во всемъ благородное, великодушное и честное настроеніе. Мы нападали иной разъ на его національность, а покорялись ему настолько, что впослѣдствіи, въ среднихъ классахъ училища, почти всѣ были участниками въ его журналѣ «Зничъ» (священный огонь). Теперь, когда я вспоминаю прошлое, соображаю характеры и стремленія, мнѣ кажется, что проживи Церпинскій до начала 1860-хъ годовъ, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ страстныхъ участниковъ польскаго возстанія, и игралъ-бы тамъ одну изъ выдающихся ролей. Но онъ умеръ скоро послѣ выпуска изъ училища, сломивъ свое здоровье однимъ несчастнымъ порокомъ.

Я назвалъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей, потому что ихъ уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, но я долженъ бы рядомъ съ ними

назвать еще нѣсколькихъ другихъ, еслибъ только это удобно было въ печати. Я по неволѣ промолчу, покуда, точно также, какъ промолчу о множествѣ другихъ товарищей, совершенно иного склада, ничтожныхъ или пошлыхъ. Въ ту пору, худое въ нихъ затушевывалось прелестною атмосферою молодости, вліяніемъ лучшихъ товарищей, но когда люди эти вышли изъ училища, разсыпались по сторонамъ, поступали на собственную свою заботу и безконтрольность, многіе пошли—кто играть безъ просыпу въ карты, кто закисать въ глуши и навозѣ деревни, кто тянуть ничтожнѣйшую лямку службы, кто злостно и тупоумно давить все и всѣхъ на высокомъ административномъ мѣстѣ, кто сдѣлатся сыщикомъ и исполнителемъ чужихъ мерзостныхъ выдумокъ, кто, наконецъ (и это большинство), принялся тянуть ничтожнѣйшую, безцвѣтнѣйшую, ничѣмъ человѣческимъ нетревожимую жизнь. Возможно ли было намъ, въ наше первое училищное время, что-то подобное отгадать? Пусть бы тогда сказали любому изъ насъ—вотъ что выйдетъ черезъ 25-30 лѣтъ, вотъ изъ этого хорошенькаго, кудряваго милаго мальчика, котораго нынче всѣ такъ любятъ и которымъ всѣ такъ восхищаются, и что вотъ изъ этого, что такъ чудесно учится, и такъ мастерски записываетъ лекціи профессорскія, и кажется каждому изъ насъ такою свѣтлою и живою, любезною личностью, или вонъ еще изъ того, что такъ стоитъ, на нашихъ маленькихъ классныхъ вѣчахъ, за правду и справедливость? Кто-бы тогда между всѣми нами вообразилъ, что изъ этихъ прекрасныхъ милыхъ мальчиковъ выйдутъ: изъ кого—всепокорнѣйшій рабъ III отдѣленія, изъ кого — безтолковѣйшій и бездушнѣйшій деспотъ, изъ кого—индифферентный ко всему и хорошему, и къ дурному, пошлѣйшій чиновникъ, хватающій только ленты и аренды, и проплясавшій на балу одно важное народное дѣло; валяющій вкривь и вкось, какъ ни попало, другое еще болѣе народное дѣло, чтобъ только поскорѣе вечеркомъ да за зеленый столъ? Пусть бы всѣмъ этимъ господамъ показали тогда въ зеркалѣ ихъ будущую жизнь и физіономію—и они-бы, тогда еще свѣтлые и чистые, навѣрное, съ гнѣвомъ и омерзѣніемъ наплевали бы на самихъ себя и на зеркало.

Лишь немногіе—слишкомъ немногіе—остались до поздняго времени тѣмъ, чѣмъ были въ началѣ, людьми, о которыхъ стоитъ вспоминать, людьми, въ которыхъ въ самомъ дѣлѣ что-то есть—личность, умъ, душа и интеллигенція. Остальные замѣсились въ общей сѣрой массѣ.

Но въ этомъ не было уже виновато училище. Оно дало, что могло, оно достигло того, для чего было создано, оно замѣнило прежнее наше приказное племя полу-византійскихъ сутягъ и подъячихъ на ма-

неръ Европы образованными, честными, хорошими молодыми юристами и чиновниками (хотя иной разъ и безъ нужды слишкомъ по свѣтски налакированными и поверхностными): не его вина была, если эти новыя хорошія личности иногда впослѣдствіи становилися печальными ничтожностями или зловредными животными.

Нашъ классъ, нашъ маленькій мірокъ былъ для меня, какъ вѣроятно и для многихъ товарищей, что-то безконечно милое, дорогое и привлекательное. Какъ я ни любилъ свое семейство, какъ мнѣ ни хорошо было дома, а все-таки вся моя любовь, всѣ мои симпатіи и интересы въ немного дней перешли на училище и на нашъ классъ. Я находилъ тамъ многое такое, чего не могъ давать мнѣ ни домъ, ни семейство, что ничѣмъ было не замѣнимо. Это—жизнь съ равными, съ товарищами по одной общей работѣ и занятіямъ, это участіе въ какомъ-то общемъ дѣлѣ, которое поминутно обсуживается и перебирается со всѣхъ сторонъ цѣлой толпой, это поминутныя предпріятія и рѣшенія, которыя, пускай они микроскопичны,—а все являются слѣдствіемъ изобрѣтательности, почина, соображенія, борьбы, вообще дѣятельности головы и характера. Отъ того-то семейная жизнь скоро начинала многимъ изъ насъ казаться безцвѣтною и безвкусною, мало удовлетворяющею, отъ того-то, какъ ни жаловались мы иной разъ на ученье и учителей, на классную и немножко казарменную жизнь, а всѣ воскресенья и праздники казались намъ лишь антрактами, а настоящая-то жизнь — что-то совсѣмъ другое; отъ этого-то мы съ такимъ восхищеніемъ встрѣчались снова въ эти праздники вечеромъ, воротясь въ училище. Товарищеская жизнь, со всѣми ея исключительными, своеобразными и увлекательными интересами закипала тутъ-же, сейчасъ-же, и дольше другихъ дней мы не засыпали тогда въ своихъ дортуарахъ, все въ разговорахъ и живыхъ бесѣдахъ, даромъ-что завтра звонокъ пробьетъ все въ тѣ же 6 часовъ утра, и отсрочки вставать ни для кого не будетъ. Разговоры, споры, оживленный обмѣнъ мыслей о только что прочитанномъ или о совершающемся, столкновеніе мнѣній, все равно—кроткое и дружеское, или шершавое и враждебное—вотъ что безконечно дорого и привлекательно для юности. Это первыя вѣхи и первые установители будущей дѣятельности. Здѣсь формируются мнѣнія, здѣсь крѣпнутъ убѣжденія, здѣсь послѣ длиннаго крученья направо и налѣво по сотнямъ лабиринтовъ и неизвѣданныхъ дорогъ, разъясняются сомнѣнія, и мысль ступаетъ на твердую землю, формируется характеръ. Кàкъ мало разумѣлъ юношескую натуру, вообще, и, спеціально, русскую юношескую натуру И. С. Тургеневъ, когда въ одномъ мѣстѣ своего «Дворянскаго гнѣзда» съ какимъ-то благодушнымъ пренебреженіемъ

разсказываетъ: «Между ними загорѣлся споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, и спорили они такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ...» Да, эта—не то, что способность, а потребность спорить о томъ, что кажется важнымъ и дорогимъ, такъ какъ будто дѣло идетъ о жизни и смерти—неужели это что-то дрянное, каррикатурное и презрѣнное, неужели это не одна изъ драгоцѣннѣйшихъ принадлежностей юношества, и неужели не однимъ только раздушеннымъ, розовымъ, разслабленнымъ дамамъ могутъ такіе споры представляться скучными или безцѣльными? Но, вѣдь, тутъ живетъ, и бьется, и движется то чувство сомнѣнія, пытливаго стремленія, неудовлетворенности, которое, быть можетъ, всего дороже въ жизни, и которое, по выраженію таланта мужественнаго мыслью, энергически-бодраго и здороваго, принадлежитъ къ «лучшимъ человѣческимъ качествамъ, вмѣстѣ съ любовью, поэзіею, нѣжностью» (гр. Л. Н. Толстой, «Война и миръ», ч. III, глава X). Что за бѣда, если «нескончаемые споры» будутъ, иной разъ, начинаться съ непониманья чужихъ и даже своихъ собственныхъ мыслей, коль скоро они все также приведутъ потомъ къ свѣтлому пониманію и тѣхъ, и другихъ, къ твердому укрѣпленію однѣхъ, къ безпощадному сверженію другихъ. Только бы самая жизнь и движеніе совершались, только былъ бы интересъ къ оцѣнкѣ существующаго, только была бы потребность не удовлетворяться слѣпо тѣмъ, что есть, а оцѣнять и взвѣшивать, крѣпко привязываться къ одному, крѣпко ненавидѣть и гнать другое. Это достигается всего чаще, всего скорѣе и выгоднѣе—въ спорахъ, въ товарищескихъ спорахъ съ равными и друзьями, и этимъ-то болѣе всего сильна и хороша русская молодость. Въ этой непремѣнной потребности споровъ и храбрыхъ переоцѣнокъ всего существующаго—лучшая ея сторона въ настоящемъ, лучшій ея задатокъ могучаго и самообразнаго разцвѣта въ будущемъ. Не знаю, исключительное ли это ея качество передъ другими народами, какъ говоритъ Тургеневъ. Но если это правда, тѣмъ для насъ же лучше. Намъ же лучше, если у насъ есть то, чего у другихъ нѣтъ.

По крайней мѣрѣ, что касается до нашего маленькаго кружка въ училищѣ, мы много времени проводили въ этихъ «нескончаемыхъ, однимъ русскимъ свойственныхъ» спорахъ, страстныхъ, пытливыхъ, скептическихъ ко всему и ко всѣмъ, ведя ихъ такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти. И мы были этимъ глубоко счастливы. Можетъ быть, для иныхъ изъ нашего числа они прошли и безслѣдно, и не

помѣшали имъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они къ несчастію сдѣлались, за то другимъ послужили могучею шпорою и зажигательною спичкою. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ насъ не одинъ разъ вспоминали, встрѣтясь другъ съ другомъ, объ этой чудесной эпохѣ нашей жизни, объ этихъ спорахъ, столько насъ двигавшихъ и развивавшихъ, развертывавшихъ передъ нами такіе увлекательные горизонты мысли и пониманія.

Но кромѣ споровъ, и еще чтенія, на которое у насъ тоже шло много времени, кромѣ занятія «дѣлами класса»—этого микроскопическаго зародыша общественной и самоуправительной жизни, для меня было въ училищѣ нѣчто еще болѣе новое, дорогое и необыкновенное. Это знакомство и дружба съ Сѣровымъ. Это знакомство имѣло самое рѣшительное вліяніе на всю мою жизнь.

Я встрѣтился съ Сѣровымъ на второй же день моего поступленія въ училище. Это вотъ какъ произошло. Пріѣхалъ принцъ, часовъ въ 10 утра, и въ антрактѣ между утренними классами меня подвели къ нему. Какъ сейчасъ помню то впечатлѣніе, которое произвело на меня его безконечно доброе, симпатичное лицо, его добрый, кроткій голосъ, его добрый взглядъ. Я еще въ первый разъ въ жизни видѣлъ такъ близко такое высокое лицо, разговаривалъ съ кѣмъ-то изъ царской фамиліи! Да притомъ я и военныхъ-то почти вовсе до сихъ поръ не видалъ вблизи, особливо въ генеральскомъ мундирѣ, съ золотымъ шитьемъ, словно солнце, во весь воротникъ преображенскаго мундира, съ нѣсколькими звѣздами на груди. На меня въ то утро только что надѣли правовѣдскую будничную форму, темно-сѣрые нанковые панталоны, черную курточку съ зеленымъ воротникомъ, и черный суконный галстухъ съ вырѣзнымъ языкомъ на груди. Я былъ сильно занятъ этимъ новымъ костюмомъ, особливо галстухомъ, котораго я прежде никогда еще не носилъ, а этотъ немилосердно теръ и шершавилъ мнѣ шею. Не смотря на это, я тотчасъ же позабылъ свои маленькія невзгоды, шибко подбѣжалъ къ принцу, когда меня кликнули, нисколько не оробѣлъ, и на всѣ заданные мнѣ вопросы отвѣчалъ по обыкновенному, по всегдашнему, прямо глядя принцу въ лицо. Когда принцъ ушелъ далѣе по заламъ, меня окружила толпа правовѣдовъ; они меня принялись разспрашивать, что у меня спрашивалъ принцъ и что я отвѣчалъ. Рѣчь дошла до принцева вопроса: «Нравится-ли тебѣ здѣсь?—«Ну, и чтоже вы отвѣчали?» спросилъ меня кто-то изъ толпы.—«Я отвѣчалъ: да-съ», сказалъ я.—«Какъ же это можно такъ отвѣчать принцу!—возразилъ тотъ же мнѣ неизвѣстный правовѣдъ. Кто такъ говоритъ? Надо было сказать: «Точно такъ-съ, ваша свѣтлость». Я необыкновенно удивился.

Такихъ важныхъ словъ и титуловъ я еще отъ роду не слыхивалъ, и они меня до крайности удивили. Неужели непремѣнно надо всегда говорить такимъ экстраординарнымъ манеромъ? Я объ этомъ спросилъ окружавшихъ меня. Они мнѣ сказали, что да, а тотъ, кто мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе, это—одинъ изъ 4-го класса (тогда высшаго класса въ училищѣ; 1-й, 2-й и 3-й еще не открывались), а зовутъ его—Сѣровъ. На томъ мы и разошлись по сторонамъ. Но вечеромъ того же дня я опять услыхалъ ту же фамилію.

Какъ я уже выше говорилъ, по тогдашнимъ училищнымъ правиламъ, насъ не сейчасъ же послѣ ужина вели спать, а давали полчаса, а иногда и больше, гулять, ходить, разговаривать на совершенной свободѣ, по заламъ. Вотъ въ этотъ день и стали говорить около меня за ужиномъ: «А ужо̀, послѣ ужина, пойдемте, господа, музыку слушать. Сѣровъ будетъ опять сегодня играть».—«Что такое, какая музыка?» — спрашиваю я.—«Сѣровъ, вотъ этотъ, давешній, знаешь, тотъ, что тебѣ утромъ сказалъ про принца, онъ будетъ играть. Онъ большой музыкантъ, онъ отлично играетъ на фортепіано, и по вечерамъ играетъ, а кто хочетъ слушаетъ». — «Нѣтъ, я не пойду, заговорилъ одинъ, я стану лучше вонъ съ толсторожимъ Голубевымъ толковать про его отца, и про Нижній Новгородъ, и про казенную палату, какъ у нихъ тамъ... Онъ преуморительно разсказываетъ»...—«Я тоже не хочу, сказали еще другіе. Вотъ еще, музыка! Охота!»—Другіе сказали, что пойдутъ, что Сѣровъ славно играетъ, и слушать хорошо; изъ 4-го и 5-го класса тамъ много народу будетъ. Я объявилъ, что тоже пойду, потому что я тоже музыкантъ и играю, и вотъ еще вчера директоръ сказалъ мнѣ и моему отцу, что я буду продолжать музыку въ училищѣ, можетъ быть даже на квартирѣ у самаго директора, во время рекреацій. Это у меня было сказано въ видѣ нѣкотораго хвастовства и гордости, что вотъ-молъ я новичекъ, а ужъ какія для меня привиллегіи и исключенія необыкновенныя хотятъ заводить. Однако мои слова вовсе не произвели ожидаемаго впечатлѣнія и чванство мое не только пропало даромъ, но еще мнѣ вредъ сдѣлало. Мнѣ тотчасъ закричали: «Вишь ты, какая важная птица!—ему исключенія дѣлаютъ, ему къ директору на квартиру надо ходить! И еще хвастается! Эка важность, что ты играешь на фортепіано, мало ли кто кромѣ тебя тоже играетъ! Лучше бы ужъ молчалъ». Я и замолчалъ, а чванство и хвастовство спряталъ въ карманъ и больше съ нимъ носу не показывалъ. Опасно видно.

Кончился ужинъ, мы встали, пропѣли плохимъ хоромъ молитву: «Благодаримъ Тя, Господи», строемъ и парами поднялись въ верхній

этажъ, и разсыпались, кто куда хотѣлъ. Я отправился съ тѣми, которые шли слушать Сѣрова. Въ маленькой комнаткѣ, съ зелеными веръ-де-гри стѣнами и яркимъ бѣлымъ потолкомъ мы нашли уже порядочную толпу народа. Было тутъ человѣкъ 30—40. Кто стоялъ, кто сидѣлъ; самые важные изъ верхнихъ классовъ, напримѣръ, громаднаго роста Зубовъ, мягкій и гибкій какъ кошка, Погуляевъ, оба изъ 5-го класса, впослѣдствіи оба регенты нашихъ пѣвчихъ— значитъ, музыканты, сидѣли по обѣимъ сторонамъ маленькаго четырехъ-угольнаго, дребезжащаго фортепіано, полу-развалясь и оперши́сь локтями на доску; тутъ-же былъ Гауеръ, какъ я узналъ позже, прозванный «Мохнатусъ» за толстую, курчавую свою шевелюру, за толстыя, какъ піявки, брови, и за густые волосы, покрывавшіе его грудь и руки: этотъ былъ тоже фортепіанистъ, и окончательно невыносимо барабанилъ своими толстыми, неуклюжими, туго гнущимися пальцами. Тутъ же былъ еще Коржевскій изъ 4-го класса, кое-что пилившій на скрипкѣ, а самъ неподвижный и прямой какъ палка, хотя и живо двигавшій своими черными, блестящими глазами; Чаплыгинъ, ни на чемъ не игравшій, но любившій слушать Сѣрова, а внѣ музыки (странное, тупое безобразіе натуры)! еще болѣе любившій приставать къ Сѣрову и мучить его на всѣ манеры, такъ что доводилъ его иной разъ чуть ни до бѣшенства; былъ еще первый изъ нашихъ регентовъ Волоцкой, съ кривымъ глазомъ, четыре года спустя первый изъ всего правовѣдѣнія, попавшій на золотую доску, не смотря на свою ограниченноть и ординарность; Вистингаузенъ, вѣчно подергивавшій своими широкими плечами и еще не игравшій на флейтѣ. Были тутъ также музыканты и изъ нашихъ маленькихъ классовъ, фортепіанисты Танѣевъ и Полянскій, скрипачъ Клебекъ, князь Оболенскій, тогда еще ни на чемъ не игравшій, но впослѣдствіи выбравшій себѣ инструментомъ контрбасъ. Были тутъ и многіе другіе еще, кто умѣвшій играть, кто пѣть, кто ничего не умѣвшій, а просто любопытный. Самъ Сѣровъ, низенькій, коренастый, широкоплечій, съ маленькими ногами и руками и съ огромной головой и высокой грудью (нѣчто въ родѣ тѣхъ раскрашенныхъ гипсовыхъ фигурокъ, какими въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ годовъ французъ Дантанъ наводнилъ всѣ столицы Европы, представляя въ ловкой и живой каррикатурѣ всевозможныя современныя знаменитости)—самъ Сѣровъ, еще не носившій тогда густой гривы, а вмѣсто того украшенный высокимъ «кокомъ» напереди лба, какъ всѣ почти тогда носили,—сидѣлъ на табуретѣ передъ фортепіаномъ и развертывалъ небольшую нотную переплетенную тетрадку. «Ну, что мнѣ сегодня играть,

господа?» спрашивалъ онъ въ ту минуту, когда я входилъ съ нашими въ комнату. — «Тріо, тріо»; закричали ему Зубовъ и Погуляевъ, а вслѣдъ за ними и нѣкоторые другіе, и онъ тотчасъ началъ. Это было тріо изъ «Волшебнаго стрѣлка»; (изъ этой оперы онъ и впослѣдствіи всего чаще игралъ на нашихъ маленькихъ музыкальныхъ вечерахъ). Онъ игралъ прекрасно, бѣгло и свободно, съ большой привычкой, хотя безъ особенной силы тамъ, гдѣ она требовалась, за то часто съ истиннымъ выраженіемъ. Тонъ у него былъ прекрасный, хотя тоже почти вовсе лишенный силы.

«Волшебный стрѣлокъ» былъ для меня совершенная новинка; кромѣ нѣсколькихъ итальянскихъ оперъ Россини, больше извѣстныхъ мнѣ по аріямъ и дуэтамъ, да еще разныхъ фортепіанныхъ сочиненій, я почти ничего не зналъ и не слыхалъ въ музыкѣ, и мнѣ понадобилось, поэтому, спросить одного, потомъ и другаго сосѣда, шепоткомъ, что̀ такое играетъ Сѣровъ? Никто не зналъ. Онъ сыгралъ «Тріо», всѣмъ очень нравившееся, потомъ, съ раскраснѣвшимися щеками, принялся за «Финалъ» оперы, который онъ и впослѣдствіи всегда особенно любилъ. Всѣ слушали съ величайшимъ удовольствіемъ, а по окончаніи громко хвалили и хлопали въ ладоши. Я восхищался про себя, и новой музыкой, мнѣ очень нравившейся, и его мастерствомъ, его твердостью исполненія. Я не могъ довольно надивиться, ка̀къ это Сѣровъ можетъ такими маленькими руками, съ кривыми толстенькими пальцами, едва-едва хватавшими октаву, продѣлывать такъ ловко и отлично всю эту трудную, сложную музыку, конечно играя главнымъ образомъ партію оркестра, какъ она положена въ двѣ строки для фортепіано, но тутъ же прихватывая тамъ и сямъ кое-что изъ партій солистовъ, напечатанныхъ выше, отдѣльными строками. Этого я еще не умѣлъ, да и никто при мнѣ еще этого не дѣлалъ. Я былъ въ великомъ удивленіи, и вмѣстѣ восхищеніи. Но скоро закричали: «Строиться», мы повыскакали вонъ изъ комнаты, и на томъ первая для меня музыка въ училищѣ кончилась. На другой день, въ одинъ изъ антрактовъ между классами, еще утромъ, я пошелъ въ залу, сыскалъ Сѣрова, и объявилъ ему, что желаю съ нимъ познакомиться, такъ какъ вотъ мы оба музыканты, и онъ прекрасно-отлично играетъ, и мнѣ нравится что̀ онъ играетъ, только я этого не слыхалъ и не знаю. Онъ сказалъ, что хорошо; мы тотчасъ подали другъ другу руки, и разговоръ пошелъ живой, быстрый. Оказалось, что наши отцы знакомы, встрѣчаются и вмѣстѣ засѣдаютъ въ коммисіи постройки Смольнаго собора (мой отецъ его тогда строилъ, а отецъ Сѣрова былъ въ ком-

мисіи однимъ изъ членовъ со стороны министерства финансовъ). Мы, конечно, говорили другъ другу: «вы», какъ это было тогда принято въ училищѣ въ сношеніяхъ между высшими и низшими классами, но это не мѣшало интимности, которая скоро между нами крѣпко завязалась. Мы слишкомъ во многомъ сходились, слишкомъ многимъ одинаково интересовались, и слишкомъ обо многомъ одинаково начинали подумывать. Притомъ же, домашнее воспитаніе и всѣ домашніе наши чтенія во многомъ слишкомъ сходились. Разница лѣтъ между нами была также не очень значительна: ему было 16 лѣтъ, мнѣ — 12.

В. В. Стасовъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ II.

Подъ этимъ заглавіемъ, нами даннымъ, печатаемъ здѣсь собственноручную рукопись А. С. Пушкина, не имѣющую заглавія, но очевидно составляющую отрывокъ изъ его записокъ. Подлинникъ принадлежитъ собранію автографовъ русскихъ дѣятелей П. Я. Дашкова и сообщенъ намъ П. А. Ефремовымъ. Отрывокъ этотъ былъ уже напечатанъ въ „Библіографическихъ Запискахъ, изд. 1859 г.", но не вполнѣ и не совсѣмъ исправно, между тѣмъ онъ безспорно имѣетъ значеніе для біографіи великаго писателя и характеристики его взглядовъ на прошедшія судьбы Россіи. Печатаемъ съ буквальною точностію.

Ред.

По смерти Петра I-го движеніе, переданное сильнымъ человѣкомъ, все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ государства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны на вѣки, воспоминанія старины мало по малу исчезали. Народъ, упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и русскій кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ европейскимъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизмъ по прежнему приносилъ свою непримѣтную пользу. Отечественные таланты стали изрѣдка появляться и щедро были награждаемы. Н........ наслѣдники сѣвернаго исполина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрною точностію подражали ему во всемъ, что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ азіятское невѣжество обитало при дворѣ! [1])

Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣд-

---

[1]) Сбоку приписано: „Доказательства тому царствованіе безграмотной Екатерины I, кроваваго злодѣя Бирона и сладострастной Елизаветы.

А. Пушкинъ.

ствія просвѣщенія: ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе чѣмъ Наполеонъ [1]). Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ его неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ щастію хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили-бъ или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили-бъ число дворянъ и заградили-бъ для протчихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло-бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крѣстьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ наряду съ просвѣщенными народами Европы. Памятниками неудачнаго боренія аристокраціи съ деспотизмомъ, остались только два указа Петра III-го о вольности дворянъ, указы, коими предки наши столько гордились и коихъ справедливѣе должны были бы стыдиться.

Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на щетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать пороки своихъ властителей, оно возбуждало . . . . . . соревнованіе въ высшихъ состояніяхъ; ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія втораго мѣста въ государствѣ. Много было званыхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ

---

[1]) Послѣ этого въ подлинной рукописи вычеркнуто: „Въ самомъ дѣлѣ, исторія представляетъ около его всеобщее рабство. Указъ разорванный кн. Долгорукимъ и письмо съ береговъ Прута приносятъ великую честь необыкновенной душѣ самовластнаго государя; впротчемъ всѣ состоянія, окованныя безъ разбора, были равны предъ его дубинкою. Все дрожало и пр.“

А. Пушкинъ.

спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ презрѣнію [1]). потомства, имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи. Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи.

(Приписка сбоку: «Безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціею и Россіею. Зачемъ Екатерина не совершила сего важнаго плана въ началѣ Франц. Револ., когда Европа не могла обратить дѣятельнаго вниманія на воинскія наши предпріятія, а изнуренная Турція намъ упорствовать? Это избавило бы насъ отъ будущихъ хлопотъ»).

Униженная Швеція и уничтоженная Польша, вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма подъ личиной кротости и терпимости: народъ, угнѣтенный намѣстниками, казну, расхищенную любимцами, покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, ... фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ (нарѣканія) Россіи.

Мы видѣли какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ, щедро ими раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, о славной роспискѣ Потемкина, хранимой до нынѣ въ одномъ изъ присудственныхъ мѣстъ государства,—(Приписка съ боку: «П. послалъ однажды адъютанта взять изъ казеннаго мѣста 100,000 р. Чиновники не осмѣлились отпустить эту сумму безъ письменнаго вида. П. на другой сторонѣ ихъ отношенія своеручно приписалъ: дать, ...»),—объ обѣзьянѣ графа Зубова, о кофейникѣ князя Куракина и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала. Ободренные таковою слабостію, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностію пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій, и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно

. . . .

---

[1]) Написано и зачеркнуто: „ненависти“.

Екатерина уничтожила званіе—справедливѣе названіе - рабства, а раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ—т. е. свободныхъ хлѣбопашцевъ—и закрѣпостила вольную Малороссію и Польскія провинціи. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ; Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ распространившій первый лучь его, перешелъ изъ рукъ Шишковскаго [1]) въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами и фонъ-Визинъ, котораго она боялась, не избѣгнулъ бы той же участи, еслибъ не чрезвычайная его извѣстность [2]).

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными; можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, неслышно насмѣшекъ на щетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ протчихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ.

Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ того, завися, какъ и всѣ протчія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это и имѣла свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень естественно; они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ, и по разсказамъ тѣхъ имянно, коимъ она позволяла путешествовать.

[1]) Домашній палачь кроткой Екатерины. А. Пушкинъ.

[2]) О Княжнинѣ извѣстіе совершенно не вѣрно, что доказано новѣйшими его біографами, а о фонъ-Визинѣ неизвѣстно на чемъ основано. Ред.

Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе; наказъ ее читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее наряду съ Титами и Траянами; но перечитывая сей лицемѣрный наказъ, нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа ...... въ коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истинны; но подлость русскихъ писателей для меня не понятна.

. . . .

. . . . Русскіе защитники самовластія въ томъ несогласны и принимаютъ славную шутку г-жи де-Сталь за основаніе нашей конституціи. . . . .

. . . .

2-го августа 1822 года.

Собственноручная замѣтка Екатерины II объ ошибкахъ въ государственномъ управленіи послѣ кончины Петра Великаго.

«Отъ кончины Петра перваго до восшествія императрицы Анны царствовала невѣжества собственная корысть и борствовалась склонность къ стариннымъ обрядамъ съ невѣдѣніемъ и непонимательствомъ новыхъ, введенныхъ Петромъ первымъ. Отъ сего родилось отрѣшеніе надворныхъ судовъ въ 1726 году, порученіе суда и расправы воеводамъ и губернаторамъ въ 1727; опредѣленіе, подписанное верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, и кое и нынѣ хранится въ иностранной коллегіи, чтобъ упустить во все флотъ, а армію не комплектовать; вѣрнѣйшій способъ, чтобъ завистливые сосѣди Россію по клочкамъ разобрали, какъ заблагоразсудятъ».

Сообщ. въ 1871 г. акад. П. П. Пекарскій.

По поводу статьи кн. А. И. Васильчикова о кн. М. Д. Горчаковѣ.

Сентябрьская книга «Русской Старины» изд. 1880 г., въ которой помѣщена статья г. Н. Б. о князѣ М. Д. Горчаковѣ получена была мною только въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Трудно выразить какъ глубоко былъ я огорченъ и всею этою злою статьею, и въ особенности тѣмъ еще, что нашелъ свое имя въ числѣ лицъ, на свидѣтельство которыхъ ссылается авторъ. Я поспѣшилъ послать въ редакцію почтеннаго журнала свое опроверженіе; но лишь только успѣлъ это сдѣлать, какъ была доставлена мнѣ октябрьская книга съ возраженіемъ князя А. И. Васильчикова на ту же статью г. Н. Б.

Возраженіе свое авторъ основываетъ на запискахъ покойнаго брата его, князя Виктора Илларіоновича, въ которыхъ, по его словамъ, описаны, между прочимъ, подробно дѣйствія князя Горчакова и мои въ достопамятную ночь 26-го августа 1855 г., когда надо было выводить по узкому мосту 60-ти тысячный гарнизонъ.

Объ этихъ запискахъ князя В. И. Васильчикова, какъ еще неизвѣстныхъ, ничего сказать невозможно, и во всякомъ случаѣ нельзя ссылаться на нихъ, какъ на авторитетъ.

Князь А. И. Васильчиковъ представляетъ изъ этихъ же записокъ своего брата въ пользу князя Горчакова слѣдующіе три факта:

1) Что онъ отправилъ въ Крымъ къ арміи кн. Меншикова первые резервы противъ мнѣнія фельдмаршала кн. Паскевича;

2) Что онъ одинъ въ своемъ штабѣ поддерживалъ предложеніе генерала Бухмейера о постройкѣ моста черезъ бухту, и

3) Что онъ также одинъ въ своемъ штабѣ поддерживалъ диспозицію для отступленія гарнизона.

Что касается первой изъ этихъ заслугъ, то важность ея вполнѣ оцѣнена Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и оцѣнка эта выражена въ самыхъ лестныхъ для князя Горчакова словахъ въ письмѣ Его Величества къ князю Паскевичу. Такъ какъ авторъ статьи упоминаетъ тутъ только объ оппозиціи со стороны фельдмаршала, то мнѣ нѣтъ повода прибавить къ этому что либо отъ себя.

Упоминая же о двухъ послѣднихъ фактахъ, авторъ статьи намекаетъ на оппозицію, встрѣченную будто бы княземъ Горчаковымъ въ его штабѣ. Такой намекъ побуждаетъ меня къ возстановленію истины въ этомъ отношеніи.

Первое предложеніе о постройкѣ моста черезъ бухту было сдѣлано начальникомъ инженеровъ въ арміи генералъ-лейтенантомъ Бухмейеромъ, вскорѣ по прибытіи князя Горчакова со штабомъ въ Севастополь. Предложеніе это было принято съ полнымъ сочувствіемъ, не только главнокомандующимъ, но и всѣми, окружавшими его лицами; оппозиція же явилась со стороны моряковъ, и во главѣ ихъ—достойнаго героя Севастопольскаго, адмирала Нахимова. Какъ доказательство этого, у меня сохранилось собственноручная его записка [1]) въ этомъ смыслѣ къ князю Горчакову. Мысль о постройкѣ моста черезъ рейдъ, гдѣ недавно еще красовались ряды стопушечныхъ кораблей, показалась старому моряку чудовищною. Посему, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, мнѣніе опытнаго адмирала, близко знакомаго съ особенностями Севастопольскаго рейда, а, съ другой стороны, сознавая, что успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ бóльшаго или меньшаго сочувствія со стороны морскаго вѣдомства (хотя и подчиненнаго главнокомандующему), имѣвшаго въ своемъ распоряженіи бóльшую часть средствъ, необходимыхъ для постройки моста,—князь Горчаковъ нашелъ себя вынужденнымъ отложить тогда (въ маѣ 1855 г.) исполненіе проэкта генерала Бухмейера. Въ концѣ іюня, къ общему глубокому сожалѣнію, убитъ былъ адмиралъ Нахимовъ.

Едва успѣли мы похоронить его, какъ генералъ Бухмейеръ выступилъ вновь съ своимъ проэктомъ, на томъ основаніи, что по смерти адмирала Нахимова, легче сдѣлалось преодолѣть оппозицію моряковъ. Предложеніе это тотчасъ было принято главнокомандующимъ, и затѣмъ немедленно сдѣланы были энергическія распоряженія по доставкѣ лѣса съ Днѣпра и по приступу къ работамъ.

Вотъ простая и правдивая исторія постройки моста черезъ Севастопольскій рейдъ. Вся честь этого дѣла принадлежитъ всецѣло генералу Бухмейеру, какъ въ отношеніи почина, такъ и въ отношеніи отличнаго, дешеваго и неимовѣрно скораго исполненія.

Совсѣмъ не понимаю, чтó князь А. И. Васильчиковъ желаетъ

---

[1]) Записка эта слѣдующаго содержанія:

„Севастополь, 27-го мая 1855 г.

„Спѣшу доложить вашему сіятельству, что изъявленное вами желаніе я, къ крайнему сожалѣнію, не нахожу возможнымъ выполнить; крѣпкій вѣтеръ и большое волненіе, случающіеся на рейдѣ, не допустятъ удержать плавучій мостъ въ желаемомъ положеніи. Чтó же касается до плотовъ, то они никакъ не въ состояніи замѣнить удобствъ, доставляемыхъ пароходами, ботиками, гребными судами, которые дѣлаютъ свои рейсы съ несравненною скоростью. При настоящихъ средствахъ транспортировки, мы можемъ перевезти до 20,000 въ одинъ рейсъ. Адмиралъ Нахимовъ.—е. с. князю М. Д. Горчакову“.

выразить словами, что князь Горчаковъ «одинъ въ своемъ штабѣ поддерживалъ диспозицію для отступленія гарнизона». Диспозиція эта была составлена въ штабѣ Севастопольскаго гарнизона, и противъ нея никто и никогда не спорилъ.

Можно бы представить гораздо болѣе фактовъ, и болѣе вѣрныхъ, и болѣе вѣскихъ въ доказательство высокихъ качествъ и многихъ значительныхъ заслугъ покойнаго князя Михаила Дмитріевича, но въ настоящемъ случаѣ задача моя состояла не въ томъ, чтобы исчислять и описывать всѣ его заслуги, а въ томъ только, чтобы скорѣе отстранить себя отъ всякой тѣни участія въ злословіи о человѣкѣ, котораго я всегда глубоко уважалъ, и въ томъ, чтобы для кого нибудь изъ читателей «Русской Старины» ссылка на меня въ статьѣ, заключающей такое злословіе, не показалась поддержкою въ распространеніи невыгоднаго мнѣнія о томъ, чью память чту и желалъ бы, чтобы всѣ чтили.

г. Н. Б. ссылается на меня въ разсказахъ, свидѣтельствующихъ, какъ князь Горчаковъ живо сознавалъ всякій свой недостатокъ, напр., недостатокъ практики въ командованіи; какимъ испытаніямъ онъ былъ подверженъ чрезъ ревность деспотическаго начальника, изъ преданности къ долгу службы (не изъ-за чего другаго, конечно); какъ доводило его иногда до мученій это чувство долга и совсѣмъ лишало не только сна, но и потребности спать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Н. Б. изъ всѣхъ полученныхъ имъ свѣдѣній выводитъ странное заключеніе, будто князь Горчаковъ, при высокомъ мнѣніи о самомъ себѣ, былъ нулемъ на тѣхъ важныхъ мѣстахъ, которыя онъ занималъ.

Только при недостаткѣ логики можно, по прочтеніи статьи г. Н. Б., сдѣлать меня участникомъ въ его выводахъ, единственно на томъ основаніи, что въ статьѣ этой сдѣланы ссылки и на меня. Я этого опасался однакоже и, какъ оказывается, не напрасно.

.... Можно оспаривать правдивость приводимыхъ фактовъ или правильность выводовъ изъ фактовъ, но нельзя опровергать голословныя обвиненія, основываясь единственно на чьихъ нибудь воззрѣніяхъ или мнѣніяхъ его брата......

Графъ Павелъ Коцебу.

г. Ревель.
4-го ноября 1880.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ИЛЬИ ВАСИЛЬЕВИЧА СЕЛИВАНОВА

О ПЕНЗЕНСКОЙ СТАРИНѢ

1848 г.

Съ чувствомъ глубокаго огорченія прочелъ я помѣщенныя въ двухъ книгахъ „Русской Старины“ 1880 года статьи И. В. Селиванова, столь мрачными красками описывающія время управленія пензенскою губерніею губернаторомъ П. Статьи эти написаны г. Селивановымъ подъ вліяніемъ убѣжденія, что причиною ссылки его изъ Москвы на житье въ Вятку были происки и доносъ на него будто бы отъ П—ва сдѣланный; и вотъ, Селивановъ, написалъ то, что теперь читаетъ и чему, статься можетъ, вѣритъ вся Россія, за исключеніемъ, конечно, жителей пензенской губерніи, гдѣ, безъ сомнѣнія, съумѣютъ оцѣнить разсказы г. Селиванова по ихъ достоинству.

Обвиняя г. П., г. Селивановъ въ хронику свою не забылъ помѣстить и меня, представивши въ искаженномъ и обидномъ для меня видѣ разсказъ о ссорѣ моей съ управлявшимъ въ 1848 году пензенскою палатою государственныхъ имуществъ. Такой поступокъ г. Селиванова поставляетъ меня въ необходимость объ этой, не имѣвшей ни серіознаго значенія, ни послѣдствій, ссорѣ, разсказать въ томъ видѣ, въ какомъ она происходила дѣйствительно. И опять, я дѣлаю это не для пензенскихъ жителей, которымъ хорошо извѣстенъ былъ, въ свое время, случай, отмѣченный г. Селивановымъ, но журналъ, въ которомъ онъ напечаталъ свои „Воспоминанія“, читается всею Россіею и не могу же я допустить, чтобы кто нибудь, хотя и совсѣмъ меня незнающій, счелъ благороднаго человѣка способнымъ перенести, безнаказанно для обидчика, оскорбленіе, которое, по словамъ повѣствователя, было, будто бы, нанесено мнѣ упомянутымъ чиновникомъ. Я прямо говорю мнѣ, и подписываю здѣсь свою фамилію, потому что правителемъ губернаторской канцеляріи въ Пензѣ и дѣлопроизводителемъ холернаго комитета въ описываемое время былъ я, хотя фамилія моя и не напечатана вполнѣ, а ограничена буквою М., какъ поступлено и съ прочими, помѣщенными въ разсказахъ г. Селиванова фамиліями.

И. В. Селивановъ пишетъ, что разсказъ о ссорѣ и причинахъ ея онъ слышалъ, будто бы, отъ самаго управлявшаго палатою государственныхъ имуществъ; но я плохо этому вѣрю и думаю, что разсказъ этотъ, ежели онъ не принадлежитъ изобрѣтательности самаго г. Селиванова, онъ слышалъ отъ кого нибудь другаго. Во первыхъ, этотъ чиновникъ не могъ разсказывать г. Селиванову того, чего не было; во вторыхъ, какъ же это случилось, что г. Селивановъ, разсказывая о взаимной съ этимъ лицомъ пріязни, не знаетъ, между тѣмъ, его фамиліи? Онъ вездѣ означаетъ его фамилію буквою О, а фамилія эта начинается съ буквы П., стало быть, разсказъ о взаимной пріязни становится, по меньшей мѣрѣ, сомнительнымъ.

По словамъ г. Селиванова, все дѣло возникло, будто бы, изъ удаленія отъ управлявшаго палатою государственныхъ имуществъ того врача, который

лѣчилъ его по случаю перелома ноги. На дѣлѣ было совсѣмъ не то: ни о врачѣ, ни объ удаленіи его отъ больнаго не было ни переписки, ни распоряженія. Но управлявшій палатою, остановившись въ уѣздномъ городѣ Чембарѣ по случаю ушиба (а не перелома) ноги, позволилъ себѣ измѣнить, по вѣдомству государственныхъ имуществъ, нѣкоторыя изъ распоряженій холернаго комитета, на что̀, по закону, не имѣлъ права, и, приведя свои предположенія въ дѣйствительное, вопреки предписаннымъ мѣрамъ, исполненіе, самъ же донесъ о томъ губернатору. Донесеніе это было предложено комитету, а этотъ послѣдній о самовольномъ поступкѣ П. заключилъ: донести высшему начальству, что и было исполнено. Это было еще лѣтомъ, въ самый, такъ сказать, разгаръ холеры; но въ ноябрѣ, управлявшій палатою, поправившись послѣ ушиба, возвратился въ Пензу и явился не ко мнѣ, какъ пишетъ г. Селивановъ, а прямо въ присутствіе комитета, во время бывшаго засѣданія; а по окончаніи этого засѣданія, изъявилъ желаніе прочитать всѣ, состоявшіяся во время его отсутствія, положенія. Само собою разумѣется, что ему не нужны были всѣ положенія; ему хотѣлось видѣть только то изъ нихъ, которое его обвинило; но такъ какъ онъ, по званію члена комитета, имѣлъ полное право на свое требованіе, то, по приказанію губернатора, я принесъ и передалъ г. П. всѣ положенія, безъ исключенія. Очевидно, стало быть, что ни наглости, ни приписываемаго мнѣ г. Селивановымъ отвѣта, съ моей стороны не было. Послѣ того, члены комитета разъѣхались; ушелъ въ свои комнаты и губернаторъ, и когда мы съ П. остались въ залѣ одни, онъ, прочитавши именно одно только упомянутое положеніе, тономъ начальника поручилъ мнѣ заготовить для него частную съ этой бумаги копію, при чемъ позволилъ себѣ обидныя для членовъ комитета выраженія. Порученіе П. и отзывъ его о членахъ комитета меня возмутили и я отвѣтилъ ему, что поручать мнѣ что либо онъ не имѣетъ права, такъ какъ я ему не подчиненъ, и что копіи, безъ разрѣшенія начальства, выдать не могу. Что же касалось до мнѣнія его о членахъ комитета, которое онъ выразилъ такъ безцеремонно, то, руководствуясь собственнымъ его примѣромъ, далъ на этотъ счетъ такой отвѣтъ, какой нашелъ приличнымъ случаю. Взбѣшенный рѣзкостью моего отвѣта, П. отправился къ губернатору на меня жаловаться; вслѣдъ за нимъ пошелъ туда же и я, собравши прежде разбросанныя по столу бумаги. Хотя въ кабинетѣ губернатора и въ его присутствіи ссора между мною и П. продолжалась, но до рукопашнаго боя, о которомъ пишетъ г. Селивановъ, она, конечно, не доходила: дѣйствія подобнаго рода не могли ни быть допущены губернаторомъ, ни остаться безъ слѣдствія, суда и отвѣтственности. Вся эта исторія, какъ случай частный, не имѣлъ для П. тѣхъ послѣдствій, о которыхъ пишетъ г. Селивановъ: П. точно былъ причисленъ къ министерству въ слѣдующемъ году, но совсѣмъ по другимъ дѣламъ, для разслѣдованія которыхъ былъ присланъ изъ Петербурга особый чиновникъ.

Въ заключеніе статьи, помѣщенной въ іюльской книгѣ „Русской Старины", изд. 1880 г. томъ XXVIII, стр. 484, г. Селивановъ, однако же, сдѣлалъ мнѣ честь, говоря, что я „значилъ много". Но и это неправда: я былъ только дѣятельнымъ и исправнымъ правителемъ губернаторской канцеляріи; занимая эту должность при двоихъ губернаторахъ около 26-ти лѣтъ, я могу похвалиться одной развѣ моей исправностью, а не „важностію и значеніемъ", которыя приписываетъ мнѣ г. Селивановъ и которыхъ, въ дѣйствительности, я не имѣлъ.

Отъ предмета, собственно до меня касающагося, я не могу не обратиться къ нѣкоторымъ изъ прочихъ подробностей, помѣщенныхъ въ статьяхъ г. Селиванова. Нельзя ни у кого отнять права дѣлать свои предположенія о причинахъ того, или другаго событія; но между предположеніями и дѣйствительностью цѣлая бездна и первыя легко могутъ быть ошибочны. Селивановъ увѣряетъ, что причина его ареста и ссылка на житье въ Вятку были, будто бы, происки и доносъ, сдѣланный на него бывшимъ губернаторомъ П—ва. Я, съ своей стороны, никакъ этого не нахожу. Мнѣ нѣтъ никакой надобности оправдывать это лицо предъ г. Селивановымъ; но я пишу то, въ чемъ убѣжденъ, руководясь тѣмъ же правомъ предполагать, которымъ руководствуется и самъ г. Селивановъ. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано его убѣжденіе? Ежели доносъ, чей бы то ни было, былъ, то его конечно не показывали Селиванову въ III отдѣленіи, гдѣ, какъ извѣстно, дѣла производились въ строгой тайнѣ, да и самъ онъ не пишетъ, чтобы такой доносъ былъ ему предъявленъ. Въ случаѣ предъявленія губернаторскаго доноса, Селивановъ могъ, съ своей стороны, предъявить выданные ему губернаторомъ аттестаты о его благонадежности; а это было бы сильнымъ противодѣйствіемъ доносу. Сверхъ того, имѣвшіяся въ III отдѣленіи о г. Селивановѣ свѣдѣнія развѣ не могли дойти туда другимъ путемъ? При такихъ дѣятельныхъ, и расторопныхъ жандармскихъ штабъ-офицерахъ, каковы были въ Пензенской губерніи подполковники Мишо и Родивоновскій (въ описываемое время въ Пензѣ былъ, кажется, послѣдній изъ нихъ) не легко было увернуться отъ ихъ наблюденій. Вѣдь самъ же онъ пишетъ о какомъ-то портретѣ, о какомъ-то билетѣ, открытія которыхъ опасался при произведенномъ у него обыскѣ? Зачѣмъ же, вслѣдствіе какихъ и съ кѣмъ сношеній имѣлъ онъ у себя предметы, которые, какъ онъ самъ сознается, могли ему повредить еще больше? Вѣдь самъ же онъ пишетъ еще, будто бы ему было объявлено, что онъ ссылается въ Вятку „за превратный образъ мыслей, выраженный въ литературныхъ его сочиненіяхъ и въ частной перепискѣ“. Эти литературныя сочиненія, ежели онѣ были въ печати, читались, слѣдовательно, публикой и, стало быть, не могли не быть извѣстными и правительству; о частной перепискѣ г. Селиванова губернаторъ П. не могъ имѣть ни свѣдѣнія, ни понятія. Наконецъ, не могло развѣ случиться, что, при арестѣ какого нибудь другаго лица, подобно г. Селиванову заподозрѣннаго въ неблагонадежности, нашлась переписка, его компрометирующая, вслѣдствіе чего сдѣлано было распоряженіе и въ отношеніи къ нему самому? Убѣжденіе г. Селиванова основано на предположеніи; въ противоположность, и я выставилъ предположеніе, и не одно, а нѣсколько,—одно другаго вѣроятнѣе. Но я не стану больше на этотъ счетъ распространяться; а въ концѣ концовъ выйдетъ все-таки одно: ежели доносъ отъ кого либо дѣйствительно существовалъ, то, повидимому, онъ оказался основательнымъ, хотя авторъ статьи и старается доказать противное; онъ былъ обвиненъ, осужденъ и наказанъ; а у насъ на Руси, благодаря Бога и правосудное правительство, правыхъ виноватыми не дѣлаютъ и не дѣлали, а невинныхъ не наказываютъ и не наказывали.

Въ разсказѣ своемъ г. Селивановъ описываетъ бывшаго губернатора П., какъ человѣка корыстолюбиваго, какъ взяточника, хотя, въ дѣйствительности, П—ва нельзя было упрекнуть ни въ одномъ изъ этихъ качествъ; обвиняетъ его еще въ томъ, что онъ, будто бы, захватывалъ деньги въ приказѣ общественнаго призрѣнія, отъ чего дворяне по нѣскольку лѣтъ не получали изъ при-

каза ссудъ. Ежели бы это послѣднее обстоятельство было вѣрно, то, конечно, оно возбудило бы справедливое негодованіе и ропотъ дворянства; но дворянство, напротивъ, всегда старалось доказать П—ву свое уваженіе. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ празднованіе, въ 1856 году, съ высочайшаго соизволенія, 25-ти лѣтняго юбилея управленія П. пензенскою губерніею. Мысль объ этомъ празднованіи, во время отсутствія П. въ С.-Петербургѣ, возникла въ средѣ дворянства и разрѣшеніе на этотъ предметъ было испрошено губернскимъ предводителемъ генералъ-лейтенантомъ **Араповымъ**. На имя этого послѣдняго была прислана, для передачи П. во время самаго празднованія, высочайше пожалованная золотая, украшенная алмазами табакерка, съ портретомъ государя императора (отличіе, котораго до тѣхъ поръ не удостоился никто изъ современныхъ губернаторовъ), при высочайшемъ рескриптѣ, полномъ самыхъ милостивыхъ выраженій, одобряющихъ службу П. Какія же, послѣ всего этого, нужны еще доказательства тому, какъ цѣнилась и одобрялась служебная его дѣятельность? Ежели бы обвиненія П. въ корыстолюбіи были справедливы, то послѣ П., конечно, осталось бы состояніе; между тѣмъ, когда, въ январѣ 1867 г., П. скончался, послѣ него не нашлось денегъ, необходимыхъ на погребеніе, и вдова его принуждена была ихъ занять.

Вотъ случай, характеризующій П. по отношенію къ откупщикамъ. Въ 1857 или 1858 году, когда онъ былъ еще губернаторомъ, и, стало быть, по словамъ г. Селиванова, могъ брать деньги съ откупщиковъ, понадобились ему шесть тысячъ рублей на производство винокуренія по принятому на себя для казны подряду. Этихъ денегъ у него не было и онъ долго и безполезно старался ихъ занять; послѣ всѣхъ поисковъ, по необходимости, пришлось обратиться съ займомъ къ откупщику. Этотъ послѣдній охотно далъ нужную сумму, но П. не хотѣлъ взять денегъ безъ обезпеченія; залогами послужили: a) упомянутая жалованная табакерка, которая одна стоила дороже занятой суммы, b) другая такая же съ брилліантами табакерка, доставшаяся отъ отца, и c) табакерка съ богатой эмалью, доставшаяся отъ графа Орлова-Чесменскаго. Всѣ эти вещи, стоившія больше 10,000 руб, по поставкѣ вина, были, конечно, выкуплены; но алмазы и брилліанты вскорѣ потомъ были вынуты, замѣнены стразами, проданы и прожиты. Теперь, похожъ-ли этотъ фактъ на безобразный разсказъ о другомъ откупщикѣ, помѣщенный въ статьѣ И. В. Селиванова и на тѣ отношенія къ откупщикамъ вообще, о которыхъ онъ повѣствуетъ?

Въ заключеніе своей статьи г. Селивановъ разсказываетъ, что, послѣ ревизіи сенатора Сафонова, бывшій губернаторъ П. былъ уволенъ сенатомъ и опубликованъ. Здѣсь каждое слово неправда. Вопервыхъ, авторъ или забылъ, или совсѣмъ не знаетъ, что губернаторы опредѣляются и увольняются не Сенатомъ, а высочайшею властію; во вторыхъ, ревизія сенаторская, которою собственно противъ П. ничего открыто не было, на выходъ его въ отставку не имѣла никакого вліянія и П., ходатайствуя о своемъ увольненіи, только исполнилъ принятое имъ еще прежде намѣреніе, вызванное разстройствомъ здоровья отъ трудовъ 50-лѣтней службы. Въ іюлѣ 1859 года, рѣшившись окончательно, онъ написалъ о томъ всеподданнѣйшее прошеніе, которое, для поднесенія на высочайшее усмотрѣніе, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому. Эти бумаги, само по себѣ разумѣется, и теперь на лицо въ министерствѣ. Августа 14-го послѣдовалъ высочайшій приказъ объ увольненіи П. отъ службы **по прошенію**; вслѣдъ за тѣмъ, послѣдовали: разрѣшеніе носить въ отставкѣ губернаторскій мундиръ и назначеніе пенсіи; а ни того, ни другаго не могло бы быть,

если бы П—въ былъ удаленъ и опубликованъ,—такого опубликованія не было. Я ссылаюсь на факты; въ справедливости ихъ каждый, кто пожелаетъ, можетъ удостовѣриться по высочайшимъ приказамъ того времени.

Г. Селивановъ разсказываетъ о набережной, поглотившей, по словамъ г. Селиванова, будто бы десятки тысячъ рублей, между тѣмъ, какъ постройка ея даже еще не начиналась.

Никакой набережной никогда въ Пензѣ строить не предполагалось; но вотъ въ чемъ дѣло. Въ 1824 году, т. е. за 7 лѣтъ до вступленія П. въ должность губернатора, Пензу осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ блаженной памяти императоръ Александръ Павловичъ; при обозрѣніи города государь, замѣтивши обвалы береговъ рѣки Пензы, изволилъ пожаловать на укрѣпленіе ихъ 20,000 руб. ассигнаціями. Въ слѣдовавшемъ же году (1825) укрѣпленіе это, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, было начато и кончено; но такъ какъ оно было деревянное и оставалось безъ поддержки по неимѣнію средствъ на ремонтъ, то понятно, что весенніе разливы рѣки постепенно каждый годъ разрушали постройку; такъ что къ пріѣзду въ Пензу П—ва отъ нея осталось только нѣсколько столбовъ, которые и теперь торчатъ изъ берега. Стало быть, повѣствованіе г. Селиванова о томъ, что къ прибытію сенатора Сафонова постройка еще не началась—вполнѣ невѣрно; постройка эта была не только начата, не только окончена, но даже и уничтожена еще до вступленія П. въ должность,—еще при губернаторѣ Лубяновскомъ; слѣдовательно, дѣло это до преемника послѣдняго и относиться не могло. Я скажу однакоже, что на счетъ этой постройки при ревизіи былъ оффиціальный вопросъ отъ сенатора; но, получивши оффиціальный же отвѣтъ въ упомянутомъ выше смыслѣ, сенаторъ удовлетворился имъ вполнѣ и никакой никогда не существовавшей набережной не отыскивалъ. Пріѣздъ сенатора совсѣмъ не былъ неожиданнымъ; о назначеніи ревизіи былъ давно полученъ сенатскій указъ и для сенатора была уже приготовлена и квартира.

Отъ П—ва я обращусь теперь къ чиновнику порученій при губернаторѣ, К. (Караулову, давно уже умершему). Здѣсь рѣчь идетъ о такомъ человѣкѣ, котораго я началъ знать 60 лѣтъ тому назадъ, когда онъ, молодой офицеръ, послѣ отечественной войны, возвратился въ Пензу съ прусскимъ орденомъ „за заслуги“ на шеѣ. Когда я, слишкомъ полвѣка назадъ, поступилъ на службу, знакомство мое съ Карауловымъ сдѣлалось болѣе близкимъ, хотя и прежде мы видѣлись часто, такъ какъ семейства наши были въ хорошихъ между собой отношеніяхъ; потомъ, съ 1835 по 1859 г. мы служили вмѣстѣ: я, правителемъ губернаторской канцеляріи, онъ чиновникомъ порученій. Родившись въ Пензѣ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія и проживши тамъ слишкомъ 60 лѣтъ, я, стало быть, имѣю полное право называться пензенскимъ старожиломъ; но во все время жительства моего въ Пензѣ до переѣзда въ Казань, я никогда ни отъ кого не слыхивалъ о томъ, что Карауловъ, будто бы, былъ когда-то показанъ умершимъ, во избѣжаніе тяжкаго уголовнаго наказанія, тѣмъ болѣе, что онъ, во весь свой вѣкъ, ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ ни за что не бывалъ. Онъ долго служилъ по выборамъ дворянства; слишкомъ 24 года былъ потомъ чиновникомъ особыхъ порученій и умеръ въ 1862 году, бывши пензенскимъ уѣзднымъ судьею. По какимъ-же документамъ выбирали и опредѣляли лицо, давно умершее? Какъ попалъ онъ опять въ число живыхъ? Вѣдь такой подлогъ могъ совершиться не иначе, какъ при участіи, потворствѣ и даже при содѣйствіи губернскаго начальства; между тѣмъ, Карауловъ былъ извѣстенъ губернаторамъ

Сперанскому, Лубяновскому, Панчулидзеву, графу Толстому и Купріянову въ продолженіи около полустолѣтія; стало быть, И. В. Селивановъ обвиняетъ всѣхъ этихъ лицъ въ потворствѣ подлогу. Правда, онъ говоритъ, что разсказъ его объ этомъ основанъ на народной молвѣ, но странно, что онъ слышалъ то, чего, кромѣ него, не слыхалъ никто.

Далѣе г. Селивановъ разсказываетъ о двоихъ совѣтникахъ; фамиліи одного онъ не называетъ, о другомъ, А. (Андрѣевъ), также давно умершемъ, говоритъ, какъ о фактотумѣ бывшаго губернатора П—ва. Никогда и никто у П. не былъ фактотумомъ,—въ лицахъ такого рода онъ не имѣлъ надобности. О другомъ совѣтникѣ, не зная его фамиліи, сказать ничего не могу; но прибавлю, что такія дѣйствія, какія, по словамъ г. Селиванова, дозволялъ себѣ этотъ совѣтникъ, не могли бы остаться не извѣстными и не наказанными; но ни о чемъ подобномъ въ Пензѣ и слуховъ не было. Впрочемъ, неправдоподобіе слуховъ само по себѣ бросается въ глаза: какъ, въ самомъ дѣлѣ, отыскивая лошадь пропавшую, дѣлать обыскъ въ сундукѣ?

Гласность, во всякомъ случаѣ, благодѣтельна, и во имя той-же гласности и, еще больше, во имя правды,—я вполнѣ убѣжденъ, что послѣ появленія въ „Русской Старинѣ" статей И. В. Селиванова, на страницахъ того-же журнала дано будетъ мѣсто и моему на нихъ возраженію.

Статскій совѣтникъ **Григорій Мѣшковъ**,
пензенскій дворянинъ.

ОПЕЧАТКИ въ томѣ XXIX „Русской Старины" изд. 1880 г.

					напечатано:	читай:
Стр.	114	6	строка	сверху	ганералъ	генералъ
„	124	10	„	снизу	до селѣ	доселѣ
„	130	8	„	сверху	егоавто біографіи	его автобіографіи
„	183	7	„	снизу	почучить	получить
„	199			сверху		198
„	210	14	„	снизу	Государю	Государь
„	211	3	„	сверху	l'Emperatrice	l'Impératrice
„	217	1	„	сверху	Д. М. Деларю	М. Д. Деларю
„	234	слѣд.	стран.		135—150	235—250
„	294	18	строка	снизу	ни вѣки	на вѣки
„	357	11	„	сверху	свещенники	священники
„	424			сверху	М. И. Деларю	М. Д. Деларю
„	—	слѣд.	стран		426	425
„	645	первая	стрк.	сверху	духовныхъ подвиговъ	духовныхъ трудовъ

Поправка. Ода „Ротный Командиръ" написана не Муромцевымъ (стр. 181), а П. Н. Семеновымъ. Первое изданіе этой оды въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1861 г. [См. „Русскую Старину", изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 359].

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1880 году.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

Окончивъ одиннадцатый годъ нашего изданія и приступая къ обзору содержанія выпущенныхъ въ этомъ году 12-ти книгъ „Русской Старины“, мы, прежде всего, должны отмѣтить два весьма многознаменательныхъ, вполнѣ историческихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ истекшемъ году, и на которыя „Русская Старина“ долгомъ сочла откликнуться. Мы разумѣемъ юбилей 25-лѣтняго царствованія Государя Императора и открытіе памятника величайшему поэту нашему Пушкину.

Съ самаго начала нашего изданія мы дали характеръ оному таковъ, что „Русская Старина“ отнюдь не являлась и не является складомъ архивныхъ лишь свѣдѣній, имѣющихъ значеніе и интересъ въ тѣсномъ, такъ сказать, въ археографическомъ, а тѣмъ менѣе археологическомъ смыслѣ; напротивъ, наше изданіе постоянно откликалось на событія историческія современной жизни нашего отечества. Разумѣется, этотъ откликъ былъ своеобразный, совершенно соотвѣтственный программѣ нашего изданія. Чествовалось ли лицо, праздновалось ли какое нибудь историческое событіе, загоралась ли борьба на той или другой окраинѣ нашего отечества,—мы представляли соотвѣтственную историческую справку объ однородномъ событіи недавняго времени, либо групировали историческія воспоминанія о прошедшемъ чествуемаго лица, или представляли воспоминанія, разсказы и очерки, относящіеся до того событія, память о которомъ такъ или иначе

чествовалась въ это время. Въ подтвержденіе сказаннаго, мы могли бы представить длинный перечень, за время одиннадцатилѣтняго изданія „Русской Старины", списокъ изслѣдованій, очерковъ и историческихъ матеріаловъ, появлявшихся на страницахъ этого изданія вполнѣ, такъ сказать, своевременно.

Тѣмъ менѣе могли мы остаться равнодушными къ такому событію, которое съ ликованіемъ и восторгомъ ожидалось и затѣмъ встрѣчено было всею Россіею. Мы говоримъ о праздновании дня 19 февраля 1880 г.

Февральская книга „Русской Старины" 1880 г. дала обильный матеріалъ нашимъ соотечественникамъ для драгоцѣнныхъ воспоминаній объ истекшемъ XXV-ти-лѣтіи.

Мы имѣли счастіе украсить страницы нашего изданія актомъ величайшей важности, притомъ появившемся въ печати впервые: такова рѣчь царствующаго Государя Императора, произнесенная 28 января 1861 г., въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта.

Государь Императоръ, открывая собраніе совѣта, приступившаго къ разсмотрѣнію проектовъ законоположеній объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, изволилъ, въ довольно длинной рѣчи, изложить исторію возникновенія мысли объ освобожденіи крестьянъ и разработки этой мысли до самаго того момента, когда были созданы помянутые проекты.

Эта рѣчь—яркая картина всего хода этого наиважнѣйшаго и величайшаго акта въ исторіи нашего отечества—сама по себѣ уже есть наидостойнѣйшій памятникъ Царю-Освободителю. Но, независимо отъ этой рѣчи, „Русская Старина", на страницахъ своего изданія, по поводу дня 19-го февраля 1880 г., соединила цѣлый рядъ монографій, записокъ-воспоминаній, очерковъ и документовъ, воскресившихъ въ памяти наиболѣе достопамятныя событія послѣдняго двадцати-пяти-лѣтія, а, вмѣстѣ съ ними, и память о сошедшихъ съ земнаго поприща главнѣйшихъ сподвижникахъ Государя-Освободителя. Таковыя событія, какъ освобожденіе крестьянъ; созданіе новыхъ судовъ и судебныхъ уставовъ; отмѣна винныхъ откуповъ въ Россіи; отмѣна тѣлесныхъ наказаній; нѣкоторое улучшеніе въ положеніи печати; развитіе и быстрый ростъ научныхъ, историческихъ и въ особенности политическихъ знаній въ Россіи, въ связи съ необыкновеннымъ увеличеніемъ числа ученыхъ учрежде-

нiй и учебныхъ, отъ низшихъ до высшихъ, заведенiй; покоренiе Кавказа; завоеванiя въ центральной Азiи; великая борьба за освобожденiе славянъ — борьба, ознаменованная высокогероическими подвигами, а съ другой стороны, рядъ воспоминанiй о преданныхъ своему долгу искреннѣйшихъ подвижникахъ реформъ, каковы: гр. Я. И. Ростовцевъ, гр. С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ, Н. А. Милютинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскiй, кн. А. И. Барятинскiй, С. М. Жуковскiй, Я. А. Соловьевъ и нѣкоторые другiе—все это столь благодарный предметъ для историческихъ воспоминанiй, бiографическихъ очерковъ и монографiй, что намъ не трудно было и по поводу помянутыхъ событiй, и по поводу перечисленныхъ лицъ представить рядъ вполнѣ интересныхъ и даже совершенно новыхъ данныхъ.

Несравненно труднѣе, повидимому, было представить что-либо новое и дѣйствительно интересное по поводу воспоминанiя о Пушкинѣ. Между тѣмъ сооруженiе, а затѣмъ открытiе памятника великому отечественному поэту требовало этого, и мы, сознавая необходимость во всей полнотѣ воскресить память о дорогомъ всей грамотной Россiи писателѣ, еще съ прошлаго 1879 г., начали печатать, въ формѣ бiографическаго очерка, сводъ всѣхъ матерiаловъ, какiе были въ нашемъ распоряженiи по отношенiю къ Пушкину, его жизни и литературной дѣятельности.

Выше мы упомянули, что сказать о Пушкинѣ что-либо новое представляется дѣломъ не легкимъ. Если въ царствованiе Николая Павловича, въ теченiе 17 лѣтъ, протекшихъ съ 1837 года, послѣ роковой кончины Пушкина, до 1855 г., явилось въ печати, говоря относительно, довольно не много о Пушкинѣ, и изъ нихъ самое замѣчательное—рядъ превосходныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго, но не о жизни, а о сочиненiяхъ Пушкина,—то, за то съ самаго начала новой эры въ жизни русскаго народа, т. е. съ 19 февраля 1855 г., явилась цѣлая литература, посвященная разработкѣ бiографiи и болѣе полной оцѣнкѣ значенiя всѣхъ произведенiй Пушкина въ связи съ его бiографiею. Съ 1855 г. въ печати появилось столь много драгоцѣнныхъ матерiаловъ, и между ними не десятки, а сотни писемъ самаго Пушкина, что сказать послѣ двадцатипятилѣтняго перiода разработки этой драгоцѣнной жизни и произведенiй Пушкина, сказать что-нибудь о немъ новое, было бы дѣйствительно трудно; тѣмъ не менѣе, въ помянутомъ очеркѣ,

протянувшемся чрезъ нѣсколько книгъ прошлаго и настоящаго года изд. „Русской Старины“ (1879 и 1880 гг.), мы, частію, извлекли изъ мало извѣстнаго и давно забытаго изданія, каковы „Библіографическія Записки“, матеріалы, напечатавъ ихъ значительно полнѣе, безъ прежнихъ цензурныхъ урѣзокъ, частію представили совершенно новый, до сихъ поръ неизданный матеріалъ. Помянутый очеркъ составленъ однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ и затѣмъ весьма внимательно, въ каждой мельчайшей его подробности, просмотрѣнъ и дополненъ редакторомъ послѣдняго собранія сочиненій Пушкина, Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ, этимъ добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ и знатокомъ исторіи отечественной литературы. Наряду съ біографическимъ матеріаломъ, такъ сказать, первичнаго достоинства, „Русская Старина“ въ изд. 1880 г. представила, на своихъ страницахъ, воспоминанія нѣкоторыхъ современниковъ А. С. Пушкина: знаменитая артистка Александра Михайловна Каратыгина, рожденная Колосова, и нѣкто Н. Б. Потокскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о личномъ знакомствѣ съ поэтомъ, воскресили драгоцѣнныя черты нравственнаго облика Пушкина. Наконецъ, нѣсколько стихотвореній Пушкина, благодаря вновь найденнымъ подлиннымъ его рукописямъ, явились въ „Русской Старинѣ“, въ новой, лучшей, вполнѣ исправной, редакціи, таковы: „Посланіе къ Всеволожскому“, „Моя родословная“, „Посланіе къ А. Ѳ. Орлову“. Наконецъ, въ статьѣ „Жобаръ и Пушкинъ“, составленной по вновь открытымъ матеріаламъ, впервые напечатаны весьма интересныя подробности, выясняющія причины того мрачнаго состоянія духа, въ которое ввергнутъ былъ Пушкинъ въ концѣ 1836 г., и которымъ объясняется, до нѣкоторой степени, вызванная имъ катастрофа—его преждевременная смерть.

II.

Обращаясь, затѣмъ, по примѣру предыдущихъ годовъ, къ обзору двѣнадцати книгъ одиннадцатаго года „Русской Старины, мы должны сказать, что и нынѣ остались вѣрны своей программѣ, и по каждому ея отдѣлу представили какъ статьи обработанныя, такъ и матеріалъ сырой, смѣемъ думать, не маловажный по значенію своему и по интересу. Главнѣйшія груп-

пы, на какія распадается все, что входитъ въ составъ „Русской Старины“, суть слѣдующія: отечественная исторія, исторія русской словесности и, наконецъ, исторія художествъ и искуствъ въ Россіи.

Въ челѣ первой группы мы всегда ставили и ставимъ Записки-мемуары и Воспоминанія отечественныхъ дѣятелей.

Изъ таковыхъ Записокъ, напечатанныхъ въ 1880 г., въ хронологическомъ порядкѣ по содержанію, должно упомянуть объ „Описаніи духовныхъ трудовъ и случаевъ жизни священника Ѳеодосія Левицкаго, бывшаго, благодатіею Божіею, подъ именемъ Ѳеодора, свидѣтеля приблизившагося суда и царствія Божія, самимъ имъ писанное въ 1835 г.“ Значеніе этихъ Записокъ и пламенно религіозныхъ увлеченій ихъ автора весьма вѣрно оцѣнены профессоромъ Н. А. Астафьевымъ въ предисловіи къ жизнеописанію от. Левицкаго. Личность отца Ѳеодосія высоко симпатична, именно по своей искренности и беззавѣтной преданности тѣмъ идеямъ, служенію которымъ онъ себя посвятилъ и исповѣдникомъ которыхъ былъ и предъ лицомъ императора Александра I, и въ своихъ посланіяхъ къ нему и къ сильнымъ міра тогдашняго, и, наконецъ, въ проповѣдяхъ своихъ, которыя привели его въ заточеніе, въ Коневскій монастырь. Чисто въ историческомъ отношеніи, Записки эти цѣнный матеріалъ для исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра Павловича. Вообще же, именно такого рода Записками, составляющими полную исповѣдь души общественнаго дѣятеля того или другаго времени, мы всегда особенно дорожили и будемъ дорожить; въ такого рода документахъ намъ дорого каждое слово автора, и мы печатаемъ ихъ съ особенною тщательностію, стараясь издать ихъ отнюдь не по копіямъ, а непремѣнно по подлинной рукописи автора; съ такою именно тщательностію воспроизведены нами на стр. „Русской Старины“ 1880 г. и автобіографическія записки Ѳеодосія Левицкаго.

Записки покойнаго профессора и знаменитаго писателя о русской церкви и русскомъ духовенствѣ Д. И. Ростиславова имѣютъ другой характеръ и другое значеніе, отнюдь, впрочемъ, не маловажное. Это рядъ бытоописательныхъ картинъ русскаго народа и преимущественно духовенства, за время почти сто лѣтъ тому назадъ, и при томъ во всѣхъ проявленіяхъ этого быта. „Нынѣ

думаютъ и принимаютъ за истину",—такъ объясняетъ самъ авторъ цѣль и значенiе своихъ записокъ,—„что исторiя слагается не изъ однихъ царей, генераловъ и министровъ; что ей нужна жизнь народовъ, а съ жизнiю народа русскаго я былъ знакомъ хорошо, и мои бiографическiя записки, касаясь этой жизни, не будутъ лишены интереса для потомства. Особенно будущiй историкъ православной церкви въ Россiи найдетъ въ нихъ много фактовъ и замѣтокъ, которые покажутъ ему, что церковь, поддерживаясь, по ученiю богослововъ, непосредственнымъ влiянiемъ Промысла, очень нерѣдко разстраивается людьми, при томъ тѣми именно лицами, которыя, считая себя намѣстниками Спасителя и преемниками апостоловъ, между тѣмъ очень много вредятъ религiи христiанской и живутъ не сообразно съ ея нравственнымъ ученiемъ". Желая въ этихъ отношенiяхъ быть полезнымъ для будущей исторiи, Д. И. Ростиславовъ изъ своей жизни и изъ жизни его современниковъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, избираетъ тѣ факты, которые могутъ характеризовать его время. Насколько весьма памятныя, конечно, постояннымъ читателямъ „Русской Старины" записки А. Т. Болотова воскрешаютъ, во всей подробности, бытъ русскаго дворянства, помѣщичьяго и служиваго сословiя въ XVIII-мъ столѣтiи, настолько записки Д. И. Ростиславова, съ не меньшею добросовѣстностiю и обстоятельностiю рисуютъ бытъ крестьянъ и въ особенности сельскаго духовенства конца XVIII и начала XIX вв. Изъ этихъ записокъ, впрочемъ, въ 1880 г. мы напечатали едва-ли лишь четвертую долю, отложивъ продолженiе до будущаго 1881 года.

А. П. Бѣляевъ, въ обширныхъ своихъ мемуарахъ, первыя главы которыхъ „Русская Старина" также представила на своихъ страницахъ въ 1880 г., вводитъ читателей въ семьи дворянъ и въ салоны аристократическихъ семействъ первой четверти текущаго столѣтiя. Подобно предыдущимъ составителямъ записокъ, А. П. Бѣляевъ смотритъ на свой трудъ также серьезно, также, можно сказать, глубоко добросовѣстно. Его записки не отличаются ни живостiю изложенiя, ни блещутъ остроумiемъ, но въ каждой строкѣ ихъ слышится голосъ правды и самой сердечной симпатiи къ тѣмъ лицамъ, которыя оживаютъ въ воспоминанiи составителя записокъ. Авторъ вполнѣ вѣрно предугадалъ, что бла-

городные образы, выведенные имъ изъ забвенія давно минувшихъ временъ, должны имѣть благотворное вліяніе на людей, способныхъ понимать и усвоять прекрасное. Читая эти записки, изъ которыхъ опять-таки наибольшая часть, и притомъ самая интересная, явится въ „Русской Старинѣ" будущаго 1881 года, такъ какъ недостатокъ мѣста не позволилъ напечатать ихъ вполнѣ въ изданіи 1880 года, вполнѣ понимаемъ сочувственный отзывъ о запискахъ А. П. Бѣляева даровитѣйшаго изъ нашихъ романистовъ графа Л. Н. Толстаго. Въ числѣ многихъ источниковъ, которыми пользовался графъ Левъ Николаевичъ задумывая романъ свой изъ 1820-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, Записки А. П. Бѣляева были однимъ изъ важнѣйшихъ.

Мы упомянули, что какъ Записки Д. И. Ростиславова, такъ и Записки А. П. Бѣляева напечатаны нами въ 1880 году только отчасти; продолженіе же ихъ явится въ слѣдующемъ, 1881 году. По поводу таковыхъ перерывовъ мы должны объяснить слѣдующее.

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, приступая къ изданію „Русской Старины", мы имѣли предъ собою довольно обширное собраніе матеріаловъ, статей и Записокъ-мемуаровъ, тщательно собранныхъ нами въ теченіе четырнадцатилѣтнихъ, до того времени, нашихъ занятій отечественною исторіею (1855—1869 гг.). Затѣмъ, съ перваго же года изданія „Русской Старины", т. е. съ января мѣсяца 1870 г., безъ преувеличенія сказать, почти ежедневно, съ разныхъ концовъ Россіи, мы получаемъ новые матеріалы, а иногда и многотомныя рукописи—Записки и Воспоминанія. Такъ было въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1870—1880 гг.), такъ, надѣемся, будетъ продолжаться и въ послѣдующіе годы изданія „Русской Старины". При такомъ обиліи матеріаловъ, съ одной стороны, и обширности нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности Записокъ, съ другой, намъ не представляется возможнымъ печатать, въ особенности эти послѣднія, непрерывно изъ книги въ книгу. Въ противномъ случаѣ все годовое изданіе „Русской Старины", какъ, напр., за 1880 г., должно бы было явиться лишь сборникомъ двухъ или трехъ мемуаровъ. Задумай мы, напр., представить нашимъ читателямъ въ одинъ годъ цѣликомъ Записки Ростиславова, либо Записки А. П. Бѣляева, то довольно этихъ двухъ мемуаровъ, что бы наполнить всѣ 12 книгъ „Русской

Старины". Каждый, однако, согласится, что какъ бы ни были интересны таковые мемуары, но читатели въ правѣ были бы требовать отъ нашего изданія бо̀льшаго разнообразія. Съ другой стороны, самые перерывы едва-ли могутъ повредить интересу чтенія тѣхъ или другихъ Записокъ. Мемуары не романъ: тѣсная связь, кромѣ, развѣ, хронологической, въ изложеніи записокъ весьма рѣдко представляется. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда перерывъ бываетъ у насъ довольно значительный, то мы его легко восполняемъ, печатая продолженіе не иначе, какъ съ предисловіемъ, въ которомъ предпосылается весьма сжатое обозрѣніе предыдущихъ главъ тѣхъ же, прерванныхъ печатаніемъ, записокъ. Что дѣйствуя такъ, мы ни мало не ошибались, это видно уже изъ того, что, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, въ редакцію „Русской Старины" не поступало, по этому поводу, ни одной жалобы, а, напротивъ, когда мы непрерывно, хотя лишь только въ приложеніи, печатали, въ теченіе четырехъ лѣтъ (1870—1873 гг.), записки, съ нашей точки зрѣнія, драгоцѣннѣйшія,—то было жизнеописаніе Андрея Тимоѳеевича Болотова,—тогда мы получали отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей укоризны, что мы не разнообразимъ нашего изданія воспроизведеніемъ прошедшаго въ русской жизни съ разныхъ сторонъ и въ различныя эпохи.

Обращаемся къ мемуарамъ, напечатаннымъ на страницахъ „Русской Старины" въ обозрѣваемомъ 1880 г.

Отрывокъ изъ записокъ Топчіева показался намъ вполнѣ интереснымъ потому, что онъ живописуетъ одно изъ самыхъ темныхъ и ужасныхъ, по бытовымъ своимъ подробностямъ, учрежденій изъ эпохи Александра I. Таковъ Дворянскій полкъ, засосавшій въ себѣ, какъ въ тинистомъ бездонномъ болотѣ (мы разумѣемъ этотъ полкъ до его преобразованія) много русскихъ жизней. Хроника внутренняго быта Дворянскаго полка, именно въ первое десятилѣтіе его существованія, поистинѣ ужасна.

Записки принца Евгенія Виртембергскаго о войнѣ 1828—1829 гг. имѣютъ, безспорно, значеніе, какъ матеріалъ къ исторіи восточнаго вопроса и вѣковой борьбы Россіи съ Турціей. Къ Запискамъ этимъ, однако, историкъ помянутой войны долженъ отнестись въ высшей степени критически. Пристрастіе и уязвленное самолюбіе, зачастую, руководятъ перомъ и обливаютъ желчью

слова и замѣчанія доблестнаго, впрочемъ, полководца, какимъ былъ въ рядахъ русскаго войска принцъ Евгеній Виртембергскій. Нѣкоторыя изъ наиболѣе рѣзкихъ его выходокъ, притомъ направленныя противъ его близкаго родственника императора Николая Павловича, мы нашлись вынужденными не воспроизводить въ русскомъ переводѣ съ нѣмецкаго. Любопытно, что по свидѣтельству одного высокопоставленнаго лица, лично намъ сообщенному, принцъ Евгеній, въ послѣдніе годы жизни, присылалъ тетради своихъ рукописныхъ воспоминаній въ Петербургъ на прочтеніе; въ нихъ трактовалось, между прочимъ, о той же войнѣ 1828—1829 гг., но въ нихъ не было многихъ изъ тѣхъ страницъ, которыя появились лишь въ печати въ его посмертномъ изданіи, исполненномъ бывшимъ адъютантомъ Евгенія Виртембергскаго.

Въ видахъ противовѣса этимъ запискамъ, а частью для оправданія осуждаемыхъ принцемъ Евгеніемъ лицъ и опроверженія его обвиненій, мы напечатали другой матеріалъ къ исторіи той же войны, но матеріалъ вполнѣ драгоцѣнный: такова переписка императора Николая Павловича съ И. И. Дибичемъ. Необыкновенная энергія, трудолюбіе и крайне внимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ верховнаго вождя ярко выступаютъ въ письмахъ императора Николая. По этому случаю вновь и вновь нельзя не пожалѣть о томъ, что у насъ слишкомъ поздно появляются на свѣтъ историческіе матеріалы и притомъ первѣйшей важности. Не говоря уже о томъ, что подобные матеріалы могутъ и должны сослужить службу, поучая въ настоящемъ указаніями ошибокъ прошедшаго, они, т. е. матеріалы, бросаютъ совершенно новый свѣтъ и на историческихъ дѣятелей. Сколько лжи не появилось бы на свѣтъ, если бы своевременно появлялись несомнѣнныя историческія данныя о тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣятеляхъ. Прошло четверть вѣка послѣ смерти императора Николая Павловича, а эта личность до сихъ поръ не освѣщена свѣточемъ исторической правды. Да что говорить о предыдущемъ царствованіи. Восходя въ болѣе отдаленное время,—давно-ли мы получили исторію Александра I-го по достовѣрнымъ источникамъ? Да и получивши ее, далеко не имѣемъ полнаго и законченнаго слова о той въ высшей степени интересной эпохѣ.

Записки И. В. Селиванова съ поправками и опроверженіями, ими вызванными, воскрешаютъ предъ умственнымъ взоромъ читателя рядъ русскихъ администраторовъ почти за полвѣка тому назадъ, и всѣ послѣдствія той ошибочной системы, которая царила тогда въ нашей внутренней политикѣ. Администрація, при полнѣйшей безгласности, при жестокомъ преслѣдованіи всякаго проявленія общественнаго, личнаго и частнаго почина, брала вся и все на себя, не оставляя на долю общества, общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ не чиновнаго міра лицъ почти ничего. Но вотъ забрезжилъ свѣтъ, началось возрожденіе русскаго народа, загорѣлась заря освобожденія изъ вѣковаго рабства. И какъ живо воскрешены эти незабвенные годы въ Запискахъ сенатора Я. А. Соловьева, значительный отрывокъ изъ которыхъ мы имѣли удовольствіе напечатать въ „Русской Старинѣ“ изданія 1880 года. При посредствѣ этихъ Записокъ, мы съ чувствомъ глубочайшаго уваженія напомнили на страницахъ „Русской Старины“ рядъ участниковъ въ великомъ актѣ 19-го февраля 1861 г. Этотъ актъ, какъ каждому извѣстно, легъ въ основу всей новой жизни не только многихъ милліоновъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, но повлекъ за собою измѣненія въ складѣ жизни всѣхъ прочихъ сословій; онъ вызвалъ собою рядъ реформъ, окончаніе которыхъ еще въ будущемъ и которыя неминуемо, неотразимо должны-же, наконецъ, захватить и устройство на новыхъ началахъ быта и отношеній къ прочимъ сословіямъ всего православнаго русскаго духовенства! Смѣемъ думать, что крайне полезнымъ матеріаломъ для освѣщенія всѣхъ вопіющихъ нуждъ этого сословія послужатъ „Записки Сельскаго Священника“.

Редакція „Русской Старины“ еще въ 1879 г. вызвала этого даровитаго автора-пастыря на составленіе прямо отъ сердца написанныхъ имъ очерковъ. Составитель „Записокъ Сельскаго Священника“, сколько намъ извѣстно, человѣкъ пожилой, никогда и нигдѣ ничего не печатавшій, принявшись за настоящій трудъ, всего менѣе думалъ и думаетъ что-нибудь обличать. Нѣтъ, его голосъ—голосъ не единичный, это голосъ всего, къ стыду нашего времени все еще низко поставленнаго, духовнаго сословія. Это сословіе должно занять подобающее ему мѣсто уже по той высокой цѣли, которой оно призвано служить; въ противномъ случаѣ, должно отказаться отъ надеждъ на лучшее будущее во всемъ строѣ русской жизни. Многое изъ

того, на что указываетъ, о чемъ повѣствуетъ „Сельскій Священникъ", было говорено и до него, съ тѣхъ поръ, какъ русская печать получила право гражданственности; но, тѣмъ не менѣе, „Сельскій Священникъ" излагаетъ, не рѣдко при совершенно новомъ освѣщеніи, излагаетъ все имъ видѣнное и лично пережитое, выстраданное и перечувствованное столь горячо и задушевно, что все имъ сказанное не можетъ пройти безслѣдно. Мы вѣруемъ, что голосъ честнаго пастыря будетъ услышанъ въ ряду прочихъ голосовъ, взывающихъ о необходимости преобразованій въ условіяхъ всего быта православнаго духовенства.

III.

Изъ изслѣдованій историческихъ отмѣтимъ въ „Русской Старинѣ" 1880 г. статьи глубоко уважаемыхъ нашихъ историковъ Н. И. Костомарова и Д. И. Иловайскаго, изъ коихъ первый помѣстилъ у насъ очеркъ, посвященный исторіи великаго Новгорода, а второй подѣлился съ читателями „Русской Старины" замѣтками о преподаваніи отечественной исторіи, по поводу наблюденій, сдѣланныхъ имъ при посѣщеніи французскихъ лицеевъ.

Обширнымъ, законченнымъ и многосторонне разработаннымъ изслѣдованіемъ является въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины" трудъ нашего постояннаго сотрудника Ад. П. Берже: „Присоединеніе Грузіи къ Россіи, 1799—1831 гг." Этотъ очеркъ, составляетъ законченный, впрочемъ, отрывокъ изъ многолѣтняго труда нашего ученаго оріенталиста, предсѣдателя Кавказской археографической коммисіи. Монументальное изданіе актовъ, относящихся къ исторіи Кавказа, вышедшее въ восьми громаднѣйшихъ томахъ, подъ исключительною редакціею Ад. П. Берже, послужило матеріаломъ для составленія помянутаго очерка. Событіе крупной важности, каково присоединеніе Грузіи къ Россіи, имѣвшее громадныя послѣдствія для исторіи не только Закавказья, но и всего Кавказа и отношеній этого обширнаго, богатѣйшаго по его природнымъ дарамъ края къ нашему отечеству, было до сихъ поръ достаточно извѣстно, но лишь впервые столь ясно и столь вѣрно разъяснены и оцѣнены нашимъ даровитымъ ученымъ причины этого историческаго факта и его значеніе.

Изъ историко-біографическихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи 1880 г., читатели, конечно, замѣтили обширный трудъ профессора Н. И. Барсова, посвященный очерку жизни и ученой дѣятельности протоіерея Герасима Петровича Павскаго. Для памяти о Павскомъ въ потомствѣ, и памяти самой доброй, достаточно и того, что этотъ профессоръ-священникъ былъ наставникомъ Закона Божія нынѣ царствующему Государю Императору; но, кромѣ этого, Павскій былъ знаменитый ученый, одинъ изъ лучшихъ языковѣдовъ отечественнаго языка, гебраистъ—знатокъ еврейскаго языка, до сихъ поръ не имѣющій себѣ равнаго, и одинъ изъ первыхъ переводчиковъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ. Благодаря обязательности внука этого ученаго, Г. А. Орлова, въ распоряженіе редакціи „Русской Старины“ поступилъ обширный ученый архивъ протоіерея Г. П. Павскаго, что и дало намъ возможность предложить разработку этого архива профессору Барсову, результатомъ трудовъ коего и явился помянутый очеркъ.

Изъ прочихъ очерковъ, именно историко-описательныхъ, въ изданіи текущаго года также законченъ нами разсказъ А. К. Пузыревскаго: „Переходъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Гурко, чрезъ Балканы, зимою 1877 г.“ Мы не разъ уже говорили и въ прежнихъ нашихъ обозрѣніяхъ послѣднихъ двухъ годовъ изданія „Русской Старины“ о томъ, что мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ готовы дать мѣсто на ея страницахъ изслѣдованіямъ, очеркамъ и разсказамъ, посвященнымъ эпохѣ русско-турецкой войны 1877 г. Но при этомъ необходимо оговориться, что желательно, дабы составители таковыхъ изслѣдованій и очерковъ были бы хотя нѣсколько бо̀льшими участниками въ описываемыхъ ими событіяхъ, чѣмъ, такъ сказать, рядовые воины. Кругозоръ артиллерійскаго или пѣхотнаго, такъ сказать, рядоваго офицера, ротнаго, наконецъ даже и баталіоннаго командира, по самому положенію его во время военныхъ дѣйствій, слишкомъ малъ, чтобы его очеркъ или разсказъ могъ получить впослѣдствіи сколько нибудь серьезное историческое значеніе по отношенію къ тѣмъ именно событіямъ, въ продолженіе которыхъ онъ занималъ свой скромный постъ; но начальникъ отряда, либо его правая рука начальникъ штаба, либо начальникъ какой нибудь, хотя и не

большой, части, но которой выпала болѣе или менѣе самостоятельная доля участія въ общей операціи войны, наконецъ, близкіе люди къ высшимъ вождямъ той или другой изъ воюющихъ сторонъ,—вотъ записки и сказанія коихъ могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ, на ряду съ подлинными документами, относящимися къ тѣмъ событіямъ. Полковникъ генеральнаго штаба Пузыревскій былъ не только непосредственнымъ участникомъ описываемыхъ имъ событій, но ему довелось быть посланцемъ генерала Гурко въ главную квартиру, гдѣ г. Пузыревскимъ и былъ представленъ планъ генерала Гурко достопамятнаго перехода чрезъ Балканы. Затѣмъ, А. К. Пузыревскій былъ начальникомъ штаба одной изъ колоннъ нашихъ доблестныхъ войскъ при этомъ переходѣ. Матеріалами къ его монографіи послужили не только личныя воспоминанія, но возможно критическій сводъ свѣдѣній изъ многихъ другихъ разсказовъ какъ участниковъ въ нашемъ войскѣ, такъ и участниковъ въ ряду нашихъ противниковъ.

Изъ монографій, посвященныхъ до-Петровской Руси, какъ нѣчто вполнѣ оригинальное, и по матеріаламъ, и по разработкѣ ихъ, мы можемъ указать на статью О. И. Левицкаго, посвященную разработкѣ семейныхъ отношеній въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вв. Это изслѣдованіе, какъ и указано въ предисловіи, интересно относительно фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ юго-западной Россіи разводовъ и заключеніи браковъ, помимо церкви, при участіи лишь мѣстной судебной власти, съ подробностями изъ области супружескихъ отношеній.

Къ группѣ историческихъ изслѣдованій и историческихъ очерковъ мы относимъ обширную монографію нашего постояннаго сотрудника профессора В. С. Иконникова: „Русская историческая наука въ послѣднее 25-лѣтіе, 1855—1880 гг.“ Болѣе обстоятельнаго обозрѣнія по сему предмету мы не встрѣчали въ нашей печати по отношенію къ послѣднему 25-лѣтнему періоду. Очеркъ профессора И. Е. Андреевскаго: „Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.“, смѣемъ думать, вполнѣ своевременно и умѣстно появился въ февральской книгѣ нашего изданія и справедливо обратилъ на себя вниманіе современной печати.

Нѣсколько другихъ историческихъ монографій, таковы: „Покореніе восточной части Кавказа 1856—1861 гг.“ М. Я. Ольшевскаго; „Судебные уставы и новѣйшіе суды 1862—1864 гг.“ Д. А. Саранчева; „Къ исторіи отмѣны винныхъ откуповъ въ Россіи 1858—1862 гг.“ А. Д. Крылова; новое изданіе и, на этотъ разъ, по подлинной рукописи, предсмертной записки Якова Ивановича Ростовцева о крестьянскомъ дѣлѣ 6 февраля 1860 г. и нѣкоторые другіе статьи и очерки появленіемъ своимъ обязаны достопамятной годовщинѣ 25-лѣтія дня восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора.

Обширный мемуаръ представителя саксонскаго правительства при русскомъ дворѣ объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ и его сподвижникахъ на различныхъ поприщахъ государственной дѣятельности въ 1804 г., извлеченный молодымъ ученымъ Ѳ. Ѳ. Шиманомъ изъ Дрезденскаго государственнаго архива, одинъ изъ того безчисленнаго множества мемуаровъ, донесеній и „секретныхъ“ записокъ соглядатаевъ иноземныхъ правительствъ, посылаемыхъ ими непрерывною вереницею въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій въ Россію; очень много въ этихъ документахъ сознательной и безсознательной лжи, происходившей отъ того, сквозь какіе очки смотрѣли эти соглядатаи на русское правительство, русское общество и русскій народъ. Тѣмъ неменѣе, при изученіи отечественной исторіи совершенно невозможно обходить и этотъ источникъ, а потому, отъ времени до времени, „Русская Старина“ къ нему и обращается.

IV.

Независимо отъ болѣе или менѣе обширныхъ историческихъ изслѣдованій или историко-біографическихъ очерковъ, въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. помѣщено значительное собраніе отдѣльныхъ историческихъ актовъ, каковы: указы, рескрипты высочайшихъ особъ, письма, какъ представителей державной власти, такъ государственныхъ и прочихъ общественныхъ дѣятелей Россіи прошлаго времени; небольшіе характеристическіе очерки, опять-таки относящіеся къ тѣмъ или другимъ изъ дѣятелей, носителей власти на различныхъ поприщахъ; переписка, наконецъ, разсказы, замѣтки, историческіе анекдоты. Общее число такого рода сообще-

ній въ обозрѣваемомъ году нашего изданія дошло до 289. Изъ нихъ можно отмѣтить: „Біографическій очеркъ наказнаго атамана войска донскаго М. Г. Хомутова“, составленный В. А. Панаевымъ; „Князь А. И. Барятинскій и Кавказъ въ 1856—1861 гг.“,—статьи изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго, съ различными приложеніями къ этому послѣднему очерку, сообщенными тѣмъ же достоуважаемымъ кавказскимъ ветераномъ; изъ этихъ приложеній особенно характеристичны письма Шамиля и его женъ къ князю А. И. Барятинскому (1859—1871 гг.); „Князь М. Д. Горчаковъ“—характеристическій очеркъ, принадлежащій перу писателя, вполнѣ талантливаго, но имѣвшаго до сихъ поръ оригинальную судьбу: каждымъ очеркомъ своимъ, посвященнымъ характеристикѣ того или другаго изъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей Россіи прошлаго времени, вызывать непремѣнно тучу возраженій, поправокъ, опроверженій, и нерѣдко самыхъ суровыхъ обвиненій чуть ни въ государственномъ преступленіи. Во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать время, въ которое сдѣлалось и въ предѣлахъ нашего отечества возможнымъ, говорить съ бо̀льшею противу недавняго прошлаго свободою, по крайнему своему разумѣнію, по тѣмъ фактамъ, какіе представляются, и въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они являются тѣмъ или другимъ изъ біографовъ и историческихъ писателей; а, съ другой стороны, нельзя не порадоваться, когда являются на эти статьи возраженія, объясненія и вообще отвѣты въ печати, а не тайные письменные доносы, какіе бывали иногда, при подобныхъ случаяхъ, въ старину...... Какъ бы ни были велики ошибки, предубѣжденія и явные недостатки или пристрастіе біографовъ, но пусть же эти ошибки, это пристрастіе устраняются и исправляются равнымъ и вполнѣ достойнымъ оружіемъ, т. е. чрезъ посредство той же печати...... Для помянутаго столкновенія мнѣній и достиженія истины, путемъ выслушиванія противурѣчивыхъ голосовъ и обнародованія подлежащихъ документовъ о минувшихъ событіяхъ и сошедшихъ съ житейской сцены дѣятелей, наше изданіе всегда являлось весьма радушнымъ посредникомъ. Въ каждомъ ежегодномъ обозрѣніи нашемъ мы повторяли и продолжаемъ повторять о полнѣйшей готовности открывать страницы нашего изданія для самыхъ разнообразныхъ сужденій о тѣхъ или другихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, которые, переселясь въ царство тѣней, подлежатъ уже суду

ихъ современниковъ и потомства. Такъ и въ данномъ случаѣ; не осуждать приходится г. Н. Б. за характеристику, имъ набросанную, князя М. Д. Горчакова, а признать вполнѣ удобнымъ то, что его выводы и заключенія обнаружились въ печати въ такое время, когда еще живы самые близкіе сподвижники, сотрудники и подчиненные доблестнаго вождя многострадальнаго Севастополя, которые получили, такимъ образомъ, возможность подать свои голоса въ защиту этого храбраго воина, вѣрнаго слуги Отечества и Государя. Поэтому мы никогда не примемъ упрековъ, что-де напрасно помѣстили тотъ или другой характеристическій очеркъ; не примемъ потому, что въ этомъ случаѣ нами руководитъ единое желаніе освѣтить личность и дѣятельность государственнаго или общественнаго мужа съ разныхъ точекъ зрѣнія, и съ единою цѣлію, повторяемъ, достиженія истины.

Изъ переписки и отдѣльныхъ писемъ, въ этомъ году помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ", читатели, конечно, замѣтили драгоцѣннѣйшія письма императора Николая Павловича къ генералу Дибичу 1827 г., по поводу Алексѣя Петровича Ермолова и удаленія этого полководца съ Кавказа. О перепискѣ же этого государя съ тѣмъ же генераломъ Дибичемъ во время русско-турецкой войны 1828 года мы уже упоминали выше, какъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ первичныхъ источниковъ по отношенію къ этой войнѣ, исторія которой должна же, наконецъ, быть составленною по достовѣрнымъ и до сихъ поръ лежавшимъ въ архивной пыли документамъ.

Не останавливаемся на обширномъ собраніи историко-бытовыхъ и характерныхъ замѣтокъ, анекдотовъ и разсказовъ, записанныхъ Богуславскимъ, Елисаветою Николаевною Львовой и другими лицами, преимущественно изъ эпохи царствованій Александра Павловича и Николая Павловича и напечатанныхъ впервые въ „Русской Старинѣ" 1880 г. Какое значеніе должны имѣть таковые разсказы въ общемъ собраніи печатаемыхъ нами изслѣдованій, записокъ и историческихъ матеріаловъ, мы уже неоднократно говорили, равно какъ говорили и о томъ, что къ этимъ разсказамъ „слѣдуетъ относиться съ надлежащею осмотрительностію, такъ какъ подобнаго рода сообщенія — не болѣе, какъ записи слуховъ, вѣстей, а потому не рѣдко и грѣшать

противъ исторической правды; но при всемъ томъ, какъ отголоски духа времени и не рѣдко свидѣтельства общественнаго мнѣнія о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ, они не могутъ не обращать вниманія изслѣдователя быта общества въ разныя эпохи и біографа достопамятныхъ дѣятелей".

V.

Отдѣлъ, посвященный исторіи русской литературы, въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины" былъ богаче многихъ изъ соотвѣтственныхъ отдѣловъ предыдущихъ годовъ нашего изданія. Одно имя А. С. Пушкина, съ такимъ ликованіемъ повторенное въ этомъ году на всемъ пространствѣ нашего отечества, вызвало появленіе на страницахъ нашего изданія болѣе тридцати сообщеній, въ числѣ которыхъ находятся и обширный біографическій очеркъ, нами упомянутый выше, и длинный рядъ за многіе года писемъ Пушкина, изъ которыхъ нѣкоторыя либо явились у насъ впервые (сообщенія: акад. А. Ѳ. Бычкова, П. А. Ефремова, акад. Я. К. Грота, В. В. Никольскаго, П. Я. Дашкова) или напечатаны полнѣе, по автографамъ Пушкина (письма къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ, рожденной Полторацкой), или, наконецъ, явились въ печати безъ цензурныхъ урѣзокъ прошлаго времени (письма А. С. Пушкина къ брату его Льву; записка о царствованіяхъ Петра Великаго и Екатерины II). Кромѣ писемъ Пушкина напечатаны, въ этомъ же году, въ „Русской Старинѣ", съ подлинниковъ, нѣсколько прекрасныхъ его произведеній, каковы нѣкоторыя изъ его посланій и „Моя родословная". Наконецъ, мы уже говорили о воспоминаніяхъ о немъ А. М. Каратыгиной и Н. Б. Потокскаго.

Изъ писателей XVIII вѣка „Русская Старина" въ 1880 г. остановилась на писателѣ, повидимому, второстепенномъ по своему своеобразному таланту; мы говоримъ о сатирикѣ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ, р. 1782 † 1814 г. Вновь найденныя рукописи его, хранящіяся въ библіотекѣ Харьковскаго Университета, дали возможность Г. С. Чирикову извлечь изъ нихъ довольно много сатиръ, басенъ, а всего больше эпиграммъ, авторъ

которыхъ занимаетъ мѣсто на страницахъ исторіи отечественной словесности въ эпоху конца прошлаго и перваго десятилѣтія XIX-го вѣка.

По отношенію къ другимъ писателямъ, независимо отъ обширнаго обозрѣнія жизни и ученой литературной дѣятельности Герасима Петровича Павскаго, изслѣдованіе профессора Н. И. Барсова, „Русская Старина“ 1880 г. обнародовала впервые въ печати: „Подробный планъ ученія Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича“, составленный В. А. Жуковскимъ въ 1826 г. Кто прочелъ этотъ планъ, исполненный высоко-разумныхъ, чисто педагогическихъ и гуманныхъ началъ, тотъ, конечно, вполнѣ оцѣнилъ этотъ драгоцѣнный документъ, какъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще, такъ для біографіи Василія Андреевича Жуковскаго въ особенности.

Другая гуманная глубоко симпатичная личность выступила на страницахъ этого же изданія и въ этомъ же году (1880). Мы разумѣемъ профессора Грановскаго и теплое сердечное воспоминаніе о немъ ближайшаго друга его молодости Я. М. Невѣрова.

Типичный образъ поэта Тараса Шевченко ярко обрисовался въ очеркѣ его жизни и въ воспоминаніяхъ о немъ довольно близко его знавшаго профессора Н. И. Костомарова, бывшаго его страстотерпца (арестъ и ссылка ихъ обоихъ по общему на нихъ доносу).

Нѣсколько новыхъ чертъ къ характеристикѣ В. Г. Бѣлинскаго вносятъ воспоминанія о немъ его университетскаго товарища г. Аргилландера. Наконецъ, читатели, конечно, замѣтили въ декабрьской книгѣ „Русской Старины“ очеркъ, посвященный характеристикѣ матери извѣстнаго писателя новѣйшаго времени Д. И. Писарева. Этотъ очеркъ принадлежитъ перу лица близкаго къ покойной; авторъ чисто съ женственною нѣжностію очертилъ своеобразныя и симпатичныя черты помянутой женщины, введя въ свой очеркъ нѣсколько новыхъ подробностей и для характеристики ея талантливаго сына Д. И. Писарева.

Наконецъ, особый историко-литературный очеркъ, принадлежащій извѣстному уважаемому литератору А. П. Милюкову, посвященъ литературной характеристикѣ, такъ сказать, звѣздъ

первой величины въ русской словесности послѣдняго XXV-ти лѣтняго періода, каковы Тургеневъ, Гончаровъ, графъ Л. Толстой, Островскій.... Очеркъ этотъ замыкаетъ собою главнѣйшія статьи по исторіи русской литературы въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины"; остается лишь по этому отдѣлу упомянуть о собраніи стихотвореній Петра Андреевича Каратыгина, столь много потрудившагося для русской сцены и исторіи русскаго театра. О немъ читатели наши имѣютъ въ различныхъ годахъ „Русской Старины" и обширныя воспоминанія его, и очеркъ его жизни, а въ изданіи 1880-го года его остроумныя стихотворенія, шутки, эпиграммы и описаніе послѣднихъ дней его жизни.

VI.

Отдѣлъ исторіи художествъ и біографій художниковъ не всегда восполнялся у насъ въ предыдущихъ годахъ, именно за недостаткомъ мѣста; но въ обозрѣваемомъ 1880 г. «Русская Старина» представила довольно обширный очеркъ, объемлющій разнообразныя свѣдѣнія, относящіяся къ обрисовкѣ положенія Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ въ самые интересные годы ея существованія за послѣдній періодъ, именно въ годы ея возрожденія: въ 1855—1864 гг.

Въ связи съ біографическими и характеристическими данными о ея представителяхъ, художникахъ старыхъ и новыхъ школъ, въ различныхъ областяхъ художествъ, каковы: скульптура, живопись, архитектура и проч., мы надѣемся, что этотъ очеркъ, нечуждый нѣкоторыхъ полемическихъ пріемовъ, объясняемыхъ тѣмъ, что составитель его, какъ видно, крайне близко къ сердцу принималъ все, что относилось до излюбленной имъ Академіи Художествъ, вызоветъ довольно много дополненій и разъясненій; но, можетъ быть, мы ошибаемся, такъ какъ отечественные художники, зачастую мастерски владѣя кистью и рѣзцомъ—не любятъ обращаться къ перу.

Къ исторіи русскаго театра мы обращались въ предыдущіе годы нашего изданія весьма часто, и независимо отъ обширныхъ воспоминаній Петра Андреевича Каратыгина, которымъ всегда съ удовольствіемъ предоставляли мѣсто на страницахъ

«Русской Старины», представили не мало и другихъ матеріаловъ по тому же предмету. Въ обозрѣваемомъ же году мы постарались соединить въ одну (октябрьскую) книгу довольно значительную часть изъ обширнаго собранія имѣющихся у насъ матеріаловъ къ исторіи отечественнаго театра. Благодаря такой группировкѣ, мы одновременно могли оживить предъ умственнымъ взоромъ нашихъ читателей какъ всю картину состоянія русскаго театра въ эпоху императора Александра I, такъ и представить данныя для біографій отдѣльныхъ представителей отечественной сцены за то время, а частію и за послѣдующіе годы, каковы: Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, Василій Андреевичъ Каратыгинъ, Иванъ Ивановичъ Сосницкій, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, П. Мочаловъ, Асенковы, Рязанцевъ, Брянскій, Дмитрій Ленскій и нѣкоторые другіе. Вообще говоря, группировка біографическихъ очерковъ, замѣтокъ, автобіографій, писемъ и прочихъ документовъ, относящихся къ подвижникамъ однородной дѣятельности, каковы, напр., артисты сценическаго искуства, безспорно, представляетъ весьма много удобствъ, между прочимъ, уже и потому, что вырисовываетъ и сферу дѣятельности, и самыхъ дѣятелей гораздо полнѣе и всестороннѣе. Редакція «Русской Старины», при обиліи матеріаловъ, могла бы прибѣгать къ подобной группировкѣ ихъ весьма часто, но она опасается при этомъ представить книги своего журнала нѣсколько монотонными, такъ какъ каждая книга, такимъ образомъ, являлась бы то сборникомъ свѣдѣній по отношенію къ исторіи театра, то, другая, по отношенію къ исторіи художествъ въ Россіи, то, третья, представляла бы собою данныя относительно военнаго дѣла и т. д. Въ виду этого, мы лишь изрѣдка будемъ позволять себѣ составлять книги, такъ сказать, однороднаго матеріала.

VII.

Библіографическій листокъ, по примѣру предыдущихъ годовъ, представлялъ замѣтки о самыхъ разнообразныхъ трудахъ въ области отечественной исторіи и вспомогательныхъ къ ней наукъ. Значительная часть отзывовъ, въ него вошедшихъ, какъ и въ предыдущіе годы, принадлежитъ профессору русской исторіи въ университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ, В. С. Иконникову.

VIII.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о художественныхъ приложеніяхъ къ «Русской Старинѣ» 1880 г. Приложенія эти, смѣемъ думать, были дѣйствительно художественны: они принадлежали, въ большинствѣ, неподражаемому рѣзцу академика гравера Л. А. Сѣрякова (граверъ Его Императорскаго Величества), либо являлись въ геліографическихъ снимкахъ съ лучшихъ гравюръ прошлаго времени.

Рѣзцомъ Л. А. Сѣрякова въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г. исполнены портреты: нынѣ царствующаго Государя Императора, А. С. Пушкина въ гробу, графа П. Д. Киселева, Тараса Шевченко, протоіерея Герасима Петровича Павскаго и генерала Степана Романовича Лепарскаго.

Въ ряду геліографическихъ снимковъ, съ обычнымъ вниманіемъ и искуствомъ, исполнены для «Русской Старины», въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, художникомъ Скамони портреты: Екатерины I, Петра II и Елисаветы Петровны. Но изъ художественныхъ воспроизведеній г. Скамони особенно обратилъ на себя вниманіе снимокъ съ группы-портрета нашихъ писателей Тургенева, Гончарова, графа Л. Толстаго, Островскаго, Григоровича и Дружинина. Группа эта снята съ натуры фотографически, болѣе 24 лѣтъ тому назадъ, и фотоглиптическая репродукція г. Скамони, въ точнѣйшемъ снимкѣ, воспроизвела изображеніе любимѣйшихъ нашихъ писателей въ томъ видѣ,

какъ они были при самомъ началѣ прошлаго 25 лѣтняго періода въ жизни русскаго общества.

Кромѣ портретовъ, въ числѣ которыхъ надо упомянуть и о двухъ гравюрахъ на деревѣ, исполненныхъ: одна ученикомъ академика Сѣрякова, г. Маттэ—портретъ композитора А. Н. Сѣрова, [1]) а другая не вполнѣ удачный портретъ князя А. И. Барятинскаго, исполненный, за болѣзнію г. Сѣрякова, однимъ изъ лучшихъ ксилографовъ въ Лондонѣ,—мы приложили два интересныхъ снимка съ обрывковъ ужасныхъ писемъ А. С. Пушкина къ его смертельному врагу барону Гекерену и два плана къ историческому разсказу о переходѣ русскихъ чрезъ Балканы, зимою 1877 г.

Примѣчаніе. Въ обзорѣ нашего изданія за прошлый 1879 годъ мы обѣщали въ теченіе 1880 г. представить обзоръ перваго десятилѣтія „Русской Старины" (1870—1879 гг.), въ который бы входила систематическая роспись содержанія первыхъ двадцати шести томовъ этого журнала, съ алфавитнымъ къ ней указателемъ и различными приложеніями. Къ сожалѣнію, сложность и обширность работы заставила насъ отложить ее до болѣе свободнаго времени, а потому тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые уже выслали 1 руб. за „Обзоръ перваго X-тилѣтія „Русской Старины", благоволятъ либо обратить его въ подписную сумму на „Русскую Старину" 1881 г., или же увѣдомить насъ о высылкѣ имъ этого рубля обратно. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, помянутый „Обзоръ", съ довольно обширными и разнообразными къ нему приложеніями, будетъ непремѣнно нами изданъ, (онъ въ чернѣ почти уже и оконченъ), и о выходѣ его въ свѣтъ будетъ своевременно напечатано въ „Русской Старинѣ". Ред.

---

[1]) Гравюра г. Маттэ, конечно, еще работа вполнѣ ученическая, тѣмъ не менѣе этотъ художникъ имѣетъ будущность, особенно при той энергіи въ трудѣ, которому онъ вполнѣ отдался. Въ 1880 г. посланный на счетъ президента Академіи Художествъ за границу для усовершенствованія, г. Маттэ, отправленъ, между прочимъ, и къ Л. А. Сѣрякову въ Ниццу — для довершенія — подъ руководствомъ этого гравера — художническаго образованія. Г. Маттэ имѣетъ серебряную медаль отъ Академіи за рисунокъ и гравюру Іоаннъ Предтеча, съ картины А. Иванова. Ред.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ" историческія или историко-литературныя статьи и матеріалы.

1870—1880 гг.

К. К. Абаза,—В. П. Авенаріусъ,—И. П. Аврамовъ,—Н. Агафоновъ,—А. К. Адинцовъ,—М. П. Азанчевскій,—И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ,—И. И. Акутинъ,—П. В. Алабинъ,—К. Алмазовъ,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. Амелицкій,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозкій,—профес. И. Е. Андреевскій, —Анненковъ, — М. А. Антоновъ, — Л. Н. Антроповъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Н. А. Аргилландеръ,—И. А. Аренсъ,—проф. Н. Я. Аристовъ,—Арнольди,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—П. Я. Аршеневскій,—Асташевъ,—Астракова,—Н. П. Ахвердовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе,—Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—П. И. Барановъ,—А. А. Баранцевъ,—А. И. Барзецовскій,—проф. Н. И. Барсовъ,—Н. П. Барсуковъ,—З. А. Баршъ.—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,—Д. Д. Баскаловъ,—А. И. Басовъ,—Батюшковъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—кн. В. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безукладниковъ,—Бенуа,—Н. В. Бергъ,—П. В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—Ад. П. Берже,—I. Берманъ,—Беръ,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Р. И. Бжостовская,—Н. Билибинъ,—баронъ Бистромъ,—Д. Благово, — Бобровскій, — Е. Л. Богданова,—С. Богоявскій,—профес. М. И. Богдановичъ,—Н. К. Богушевскій,—И. Н. Божеряновъ,—В. А. Болотовъ,—М. П. Болотовъ,—А. Борзенко, —Я. И. Борзецовскій,—Боричевскій,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—А. К. Бошнякъ,—П. Ѳ. Брандтъ,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины,—А. Булыгинъ,—Е. Ѳ. Буринскій,—Н. Ѳ. Бурцовъ,—Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—М. Быковъ,— Н. Д. Быковъ,—акад. А. Ѳ. Бычковъ,—Ѳ. Бычковъ,—А. Бѣлаго,—Н. А. Бѣлозерская,—А. П. Бѣляевъ,—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель,—М. С. Валевскій,—В. В. фонъ-Валь,—А. Варакомскій,—Н. П. Васильева,—К. И. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—П. П. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—кн. А. И. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—Н. В. Вахтинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—Вельяминовъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. И. Веригинъ,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—Н. Виноградовъ,—А. П. Виноградовъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—

Ѳ. А. Витбергъ,—Н. П. Вишняковъ,—Владимірова,—М. Владыкинъ,—П. П. Возницынъ,—А. Ѳ. Волковъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—П. П. Волховской,—Вопляриярская,—П. А. Вороновъ,—Вороновъ,—Н. Я. Воскобойниковъ,—Н. М. Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронесса Вревская,—баронъ Б. А. Вревскій,—Вудъ,—И. В. Вуичъ,—А. Н. Вульфъ,—А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—К. П. Гамаринъ,—А. Гакъ,—А. Д. Галаховъ,—Гвоздиковъ,—К. Гелингъ,—Г. Н. Геннади,—Н. В. Гербель,—А. А. Герке,—Герцыкъ,—П. П. фонъ-Гецъ,—Гилюсъ,—В. О. Гладкій,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Ѳ. Н. Глинка,—П. Гловацкій,—Глуховъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И. Головачъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—А. В. Головнинъ,—К. Д. Головщиковъ,—И. А. Голышевъ,—Голубевъ,—А. Н. Гончаровъ,—И. Ѳ. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—М. Горилецкій,—М. П. Горловъ,—проф. А. Д. Градовскій,—А. Е. Гречъ,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—Н. В. Губерти,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—А. Н. Гусевъ.

В. Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Данильченко,—Дахновичъ,—П. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—Н. Д. Де-ла-Флизъ,—А. П. Демидовъ,—М. Ѳ. Де-Пуле,—Фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—В. А. Дзюбенко,—Діятроптовъ,—Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій, Ф. Н. Добрянскій,—Довголевскій,—В. Док—ій,—кн. В. Долгоруковъ,—А. Долгоруковъ,—Домонтовичъ,—Живко Драговичъ,—А. М. Дрепякинъ,—кн. С. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій,—Н. Ѳ. Дубровинъ.

К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—от. П. П. Еланскій,—кн. Енгалычевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—А. Ерошкинъ,—А. П. Есиповъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. Ѳ. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Журавскій.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—И. Е. Забѣлинъ,—Д. И. Завалишинъ,—Л. А. Загоскинъ,—В. Заенчковскій,—Заржецкій,—Я. И. Заринъ,—А. Г. Затлеръ,—И. Захарьинъ,—профес. Н. Ѳ. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—К. Зенденгорстъ,—А. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—А. Змѣевъ,—И. Ѳ. Золотаревъ,—В. А. Золотовъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова, А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина,—Н. И. Иванова,—А. В. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Ю. Б. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—профес. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—М. А. Имбергъ,—В. А. Инсарскій,—Л. С. Исарловъ,—Н. О. Истинской,—Г. Ѳ. Исѣевъ.

Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казачскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—Казинъ,—П. С. Калачевскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—А. Канаринъ,—кн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—П. А. Карабинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—П. П. Каратыгинъ,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,—С. Д. Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. Карцевъ,—Н. С. Кашкинъ,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—Н. П. Кельшъ,—Т. Кибальчичъ,—А. Н. Кирилинъ,—Кирилловъ,—Киселевъ,—П. А. Китицынъ,—Ѳ. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—П. Клеииковъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Г. А. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коведаевъ,—М. М. Ковязинъ,—Козадавлевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій,—С. Козловскій,—Н. И. Койленскій,—Колачевскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—бар. М. Колычевъ,—гр-ня Н. М. Коновницына,—Д. А. Копьева,—И. П. Корниловъ,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ, — Я. И. Костенецкій, — профес. Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косяровскій,—гр. П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскій,—И. И. Красовскій,—А. Я. Креминской,—В. В. Крестовскій, — М. Круповичъ, — П. А. Крыжановскій,—А. Крыловъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—В. В. Кузминъ,—С. Е. Кулеша,—Н. И. Куликовъ.—П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Куникъ,—М. А. Куплетскій,—И. К. Купріяновъ,—кн. Куракинъ,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—І. А. Лазовъ,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларіонова, рожден. Соловьева,—С. Лашкаревъ,—А. С. Лашкевичъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—Н. А. Лебедевъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,— С. Л. Левицкій,—О. И. Левицкій,—А. А. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ,—Леоновъ,—А. Ф. Леопольдовъ,—В. В. Лермонтовъ—В. Н. Лермонтовъ,—Д. Д. Лисенко,—К. Ф. Де-Ливронъ,—М. И. Лилеевъ,—В. И. Лихачевъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—А. Ломачевскій,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ,—С. Ц. Лопацкая,—Е. А. Лопушинскій,—І. В. Лохвицкій,—Лукинскій,—В. К. Луцкій,—А. Львова, Л. Ѳ. Львовъ,—Ѳ. Ѳ. Львовъ,—В. И. Лѣствицынъ,—Любарскій,—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—Л. Н. Майковъ,—В. Н. Майновъ,—И. В. Майновъ,—С. М. Макарова,—от. П. Макаровъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—И. П. Малаховскій,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—К. А. Маньковскій,—А. Н. Маркграфской,—А. Маринъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Н. В. Масловичъ,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—Ив. Матченковъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—К. Медоксъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—П. И. Мельниковъ,—П. Н. Меншиковъ,—А. Е. Мерцаловъ,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—Н. Д. Мизко,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—Ѳ. Б. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—А. П. Милюковъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—С. Миропольскій,—М. П. Митковъ,—В. Михайловъ,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Г. Михельсонъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—гр. А. А. Мордвиновъ, — Д. Л. Мордовцевъ, — А. Л. Мориновъ, — П. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Муликовскій,—Н. Н. Мурзакевичъ,—Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—от. А. Накропинъ,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохиницкій,—А. С. Наставинъ,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Никитенко,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи,—А. А. Никольскій,—проф. В. В. Никольскій,—Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Д. Ниловъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. Новицкій,—А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ.

Кн. А. А. Оболенскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Огаревъ,—П. Огіевскій,—С. Ѳ. Огородниковъ,—Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—М. Я. Ольшевскій,—П. О. Омельяненко,—Ѳ. К. Опочининъ,—И. И. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. Б. Орловъ,—Г. А. Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А. Орловъ,—И. Т. Осининъ,—проф. Н. А. Осокинъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ,—И. Д. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—Н. Палибинъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—Н. И. Пановъ,—П. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренцовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—Г. Г. Перетцъ,—профес. І. Первольфъ,—Перфильева,—Н. А. Перфильевъ,—Э. П. Перцовъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Ал. Н. Петровъ,—Ал. П. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—от. Пирлингъ,—Н. В. Пирожковъ,—В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—Платонова,—А. А. Повало-Швыйковскій,—А. Ѳ. Подвысоцкій,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—Ѳ. Подтягинъ,—акад. И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—П. Н. Полевой,—Н. А. Поливановъ,—В. Н. Поливановъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—В. Поляковъ,—И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ,—Ѳ. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—Василій Петр. Поповъ,—И. С. Поповъ, — Михаилъ И. Поповъ, — Николай Поповъ, — Нилъ А. Поповъ, — Порошина,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской,—М. Н. Похвисневъ,—Н. Н. Правиковъ,—А. Преображенскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій, — М. С. Прокудинъ-Горскій, — Н. Н. Протасовъ, — С. Л. Пташицкій,—Алексд. Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—П. А. Пушкаревъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—А. П. Пятковскій.

М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—А. Распоповъ,—Н. А. Ратынскій,—П. С. Ревякинъ,—С. А. Регменскій,—Н. В. Реутскій,—графъ Ржевускій,—Людмила Ив. Рикордъ,—А. Ѳ. Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—Д. П. Родіоновъ,—А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розенъ,—Д. А. Рокотовъ,—А. Н. Романовскій,—Д. И. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—А. Роспоповъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—К. Рудницкій,—Н. Рудыковскій,—баронъ В. Р. Руммель,—Руничъ,—Н. Рындовскій,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

П. И. Савваитовъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ, — И. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Д. Садовниковъ,—Садовскій,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Саптовъ,—В. Самариновъ.—Н. Ѳ. Самаринъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожни-

ковъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамочкинъ,—Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—В. И. Семевскій,—И. Семеновъ,—К. К. Сентъ-Илеръ,—Сергѣевъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—Л. М. Сердюкова,—Серно-Соловьевичъ,—Сеславина,—Д. П. Сильчевскій,—Симоновъ, — Н. П. Синельниковъ,—Р. И. Ситовскій,—Скальковскій,—Г. Н. Скамони,—А. И. Скиндеръ,—В. Скипскій,—Б. Скоробогатый,—В. Смирновъ,—Д. И. Смышляевъ,—А. И. Соболевскій,—В. Соколовскій,—акад. Ѳ. Г. Солнцевъ,—О. А. Соловьева,—А. И. Сомовъ,—Р. Сорокинъ,—Т. А. Сосновскій,—П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ,—проф. В. Д. Спасовичъ,—А. Л. Спасскій,—И. Спреогинъ,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Стороженко,—Стронинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева, А. И. Стригоцкій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Стромиловъ,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ,—А. А. Суворовъ, князь Италійскій графъ Рымникскій,—С. Судаковъ,—С. Н. Сулима,—от. А. И. Сулоцкій,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—акад. Л. А. Сѣряковъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—П. Е. Татариновъ,—Темниковъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимощукъ, — В. П. Титовъ,—И. Тихомировъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій, — графиня А. И. Толстая,—П. С. Толстой, — Томашевъ,—Н. Е. Тончіевъ,—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г. Трироговъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—А. Н. Труворовъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—А. И. Фелькнеръ,—А. Фехнеръ,—Т. И. Филипповъ,—В. С. Флёринъ,—К. Н. Флиге,—И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ,—О. Е. Франкъ,—Фрезе,—А. Г. Фрикенъ.

А. Ханъ-Аговъ,—Хмѣльницкій,—П. Г. Хоменко,—П. Ф. Хомутовъ,—от. Ѳ. Хорошуновъ,—А. Н. Хребтовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ.

Чайковскій,—графъ Э. К. Чапскій,—Ад. П. Чеботаревъ,—И. А. Чернавскій,—Чешихинъ,—В. Н. Чеховъ,—Г. С. Чириковъ,—профес. И. А. Чистовичъ,—профес. Я. А. Чистовичъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. и П. А. Чумиковы,—Н. К. Чупинъ.

И. И. Шамшевъ,—кн. Ив. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова,—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—Н. Ширяевъ,—А. Д. Шишковъ,—А. Шкляревскій,—А. О. Шлейснеръ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ,—Н. К. Штрандманъ,—Б. К. Шульцъ,—В. В. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ.

П. К. Щебальскій,—М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ.

Н. Юнгъ,—П. И. Юркевичъ.

А. И. Языковъ,—Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ, — Е. И. Якушкинъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Яньковскій,—П. Ясницкій,—Ястржембскій,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать съ признательностію нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: А. П. Арбузовъ,—А. И. Артемьевъ,—А. Н. Аѳанасьевъ,—Я. П. Баклановъ,—князь А. И. Барятинскій,—Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ,—профес. О. М. Бодянскій,—профес. И. Д. Бѣляевъ,—И. Д. Варпаховскій,—Н. В. Веригинъ,—А. С. Вороновъ,—А. Ѳ. Гильфердингъ,—А. К. Гриббе,—В. И. Даль,—П. М. Дараганъ,—Н. Н. де-Прерадовичъ,—Н. П. Дуровъ,—И. И. Европеусъ,—К. К. Злобинъ,—К. А. Зыбинъ,—Ф. В. Каразинъ,—В. Н. Карамзинъ,—А. М. Каратыгина, рожденная Колосова,—П. А. Каратыгинъ,—Г. И. Кузминскій,—от. К. Кустодіевъ,—А. М. Княжевичъ,—М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ,—профес. П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—кн-ня С. А. Мадатова,—М. А. Марковъ,—П. К. Менковъ,—Г. И. Мигринъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—Ѳ. Н. Муратовъ,—П. А. Мухановъ,—акад. П. П. Пекарскій,—А. Н. Поповъ,—О. А. Пржецлавскій,—М. М. Рангъ,—В. Ѳ. Ратчъ,—А. И. Рыжовъ,—И. И. Свіязевъ,—Д. И. Скобелевъ,—профес. С. М. Соловьевъ,—К. Н. Тихонравовъ,—В. И. Фелькнеръ,—А. В. Фрейгангъ,—М. Д. Хмыровъ,—В. И. Чаславскій и К. В. Чевкинъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамильные архивы (напр., К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1880 году.

Въ 1880 г. экземпляры «Русской Старины» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	22	23. Забайкальскомъ окр.	41
2. Амурской обл.	9	24. Закаспійскомъ отд.	6
3. Архангельской губ.	12	25. Заравшанскомъ окр.	7
4. Астраханской	27	26. Иркутской губ.	46
5. Бакинской	20	27. Казанской	76
6. Батумской обл.	3	28. Калишской	17
7. Бессарабской губ.	56	29. Калужской	52
8. Варшавской	73	30. Карской обл.	7
9. Виленской	36	31. Кіевской губ.	152
10. Витебской	26	32. Ковенской	21
11. Владимірской	68	33. Костромской	46
12. Вологодской	24	34. Кубанской обл.	31
13. Волынской	51	35. Кульджинскомъ раіонѣ	1
14. Воронежской	74	36. Курляндской губ.	15
15. Выборгской	6	37. Курской	117
16. Вятской	56	38. Кутаисской	7
17. Гродненской	37	39. Кѣлецкой	8
18. Дагестанской обл.	16	40. Лифляндской	34
19. Донской обл.	70	41. Ломжинской	16
20. Екатеринославской обл.	132	42. Люблинской	24
21. Елисаветпольской губ.	10	43. Минской	30
22. Енисейской	23	44. Михельской	1

45. Могилевской губ.	26
46. Московской	68
47. Нижегородской	33
48. Новгородской	54
49. Нюландской	5
50. Олонецкой	12
51. Оренбургской	43
52. Орловской	94
53. Пензенской	52
54. Пермской	86
55. Петровской	11
56. Плоцкой	10
57. Подольской	58
58. Полтавской	118
59. Приморской обл.	9
60. Псковской губ.	43
61. Радомской	14
62. Рязанской	59
63. Самарской	46
64. С.-Петербургской	88
65. Саратовской	66
66. Семипалатинской обл.	15
67. Семирѣченской обл.	14
68. Симбирской губ.	95
69. Смоленской	52
70. Ставропольской	32
71. Сувалкской	7
72. Сѣдлецкой	16
73. Сыръ-Дарьинской обл.	33
74. Тавастгуской губ.	1
75. Таврической	88
76. Тамбовской	86
77. Тверской	74
78. Терской обл.	22
79. Тифлисской губ.	69
80. Тобольской	24
81. Томской	37
82. Тульской	69
83. Уральской обл.	8
84. Уфимской губ.	20
85. Ферганской обл.	12
86. Харьковской губ.	124
87. Херсонской	192
88. Черниговской	65
89. Черноморскомъ окр.	2
90. Эриванской губ.	12
91. Эстляндской	13
92. Якутской обл.	11
93. Ярославской губ.	68
Итого	3862
II. Въ Москвѣ	635
III. Въ С.-Петербургѣ (*съ доставкою и безъ доставки*)	1130
IV. За границею	63
Всего	5690

Завѣдывающая экспедиціей журн. «Русск. Старина». *К. Ѳ. Кармалина.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XXIX томѣ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1880 г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Абаза, Н. Н., 1865 г., 714.

Абакумовъ, сенат., ген.-интендантъ арміи, 1828 г., 903, 908, 909.

Абдулла-Эфандій, Нухинскій житель, 1859 г., 104.

Абрамовичъ, Игнатій Ефимов., команд. варшавс. жандармс. дивиз., впослѣд. варшавск. об. полицмс., 1846 г., 117, 193.

Абрамовскій, ксендзъ плоцк. реформатс. костела, участн. польс. возстанія, 1863 г., 879.

Авенаріусъ, Анна Өедор., 1815 г., 26-28.

Авенаріусъ, Карлъ Карл., учит. рисованія, 1815 г., 26—28.

Адеркасъ, ген.-лейт., 1826 г., 613.

Адлербергъ, гр., Влдм. Өедор., ген.. адъют., мн-ръ двора, 196, 339, 340, 387, 618.

Азаревичева, арт-ка балерина, 1825 г., 272, 274.

Айвазовскій, Ив. Конст., художн.-маринистъ, р. 1817 г., 411, 849.

Акинфіевъ, генер., начальн. отряда, 1828 г., 897.

Алабьевъ, В., артистъ, 1828 г., 341.

Александра Александровна, вел. кнж., р. 1842 † 1849 г., 212.

Александра Николаевна, вел. кнж., въ супруж. принцес. Гессенъ-Кассельская, р. 1825 † 1844 г., 209, 210.

Александра Өеодоровна, имп-ца, р. 1798 † 1860 г., 186, 208—216, 268, 273, 343, 794, 887, 915, 921.

Александровъ, Тимоөей Александров., чл. управы благочинія, 1836 г., 1017.

Александръ I, имп. р. 1777 † 1825 г. Русскій Дворъ въ 1804 г., 793—822; рескриптъ ген.-губернат. Балашеву, 1824 г., о сооруженіи памятника вел. кн. Дмитрію Ивановичу Донскому, на Куликовомъ полѣ, 438, 439. Упом: 3—8, 23, 35—41, 45, 51, 129—168, 179, 180, 189, 201—208, 222, 255, 261—299, 381, 383, 438, 440, 602, 613, 616, 631—640, 649 — 670, 738—744, 758, 823 — 850, 884 - 889, 1055.

Александръ II, Императоръ, р. 1818 т., 99—108, 221, 222, 386, 406, 412, 630, 643, 644, 767, 876, 1054.

Александръ—отшельникъ, народная легенда объ импер. Александрѣ I, 742—744.

Аликсъ, полков. турец. служ., 1877 г., 592.
Алихъ-паша, турец. начальн., 1828 г., 900.
Аллье, проф. франц. яз., 1836 г., 1029.
Альбрехтъ, казначей театр., 1810 г., 263.
Амалія, принцесса Баденская, 1804 г., 798.
Ангальтъ, гр., ген. саксонс. арміи, 1783 г., 821.
Анна Іоанновна, имп-ца, † 1740 г., 173.
Анна Петровна, цесаревна, впосл. герцогиня Голштинская, мать имп. Петра III, р. 1708 † 1728 г., 173, 174.
Анна Өеодоровна, вел. кнг., рожд. принцес. Саксенъ—Кобургская, супруга вел. кн. Константина Павловича, р. 1781 † 1860г., 801—803.
Анненковъ, М. Н., помощн., варшавс. ген.-полицмейст., 1863 г., 869, 871.
Анучинъ, полковн., 1863 г., нынѣ ген.-лейт., ген.-губернат. Вост. Сибири, 855—860.
Аполлосъ, іеромонахъ, 1826 г., 652, 653.
Апраксина, гр-ня, рожден. кнж. Голицына, 1804 г., 798.
Апраксинъ, гр., Степанъ, фельдм., 174, 175.
Апраксинъ, гр., Степ. Өедор., генер., 1837 г., 429, 608.
Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, р. 1769 † 1834 г., 4, 132, 158—163, 178, 203, 204, 618, 652, 653, 917.
Арапетовъ, И. П., состоявшій при мн-рѣ двора, 1857 г., 387.
Араповъ, ген.-лейт., пензенс. губерн. предвод. двор., 1856 г., 1054.
Арбузовъ, лейтен., 1823 г., 838, 844, 845.
Аргутинскій-Долгорукій, кн., капит., 1877 г., 80.
Арендтъ, Никл. Өед., лб.-мед., 1825 г., 609.
Арнольди, Александ. Карлов., вице-губернат. тамбовс., 1820 г., 832.
Арнольди, Екат., Васил., рожд. Недоброво, 1820 г., 832.
Арнольди, генер., 1828 г., 48.
Арнольди, 640.
Арсеньевъ, Кон. Ив., проф., 758, 761.
Артамоновъ, губерн. секрет., чиновн. почтамта, 1843 г., 198.
Артоболевскій, маіоръ, 1877 г., 942.
Арцыбушевъ, ротмст., 1837 г., 430.
д'Аршіакъ, виконтъ, секрет. французс. посольства, 1837 г., 428, 458.
Асенкова, Александра Егоровна, арт-ка, 1815 г., 266—269, 290, 302, 303, 795.
Асенкова, Варв. Никл., арт-ка, 1835 г., † 1841 г., 290—296, 303—318, 795, 796.
Астафьевъ, Н. А., профес. Замѣтка его къ автобіографіи свящ. Өеодосія Левицкаго, 129, 130.
Ахмедъ-Бей, турец. начальн., 1828 г., 906.
Ахундовъ, капит., переводч., 1859 г., 105.

Бажановъ, Вас. Борисов., протопресвитеръ, духовн. Ихъ Императорс. Величествъ, 1857 г., 216, 700.
Байковъ, дежурный ген. 2-й арміи, 1828 г., 898, 918.
Бакунинъ, Мих. Алсд., поруч., 1825 г. впослѣд. адъют. вел. кн. Михаила Павловича, убитъ на Кавказѣ, 216, 606, 607.
Балабанъ, Гедеонъ, еписк. Львовскій, 1591 г., 567.
Балашевъ, генер.-адъют., ген.-губернат. рязанс., 1824 г., 438.
Балашевъ, пенсіонеръ русс. театра, 1817 г., 369.
Бантышевъ, извѣстный пѣвецъ, 1839 г. 315, 342, 250, 449.
Баратынскій, Евгеній Абрамов., поэтъ, † 1844 г., 831.
Барицкій, часов. маст., чл. тайн. варшавс. общ., 1843 г., 185, 187.
Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богданов., фельдм., р. 1761 † 1818, 203, 204, 601.
Барсовъ, Никл. Ив., проф. Сообщ. разсказъ Денисова «Встрѣча въ Москвѣ персидскаго слона въ царств. Петра I», 169—172.
Бартенева, фрейлина имп-цы Александры Өеодоровны, 1855 г., 216.
Барятинская, княгиня, 1804 г., 798.
Барятинскій, кн., студентъ, 1817 г., 34.
Барятинскій, кн., Алсд. Ив., намѣстн. Кавказа, впослѣд. фельдм., р. 1814, † 1876 г., 97—108.
Барятинскій, кн., Викторъ Ив., ссылка на сообщен. имъ фотографич. портр. кн. А. И. Барятинскаго, 108.
Басинъ, художникъ, 414.

Батьяновъ, лейтенантъ, 1854 г., 213.
Бахметевъ, адъютантъ, 1825 г., 608.
Бахталовскій, Е. П. Сообщ. рукопись: «Описаніе духовныхъ трудовъ и всѣхъ случаевъ жизни свящ. Ѳеодосія Левицкаго, 1791—1845 гг.», 129—168, 645—682.
Бахтинъ, Николай Иванов., 1853 г., членъ госуд. совѣта, 753, 756.
Бахтуринъ, писатель, 996, 997.
Башиловъ, Алексдр. Алексдр., камеръ-пажъ, 1797 г., впослѣд. сенат., 738.
Башиловъ, генер., 1828 г., 913.
Башуцкій, Алсд. Пав., адъют. гр. Милорадовича, 1825 г., † 1876 г., 604—611, 739.
Башуцкій, Павелъ, ген.-адъют., спб. коменд., 1825 г., 604, 739.
Беатеръ, маіоръ, 1877 г., 73.
Беггровъ, коммисіонеръ академіи худож., 393.
Бегичевъ, дс. ст. сов., 629.
Безбородко, гр., Алсд. Андр., госуд. канцл., р. 1747 † 1799 г., 199, 812, 814, 818.
Беккеръ, Никл. Герасимов., режиссеръ московс. театра, † 1849 г., 319, 349.
Беккеръ-паша, 1877 г., ссылка на его сочин. «Война въ Болгаріи», 61, 66, 232, 233, 249—254, 581—595.
Бельгардтъ, начальн. отдѣла 1863 г., 865.
Бенкендорфъ, гр. Алсд. Христоф., ген.-адъют., шефъ жандармовъ, р. 1783 † 1844 г., 23, 218, 341, 417—424, 614, 619, 834.
Бергъ, Никл. Вас., ссылка на его «Записки о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг.», 197, 198, ссылка на статью: «кн. М. Д. Горчаковъ», 782—792.
Бергъ, гр., Ѳед. Ѳед., генер., 1828 г., впослѣд. ген.-фельдмарш. намѣстн. Царс. Польс., р. 1794 † 1874 г., 48, 114, 115, 852—866, 918.
Берже, Адольфъ Петр., предсѣдат. Кавказс. археограф. комм. Сообщ.: замѣтку «А. А. Бестужевъ въ Пятигорскѣ, въ 1835 г.», 417—422.—«Документы, относящіеся до сооруженія памятника вел. кн. Дмитрію Ивановичу Донскому на Куликовомъ полѣ», 437—440.
Берхманъ, полковн., 1837 г., 428.
Бестужевъ-Рюминъ, Конст. Никл., проф. Сообщ. письма А. Ѳ. Гильфердинга къ В. И. Григоровичу 1851 и 1855 гг., 432, 433, Замѣтку: «Книгопродавецъ Ротганъ», 764.
Бестужевъ, Алексд. Алсдр. (Марлинскій), декабр., писат., † 1837 г., 417—422, 605, 764.
Бестужевъ, Петръ Алексдр., декабр., 34.
Бетанкуръ, генер., главный начальн. инстит. путей сообщ., 205.
Бетанкуръ, ротмст., 1837 г., 458.
Бибиковъ, полковн., 1831 г., 601.
Бибиковъ, подпоруч., 1835 г., 421.
Бибиковъ, Иванъ Петровичъ, 786.
Биргеръ, капит., генер. штаба, 1877 г., 578.
Биркина, Софья Васил., въ замуж. Каратыгина, пѣвица, 293.
Бистромъ, генер., команд. гвардейск. пѣхоты, 1823 г., 850.
Бистромъ, генер., 1837 г., 429, 911.
Бландо, лейтен., 1823 г., 838.
Блезъ, Юлія Ѳедоровна, наставница, 1008.
Бломъ, гр., датскій посланн. при русс. дворѣ, 1813 г., 23.
Богаевскій, подполковн., † 1877 г., 942.
Богдановичъ, Модестъ Ив., воен. писатель, 785.
Боголюбовъ, художн., 1852 г., 392—411.
Богословскій, о. Михаилъ Измайлов., законоучит. учил. правовѣд., 1836 г., 1030.
Богушевскій, Никл. Казимиров. Сообщ. „Замѣтка А. С. Пушкина въ альбомъ чревовѣщателя А. Ваттемара“, 221.
Бодиско, Борисъ Андр., лейтен., 1823 г., 838, 845, 850.
Бодиско, Мих. Андр., мичм., 1823 г., 838.
Бодянскій, Осипъ Максимов., проф. московск. унив., р. 1808 † 1877 г., 432, 435.
Бозе, гр., Августъ, саксонс. посланн. при русс. дворѣ, 1811—1813 г., 794 б.
Боллинголь, (Bollingholl), лондонскій граверъ, гравир. портр. кн. **А. И. Барятинскаго**, см. стр. 1, упом. 108.
Болховитиновъ, Евгеній, митроп. кіевскій, 1836 г., 197.
Борзобогатая-Красенская, Марья Ив., 1564 г., 560, 561

Борзобогатый, Ив. Яцковичъ, владыка владимірс., 1564 г., впослѣд. еписк. луцкій, 560.
Боркъ, артистъ, 1813 г., 264, 266.
Бороздина, Прасковья Никол., 216.
Бороздинъ, Николай, полков., фл. адъют., 1804 г., 803, 827.
Боченковъ, артистъ, 1830 г., 342.
Бра, Сусанна (Suzanne Bras) арт-ка, † 1836 г., 289.
фонъ-Брадке, Егоръ Егор., директ., 632.
Браиловъ, Андрей Игнатьевичъ, 311, 312.
Брауновъ, генер., 1757 г., 175.
Брегетъ, извѣст. час. дѣлъ мастеръ, 205.
Брожъ, К. О., художн., рис. на деревѣ портр. **Герасима Петр. Павскаго**, съ живописн. портр., писан. художн. Н. С. Волковымъ, 223, портр. гр. **Павла Дмитр. Киселева** съ литограф. 1834 г., 549; упом. 627.
Брокеръ, восп-къ царскосельс. лицея, 1825 г., 601.
Брокъ, ген.-маіоръ, начальн. отряда русск. арміи, 1877 г., 66, 229, 230, 242, 243.
Бругенкатъ, учит. англ. яз., 1815 г., 30.
Брюлловъ, А. П., проф. акад. худож., 1859 г., 390, 409, 410.
Брюлловъ, Карлъ Павл., проф. акад. худож., † 1852 г., 333, 995, 1027.
Брюлловъ, Н. Ѳ., архитект., 406, 408.
Брянская, Анна Матв., рожд. Степанова, арт-ка, 1831 г., 297, 343—350.
Брянскій, Яковъ Григор., арт., 1812 г., † 1853 г., 264—272, 291, 296, 297, 343 —350, 795.
Будбергъ, бар., ген.-инфан., чл. госуд. сов., 1804 г., бывш. послан. при шведс. дворѣ, 809, 820—822.
Булгаковъ, московск. почтъ-директ., 1834 г., 218, 219, 424.
Булгаковъ, А. Я., 1837 г., 288.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктов., писат., р. 1789 † 1859 г., 257, 278, 315, 341—343, 420.
Бумерзъ, А., столоначальн., 1843 г., 198.
Бураковъ, Илья Аѳанас., колл., асс., чиновн. мн-ва государст. имущ., 629.
Бурачковъ, П. О., чл. одесск. общ. исторіи древностей, 380.
Бурой, Василій, солдатъ, 1742 г., 172, 173.
Бурцевъ, полковн., 1828 г., 896.
Буссе, студент. педагогическ. инстит., 1816 г., 179, 180.
Буссе, офиц. лб.-егерс. полка, † 1828 г., 911.
Бутурлинъ, гр., Алсд. Борис., ген.-фельдм., р. 1694 † 1767 г., 173, 174.
Бухарина, Елисав. Ѳедоров., 1812 г., 203, 204.
Бухаринъ, рязанс. губер., 1812 г., 203.
Бухмейеръ, Алсд. Ефимов., инжен. генер. лейт., 1855 г., 214, 457, 1048, 1049.
Бушманъ, англичанинъ—воспитат. учил. Правовѣдѣнія, 1835 г., 1028.
Быковъ, квартальн. надзират., 1802 г., 744.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьев., писат., р. 1810 † 1848 г., 333, 1012, 1033.
Бѣлинскій, Павелъ, бывш. хотинс. почтъ-экспедит., 679.
Бѣлобровъ, чиновн. акад. худож., 396.
Бѣловъ, рузскій исправникъ, 1813 г., 21.
Бѣлоградскій, полковн., 1837 г., 428.
Бѣлосельскій, кн., 1804 г., 799.
Бѣляева, Екат. Петр., 8—34, 824, 827, 837, 842, 850.
Бѣляева, Елисав. Петр., 8, 13, 15, 25, 32, 34, 824, 827, 837—850.
Бѣляева, Софья Петр., 13, 824, 827, 837—850.
Бѣляева, Шарлотта Андр., рожд. Верениусъ, 8—13, 828—832.
Бѣляевъ, Алсд. Петр., р. 1803 г. Сообщ. свои «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803-го года». Гл. I—VII, 1—42, 823—850.
Бѣляевъ, Петръ Гавр., колл. сов., † 1810 г., 3—12, 829, 832, 833.
Бѣрилова, арт—ка балерина, 280.

Вадзинскій, Павелъ, свящ., 67
Ваксель, 1797 г., 738, 739.
Валбергъ, Ив. Ив., балетмейстеръ, 1808 г., р. 1766 † 1819 г., 262, 265, 269.
Валеско, въ замуж. кнг. **Гагарина**, 24.
Валицкій, Янъ, 1594 г., 564, 565.
фонъ-Валь, ген.-маіоръ, 1863 г., 852.
Вальбергъ, Марія, артистка, 181. г., 262—267, 272, 280.

Вальховскій, восп—къ царскосельс. лицея, 1817 г., 601.
Варламовъ, композит., 1830 г., 297.
Василенко, полковн., интендантъ гвардейс. корпуса, 1877 г., 93.
Васильевъ, гр., мн—ръ финансовъ, чл. госуд. сов., 1804 г., 807—818.
Васильковскій, коменд. Коварнскій, 1828 г., 913.
Васильчиковъ, кн., команд. гвард. корпуса, 1812 г., 23, 824.
Васильчиковъ, кн., А. И. Сообщ. за, мѣтку: «Кн. Мих. Дмтр. Горчаковъ» 456, 457, упом. 1048, 1049.
Васильчиковъ, кн., Викторъ Илларіонов., начальн. штаба Севастопольскаго гарнизона, 1854 г., впослѣдс. товарищъ военн. мн—ра, 456, 786, 789, 1048.
Васмундъ, полковн., 1877 г., 583—594.
Ваттемаръ, Александръ (Alexandre Vattemare), чревовѣщатель, 1834 г., 221.
Вахтангъ Ираклієвичъ, грузинс. царев., 1802 г., 181.
Вахтенъ, генер., 1828 г. 46, 48.
Ваццорфъ, Л. Ф., саксонс. послан. при русс. дворѣ, 1810 г., 794—б.
Ведель, арт., 1812 г., 264.
Веймарнъ, Петръ Өедор., полковн., 1825 г., 601, 602, 614.
Веймарнъ, врачъ Общ. «Краснаго Креста», 1877 г., 241, 242.
Велепольскій, гр., Сигизмундъ, 1863 г., 852—854.
Величкина, арт—ка, 1817 г., 269.
Вельо, бар., полковн., 1825 г., впослѣд. Царскосельс. коменд., 606.
Вельяминовъ, Алексѣй Александр., ген.-лейт., 1835 г., 417—420, 623.
Вельяминовъ, ген.-лейт., 1877 г., 228, 230, 253, 254, 575—593, 935—950.
Венховскій, Владиславъ, адвокатъ, чл. тайн. варш. общ., 1843 г., 184—188.
Венцель, Карлъ Бургардов., ген.-лейт., сенат., 1873 г., 632.
Венявскій, скрипачъ, 396.
Вереніусъ, Шарлотта Андреев., въ замуж. Бѣляева, 8—13.
Верморель, чл. парижс. коммуны, 1871 г., 197.
Верстовскій, Алексѣй Никл., дс. ст. сов., управл. конторою московс. театр. съ 1842—1861 г., 318, 319, 330.
Весель - паша, турец. военачальн., 1877 г., 947.
Викинскій, Ив. Михайлов., ген.-лейт., 117.
Вилевальдъ, проф. акад. худож., 391.
Виноградова, арт—ка, 1830 г., 297.
Винцингероде, бар., Фердинандъ Өедоров., ген.-адъют., 1804 г., бывш. ген.-маіоръ австр. служ., р. 1770 † 1818 г., 795—б., 803, 804.
Висковатовъ, 1817 г., 268.
Витгенштейнъ, гр., Петръ Христофор., ген.-фельдмарш., 1828 г., р. 1768 † 1843 г., 46, 264, 893—923.
Витгенштейнъ, гр., 1863 г., 865, 895.
Витковскій, ген.-маіоръ, председат. варшавс. слѣдств. комм., 1863 г., 860.
Вицлебенъ, Ф., генер.-лейт., адъют. короля прусс., 1830 г., 53, 913.
Віардо, пѣвица, 209.
Віельгорскій, гр., Мих. Юрьев., об.-шенкъ, р. 1787 † 1858 г., 340, 341, 386, 997.
Владимірскій-Будановъ, проф., 549, 551.
Воейкова, Вѣра Никол., рожд. Львова, 202.
Воейковъ, Алексѣй Васил., 1812 г., 202.
Воиновъ, ген.-отъ кавал., корпусн. команд., 1826 г., 615.
Волконскій, кн., Дмитрій, начальн. комиссаріата, 1804 г., 805.
Волконскій, кн., Петръ Мих., мн—ръ двора и фельдм., 1776 † 1853 г., 41, 208, 210, 805, 813, 814.
Волоцкой, восп—къ учил. правовѣд., 1837 г., 1040.
Вольфъ, генер., 1827 г., 624.
Воробьева, Елена Яков., въ замуж. Сосницкая, арт—ка, см. Сосницкая.
Воробьевъ, Яковъ Степ., арт., р. 1766 † 1809 г., 262, 263, 294.
Воробьевъ, проф. акад. худож., 391.
Воронинъ, Ананій Екимов., учит. морск. корп., 1815 г., 30.
Воронихинъ, лицеистъ, 1823 г., 838.
Вороновъ, А. С., членъ Педагогическаго Общ—ва, 774, 776.

Воронцовъ, гр., Алексд. Романов., бывш. посланн. въ Лондонѣ, госуд. канцл., р. 1741 † 1805 г., 809—820.
Воронцовъ, кн., Мих. Семен., ген.-адъют., намѣстн. кавказ., р. 1781 † 1856 г., 382, 913.
Врангель, бар., инспект. учил. правовѣдѣнія, 1836 г., 1025.
Вранкенъ, полковн., 1837 г., 1029.
Врублевскій, Валерій, полковн., начальн. польс. банды, 1863 г., 197, 198.
Всеволоцкій, Герасимъ, фурьеръ, 1741 г., 172, 173.
Вьетанъ, артистъ-скрипачъ, 994.
Вяземскій, кн., Алексд. Алексѣев., дс. тн. сов., ген.-прокур., р. 1727 † 1793 г., 816, 817.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г. Стихотвореніе его, посвящен. ген.-фельдмарш. кн. А. И. Барятинскому, 1860 г., 105, 106, упом.: 188—190, 288, 970, 997.
Вязмитиновъ, ген.-инф., военн. мн—ръ, 1804 г., 805, 813.

Габерзангъ, Алексѣй Ив., восп—къ учил. правовѣд., 1837 г., впосл. тн. сов., 1034, 1034.
Гагарина, кнж., Варвара Серг., см. Долгорукая.
Гагаринъ, кн., генер., 1812 г., 992, 994.
Гагаринъ, кн., Серг. Серг., директ. спб. театр., 1832 г. 24, 303, 342.
Гагаринъ, кн., восп—къ училища правовѣд., 1849 г., 127.
Гагаринъ, кн., вице-презид. акад. худож., 1859—1864 г., 205—415.
Галичъ, проф., 1822 г., 761.
Галкинъ-Врасскій, М. Н. Статья его: «Памяти Джона Говарда, 1726—1790 г.», 379—384.
Галяминъ, полковн., 1825 г., 600.
Гамильтонъ, капит., командиръ корабля «Храбрый», 1822 г., 837.
Ганъ, Евгеній Ѳедоров., директ., впослѣд. тн. сов. и сенат., 632.
Гарднеръ, Раиса Александровна. Сообщ. біографическій очеркъ: «Варвара Дмитріева Писарева, † 15 Іюля 1880 г.», 1007—1014.
Гарковенко, М. Ф., инспект. класс. кадетс. корп., 1829 г., 760.
Гартунгъ, офиц. лб.-егерс. полка, † 1828 г.. 910, 911.
Гасвицкій, морс. офиц., 1817 г., 824.
Гастферъ, поруч., 1825 г., 600.
Ге, худож., проф. акад., 1863 г., 412.
Гедеонъ, архимандр., 1824 г., 164.
Гейсмаръ, генер., 1828 г., 46.
Гекеренъ-де-Беверварвдъ, бар., голландс. посолъ при русск. дворѣ, 1837 г., 288, 427—430, 458.
Гельбигъ, секрет. саксонс. посольства при русс. дворѣ, 1792—1797 г., 794—б.
Геннади, Гр. Ник. † 1879 г. Ссылка на его соч.: «Кое-что о русскихъ поэтахъ», 968.
Георгіевскій, проф., 1836 г., 1028.
Георгій XII Ираклієвичъ, грузинс. царь, 1799 г., † 1800 г., 180.
Георгій, архимандр., рект. подольс. духовн. семин., 1815 г., 133, 154.
Георгъ, принцъ Ольденбургскій, † 1812 г., 264.
Германи, Бертольдъ (Матушевскій), докт., агентъ варшавс. тайн. полиціи, † 1863 г., 861, 867.
Германъ, проф., 1822 г., 761.
Геруа, 1828 г., 919.
Гильфердингъ, Алсд. Ѳедор., помощн. ст.-секрет., предсѣдат. славянс. благотворит. комит., р. 1831 † 1872 г., 431—433.
Глинка, Мих. Ив., композит., 1804 † 1857 г., 192.
Глушковскій, Адамъ, балетмейст. московс. театр., 293.
Говардъ, Джонъ, англичанинъ, извѣстный филантропъ, р. 1726 † 1790 г., 379—384.
Гоголь, Никл. Васил., писат., р. 1809 † 1852 г., 196, 997, 999—1006.
Годуновъ, В. В., московс. артистъ, 1830 г., 994.
Гойская, Ганна, основат—ца Почаевскаго монастыря въ XII в., 555.
Голенищева - Кутузова - Смоленская, кнг—ня, Екат. Ильинична, рожд. Бибикова, р. 1754 † 1824 г., 287.

Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн., Мих. Иллар., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., 264.

Голицына, кнг—ня, Александра, рожд. кнж. Черкасская, 1804 г., 798.

Голицынъ, кн., Алсд. Никл., об.-прокур. синода, р. 1773 † 1844 г., 24, 130—168, 341, 381, 647—670, 799—817.

Голицынъ, кн., Алсд. Серг., 1825 г., 600—606, 612.

Голицынъ, кн., Андрей Мих., полковн., фл.-адъют., 1826 г., 613.

Голицынъ, кн., Борисъ, 1804 г., 799.

Голицынъ, кн., Валеріанъ Мих., декабр., † 1859 г., 421.

Голицынъ, кн., Василій Серг., ротмс., фл.-адъют., 1826 г., 599, 603.

Голицынъ, кн., Дмт. Влдм., московс. ген.-губернат., 1837 г., 749, 750, 755.

Голицынъ, кн., Никл. Серг. Сообщ. свои „Записки 1825—1855 гг.“ Гл. I—III, 599—616, 883—890. Замѣтка его: „Евгеній Болховитиновъ, митропол. кіевскій», 197. «Разсказы объ импер. Павлѣ и Александрѣ I, и народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ, 742—744; упом. 627.

Головачевъ, врачъ Общ. Краснаго Креста, 1877 г., 241, 242.

Головинская, Ѳедора, 1594 г., 564, 565.

Головинъ, ген.-адъют., начальн. отряда, 1828 г., 892, 901—911.

Голубцовъ, сенат. и главный казначей имперіи, 1804 г., 807, 817.

Голшанская, Марія Юрьевна, вторая жена кн. Андрея Курбскаго, 1578 г., 568—571.

Гольцъ, Никл. Осипов., балетмейст., † 1880 г., 269.

Гомбуровъ, фехтмейст., 293.

Гонзаго, декораторъ, 1820 г., 270.

Гончарова, Екат. Никол., въ замуж. Дантесъ-Гекеренъ, фрейлина имп—цы Александры Ѳеодоровны, 1837 г., 427—430, 458.

Гончаровъ, Иванъ, поруч. гусарс. полка, 1837 г., 458.

Горбикъ, директ. сельс. учебн. заведенія, 689, 694, 695.

Горбуновъ, Ив. Ѳедоров., артистъ и разскащикъ. Сообщ.: Матеріалы для исторіи русс. театра, 294—308; Письма къ И. И. Сосницкому его друзей и сослуживцевъ, 1829—1871 г., 339—350; Челобитныя XVII—XIX стол. (шутки-поддѣлки) 796.

Горностаевая, Елена, урожд. кнж. Чорторыйская, основательница Пересопницкаго монаст. въ XVI в., 555.

Горностаевъ, А. М., проф. акад. худож., 389.

Горностаевъ, И. М., преподават. исторіи изящн. искуствъ, 1859 г., 390.

Горскій, Петръ, одинъ изъ участниковъ Куликовской битвы, 1380 г., 441.

Горчаковъ, кн., Дмит. Петр., членъ Россійской Акад. и писат., 110.

Горчаковъ, кн. Мих. Дмтр., главнокоманд. Крымской арміи, 1855 г., въ послѣдс. намѣстн. Царства Польскаго 1861 г., р. 1792 † 1861 г. Біографическій о немъ очеркъ, 109—124; упом.: 184—188, 214, 456, 457, 782—794, 1048—1050.

Горчаковъ, кн., Петръ Дмтр., ген.-губернат. Западн. Сибири, 110.

Греаръ, вице-ректоръ парижс. университ., 1879 г., 975, 988.

фонъ-**Греве**, 640.

Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир. черноморс. флота, 1828 г., 896, 897, 902, 914.

Гренъ, А. Е. Сообщ. Письмо Садовникова цесаревичу Константину Павловичу, 1805 г. о разрѣшеніи жениться, 436.

Гречановскій, войсковой старшина, 1877 г., 242.

Гречина, . . . 1820 г., 382.

Гречъ, Никл. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., 220, 420, 606, 1026.

Грешищевъ, Никаноръ Петр., начальн. отдѣл. ми—ва госуд. имущ., 630, 633.

Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., писат., р. 1794 † 1829 г., 267, 286, 287.

Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секрет. акад. худож., 1850 г., 397.

Григоровичъ, Викт. Ив., экстраорд. проф. казанс. унив., 1851 г., 432, 433.

Григоровичъ, Д. В., писатель, 406.

Григорьевъ, П. И., 1830 г., артистъ,

342; писатель, 1855 г., ссылка на ег соч. «За вѣру царя и отечество», 335, 336.
Гриммъ, Д. И., проф. акад. худож., 389, 401.
Гринвальдъ, команд. кавалергард. полка, 1837 г., 428, 429.
Гриппенбергъ, полковн., фл.-адъют., 1877 г., 62—68.
Гроссманъ, капит., 1842 г., 114.
Гроссъ, Адамъ, адвокатъ, чл. тайн. варшавс. общ., 1843 г., 187, 188.
Груздевъ, Ѳед. Васил., учит. русск. яз., 1815 г., 26, 30.
Гудовичъ, гр., 751.
Гуляевъ, арт., 1816 г., 268.
Гурко, 1827 г., 620.
Гурко, ген.-адъют., команд. отрядомъ, 1877 г. Переходъ черезъ Балканы, зимою 1877 г., 57—96, 223—254, 575—598, 935—950.
Гуровскій, гр., Адамъ, чл. демократич. общ., 1846 г., 193.
Гуровскій, гр., Николай, 1846 г., 193, 194.
Гурская, въ замуж. гр-ня **Нессельроде**, 1822 г., 188, 189.
Гурскій, гр., 1863 г., 866.
Гурьева, гр.-ня, Елена Дмитр., въ замуж. **Сверчкова**, 22—24.
Гурьевъ, гр., Дмит. Алсд., дс. тн. сов., мн.-ръ финанс., р. 1751 † 1825 г., 23, 24, 799, 807, 808, 817.
Гусева, Елена Ив., рожд. Ежова, арт-ка 293, 302.
Гуссейнъ-паша, турец. военачальн., 1828 г., 899, 900.
Гутовскій, настоятель монаст., участн. польск. возстанія, 1863 г., 881.

Давыдовъ, Денисъ Васил., ген.-лейт., писат., р. 1784 †1839 г., 995.
Давыдовъ, Степ. Ив., композит., †1825 г., 265, 273.
Дальмасъ, арт., 1812 г., 263, 264.
Дандевиль, генер.-маіоръ, начальн. отряда русск. арміи, 1877 г., 57—85, 229—235, 239, 253, 579, 594.
Данзасъ, Конст. Карл., сенат., 289, 428, 430.
Данилова, Марія, арт.-балерина, † 1810 г., 263, 293.
Дантесъ-Гекеренъ, Георгъ-Карлъ, поруч. кавалергард. полка, 1837 г., 288, 289, 426—430, 458.
Дантесъ-Гекеренъ, Екатерина Никол., см. **Гончарова**.
Дарія, грузинс. царица, супруга царя Ираклія II, 1802 г., 181.
Даскаловъ, ученый, 434.
Дашкова, Анна Аполлоновна, въ замуж. гр-ня **Шереметева**, 14.
Дашковъ, Африканъ Аполлонов., 1812 г., 14.
Дашковъ, П. Я., ссылка на его собраніе автограф. русск. дѣятелей, 1043.
Деларю, Мих. Данилов, восп-къ царскосельск. лицея, 1829 г., впослѣд. инспект. Ришельевскаго лицея, 1837 г., 217—219, 423—426.
Деларю, Ѳ. М. Сообщ. замѣтку «М. Д. Деларю и А. С. Пушкинъ», 217—219; упом.: 424, 426.
Деласаль, содержательница пансіона въ Москвѣ, 38.
Деллингсгаузенъ, бар., генер., 1828 г., 895—911.
Деллингсгаузенъ, бар., Ив. Ѳедор., директоръ, 632.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антоновичъ, писат., р. 1789 † 1831 г., 217, 423.
Демидовъ, генер., главный начальн. сухопутн. кадетск. корпусовъ, 1829 г., † 1832 г., 760—762.
Денисовъ, Андрей, раскольничій писатель, 169.
Денисовъ, В. П., протоіер., 752.
Денисовъ, Семенъ, раскольничій писатель, 169.
Денкертъ, чл. тайн. варшавск. общ., 1843 г., 185—188.
Державина, г-жа, 1812 г., 202, 203.
Державинъ, Гавр. Романов., мн-ръ юстиц., писат., р. 1743 † 1816 г., 200—204, 280, 814, 816.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 44—55, 111, 613, 614, 617—626, 740, 741, 888, 891—934.
Дивовъ, морской офиц., 1823 г., 850.
Дидло, Карлъ, арт., 1817 г., 269.
Дидрихсъ, генер., 1828 г., 914, 917.

Димитрій Ивановичъ-Донской, вел. кн., 1380 г., Памятникъ, сооруженный ему на Куликовомъ полѣ, 1825 г., 437—441.
Димитрій, архіеп. Кишеневс. и хотинскій, 1823 г., 153.
Длотовскій, 640.
Дмитревскій, Ив. Афанас., одинъ изъ основателей русск. театра, чл. россійс. академіи, р. 1734 † 1822 г., 262—271, 276—283, 295.
Долгорукая, княг., Варвара Серг., рожд. княж. Гагарина, 1813 г., 16—36, 824, 825, 836, 842, 850.
Долгорукая, княж., Варвара Васил., 1825 г., 37.
Долгорукая, княж., Екат. Вас., въ зам. Салтыкова—княг., 1815 г., 24.
Долгорукая, княг., Екат. Ѳедор., 24, 36, 37.
Долгорукая, княж., Марія Васил., 1825 г., 37.
Долгорукая, рожд. княж. Голицына, 24.
Долгорукая, кнг-ня, 1854 г., 212.
Долгорукій, кн., Василій Андр., ген.-адъют., шефъ жандармовъ, 1863 г., 452.
Долгорукій, кн., Василій Васил., шталмейст., 1813 г., р. 1787 г., 16—36, 825, 827, 836, 837, 850.
Долгорукій, кн., Владим. Андр., нынѣ московс. генер.-губернаторъ, 17.
Долгорукій, кн., Николай Вас., 1815 г., 24.
Долгорукій, кн., Петръ Владим., 813.
Доманіевскій, полковн., 1877 г., 76,
Домбровская, г-жа, рожд. княж. Лонцкая, 191—193.
Домбровскій, Генрихъ, генер., 1812 г., 191, 192.
Домбровскій, Теофилъ, 1871 г., 197.
Домбровскій, Ярославъ, штб.-капит., чл. центральн. комит. польскаго, 1862 г., † 1871 г., 191—195, 197, 198.
Дофине, херсонс. землевладѣл., 379, 380.
Драшусовъ, А. Н., чиновн. особ. поруч., 1863 г., 872.
Дроздовъ, Андрей Андр., докторъ, 1823 г. 838, 841.
Дроздовъ, Афанасій, еписк. винницкій, рект. спб. духовн. акад., 1842 г. 686, 687.
Дубельтъ, Леонтій Васил., начальникъ штаба корп. жандармовъ, 125—128, 329, 452—455, 999—1006.
Дубельтъ, Мих. Леонтьев. Сообщ. замѣтку: „Леонтій Васильев. Дубельтъ“, 452, 453.
Дубельтъ, рожд. Перская, 452.
Дундуковъ-Корсаковъ, кн., М. А., 219, 220.
Дюваль, чл. Парижск. комуны, † 1871 г., 198.
Дюгамель, штб.-капит., 1825 г., 600.
Дюпоръ, арт., 1811 г., 263.
Дюръ, Н. О., артистъ, † 1839 г. 280, 296, 306, 307.

Евгеній Виртембергскій, принцъ, ком. 7 корп. русской арміи, 1828 г., р. 1788 † 1857 г. Записки его о турецкой войнѣ 1828 г., 43—56; упом. 610, 916.
Евгеній, (Болховитиновъ), митрополитъ кіевс., 1836 г., 197.
Евреиновъ, Никл. Петр., дс. ст. сов., 629.
Ежова, Екат. Ив., арт-ка, 1814 г., † 1836 г., 266, 269, 289, 293.
Ежова, Елена Ив., въ замуж. **Гусева**, арт-ка, 293.
Езеранскій, Иванъ, чл. польс. жонда, 1863 г., † 1864 г., 859.
Ейнзидель, гр., Георгъ, камергеръ, саксонс. полномочн. мн-ръ при русскомъ дворѣ, 1804—1810 г., 794.—б.
Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г., 3, 199, 276—280, 631, 737, 795—б, 796—б, 813, 814—821, 1044—1046.
Екатерина Павловна, вел. кнг., въ первомъ супруж. принцес. Ольденбургская, во второмъ королева Виртембергская, р. 1788 † 1818 г., 269, 1022.
Елена Павловна, вел. кнг. (принцесса Виртембергская) р. 1806 † 1873 г., 287, 342.
Елисавета Александровна, вел. кнж., р. 1806 † 1808 г., 262.
Елисавета Алексѣевна, имп-ца, р. 1779 † 1826 г., 36, 263, 265, 272, 741, 742, 796—818, 826.
Елисавета Петровна, имп-ца, р. 1709

† 1761 г. Письма ея къ ген.-аншефу Фермеру 1757—1759 г., 175—177; упом. 172—174, 1043.
Еремеевъ, камеръ-юнкеръ, 629.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген-лейт., р. 1777 † 1861 г., 437, 617—620, 783.
Ермоловъ, Н. М.. варшавс. комендантъ, 1863 г., † 1864 г., 863.

Жандръ, Андрей Андр., писат., 262, 286, 753, 755.
Жандръ, Варвара Семен., 1825 г., 286.
Жебелевъ, Григорій Ив., арт., 1817 г., 269, 276, 281.
Желтухинъ, начальн. гвардейс. генеральн. штаба, 614.
Желтухинъ, полковн., † 1829 г., 113.
Жемчужникова, Ольга Алексѣевна, рожд. Перовская, 14.
Жемчужниковъ, Аполлонъ Аполлон., штб.-капит., 1826 г., впослѣд. ген.-маіоръ и начальн. штаба отдѣльн. сибирс. корпуса, 889.
Жерве, Любимъ Карлов., 1807 г., 213.
Жерве, Петръ Любимов., инжен., 1854 г., 213.
Живокини, Василій, арт. московс. театр., 296, 449.
Жилинскій, полковн., пятигорскій комендантъ, 1835 г., 419.
Жихаревъ, С. П., писатель, 278.
Жмакинъ, В., ссылка на его изслѣдованіе: «Русское общество XVI в.», 572.
Жобаръ, Альфонсъ (Jobard), проф. казанск. университ., 1822 г., р. 1793 г., 219.
Жомини, генер., 1828 г., 49, 114, 115, 897.
Жоржъ, г-жа, франц. артистка, 1809 г., 263, 264.
Жуковскій, Василій Андр., писатель, р. 1788 † 1852 г., 758, 843.
Журавлевъ, Ив. Титов., начальн. отд., 1837 г., 630, 633.

Забелло, генер., 810.
Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳеновичъ, чл. гос. совѣта, ст.-секрет., 627.
Завадовскій, гр., Петръ Васил., дс. тп. сов., ст-секрет. Екателины II, мн-ръ народн. просвѣщ., 1801 г., р. 1738 † 1812 г., 807, 818.
Завадовскій, ген.-маіоръ, исправляющ., должн. наказн. атамана войска черноморскаго, 1835 г., 421.
Загоровская, Софья, 568.
Загоровскій, Василій, кастелянъ браславскій и городничій владимірс., 1577 г. † 1580 г., 568—570.
Загоскинъ, Мих. Никл., директ. моск. театр. въ 1831 — 1842 г., писат., 318, 330, 331, 340, 341, 995.
Закревскій, гр., Арсеній Андр., ген.-адъют., моск. воен. ген.-губернат., р. 1783 г., 442—445.
Закревскій, дежурный генер., 1820 г., 834.
Залуцкій, полковн., 1828 г., 910.
Замальяровъ, Лука, ссылка на портр. о. Ѳеодосія Левицкаго, 135.
Замятнинъ, воспит-къ учил. правовѣдѣнія, 1836 г., впослѣд. рязанс. губернат., 1032, 1033.
Зарубинъ, учит. географіи, 1815 г., 31.
Затлеръ, Ѳед. Карл., генер.-провіантмейст. крымской арміи, 1854—1855 г., 113, 456, 783.
Збаражская, кнж., Марія, въ замуж. Загоровская, 568—570.
Злобинъ, 1817 г., 744.
Зловъ, арт., 1813 г., 264, 265.
Зонтагъ, арт-ка пѣвица, 1830 г., 343.
Зотовъ, Рафаилъ Мих., членъ репертуарной части спб. театровъ, † 1870 г., 278, 341—349.
Зубатовъ, полковн., 1877 г., 57.
Зубова, гр-ня, въ замуж. **Канутъ**, 1823 г., 849.
Зубова, Вѣра, арт-ка балерина, 1832 г., 349, 350.
Зубовъ, гр., Никл. Алексдр., об.-шталмейст., р. 1763 † 1805 г., 802.
Зубовъ, Петръ Алексѣев., восп-къ учил. правовѣд., 1837 г., 1040, 1041.
Зубовъ, кн., Платонъ Алсд., любимецъ Екатерины II, р. 1767 † 1822 г., 200, 809, 819 1045.

Иванишевъ, проф., ссылка на его сочиненія, 549, 551.
Ивановъ, гардемаринъ, 1817 г., 29.
Ивановъ, чиновн. канцел. намѣстн. Царс. Польс., 116.
Иванъ Савельичъ, шутъ, 1813 г., 16, 19—21.
Игнатій, митропол. греческій, 1774 г., † 1784 г., 737, 738.
Игнатій (Брянчаниновъ), архимд., настоят. Сергіевской Пустыни, 608.
Игнатьевъ, ротмст., 1825 г., 609.
Игнатьевъ, генер., 1837 г., 428.
Измайловъ, Алексд. Ефимов., писат.-баснописецъ, р. 1779 † 1831 г., 715.
Иловайскій, Алексѣй Васил., ген.-лейт., наказн. атам. войс. Донс., 1821 — 1827 г., 620.
Иловайскій, Д. И., проф. Статья его: «Французское преподаваніе исторіи сравнительно съ русскимъ», 975 — 988; упом. 437.
Ильинскій, графъ, 1773 г., 292.
Ильинскій, ген.-маіоръ, херсонс. губернат., 1851 г., 383.
Ильясъ-Эфандій, житель деревни Биланджи, 1859 г., 103.
Иннокентій, (Борисовъ) архіеп. херсонс. и таврич., р. 1800 † 1857 г., 41, 197, 215, 789.
Ираклій II Теймуратовичъ, грузинс. царь, 1783 г., 180.
Ириней, (Нестеровичъ) епис. пензенс. и саранс., впослѣд. архіеп. иркут., † 1864 г., 153, 746, 747.
Исаковъ, Петръ Ив., учит. математики, 1815 г., 29, 30.
Исидоръ, митропол. спб., 701—704.
Исланъ-бей, турец. начальн., 1877 г., 581.
Истомина, арт-ка-балерина, 1816 г., 267, 276, 850.
Истоминъ, Влдм. Ив., контръ-адмир., † 1855 г., 213.
Италинскій, Андрей Яковл., русс. посолъ въ Константинополѣ, 1812—1816 г., † 1828 г., 814.
Іоанникій, архіеп. подольскій, 1815 г., 133, 150, 667.
Іоанникій, смотрит. Коневскаго монаст. 1824 г., 163—167.
Іовъ, іеромонахъ, законоучит. морск. корпуса, 1815 г., 26, 39—41, 825.
Іона, архіеп. тверс. и кашинскій, 1823 г., 142—166, 649.
Іорданъ, Өедоръ Ив., проф., граверъ на мѣди, 391, 392.
Іосифъ, митропол. кіевс., 1509 г., 560.

Кавелинъ, 1828 г., 919.
Казасси, подполковн., кавказс. военн. полицмейст., 1835 г., 418—422.
Казачковскій, тн. сов., 111.
Кайдановъ, И. К., проф., 600, 1029.
Калашниковъ, Ив. Тимоѳев., тн. сов., директ. канцел. госуд. коннозавод., 628.
Калерджи, грекъ, 190.
Каменскій, гр., Мих. Өедотов., ген.-аншефъ, р. 1738 † 1809 г., 744.
Камчаткинъ, Ив. Тимоф., секрет. спб. консисторіи, 458.
Канкрина, гр-ня, рожд. Муравьева, 748.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., ген.-адъют. мн-ръ финанс., † 1845 г., 628, 640, 747—751.
Канутъ, гр., 1823 г., 849.
Капнистъ, тн. сов., бывшій москов. граждáнс. губернат., 442.
Каподистрія, гр. Иванъ Антон., мн-ръ иностр. дѣлъ, р. 1776 † 1831 г., 23.
Капуданъ-паша, турец. комендантъ крѣп. Варны, 1828 г., 896, 897.
Карабьинъ, П. А. Сообщ. документъ «Поставленіе Иринея Нестеровича архіепископомъ въ Иркутскѣ, 1830 г.», 746, 747.
Карамзинъ, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 712, 827.
Каратыгина, Алсд. Дмитр., рожд. Полыгалова, артистка, р. 1777 † 1859 г., 263, 266, 269, 280—289.
Каратыгина, Алсд. Мих., рожд. Колосова, артистка, р. ..... † 1880 г., 265, 274, 275, 280, 287, 296—350.
Каратыгина, Софья Васил., рожд. Биркина, арт-ка-пѣвица, 293.

Каратыгинъ, Андрей Вас., артистъ, р. 1774 † 1831 г. Выдержки изъ журнала его, 1801 — 1825 г., 257 — 275; упом. 279—281, 340—350.
Каратыгинъ, Вас. Андр., артистъ-трагикъ, р. 1802 † 1853 г., 270—273, 280—289, 291, 295, 333, 334, 994.
Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ-писатель, р. 1805 † 1879 г. Разсказъ изъ его «Воспоминаній», 753—757; упом.: 256, 279 — 282, 291 — 335, 342 — 347, 795, 796.
Каратыгинъ, Петръ Петр. Сообщ. Журн. А. В. Каратыгина 1801—1825 г., 261—275; Очеркъ жизни Алексѣя Семенов. Яковлева, 1773—1817 г., письмо его и стихотвореніе, 276—285; матер. къ исторіи русск. театра, 290 и 339; разсказъ изъ воспомин. его отца, 753; упом. 255.
Карауловъ, чиновн. особ. поруч., 1835—1859 г., впослѣд. пензенс. уѣзд. судья, † 1862 г., 1055, 1056.
Карніолинъ-Пинскій, Матв. Мих., чиновн., 1832 г., впослѣдс. начальн. отдѣл. деп-а мин-ва юстиціи, 347.
Карнѣевъ, Вас. Ив., дѣлопроизводит., впослѣд. тн. сов., ст.-секрет., 628, 630.
Карпинскій, адвокатъ, чл. тайн. варшавс. общ., 1843 г., 187.
Каррикъ, художн., 1859 г., 397.
Карцевъ, Ив. Петр., адмир. 1820—1823 г., 825, 842.
Карцевъ, Петръ Кондрат., адмир., директ. морс. корпуса, 1815 г., 26.
Каталани, пѣвица-арт-ка, 1820 г., 271.
Каталей, генер.-лейт., † 1877 г., 593, 594.
Катенинъ, Александръ Андр., команд. лб.-гв. преображенс. полка, 1853 г., 753—757.
Катенинъ, Пав. Алсдр., драматич. писат., р. 1792†1853 г., 272, 273, 286—289.
Кашинцевъ, Никл. Андр., ст. сов., 1855 г., 454, 455.
Каульбарсъ, бар. Н., ссылка на «Стоянка на Этропольскомъ Балканѣ», 1877 г., 79, 83, 84, 597.
Каховскій, Петръ Андр., декабристъ, † 1826 г., 609.
Кедровъ, о. М. Слово, сказанное имъ въ годовой день кончины Θ. Θ. Эвальда, 3-го октб. 1880 г., 765—767.
Кеппенъ, Петръ Ив., начальн. отдѣл., 633.
Кераджи-Эминъ, турец. военачальн. 1828 г., 899, 902, 912.
Кербергъ (Koerberg) камеръ-юнгфера имп-цы Александры Θеодоровны, 1855 г., 215.
Кириллъ, архіеп. подольс., 1832 г., 135.
Кириллъ, о., патріархъ Іерусалимскій, 1859 г., 97, 98.
Киселева, гр-ня, Софія Феликсовна, рожд. гр-ня Потоцкая, 644.
Киселевъ, гр., Пав. Дмт., ген.-адъют., мн-ръ госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г. Очеркъ его служебной дѣятельности 1836 — 1856 г., 627—644; упом.: 917, 918, 922.
Киселевъ, Пав. Серг., титул. сов., впослѣд. графъ съ 1872 г., 644.
Кладо, Никл. Мих., начальн. отдѣл., 633.
Клебекъ, восп-къ Учил. Правов., 1837 г., впослѣд. извѣст. скрипачъ, 1040.
Клейнмихель, гр., команд. стрѣлков. батал., 1877 г., 587.
Клеопинъ, Григ. Никифор., об.-бергмейст., 178, 179.
Климовскій, арт., 1814 г., 266—269.
Клодтъ, баронъ, Мих. Конст., художн., 395, 416.
Клодтъ, баронъ, Петръ Карл., скульпторъ, 387, 398, 399.
Клоковъ, Валеріанъ Емельянов., директ., 628, 632.
Клушинъ, А., 279, 280.
Клюзере, бывш. эксъ-генер. франц. службы, 1877 г., 66.
Кноррингъ, генер., 1837 г., 429.
Княжевичъ, Алсд. Максимов., 1837 г., 426.
Княжевичъ, Дмт. Максимов., попечит. одесс. учебн. округа, 1837 г., 426.
Княжнинъ, генер., 1837 г., 428.
Князевъ, фельдъегерь, 1828 г., 898.
Кобеко, Д. Θ., тайн. сов., ссылка на его замѣтку о рублѣ импер. Константина Павловича, 747.
Кобле, ген.-маіоръ, 1790 г., 380.
Кобордо, подполковн., 1877 г., 73.

Кожевниковъ, офиц. генеральн. штаба, 1825 г., 740.
Козинъ, Никл. Глѣбовичъ, лейтен., 1817 г., 824.
Козловскій, кн., Алексѣй, поруч. 1741 г., 173.
Козлянковъ, капит.-артилл., 1820 г., 834.
Козьминскій, помѣщ., 1846 г., 193.
Кокошкинъ, Ѳед. Ѳедор., писат., р. 1773 † 1848 г., 270, 343, 345.
Количковскій, Ипатій, Балтскій почтмейст., 1823 г., 141.
Кологривовъ, Дмт. Мих., 24.
Колосова, Алсд. Мих., въ замуж. **Каратыгина**, артистка, см. **Каратыгина**.
Колосова, Евгенія Ивановна, артистка-пантомимистка, 1825 г., † 1869 г., 262, 274, 280, 350.
Колычевъ, 1804 г., 799.
Комаровскій, гр., адъют. принца Евгенія Виртембергскаго, 1828 г., 46.
Комстадіусъ, херсонс. губер., 1820 г., 382.
Кондратьевъ, Вас. Петр., ген.-лейт., начальн. артил. кіевс. воен. округа, 113, 118.
Кони, Ѳ. А., писатель, 283, 305, 314—316, 449.
Коновницынъ, гр., Петръ Петр., ген. отъ инф., р. 1776 † 1822 г., 202, 203.
Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн., р. 1827 г. Письма его гр. А. Ѳ. Орлову и мн-ру народн. просвѣщ. А. С. Норову, 1855 г., по поводу настоят. необходимости изданія сочиненій Н. В. Гоголя безъ пропусковъ, 1004—1006.
Константинъ Павловичъ, вел. кн. цесар., р. 1779 † 1831 г. Просьба Садовникова о разрѣшеніи ему жениться, 1805 г., 436; упом.: 51—54, 189, 266, 275, 293, 602, 603, 608, 650, 747, 799—819, 899, 914.
Копьевъ, Алексѣй, офиц., 1800 г., 739.
Коржевскій, восп-къ Учил. Правовѣд., 1837 г., 1040.
Корниловичъ, Александр. Осипов., декабр., † 1835 г., 422.
Корниловъ, Влдм. Алекс., адмир., † 1854 г., 214, 457.
Корольковъ, генер., † 1828 г., 896.
Корри, полковн., 116.
Корсакова, рожд. кнж. Мещерская, 1812 г., 15.
Корсаковъ, Андрей Петр., 1812 г., 15.
Корфъ, бар., Модестъ Андр., 607, 608.
Корфъ, бар., начальн. Варшавс. военн. отд., 1863 г., 856, 857.
Корфъ, бар., ротн. команд., 1877 г., 587, 588.
Костливцевъ, Серг. Алсдр., дс. ст. сов., бывш. пермскій гражд. губернат., 629.
Костомаровъ, Никл. Ив., акад., 763.
Коцебу, гр., Пав. Евстафьев., начальн. главнаго штаба на Кавказѣ, 1851 г.— Сообщ. опроверженіе на статью Н. В. Берга: «Кн. Мих. Дмит. Горчаковъ», 789—794, письмо его въ ред. «Русс. Стар.» 782; замѣтка его по поводу статьи кн. А. И. Васильчикова о кн. М. Д. Горчаковѣ, 1048—1050; упом.: 112, 116, 120—124, 428, 456, 457.
Кочубей, гр., 1807 г., 262.
Кочубей, гр., Викторъ Павл., мн-ръ внутр. дѣлъ, впослѣд. госуд. канцл., р. 1768 † 1834 г., 799, 804—820.
Кошелевъ, Иродіонъ Александр., масонъ, † 1827 г., 144, 145, 168, 670.
Краевскій, Андрей Алсд., редакт., 220.
Краевскій, чл. польск. жонда, 1863 г. † 1864 г., 859.
Краммеръ, Алекс. Сав., чиновн. особ. поруч., 641.
Крамской, художн., 414.
Кранихфельдъ, правит. канцел. мн-ра гр. Канкрина, 748, 749.
Красновъ, ген.-м., 1877 г., 73, 236—238.
Красовскій, генер.-лейт., 1828 г., 49, 111, 620, 790, 791.
Красовскій, И. И. Сообщ. біографическую замѣтку о кн. М. Д. Горчаковѣ, 783—789.
Красускій, мясникъ, участн. возстанія, 1863 г., † 1864 г., 856—859.
Крашевскій, штб.-капит., 1843 г., 184, 185, 188.
Крейцеръ, генер., 1831 г., 55.
Кривцовъ, Сергѣй Ивановичъ, декабристъ, † 1864 г., 421.
Криднеръ, г.-жа, 1820 г., 40, 41, 132.

Криденеръ, бар., ген.-лейт., команд. 9-го корпуса русс. арміи, 1877 г., 95, 230, 595—598, 949.
Кротовъ, суфлеръ, 292, 293, 449.
Крузенштернъ, Ив. Өедор., адмир., начальн. морс. корпуса, 1829 г., 759, 760.
Крутицкій, Антонъ Михаиловичъ, арт., † 1803 г., 261.
Крыжановскій, генер., 1837 г., 428.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 205, 206, 262, 758, 759, 1028.
Крюковъ, Д. А., проф. классической литературы, 1842 г., 333.
Крюковъ, ссылка на его эпигр., 219, 220
Ксенофонтъ, архіеп. подольскій, 1823 г., 139, 141, 154, 680.
Кузнецовъ, команд. казаками, 1828 г., 909.
Кулеша, Степанъ. Сообщ. біографическій очеркъ «Александръ Викторовичъ Рачинскій», 433—435.
Куликовъ, Никл. Ив. Сообщ. свои очерки и воспоминанія: «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ», 989—998.
Куницынъ, проф., 761.
Купріяновъ, ген., 1828 г., 47.
Купріяновъ, пензенс. губернат., 1056.
Куракинъ, кн., Алсд. Борисов., дс. тн. сов., вице-канцл., русс. посолъ въ Вѣнѣ, р. 1752 † 1818 г., 799, 804, 809—820.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., р. 1759 † 1829 г., 816, 820, 821.
Курбатовъ, Петръ Алсдр., 1812 г., 14.
Курбскій, кн., Андрей, 1578 г., 556, 568—571.
Курловъ, капит., 1825 г., 601.
Курловъ, генералъ-маіоръ, 1877 г., 227, 582—594.
Курнаковъ, генер., 1877 г., 69.
Курочкинъ, В. С., переводчикъ пѣсень Беранже, 337.
Курчевскій, помѣщ., 1846 г., 193, 194.
Кусовъ, спб. городской голова, 1825 г., 275.
Кутузовъ, гр., Пав. Васил., ген.-адъют., спб. воен. ген.-губернат., 1826 г., 613.
Кучаевъ, М. Н., ссылка на его біографич. очеркъ: «Степ. Ром. Лепарскій, коменд. Нерчинскихъ рудниковъ въ 1826—1837 г.», 422.
Кучевичъ, ст. сов., 629.
Кушелевъ-Безбородко, гр., Никл. Андр. ссылка на его картинн. галлерею, 406, 408.
Кушелевъ, гр., капит., адъют. гр. Дибича, 1828 г., 907—912.
Кюстинъ, 1839 г., ссылка на его «Зап. о Россіи», и разсказъ о немъ, 794, 795.

Лабзинъ, Алсд. Өедор., вице-президАкад. Худож., масонъ, 1818 г., 3, 4.
Лабынцовъ, генер., 1840 г., 24.
Лавровъ, артистъ, † 1840 г., 331.
Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь (Петръ Ив.) воспитат. вел. кн. Александра и Констан. Павловичей, р. 1754 † 1838 г., 798.
Лагоріо, Л. Ф., худож., 408.
Лазарева, Вѣра Петр., въ замуж. Львова, 206, 207.
Лазаревъ, Алексѣй Петров., лейтен., 1823 г., 838, 842, 844.
Лазаревъ, Мих. Петр., адмир., р. 1788 † 1851 г., 206, 407.
Ламздорфъ, гр., адъют., 1828 г., 914, 916.
Лампій, художн., ссылка на портр. имп-цы Екатерины II, 199.
Ланжеронъ, гр., херсонс. генер. губер., 1817 г., 381.
Ланжеронъ, гр., главный начальн. войскъ въ Дунайс. княжест., 1828 г., 46, 897, 912, 915, 917.
Ланской, Серг. Степ., масонъ, 1820 г., впослѣд. мн-ръ внутр. дѣлъ 1855—1862 г., р. 1787 † 1862 г., 833, 1054.
Лебедевъ, арт., 1821 г., 272.
Лебедевъ, Н. А., статья его: «Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, 1836—1856 гг.», 627—644.
Левашевъ, генер., команд. лб.-гусарс. полка, 1813 г., 23.
Левашовъ, Никита, 991.
Левдиковъ, Григорій Мартынов., начальн. отдѣл., 633.
Левенштернъ, бар., генер., начальн. артилл., 1828 г., 913.
Левицкій, Иванъ Несторов., чиновн. духовн. правленія, 1827 г., 678.
Левицкій, о. Несторъ, свящ. и благочинный, 1791 г., † 1816 г., 133, 134.
Левицкій, Орестъ Ивановичъ, секрет.

кіевс. археографич. коммисіи. Составилъ и сообщ. историческое изслѣдованіе: «О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси въ XVI и XVII вѣкахъ», 549—574.
Левицкій, о. Θеодосій, въ мірѣ Θеодоръ, священ. изъ города Балты, р. 1791 † 1845 г. Автобіографія его, гл. I—XXXI, 129—168, 645—682.
Левицкій, судебный апликантъ, чл. тайн. польс. общ., 1843 г., 188.
Левкѣева, Елисав. Матв., (Юангъ) арт-ка 1857 г., 328.
Левшинъ, Алексѣй Ираклієв., дс. тн. сов., бывш. товар. мн-ра внутр. дѣлъ, 632.
Левъ, (Юрловъ) епископъ воронежс., 1730 г., 174.
Ледуховскій, 188.
Ленскій, Дмитрій Тимоф., арт. московс. театр. и писат., † 1860 г., 296—337, 348, 446—452, 795.
Ленцъ, фельдъегерь, 1828 г., 893.
Леонтьевъ, Дмитрій, протоіер. Зарайскій, 1613 г., 752, 753.
Леонтьевъ, Павелъ, вологодс. крестьян. 1776 г., 177, 178.
Лепарскій, Степ. Роман., ген.-маіоръ, комендантъ Нерчинск. рудниковъ въ 1826—1837 г., р. 1754 † 1837 г., 422.
Лермонтовъ, Михаилъ Никол., лейтен., 1823 г., 824, 838, 845, 849.
Лешетицкій, проф. музыки, 396.
Либертъ, фельдъегерь, 1828 г., 911.
Ливенъ, гр., русс. посолъ при лондонс. дворѣ, 1816 г., 180.
Ливенъ, гр., ген.-адъют., 1804 г., 805, 813, 814.
Линская, Юлія Никол., артистка, † 1871 г., 343, 344.
де-Линь, принцъ Карлъ-Іоаннъ (Prince de Ligne), австр. посланн. при русс. дворѣ, р. 1735 † 1814 г., 199.
Липранди, генер., 1854 г., 788.
Лисицына, арт-ка, 1814 г., 266.
Лисѣвичъ, о. Θедоръ, (Григорій) заштат. священ., 1823 г., 150—166, 648, 649.
Литвицкій, о. Петръ, протоіер., инспект. семин., 1828 г., 681.
Литейскій, сотникъ, 1835 г., 421.
Лобанова, арт-ка-балерина, 1819 г., 270.
Лозовскій, Θеодосій, еписк. владимірс., 1583 г., 569, 570.
Лопухинъ, кн., Петръ Васил., генер.-прокур., дс. тн. сов., мн-ръ юстиціи, 1804 г., р. 1753 † 1827 г., 806, 814.
Лошкаревъ, Сергѣй, 1802 г., 181.
Лошкаревъ, полков. коман., 1820 г., 830.
Лубяновскій, губернат. пензенс., 1055, 1056.
Луганикъ, А., 589, 591.
Луцкій, В. Сообщ. замѣтку «Гробница греческаго митрополита Игнатія въ городѣ Маріуполѣ, † 1784 г.», 737, 738.
Львова-Синецкая, арт-ка московск. театр., 296.
Львова, Вѣра Никл., въ замуж. Воейкова, 202.
Львова, Вѣра Петр., рожд. Лазарева 206, 207, 215.
Львова, Елисав. Никл., р. 1788 † 1864 г. Разсказы и анекдоты ея, 199—216, 794.
Львовъ, капит., † 1828 г., 892.
Львовъ, Алсд. Никл., офиц., 1812 г., 202—205.
Львовъ, Алексѣй Θедор., инжен., композиторъ, директ. придворн. пѣвческой капеллы, 1854 г., 209, 215, 216, 784.
Львовъ, Θед. Θед., д. ст. сов., секрет. общ. поощренія художн., 1857 г., впослѣд. конфер.-секретарь акад. худож., упоминается 386—415.
Львовъ, Петръ Петр., 205, 206.
Львовъ, Θед. Петр., † 1835 г., 201—205.
Львовъ, маркитантъ гвардейс. корпуса, 1877 г., 92.
Любовицкій, Леопардъ Осипов., нач. отдѣл., 633.
Любовицкій, полковн., фл.-адъютантъ, 1877 г., 242.
Любощинскій, Маркъ Ник., д. т. сов., сен. Сообщ. письма гр. Мих. Мих. Сперанскаго къ Дм. Борис. Тевкелеву, 1817—1818 г., 744, 745.
Лялинъ, капит.-лейтен., 1823 г., 844.
Ляпуновъ, полковн., 1877 г., 65.

Магницкій, Мих. Леонт., дс. ст. сов., ст.-секрет., 760.
Мадатовъ, кн., Валеріанъ Григор., ген.-лейт., р. 1782†1829 г., 49, 620, 623, 895, 900—912.
Маевскій, генер., 1828 г., 918.
Майковъ, Аполлонъ Александров., директ. импер. театр. съ 1821—1825 г., 271—275, 279, 307, 341.
Макаровъ, художн.-портрет., 414.
Макартней, милордъ, англ. посланн. при русск. дворѣ, 1768 г., 221.
Макеровскій, Ф. П., начальн. московс. горнаго правленія, 1837 г., 747, 748.
Максимовъ, Алексѣй Мих., драмат. арт., † 1861 г., 296, 306, 324.
Максинъ, арт., 1820 г., 270, 271.
Максутовъ, кн., 1852 г., 392, 393.
Малиновскій, о. Харитонъ, свящ., 133.
Малютинъ, поруч., 1835 г., 421.
Мамышевъ, К. И., преподават. математики, 1859 г., 390.
Маринъ, Алексд. Аполлонов., полковн., нынѣ Зарайскій воинскій начальникъ, 751—753.
Марія Александровна, Имп-ца, род. 1824†1880 г., 215, 385.
Марія Александровна, Вел. Княжн., въ супруж. герцогиня Эдинбургская, род. 1853 г., 435.
Марія Георгіевна, грузинская царица, супруга царя Георгія XII, 1802 г., 181.
Марія Николаевна, вел. княгиня, въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, род. 1819†1876 г., 385, 386, 393—396, 411, 415.
Марія Павловна, вел. кн-ня., герцог. Саксенъ-Веймарская, р. 1786 † 1859 г., 187, 820.
Марія Өеодоровна, имп-ца, р. 1759 г. † 1828 г., 3—5, 22, 262—272, 341, 758, 797—829, 887, 917—921.
Маркевичъ, генер., 1829 г., 761.
Марковичъ, ген.-лейт., виленск. военн. губернат., 1843 г., 186, 187.
Марковскій, А. З., помощникъ управл. Маріинск. колон. питомц., 688.
Марковскій, ксендзъ бернардинск. монаст., участникъ польскаго возстанія 1863 г., 879.
Марковъ, А. Т., проф. акад. худож., 388, 391, 413, 414.
Мартыновъ, ротн. команд. л.-гв. измайловск. полка, 1808 г., впослѣдст. спб. комендантъ, 182—184.
Мартыновъ, Алсд. Евстаф., арт.,†1860 г., 296, 324.
Марціусъ, Андрей Андр., докт., 1811 г., 13.
Масальскій, Конст. Петр., ст. сов., 628.
Масловичъ, Василій, харьковск. литераторъ и журналистъ, 1815 г., ссылка на его книгу: «Память о харьковскомъ стихотворцѣ А. Н. Нахимовѣ», 713,—715, 968, 969, 974.
Масловскій, подполковн., 1835 г., 422.
Медоксъ, Екат. Яковл., рожд. Штольцъ, р. 1763†1827 г., 222.
Медоксъ, К. П. Сообщ. біографич. замѣтку: «Романъ Мих. Медоксъ», †1859 г., 221, 222.
Медоксъ, Мих. Георгіевичъ (Maeddox), проф. оксфордск. унив., р. 1747†1822 г., 221, 222.
Медоксъ, Павелъ Мих., штб.-ротм., род. 1795†1871 г., 222.
Медоксъ, Романъ Мих., корнетъ, род. 1789†1859 г. Предпріятіе его составить кавказско-горское ополченіе въ 1812 г., 221, 222.
Межевичъ, В. С., писат., 314.
Мейендорфъ, бар., генер., 1837 г., 429,
Мейеръ, титул. совѣт., докт., 1835 г., 419, 421.
Мельгуновъ, генер., 1828 г., 913.
Мельниковъ, проф. архитект., 1824 г., 438.
Менвіель, арт., 1812 г., 264.
Меншиковъ, кн., Алсд. Серг., адмир., р. 1787†1869 г., 119, 467, 786—788, 1048.
Мерзляковъ, Алексѣй Өедоров., проф. московск. унив., поэтъ и критикъ, род. 1778†1830 г., 716.
Мерцаловъ, Алсд. Евграф. Сообщ. Письмо крестьянина къ своему помѣщику въ 1776 г., 177, 178.—Черта къ характеристикѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, 178, 179.

Мехмедъ-Али-паша, турецк. главноком., 1877 г., 61—72, 232—235, 936, 938, 948.
Мещерская, княж., въ замуж. **Корсакова**, 1812 г., 15.
Миддендорфъ, проф., 1816 г., 180.
Микѣшинъ, М. О., художн., профес., 1859 г., 392—400.
Миллеръ, арт-ка, 1815 г., 266.
Миллеръ, Павелъ, секрет. гр. Бенкендорфа, Замѣтка его къ письму А. С. Пушкина 1834 г., 218. 424, 425.
Милоновъ, писатель, р. 1792†1821 г., 714.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., спб. военн. губернат., † 1825 г., 22, 23, 26, 35, 259, 273—275, 287, 603—613.
Милютинъ, Никл. Алексѣев., чл. гос. сов., р. 1818†1872 г., 866, 867, 872, 873.
Миріанъ Иракліевичъ, грузинск. царев., 1802 г., 181.
Мирковичъ, ген.-маіоръ, 1877 г., 591, 592.
Мирославскій, Людвигъ, диктат., 1863 г., 191, 194.
Мирошевскій, управл. винокуренн. завод., 1810 г., 6.
Михайловскій-Данилевскій, Алсд. Ив. ген.-лейт., военн. писат., ссылка на его соч., 55, 314.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн., р. 1798 г. † 1849 г., 36, 55, 212, 266, 287, 306, 307, 430, 606, 607, 757, 758, 887.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, р. 1596 г. † 1645 г., 752, 753.
Михаилъ, митропол., 1820 г., 39.
Михаилъ, архіеп. иркутск., † 1830 г., 746.
Мицкевичъ, Адамъ, польск. писат., 191.
Мишо, жандармс. подполк., 1848 г., 1053.
Моллеръ, морской мн-ръ, 1823 г., 838.
Молоствовъ, полковн., 1828 г., 54.
Мордвиновъ, гр., Никл. Семен., адмир., р. 1753†1845 г., 380, 381, 422.
Морковъ, гр., Аркадій Ив., тн. сов., чл. иностранн. коллегіи, род. 1747 г. † 1824 г., 809.
Мортемаръ, герцогъ, 1829 г., 50.
Мосягинъ, титул. сов., чиновн. мн-ва государст. имущ., 629.
Мочаловъ, Пав. Степ., арт.-трагикъ, † 1845 г., 291, 296, 319, 325—337, 340, 349, 795.
Мочульскій, Ив. Адамов., ген.-маіоръ 1837 г., 632.
Мундтъ, Никл. Петр., секрет. директ. театр., 1832 г., † 1866 г., 348.
Муравьевъ, товар. мн-ра народн. просв., 1804 г., 807, 818.
Муравьевъ, Никл. Никл., отставн. ген.-маіоръ, 1812 г., 600.
Мурзакевичъ, Никл. Никифоров. Сообщ. замѣтку о М. Д. Деларю, 426.
Муромцевъ, подпрапорщ. л.-гв. измайловск. полка, † 1813 г.; въ его бумагахъ сохран. списокъ оды П. Н. Семенова. 1808 г., «Ротный командиръ», 181—184.
Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, гр., Васил. Валентинов., об.-шенкъ, 1822 г., род. 1775 † 1836 г., 272, 289, 993.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никл., попеч. спб. учебн. окр., 1855 г., 1004.
Мухановъ, Серг. Ильичъ, об.-шталмейст., р. 1762†1842 г., 23.
Мухановъ, Серг. Никл., московск. полицмейст., 1830 г., 297.
Мѣшковъ, Григорій, ст. сов. Сообщ. возраженіе къ «Воспоминаніямъ И. В. Селиванова о Пензенской старинѣ 1848 г.», 1051—1056.
Мюссаръ, секрет. вел. кн-ни Маріи Николаевны, 1859 г., 393, 396.

Нагловскій, ген.-маіоръ, начальн. штаба отряда генер. Гурко, 1877 г., 224, 246.
Назимовъ, ген.-адъют., 1855 г., 999, 1000.
Наполеонъ I, импер. француз., 129, 132, 208, 222.
Нарышкина, Марія Антоновна, рожд. княж. Святополкъ - Четвертинская, р. 1779 † 1854 г., 265, 796—6, 802.
Нарышкинъ, Алсд. Львов., об.-гофмарш. директ. импер. театр. съ 1799—1814 г., р. 1760 † 1826 г., 261—267, 279, 802.
Нарышкинъ, Дмт. Львов., об.-егермейс., р. 1764 † 1838 г., 34, 802.
Нарышкинъ, Кириллъ Алексдр., об.-гофмарш., 1820 г., 828, 837.
Нарышкинъ, Левъ Кириллов., 837.
Нарѣжный, Василій Трофимов., романистъ-сатирикъ, р. 1780 † 1825 г., 712.

Нахимовъ, Акимъ Николаев., писатель-сатирикъ, р. 1782 †1814. Очеркъ его литературной дѣятельности, его стихотворенія, басни, эпиграммы и проч., 709—736, 951—974.
Нахимовъ, Михаилъ Мануиловичъ, дѣдъ адмир. П. С. Нахимова, 709.
Нахимовъ, Пав. Степ., адмир., † 1855 г., 457, 709, 783, 789, 1049.
Нащокина, Вѣра Александр., 993, 994.
Нащокинъ, Пав. Воиновичъ, отставн. прапорщ., 1820—1830 г., 989—998.
Небольсинъ, Пав. Ив., 1840 г. 331, 332.
Недоброво, Александръ Васил., офиц. семеновс. пол., 1820 г., 834, 835.
Недоброво, Василій Александр., генер., 1820 г., 828—832.
Недоброво, Варвара Александр., 1820 г., 829, 831.
Недоброво, Варвара Васильевна, 1820 г., 829, 831.
Недоброво, Надежда Васил., 1820 г., 831.
Нейдгартъ, ген.-ад., нач. штаба гвард. корп., 1826 г., 613—616, 883, 919.
Нейдгардтъ, Анна Борис., рожд. княж. Черкасская, 616.
Некрасовъ, Никл. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 † 1877 г. 306.
Ненарокомовъ, полковн. генерал. штаба, 1842 г., 116.
Несмѣяновъ, капит., 1835 г., 419.
Нессельроде, гр-ня, рожд. Гурская, 1822 г., 188, 189.
Нессельроде, гр., Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., 23, 179, 196.
Нессельроде, гр., Фридрихъ-Карлъ, адъют. вел. кн. Константина Павловича, 1822 г., р. 1786 † 1868 г., 188—196.
Нефъ, проф. живописи, 385.
Николаи, бар., русск. посланн. при датскомъ дворѣ, 1823 г., 849.
Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г. Переписка съ гр. Дибичемъ - Забалканскимъ, 1827—1828 гг., 617—626, 891—934; Рескриптъ, данный на имя принца Евгенія Виртембергс., 1828 г., 43; письмо и донесеніе кн. Варшавскаго, 1843 г., 186—188. Упом. 36, 44—56, 114—119, 126, 196, 208—221, 268—275, 324, 341, 343, 386, 418, 424—431, 452, 456, 602—607, 615, 627—643, 650—657, 670, 746—749, 753—761, 783—794, 884—889, 1004—1006, 1017, 1022, 1048.
Николай Александровичъ, Наслѣдникъ цесаревичъ и Вел. Кн., р. 1843 † 1865 г., 212, 216.
Никольскій, В. В. Сообщ. замѣтку «Дантесъ-Гекеренъ, 1834—1837 г.», 426—431, Бракосочетаніе Дантеса съ Е. Н. Гончаровою, 1837 г., 458.
Новиковъ, Яковъ, жандарм. унт.-офиц. 1837 г., 429, 430.
Новицкая, арт—ка, 1816 г., 267, 269.
Новосильцевъ, гр., Никл. Никл., камергеръ, 1804 г., впослѣд. тн. сов., товар. мн-ра юстиціи, р. 1761 † 1838 г., 188, 804—815.
Ноинскій, аудиторъ, 1837 г., 428, 429.
Нордстремъ, Ив. Андр., кандид. универ., нынѣ дс. ст. сов., 629.
Норовъ, Абрамъ Серг., мн-ръ народн. просв., писат., 298, 1004—1006.
Ностицъ, ген.-маіоръ, 1828 г., 49.

Обадовскій, студ. педагогическ. инстит., 1816 г., 179, 180.
Оболенскій, кн., Дмит. Александр., чл. госуд. сов., ссылка на его «Записки», 1004.
Оболенскій, кн., восп-къ учил. правов., 1836 г., 1040.
Огарева, Александра Матв. (Читау), арт-ка, 1857 г., 328.
Оголинъ, Алексѣй, восп-къ учил. правовѣдѣнія, 1836 г., 1019—1032.
Огюстъ, арт.-танцовщ., 1808 г., 262—272.
Озеровъ, В. А., писатель, 261.
Окулова, Анна Алексѣевна, воспитат-ца вел. княж. Ольги Николаевны, 1838 г., 211.
Оленинъ, 1804 г., 808.
Оленичъ-Гнененко, ген.-маіоръ, 633.
Ольга Николаевна, вел. княж., въ супруж. королева Виртембергская, р. 1822 г., 211, 215.
Ольдекопъ, Евстафій Осипов., цензоръ, 1839 г., 329.
Ольденбургскій принцъ, Петръ Георгіевичъ, р. 1812 г., основатель училища

правовѣдѣнія 11 Дек. 1835 г., 1015—1022, 1038, 1039.
Ольденбургскій принцъ, Александръ Петров., начальн. отряда русск. арміи, 1877 г., 229, 230, 595—598.
Ольшевскій, Мелетій Яковлевичъ, гнрл.-лтн. Сообщ. документы, относящіеся до характеристики кн. **А. И. Барятинскаго**; письма, поздравительные и привѣтственные ему адресы и стихотвореніе, 97—108.
Омеръ - Вріоне, турец. военачальн., 1828 г., 900—912.
Оперманъ, гр., чл. варшавс. аудиторіата, 1863 г., 872, 873.
Ореусъ, подполковн., 1877 г., 57, 79.
Орлова-Чесменская, гр-ня, Анна Алексѣевна, р. 1785 † 1848 г., 158.
Орловъ, гр., Алексѣй Ѳедор., ген.-адъютантъ., † 1861 г., 23, 126, 127, 453, 608, 609, 1004, 1005.
Орловъ, Илья Васил., артистъ, 1839 г., 330, 331, 341, 448.
Османъ-паша, турец. адм., 1854 г., 787.
Османъ-паша, турец. главнокомандующ., 1877 г., 63, 72, 95, 234, 948.
Остенъ-Сакенъ, гр., Дмт. Ерофѣев., начальн. Севаст. гарниз., 1854 г., 789.
Остолоповъ, ст. сов., 1825 г., 274.
Островскій, ксендзъ, участн. польс. возстанія, 1863 г., 879.
Острошенко, генер., 1828 г., 47.

Павелъ I, импер., р. 1754 † 1801 г., 3, 221, 280, 292, 425, 616, 631, 640, 738—740, 799—821, 829.
Павлищевъ, Никл., Ив., редакт. Варшавскаго дневника, 1863 г., 852, 853.
Павловъ, Никл., Филипов., 992, 993.
Павлуцкій, воен. докт., 1854 г., 119.
Павскій, Герасимъ Петров., протоіер. законоучит. Вел. Кн. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и вел. княж. Ольги Николаевны и Александры Николаевны, въ 1826—1835 гг., р. 1787 † 1863 г., 197.
Паленъ, гр., Петръ, команд. втораго корп. русск. арміи, 1828 г., 46, 55.
Палисадовъ, протоіер. спб. Исакіевс. собора, 1872 г., 703, 704.
Палицынъ, прапорщ., 1825 г., 421, 600, 601.
Пальменъ, Мих. Мих., 1820 г., 834.
Пальменъ, Наталья Ив., 1811 г., 12—14.
Пальникова, арт-ка балерина, 1819 г., 269, 270.
Панаевъ, Аркадій Алсд., ссылка на его «Воспоминанія», 119.
Панинъ, гр., Никита Ив., дс. тн. сов., сенат., воспитат. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г., 221.
Панинъ, гр., Никита Петр., дс. тн. сов., русс. посолъ въ Берлинѣ, 1797 г., р. 1771 † 1837 г., 815, 820.
Пановъ, подполковн., 1828 г., 912.
Пановъ, Никл., Ив., нынѣ тн. сов., ст.-секрет., 633.
П—въ, пензенс. губернат., 1831—1859 г., † 1867 г., 125, 1051—1056.
Панютинъ, Степ. Ѳедор., адъют. кн. Паскевича-Варшавс., 1855 г., 119.
Паризо, Анна Мих., воспитательница дѣтей кн. В. В. Долгорукаго, 1825 г., 37, 38.
Паризо, Пав. Петр., инжен. путей сообщ., 1825 г., 37.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Ѳед., фельдмарш., † 1856 г., 55, 113—123, 186, 187, 195, 457, 617—624, 738, 791, 792, 896, 905, 920, 1048, 1049.
Паскинъ, А., строевой офиц., 1877 г., ссылка на его походныя записки, 63, 64, 68.
Перепечинъ, Никл. Ив., 1793 г., 277.
Перовская, Анна Алексѣевна, въ замуж. гр—ня **Толстая**, 14.
Перовская, Елисав. Алексѣевна, 1812 г., 14.
Перовская, Ольга Алексѣевна, въ замуж. **Жемчужникова**, 14.
Перовскій, Алексѣй Алексѣев., 14.
Перовскій, гр., Вас. Алексѣев., ген.-адъют., оренб. военн. губернат., 14.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мн—ръ внутр. дѣлъ, 14, 125, 126, 196.
Перовскій, генер., начальн. штаба осадныхъ войскъ, 1828 г., 896, 903, 905.
Перская, въ замуж. **Дубельтъ**, 452.

Песоцкій, Ив. Петр., писат. и издат. журн. «Репертуаръ русскаго театра», † 1849 г., 314, 316, 329.
Петрашевскій, Мих. Васильев., 1849 г., † въ Сибири, въ Менусинскѣ, въ дек. 1865 г., 125.
Петровъ, А. П., д. с. сов. Сообщ. замѣтку: «М. Д. Деларю», 423, 424.
Петровъ, Осипъ Аѳанасьев., оперный арт., † 1877 г., 349.
Петрусинскій, бургомистръ города Скерневицы, 1863 г., 108.
Петръ I, императ., р. 1672 † 1725 г., 169—172, 199, 201, 441, 442, 454, 640, 886, 1043.
Петръ III Ѳеодоровичъ, импер., р. 1728 † 1762 г., 794—б., 1044.
Пижоно, преподават. парижс. лицея, 1879 г., 978—984.
Пименовъ, худож.-скульпт., 1857 г., 387—416.
Пинскій, см. **Карніолинъ-Пинскій**.
Писарева, Варвара Дмитр., р. 1815 † 15 іюля 1880 г. Воспоминанія о ней Р. А. Гарднеръ, 1007—1014.
Писаревъ, Дмт. Ив., писатель, † 1868 г., 1007—1011.
Плаксинъ, Василій Тимоф., преподаватель, р, 1796 † 1869 г. Разсказъ изъ его «Воспоминаній» объ импер. Николаѣ Павловичѣ, 757—764.
Плетневъ, Петр. Алсд., акад., писат., 196.
Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 † 1875 г., 435.
Погуляевъ, восп-къ Учил. Правов., 1837 г., 1040, 1041.
Подгорный, фельдъегерь, 1828 г., 897, 913.
Поздѣевъ, Алексѣй Осип., масонъ, 4, 832.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., писат., 419—422.
Полевой, Никл. Алексѣев., писат., р. 1796 † 1846 г., 315.
Полетика, Алкс., полковн., 1837 г. 458.
Поливановъ, подполковн., 1828 г., 904.
Поливановъ, ссылка на его изд. «Учебно-воспитательная библіотека», 987.
Политковскій, Алсд. Гаврил., директ. комит. о раненыхъ, † 1853 г., 127, 128, 452, 453.
Половинкинъ, Никл. Ег., кол. сов., 628.
Полонскій, маіоръ, 1741 г., 173.
Полторановъ, Н. И., генер.-аудиторъ въ Царс. Польск., 1863 г., 855, 857, 861.
Полторацкій, Дмт. Марков., 1812г., 203.
Полуэктовъ, генер., 1837 г., 428.
Полянскій, восп-къ Учил. Правов., 1837 г., 1040.
Понсетъ, генер., 1828 г., 904, 906, 912.
Поповъ, В. П. Сообщ. замѣтку: „Л. В. Дубельтъ“, 454, 455.
Поповъ, Мих. Максим., тн. сов., старшій чиновн. III отдѣл., 1855 г., 454, 455.
Потоцкая, гр—ня, Софія Феликсовна, въ замуж. гр—ня **Киселева**, 644.
Потоцкій, гр., Феликсъ, ген.-анш., 644.
Потоцкій, гр., 1848 г., 453.
Похвисневъ, бывшій цензоръ московскій, 999, 1005, 1006.
Похитоновъ, ген.-маіоръ, 1877 г., 229, 230.
Поццо-ди-Борго, русс. посолъ при франц. дворѣ, 1827 г., 23, 50.
Пошманъ, Анна Петр., жена директ. учил. правовѣд., 1836 г., 1024.
Пошманъ, Семенъ Антонов., генер., директ. училища правовѣдѣнія, 1836 г., 1018—1024, 1039.
Прангъ, Г. Б., 1859 г., 395, 397, 416.
Призманъ, контръ-адмир., 1790г., 380, 381.
Прокоповичъ-Антонскій, Влдм. Мих., директ., 632.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, архіеп. новгород., р. 1681 † 1736 г., 169.
Прокудинъ-Горскій, Иванъ, 441, 442.
Прокудинъ-Горскій, Михаилъ. Сообщ. замѣтку: «Петръ Горскій, одинъ изъ участниковъ Куликовской битвы», 441, 442.
Прокудинъ-Горскій, Осипъ, предокъ фамиліи Горскихъ, 441.
Протасовъ, Николай Яковлев., 785.
Протопоповъ, штб.-капит., 1877 г., 224, 238.
Пузыревскій, Алексд. Казиміров., полковн. генеральн. штаба. Составилъ и сообщ. военно-историческій очеркъ: «Переходъ черезъ Балканы отряда ген.-

адъют. Гурко, зимою 1877 г.», 57—96; 223—254; 575—598, 935—950.
Путята, 1827 г., 624.
Пушкина, Наталья Никол., рожд. Гончарова, 217—219, 424, 429.
Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, писат., р. 1798 † 1837 г.. 217—221, 288, 289, 309, 335, 423—430, 601, 756, 757, 989—998, 1031, 1043—1047.
Пушкинъ, Василій Валентинов., см. **Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ**.
Пущина, въ замуж. **Сосницкая**, 1794 г., 292.
Пущинъ, поручикъ, 292.

Равичъ, начальн. польс. банды, 1863 г., 880.
Радецкій, Өед. Өедор., капит. генеральн. штаба, 1849 г.. въ послѣд. гнр.-адъют., нач. отряда русск. арміи, 1877 г., 118.
Радзишевскій, ген.-маіоръ, 1877 г., 942.
Разумовскій, гр., Алексѣй Кириллов., дс. тн. сов., мн-ръ народн. просв., р. 1748 † 1822 г., 3—17, 834.
Разумовскій, гр., Петръ Алексѣев., 9.
Райковскій, о. Николай, священ. спб. Исак. соб., 1837 г., 458.
Рамазанова, арт-ка 1817 г., 269, 273.
Рамазановъ, арт., 1816 г., 268, 273.
Рамбо, Альфредъ, французс. историкъ, 1879 г., 975.
Раупахъ, проф., 1822 г., 761.
Раухъ, ген.-маіоръ, 1877 г., 59, 72—75, 80, 82, 227, 247, 248, 252, 582—593, 943, 944, 949.
Рахманова, арт-ка, 1815 г., 267, 268.
Рачинскій, Алсдр. Викторов., біограф. о немъ очеркъ, 433—435.
Реадъ, Никл. Алсд., ген.-адъют., начальн. корпуса въ Крыму, † 1855 г., 787.
Реджибъ, турец. начальн., 1877 г., 233.
Резановъ, А. И., художн.-архит., 389.
Реймерсъ, художн., 408.
Ремлингенъ, Алексдр. Алексдр., управл. Маріинск. колоніею питомцевъ, 1849 г., 686—688.
Ренгартенъ, штб.-капит., 1877 г., 80.
Ренне, полковн., 1834 г., 739.
Ренненкампфъ, бар., ген.-маіоръ, 1827 г., 620.
Реуфъ-паша, 1877 г., 234.
Ржевскій, бывшій цензоръ московскій, 999, 1005, 1006.
Ридигеръ, генер., † 1828 г., 55, 907.
Рикордъ, генер., начальн. гусаръ, 1828 г., 903—909.
Римскій-Корсаковъ, Никол. Петр., морс. офиц., 1820 г., 824, 835.
Римскій-Корсаковъ, маіоръ, † 1829 г., 113.
Рихтеръ, Борисъ Борисов., чиновн. особ. поруч., 641.
Ришелье, герцогъ, 1804 г., 799, 804.
Родзянко, офиц., † 1828 г., 918.
Родивоновскій, жанд. подполк., 1053.
Родофиникъ, правит. канцел. мн-ра иностран. дѣлъ, 1804 г., 811, 812.
Рождественскій, о. Хрисанфъ Яковлев., благочинный, 355, 356.
Розенцвейгъ, Карлъ-Фридрихъ, секрет. саксонс. посольства при рус. дворѣ, 1815—1825 г., 794—б.
Розенъ, бар., Григор. Владм., кавказс. корпусн. команд. 1835 г., 417—422.
Ростовцевъ, Яковъ Ив., впослѣдствіи графъ, начальн. штаба воен. учебн. завед., р. 1803 † 1860 г., 426.
Ростопчинъ, гр., Өед. Вас., моск. главнокоманд., 1812 г., р. 1765 † 1826 г., 19, 201, 812, 817, 820.
Ротганъ, книгопродавецъ, 761.
Роткирхъ, жандармск. маіоръ, † 1863 г., 861.
Ротъ, генер., команд. 6-го корп., 1828 г., 46, 48, 49, 906, 912—921.
Рочфортъ, колонновожатый, 1825 г., 603, 606.
Рубини, арт.-пѣвецъ, 209.
Рудзевичъ, генер., команд. 3-го корп. русс. арміи, † 1828 г., 46, 907, 909.
Ружинская, Софья, кнг., предводит-ца коннаго отряда въ XVII в., 556.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Алсд., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., 200.
Румянцевъ, гр., Никол. Петр., мн.-ръ торговли, впослѣд. госуд. канцл., р. 1754 † 1826 г., 799, 807, 816, 817.
Руничъ, Дмт. Степ., попечит. спб. учебн. округа, 758, 760.

Русаковъ, повытчикъ духовн. консисторіи, 1823 г., 140—142.
Рыкалова, арт-ка, † 1840 г., 331.
Рыкаловъ, артистъ, 264.
Рѣпина, Надежда, арт-ка московск. театр., 296, 795.
Рѣпинскій, Григорій Козьм., тайн. сов., сенаторъ. Сообщ. изъ бумагъ М. Н. Любощинскаго письма М. М. Сперанскаго, 744.
Рѣпинскій, Козьма Григор., старшій чиновн. II Отдѣл. собств. Его Велич-ва канцел., впослѣд. д. т. сов., сенаторъ, 630.
Рюль, художн., 1859 г., 397.
Рязанцевъ, Васил. Ив., артистъ-комикъ, р. 1801 † 1831 г., 280, 290, 291 301, 302, 341—346, 795.

Сабуровъ, А., арт. московс. театра, 1829 г., 339.
Савицкій, Өедоръ Варөоломѣев., капит., 1828 г., 134.
Садовниковъ, 1805 г., 436.
Сазоновъ, ген.-адъют., ген.-маіоръ, 1826 г., 887, 888.
Саидъ, секретарь султана, 1877 г., 234.
Сакенъ, гр., 1828 г., 915—917.
Саловъ, полковникъ, 787.
Салтыкова, кнг., Екат. Вас., рожд. княж. Долгорукая, 1815 г., 24.
Салтыковъ, генер., 1759 г., 177.
Салтыковъ, гр., Никл. Ив., ген.-фельдмарш., гофмейст., р. 1736 † 1816 г., 809, 819.
Самаринъ, Юрій Өедор., чл. самарс. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 433.
Самойлова, Софья Васил., рожд. Черникова, арт-ка, 1814 г., 265—269, 293.
Самойловъ, гр., Алексд. Никол., ген.-прокур. и госуд. казначей, † 1812 г., 816.
Самойловъ, Вас. Вас., артистъ, 324.
Самойловъ, Вас. Мих., арт., 1812 г., † 1839 г., 264—269, 293.
Сангушко, 1835 г., 421.
Сандунова, Елисав. Семен., рожд. Уранова, московс. артистка, 1813 г., 264—273, 346.
Сандуновъ, арт., 1813 г., 265.
Саргеръ, офиц. лб. егерс. полка, † 1828 г. 911.
Сафоновъ, сенат., 1054, 1055.
Сахарова, арт-ка, 1802 г., 279.
Сахаровъ, Никл. Данил., арт. † 1810 г., 263.
Свенске, студ. педагогическ. инстит., 1816 г., 179, 180.
Сверчкова, Елена Дмит., рожд. гр-ня Гурьева, 24.
Сверчкова, Марія, въ замуж. Калерджи, р. 1823 † 1874 г., 188—196.
Сверчковъ, чиновн. мн-ва финанс., 24.
Сверчковъ, юнкеръ, 1840 г., 24.
Сверчковъ, художн., 1852 г., 392.
Свѣчинъ, генер., управл. интендантствомъ, 1804 г., 805.
Свѣчинъ, восп-къ царскосельс. лицея, 1825 г., 600.
Северинъ-Потоцкій, гр., сенат., 1804 г., 799, 804, 807, 818, 819.
Селивановскій, рецензентъ, 334.
Селивановскій, Н. С., чиновн, горнаго правленія, 1837 г., 749.
Селивановъ, Илья Васил. Сообщ. свои «Записки», гл. IV—VIII, 851—882. Разсказъ его о гр. Е. Ф. Канкринѣ, 747—751; упом.: 125, 442—446, 105, —1056.
Селявинъ, ген.-маіоръ, 1826 г., 888, 889.
Семевскій, Мих. Ив., членъ спб. педагогическаго общ-ва. Рѣчь, сказанная имъ въ спб. педагогическомъ общ-вѣ 6-го октб. 1879 г., въ день погребенія члена общ-ва, Ө. Ө. Эвальда, 768—777.
Семенова, Екат. Семен., арт-ка, 1820 г., † 1849 г., 260—275, 287, 291, 292, 850.
Семенова, Нимфодора Семен., артистка, 1804 г., 261—272, 289.
Семеновъ, 640.
Семеновъ, Пет. Никол., писатель, авторъ оды: «Ротн. команд.», 181—184.
Семихатовъ, Давидъ, арт., 1831 г., 312.
Сенковскій, Осипъ Ив., проф. спб. унив., писатель, † 1858 г., 764.
Сенъ-При, графъ, херсонс. губернат., 1818 г., 382.
Серафимъ, спб. митропол., 1823 г., 149, 154—163, 426, 605, 661, 670.
Сердобовъ, благочинный, 355.
Сильванскій, Степ. Ив., врачъ, 641.

Сильчевскій, Д. П. Сообщ. замѣтку: «Домбровскій и Врублевскій въ 1871 г.», 197, 198.
Симеонъ, архіеп. полоцкій, 1545 г., 568.
Синельниковъ, Никл. Петр., бывшій московс. гражд. губернат., 1857 г., нынѣ ген. отъ инфант., сенаторъ. Сообщ. замѣтку къ «Воспоминаніямъ» И. В. Селиванова и письмо его, 442—445.
Синицынъ, дс. тн. сов., начальн. сыскной полиціи мн-ва внутр. дѣлъ, 1849 г., 125.
Сипягинъ, начальн. гвард. генер. штаба, 1828 г., 614, 620—624, 896.
Сиротининъ, А. Н. Сообщ. замѣтку: «Декабристы», 422.
Ситниковъ, 1829 г., 339, 340.
Скалонъ, полковн., фл.-адъют., 1877 г., 77, 80.
Случевскій, полковн., фл. - адъют., 1877 г., 80.
Соболевская, Палагея Мих., 1812 г., 14.
Соболевскій, художн., 1812 г., 14.
Соболевскій, Серг. Алексд., р. 1804 † 1878 г., 220.
Соколовъ, арт., 1814 г., 265.
Соколовъ, антрепреперъ казанскаго театра, 1840 г., 338.
Соколовъ, И. И., художн., 408.
Соколовъ, Петръ Ив., церковн. староста, 1828 г., 679, 680.
Сокольскій, кн., Василій Солтановичъ, 1564 г., 553.
Солнцевъ, Григорій, кассиръ театральн., † 1840 г., 259.
Солнцевъ, Ѳед. Григор., профессоръ, художн., ссылка на его «Записки», 259.
Сосницкая, Елена Яковл., рожд. Воробьева, арт-ка, 1816 г., † 1855 г., 267—271, 294—350.
Сосницкій, Ив. Ив., артистъ, р. 1794 † 1871 г. Письма къ нему его друзей и сослуживцевъ, 1829—1871 гг., 339—350; упом.: 267 — 271, 290 —329, 447, 448, 795.
Спасскій, Семенъ Тимофеев., 1832 г., 348, 349.
Сперанскій, гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 744, 808, 815, 1056.
Спиридонъ, архимандр., ректю семин., 686.
Спитцъ, хранитель музея при акад. худож., 404.
Ставровскій, подполковн., 1877 г., 224, 248.
Стасовъ, Василій Петров., архитект., 1836 г., 1015—1019, 1041.
Стасовъ, Влдм. Васил. Сообщ. изъ своихъ «Воспоминаній» очеркъ: «Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ», 1015—1042.
Стенбокъ, Понтусъ-Яковъ, 174.
Стенбокъ-Ферморъ, гр., Магнусъ-Іоаннъ, 174.
Стенбокъ-Ферморъ, гр., Фридрихъ, 174.
Степановъ, П., 1840 г., 331.
Стефанска, варшавс. артистка-балерина, 1863 г., впослѣд. кнг. **Витгенштейнъ**, 869.
Столыпинъ, 1817 г., 744.
Столыпинъ, Д. А., 1854 г., 787.
Стороженко, Андрей Яковл., ген.-лейт., об. - полицмейст. Варшавы, впослѣд. сенат., 117, 188.
Страндманъ, колл. асс., состоящій при лондонс. миссіи, 1816 г., 179, 180.
Стрижевскій, полковн., фл. - адъют., 1877 г., 586.
Строганова, гр-ня, рожд. Голицына, 1804 г., 798, 799.
Строганова, гр-ня, 1837 г., 429.
Строганова, гр-ня, С. В., 599, 603.
Строгановъ, гр., Александръ, бывш. об.-камерг., начальн. акад. худож., чл. Госуд. Сов., 1804 г., 820.
Строгановъ, гр., Григорій Алсд., об.-шенкъ, 1837 г., 458.
Строгановъ, гр., Пав. Алексдр., товар. мн-ра внутр. дѣлъ, 1804 г., 799, 804—820.
Строгановъ, гр., П. С., 406.
Строгановъ, гр., Серг. Григор., бывш. попечит. моск. учебн. окр., 1837 г., 751.
Струмѣнскій, Евгеній Степ., протоіер., законоучит. каменецъ-подольской гимназіи, ссылка на доставленную имъ рукопись: «Описаніе духовныхъ трудовъ и всѣхъ случаевъ жизни свящ. Ѳеодосія Левицкаго, 1791—1845 г.», 131.

Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Алексд. Аркадіев., 612.
Суворовъ-Рымникскій, кн., Алсд. Васил., генералиссимусъ, р. 1728 † 1800 г., 200, 201.
Суворовъ Рымникскій, кн. Италійскій, Аркадій Алексдр., 1828 г., 898, 902.
Сулейманъ-паша, турец. главнокоманд., 1877 г., 66, 72, 233 — 235 — 252, 936, 950.
Сумароковъ, Алексдр. Петр., писат., р. 1718 † 1777 г., 716.
Сунбуловъ, Никл. Ильичъ, вологодс. помѣщ., 1776 г., 177, 178.
Сухтеленъ, генер., 1804 г., 804.
Сухтеленъ, гр., ген.-адъют., 1828 г., 918.
Сушковъ, Д. П. Сообщ. замѣтку: «Варвара Николаевна Асенкова», 795, 796; упом. 306.
Сыревичъ, штабъ-лекарь, 1863 г., 880.
Сысоевъ, генер., 1828 г., 899, 900.
Сѣверцовъ, Дмт. А. Сообщ. оду, соч. П. Н. Семенова, «Ротный Командиръ», 181—184.
Сѣверцовъ, Петръ Петр. Сообщ. «Приказъ о воздухоплавателѣ, 1802 г.», 744.
Сѣровъ, Алсд. Никл., восп-къ Учил. Правов., 1837 г., впосл. композит., 1038—1041.
Сѣряковъ, Лаврентій Аксенов., акад. граверъ на деревѣ, гравиров. портреты: **Герасима Петр. Павскаго** съ живописн. портр., писанн. художн. Н. С. Волковымъ, 223; **графа Павла Дмт. Киселева**, 549; упом: 627.

Таль, полковн. артилл., 1877 г., 940.
Тамбіевъ, Батыръ-Бекъ, полк., 1859 г., 101.
Тамбурини, пѣвецъ, 209.
Танѣевъ, Алексд. Серг., ст.-секрет., 1834 г., 424.
Танѣевъ, восп-къ Учил. Правов., 1837 г., 1040.
Татищевъ, тн. сов., полномочн. посланн. при Неаполитанс. дворѣ, 1804 г., 812.
Татомиръ, о. Ѳома, свящ. и благочин., 1823 г. 141.
Тевкелевъ, Дмитр. Борисов., 1817 г., 744, 745.
Телешова, арт-ка балерина, 1825 г., 274, 275.
Тимаевъ, студ. педагогическ. инстит. 1816 г., 179, 180.
Тиманъ, генер., 1828 г., 900, 903, 904.
Тимашевъ, А. Е., ген.-адъют., чл. госуд. совѣта, бывшій мн-ръ. внутр. дѣлъ, 380.
Титовъ, Алексѣй Егоров., капит. 2-го ранга, команд. фрегата «Проворный», 1823 г., 838—849.
Тихановскій, 117.
Толль, гр., Карлъ Ѳедор., начальн. главн. штаба, 1828 г., р. 1777†1842 г., 48, 55, 923.
Толстая, гр-ня, Анна Алексѣевна, рожд. Перовская, 14.
Толстая, графиня, 1804 г., 798.
Толстой, Влдм. Серг., декабр., † 1856 г., 421, 422.
Толстой, гр., Левъ Николаев., писат., 2.
Толстой, гр., Никл. Алексдр., гофмарш., об.-шенкъ, р. 1761 † 1816 г., 801, 804, 817.
Толстой, гр., Петръ Алсд., 1826 г., 615, 618, 619, 624, 750, 751.
Толстой, графъ, Ѳед. Ив., (Американецъ) 995.
Толстой, гр., Ѳед. Петр., тн. сов., вице-презид. акад. худ., медальеръ, р. 1783 † 1873 г., 387.
Толстой, гр., губернат. пензенс., 1056.
Толченовъ, арт., 1814 г., 266—272.
Тонъ, Конст. Андр., проф. архит., 1857 г., 387—416.
Торсонъ, гардемаринъ, впослѣдс. капит.-лейт., 33.
Тотлебенъ, Эдуардъ Ив., подполкв., 1854 г., нынѣ ген.-адъют., 213, 457, 786, 789.
де-Траверсе, маркизъ, И. И., морск. мн-ръ, р. 1754 † 1830 г., 33, 838.
Траскинъ, подпоручикъ, 1826 г., 601, 614, 615.
Траугутъ, Ромуальдъ (Мих. Чарнецкій) послѣдній диктат. польск. жонда, 1863 г., р. 1826 † 1864 г.; 858.
Треповъ, Ѳед. Ѳед., варшавс. генер.-полиціймейст., 1863 г., впослѣд. ген-адъют. спб-ій градоначальникъ, 855—869, 1034.

Третьяковъ, Ѳед. Ѳед., штаб.-капит., 1820 г., 834.
Триполи, учит. франц. яз., 1815 г., 31.
Трощинскій, Дмт. Прокоф., директ. деп. удѣловъ и почтъ, 1804 г. впослѣд. сенат., † 1829 г., 808, 809, 820.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., декабр., † 1860 г., 422.
Тукмачевъ, Никл. Евстигн., директ., 632.
Турминскій, колл. секрет., переводчикъ, ссылка на перев. письма Шамиля кн. А. И. Барятинскому, 1863 г., 107.
Турсуковъ, об.-гофмейст., 1804 г., 801.
Тухолка, полковн., предсѣд. варшавс. слѣдств. комм., 1863 г., 860—863.
Тучковъ, Пав. Алексѣев., офиц. генеральн. штаба, 1825 г., 740—742.
Тюфякинъ, кн., П. И. вице-директ. императ. театр., 1814 г., 265—271.

Уаррандъ, проф. англ. яс., 1836 г., 1029.
Уваровъ, ген.-адъют., команд. кавалергардс. полка, 1804 г., 802—804.
Уваровъ, полковн., 1828 г., 910.
Уваровъ, гр., Серг. Семенов., мн-ръ народн. просвѣщ., 219.
Улановъ, Пав. Васил., ст. сов. 629.
Уткинъ, Никл. Ив., проф.-грав., 391, 392, 397.
Ушакова, Авдотья Кирилловна, 1849 г., 320,—325, 347—349.
Ушаковъ, адъют. вел. кн. Михаила Павловича, 1838 г., 307, 739.
Ушинскій, Конст. Дмитр., членъ педагогическаго общ—ва, 776.

Фанденбергъ, арт., 1808 г., 262.
фонъ - **Фелькерзамъ**, Густавъ - Георгъ, секрет. саксонс. посольства при русск. дворѣ, 1796—1800 г., 794.—6.
Фелькерзамъ, адъютантъ, 1828 г., 896.
Ферморъ, Вильгельмъ Вильгельм., ген.-анш., 1757—1759 г., 174—177.
Ферри, Жюль, франц. мн-ръ народнаго просвѣщ., 1879 г., 975.
Феусъ, подполк., 1877 г., 73.
Филаретъ (Амфитеатровъ), митроп. кіевс., 1837 † 1857 г., 197.
Филаретъ, митропол. московс., 1833 г., 153, 158, 670.
Филипповъ, полковн., 116.
Философовъ, ген.-маіоръ, † 1877 г., 228, 583, 590, 594.
Фишеръ, проф. ботан., 206.
Фіалова, Александра Карловна, въ перв. замуж. **Биркина**, 293.
Флесьеръ, Леонтій Яковл., кол. сов., 629.
Фокъ, А., ссылка на «Сборникъ военн. разсказовъ», 939.
Фонтонъ, гардемаринъ, 1817 г., 33.
Фотій, архимандр., настоят. новгородск. Юрьева монастыря, † 1838 г., 131, 158, 652, 653.
Франковскій, студ. спб. унив., начальн. кинжальщиковъ, 1863 г., 856—860.
Фредериксъ, бар., адъют., 1828 г., 904.
Фридериксъ, бывш. варшавск. об.-полицмейст., впослѣд. ген.-губернат. Вост. Сибири, 866, 869.
Фрожеръ, арт., 1809 г., 263.
Фроловъ, Ив. Мих., управл. имѣніемъ гр. А. К. Разумовскаго, 1812 г., 14, 832, 833.
Фроловъ, И. С., восп-къ царскосельск. лицея, 1825 г., впослѣд. ген.-адъют., сенат., † 1879 г., 600, 612—614, 883.
Фрыгинъ, режиссеръ, 1824 г., 273, 343.
Фуксъ, непремѣн. секр. акад. наукъ, 220.

Хаджи-Жамурза, кабардинскій народный эфендій, 1859 г., 101.
Хаджи-Мехметъ, команд. турец. стрѣлк. батал., 1877 г., 582, 585, 589.
Халиль-паша, турец. военачальникъ, 1828 г., 899.
Хвостовъ, гр., Дмт. Ив., писат., род. 1757†1835 г., 263.
Хмыровъ, Мих. Дмитр., писат. † 1872 г., Сообщ. въ 1870 г. «Челобитная о наградѣ за арестъ въ Тайной канцел., 1742 г.», 172, 173.
Хмѣльницкій, Николай Ив., писатель, 1821 г., 271.
Хованскій, кн., Алсд. Никол., управл. государств. банк., 22.
Хованскій, кн., Василій, 1815 г., 24, 36.

Ховенъ, восп-къ царскосельск. лицея, 1825 г., 601.
Ховенъ, полковн., 1828 г., 891, 893, 913.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., поэтъ, философъ и богословъ, † 1860 г., 435.
Хотяинцевъ, артистъ, 1814 † 1837 г., 265, 269, 289.
Храповицкій, капит. генеральн. штаба, 1877 г., 580.
Хрущовъ, Дмит. Петр., чиновн. особ. поруч., 641.
Худяковъ, художн., 408.

Цареградскій, болгаринъ-переводчикъ, 1877 г., 235.
Цезарій, архимандр., 1859 г., 97.
Церетелевъ, кн., хорунжій, 1877 г., 224.
Циціановъ, кн., Дмт. Ив., дс. ст. сов., † 1829 г., 738.

Чапскіе, помѣщики, 1843 г., 185, 186.
Чапскій, Эдуардъ, помѣщ., членъ тайн. польск. общ., 1843 г., 188.
Чапскій, гр., Э. К. Сообщ. въ 1871 г. «Письма имп-цы Елисаветы Петровны къ ген.-анш. Фермору, 1757—1759 г.», 174—177.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, тн. сов., товар. государствен. канцл., 1804 г., 799—819.
Чарторыйскій, кн., Константинъ, адъют. вел. кн. Константина Павловича, 810.
Чебышевъ, винный заводчикъ, 1825 г., 275.
Чевкинъ, Конст. Влдм., ген.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 601, 614, 615, 617, 626, 834, 885, 891—934.
Чемезовъ, Е., граверъ, 1761 г., 175.
Черевинъ, генер., 1877 г., 248, 253, 936.
Черкасовъ, П. А., художникъ, 1859 г., 403, 404.
Черкасская, княж., Анна Борис., въ замуж. Нейдгартъ, 616.
Черкасскій, кн., Влдм. Александр., предсѣдат. варшавск. комм. для упраздненія монастырей, 1863 г., 871—874.
Чернецкій, юнкеръ, † 1863 г., 858.
Черни, проф.-воздухоплават., 1802 г., 744.
Черникова, Софья Васил., въ замуж. Самойлова, арт-ка, 1814 г., 265—269, 293.
Чернышевскій, Гавріилъ, протоіерей, благочин. въ Саратовской епархіи, 686.
Чернышевъ, гр., Алсд. Ив., ген.-адъют., воен. мн-ръ, р. 1786 † 1852 г., 23, 184—186, 423—426, 618, 619, 624, 916.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григор., ген.-фельдмарш., р. 1722 † 1784 г., 813.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григор., декабр., † 1862 г., 421.
Чернышевъ, художн., 1852 г., 392.
Честилинъ, тн. сов., 114.
Четвертинская, кн., Жанета Антоновна, въ замужест. Вышковская, фрейлина Екатерины II, 800.
Чириковъ, Г. С. Сообщ. біографическій очеркъ «Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, 1782—1814 г.», его стихотворенія, басни, эпиграммы, комедія, 700—736, 951—974.
Читау, Александра Матв., (Огарева) арт-ка, 1857 г., 328.
Чичаговъ, Пав. Васил., вице-адмир., испр. должность морск. мн-ра, 1804 г., р. 1765 † 1849 г., 804, 805, 813, 814.
Чорторыйская, княж., Екатерина, въ замуж. Загоровская, 1577 г., 568—570.

Шакиръ-паша, турец. воен.-начальн., 1877 г., 61—75, 232—234, 250—252, 575, 584—593, 936, 938, 949, 950.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., 97—107.
Шарлемань—братья, художники, 392.
Шахматовъ, Алексѣй Александр., лейтен., 1819 г., 826.
Шаховской, кн., генер., 1837 г., 55, 428, 917.
Шаховской, кн., Алексд. Александ., членъ репертуарной части, 1806 г., писат., р. 1777 † 1846 г., 262—267, 273, 275, 278, 289.
Шевыревъ, Степ. Петр., профессоръ, 1855 г., 1004.
Шелгуновъ, Н. В., писат. и публиц., 640.
Шелеховъ, Ив. Ив., директ., 632.
Шелихова, арт-ка, 1840 г., 308.

Шемаевъ, Василій Антонов., артистъ-пѣвецъ, 1816 † 1852 г., 267, 349, 350.
Шемякинъ, Петръ Ѳедоров., прикащ. вотчинной конторы, 178, 179.
Шенигъ, офиц. генеральн. штаба, 1825 г., 740, 741.
Шеншинъ, Пав. Петр., 628.
Шепингъ, бар., штаб.-офиц., 1813 г., 23.
Шереметева, гр-ня, Анна Аполлоновна, рожд. Дашкова, 14.
Шереметевъ, гр., камергеръ, 1804 г., 799, 802.
Шигаевъ, Никл. Петр., тн. сов., бывш. товар. мн.-ра финанс., 1873 г., 633.
Шильдеръ - Шульднеръ, ген. - лейт., начальн. отряда русск. арміи, 1877 г., 229, 230.
Шиманъ, Ѳ. Ѳ., учитель гимназіи. Сообщ. переводъ съ франц. рукописи: «Императоръ Александръ Павловичъ и его Дворъ въ 1804 г.», 793-б—822.
Шимулевъ, штабсъ-капит., 1828 г., 905.
Шиповъ, С. П., генер., 852, 853.
Ширинкинъ, гардемаринъ, 1817 г., 29.
Ширяева, Екат. Ив., въ замуж. Яковлева, арт—ка, 1815 г., † 1850 г., 266, 281—283.
Ширяевъ, Ив. Ѳедор., отставн. камеръ-музыкантъ, 281, 282.
Шихматовъ, кн., Серг. Алѣдр., офиц. морс. корп., впослѣд. монахъ, 29.
Шишкинъ, губернс. секрет., смотрит. театра, 1810 г., 263.
Шишковъ, Алсд. Семен., адмир. и писат., мн—ръ народн. просвѣщ., р. 1763 † 1841 г., 26, 758.
Шмидтъ, аптекарь, участн. возстанія, 1863 г., 856—859.
Шнеррингъ, воспитат. учил. правовѣдѣнія, 1836 г., 1028.
Шопенъ, Ив. Ив., ст. сов., 629.
Шредеръ, Иванъ, художн. - любит. скульпт., 1859 г., 398—400.
фонъ-Штемпель, подполковн., 1877 г., 57.
Штромъ, И. В., художн., 1852 г., 392.
фонъ-Штуттергеймъ, бар., ссылка на его дневникъ 1804 г., 795—б.
Шуваловъ, гр., Ив. Ив., об.-камерг. сенат., р. 1727 † 1797 г., 175—177.
Шуваловъ, гр., ген.-адъют., начальн. отряда русск. арміи, 1877 г., 68, 74, 75, 80, 94, 229, 230, 254, 582—598.
Шуленбургъ, гр., Фридрихъ-Альбрехтъ, саксонс. посланн. при русс. дворѣ, съ 1801—1804 г., 794—б, 795—б.
Шульгинъ, Ив. Петр., проф. 1029.
Шумской, Яковъ, арт.-комикъ, 276.
Шушеринъ, Яковъ Емельянов., арт.-трагикъ, 1803 г., † 1813 г., 261, 262, 276, 279.

Щениковъ, арт., 1806 г., 262.
Щепкинъ, Мих. Семенов., арт. моск. театр., † 1863 г., 290—338, 346—350, 449.
Щепкинъ, Петръ Степ., 347.
Щербатовъ, кн., юнкеръ, 1820 г., 834.
Щербатовъ, кн., гусарс. офиц., 1825 г., 274.
Щербатовъ, кн., команд. 2-го корпуса, 1828 г., 897, 906, 912, 914.

Эвальдъ, Ѳед. Ѳед., гласный спб. думы, предсѣдат. училищной коммисіи и членъ педагогическаго общ—ва, † 3 октября 1879 г. Очеркъ его общественной дѣятельности, — годовщина дня его кончины, 765—782.
Эллисъ 1-й, ген.-маіоръ, 1877 г., 61—67.
Энгель, статсъ-секрет., 1804 г., 808—812.
Энденъ, Н. П., 629.
Энкель, полковн. генеральн. штаба, 1877 г., 590.
Эппингеръ, проф. акад. худож., 388, 402.
Эрдели, А. С., херсонс. губернат., 380.
фонъ-Эссенъ, совѣтн. саксонс. посольства при русс. дворѣ, 1792 г., 794—б.
Эссенъ - Стейнбокъ - Ферморъ, графъ, 1841 г., 796.
Эттеръ, ген.-маіоръ, 1877 г., 62, 74, 595.

Юангъ, Елисав. Матв. (Левкѣева) арт—ка, 1857 г., 328.
Юревичъ, восп—къ царскосельс. лицея, 1825 г., 600, 601.
Юрьевъ, штб.-кап., 1877 г.., ссылка на его рукоп. о турецкой войнѣ 1877 г., 86.
Юсуповъ, кн., 1835 г., 219, 268, 322.
Юсуфъ-паша, турец. начальн., 1828 г., 906.

Яковлева, Александра Мих., 1852 г., 320—323.
Яковлева, Екат. Ив., рожд. Ширяева, арт—ка, 1815 г., † 1850 г, 266, 281—283.
Яковлевъ, Алексѣй Семенов., арт.-трагикъ, р. 1772 † 1817 г., 261—269, 276—285, 290.
Яковлевъ, Василій Абрамов., подрядчикъ, извѣст. богачъ, † 1848 г., 299, 300, 320, 322.
Якубовичъ, Алсд. Ив., капит., декабр., † 1845 г., 604, 611.
Янкуліо, Конст. Конст., вице-директ. управл. варшавс. полицмейст., 1863 г., 855, 867.
Янтальцевъ, А. В., декабр., 422.

Ѳедоровъ, Борисъ Мих., писат., 284.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1880 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Императоръ Александръ Павловичъ и его дворъ въ 1804 г.—Переводъ съ французской рукописи, принадлежащей государственному архиву въ Дрезденѣ. Сообщ. Дктр. Ѳ. Ѳ. Шиманъ . . . . 793 б.—822

II. Воспоминанія Александра Петровича **Бѣляева**: пережитое и перечувствованное съ 1803 года. Главы I—VII, 1817—1823 гг. . . . . 1—42, 823—850

III. Описаніе духовныхъ трудовъ и всѣхъ случаевъ жизни священника Ѳеодосія **Левицкаго**, 1791—1845 гг. Сообщ. Е. П. Бахталовскій. Главы I—XXXI. 129—168; 645—682

IV. Записки князя Николая Сергѣевича **Голицына**, 1825—1855 гг. Гл. I—III: выпускъ изъ лицейскаго пансіона,—смута 14-го декабря 1825 г.,—производство въ офицеры,—служба въ штабѣ,—погребеніе императора Александра Павловича, 1825—1826 гг. . 599—616, 883—890

V. Записки **принца Евгенія Виртембергскаго**. Турецкій походъ 1828 года и событія, за нимъ слѣдовавшія въ 1829—1831 гг. Перев. съ нѣмецкаго. (Окончаніе) . . . . 43—56

VI. Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ. Воспоминанія В. В. Стасова . . . . 1015—1042

стр.

VII. Записки Ильи Васильевича **Селиванова**. Главы IV—VIII (продолженіе „Записокъ дворянина-помѣщика", см. томъ XXVIII) . . . . 851—882

Графъ А. А. **Закревскій**.—Н. П. **Синельниковъ**.

1) Замѣтка къ „Воспоминаніямъ дворянина-помѣщика" И. В. Селиванова ... стр. 442—446. Сообщ. Н. П. Синельниковъ. 442—446

2) Замѣтки къ воспоминаніямъ г. Селиванова о Пензенской старинѣ 1848 г. Сообщ. Г. И. Мѣшковъ. . . . . 1051—1056.

VIII. Записки **сельскаго священника**. Гл. XXVII — XL. 361—378; 683—708

IX. Разсказы, замѣтки и анекдоты. Изъ Записокъ Елисаветы Николаевны **Львовой**, р. 1788 † 1864 г. (окончаніе). Сообщ. проф. И. В. Помяловскій . . 199—216

Переводъ французскаго разсказа Е. Н. Львовой „Кюстинъ". 794—795

Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

I. Семейныя отношенія въ Юго-Западной Руси въ XVI—XVII вв. Очеркъ изъ изслѣдованія. Сост. О. П. Левицкій. 549—574

II. Графъ Павелъ Дмитріевичъ **Киселевъ**, министръ государственныхъ имуществъ, 1836—1856 гг. Очеркъ. Составилъ Н. А. Лебедевъ. . . . . 627—644

III. Князь Михаилъ Дмитріевичъ **Горчаковъ**. Біографическо-характеристическій очеркъ. Сообщ. Н. В. Бергъ. 109 – 124

— Замѣтка къ статьѣ Н. Б. о кн. М. Д. Горчаковѣ. Сообщ. кн. А. И. Васильчиковъ. . . . . 456—457

— Замѣтки о кн. М. Д. Горчаковѣ. Сообщ. гр. Павелъ Коцебу, съ приложеніемъ письма. . . . . 782; 789—794; 1048—1050

— Замѣтка о кн. М. Д. Горчаковѣ И. И. Красовскаго. 783—789

IV. Марія **Сверчкова**, 1823—1874. Біографическій очеркъ. Сообщ. Н. В. Бергъ. . . . . 188—196

V. Переходъ черезъ Балканы отряда ген.-адъютанта Гурко, зимою 1877 г. (Военно-историческій очеркъ). Составилъ А. К. Пузыревскій. Главы II—IV. 57—96; 223—254; 575—598 и 935—950

Акты, переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Петра I.

стр.

I. Встрѣча въ Москвѣ персидскаго слона, въ царствованіе Петра I. Разсказъ очевидца. Сообщ. Н. И. Барсовъ. 169—172

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Челобитная о наградѣ за арестъ въ Тайной Канцеляріи, 1742 г. Сообщ. въ 1870 г. М. Д. Хмыровъ. . . 172—173
II. Вѣчная память вмѣсто многолѣтія, 1743 г. Сообщ. И. М. 173—174
III. Повелѣнія и письма императрицы Елисаветы Петровны генералу Фермору, 1757—1759 гг. Сообщ. въ 1871 г. гр. Э. К. Чапскій. . . . . 174—177

Царствованіе Екатерины II.

I. Собственноручная замѣтка императрицы Екатерины II о непорядкахъ послѣ смерти императора Петра I-го. Сообщ. въ 1871 г. академикъ П. П. Пекарскій. 1047
II. Гробница греческаго митрополита Игнатія, въ городѣ Маріуполѣ. † 1784 г. Замѣтка. Сообщ. В. Луцкій . 737—738
III. Памяти Джона Говарда, 1726—1790 гг. Статья М. Н. Галкина-Врасскаго. . . . . 379—384
IV. Письмо крестьянина къ своему помѣщику, въ 1776 г. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ. . . . . 177—178
V. Черта къ характеристикѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ. . . . 178—179

Царствованіе Павла I.

I. Разсказы объ императорѣ Павлѣ. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ . . . . 738—740

Царствованіе Александра I.

I. Записка о пенсіяхъ членамъ Грузинской царской фамиліи, 1802 г. Сообщ. И. М. . . . . 180—181
II. Приказъ о воздухоплавателѣ, 1802 года. Сообщ. Петръ Сѣверцовъ. 744

стр.

III. Просьба о разрѣшеніи жениться.—Письмо цесаревичу Константину Павловичу, 1805 г. Сообщ. А. Е. Гренъ . 436

IV. Отправка молодыхъ педагоговъ за границу въ 1816 году. Сообщ. И. М. . . . . 179—180

V. Два письма Мих. Мих. Сперанскаго къ Д. Б. Тевкелеву, 1817 и 1818 г. Сообщ. М. Н. Любощинскій . . 744—745

VI. Памятникъ великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому, на Куликовомъ полѣ. Переписка, касающаяся до сооруженія памятника. Сообщ. Ад. П. Берже . . . . 437—440

VII. Петръ Горскій — одинъ изъ участниковъ Куликовской битвы. Историко-біографическая замѣтка. Сообщ. Михаилъ Прокудинъ-Горскій. . . . . 441—442

VIII. Пребываніе императора Александра I въ Таганрогѣ 1825 г. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ. . . . . 740—742

IX. Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ. . . . . 742—744

Царствованіе Николая I.

I. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ въ 1826—1827 гг. Переписка императора Николая. Изъ бумагъ К. В. Чевкина . . . . 617—626

II. Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ-Забалканскій. Переписка во время Русско-Турецкой войны 1828-й годъ (окончаніе). . . . . 891—934

III. Императоръ Николай Павловичъ. Изъ воспоминаній преподавателя русской словесности В. Т. Плаксина . . 757—764

IV. Егоръ Францовичъ Канкринъ, мн-ръ финансовъ, его порученіе развести рѣдкую монету. Разсказъ изъ Записокъ И. В. Селиванова . . . . 747—751

V. Тайное общество въ Варшавѣ съ цѣлью возстановленія Польши, 1843 г. . . . . 184—188

VI. Декабристы. Замѣтка къ статьѣ М. Н. Кучаева «С. Р. Лепарскій». Сообщ. А. Н. Сиротининъ 422

VII. Назначеніе Иринея Нестеровича архіепископомъ Иркутскимъ, 1830 г. Сообщ. П. А. Карабьинъ . . . 746—747

VIII. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Къ его характеристикѣ и къ исторіи III Отдѣленія. Сообщ. кн. Н. Г. . . . 125—128

IX. Замѣтка къ разсказу объ Л. В. Дубельтѣ. Сообщ. Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ. . . . . . . 452—453

стр.
X. Замѣтка о Л. В. Дубельтѣ. Сообщ. В. П. Поповъ. 454—455
XI. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Записка его, читанная въ засѣданіи Главнаго управленія Цензуры, 1855 г., по поводу изданія въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя . . . . 999—1006
XII. Дантесъ-Гекеренъ, 1834—1837 гг. Замѣтка. Сообщ. В. В. Никольскій. . . . . 426—431
XIII. Выписка изъ консисторскаго архива: Бракосочетаніе Дантеса съ Е. Н. Гончаровою 10-го января 1837 г. Чрезъ посредство И. Т. Камчаткина, сообщ. В. В. Никольскій. 458
XIV. Переписка о шести съ половиною копѣйкахъ. Документъ 1843 г. Сообщ. И. П. Евреиновъ 198
XV. Р. М. Медоксъ. Біографическая замѣтка. Сообщ. К. П. Медоксъ. . . . . 221—222

Царствованіе Александра II.

I. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій на Кавказѣ въ 1859 г.: письма, поздравительные и привѣтственные ему адресы и стихотвореніе. Сообщ. М. Я. Ольшевскій . . . . 97—108
II. Домбровскій и Врублевскій въ 1871 г. Замѣтка къ «Запискамъ о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг.» Н. В. Берга. Сообщ. Д. П. Сильчевскій . . . . . . 197—198
III. Памятникъ въ Зарайскѣ убіеннымъ воинамъ, въ 1608 г. Замѣтка. Сообщ. Е. К. . . . . 751—753

Исторія русской литературы.

I. Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, 1782—1814 гг.
1. Его стихотворенія, сатиры, басни, эпиграммы и эпитафіи. Сообщ. по подлинной рукописи, принадлежащей библіотекѣ Харьковскаго университета, Г. С. Чириковъ. . . 709—736
2. Очеркъ его литературной дѣятельности и неизданныя его сочиненія. Сообщ. Г. С. Чириковъ. . . . . 951—974
II. Петръ Николаевичъ Семеновъ:
Стихотвореніе «Ротный Командиръ», шуточная ода, пародія на оду «Богъ» Державина, 1808 г. Сообщ. изъ бумагъ Муромцева Дм. А. Сѣверцовъ . . . . 181—184, 1056

III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:

1. Взглядъ на русскую исторію XVIII-го вѣка. Записка А. С. Пушкина 8-го августа 1822 г. Сообщ. копію съ подлинной рукописи автора, принадлежащей П. Я. Дашкову, П. А. Ефремовъ . . . . 1043—1047

2. А. С. Пушкинъ и Павелъ Воинов. Нащокинъ. Очерки и воспоминанія. Сообщ. Н. И. Куликовъ. . . . 989—998

3. Замѣтка А. С. Пушкина въ альбомъ чревовѣщателя А. Ваттемара, 1834 г. Сообщ. Н. К. Богушевскій . . 220

4. Отношенія М. Д. Деларю къ А. С. Пушкину. Замѣтка. Сообщ. Ѳ. М. Деларю . . . . 217—219

5. Дополненіе къ замѣткѣ Ѳ. М. Деларю. Сообщ. Пав. Миллеръ. . . . . 424—425

6. М. Д. Деларю и А. С. Пушкинъ, Замѣтка. Сообщ. Ѳ. М. Деларю. . . . . 217—219

7. Замѣтка на статью Ѳ. М. Деларю—«Михаилъ Даниловичъ Деларю». Сообщ. А. П. Петровъ. . . . 423—424

8. Замѣтка о немъ-же. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ. . 426

IV. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій):

1. Пребываніе его въ Пятигорскѣ въ 1835 г. Біографическая замѣтка. Сообщ. Ад. П. Берже . . . . 417—422

2. Замѣтка къ статьѣ объ А. А. Бестужевѣ: книгопродавецъ Ротганъ. Сообщ. проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. 764

V. Николай Васильевичъ Гоголь:

1. О дозволеніи Н. В. Гоголю отправиться къ Святымъ мѣстамъ 1847 г., документъ. Сообщ. И. М. 196

2. Записка ген.-лейт. Л. В. Дубельта, читанная въ засѣданіи Главнаго Управленія Цензуры, по поводу изданія въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя, 1855 г. (См. выше).

VI. Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій, 1792—1878 гг.

1. Стихотвореніе его, посвященное ген.-фельдм. князю А. И. Барятинскому, 1860 г. . . . . 105—106

VII. Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій.

1. Замѣтка къ статьѣ проф. Н. И. Барсова: «Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій». Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ 197

стр.

VIII. Александръ Өедоровичъ Гильфердингъ. † 20-го іюня 1872 г.
1. Два письма его къ В. И. Григоровичу 1851 и 1855 г. Сообщ. проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ . . . 431—433

IX. Александръ Викторовичъ Рачинскій:
1. Біографическая замѣтка. Сообщ. Степ. Кулеша. 433—436

X. Дмитрій Ивановичъ Писаревъ:
1. Варвара Дмитріевна Писарева, † 15-го іюля 1880 года. Біографическій очеркъ. Сообщ. Раиса Александровна Гарднеръ. . . . . 1007—1014

XI. Өедоръ Өедоровичъ Эвальдъ.
1. Годовщина дня его кончины 3-го октября 1880 г. и
2. Рѣчь въ память о немъ 6-го октября 1879 года. 765—782

XII. Дмитрій Ивановичъ Иловайскій:
1. Французское преподаваніе исторіи сравнительно съ русскимъ. Статья проф. Д. И. Иловайскаго . . 974—988

Исторія русскаго театра.

I. Русскій театръ въ царствованіе Александра I, 1801—1825 гг. Изъ журнала А. В. Каратыгина. Сообщ. П. П. Каратыгинъ . . . . 257—275

II. Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, 1773—1817 гг.
1. Очеркъ его артистической дѣятельности, письмо и стихотвореніе. Сообщ. П. Каратыгинъ . . . . . . 276—285

III. Василій Андреевичъ Каратыгинъ; 1802—1853 гг. Письма его къ П. А. Катенину. 1825 и 1837 гг. Изъ бумагъ П. А. Каратыгина. . . . . 286—290

IV. Василій Ивановичъ Рязанцевъ, 1801—1831 гг.
1. Отношенія къ нему И. И. Сосницкаго . . . . 301—302
2. Письма Васил. Ив. Рязанцева къ И. И. Сосницкому, 1825 и 1828 гг. Сообщ. И. Ө. Горбуновъ . . . 344—346

V. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ:
1. Очеркъ его артистической дѣятельности, отношенія его къ артистамъ. Сообщ. П. Каратыгинъ . . . . 335—337
2. Разсказъ изъ его жизни. Сообщ. Г. В. Лохвицкій . . 338
3. Письма его къ И. И. Сосницкому, 1830—1833 и 1846 гг. Сообщ. И. Ө. Горбуновъ . . 296—298; 346—350

VI. Варвара Николаевна Асенкова, † 1841 г. стр.

1. Очеркъ ея артистической дѣятельности. Сообщ. П. Каратыгинъ . . . . 302—308
2. Стихотвореніе Д. Т. Ленскаго, посвященное памяти Асенковой. 317
3. Письмо В. Н. Асенковой къ И. И. Сосницкому. 306—307
4. Замѣтка къ очерку ея артистической дѣятельности. Сообщ. Д. П. Сушковъ . . . . 795—796

VII. Павелъ Степановичъ Мочаловъ † 1845 г.

1. Письма его къ И. И. Сосницкому. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ . . . . 340—341

VIII. И. И. Сосницкій, В. И. Рязанцевъ, В. Н. Асенкова, П. Мочаловъ, А. Брянскій и друг. Очеркъ ихъ артистической дѣятельности, письма, замѣтки и воспоминанія. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ и П. Каратыгинъ . . 290—308

IX. Иванъ Ивановичъ Сосницкій, 1794 † 1871.

1. Письма къ нему его друзей и сослуживцевъ, 1829—1871 гг. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ . . . . . . 339—350

X. Яковъ Григорьевичъ Брянской, † 1853 г.

1. Письмо его къ И. И. Сосницкому. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ 243

XI. Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій, † 1860 г.

1. Очеркъ его артистической и литературной дѣятельности. Письма, стихотворенія, замѣтки . . . . 309—337
2. Эпиграммы, шутки, посланія. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ и Р*. . . . . 446—452

XII. Юлія Николаевна Линская, † 1871 г.

1. Письмо ея къ И. И. Сосницкому, 1871 г. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ . . . . 343—344

XIII. Петръ Андреевичъ Каратыгинъ, 1805—1879 гг.

1. Письма къ нему Д. Т. Ленскаго 1839 и 1840 гг. Сообщ. П. Каратыгинъ . . . . 329—331
2. Вечеръ у Александра Андреевича Катенина, 1853 г. Изъ воспоминаній П. А. Каратыгина. . . . . 753—857

XIV. Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ:

1. Шутки—поддѣлки: Челобитныя XVII—XVIII стол. . . 796

Исторія художествъ.

I. Академія художествъ въ годы ея возрожденія, 1859—1864 гг. Воспоминанія Художника . . . . 385—416

Портреты и рисунки.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1880 гг. Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлемань, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную виньетку).

II. Портретъ графа Павла Дмитріевича **Киселева**. Рисовалъ съ литографіи 1834 г. художникъ К. О. Брожъ. Гравировалъ во Франціи, въ Ниццѣ, Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. стр. 549).

III. Портретъ Герасима Петровича **Павскаго**, съ живописнаго портрета, писаннаго въ 1842 г. художникомъ Н. С. Волковымъ, рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ. Гравировалъ во Франціи, Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. стр. 223).

IV. Портретъ генералъ-фельдмаршала кн. Александра Ивановича **Барятинскаго** † 1879 г. Гравировалъ по фотографіи, переведенной на дерево, въ Лондонѣ, Боллинголль.
(См. стр. 1).

V. Портретъ Александра Николаевича **Сѣрова**, 1845 г. Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ художникъ г. Маттэ, ученикъ Академика Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 1033).

VI. **Рисунки**: два памятника Джону **Говарду**. Рисовалъ и гравировалъ художникъ Даугель.
(См. стр. 379).

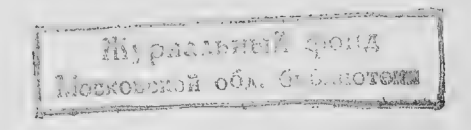
I. „Русская Старина“ въ изд. 1880 года. Обзоръ двѣнадцати книгъ. . . . . 1057—1078

II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, разсказы и проч. матеріалы въ 1870—1880 гг. . . . . 1074—1084
III. Матеріалы журнальной статистики: „Русская Старина“ въ 1880 году 1085
IV. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXIX томѣ „Русской Старины“ изд. 1880 года. стр. I—XXXVI
V. Поправки и опечатки 1056
VI. Систематическое оглавленіе XXIX-го тома „Русской Старины“ изд. 1880 года . . . . I—X

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 по 25-ое ноября 1741 г., по документамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ мин—ва юстиціи. Книга первая. Верховная власть и императорскій домъ. М., 1880. (На оберткѣ 9-й и 10-й книги «Русской Старины» 1880 г.).
2. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. XXVIII. Спб. 1880 г. (На оберткѣ 11-й книги «Русской Старины» 1880 г.).
3. Состояніе столичнаго города Москвы 1785 г. 46 стр. in fol. М. 1879 г. (Тамъ-же).
4. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы съ ея достопримѣчательностями, два выпуска (18+40). Изданный П. Ѳ. Токмаковымъ (Тамъ-же).
5. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Соч. П. Полеваго. Спб. 1880. Вып. II, 236 стр. (Тамъ-же).
6. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи. Г. В. Есипова. Спб. 1880. 444 стр. (Тамъ-же).
7. Монголо-ойратскіе законы 1640 года, дополнительные указы Галданъ-хунъ-Тайдзяя и законы, составл. для волжскихъ Калмыковъ при Калмыцкомъ ханѣ Дондукъ-Даши. Изслѣдов. К. Ѳ. Голстунскаго. Спб. 1880. 143 стр. Ц. 2 руб. (На оберткѣ 12-й книги «Русской Старины» 1880 г.)
8. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв. Соч. И. Соколова, М. 1880. 450+76 ст. Ц. 3 р.

Всѣ замѣтки въ библ. листкѣ сообщ. Профессоръ В. С. Иконниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „НАРОДНАЯ ШКОЛА“ въ 1881 году.

(тринадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“ будетъ издаваться въ 1881-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію**, куда входятъ не только законодательныя постановленія въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. прошедшія чрезъ высшую законодательную инстанцію, но также частныя правительственныя распоряженія, имѣющія обязательную силу для разныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно низшаго разряда, и высочайшіе рескрипты, касающіеся дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ и учрежденій на пользу народнаго образованія. II) **Педагогика и дидактика.** Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются дидактическія и методическія статьи по всѣмъ предметамъ обученія и воспитанія, главнымъ образомъ относящіяся къ учебному курсу народныхъ школъ и учительскихъ семинарій и институтовъ. III) **Исторія народнаго образованія.** Сюда входятъ статьи историческаго содержанія о развитіи народнаго образованія въ Россіи и другихъ государствахъ, а также біографіи лицъ, съ пользою потрудившихся на этомъ поприщѣ. IV) **Критика и библіографія**—разборъ книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ первоначальному обученію или, вообще, вопросамъ воспитанія какъ съ теоретической, такъ и практической стороны. V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ, вполнѣ соотвѣтствующій „современному обозрѣнію“ въ другихъ журналахъ, заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематичическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Въ этотъ же отдѣлъ входитъ, по временамъ, (смотря по накопленію матеріаловъ) очеркъ современнаго положенія народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою „разныхъ извѣстій“, нѣкоторые любопытные факты изъ общественной жизни, представляющіе интересъ для народнаго учителя. Иногда эти факты, по мѣрѣ ихъ важности, (какъ, напр., появленіе дифтерита и вредныхъ насѣкомыхъ въ разныхъ губерніяхъ) группируются въ подробныя обозрѣнія извѣстныхъ сторонъ въ нашей внутренней жизни. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и в) вообще всякія статьи научнаго и литературнаго содержанія, которыя могутъ содѣйствовать развитію народнаго учителя.

Эта обширная и разнообразная программа добросовѣстно исполнялась редакціей „НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ въ теченіе двѣнадцатилѣтняго существованія журнала, и такое же точно исполненіе можемъ мы обѣщать нашимъ читателямъ на будущее время. Измѣнившіяся къ лучшему условія нашей печати дадутъ намъ возможность высказываться полнѣе и шире по всѣмъ вызывающимся вопросамъ народнаго образованія.

Въ текущемъ году, кромѣ редакторовъ-издателей журнала, въ „НАРОДНОЙ ШКОЛѢ“ принимали участіе своими трудами: *В. Александровъ*, *В. И.*

